ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО СТРАНОЙ И ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СССР В ГОДЫ ВОЙНЫ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 5

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Авторский коллектив одиннадцатого тома:
А. В. Усиков (*руководитель авторского коллектива*), Н. Ф. Азясский, С. Н. Аптрейкин, А. С. Беркутов, В. И. Бойко, А. Д. Борщов, Н. И. Бородин, Г. А. Бурутин, Н. М. Васильев, В. И. Винокуров, И. С. Даниленко, А. А. Зданович, В. А. Золотарев, С. А. Иванов, Ю. В. Ильин, А. Н. Карпов, А. А. Климов, А. С. Князьков, А. А. Кошкин, В. Б. Маковский, Р. В. Мазуркевич, Ю. А. Марценюк, М. С. Монаков, Ю. В. Рубцов, В. В. Смокарев, С. Л. Ташлыков, С. А. Тюшкевич, П. В. Улизко, Д. Н. Филипповых, В. Ю. Хахалев, Б. В. Хилько, В. С. Хохлов, В. С. Христофоров, Р. С. Чекинов, А. С. Ченцов, А. А. Черепахин, В. Н. Яковлев

При участии:
В. П. Абрамова, Б. В. Айрапетяна, В. А. Афанасьева, А. Ю. Безугольного, О. А. Белькова, С. В. Бунина, Н. Н. Виноградовой, М. А. Гареева, Е. Я. Дворянова, В. П. Зимонина, В. В. Золотова, Г. М. Ипполитова, А. В. Кобзева, С. Я. Лавренова, А. В. Лебедева, С. А. Липатова, А. Б. Лошкова, И. П. Макара, Е. С. Минеевой, М. Э. Морозова, А. В. Нефедьева, Р. Г. Носова, А. А. Падерина, С. Н. Полторака, М. С. Полянского, О. В. Саксонова, А. Г. Свисюка, А. М. Соколова, А. В. Тимченко, А. М. Шелепова, С. М. Штутмана, В. В. Черепанова, Б. И. Чистякова

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и контрольной работе по тому оказали: О. В. Власов, В. К. Гапон, Г. П. Горбачева, М. И. Горелов, Л. Е. Донская, М. А. Елисеева, С. В. Запорожцева, Ю. В. Кожухов, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, М. М. Матвеева, Н. Г. Михальцов, А. Г. Нещасный, В. С. Параскевов, Г. М. Рагозина, М. А. Селиванов, С. А. Солдатенков, С. Б. Страшко, И. А. Федорченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 **Великая Отечественная война 1941–1945 годов.** В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. — М.: Кучково поле, 2015. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0531-5

В одиннадцатом томе на основе анализа архивных источников (документов и материалов Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, Государственного Комитета Обороны, Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии и др.) раскрыт механизм создания и функционирования системы чрезвычайных органов стратегического руководства и управления страной и Вооруженными силами СССР в годы Великой Отечественной войны, а также процесс их организационно-структурного развития и приведения в соответствие с требованиями вооруженной борьбы.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0531-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый том фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» посвящен истории разработки и реализации политики и стратегии ведения этой войны Советским Союзом, основанных на марксистско-ленинской идеологии, руководстве деятельностью всех государственных и общественных организаций коммунистической партией.

В ходе исторического развития заметно возросла зависимость ведения войны от подготовки к ней в мирное время. В данном труде показано, как эта зависимость конкретно исторически проявилась и была реализована в предвоенной политике и военной стратегии Советского Союза по отражению военной агрессии нацистской Германии и ее сателлитов с Запада и милитаристской Японии с Востока. Целенаправленные усилия советской политики позволили исключить согласование планов этой агрессии по времени и целям.

В то же время политика и военно-стратегическое планирование ведения вероятной войны могут не соответствовать геополитическим реалиям по времени, характеру и другим показателям. В свою очередь, это требует существенного изменения целей, средств и методов политического и военного руководства страной в начале и в ходе войны. Именно так произошло 22 июня 1941 г., когда нацистская Германия напала на Советский Союз. Без быстрого изменения политики и военной стратегии, разработки новой организации и технологии принятия политических и военно-стратегических решений, жесткого согласования по целям, времени, средствам и методам их реализации стране грозило неминуемое поражение.

В ликвидации этой угрозы судьбоносную роль сыграло образование ГКО и Верховного главного командования во главе с И. В. Сталиным, а также развертывание поистине всенародной войны в защиту своего Отечества. Именно такой война стала в результате активной и непрерывной идеологической, агитационно-разъяснительной и организаторской работы всех государственных и общественных институтов, массовой, групповой и личной инициативы граждан СССР, всех союзных республик, краев, областей и районов. Исследованию этих феноменов, сыгравших исключительно важную роль в Великой Отечественной войне и ее победоносном завершении, в томе отведено значительное место.

Предметами исследования одиннадцатого тома определены политика и стратегия Победы. В каждой из его глав политика и стратегия выступают одновременно как основы и как внешнее проявление самого процесса стратегического руководства страной и вооруженными силами в чрезвычайных условиях военного времени. При этом учитывалось, что в зависимости от контекста выражение «политика и стратегия» может приобретать и несколько иной смысл, а когда оно употребляется применительно к системе высших органов власти СССР, осуществлявших функции политического руководства, государственного и военного управления, его содержание необходимо трактовать значительно шире.

Являясь ключевым элементом этой системы, советское военно-политическое руководство обладало фактически неограниченными полномочиями, что в условиях развития государ-

ства и общества в напряженном мобилизационном режиме обеспечивало ему необходимую свободу в принятии стратегических решений, но одновременно предъявляло и более высокие требования к качеству их подготовки. Эти требования стали предельно жесткими, когда началась война, охватившая все пространство межгосударственного противоборства, включая те его сегменты, в которых борьба велась на уровне, уже не имевшем зримого материального выражения, где сталкивались идеи и убеждения, когда судьба страны и всего человечества зависела от позиции каждого отдельного гражданина, его личного выбора.

В повседневном и деловом общении слова «руководство» и «управление» зачастую употребляются как синонимы, из-за чего возникают проблемы методологического характера, затрудняющие четкое определение данного понятия. В томе раскрывается роль, которую играли Политбюро и Секретариат Центрального комитета ВКП(б), Центральный исполнительный комитет, Президиум Верховного Совета и Совет народных комиссаров (СНК) СССР, существовавшие при них органы власти, центральный аппарат и региональные структурные подразделения наркоматов иностранных дел (НКИД), обороны (НКО), Военно-морского флота (НК ВМФ), внутренних дел (НКВД), Государственной безопасности (НКГБ), отраслевые наркоматы, республиканские партийные и советские органы, местные партийные комитеты и органы власти при подготовке страны к отражению агрессии в 1921—1941 гг., а в ходе Великой Отечественной войны — Государственный Комитет Обороны (ГКО), Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб Красной армии. Структура, функции, персональный состав и методы работы этих органов постоянно уточнялись по мере того, как изменялись представления партийно-государственного руководства СССР относительно характера, стратегического содержания и способов ведения войны, а также общая международная обстановка, международное положение и ситуация внутри страны, состояние военной организации государства и народного хозяйства в целом.

События на фронте вооруженной борьбы и в тылу освещаются в томе лишь в той мере, в какой это необходимо для установления влияния общих закономерностей и национальной (советской) специфики на механизм принятия и реализации политических и управленческих решений в области стратегического руководства страной и вооруженными силами, выявления действительных причин и оценки результатов мероприятий по уточнению структуры и функций чрезвычайных и конституционных органов, наделенных соответствующими властными полномочиями.

Массив отечественной и зарубежной историографии Великой Отечественной войны огромен, а его проблематика настолько разнообразна, что современному исследователю трудно назвать вопросы, которые еще не освещены или показаны недостаточно полно. На первый взгляд, они уже раскрыты в трудах, посвященных руководящей роли коммунистической партии. Между тем именно в этом случае системный подход сослужил плохую службу исследователям. Определяя партию как ключевой элемент политической организации советского общества, они выводили свои суждения из того, что решения ее руководящих органов являлись практической реализацией законов общественного развития, сформулированных К. Марксом и обоснованных В. И. Лениным, и тем самым освобождали себя от погружения в сущность процессов, происходивших внутри данной системы. Это и стало ахиллесовой пятой всего советского обществоведения, которое не смогло вовремя выявить противоречия, накопление которых, в конце концов, привело к гибели государства, казавшегося несокрушимым многие десятилетия.

С учетом сказанного выше в томе больше внимания уделено так называемому политическому фронту войны. Авторы исходили из того, что именно на этом фронте противостояние двух систем перешло в прямое противоборство намного раньше, чем прозвучали первые выстрелы. Оно развернулось в момент, когда советское партийно-государственное руководство перешло к активным действиям по преодолению политической изоляции СССР, и продолжалось до конца войны. При этом цель, к которой оно стремилось, оставалась всегда неизменной — устройство такого послевоенного мира, которое исключало бы возвращение к ситуации начала 1920-х гг., когда СССР пребывал в положении государства-изгоя.

Именно эта цель лежала в основе политики, которую И. В. Сталин проводил в отношении своих партнеров по большой тройке внутри антигитлеровской коалиции. На ее достижение было направлено военное, военно-техническое и экономическое сотрудничество с союзниками. Эта же цель определяла политику СССР в отношении нацистской Германии и ее сателлитов.

У политического фронта был свой тыл, единство с которым стало главным условием победы. В данном контексте в томе рассматривается деятельность центральных органов ВКП(б) по мобилизации политического авангарда советского общества — партии и комсомола, а также вся система мер по морально-психологическому обеспечению ведения войны: формированию у граждан страны готовности сражаться с врагом до победы на фронте и с предельным напряжением сил трудиться в тылу, поддержанию у советского народа веры в победу над врагом вне зависимости от развития обстановки на фронте и переносимых им лишений, обеспечению духовной, политико-моральной консолидации общества и его единства в отношении политических целей войны.

С этой точки зрения рассматривается и информационное противоборство, которое велось одновременно по двум направлениям: борьба за умы и сердца советских людей и друзей СССР во всем мире и пропаганда, обращенная к разуму и чувствам тех, кто был на стороне противника. Именно с этих позиций в одиннадцатом томе определяется роль политических, государственных и военных деятелей, на плечи которых легло бремя ответственности за судьбы миллионов соотечественников и будущее государства. Конечно, сегодня одни их решения выглядят неоднозначными, другие представляются неверными, если не сказать ошибочными.

Суд истории, разумеется, не исключает моральной оценки поступков любого человека, каким бы высоким ни было его общественное положение при жизни. Но этот суд (если он не судилище) обязан учесть все обстоятельства и мотивы, которыми руководствовался тот или иной государственный деятель, а самое главное — конечный результат. Не вступая в заочную дискуссию с вероятными оппонентами, авторы стремились рассматривать факты, характеризующие деятельность этих исторических лиц, с позиций научной объективности, пытаясь оценивать главным образом результаты их действий, чтобы понять, приближали они победу или отдаляли ее.

Помимо анализа деятельности руководства страны и Вооруженных сил СССР в войне с объединенными силами европейского фашизма отдельная глава тома посвящена особенностям стратегического руководства в войне с Японией — от принятия политического решения о вступлении в войну и ее стратегического планирования до руководства военными действиями. При этом авторы отмечают, что в сложившейся системе органов стратегического руководства и управления серьезных изменений не произошло. Тем не менее удаленность ТВД, его специфические физико-географические условия, огромный пространственный размах потребовали от ГКО и Ставки ВГК проведения ряда мероприятий: подготовки ТВД, стратегической перегруппировки войск (сил), создания мощных группировок войск (фронтов), организации взаимодействия между разновидовыми группировками (фронтами, авиацией, войсками ПВО, флотом и флотилией). В свою очередь, это привело к созданию дополнительного звена стратегического руководства — Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. Но и эта мера не внесла существенных изменений в алгоритм руководства и управления войной.

При разработке проблем, рассматриваемых в томе, авторский коллектив опирался на документальные источники, которые хранятся в фондах российских государственных архивов, архивов Министерства обороны Российской Федерации и других ведомств. Основой исследования стали постановления и распоряжения Государственного Комитета Обороны, постановления Политбюро ЦК ВКП(б), Совета народных комиссаров СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, директивы Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии, приказы наркомов обороны и Военно-морского флота, директивы и приказы наркомов внутренних дел и государственной безопасности, директивы Главного морского штаба ВМФ, записи телеграфных переговоров.

В качестве источников в томе использованы материалы сборников документов Ставки Верховного главнокомандования (из Архива Президента Российской Федерации)[1] — директивы, приказы, распоряжения, записи переговоров членов и представителей Ставки ВГК с командованием направлений, фронтов и армий[2], документы Генерального штаба Красной армии[3], наркоматов обороны и ВМФ[4], Оперативного управления Генерального штаба КА — оперативные сводки за каждый день войны[5], органов государственной безопасности — НКВД — НКГБ[6], тетради (журналы) записи лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953)[7], стенографические отчеты о сессиях Верховного Совета СССР[8] и другие. При этом учитывалось, что управленческий процесс осуществлялся в основном путем устных распоряжений и указаний, в ходе телефонных разговоров с корреспондентами, с которыми общались первые лица партии и государства, а также руководители органов государственного и военного управления. Поэтому при разработке темы широко использовались и личные воспоминания непосредственных участников тех событий.

Исходя из цели и задач, в томе предпринята попытка показать, каким образом система политического руководства, государственного и военного управления, действовавшая в чрезвычайных условиях военного времени, обеспечивала свое существование как совокупная целостность, какую роль в функционировании этой многоуровневой системы играла персональная ответственность руководителей, какое влияние на способы принятия и реализации политических и управленческих решений оказывали специфические особенности советской политической системы.

Именно проблемам осуществления непосредственного политического и стратегического руководства страной и вооруженными силами в годы Великой Отечественной войны, формирования системы постоянного стратегического планирования, учета стратегических изменений внешней и внутренней среды, преемственности стратегических планов и программ посвящен одиннадцатый том.

Обобщение опыта политического и стратегического руководства страной и вооруженными силами в ходе Великой Отечественной войны необходимо не только с точки зрения подготовки к новым возможным военным испытаниям, но и для творческого использования вытекающих из него исторических уроков в мирной обстановке.

Одиннадцатый том «Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство страной и вооруженными силами в годы войны» подготовлен специалистами Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ, Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ, Научно-исследовательского центра Военного университета, Института российской истории РАН, некоторых других ведомств и научных учреждений Российской Федерации.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда) Военного университета, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального военно-морского архива, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива Военно-морского флота, Центрального архива Министерства внутренних дел России, Центрального архива Федеральной службы безопасности России, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов, других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2013.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941–1945 годы. Т. 16 (5-1, 2, 3, 4). М., 1996–1999.

[3] Там же. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 5 (1-4). М., 1999.

[4] Там же. Приказы народного комиссара обороны. Т. 2 (2-3). М., 1997; Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 10. М., 1996.

[5] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. В 10-ти т. М., 2008–2010; Советско-японская война — день за днем. Победный финал Второй мировой войны. М., 2011.

[6] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1–5. М., 1995–2007.

[7] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2010.

[8] Верховный Совет СССР. Первый созыв. 10-я сессия. Стенографический отчет от 28 января — 1 февраля 1944 г. М., 1944; 11-я сессия. Стенографический отчет от 24 апреля 1945 г. М., 1945.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война стала одной из самых тяжелых и напряженных в истории, жестоким испытанием моральных и физических сил советского народа. Всемирно-историческая победа, одержанная СССР в этой войне, явилась ярким и убедительным свидетельством прочности и жизнеспособности нашего государства, эффективности его политики, превосходства его стратегии.

Политические факторы Победы

Давно и верно сказано: «Война есть продолжение политики иными средствами»[1]. В этой формуле содержатся два важных положения, и первое из них заключается в определении политической сущности любой войны. Разумеется, битвы, сражения и другие военные действия, развертывающиеся на фронтах войны, составляют ее основное содержание, а главным орудием выступают вооруженные силы. Однако на планирование, организацию и руководство военными действиями, ход и исход войны оказывают влияние многочисленные условия и факторы, лежащие вне собственно военной сферы, но обусловливающие ее и, в свою очередь, изменяющиеся под ее воздействием. Вот почему в изучении военных явлений и процессов и управления ими нельзя ограничиться анализом только вооруженной борьбы и структур, специально создаваемых для ее ведения.

Пространство войны — не только фронт. Войну, тем более отечественную, ведет не одна армия, а вся страна — государство и общество, народ. Вооруженное подавление противника находит свое продолжение и дополнение в экономической, научно-технической, дипломатической, информационной, идеологической и других формах противоборства. Военные действия, не обеспеченные на этих направлениях, не могут быть успешными. Победы и поражения на фронте оказываются в непосредственной зависимости от экономического, социального, духовного состояния общества. Отсюда следует, что победа в войне достигается не только на поле боя. Согласно общему правилу, она может и должна быть на той стороне, у которой больше резервов, источников силы, значительнее мотивация на победу у народа и армии и политика которой учитывает и использует весь комплекс факторов, определяющих боеспособность вооруженных сил.

Никакая политика невозможна без специальных институтов — системы органов и учреждений, функционально предназначенных для профессионального управления жизнедеятельностью общества в целом и отдельными его сферами и структурами. Важную часть

содержания политики как раз и составляют создание и развитие институтов, призванных регулировать общественные отношения, и сама деятельность этих институтов. Сформированная в СССР в 1920–1930-е гг. система власти и государственного управления, успешно справлявшаяся с задачами мирного строительства, коллективизации сельского хозяйства, индустриализации, культурной революции[2], нуждалась в фундаментальных изменениях для эффективного управления страной и армией в условиях войны. Война потребовала ее существенной перестройки, которая осуществлялась по нескольким направлениям.

Во-первых, это касалось самой организационной структуры власти. Непростая ситуация войны требовала создания чрезвычайных, то есть не предусмотренных обычными условиями и специально предназначенных для выполнения специфических функций государственных органов. В интересах максимальной централизации руководства страной и, как указывалось в совместном постановлении Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), «в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу» 30 июня 1941 г. был создан Комитет Государственной Обороны. ГКО наделялся всей полнотой власти на территории Советского Союза, его решения и распоряжения были обязаны беспрекословно выполнять все партийные, советские, военные, общественные органы и организации, а также граждане СССР. Всего за годы войны ГКО принял около 10 тыс. нормативно-правовых актов, имевших силу законов военного времени. В реализации управленческих функций ГКО важная роль отводилась корпусу его уполномоченных. Они вводились в крупных промышленных центрах и даже на отдельных оборонных предприятиях, а их главной задачей был контроль на местах над претворением в жизнь постановлений ГКО по выпуску военной продукции.

Для военно-стратегического руководства вооруженными силами также был образован особый орган. 23 июня 1941 г. был упразднен Главный военный совет Красной армии и на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 825 создана Ставка Главного командования, 10 июля решением ГКО № 83сс преобразованная в Ставку Верховного командования, а 8 августа переименованная в Ставку Верховного главнокомандования.

В ходе войны в целях достижения максимальной эффективности управления и его адаптации к текущим условиям структура власти неоднократно видоизменялась. По мере необходимости для решения конкретных военных, хозяйственных, административных, идеологических и других задач учреждались различные органы: комитеты обороны в прифронтовых городах, Советское информационное бюро, Совет по эвакуации при СНК СССР, Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии, Наркомат танковой промышленности СССР, Транспортный комитет при ГКО, отделы рабочего снабжения предприятий, специальные управления при СНК СССР и союзных и автономных республик для руководства работой по оказанию помощи семьям фронтовиков, Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от фашистских захватчиков, Советская военная администрация в Германии и другие.

Во-вторых, изменялось содержание деятельности органов власти. На первый план вышли вопросы, связанные с организацией и обеспечением вооруженной борьбы с фашистским агрессором. Так, директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским органам прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» требовала от всех органов власти и управления подчинить интересам фронта всю свою деятельность, в частности «организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов»[3].

В-третьих, перестраивались методы государственного управления и стиль работы должностных лиц. Была усилена централизация управления, произошло заметное ужесточение административно-командных методов и авторитарного стиля руководства. Как часть общего курса на военное укрепление государства осуществлялась военизация управленческих кадров. В результате принятых мер повышалась ответственность за порученный участок работы.

Мотоциклетное подразделение немецкой армии выдвигается к границе СССР

Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп сообщает о начале войны с Советским Союзом

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам.

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР об'являет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 22 июня 1941 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

Об об'явлении в отдельных местностях СССР военного положения.

На основании статьи 49 п. «п» Конституции СССР об'явить военное положение в Архангельской области, Белорусской ССР, Вологодской области, Воронежской области, Ивановской области, Карело-Финской ССР, Калининской области, Краснодарском крае, Крымской АССР, Курской области, Литовской ССР, Латвийской ССР, гор. Ленинграде и Ленинградской области, Молдавской ССР, Мурманской области, гор. Москве и Московской области, Орловской области, Ростовской области, Рязанской области, Смоленской области, Тульской области, Украинской ССР, Эстонской ССР и Ярославской области.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 22 июня 1941 г.

СВОДКА

Главного командования Красной Армии

за 22.VI — 1941 года.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки **Кальвария, Стоянув** и **Цехановец**, первые два в 15 км. и последнее в 10 км. от границы.

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника.

СВОДКА

Главного командования Красной Армии

за 23.VI — 1941 г.

В течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на Шаулийском, Каунасском, Гродненско-Волковыском, Кобринском, Владимир-Волынском, Рава-Русском и Бродском направлениях, но успеха не имел.

Все атаки противника на Владимир-Волынском и Бродском направлениях были отбиты с большими для него потерями. На Шаулийском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра на нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу, при этом на Шаулийском направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника.

На Белостокском и Брестском направлениях после ожесточенных боев противнику удалось потеснить наши части прикрытия и занять **Кольно, Ломжу** и **Брест.**

Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные об'екты от воздушных атак противника и содействуя контратакам наземных войск. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии в течение дня на нашей территории сбит 51 самолет противника и один самолет нашими истребителями посажен на аэродром в районе **Минска.**

За 22 и 23 июня нами взято в плен около пяти тысяч германских солдат и офицеров.

По уточненным данным за 22.VI всего было сбито 76 самолетов противника, а не 65, как это указывалось в сводке Главного Командования Красной Армии за 22.VI.41 г.

Указы Президиума Верховного Совета СССР и сводка Главного командования Красной армии от 22–23 июня 1941 г.

В политической системе советского общества особое место занимала коммунистическая партия, представлявшая, как говорилось в статье 126 Конституции СССР 1936 г., «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»[4]. Ее руководящая роль выражалась уже в том, что состав ГКО формировался из членов Политбюро ЦК партии, а его уполномоченными на местах, как правило, являлись секретари партийных комитетов различных уровней. У ГКО не было собственного аппарата, его делопроизводство велось Особым сектором ЦК ВКП(б). Свои решения ГКО нередко представлял как постановление ЦК ВКП(б) или СНК СССР и ЦК ВКП(б), а руководство страной осуществлялось в том числе через аппарат ЦК ВКП(б), при этом некоторые вопросы ГКО решал напрямую через местные партийные и советские органы.

Решающее воздействие на функционирование государственных, военных и общественных организаций партия оказывала идеологической и организаторской работой. Влияние на армию и флот она осуществляла через Главное политическое управление Красной армии и ВМФ, политорганы и парторганизации. В организации военно-хозяйственной деятельности хорошо зарекомендовал себя институт парторгов Центрального комитета партии. Значительный вклад в мобилизацию советских людей на разгром врага, на обеспечение фронта всем необходимым внесли местные партийные комитеты, первичные партийные организации. Ведущая роль партии была понята, принята и поддержана народом. Об этом говорят факты: во время войны кандидатами в члены партии стали 5,3 млн человек, членами ВКП(б) — 3,6 млн. При этом большая часть вступивших в партию была связана с вооруженными силами — 4 млн и 2,6 млн человек соответственно[5].

Таким образом, с началом войны, в первые ее дни и месяцы были заложены, а в последующем уточнены и развиты основы нового механизма руководства государством, обществом и вооруженными силами, что стало важнейшим источником будущей победы. Одолеть сильного и жестокого врага во многом удалось благодаря тому, что в стране были созданы отвечающая условиям военного времени система государственного управления и эффективно работающий государственный аппарат. Объектом его политики являлись все сферы общественной жизни: экономика и администрация, культура и наука, правопорядок и рабочий режим, системы образования и здравоохранения — всё организовывалось и перестраивалось на военный лад. Победоносный исход Великой Отечественной войны был обусловлен тем, что государство мобилизовало все ресурсы, материальные возможности страны и духовные силы народа.

Не все в политике военного времени было безупречным: имели место ошибочные решения и действия[6], использовались методы, ныне осуждаемые общественным мнением, предлагались меры, которые по не зависящим от власти причинам не удалось полностью претворить в жизнь. Однако в общем и целом политические усилия, предпринимаемые властью, создали прочные основы и необходимые условия для разгрома врага. Таким образом, сама политика государства стала важнейшим фактором победы СССР в Великой Отечественной войне.

Как известно, политика предполагает выявление и формулирование смыслов сложных и комплексных явлений и процессов, происходящих в обществе. Сразу после нападения Германии властью была осознана необходимость точно и ясно определить характер и политические цели навязанной Советскому Союзу войны. Уже в выступлениях В. М. Молотова 22 июня 1941 г. и И. В. Сталина 3 июля 1941 г. война была названа всенародной, отечественной, освободительной, великой и констатировалось: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Но требовалось не только определить и обозначить смысл начавшейся войны, а добиться того, чтобы, говоря словами И. В. Сталина, «советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад»[7]. По существу, речь шла о формировании коллективной воли к борьбе и победе.

На решение этой задачи было ориентировано политическое и пропагандистское обеспечение войны. Руководствующаяся марксистско-ленинской идеологией правившая в стране коммунистическая партия, государственная власть в целом исходили из того, что «осознание

массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу»[8], и с первого дня на протяжении всей войны уделяли пристальное внимание массово-политической работе. Ее содержание и направленность определялись в директивных документах партии и правительства, постановлениях ГКО, речах и приказах И. В. Сталина. Широкая, охватывавшая все слои населения Советского Союза идеологическая работа была направлена на разъяснение и пропаганду социалистических идеалов и ценностей, разоблачение расистской, человеконенавистнической идеологии фашистской Германии и опасности, которую она представляла для советских народов, формирование ненависти к фашистским захватчикам, обоснование необходимости решительного отпора врагу, раскрывала перспективы полной победы над ним.

Борьба двух противоположных идеологий составляла одну из важнейших особенностей Великой Отечественной войны. В результате социалистическая идеология одержала полную победу над идеологией фашизма. Советское государство и коммунистическая партия сумели найти и умело применить эффективные формы и методы воспитания у советских людей высоких чувств патриотизма, глубокого уважения к историческому прошлому своего народа, готовности к самоотверженной защите Отечества, интернационализма.

Введение в Красной армии и Военно-морском флоте института военных комиссаров, учреждение в подразделениях должностей политических руководителей (политруков) и политбойцов стало важным шагом в организации политической работы в вооруженных силах, усилении партийно-политического влияния на военнослужащих действующей армии. Это была чрезвычайная форма военного строительства, вызванная тяжелыми условиями начального периода войны. Когда ситуация изменилась, в октябре 1942 г. институт военных комиссаров был упразднен. Однако это не означало свертывания политической работы в войсках, поскольку ее организация и ведение были возложены на заместителей командиров по политической части.

Целенаправленная политико-массовая работа проводилась и среди гражданского населения: на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и по месту жительства. В нее активно включились печать, радио, литература и искусство, и их объединенные усилия дали свой результат. Смысл Великой Отечественной войны, как он был понят и сформулирован государственной властью, оказался осознанным и принятым обществом. Родившийся в народе лозунг-требование «Всё для фронта! Всё для победы!» стал нравственным императивом и жизненной позицией, нормой, определявшей деятельность государственных органов, общественных организаций, предприятий, должностных лиц и граждан. Свое практическое воплощение он нашел в готовности и стремлении миллионов людей к непрерывному служению надличностным ценностям и целям. Это служение определяло стиль жизни и линию поведения абсолютного большинства советских людей. Оно вобрало в себя доблесть и мужество воинов, отвагу партизан и подпольщиков, трудовой героизм рабочих и крестьян, творческое напряжение ученых и конструкторов.

Политика духовной мобилизации народа на отпор врагу дополнялась организационными мерами по утверждению правил поведения граждан и должностных лиц, организаций и учреждений в условиях войны. Значительное увеличение военного производства обеспечивалось за счет изменения трудового режима и ужесточения трудовой дисциплины. Был принят ряд законов, направленных на усиление уголовной ответственности граждан, увеличен рабочий день, отменялись очередные и дополнительные отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью до трех часов в сутки. В оборонной промышленности рабочие и служащие закреплялись за предприятиями, самовольный уход с них рассматривался как дезертирство. Железнодорожный, морской и речной транспорт с 1943 г. находились на военном положении.

Жесткие меры, направленные на трудовую и военную мобилизацию населения, достигли результатов прежде всего потому, что советские люди понимали их необходимость, сознавали, что от их трудовых усилий зависит судьба страны. Самые напряженные плановые задания выполнялись и перевыполнялись благодаря самоотверженному, героическому труду

Медсестра госпиталя Брестской крепости П. Л. Ткачёва с женами и детьми командиров Красной армии в окружении немецких солдат

Рабочие завода «Серп и Молот» (Москва) слушают заявление Советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на СССР

Митинг трудящихся Тамбова в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз

Ополченцы — колхозники сельскохозяйственной артели «Красный маяк» Городецкого района Горьковской области на занятиях по военной подготовке

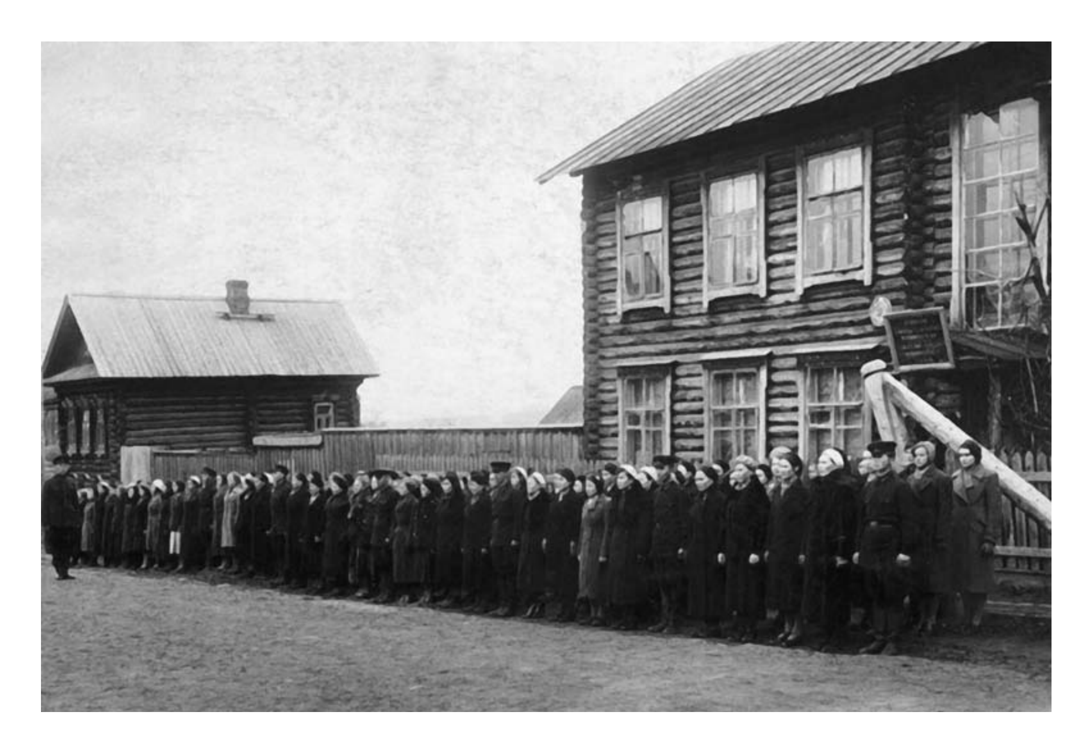
Народные ополченцы Кировского завода в Ленинграде получают оружие

Молодые рабочие Подмосковья, мобилизованные в ряды Красной армии, перед отправкой в расположение части

Бойцы-ленинградцы прощаются с родными на вокзале

Выпускницы курсов медицинских сестер в Ижевске перед отправкой в действующую армию

Молодежь Мурманска на строительстве оборонительных сооружений

Сборка истребителей на авиазаводе

М. А. Игнатов, колхозник Борского района Куйбышевской области,
вносит сто тысяч рублей из своих сбережений на строительство самолетов

Фасовка пищевых концентратов для фронта на одном из предприятий Наркомпищепрома СССР

Металлург ленинградского завода Л. Рудин, раненный осколком разорвавшегося в цехе снаряда, руководит плавкой металла

миллионов людей. На заводах получило широкий размах движение двухсотников, развертывавшееся под лозунгом: «Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт!» Всесоюзное социалистическое соревнование, движение многостаночников, совмещение нескольких профессий, соревнования комсомольско-молодежных бригад, женских тракторных бригад были рождены в ходе войны во всех союзных республиках творческой инициативой советских людей.

Выражением инициативного и ответственного отношения людей к защите Отечества, зримым свидетельством того, что страна и народ сплотились во имя разгрома агрессора, стали различные формы массового движения трудящихся советского тыла в поддержку Красной армии и ВМФ. Массовый характер приобрело донорство — добровольная сдача крови для раненых: за годы войны 5,5 млн доноров сдали для спасения раненых около 1,7 млн литров крови. Огромную помощь Красной армии трудящиеся оказывали денежными и материальными средствами, за счет которых были созданы Фонд обороны, Фонд Главного командования Красной армии, Фонд здоровья защитников Родины и другие.

Ратный и трудовой героизм советских людей, предопределивший победу над фашистской Германией, был высоко оценен государством. За подвиги на фронтах Великой Отечественной войны свыше 11 тыс. человек были удостоены звания Героя Советского Союза, орденами и медалями награждены более 7 млн человек. Кроме того, 16,1 млн человек были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Однако нельзя закрывать глаза на то, что не «все как один» встали на защиту своей Отчизны. Были и дезертиры, и предатели, и коллаборационисты. По немецким данным,

в той или иной степени с оккупантами сотрудничали около миллиона человек[9]. В их числе власовцы из так называемой Русской освободительной армии, украинские бандеровцы, легионеры прибалтийских, кавказских, туркестанских и других формирований, каратели из специальных подразделений, созданных фашистами. Но не они определили ход и исход войны. Победа стала возможной благодаря невиданной самоотверженности, массовому героизму советских людей, совершивших великий подвиг, изумивший и восхитивший мир.

Таким образом, политическая, идеологическая и организационная работа государства и партии своим результатом имела высокий политико-моральный потенциал народа и армии. Благодаря ей было создано морально-политическое и психологическое превосходство над противником. И это стало одним из решающих факторов победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Важным элементом политики ведения войны стал процесс создания, распределения и перераспределения общественных ресурсов. И в этом отношении политика Советского государства имела исключительное значение для победы. В короткие сроки удалось перестроить народное хозяйство на военный лад, что позволило мобилизовать силы и средства страны на полный разгром противника.

С началом войны осуществлялся перевод всех отраслей экономики на производство материальных средств для всестороннего обеспечения вооруженных сил, функционирования государства и жизнедеятельности населения в условиях военного времени. Уже 30 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 г. В нем задания по производству военной продукции увеличивались по сравнению с планом, принятым до войны, на 26%. Огромный военно-экономический эффект дала эвакуация основных производительных сил из районов, которым грозила оккупация. В течение июля — декабря 1941 г. в восточные районы было перебазировано 2593 промышленных предприятия, прежде всего оборонной сферы. В тыловых районах было построено 3,5 тыс. крупных промышленных предприятий[10]. Урал, Поволжье, Сибирь превратились в военный арсенал страны, который помог армии отразить сильнейший натиск врага.

В годы войны на военные нужды работали примерно две трети всех промышленных рабочих и четверть занятых в сельском хозяйстве[11]. При этом военная промышленность развивалась весьма высокими темпами, так, к концу второго года войны производительность труда в этой отрасли возросла более чем на 40%. Наличные материальные ресурсы страны использовались с высокой рациональностью. В расчете на одну тысячу тонн выплавленной стали на оборонных заводах страны производилось в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на одну тысячу выпущенных металлорежущих станков — в 8 раз больше самолетов, чем в германской военной индустрии[12].

В интересах возможно более полного удовлетворения нужд фронта была существенно изменена структура государственных расходов, резко возросла их военная часть. По сумме 1941—1945 гг. военные расходы достигли 582 млрд рублей, или 50,8% госбюджета. Военные затраты покрывались частично за счет эмиссии, которая в 1943 г. возросла в 2,4 раза. Серьезным источником финансовых средств стали налоги с населения, которые возросли с 9,4 млрд рублей в 1940 г. до 39,8 млрд в 1945 г. С 1 января 1942 г. был введен военный налог. Сборы с него за годы войны составили более 72,1 млрд рублей[13]. Большое значение имела также подписка на военные займы, которые обеспечили около 15% военных расходов. В общей сложности платежи населения составляли почти половину всех прямых военных расходов, в том числе примерно пятую часть — добровольные взносы.

Перераспределение финансовых и материальных ресурсов страны в интересах экономического обеспечения нужд обороны означало существенное сокращение средств, направляемых на личное потребление. Значительная часть населения (кроме сельских жителей, непосредственно занятых в аграрном производстве) была переведена на нормированное снабжение продовольственными и непродовольственными товарами на основе карточной системы. Первоначально установленные жесткие нормы снабжения были недостаточными

для нормального питания, люди недоедали, но жизненно необходимый минимум продуктов карточная система обеспечивала.

В целом, несмотря на большие материальные и людские потери, понесенные Советским Союзом в 1941–1942 гг., которые резко осложнили его экономическое положение, к концу 1942 г. было создано слаженное и быстро развивающееся военное хозяйство. Это позволило СССР ликвидировать преимущество противника в производстве основных видов боевой техники и, начиная со второго года войны, выпускать ее больше, чем Германия и оккупированные ею страны.

Важной частью политики государства, способствовавшей победе Советского Союза в войне с Германией, явилось успешное превращение страны в единый военный лагерь. В социальном плане это нашло свое выражение в утверждении духовного и политического единства общества, сплоченного в своем стремлении отстоять свободу и независимость Родины и уважающего индивидуальные традиции, убеждения, мировоззрение.

Советское государство не отказалось от классового понимания и объяснения социальной действительности. Знание и понимание того, что социалистическое государство ведет борьбу с Германией и ее союзниками, исповедующими теорию и практику фашизма, воспринимавшегося как «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных империалистов»[14], было всеобщим. Классовая составляющая действительно никуда не делась, но она получила мощное дополнение — точнее, была скорректирована и переформулирована в русле советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Применительно к интернационализму официальная позиция была, например, обозначена в приказе народного комиссара обороны И. В. Сталина № 55 от 23 февраля 1942 г.: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»[15].

Что же касается советского патриотизма, то он вобрал в себя множество идей, включая национальные и религиозные мотивы. В Великой Отечественной войне столкнулись не просто враждебные армии. Люди разных национальностей и вероисповеданий, разного общественного положения и социальных ориентаций сплотились, говоря словами русского писателя В. Г. Распутина, «в единую плоть и единый дух, в цельную неодолимую преграду»[16]. Мощная сила их отпора имела своим источником и социальные изменения, достигнутые за годы советской власти, и тысячелетнюю российскую историю. Убежденные коммунисты и их идейные противники, атеисты и верующие, адепты советской власти и ее изгои, люди самых различных национальностей бок о бок стояли против фашистов.

Г. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» приводит слова старого царского генерала, с которым ему пришлось беседовать в 1941 г.: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова начали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны будем начать всё с начала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины»[17]. Примерно в это же время нечто подобное констатировали и наши союзники. Посол Великобритании в СССР С. Криппс писал в своем дневнике: «Теперь, после столь славной победы под Москвой, никто не может утверждать, что советский режим является прогнившим или подрывающим жизненно важные основы Советской страны. Нет! Если бы не этот режим и все то, что сделано в этой стране за последние 20 лет, Гитлер, безусловно, сумел бы завоевать всю Европу, и наши шансы на победу равнялись бы нулю»[18].

Гитлеровское военно-политическое руководство рассчитывало на политическую и экономическую слабость СССР, иллюзорную предопределенность социального и национального раскола советского общества. Однако эти надежды не оправдались. Напротив, война сплотила народ, утвердила невиданное дотоле единство разных поколений и социальных групп. И важно понимать, что это единство — не изначальная данность, а результат государственной политики.

Во время войны советская власть изменила свои отношение и политику к целым социальным группам и слоям. Слова, сказанные И. В. Сталиным: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[19], знаменовали более глубокий и бережный, чем прежде, подход к историческому прошлому России. Введение новых воинских званий и погон, восстановление категории «офицер», учреждение орденов и медалей, носящих имя дореволюционных полководцев и флотоводцев, возвращали в армию дух и лучшие традиции русского воинства.

В этой связи Президент Российской Федерации В. В. Путин справедливо отметил, что в годы Великой Отечественной войны большую роль в духовном подъеме нашего народа сыграли великие ценности русской армии, героический опыт поколения Первой мировой войны[20]. Вот один из многих показательных фактов: казачьи кавалерийские дивизии и корпуса в боях и сражениях многократно доказали, что казачество, так сильно пострадавшее в первые годы советской власти, являлось активным защитником государства. Встреча И. В. Сталина с иерархами Русской православной церкви также стала естественным проявлением единства советского общества, взаимным признанием государства и Церкви, еще одним знаковым символом всенародного характера борьбы с фашистской угрозой.

Особую роль в превращении страны в единый военный лагерь сыграли дружба и сплоченность народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик. В годы войны особенно активно проводилась политическая линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной армии призывались граждане практически всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. Укрепление братского содружества народов СССР стало одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды.

В то же время национальная политика Советского государства содержала в себе и негативную сторону. Ее крайними проявлениями явились депортации ряда народов с территорий их исконного проживания на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в Казахстан и республики Средней Азии, что официально мотивировалось массовым сотрудничеством с оккупационными властями[21].

Тем не менее дружба советских народов выдержала все тяжелые испытания. Великая Отечественная война показала, что общественный строй, утвердившийся в СССР, являлся в то время не только эффективной формой развития наций, но и надежной основой сотрудничества народов многонационального государства в их совместной защите общего Отечества. «На борьбу с нацистами, — отметил В. В. Путин, — встал тогда весь народ. И такого единства, такого святого братства, такой мощной веры в Победу еще не знала история. Именно этот общенародный подвиг решил исход всей Второй мировой. Принес освобождение не только нашей стране, но и миру»[22].

Еще одним важным направлением политики победы стала внешнеполитическая деятельность Советского Союза. Образование и укрепление антигитлеровской коалиции, предотвращение вступления в войну на стороне Германии Турции и Японии, участие в разработке принципов и норм послевоенного устройства мира, создании Организации Объединенных Наций — эти и другие важнейшие задачи были успешно решены советской дипломатией. Эффективная внешняя политика СССР оказала заметное влияние на ход военных действий, способствовала переходу бывших союзников Германии на сторону антигитлеровской коалиции.

Великая Отечественная война явилась серьезным и беспристрастным экзаменом для всей советской государственности. Победа в ней стала возможной благодаря тому, что политика Советского Союза смогла пробудить, объединить, сплотить, организовать и направить на разгром врага все материальные и духовные силы страны. Таким образом, механизм советского государственного управления в чрезвычайных условиях войны, продемонстрировав свои преимущества, стал одним из главных источников нашей победы. Несмотря на имевшие место ошибки и просчеты, особенно в первом периоде войны, власть сумела организовать народ и привести его к победе.

Командир 3-й гвардейской мотострелковой дивизии генерал-майор А. И. Акимов проводит занятия с командирами частей

Комиссар минометного батальона старший лейтенант Т. В. Кадушкин объясняет бойцам действие нового миномета

Капитан Ф. Г. Григоренко объясняет военнослужащим устройство танка Mk.III «Валентайн»

Капитан С. Д. Яковлев, сержант В. С. Дьяченко, красноармеец А. П. Жук
на тактических занятиях парашютно-десантной части

Стратегические предпосылки Победы

Второе положение, заложенное в классической формуле К. фон Клаузевица, было развито им так: «Ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам»[23]. Этим законам подчиняются организационные, технические, оперативные и иные нормы, правила, способы ведения военных действий. В своей совокупности они составляют стратегию — теорию и практику подготовки страны и вооруженных сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом.

О мобилизации всех сил и средств страны для достижения победы говорилось выше. Что же касается собственно боевых действий, организации и проведения войсковых операций, способа ведения войны[24], то победа в Великой Отечественной войне убедительно доказала полное превосходство советской стратегии над стратегией фашистской Германии и обеспечила ее разгром. Особенности советской военной стратегии, ее высокую действенность и победный характер обусловили несколько разноплановых обстоятельств.

Во-первых, это менталитет народа, его военный опыт. Наш народ — народ-государственник. В массе своей он почти на генетическом уровне понимает, что сильное и свободное национальное государство выступает пусть недостаточным, но необходимым условием не только общественного, но и индивидуального благополучия. Для большинства людей государство является высшей, почти сакрализованной надличностной ценностью. По мнению, например, Н. А. Бердяева, «интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории»[25]. А К. Н. Леонтьев считал, что «государство у нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи»[26].

Следует учитывать и то, что история Российского государства в значительной своей части — история военная. Великорусская народность в период своего активного формирования в XIII–XV вв. вынесла около 160 внешних войн. В XVI–XVIII вв. Россия воевала без малого 150 лет. В целом для нашей страны в эти столетия состояние мира было скорее исключением, а война — жестоким правилом. Причем вопрос о самом физическом существовании Российского государства и составляющих его народов зачастую стоял весьма остро. Таким образом, весь ход истории России способствовал тому, что понимание необходимости защиты Отечества и готовность к ней стало важной частью менталитета и образа жизни русского народа.

В пору суровых военных испытаний народ и его армия всегда демонстрировали преданность своей стране, ненависть к ее врагам и несокрушимую волю к победе, самоотверженность и жертвенность во имя государства. «Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, — писал Л. Н. Толстой, — то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений»[27]. Русский народ еще на заре своей истории создал идеальный образ богатыря, отображенный в былинном эпосе: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович — это синтез беззаветной любви к Родине, воли, мудрости, силы, беспощадности к врагам и сердечного отношения к «другам своим». Эти особенности народного менталитета определяют качества российского солдата на протяжении всей тысячелетней истории нашего Отечества. В полной мере это относится и к воинам Красной армии, чьи нравственные черты — мужество, стойкость, самоотверженность — позволяли им добиваться успешного решения самых сложных и трудных задач.

Второе обстоятельство — стратегическая культура, иначе говоря, совокупность идей, эмоциональных реакций и принятых образцов поведения военного и политического руководства в обеспечении военной безопасности страны. Стратегическая культура в специфической форме преломляет и аккумулирует физическую и экономическую географию страны, ее геополитическое положение, историю народа и его политическую самоидентификацию.

Для каждого государства характерна вполне конкретная специфика в выборе перспективных вариантов стратегических решений и стратегических действий, преобладании конкретных военно-стратегических взглядов и теорий.

Суть российской стратегической культуры выражают широко известные афоризмы: «У России есть только два верных союзника — ее армия и флот» (Александр III), «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет» (Александр Невский), «Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны» (В. И. Ленин), «Мы русские. Какой восторг!» (А. Суворов), «Рать крепка воеводою» (русская пословица) и другие. Ей свойственны: миролюбие, стремление решить спорный вопрос без открытого вооруженного столкновения; понимание защиты Отечества как важнейшей функции государства и дела всего народа как высшей цели существования армии; организация обороны страны, прежде всего с опорой на собственные силы; в условиях войны перестройка всей жизни страны на военный лад; централизация руководства и управления; ориентация на возможность и необходимость ведения широкомасштабных боевых действий как на своей территории (при отражении агрессии), так и за ее пределами (полный разгром противника на его территории); активный, наступательный характер боевых действий. Выстраиваемая на этих установках и реализующая их стратегия должна была привести и привела страну к победе.

В-третьих, особенности советской военной стратегии были обусловлены единством политического и военного руководства вооруженной борьбой. Организационно это единство базировалось на том, что Государственный Комитет Обороны как высший орган государственной власти и управления СССР во время Великой Отечественной войны осуществлял руководство вооруженной борьбой через Ставку Верховного главнокомандования, главным рабочим звеном которой был Генштаб РККА, тесно взаимодействовавший с управлениями Наркомата обороны и Главного морского штаба. В персональном плане это единство обеспечивалось тем, что во главе как ГКО, так и Ставки ВГК стоял И. В. Сталин, а в состав Ставки наряду с крупными военачальниками входил заместитель председателя ГКО В. М. Молотов, фактически являвшийся вторым человеком в государстве. Решения на проведение стратегических операций принимались после обсуждения в Ставке с участием членов Политбюро, командующих фронтами и других военачальников.

По существу, ГКО и Ставка выступали как своего рода интегральный полководец, под верховным управлением которого находились фронт и тыл, армия и общество и деятельность которого обеспечивала согласованное взаимодействие политики и стратегии. На практике было достигнуто единство государственного и военного руководства, что позволяло в большинстве случаев вырабатывать наиболее целесообразные решения и оперативно проводить их в жизнь. Это единство стало необходимым условием и важным фактором достижения победы в войне.

Надо признать, что были и такие ситуации, когда политические соображения обусловливали ошибочные в стратегическом отношении решения: например, при обороне Киева в июле — сентябре 1941 г., что привело к одному из самых тяжелых поражений Красной армии в ходе войны.

В-четвертых, облик советской военной стратегии в значительной мере определяли военно-экономические возможности государства, обеспечившие постоянный рост технической оснащенности вооруженных сил. За годы войны советская промышленность произвела оружия и военной техники примерно вдвое больше и зачастую лучшего качества, чем фашистская Германия. С 1 июля 1941 по 1 сентября 1945 г. было выпущено 112,1 тыс. самолетов, 102,8 тыс. танков и САУ, 482,2 тыс. орудий и минометов[28].

Совершенствование средств вооруженной борьбы увеличивало маневренность войск, дальнобойность огневых средств и мощь огня, обеспечивало господство в воздухе, повышало возможности управления войсками. На этой основе развивалось военное искусство. Были найдены и успешно применены такие принципиально новые формы стратегических действий вооруженных сил, как «артиллерийское наступление», «авиационное наступление».

Торпедисты гвардии старшего лейтенанта Фельдмана в противогазах на учениях

Известный снайпер гвардии лейтенант В. И. Голосов со своим учеником А. Тертеряном

В-пятых, важным обстоятельством, непосредственно влиявшим на советскую военную стратегию, являлся полководческий талант военачальников Красной армии. Во все времена ход и исход отдельных сражений, а порой и войны в целом, в значительной мере зависит от личных качеств стратегов: их ума, воли, характера, опыта, гражданственности. Великая Отечественная война убедительно подтвердила это правило.

Сила и гений нашего народа проявляется и в том, что он всегда, когда того требуют обстоятельства, выдвигает из своей среды отвечающих вызовам времени военных лидеров. За годы войны в Вооруженных силах Советского Союза выросла блестящая плеяда полководцев и флотоводцев, которые успешно осуществляли руководство стратегическими операциями. В их числе кавалеры ордена «Победа»: А. М. Василевский, Г. К. Жуков (оба удостоены этой награды дважды), А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин. Дважды орденом «Победа» был награжден И. В. Сталин.

Операции, проведенные нашими прославленными полководцами, изучаются во всех военных академиях мира. «Как солдат, наблюдавший кампании Красной армии, — говорил генерал Д. Эйзенхауэр, — я проникся глубочайшим восхищением к мастерству ее руководителей»[29]. Масштаб и значение советских полководцев вынуждены были признавать и их враги. 16 марта 1945 г. Й. Геббельс записал в своем дневнике: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В своем большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод о том, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоев, чем наши собственные»[30].

На таких основах формировалась и развивалась военная стратегия Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Именно они предопределили ее решающее превосходство над стратегией фашистской Германии, что стало одним из необходимых условий победы.

При всей важности правильной стратегии ведения войны военные действия далеко не всегда разворачиваются в соответствии с планами. Война — это стихия неопределенности. В ней события зависят от замыслов, воли и конкретных действий всех противоборствующих сторон, а предугадать планы противника и нейтрализовать его активность не всегда удается. Хорошо известно и то, что действия агрессора могут кардинально изменить планы обороняющейся стороны и принудить ее к действиям, к которым она не готова. Кроме того, неадекватность информации о силах противника в целом или на отдельных стратегических направлениях может стать причиной неверных решений при выборе способов военных действий. Наконец, следует считаться и с тем, что в динамично изменяющейся обстановке военно-политическое руководство действует в условиях постоянного стресса, а зачастую и острого дефицита времени.

Уже в силу этих причин в ходе любой войны неизбежны неудачи и поражения, в том числе и происшедшие в результате ошибочных решений. Великая Отечественная война не стала исключением из этого правила. Так, господствовавшая в предвоенный период военно-политическая установка на ведение грядущей войны «малой кровью и на чужой территории» и связанная с этим недооценка стратегической обороны явились одними из причин тяжелых поражений Красной армии летом — осенью 1941 г. Кроме того, в начале января 1942 г. Ставка ВГК приняла необоснованное решение о проведении ряда стратегических наступательных операций на разных направлениях; в мае — июне 1942 г. из-за переоценки своих сил и просчетов в определении возможностей противника трагично для советских войск закончилась Харьковская наступательная операция; летом 1943 г. попала в окружение и была разгромлена 2-я ударная армия; советским войскам не удалось предотвратить эвакуацию значительных сил противника из Крыма в 1944 г., а в 1945 г. с Курляндского полуострова, и еще немало примеров.

Генералы Ф. Д. Гореленко и А. Н. Крутиков в штабе

Герой Советского Союза полковник А. И. Родимцев

Командный пункт 62-й армии в Сталинграде: начальник штаба Н. И. Крылов, командующий армией В. И. Чуйков, член Военного совета К. А. Гуров, командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии А. И. Родимцев

Конечно, сейчас, когда есть достаточно полная и достоверная информация о планах противника и реальном соотношении сил противоборствующих сторон, зная то, что не было и не могло быть известно советскому командованию, не испытывая тяжкого груза ответственности, легко судить о том, как надлежало бы действовать в той или иной конкретной обстановке. На сей счет давно известно ироничное, но верное наблюдение Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны»[31]. Между тем, если вся Великая Отечественная война представляет собой сплошную цепь ошибок и просчетов советского командования, как утверждают многочисленные фальсификаторы истории, то невозможно объяснить ни крушения блицкрига уже в первые месяцы войны (по плану «Барбаросса» Ленинград и Москва должны были быть взяты 25 августа)[32], ни блестящих побед Красной армии в сражениях за Москву и Сталинград, в Курской битве и многих других, ни того, почему Знамя Победы было водружено над Рейхстагом.

Победная советская военная стратегия родилась в горниле Великой Отечественной войны. Если в декабре 1940 г. на совещании высшего командного и начальствующего состава РККА нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко ошибочно утверждал, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»[33], то с началом войны пришлось на ходу осваивать этот опыт, перестраивать организацию стратегического руководства, создавать и применять стратегические группировки войск применительно к новым условиям и способам ведения вооруженной борьбы.

Но в том и состоит сила советской стратегии, что она в ходе войны постоянно развивалась, совершенствовалась и обогащалась опытом. Полководцы Красной армии на практике искали и находили эффективные пути решения стратегических и оперативных задач, многие из которых вообще не имели на то время теоретического обоснования. Причем в большинстве случаев их решения носили новаторский характер. В боях и сражениях развивалось советское военное искусство, совершенствовалось боевое мастерство военачальников. Этому способствовали и организационные решения. В 1942 г. в Генеральном штабе был создан отдел (с 1944 г. — управление) по изучению опыта войны. Результаты его анализа находили отражение в боевых уставах, наставлениях, директивах Ставки ВГК[34].

Стратегию ведения войны и ее эффективность оценивают как по ходу войны, так и по ее исходу — конечному результату: учитываются не только результаты потерь, но и то, что страна и народ, а вместе с ними и мир в целом приобрели благодаря победе.

Стратегия как практическая деятельность высших органов и должностных лиц военного управления включает в себя: создание системы государственно-политических институтов, осуществляющих руководство военной сферой страны; определение целей и задач вооруженных сил в войне и в военных действиях стратегического масштаба; стратегическое планирование применения вооруженных сил в войне и стратегических операциях; стратегическое развертывание войск; боевое слаживание новых воинских формирований; создание оперативно-стратегических группировок и стратегических резервов; оперативное (боевое), материально-техническое, тыловое, медицинское, морально-психологическое обеспечение действий вооруженных сил; стратегическое применение вооруженных сил. Победный характер советской военной стратегии формировался и проявлялся на каждом из этих направлений.

Высокую эффективность стратегического руководства вооруженными силами во время войны обеспечила централизованная и гибкая система военного управления, мозгом и сердцем которой являлась Ставка Верховного главнокомандования. Ее основными функциями являлись: разработка замыслов кампаний и стратегических операций; координирование действий групп фронтов в стратегических операциях; создание в соответствии с замыслами военных действий стратегических группировок; подготовка и использование стратегического резерва; организация стратегических перегруппировок войск и сил флотов и руководство ими; руководство подготовкой и расстановкой кадров; контроль и оказание помощи в подготовке и ведении операций, а также в выполнении директив, приказов и распоряжений. С весны 1942 г. действовал особый институт стратегического управления — представители Ставки ВГК, назначаемые ею из числа наиболее подготовленных военачальников. Они обладали

широкими полномочиями и направлялись обычно туда, где по плану Ставки решались главные на данный момент задачи.

Рабочим органом Ставки в соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. являлся Генеральный штаб. В соответствии с утвержденным 10 августа положением его важнейшими задачами стали: сбор, обработка и анализ информации об обстановке на фронте и выработка предложений для Ставки ВГК; разработка замыслов кампаний и крупных операций групп фронтов; планирование их в соответствии с принятым Ставкой ВГК решением; оформление оперативных документов и доведение решений Верховного главнокомандующего до войск; создание группировок сил и средств для проведения этих операций; организация стратегического взаимодействия видов вооруженных сил и фронтов; планирование подготовки и накопления стратегических резервов и руководство их перемещением на избранные направления. Начиная с 1942 г. Ставка ВГК не принимала ни одного решения по сколько-нибудь важному вопросу без предварительного заслушивания мнения Генерального штаба.

Важное место в стратегии победы принадлежало планированию военных действий, то есть определению порядка, способов подготовки, применения и всестороннего обеспечения вооруженных сил, подготовки различных форм стратегических действий. В годы Великой Отечественной войны стратегическое планирование осуществляли ГКО, Ставка ВГК, Генеральный штаб совместно с командованиями фронтов. Они определяли стратегические цели военных действий и задачи войскам, последовательность и способы их выполнения, необходимые для этого силы и средства. Стратегические планы оформлялись в виде постановлений ГКО, директив Ставки ВГК, приказов Верховного главнокомандующего, документов Генерального штаба. При этом, если того требовала обстановка, планы уточнялись непосредственно перед началом и в ходе проведения операций.

Для непосредственного управления отдельными направлениями военной деятельности учреждались специальные органы. Так, в июле 1941 г. были учреждены Главное управление тыла и должность начальника тыла Красной армии, введены должности командующих ВВС, артиллерией, гвардейскими минометными частями, ПВО территории страны, начальника инженерных войск. В мае 1942 г. в целях координации боевой деятельности партизан и организации их взаимодействия с войсками Красной армии при Ставке ВГК были образованы Центральный штаб и республиканские, краевые и областные штабы партизанского движения; в декабре 1942 г. создано Управление командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии; в апреле 1943 г. — Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны СССР — Смерш («Смерть шпионам»).

Созданная система стратегического управления позволяла вырабатывать и успешно применять оптимальные способы строительства и применения различных родов войск и видов вооруженных сил, осуществлять их эффективное взаимодействие. Стратегическое руководство обеспечило успешное планирование, организацию и ведение всех форм стратегических действий — от призыва военнообязанных в армию[35] до подготовки и ведения стратегических операций. В начальный период войны для улучшения стратегического руководства вооруженной борьбой были созданы Главные командования войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. Однако в силу их слабой слаженности и ограниченных возможностей по выделению в их распоряжение необходимых сил и средств эффективность деятельности главных командований оказалась низкой, и в 1941–1942 гг. они были упразднены.

Опыт войны доказал, что оптимальным объединением, предназначенным для выполнения оперативно-стратегических задач на одном стратегическом или нескольких операционных направлениях, является фронт. В начале Великой Отечественной войны были созданы пять фронтов; в разные периоды действовало от 10 до 15 фронтов. Они сыграли основную роль в разгроме вооруженных сил фашистской Германии и ее союзников.

С ноября 1941 г. началось формирование ударных армий, которые предназначались для разгрома группировок противника на важнейших направлениях. К концу 1942 г. было сформированы пять таких армий. Осенью 1942 г., учитывая возросший уровень технической

оснащенности армии и флота, был проведен ряд важных организационных мероприятий: установлен единый штат стрелковой дивизии; началось формирование по новым штатам танковых и механизированных корпусов и танковых армий, тяжелых минометных дивизий, зенитных артиллерийских дивизий; завершилось формирование воздушных армий. Совершенствовалась структура войск ПВО страны. В ВМФ увеличилось количество самолетов, торпедных катеров, сторожевых кораблей, средств береговой обороны и ПВО.

Организационно-штатная структура объединений, соединений и частей Красной армии, их вооружение и техническое оснащение все в большей степени соответствовали требованиям войны, их боевой потенциал позволял прорывать самые мощные оборонительные рубежи противника, окружать и уничтожать крупные группировки врага.

В военном искусстве большое значение имеет создание и применение стратегических резервов, что позволяет в короткие сроки обеспечить превосходство над противником в силах и средствах на избранных направлениях и успешно решать стратегические задачи ведения войны. По решению ГКО от 16 июля 1941 г. в военных округах началось формирование резервных армий, дивизий, отдельных бригад и полков, которые по мере необходимости направлялись в действующую армию. 30 июля 1941 г. приказом Ставки ВГК был образован Резервный фронт. Его силами была проведена Ельнинская наступательная операция, в результате которой в условиях общего превосходства противника в силах и средствах было нанесено поражение крупной немецкой группировке и ликвидирован Ельнинский выступ.

С марта 1942 г. стратегические резервы создавались главным образом путем вывода с фронта объединений и соединений и их доукомплектования. В годы Великой Отечественной войны в стратегическом резерве в разное время в зависимости от обстановки находилось до трех ударных армий, от двух до девяти общевойсковых, от трех до 14 танковых (механизированных), от четырех до 10 артиллерийских корпусов, от 16 до 60 стрелковых, воздушно-десантных и от трех до 24 авиационных дивизий, а также значительное количество полков и бригад. Наличие мощных резервов и, как правило, их неожиданное для врага применение давали Красной армии существенные преимущества, оказывали значимое влияние на ход военных действий и, следовательно, обусловливали победный характер советской военной стратегии.

Вооруженное противоборство между фашистской Германией и Советским Союзом сопровождалось их противостоянием на «невидимом» фронте. Важным условием победы являлась стратегическая разведка, выявление военного и экономического потенциала противника, его стратегических планов. Хорошо известно, что отсутствие достоверной информации влечет за собой неверные оценки, ошибочные решения и тяжелые неудачи. Одной из причин поражений Красной армии в начальный период войны стало неверное определение направления главного удара противника: основные усилия Красной армии были сосредоточены на киевском направлении, в то время как неприятель наносил главный удар на московском. И напротив, располагая достоверными данными разведки о готовившемся наступлении немецких войск летом 1943 г., Ставка ВГК приняла решение о переходе к преднамеренной обороне на Курском выступе с тем, чтобы, отразив натиск противника и разгромив его ударные силы, перейти в контрнаступление и нанести поражение группам армий «Центр» и «Юг».

В целом советская разведка оказалась на высоте стоявших перед ней задач. На основе информации, предоставленной ею, советское командование имело целостную картину планов и намерений врага.

Еще одну сторону обеспечения стратегических действий, которую успешно использовало Верховное главнокомандование, составляла стратегическая маскировка. Она представляла собой комплекс мероприятий по сохранению в тайне подготовки стратегических операций, а также дезориентации противника относительно своих истинных намерений и действий. Большую роль в этом сыграла деятельность органов Смерш, которые срывали разведывательные и подрывные акции врага, успешно боролись с агентурой противника. Советскому

командованию в большинстве случаев удавалось скрыть от врага сосредоточение своих сил и направление планируемого главного удара и в итоге достичь стратегической и оперативной внезапности. Блестящими примерами этого являются контрнаступления Красной армии под Москвой и Сталинградом, операция «Багратион».

За годы войны Вооруженными силами СССР было проведено около 250 оборонительных и наступательных операций, из них 51 являлась стратегической (14 оборонительных и 37 наступательных). Были разработаны и успешно применены принципиально новые формы стратегических действий вооруженных сил: операции групп фронтов совместно с объединениями ВВС и войск ПВО, а на приморских направлениях — совместно с силами флотов (несколько одновременно проводимых фронтовых операций, объединенных общим замыслом и руководством ВГК).

Начиная со второго периода войны такие операции стали основным способом ведения военных действий Красной армией. В третьем периоде войны уже до 70% фронтовых наступательных операций было проведено в рамках стратегических[36]. Они осуществлялись на важнейших направлениях, развертывались на фронте до 1 тыс. км и выше, проводились на глубину до 500–800 км. В таких операциях участвовало от 100 до 200 дивизий, от 20 до 40 тыс. орудий и минометов, от 3 до 6 тыс. танков и САУ, от 2 до 7,5 тыс. самолетов.

На большом пространстве развертывались и оборонительные операции. Протяженность фронта в них составляла 450–800 км, а глубина обороны эшелонировалась на 250–500 км[37]. При этом если стратегическая оборона в 1941 г. организовывалась, как правило, вынужденно, то в 1942 г. — заблаговременно, а в 1943 г. — преднамеренно с целью изматывания противника и подготовки последующего перехода в контрнаступление.

В ходе каждой стратегической операции достигалась крупная военно-политическая цель: отражение наступления стратегических группировок противника, разгром основных группировок войск противника на одном-двух наиболее важных направлениях, освобождение важных в экономическом и политическом отношении районов, вывод из войны союзников фашистской Германии.

В ходе войны военно-политическим руководством был приобретен опыт решения таких сложных проблем, как дробление стратегического фронта обороны противника; развитие оперативного успеха в стратегический; использование оперативных и стратегических резервов для наращивания усилий войск; проведение операций по окружению и рассечению группировок противника с их последующим уничтожением; форсирование крупных водных преград; маневр с быстрым переносом усилий с одного направления на другое; организация взаимодействия различных родов и видов вооруженных сил, а также регулярных войск с действиями партизан; координация боевых действий с действиями союзников.

Победной советская военная стратегия была и потому, что носила наступательный характер. Ее общую направленность определяло убеждение, что только в результате решительного наступления можно разгромить вооруженные силы врага, сломить волю противника к сопротивлению и одержать окончательную победу в войне.

Выступая на Параде Победы 24 июня 1945 г., маршал Г. К. Жуков говорил: «На советско-германском фронте был растоптан авторитет германского оружия и предрешен победоносный исход войны в Европе. Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага»[38].

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для нашей страны, ее народа, армии, политического и военного руководства СССР. То, что это испытание было выдержано с честью, по праву является предметом национальной гордости. Политика и стратегия достижения победы над фашистской Германией были верно избраны и достойно реализованы как в собственно военном отношении, так и в социально-историческом смысле. Опыт политической и стратегической деятельности по организации защиты страны, приобретенный в годы Великой Отечественной войны, — наше великое достояние, опора и фактор обеспечения безопасности Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. В 2-х т. М., 1941. Т. 1. С. 43.

[2] Эти сложные многоаспектные процессы имели как положительные, так и негативные стороны. Попытка проанализировать их предпринята в седьмом и десятом томах данного труда (Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013; Т. 10. М., 2014).

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. С. 38—39.

[4] Цит. по: *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 310.

[5] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история. М., 1984. С. 534.

[6] Это признавалось и самой властью. Так, 24 мая 1945 г. на торжественном приеме в Кремле, провозглашая свой знаменитый тост в честь русского народа, И. В. Сталин сказал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом» (Известия. 1945. 25 мая).

[7] Правда. 1945. 3 июля.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1964—1981. Т. 41. С. 121.

[9] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия для школьников. М., 2001. С. 11.

[10] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2013. Т. 7.

[11] Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1994—2003. Т. 4. С. 499.

[12] *Куманёв Г. А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2000. С. 346.

[13] Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 163—164.

[14] Политический словарь. М., 1958. С. 605.

[15] Правда. 1942. 23 февраля.

[16] Шлемоносцы: Выступление Валентина Распутина на IX Всемирном русском народном соборе // Советская Россия. 2005. 12 марта.

[17] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск, 1999. С. 338.

[18] Уроки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и проблемы безопасности современной России. Материалы заседания Философского клуба: Философская дискуссия. М., 2006. С. 109.

[19] Правда. 1941. 3 июля.

[20] *Путин В. В.* Выступление на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны // Российская газета. 2014. 4 августа.

[21] См.: Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2014. Т. 10.

[22] Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на параде Победы 9 мая 2006 г.

[23] *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. В 2-х т. Т. 2. М., 2002. С. 438.

[24] Г. Мольтке-старший рассматривал стратегию прежде всего как «практическое применение средств, переданных в распоряжение полководца для достижения поставленной цели» (Цит. по: *Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства / Пер. с англ. М., 2003. С. 366), и эта трактовка считается классической.

[25] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 84.

[26] *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Россия глазами русского. М., 1992.

[27] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1928–1958. Т. 13. С. 54.

[28] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 1990. С. 15.

[29] За рубежом. 1965. № 19.

[30] *Геббельс Й.* Дневники 1945 года. Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1998. С. 103.

[31] *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. М., 1984.

[32] См.: *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 145.

[33] Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 21–31 декабря 1940 г. Т. 12 (1). М., 1993. С. 339.

[34] См.: *Тюшкевич С. А.* Отечественная военная наука: страницы истории, проблемы, тенденции. М., 2013. С. 117–128.

[35] Всего в годы войны в вооруженные силы и воинские формирования других ведомств были привлечены 34 млн 476,7 тыс. человек. На июнь 1945 г. в армии и на флоте оставалось 12 млн 839,8 тыс. человек, то есть значительно больше, чем накануне войны, несмотря на потери (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 212–215).

[36] Военная стратегия. М., 1962. С. 156.

[37] Там же. С. 179–180.

[38] Правда. 1945. 25 июня.

ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ПО ПЕРЕВОДУ СТРАНЫ НА ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

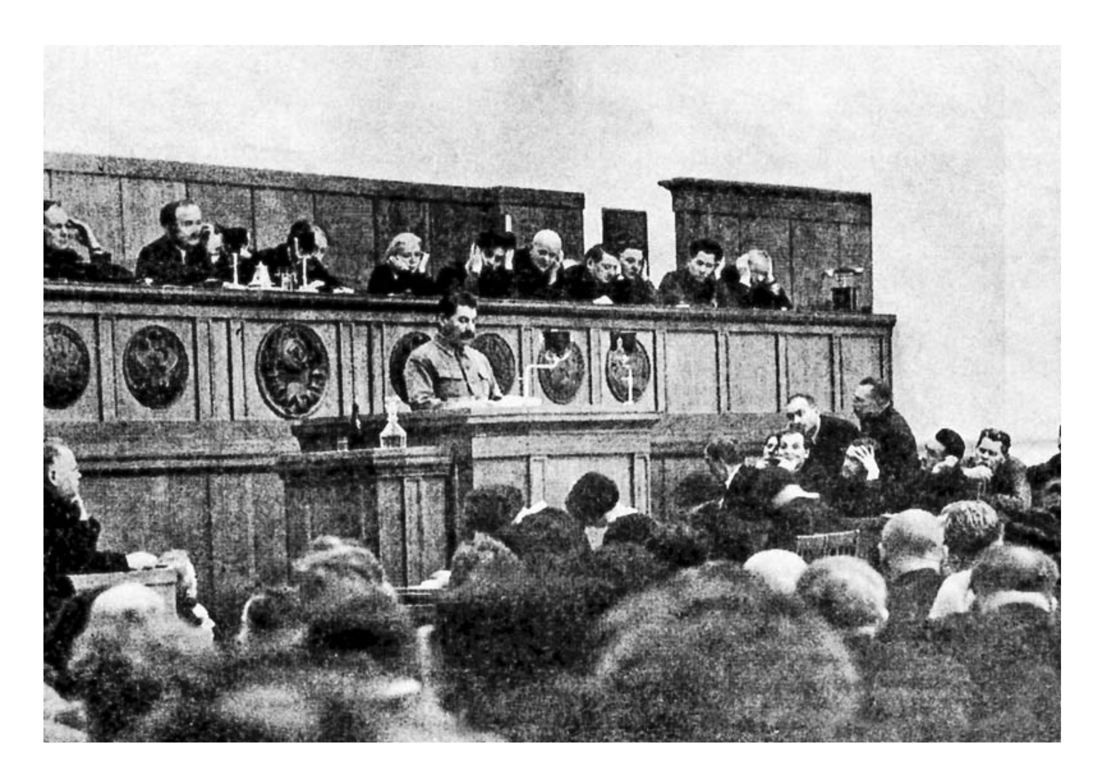
Деятельность руководства ВКП(б) и органов государственной власти Советского Союза по подготовке страны к отражению агрессии в 1934–1941 гг.

В середине 1930-х гг. в международном и внутреннем положении СССР произошли перемены, оказавшие существенное влияние на все стороны деятельности руководства ВКП(б), органов государственного и военного управления, и в первую очередь те ее аспекты, которые касались подготовки страны к обороне.

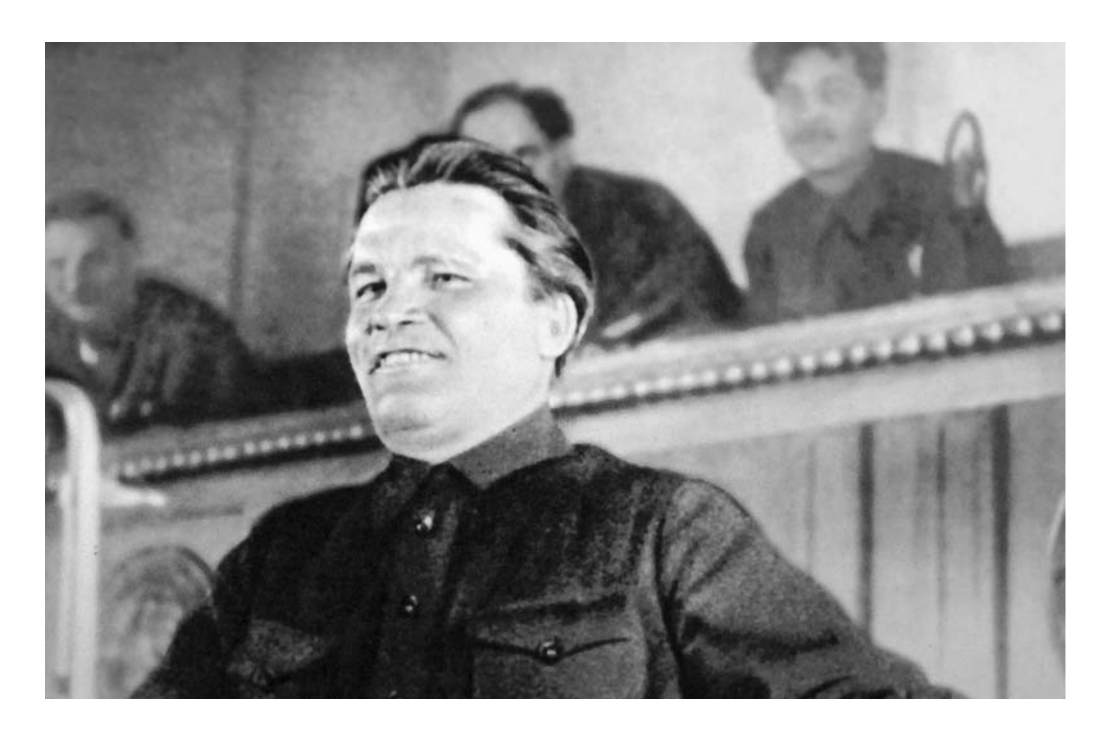
Оккупация японскими войсками Маньчжурии, их наступление на центральные провинции Китая привели к резкому усилению противоречий между Японией и великими державами, имевшими собственные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для СССР дальнейшее распространение японской агрессии было чревато потерей территорий Южной Сибири и Дальнего Востока.

В Германии решение вопроса о власти в пользу национал-социалистов определило не только последующую внутреннюю, но и внешнюю политику этого государства. Требования пересмотра Версальского договора, отмены репараций и всех ограничений, наложенных на Германию победителями в Первой мировой войне, поджог Рейхстага и антикоммунистическая истерия, первая (неудачная) попытка захвата Австрии, германо-польский договор о ненападении, разрушивший систему, гарантировавшую независимость малых восточноевропейских государств, и ускоренная ремилитаризация Германии — все это указывало на то, что в Европе также возник очаг новой мировой войны.

Рост германской угрозы заставил некоторые государства Западной Европы перейти от военной конфронтации с Советским Союзом к налаживанию сотрудничества с ним. Вступление СССР в Лигу Наций, заключение серии договоров и соглашений с Францией[1] и Чехословакией[2] стали первыми реальными шагами на пути к созданию новой системы коллективной безопасности.

Отчётный доклад И. В. Сталина XVII съезду ВКП(б)

С. М. Киров выступает на XVII съезде ВКП(б)

С 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве проходил XVII съезд ВКП(б). Наиболее важные положения доклада И. В. Сталина на съезде легли в основу политической, экономической и военной подготовки СССР к отражению агрессии: «В наше время со слабыми не считаются — считаются только с сильными»; «Мы ориентировались в прошлом на СССР и ориентируемся в настоящем только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний»[3].

В свете этого и следует рассматривать всю внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза в десятилетие, которое И. В. Сталин определил как лимит исторического времени, отпущенный на то, «чтобы пробежать расстояние», на которое «государство нового типа» отставало «от передовых стран»[4].

Первую пятилетку, по времени совпавшую с коллективизацией сельского хозяйства, советская пропаганда называла «эпохой великого перелома». Таковой она являлась и на самом деле. И не только потому, что была выполнена успешно и досрочно: за четыре года и три месяца удалось построить около 1500 предприятий, а основные производственные фонды тяжелой промышленности выросли в 2,7 раза. Существенные изменения произошли во всех сферах общественной жизни. При этом, с точки зрения подготовки страны к войне, решающее значение имела и культурная революция, в первую очередь ликвидация неграмотности, многократно расширившая возможности духовной мобилизации народов СССР на строительство нового общества и его вооруженную защиту. С этих позиций следует рассматривать и значительное увеличение числа граждан призывного возраста с высшим и средним образованием, исключительно важное для реализации планов по технической реконструкции вооруженных сил, и значительный рост городского населения, сопровождавшийся повышением уровня технической культуры народа. Одним из важнейших достижений первой пятилетки стало также существенное повышение мобилизационной готовности промышленности и других отраслей экономики, включая сельское хозяйство.

Основной целью второй пятилетки являлось превращение СССР «в независимую экономически страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым»[5]. Для достижения этой цели предпринимались меры в области экономического развития страны, а также организационные меры, способствовавшие слиянию политического руководства с государственным управлением. В ряду важнейших решений по реорганизации высших партийных органов и системы государственного управления СССР, принятых в середине 1930-х гг., стоит ликвидация объединенной Центральной контрольной комиссии — Рабоче-крестьянской инспекции с передачей ее основных функций вновь созданной Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), имевшей кроме центрального аппарата постоянных представителей на местах. Последние, входя в номенклатуру центра, были наделены исключительно широкими полномочиями и не подотчетны местной партийной и советской власти. Руководил КПК секретарь ЦК ВКП(б). В 1935 г. этот пост занял Н. И. Ежов. На тех же принципах РКИ была преобразована в Комиссию советского контроля (КСК), которую возглавил В. В. Куйбышев. Деятельность военной промышленности контролировали военно-промышленные группы КПК и КСК. Кроме того, на XVII съезде ВКП(б) было принято другое принципиальное решение — о перестройке партийных комитетов всех уровней по отраслевому принципу, в них появились промышленные отделы[6].

Тем не менее сложившаяся к этому времени организация государственного управления военной промышленностью существенных изменений не претерпела, хотя масштабы и сложность задач, поставленных на вторую пятилетку, потребовали системного подхода к ее дальнейшему развитию и большего реализма в использовании имевшихся производственных мощностей. С марта 1934 г. Центральное управление народно-хозяйственного учета при Госплане СССР впервые стало представлять отчетность о выполнении плана военной промышленностью. Тогда было учтено около 100 предприятий.

Очевидно, что при быстро растущих повышенных требованиях к боевой технике, особенно к самолетам и танкам, сложившееся к середине 1930-х гг. районирование военных

Н. И. Ежов

В. В. Куйбышев

производств уже не позволяло рассчитывать на их бесперебойную работу в военное время: большинство из них, притом наиболее важных, находились в пределах оперативного радиуса действия ВВС вероятных противников. При этом в состав оборонной промышленности не входили, а следовательно, и не были учтены судостроительные заводы, загруженные в основном военными заказами, а также другие предприятия, выполнявшие заказы Наркомата обороны, в первую очередь народные комиссариаты легкой, лесной промышленности и связи[7].

В этих условиях, с точки зрения координации и контроля размещения заказов НКО и выполнения плановых заданий по производству военной продукции, исключительно важное значение приобретала деятельность Главного военно-мобилизационного управления Наркомата тяжелой промышленности. На это, в частности, указывалось в докладе об итогах проверки мобилизационной работы наркомата, представленном 7 октября 1934 г. И. В. Сталину КСК при СНК СССР. Проверкой был выявлен целый ряд «узких мест», и общий вывод комиссии звучал как приговор: «Работу ГВМУ нужно считать совершенно неудовлетворительной, а промышленность к выполнению заданий первого года войны неподготовленной полностью, особенно по темпам развертывания»[8].

Между тем нарастание потенциальной военной угрозы заставляло руководство СССР коренным образом пересматривать основы своей военной политики, ключевые положения единой военной доктрины и принимать политические решения, означавшие коренной поворот в военном строительстве.

С 1935 г. начался переход от смешанной (территориально-кадровой) к кадровой системе комплектования Красной армии, при этом с 1 июня 1936 г. ее штатная численность по военному времени увеличивалась до 5 млн 110 тыс. человек, 1 млн 669 тыс. лошадей, 19 593 танков и бронемашин, 6109 самолетов[9].

В декабре 1935 г. партийно-государственное руководство СССР отказалось от взглядов, составлявших доктринальные основы строительства и применения Военно-морских сил[10] в предшествующее десятилетие. Оставив в силе программу, в соответствии с которой к 1937 г. состав ВМС РККА надлежало довести до 1533 боевых кораблей, катеров, вспомо-

гательных судов и плавсредств[11], в декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед руководством военного ведомства и промышленностью новую амбициозную цель — создать к 1947 г. «большой морской и океанский флот», сопоставимый с военно-морскими силами сильнейших морских держав (24 линейных корабля, 20 легких крейсеров, 146 лидеров и эсминцев и 359 подводных лодок)[12].

Прямым следствием этих политических решений стало значительное увеличение плановых показателей военного производства, объемов и сложности мобилизационной работы. В свете этого логичными выглядят преобразования в системе государственного и военного управления, которые предшествовали их принятию.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. Народный комиссариат по военным и морским делам был преобразован в Народный комиссариат обороны (НКО). Реввоенсовет как высший коллегиальный орган военного ведомства был ликвидирован. Согласно «Положению о Наркомате обороны», введенному в действие приказом наркома обороны от 22 ноября 1934 г., при наркомате на правах отдела был создан Военный совет, наделенный только совещательными функциями.

Народному комиссару обороны непосредственно подчинялись командующие высшими объединениями РККА (войсками округов и флотами), а структура органов военного управления, входивших в состав НКО СССР, обеспечивала разработку и реализацию планов строительства и подготовки сухопутных, морских и воздушных сил, их применение в мирное и военное время, создание и развитие систем вооружений и военной техники, снабжение РККА средствами вооруженной борьбы и всеми видами довольствия, призыв военнообязанных на действительную службу и учебные сборы, подготовку командно-начальствующего и рядового состава запаса, допризывную подготовку граждан[13].

В результате проведенных преобразований роль штаба РККА существенно возросла — он стал главным элементом системы военного управления СССР. На штаб РККА были возложены: разработка планов войны и применения вооруженных сил; планирование организационных мероприятий и мобилизационного развертывания РККА (включая проведение опытных мобилизаций); организация тыла и материального обеспечения войск и сил в военное время; подготовка театров военных действий; планирование, подготовка и контроль за выполнением воинских перевозок в мирное и военное время; непосредственное руководство оперативно-боевой подготовкой родов войск, штабов, служб и органов тыла; тактическая подготовка стрелковых, кавалерийских, артиллерийских, автомобильных, автобронетанковых, авиационных и морских соединений и частей; руководство военно-учебными заведениями; планирование заказов по линии Народного комиссариата обороны; разработка оперативно-тактических заданий на производство и модернизацию вооружений и военной техники.

Функции, важные с точки зрения подготовки страны к войне, были делегированы Административно-мобилизационному управлению (АМУ) РККА, в том числе: разработка мероприятий по подготовке и проведению войсковой мобилизации; решение вопросов мобилизационного учета военнообязанных и транспортных средств; текущий учет штатной и списочной численности личного состава РККА; планирование оргштатных мероприятий; комплектование вооруженных сил; руководство работой по подготовке и проведению призывов граждан на действительную военную службу, организации учебных сборов территориальных формирований и военнообязанных; инспектирование подразделений Наркомата обороны и оказание им методической помощи по вопросам, относившимся к ведению АМУ. Начальнику Административно-мобилизационного управления наркомата подчинялось тыловое ополчение, созданное по закону СССР «Об обязательной военной службе», принятому в 1925 г.[14]

Принципиально важные решения были приняты в отношении организации управления Военно-морскими силами РККА. В соответствии с «Положением о Наркомате обороны СССР» 1934 г. в его составе было образовано Управление морских сил (УМС) РККА. Начальнику УМС РККА делегировались: разработка планов судостроения, развития морских вооружений, береговой обороны и военно-морских баз; размещение и приемка от промышленности заказов по кораблестроению, вооружению и снабжению МС; подготовка тактико-

технических заданий на строительство и вооружение кораблей и морской авиации, постройка береговых батарей и базовых сооружений, модернизация морских вооружений и военной техники морских сил; обобщение опыта эксплуатации и испытаний материальной части и материально-техническое обеспечение морских сил; руководство службой эксплуатации и ремонта материальной части флота, баз, портов и береговой обороны; разработка вопросов организации морских сил; руководство мобилизационной подготовкой и материально-техническим обеспечением мобилизационного развертывания флота; инспектирование морских объединений, соединений и частей; разработка нормативных документов по применению морских сил, руководство их боевой подготовкой; управление военно-морскими учебными заведениями; руководство оперативной подготовкой командно-начальствующего состава морских сил; руководство военно-морской подготовкой в гражданских вузах; комплектование морских сил; подбор, подготовка и воспитание командных кадров; подготовка и оборудование морских театров и обеспечение безопасности кораблевождения[15].

Следующим шагом в направлении усиления относительной самостоятельности морских сил РККА и трансформации их в полноценный вид вооруженных сил стало переименование морских сил морей во флоты, за которым последовала реорганизация управления всеми военно-морскими объединениями.

На ужесточение контроля над количеством и качеством продукции оборонных предприятий и выполнением ими мобилизационных заданий было направлено решение о формировании в составе военного ведомства контрольно-приемного аппарата (КПА).

Мерой, направленной на оформление правового статуса командно-начальствующего состава вооруженных сил, усиление их социальной защищенности и повышение их ответственности за результаты профессиональной деятельности, стало введение в 1935 г. персональных воинских званий. Этот шаг можно рассматривать и как движение в направлении полного единоначалия в качестве наиболее эффективного способа военного администрирования и оперативного руководства вооруженными силами. Вместе с тем очевидно, что в отношении выбора возможных путей решения этой проблемы партийно-государственное руководство СССР соблюдало осторожность, предпочитая медлить с принятием конкретных мер, нежели опережать события.

Важнейшую роль в новой организационной структуре НКО СССР играло Политическое управление (ПУ) РККА, фактически осуществлявшее функции партийно-гражданского контроля над Наркоматом обороны и вооруженными силами в целом через партийные комитеты и партийные ячейки (первичные организации) ВКП(б) в армии и на флоте.

Одновременно с реорганизацией военного ведомства шел процесс усиления органов государственного управления, осуществлявших деятельность по обеспечению госбезопасности и общественного порядка. В июле 1934 г. было принято постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного Наркомата внутренних дел (НКВД) с включением в его состав аппарата ОГПУ. Одной из основных задач НКВД стало осуществление внешнего независимого контроля над положением дел в отраслях экономики, имевших важное значение для обороны государства. На него было возложено и обеспечение внешней безопасности СССР путем ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности.

После принятия Конституции СССР 1936 г. существовавшая до середины 1930-х гг. система высших органов государственной власти и управления претерпела существенные изменения. Полномочия Всесоюзного съезда Советов как высшего органа государственной власти в стране перешли к двухпалатному Верховному Совету СССР. Основной формой деятельности этого представительного органа являлась сессия, созываемая дважды в год[16]. Функции высшего законодательного и исполнительно-распорядительного органа в период между сессиями Верховного Совета делегировались Президиуму Верховного Совета СССР, который наделялся правами присваивать высшие воинские звания, назначать и смещать высший командный состав Красной армии, объявлять состояние войны, общую или частичную мобилизацию. В 1938 г. он получил право в интересах обороны страны и государственной безопасности объявлять военное положение в отдельных местностях или на всей территории Советского Союза[17].

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена номера — 10 коп. | ГОД ИЗДАНИЯ 20-й | № 136 (5993) ПЯТНИЦА 12 ИЮНЯ 1936 г.

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центральн. Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР

На вчерашнем заседании Президиума ЦИК'а, по внешности очень скромном, обычном и деловом, совершился акт великой государственной важности: было принято постановление о проекте новой Конституции СССР.

После доклада председателя ЦИК ССР Грузии т. Махарадзе (об отчетности советов и депутатов перед избирателями) и доклада т. Мойровой (о работе Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) с кратким сообщением выступил председатель Конституционной Комиссии ЦИК СССР тов. Сталин. Президиум одобрил проект Конституции и, по предложению тов. Сталина, вынес решение о созыве Всесоюзного с'езда для рассмотрения проекта Конституции и о передаче его на всенародное обсуждение.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР О КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР

Заслушав доклад Председателя Конституционной Комиссии тов. **СТАЛИНА** о проекте Конституции СССР, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Одобрить проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР.
2. Созвать Всесоюзный с'езд советов для рассмотрения проекта Конституции Союза ССР.
3. Срок созыва Всесоюзного с'езда советов установить 25 ноября 1936 года.
4. Опубликовать проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**
И. о. Секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. УНШЛИХТ.**

Москва, Кремль, 11 июня 1936 года.

Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение Всесоюзного с'езда советов

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

ГЛАВА III.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЛАВА IV.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

ГЛАВА V.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

(ОКОНЧАНИЕ на 2-й стр.)

Проект Конституции СССР, опубликованный в газете «Известия». 1936 г.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ВОЕННО-МОРСКИМ ДЕЛАМ

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР **постановляют:**

1. Образовать общесоюзный Народный Комиссариат по военно-морским делам.

2. Передать в ведение Народного Комиссариата по военно-морским делам военно-морские силы РККА, выделив их из состава Народного Комиссариата обороны СССР.

3. Народному комиссару по военно-морским делам СССР в пятидневный срок внести в СНК СССР на утверждение проект положения и структуру Народного Комиссариата по военно-морским делам СССР.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
В. МОЛОТОВ.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР
А. ГОРКИН.

Москва. Кремль.
30 декабря 1937 г.

Постановление ЦИК и СНК СССР
«Об образовании Народного комиссариата по военно-морским делам». 1937 г.

В структурном отношении система высших органов государственного управления после принятия Конституции 1936 г. существенных изменений не претерпела. При этом властные полномочия этих органов Совета народных комиссаров СССР были ограничены. СНК СССР утратил законодательные функции (право издавать декреты), которыми он наделялся в предшествующий период, и стал только исполнительно-распорядительным органом. Таким образом, была проведена четкая граница между полномочиями органов политического руководства и государственного управления.

В состав СНК СССР (Правительства СССР) входили: глава правительства (председатель), его заместители, наркомы СССР, включая народного комиссара обороны. На Совнарком в числе прочих задач возлагалась ответственность за обеспечение обороноспособности страны, государственной безопасности, охрану государственной границы и территории СССР, осуществление общего руководства строительством вооруженных сил и решение других вопросов развития военной организации государства.

Рассматривая Конституцию СССР 1936 г. с точки зрения подготовки страны к войне, в первую очередь необходимо отметить, что новый Основной закон стал логическим завершением процесса трансформации руководящей роли ВКП(б) из важнейшего принципа государственного строительства в конституционную норму. Его принятием завершился и процесс институционализации чрезвычайных органов стратегического руководства страной и вооруженными силами путем инкорпорирования их деятельности в общее правовое поле.

Внешним выражением этих перемен, исключительно важных для понимания военных аспектов деятельности высших органов партии и Советского государства накануне Великой Отечественной войны, стала ликвидация Совета труда и обороны. Вместо него при СНК СССР был образован Комитет обороны по существу с аналогичными функциями. В этот орган, созданный по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 25 апреля 1937 г. в целях объединения всех мероприятий по вопросам обороны страны[18], вошли 11 членов Центрального комитета, в том числе восемь членов и кандидатов в члены Политбюро. Возглавил Комитет обороны председатель СНК СССР В. М. Молотов, однако в реальности это означало дальнейшее повышение роли И. В. Сталина — к этому времени фактически первого лица и в партии,

и в государстве — в решении всех вопросов стратегического руководства страной и вооруженными силами. Для контроля над исполнением решений Комитета обороны в декабре 1937 г. при нем была учреждена Главная инспекция.

На заседаниях Комитета обороны рассматривались планы создания и накопления мобилизационных запасов и государственного резерва, подготовки театров военных действий, вопросы, относившиеся к организации производства продукции военного назначения. К компетенции этого органа относилось утверждение тактико-технических характеристик новых вооружений и военной техники, результатов испытаний опытных экземпляров, установление сроков начала их серийного выпуска. В начале 1938 г. при Комитете обороны была учреждена Военно-промышленная комиссия, которой делегированы полномочия по решению вопросов мобилизации и подготовки промышленности к выпуску военной продукции. Занимаясь главным образом экономической подготовкой страны к отражению агрессии, Комитет обороны при СНК СССР принимал решения и по вопросам строительства вооруженных сил: устанавливал их численность в мирное и военное время, определял контингенты военнообязанных, поднимаемых по мобилизации, размеры изъятия из народного хозяйства транспортных средств и прочее. Параллельно с Комитетом обороны вопросами обороны занимался и Экономический совет СНК.

Таким образом, после принятия новой Конституции система реализации полномочий органов власти СССР по подготовке страны к отражению агрессии, действовавшая до середины 1941 г., в основном сформировалась и представляла собой совокупную целостность, элементы которой распределялись по трем основным уровням: союзному, республиканскому и местному.

На высшем (союзном) уровне находились Политбюро Центрального комитета ВКП(б), Центральный комитет партии (Секретариат и аппарат ЦК), Верховный Совет СССР и его Президиум, реализующие функции политического руководства, в сферу полномочий которых входило: определение целей, характера, политического содержания и способов ведения будущей войны; политико-идеологическая подготовка войны; идеологическое обоснование, директивное и правовое оформление деятельности по обеспечению безопасности государства от внутренних угроз; формирование политических, идеологических и правовых основ коалиционной стратегии; идеологическое обоснование и правовое оформление принципов стратегического руководства страной и вооруженными силами; формирование директивной и правовой базы развития военной организации государства. В пределах делегированных полномочий в решении этих вопросов участвовали высшие партийные и советские органы союзных республик (центральные комитеты республиканских организаций ВКП(б), их секретариаты и аппарат, верховные советы).

В состав органов государственного управления союзного уровня входили Совнарком СССР и действующий при нем Комитет обороны (до мая 1941 г.), наркоматы обороны, Военно-морского флота (с декабря 1937 г.), внутренних дел, государственной безопасности (с февраля 1941 г.), гражданские наркоматы, которые привлекались к решению управленческих задач, связанных с подготовкой к отражению агрессии (в условиях, когда страна развивалась в мобилизационном режиме, в той или иной степени в этом участвовали все наркоматы и центральные правительственные учреждения СССР).

Свои ведомственные интересы наркоматы реализовывали через собственных представителей в высших партийных и законодательных органах СССР и аппарате ЦК ВКП(б) — отделах, отвечавших за соответствующие виды государственной деятельности и отрасли народного хозяйства. Часть полномочий (для решения задач, требующих непосредственного участия республиканских органов государственной власти) делегировалась совнаркомам или отдельным наркоматам союзных республик.

В качестве рабочего аппарата политического руководства страны выступали не только правительственные учреждения, но и центральные органы военного управления — Генеральный штаб Рабоче-крестьянской Красной армии, созданный в 1935 г. путем реорганизации штаба РККА, и Главный морской штаб ВМФ (с января 1938 г.).

В пределах делегированных полномочий, связанных в основном с исполнением политических и управленческих решений, принимавшихся верховной властью, союзными и республиканскими правительственными учреждениями и центральными органами военного управления, к работе по подготовке страны к отражению агрессии привлекались местные комитеты ВКП(б), советские органы, управления округов и флотов, региональные структурные подразделения НКВД и НКГБ. Для обеспечения выполнения политических решений в сфере оборонной работы в партийных комитетах от района и выше в начале 1939 г. были созданы военные отделы.

Местные советы обеспечивали условия деятельности общественных организаций, ведущих оборонную работу, отвечали за военное обучение граждан, подготовку их к службе в армии, развитие спортивного и военно-спортивного движения. С середины 1930-х гг. этим занимались оборонные секции советов, преобразованные накануне войны в постоянные депутатские комиссии. Городские и районные советы отвечали за обеспечение условий ритмичной работы предприятий, выпускавших военную продукцию, независимо от их подчиненности. На местные советы (в пределах их компетенции) возлагалось и ведение мобилизационной работы.

Во второй половине 1930-х гг. окончательно сформировался и механизм принятия решений по вопросам подготовки страны к отражению агрессии. Все решения высших органов законодательной и исполнительной власти СССР и созданных при них чрезвычайных органов государственного управления, относившиеся к сфере стратегического руководства страной и вооруженными силами, принимались после утверждения Политбюро ЦК ВКП(б) проектов соответствующих законов и постановлений. Предельная централизация власти выражалась в том, что, по существу, аналогичный порядок имел место и в отношении управленческих решений, относившихся к оперативному управлению силовыми ведомствами, отраслями народного хозяйства и даже отдельными предприятиями, имевшими важное значение для обороны страны.

На республиканском и местном уровнях вопросы, относившиеся к работе по подготовке страны к обороне, решались в закрытом режиме, без привлечения основной части депутатского корпуса, на совместных совещаниях руководителей партийных комитетов и советских органов, командования округов и флотов, командиров соединений и частей РККА, начальников управлений и отделов НКВД, директоров и ведущих специалистов промышленных предприятий, выпускавших военную продукцию. Решения, которые готовились руководителями заинтересованных учреждений и организаций, согласовывались с соответствующими (отраслевыми) отделами местных партийных советских органов. При необходимости вопросы подготовки страны к обороне рассматривались на региональном уровне военными советами округов и флотов, в состав которых входили руководители партийных комитетов республик, краев и областей.

Изменения в административном делении СССР, осуществленные в 1930-х гг., в значительной степени были обусловлены стремлением к дальнейшей централизации власти, необходимой с точки зрения стратегического руководства страной и вооруженными силами в военное время. Этой цели были подчинены и разукрупнение краев, областей и районов, введение областного деления в тех республиках, где его ранее не было. Ликвидировались слишком крупные, плохо управляемые политико-административные образования, что позволяло более рационально подходить и к определению границ военных округов. Такой порядок требовал дальнейшего повышения роли первичных организаций ВКП(б), и XVIII съезд партии, состоявшийся в 1939 г., прямо обязал их контролировать деятельность администраций предприятий и учреждений.

Во второй половине 1930-х гг. набрал силу процесс дифференциации системы государственного управления военной промышленностью, выразившийся в углублении «специализации» рабочих органов исполнительной власти, решавших задачи по организации и контролю над повседневной деятельностью предприятий военной промышленности.

Народный комиссариат оборонной промышленности был образован 8 декабря 1936 г. Из Наркомата тяжелой промышленности в новое ведомство было переведено 47 авиационных, 15 артиллерийских, три оружейных, девять оптико-механических, 10 танковых, девять патронно-гильзовых, 14 трубочно-взрывательных и снарядных заводов, три завода по производству минного, торпедного и бомбового вооружения, 10 судостроительных заводов и верфей, 23 военно-химических предприятия, 16 заводов по производству электро- и радиоприборов, восемь предприятий точного машиностроения, пять аккумуляторных и три металлургических завода[19].

Вновь созданный Народный комиссариат оборонной промышленности вобрал в себя все виды военно-промышленных производств, относящихся к 1-й, 2-й и частично 3-й группе военных изделий, и представлял собой гигантский, искусственно созданный и трудноуправляемый организм, включавший по существу все отрасли машиностроения и металлообработки, предприятия химической промышленности и ряд вспомогательных производств. Такая организация государственного управления оборонной промышленностью почти сразу проявила себя как неэффективная, и три года спустя на базе этого ведомства было создано четыре общесоюзных наркомата: авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов и судостроительной промышленности. Их предприятия специализировались на производстве военной продукции первой и второй групп. Производством изделий третьей группы занимались заводы и фабрики, работавшие в системе наркоматов общего машиностроения, тяжелого и среднего машиностроения и химической промышленности[20].

Общее руководство наркоматами военной промышленности и военным производством на предприятиях гражданских отраслей до мая 1941 г. осуществлялось Комитетом обороны при СНК СССР, а затем — Комиссией по военным и военно-морским делам при Бюро СНК. По мере увеличения масштабов военного строительства, количественного и качественного роста оборонно-промышленного комплекса все очевиднее проявлялись недостатки системы государственного управления, основанной на совмещении первыми лицами высших руководящих постов в партии и государстве и доведенной до предела концентрации властных полномочий в центре. Такая система до определенного времени гарантировала безусловность выполнения политических решений, принимаемых руководством страны. Она же в большинстве случаев становилась непреодолимым препятствием для проявления разумной инициативы руководителями низовых звеньев аппарата государственного управления, лишая его гибкости, необходимой при стремительном росте масштабов и усложнении управленческих задач по мере роста экономики страны и развития ее военной организации.

Эти проблемы в полной мере проявились в ходе выполнения плановых заданий второй пятилетки. Директивные указания по развитию производств, имевших решающие значение для обороны страны, были выполнены не полностью[21]. Тем не менее в третьей пятилетке рост оборонного потенциала страны продолжался, причем даже более высокими темпами. Выпуск продукции военного назначения за это время увеличился почти в три раза. За эти годы партийно-государственному руководству СССР удалось решить проблему судьбоносного значения — ослабить угрозу, исходившую от чрезмерной концентрации военных предприятий и производств двойного назначения в Московском и Ленинградском промышленных районах. Мощные промышленные районы на востоке страны, прежде всего на Урале, стали одним из решающих факторов победы СССР в экономическом противоборстве с Германией, ее сателлитами и порабощенными странами.

Таким образом, при всех издержках политического курса, проводившегося партийно-государственным руководством СССР во главе с И. В. Сталиным, исторические факты свидетельствуют, что в основном удалось осуществить подготовку страны к отражению агрессии в экономическом отношении. Предельная централизация ресурсов и рычагов управления в руках верховной власти, умелое использование возможностей внешней торговли, военно-технического сотрудничества с другими государствами и зарубежного опыта, эффективная кадровая политика обеспечили ускоренное экономическое развитие СССР.

К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и Г. М. Димитров на первомайском военном параде

Это позволило к 1940 г. увеличить расходы на оборону в 3,2 раза по сравнению с 1937 г., при этом их доля в государственном бюджете составила 32,6%. В последнем предвоенном году на военные нужды было обращено 15% национального дохода, 26% промышленной и 9% сельскохозяйственной продукции. В интересах оборонных ведомств было выполнено 16% всех транспортных перевозок. В третьей пятилетке ежегодный прирост объемов продукции военного назначения составил 39%, тогда как по промышленности в целом он был в три раза ниже[22].

К началу Второй мировой войны управление Вооруженными силами СССР осуществляли Наркомат обороны и Наркомат Военно-морского флота. Пограничными и внутренними войсками, организационно входившими в Вооруженные силы СССР, управлял Наркомат внутренних дел. При народном комиссаре обороны с 1934 по 1938 г. существовал Военный совет как совещательный орган, а в марте 1938 г. были образованы главные военные советы РККА и ВМФ, которые рассматривали основные вопросы строительства армии и флота и укрепления политико-морального состояния войск. Наиболее важную роль в системе военного управления Главный военный совет РККА играл в период с марта 1938 по июль 1940 г., пока в его состав входили И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов[23], возглавлявший Главный военный совет по должности, как народный комиссар обороны[24].

Центральный аппарат НКО в предвоенные годы подвергался значительным организационным перестройкам. К этому подтолкнул в значительной степени опыт Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., выявившей несовершенство устройства и работы центрального аппарата. Будучи раздробленным на большое количество самостоятельных управлений и отделов, малочисленных по своему составу, аппарат НКО с большим трудом обеспечивал управление и снабжение действующей армии. На это указывалось, в частности, в акте приема Наркомата обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко у Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова в мае 1940 г., где подчеркивалось, что «существующая громоздкая организация центрального аппарата при недостаточно четком распределении функций

С. К. Тимошенко

С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков на маневрах

между управлениями не обеспечивает успешное и быстрое выполнение задач, возлагаемых на Наркомат обороны, по-новому поставленных современной войной». В июле — августе 1940 г. была осуществлена коренная реорганизация всего центрального аппарата. Многие управления, занимавшиеся смежными вопросами, были объединены в главные управления. Увеличилась численность наиболее важных органов НКО. Например, количество военнослужащих и служащих в Генеральном штабе возросло более чем в два раза.

Процесс совершенствования аппарата НКО продолжался непосредственно до начала Великой Отечественной войны. В первой половине 1941 г. были переведены на новые штаты с увеличением личного состава Главное управление политической пропаганды и Главное управление ВВС. Управление противовоздушной обороны страны было преобразовано в Главное управление. В июне 1941 г. началось формирование Управления воздушно-десантных войск.

К началу войны центральный аппарат НКО включал: Генеральный штаб и семь главных управлений: политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковых войск, противовоздушной обороны, военно-инженерное и интендантское, а также управления боевой подготовки, воздушно-десантных войск, военно-химической защиты, оборонительного строительства, снабжения горючим, военно-учебных заведений, кадров, санитарное, ветеринарное, военного издательства, финансовое и управление делами НКО.

В июле 1940 г. были учреждены инспекции РККА во главе с генерал-инспекторами родов войск: пехоты, кавалерии, Военно-воздушных сил, артиллерии, автобронетанковых войск, инженерных войск и войск связи[25] и отдел материальных фондов. При этом согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 марта 1941 г. соответствующие главные и центральные управления НКО замыкались на одного из семи заместителей наркома обороны.

Главные управления НКО возглавлялись начальниками, которые отвечали за подготовку, состояние и материально-техническое обеспечение соответствующего рода войск. Они состояли из управлений боевой подготовки, управлений, ведавших снабжением техникой и вооружением данного рода войск, их ремонтом и эксплуатацией, содержанием складов и арсеналов, а также отделов — мобилизационно-плановых, организационных, финансовых и других.

Центральное место в аппарате НКО занимал Генеральный штаб Красной армии. На протяжении всех предвоенных лет структура Генерального штаба претерпевала существенные изменения. Первоначально, в 1935 г., в состав Генерального штаба входили восемь отделов: оперативный, боевой подготовки, военных сообщений, организационный, материально-плановый, горючего, военно-топографической службы и шифровальный. В этом же году в связи с необходимостью компетентного руководства со стороны Генерального штаба силами флота в его структуре был образован морской отдел[26].

Непрерывный процесс технического перевооружения армии и флота обусловил усложнение задач обучения войск. Вместе с тем из-за малочисленности отдела боевой подготовки Генеральный штаб был уже не в состоянии осуществлять непрерывное руководство этой важной стороной деятельности вооруженных сил. В связи с этим в апреле 1936 г. на базе отдела боевой подготовки Генштаба было создано управление, подчиненное наркому обороны.

С началом Второй мировой войны объем и сложность задач Генерального штаба значительно возросли, что потребовало совершенствования его структуры. В соответствии с постановлением Главного военного совета в октябре 1939 г. он был переведен на новую организационно-штатную структуру. Ее основу составили четыре управления: оперативное, организационно-мобилизационное, военно-топографической службы и военных сообщений, а также десять самостоятельных отделов.

В сентябре 1939 г. перед походом в западные области Украины и Белоруссии в семи военных округах — Ленинградском, Калининском, Белорусском, Киевском, Московском, Орловском и Харьковском — была проведена мобилизация, в ходе которой призваны почти 2,6 млн военнослужащих запаса[27]. Объем мобилизационной работы резко увеличился, поэтому было принято решение разгрузить Генеральный штаб путем передачи этих функций во вновь созданный орган — Главное мобилизационное управление Красной армии — и выво-

Начальник Генерального штаба РККА Г. К. Жуков

да из состава Генштаба ряда подразделений, занимавшихся вопросами войсковой мобилизации, учета личного состава, руководства органами местного военного управления и прочими. Дублируя функции Генерального штаба, это управление просуществовало недолго и в июле 1940 г. вновь было расформировано. Решение ранее переданных ему вопросов было возвращено введение Генштаб и возложено на организационно-мобилизационное управление.

Во второй половине 1940 г., после мартовского Пленума ЦК ВКП(б) и анализа итогов Советско-финляндской войны, Главным военным советом было решено уточнить структуру Генерального штаба в интересах повышения эффективности его деятельности. Было признано целесообразным расширить его состав до восьми управлений: оперативного, разведывательного, организационного, мобилизационного, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск и военно-топографического и пяти отделов: укрепленных районов, военно-исторический, кадров, общий и военной цензуры. Кроме того, была создана комиссия по обобщению опыта Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Возвращение в состав Генштаба Разведывательного управления, в апреле 1934 г. исключенного из состава штаба РККА и подчиненного наркому по военным и морским делам, было продиктовано опытом Советско-финляндской войны, в ходе которой от агентуры, действовавшей в Финляндии, не удалось получить ни одного донесения. Поэтому было решено руководство разведкой вновь возложить на Генеральный штаб как непосредственно заинтересованный в получении разведывательной информации[28].

Была усовершенствована и структура ведущего управления Генштаба — оперативного. В его состав вошли пять отделов, осуществлявших планирование применения группировок

войск на пяти театрах военных действий: Северо-Западном, Западном, Юго-Западном, Ближневосточном и Дальневосточном, а также отделы связи, противовоздушной обороны, авиационный, морской и оперативной подготовки[29].

Как уже отмечалось, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 марта 1941 г. общее руководство Красной армией нарком обороны осуществлял через Генеральный штаб, своих заместителей и систему главных и центральных управлений. При этом начальник Генерального штаба становился не более чем одним из заместителей народного комиссара обороны — его роль в системе управления была значительно понижена. В центральном аппарате теперь он мог влиять только на работу управлений связи, снабжения горючим, Главного управления ПВО, военных академий Генштаба и имени М. В. Фрунзе. Тем самым Генеральный штаб терял свое былое значение и растворялся в общей структуре высшего военного управления[30].

Недооценка роли Генерального штаба в системе военного руководства, частые изменения в его организационной структуре не могли не отразиться на подготовке страны и ее вооруженных сил к отражению агрессии. В немалой степени отрицательное влияние на решение этого вопроса оказала и частая смена начальников Генерального штаба. После того как был отстранен от должности Маршал Советского Союза А. И. Егоров, руководство Генеральным штабом РККА сменялось трижды. В феврале 1941 г. его возглавил генерал армии Г. К. Жуков. Смена начальников Генерального штаба, как правило, сопровождалась необоснованными перемещениями начальников управлений, отделов и их заместителей. Так, с осени 1940 и до лета 1941 г. сменились четыре начальника Оперативного управления Генштаба[31].

Отрицательную роль сыграло и то, что к началу войны кадры Генерального штаба, как и других центральных органов, в значительной степени подверглись репрессиям. В 1937–1939 гг. вместе с А. И. Егоровым были репрессированы его заместители В. Н. Левичев и С. А. Меженинов и еще около 50 ответственных работников Наркомата обороны и Генерального штаба[32]. В результате к началу войны в основных подразделениях Генштаба большинство составляли молодые командиры, не имевшие достаточного опыта службы в войсках и штабах объединений, что не могло не сказаться на качестве работы этого важнейшего органа управления.

За три года до начала войны число силовых ведомств увеличилось за счет создания Народного комиссариата Военно-морского флота, образованного для осуществления прямого государственного управления его строительством. К началу Великой Отечественной войны он включал: Главный морской штаб, два главных управления — политической пропаганды и портов, разведывательное управление, а также управления боевой подготовки, ВВС, противовоздушной обороны, командное, организационно-строевое, кораблестроения, артиллерийское, минно-торпедное, химическое, связи, гидрографическое, техническое, инженерное, строительное, военно-морских учебных заведений. Главный морской штаб состоял из двух управлений — оперативного и организационно-мобилизационного и пяти отделов: военных сообщений, полярного, исторического, материального планирования и общего.

Руководство пограничными и внутренними войсками осуществлял Наркомат внутренних дел, который в предвоенные годы также претерпевал существенные изменения. 2 февраля 1939 г. в связи с ростом объема и сложности решаемых задач, а также увеличением численности войск Главное управление пограничных и внутренних войск этого наркомата было разделено на шесть главных управлений НКВД СССР: пограничных войск, войск по охране железнодорожных сооружений, войск по охране особо важных предприятий промышленности, конвойных войск, военного снабжения и военно-строительное[33].

В феврале 1941 г. Наркомат внутренних дел был разделен на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности. Соответственно, изменилась и структура управления войсками. При этом главные управления по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности были объединены в одно Главное управление, а Главное управление конвойных войск переформировано в Управление конвойных войск.

Б. М. Шапошников

В марте 1941 г. было создано Управление оперативных войск НКВД, выведенных из подчинения Главного управления пограничных войск НКВД.

С началом Второй мировой войны и по результатам осмысления негативного опыта Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в систему государственного управления были внесены изменения, отражавшие, с одной стороны, усиление личной власти И. В. Сталина, а с другой — объективные тенденции, обусловленные нарастанием военной угрозы.

В мае 1940 г. председателем Комитета обороны был назначен К. Е. Ворошилов, на которого возложена ответственность за координацию деятельности наркоматов обороны и ВМФ и ряда главных управлений при СНК СССР: Гражданского воздушного флота, гидрометеорологической службы, военного строительства (Главвоенстрой), геодезии и картографии, Осоавиахима. Весной 1941 г. вместо Экономического совета при Совнаркоме было образовано Бюро СНК СССР под председательством И. В. Сталина. В конце мая 1941 г. Комитет обороны был упразднен, а вместо него создана постоянная Комиссия по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома, также под председательством И. В. Сталина. В мае 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин стал одновременно и председателем Совета народных комиссаров.

Персональная кандидатура на должность главнокомандующего в эти годы не обсуждалась. Предполагалось совмещение должности главкома и наркома обороны и ограничение его функций сферой руководства вооруженной борьбой. В проекте «Положения о народном комиссариате обороны СССР», подготовленном в декабре 1940 г. Генеральным штабом и Управлением делами НКО, говорилось, что нарком обороны с началом войны становится «Главнокомандующим всеми Вооруженными силами СССР»[34].

В начале Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. для руководства действующей армией и двумя флотами (Северным и Балтийским) была образована Ставка Главного командования Красной армии (Ставка Главного военного совета) в составе наркома обороны К. Е. Ворошилова, наркома Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова и И. В. Сталина. Она являлась директивным органом,

решавшим основные вопросы стратегического руководства на коллегиальной основе. Оперативное руководство войсками находилось в ведении фронтового и армейских управлений. Деятельность Ставки Главного командования Красной армии в 1939–1940 гг. вновь показала, что единство политического руководства, государственного и военного управления является решающим условием успешного ведения войны.

В мае 1940 г. Генеральным штабом был разработан проект плана создания Ставки Главного командования на период «большой войны». С целью практической проверки предполагаемой управленческой структуры планировалось подготовить и провести специальное командно-штабное учение на местности. Однако утверждение этого проекта высшим государственным руководством неоднократно откладывалось и, в конце концов, так и не состоялось. Г. К. Жуков в качестве основной причины задержки рассмотрения проекта назвал стремление И. В. Сталина оттянуть начало войны, что в определенной мере связывало и наркома обороны, не решавшегося «входить к И. В. Сталину с проектом создания Ставки вплоть до весны 1941 г.»[35]. В конечном счете, в силе осталось существовавшее положение, что боевыми действиями в случае «большой войны» будет руководить Главный военный совет во главе с наркомом обороны[36].

С точки зрения материального обеспечения деятельности стратегического руководства вооруженными силами одним из самых узких мест было фактическое отсутствие защищенных командных пунктов. Управление объединениями действующей армии предполагалось осуществлять штатными средствами связи из служебных кабинетов должностных лиц Генерального штаба[37], используя в основном телеграфно-телефонные линии и радиосети Народного комиссариата связи. Между тем в 1940 г. всего 15 областных центров поддерживали телефонную связь с Москвой круглосуточно, 94 — только до трех часов в сутки, а 26 не имели ее совсем[38].

Проводные магистральные линии в основном были воздушными, из-за чего имели крайне низкую живучесть, причем в западных областях Белоруссии и Украины они шли к государственной границе СССР через Варшаву. Доля автоматических телефонных станций составляла около 34%, и только 25% телеграфных аппаратов отвечали требованиям, предъявляемым к средствам военной связи[39]. Из 343 радиопередатчиков, состоявших на балансе Наркомата связи, большая часть отличалась низкой помехоустойчивостью[40], а для работы в коротковолновом диапазоне НКС располагал лишь двумя передатчиками, мощность которых превышала 15 кВт. Наиболее важные передающие центры были сосредоточены в районе Москвы, причем большинство передатчиков, расположенных здесь, управлялось из здания Центрального телеграфа, и вывод из строя его радиобюро мог нарушить всю радиосвязь, осуществляемую из столицы[41]. Организация использования средств общегосударственной связи в военное время определялась отдельным положением[42], которое к началу Великой Отечественной войны уже в значительной степени устарело. Ввести в действие новый документ не успели[43].

Задание НКС по мобилизационным запасам по состоянию на 22 июня 1941 г. было выполнено только на 38,7%[44], а план строительства на 1940 г. — на 79%, причем наиболее значительное отставание от плановых заданий отмечалось на территории западных военных округов. Львовское управление связи выполнило план на 45%, Белостокское — на 9,7%, Тернопольское — на 7,5%, а Барановичское — на 6,2%[45]. По этой причине не были выполнены мероприятия по созданию резервных узлов связи. К началу войны в составе НКО их не было вовсе, а в НКС имелось только 10 маломощных телеграфно-телефонных станций[46]. Радиостанциями Ленинградский военный округ был обеспечен на 30%, Западный — на 27%, Киевский — на 30%, Одесский — на 39%, Прибалтийский — на 52%[47]. Следствием этого стала слабая отработка организации радиосвязи между Генеральным штабом и управлениями округов. Круглосуточно она не поддерживалась и осуществлялась только в опытном режиме.

Если же оценивать состояние системы военного управления накануне Великой Отечественной войны в целом, то она не отвечала тем задачам, которые ей пришлось решать с началом военных действий. «Положение о Наркомате обороны» от 1934 г. в своей основной

Танкетки на параде на Красной площади

Танки Т-26 на маневрах Украинского военного округа

части устарело, а новое так и не было утверждено. Реорганизация главных и центральных управлений на случай войны не предусматривалась. Частые изменения в центральном аппарате, большая текучесть кадров и некомплект личного состава снижали качество их работы. По-прежнему имела место недооценка роли Генерального штаба РККА, призванного быть главным органом управления Главного командования. В целом не был решен вопрос о стратегическом руководстве вооруженными силами в военное время.

Опыт первых кампаний Второй мировой и Советско-финляндской войн указывал на необходимость внесения существенных изменений в планы развития вооруженных сил. С этой целью в середине 1940 г. были созданы комиссия Главного военного совета и 16 подкомиссий по изучению состояния родов войск и авиации[48]. Выводы и рекомендации, подготовленные ими, легли в основу плана подготовки к войне в военно-стратегическом отношении, при этом главной цель оставалось достижение количественного и качественного превосходства Красной армии над вероятным противником.

К январю 1939 г. Вооруженные силы Советского Союза имели численность 1 млн 943 тыс. человек. К 1 июня 1940 г. их состав был доведен до 3 млн 602,3 тыс. В мае — июне 1941 г. под прикрытием «больших учебных сборов» были призваны свыше 802 тыс. человек[49]. В результате проведенных мероприятий численность Красной армии и Военно-морского флота менее чем за два года выросла почти втрое и к началу Великой Отечественной войны составила 5,7 млн человек[50].

Негативное влияние на уровень боеспособности соединений и частей оказывало отсутствие опытных командных кадров, способных организовать боевую подготовку в соответствии с современными требованиями. На должностях командиров подразделений, частей и соединений оказались молодые офицеры с недостаточным опытом практической работы.

В период с сентября 1939 по июнь 1941 г. было развернуто 125 стрелковых дивизий. Формирование в сжатые сроки такого числа соединений с одновременным переводом на новые штаты требовало огромного напряжения экономики и четкого, глубоко продуманного, перспективного планирования в обеспечении войск оружием, техникой, боеприпасами и прочим, чего на практике добиться не удалось.

Ситуация осложнялась тем, что в ноябре 1939 г. было принято решение, имевшее далеко идущие негативные последствия, — о расформировании недавно созданных танковых корпусов и формировании вместо них танковых бригад резерва Главного командования (РГК) и моторизованных дивизий. Уже летом 1940 г. это решение было признано ошибочным и принято новое — о формировании девяти механизированных корпусов, а в феврале 1941 г. — о создании еще 20 мехкорпусов. Чтобы полностью обеспечить их боевой техникой новых образцов, потребовалось бы не менее пяти лет. В результате к началу Великой Отечественной войны укомплектованность этих соединений составила в среднем 50%.

Тяжелая ситуация сложилась со средствами связи, являвшимися одной из главных материальных основ системы военного управления. Обеспеченность радиостанциями в звене Генеральный штаб — фронт составляла около 35%[51].

В планах строительства РККА в третьей пятилетке особое внимание уделялось Военно-воздушным силам. В 1940 г. ассигнования на их развитие составляли 40% военного бюджета страны. Мощная авиационная промышленность позволила резко увеличить выпуск самолетов и формировать новые авиационные соединения и части. Однако к началу войны значительную часть составляли самолеты устаревшей конструкции. В приграничных округах недостаточно было бомбардировочной авиации и крайне мало штурмовой (5% от общего числа самолетов).

В целях совершенствования организационной структуры ВВС в июле 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение о переводе ВВС на дивизионную организацию. Авиация Главного командования должна была состоять из дивизий однородного состава, объединенных в корпуса; фронтовая — из отдельных бомбардировочных, истребительных и смешанных авиационных дивизий; армейская — из отдельных смешанных дивизий. Стрелковым корпусам передавались корпусные авиационные эскадрильи, состоявшие из самоле-

тов-разведчиков, корректировщиков и самолетов связи[52]. Как показал последующий опыт, такая организационная структура ВВС была недостаточно совершенной, поскольку распыление сил авиации не позволяло использовать ее массированно на главном направлении. В связи с возрастанием угрозы нападения на СССР в феврале 1941 г. было принято решение сформировать 106 авиаполков и 25 управлений дивизий. К концу 1941 г. ВВС должны были иметь пять авиакорпусов, 79 авиадивизий, пять отдельных авиабригад (348 авиаполков)[53]. Однако намеченные мероприятия были выполнены лишь частично.

В предвоенные годы большое внимание придавалось количественному и качественному развитию Военно-морского флота, восстановленному в статусе самостоятельного вида вооруженных сил после создания Наркомата ВМФ. Суммарный тоннаж корабельного состава флота с начала 1939 до середины 1941 г. увеличился на 108 718 тонн по надводным кораблям и на 50 385 тонн по подводным лодкам[54]. При этом ВМФ не располагал минно-тральными и противолодочными силами, соответствующими реальным задачам, которые ему пришлось решать с началом войны. Тяжелыми последствиями обернулось и отсутствие в его составе десантных кораблей и высадочных средств. Слабым местом ВМФ было почти полное отсутствие вспомогательных судов специальной постройки и неудовлетворительное состояние вспомогательного флота в целом. Не в полной мере отвечали задачам, стоящим перед ВМФ, количественные и качественные характеристики морской авиации и противовоздушной обороны. Таким образом, меры по восстановлению стратегической самостоятельности Военно-морского флота были приняты слишком поздно, и не все решения в отношении его строительства, осуществленные накануне войны, являлись правильными. Стране не удалось создать флот, который планировалось построить в годы второй пятилетки, и программа создания «большого морского и океанского флота» даже частично не была реализована.

Опыт применения ВВС Германии в начавшейся Второй мировой войне показал важность развития противовоздушной обороны всей территории страны. В СССР в это время она еще только создавалась[55]. В целях исправления сложившейся ситуации в начале 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об усилении противовоздушной обороны СССР», согласно которому осуществлена коренная перестройка системы управления войсками ПВО. Были созданы Главное управление ПВО и Штаб войск ПВО, при котором имелся Центральный пост воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС).

Вся территория страны делилась на 13 зон ПВО, в состав которых входили соединения и части ПВО. За противовоздушную оборону объектов и войск на территории военного округа отвечал командующий данным объединением. Руководство частями и соединениями ПВО на территории военного округа осуществлял помощник командующего войсками военного округа по ПВО, он же — командующий зоной ПВО. Части и соединения истребительной авиации, выделенные для ПВО пунктов (объектов), подчинялись командующему ВВС округа, но их дислокация определялась планом ПВО. Тем не менее единого руководства противовоздушной обороной не было создано ни в центре, ни на местах. Истребительная авиация подчинялась начальнику ВВС Красной армии и командующим ВВС военных округов. Зенитная артиллерия в вопросах боевой и специальной подготовки была подчинена Главному управлению ПВО, а в отношении огневой подготовки и обеспеченности — командованию артиллерии. Прожекторные училища находились в подчинении командования артиллерии, а прожекторные части подчинялись командованию противовоздушной обороны. Имели место недостатки и в технической оснащенности войск ПВО. Так, к началу войны обеспеченность по зенитным орудиям среднего калибра составляла 84%, малого калибра — 69% и по зенитным пулеметам — 57%[56]. Части ВНОС фактически не имели радиолокационных станций, способных обнаруживать цели на большом удалении.

Локальные войны и конфликты предвоенных лет с участием советских войск вскрыли ряд серьезных недостатков в подготовке войск и штабов. Перед руководством вооруженных сил была поставлена задача в короткие сроки учесть полученный опыт и максимально приблизить учебу к боевой обстановке. Основные требования к боевой подготовке были определены в приказе наркома обороны № 120 от 16 мая 1940 г. и уточнены в приказе № 30 от 29 мая

Советские истребители И-16 на аэродроме

1941 г., которые состояли в следующем: резко повысить воинскую дисциплину; добиться строгого выполнения воинских уставов; повседневно готовить личный состав в сложных условиях к войне против сильного, технически оснащенного противника; занятия проводить днем и ночью, в любую погоду с учетом фактора внезапности и соблюдения принципа — быть всегда в состоянии боевой готовности. Однако слабая учебно-материальная база и неопытность командного состава не давали желаемых результатов в боевой подготовке. Штабы не получали навыков эффективного управления войсками в сложных условиях боя и операции.

В предвоенные годы очень остро стояла проблема подготовки военных кадров. Это было обусловлено прежде всего быстрым ростом численности вооруженных сил, широким размахом организационного строительства и значительным повышением удельного веса технических и специальных родов войск. Руководством государства на основе предложений Наркомата обороны было принято решение о расширении сети военно-учебных заведений и различных курсов, а также повышения их емкости.

В результате принятых мер к 1 мая 1941 г. в стране имелось 18 военных академий и восемь военных факультетов при гражданских высших учебных заведениях, готовивших военных специалистов разных профилей с высшим военным образованием. Для обеспечения армии и флота военными кадрами среднего звена была расширена сеть средних военно-учебных заведений. С июля 1939 по декабрь 1940 г. дополнительно открылось 77 военных училищ. Всего к лету 1941 г. действовало 214 военных училищ Красной армии и 16 училищ ВМФ, а также 68 курсов усовершенствования командного состава[57].

Несмотря на это, дефицит командных кадров в начале 1941 г. составлял около 19%. Не соответствовали требованиям и качественные характеристики командно-начальствующего состава, в первую очередь высшего. Процент командиров с высшим военным образованием в 1941 г. снизился по сравнению с 1936 г. более чем в два раза[58], что было в значительной степени следствием того, что с мая 1937 по сентябрь 1938 г. в армии были репрессированы около 37 тыс. человек, на флоте — свыше 3 тыс.[59] Накануне войны сменились все командующие войсками военных округов, на 90% — их заместители, начальники родов войск и служб, на 80% — руководящий состав корпусных и дивизионных управлений, на 91% — командиры полков, их помощники и начальники штабов полков[60].

Не было завершено оборудование театров военных действий — строительство пунктов управления, прежде всего командных пунктов, линий и узлов связи, укрепрайонов, аэродромов, военно-морских баз, объектов береговой обороны, складов, хранилищ, дорог и других объектов инфраструктуры, отсутствие которых стоит в ряду важнейших причин катастрофических поражений и огромных потерь, понесенных Красной армией и Военно-морским флотом в начальный период Великой Отечественной войны. Все эти факты говорят о том, что в военно-стратегическом отношении подготовить страну к войне в полной мере не удалось.

Суровая правда, однако, состоит и в том, что в новейшее время военная организация государства должна быть такой, чтобы вооруженные силы в любой момент находились в готовности в установленные сроки осуществить доукомплектование, мобилизационное развертывание, в полном объеме выполнить планы стратегического развертывания и приступить к решению стоящих перед ними задач. Специфика же государственного устройства СССР состояла в том, что главным субъектом и проводником политики в целом и военной политики в частности выступали коммунистическая партия и советское правительство в лице его руководителя И. В. Сталина.

В состав Политбюро ЦК ВКП(б) на 22 июня 1941 г. входили девять членов и пять кандидатов в члены. Членами Политбюро являлись: И. В. Сталин — председатель СНК СССР, секретарь ЦК ВКП(б); В. М. Молотов — заместитель председателя СНК СССР, нарком иностранных дел СССР; А. И. Микоян — заместитель председателя СНК СССР, нарком внешней торговли; Л. М. Каганович — заместитель председателя СНК СССР, нарком путей сообщения; К. Е. Ворошилов — заместитель председателя СНК СССР, председатель Комитета обороны при СНК СССР; Н. С. Хрущёв — первый секретарь ЦК КП(б) Украины; А. А. Жданов — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), член Оргбюро; А. А. Андреев — член Политбюро ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК при ЦК ВКП(б); М. И. Калинин — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Кандидатами в члены Политбюро были: Л. П. Берия — заместитель председателя СНК СССР, нарком внутренних дел; Г. М. Маленков — секретарь ЦК ВКП(б); Н. А. Вознесенский — первый заместитель председателя СНК СССР; А. С. Щербаков — секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б); Н. М. Шверник — первый секретарь ВЦСПС, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР.

При анализе проблемы стратегического руководства страной и Вооруженными силами СССР в годы Великой Отечественной войны следует иметь в виду, что при обсуждении важнейших вопросов руководства страной и войной в целом к И. В. Сталину на совещания приглашался, как правило, только узкий круг его соратников: В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, А. И. Микоян и К. Е. Ворошилов. На плечи этих людей легла вся полнота ответственности за подготовку страны к отражению агрессии. С началом войны они вошли в состав Государственного Комитета Обороны и других чрезвычайных органов власти, представлявших собой важнейшие элементы системы стратегического руководства страной и вооруженными силами. И непреложным фактом является то, что в самые трудные дни вооруженного противоборства с блоком государств во главе с нацистской Германией эта система доказала свою результативность, обеспечила переход стратегической инициативы к Вооруженным силам Советского Союза и победное завершение войны. И никакие дра-

матические повороты в политических судьбах этих партийных и государственных деятелей никогда не смогут заслонить того, что они совершили в свой звездный час[61].

Не удивительно и то, что военная политика ВКП(б) как в межвоенный период, так и в годы войны в основном совпадала с коренным национальным интересом всех народов СССР — сохранением политической независимости и территориальной целостности страны, а также с основным интересом государства, предполагавшим всемерное укрепление и совершенствование его базовых институтов.

Материальной основой военной политики партии в указанный период являлся реально существовавший общественно-политический строй с господством общественной собственности на средства производства, позволявший в конкретно-исторических условиях с помощью жесткого государственного регулирования производства и потребления обеспечивать необходимый уровень и постоянный рост экономического, научного и военного потенциалов страны. При всех издержках «диктатуры власти» Советский Союз весьма успешно развивался. И это развитие наблюдал весь мир.

Следует признать, что военно-политическое руководство страны прекрасно осознавало проблемы строительства системы государственного и военного управления, высказанные М. В. Фрунзе еще в 1924 г. в статье «Текущие задачи военного строительства». Он отмечал, что при современных условиях ведения войны «дело обороны страны и подготовки к ней является... делом не только профессиональных работников, а всей страны, всего государства в целом», и утверждал, «что именно в мирное время должны быть заложены прочные основы той организации, которая будет действовать во время войны, и должна быть проведена работа по воспитанию в соответствующем направлении трудящихся масс»[62]. Разъясняя эти положения, М. В. Фрунзе ставил задачи совершенствования всей системы военного управления, организационно-штатной структуры войск (сил), мобилизационной и боевой готовности, подготовки кадров и прочего, то есть всей военной организации государства.

Пророческим стало и высказывание М. В. Фрунзе о развитии системы обороны государства: «Система обороны страны строится на трех основных моментах: во-первых, на правильном и точном представлении о характере будущей войны; во-вторых, на правильном и точном учете тех средств, которыми будут располагать наши возможные противники; в-третьих, на таком же учете наших собственных ресурсов»[63].

Таким образом, анализ опыта создания и развития системы органов стратегического руководства нашей страной и вооруженными силами в предвоенный период показывает, что:

— плана формирования системы органов стратегического руководства у лидеров партии и государства не было, она создавалась путем проб и ошибок, под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов;

— в строительстве аппарата политического руководства, государственного и военного управления СССР в межвоенный период учитывался опыт войн первой четверти XX в. и первых кампаний Второй мировой войны;

— важнейшей особенностью развития партийного и советского аппарата является важная роль чрезвычайных органов власти, благодаря которым в основном реализовывался принцип руководящей роли ВКП(б) в государственном строительстве Советского Союза и обеспечивалось развитие общества в мобилизационном режиме;

— влияние чрезвычайных органов государственного и военного управления существенно повышалось по мере нарастания внешних угроз безопасности СССР, а также обострения обстановки внутри страны;

— существенным образом на процесс формирования и становления системы политического руководства, государственного и военного управления в 1921—1941 гг. влияли качественные характеристики управленческих кадров, значительная часть которых по своей профессиональной подготовке не отвечала задачам, стоявшим перед страной.

Необходимо подчеркнуть, что подготовка страны к военным испытаниям являлась важнейшей целью деятельности всех органов, входивших в систему стратегического руководства страной и вооруженными силами, при этом велась она по трем основным направлениям: политическому, экономическому и военно-стратегическому.

Политика и военная стратегия фашистской Германии при подготовке и осуществлении нападения на Советский Союз

Война — сложное, многогранное социально-политическое явление, в котором всегда участвуют не менее двух сторон. Причины войн кроются в наличии у противников взаимоисключающих политических целей и интересов. Любая война представляет собой процесс ведения ожесточенной борьбы с применением средств и методов уничтожения друг друга. Цели войн определяет политика, разработкой и реализацией технологии (искусства) военной борьбы занимается военная стратегия. При этом уничтожение противниками друг друга может быть не только главной политической целью войны для одного или обоих ее участников, но и средством достижения иных устремлений: например, принуждения к уступке территории и прочее[64]. Анализ политики и военной стратегии предполагает выяснение не только их смысла и целей, но и методов достижения и практической реализации. Для разных сторон они могут быть как схожими, так и принципиально различными.

Военно-политическая ситуация в мире и его регионах формируется политической и военной стратегией ведущих больших и активно взаимодействующих с ними средних и малых государств. При этом тональность и характер военно-политической ситуации могут задавать группа или одно государство. Во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. таким государством стала нацистская Германия. Ее политика и военная стратегия в эти годы, имевшие своей конечной целью завоевание мирового господства, определяли вынужденную ответную политику и стратегию большинства других государств, в том числе и Советского Союза. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. — грандиозное трагическое и героическое событие в потоке мировой истории, оказавшее и продолжающее оказывать большое влияние на ее содержание. Историческая ситуация складывалась так, что столкновение политики и стратегии нацистской Германии и СССР определили на многие годы вперед не только их будущее, но и будущее всего человечества.

Политика и стратегия нацистской Германии и Советского Союза в начале войны принципиально различались не только по историческому смыслу и целям, но и по соответствию обстановке, механизмам разработки задач и их практическому решению. За годы Великой Отечественной войны в зависимости от обстановки и хода боевых действий политика и стратегия сторон менялись несколько раз. Так, в политике и военной стратегии Советского Союза в годы войны правомерно выделить следующие периоды:

— срыв блицкрига и организация отечественной войны;

— предотвращение дальнейшей оккупации и освоения противником западных и южных районов Советского Союза;

— подготовка и нанесение сокрушительных ударов по вторгнувшимся фашистским армиям;

— полное освобождение страны от фашистской оккупации;

— период проведения миссий по освобождению от фашистских режимов и германской оккупации в Европе и от милитаристских режимов и японской оккупации на Дальнем Востоке.

В ходе любой войны важную роль в общем содержании политики и стратегии играет начальный период, победы и поражения которого серьезно влияют на ход и результаты войны, нередко предопределяя их. В Великой Отечественной войне начальный период имел чрезвычайное значение, и особую ставку на этот этап делало руководство нацистской Германии. Проигрыш начального периода означал для него переход от блицкрига к затяжной войне, победа в которой была маловероятной, исходя из опыта Первой мировой войны. Поэтому для Германии принципиально важно было начать войну нанесением сокрушающего массированного удара. Такое начало означало для Советского Союза возникновение двух исторических альтернатив: либо организации самоотверженной отечественной войны

с европейским фашистским нашествием, либо капитуляция, подобная той, на которую пошли многие европейские государства. Руководство Советского Союза и народ выбрали отечественную войну, а соответственно, политику и военную стратегию организации и ведения такой войны.

Нацистская Германия в начале войны с Советским Союзом обладала большими политическими и военно-стратегическими преимуществами. В это время среди европейских государств политическим и военным противником Германии оставалась только Великобритания, но она была блокирована на своих островах со стороны континента и не могла самостоятельно открыть сухопутный фронт в Европе. Зато союзников, готовых не только поддерживать нацистскую Германию, но и воевать вместе с ней, в Европе было много: Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия, Словакия. Союзником Германии была Болгария, но прямого участия в войне с Советским Союзом она не принимала. Захват других государств и народов фашистская Германия начала с включения в свой состав Чехии и Австрии, затем менее чем за два года с небольшими потерями захватила Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Югославию и Грецию, северные и центральные районы Франции. Никогда ранее Германия не обладала такой политической, экономической и военной мощью, как во время нападения на СССР. То обстоятельство, что элита европейских государств без большого сопротивления капитулировала перед германскими нацистами, позволило им не растратить, а увеличить свой военный потенциал для планируемого сокрушительного удара по СССР. И этот удар пришлось принять на себя Красной армии и советскому народу — они вынуждены были заплатить большими жертвами, масштабными и долгосрочными бедствиями за слабость, а в некоторых случаях и «сговорчивость» ряда государств Европы.

Решительное сопротивление армии и народа Советского Союза было единственной надеждой на спасение для Англии, а в перспективе и для Америки от диктата германского нацизма. Именно поэтому поддержка У. Черчилля и Ф. Рузвельта не были актом альтруизма.

Политика и стратегия подготовки и ведения войны с Советским Союзом лидерами нацистской Германии разрабатывалась в форме идеологического обоснования еще до прихода их в 1933 г. к власти в стране. Гитлер в книге «Майн кампф», первое издание которой вышло в 1925 г., писал: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»[65]. Однако когда нацисты получили власть, завоевание новых земель они начали не с России. Западные страны в лице Англии и Франции позволили им поглотить Чехию и Австрию в надежде, что дальнейшие агрессивные устремления Германии будут направлены против Советского Союза, что приведет к общему ослаблению воюющих государств и возможности западных держав навязывать им свою политическую волю. Для нацистских правителей Германии был понятен политический замысел западных стран и их нежелание совместно с СССР принять эффективные меры по ограничению захватнической политики Германии. Нейтрализовав СССР, предложив ему пакт о ненападении, гитлеровское руководство приступило к разгрому западных противников для того, чтобы затем решить главную задачу — уничтожить Советский Союз.

Когда в 1939 г. СССР был предложен пакт о ненападении с выгодным для него секретным приложением, он оказался перед выбором между скорой агрессией Германии при нейтралитете западноевропейских государств и положением нейтрального государства при агрессии Германии против ряда европейских государств с возможностью улучшить свое геополитическое положение. Руководство Советского Союза выбрало последнее. По существу, это был выбор между скорой войной и отсрочкой от этой войны на неопределенное время. Советское политическое руководство считало, что время работает на укрепление обороноспособности СССР.

Явным потенциальным противником гитлеровцев в это время являлись США. Но против них у Германии был такой мощный противовес, как союзная Япония. В борьбе за мировое господство нацистской Германии в 1941 г. противостоял только СССР. Война с ним могла

Вступление немецких войск в Польшу. 1 сентября 1939 г., 6 часов утра

А. Гитлер в сопровождении торжественного кортежа в Данциге

Прибытие немецкого командования в Осло. 1940 г.

Немецкие солдаты на линии Мажино. 1940 г.

Подразделение германской армии во время наступления на Париж. 1940 г.

быть только борьбой на уничтожение государства и народа. Эти цели скрывались нацистами и прикрывались разного рода лживыми версиями, они разжигали мировую войну, выставляя себя защитниками демократии и европейской цивилизации. В подлинных формулировках преступные цели нацистов стали известны только после войны, на суде над военными преступниками в Нюрнберге[66].

Но в конце июня и начале июля 1941 г. руководству СССР было весьма сложно определить, а главное, выработать адекватный ответ на политику и военную стратегию Германии и ее реальных и потенциальных союзников. Слишком круто изменилась политическая и военно-стратегическая ситуация в мире после нападения Германии на СССР. Изменились условия, содержание и жизненные цели деятельности и борьбы многомиллионных масс людей многих стран. От организации и направления их деятельности и борьбы зависел дальнейший ход истории. Промедление, ошибочные оценки, принятые на их основе политические и военно-стратегические решения могли серьезно сказаться не только на судьбе отдельных народов, но и всего человечества. В политике и стратегии начавшейся войны слились национально-государственные и глобальные устремления и цели сторон. Противостояние между нацистской Германией и Советским Союзом сразу же стало центральным и решающим театром военных действий Второй мировой войны.

От результатов противоборства сторон на политическом и военно-стратегическом уровнях в начале войны в решающей степени зависели ее дальнейший ход и конечные результаты. Гитлеровской политике и военной стратегии молниеносного разгрома Советского Союза, уничтожения и порабощения его народов требовалось противопоставить принципиально иную политику и военную стратегию — справедливую по своим целям и историческому смыслу и в то же время эффективную по практическим результатам.

Стратегические решения гитлеровцев в первые дни войны были обеспечены соответствующей оперативной и тактической подготовкой войск. В основе первых стратегических операций блицкрига лежала детальная оперативная и тактическая проработка планов боевых действий с учетом имеющегося опыта побед на сухопутных фронтах Второй мировой войны, воздушной войны в небе Англии и морской войны.

Советский Союз не готовился к развязыванию войны против Германии. Его стратегическое планирование на случай войны не сопровождалось детальной разработкой оперативных и тактических действий войск. В этих условиях инициатива в принятии политических и военно-стратегических решений в период развязывания и первых дней войны была на стороне нацистской Германии. Советскому Союзу предстояло перейти от политики и стратегии обеспечения нейтралитета по отношению к событиям Второй мировой войны к политике и стратегии одного из решающих ее участников. Этот переход представлял для него непростую задачу.

Для Германии развязанная ею война против Советского Союза была решающей битвой за установление мирового господства и насаждение «нового порядка» в мире. К этой битве нацисты основательно подготовились как в политическом, так и в военно-стратегическом отношении. После победного завершения этой войны последующая борьба рассматривалась гитлеровцами уже в качестве организационно-технической проблемы политики и стратегии. Предстояла еще борьба с Великобританией и США, но Германия надеялась выиграть ее в военном противоборстве или путем заключения политического межгосударственного соглашения о разделе сфер влияния и господства.

Нападая на СССР, германское руководство исключало не только свое поражение, но и завершение войны достижением любых ограниченных целей. Это была политика и стратегия ведения войны на полное уничтожение противника. Цель нацистов — управлять судьбой человечества, определять, каким народам составлять расу господ, а каким — низшую расу или вовсе покинуть арену мировой истории была недостижима без уничтожения СССР как государства и вообще без уничтожения предпосылок возрождения российской государственности в любой форме. А так как главной предпосылкой сохранения и возрождения государства является народ, геноцид и порабощение населения Советского Союза стали

главной, плохо скрываемой до завершения войны целью политической и военной стратегии нацистской Германии[67].

Нацизм вышел на арену национальной истории Германии, а затем и мировой истории в качестве радикального продолжателя устремлений пангерманизма, стремящегося установить немецкое доминирование в Европе и во всем мире. Не случайно в 1933 г. известный представитель пангерманизма фельдмаршал П. фон Гинденбург передал власть в Германии нацистскому фюреру А. Гитлеру в надежде, что национал-социализм осуществит реванш за поражение Германии в Первой мировой войне. Получив государственную власть, новое руководство принялось за решение этой задачи. Надо сказать, что историческая обстановка способствовала успеху А. Гитлера и его сторонников: они быстро перешли от политики и стратегии реванша за поражение в Первой мировой войне к политике и стратегии завоевания мирового господства.

За отказом от ограничений на военную деятельность, установленных для Германии договорами после поражения в Первой мировой войне, последовало включение под разными предлогами и разными методами в свой состав территорий соседних государств — Чехословакии и Австрии. Одновременно активно шли насаждение и поддержка профашистских режимов во многих странах Европы, установление с ними союзнических отношений. В политике и стратегии нацистской Германии особое место отводилось использованию противоречий между великими державами с целью не допустить их союза, подобного Антанте, сокрушившего Германию в Первой мировой войне.

Опыт этой войны, как и произошедшие после нее перемены в мире и в конкретных странах внимательно изучались и учитывались нацистами в своей политике и военной стратегии завоевания мирового господства. Им казалось, что Германия была близка к достижению этой цели в период Первой мировой войны, а помешали этому только допущенные ошибки и невыгодное стечение обстоятельств. Главным они считали исключение одновременного ведения войны на двух и более фронтах, и для этого любой ценой следовало не допустить коалиции между западными державами и Советским Союзом для совместного противодействия германской агрессии. Гитлеровское руководство в этих целях успешно эксплуатировало антисоветизм западных держав, их уверенность в восточной направленности немецкой экспансии, что отвечало действительности. Нацистские руководители учитывали политическую логику западных стран, не препятствовавших развязыванию Германией войны против СССР, которая привела бы к взаимному ослаблению этих государств. Однако западные державы не могли допустить полного разгрома СССР, а главное, усиления Германии за счет захвата его ресурсов.

Германия добилась нейтралитета Советского Союза на время активных военных действий на Западе, нанесла военное поражение европейским государствам, заключив с ними мир на своих условиях, и приступила к подготовке молниеносной войны против СССР. Пакт о ненападении и соглашение о разделе сфер влияния, заключенные между Германией и Советским Союзом в 1939 г., были политической и военно-стратегической игрой их государственного руководства, в которой стороны стремились выиграть время и улучшить условия для последующего разрешения непримиримых противоречий. А. Гитлер хотел разгромить западных противников, исключить их союз с СССР и возможность возникновения активного западного фронта на время разгрома Советского Союза. Для этого делались уступки и оказывалось содействие СССР в решении целого ряда вопросов, в том числе возвращения в его состав регионов, которые до Первой мировой войны входили в Российскую империю.

В это время политическое руководство СССР меняло приоритетность принципов внешней политики: классовый подход заменялся национальными интересами. Включение в состав Советского Союза Прибалтийских государств и возвращение Западной Украины и Западной Белоруссии было важным геополитическим и военно-стратегическим шагом. Кроме того, заключая советско-германский пакт, И. В. Сталин, с одной стороны, рассчитывал на ослабление Германии в борьбе с западными странами, а с другой — стремился если не исключить войну, то хотя бы отсрочить ее начало.

И. В. Сталин, В. М. Молотов, Б. М. Шапошников и И. Риббентроп
во время подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. 1939 г.

А. Гитлер и П. Телеки на конференции по присоединению Венгрии к Тройственному пакту. 1940 г.

А. Гитлер и принц-регент Югославии Павел

Несогласие западных стран на координацию с Советским Союзом политики и стратегии борьбы с нацистской агрессией, усиленное заключением пакта о ненападении, обеспечило А. Гитлеру свободу действий в рамках своей политической и военной стратегии движения к мировому господству. Шанс на принуждение Германии к свертыванию военной активности не был реализован, за что в первую очередь европейским государствам пришлось заплатить большую цену.

У А. Гитлера оставалась одна проблема — нейтрализация США. Вступление США в войну и переброска американских войск в Европу сыграли важную роль в победном завершении Первой мировой войны в пользу западных стран. В новой мировой войне Германия надеялась не допустить США к участию в военных действиях в Европе. Эти надежды основывались на неизбежности войны США с Японией, укреплению военного союза с которой гитлеровцы придавали особое значение в системе своей политики и стратегии борьбы за мировое господство. 27 сентября 1940 г. был заключен Пакт трех держав, представлявший собой договор о германо-итало-японском военном союзе, имевший целью достижение его участниками мирового господства.

Фактор времени работал на Советский Союз. Это хорошо понимало и руководство фашистской Германии, поэтому торопилось с завершением военных действий на Западе. Разгромив Францию, подчинив себе континентальную Европу и загнав английские войска на острова, не договорившись с ее политиками о разделе мирового пространства на сферы влияния, Германия повернула вермахт против Советского Союза. Политическое и военное окружение А. Гитлера было уверено, что Германия сможет за короткое время разгромить СССР, овладеть его ресурсами и вернуться на Запад для политического или военного решения вопросов с Англией и США.

Ведя активную подготовку к войне, Германия скрывала даже от своих союзников план и время нападения на СССР почти до его начала, в том числе от Италии и Японии. Причиной этого была необходимость сохранения внезапности нападения, обусловленная высокой ставкой на успешное проведение блицкрига. В то же время с приближением нападения на СССР Германией предпринимались активные меры по расширению политического фронта предстоящей войны. Это делалось путем расширения состава участников Пакта трех держав. В конце 1940 — начале 1941 г. к нему присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария.

25 марта 1941 г. протокол о присоединении к Пакту трех держав подписало правительство Югославии. По стране моментально прокатилась волна протестов, произошел государственный переворот. И хотя новое правительство Югославии заявило о своей лояльности Германии, А. Гитлер подписал директиву, в которой ставилась задача уничтожения Югославии как военной и политической силы. Вскоре начался балканский поход вермахта, в результате которого при поддержке Италии, Венгрии и Болгарии на территории Югославии были созданы независимые государства, присоединившиеся к Пакту трех держав. Финляндия формально не подписывала Пакт, но фактически разделяла проводимую им агрессивную политику и поддерживала практические действия.

Политический фронт нацистской Германии, сформированный для нападения на СССР, с его началом трансформировался во фронт коалиционной войны против него. Советскому Союзу объявили войну Италия и Румыния — 22 июня, Словакия — 23 июня, Финляндия — 26 июня, Венгрия — 27 июня. Таким образом, политика и стратегия блицкрига была обеспечена организацией военной борьбы по всему периметру западной границы Советского Союза.

В политике и стратегии гитлеровцев по завоеванию мирового господства роль ключевой, решающей цели отводилась разгрому Советского Союза. Поэтому политическая и военно-стратегическая проработка войны с Советским Союзом нацистским политическим и военным руководством осуществлялась особо тщательно. Важным направлением политики и стратегии Германии были разработка, производство и применение новых видов оружия и военной техники. И в этом она существенно продвинулась, особенно в ракетостроении, создании самоходной артиллерии и бронетанковой техники.

О скрытной подготовке войны фашистской Германии против Советского Союза высшему руководству СССР было известно уже весной 1941 г., более того, ее нападение было ожидаемым событием. Об этом свидетельствует заявление И. В. Сталина на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 мая 1941 г.: «В ближайшее время мы подвергнемся внезапному нападению со стороны Германии»[68]. На заседании присутствовали нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков. Но указаний о подготовке армии и флота к отражению ожидаемого нападения не последовало. Соответственно, не были отданы такие указания военного руководства войскам, соответствующие директивы и команды поступили лишь в канун или после начала нападения.

В результате к массированной атаке вермахта по всему фронту советско-германской границы 22 июня 1941 г. Красная армия оказалась не готовой. Причиной такой ситуации было стремление политического руководства страны, прежде всего лично И. В. Сталина, не давать со стороны СССР ни малейшего повода для развязывания войны и тем самым отодвигать ее в интересах подготовки страны к обороне. Считалось также важным лишить агрессора повода для оправдания за развязывание войны перед своим народом и мировым сообществом. Предложения привести войска в боевую готовность в связи с получением по каналам НКИД и разведки информации, говорящей о приближении времени нападения, сдерживались рекомендацией «не поддаваться на провокации». За этот морально-политический выигрыш, позволивший создать антигитлеровскую коалицию и выйти из политической изоляции, армии и народу в начале войны пришлось заплатить огромную цену, выразившуюся в боевых поражениях, окружении и пленении больших групп войск, спешном отступлении, фашистской оккупации значительной части советской территории и порабощении проживающего на ней населения.

Ситуация действительно была сложной и неоднозначной. Безусловно, директива на приведение Советским Союзом армии и флота в боевую готовность была бы использована А. Гитлером для осуществления своего плана нападения и последующего ложного оправдания якобы вынужденного ответного характера своих действий. Такого рода прием достался фашистам, что называется, по наследству. Так, мобилизация русской армии в 1914 г. для принуждения Австро-Венгрии отказаться от военной агрессии против Сербии была использована кайзеровской Германией в качестве причины для объявления войны Российской империи и последующего выставления себя жертвой военной агрессии со стороны России. Хотя всем известен факт объявления войны России кайзером Вильгельмом II, несмотря на многократные обращения к нему Николая II с уверениями об отсутствии у России агрессивных намерений и планов[69].

Удивительно, но эта лживая немецкая версия неоднократно всплывала и муссировалась в странах Запада, когда там по какой-то причине активизировалась кампания компрометации России, ее места и роли на мировой арене. Что касается нападения Германии на Советский Союз, то в западных странах и в настоящее время бытует версия, якобы это был вынужденный превентивный ход со стороны нацистов. Хотя давно доказано, в том числе и Нюрнбергским международным судом над нацистскими преступниками, что у Советского Союза не было никаких планов и намерений нападения на Германию. Как не было таких планов и намерений у Российской империи в 1914 г. Так что опасения советского руководства дать повод правящим кругам фашистской Германии для ускорения развязывания войны и оправдания своих действий перед мировым общественным мнением не были лишены оснований. Надо учитывать и недружественный характер отношений в это время к Советскому Союзу западных стран.

Причины, цели и характер нападения Германии на СССР не частные и не локальные. Они были следствием ее глобальной политической и военной стратегии завоевания мирового господства. Именно эта стратегия, ее реализация нацистским руководством на оперативном и тактическом уровне определяли военно-политическую ситуацию и панораму исторических событий в Европе и в значительной степени на других континентах во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. Дата 22 июня 1941 г. была днем безвозвратного начала реализации Германией своей стратегии завоевания мирового господства. От того, устоит или падет Советский Союз под напором фашистского нашествия, завладеет Германия его ресурсами и пространством или потерпит сокрушительное поражение, зависела судьба человечества — окажется оно во власти фашизма как идеологической и политической силы или совместными усилиями противники фашизма сокрушат эту силу, предав ее суду международного трибунала.

Случилось последнее, но в июне 1941 г. до этого было еще далеко. Фашизм наступал и был уверен в победе своей стратегии достижения мирового господства. Многим политикам того времени казалось, что в мире нет силы, способной остановить его на этом пути. Жаждущие фашистской милости и куска победного пирога страны торопились вступить с ним в союз.

Когда нацистская Германия напала на СССР, в мире сложилась новая военно-политическая ситуация. Для противников фашизма время колебаний, полумер, неясностей, политики умиротворения и направления его агрессии на третьи страны, отказа от совместных действий и нейтралитета прошло. Политическая и военная стратегия государств и поведение народов поляризовались по линии фашизм — антифашизм, то есть активной или пассивной поддержки фашизма и бескомпромиссной борьбы с ним, союза и сотрудничества со всеми его противниками. От хода борьбы на этом фронте зависело направление политической и военной стратегии государств, политических партий, организаций и движений, поведение народных масс.

Военно-политическая ситуация в Европе и во всем мире определялась целями политической и военной стратегии государств и их реализацией на практике. Нападение на СССР существенно изменило эту ситуацию и раскрыло истинные стратегические цели политических игроков историческими судьбами государств и народов. Стали ясны, хотя еще и не всем и не полностью, подлинные и далеко идущие стратегические цели немецкого фашизма и ошибочность политики его умиротворения, нейтралитета, вялотекущей борьбы и отказа от совместной стратегии противодействия его агрессии.

Советское государственно-политическое руководство было принципиальным противником фашизма как политико-идеологического движения со времени его возникновения. Коммунизм и фашизм показали себя несовместимыми, непримиримо враждебными партийными идеологиями как во внутренней жизни ряда стран, так и в международных отношениях. Но межгосударственные отношения невозможно подчинить одной партии, даже когда она установит в стране свою диктатуру. Поэтому ни коммунистическое руководство Советского Союза, ни фашистское руководство Германии не могло проигнорировать межгосударственные интересы своих стран как в двухсторонних, так и в многосторонних международных отношениях.

Фашистское руководство Германии уже в 1940 г. было уверено, что потерпевшие крах кайзеровские планы поочередного разгрома геополитических конкурентов на Западе и Востоке в Первой мировой войне будут успешно реализованы во Второй мировой. Быстрое победное продвижение гитлеровских армий в глубь Советского Союза создавало впечатление у мировой общественности, что А. Гитлер выиграет блицкриг, разгромит СССР и успешно продолжит борьбу за мировое господство. На советско-германском фронте решалась историческая судьба не только нашего Отечества, но и гуманистического направления развития мировых цивилизаций.

Руководство нацистской Германии рассчитывало, что ошеломляющий удар ее вооруженных сил, быстрый захват больших территорий приведет к расстройству системы политического руководства, государственного и военного управления Советского Союза, хаосу, паническому отступлению, а в конечном итоге, к бегству руководящих деятелей из страны, что уже было свершившимся фактом при быстром завоевании фашистами ряда европейских стран. Ход развязанной Германией войны против Советского Союза в решающей степени зависел от позиции и работы его руководящих политических, государственных и военных деятелей, возглавляемых ими организаций и учреждений, от их личных способностей убеждать в необходимости и организовывать граждан страны на самоотверженную борьбу с фашистским нашествием. Необходимым условием для прекращения победного шествия фашизма в июне 1941 г. стала способность политического и государственного руководства Советского Союза восстановить нарушенное управление боевой деятельностью вооруженных сил, организовать жизнь и борьбу народа страны в условиях войны.

Для Советского Союза вероломное нападение нацистской Германии было началом Отечественной войны, войны за сохранение российской государственности, продолжением истории создавших ее в течение многих веков народов и решающим фронтом международной борьбы с фашизмом. Эти вопросы были главными в политике и стратегии противоборствующих сторон. Руководству страны и народу важно было быстро осознать критический характер сложившейся исторической ситуации и перейти к решительным действиям по ее изменению.

Деятельность руководства СССР в чрезвычайных условиях первых дней гитлеровского вторжения

Политика и стратегия подготовки страны к отражению военной агрессии, которую активно и целенаправленно проводил Советский Союз в течение почти двух десятилетий своего существования, имели своим результатом создание к началу 1940-х гг. экономической, научно-технической, организационно-политической, идеологической базы, позволявшей уверенно поддерживать систему обеспечения военной безопасности страны. Это давало основание официальной пропаганде внушать гражданам страны уверенность в том, что любой агрессор, посягнувший на СССР, будет быстро разгромлен, при этом на его же территории, что являлось известным преувеличением. В то же время страна действительно обладала большим запасом прочности.

Но в первые дни войны, начатой фашистской Германией вероломным массированным нападением 22 июня 1941 г., Советский Союз оказался перед реальной угрозой сокрушительного поражения. Организация и дислокация сил и средств, предназначенных для отражения нападения, их готовность к боевым действиям и искусство управления ими явно не соответствовали действиям мощного и коварного врага. Страна оказалась не готовой ни в политическом, ни в военно-стратегическом отношении к таким методам развязывания и ведения войны. Хотя именно такой сценарий развития событий, как наиболее вероятный, должен был бы рассматриваться политическим и военным руководством при подготовке страны и вооруженных сил к войне. Сложность обстановки и событий не снимает с руководства СССР вины за допущенные просчеты[70].

Нападение оказалось не военным конфликтом, как могло поначалу показаться руководству СССР, и даже не войной с ограниченными целями, а началом нашествия с задачей молниеносного уничтожения государства. Спасти страну могла только полная и всеобщая мобилизация народа на ведение войны, которую в российской истории называют отечественной. В условиях ошеломляющих успехов вермахта в первые дни нападения разработка политики и стратегии ведения такой войны стала для руководства страны ответственной исторической задачей и возможностью реабилитироваться перед своим народом за допущенные ошибки.

В то же время начало Великой Отечественной войны было и началом решающей битвы с фашизмом как международной идеологической и политической силой. Как уже упоминалось выше, главной и конечной целью политической и военной стратегии нацистской Германии являлось установление возглавляемого ее руководством мирового фашистского режима. И потому ее нападение на СССР не было результатом случайного стечения исторических обстоятельств. Война Германии с Советским Союзом была войной между государствами с принципиально непримиримыми идеологиями. Когда между ними ставится знак равенства, то это делается не в результате непредвзятого сравнения, а по дремучему невежеству или злобному умыслу. Фашисты, конкретно верховное командование вермахта, знали цену различий: «Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть»[71]. Данный очевидный факт важен для понимания политической и военной стратегии участников как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны в целом. Коалиционный характер борьба с фашизмом приняла только с началом Великой Отечественной войны.

После успешного начала блицкрига нацистской Германии против СССР дальнейший ход войны и последующей национальной и мировой истории зависел от того, удастся ли советскому руководству правильно определить сложившуюся ситуацию и разработать политическую и военную стратегию ведения победоносной войны. Историю делают массы, но направляют и управляют их действиями в критических ситуациях небольшие группы людей. Ситуация была предельно критической, время на ее разрешение измерялось даже не неделями — днями, а на принятие отдельных важных решений история вообще отвела часы.

В последние дни июня и первые дни июля 1941 г. от действий советского руководства во главе с И. В. Сталиным зависел дальнейший ход истории. Первой их задачей стала оценка возникшей и быстро меняющейся после нападения Германии военно-стратегической и политической ситуации. Задача оказалась очень трудной. Директивы и приказы на основе довоенных установок по борьбе с военной агрессией «остановить, отбросить и перенести боевые действия на территорию агрессора» результатов не давали. Враг стремительно наступал, окружая и громя части Красной армии, захватывая пленных, оккупируя территорию, бомбя города, транспортные узлы, колонны войск, переправы, захватывая подготовленные советскими войсками рубежи обороны.

Генеральный штаб как орган планирования и управления боевыми действиями войск не мог быстро овладеть новой ситуацией. Сказывалась довоенная подготовка к ведению вой-

ны на основе стратегии сокрушения и, соответственно, недооценки обороны. Политическое и государственное руководство страны пришло к выводу, что Генштаб не полностью владеет ситуацией на фронте вооруженной борьбы, а следовательно, не может своевременно и точно реагировать на нее. Дело дошло до того, что 29 июня, на восьмой день войны, И. В. Сталин, получив информацию от партийных органов Белоруссии об оставлении нашими войсками 28 июня Минска и Бобруйска, не нашел подтверждения этих чрезвычайно важных фактов в сводке Генштаба, подписанной Г. К. Жуковым. Немедленно была организована поездка группы членов Политбюро ЦК ВКП(б) в Наркомат обороны. Анализ и оценка деятельности Генштаба в первые дни войны И. В. Сталиным были суровыми и стали отправной точкой поворота в деятельности всех органов стратегического и оперативного управления войсками к реалиям разворачивающейся войны.

К этому времени руководство страны уже определилось с характером войны как для агрессора — нацистской Германии, так и для отстаивающего свою независимость Советского Союза. Эти положения были изложены в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г.[72] Проект директивы был подготовлен В. М. Молотовым, А. И. Микояном и А. С. Щербаковым. И. В. Сталин внес ряд поправок и дополнений. Директива доводилась членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, наркомам СССР, первым секретарям краевых, областных, городских и районных комитетов партии, председателям областных и краевых исполкомов в качестве основы их организаторской и идеологической работы.

В директиве давалась реальная картина захвата советской территории, расширение зоны бомбардировок, впервые определялась цель фашистской Германии в войне: «уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов». Говорилось, что в войне «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства»[73]. Директива призывала покончить с благодушием, осознать характер и масштабы угрозы, что «Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад»[74].

Была представлена программа действий по разгрому врага, предусматривавшая решение шести задач или выполнение шести требований:

— «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу»;

— «организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым, предоставляя под госпитали больницы, школы, клубы, учреждения»;

— «укрепить тыл Красной армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий... организовать охрану заводов», при этом в документе требовалось вести «беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов»;

— «при вынужденном отходе частей Красной армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего... угонять скот... Всё ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно... уничтожаться»;

— «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии... создавать невыносимые условия для врага и всех их пособников»;

— шестая задача нацеливала на борьбу с паникерами и трусостью: «Немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто... мешает делу обороны, невзирая на лица».

Экз. №

СОВ. СЕКРЕТНО

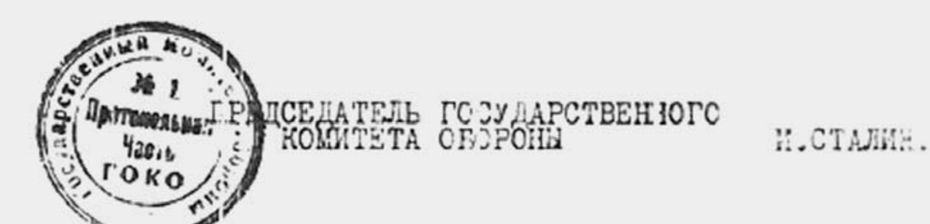
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-11сс

от „6" июля 1941 г. Москва, Кремль.

О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЕЙ.

Обязать НКО мобилизовать в прифронтовых районах (Каменец-Подольская, Житомирская, Одесская, Винницкая, Киевская, Черниговская, Гомельская, Могилевская, Витебская, Смоленская, Калининская, Ленинградская области) весь призывающийся контингент до 50-летнего возраста, а также мобилизовать лошадей для сформирования 50 стр.дивизий и 10 истребительных кавдивизий. Кроме того сформировать 6 дивизий в САВО (4) и УРВО (2).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т.Ворошилову, Жукову, Щербакову, Хрущеву, Корнилову, Байцову.

3-вм

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29 июня 1941 г.

Плакат В. Серова. 1941

Плакат И. Серебряного. 1941

Плакат И. Рабичева. 1941

Плакат А. Казанцева, В. Цветковой. 1941

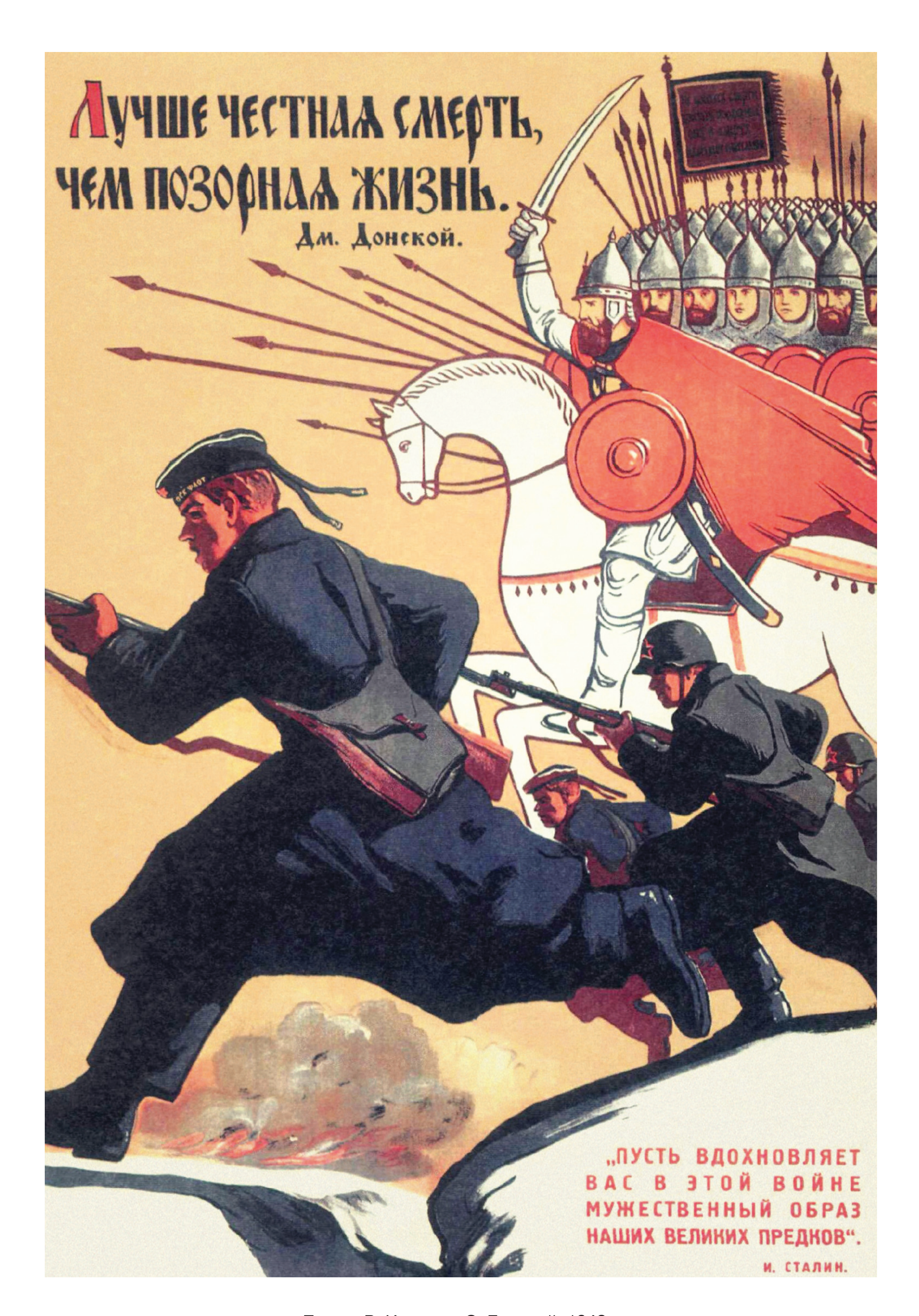
Плакат Д. Шмаринова. 1941

Плакат П. Алякринского. 1942

Плакат Т. Ерёминой. 1942

Плакат В. Иванова, О. Буровой. 1942

Плакат В. Иванова, О. Буровой. 1942

Плакат В. Дени. 1943

Плакат В. Дени. 1943

Портрет И. В. Сталина.
Художник А. Герасимов. 1944

Маршал Г. К. Жуков.
Художник К. Васильев. 1974

49-об

22 июня 1941 года

1. т. Молотов вход в 5-45 м
выход 12-05 м
2. т. Берия вход 5-45 м
выход 9-20 м
3. т. Тимошенко вход в 5-45 м
выход 8-30 м
4. т. Мехлис вход в 5-45 м
выход 8-30 м
5. т. Жуков вход в 5-45 м
выход 8-30 м
6. т. Маленков вход 7-30 м
выход 9-20 м
7. т. Микоян вход в 7-55 м
выход 9-30 м
8. т. Каганович Л. М. в 8-00 м
выход 9-35 м
9. т. Ворошилов вход 8-00 м
выход 10-15 м
10. т. Вышинский вход 7-30 м
выход 10-40 м
11. т. Кузнецов вход в 8-15 м
выход 8-30 м
12. т. Димитров вход 8-40 м
выход 10-40 м
13. т. Мануильский в 8-40 м
выход 10-40 м
14. т. Кузнецов вход 9-40 м
выход 10-20 м
15. т. Микоян вход 9-50 м
выход 10-30 м
16. т. Молотов вход в 12-25 м
выход 16-45 м
17. т. Ворошилов вход [illegible]-40 м
выход 12-05 м

продолжение.

50

продолжение.

18. т. Берия вход в 11-30 м
выход 12-00 м
19. т. Маленков вход 11-30 м
выход 12-00 м
20. т. Ворошилов вход 12-30 м
выход 16-45 м
21. т. Микоян вход в 12-30 м
выход 14-30 м
22. т. Вышинский в 13-05 м
выход 15-25 м
23. т. Шапошников в 13-15 м
выход 16-00 м
24. т. Тимошенко в 14-00 м
выход 16-00 м
25. т. Жуков вход 14-00 м
выход 16-00 м
26. т. Ватутин вход 14-00 м
выход 16-00 м
27. т. Кузнецов вход 15-20 м
выход 15-45 м
28. т. Кулик вход 15-30 м
выход 16-00 м
29. т. Берия вход в 16-25 м
выход 16-45 м
последние вышли в 16-45 м

23 июня 1941 года

1. т. Молотов вход 3-20 м
выход 6-25 м
2. т. Ворошилов вход 3-20 м
выход 6-25
3. т. Берия вход 3-25 м
выход 6-25 м

продолжение

Журнал с записями лиц, принятых И. В. Сталиным
(22–25 июля 1941 г.). Фрагмент 1

30-ое

продолжение

4. т. Тимошенко вход 3-30
выход 6-10

5. т. Ватутин вход 3-30
выход 6-10

6. т. Кузнецов вход 3-45
выход 5-25

7. т. Каганович вход 4-30
выход 5-20

8. т. Жигарев вход 4-35
выход 6-10

последние вышли в 6-25

23/VII 41 года

1/ т. Молотов вх. 18ч45
выход 1ч25

2/ т. Жигарев 18-25
выход 20ч45

3/ т. Тимошенко 18ч50
выход 20ч45

4/ т. Меркулов 19-10
вых. 19ч25

5/ Ворошилов 20ч
выход 1ч25

6 т. Вознесенский 20ч50
выход 1ч25

7 т. Мехлис вход 20ч55
вых. 22ч40

8 т. Каганович 23ч15
вых. 1ч10

9 Ватутин 23ч55
вых. 0ч55 м

10/ Тимошенко 23ч55
вых 0ч55

пр. след

51

11/ т. Кузнецов 23ч55
вых. 0ч50

12 т. Берия 24 часа
выход 1ч25 м

13/ т. Власик 0ч50 м
вых 0ч55

Последн. вышли
1ч25 мин 24/VII

24го июля 1941 г

1. т. Малышев 16.20-17.00
2 т. Вознесенский 16.20-17.05
3 т. Кузнецов 16.20-17.05
4 т. Кизаков (Лен) 16.20-17.05
5 т. Зальцман 16.20-17.05
6 т. Попов 16.20-17.05
7 т. Кузнецов (кр.м.ф.) 16.45-17.00
8 т. Берия 16.50-20.25
9 т. Молотов 17.05-21.30
10 т. Ворошилов 17.30-21.10
11 т. Тимошенко 17.30-20.55
12 т. Ватутин 17.30-20.55
13 т. Шахурин 20.00-21.15
14 т. Петров 20.00-21.15
15 т. Жигарев 20.00-21.15
16 т. Голиков 20.00-21.20
17 т. Щербаков 18.45-20.55
18 т. Каганович 19.00-20.35
19 т. Супрун 20.15-20.35
20 т. Жданов 20.55-21.30

Последние вышли
21.30

Журнал с записями лиц, принятых И. В. Сталиным
(22–25 июля 1941 г.). Фрагмент 2

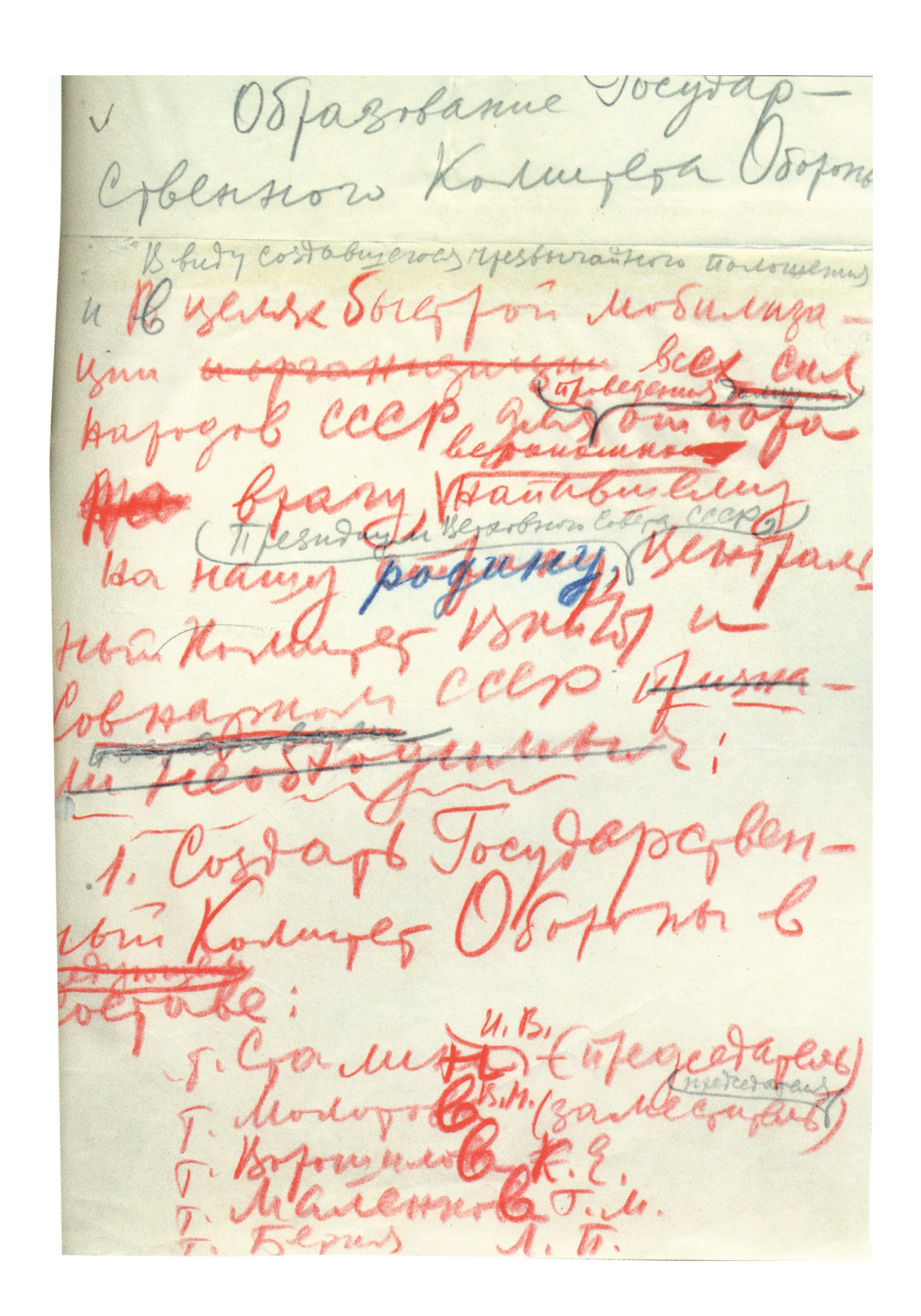
25-го июня 1941 г.

т. Молотов 1.00-5.50
т. Щербаков 1.05-4.30
т. Пересыпкин 1.07-1.40
т. Каганович 1.10-2.30
т. Берия 1.15-5.25
т. Меркулов 1.35-1.40
т. Тимошенко 1.40-5.50
т. Кузнецов 1.40-5.50
т. Ватутин 1.40-5.50
т. Микоян 2.00-5.30
т. Мехлис 1.20-5.20
последние вышли
5.50

25 июня 1941 года

т. Молотов вход 19-40 м
выход 1-15 м
т. Ворошилов вход 19-40 м
выход 1-15 м
т. Малышев вход 20-05 м
выход 21-10 м
т. Берия вход 20-10 м
выход 21-10 м
т. Соколов вход 20-10 м
выход 20-55 м

Журнал с записями лиц, принятых И. В. Сталиным
(22–25 июля 1941 г.). Фрагмент 3

Образование Государственного Комитета Обороны

В виду создавшегося чрезвычайного положения и ~~в~~ в целях быстрой мобилизации ~~и организации~~ всех сил народов СССР для проведения ~~для отпора~~ отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, (Президиум Верховного Совета СССР) Центральный Комитет ВКП(б) и Совнарком СССР ~~признали необходимым~~:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталин И.В. (председатель)

т. Молотов В.М. (зам. председателя)

т. Ворошилов К.Е.

т. Маленков Г.М.

т. Берия Л.П.

Постановление об образовании Государственного Комитета Обороны (ГКО). Подлинник. Лист 1

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать (всех граждан и) все партийные, советские, комсомольские ~~хозяйственные~~ и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

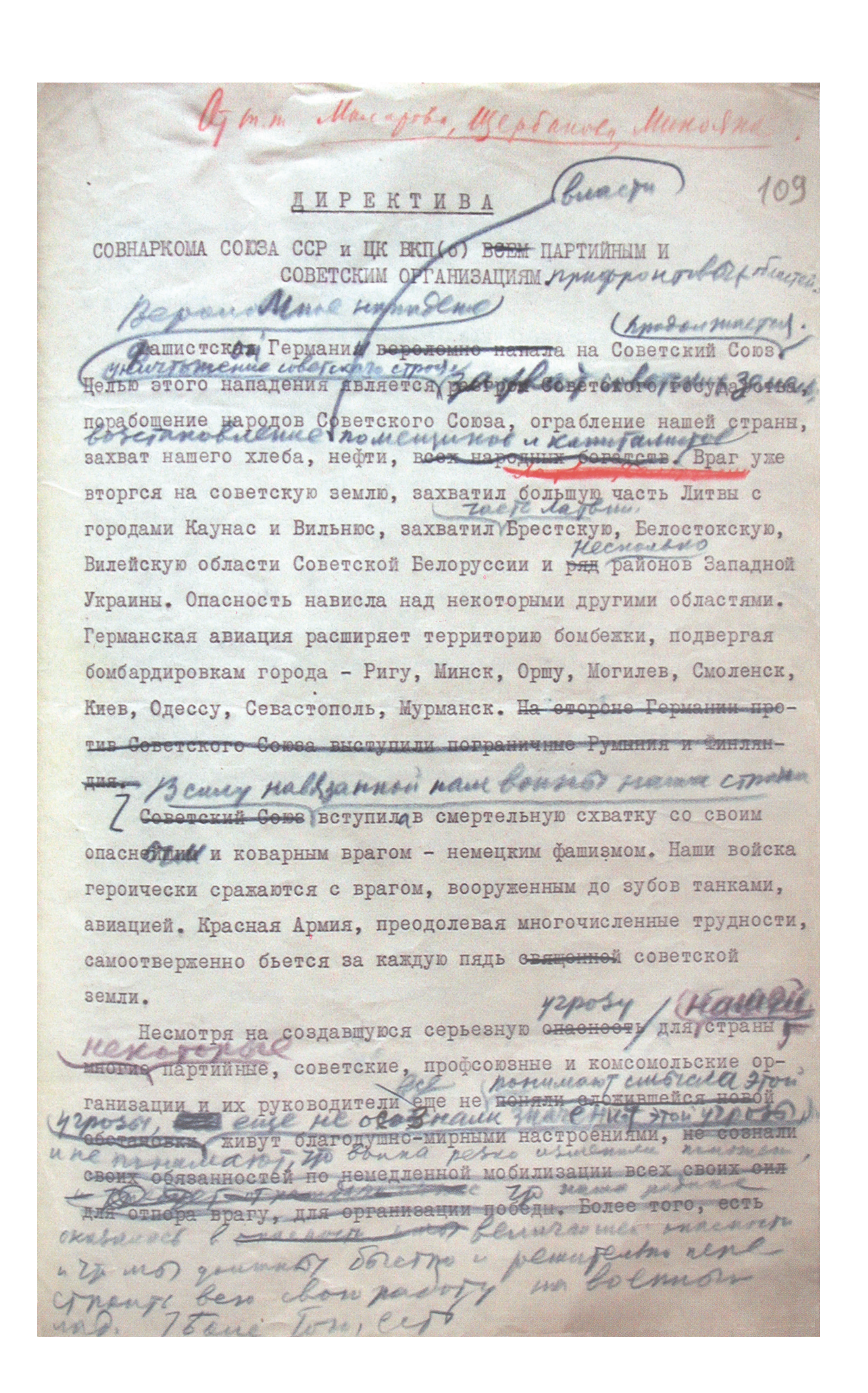
~~Председатель Президиума Верховного Сов~~

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.

Председатель Совнаркома Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин.

Москва. Кремль. 30 июня 1941 г.

Постановление об образовании Государственного Комитета Обороны (ГКО).
Подлинник. Лист 2

109

ДИРЕКТИВА

СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР и ЦК ВКП(б) всем ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Целью этого нападения является разгром советского государства, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, всех народных богатств. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и ряд районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города - Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск. На стороне Германии против Советского Союза выступили пограничные Румыния и Финляндия.

Советский Союз вступил в смертельную схватку со своим опаснейшим и коварным врагом - немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь священной советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную опасность для страны, многие партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не поняли сложившейся новой обстановки, живут благодушно-мирными настроениями, не сознали своих обязанностей по немедленной мобилизации всех своих сил для отпора врагу, для организации победы. Более того, есть

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 партийным
и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств
на разгром фашистских захватчиков. Лист 1

Директива завершалась обращением к тем, кому она была адресована: «Теперь всё зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом»[75].

Таким образом, за первую неделю войны советское руководство определило основы политики и стратегии ведения отечественной войны, дало ориентиры и программу деятельности партийным, государственным и общественным организациям, в первую очередь их руководителям на организацию работы.

Первые дни показали, что для ведения войны и организации жизни народа в ее условиях требуется предельно централизованная и эффективная система управления, наличие в структуре органов такого, который мог принимать решения, обязательные для неукоснительного исполнения всеми. Решение о создании такого чрезвычайного государственного органа в первые дни войны следует отнести к важным и успешным шагам в деятельности руководства страны — им стал Государственный Комитет Обороны (ГКО). Официально он был образован 30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б). 1 июля постановление было опубликовано, в нем определялись цели, персональный состав, полномочия и функции ГКО[76].

Сосредоточение ГКО всей власти в то же время не отменяло управленческих функций партийных, государственных и военных органов, а ориентировало их на решение проблем ведения войны. Его создание было организационным воплощением идеи превращения страны в единый военный лагерь. Безусловно, такое сосредоточение полномочий в ГКО, в руках его председателя содержало возможность неправильных, роковых решений и злоупотреблений властью, но отсутствие твердого управления в условиях угрозы поражения в войне с нацистской Германией было несравненно большей опасностью, причем не вероятной, а реальной.

Решив основные вопросы организации отечественной войны на стратегическом уровне, высшее руководство СССР, его официальный лидер И. В. Сталин понимали, что выполнение решений чрезвычайного органа — ГКО на тактическом уровне зависит от народа, миллионов воинов на фронте и многих десятков миллионов тружеников в тылу. Чтобы смысл и цели деятельности государственно-политического руководства СССР в условиях трагически начавшейся войны были понятны народу, требовалось непосредственное обращение к нему. С первым обращением и сообщением о начале войны 22 июня 1941 г. выступил В. М. Молотов. В подготовленный текст его речи И. В. Сталин вписал слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!» Эти слова в тяжелый период войны стали крылатой мобилизующей фразой.

После выяснения обстановки, характера и целей войны обеих сторон, разработки политической и первых задач военной стратегии, создания ГКО и назначения его председателем И. В. Сталина требовалось новое, развернутое обращение к народу в качестве общемобилизующей стратегической акции. С таким обращением И. В. Сталин выступил на 12-й день войны — 3 июля 1941 г. В нем он изложил характер и цели войны с нацистской Германией и основные положения ведения Советским Союзом отечественной и в то же время антифашистской войны, призвал народ к мобилизации всех сил на ведение борьбы.

В результате обращения руководства страны к народу 12-й день войны стал решающим для ее дальнейшего хода. И хотя судьбоносных сражений на фронтах вооруженной борьбы в этот день не было, но решался вопрос о том, состоятся ли они в будущем и в чью пользу завершатся. Это зависело от позиции народа: примет ли он положения обращения к исполнению, осудит ли руководство страны за допущенные ошибки в подготовке к войне, вспомнит ли прошлые обиды, нанесенные ему теми же лидерами страны в годы коллективизации и массовых репрессий и другие. Большинство народа приняло обращение к исполнению, а значит, исторический выбор состоялся: Великой Отечественной войне быть, фашизм будет разгромлен. Народ за ценой не постоит, какой бы высокой она ни была.

Политбюро ЦК ВКП(б) в системе стратегического руководства страной и вооруженными силами

Деятельность Политбюро ЦК ВКП(б) в дни войны охватывала два основных этапа. В ходе первого, длившегося с 22 июня по 2 июля 1941 г., Политбюро фактически сосредоточило в своих руках всю власть в стране, являясь одновременно высшим органом не только партийной, но также государственной и военной власти. В этот период решения Политбюро ЦК в военно-организаторской, военно-хозяйственной, кадровой и идеологической деятельности были основополагающими.

Второй этап, когда Политбюро передало властные функции новому чрезвычайному органу власти — ГКО, начался 3 июля 1941 г. и длился до конца войны. И. В. Сталин и его ближайшие соратники, возложив всю власть на ГКО и войдя в его состав, тем самым коренным образом изменили властную структуру в стране, систему государственного и военного управления. Фактически все решения ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, проекты указов Президиума Верховного Совета СССР утверждались узким кругом государственных деятелей: В. М. Молотовым, Г. М. Маленковым, Л. П. Берией, К. Е. Ворошиловым, Л. М. Кагановичем, а затем И. В. Сталин принимал решение, от имени какого органа целесообразно оформить тот или иной распорядительный документ.

В первые десять дней войны Политбюро рассматривало и решало обширный круг вопросов, не терпящих отлагательства: начиная от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения в первый день войны до назначения на руководящие должности в государственном аппарате и в Красной армии. Так, уже 24 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», в котором на органы НКВД возлагалась организация борьбы против парашютных диверсантов на территории Ленинградской, Мурманской, Калининской областей, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии и многих других республик, краев и областей. С этой целью при городских, районных и уездных отделах НКВД создавались истребительные батальоны. В этот период практически все важнейшие партийные и государственные дела и кадровые перемещения проходили через Политбюро, решения скреплялись подписью И. В. Сталина. Значительная их часть принимала форму указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений СНК СССР. Существенное место в протоколах Политбюро занимало утверждение особо важных решений Оргбюро и Секретариата ЦК.

В ходе второго, основного периода своей деятельности в годы войны Политбюро привлекалось главным образом к предварительному рассмотрению и утверждению проектов постановлений ЦК ВКП(б) и совместных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б). Периодически члены Политбюро утверждали те или иные решения Секретариата и Оргбюро ЦК партии. Специальные постановления Политбюро, как правило, облекались в форму соответствующего решения ЦК ВКП(б) или СНК СССР или их совместного постановления. Однако в компетенцию Политбюро не входило предварительное рассмотрение и тем более утверждение решений ГКО, что говорит о том, что в иерархии властных органов в условиях военного времени оно формально занимало второстепенное место.

Тем не менее главенствующая роль и в ГКО, и в Ставке Верховного главнокомандования принадлежала членам Политбюро. Так, в состав ГКО входили все члены Политбюро, за исключением Н. А. Вознесенского, а в Ставке Политбюро было представлено тремя членами высшего партийного органа: И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и К. Е. Ворошиловым. Соответственно, постановления ГКО фактически являлись также и постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б). На этих «совместных» заседаниях Политбюро ЦК партии и ГКО решались вопросы, связанные с мобилизацией материальных и людских ресурсов, развитием военного производства. Здесь утверждались квартальные и месячные планы производства самолетов,

танков, стрелкового вооружения, боеприпасов, обсуждались вопросы укрепления вооруженных сил, совершенствования их организационной структуры, создания стратегических резервов и многое другое. На заседаниях Ставки, где присутствовали некоторые члены ГКО и Политбюро, а также наркомы оборонной промышленности, командующие родами войск, обсуждались различные аспекты руководства войсками действующей армии, в частности планирование и проведение военных кампаний и стратегических операций.

Члены Политбюро, ГКО и Ставки, представляя единый государственно-политический и стратегический центр руководства страной, владели всей доступной информацией о положении дел в стране и на фронте, поэтому могли оперативно решать неотложные вопросы. Благодаря этому процесс принятия важных решений значительно ускорился, что положительно сказалось на общей ситуации на фронте и в тылу. Несмотря на нарушение принципов внутрипартийной демократии, подобный подход был оправдан спецификой военного времени, когда на первое место выдвинулись вопросы организации обороны страны и мобилизации всех сил на отпор врагу.

Несмотря на полное сосредоточение властных полномочий в руках ГКО, высший политический орган страны продолжал скреплять своими решениями ряд ключевых кадровых назначений. 19 июля 1941 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О назначении руководителей Наркомата обороны СССР, Западного направления и Западного фронта» народным комиссаром обороны СССР был назначен председатель Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталин, главнокомандующим Западным направлением — Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальником штаба главнокомандующего Западным направлением — Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, командующим Западным фронтом — генерал-лейтенант А. И. Ерёменко, а также другие руководящие лица Западного направления и Западного фронта[77]. Роль Политбюро в кадровой политике, пусть и формальная, в ходе основного периода его деятельности в годы войны продолжала оставаться весомой.

Периодически Политбюро продолжало решать отдельные общегосударственные вопросы, дополняя деятельность ГКО в этой области. Так, 5 июля 1941 г. постановлениями № 184–189 были приняты решения государственной важности: «Об эвакуации архивов», «Об эвакуации предприятий Наркомавиапрома», «О порядке эвакуации населения в военное время», «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД из прифронтовой полосы», «Об утверждении положения «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы», «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий»[78].

Постановлением Политбюро № 180 т. В. А. Донской был освобожден от обязанностей наркома заготовок ввиду его болезни, а К. П. Субботин (заместитель наркома заготовок) утвержден народным комиссаром заготовок СССР[79]; постановлением № 181 т. П. С. Кучумов был утвержден заместителем наркома среднего машиностроения[80]; постановлением № 182 т. Е. М. Чекменёв утвержден первым заместителем наркома земледелия СССР[81].

6 и 7 июля 1941 г. Политбюро приняло ряд новых постановлений, касающихся эвакуации: № 191 «Об эвакуации 1-го Государственного подшипникового завода им. Л. М. Кагановича», № 193 «О снятии телефонно-телеграфной и радиоаппаратуры с центральных телефонно-телеграфных станций и радиостанций», № 196 «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Москвы», № 197 «О перевозе из г. Москвы наркоматов, комитетов и Главных управлений при СНК СССР»[82]. 16 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б), после его одобрения Совнарком СССР и ЦК ВКП(б), утвердило военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны на четвертый квартал 1941 и на 1942 г.[83]

7 июля, когда выяснилось, что в результате быстрого отступления войск первого стратегического эшелона и огромных потерь госпитальная база наркоматов обороны, Военно-морского флота и внутренних дел не способна обеспечить в полном объеме потребности в лечении раненых и больных, Политбюро приняло специальное постановление № 194 «О дополнительном формировании эвакогоспиталей»[84], которое затем было оформлено как совместное

постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В последующем это направление было передано в ведение Государственного Комитета Обороны. Уже в середине августа 1941 г. ГКО принял ряд постановлений, изменивших порядок эвакуации раненых и больных воинов из армейских госпиталей, а также организационную структуру НКО, одной из задач которой являлось руководство этим процессом.

Когда выяснилось, что решение проблемы лечения раненых и больных, численность которых неуклонно росла, силами только военно-медицинских учреждений невозможно, ГКО постановлением от 22 сентября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной армии» возложил эту обязанность не только на Главное военно-санитарное управление Красной армии, но и на Наркомат здравоохранения. Лечение раненых и больных воинов в тыловых районах страны теперь осуществлялось Наркоматом здравоохранения СССР, а в армейских и прифронтовых районах — Главным военно-санитарным управлением Красной армии[85]. В соответствии с постановлением только на Северном Кавказе на основе бывших санаториев, домов отдыха, гостиниц в районах Сочи, Кавминвод, Анапы, Геленджика, Туапсе и других были развернуты дополнительно к существующим эвакуационные госпитали на 32 160 коек[86]. Всего же на Северном Кавказе количество коек в создаваемых госпиталях должно было достичь 81 960[87]. Курортные районы страны оказались наиболее подходящим местом для развертывания в них крупных госпитальных баз, создания на основе советских курортов госпиталей и лечебных учреждений[88]. К организации работы по переоборудованию здравниц в госпитали подключались не только местные партийные, профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации, но и командование соответствующих военных округов. Так, 27 июля 1941 г. Северо-Кавказским военным округом в Сочи был создан вспомогательный эвакопункт № 104 (ВЭП-104), позднее местный эвакопункт (МЭП-104), которому подчинялись все госпитали Сочи, Адлеровского и Шапсугского районов Краснодарского края[89]. Первые раненые прибыли в Сочи уже 5 августа 1941 г.

В октябре 1941 г. постановлением ГКО, по предложению ЦК ВКП(б), был создан Всесоюзный комитет по обслуживанию раненых бойцов и командиров. Возглавил его член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреев[90]. Принятые меры в сочетании с внедрением в медицинскую практику новых лекарственных препаратов и эффективных способов лечения раненых, а также самоотверженным трудом всего медицинского персонала позволили резко увеличить число возвращаемых в строй раненых бойцов и командиров. За годы войны этот показатель составил более 70%[91].

Не упускались из виду и вопросы награждения воинов, отличившихся в боях. 8 июля 1941 г. Политбюро утвердило проект указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «О присвоении звания Героя Советского Союза летчикам Военно-воздушных сил Красной армии». Представление и проект указа ПВС на имя И. В. Сталина были поданы командующим ВВС Красной армии генерал-лейтенантом авиации П. Ф. Жигаревым и членом Военного совета ВВС Красной армии Н. А. Булганиным. К званию Героя были представлены три летчика. Аналогичные представления были поданы на награждение отличившихся летчиков орденами Ленина — девять человек, Красного Знамени — 43 человека, Красной Звезды — 31 человек[92].

Специальные еженедельные заседания Политбюро по четвергам, как это практиковалось в довоенное время, не проводились. За весь период войны состоялся всего один Пленум ЦК ВКП(б) в октябре 1944 г., причем без участия Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина. Однако это мало что меняло в сложившейся системе управления страной, где решающее слово как в Политбюро, так и в ГКО оставалось за главой страны. К сфере компетенции Политбюро в годы войны были отнесены вопросы партийного строительства, внутрипартийная работа, решение различных организационно-партийных и политико-воспитательных задач, то есть выполнение сугубо партийных функций.

Особое внимание на протяжении всей войны уделялось форсированному росту численности партии и одновременно укреплению партийных рядов, созданию и функционированию

чрезвычайных партийных органов в стране, совершенствованию оргструктуры партийных органов и организаций. На завершающем этапе войны постепенно оживилась внутрипартийная работа, возобновилось проведение пленумов, конференций, отчетов и выборов в парторганизациях[93].

На протяжении всей войны одной из важнейших задач Политбюро являлось решение вопросов, связанных с духовной консолидацией общества, укреплением моральной и идейной стойкости народа, армии и флота, обеспечением передовой роли коммунистов на фронте и в тылу, ростом численности парторганизаций. В первую очередь это касалось действующей армии (постановления от 27 июня и 29 августа 1941 г. — «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках» и «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках и дивизиях»)[94]. За первые шесть месяцев войны в армию влились более миллиона членов партии, что составляло примерно треть состава ВКП(б). Многие из них направлялись в войска в качестве политбойцов, должны были сплачивать личный состав, показывать пример патриотизма.

В результате принятых мер влияние партии на вооруженные силы резко возросло. Многие секретари компартий союзных республик, крайкомов и обкомов назначались членами военных советов фронтов и армий. Этим кадровым назначениям придавалось особое значение. Члены военных советов различного уровня назначались постановлениями ГКО, вплоть до начальников политических училищ, в то время как командующие войсками фронтов и армий назначались приказами Ставки и реже постановлениями ГКО.

Одной из мер по укреплению порядка и дисциплины в войсках, усилению воспитательной работы стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. о введении института военных комиссаров: «Новые обстоятельства в работе политработников требуют того, чтобы была повышена роль и ответственность политработников, подобно тому, как это имело место в период Гражданской войны против иностранной военной интервенции»[95]. Введение института военных комиссаров являлось временной чрезвычайной мерой. Оно вовсе не означало принципиального отказа от единоначалия как наиболее целесообразной формы руководства войсками. Из круга обязанностей военных комиссаров исключался контроль над деятельностью командного состава, являвшийся одной из основных функций в годы Гражданской войны.

За первые четыре с половиной месяца войны ЦК ВКП(б) направил на руководящую политработу в войска более 4,5 тыс. ответственных партийных работников от центрального звена до районного. 10 ноября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по просьбе Главного политического управления Красной армии приняло постановление о новой мобилизации 2,6 тыс. коммунистов для занятия должностей политсостава Красной армии, прежде всего военных комиссаров всех степеней[96]. Институт военных комиссаров сыграл значительную роль в укреплении морально-боевого состояния войск, повышении их стойкости и боеспособности в самый тяжелый период войны. В октябре 1942 г., когда в основном были преодолены трудности первого периода войны, а командный состав и войска приобрели необходимый боевой опыт, институт военных комиссаров был упразднен.

К чрезвычайным формам партийного руководства в этот период следует также отнести создание подпольных партийных органов на временно оккупированной территории. 18 июля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», которое потребовало «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов»[97]. Партийные организации в захваченных врагом областях и районах переходили на нелегальное положение, в ускоренном порядке создавалось партийное подполье, отвечавшее за развертывание всенародной борьбы против оккупантов. Подпольные партийные организации создавались как в уже захваченных врагом районах, так и заблаговременно, на территориях, находившихся под угрозой захвата.

Таким образом, партийное влияние пронизывало все звенья государства сверху донизу. ВКП(б) во главе с Политбюро действительно стала воюющей партией. В армии служили

сыновья крупных партийных работников, многие из которых ушли на фронт добровольцами. Формально никто из членов партии не имел возможности уклониться от мобилизации, за исключением тех, кто был оставлен в тылу по брони, из-за дефицитной специальности.

Помимо мобилизации всех сил на отпор врагу непосредственно на фронте, не меньшее значение имело налаживание работы тыла, когда перспектива длительной войны стала реальностью. В первые же дни войны был расширен институт парторгов ЦК ВКП(б), введенный в преддверии войны на крупных оборонных предприятиях и предприятиях тяжелой промышленности[98]. Парторги ЦК, на которых одновременно были возложены функции секретарей заводских партийных организаций, в силу предоставленных больших полномочий оказали существенное влияние на оперативное решение военно-хозяйственных вопросов на оборонных предприятиях.

В целом роль партийных органов в руководстве народным хозяйством в обстановке военного времени резко возросла. В условиях массовой эвакуации промышленности, нарушения межведомственных и межотраслевых связей местные партийные комитеты нередко возлагали на себя непосредственное руководство важнейшими участками оборонной промышленности. Этому способствовало то, что в партийных комитетах всех уровней были введены должности секретарей по танковой, авиационной, минометной промышленности, боеприпасам, вооружению. В восточных областях, где была размещена значительная часть оборонных предприятий, в парткомах были введены должности секретарей по важнейшим отраслям тяжелой промышленности.

В связи с огромными трудностями, которые в первый период войны переживало сельское хозяйство, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в конце 1941 г. для улучшения хозяйственной деятельности машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов и организации политической работы среди тружеников села были созданы чрезвычайные партийные органы — политотделы[99]. Всего было организовано 7200 политотделов, а для руководства ими — 14 политуправлений при наркоматах земледелия и совхозов СССР и союзных республик и более 200 политсекторов при краевых и областных земельных управлениях[100]. Политотделы были введены также на транспорте. Сельские райкомы партии, на которые было возложено непосредственно руководство колхозами, совхозами и МТС, направляли всю их работу через районные советы, их исполкомы с различными отделами и сельсоветы. В целом это позволило поддерживать партийное влияние в деревне на должном уровне, обеспечить в это трудное время страну и армию продовольствием.

Опыт первых недель войны подтвердил, что при всех политических издержках и ошибках стратегический выбор партийно-государственного руководства СССР на индустриализацию народного хозяйства, коллективизацию сельского хозяйства, политическую и духовную консолидацию общества, его готовность к отражению внешней агрессии, с исторической точки зрения, был безальтернативным. Благодаря этому в районах, не охваченных боевыми действиями, в жесткие сроки и в целом организованно были выполнены необходимые мероприятия по мобилизации народного хозяйства, мобилизационному развертыванию вооруженных сил и, в конечном счете, превращению страны в единый военный лагерь.

Несмотря на вероломное нападение германского фашизма, крайне неблагоприятное развитие стратегической обстановки на фронтах в начальный период войны, система стратегического руководства страной и вооруженными силами, созданная в предвоенные годы, в основном оказалась устойчивой и способной к быстрой перестройке в условиях военного времени. В ходе поиска оптимальной структуры стратегического руководства страной и вооруженной борьбой во многом использовался опыт Гражданской войны. При этом далеко не в полной мере был решен вопрос о правовом оформлении сложившегося порядка принятия решений по руководству страной, что в целом характерно для жестко авторитарного стиля управления. После создания органов, наделенных всеми полномочиями, необходимыми для реализации функций верховной власти и Верховного главнокомандования, перевод всей системы политического руководства, государственного и военного управления СССР в чрезвычайный режим военного времени в основном завершился.

Роль фактора внезапности в планировании Германией войны против СССР была решающей, однако на деятельность советского партийно-государственного руководства он повлиял в значительно меньшей степени, чем рассчитывал противник. Единственная задача, которую в первые дни войны не удалось решить полностью, — это обеспечение устойчивого, отвечающего фактическим условиям военной обстановки руководства вооруженной борьбой.

Система государственного управления в условиях военного времени характеризовалась предельной централизацией власти в ущерб принципу коллективного руководства. Существенно деформировав и без того ограниченную внутрипартийную демократию, она вместе с тем способствовала мобилизации всех сил страны на отражение вражеского нашествия. Экстраординарные меры, направленные на быстрый перевод страны на военное положение и превращение ее в единый военный лагерь, заложили краеугольный камень в фундамент победы.

Создание чрезвычайных органов управления (Ставки Главного командования и ГКО) сформировало основы политического, государственного, военного руководства и управления СССР в военное время. Был запущен механизм организаторской, мобилизационной и идеологической работы во всех звеньях, заложена основа нормативно-правовой базы военного времени, созданы органы политико-идеологического противоборства и информационного обеспечения, установлены союзнические взаимоотношения СССР и Великобритании, а также условия для формирования широкой антигитлеровской коалиции, положено начало регулярному обмену посланиями лидеров великих держав. Деятельность руководства страны в период войны в целом характеризовалась жесткой централизацией, организованностью, высокой исполнительской дисциплиной, решимостью любой ценой довести борьбу до победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 29 ноября 1932 г. — «О ненападении», 5 декабря 1934 г. — «О взаимной заинтересованности в заключении Восточного регионального пакта», 2 мая 1935 г. — «О взаимной помощи».

[2] 16 мая 1935 г. — «О взаимной помощи».

[3] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стеногр. отчет. М., 1934. С. 13.

[4] *Сталин И. В.* Сочинения. В 18-ти т. М., 1951. Т. 13. С. 38–39.

[5] История социалистической экономики СССР. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937. В 7-ми т. М., 1978. Т. 4. С. 291.

[6] Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). М., 2011. Т. 3. Ч. 2. С. 8.

[7] Там же. С. 12.

[8] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-8418. Оп. 9. Д. 211. Л. 54.

[9] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 15. Оп. 2727сс. Д. 93. Л. 43–46.

[10] Военно-морской флот СССР — один из видов вооруженных сил. В 1918–1924 и 1937–1946 гг. носил название Рабоче-крестьянский Красный флот (РККФ), в 1924–1937 и 1950–1953 гг. — Военно-морские силы (ВМС РККА).

[11] Российский государственный архив ВМФ (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 1 с. Д. 498. Л. 80–98, 129, 228.

[12] Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 435. Л. 9; *Грибовский В. Ю.* Рабоче-крестьянский Военно-морской флот в предвоенные годы. 1931–1936. СПб., 1992. С. 9–10.

[13] *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695–1945). СПб., 2000. С. 276–278.

[14] Закон СССР «Об обязательной военной службе» утвержден постановлением ЦИК СССР от 24 апреля 1926 г.

[15] *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 276–277.

[16] Конституция СССР утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.

[17] Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). М., 1988. С. 49.

[18] Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 2000. Т. 4. С. 126.

[19] *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 122–123.

[20] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 2. Л. 8–11; *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 122–123.

[21] РГАЭ. Ф. 7537. Оп. 1. Д. 20. Л. 77.

[22] История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 27, 101.

[23] Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004. С. 13.

[24] 7 мая 1940 г. НКО возглавил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

[25] Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). С. 40.

[26] История создания и развития Генерального штаба. М., 1992. С. 109.

[27] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40443. Оп. 3. Д. 172. Л. 155.

[28] История создания и развития Генерального штаба. С. 111.

[29] *Михалёв С. Н.* Стратегическое руководство: Россия / СССР в двух мировых войнах XX столетия. М., 2003. С. 120.

[30] История создания и развития Генерального штаба. С. 113.

[31] Там же. С. 115.

[32] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 59.

[33] Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). С. 55.

[34] Там же. С. 32.

[35] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 2. С. 76.

[36] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х Кн. Кн. 2. М., 1988. С. 291.

[37] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 328.

[38] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 298608. Д. 10. Л. 17.

[39] *Пересыпкин И. Т.* Связь в начальный период войны. М., 1960. С. 16.

[40] Там же. С. 18.

[41] Там же. С. 19.

[42] Положение о взаимоотношениях НКС и НКО в мирное и военное время по вопросам подготовки связи к войне введено в действие постановлением СТО СССР № К-164 сс от 1 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 5. Л. 164–165).

[43] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12186. Д. 1. Л. 45.

[44] РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 30. Д. 23. Л. 45.

[45] Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1973. С. 20.

[46] РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 32. Д. 37. Л. 56–58.

[47] *Пересыпкин И. Т.* Указ. соч. С. 33–34.

[48] 1941 год. Уроки и выводы. М., 1992. С. 23.

[49] Там же. С. 82.

[50] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 65.

[51] 1941 год. Уроки и выводы. С. 31.

[52] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М., 1973–1982. Т. 3. М., 1976. С. 423.

[53] 1941 год. Уроки и выводы. С. 35.

[54] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 426.

[55] 1941 год. Уроки и выводы. С. 39.

[56] Там же. С. 41.

[57] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., Клинцы, 2004. С. 531–532.

[58] Советские вооруженные силы: История строительства. М., 1978. С. 248.

[59] Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. М., 1963. С. 11.

[60] 1941 год. Уроки и выводы. С. 48.

[61] *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 237–239.

[62] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. М., Л., 1926. С. 48–49.

[63] *Фрунзе М. В.* Наше военное строительство и задачи Военно-научного общества // Избранные произведения. М., 1934. С. 152.

[64] Война и общество в XX веке. В 3-х Кн. Кн. 1. М., 2008. С. 11–40.

[65] Цит. по: Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. М., 2000. С. 537.

[66] Судебный процесс проходил с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г. Международный военный трибунал был создан четырьмя великими державами: СССР, США, Великобритания, Франция. Действовал он по подписанному соглашению от имени Объединенных Наций. Трибунал рассмотрел более 5 тыс. подлинных документальных доказательств (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7-ми т. М., 1957–1961).

[67] Анализ доктринальных, директивных и оперативных документов, в которых содержатся уголовно-преступные планы и деяния нацистов, представлен в трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей. В наиболее полном виде он представлен в трудах В. И. Дашичева (См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х т. М., 1973).

[68] *Сталин И. В.* Сочинения. В 18-ти т. Т. 15. М., 1997. С. 20.

[69] В этом отношении убедительные доказательства содержатся в трудах известного, но на долгое время закрытого на родине и до сего времени редко вспоминаемого, русского историка профессора Алексея Константиновича Байова. Например, в его труде «Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры», вышедшем в 1927 г. в Таллине.

[70] Такую вину признал И. В. Сталин в своей речи на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас и моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города» (*Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб., 2010. С 181–182).

[71] См.: Распоряжение верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными, 8 сентября 1941 года // Мировые войны XX века. В 4-х Кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2005. С. 266.

[72] Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 218–220.

[73] Там же. С. 218.

[74] Там же. С. 219.

[75] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112.

[76] ЦАМО. Ф. 16А. Оп. 3336. Д. 21. Л. 26–27.

[77] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 52–59.

[78] Там же. Л. 44–50.

[79] Там же. Л. 41

[80] Там же. Л. 42.

[81] Там же. Л. 43.

[82] Там же. Л. 52–59.

[83] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 21, 26–31.

[84] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 55.

[85] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 60–61.

[86] Военно-медицинский журнал. 1971. № 11. С. 90.

[87] Советское здравоохранение. 1980. № 5. С. 61.

[88] *Артюхов С. А.* Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сочи, 2004. С. 8–9.

[89] *Артюхов С. А.* Очерки по истории Сочи. 1918–1990 гг. Сочи, 2006. С. 40–41.

[90] *Лужеренко В. К.* Государственный Комитет Обороны // Военно-исторический архив. М., 1999. Вып. 4. С. 134.

[91] Там же.

[92] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 52–59.

[93] *Черепанов В. В.* Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 404–408.

[94] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 31, 33.

[95] КПСС в Вооруженных силах Советского Союза: Документы, 1917–1968. М., 1969. С. 305.

[96] Коммунистическая партия Советского Союза в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 6.

[97] КПСС в Вооруженных силах Советского Союза: Документы, 1917–1968. М., 1969. С. 305.

[98] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 166.

[99] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. С. 36–38.

[100] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 166.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ В СИСТЕМЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА СТРАНОЙ И ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

С началом Великой Отечественной войны стало очевидным, что созданная в СССР система государственного управления оказалась не готова к крупномасштабной вооруженнойо борьбе, даже несмотря на то что предвоенная командно-административная система управления страной носила ярко выраженный военно-мобилизационный характер. На повестку дня встал вопрос о незамедлительной перестройке системы и структуры государственный власти, чтобы в наикратчайшие строки превратить страну в единый военный лагерь. Требовалось незамедлительно принять меры по созданию в стране новых, чрезвычайных органов власти.

Летом 1941 г. центральные властные структуры СССР приняли единственно верное решение — оперативно перейти на чрезвычайную систему государственной власти и управления воюющей страной, при этом соблюдался основополагающий принцип обеспечения монолитного единства партийного, государственного и военного руководства и управления. Практическим претворением в жизнь этого принципа в переходе к системе работы чрезвычайных органов государственной власти и управления стало образование Государственного Комитета Обороны — властной структуры, постоянно державшей в поле зрения все вопросы жизни и деятельности страны, подчинив их решение достижению победы над врагом в войне, еще не имевшей аналогов по своим масштабам и опасности для нашей Отчизны в отечественной истории. При этом следует особенно подчеркнуть такое принципиальное обстоятельство: Государственный Комитет Обороны в качестве высшего чрезвычайного органа власти и управления в стране с неограниченными властными полномочиями занял ведущее место как структура в системе органов стратегического руководства страной и ее вооруженными силами.

Понимая, что все решения партийного руководства и государственного управления могут быть реализованы только благодаря созидательной деятельности граждан страны, Государственный Комитет Обороны, Политбюро и ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВЦСПС и партийные органы на местах особое значение придавали подбору и расстановке руководящих кадров, воспитанию в массах духовно-нравственных и моральных качеств, способности преодолевать трудности войны и идти к победе. С учетом того, что основой системы стратегического

руководства являлись подсистемы управления на всех уровнях, пристальное внимание уделялось их организационному развитию, адекватной военно-политической, экономической и идеологической обстановке как внутри государства, так и в мире. При этом в условиях войны организационно-структурная и функциональная адаптация органов власти к работе началась именно с создания надпартийного и надведомственного органа — Государственного Комитета Обороны.

Организационно-структурное и функциональное развитие Государственного Комитета Обороны

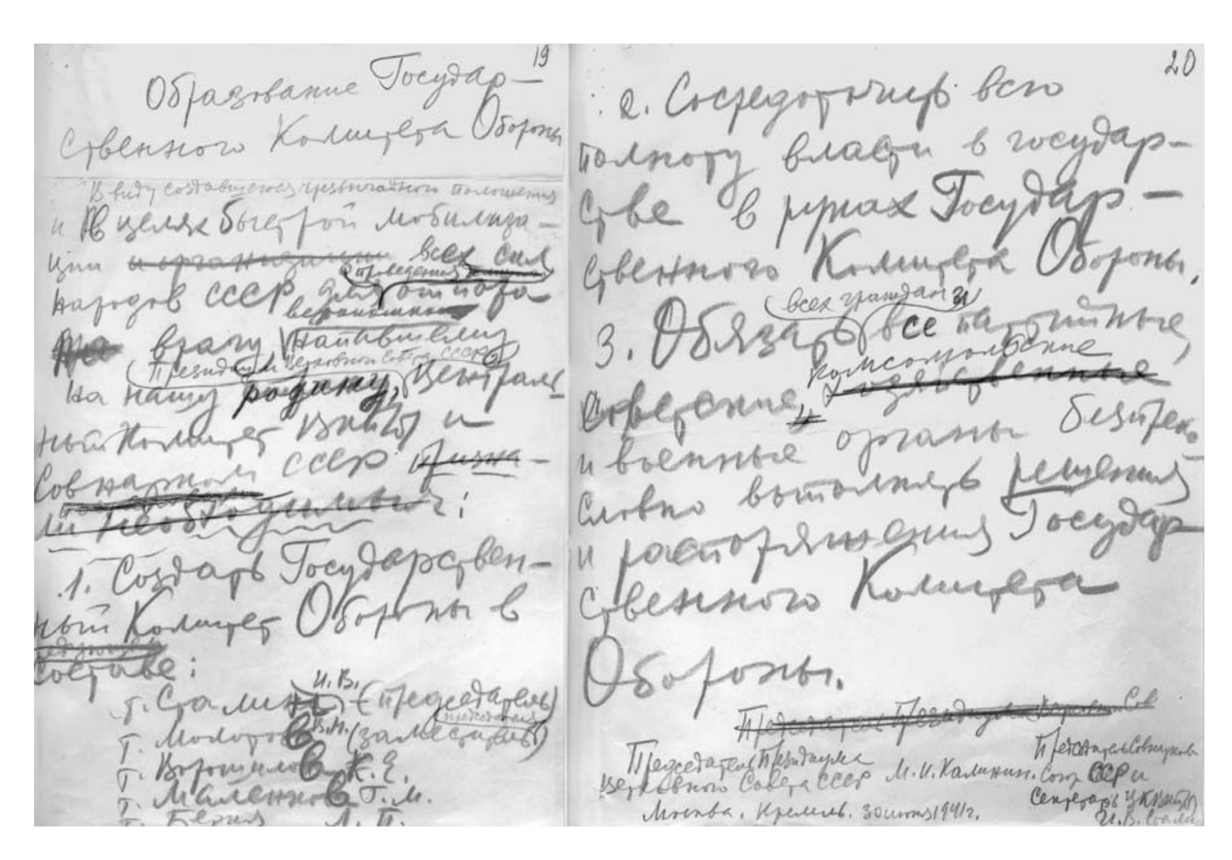
Исторический феномен ГКО настолько уникален, что ему вряд ли можно найти аналоги в довоенной истории Советского государства. И хотя некоторая преемственность идей развития существовала[1], Государственный Комитет Обороны был образован и функционировал именно в качестве чрезвычайного органа с неограниченными властными полномочиями, став также и главной структурой в системе органов стратегического руководства страной и ее вооруженными силами, — порождение конкретно-исторической обстановки, складывавшейся в период Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что в начале войны, на второй день, была создана Ставка Главного командования в качестве высшего коллективного органа стратегического руководства действующей армией[2]. В сложной военно-политической и стратегической обстановке, которая менялась ежедневно, причем трудно предсказуемо, Ставка имела все полномочия в стратегическом руководстве войсками и силами флота, однако не имела возможности осуществлять властно-распорядительные функции в сфере гражданского управления. Таким образом, Ставка Главного командования не могла выступать в качестве координирующего начала в деятельности гражданских властных и управленческих структур в интересах действующей армии, что, естественно, затрудняло стратегическое руководство войсками и силами флота.

Тем временем положение на фронте резко ухудшалось, и это подталкивало высшее партийно-государственное руководство СССР к образованию властной структуры, которая могла бы стать по статусу выше не только Ставки Главного командования, но и всех руководящих партийных инстанций, органов государственной власти и управления. Таким центром чрезвычайной власти и управления, наделенным особыми полномочиями, и стал Государственный Комитет Обороны — главная структура, в том числе в системе органов стратегического руководства страной и ее вооруженными силами, постановлениям и распоряжениям которого придали статус законов военного времени, обязательных для всех.

Первоначально было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б)[3], а затем совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании чрезвычайного государственного органа — Государственного Комитета Обороны[4]. Все должностные лица новообразованного органа были членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Уже через двое суток после образования ГКО, 3 июля 1941 г., состоялось его заседание, на котором были утверждены семь постановлений Государственного Комитета Обороны об ответственности за порученный участок каждого члена ГКО.

Председатель ГКО И. В. Сталин и его заместитель В. М. Молотов осуществляли не только руководство деятельностью этого чрезвычайного органа, но и стратегическое руководство страной, вооруженной борьбой и войной в целом. Все постановления и распоряжения Государственного Комитета Обороны выходили за их подписями. При этом В. М. Молотов еще и как нарком иностранных дел руководил внешнеполитической деятельностью страны.

Образование Государственного Комитета Обороны
В виду создавшегося чрезвычайного положения
и в целях быстрой мобилизации всех сил
народов СССР для отпора
врагу, вероломно напавшему
на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и
Совнарком СССР признали необходимым:
1. Создать Государственный Комитет Обороны в
составе:
т. Сталин И. В. (председатель)
т. Молотов В. М. (заместитель председателя)
т. Ворошилов К. Е.
т. Маленков Г. М.
т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю
полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.
3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские
и военные органы беспрекословно выполнять решения
и распоряжения Государственного Комитета
Обороны.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.
Председатель Совнаркома СССР и Секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин
Москва, Кремль. 30 июня 1941 г.

Постановление «Об образовании ГКО». Заголовок и пометы — автограф И. В. Сталина, текст и правка — автограф Г. М. Маленкова

Члены ГКО Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов и Л. П. Берия наряду со своими основными обязанностями в СНК СССР, наркоматах и ЦК ВКП(б) по линии ГКО получали новые постоянные или временные поручения. Так, в оборонно-промышленном блоке нарком внутренних дел курировал Наркомат минометного вооружения, которым руководил П. И. Паршин, Наркомат боеприпасов, возглавляемый Б. Л. Ванниковым, Наркомат танковой промышленности во главе с В. А. Малышевым. Первоначально Л. П. Берия в соответствии с постановлением ГКО от 29 августа 1941 г. о назначении его уполномоченным ГКО по вопросам вооружения был назначен ответственным за выполнение и перевыполнение промышленностью планов производства всех видов вооружения[5]. В связи с широкомасштабной военной мобилизацией, проводившейся в стране, и огромными потерями оружия на фронтах это направление деятельности было весьма важным. Кроме того, ему было поручено отвечать за добывающие отрасли: угольную, нефтяную, лесную, обеспечивавшие работу заводов.

Г. М. Маленкову вначале было поручено руководить производством танков всех типов[6]. Летом — осенью 1941 г., когда шла «война моторов», а потери военной техники на полях сражений требовали во что бы то ни стало в кратчайшие сроки ликвидировать немецкое превосходство в танках, эта задача была наиважнейшей.

Маршалу К. Е. Ворошилову поручалось руководить военно-мобилизационной работой. Он должен был контролировать вопросы формирования и сколачивания новых соединений и частей. После назначения его главкомом Северо-Западного направления в сентябре эта обязанность была с него снята, а в декабре, с возвращением из Ленинграда, возложена вновь[7].

Образование Государственного Комитета Обороны

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталин И. В. (председатель)
т. Молотов В. М. (заместитель председателя)
т. Ворошилов К. Е.
т. Маленков Г. М.
т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. И. КАЛИНИН.

Председатель Совнаркома Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИН.

Москва, Кремль, 30 июня 1941 года.

Состав Государственного Комитета Обороны СССР

Важной особенностью государственного управления стало вовлечение академической науки. В сентябре 1941 г. Президиум Академии наук СССР создал координационный центр для решения оборонных и народно-хозяйственных проблем. Для работы в комитетах ГКО, управлениях СНК СССР и наркоматах были привлечены крупнейшие ученые: специалист в области механики и артиллерийского вооружения академик А. А. Благонравов, физик и оптик академик С. И. Вавилов, энергетик академик А. В. Винтер, физик твердого тела академик А. Ф. Иоффе, крупный специалист по мостостроению и сварке академик Е. О. Патон, геохимик и минералог академик А. Е. Ферсман и другие. Некоторые ученые были назначены заместителями наркомов СССР[8].

После успешного контрнаступления под Москвой состав Государственного Комитета Обороны был расширен. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1942 г. в него вошли: А. И. Микоян, являвшийся к тому времени членом Политбюро ЦК, заместителем председателя СНК СССР, руководивший вопросами снабжения РККА;

Н. А. Вознесенский — кандидат в члены Политбюро, первый заместитель председателя СНК СССР, курировавший вопросы перебазирования и работы оборонной промышленности. 20 февраля 1942 г. в состав ГКО был включен также член Политбюро ЦК, заместитель председателя СНК СССР, нарком путей сообщения Л. М. Каганович. Последующие кадровые изменения в составе ГКО произошли уже ближе к концу Великой Отечественной войны: с 22 ноября 1944 г. в него был включен Н. А. Булганин — член ЦК ВКП(б), заместитель наркома обороны СССР, и выведен К. Е. Ворошилов, а со 2 февраля 1945 г. членом ГКО стал нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов.

Изменения в кадровом составе ГКО повлекли и перераспределение обязанностей между его членами. Г. М. Маленков был назначен ответственным за состояние дел в авиационной промышленности, передав кураторство над танкостроением В. М. Молотову, а также «за штаты минометных частей Ставки ВГК». Н. А. Вознесенский стал контролировать работу черной и цветной металлургии, нефтяной и химической промышленности. А. И. Микоян, как и прежде, отвечал за вещевое, продовольственное и иное снабжение Красной армии[9], Л. П. Берия — за работу ВВС Красной армии (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт, организационные вопросы и вопросы зарплаты), а также за производство вооружения; Л. М. Каганович — за транспорт и воинские перевозки. Тем же постановлением утверждалось следующее положение: «Каждый член ГКО должен иметь заместителя по контролю выполнения наркоматами решений ГКО по порученной ему отрасли работы»[10]. Принятые меры позволили более объективно оценивать обстановку, принимать обоснованные решения, осуществлять качественный контроль и проверку исполнения.

И. В. Сталин сосредоточил в своих руках ключевые партийно-государственные посты, одновременно являясь председателем ГКО, Верховным главнокомандующим, председателем Ставки ВГК, Генеральным секретарем ЦК ВКП(б)[11], членом Политбюро ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК ВКП(б), членом ЦК ВКП(б), председателем СНК СССР, народным комиссаром обороны СССР, председателем Транспортного комитета ГКО. Получив неограниченные полномочия, И. В. Сталин смог рационально использовать их: он не только объединил, но и реализовал огромный военно-политический, административно-распорядительный потенциал государственной власти и управления в интересах достижения стратегической цели — победы над нацистской Германией и ее союзниками. А. М. Василевский об этом говорил: «Оправданно ли было, что Сталин возглавлял Верховное главнокомандование? Безусловно, оправданно, и когда Сталин как Генеральный секретарь, Предсовнаркома, председатель ГКО стал еще Верховным главнокомандующим, наркомом обороны, открылись благоприятные возможности для победы»[12].

В июле 1943 г. И. В. Сталин отстранил В. М. Молотова от контроля над танкостроением, поручив это важное дело Л. П. Берии[13]. Его заместителем по контролю над выполнением решений ГКО по танковой промышленности 10 июля 1943 г. был назначен А. М. Петросянц[14]. С конца 1944 г. Л. П. Берия по личному указанию вождя стал курировать работу по «атомному проекту», при этом с него как наркома внутренних дел никто не снимал ответственности за обеспечение внутреннего порядка в стране[15]. Для В. М. Молотова с середины 1943 г. самым важным направлением его деятельности стала внешнеполитическая.

Перераспределение функций между членами ГКО И. В. Сталин производил в зависимости от состояния дел на порученных им участках. Получая информацию от наркомов оборонных отраслей промышленности о реальном положении в отрасли, председатель ГКО определял, кто из его соратников успешно справляется с возложенными на него обязанностями, а кто не тянет. Спрос с каждого был очень жесткий, никакие личностные отношения роли не играли.

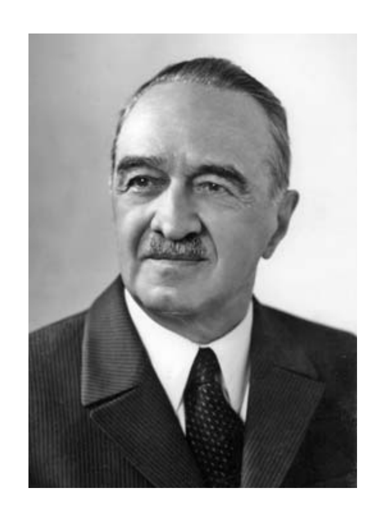
Деятельность членов ГКО обеспечивали рабочие группы. Они-то и стали первыми структурными элементами аппарата ГКО. Каждая из них представляла собой небольшой коллектив квалифицированных специалистов (от 20 до 50 человек, а иногда и более). Например, рабочая группа, обеспечивавшая деятельность Г. М. Маленкова, сначала состояла из нескольких десятков опытных администраторов и специалистов в области самолето- и авиамоторо-

Н. А. Вознесенский

А. Н. Косыгин

А. И. Микоян

М. Г. Первухин

Д. Ф. Устинов

В. А. Малышев

П. И. Паршин

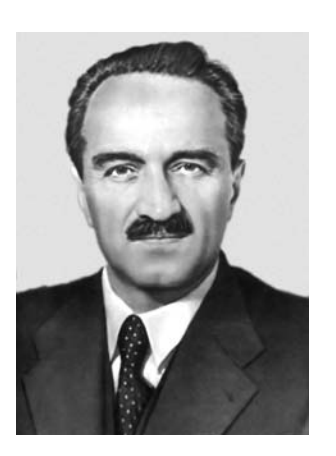
Н. К. Байбаков

Л. М. Каганович

И. Т. Пересыпкин

И. Ф. Тевосян

строения. Они знали количественные и качественные характеристики всей номенклатуры выпускаемой продукции и производственные мощности предприятий. В реализации задачи формирования боевых резервов К. Е. Ворошилов опирался как на свою рабочую группу, сформированную в ГКО, так и на аппарат Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии.

Руководитель рабочей группы являлся заместителем члена ГКО. Наряду с этим для каждого члена ГКО с 1942 г. была введена должность заместителя по контролю над выполнением постановлений ГКО в порученной отрасли. В своей деятельности члены ГКО тесно контактировали с наркоматами тех отраслей, которые они курировали. Для этого они использовали не только свою группу, но и аппарат соответствующих наркоматов. Чем выше был статус куратора в системе государственного управления, тем более существенной оказывалась помощь подконтрольному наркомату, больше материальных и людских ресурсов он получал.

Важную роль в претворении в жизнь постановлений и распоряжений данного органа власти, особенно в сфере оборонных отраслей промышленности, по наращиванию производства военной продукции и контролю над деятельностью местных органов власти сыграл институт уполномоченных ГКО, который возник сразу же после образования Государственного Комитета Обороны. Круг обязанностей и прав как постоянных, так и временных уполномоченных никакими документами регламентирован не был и определялся либо специальными постановлениями ГКО, либо содержанием мандата. То обстоятельство, что уполномоченные ГКО одновременно являлись, как правило, членами ЦК ВКП(б), обеспечивало им огромные права.

Уполномоченные ГКО подбирались и назначались из числа видных партийных, советских и хозяйственных руководителей, крупных военных специалистов и ученых. Уполномоченными ГКО на местах обычно становились секретари партийных комитетов крупных промышленных центров. Эта категория должностных лиц действовала в важнейших отраслях народного хозяйства, на крупных заводах, во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. Группа постоянных уполномоченных ГКО свои задачи выполняла в самый трудный для страны момент — с июля по декабрь 1941 г., а временные уполномоченные работали до конца войны. Но во всех случаях состав уполномоченных ГКО обусловливался конкретной задачей и соответствующей компетентностью. Своих уполномоченных ГКО назначал в республики, края и области.

Не оставались без внимания и вопросы ускоренного развития актуальных научных проблем, которые могли способствовать эффективной реализации постановлений Государственного Комитета Обороны. Так, 10 июля 1941 г. ГКО утвердил положение о деятельности уполномоченного по координации и активизации научной работы в области химии для нужд обороны страны. На назначенного на эту должность С. В. Кафтанова, являвшегося председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, возлагались следующие задачи: координация работы НИИ и вузов в области химии и химической промышленности, подготовка и внесение на утверждение ГКО предложений о внедрении в производство и на вооружение войск новейших научных и технических достижений и изобретений в области взрывчатых веществ и порохов, дымообразующих веществ и средств химической защиты. Чтобы привлечь ученых, деятелей науки и техники, а также организаторов производства к разработке научных работ в заданной области, при уполномоченном ГКО был создан Научно-технический совет. В его состав вошли нарком химической промышленности М. Ф. Денисов, начальник Управления военно-химической защиты Красной армии генерал-майор П. Г. Мельников, а также выдающиеся ученые: академики А. Н. Бах, Н. Д. Зелинский, П. Л. Капица, С. С. Намёткин, А. Н. Фрумкин, профессор К. К. Снитко и другие[16].

Довольно часто ГКО посылал своих уполномоченных в действующую армию и районы предстоящих боевых действий для решения военных, военно-технических, мобилизационных, экономических, эвакуационных и иных задач государственной важности. Так, летом 1942 г. для выполнения спецзадания на Северный Кавказ был направлен Н. К. Байбаков, в то время являвшийся заместителем наркома нефтяной промышленности. Его основной

задачей было проведение мероприятий, направленных на недопущение использования гитлеровцами действующих источников нефтедобычи, с чем он успешно справился[17].

По разным оценкам, с июля по декабрь 1941 г. насчитывалось около 100 уполномоченных ГКО. Примерно 40 человек из этого числа работали в оборонной промышленности, около 15 — занимались вопросами эвакуации, более 10 — на транспорте, отвечая за воинские перевозки, остальные выполняли другие, не менее сложные поручения[18].

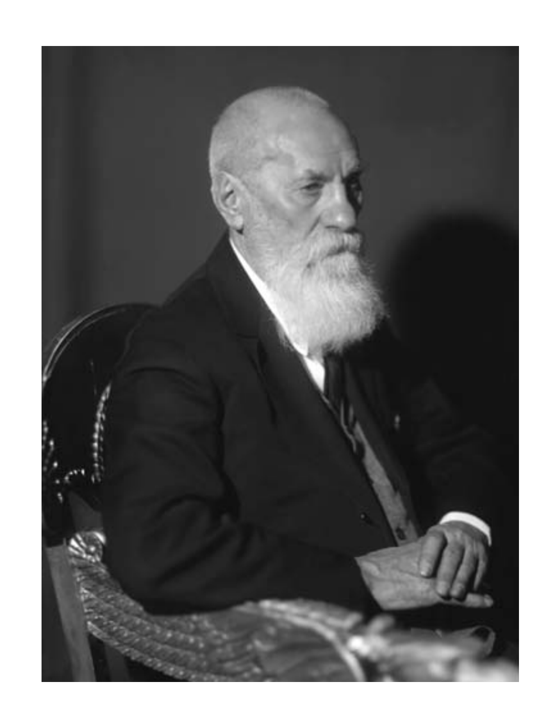
Учреждение института уполномоченных ГКО стало мощным рычагом выполнения не только его постановлений. На крупных предприятиях кроме уполномоченных ГКО работали парторги ЦК ВКП(б), комсорги ЦК ВЛКСМ, полномочные представители НКВД, уполномоченные ВЦСПС. Иными словами, была целая армия контролеров по вопросам исполнительской дисциплины. Отметим, что чаще всего уполномоченные ГКО, обладавшие несопоставимо большими правами и возможностями, чем руководители предприятий, оказывали им неоценимую практическую помощь. Но встречались и такие, кто, не вникнув в технологические процессы производства, действуя запугиванием и угрозами, вносил неразбериху. В таких случаях обоснованный доклад председателю ГКО быстро разрешал конфликтную ситуацию.

При ГКО были созданы различные комитеты, комиссии, советы, группы, бюро, причем одни из таких структурных подразделений действовали длительное время, другие по мере выполнения задач распускались. Были созданы: Группа уполномоченных ГКО (с июля по декабрь 1941 г.), Комитет по эвакуации (16 июля 1941 — 25 декабря 1945 г.), Комитет по эвакуации из прифронтовых зон продовольствия и промтоваров (с 25 сентября 1941 г.), Трофейная комиссия (декабрь 1941 — 5 апреля 1943 г.), Комитет по разгрузке железных дорог (25 декабря 1941 — 14 февраля 1942 г.), Транспортный комитет (14 февраля 1942 — 19 мая 1944 г.)[19], Оперативное бюро ГКО (с 8 октября 1942 г.), Трофейный комитет (с 5 апреля 1943 г.), Совет по радиолокации (с 4 июля 1943 г.), Особый комитет по вопросам репараций (с 25 февраля 1945 г.), Специальный комитет по вопросам использования атомной энергии (с 20 августа 1945 г.)[20].

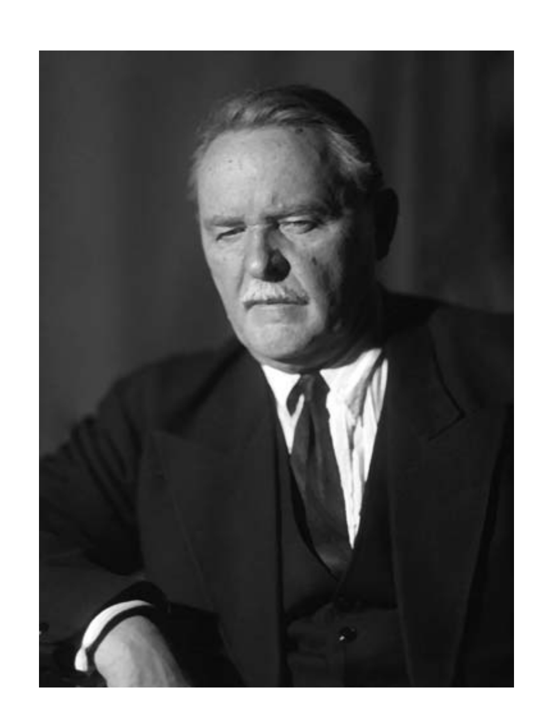
На третий день войны постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л. М. Кагановича (председателя), Н. М. Шверника (первого заместителя), А. Н. Косыгина (заместителя), Б. М. Шапошникова (НКО), С. Н. Круглова (НКВД), П. С. Попкова (Ленгорисполком), Н. Ф. Дубровина (НКПС), П. И. Кирпичникова (Госплан). Они немедленно приступили к работе. Но уже 26 июня в состав Совета в качестве первого заместителя был введен А. И. Микоян (СНК), а 1 июля заместителем председателя вошел М. Г. Первухин (СНК). Для работы в центральном аппарате Совета по эвакуации были привлечены 80–85 сотрудников СНК СССР, СНК РСФСР, Госплана, ВЦСПС и специалистов из народных комиссариатов.

Совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. определяло порядок вывоза людских контингентов и ценного имущества и их размещения, а 2 июля было принято постановление «Об уполномоченных Совета по эвакуации по наркоматам СССР»[21]. Перебазирование производительных сил из угрожаемых районов страны на восток стало вынужденной и чрезвычайной мерой, вызванной крайне неблагоприятной обстановкой на фронте, и несмотря на кажущуюся импровизацию этого процесса, в нем была заложена определенная плановость. Когда развитие оперативно-стратегической обстановки начало принимать катастрофический характер, стало ясно, что эвакуация приобретает огромные масштабы. Буквально на ходу приходилось решать, что перебазировать в первую очередь и в какие районы. Кроме промышленных предприятий, инженерно-технического состава и рабочих нужно было вывезти и средства их обеспечения: зерно, фураж, скот, сельскохозяйственное оборудование.

В это же время И. В. Сталин дал указание подготовить к поэтапной эвакуации из Москвы наркоматы. Для каждого наркомата Совет по эвакуации утверждал срок, график и порядок отъезда из Москвы. В первую очередь планировалось отправлять двух-трех заместителей наркома примерно с половиной штата. В качестве уполномоченного в Москве должен был оставаться один из заместителей наркома с небольшой рабочей группой для связи с правительственными учреждениями и выполнения поручений наркома.

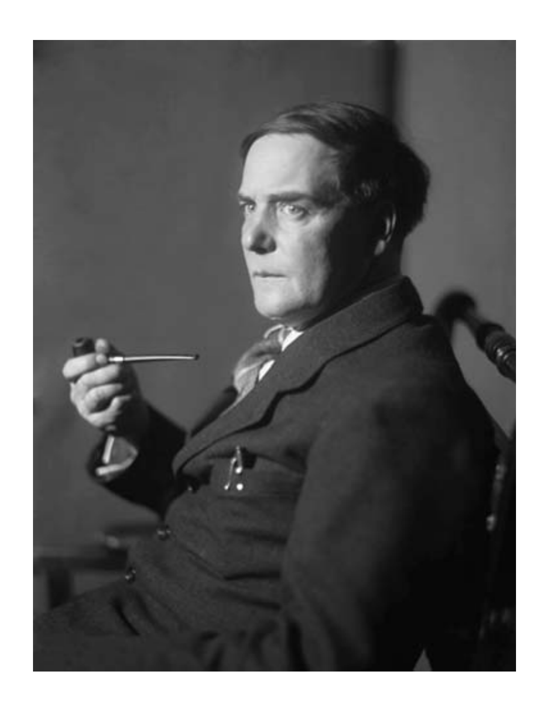
А. Н. Бах

С. С. Намёткин

А. Н. Фрумкин

П. Л. Капица

Когда объем и масштабы эвакуации неимоверно возросли, стало понятно, что Л. М. Каганович, и так перегруженный проблемами на транспорте, не в состоянии обеспечить эффективную работу Совета по эвакуации. 3 июля его новым председателем был назначен Н. М. Шверник (кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ВЦСПС), а Л. М. Каганович — уполномоченным ГКО по воинским перевозкам[22]. В связи с особой важностью и сложностью проблемы ГКО своим постановлением от 16 июля 1941 г. реорганизовал Совет по эвакуации. Если до сих пор он подчинялся СНК СССР, то теперь стал специальным органом при ГКО[23]. Таким образом, этим постановлением статус Совета и уполномоченных ГКО по эвакуации значительно повышался. Рост эвакуационных потоков, среди которых все больше появлялось грузов НКО, потребовал изменений в работе нового органа. 16 августа 1941 г. ГКО постановлением № 497 ввел в состав Совета по эвакуации генерал-майора М. В. Захарова (заместителя начальника Главного управления тыла Красной армии)[24].

Совет по эвакуации определял порядок, сроки, очередность и конечные пункты перемещения людей и материальных ценностей. Его решения, утвержденные ГКО, стали обязательными для всех партийных, военных и хозяйственных органов. В центре и на местах сложилась довольно стройная оперативная система органов по эвакуации. Во всех союзных наркоматах заместители наркомов стали уполномоченными Совета по эвакуации. Из квалифицированных специалистов были созданы комиссии, в задачу которых входила разработка конкретных предложений и планов перебазирования предприятий. В республиках и областях, находившихся под угрозой оккупации, были образованы комиссии по эвакуации, а на многих железнодорожных узлах, станциях и пристанях — эвакопункты.

Обладавший широкими полномочиями Совет по эвакуации выполнял сложнейшую задачу по организации перебазирования промышленных предприятий с их рабочими и служащими, членами семей, а также военных грузов и учреждений из угрожаемых районов в восточные регионы страны. 26 сентября постановлением ГКО в рамках Совета по эвакуации было создано специальное Управление по эвакуации населения, которое возглавил заместитель председателя СНК РСФСР К. Д. Памфилов, а его рабочим органом стал аппарат Переселенческого управления при Совнаркоме РСФСР[25].

Основной функцией Управления по эвакуации населения являлось регулирование потоков эвакуированных и беженцев, сосредоточение людских ресурсов в тех районах, где это было необходимо, прежде всего в городах, находящихся на особом режиме — «категорированных». Оно осуществляло тщательный контроль за движением эшелонов с эвакуированными, ежедневно докладывая заместителю председателя ГКО В. М. Молотову о выполнении графика, времени прибытия в контрольные пункты, скорости передвижения, причинах задержки на каждом участке дороги, принимаемых мерах и времени выгрузки. Эти данные были необходимы для согласования с работой эвакопунктов, где люди могли получить горячую пищу, загрузить сухой паек в вагоны, пройти санобработку. Именно такая организация перемещения значительной части населения и спасала от массовых заболеваний и эпидемий[26]. В республиках, краях, областях и отдельных крупных городах Управление по эвакуации населения имело 212 пунктов уполномоченных ГКО с аппаратом как в местах эвакуации, так и в районах расселения эвакуируемых. Выполнив свою задачу, это управление 31 января 1942 г. было расформировано.

Резкое увеличение эвакуационных потоков потребовало наряду с Советом по эвакуации создать 25 октября 1941 г. Комитет по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования легкой и пищевой промышленности. В его состав вошли: А. Н. Косыгин (заместитель председателя), наркомы В. П. Зотов (Наркомпищепром), З. А. Шашков (Наркомречфлот), П. В. Смирнов (Наркоммясомолпром), Л. М. Каганович, а возглавил его А. И. Микоян. Комитету по эвакуации предстояло разработать и реализовать планы по вывозу оборудования, запасов сырья и продовольствия. В своей работе он действовал параллельно и в контакте с Советом по эвакуации[27].

Так как основную массу грузов предстояло перевезти из прифронтовой полосы на относительно небольшое расстояние, а железные дороги были перегружены до предела, ГКО

В. П. Зотов

А. В. Хрулёв

своим постановлением № 853 приказал организовать за счет автопарков городских и промышленных хозяйств Москвы, Ярославля, Горького, Рязани, Тулы, Воронежа, Ростова-на-Дону и Сталинграда автотранспортные колонны из 150–250 автомашин для перевозки грузов, подлежавших эвакуации, при этом возраст призванного на военную службу водительского состава был свыше 40 лет[28]. Из прифронтовых районов удалось эвакуировать в глубь страны в общей сложности около 150 предприятий текстильной, 200 легкой и 250 пищевой промышленности[29].

К середине декабря 1941 г. на железнодорожном транспорте начались серьезные сбои: по различным причинам большое число эшелонов застряло в тупиках, на разъездах или перевалочных базах, что в конечном итоге мешало прохождению встречных потоков с воинскими грузами для перешедших в наступление фронтов. С изменением военно-стратегической обстановки 25 декабря 1941 г. Совет и Комитет по эвакуации решением ГКО были расформированы. Их заменил созданный Комитет по разгрузке железных дорог от застрявших грузов, в состав которого вошли: А. И. Микоян (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель), Н. А. Вознесенский, А. В. Хрулёв и Л. М. Каганович[30]. Новому комитету был передан весь аппарат расформированных структур. В то время вопросы надежного функционирования транспортной системы, продвижения застрявших вагонов и эшелонов, доставки и разгрузки грузов были в правительстве одними из основных, их и предстояло решить созданному комитету, наделенному необходимыми полномочиями.

Основное внимание было обращено на те железные дороги, где создавалось неблагоприятное положение: Северную, Горьковскую, Рязано-Уральскую, Сталинградскую, Пензенскую, Ярославскую, Юго-Восточную и Ленинскую. Транзитные эшелоны с углем, нефтью, мазутом и другими грузами застревали на этих дорогах из-за невозможности их пропуска. При этом некоторые маршруты следовали на предприятия, которые были уже эвакуированы. По предложению НКПС было принято решение о разгрузке кольцевых маршрутов на Омской, Южно-Уральской, Пермской и Томской железных дорогах. Эшелоны с топливом разгружались на ближайших от железной дороги складах заводов и базах

Управления государственных материальных резервов. К разгрузке грузов привлекались все имевшиеся погрузо-разгрузочные средства НКПС и других наркоматов, а также местное население. За несвоевременную разгрузку вагонов на железнодорожных станциях отвечали руководители предприятий.

Чрезвычайная стратегическая обстановка на советско-германском фронте летом и осенью 1941 г. показала, что в условиях быстро менявшейся ситуации ГКО трудно было осуществлять руководство в прифронтовых районах, поэтому «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта», Государственный Комитет Обороны создал сеть местных чрезвычайных органов власти. Их с полным правом можно назвать территориальными структурами ГКО. Городские комитеты обороны создавались по решению ГКО как подведомственные только ему, он же утверждал наиболее важные их решения. Эти структуры были образованы в соответствии с постановлением ГКО от 22 октября 1941 г. в самый тяжелый период, когда враг стоял у стен Москвы. В указанном постановлении перечислены 46 городов европейской части СССР, которые находились вблизи фронта или входили в радиус действий вражеской авиации[31].

Городские комитеты обороны имели право объявлять город на осадном положении, проводить эвакуацию жителей, давать предприятиям специальные задания по выпуску вооружения, боеприпасов, снаряжения, формировать народное ополчение и истребительные батальоны, организовывать строительство оборонительных сооружений, проводить мобилизацию населения и транспорта, создавать или упразднять учреждения и организации. В их распоряжение были переданы милиция, формирования войск НКВД и добровольческих рабочих отрядов[32].

В условиях критически тяжелой обстановки местные чрезвычайные органы власти обеспечивали единство управления, объединяя гражданскую и военную власть. Они руководствовались постановлениями ГКО, решениями местных партийных и советских органов, военных советов фронтов и армий. При них также существовал институт уполномоченных, для срочного решения военных вопросов создавались оперативные группы, широко привлекался общественный актив[33]. Известна роль городских комитетов обороны: Тулы — во главе с В. Г. Жаворонковым (член Военного совета 50-й армии), Севастополя — во главе с Б. А. Борисовым, Сталинграда — во главе с А. С. Чуяновым (уполномоченный ГКО, член Военного совета Донского фронта) и других. За годы Великой Отечественной войны ГКО принял девять постановлений о создании городских комитетов обороны. Наибольшее их число (53 комитета) было образовано в октябре — ноябре 1941 г., в критический период битвы под Москвой[34]. В ходе обороны Сталинграда и Кавказа к действующим городским комитетам обороны прибавились еще 23 комитета[35]. 12 марта 1943 г. был создан Кропоткинский, а 4 сентября — Таганрогский городские комитеты обороны[36].

В ходе военных действий в летне-осеннюю кампанию 1941 г., в период контрнаступления под Москвой и перехода в общее наступление в зимнюю кампанию 1941–1942 гг. Ставке ВГК пришлось проводить масштабные перегруппировки войск и средств. Их осуществление осложняли слабо развитая сеть железных и шоссейных дорог, недостаток транспортных средств (подвижного состава и автомобилей), суровые зимние условия, а на освобождаемой территории — разрушенные железнодорожные магистрали. Особенно тяжелое положение сложилось на северо-западном и западном направлениях. Все это приводило к нарушению графика сосредоточения войск и создания группировок, переносу сроков наступления и давало противнику возможность закрепляться на занятых рубежах. В то же время перегрузка транспортной системы оперативными перевозками отрицательно сказывалась на снабжении фронтов материально-техническими средствами: боеприпасами, вооружением, ГСМ, продовольствием. При этом следует отметить, что распределение вооружения и боеприпасов, получаемых от промышленности, проходило под строгим контролем народного комиссара обороны.

Председатель городского комитета обороны Тулы В. Г. Жаворонков
и командующий 50-й армией генерал-лейтенант И. В. Болдин

Совещание Военного совета Сталинградского фронта: Н. С. Хрущёв, А. И. Кириченко, А. С. Чуянов и А. И. Ерёменко

В этих условиях для усиления централизации управления транспортной системой страны, координации работы всех видов транспорта и контроля над перевозками военных и хозяйственных грузов ГКО 14 февраля 1942 г. создал Транспортный комитет. С учетом значимости в его состав вошли И. В. Сталин (председатель), А. А. Андреев (заместитель председателя), Л. М. Каганович, А. И. Микоян, нарком морского флота П. П. Ширшов, нарком речного флота З. А. Шашков, начальник тыла Красной армии А. В. Хрулёв, начальник Управления военных сообщений НКО И. В. Ковалёв, А. Г. Карпоносов (НКО) и Г. В. Ковалёв (НКПС). Секретарем комитета был назначен М. Т. Помазнев (заведующий секретариатом СНК СССР). Обязанностями Комитета являлись планирование, регулирование и контроль над перевозками на всех видах транспорта и координация их работы[37].

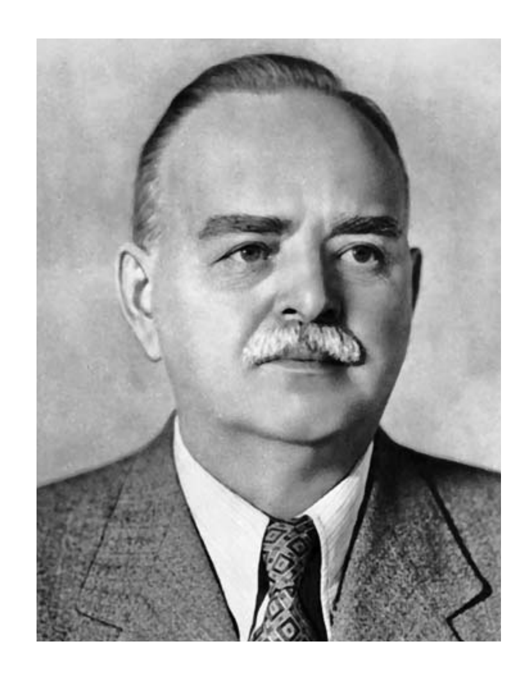
3 января 1942 г. ГКО принял постановление «О восстановлении железных дорог». В соответствии с ним руководство восстановительными работами на железных дорогах освобождаемых территорий было централизовано и конкретизировано[38]. Воинские железнодорожные части и строительно-восстановительные формирования НКПС были объединены в системе Главного управления военно-восстановительных работ НКПС. Во фронтах были созданы управления военно-восстановительных работ фронтов. Только за январь и февраль 1942 г. было восстановлено более 3 тыс. км железнодорожных линий[39].

Огромная нагрузка легла и на другие элементы транспортной системы страны. Это потребовало привлечения практически всех наркоматов и ведомств. Объединить их усилия в конкретной обстановке мог только орган, созданный при ГКО. Им-то и стал Транспортный комитет. В мобилизации ресурсов всех видов транспорта и в комплексном их использовании этот комитет сыграл огромную роль. Пожалуй, самое важное значение в его работе имело взаимодействие всех элементов транспортной системы страны, в особенности железнодорожного транспорта, на долю которого приходилось свыше четырех пятых суммарного грузооборота. В транспортном обеспечении действовавших фронтов железные дороги решали вопросы стратегического характера. Автомобильный, речной, воздушный и гужевой транспорты играли решающую роль в оперативно-тактической звене: подвозе фронтам пополнения и воинских грузов, эвакуации раненых. Трудно переоценить значение автомобильного транспорта в жизни блокадного Ленинграда и в период Сталинградской битвы.

Особенности военного времени, слабая пропускная способность ряда магистралей и железнодорожных узлов, нехватка подвижного состава, потери под ударами вражеской авиации привели к сокращению грузоперевозок. Тем не менее в 1945 г. грузовые перевозки железнодорожного транспорта составили 395,2 млн, морского — 20,2 млн, речного — 36,9 млн, автомобильного — 420 млн, воздушного — 0,1 млн тонн[40]. Транспортный комитет решил все возлагаемые на него задачи, поэтому 19 мая 1944 г. его функции были переданы Оперативному бюро ГКО[41].

В ходе летних 1942 г. сражений под Харьковом и в Крыму Красная армия вновь потерпела тяжелое поражение и вынуждена была под вражескими ударами отходить. Опять встал вопрос об эвакуации. 22 июня 1942 г. постановлением № 1922 при ГКО была создана Комиссия по эвакуации во главе с Н. М. Шверником. Членами ее стали А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, М. З. Сабуров (заместитель председателя СНК СССР), В. Н. Меркулов (первый заместитель наркома внутренних дел), Б. Н. Арутюнов (заместитель наркома НКПС), П. А. Ермолин (заместитель начальника тыла Красной армии). Комиссия, не обладая распорядительными правами, должна была проводить расчеты, вносить предложения и готовить проекты постановлений ГКО[42]. В областях, оказавшихся в районах боевых действий, Комиссия опиралась в своей деятельности на областные и районные органы Совета по эвакуации 1941 г. (эвакопункты, эвакобазы, уполномоченных ГКО по эвакуации). В конце 1942 г. Комиссия по эвакуации была упразднена.

Для выполнения специальных задач в ходе войны при ГКО наряду с названными структурами создавался и функционировал ряд других органов, имевших чрезвычайный характер. Это диктовалось, как правило, не только складывавшейся на советско-германском фронте оперативно-стратегической обстановкой, но и военно-политической ситуацией в мире. Так,

Н. М. Шверник

С. М. Буденный

успешное контрнаступление под Москвой и переход войск Красной армии в наступление на других участках советско-германского фронта стали переломным событием войны, потрясшим военную машину Германии и развеявшим миф о непобедимости вермахта. На полях сражений и освобождаемой территории противник оставлял значительное количество оружия и военной техники, а также другого военно-технического имущества, необходимого в боевой деятельности войск и народном хозяйстве.

В ходе работы по сбору оружия противника стали вскрываться факты его расхищения. ГКО отреагировал на это оперативно и жестко. 16 января 1942 г. своим постановлением «О сдаче трофейного имущества (гражданами)» в целях недопущения сокрытия трофейного оружия, боеприпасов и другого военно-технического имущества ГКО обязал проводить его сдачу в течение 24 часов. Виновным в нарушении этого требования угрожал штраф в 3 тыс. рублей или заключение в тюрьму сроком на полгода[43]. Кроме того, для целенаправленного и бережного использования трофейного оружия 22 марта 1942 г. была образована Трофейная комиссия, а при ней созданы две постоянно действующие — Центральная комиссия по сбору трофейного вооружения и имущества под председательством С. М. Будённого и Центральная комиссия по сбору черных и цветных металлов в прифронтовой полосе под председательством Н. М. Шверника[44].

После победы советских войск под Сталинградом началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. Враг нес огромные потери в живой силе и технике: на полях сражений противник оставлял огромное количество танков, орудий, минометов, автомашин, стрелкового оружия и другого имущества. Придавая этому вопросу важное значение, ГКО 2 января 1943 г. принял новое постановление «О сборе трофейного имущества на фронтах и обеспечении его хранения»[45]. Через три дня было введено в действие «Положение о работе трофейных органов Красной армии по учету, сбору и вывозу с полей сражений трофейного и оставленного отечественного вооружения, имущества, продфуража и металлолома». На наиболее активно действующих фронтах (Юго-Западном, Донском и Сталинградском) стали формироваться трофейные фронтовые бригады, армейские трофейные батальоны, армейские трофейные склады и другие подразделения по его исполнению. В положении были

перечислены задачи трофейных органов, содержание их работы, требования к организации учета и отчетности[46]. Впоследствии подобные структуры создавались и на других фронтах[47].

По мере продвижения Красной армии на запад объем работы Центральной комиссии по сбору трофейного вооружения и имущества возрос многократно, поэтому потребовалось создание более мощной организационной структуры, занимающейся решением этого вопроса. Постановлением ГКО от 5 апреля 1943 г. был образован Трофейный комитет при Государственном Комитете Обороны во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым[48]. На этот комитет кроме сбора и использования трофейного военно-технического имущества возлагалось и его экспонирование. С этой целью в Москве в здании ЦДКА был создан музей боевой техники и вооружения. Правда, 19 апреля 1943 г. постановлением ГКО этот музей был ликвидирован, а вместо него в Парке культуры и отдыха имени Горького открылась выставка трофейного вооружения. Такая же выставка была организована в 1944 г. в Киеве[49].

Напав на Советский Союз, руководители нацистской Германия преследовали не только военно-политические цели — разгромить Вооруженные силы СССР, оккупировать страну, но и ликвидировать государственность, физически истребить основную часть населения, уничтожить его многовековую культуру, искоренить историческое самосознание. По данным, поступавшим в ГКО, на оккупированной территории проводилась политика геноцида по отношению к народам, населявшим территории Советского Союза, разграблению и разрушению подверглись памятники мировой культуры. Огромный урон был нанесен ансамблям дворцов-музеев пригородов Ленинграда, древнерусским городам Новгороду, Пскову, Смоленску, Твери, Калуге, Киеву, Курску, Харькову и другим. Их художественные и краеведческие музеи, библиотеки, архивные хранилища, которые отражают своеобразие национальной культуры, оказались разграбленными. Только из России были вывезены сотни тысяч произведений искусства, собранных в отечественных коллекциях не за одно столетие[50].

Для сбора документальных данных, проверки и систематизации материалов о злодеяниях нацистских преступников и материальном ущербе, причиненном государству в результате временной оккупации советской территории, а также для установления военных преступников 2 ноября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был создан специальный орган — Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Председателем ЧГК был назначен председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Н. М. Шверник. В ее аппарате работали 116 человек. К своей деятельности ЧГК привлекала крупных ученых, историков, археологов, архитекторов, художников, инженеров, создавала специальные следственные комиссии по особо важным объектам (лагеря смерти и другие). Работу комиссии курировал В. М. Молотов[51].

Чрезвычайная государственная комиссия стала важным элементом в организационной структуре ГКО, так как сочетала в себе признаки государственного органа и общественной организации. Сама она имела весьма разветвленную структуру. На местах партийными и государственными органами были сформированы региональные комиссии по содействию работе ЧГК — республиканские, краевые и областные. Деятельность местных органов регламентировало «Положение о Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», утвержденное постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1943 г.[52] Проделав огромную работу, ЧГК собрала колоссальное количество документальных и вещественных доказательств, в том числе 250 тыс. протоколов допросов свидетелей и заявлений о злодеяниях нацистов, рассмотрела 54 тыс. актов о злодеяниях оккупантов[53]. Эти материалы сыграли важную роль в разоблачении немецких военных преступников на Нюрнбергском процессе.

Опыт войны показал, что техническое оснащение войск ПВО, ВВС и ВМФ новыми зенитными средствами, самолетами, кораблями требовало оборудования их современными средствами обнаружения целей. Комплектов, поставляемых по ленд-лизу, оказалось недостаточно. Ликвидировать отставание могла лишь отечественная база. С этой целью при ГКО

для руководства научными разработками и создания производственной базы 4 июля 1943 г. была образована специальная организационная структура — Совет по радиолокации, который возглавил Г. М. Маленков[54]. Для нормального функционирования нового органа были сформированы секретариат и рабочий аппарат. Его ответственным секретарем был назначен А. А. Турчанин, научно-технический совет возглавил профессор А. Н. Щукин, а начальником проектно-конструкторского бюро по радиолокации стал Н. Л. Попов.

Основная задача Совета по радиолокации заключалась в объединении научного, производственного и организационного потенциалов всех наркоматов для разработки и оснащения в кратчайшие сроки армии и флота новой радиолокационной аппаратурой, направленной на обнаружение и опознавание воздушных и надводные целей, наведения на них авиации, решение навигационных задач, обеспечение в любых условиях видимости, стрельбы надводных кораблей и береговых батарей. Весь комплекс возложенных на Совет по радиолокации задач ГКО подразделял на ближайшие и перспективные. С целью подготовки квалифицированных рабочих кадров для радиолокационной промышленности Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР совместно с ЦК ВЛКСМ была поручена организация 15 ремесленных училищ с контингентом учащихся в 10 тыс. человек. Для особо ценных работников в области радиолокации были установлены 30 персональных окладов по 5 тыс. рублей и 70 окладов по 3 тыс. рублей[55].

В истории отечественной радиолокации это постановление ГКО стало важнейшим государственным актом, так как отныне в одном правительственном органе — Совете по радиолокации при ГКО сосредоточивались все средства страны по развитию новой отрасли техники. В его распоряжение было откомандировано значительное количество ученых, конструкторов, инженеров и квалифицированных рабочих из различных наркоматов, в том числе из состава Красной армии и ВМФ[56]. Активизации работ по данной проблеме способствовал и перевод в г. Щёлково Московской области, где создавался своеобразный центр, НИИ, лабораторий и ряда предприятий радио- и оборонной промышленности[57]. Этот совет сыграл исключительную роль в дальнейшем развитии отечественной радиолокации, широком развертывании научно-исследовательских работ, разработке и создании новых радиолокационных средств, а также во внедрении их в войска и на флот. Уже после войны, в 1947 г., он был преобразован в Комитет по радиолокации при Совете министров СССР.

Ведущим структурным подразделением Государственного Комитета Обороны было Оперативное бюро — своего рода штаб или оперативное управление, в задачи которого входили объединение и координация действий всех структурных подразделений рассматриваемого чрезвычайного органа государственной власти и управления. Его образование закрепили специальным постановлением ГКО, предельно кратким, но весьма важным для организации слаженной работы всего коллектива. Все документы проходили через Оперативное бюро ГКО. 8 декабря 1942 г. постановлением ГКО был определен состав Оперативного бюро ГКО, куда вошли В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян[58]. Оперативным бюро практически руководил Л. П. Берия, так как многие документы он направлял за своей подписью на исполнение или «голосование», даже когда в состав Оперативного бюро входил заместитель председателя ГКО В. М. Молотов. Вскоре Л. П. Берия были назначен председателем Оперативного бюро ГКО и заместителем председателя ГКО[59].

К ведению Оперативного бюро ГКО были отнесены: контроль и наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности, увеличив их количество с 14 до 21, ответственность за снабжение армии всеми материально-техническими и другими средствами, рассмотрение и внесение на утверждение квартальных и ежемесячных планов производства и планов снабжения, принятие решений по соответствующему кругу текущих дел[60]. Иными словами, военное производство, основные базовые отрасли экономики и транспортная система оказались под жестко централизованным руководством ГКО. По мере изменения военно-политической и экономической обстановки структура, функции и методы работы Оперативного бюро ГКО совершенствовались. Возросшая нагрузка на Оперативное бюро потребовала изменений в его организационной структуре. Распоряжением ГКО от 21 мая

1944 г., подписанным его председателем Л. П. Берией, был создан секретариат Оперативного бюро[61].

В конце 1942 г. по распоряжению ГКО в СССР были возобновлены работы по изучению внутриатомной энергии урана, а при ГКО образована научная группа по «урановому проекту»[62]. К работе по урану были срочно привлечены ученые-ядерщики: А. Ф. Иоффе, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, Ю. Б. Харитон и другие. 20 августа 1945 г. постановлением ГКО был создан орган по управлению работами по урану — Специальный комитет при ГКО СССР под председательством Л. П. Берии, членами которого стали М. Г. Первухин, Н. А. Вознесенский, Г. М. Маленков, Б. Л. Ванников, В. А. Махнёв (секретарь), П. Л. Капица, И. В. Курчатов и А. П. Завенягин[63]. В соответствии с этим же постановлением было образовано 1-е Главное управление при СНК СССР во главе с Б. Л. Ванниковым, а при Спецкомитете для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов по атомной проблеме создан Технический совет.

Специальные чрезвычайные государственные органы, создаваемые в связи с острой необходимостью военного времени, действовали и видоизменялись в связи с осознанной потребностью. Затем они оформлялись соответствующим законодательным порядком (постановлением ГКО), но без изменения Конституции СССР. При них учреждались новые руководящие должности, исполнительные и технические аппараты, в творческих поисках вырабатывалась технология чрезвычайного управления. С их помощью удавалось оперативно решать наиболее злободневные проблемы.

Вторжение вермахта на территорию СССР, оккупация его войсками западных регионов, творимые гитлеровцами злодеяния нанесли народному хозяйству колоссальный ущерб. По подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, общие экономические потери составили 357 млрд долларов. При этом на оккупированной территории прямой ущерб СССР составил 128 млрд долларов. Уже на Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав, проходившей 19–30 октября 1943 г., была принята Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства[64]. Вопрос о возмещении Объединенным Нациям ущерба, нанесенного им во время Второй мировой войны, был рассмотрен руководителями СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. на Крымской конференции. Позиция советского правительства исходила из безусловной необходимости полного военно-промышленного разоружения Германии для репараций и длительной ее демилитаризации.

В коммюнике Крымской конференции подчеркивалось: «Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла быть использована для военного производства»[65]. В основном взимание репараций должно было осуществляться в виде единовременных изъятий, производимых в течение двух лет, из национального богатства Германии: промышленного оборудования с демонтируемых предприятий, судов, подвижного состава, акций крупных предприятий, заграничных активов. Часть репараций предусматривалось осуществить за счет ежегодных товарных поставок из текущей продукции и в виде использования рабочей силы самой Германии.

Сразу же после возвращения советской делегации с Крымской конференции в Москву ГКО приступил к реализации репарационных планов. 20 февраля 1945 г. постановлением ГКО устанавливалась западная граница Польши «до ее окончательного определения... на будущей мирной конференции», было утверждено руководство по взаимоотношениям с польской администрацией на «всей территории Польши, освобождаемой Красной армией от немецко-фашистских захватчиков», поручалось «НКВД СССР (т. Берия) подобрать и согласовать с польским правительством кандидатуры советников и необходимое количество инструкторов»[66]. ГКО обязывал советские военные органы при разрешении вопросов использования для нужд ведения войны промышленных предприятий, оборудования и материалов и всякого рода трофейного имущества, находящегося на территории Польши, руководствоваться сле-

дующим: «Заводы, фабрики и другие предприятия немедля передаются соответствующим польским властям с тем, чтобы некоторые промышленные предприятия, необходимые для ведения войны, были приспособлены по договоренности с польскими властями для обслуживания нужд Красной армии и Войска Польского; подлежат вывозу в СССР, по согласованию с польским правительством, только необходимые для нужд ведения войны оборудование, материалы и готовая продукция с немецких и расширенных немцами во время войны предприятий Польши, в том числе и предприятий, расположенных на германской территории, отходящей к Польше; подлежат возврату в СССР оборудование и другое имущество, вывезенное немцами из СССР, независимо от того, на предприятиях Германии или Польши это оборудование находится в настоящее время; передаются в распоряжение местных польских органов власти взятые в виде трофеев у немцев склады с мукой, зерном и крупой и всякого рода готовой продукцией в тех случаях, когда нет непосредственной нужды в этих продуктах у Красной армии и Войска Польского»[67].

В соответствии с постановление ГКО от 21 февраля 1945 г. был не только упразднен Трофейный комитет при ГКО, но и перестроена вся работа трофейных органов Красной армии[68]. 28 февраля 1945 г. приказом НКО было введено в действие «Положение о трофейных органах, частях и учреждениях Красной армии». Главное трофейное управление Красной армии отныне передавалось в подчинение начальника тыла Красной армии, а трофейные управления фронтов и трофейные отделы армий — начальникам тыла фронтов и армий. Должности заместителей начальников тыла для руководства работой трофейных органов фронтов и армий сохранялись в штатах начальника тыла Красной армии[69].

Перед трофейными органами, частями и учреждениями Красной армии стояли сложные задачи: «выявление, учет и демонтаж по решению правительства предприятий, погрузка, транспортировка с охраной в пути оборудования, материалов, готовой продукции, захваченных нашими войсками в городах, населенных пунктах и промышленных центрах на территории противника... сбор, учет, охрана и передача довольствующим службам во фронтах и армиях трофейного вооружения, боеприпасов, боевой техники и военно-технического имущества»[70]. Координация деятельности и целенаправленной работы возлагалась на постоянные комиссии при фронтах, которые возглавлялись такими профессионалами высшего класса, прекрасно знавшими производство, способными оценить планируемое к демонтажу промышленное оборудование, как М. З. Сабуров — заместитель председателя СНК, П. М. Зернов — заместитель наркома танковой промышленности, П. С. Кучумов — первый заместитель наркома среднего машиностроения, и другими.

Спустя несколько дней, 25 февраля 1945 г., при ГКО был образован Особый комитет в составе: Г. М. Маленкова (председатель), Н. А. Булганина, Н. А. Вознесенского, А. В. Хрулёва и Ф. И. Вахитова[71]. На них возлагалось выполнение следующих функций: «выявление и учет подлежащих вывозу в СССР с территории Германии, а также с территории Польши оборудования, железнодорожных рельсов, паровозов, вагонов, пароходов и др. видов транспортных средств, сырья, готовой продукции; выработка и внесение на утверждение ГКО предложений по вывозу в СССР перечисленных в пункте «А» материальных ценностей и передача их промышленным наркоматам, ведомствам и организациям с указанием направления использования; контроль за выполнением решений ГКО по вывозу и доставке в СССР вывозимых материальных ценностей; издание на основе принятых решений ГКО необходимых распоряжений, обязательных к выполнению, для наркоматов и ведомств по вопросам выявления, учета и доставки материальных ценностей, подлежащих вывозу в СССР; направление от ведомств руководителей, ответственных работников, инженеров, необходимых для обеспечения демонтажа оборудования и вывоза материальных ценностей»[72].

ГКО обязывал Особый комитет в первую очередь обеспечить вывоз в СССР таких материальных ценностей, как железнодорожные рельсы, находившиеся на складах и заводах, а также за счет разборки, но без ущерба для фронтов, вторых путей и подъездный путей к предприятиям, оборудование автомобильных заводов и предприятий по производству синтетического горючего и синтетического каучука, оборудование заводов по производству

авиационных и танковых моторов, лабораторное оборудование научно-исследовательских институтов и экспериментальных заводов[73]. Постановление было разослано всем наркоматам, ведомствам и командующим фронтами.

5 марта 1945 г. ГКО утвердил 40 уполномоченных Особого комитета при ГКО по фронтам и армиям[74]. Командующим фронтами было поручено всесторонне содействовать созданию штабов уполномоченных ГКО на территории Германии, занятой советскими войсками, и приданию им частей и служб, необходимых для выполнения возложенных обязанностей. Всю деятельность Особого комитета и его уполномоченных, осуществляемую под руководством ГКО, координировал административный отдел ЦК ВКП(б)[75].

Главной задачей уполномоченных Особого комитета на заключительном этапе войны являлось не допустить уничтожения промышленности и собрать все документы, относящиеся к военному производству, к ведомству министра вооружений рейха А. Шпеера, поскольку это было связано с последующим военно-промышленным разоружением Германии и репарациями. И такая задача была успешно решена. В ходе боев за Берлин в полосе действий 1-го Белорусского фронта в сейфах зданий министерства вооружений и других ведомств было обнаружено большое количество документов по военно-промышленному потенциалу Германии, среди которых и личный доклад министра вооружений А. Шпеера А. Гитлеру о работе военной промышленности, а также о поставках вермахту вооружения, военной техники и других средств за 1940–1944 гг. Переведенный на русский язык текст доклада стал одним из основных источников, которые помогли определить военно-промышленный потенциал Германии.

После подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии уполномоченные были собраны в Москве. 11 мая 1945 г. по личному указанию И. В. Сталина состоялось заседание Особого комитета, в работе которого приняли участие члены ГКО: нарком иностранных дел В. М. Молотов со своим заместителем И. М. Майским, председатель Госплана Н. А. Вознесенский со своим заместителем А. В. Купцовым, а также наркомы основных промышленных наркоматов и руководители ведомств, уполномоченные Особого комитета. На заседании обсуждались важнейшие проблемы: организация демонтажа предприятий в счет авансовых поставок по репарациям в Восточной Германии, оккупированной советскими войсками, с возмещением в максимально возможном размере ущерба, нанесенного Германией Объединенным Нациям (в том числе Советскому Союзу и Польше); согласование решений Особого комитета о передаче того или иного предприятия наркоматам (ведомствам) с Госпланом СССР для увязки с народно-хозяйственными планами и интересами наших разрушенных районов, особенно Донбасса, и ряд других. В связи с окончанием войны в Европе, расформированием фронтовых управлений и изменением статуса советских войск ГКО своим постановлением от 20 июня 1945 г. уточнил функции, правовое положение уполномоченных Особого комитета в их деятельности на оккупированной территории[76].

Анализ организационно-структурного и функционального развития Государственного Комитета Обороны показывает довольно четкую организационно-техническую систему этого чрезвычайного военно-политического института. Важно отметить, что она динамично развивалась и реформировалась в соответствии с условиями военного времени. Приоритетным направлением в деятельности ГКО являлось руководство вооруженной борьбой через Ставку Верховного главнокомандования оборонной промышленностью.

Умелое стратегическое руководство Государственного Комитета Обороны вооруженными силами проявилось также и в решении такой сложной проблемы, как развитие и совершенствование организационной структуры Красной армии как одного из важных факторов, от которого зависела победа над врагом. Особое внимание ГКО уделял формированию новых соединений и частей: в ходе Великой Отечественной войны были сформированы 648 дивизий, в том числе 490 стрелковых, 18 воздушно-десантных, 91 кавалерийская, одна моторизованная, 11 танковых и 37 дивизий народного ополчения. В 1941 г. было сформировано 419 дивизий, в 1942 г. — 126, в 1943 г. — 92, в 1944 г. — 22, а в 1945 г. — две. Кроме того, за годы войны было сформировано 666 бригад, в том числе 313 стрелковых, 22 воздушно-де-

сантные, 48 мотострелковых, 32 механизированные и 251 танковая. Формирование 128 бригад не было завершено, их личный состав направлялся на укомплектование уже существовавших соединений и частей. Основное количество бригад было сформировано в 1941 и 1942 гг.[77]

Наиболее характерными чертами развития ГКО являлись: вынужденная необходимость и некоторая спонтанность создания его организационно-функциональных структур; отсутствие опыта формирования и структурного развития подобного органа власти; руководство структурным развитием ГКО со стороны первого лица партии и государства — И. В. Сталина; отсутствие органов прямого подчинения; руководство действующей армией, обществом и народным хозяйством через постановления, имевшие силу законов военного времени, а также через конституционные органы власти; использование структур высших органов партийной, государственной и исполнительной власти СССР в качестве исполнительного и технического аппаратов; отсутствие заранее официально утвержденных задач, функций и полномочий ГКО и его аппарата[78]. Следует отметить, что положения о ГКО не появились в течение всего периода его деятельности.

ГКО являлся гибкой ведущей структурой в системе государственной власти и управления СССР в условиях военного времени. Он претерпевал организационно-структурные и функциональные трансформации в своем развитии. Государственный Комитет Обороны в качестве высшего чрезвычайного органа власти и управления в стране с неограниченными властными полномочиями занял ведущее место как структура в системе органов стратегического руководства страной и ее вооруженными силами, что во многом позволило обеспечить победу в Великой Отечественной войне.

Основные направления деятельности Государственного Комитета Обороны

В разные периоды Великой Отечественной войны приоритеты деятельности ГКО менялись, но при этом процесс совершенствования его работы носил непрерывный характер. Вместе с организационной перестройкой системы партийно-государственного руководства началась содержательная перестройка всех его элементов. С функциональной точки зрения, властные органы охватили три основные сферы государственно-управленческой деятельности: военно-стратегическое руководство действующей армией и флотом, а также в целом всем строительством вооруженных сил; политико-административное управление государством и обществом; военно-хозяйственное управление страной.

Еще на стадии формирования стиля работы ГКО его деятельности были присущи недостатки, объяснявшиеся отсутствием опыта, нервозностью ситуации, связанной с неудачами на фронте, а также обусловленные неслаженностью взаимодействия как членов ГКО, так и сотрудников подчинявшихся им структур. Генерал-полковник Н. Н. Воронов вспоминал, что в начальный период работы Государственного Комитета Обороны его сотрудники: «...частенько отвлекались на мелочи, излишне много времени уделяли снайперским и автоматическим винтовкам, без конца обсуждали, какую оставить винтовку на вооружении пехоты — пехотного или кавалерийского образца? Нужен ли штык? Трехгранный или ножевого типа? Не отказаться ли от винтовки и не принять ли вместо нее карабин старого образца? Много занимались ружейными гранатами, минометом-лопатой. По этим видам вооружения запрашивалось мнение командования фронтов и армий. Ответы приходили самые разнообразные и противоречивые»[79].

Как уже отмечалось, центральным звеном всей системы государственной власти и управления СССР являлся Государственный Комитет Обороны, в чрезвычайных условиях взявший на себя ответственность за мобилизацию всех сил страны на отпор врагу. Но это вовсе не означает, что он руководил абсолютно всеми структурами и ведомствами государственного

Экз. №   СОВ. СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-11сс

от „ 6 " июля 1941 г. Москва, Кремль.

О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЕЙ.

Обязать НКО мобилизовать в прифронтовых районах (Каменец-Подольская, Житомирская, Одесская, Винницкая, Киевская, Черниговская, Гомельская, Могилевская, Витебская, Смоленская, Калининская, Ленинградская области) весь призывающийся контингент до 50-летнего возраста, а также мобилизовать лошадей для сформирования 50 стр. дивизий и 10 истребительных кавдивизий. Кроме того сформировать 6 дивизий в САВО (4) и УРВО (2).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ   И. СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т. Ворошилову, Жукову, Щербакову, Хрущеву, Корнцев, Бойцову.

З-вм

Постановление ГКО «О формировании новых войсковых частей»

организма. Анализ деятельности ГКО показывает, что этот чрезвычайный орган власти прежде всего и напрямую управлял теми структурами, от которых зависели ход и исход войны. Кроме того, он осуществлял руководство через ЦК ВКП(б), СНК СССР, Госплан СССР, наркоматы, центральные административные и хозяйственные органы, местные партийные и советские организации.

Созданный как мозговой центр и механизм перестройки страны на военный лад, ГКО до конца войны осуществлял возложенные на него функции по следующим направлениям:

— обеспечение единства фронта и тыла с привлечением всех партийных и государственных органов, а также общественных организаций в центре и на местах;

— консолидация морально-политических, нравственно-патриотических качеств народа, воинов армии и флота, воспитание стойкости и мужества для преодоления тяжестей войны (с привлечением всех партийных, государственных и общественных организаций);

— координация деятельности органов, осуществлявших планирование стратегических операций, кампаний и войны в целом;

— военно-стратегическое руководство действующей армией и флотом (через Ставку ВГК и Генеральный штаб Красной армии, Главный морской штаб, главные и центральные управления НКО);

— создание и совершенствование системы управления родами войск НКО, НК ВМФ и НКВД;

— утверждение численности вооруженных сил, пропорций между родами войск и норм продовольственных пайков;

— совершенствование структуры органов руководства стратегической разведкой и контрразведкой;

— руководство военно-мобилизационной работой и формированием для Красной армии боевых и стратегических резервов;

— управление военной экономикой страны, прежде всего оборонными и базовыми отраслями промышленности;

— проведение кадровой политики в армии и народном хозяйстве;

— реорганизация и управление государственным аппаратом, в том числе наркоматами Военно-морского флота, внутренних дел, государственной безопасности;

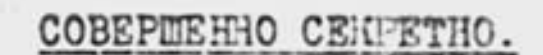
— распределение людских и материальных ресурсов между отраслями народного хозяйства и регионами страны;

— руководство и координация усилий по восстановлению экономики страны на освобожденных от врага территориях;

— подготовка кадров для вооруженных сил, в первую очередь для действующей армии, и оборонной промышленности.

Главным направлением деятельности ГКО была работа по переводу Советского государства с мирного на военное время. При этом речь идет не только о перестройке экономики, а о сложном, всеобъемлющем процессе, включавшем как материальную, так и духовную сферы жизни советского общества. Государственным Комитетом Обороны 4 июля 1941 г. было принято постановление «О военно-хозяйственном плане обеспечения обороны страны»[80], которое стало важным сигналом для всех предприятий и учреждений СССР о переводе страны на невиданный прежде стратегический путь развития, который способствовал бы максимально эффективной отдаче фронту.

Перестройка сознания, психологии людей, сосредоточение их внимания на новых социальных акцентах, необходимости действовать в экстремальных условиях физической, психической, нравственной нагрузки на фоне резкого снижения общих жизненных условий — это глобальное направление работы ГКО, отличавшееся многогранностью и разнообразием осуществлявшихся мер. Воспитанные на идеях интернационализма советские люди в своем большинстве верили в интернациональное единство всех трудящихся независимо от государственной принадлежности. Эти взгляды были свойственны и членам ГКО. Потребовалось время, чтобы скорректировать отношение советских граждан к сложившемуся стереотипу.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-40/сс

от 6 июля 1941 г. Москва, Кремль.

О ФОРМИРОВАНИИ ТАНКОВЫХ ДИВИЗИЙ.

1. Назначить т.Федоренко начальником формирования танковых дивизий.

2. Обязать т.Федоренко сформировать 10 танковых дивизий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Выписки посланы: т.т.Жукову, Федоренко, Ворошилову.

Постановление ГКО «О формировании танковых дивизий»

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-39/сс

от 6 июля 1941 г. Москва, Кремль.

О ВООРУЖЕНИИ РЕЗЕРВНЫХ АРМИЙ И ВНОВЬ ФОРМИРУЕМЫХ 15 ДИВИЗИЙ ПОГРАНИЧНИКОВ.

Все производство стрелково-пулеметного вооружения, а также зенитных пушек и зенитных пулеметов обратить на вооружение в первую очередь резервных армий и вновь формируемых 15 дивизий пограничников.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Выписки посланы: т.т.Жукову, Вознесенскому.

Постановление ГКО «О вооружении резервных армий и вновь формируемых 15 дивизий пограничников»

СОВ. СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-59сс

от „8" июля 1941 г. Москва, Кремль.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДВИЖНОГО УЗЛА СВЯЗИ.

1. Для создания дополнительного резерва связи разрешить НКСвязи организовать подвижной узел связи (поезд связи).

2. Для осуществления данного мероприятия:

а) Обязать НКПС передать НКСвязи один энерго-поезд мощностью 600 кв. из числа двух поездов, находящихся в ремонте на Коломенском заводе.

б) Обязать НКПС выделить НКСвязи 15 четырехосных вагонов, приспособленных для размещения аппаратуры связи и обслуживающего персонала.

в) Разрешить НКСвязи произвести все эти работы за счет общего плана капиталовложений НКСвязи на 1941 год без проектов и смет.

Оборудование поезда связи произвести в 2-недельный срок со дня выделения вагонов. Аппаратуру связи НКСвязи изыскать из своих ресурсов.

Государственный Комитет Обороны. № 1. Протокольная часть ГОКО

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ.

Выписки посланы: т.т. Ворошилову, Пересыпкину, Кагановичу, Громыко

5-нс.

Постановление ГКО «Об организации подвижного узла связи»

Первые недели войны не смогли пошатнуть убежденности граждан СССР, что вчерашние рабочие и крестьяне, облаченные в форму вермахта, не хотят воевать против Красной армии и не верят нацистским идеям. По мнению членов ГКО, в тот момент было важно организовывать политическую работу среди германских военнослужащих, оказавшихся в советском плену, чтобы как можно скорее их «распропагандировать». Уже 6 июля 1941 г. ГКО принял решение о назначении Д. З. Мануильского уполномоченным ГКО по вопросам политической работы среди военнопленных[81]. Этот шаг казался очень важным тогда еще и потому, что на уровне подсознания он убеждал советских людей: на фронте не все так плохо — есть военнопленные, которых предстоит сделать своими идейными сторонниками.

Таким же «многоплановым» было и постановление ГКО от 14 июля 1941 г. «Об освобождении из заключения французов, желающих сражаться с немцами, и отправке их через английское посольство в Москве к де Голлю, а членов компартии и комсомола Франции — в распоряжение ИККИ»[82]. Это постановление имело не столько практическое, сколько идеологическое значение. Советский Союз тем самым демонстрировал свое стремление к поиску компромиссов в деле объединения всех антифашистских сил.

Несколько иной была деятельность ГКО по отношению к польским гражданам, находившимся на территории СССР. На фоне их расселения осуществлялась активная деятельность по созданию Польской армии на территории Советского Союза, причем начало ее создания было положено постановлением ГКО от 3 ноября 1941 г. «О Польской армии на территории СССР»[83]. В тот же день было принято постановление «О расселении польских граждан»[84], которое, вероятно, послужило для части «расселенцев» мотивом для вступления в ряды польских формирований Красной армии. Вопрос о переселении польских граждан неоднократно стоял на повестке дня заседания ГКО и становился основанием для выпусков соответствующих постановлений[85]. 25 декабря 1941 г. ГКО вновь принял постановление, название которого в точности соответствовало постановлению от 3 ноября 1941 г., — «О Польской армии на территории СССР»[86].

Польский вопрос, тесно переплетавшийся с украинским, неоднократно рассматривался на заседаниях ГКО. В результате 17 ноября 1941 г. было принято постановление «О радиовещании на украинском и польском языках»[87]. 20 января 1942 г. ГКО принял постановление «О польской армейской газете «Ожел Бялы»[88]. Через несколько месяцев после начала войны наметились более конструктивные подходы к взаимоотношениям властей с польскими гражданами, проживавшими на территории СССР. В частности, 24 января 1942 г. ГКО издал постановление «Об урегулировании вопросов, связанных с местожительством и трудоустройством польских граждан»[89].

С осени 1941 г. проводилась существенная работа с представителями военной миссии Чехословакии. В результате 27 сентября 1941 г. было подписано советско-чехословацкое военное соглашение[90]. 3 января 1942 г. ГКО принял постановление «О Чехословацкой бригаде на территории Союза ССР»[91].

Крайне неудачное начало войны потребовало определения особых, незапланированных ранее направлений в работе партийно-властных структур, возникших в результате неожиданно тяжелого поражения Красной армии и отступления ее в глубь страны летом и осенью 1941–1942 гг. К ним следует отнести: эвакуацию и перебазирование на восток производительных сил, квалифицированной рабочей силы и части населения; организацию партизанского движения на временно оккупированных врагом территориях; создание и боевое использование дивизий народного ополчения и других добровольческих формирований; развертывание всенародной помощи фронту; организацию всесоюзного соревнования по отраслям промышленности и в сельском хозяйстве.[92] В рамках этих направлений ГКО решал огромное количество различных вопросов, касавшихся обороны страны. С 1 июля 1941 по 19 ноября 1942 г. было принято 2527 постановлений Государственного Комитета Обороны[93], то есть примерно по пять решений в день.

За период войны почти треть (28%) из всего количества постановлений ГКО была посвящена перестройке военной экономики, увеличению производства военной техники, вооружения и боеприпасов. Около 20% постановлений касалось военно-мобилизационной работы и формирования новых частей и соединений для действующей армии; 18% были посвящены проблемам стратегического руководства действующей армией и флотом, а также военно-кадровым вопросам; 12% — управляемости государства, ужесточения внутренней политики, укрепления дисциплины и правопорядка в стране; 10% — эвакуации и перебазированию на восток; 7% — всенародной помощи фронту; 5% — разным вопросам, в том числе железнодорожного транспорта, ПВО Москвы и Ленинграда, Можайской линии обороны, переселения немцев, трудовой мобилизации в промышленность, отпуска продовольственных пайков для армии.

Перед вооруженными силами ставились не только безотлагательные, но и перспективные задачи. В решении военных проблем рабочими органами ГКО, непосредственными организаторами и исполнителями его решений являлись наркоматы обороны, Военно-морского флота, внутренних дел и государственной безопасности. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку ВГК и ее рабочий орган — Генеральный штаб. В 1941–1942 гг. приоритетными вопросами на заседаниях ГКО были: планирование

Экз. №

Подлежит возврату
в Секретариат ГКО
(II часть)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1203сс

от 24 января 1942 г. Москва, Кремль

1. Поручить НКИД договориться с польским посольством в СССР -

Через уполномоченных посольства на местах прекратить неорганизованный выезд польских граждан с мест их трудоустройства в северных областях СССР.

Польским гражданам, проживающим в Узбекской, Казахской и Киргизской ССР предложить прекратить самовольные переезды из сельских районов в города этих же республик и принимать ту работу и местожительство, которые им предлагают местные органы власти.

Организовать за счет отпущенного займа дома социального призрения для инвалидов и негодных к труду стариков и быстрее оказать материальную помощь особо нуждающимся польским гражданам.

2. Поручить Совнаркомам Узбекской и Казахской ССР проверить состояние трудоустройства и расселения польских граждан и устранить существующие в этом деле недостатки.

3. Поручить Наркомздраву СССР принять меры к ликвидации инфекционных заболеваний в местах концентрации польских граждан.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН.

ГОКО

Выписки посланы: т.т. Берия, Молотову - все:
СНК и ЦК Узбекской и Казахской ССР - 2
Митереву - 3.

6-ас

Постановление ГКО «Об урегулировании вопросов,
связанных с местожительством и трудоустройством польских граждан»

производства военной техники, вооружения и боеприпасов для фронта и постоянное наращивание их выпуска; формирование и укомплектование новых дивизий и бригад, прежде всего стрелковых, танковых и авиационных; организация работы транспортной системы, контроль над графиком движения грузов; эвакуация промышленных предприятий, стратегических запасов продовольствия и сырья на восток; распределение ресурсов — людских, промышленных, сырьевых, продовольственных и других; материально-техническое, продовольственное и иное снабжение Красной армии; вопросы противовоздушной обороны; строительство оборонительных сооружений; оборона Москвы и многое другое.

Анализ содержания принятых постановлений и их количество по направлениям деятельности в первые месяцы войны показывает, что наибольшее их число — 533, или 52%, касалось проблем вооруженной борьбы и военной организации государства (организаци-

онно-штатная структура войск, кадровые назначения, деятельность войск и сил НКВД, НКГБ, организация и руководство партизанским движением и прочее). Эти показатели в последующие годы снижались.

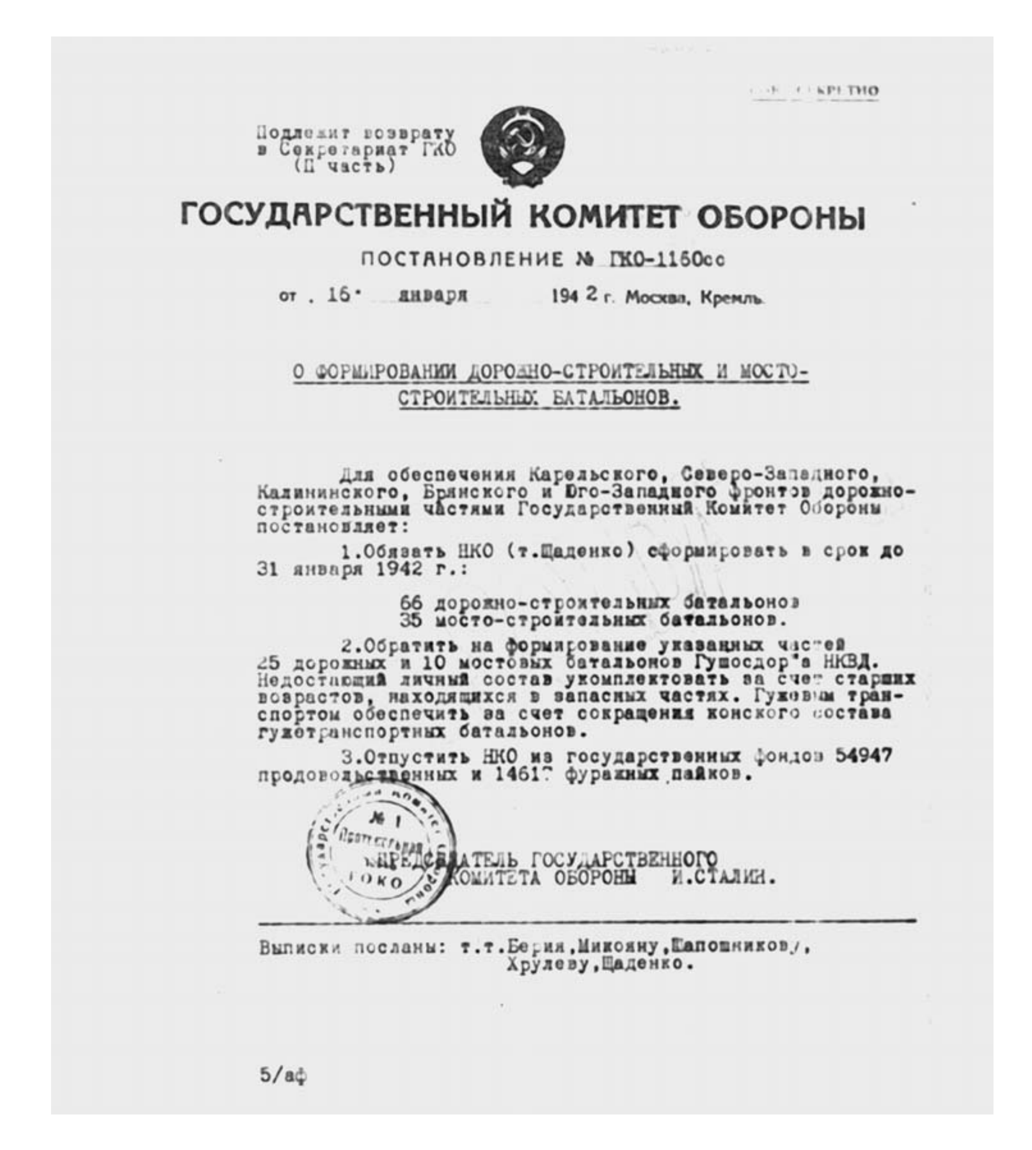
Одним из важнейших направлений деятельности Государственного Комитета Обороны как чрезвычайного органа власти в начальном периоде войны и в летне-осенней кампании 1941 г. стали военно-мобилизационная работа и формирование боевых резервов. Эти мероприятия относились к элементам стратегического развертывания вооруженных сил, так как кадровая Красная армия представляла собой лишь ядро, и предстояло в кратчайший срок отмобилизовать и развернуть массовую армию. Мобилизация Вооруженных сил СССР (комплекс мероприятий, направленных на их перевод с мирного на военное положение, организацию и штатный состав военного времени) началась в стране, как уже отмечалось, на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б), оформленного как указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных...» от 22 июня 1941 г.

Военная мобилизация и процесс формирования боевых резервов имели свои особенности: масштабность и высокие темпы мобилизации приписного личного состава; ускоренные темпы и особые условия мобилизации военнообязанных запаса в районах боевых действий и прифронтовых областях; быстрое исчерпание мобилизационных ресурсов и переход к мобилизации ограниченно годных к военной службе мужчин; начиная с весны 1942 г. мобилизация женщин в обеспечивающие части Красной армии (связь, ПВО, военная медицина и прочие); развертывание добровольческого движения в виде дивизий народного ополчения; партийно-комсомольские мобилизации в действующую армию; форсированное создание новых формирований, в первую очередь тех, от которых зависели ход и исход войны, — стрелковых и танковых полков и бригад, дивизионов реактивной артиллерии; первые шаги по созданию национальных войсковых формирований и иностранных воинских частей на территории СССР[94].

Одним из первостепенных направлений деятельности ГКО, особенно в начальный период войны, стала подготовка стратегических резервов, включавшая в себя сложный комплекс мероприятий, связанных как с накоплением необходимых материальных средств, так и с концентрацией человеческих и производственных ресурсов. В задачи ГКО входили оценка потребностей накапливаемого резерва, создание условий для его накопления и хранения, распределение ресурсов в государственном масштабе и строгий контроль над использованием накопленных ресурсов. В рамках развертывания этой деятельности уже в первые дни войны Государственным Комитетом Обороны был предпринят ряд мер, нацеленных на создание новых частей и соединений, а также производство боевой техники и вооружения, в которых остро нуждались вооруженные силы. Летом 1941 г., в частности, были приняты постановления «О создании при НКО специальной группы по формированию новых стрелковых дивизий», «О выпуске радиоискателей» для зенитной артиллерии, «О производстве звукоулавливателей Прожзвук-4 и Прожзвук-6», «Об укомплектовании сухопутных военных училищ»[95].

3 августа 1941 г. ГКО принял постановление «О помощи Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии»[96]. Заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко был назначен заместителем начальника Управления формирования и укомплектования войск Красной армии, но спустя три дня вышло дополнительное постановление, согласно которому он стал начальником Главупроформа[97]. Весьма своевременными были постановления «О запасных частях и маршевых батальонах» и «О плане развертывания запасных частей и формирования маршевых батальонов», принятые 13 августа 1941 г.[98]

Проблеме восполнения потерь Красной армии, увеличения численности действующих фронтов и флотов ГКО уделял большое внимание и в 1942 г., а также в последующие годы. ГКО в первой половине апреля 1942 г. принял два важных постановления, нацеленных на увеличение боевых частей на 1 млн военнослужащих. Такое увеличение происходило с одной стороны путем существенного сокращения тыловых, инженерных и саперных частей, рабочих колонн, за счет воинов, которым удалось вырваться из окружения, а также за счет освобожденных из заключения, готовых искупить свою вину перед Родиной кровью. Кроме

СОВ. СЕКРЕТНО

Подлежит возврату
в Секретариат ГКО
(II часть)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1160сс

от 16 января 1942 г. Москва, Кремль.

О ФОРМИРОВАНИИ ДОРОЖНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ И МОСТО-СТРОИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ.

Для обеспечения Карельского, Северо-Западного, Калининского, Брянского и Юго-Западного фронтов дорожно-строительными частями Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКО (т.Щаденко) сформировать в срок до 31 января 1942 г.:

66 дорожно-строительных батальонов
35 мосто-строительных батальонов.

2. Обратить на формирование указанных частей 25 дорожных и 10 мостовых батальонов Гушосдор'а НКВД. Недостающий личный состав укомплектовать за счет старших возрастов, находящихся в запасных частях. Гужевым транспортом обеспечить за счет сокращения конского состава гужетранспортных батальонов.

3. Отпустить НКО из государственных фондов 54947 продовольственных и 14617 фуражных пайков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т.Берия, Микояну, Шапошникову, Хрулеву, Щаденко.

5/аф

Постановление ГКО «О формировании дорожно-строительных и мостостроительных батальонов»

того, число военнослужащих было увеличено в результате отмены отсрочек, приема в ряды РККА сотрудников милиции и военизированной охраны, спецпереселенцев и их детей, а также мужчин призывного возраста, ограниченно годных к военной службе[99].

В ходе неудач, постигших Красную армию весной и летом 1942 г., ожесточенных сражений в период Сталинградской стратегической оборонительной операции вооруженные силы Советского Союза понесли тяжелые потери. Кроме того, развернувшееся 19 ноября 1942 г. контрнаступление Красной армии под Сталинградом, переросшее в общее наступление, требовало принятия срочных решений по восполнению потерь, создания новых соединений и частей. 20 декабря 1942 г. ГКО принял постановление «Об обеспечении людскими ресурсами нужд Красной армии»[100], за несколько дней до этого состоялись постановления «О формировании десяти воздушно-десантных гвардейских дивизий» и «О передаче до 1 января 1943 г. 40 тысяч

человек, годных к строевой службе, из рабочих колонн оборонительного строительства для пополнения стрелковых дивизий»[101], а 2 мая 1943 г. — «О численности Красной армии»[102].

Заблаговременное обеспечение стратегических операций вооруженных сил всем необходимым для их успешного осуществления также входило в сферу деятельности ГКО и являлось крупным участком его работы. Процесс планирования стратегических операций, как известно, находился в компетенции Ставки и Генерального штаба Красной армии, которые брали на себя ответственность за эффективное планирование и проведение этих мероприятий. Что же касается обеспечения стратегических операций людскими резервами, боевой техникой, вооружением и боеприпасами, то за решение этих вопросов отвечал ГКО. Его роль в организации стратегических операций вооруженных сил огромна. Анализируя имеющиеся возможности, ГКО заблаговременно обеспечивал фронты всем необходимым. Важную значение для осуществления летнего наступления Красной армии в 1943 г. имело постановление ГКО «О пополнении фронтов в апреле месяце 1943 года и доукомплектовании стрелковых дивизий и бригад, выведенных в резерв Ставки Верховного главнокомандования»[103], принятое 29 марта 1943 г. Подготовка стратегических резервов для фронта и тыла на протяжении всей войны, включая ее заключительный этап, играла колоссальную роль в достижении успехов Красной армии на фронте. ГКО делал все необходимое, чтобы стратегические резервы становились прочным фундаментом будущих побед.

Государственному Комитету Обороны принадлежит первенство в разработке стратегии первого периода войны в целом. Уже в начальный период и в ходе летне-осенней кампании 1941 г. руководство страны вынуждено было признать вероятность глубокого продвижения войск противника на территорию страны и необходимость создания инженерных оборонительных сооружений в глубоком тылу, в том числе защищенных объектов системы государственного и военного управления. Первое указание Государственного Комитета Обороны о строительстве оборонительных рубежей по рекам Десна, Сож, восточному берегу рек Ингулец, Днепр, в районе Одессы, на Крымском полуострове и Крымском перешейке Ставка получила в середине июля 1941 г. А ее директива 15 июля была направлена главкомам направлений, командующим Северным, Северо-Западным, Западным, Юго-Западным и Южным фронтами.

Ответственность за обеспечение рабочей силой, транспортом, механизмами, инструментом и материалами возлагалась на СНК и ЦК КП(б) республик, СНК и Областной комитет ВКП(б) Крымской АССР. Предполагалось, что строительство будет закончено не позднее 30 июля. О характере оборонительных рубежей в директиве не указывалось[104]. Обстановка же в полосах действий указанных фронтов (кроме Южного) менялась так стремительно, что многого, предусмотренного планом, выполнить не удалось. Летом 1941 г. противник, используя высокую мобильность своих моторизованных соединений, обгонял зачастую даже отходившие советские войска.

Стремительное продвижение мощной группировки противника на центральном, московском направлении заставило ГКО и Ставку ВК сконцентрировать все внимание на создании оборонительных рубежей на дальних подступах к столице. Уже 16 июля 1941 г. ГКО принял постановление «О Можайской линии обороны», согласно которому организация фронта по Можайской линии возлагалась на генерала П. А. Артемьева. В состав этой линии обороны были включены десять дивизий народного ополчения и пять дивизий НКВД. Организацию и артиллерийское оснащение ее предписывалось закончить в пятидневный срок, к 21 июля. Вечером 17 июля П. А. Артемьев докладывал И. В. Сталину о предпринятых им мерах[105].

На основании указаний ГКО Ставка Верховного командования 18 июля своим приказом конкретизировала задачи. Предписывалось сформировать штаб фронта Можайской линии обороны, командующим фронтом назначался командующий МВО генерал П. А. Артемьев[106]. Из выделенных дивизий были сформированы три армии — 32, 33 и 34-я, усиленные артиллерийскими полками резерва Главного командования и противотанковой обороны, назначены командующие армиями, члены военных советов и начальники штабов, определены рубежи обороны и поставлена задача упорно оборонять занимаемые рубежи. Приказ

24

Подлежит возврату
в Секретариат ГКО
(II часть)

СОВ. СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

РАСПОРЯЖЕНИЕ № ГКО-1260сс

от „8" февраля 1942 г. Москва, Кремль.

В целях обеспечения бесперебойного приема раненых из войскового и армейского районов обязать председателей облисполкомов: Кировской, Московской, Горьковской, Молотовской, Пензенской, Саратовской, Рязанской, Воронежской, Архангельской, Тамбовской, Куйбышевской, Ярославской, Ивановской и Сталинградской областей, а также Совнаркомы Татарской АССР, Удмуртской АССР, Мордовской АССР к 10 февраля 1942 года увеличить, в порядке уплотнения, фактически развернутую на 1 февраля 1942 г. коечную сеть эвакогоспиталей на 40%.

По мере прибытия госпиталей в порядке выполнения постановления ГКО № 1236сс от 3 февраля 1942 г. разрешить Заместителю Председателя СНК Союза ССР тов.Землячке Р.С. по представлению НКО свертывать коечную сеть, увеличенную в порядке уплотнения, согласно настоящему распоряжению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т.Василевскому, Хрулеву, Смирнову (НКО), Землячке, Молотову, Митереву, Пекшеву, Чадаеву; обкомам, облисполкомам и СНК республик.

Распоряжение ГКО «Об увеличении на 40 процентов развернутой коечной сети эвакогоспиталей»

требовал: «Перед фронтом армий и внутри оборонительных районов создать полосу заграждений с противотанковыми препятствиями. При организации обороны особое внимание уделить строительству различных противотанковых препятствий, минных полей и фугасов, щелей для пехоты и оборудованию артиллерийских позиций, особенно противотанковой артиллерии»[107].

В постановлении ГКО от 22 августа 1941 г. «О строительстве оборонительных сооружений» предусматривались рекогносцировка и строительство нового масштабного полевого оборонительного рубежа[108]. На следующий день директивы Ставки ВГК с изложением содержания данного постановления и указанием о начале его немедленной реализации на фронте от Ура-Губа на севере до Перекопского залива на юге были переданы главкомам направлений и командующим действующими фронтами. На картах, прилагаемых к директивам, была помечена

линия этого грандиозного по своему замыслу сооружения. Строительство оборонительного рубежа полностью возлагалось на строительные организации НКВД СССР. С учетом того, что главной ударной силой сухопутных войск противника являлись танки, в первую очередь должны были возводиться противотанковые препятствия. Как того требовала директива, на построенные «оборонительные рубежи должны быть составлены карты с системой обороны полкового участка, чтобы при занятии обороны войсками командиру полка и выше вручить карты системы обороны занимаемого ими рубежа». Завершить его строительство планировалось к 5 сентября 1941 г.[109]

Однако прогноз возможного продвижения противника в глубь территории страны и на сей раз оказался слишком оптимистичным. В связи с резким изменением обстановки на советско-германском фронте летом 1941 г. рубежи обороны, предусмотренные постановлением ГКО от 22 августа, были перенесены. Директива Ставки ВГК от 18 сентября 1941 г. предписывала командующим фронтами и отдельными армиями, а также начальнику Главного управления оборонительных работ перенести строительство рубежей обороны на новую линию в соответствии с «указаниями и схемами Генштаба КА... Срок окончания работ — 25 октября 1941 г.». Директива требовала: «На указанных рубежах построить развитую систему дивизионных полос и батальонных районов с противотанковыми и противопехотными препятствиями»[110].

На основании постановлений ГКО Ставка ВГК адресовала подобного рода директивы и командующим военными округами, территории которых примыкали к полосам действующих фронтов (Архангельского, Московского, Орловского, Харьковского, Приволжского, Северо-Кавказского), и командующим резервными армиями (10, 26, 28, 39, 56, 57, 58, 59, 60 и 61-й). На военные советы округов и командующих армиями возлагались «оперативно-тактическое руководство строительством, производство и своевременное обеспечение рекогносцировками строительства и прием законченных работ», мобилизация необходимого количества местного населения, всех видов транспорта, а также привлечение строительных материалов и механизмов[111].

В связи с тем что противник к 10 октября 1941 г. вышел к Можайской линии обороны, непосредственно прикрывавшей столицу, а план возведения оборонительных сооружений в этом районе выполнить так и не успели — в четырех укрепрайонах Можайской линии обороны было сооружено 296 дотов из намеченных планом 760, план по созданию противотанковых рвов выполнен наполовину[112] — Государственный Комитет Обороны и Ставка ВГК уделяли особо пристальное внимание строительству оборонительных рубежей на главном, московском направлении. 12 октября 1941 г. ГКО, учитывая сложную обстановку, принял решение о строительстве третьей линии обороны Москвы[113].

Руководству Моссовета и Мособлисполкома предписывалось мобилизовать 450 тыс. жителей столицы и Подмосковья для форсированного строительства линии обороны. Организацией его руководил непосредственно командующий войсками Московского военного округа. Своими приказами генерал П. А. Артемьев определял начертание рубежей, разбивку их на секторы, назначал ответственных исполнителей, устанавливал организацию связи, питания, снабжения и прочее[114]. На магистралях, ведущих к Москве, в течение двух-трех суток были заминированы шоссейные дороги и мосты, строились противотанковые рвы и препятствия, огневые точки и баррикады. Вдоль Окружной железной дороги, по Садовому и Бульварному кольцам возводились оборонительные сооружения. Жители столицы превращали ее в крепость. Силами населения было сооружено 676 км противотанковых рвов, 16,5 тыс. окопов для стрелковых отделений, свыше 27,6 тыс. огневых точек, установлено 32 260 км противотанковых ежей, устроено около 38,5 тыс. га лесных завалов. В строительстве оборонительных укреплений участвовали почти 600 тыс. жителей Москвы и Подмосковья, женщины среди них составляли 70–75%[115].

Практика упреждающего строительства оборонительных рубежей в глубоком тылу использовалась также в 1942 и 1943 гг. Но если в 1941 г. рубежи обороны создавались в тылу всего советско-германского фронта и на московском направлении, то в 1942 г. — только

на тех направлениях, где активно действовали группировки вермахта, то есть сталинградском и северокавказском. В 1943 г. государственный рубеж обороны создавался в тылу Курского выступа. После того как противник прорвался на Северный Кавказ и возникла угроза выхода его войск к основным нефтеносным районам СССР и побережью Черного моря, ГКО 16 сентября 1942 г. принял постановление «О строительстве Махачкалинского, Дербентского и Бакинского оборонительных рубежей»[116]. Для их форсированного строительства ежедневно привлекались 10 тыс. махачкалинцев, 5400 дербентцев и 8 тыс. бакинцев. Кроме основных создавались еще и промежуточные оборонительные рубежи[117].

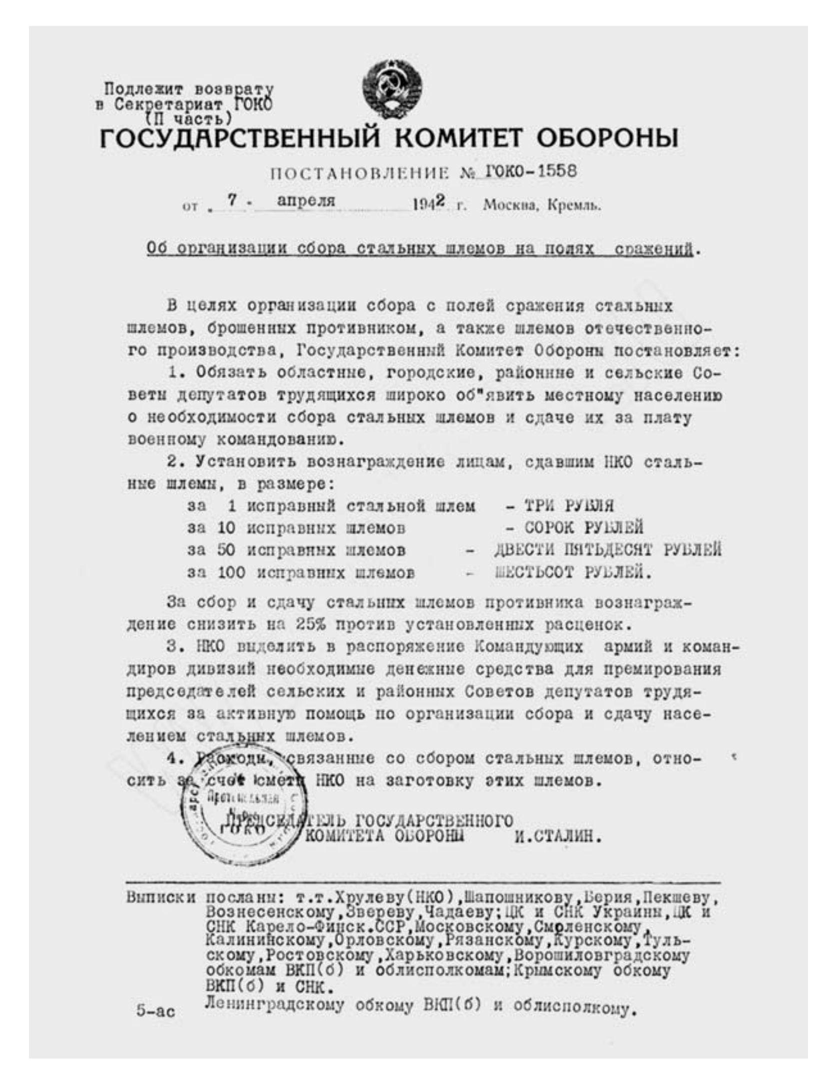
Одним из направлений деятельности Государственного Комитета обороны являлось создание благоприятных условий для развития партизанского и подпольного движения на территориях, занятых противником. Первым документом ГКО, касавшимся формирования партизанских подразделений, было постановление «О создании Латвийской стрелковой дивизии, формировании партизанских отрядов и групп»[118], принятое 3 августа 1941 г. Следующее постановление ГКО, касавшееся вопросов партизанского движения, состоялось 28 сентября 1942 г.[119], а 11 октября было принято постановление «О партизанском движении на Украине»[120]. 26 апреля 1943 г. последовало новое постановление, в котором шла речь об обеспечении мероприятий по развитию партизанского движения на Украине[121].

Для более эффективного использования ширившегося на оккупированных территориях партизанского движения ГКО предпринимал меры по созданию более надежной и устойчивой связи партизанских отрядов, частей и соединений с приближавшимися регулярными частями Красной армии. Для активизации этого процесса Государственным Комитетом Обороны было принято постановление «О производстве новой специальной приемо-передающей радиоаппаратуры для партизанских и агентурно-разведывательных связей»[122].

Государственный Комитет Обороны постоянно проводил мероприятия по подготовке кадров для вооруженных сил и тыла, в первую очередь для оборонной промышленности. Если в первые месяцы войны для восполнения потерь в вооруженных силах по инерции использовались в значительной мере кадры, подготовленные еще в довоенное время, то в начале 1942 г. ситуация стала качественно меняться. 25 января ГКО принял постановление «О 660 командирах и вольнонаемных работниках НКВМФ для работы в Москве»[123], что позволило качественно улучшить деятельность военно-морского ведомства по организации борьбы с неприятелем на море. ГКО последовательно осуществлял меры по подготовке кадров для военно-воздушных сил. В рамках осуществления этой задачи было принято постановление «О делении летно-технического состава ВВС Красной армии по категориям»[124]. Тогда же, в феврале 1942 г., состоялось постановление «Об улучшении штурманской подготовки летного состава ВВС Красной армии»[125].

13 марта ГКО рассмотрел вопрос «О конструкторском бюро т. Микояна А. И.»[126], что не только способствовало развитию авиационной техники, но и существенно повлияло на подготовку кадров, участвовавших в конструировании самолетов. Совершенствование и появление новой авиационной техники, ее численный рост, усложнение и увеличение количества задач, решаемых советской авиацией по удержанию стратегического превосходства над противником, потребовали квалифицированных летных кадров. С целью увеличения подготовки военных летчиков ГКО разработал меры, сформулированные в постановлении «О подготовке пилотов в школах ВВС Красной армии и ВМФ в 1943 году»[127]. А 18 мая 1943 г. ГКО принял решение об увеличении на восемь тонн авиабензина, отводимого на подготовку авиационных кадров[128].

Перевод страны на военные рельсы кроме усовершенствования старых заводов и фабрик военного назначения, перепрофилирования сугубо гражданских предприятий на военный лад требовал и строительства совершенно новых предприятий оборонной промышленности. В таком тройственном подходе к развитию военной промышленности и лежал залог успеха в обеспечении фронта всем необходимым. Решая эту проблему, ГКО, в частности, принял ряд документов, касавшихся новых оружейно-пулеметных заводов в Чкаловской области, Куйбышеве и Златоусте[129].

Подлежит возврату
в Секретариат ГОКО
(II часть)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-1558

от 7 апреля 1942 г. Москва, Кремль.

Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений.

В целях организации сбора с полей сражения стальных шлемов, брошенных противником, а также шлемов отечественного производства, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать областные, городские, районные и сельские Советы депутатов трудящихся широко об"явить местному населению о необходимости сбора стальных шлемов и сдаче их за плату военному командованию.

2. Установить вознаграждение лицам, сдавшим НКО стальные шлемы, в размере:

за 1 исправный стальной шлем – ТРИ РУБЛЯ
за 10 исправных шлемов – СОРОК РУБЛЕЙ
за 50 исправных шлемов – ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ
за 100 исправных шлемов – ШЕСТЬСОТ РУБЛЕЙ.

За сбор и сдачу стальных шлемов противника вознаграждение снизить на 25% против установленных расценок.

3. НКО выделить в распоряжение Командующих армий и командиров дивизий необходимые денежные средства для премирования председателей сельских и районных Советов депутатов трудящихся за активную помощь по организации сбора и сдачу населением стальных шлемов.

4. Расходы, связанные со сбором стальных шлемов, относить за счет сметы НКО на заготовку этих шлемов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т.Хрулеву(НКО),Шапошникову,Берия,Пекшеву, Вознесенскому,Звереву,Чадаеву;ЦК и СНК Украины,ЦК и СНК Карело-Финск.ССР,Московскому,Смоленскому, Калининскому,Орловскому,Рязанскому,Курскому,Тульскому,Ростовскому,Харьковскому,Ворошиловградскому обкомам ВКП(б) и облисполкомам;Крымскому обкому ВКП(б) и СНК.
Ленинградскому обкому ВКП(б) и облисполкому.

5-ас

Постановление ГКО «Об организации сбора стальных шлемов на полях сражений»

В результате эвакуации специалистов и техники в глубокий тыл изменился и статус крупнейших военно-промышленных центров. Города превратились в мощные промышленные центры, выпускавшие боевую технику, оружие и боеприпасы для фронта. 10 января 1942 г. Свердловск и Челябинск постановлением ГКО получили статус режимных городов первой категории[130]. В этом были положительные и отрицательные стороны: став режимными, города могли принимать приезжих из других регионов в ограниченном и строго регламентированном порядке, однако снабжение этих городов по военным меркам заметно улучшилось, что положительно сказалось на жизни горожан в целом. 21 февраля того же года к числу режимных городов первой категории были отнесены Молотов, Горький, Сталинград, Саратов и Махачкала[131].

В начале 1942 г. остро встал вопрос о налаживании выпуска средств производства. ГКО 11 января издал постановление «О станках для заводов, производящих снаряды»[132].

Перестройка деятельности государства на военный лад подразумевала укрепление связей науки с производством — скорейшее внедрение научных достижений в создание боевой

техники, оружия и боеприпасов. Кроме того, колоссальное значение имело создание принципиально новой боевой техники. Осознавая это, ГКО 15 июля 1942 г. принял постановление «Об организации Государственного института реактивной техники»[133]. Для более успешного развития института распоряжением ГКО ему был передан завод № 55 Народного комиссариата артиллерийской промышленности[134], что объективно способствовало более эффективному развитию научного учреждения. В числе новой боевой техники была и радиолокационная аппаратура, применявшаяся в зенитной артиллерии и на кораблях ВМФ. Важным шагом в деле ее развития стало распоряжение ГКО от 3 мая 1943 г. «Об изготовлении радиолокационной аппаратуры для Военно-морского флота СССР»[135].

17 июля 1943 г. было принято постановление «О помещениях Всесоюзного научно-исследовательского института радиолокации, конструкторского бюро, Главного управления радиолокационной промышленности и для Совета по радиолокации при ГКО»[136], а 8 сентября в свет вышло постановление «О капитальном ремонте здания Всесоюзного научно-исследовательского института радиолокации»[137]. Все это обеспечило формирование условий для развития этой новой отрасли науки, непосредственно связанной с производством новейшего радиолокационного оборудования.

Чтобы активизировать процесс разработки радиолокационных станций, 7 ноября 1943 г. ГКО принял постановление «О производстве специальных электродвигателей для радиолокационных установок»[138], 22 ноября — «Об изготовлении для радиолокационной и радиопромышленности конденсаторов из металлизированной бумаги и тонких слоев металлов и диэлектриков»[139], а 30 ноября — «О производстве непроволочных сопротивлений и постоянных конденсаторов для радиолокационной и радиоприборной промышленности»[140]. В январе 1944 г. ГКО издал постановление «О производстве радиолокационных установок для артиллерии главного калибра и радиолокационных станций обнаружения для кораблей Военно-морского флота (линкоров, крейсеров, эсминцев) на заводе № 703 НКСП»[141]. 15 апреля 1944 г. состоялось постановление «О плане производства радиолокационных станций и о материально-техническом обеспечении предприятий Наркомэлектропрома, Наркомавиапрома и Наркомсудпрома, изготовляющих эти станции во II квартале 1944 г.»[142], выполнение которого обеспечило Красную армию и флот самым современным радиолокационным оборудованием того времени, не уступавшим по своим тактико-техническим характеристикам подобной аппаратуре противника.

Закрепляя успех в этой сфере, ГКО 6 августа 1944 г. издал постановление «Об обеспечении строительства радиолокационных заводов № 465, 498, 678, 747 и НИИ-160 Наркомэлектропрома»[143], что позволило запустить новые виды радиолокаторов в серийное производство и создать экспериментальную базу для их совершенствования. 28 октября 1944 г. вышло два постановления ГКО, связанных с распределением радиолокационных изделий в последнем квартале года и с серийным и опытным производством РЛС[144].

В числе важнейших военно-научных проблем значилось улучшение тактико-технических характеристик советских танков, самолетов и другой военной техники. В рамках решения этой крупной проблемы 18 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О создании в системе ВВС Красной армии научно-исследовательского института специальных служб и научно-испытательного института авиационного вооружения»[145], а 15 ноября 1944 г. — «О мерах по разработке проблемы «Сварка брони больших толщин» в АН СССР»[146].

Не менее значимым направлением в деятельности ГКО явились перестройка органов партийно-государственного руководства и управления на всех уровнях (от ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматов до городских комитетов обороны), приведение их в соответствие с требованиями оперативно-стратегической ситуации на советско-германском фронте и военно-политической обстановки в мире. Эта функция лучше всего прослеживается на структурном развитии Государственного Комитета Обороны (создание комиссий, комитетов, советов, института уполномоченных ГКО, образование Оперативного бюро), трансформации Ставки ВГК и ее рабочего органа — Генерального штаба с их представителями в войсках действующей армии, на изменениях в СНК СССР и наркоматах и прочем.

Как известно, в деятельности государственного механизма мелочей не бывает, поэтому на любые сигналы о нарушении ритма работы ГКО реагировал довольно оперативно. Например, потеря в летне-осенней кампании 1941 г. важных сельскохозяйственных районов страны с огромными запасами зерна, мяса, фуража и других видов продукции создала напряженное положение со снабжением вооруженных сил продовольствием. Это потребовало принятия мер по централизованному управлению продовольственным снабжением и повышению роли продовольственной службы. В середине января 1942 г. ГКО принял постановление об изъятии Управления продовольственного снабжения из состава Главного интендантского управления, реорганизации его в Главное управление продовольственного снабжения и подчинении непосредственно начальнику тыла Красной армии[147].

Механизм подготовки и принятия постановлений и распоряжений ГКО выработался довольно быстро. Если решение простых вопросов не занимало много времени, то работа над сложными проблемами требовала предварительного изучения всей имевшейся информации, а на это порой уходило несколько дней. В зависимости от решаемого вопроса председатель ГКО получал от наркомов, СНК СССР, главных управлений НКО, Генерального штаба, командующих фронтами, комитетов (комиссий, советов) ГКО необходимые письменные и устные доклады и предложения, и после изучения и обсуждения в узком кругу возможных вариантов принимался оптимальный из них. Вначале постановление оформлял А. Н. Поскрёбышев, с конца 1942 г. — Оперативное бюро, и затем оно доводилось до исполнителей. Его реализацию в войсках дополнительно обеспечивали директивы Ставки ВГК, Генерального штаба, приказы НКО, НК ВМФ, НКВД, НКГБ. Контроль над выполнением в сфере народного хозяйства осуществляли уполномоченные ГКО и парторги ЦК ВКП(б), а в войсках — представители Ставки ВГК.

Наиболее характерной чертой являлось отсутствие регламента в работе ГКО. По оценке Д. Ф. Устинова, наркома вооружения, который досконально знал всю процедуру принятия решений государственной важности, заседания ГКО, Ставки и Политбюро происходили в кабинете И. В. Сталина «без официальной процедуры окончания работы одного органа и начала работы другого»[148]. Приняв решение по конкретному вопросу, И. В. Сталин обычно лично указывал, документом какого органа его надлежит оформить. В годы войны не существовало документа, который разграничивал бы полномочия высших органов стратегического руководства страной, вооруженными силами и войной в целом, поэтому председатель ГКО довольно часто предписывал постановление или его отдельные пункты председателю СНК СССР и наркому обороны.

Довольно емкую и краткую характеристику стиля повседневной деятельности Государственного Комитета Обороны дал начальник тыла Красной армии генерал А. В. Хрулёв. В своих воспоминаниях он отмечал: «В кабинет председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений — каждый по своему кругу деятельности. Сюда беспрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было»[149].

Одной из особенностей стиля работы ГКО являлось принятие решений государственной важности лично председателем. Обычно это происходило в тех случаях, когда рассматриваемые вопросы относились к компетенции председателя СНК СССР. Так, в документах ГКО за апрель 1945 г. имеется докладная записка под заголовком «Перечень вопросов, внесенных на утверждение тов. Сталина И. В. (от т. Берии): 1. План производства боеприпасов на II квартал 1945 г. 2. План производства и ремонта танков на II квартал 1945 г. 3. План производства артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения на II квартал 1945 г. 4. План добычи нефти на II квартал 1945 г.». Через весь лист наискось стоит резолюция: «За — И. Сталин», а напротив каждого пункта карандашом вписаны номера постановлений ГКО и дата. Например, «№ 8107 от 13.IV» или «Чадаеву для печатания»[150].

О масштабах деятельности ГКО и ее напряженности можно судить и по количественным показателям. За 1626 дней своей работы (с 30 июня 1941 по 4 сентября 1945 г.) ГКО принято 9971 постановление и распоряжение. Практически они охватывают все стороны деятельности государства в ходе войны. Содержание документов, как правило, зависело от складывавшейся военно-политической обстановки на советско-германском фронте, в стране и мире, военно-политических и стратегических целей операций, кампаний и войны в целом, а также от состояния собственной экономики. Таким образом, в разные периоды войны ГКО выбирал приоритетные направления развития государства, позволявшие наиболее эффективно обеспечивать действующую армию всем необходимым, перестраивать и совершенствовать экономику, тыл страны. При этом все эти направления непрерывно развивались, дополняя друг друга.

Руководство оборонной промышленностью страны в годы войны

Одним из основных условий устойчивой и эффективной работы системы государственного управления в конкретных исторических условиях является соответствие взаимосвязанных элементов ее подсистем своему предназначению. С началом войны важнейшая функция Советского государства — оборонительная — приобрела первостепенное значение. Выполнение ее в значительной степени зависело от жизненности созданной в предвоенные годы системы политического руководства и государственного управления СССР, в том числе во многом от эффективности работы ее подсистем, особенно таких, как управление оборонной промышленностью — сектором общественного производства, предназначенным для обеспечения государства средствами вооруженной борьбы.

Ядром оборонной промышленности, ее центральными органами управления в начале войны являлись четыре общесоюзных наркомата: Наркомат авиационной промышленности (НКАП), Наркомат боеприпасов (НКБ), Наркомат вооружения (НКВ) и Наркомат судостроительной промышленности (НКСП). Идеологическим обеспечением их работы и руководством к действию стала директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Когда решался вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение», все зависело от «умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности для борьбы с врагом». Необходимо было «сплотить весь народ вокруг коммунистической партии, вокруг советского правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, для победы, подчинить всю деятельность интересам фронта, форсировать военное производство, обеспечить усиленную работу всех предприятий»[151].

К тому времени руководство центральных органов управления оборонной промышленностью в рамках своей компетенции уже приняло первоочередные меры к достижению стратегической цели государственного управления в чрезвычайных условиях. Еще утром 22 июня первый заместитель председателя Правительства СССР Н. А. Вознесенский провел совещание наркомов. Им было поручено в течение суток разработать программы максимального увеличения производства вооружения и военной техники в соответствии с ранее утвержденными мобилизационными планами наркоматов, а также принять меры по строжайшей экономии остродефицитных материалов и замене импортных изделий и материалов отечественными. Первоочередной задачей руководства оборонной промышленности являлась мобилизация всех мощностей в целях форсирования военного производства.

На следующий день наркомы доложили свои планы выполнения правительственного задания. Так, руководство Наркомата авиационной промышленности неотложными задачами считало: срочную эвакуацию подведомственных заводов из Белоруссии и Прибалтики; немедленное дублирование всех уникальных авиапредприятий; выделение оборудования,

Конструкторы и организаторы производства оружия и боевой техники.
Слева направо: (первый ряд) И. И. Иванов, Б. Г. Шпитальный, А. И. Шахурин, И. М. Зальцман, П. В. Дементьев; (второй ряд) В. Г. Грабин, Б. Л. Ванников, А. А. Микулин, Д. Ф. Устинов, Н. Н. Поликарпов, П. А. Воронин, С. В. Ильюшин. 1941 г.

Вручение переходящего Красного знамени ГКО коллективу московского завода «Красный пролетарий». 1942 г.

материалов и кадров для создания филиалов ведущих заводов, определение мест их дислокации; ускорение пуска в эксплуатацию заводов, уже строившихся за Волгой; сокращение цикла производства авиационной техники; максимальное уменьшение объема опытно-конструкторских и фундаментальных научно-исследовательских работ; сосредоточение основных усилий на совершенствовании серийных машин и увеличении их выпуска; проведение испытаний по замене остродефицитных материалов обычными[152]. Программы других наркоматов также основывались на последних установках высших органов стратегического руководства оборонной промышленности — Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Обеспечение резкого увеличения выпуска вооружения и военной техники осложнялось тем, что одновременно советскому военно-политическому руководству пришлось решать не менее трудную задачу эвакуации большинства предприятий на восток в связи с угрозой захвата или разрушения промышленных объектов противником. Для разрешения этой и других проблем, вызванных условиями военного времени, потребовалась перестройка системы государственного управления СССР, в том числе управления оборонно-промышленным комплексом.

В связи с резко возросшим объемом неотложных вопросов, требующих ежедневного рассмотрения и оперативного решения советским правительством, 23 июня 1941 г. была создана Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам в составе первого заместителя председателя СНК СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского, заместителей председателя СНК СССР члена ЦК ВКП(б) Н. А. Булганина и члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микояна[153]. Вместе с тем, по свидетельству заместителя председателя Совнаркома М. Г. Первухина, функции и права правительства СССР расширены не были. Его глава И. В. Сталин председательствовал преимущественно на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО. Больших официальных заседаний СНК с широкой повесткой дня не проводилось. Им принимались постановления и отдавались распоряжения в основном частного характера, которые предварительно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО[154]. В сферу компетенции Совнаркома СССР входили главным образом «гражданские» отрасли народного хозяйства. Кроме того, его постановлениями утверждались планы по производству (валовая и товарная продукция в отпускных ценах) и рабочей силе наркоматов оборонной промышленности.

Важнейшим направлением деятельности Государственного Комитета Обороны являлась мобилизация оборонно-промышленного потенциала страны на реализацию всех его возможностей по бесперебойному качественному и количественному удовлетворению потребностей вооруженных сил в современных средствах вооруженной борьбы. Для выполнения данной функции ГКО осуществлял высшее руководство и контроль над работой центральных органов управления оборонной промышленностью и подведомственных им крупных заводов, а также наркоматов и предприятий ее базовых отраслей. Первый мандат уполномоченного ГКО 2 июля 1941 г., как уже отмечалось, получил заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов, направленный на Тульский оружейный и патронный заводы[155]. На следующий день Н. А. Вознесенский был назначен уполномоченным ГКО по вопросам вооружения и боеприпасов[156]. Тогда же в связи с назначением уполномоченных ГКО по соответствующим вопросам были ликвидированы созданные накануне войны Комитет по снабжению армии и Комитет по вооружению и боеприпасам при Бюро СНК СССР[157].

Нужды фронта были очень разнообразны. ГКО с первых дней своей деятельности стремился работать на опережение. Так, понимая, что ведение крупномасштабных и длительных боевых действий потребует огромного количества топографических карт для самых разнообразных нужд (от Генерального штаба до командиров подразделений), 8 июля 1941 г. было принято постановление «О создании в гг. Свердловске и Саратове военно-картографических фабрик»[158]. Под нужды армии корректировалась и деятельность пищевой промышленности. В частности, в районах Поволжья и Урала в соответствии с постановлением ГКО от 9 июля 1941 г. должно было начаться производство пищевых концентратов. Кроме того, вступило

в силу распоряжение о создании дополнительной базы по выработке сухарей на предприятиях Наркомпищеторга СССР[159].

Для восполнения убыли рабочей силы в условиях широкомасштабной войны необходимы были мобилизация незанятого трудоспособного населения и его централизованное рациональное распределение в интересах обороны страны. 30 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления правительства «О создании при Бюро СНК СССР Комитета по распределению рабочей силы» в составе начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР П. Г. Москатова (председатель), комдива В. В. Чернышёва (заместитель наркома внутренних дел СССР) и М. А. Ямпольского (Госплан). Председателю этого комитета предоставлялось право давать обязательные для всех наркоматов и ведомств распоряжения по распределению рабочей силы в пользу оборонных нужд[160]. Так, постановлением ГКО от 31 июля 1941 г. для организации производства реактивных пусковых установок М-13 П. Г. Москатов обязывался направить в пятидневный срок на Московский машиностроительный завод «Компрессор» и Воронежский вагоностроительный завод имени Коминтерна НКОМ квалифицированных рабочих с заводов местной промышленности и промкооперации[161].

В июле Н. А. Вознесенский поручил заместителю заведующего Секретариатом СНК СССР бригинженеру А. С. Александрову подобрать из состава работников Совнаркома и наркоматов группу военных специалистов, хорошо знавших теорию и практику производства и боевого применения вооружения и военной техники (ВВТ). Через несколько дней группа была сформирована. На инструктивном совещании Н. А. Вознесенский определил ее задачи и подчеркнул, что проверкой плана по выпуску вооружения и боеприпасов необходимо заниматься ежедневно, а в случае возникающих неувязок немедленно принимать меры к их устранению. Следовало всячески поддерживать инициативу рабочих и инженеров по повышению производительности труда и качества продукции. Группа подчинялась только первому заместителю СНК, который пообещал, что взыскивать будет строго, по законам военного времени. Каждый завод должен был иметь четкий календарный график выпуска военной продукции, который подлежал ежедневному контролю со стороны сотрудников группы. Н. А. Вознесенский посоветовал почаще бывать на заводах, чтобы лучше знать особенности производства, не администрировать, используя свой пост, а оказывать реальную квалифицированную помощь в выполнении плана. Ответственность за ежедневный учет выпуска оружия и боеприпасов была возложена на заместителя заведующего Секретариатом СНК СССР А. Ф. Шалина[162].

Однако меры по увеличению танкового производства, принятые летом 1941 г., не соответствовали требованиям войны и планам военно-политического руководства СССР. К осени стало очевидным, что управление танкостроением требует реорганизации. Было решено объединить производство танков, рассредоточенное на предприятиях Наркомсредмаша, Наркомсудпрома, Наркомтяжмаша и других наркоматов, под началом единого вновь образованного центрального органа управления. Проект указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании общесоюзного Наркомата танковой промышленности (НКТП) с включением в его состав танковых, дизельных и броневых заводов, а также 3-го Главного управления (броневого) Наркомсудпрома был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 11 сентября 1941 г.[163] Производственное ядро Наркомата танковой промышленности составили 11 предприятий Наркомсредмаша, в его состав вошли также пять заводов Наркомсудпрома и четыре завода других наркоматов. Кроме того, Наркомату танковой промышленности были переданы вуз, пять техникумов и НИИ-48.

13 октября 1941 г. противник захватил Калугу и завязал бои за Калинин. Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии 15 октября ГКО принял решение об эвакуации столицы СССР Москвы, а также создал Комиссию текущих дел в Куйбышеве[164] в составе заместителей председателя Совнаркома В. М. Молотова (председатель), А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, М. Г. Первухина и В. А. Малышева. Спустя десять дней, 25 октября, постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР заместителю председа-

Подлежит возврату
в Секретариат ГКО
(II часть)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1162сс

от . 15 · января 1942 г. Москва, Кремль.

О формировании 20 Гвардейских минометных полков М-13.

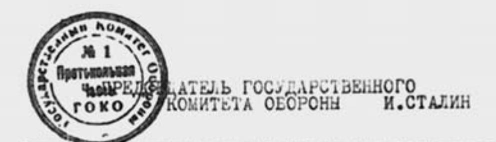
Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Командующего минометными частями Ставки Верховного Главнокомандования полковника т. Аборенкова сформировать в период с 15 января по 5 марта 1942 года 20 Гвардейских минометных полков М-13.

2. Утвердить:

а) мероприятия по обеспечению производства боевых установок М-13 (см. приложение № 1);

б) мероприятия по увеличению выпуска снарядов М-13 (см. приложение № 2).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Маленкову, Шапошникову,
Аборенкову – все. Вознесенскому,
Сабурову, Гайдукову, Борисову,
Чадаеву – п.2.
Наркомам, обкомам ВКП(б) – соответ.

5мн

Постановление ГКО «О формировании 20 гвардейских минометных полков М-13»

теля Совнаркома Н. А. Вознесенскому было поручено представлять в Куйбышеве советское правительство, руководить работой эвакуированных на восток наркоматов, прежде всего авиационной, танковой промышленности, вооружения, боеприпасов, черной металлургии, добиться в кратчайший срок пуска в эксплуатацию перемещенных на Волгу, Урал и в Сибирь заводов, а также работы указанных наркоматов в ближайшие недели полным темпом[165].

В связи с сокращением количества подведомственных предприятий и общим уменьшением объема работы некоторых центральных органов управления Политбюро ЦК ВКП(б) 12 ноября 1941 г. признало необходимым объединение ряда союзных и российских наркоматов, слияние или ликвидацию их отдельных главков, а также сокращение штатов. Для рассмотрения этих вопросов была назначена комиссия в составе В. М. Молотова (председатель), А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, Л. П. Берии, А. А. Андреева, А. Н. Косыгина, Л. З. Мехлиса и А. Г. Зверева[166]. В ее работе должны были принять участие представители заинтересованных наркоматов[167].

В целях скорейшего восполнения потерь бронетанковых войск и усиления ударной мощи Красной армии постановлением ГКО от 14 ноября 1941 г.[168] Наркомат станкостроения был слит на время войны (восстановлен постановлением ГКО от 21 февраля 1942 г.)[169] с Народным комиссариатом танковой промышленности. Последнему для производства танков и их узлов были переданы заводы Наркомата станкостроения (вместе с программой по боеприпасам). Приказом В. А. Малышева от 18 ноября в систему Наркомата танковой промышленности были включены 52 предприятия бывшего Наркомата станкостроения[170].

Постановлением ГКО от 23 ноября 1942 г. «О минометных частях» был установлен график формирования 104 отдельных гвардейских минометных дивизионов, вооруженных реактивными установками М-8 и М-13 в ноябре 1941 — феврале 1942 г. Нарком общего машиностроения СССР П. И. Паршин был утвержден уполномоченным ГКО по обеспечению их производства[171], а 26 ноября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект указа Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Народного комиссариата общего машиностроения в Наркомат минометного вооружения (НКМВ)[172]. Таким образом, количество наркоматов оборонной промышленности увеличилось с четырех до шести. С созданием Оперативного бюро ГКО все наркоматы оборонных отраслей промышленности стали подчиняться ГКО.

3 июля 1942 г. была утверждена структура Наркомата минометного вооружения, а 16 июля объявлена приказом наркома[173]. В нее вошли: 1, 2, 3, 4 и 5-е главные управления — по производству корпусов мин; по производству мин, снарядов и авиабомб; по производству ротных и батальонных минометов; по производству тяжелых минометов и реактивных установок; по производству военных приборов и взрывателей соответственно; пять главных управлений — по производству сельскохозяйственных машин; по производству химического, насосно-компрессорного и бумагоделательного машиностроения; арматурной промышленности и противопожарного оборудования; рабочего снабжения; снабжения, а также функциональные и обслуживающие подразделения. В систему наркомата были включены НИИ минометного вооружения (НИИ-1), Институт по проектированию заводов (ИМВ-1), ремонтно-монтажная контора и трест по заготовке, разделке и механической обработке леса[174].

Были внесены коррективы и в структуру государственного управления. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 января 1942 г.[175] состав Комиссии Бюро СНК СССР по текущим вопросам был расширен, а 11 сентября 1942 г. ее председателем вместо Н. А. Вознесенского стал В. М. Молотов[176].

В целях повышения оперативности разработки плановых документов в оборонно-промышленной сфере, улучшения их реализации и контроля исполнения, независимо от ведомственной принадлежности предприятий, в аппарате Госплана СССР были созданы специализированные отделы: авиационной промышленности, танковой промышленности, вооружения, боеприпасов, судостроения и минометного вооружения[177]. Так, постановлением ГКО от 24 октября 1942 г. «Об организации отдела боеприпасов в Госплане СССР»[178] на новое структурное подразделение возлагались контроль над обеспечением промышленности боеприпасов сырьем и материалами, расходованием их, а также подготовка месячных и квартальных планов производства и материального обеспечения элементов боеприпасов. В соответствии с постановлением СНК СССР от 10 июля 1943 г. в компетенцию отдела танковой промышленности Госплана также входили контроль над обеспечением танковой промышленности сырьем и материалами, расходованием их, подготовка месячных и квартальных планов производства танков, самоходных артиллерийских установок, дизелей и запасных частей к ним, а также ремонта танков[179].

В 1942 г. (не позднее 21 марта)[180] Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР был преобразован в Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР во главе с П. Г. Москатовым. В 1943 г. его председателем стал Н. М. Шверник. В соответствии с положением, утвержденным СНК 5 ноября 1942 г., Комитет выполнял следующие функции: учет городского и сельского населения, организация и проведение по заявкам наркоматов

его мобилизации для работы в промышленности и строительстве, а также перераспределение рабочей силы между отраслями народного хозяйства и наркоматами. Постановлением СНК от 17 июня 1943 г. на Комитет был возложен призыв городской и сельской молодежи в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО.

В это время ГКО пришлось решать проблему обеспечения доставки в СССР грузов, получаемых по ленд-лизу. В марте 1942 г. ГКО были предприняты меры по «военизации» морского торгового флота. Тогда же в США, Великобритании и Иране начали создаваться по указанию ГКО аппараты Наркомвоенморфлота, целью которых являлось обеспечение охраны советских судов и грузов как в процессе следования из одного порта в другой, так и на стоянках[181].

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 августа 1942 г. В. М. Молотов занял пост первого заместителя председателя Совнаркома СССР по всем вопросам работы СНК[182]. 8 декабря 1942 г.[183] был утвержден новый состав Бюро СНК СССР: В. М. Молотов, А. И. Микоян, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, Н. М. Шверник. К его ведению было отнесено рассмотрение и утверждение от имени правительства народно-хозяйственных планов (планов производства и снабжения), решение практических вопросов работы наркоматов, не входивших в сферу деятельности Оперативного бюро ГКО, а также всех комитетов и управлений при СНК СССР, ведавших отдельными отраслями культурного строительства и административного управления. Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам была упразднена. К началу 1944 г. в аппарате СНК СССР функционировало несколько оперативных групп, непосредственно занимавшихся вопросами обеспечения армии и флота вооружением и боеприпасами.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1944 г.[184] был оптимизирован состав заместителей председателя СНК СССР. К тому времени их было 13: В. М. Молотов (первый заместитель), А. И. Микоян, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Н. А. Вознесенский, А. Я. Вышинский, В. А. Малышев, М. Г. Первухин, А. Н. Косыгин, М. З. Сабуров, Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис. Из них всего шесть или семь человек имели возможность исполнять функции заместителей, остальные были загружены работой в своих наркоматах либо находились на фронте (Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис). С другой стороны, Г. М. Маленков, не будучи заместителем, фактически исполнял эти обязанности по нескольким наркоматам. В данной связи Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: освободить Л. З. Мехлиса, Н. А. Булганина, А. Я. Вышинского, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, В. А. Малышева и Л. М. Кагановича от обязанностей заместителей и назначить Г. М. Маленкова заместителем председателя Совнаркома СССР, утвердить Бюро СНК СССР в составе В. М. Молотова (председатель), А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, Н. М. Шверника, А. А. Андреева и А. Н. Косыгина.

Рассмотрение организации подсистемы управления оборонной промышленностью в рамках системы государственного управления СССР в годы войны с учетом конечных итогов ее деятельности дает основание утверждать, что, несмотря на сокращение численности административно-управленческого аппарата, возросший объем работы и ухудшение условий функционирования, она выполнила свое предназначение.

Война предъявила повышенные требования к управленческим кадрам, прежде всего в отношении исполнительской дисциплины и оперативности выполнения решений военно-политического руководства СССР. Сама жизнь, вспоминал Д. Ф. Устинов, «заставляла, чтобы ответственные работники наркомата точно знали возможности каждого подчиненного завода, его обеспеченность ресурсами и материалами, состояние выпуска продукции на каждый день, конкретные причины недовыполнения программы и срочно принимали действенные меры для выправления положения»[185].

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 сентября 1941 г. руководство вновь образованным Наркоматом танковой промышленности СССР было вверено В. А. Малышеву[186], бывшему наркому среднего машиностроения СССР. На должности его заместителей получили назначения: нарком судостроительной промышленности СССР И. И. Носенко (первый заместитель по совместительству), председатель Всесоюзного комитета стандартов при СНК СССР П. М. Зернов и А. А. Горегляд — оба с освобождением от обязанностей заместителей

наркома среднего машиностроения СССР, а также С. К. Щербаков с освобождением от должности заместителя наркома электропромышленности СССР. 4 октября 1941 г. заместителем В. А. Малышева с оставлением в должности директора Кировского завода был назначен И. М. Зальцман, а 23 февраля 1942 г. А. А. Горегляд утвержден первым заместителем наркома танковой промышленности[187]. Исполнение обязанностей наркома судостроительной промышленности возлагалось на его заместителя Г. Д. Каплуна[188]. Кадровой базой формирования центрального аппарата Наркомата танковой промышленности стала группа работников Наркомата среднего машиностроения, а также сотрудники переданного в состав нового наркомата 3-го Главного управления (броневого) Наркомсудпрома.

В целях укрепления аппарата Народного комиссариата боеприпасов с учетом возросшего объема работ, массовой эвакуации и необходимости усиления контроля производственной деятельности предприятий отрасли постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 12 сентября[189] были проведены кадровые мероприятия. В частности, назначение первым заместителем наркома и заместителем наркома — начальником инспекции бывших сотрудников Наркомата госконтроля СССР Г. И. Ивановского и В. А. Махнёва.

После объединения 14 ноября 1941 г. наркоматов танковой и станкостроительной промышленности бывшие нарком станкостроительной промышленности СССР А. И. Ефремов и его первый заместитель А. М. Петросянц были назначены заместителями наркома танковой промышленности СССР по организации танкового производства на станкостроительных заводах. Наркомат минометного вооружения СССР возглавил П. И. Паршин, бывший нарком общего машиностроения СССР. 29 ноября 1941 г. были назначены и его заместители[190].

Вследствие того, что с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации значительной части советской территории и эвакуации промышленности из производственного процесса выпали 303 предприятия[191], изготовлявших боеприпасы, их выпуск катастрофически сократился. По воспоминаниям маршала Г. К. Жукова, в феврале — марте 1942 г. Ставка ВГК требовала активизировать наступательные действия на западном направлении, но к этому времени силы и средства фронтов иссякли. Особенно остро стояла проблема обеспечения войск боеприпасами. Из запланированных на первую декаду февраля 316 вагонов Западный фронт не получил ни одного. Из-за отсутствия снарядов реактивную артиллерию пришлось частично отвести в тыл[192].

16 февраля 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) укрепило руководство Наркомата боеприпасов. Новым наркомом был назначен Б. Л. Ванников, его первым заместителем — М. В. Хруничев, бывший заместитель наркома авиапромышленности, вторым — П. Н. Горемыкин, бывший нарком боеприпасов СССР[193]. Коллегия наркомата в составе десяти человек была утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) 11 марта[194]. В целях укрепления исполнительской дисциплины новый нарком провел чистку директорского корпуса. В апреле — июне 1942 г. за невыполнение заданий ГКО по его ходатайству были сняты с должностей и переданы в следственные органы НКВД восемь директоров крупных заводов[195].

Чуть раньше, 22 января 1942 г., решением Политбюро ЦК ВКП(б) И. И. Носенко был освобожден от обязанностей первого заместителя наркома танковой промышленности и приступил к исполнению обязанностей наркома судостроительной промышленности[196]. В приказе от 26 января 1942 г. он объявил, что в 1942 г. на наркомат возложены задачи по резкому ускорению строительства и сдачи боевых кораблей, а также выпуску оборонной продукции. По сравнению с 1941 г. план по валовой продукции заводов Наркомата судостроительной промышленности повысился на 53,4%, по товарной — на 72,9%. Остро стоял вопрос об увеличении количества рабочей силы на 60%[197].

План выпуска в июне и третьем квартале 1942 г., 1230 и 4650 танков Т-34 соответственно, был установлен постановлением ГКО от 5 июня 1942 г.[198], однако июньский план удалось выполнить только на 79%[199]. В. А. Малышев 1 июля 1942 г. был освобожден от обязанностей наркома танковой промышленности[200]. Его место с освобождением от обязанностей директора Кировского завода занял И. М. Зальцман. 7 июня 1943 г. ГКО сделал вывод, что проведенные Наркомтанкопромом и Главным артиллерийским управлением Красной армии

Самоходная установка СУ-76 на испытаниях

мероприятия по устранению недостатков СУ-76 не внесли серьезных улучшений и не обеспечили удовлетворительного качества САУ. Исходя из этого, было принято следующее решение: прекратить их выпуск на заводе № 38 Наркомата танковой промышленности; указать наркому И. М. Зальцману на допущенное им безответственное отношение к делу; конструктора СУ-76 С. А. Гинзбурга отстранить от работы, запретить допуск его к конструкторским работам в наркомате и направить в распоряжение НКО для использования на менее ответственной работе в войсках действующей армии; указать начальнику Главного артиллерийского управления Красной армии генерал-полковнику артиллерии Н. Д. Яковлеву на необходимость повысить ответственность и контроль над всеми опытными работами по бронетанковому вооружению, обратив особое внимание на правильный подбор состава комиссий по испытаниям. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии генерал-полковник танковых войск Я. Н. Федоренко совместно с Главным артиллерийским управлением Красной армии должен был к 1 июля 1943 г. закончить испытание образцов новых 76-мм САУ завода № 38 и совместно с Наркоматом танковой промышленности представить в ГКО к 5 июля 1943 г. заключение о возможности принятия их на вооружение Красной армии[201].

26 июня 1943 г. на должность наркома танковой промышленности был возвращен В. А. Малышев[202]. И. М. Зальцман сменил в должности директора Кировского завода М. А. Длугача. Парторгом ЦК ВКП(б) на завод был назначен второй секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Л. С. Баранов с освобождением от этой работы М. Д. Козина и оставлением его заместителем парторга ЦК ВКП(б) на этом же предприятии. В целях создания единого технического руководства производством танков на Кировском заводе и повышения ответственности его директора и главного инженера за качество выпускаемой продукции Наркомтанкопрому предписывалось произвести ряд изменений в управлении предприятием. С учетом значимости Кировского завода в выпуске танков и дизелей на нем была введена должность уполномоченного Главного управления бронетанковых и механизированных войск Красной армии с подчинением ему старших военпредов танковой и моторной приемок на заводе.

С этого времени руководящий состав центральных органов оборонной промышленности стабилизировался и в дальнейшем крупных кадровых перестановок не происходило. «Война, — констатировал на основе личного опыта бывший уполномоченный ГКО В. С. Емельянов, — является той суровой, объективной проверкой, которая позволяет правильно оценить и государственную систему, и экономику, и военную технику, и действующие механизмы организации всех производств и систем управления, и отдельных людей»[203]. С началом войны предприятия оборонной промышленности незамедлительно приступили к выполнению своих мобилизационных планов.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня был введен в действие мобилизационный план по боеприпасам и патронам[204]. Таким образом он был трансформирован в оперативную задачу государственного управления. Наркоматам СССР и РСФСР, Совнаркомам БССР, УССР и Моссовету разрешалось разбронировать мобзапасы спецприспособлений и инструмента на заводах, переведенных на выполнение мобплана по элементам боеприпасов и патронам. Наркомат путей сообщения СССР должен был обеспечить внеочередную подачу вагонов под материалы и оборудование для изготовления боеприпасов и патронов наравне с воинскими перевозками. Госплану предписывалось представить в двухдневный срок мобилизационный народно-хозяйственный план третьего квартала взамен утвержденного СНК СССР 14 июня 1941 г.

Рабочие и инженерно-технические работники заводов Наркомата боеприпасов освобождались от призыва по мобилизации. Директорам заводов, производивших элементы боеприпасов и патроны, разрешалось применять обязательные сверхурочные работы (до трех часов в смену), а также обязательную работу в воскресные дни. Наркомы, председатели совнаркомов союзных республик, секретари областных и краевых комитетов ВКП(б) должны были ежедекадно представлять в СНК СССР сводки о ходе выполнения мобплана с указанием наименования предприятия, квартального задания и данных о сдаче продукции военпреду по состоянию на 10, 20 и 1-е число каждого месяца нарастающим итогом. Первый отчет следовало представить по состоянию на 10 июля 1941 г. Таким образом, в постановлении помимо прямого целенаправленного организующего воздействия на объекты управления (центральные органы управления оборонной промышленностью) был установлен канал информирования субъекта управления о выполнении принятых им решений (обратная связь).

Уже 24 июня 1941 г. нарком среднего машиностроения В. А. Малышев доложил Политбюро ЦК ВКП(б) о состоянии дел в танкостроении. На следующий день СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об увеличении выпуска танков КВ, Т-34, Т-50, арттягачей и танковых дизелей в третьем и четвертом кварталах 1941 года»[205]. Ленинградский Кировский и Челябинский тракторный (ЧТЗ) заводы должны были почти удвоить ежемесячный выпуск танков КВ-1. Заводам № 183 (Харьковский паровозостроительный завод, ХПЗ) и Сталинградскому тракторному (СТЗ) было определено увеличить ежемесячное производство Т-34 на 64%. Ленинградский № 174 и Московский № 37 заводы Наркомата среднего машиностроения к началу 1942 г. обязывались изготовить 705 танков Т-50. К февралю 1942 г. планировалось создать мощности, обеспечивающие ежемесячное их производство в количестве 200 единиц, и началу 1942 г. выпустить 6360 артиллерийских тягачей (ХПЗ, ЧТЗ и СТЗ), 6380 танковых дизелей В-2 и 4365 танковых пушек различных калибров (Горьковский завод № 92 Наркомата вооружения). Кроме того, 5115 пушек Наркомату среднего машиностроения должен был поставить НКО. В поставках Наркомсредмашу бронекорпусов, башен и бронедеталей для танков были задействованы по кооперации наркоматы тяжелого машиностроения, черной металлургии, вооружения, боеприпасов, судостроительной промышленности, обороны, станкостроения, нефтяной промышленности и Наркомстроя.

Как отмечалось в постановлении, план производства танков, арттягачей, дизелей и брони являлся мобилизационным на второе полугодие 1941 г. В отличие от принятого накануне войны мобилизационного плана по боеприпасам он имел чрезвычайный характер. В частности, это выразилось в разрешении Наркомсудпрому выпускать танковую броню за счет

уменьшения производства судовой брони, утверждении облегченных технических условий военного времени на приемку танковых корпусов и прочее.

На девятый день войны, 30 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило представленный Совнаркомом мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 г.[206] взамен принятого в мирное время. Он, по свидетельству Н. А. Вознесенского, являлся «одной из первых попыток перестроить народное хозяйство СССР и перевести социалистическую экономику на рельсы военной экономики»[207]. От ранее принятого он имел следующие основные отличия: увеличение производства военной техники на 26%; уменьшение объема капитальных работ в связи с перераспределением металла в пользу военного производства; определение ударных строек — заводы оборонной промышленности, электростанции, предприятия топливной, металлургической, химической промышленности, железные дороги; сосредоточение капитальных работ и материальных ресурсов на строительстве оборонных предприятий в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири; снижение розничного товарооборота на 12%, вызванное сокращением рыночного фонда товаров в пользу вооруженных сил; перераспределение 22 тыс. намеченных к производству металлорежущих станков в интересах наркоматов авиационной промышленности и вооружения, которым выделялось около 14 тыс. единиц оборудования.

Чрезмерная централизация, установленная во взаимоотношениях высших и центральных органов управления, препятствовала своевременному выполнению наркоматами оперативных планов производства и строительства. Во избежание этого Совнарком 1 июля 1941 г. принял постановление «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». 18 июля оно было распространено на наркомов РСФСР и УССР[208]: впредь им предоставлялось право распределять и перераспределять материальные ресурсы и оборудование наркоматов между предприятиями; разрешать директорам заводов для выполнения планов и заказов по договорам выдавать из своих ресурсов необходимые материалы другим предприятиям; перераспределять капиталовложения по сверхлимитному строительству и направлять средства прекращенных строительств на другие стройки; разрешать с последующим уведомлением СНК пуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей и прочее. Расширение прав наркомов способствовало более полному и оперативному использованию имевшихся производственных мощностей, материальных ресурсов и финансовых средств.

Постановлением ГКО от 3 июля 1941 г. «О программе выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов Наркомвооружения и создании новых баз» была утверждена представленная Комитетом по вооружению и боеприпасам при Бюро СНК СССР программа производства артиллерийского и стрелкового вооружения во втором полугодии 1941 г. В ней были подведены итоги выполнения заказов вооружения в первом полугодии, утверждены мероприятия по обеспечению наращивания его выпуска, а также план эвакуации заводов Наркомата вооружения и создание новых баз производства их продукции. Обращает на себя внимание значительное отставание производства пистолетов-пулеметов (ППШ). Невыполнение плана произошло ввиду позднего освоения их производства и отсутствия необходимых заводских мощностей. Во втором полугодии выпуск ППШ планировалось увеличить в 23 раза[209].

Реализация основанного на предвоенных расчетах мобилизационного народно-хозяйственного плана на третий квартал из-за сложившейся обстановки на советско-германском фронте и понесенных советской промышленностью потерь оказалась нереальной. С учетом этого, а также необходимости использования всего индустриального потенциала СССР в условиях затяжной войны 4 июля 1941 г. ГКО поручил комиссии в составе Н. А. Вознесенского, М. З. Сабурова, В. А. Малышева и М. Г. Первухина с привлечением наркомов боеприпасов, вооружения, авиационной промышленности, цветной металлургии и других разработать военно-хозяйственный план обороны страны. О результатах работы комиссии Н. А. Вознесенский должен был доложить 7 июля[210]. Во изменение постановления СНК от 19 июня 1941 г. «О плане текущих военных заказов НКО, НКВМФ и НКВД на III квартал

1941 года» ГКО в июле утвердил новые планы увеличенного выпуска военной продукции в третьем квартале 1941 г.: самолетов и моторов[211] (4 июля), строительства кораблей (10 июля), минометного вооружения во втором полугодии 1941 г. (18 июля)[212].

Таким образом, все отрасли оборонной промышленности были обеспечены мобилизационными планами, которые уточнялись в соответствии с ходом вооруженной борьбы и экономическими возможностями страны. Утвержденные планы объявлялись в приказах наркомов и принимались к немедленному исполнению аппаратом и подведомственными предприятиями. Следует отметить, что неудачи Красной армии и эвакуация предприятий в значительной степени перечеркнули расчеты и планы мирного времени. Тем не менее затраченные средства и усилия оказались не напрасными: накопленный до войны опыт мобилизационного планирования и мобподготовки промышленности был использован в процессе восстановления и увеличения производства оборонной продукции.

В дальнейшем основные плановые документы по производству и обеспечению выпуска вооружения и военной техники как календарные (годовые, полугодовые, квартальные, месячные), так и оперативные разрабатывались специалистами Госплана с привлечением заинтересованных наркоматов и ведомств и после согласования утверждались ГКО. Причем если раньше обязывались главным образом наркомы, то теперь наряду с ними и директора предприятий, что, несомненно, повышало личную ответственность последних за выполнение поставленных задач.

Пагубные последствия принятого накануне войны решения о снятии с производства 45-мм противотанковых и 76-мм полковых и дивизионных пушек усугубились их значительными потерями в приграничных сражениях и при отходе советских войск. Между тем в борьбе с немецкими танками была подтверждена высокая эффективность этих артиллерийских систем. Для обеспечения формируемых стрелковых дивизий не хватало 330 45-мм противотанковых и 200 76-мм пушек. Единственным источником их получения являлись промышленные поставки. Для личного доклада о возможностях их увеличения Д. Ф. Устинова вызвал председатель ГКО. «Без точных и обоснованных расчетов, — вспоминал нарком, — идти к И. В. Сталину было нельзя. Он как-то подчеркнул, что теперь война и каждый нарком оборонной отрасли промышленности должен был постоянно готов дать четкий ответ, сколько и какого вооружения у него есть сегодня, будет завтра и послезавтра. Наиболее важные данные Сталин заносил в небольшую записную книжку, которую постоянно держал при себе. Подготовив необходимые материалы, я отправился на улицу Кирова, где в небольшом особняке находилась Ставка и работал Сталин»[213].

Постановлением от 12 июля 1941 г. ГКО обязал наркома вооружения Д. Ф. Устинова и директоров заводов Горьковского машиностроительного № 92 (А. С. Еляна) и Сталинградского «Баррикады» № 221 (Л. Р. Гонора) развернуть производство 76-мм дивизионных пушек УСВ на годовую мощность не менее 4 тыс. орудий с выпуском их во втором полугодии 1941 г. в количестве 2 тыс. штук. Директорам Пермского имени Молотова № 172 (А. И. Быховскому) и Воткинского № 235 (Д. И. Фирсову) машиностроительных заводов было поручено, свернув производство гаубиц, организовать изготовление 76-мм полковых пушек и обеспечить их выпуск в 1941 г. в количестве 2 тыс. штук. Первые секретари Горьковского, Сталинградского и Молотовского обкомов ВКП(б) обязывались обеспечить выполнение утвержденного задания, привлекая в помощь головным заводам остальные предприятия области[214].

Для осуществления непосредственного контроля над артиллерийским производством на местах нарком и его заместители в тот же день отбыли на заводы Поволжья, Урала и Приуралья. Проекты постановлений ГКО о ежемесячных планах производства 45-мм и 76-мм пушек разрабатывались Наркоматом минометного вооружения совместно с сектором вооружения Госплана. По сравнению с июлем в августе выпуск 76-мм дивизионных пушек увеличился в 25 раз[215], а общее производство 45-мм и 76-мм пушек увеличилось в августе — в 6 раз, в сентябре — в 11,5 раза[216].

Разработанный Госпланом СССР при активном участии наркоматов оборонной промышленности, Генерального штаба РККА, центральных управлений НКО и Главного морского

штаба ВМФ военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Западной Сибири, Красноярского края, Коми АССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Таджикской ССР и Киргизской ССР был утвержден постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г.[217] В целях скорейшего развертывания производственной базы ОПК в этих районах и обеспечения наращивания военного производства было решено переместить туда значительное количество предприятий оборонной промышленности и ее базовых отраслей в сроки, определяемые Советом по эвакуации. В случаях переподчинения или перемещения предприятий за ними сохранялись и подлежали безусловному выполнению задания по выпуску оборонной продукции.

Для создания предпосылок успешного выполнения плана исключительно важное значение придавалось созданию устойчивых производственных межзаводских и межотраслевых связей. Оперативная группа, созданная в аппарате СНК Н. А. Вознесенским, выступала в процессе планирования не только в роли контролирующего органа, но и разрешала конфликтные вопросы, возникавшие в рабочем порядке между Наркоматом вооружения и Госпланом с одной стороны и Главным артиллерийским управлением Красной армии — с другой[218]. Производство гражданской продукции было резко сокращено, а высвобождавшиеся производственные мощности, кадры и материальные фонды обращались на нужды военного производства. Сырье и материалы перераспределялись в пользу наркоматов оборонной промышленности.

В первые месяцы войны хорошо подготовленный в мобилизационном отношении Наркомат авиационной промышленности обеспечил заметный рост выпуска самолетов (в июле — 1807, в сентябре — 2329)[219], достигший своего пика в последней декаде сентября (100 боевых самолетов в день)[220]. Наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину, его первому заместителю П. В. Дементьеву и заместителю по истребительной авиации П. А. Воронину было присвоено звание Героя Социалистического Труда[221].

В связи с большими потерями танков, необходимостью повышения мобильности бронетанковых войск в условиях маневренной войны и усиления боеспособности стрелковых соединений Государственный Комитет Обороны 13 сентября 1941 г.[222] обязал Главное автобронетанковое управление Красной армии сформировать до начала октября 13 танковых бригад, а 20 сентября — еще 18 бригад в октябре[223]. В обеспечение последнего постановления уральские предприятия Наркомата танковой промышленности должны были произвести 120 КВ-1 и 384 Т-34.

Развертывание танкостроения на Урале проходило с большими трудностями. 17 сентября И. В. Сталин телеграфировал директору Б. Г. Музрукову и главному инженеру Д. А. Рыжкову Уральского завода тяжелого машиностроения: «Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танков КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед Родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями долга перед Родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и достоинством своей Родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали»[224]. Послание И. В. Сталина, вероятно, придало труженикам тыла, и без того работавшим на пределе человеческих возможностей, дополнительные силы. Если в сентябре Челябинский тракторный завод изготовил 24 танка КВ-1, то в октябре — 88[225].

С большим трудом налаживался выпуск танков Т-34 на Горьковском заводе № 112. «Сегодня ночью, — записал 24 октября в своем дневнике В. А. Малышев, — звонил тов. Сталин из Москвы. Справился, как идут дела с выпуском танков на «Красном Сормове»? Хвастаться нечем, в октябре завод № 112 выпустил 22 танка вместо 150 по плану[226]. Так и сказал. Тов. Сталин сказал, что добейтесь в ближайшее время, чтобы все заводы ежедневно давали танков на одну танковую бригаду, и добавил, если добьетесь этого, мы не пожалеем для танкистов наград и вас с вашими ближайшими помощниками наградим Героями Социалистического Труда»[227]. Звание Героя Социалистического Труда В. А. Малышеву было присвоено 5 августа 1944 г., в то время завод № 112 ежемесячно выпускал 315 Т-34–85.

В октябре 1941 г. в связи с эвакуацией упало производство артиллерийских систем, возникли проблемы с планированием их выпуска. В ноябре Н. А. Вознесенский потребовал от Д. Ф. Устинова подготовить проект постановления ГКО о плане поставок сразу на три месяца. В процессе его рассмотрения И. В. Сталин, подчеркнув исключительное значение производства противотанковых орудий, вставил в текст документа пункты о выделении артиллерийским заводам ежемесячных дополнительных централизованных продовольственных фондов на каждого работника предприятия (10 кг муки, по 2 кг крупы и рыбы, 1 кг сахара и 100 граммов табака), а также о продаже в закрытых заводских столовых по 200 граммов хлеба без карточек. Секретарям соответствующих обкомов ВКП(б) вменялось в обязанность повседневно заниматься работой заводов, оказывать им всемерную помощь в выполнении постановления и ежедекадно докладывать ГКО о ходе выполнения программы. Д. Ф. Устинов вспоминал: «Сталин подошел к столу, из-за моего плеча прочитал написанное и продолжил: «Запишите еще один пункт. ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов Наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление»[228].

Предложения И. В. Сталина были включены в текст постановления от 23 ноября 1941 г. «О плане производства 45-мм противотанковых пушек и 76-мм дивизионных пушек (УСВ) на декабрь 1941 г., январь и февраль 1942 г.»[229]. В течение трех месяцев планировалось выпустить 5200 45-мм противотанковых пушек и 4100 76-мм дивизионных пушек. Впредь наркоматам авиационной и танковой промышленности и другим запрещалось загружать артиллерийские заводы Наркомата вооружения поковками, штамповками и литьем без согласования с ним. Управление государственных резервов обязывалось разбронировать и отгрузить нормальный режущий и мерительный инструмент на 3 млн рублей, предназначенный для артиллерийского производства по спецификации и указанию наркома вооружений. Н. А. Вознесенский должен был пересмотреть план производства боеприпасов, а нарком боеприпасов — полностью обеспечить поставку Наркомату вооружения 45-мм и 76-мм снарядов, преимущественно бронебойно-зажигательных. Запрещалось проводить все виды мобилизации работников артиллерийских заводов Наркомата вооружения.

Постановлением ГКО от 14 ноября 1941 г. «Об увеличении выпуска танков до 140 машин в сутки» было определено довести к концу января 1942 г. ежесуточный выпуск танков с 55 до 140 штук и дизелей с 950 до 1350 штук. Еще раньше Наркомату танковой промышленности были переданы производственные мощности Наркомата станкостроения. Кроме того, наркоматы среднего, тяжелого, общего машиностроения, местной промышленности обязывались в декадный срок направить на танковые заводы в Свердловск, Нижний Тагил и Саратов 10 тыс. квалифицированных рабочих различных специальностей из Москвы и других городов. Реализация этого плана возлагалась на Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и Наркомат путей сообщения СССР. Госплану под личную ответственность его председателя М. З. Сабурова поручалось выделить Наркомстрою в ноябре (за счет перераспределения) и в декабре целевых фондов на стройматериалы и металл для строительства танковых заводов. Наркомат вооружения и Главное артиллерийское управление Красной армии должны были обеспечить поставку им танковых пушек[230].

Наглядное представление о содержании управленческого решения по расширению производственной базы и увеличению выпуска вооружения, а также мероприятиях по его выполнению в звене высший орган — центральный орган управления оборонной промышленностью дает постановление Государственного Комитета Обороны от 30 ноября «О плане производства минометов на декабрь 1941 г.»[231]. Им были установлены количественные показатели выпуска всей номенклатуры минометного вооружения конкретными заводами различных наркоматов, в том числе минометного вооружения, вооружения, авиационной и судоремотной промышленности. Для выпуска 50-мм минометов Наркомминвооружению была передана Кунгурская трудовая колония НКВД с присвоением наименования «Кун-

гурский минометный завод НКМВ». П. И. Паршин обязывался немедленно эвакуировать туда машиностроительную часть завода имени Ленина (г. Воронеж). Новому предприятию передавались оборудование и кадры Харьковского завода «Механолит» Наркомторга СССР, находившиеся в вагонах на станции Пермь.

В целях увеличения производства 82-мм минометов было решено создать завод в Свердловске путем передачи в систему НКМВ двух местных предприятий и ремесленного училища. Госплану предписывалось разместить снимавшиеся с них заказы прочей продукции на заводы других наркоматов. Для обеспечения роста выпуска 120-мм минометов П. И. Паршин должен был организовать новое производство на Московском машиностроительном заводе имени Калинина № 3 Наркомата минометного вооружения с выпуском их с 1 февраля 1942 г. в количестве 100 штук ежемесячно. В декадный срок нарком обязывался разработать и представить на утверждение ГКО мероприятия по всем вновь привлекаемым к производству минометов заводам с указанием их мощностей.

Начальник Главного артиллерийского управления Красной армии генерал-полковник Н. Д. Яковлев обязывался в суточный срок представить в ГКО потребность вооруженных сил в минометных боеприпасах, а наркоматы боеприпасов и минометного вооружения должны были обеспечить ими НКО в количествах, удовлетворявших эту потребность, и создать запас мин на каждый миномет по принятым в Красной армии нормам. На секретарей соответствующих обкомов (крайкомов) и Московского горкома ВКП(б) возлагались оказание повседневной помощи заводам и личный контроль над выполнением постановления.

В связи с тем, что во время войны Генштаб, загруженный оперативной работой, уже не имел возможности решать вопросы поставок ВВТ непосредственно с Госпланом, а наркоматы оборонной промышленности нуждались в поддержании более тесной связи с НКО, в конце 1941 г. был изменен порядок планирования оборонно-промышленных заказов. При членах ГКО, отвечавших за выполнение планов поставок определенных видов вооружения и военной техники, были созданы специальные группы из квалифицированных сотрудников Госплана и СНК СССР. Так, поставками вооружения занималась группа во главе с П. И. Кирпичниковым, боеприпасов — Н. А. Борисовым, которые находились в постоянном взаимодействии с наркоматами и Главным артиллерийским управлением Красной армии. В результате их совместной работы составлялись проекты квартальных планов производства в форме постановлений Государственного Комитета Обороны. В них назначались конкретные исполнители, устанавливались количественные и качественные показатели, сроки поставок, в том числе по кооперации, контролирующие инстанции, и, как правило, определялись мероприятия по всестороннему обеспечению выполнения постановлений. Согласованные со всеми заинтересованными наркоматами и ведомствами и завизированные Главным артиллерийским управлением Красной армии проекты представлялись на утверждение председателю ГКО. В итоге Генштаб получал уже утвержденные объемы поставок ВВТ, на основании которых мог более объективно планировать материально-техническое обеспечение операций путем сопоставления своих расчетов с возможностями промышленности. Квартальные планы конкретизировались и корректировались месячными планами производства.

Во время блокады Ленинграда заказы его оборонным предприятиям и судостроительному комплексу, как правило, выдавались Военным советом Ленинградского фронта с докладом члену ГКО А. А. Жданову. В дальнейшем ГКО разрешил создать в Ленинграде постоянную штатную группу работников Наркомата судостроительной промышленности (30 человек) во главе с заместителем народного комиссара[232]. После прорыва блокады города планирование производственно-хозяйственной деятельности ленинградских предприятий, организация кооперирования между заводами Наркомата судостроительной промышленности, обеспечение фондами зарплаты, финансированием и недостающими материальными фондами было возложено на Наркомсудпром[233].

Последние два месяца 1941 г. были самыми тяжелыми для оборонной промышленности. Эвакуированные предприятия уже перестали давать продукцию в прежних местах размеще-

ния, но еще не были восстановлены в тыловых районах. Выпуск проката черных металлов в декабре по сравнению с июнем 1941 г. уменьшился в 3,1 раза, производство проката цветных металлов — в 430 раз, шарикоподшипников — в 21 раз[234].

Эти факторы в полной мере повлияли на работу авиационной промышленности. Несмотря на то что план Наркомата авиационной промышленности по выпуску самолетов и моторов на ноябрь был снижен с 2678 до 1466 и с 4276 до 2155 соответственно[235], самолетов удалось произвести только 627[236]. Преодолеть объективные трудности производства не помогло грозное постановление ГКО от 14 декабря 1941 г.: «Ввиду того что Наркомат авиапромышленности стал работать из рук вон плохо, провалил все планы выдачи самолетов и моторов и подвел таким образом страну и Красную армию, Государственный Комитет Обороны постановляет: 1. Поставить Наркомат авиапромышленности под контроль членов Государственного Комитета Обороны т. Берия и Маленкова, обязав этих товарищей принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов... 2. Обязать наркома авиапромышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания т. Берии и Маленкова по производству моторов, самолетов и всякого рода агрегатов, имея в виду, что на ближайший период нам необходимо обеспечить фронт в первую очередь истребителями Як-1 и ЛаГГ-3, бомбардировщиками Пе-2 и 103 [с 26 марта 1942 г. — Ту-2][237] и штурмовиками Ил-2»[238]. Декабрьский план по сдаче самолетов был выполнен на 38,8% (600 шт.), по моторам — на 23,1%[239].

Главной задачей наркоматов оборонной промышленности в то время являлось количественное обеспечение армии вооружением и военной техникой. В. А. Малышев отметил в своем дневнике 5 января 1942 г.: «Сегодня опять вызывали к Сталину. Застал у него вооруженцев: Устинова, Грабина, Еляна... Тов. Сталин очень ругал вооруженцев и запретил вносить какие-либо изменения в конструкцию пушек и вводить многотипность пушек. Тов. Сталин подчеркнул, что «сейчас всё должно изготовляться по стандарту, серийно. Сейчас важно иметь больше пушек, пускай даже не самых лучших, но хороших»[240]. Противотанковых и 76-мм дивизионных пушек, сыгравших важную роль в исходе Московской битвы, за два последних месяца 1941 г. было выпущено больше, чем за четыре предыдущих[241].

Важную роль в материально-техническом обеспечении армии в первые месяцы войны сыграли государственные резервы. «Эти запасы, заложенные накануне войны, хотя и были довольно скромными, — считал Г. К. Жуков, — помогли народному хозяйству, несмотря на тяжелый 1941 г., быстро взять темп и размах, необходимые для успешного ведения войны»[242]. В связи с широким использованием госрезервов их объем к 1 января 1942 г. по сравнению с довоенным уровнем снизился на 765 млн рублей. Оставшиеся запасы алюминия, меди, никеля, кобальта, ртути, магния, ферросплавов, авторезины и спирта не обеспечивали потребности промышленности. Предприятия и наркоматы практически не возвращали заимствованные ими резервы. В четвертом квартале 1941 г. и первом квартале 1942 г. были случаи самовольного разбронирования товаров и материалов государственного резерва. СНК СССР потребовал от наркоматов не допускать их самовольного использования.

В начале 1942 г. начальник Управления государственных материальных резервов бригинженер М. В. Данченко обратился к советскому руководству с предложением наведения порядка в этом вопросе. Отметив, что с начала войны для большей оперативности отдельные виды резервов выпускались распоряжениями всех заместителей председателя СНК СССР, впредь в целях экономного расходования резервов он предложил следующий порядок их выпуска: любые резервы и в любых количествах — постановлениями ЦК ВКП(б), СНК СССР и ГКО совместно или отдельно; мобрезервы промышленности при условии возврата — распоряжением заместителя председателя СНК СССР Н. А. Вознесенского. И. В. Сталин согласился с предложением М. В. Данченко[243].

В постановлении от 1 апреля 1942 г. Государственный Комитет Обороны констатировал, что «большинство эвакуированных авиазаводов работает не на полную мощность, в результате чего авиационная промышленность дает меньше половины продукции, что может быть снято с имеющихся производственных мощностей... Наиболее слабо используемой

по-прежнему является группа сибирских заводов»[244]. Для максимального увеличения выпуска продукции Наркомата авиационной промышленности ГКО утвердил основные типы боевых самолетов массово-серийного производства в 1942 г.: одноместные истребители Як-1, Як-7 и штурмовик Ил-2, бомбардировщики — ближний Пе-2 и дальний Ил-4. План выпуска в 1942 г. боевых самолетов и моторов был установлен в количестве 25 683 и 50 312 штук соответственно. Данным постановлением исчерпывались все ранее принятые решения ГКО о плане выпуска самолетов и моторов в 1942 г. Следовало всемерно увеличивать производство продукции на сибирских заводах, а вывоз оборудования с заводов Наркомата авиационной промышленности Сибири и Урала в европейскую часть СССР категорически запрещался. Для улучшения снабжения сибирской группы заводов надлежало организовать в Новосибирске крупную базу Главснаба наркомата, обеспечив ее соответствующими материальными фондами. М. З. Сабуров (Госплан) и А. И. Шахурин обязывались разработать и представить на утверждение ГКО к 1 мая мероприятия по материально-техническому обеспечению программы выпуска самолетов и моторов. В мае авиапромышленность впервые после эвакуации выполнила плановое задание Государственного Комитета Обороны[245].

Переход центральных органов управления оборонной промышленностью и предприятий оборонной промышленности на работу по мобилизационным планам, накопленные в мирное время сырьевые и материально-технические резервы, самоотверженный труд советского народа дали возможность Вооруженным силам СССР выстоять в самый тяжелый период войны и создать условия для наращивания оборонно-промышленной мощи страны.

В ходе первого периода войны военно-политическое руководство страны стремилось перехватить у противника стратегическую инициативу и усилить наступательную мощь советских войск. Для этого наркоматам оборонной промышленности наряду с дальнейшим увеличением выпуска вооружения необходимо было решить задачи модернизации существовавших, разработки новых образцов вооружения и военной техники и освоения их производства. Решение этих вопросов основывалось на боевой практике, изучении опыта и перспективах вооруженной борьбы, возможностях советской экономики и производства, а также учете развития вооружения противника. По свидетельству Г. К. Жукова, без одобрения И. В. Сталина ни один образец вооружения не принимался и не снимался. От главных конструкторов и директоров предприятий ОПК он требовал производства продукции не только на уровне зарубежных аналогов, но и превосходивших их[246].

С целью разработки опытных образцов минометного вооружения и мин постановлением ГКО от 11 апреля 1942 г. путем объединения Специального конструкторского бюро НИИ-13 и минометной группы конструкторов завода № 7 Наркомата вооружения было образовано Специальное конструкторское бюро (СКБ) гладкоствольной артиллерии Наркомата вооружения во главе с инженером Б. И. Шавыриным. Ему поручалось в десятидневный срок разработать план работы СКБ, а Д. Ф. Устинову — рассмотреть проект и представить на утверждение ГКО[247].

Подчеркнув насущную потребность Красной армии в многочисленной самоходной артиллерии, Государственный Комитет Обороны 19 октября 1942 г. обязал наркоматы танковой промышленности, вооружения и среднего машиностроения немедленно разработать образцы для создания системы самоходных артиллерийских установок, которые необходимо было представить на полигонные испытания до 20 ноября 1942 г.[248]

Для разработки опытных образцов артиллерийского вооружения постановлением ГКО от 5 ноября 1942 г.[249] было организовано Центральное артиллерийское конструкторское бюро (ЦАКБ) при Наркомате вооружения с сосредоточением в нем разработки по заданиям СНК, НКО и НК ВМФ всех видов артиллерийского вооружения Красной армии и ВМФ. Начальником и главным конструктором бюро был утвержден генерал-лейтенант технических войск В. Г. Грабин. Ему и Д. Ф. Устинову предписывалось в десятидневный срок разработать план работы ЦАКБ и после согласования с Главным артиллерийским управлением Красной армии и Наркоматом ВМФ представить его на утверждение Государственного Комитета Обороны.

В декабре 1942 г. на расширенном заседании ГКО были обсуждены итоги, обстановка и перспективы вооруженной борьбы. По военно-экономическим вопросам докладывал Н. А. Вознесенский. По его данным, выпуск вооружения и военной техники в СССР в то время по всем показателям превосходил производство Германии и ее союзников. Выступивший после него И. В. Сталин призвал Госплан тщательно учесть все имевшиеся в стране резервы, подчеркнув, что возможности наращивания производства путем перераспределения материальных ресурсов и рабочей силы, по существу, были исчерпаны. Дальнейший его рост должен был обеспечиваться за счет внутренних возможностей каждой промышленной отрасли[250].

В начале февраля 1943 г. ГКО отметил установление ненормальной практики, когда наркоматы, получив задание по расширению производства, стремились обеспечить его выполнение за счет полного или частичного прекращения изготовления артиллерийского, стрелкового, минометного вооружения и боеприпасов, а также отказа от поставок продукции для артиллерии и боеприпасов по давно сложившейся кооперации. Заводы по выпуску вооружения и боеприпасов загружались заданиями по изготовлению гражданской продукции, причем, как правило, без предварительного согласования и обсуждения с заинтересованными организациями. В целях недопущения этого ГКО постановил: запретить всем наркомам и начальникам главных управлений при СНК СССР обращаться с вопросами, касавшимися производства артиллерийского, стрелкового вооружения, военных приборов, боеприпасов, кооперированных поставок для этих видов вооружения и загрузки заводов НКВ и НКБ заданиями по гражданской продукции, а также передачи заводов НКВ и НКБ в систему другого наркомата без согласования с Наркомвооружения или Наркомбоеприпасов соответственно и членом ГКО Л. П. Берией, курировавшим производство вооружения и боеприпасов[251].

Наряду с увеличением использования внутренних резервов военно-политическое руководство СССР поставило ОПК задачу повышения качества продукции, поскольку стремление скорейшего достижения военно-технического превосходства над противником в ряде случаев оборачивалось снижением качества образцов военной техники. Одной из причин этого являлось сокращение программы их испытаний до постановки на серийное производство. Так, постановлением ГКО от 24 февраля 1943 г. «Об изготовлении опытных образцов танков ИС»[252] нарком танковой промышленности И. М. Зальцман, директор и главный конструктор Кировского завода обязывались изготовить два опытных образца танка ИС («Иосиф Сталин») с передачей их на полигонные испытания 10 марта 1943 г. Нарком вооружения Д. Ф. Устинов, директор и главный конструктор Свердловского завода № 9 должны были изготовить и установить по чертежам Кировского завода в башне танка 122-мм пушку. Главным бронетанковому и артиллерийскому управлениям Красной армии следовало организовать совместно с Наркоматом танковой промышленности и закончить в десятидневный срок полигонные испытания опытных образцов, результаты которых доложить ГКО в трехдневный срок. Наркомтанкопрому, директору и главному конструктору Кировского завода, директору завода № 200 предписывалось немедленно начать подготовку производства танков с тем, чтобы после утверждения ГКО первых образцов немедленно перейти к их серийному производству. До войны опытные образцы вооружения и военной техники до принятия их на вооружение и постановки на серийное производство обязательно проходили заводские, полигонные и войсковые испытания.

В постановлении от 29 марта 1943 г. «Об улучшении качества танков, выпускаемых Наркомтанкопромом и Наркомсредмашем» ГКО отметил наличие большого количества производственных дефектов, снижавших боевые качества машин. Во время длительных маршей многие из них не доходили до мест назначения, что являлось результатом неудовлетворительного состояния технологической дисциплины, недоброкачественной сборки и монтажа на заводах. В целях ликвидации этих недостатков наркоматы танковой промышленности и среднего машиностроения обязывались принять срочные меры к повышению качества выпускавшихся танков и моторов, а также укрепить аппараты заводских отделов технического контроля (ОТК), отделов эксплуатации и Главной инспекции Наркомата танковой промышленности.

Наркомам и директорам предприятий следовало немедленно привлекать к строгой судебной ответственности лиц, «допускавших расхлябанность технологической дисциплины и небрежность в производственной работе». Директора заводов должны были установить порядок особой ответственности начальников, мастеров и бригадиров сборочных и сдаточных цехов за качество продукции. Наркоматам танковой промышленности и среднего машиностроения разрешалось усилить материальное поощрение работников танковых и дизельных заводов за ее хорошее качество. Парторги ЦК ВКП(б) на заводах и секретари цеховых парторганизаций предприятий должны были уделять вопросам качества особое внимание, требовать от всех членов ВКП(б) и ВЛКСМ «усиленной бдительности в отношении этого важнейшего государственного дела» и привлекать виновных в выпуске недоброкачественной продукции к партийной ответственности[253].

В свою очередь, персональную ответственность за качество выпускавшейся продукции несли руководство предприятий и военные представители НКО. Так, в связи с тем, что начальник ОТК московского завода № 30 Наркомата авиапромышленности Маргулис допустил постановку недоброкачественных крыльев на нескольких самолетах Ил-2, из-за чего на фронте произошли авиакатастрофы, 28 мая 1943 г. постановлением «О заводе № 30» ГКО было принято решение: отдать его под суд; обязать прокурора СССР В. М. Бочкова в трехдневный срок произвести следствие и привлечь к судебной ответственности других конкретных виновников выпуска недоброкачественных самолетов; объявить директору завода Шапиро, главному инженеру Бродянскому и старшему военпреду Фалалееву строгий выговор с предупреждение; обязать наркома А. И. Шахурина лично навести должный порядок на заводе[254].

К началу Курской битвы, по оценке Г. К. Жукова, Красная армия как в количественном, так и качественном отношении в целом превосходила войска противника[255]. На полях сражений это превосходство, помноженное на стойкость и мужество советских солдат и искусство военачальников, позволило СССР закрепить за собой стратегическую инициативу и уже не упускать ее до конца войны. В докладе на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1943 г., посвященном 26-й годовщине Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин отметил, что истекший год был переломным не только в ходе военных действий, но и в работе тыла. Уже не стояли такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. СССР создал слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Все усилия народа сосредоточились на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом были достигнуты крупные успехи. Красная армия бесперебойно получала вооружение[256].

К началу 1944 г. наркоматами оборонной промышленности были решены следующие задачи: насыщение войск автоматическим оружием и минометным вооружением; создание, освоение производства и организация массового выпуска отвечавших требованиям времени противотанковых орудий, дивизионных пушек и самоходной артиллерии; обеспечение перевооружения бронетанковых войск современными средними и тяжелыми танками; поставка ВВС самолетов с высокими боевыми, тактическими и эксплуатационными характеристиками; поддержание боеспособности ВМФ.

Повышенное внимание военно-политическое руководство СССР уделяло созданию и организации производства новых образцов вооружения и видов военной техники. В целях увеличения огневой мощи советской авиации ГКО постановлением от 18 августа 1943 г. «Об изготовлении 45-мм пушек конструкции ОКБ-15 НКВ для самолетов истребителей и штурмовиков»[257] объявил конкурс для конструкторских коллективов наркоматов вооружения и авиапромышленности на создание 45-мм авиационной пушки по тактико-техническим требованиям, утвержденным главным инженером ВВС и начальником Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной армии. За предъявленные Наркомавиапрому в сентябре и выдержавшие полигонные наземные и воздушные испытания

пушки была установлена премия в размере 50 тыс. рублей. В конкурсе обязывались принять участие ОКБ-15 Б. Г. Шпитального, ОКБ-16 А. Э. Нудельмана и ЦАКБ В. Г. Грабина Наркомата вооружения[258].

Постановлением ГКО от 4 сентября 1943 г.[259] на вооружение Красной армии был принят танк ИС, оснащенный 85-мм пушкой. После устранения недостатков, отмеченных в заключении Государственной комиссии, Наркомтанкопрому было поручено организовать его производство. Необходимо было также спроектировать, изготовить (в октябре) и совместно с главными бронетанковым и артиллерийским управлениями Красной армии испытать опытные образцы САУ на базе танка ИС с 152-мм пушкой (ИСУ-152) и танка ИС с 122-мм пушкой (ИС-2). О результатах испытаний опытных образцов следовало в трехдневный срок доложить ГКО. В связи с началом в ноябре серийного выпуска новых танков и САУ на Кировском заводе с производства снимались танки КВ-1с («скоростной»), КВ-85 и СУ-152. Наркомвнешторгу предписывалось поставить заводам Наркомата танковой промышленности инструмент, абразивные изделия, алмазы и алмазную крошку, а также металлорежущие станки из импортных поступлений за счет других потребителей. Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР, Главное управление трудовых резервов при СНК СССР и Комитет по делам высшей школы при СНК СССР обязывались в третьем и четвертом кварталах 1943 г. направить для работы в системе Наркомтанкопрома 3 тыс. женщин, годных к физическому труду; 2 тыс. выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ, сверх обучавшихся на предприятиях Наркомата танковой промышленности, и 100 выпускников вузов за счет уменьшения разверстки по другим наркоматам. В целях обеспечения тяжелых танков мощными дизелями Кировский завод должен был спроектировать дизели В-12 и В-6, испытать на стендах их опытные образцы, до 15 февраля 1944 г. произвести ходовые испытания на танках и доложить ГКО об их пригодности для установки на тяжелых танках.

Наркомтанкопрому, Наркомстрою, Госплану и Наркомвнешторгу (поставка импортных станков) предписывалось организовать на заводе № 100 цех опытного дизелестроения. Наркомату вооружения поручалось изготовить до 20 сентября 1943 г. опытный образец усовершенствованного, по типу немецкого, прицела для танков ИС, совместно с главными артиллерийским и бронетанковым управлениями Красной армии испытать его и затем наладить серийное производство прибора. Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев обязывался лично помогать заводам Наркомтанкопрома в освоении производства и выполнении плана по выпуску танков ИС, САУ ИСУ-152, бронекорпусов и электрооборудования к ним. ИС-2 был принят на вооружение Красной армии 31 октября, ИСУ-152 — 6 ноября 1943 г.

Для усиления артиллерийского вооружения танков Т-34 1 января 1944 г. ГКО постановил: принять на вооружение 85-мм танковую пушку конструкции ЦАКБ Наркомата вооружения и присвоить ей наименование «85-мм танковая пушка образца 1944 года (С-53)»; вооружать танки Т-34, начиная с января 1944 г., пушками С-53 взамен пушек Ф-34; установить план перехода заводов Наркомтанкопрома на выпуск модернизированных танков и, начиная с мая 1944 г., выпускать все Т-34 с 85-мм пушками[260].

Наряду с успехами советской оборонной промышленности в создании новейших видов военной техники некоторые его перспективные разработки в годы войны реализовать так и не удалось. Так, не было ликвидировано отставание в области радиолокации и реактивной авиации.

В конце 1944 г. началась подготовка оборонно-промышленного комплекса к сокращению выпуска вооружения и военной техники. 30 декабря 1944 г. Государственный Комитет Обороны поручил комиссии в составе Л. П. Берии (председатель), Н. А. Булганина и Н. Д. Яковлева (ГАУ КА) представить план сокращения видов вооружения и боеприпасов, запасы которых имелись на складах Главного артиллерийского управления, и заявки вооруженных сил на которые стали уменьшаться[261]. По итогам работы комиссии и в связи с полной обеспеченностью потребности Красной армии и наличием достаточных запасов 3 января 1945 г. ГКО постановил прекратить производство 107-мм минометов на Иркутском заводе имени

Куйбышева Наркомата тяжелого машиностроения, а также снайперских и самозарядных винтовок на заводах № 74 и 324 Наркомата вооружения соответственно. Одновременно уменьшался ежемесячный план выпуска карабинов, сигнальных пистолетов, пистолетов-пулеметов, ручных и станковых пулеметов, зенитных и полковых пушек[262]. По сравнению с первым кварталом 1945 г. во втором квартале выпуск оборонной продукции сократился на 8%[263].

После победы Красной армии на Курской дуге были созданы предпосылки для развертывания общего наступления советских фронтов, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. С этого времени и до конца войны Вооруженные силы Советского Союза удерживали стратегическую инициативу в своих руках. В битве под Курском окончательно потерпела крах наступательная стратегия германского вермахта. В этот период Государственный Комитет Обороны стал больше уделять внимания дальнейшему переводу государства с мирного на военное время. Был пройден пик процесса перехода СССР на военные рельсы. Вся дальнейшая деятельность ГКО свидетельствовала о появлении двух важных особенностей в его деятельности: во-первых, приоритетное значение получили внутриполитические и военно-экономические вопрсы, а не проблемы военного строительства и обеспечения непосредственной жизнедеятельности армии и флота, а во-вторых, более рельефно стали проявляться шаги, направленные на реэвакуацию предприятий, учебных заведений и культурных учреждений. Это были первые признаки того, что Советский Союз стал ближе к победе.

Процесс реэвакуации предприятий начался еще в 1942 г. Например, на фоне продолжавшейся эвакуации из Ленинграда самого современного оборудования и инженерно-технического состава, квалифицированных рабочих в Москву и Московскую область началась реэвакуация техники. 11 января 1942 г. ГКО принял постановления «О возвращении на канал Москва — Волга оборудования шлюзов и Иваньковской ГЭС», «О возвращении части эвакуированного оборудования и рабочих Липецкого и Морозовского моторемонтных заводов Наркомзема СССР и Орловской МТС»[264], на следующий день — «О реэвакуации части оборудования, материалов и инструмента НКПС»[265], 23 января — «О возвращении в Москву эвакуированного оборудования и работников Метрополитена»[266].

Процесс реэвакуации коснулся в начале 1942 г. не только Москвы, но и других регионов страны. Этому способствовали, в частности, постановления ГКО «О возвращении из г. Баку в гг. Ростов-на-Дону и Азов части эвакуируемого оборудования НКЛП и НКПСМ СССР», «О возврате из г. Алма-Ата эвакуированного оборудования, рабочих и служащих Отрожского вагоноремонтного завода», «О возврате из Рязанской в Тульскую область эвакуированных тракторов», «О возврате из г. Ульяновска в г. Москву станочного и лабораторного оборудования и работников НИИ-12», «О разрешении перевести в Москву из Свердловска дополнительно часть НИИ ВВС»[267]. Конец 1942 г. сопровождался активной деятельностью ГКО по организации реэвакуации, а также принятием мер по прекращению демонтажа оборудования в Грозном, поскольку советское руководство не сомневалось в успехе наступления на Кавказе, которое должно было начаться 1 января 1943 г.[268]

Ускорение темпов восстановления народного хозяйства освобожденных территорий, в том числе предприятий тяжелой индустрии, привело к укреплению базовых отраслей промышленности. Важное значение имело принятое 21 августа 1943 г. постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». При СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупантов, в составе Г. М. Маленкова (председатель), А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, А. А. Андреева[269].

В реализации программы возрождения разоренных врагом территорий приняли участие все республики, и прежде всего Российская Федерация. Восстанавливались разрушенные предприятия: так, если в начале 1943 г. военное хозяйство СССР опиралось на рост производства в восточных регионах страны, то уже к концу года освобожденные районы дали заметную часть прироста продукции тяжелой промышленности. 30 ноября 1943 г. ГКО было подписано распоряжение «О закреплении (с исключением из списков войсковых ча-

стей) за наркоматами и ведомствами 31,2 тыс. военнослужащих, направленных для работы на предприятия и строительство»[270].

В предпобедный 1944 г. полным ходом шли качественные изменения в жизни Советского государства. Среди забот ГКО выделялись, например, обеспечение строителей Севастопольской военно-морской базы стройматериалами, углем, бельем; укомплектование экипажей морских судов, полученных из Финляндии[271]. Важные реэвакуационные процессы в начале мая 1944 г. коснулись авиации. Если еще недавно ГКО принимал решения о передаче самолетов гражданской авиации военно-воздушным силам Красной армии, то 3 мая вышло постановление «О выделении самолетов У-2 Главному управлению Гражданского воздушного флота»[272].

11 октября 1944 г. ГКО принял распоряжение «О мерах по расширению выпуска товаров широкого потребления из отходов резиновой промышленности»[273]. Это, казалось бы, далеко не самое важное распоряжение ГКО было одним из первых сигналов о начале обратного процесса — перевода страны с военного на мирное время. Потребовался не один месяц, прежде чем стало ясно, что этот процесс для государства по многим причинам является не менее болезненным, чем начавшийся 22 июня 1941 г. Процесс перехода к мирной жизни еще более заметно стал проявляться в начале 1945 г. В первых числах января Государственным Комитетом Обороны были изданы постановления «О сокращении производства артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения», «Об изменении режима светомаскировки на железнодорожном транспорте», «Об отводе в тыл со 2-го и 3-го Украинских фронтов лишних лошадей»[274].

Таким образом, в годы войны стратегическое руководство экономикой обеспечило выполнение им своего предназначения — бесперебойного обеспечения вооруженных сил средствами вооруженной борьбы. Во многом благодаря этому факту Советский Союз одержал победу в тяжелейшем противоборстве советской оборонной промышленности с военной промышленностью нацистской Германии и ее сателлитов.

Опыт советского военно-политического руководства показал, что именно в первые месяцы войны были заложены основы нового механизма управления страной, обществом и вооруженными силами, приведшего, в конечном итоге, к победе над фашизмом. За короткий период с момента образования чрезвычайного органа власти — Государственного Комитета Обороны и до середины июля 1941 г. им было принято более 160 постановлений и распоряжений государственной важности — от перевода экономики и всего государства на мобилизационный режим работы, эвакуации, организации производства различных видов оружия и военной техники, формирования новых соединений и частей, подготовки резервов до назначения уполномоченных ГКО по различным видам деятельности, а также утверждения командных кадров и политических деятелей при назначении их на руководящие должности в соединения и объединения действующей армии и флота и в наркоматы. ГКО как чрезвычайному органу власти в стране пришлось исправлять ошибки Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, допущенные этими властными структурами в предвоенный период и в первые месяцы войны.

Система государственного, политического и военного управления осталась многоуровневой, с более широкими полномочиями каждого уровня. Стратегические, военно-политические цели операций, кампаний, а в конечном итоге, и войны в целом перед вооруженными силами, страной и обществом ставились Государственным Комитетом Обороны, Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставкой ВГК. Оперативно-стратегические, промежуточные цели формулировались Ставкой ВГК, СНК СССР, Госпланом СССР, Генеральным штабом. Прерогативой наркоматов, органов власти республик являлись чисто оперативные вопросы. Указы Президиума Верховного Совета СССР формировали нормативно-правовую базу государства в чрезвычайных условиях военного времени. При этом деление властных структур на уровни вовсе не означает, что постановления и распоряжения ГКО, директивы и директивные письма Ставки ВГК, постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, приказы наркома обороны СССР замыкались лишь на высшем эшелоне власти. Они цементировали всю систему власти и управления в стране, касались каждого члена общества, каждого военнослужащего.

За сравнительно короткий период военно-политическое руководство сумело преодолеть кризис государственного и военного управления и смогло создать систему чрезвычайных органов стратегического руководства страной и вооруженной борьбой, определить пути перестройки государства на отпор врагу. Основные направления деятельности Государственного Комитета Обороны наиболее ярко проявились при управлении оборонными отраслями промышленности, обеспечении их материальными и людскими ресурсами, проведении кадровой политики в наркоматах, мобилизации ОПК и развертывании массового производства оборонной продукции, достижении превосходства в средствах вооруженной борьбы.

Следует признать, что созданная в предвоенные годы административно-командная система продемонстрировала в чрезвычайных условиях войны свои преимущества. В этот период, как никогда ранее, проявилось единство народа, его вера в государственную власть и уверенность в справедливости решений высших органов управления страной. Великая Отечественная война стала борьбой не только в защиту политической и экономической систем Советского государства, но и тысячелетней культуры России, ее традиций, образа жизни. Для советского общества она стала поистине общенародной. Политическая задача состояла в том, чтобы советская страна осталась независимой, сильной, уважаемой в мире, а также и в том, чтобы избавить мир от фашизма, пытавшегося обречь целые народы, в том числе и нашей страны, на небытие. Память о Великой священной войне — также всенародная: не будет ее — не станет и народа. Войны продолжают оставаться частью нашей жизни, страшной ее неизбежностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, в годы Гражданской войны, 30 ноября 1918 г., был создан чрезвычайный орган — Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным, однако круг его полномочий относительно строго регламентировали. Он не являлся высшим органом власти в стране, тем более что важнейшие проблемы, возникавшие по ходу Гражданской войны, решались в первую очередь в высших партийных инстанциях (КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. М., 1969. С. 36).

[2] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 162. Д. 36. Ч. 1. Л. 22.

[3] Там же. Оп. 3. Д. 1041. Л. 38.

[4] Там же. Оп. 163. Д. 1317. Л. 19–20.

[5] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

[6] Там же. Л. 103.

[7] РГАСПИ. Ф. 684. Оп. 1. Д. 8. Л. 62, 103, 171.

[8] *Ежов В. А.* Государственное управление СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). СПб., 1998. С. 10.

[9] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 111–116.

[10] Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 218–219.

[11] Эта должность фигурирует в ряде официальных документов, подписанных И. В. Сталиным (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Ставке Главного командования Вооруженных сил Союза ССР» // РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 162. Д. 36. Ч. 1. Л. 22). Другие документы он подписывал в качестве секретаря ЦК ВКП(б) (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об образовании Государственного Комитета Обороны» // РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 38). В Уставе ВКП(б) должность Генерального секретаря ЦК не предусматривалась (Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1937). При выборах секретариата на пленумах Центрального комитета партии в период с 1934 по 1953 г. должность Генерального секретаря не упоминалась (Известия ЦК КПСС. 1990. № 7), оставаясь неуставной до самой смерти И. В. Сталина.

[12] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М., 1975. С. 510.

[13] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 212.

[14] Там же. Д. 132. Л. 151.

[15] Там же. Д. 25. Л. 94.

[16] Там же. Д. 2. Л. 19–21.

[17] *Золотарёв В. А., Соколов А. М., Янович М. В.* Нефть и безопасность России. М., 2007. С. 214–219, 235–239.

[18] *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 39.

[19] О значимости этого структурного подразделения ГКО свидетельствует тот факт, что его возглавил сам И. В. Сталин и в его состав вошли четыре члена Политбюро ЦК. В обязанности Комитета входили планирование, регулирование и контроль перевозок на всех видах транспорта, координация их работы (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 101).

[20] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2; Д. 30. Л. 199; Д. 72. Л. 77–78; Д. 116. Л. 56–57; Д. 149. Л. 16.

[21] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 75–78.

[22] Там же.

[23] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 100.

[24] Там же. Д. 7. Л. 49.
[25] Там же. Д. 10. Л. 94.
[26] *Горьков Ю. А.* К истории создания Госкомитета Обороны и Ставки Верховного главнокомандования. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1999. № 4. С. 20–22.
[27] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 191–192.
[28] Там же. Л. 136.
[29] Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1996. С. 62.
[30] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.
[31] *Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. М., 2002. С. 56.
[32] Сталинградский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Волгоград, 2007. С. 12.
[33] Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1995. С. 214.
[34] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180–182; Д. 13. Л. 181; Д. 14. Л. 111.
[35] Там же. Д. 20. Л. 87; Д. 48. Л. 151; Д. 56. Л. 22.
[36] Там же. Д. 96. Л. 132; Д. 149. Л. 174.
[37] Там же. Д. 21. Л. 49.
[38] Там же. Д. 18. Л. 111–115.
[39] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 346.
[40] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 722.
[41] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 335. Л. 185–186.
[42] Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 54.
[43] Там же. Д. 19. Л. 140–141.
[44] Там же. Д. 25. Л. 17–20.
[45] Там же. Д. 75. Л. 95–97.
[46] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 5–8; Оп. 12. Д. 107. Л. 5–28.
[47] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 85. Л. 76–78.
[48] Там же. Д. 100. Л. 161.
[49] Там же. Д. 107. Л. 53–58.
[50] *Зинич М. С.* Похищенные сокровища: вывоз нацистами культурных ценностей. М., 2005. С. 7.
[51] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 132.
[52] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986), Изд. 9-е, доп. и испр. В 16-ти т. Т. 7. М., 1985. С. 369–372.
[53] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 787.
[54] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 194–195.
[55] Там же.
[56] Там же. Д. 115. Л. 110–119.
[57] Там же. Д. 113. Л. 1–1 об.
[58] Там же. Оп. 2. Д. 116. Л. 56–57.
[59] *Горьков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. С. 32.
[60] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 8. Л. 112–149.
[61] Там же. Д. 184. Л. 130–135.
[62] АП РФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 95. Л. 99–101.
[63] Атомная отрасль России. М., 1998. С. 50.
[64] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. М., 1984. Т. 1. С. 418–419.
[65] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 248.
[66] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 91–94.
[67] Там же. Л. 94.

[68] Там же. Л. 173–174.
[69] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 79. Л. 103–104.
[70] Там же. Л. 104–110.
[71] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 373. Л. 48–51.
[72] Там же. Оп. 2. Д. 451. Л. 30–31.
[73] Там же. Л. 30–31.
[74] Там же. Д. 457. Л. 77.
[75] Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 124–147; 1995. № 2. С. 101–114.
[76] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 428. Л. 62–63.
[77] *Горьков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. С. 101.
[78] *Черепанов В.* Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 233.
[79] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 179.
[80] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
[81] Там же. Л. 112.
[82] Там же. Д. 2. Л. 213.
[83] Там же. Д. 13. Л. 182–183.
[84] Там же. Л. 185.
[85] Там же. Д. 14. Л. 129; Д. 16. Л. 69.
[86] Там же. Д. 17. Л. 172–174.
[87] Там же. Д. 14. Л. 102.
[88] Там же. Д. 19. Л. 174.
[89] Там же. Д. 20. Л. 103.
[90] Там же. Д. 14. Л. 20.
[91] Там же. Д. 18. Л. 145–146.
[92] *Черепанов В.* Указ. соч. С. 236–237.
[93] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1–69.
[94] *Черепанов В.* Указ. соч. С. 240–250.
[95] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 2. Л. 53, 165–174, 203–206; Д. 3. Л. 86.
[96] Там же. Д. 5. Л. 184. Этим же постановлением Л. П. Берия и Г. М. Маленков были назначены уполномоченными ГКО для активного участия в работе управления.
[97] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 185; Д. 6. Л. 17.
[98] Там же. Д. 6. Л. 182–186.
[99] Там же. Д. 26. Л. 73–75; Д. 29. Л. 2–3.
[100] Там же. Д. 73. Л. 119–124.
[101] Там же. Д. 72. Л. 101–103.
[102] Там же. Д. 112. Л. 174–179.
[103] Там же. Д. 99. Л. 114–115.
[104] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 43–45.
[105] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 99; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 343.
[106] ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 18. Л. 21–23.
[107] Там же.
[108] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 153–156.
[109] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 9. Л. 348–354.
[110] Там же. Л. 450–453.
[111] Там же. Л. 347–348, 357–358, 525–530; Д. 10. Л. 34–10.
[112] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 307.
[113] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.
[114] Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. М., 1978. С. 197–199.

[115] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. С. 308.
[116] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 56. Л. 134.
[117] Там же. Д. 63. Л. 141—143.
[118] Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 182.
[119] Там же. Д 58. Л. 38—39.
[120] Там же. Д. 63. Л. 153—161.
[121] Там же. Д. 110. Л. 24—41.
[122] Там же. Д. 165. Л. 29—39.
[123] Там же. Д. 20. Л. 114.
[124] Там же. Д. 21. Л. 13—14.
[125] Там же. Л. 125.
[126] Там же. Д. 24. Л. 91.
[127] Там же. Д. 98. Л. 124—127.
[128] Там же. Д. 118. Д. 90.
[129] Там же. Д. 8. Л. 23.
[130] Там же. Д. 19. Л. 48.
[131] Там же. Д. 21. Л. 153.
[132] Там же. Д. 19. Л. 65.
[133] Там же. Д. 44. Л. 107—108.
[134] Там же. Д. 162. Л. 143.
[135] Там же. Д. 113. Л. 1—1 об.
[136] Там же. Д. 134. Л. 175.
[137] Там же. Д. 150. Л. 119—120.
[138] Там же. Д. 173. Л. 30—42.
[139] Там же. Д. 178. Л. 44—46.
[140] Там же. Д. 181. Л. 73—81.
[141] Там же. Д. 185. Л. 182—196.
[142] Там же. Д. 238. Л. 145—180.
[143] Там же. Д. 291. Л. 57—72.
[144] Там же. Д. 325. Л. 138—142; Д. 326. Л. 52—93.
[145] Там же. Д. 91. Л. 64—62.
[146] Там же. Д. 331. Л. 218—221.
[147] Там же. Д. 19. Л. 140—141.
[148] *Устинов Д. Ф. Во* имя Победы. М., 1988. С. 161.
[149] Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 66.
[150] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 468. Л. 77—78.
[151] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967 гг. В 5-ти т. Т. 3. М., 1968. 1941—1952 гг. С. 38—40.
[152] *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1983. С. 97—98.
[153] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 355.
[154] *Куманёв Г. А.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 126.
[155] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
[156] Там же. Л. 76.
[157] Там же. Л. 77.
[158] Там же. Л. 152—153.
[159] Там же. Л. 246—247.
[160] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 35.
[161] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.
[162] *Колотов В. В.* Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976. С. 259—260.
[163] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 19.
[164] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 155—156.
[165] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 57.

[166] Нарком финансов СССР, председатель Государственной штатной комиссии при СНК СССР по совместительству.

[167] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 70.

[168] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 92–97.

[169] Там же. Д. 21. Л. 136.

[170] *Ермолов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2013. С. 106–107.

[171] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.

[172] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 78; Указ опубликован: Правда. 1942. 27 ноября.

[173] Там же. Оп. 1. Д. 355. Л. 51–54.

[174] Там же. Оп. 8. Д. 84. Л. 68–74.

[175] Там же. Оп. 3. Д. 1042. Л. 105.

[176] Там же. Д. 1044. Л. 37.

[177] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 1. Л. 55–61.

[178] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 65. Л. 106.

[179] Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 238. Л. 101.

[180] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.

[181] Там же. Д. 23. Л. 73–74.

[182] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 17.

[183] Там же. Д. 1046. Л. 20–21.

[184] Там же. Д. 1050. Л. 43.

[185] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 141.

[186] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 19.

[187] Там же. Д. 1043. Л. 53.

[188] Там же. Д. 1042. Л. 21.

[189] Там же. Л. 20–21.

[190] РГАЭ. Ф. 8123. Оп. 1. Д. 350. Л. 76.

[191] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 41.

[192] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3-х т. Т. 2. М., 1995. С. 275.

[193] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 47.

[194] Там же. Л. 70.

[195] *Кнышевский П. Н.* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 56.

[196] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 21.

[197] РГАЭ. Ф. 8899. Оп. 2. Д. 44. Л. 241.

[198] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38. Л. 266–269.

[199] Там же. Д. 28. Л. 95; *Коломиец М.* Т-34. Первая полная энциклопедия. М., 2009. С. 484.

[200] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1044. Л. 67.

[201] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–17.

[202] Там же. Д. 129. Л. 2–4.

[203] *Емельянов В. С.* С чего начиналось. М., 1979. С. 87.

[204] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 24.

[205] Там же. Л. 151–163.

[206] Там же. Л. 37.

[207] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 36.

[208] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 40–41, 44.

[209] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–65.

[210] Там же. Л. 82; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 42.

[211] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–85.

[212] Там же. Д. 3. Л. 124–131.

[213] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 160–161.
[214] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 61–94.
[215] Там же. Д. 6. Л. 6.
[216] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 162.
[217] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 44–48.
[218] *Комаров Н. Я.* Государственный комитет обороны постановляет... Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990. С. 32.
[219] *Шахурин. А. И.* Авиационная промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны // Советский тыл в Великой Отечественной войне. В 2-х Кн. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. М., 1974. С. 80.
[220] Там же.
[221] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 16.
[222] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 101–102.
[223] Там же. Д. 10. Л. 20–22.
[224] *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1997. Т. 15. С. 67.
[225] *Коломиец М.* История танка КВ. Ч. 2. 1941–1944 // Фронтовая иллюстрация. 1999. С. 79.
[226] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 272.
[227] *Малышев В. А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 117.
[228] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 163.
[229] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–3.
[230] Там же. Д. 14. Л. 92–97.
[231] Там же. Д. 15. Л. 181–185.
[232] Там же. Д. 143. Л. 120–121.
[233] Там же. Л. 121.
[234] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 41–42.
[235] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 211–212; Д. 13. Л. 174–175.
[236] *Костырченко Г. В.* Авиапромышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Самолетостроение в СССР. 1917–1945. В 2-х Кн. М., 1994. Кн. 2. С. 214.
[237] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 113.
[238] Там же. Д. 16. Л. 96.
[239] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1970. С. 178.
[240] *Малышев В. А.* Указ. соч. С. 118.
[241] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 169.
[242] Цит. по: *Миронов А. А., Иванников А. Г., Яковлев В. С.* История государственных материальных резервов России. М., 1998. С. 116.
[243] Там же. С. 104–106.
[244] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–51.
[245] *Шахурин А. И.* Указ. соч. С. 140.
[246] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 111.
[247] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–7.
[248] Там же. Д. 65. Л. 2–15.
[249] Там же. Д. 68. Л. 1–4.
[250] *Устинов Д. Ф.* Указ. соч. С. 197–198.
[251] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 86. Л. 37–38.
[252] Там же. Д. 91. Л. 171–172.
[253] Там же. Д. 99. Л. 108–113.
[254] Там же. Д. 120. Л. 108.
[255] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 125.
[256] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 76.

[257] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 146. Л. 72–89.

[258] 24 декабря 1943 г. ГКО постановил принять к сведению сообщение маршала авиации А. А. Новикова об удовлетворительных результатах государственных испытаний 45-мм пушки ОКБ-16 (Нудельмана — Суранова), установленной на самолете Як-9. Д. Ф. Устинов обязывался изготовить 60 пушек и передать их до 15 февраля 1944 г. НКАП, который до 25 марта должен был вооружить ими 60 Як-9 и сдать самолеты ВВС для войсковых испытаний. Б. Л. Ванникову предписывалось изготовить боеприпасы к пушке и обеспечить ими НКВ, НКАП и ВВС, а также разработать мероприятия по развитию их производства. Главный инженер ВВС КА генерал-полковник инженерно-авиационной службы А. К. Репин должен был провести войсковые испытания пушек и доложить ГКО их результаты не позднее 1 мая 1944 г. В 1944–1945 гг. пушка выпускалась небольшими сериями для установки на Як-9К (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184. Л. 7).

[259] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 149. Л. 155–173.

[260] Там же. Д. 184. Л. 282–283.

[261] Там же. Д. 345. Л. 268.

[262] Там же. Д. 348. Л. 45–46.

[263] Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1976. С. 99.

[264] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 53–54.

[265] Там же. Д. 20. Л. 88.

[266] Там же. Л. 89.

[267] Там же. Д. 21. Л. 47–48; Д. 22. Л. 28, 31–32; Д. 23. Л. 13; Д. 24. Л. 102.

[268] Там же. Д. 74. Л. 98–99.

[269] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х Кн. Кн. 2. М., 1998. С. 359.

[270] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 181. Л. 85–87.

[271] Там же. Д. 338. Л. 65; Д. 339. Л. 58.

[272] Там же. Д. 249. Л. 139.

[273] Там же. Д. 314. Л. 153–156.

[274] Там же. Д. 348. Л. 45–46, 86, 106–108.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СССР

В годы войны важнейшее место в единой системе государственного и военного управления Советского Союза занимали вопросы стратегического руководства вооруженными силами. Война, которая подвергла суровой проверке дееспособность системы руководства действующей армией, потребовала существенной перестройки органов управления, уточнения их функций и совершенствования методов работы по планированию и всестороннему обеспечению боевых действий. При этом вся работа была подчинена единой задаче — повышению эффективности управления вооруженной борьбой для достижения военно-политических целей операций, кампаний и войны в целом.

Опыт начального периода и первых месяцев войны показал, что структура органов стратегического руководства действующими фронтами и флотами не отвечала требованиям складывавшейся обстановки. Перегруженность Ставки Главного командования различного рода оперативными и тыловыми (обеспечивающими) проблемами, трудности в управлении многими объединениями и соединениями в условиях стратегической обороны, когда еще не удавалось наладить взаимодействие между фронтами, а связь Ставки с их командующими оказывалась не всегда надежной, потребовали провести срочные мероприятия по реорганизации структуры органов стратегического руководства во всех его звеньях, а также по совершенствованию способов и методов руководства войсками фронтов и силами флотов.

Оптимизация состава, функций и стиля деятельности Ставки Верховного главнокомандования

Война убедительно показала, насколько важно создание эффективной системы стратегического руководства, оказывавшей непосредственное влияние на ход и исход войны. В полной мере это касалось и Ставки Верховного главнокомандования, которая прошла непростой путь от ошибок в начале войны до четкой, слаженной и гибкой работы, отвечав-

шей характеру и условиям современной войны. По этому поводу начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер писал: «...русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки»[1].

Создание 23 июня 1941 г. первого чрезвычайного органа руководства вооруженной борьбой — Ставки Главного командования и организация при ней института постоянных советников вовсе не означали, что вооруженные силы и вся военная организация СССР получили стабильный по составу и функциям руководящий центр. Негативное развитие оперативно-стратегической ситуации на советско-германском фронте, военно-политической обстановки как в стране, так и мире, частые нарушения, а то и потеря управления группировками войск действующей армии, а также ряд субъективных и объективных факторов потребовали поиска его оптимальной структуры.

Постановление Государственного Комитета Обороны № 83 от 10 июля 1941 г. предписывало создание в системе органов стратегического руководства промежуточного звена — главных командований Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. Главнокомандующими их были назначены маршалы К. Е. Ворошилов (Северный и Северо-Западный фронты), С. К. Тимошенко (Западный фронт) и С. М. Будённый (Юго-Западный и Южный фронты).

В состав Ставки Верховного командования были включены председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны В. М. Молотов, Маршалы Советского Союза С. К. Тимошенко, С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков[2]. Первичные изменения в самом составе Ставки произошли незначительные: из него был выведен Н. Г. Кузнецов, а введен заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников. Самое главное заключалось в том, что И. В. Сталин стал ее председателем. Причины вывода Н. Г. Кузнецова не объяснялись. Вероятнее всего, это было связано с тем, что в начале войны, да и в ее ходе флоты в оперативном отношении подчинялись командующим войсками фронтов, действовавших на приморских направлениях, поэтому задачи флотам чаще всего ставило фронтовое командование и значительно реже Ставка. Очевидно, это и стало одной из основных причин выведения Н. Г. Кузнецова из состава Ставки. Что касается института постоянных советников Ставки, то он более не упоминался.

В соответствии с этим же постановлением ГКО Резервная армия была подчинена непосредственно Ставке, которую после приведения в полную боевую готовность планировалось подчинить главнокомандующему войсками Западного направления. Кроме того, ГКО обязал главкомов направлений указать подчиненным им фронтовым и армейским командованиям, что «наблюдавшиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования позорят Красную армию, что впредь за самовольный отход виновные командиры будут караться расстрелом», а также рекомендовал «почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно, защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей... почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немецких угнетателей»[3].

В тот же день, 10 июля 1941 г., постановлением ГКО № 89 Л. З. Мехлис был назначен заместителем наркома обороны[4]. Однако ни изменения в руководстве стратегическими группировками на направлениях, ни перестановки должностных лиц ожидаемого результата не дали. Образование главных командований лишь усложнило процесс руководства группировками войск, не обеспечив необходимой эффективности управления войсками действующей армии и силами флотов. Из-за того что некоторые главкомы продолжали управлять войсками по старинке, главные командования вскоре были ликвидированы.

И. В. Сталин

А. И. Антонов

С. М. Будённый

Н. А. Булганин

А. М. Василевский

К. Е. Ворошилов

Г. К. Жуков

Н. Г. Кузнецов

В. М. Молотов

С. К. Тимошенко

Б. М. Шапошников

Месяц спустя по предложению Г. М. Маленкова и Л. П. Берии решением Политбюро ЦК ВКП(б) № 319, а затем постановлением ГКО Ставка Верховного командования была преобразована в Ставку Верховного главнокомандования[5]. В тот же день, 8 августа 1941 г., совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) И. В. Сталин был назначен Верховным главнокомандующим всех войск Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота. В документе указывалось:

«...2) Впредь все приказы Ставки Верховного главнокомандования должны иметь подписи: «Верховный главнокомандующий И. Сталин, начальник Генерального штаба т. Б. Шапошников.

3) Отдельные распоряжения и указания Ставки должны даваться по следующей форме: «По поручению Ставки Верховного главнокомандования начальник Генерального штаба Б. Шапошников»[6].

По сути, это постановление завершило процесс объединения партийного, государственного и военного управления и формирования чрезвычайных высших органов стратегического руководства страной и войной в целом. Управление партией, государством и Вооруженными силами СССР было сосредоточено в руках одного человека — Иосифа Виссарионовича Сталина.

В ходе войны состав Ставки ВГК претерпевал лишь незначительные изменения: последовательно были включены Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, А. И. Антонов, занимавшие пост начальника Генерального штаба. Последнее кадровое изменение Ставки ВГК относится уже к концу войны: 17 февраля 1945 г. в соответствии с постановлением ГКО № 7550 в ее состав вошли кроме И. В. Сталина Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, Н. А. Булганин и Н. Г. Кузнецов[7].

Тем не менее стиль, методы работы этого чрезвычайного органа сложились не сразу. Четкий режим в деятельности Ставки ВГК начал прослеживаться с осени 1942 г. при подготовке контрнаступления под Сталинградом. Накопленный опыт в ходе неудачных летне-осенних кампаний 1941–1942 гг. позволил ей подняться на более высокий уровень руководства военным противоборством на суше, море и в воздухе.

Маршал А. М. Василевский писал в своих воспоминаниях: «Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью вооруженных сил на данном этапе борьбы»[8].

К началу 1943 г. основными функциями Ставки ВГК стали: стратегическое планирование (разработка замыслов кампаний и стратегических операций); определение задач войскам на театрах военных действий; постановка задач объединениям и соединениям вооруженных сил, согласование их усилий по цели, месту и времени; организация стратегического взаимодействия между родами вооруженных сил, фронтами, группами фронтов и отдельными армиями, а также между действующей армией и партизанскими формированиями; в соответствии с замыслами операций определение необходимого состава стратегических группировок; руководство созданием, формированием, подготовкой и использованием стратегических резервов; руководство строительством вооруженных сил; руководство подготовкой и расстановкой командных кадров; осуществление стратегических перегруппировок войск и сил флотов; материально-техническое обеспечение, пополнение фронтов и флотов личным составом; оказание помощи командованию фронтов в подготовке и проведении стратегических операций, выполнении директив, приказов и распоряжений[9].

Л. З. Мехлис

На основании принятых Ставкой ВГК решений, а также предложений представителей Ставки и командующих фронтами Генеральный штаб разрабатывал замыслы стратегических операций и кампаний, проводимых вооруженными силами на важнейших стратегических направлениях. Утверждая планы предстоящих операций, Ставка ВГК вносила свои коррективы: уточняла задачи, определяла необходимый маневр силами и средствами с других направлений для обеспечения успеха на главном направлении или усиливала резервами, определяла оптимальный способ действий войск, обращала внимание на поддержание постоянного взаимодействия между фронтами. В тех случаях, когда представленные командованием фронтов на утверждение планы операций Ставку не удовлетворяли, она вновь разъясняла им поставленную цель и способ ее выполнения, требуя «ставить конкретные задачи армиям на каждый день операции»[10], обращать внимание на необходимость организованного и твердого управления войсками, правильно размещать пункты управления, использовать средства связи, особенно радио.

Ставка ВГК постоянно вела поиск эффективных методов управления вооруженными силами в целом и вооруженной борьбой в частности. Как уже отмечалось, организованный еще при ее создании институт постоянных представителей командования направлений не выполнил поставленных перед ним задач, и с весны 1942 г. очень важной и качественно новой ступенью стратегического руководства стало создание института представителей Ставки ВГК. Эта наиболее оперативная, гибкая, устойчивая и результативная форма управления просуществовала практически до конца войны.

В деятельности Ставки ВГК и Генерального штаба уже в первые месяцы войны сложился четкий порядок разработки документов по управлению войсками фронтов, отдельных армий и округов, а также силами флотов. Правовые акты общего характера Ставка ВГК издавала в виде приказов, распоряжений, а по оперативным и иным текущим вопросам — в виде директив[11]. Подготовка их, осуществляемая в соответствии с законодательством, должна была содержать конкретные и реальные предложения или указания, но не дублировать требования, изложенные в изданных ранее документах, а при необходимости иметь ссылки на них.

332

Из директивы Ставки ВГК

КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАКАВКАЗСКИМ ФРОНТОМ
тов. ТЮЛЕНЕВУ

... 2) назначить: Командующим 46 армией генерал-майора ЛИСЕЛИДЗЕ, освободив его от командования 3 стр.корпусом; Заместителями Командующего 46 армией - полковника ПИЯШЕВА И.И и майора МИКЕЛАДЗЕ, освободив их соответственно от командования 7 дивизией войск НКВД СССР и командования I95 стр.дивизией; Зам.ком.46 армией по тылу - генерал-майора ИЩЕНКО.

3) Ввести в состав Военного Совета 46 армии Председателя СНК Груз. ССР - БАКРАДЗЕ В.М. и Наркомвнудела Абхазской АССР - ГАГУА И.А.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
ПП И.СТАЛИН
А.ВАСИЛЕВСКИЙ

27 УШ.42г.
23 ч.20 м.
№ 994172

Копия верна:

Из директивы Ставки ВГК командующему Закавказским фронтом генералу армии И. В. Тюленеву

В издании приказов и директив прослеживается несколько этапов: инициирование издания документа, сбор и анализ информации при подготовке его проекта, подготовка самого документа, его согласование, подписание, регистрация и доведение до исполнителей. При этом проект приказа разрабатывало именно то управление, в ведении которого находился затрагиваемый вопрос. Если приказ издавался как дополнение, в развитие и изменение действующих приказов или их отмены, то в проекте имелись четкие указания, какие именно приказы (или пункты таковых) подлежат изменению или дополнению, а также какие приказы с введением нового подлежат отмене. Получив от заинтересованных управлений заключение, разрабатывавшее проект приказа, управление вносило соответствующие изменения либо поправки, а затем через начальника управления он передавался в Управление делами НКО СССР на подпись наркому обороны. Далее подготовленные приказы и директивы Ставки ВГК, директивы Генерального штаба через общий отдел представлялись начальнику Генерального штаба. О грифе секретности каждого документа свидетельствовал принятый порядок их нумерации: начинавшиеся с «0» — «секретно», с «00» — «совершенно секретно». Директивы с буквой «С» означали «секретно», а с двумя «СС» — «совершенно секретно».

Директивы и приказы Ставка ВГК издавала по следующим вопросам: стратегическим и оперативно-стратегическим, оперативным, об изменении организационной структуры войск, формировании и расформировании соединений действующей армии, назначениях и перемещениях командующих, начальников штабов (фронтов и армий), а также по тем вопросам, которые имели в данный момент особое значение для действующей армии.

В этой связи маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Замыслы и планы стратегических операций и кампаний разрабатывались в рабочем аппарате Ставки — в Генеральном штабе с участием некоторых членов Ставки. Этому предшествовала большая работа в Политбюро и ГКО. Обсуждалась международная обстановка на данный отрезок времени, изучались потенциальные политические и военные возможности государств. Только после исследования и обсуждения всех общих вопросов делались прогнозы политического и военного характера. В результате всей этой работы определялась политическая и военная стратегия, которой руководствовалась Ставка ВГК»[12].

Принятое Ставкой решение Генеральный штаб оформлял в виде приказа или директивы. Обычно эти документы издавались вместе с картой решения, утвержденной только начальником оперативного управления или его заместителями[13].

Вспоминая о работе Ставки ВГК и Генерального штаба, генерал армии С. М. Штеменко отмечал: «Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами — Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка «по поручению Ставки»[14]. Как правило, Верховный главнокомандующий один оперативные документы не подписывал. Исключение составляли те из них, где он резко критиковал кого-то из лиц высшего военного руководства. «При этом он ссылался на то, что Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются». Единолично он подписывал лишь приказы административного характера[15].

Следует помнить, что любой приказ, любая директива или любое указание партийных и правительственных органов начинает действовать не мгновенно, а с определенным запаздыванием. Учитывая инертность государственного механизма, органы стратегического руководства страной и вооруженной борьбой всегда стремились сократить временной интервал до минимума.

Для слаженной и плодотворной деятельности Генерального штаба, его управлений и отделов был упорядочен в соответствии с требованиями военного времени суточный цикл работы Генерального штаба и Ставки ВГК. Такой порядок круглосуточной работы вырабатывался постепенно. Окончательно он сложился с приходом на должность заместителя начальника Генерального штаба генерала А. И. Антонова. Изложенные им предложения по совершенствованию деятельности Генерального штаба Верховный главнокомандующий, ознакомившись с ними, утвердил без правки. В значительной степени именно такой порядок работы был связан с суточным циклом работы самого И. В. Сталина[16].

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «Доклады Верховному главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200 000, отдельно по каждому фронту, с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка... Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко наказывал тех, кто попадался на этом... Кроме Верховного главнокомандующего на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьёв, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник тыла КА А. В. Хрулёв и другие. Директивы Ставки ВГК подписывали Верховный главнокомандующий и его заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой «по поручению Ставки», и дальше следовала подпись либо А. М. Василевского, либо

А. И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке... и немедленно передавались на фронты»[17].

В случае резких изменений обстановки на фронтах Генеральный штаб немедленно докладывал И. В. Сталину. Письменные боевые донесения в Ставку подавались трижды: два из них готовили на основе данных Генштаба, а третье было обобщенным донесением с фронтов.

Неблагоприятное развитие оперативно-стратегической обстановки в летне-осенней кампании 1941 г.: огромные потери вооружения и военной техники, не говоря уже о личном составе, стремительное продвижение противника на западных направлениях от 300 до 600 км, в ходе которых ему удалось захватить Латвию, Литву, Молдавию, значительную часть Украины и Эстонии, почти всю Белоруссию, вторгнуться в западные области Российской Федерации, выйти на дальние подступы к Ленинграду, — все это было досконально известно военно-политическому руководству. К этому времени ежедневные оперативные сводки Генерального штаба довольно объективно отражали ход вооруженного противоборства. Часто поступали сообщения и по линии особых отделов НКВД по поводу того, что в войсках все еще не преодолены пораженческие настроения, имеют место случаи самовольного отхода частей с занимаемых позиций. Продолжавшийся с тяжелыми боями отход войск Красной армии побуждал ГКО, Ставку ВГК и лично Верховного главнокомандующего искать пути повышения стойкости соединений и частей.

В этих чрезвычайных условиях нарком обороны СССР И. В. Сталин «в целях решительной борьбы с паникерами, трусами, пораженцами из начсостава, самовольно оставляющими позиции без приказа высшего командования», 12 августа 1941 г. подписал приказ, в котором военным советам действующей армии разрешалось «предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно, виновных в упомянутых выше преступлениях»[18]. Как отмечают участники войны, приказ определенно сыграл мобилизующую роль в повышении стойкости соединений и частей Красной армии. В то же время, когда суду военного трибунала предавали лиц, не совершивших никаких преступлений, а отступивших под натиском превосходивших сил противника или во избежание окружения, приказ имел самые негативные последствия[19].

Однако изменить в войсках ситуацию мгновенно никакой приказ не мог, между тем оперативно-стратегическая обстановка продолжала с каждым днем ухудшаться. 16 августа 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования издала приказ № 270, где впервые объяснялись причины и необходимость ужесточения дисциплины, воспитания у командиров и бойцов стойкости при выполнении ими долга перед Родиной. В приказе отмечалось, что большинство частей Красной армии, «их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически». Приводились примеры, когда «части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности, для того чтобы нанести врагу поражение и вырваться... при этом сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен».

В то же время указывалось, что «за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Приводились и факты: в плен сдались командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов, командующий 12-й армией генерал-лейтенант П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов. Далее в приказе подчеркивалось, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу»[20]. Следует отметить, что в подготовленном по горячим следам приказе не были учтены многие обстоятельства. Как выяснилось в ходе расследования, В. Я. Качалов не сдался в плен, а погиб в бою 4 августа. П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов были захвачены немцами при выходе из окружения. Все они после войны были реабилитированы.

В. Я. Качалов

Генералы П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов в немецком плену

Без публикации

Приказ

Ставки Верховного Главного Командования

Красной Армии

№ 270

16 августа 1941 г.

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой – прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 1

- 2 -

штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и,соединившись с нашими войсками,вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8 мех.корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова -Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного Совета Армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108 и 64 стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28 армии генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробились из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 2

- 3 -

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12 армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13 стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13 стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу, члены Военных Советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как из-

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 3

- 4 -

вестно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот - прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков или батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 4

\- 5 -

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл, или сдающихся в плен врагу - считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу, предпочтут сдаться ему в плен,- уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, (переводить в рядовые,) а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 5

- 6 -

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО Главного КОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель Госуд. Комитета Обороны
И. Сталин

Зам. председ. Гос. Ком. Обороны
В. Молотов

Маршал Советского Союза
С. Буденный

Маршал Советского Союза
К. Ворошилов

Маршал Советского Союза
С. Тимошенко

Маршал Советского Союза
Б. Шапошников

Генерал Армии
Г. Жуков

Приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. Лист 6

Приказ Ставки ВГК № 270 устанавливал новый порядок применения репрессивных мер: «Командиров и политработников, во время боя срывавших с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Эти лица подлежали расстрелу на месте. От попавших в окружение бойцов и командиров требовалось, чтобы они пробивались к своим по тылам врага, сражаясь до последней возможности. Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещать командиров батальонов и полков, снижать их в должности до рядовых, а в случае необходимости расстреливать на месте. Впервые приказ был подписан не только всеми членами Ставки ВГК, но и председателем ГКО И. В. Сталиным и заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. Его разослали всем членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных и краевых исполкомов, председателям СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов, председателям райисполкомов и горисполкомов (без права публикации). Приказ зачитывался во всех штабах, подразделениях и частях.

Приказ № 270, отданный в самый суровый период войны, был направлен против тех, кто, нарушая требования воинской присяги и уставов, допускал трусость, растерянность и малодушие в боевой обстановке. В этом смысле он был совершенно правомерен, так как сыграл положительную роль в повышении боеспособности войск. В то же время, предоставляя широкие полномочия военачальникам и устанавливая ответственность для семей военнослужащих, попавших в плен (вплоть до уголовной ответственности членов семей командиров и политработников), он создал предпосылки для нарушения законности, а потому не имеет морального оправдания.

О «частых случаях незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров» было указано уже 4 октября 1941 г. в приказе наркома обороны СССР № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем подчеркивалось, что «применение репрессий является крайней мерой, допускаемой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого сопротивления в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования». В связи с этим предписывалось «самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самодуров». Далее говорилось, что командный и политический состав обязан помнить: «Без правильного сочетания метода убеждения с методом принуждения немыслимы насаждение советской воинской дисциплины и укрепление политико-морального состояния войск»[21].

В годы войны сложился своеобразный стиль работы Ставки ВГК. Маршал А. М. Василевский отмечал: «За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе ни разу не собиралась»[22]. Несмотря на это, она являлась постоянно действующим органом, работа которого строилась по-особому. А. М. Василевский кратко, но довольно емко описал работу Ставки ВГК: «Верховный главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь при участии всех или некоторых членов Политбюро ЦК партии и ГКО принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки»[23].

Аналогичную оценку стиля деятельности Ставки ВГК дал и маршал Г. К. Жуков, назвав ее «коллективным органом руководства», в основе работы которого лежало «разумное сочетание коллегиальности с единоначалием»[24]. Характеризуя последовательность в работе Ставки, он отмечал, что при разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-

стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки, ход подготовки резервов всех родов войск и прочее. После этого в Ставку вызывались начальник тыла Красной армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло обеспечивать практически данную операцию. Затем Верховный главнокомандующий, его заместитель и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного главнокомандующего получали задачу: продумать и рассчитать возможности для конкретной операции (операций), которая намечалась к проведению. Обычно для этой работы И. В. Сталин отводил им четыре-пять дней, и по истечении этого срока принималось предварительное решение. После этого Верховный главнокомандующий давал задание начальнику Генштаба запросить мнение военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командующий фронтом и его штаб, в Генштабе шел кропотливый творческий процесс по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским формированиям в тылу врага, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного главнокомандования, а также материальных запасов. Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада планов операций. Обычно И. В. Сталин слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного главнокомандующего и некоторых членов ГКО. После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операций с указанием, на что именно следует обратить особое внимание, кто персонально будет направлен представителем Ставки для координации действий фронтов, кто осуществляет контроль за материально-техническим обеспечением войск, своевременной перегруппировкой не только их, но и резервов Ставки ВГК. Решались и другие назревшие вопросы. При разработке менее крупных операций командующих фронтами обычно в Ставку не вызывали. По ее требованию они в письменной форме представляли свои соображения по проведению запланированных операций[25].

Приведенный алгоритм работы Ставки ВГК и Генерального штаба имел место при подготовке подавляющего большинства кампаний и стратегических операций, проведенных советскими войсками в годы войны. Что касается характера, форм и методов работы Ставки Верховного главнокомандования, то они на протяжении войны не оставались неизменными, а развивались и совершенствовались в соответствии с изменявшейся обстановкой и возникавшими задачами.

Самым сложным и тяжелым для Ставки, как и для всей страны и вооруженных сил, был первый период войны. В это время Верховное главнокомандование, не имея необходимого опыта, работало недостаточно организованно. Формы его деятельности еще не сложились. В результате многие вопросы решались поспешно, нередко методом проб и ошибок, зачастую единолично И. В. Сталиным, без участия Генерального штаба, а иногда и вопреки его предложениям. Именно тогда Ставка ВГК допустила больше всего грубых просчетов, повлекших за собой тяжелые поражения и огромные, ничем не оправданные потери. На первый период войны приходится 54,6% безвозвратных потерь в людях, свыше 62,1% потерь стрелкового оружия, 65,7% — орудий и минометов[26].

В начале войны нередко случалось, что Генеральному штабу для выяснения обстановки в отдельных районах приходилось запрашивать по гражданским каналам связи местные органы власти. Не имея достоверных данных, Ставка неоднократно ставила фронтам явно невыполнимые задачи. Особенно серьезные просчеты Ставки — запоздалое решение в начале войны на переход к стратегической обороне и несвоевременный вывод войск из-под ударов противника под Киевом, в результате чего Юго-Западный фронт потерпел поражение. Да и в 1942 г. имели место грубые ошибки с определением возможного замысла действий противника, организацией и проведением частных операций. Как следствие, были бесполезно истрачены с таким трудом накопленные людские и материальные резервы. Огромная вина за харьковскую катастрофу ложится на Ставку и лично на И. В. Сталина.

263

~~Сов~~. секретно

экз. №___

ПРИКАЗ

СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

№ 0450

"28 ноября 1941 г." г. Москва.

О недооценке инженерной службы и неправильном использовании инженерных войск и средств.

Опыт войны показал, что инженерная служба в действующей армии поставлена неудовлетворительно.

Общевойсковые командиры, за немногими исключениями, ~~как правило~~, недооценивают инженерную службу, сами знают ее плохо и не учат подчиненных инженерному делу. В результате, в значительной части полков и дивизий не знают элементарных правил и приемов самоокапывания и инженерного оборудования позиций, не умеют правильно отрыть окоп или выполнить работу по устройству заграждений, при занятии рубежа не создают оборудованных в инженерном отношении позиций и не организуют заграждений местности как в предполье, так и в глубине своих позиций. Помощь и руководство в этом деле со стороны инженерных начальников не организуется должным образом.

За время войны в армию поступило большое количество различного вида минно-подрывного имущества, при правильном использовании которого ход боевых операций мог бы протекать более успешно, особенно при обороне или вынужденном отходе. Одно из наиболее действительных инженерных мероприятий - инженерные заграждения применяются явно неудовлетворительно, как в

Приказ Ставки ВГК № 0450 от 28 ноября 1941 г.
«О недооценке инженерной службы и неправильном использовании инженерных войск и средств». Лист 1

тактическом, так и в техническом отношениях. О заграждениях вспоминают в последнюю минуту, нет заблаговременной подготовки полос на большую глубину. Такое простое средство, как завалы и засеки, применявшиеся в русской армии в течение ряда столетий, теперь в загоне. Противотанковые и противопехотные мины, мины замедленного действия всех систем, управляемые фугасы, сюрпризы применяются во многих случаях без учета оперативно-тактических задач, без тесного взаимодействия с проводимой войсками операцией.

Минные поля охраняются недостаточно, установка их проходит с грубейшими нарушениями правил минирования. Схемы минирования до войск не доводятся, оставаясь в штабных канцеляриях, что приводит к немалочисленным жертвам наших командиров и красноармейцев. ГВИУКА не добилось внедрения в армии новых образцов мин замедленного действия и не организовало достаточного снабжения армии этими средствами, хотя эффективность их огромная.

Начальники Инженерных Управлений фронтов и армий работают без достаточной инициативы, не участвуют, как инженерные начальники в разработке плана операций, а штабы фронтов не привлекают их для этой цели и не ставят им конкретных задач. Вместо боевого взаимодействия инженерных войск с другими родами войск налицо ~~невежественное~~ неправильное [redacted] отношение к использованию саперных частей и средств инженерной техники. Сапер часто используют на второстепенных работах, как простую рабочую силу, в ущерб мероприятиям по обеспечению боя.

Для ликвидации невежественного использования сапер и внедрения военно-инженерной культуры в армии ПРИКАЗЫВАЮ:

I. Ввести должность заместителя Командующего Войсками фрон

Приказ Ставки ВГК № 0450 от 28 ноября 1941 г.
«О недооценке инженерной службы и неправильном использовании инженерных войск и средств». Лист 2

265

та /армии/ он же начальник Инженерных Войск фронта /армии/.

небольшой

При начальнике Инженерных войск фронта /армии/ иметь штаб начальника инженерных войск.

2. Военным Советам фронтов, армий привлекать к разработке оперативных планов начальников инженерных войск, требуя использования всех возможностей инженерных войск по их прямому [redacted] назначению.

3. Не допускать разбазаривания сапер, использования их для пополнения других родов войск или просто в качестве пехоты. Не допускать распыленного использования армейских и фронтовых саперных частей, держать их в кулаке, оперативно сосредотачивая боевые средства сапер на важнейших направлениях по ходу боевых операций. Военным Советам фронтов и армий всегда иметь резерв сапер.

4. Приступить к широкому использованию мин замедленного действия /МЗД/, применяя их по заранее разработанному плану на наиболее чувствительных для противника об"ектах. Практиковать закладку МЗД, противотанковых, противопехотных и неизвлекаемых мин /сюрпризов/ в тылу противника, или при отходе наших войск, организовать в саперных батальонах группы разведчиков-подрывников.

5. В связи с развитием самостоятельной боевой деятельности инженерных войск и формированием саперных армий для руководства всеми инженерными войсками и инженерным обеспечением операций ввести должность Начальника Инженерных Войск Красной Армии. При Начальнике Инженерных Войск Красной Армии иметь небольшой штаб. Начальнику Инженерных Войск Красной Армии подчинить: Главное Военно-инженерное Управление, Главное Управление Оборонительных Работ НКО, саперные армии, военно-инженерную акаде-

Приказ Ставки ВГК № 0450 от 28 ноября 1941 г.
«О недооценке инженерной службы и неправильном использовании инженерных войск и средств». Лист 3

4. 266

мию и инженерные училища.

6. Начальнику Инженерных Войск Красной Армии генерал-майору инженерных войск тов. КОТЛЯРУ создать в 20-дневный срок 90 подготовленных саперных батальонов, как резерв Главного Командования Красной Армии. Батальоны выделить из состава саперных бригад, обеспечить их положенным имуществом, освободить от работы на рубеже и организовать с ними форсированную боевую подготовку, в первую очередь по подрывному делу и устройству заграждений.

Дислокацию саперных батальонов установить по ~~согласованию~~ указанию Начальника Генерального Штаба.

7. Во всех военных округах восстановить должность начальника Инженерных Войск, неправильно ликвидированную в начале войны. Возложить на Начинжа округа руководство боевой подготовкой инженерных войск и инженерную подготовку всех родов войск округа.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ:

НКО И. Сталин

Начальник Генерального Штаба

Б. Шапошников

Приказ Ставки ВГК № 0450 от 28 ноября 1941 г.
«О недооценке инженерной службы и неправильном использовании инженерных войск и средств». Лист 4

Но и в этот период Ставка сумела успешно решить ряд сложнейших задач, в том числе по изматыванию противника, ликвидации образовавшихся брешей, организации Смоленского сражения, обороне Одессы, Севастополя, Москвы, контрнаступлению под Москвой в 1941 г., выводу войск из-под охватывающего удара вермахта, организации обороны Сталинграда и Кавказа летом и осенью 1942 г.

Под руководством Ставки ВГК в первом периоде войны были проведены три кампании: летне-осенняя оборонительная 1941 г., зимняя наступательная 1941–1942 гг. и летне-осенняя оборонительная 1942 г. В полном объеме они так же, как и операции групп фронтов, заблаговременно Ставкой не планировались. Их подготовка проводилась в основном распорядительным порядком. Конкретное планирование операций осуществлялось главным образом во фронтах и армиях. А роль Ставки сводилась преимущественно к постановке задач фронтам и флотам, рассмотрению разработанных командующими и штабами фронтов планов операций, обеспечению их выполнения за счет резервов Ставки Верховного главнокомандования, согласованию усилий фронтов, а также указаниям наиболее рациональных и эффективных способов действий для достижения поставленных целей.

Во втором периоде войны деятельность Ставки ВГК поднялась на более высокий уровень. Накопив определенный опыт, она более дальновидно и осмотрительно руководила действиями вооруженных сил, допускала меньше ошибок, с большим искусством готовила операции. При этом изменился и сам характер работы Ставки. Обусловлено это было переходом вооруженных сил преимущественно к наступательным действиям, овладением стратегической инициативой, более благоприятным соотношением сил и средств в пользу Красной армии. Перед войсками фронтов ставились более активные задачи, предусматривались самые решительные способы, в том числе окружение и уничтожение крупных группировок противника.

Во втором периоде войны Ставка ВГК руководила действиями вооруженных сил в двух наступательных кампаниях: зимней 1942–1943 гг. и летне-осенней 1943 г., подготовила и провела ряд крупнейших стратегических операций с участием от двух до четырех фронтов в каждой. Успешное проведение стратегического контрнаступления зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом (операция «Уран») по замыслу Ставки ВГК переросло в ряд последовательных и одновременных операций: Северо-Кавказскую («Дон»), по прорыву блокады Ленинграда («Искра»), Воронежско-Харьковскую наступательную и Харьковскую оборонительную. Все они в основном были завершены, правда, того развития, на которое рассчитывало Верховное главнокомандование, не получили. Летом того же года Ставка ВГК организовала и успешно провела сначала Курскую стратегическую оборонительную, а затем две стратегические наступательные операции — Орловскую («Кутузов») и Белгородско-Харьковскую («Полководец Румянцев»). Вслед за этим началось общее наступление Красной армии на фронте протяженностью свыше 1300 км.

Наконец, с августа по декабрь 1943 г. были спланированы и проведены наступательные операции с целью освобождения Левобережной Украины, Донбасса и форсирования Днепра. Большинство их отличали оригинальность замысла, применение разнообразных способов разгрома группировок противника, значимость достигнутых результатов. Тем не менее избежать ряда крупных просчетов не удалось прежде всего из-за того, что Ставка ВГК переоценивала свои возможности. Например, серьезные ошибки были допущены в определении возможных контрдействий противника под Харьковом в феврале — марте и под Киевом в апреле — ноябре 1943 г. В результате поставленные фронтам завышенные задачи привели к существенными потерям.

Важно отметить, что в этот период Ставка ВГК и Генеральный штаб детально планировали, самостоятельно разрабатывали и всесторонне организовывали важнейшие стратегические операции. При необходимости Ставка вносила коррективы в первоначальные планы, смело осуществляла маневр силами и средствами. Именно тогда же в Ставке и Генштабе были разработаны способы последовательного разгрома важнейших группировок противника на различных стратегических направлениях. Все это, безусловно, имело решающее значение для достижения коренного перелома в войне.

К третьему периоду Великой Отечественной войны Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб пришли с установившимися взглядами на способы ведения современной войны. Богатый практический опыт подготовки и проведения операций стратегического масштаба позволял выработать творческий подход к решению стоявших задач. Появилась твердая уверенность в возможности быстрого разгрома противника и без помощи союзников по антигитлеровской коалиции.

Именно тогда в Ставке родилась идея нанесения взаимоувязанных одновременных и последовательных ударов на всем советско-германском фронте. По этому поводу маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «В узком кругу лиц, собравшихся в кабинете И. В. Сталина, Верховный поставил вопрос о новой форме проведения кампаний 1944 года. Предварительно он запросил мнение каждого из участников. Обсуждали, где именно следовало сосредоточить силы и средства для поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять»[27]. В отличие от прошлых лет И. В. Сталин приказал приступить одновременно к расчетам сил и средств на всех десяти направлениях.

В третьем периоде войны Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и провели три кампании: зимнюю и летне-осеннюю 1944 г., а также кампанию 1945 г. в Западной Европе. В рамках этих кампаний было проведено 17 стратегических операций, в ходе каждой из которых разгромлены крупные группировки противника. Операции развивались на глубину до 400–600 км, причем в более высоких темпах, чем прежде. Ставка ВГК и Генеральный штаб проявили способность твердо управлять войсками, решать задачи с меньшими людскими и материальными потерями. В этот период характерными чертами творческой и организаторской деятельности Ставки ВГК являлись стремление упреждать противника в действиях, громить его войска по частям, наносить нарастающие по силе удары и решительно развивать достигнутый успех. Особое место в работе Ставки на завершающем этапе войны заняли организация взаимодействия с англо-американскими войсками, согласование боевых действий на советско-германском фронте с операциями союзников. Конечно, имели место некоторые просчеты, но это уже не оказывало существенного влияния на ход войны.

Важнейшим элементом успешного функционирования всей системы управления войсками являлась связь, ее организация и техническое оснащение. Верховному главнокомандованию необходимо было на каждый день, а то и на каждый час иметь исчерпывающую информацию. В Ставку ВГК сходились все нити телефонной и телеграфной связи, потоком шли разнообразные сведения, данные об обстановке. Необходимо отметить, что накануне войны никаких официальных документов и руководств по организации и обеспечению связи в оперативно-стратегическом звене управления Красной армии не было разработано.

Для связи со штабами фронтов, военных округов, отдельных армий и с соединениями, находившимися в ее резерве, Ставка ВГК использовала телеграфную, телефонную и радиосвязь, а также авиацию связи. Рабочим органом Ставки являлся Генштаб, который использовал узел связи Наркомата обороны. Других частей связи, в том числе и запасных узлов, Генштаб в своем распоряжении не имел. По подземным кабелям узел связи НКО сообщался с Центральным телеграфом (ЦТ) СССР, Центральной междугородной станцией (ЦМГС) Наркомата связи, автоматическими станциями Московской городской телефонной сети (МГТС), а также с узлами связи штабов ВВС, войск ПВО страны и наркомата ВМФ. Это позволяло широко использовать общегосударственные телеграфно-телефонные каналы для связи со штабами всех фронтов и военных округов и одновременно обмениваться телеграфной корреспонденцией со штабами ВВС, ПВО и ВМФ.

Следует отметить, что в первые дни войны узел связи Наркомата обороны был единым центром и обслуживал все его нужды. Из-за резкого увеличения телеграфного обмена его пришлось разделить на две части. Главная часть этого центра — узел оперативной связи в конце июля 1941 г. располагался на платформе станции метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды») и обслуживал Ставку и Оперативное управление Генштаба. С его помощью удавалось поддерживать телеграфную связь со штабами фронтов, армий и с резервами Ставки:

~~СОВЕРШЕННО~~ СЕКРЕТНО

П Р И К А З

СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

№ 057

января 1942 года, г.Москва

Содержание: О боевом использовании танковых частей и соединений.

Опыт войны показал, что в боевом использовании танковых войсках еще ~~до сих пор~~ имеется ряд крупных недочетов, в результате которых наши части несут большие потери в танках и личном составе.

Излишние, ничем неоправдываемые потери при низком боевом эффекте в танковых войсках происходят потому, что:

1.До сих пор плохо организуется в бою взаимодействие пехоты с танковыми соединениями и частями, командиры пехоты ставят задачи не конкретно и наспех, пехота в наступлении отстает и не закрепляет захваченных танками рубежей, в обороне не прикрывает стоящие в засадах танки, а при отходе даже не предупреждает командиров танковых частей об изменении обстановки и бросает танки на произвол судьбы.

2.Атака танков не поддерживается нашим артиллерийским огнем, орудия сопровождения танков не используются, ~~орудий сопровождения танков не назначается~~, в результате

Приказ Ставки ВГК № 057 от 22 января 1942 г.
«О боевом использовании танковых частей и соединений». Лист 1

чего боевые машины гибнут от огня противотанковой артиллерии противника.

3. Общевойсковые начальники крайне торопливы в использовании танковых соединений - прямо схода бросают их в бой, по частям, не отводя времени даже для производства элементарной разведки противника и местности.

~~Такой огульный, неорганизованный ввод в бой танковых частей приводит только к потерям, не давая должных результатов.~~

4. Танковые части используются мелкими подразделениями, а иногда даже по одному танку, что приводит к распылению сил, потере связи выделенных танков со своей бригадой и невозможности материального обеспечения их в бою, причем пехотные командиры, решая узкие задачи своей части, используют эти мелкие группы танков в лобовых атаках, лишая их маневра, чем увеличивают потери боевых машин и личного состава.

5. Общевойсковые начальники плохо заботятся о техническом состоянии подчиненных им танковых частей - производят частые переброски на большие расстояния своим ходом, самоустраняются от вопросов эвакуации аварийной материальной части с поля боя, ставят боевые задачи, не сообразуясь с количеством времени пребывания танков в бою без предупредительного ремонта, что в свою очередь увеличивает и без того большие потери в танках.

~~В целях лучшего боевого использования танковых войск и улучшения контроля за их применением~~

Приказ Ставки ВГК № 057 от 22 января 1942 г.
«О боевом использовании танковых частей и соединений». Лист 2

3

Ставка Верховного Главнокомандования

приказывает:

1. Танковые бригады и отдельные танковые батальоны применять в бою, как правило, в полном составе и тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией, не допуская ввода в бой танков без предварительной разведки и рекогносцировки командиров пехоты, артиллерии и танковых начальников.

2. Каждый случай неправильного использования танковых войск, оставления танков на территории противника и непринятия мер к их эвакуации - расследовать и виновных привлекать к ответственности.

3. В целях поднятия авторитета и ответственности начальников авто-бронетанковых отделов армий и начальников авто-бронетанковых войск фронта Ставка Верховного Главнокомандования назначает первых заместителями командующих армиями по танковым войскам, а вторых заместителями командующих войсками фронта. При командующем войсками направления иметь заместителя по авто-бронетанковым войскам и трех офицеров связи танковой специальности.

4. В штат управления - отдела авто-бронетанковых войск фронта и армии ввести должности двух заместителей - первый по боевому использованию и применению танковых войск, второй - по снабжению, ремонту и эксплоатации боевых и вспомогательных машин.

5. Институт помощников командующих фронтами по авто-бронетанковым войскам из штатов исключить.

Приказ довести до батальона, дивизиона и им равных.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

И. СТАЛИН

А. ВАСИЛЕВСКИЙ.

Приказ Ставки ВГК № 057 от 22 января 1942 г.
«О боевом использовании танковых частей и соединений». Лист 3

передавать фронтам оперативные документы из центра и в обратном направлении. Этот узел обеспечивал и связь с представителями Ставки. Чаще всего его использовали генералы и офицеры Генштаба, которые находились у телеграфных аппаратов постоянно.

Для Верховного главнокомандующего было организовано шесть переговорных пунктов: четыре — в Москве, по одному — на ближайшей даче в Кунцево и на дальней, располагавшейся на 70-м км Дмитровского шоссе. В Кремле имелись два узла связи: один — рядом с кабинетом И. В. Сталина, другой — в убежище. В начале сентября 1941 г. связистам пришлось срочно оборудовать два телеграфных переговорных пункта: один — в двухэтажном особняке во дворе дома № 33 (43) по ул. Кирова (ныне ул. Мясницкая), а другой — в тоннеле станции метро «Кировская». Последний пункт широко использовался вплоть до начала 1943 г. В особняке напротив пятого подъезда здания Генштаба 22–23 июня 1941 г. были установлены переговорные аппараты Бодо для наркома обороны С. К. Тимошенко и его заместителей.

Другую часть узла (объект «Труба») расположили в обычном пассажирском вагоне, который загнали в тупик станции метро «Белорусская». Он предназначался для обеспечения телеграфной связью центральных управлений и органов тыла НКО. Через этот же узел шел обмен остальной служебной корреспонденцией со штабами фронтов. Оба эти узла сообщались мощными кабельными линиями с узлами связи штабов ВВС, ПВО, ВМФ и Центрального телеграфа.

Для резервирования Центрального телеграфа, междугородной и городских автоматических телефонных станций в октябре 1941 г. был построен защищенный узел связи — объект 01 Народного комиссариата связи (НКС). Технически хорошо оснащенный, он стал единственным в стране сооружением подобного типа[28]. Хотя он имел связь с Кремлем, НКО, узлом связи, объектом «Труба» на станции метро «Кировская» и НК ВМФ, тем не менее в полной мере не способен был заменить ЦТ СССР, ЦМГС, МГТС, а самое главное — у него не было дублера в глубине страны. Только в апреле 1942 г. был введен в эксплуатацию запасной узел связи страны в Уфе[29].

Эвакуация в Куйбышев в октябре 1941 г. аппарата ЦК ВКП(б) и СНК СССР, некоторых отделов НКО и НК ВМФ потребовала оборудовать там филиал узла связи НКО и смонтировать АТС на 600 номеров[30]. Для основной группы Генштаба, эвакуированной в Арзамас, по инициативе начальника Главного управления связи Красной армии (ГУС КА) И. Т. Пересыпкина в том же октябре всего за пять суток вместо запланированных 15–20 был сооружен запасной узел связи Ставки ВГК[31].

В стратегическом звене управления большое значение имели подвижные узлы связи, оборудованные в поездах и на автомобилях. Согласно постановлению ГКО № 59 от 8 июля 1941 г.[32] уже в августе для создания подвижного резерва средств связи Ставки работниками НКС был сформирован поезд связи[33], а в ноябре оборудован автомобильный узел связи в составе 15 аппаратов Бодо, 10 телеграфных аппаратов СТ-35, 10 автомобильных радиостанций, а также машин для электропитания[34]. В течение всей войны этот узел, входивший в отдельный радиодивизион связи резерва Ставки ВГК, успешно выполнял ответственные задания военного командования, но чаще всего он использовался для обеспечения связью представителей Ставки ВГК, выезжавших на фронты.

Осень 1941 г. стала для страны одним из самых критических моментов, потребовавших значительного расхода сил и средств в целях обеспечения твердого и непрерывного управления войсками. Основная трудность заключалась в необходимости обеспечения связью Ставки ВГК и Генштаба одновременно с трех пунктов управления — московского, арзамасского и куйбышевского. Кроме того, необходимо было обеспечить связью из Волхова оперативную группу Генштаба. Проводная связь с этими пунктами была налажена немедленно. Во второй половине ноября 1941 г. Главным управлением связи Красной армии был разработан новый вариант радиосвязи Генштаба. В дальнейшем она поддерживалась через радиоузлы Москвы, Горького, Куйбышева и Арзамаса[35].

С 23 августа по 10 сентября 1941 г. НКС была построена кольцевая система обходных связей на удалении 25–30 км от Москвы: Хлебниково — Химки — Немчиновка — Черта-

ново — Люберцы — Салтыковка — Пушкино — Хлебниково. Кроме этой кольцевой линии связи было построено на удалении 80–100 км от Москвы восточное полукольцо по трассе: Лаптево — Ожерелье — Луховицы — Костерево — Фряново — Загорск — Дмитров. Эти линии позволяли в случае повреждения Московского узла обеспечить минимальное количество важнейших связей к штабам фронтов и в тыл страны, составлять прямые телефонные и телеграфные линии, минуя столицу.

В целях улучшения управления войсками Ставкой ВГК подразделениями НКС и ГУС КА были также построены крупные магистральные линии, с помощью которых обеспечивалась проводная связь с Ленинградом, Закавказьем и Мурманском. Осенью 1941 г. связь Ставки ВГК с Ленинградом работала с большими перебоями. Для ее восстановления по дну Ладожского озера был проложен подводный кабель протяженностью 40 км[36].

Согласно постановлению ГКО № 2314 от 17 сентября 1942 г. «О строительстве телеграфно-телефонной линии связи вдоль южного побережья Каспийского моря»[37] в период 16 октября — 14 ноября была построена стационарная телеграфно-телефонная магистраль протяженностью 1315 км. Она обеспечила устойчивую связь Ставки ВГК с Закавказским фронтом и с войсками, дислоцированными в Иране.

В конце 1942 г. в короткий срок в условиях Заполярья был проложен подводный кабель через пролив в северной части Белого моря, надежно связавший Генштаб со штабом Северного флота и Москву с Мурманским портом, обеспечивающим поставки по ленд-лизу[38].

Улучшению связи Ставки ВГК и Генерального штаба Красной армии с войсками способствовал приказ Ставки № 00107 «Об улучшении использования радиосвязи для обеспечения бесперебойного управления войсками с помощью радио» от 30 мая 1942 г. Этим приказом военные советы фронтов и армий обязывались решительно покончить с недооценкой связи и независимо от обстановки обеспечить бесперебойное управление войсками и непрерывную радиосвязь с высшими штабами. Приказ определял конкретные мероприятия по обеспечению бесперебойной связи при смене пунктов управления и при выездах командующих в войска. Начальником Главного управления связи Красной армии в личное распоряжение каждого командующего армией выделялось по две переносные радиостанции типа «Север» для связи их со штабами фронтов. Внутри армий для связи с дивизиями организовывалась дополнительная радиосвязь с помощью радиостанций РБ[39].

Обсуждая вопрос подготовки этого приказа с А. М. Василевским, И. Т. Пересыпкин подчеркивал: «Правило должно быть железным без каких-либо исключений: где бы ни был командующий — радиостанция должна быть с ним. Это подтянет и нижестоящие штабы: им тоже придется держать радиостанции рядом»[40]. В целях реализации этого приказа в 1942 г. были осуществлены поставки около 500 комплектов автомобильных радиостанций для звена Генштаб — фронт, около 3 тыс. радиостанций армиям и корпусам и более 25 тыс. переносных радиостанций для командований дивизий, полков и батальонов[41].

Для связи Генштаба со штабами фронтов и армий использовалась и авиация. 17 декабря 1941 г. сформированная 233-я отдельная авиационная эскадрилья связи ВВС была передана в оперативное подчинение начальнику Главного управления связи И. Т. Пересыпкину. Год спустя, 3 декабря 1942 г., по инициативе И. Т. Пересыпкина приказом наркома обороны была создана 3-я отдельная авиационная дивизия, в состав которой входили два полка, отдельный транспортный авиаотряд и батальон авиационного обслуживания. Задачами этой дивизии являлись: обеспечение связи Генштаба с фронтами и армиями, доставка фельдъегерской почты и периодической печати, перевозка на фронт и обратно генералов и офицеров Генштаба из центральных управлений НКО, аппаратуры связи и прочее.

В конце декабря 1944 — начале января 1945 г. в Минске в бункерах, сохранившихся после разгрома немецких войск в этом районе, по личному указанию И. В. Сталина под руководством И. Т. Пересыпкина был оборудован еще один узел связи Ставки ВГК[42].

В целях улучшения устойчивости проводной связи Генштаба с апреля 1943 г. впервые стали применяться узлы связи особого назначения (УСОН)[43]. Для повышения ответственности за состояние связи Генштаба и улучшения ее работы в декабре 1943 г. были введены

должности начальников оперативных направлений связи (НОНС)[44], на которые назначались опытные генералы войск связи.

В целях устойчивой радиосвязи Генштаба со штабами фронтов и их армиями в осенне-зимний период 1944—1945 гг. по указанию начальника Главного управления связи И. Т. Пересыпкина была организована ретрансляция работы фронтовых и армейских станций, которая осуществлялась мощными радиопередатчиками, располагавшимися вблизи западных границ СССР[45]. На завершающем этапе войны, когда военные действия развернулись на территории других государств, на крупных узлах связи были образованы комендатуры связи и организованы узлы связи специального назначения (УССН), в задачу которых входило обеспечение связью военного командования и органов советских военной администрации[46].

С помощью всех вышеперечисленных средств обеспечивалась связь Генштаба и представителей Ставки ВГК со штабами фронтов, а иногда и армий в течение всей войны. При необходимости создавались другие узлы связи, которые усиливались за счет оборудования, аппаратуры и личного состава НКС, но основным для Генштаба оставался узел связи НКО, располагавшийся в Москве.

Важным средством связи Ставки ВГК в первые месяцы войны была телеграфная связь по аппаратам Бодо, так как И. В. Сталин на всех телеграммах помечал: «Передать только по Бодо». Этому правилу он следовал в течение всей войны. С мая 1942 г. на связях Генштаба со штабами фронтов и армий стала внедряться аппаратура линейного засекречивания (ЗАС). Внедрение линий «радио-Бодо» с приставкой «Алмаз» и засекречивающей аппаратурой позволило Генштабу иметь с респондентами не только устойчивую, но и засекреченную связь буквопечатания с телеграфов, расположенных недалеко от оперативных работников штабов. С помощью этой аппаратуры велись прямые переговоры и осуществлялся обмен радиограммами.

В обеспечении связи Ставки ВГК и Генштаба с фронтами и армиями значительную роль играли части правительственной ВЧ-связи НКВД. До января 1942 г. они обеспечивали эту связь только в станционном положении, а магистральные линии обслуживали части Народного комиссариата связи и Главного управления связи Красной армии. Постановлением ГКО от 11 января 1942 г. № 1129 «Об обеспечении бесперебойной правительственной телефонной ВЧ-связи между Москвой и штабами фронтов»[47] решение этой задачи было поручено НКВД. ВЧ-связью пользовались только командующий, начальник штаба, член военного совета и начальник особого отдела. 30 января 1943 г. постановлением ГКО № 2804 ВЧ-связь ставилась в привилегированное положение, а Главное управление связи Красной армии освобождалось от ее обслуживания. Для решения вопроса обеспечения ВЧ-связью при НКВД были созданы специальные войска, которым Главное управление связи в декадный срок обязывалось передать 135 отдельных рот связи, а после 1 апреля 1943 г. также все запасы проводов и арматуры, предназначенные для ВЧ-связи, и трофейный кабель ППК-4[48].

Вместе с тем, несмотря на наличие большого числа частей ВЧ-связи, начальники связи фронтов и армий были обязаны выделять в распоряжение начальников отделов и отделений ВЧ-связи соответственно фронтов и армий лучшие телефонные цепи и лучшие телефонные каналы связи. Вследствие этого функции этих отделов и отделений часто сводились к установке станционной засекречивающей аппаратуры, прокладке абонентских линий связи в районе штабов и армий и их обслуживанию. Командующие фронтами не хотели мириться с двумя начальниками и при отсутствии ВЧ-связи с армиями часто возлагали ответственность за это на начальников связи фронтов, хотя последние не отвечали за ее состояние.

За годы войны Ставка ВГК проделала огромную по своей значимости, масштабам и объему работу по решению задач, связанных с восстановлением нарушенного стратегического фронта, реорганизацией и укреплением вооруженных сил, их техническим переоснащением. Она руководила проведением восьми военных кампаний и около 50 стратегических операций. При непосредственном участии Ставки ВГК и под ее жестким контролем были проведены более 250 фронтовых, ряд воздушных, противовоздушных и морских десантных операций, а также три централизованные операции партизанских сил. Она же организовывала и осу-

ществляла крупные перегруппировки войск (армий, а иногда и целых фронтов), развертывала новые фронты или упраздняла существующие после выполнения ими поставленных задач, создавала и успешно использовала крупные резервы. В руководстве вооруженной борьбой Ставка ВГК действовала органично с Генеральным штабом, Государственным Комитетом Обороны, наркоматами обороны, Военно-морского флота, внутренних дел, государственной безопасности и другими органами государственного управления.

Таким образом, в годы войны Ставка Верховного главнокомандования была постоянно действующим органом руководства Вооруженными силами СССР. На совместных заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК обсуждались важнейшие мероприятия по подготовке и проведению военных кампаний и стратегических операций, рассматривались вопросы военно-политического положения страны.

В ходе войны стиль работы Ставки ВГК непрерывно совершенствовался. Основные решения принимались после обсуждения предложений Генерального штаба по подготовке военных кампаний и стратегических операций, а также предложений командующих фронтами (флотами) по проведению операций. К подготовке предложений и их обсуждению привлекались крупные военачальники, государственные и партийные деятели, а при рассмотрении вопросов материального обеспечения военных действий — руководители ведущих наркоматов. Ставка ВГК постоянно вела поиск путей эффективного стратегического руководства действующей армией. Одним из них стало решение о создании главных командований войск направлений. Важную роль в руководстве вооруженной борьбой играл институт представителей Ставки ВГК, а основным рабочим органом ее стал Генеральный штаб.

Главные командования войск направлений

В начале Великой Отечественной войны на советско-германском фронте действовали пять фронтовых объединений, непосредственно подчиненных Ставке Главного командования. В последующем их стало значительно больше. Оказавшись в тяжелейшем положении, высшее военное руководство было не в состоянии быстро отслеживать развитие обстановки и адекватно реагировать на ее изменения. Оно часто теряло управление войсками, в результате чего не удавалось сохранять устойчивый фронт обороны, своевременно локализовывать прорывы противника, организованно вводить в сражение резервы и выводить из окружения войска.

С целью повышения надежности и оперативности руководства войсками действующей армии в 1941 — первой половине 1942 г. создавались промежуточные органы оперативно-стратегического управления в форме главных командований войск направлений. Аналогичную форму Ставка ВГК применила и в войне с Японией в августе — сентябре 1945 г. Для координации действий фронтов и флотов фактически на протяжении всей Великой Отечественной войны функционировал институт представителей Ставки ВГК. Дальнейшее развитие в годы войны получила практика непосредственного руководства фронтами и флотами. Одновременно шел процесс совершенствования советского полководческого искусства.

Как уже отмечалось, 10 июля 1941 г. в целях приближения стратегического руководства к войскам действующей армии Государственный Комитет Обороны по настоянию И. В. Сталина принял постановление № 83 о назначении главнокомандующих направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного. В качестве первоочередных на них возлагалось решение задач не допускать самовольного отхода войск и сдачи ими стратегически важных пунктов и рубежей, добиваться стойкости и самоотверженности в обороне советской территории, мобилизовать население оккупированных территорий к развертыванию всенародной борьбы в тылу врага[49].

Совершенно секретно.

Государственный Комитет обороны 23

Постановление № 83сс от 10 июля 1941 г.

Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Назначить Главнокомандующим войсками Северозападного направления Маршала Советского Союза т.К.Ворошилова с подчинением ему северного и северозападного фронтов.

2. Назначить Главнокомандующим войсками Западного направления Маршала Советского Союза Наркома Обороны С.Тимошенко с подчинением ему войск западного фронта.

3. Назначить Главнокомандующим войсками Югозападного направления Маршала Советского Союза т.С.Буденного с подчинением ему югозападного и южного фронтов.

4. Ставку Главного Командования преобразовать в ставку Верховного Командования и определить ее в составе: Председателя Государственного Комитета Обороны т.Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т.Молотова, Маршалов Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба Генерала армии Жукова.

5. Резервную армию подчинить ставке Верховного Командования с тем, чтобы потом, когда она будет приведена в полную боевую готовность, — подчинить ее Главнокомандующему войсками Западного направления.

6. Обязать Главкомов указать в специальном приказе подчиненному им фронтовому и армейскому командованию, что наблюдающиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования — позорят Красную Армию, что впредь за самовольный отход будут караться виновные командиры расстрелом.

7. Обязать Главкомов почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей.

Постановление ГКО № 83сс от 10 июля 1941 г. «О назначении главнокомандующими войсками направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Будённого и преобразовании Ставки». Лист 1

24

2.-

8.Обязать Главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий,рвать мосты,развинчивать рельсы,поджигать леса,уйти в партизаны,все время беспокоить немцев-угнетателей. В призыве указывать,что скоро придет Красная Армия и освободит их от немецкого гнета.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

10 июля 1941 г.

Постановление ГКО № 83сс от 10 июля 1941 г. «О назначении главнокомандующими войсками направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Будённого и преобразовании Ставки». Лист 2

Главные командования войск направлений явились принципиально новыми органами оперативно-стратегического руководства войсками действующей армии, поэтому процесс становления и организации их деятельности характеризовался импровизациями в формировании структуры и кадровом обеспечении. Данное обстоятельство обусловливало существенные отличия в каждом из трех главных командований войск направлений, вызванные как объективными, так и субъективными факторами.

Так, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, узнав о назначении главнокомандующим войсками Северо-Западного направления, с группой офицеров во главе с генерал-майором М. В. Захаровым немедленно вылетел в Ленинград[50]. После прибытия к месту назначения К. Е. Ворошилов заслушал доклады командующих войсками Северного и Северо-Западного фронтов об обстановке и состоянии войск, а М. В. Захаров — начальников управлений их штабов. После этого главное командование войск направления сосредоточилось на выполнении задач по подготовке рубежей обороны под Ленинградом, мобилизации войск и населения города на отпор врагу, руководстве развертыванием партизанского движения на оккупированной врагом территории.

На Северном фронте, на штаб которого в своей деятельности опиралось главное командование, были приняты неотложные меры по усилению обороны на рубеже Нарва — озеро Ильмень и на Карельском перешейке. На Северо-Западном фронте, где складывалась более сложная обстановка, К. Е. Ворошилов потребовал привести в порядок отходившие соединения и части, а также, подменяя командующего фронтом, лично конкретизировал задачи начальникам артиллерии, связи, тыла и командующему ВВС фронта[51].

После захвата противником Пскова и Острова главное командование войск Северо-Западного направления принимало меры к срочной переброске войск на лужский оборонительный рубеж и усилению их авиационной поддержки. Уже к 14 июля главкомом войск направления был издан приказ отстоять Ленинград любой ценой[52]. В разгар боев на лужском

К. Е. Ворошилов и М. И. Калинин на трибуне во время парада 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве

М. В. Захаров

рубеже был организован контрудар по наступавшим в районе Сольцов вражеским силам. Продвижение немецких войск на ленинградском направлении было остановлено почти на месяц. Бывший командир немецкого 56-го моторизованного корпуса генерал Э. фон Манштейн писал: «Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»[53].

К. Е. Ворошилов и М. В. Захаров неоднократно выезжали в войска, участвовали в рекогносцировках местности, решали практические задачи по повышению устойчивости обороны непосредственно на подступах к Ленинграду и организации внутренней обороны города. Начальник штаба направления много внимания уделял координации действий родов войск[54]. Заместителем главнокомандующего войсками направления по морской части был адмирал И. С. Исаков. Его главной функцией являлось обеспечение согласованных действий сил Северного и Балтийского флотов с сухопутными группировками войск[55]. Важное место в работе главнокомандующего занимали мероприятия по активизации партизанской борьбы в тылу врага. Для этой цели по его распоряжению из добровольцев — рабочих Ленинграда формировались истребительные полки[56].

И все же, несмотря на предпринимаемые меры, обстановка на Северо-Западном направлении и вокруг города продолжала осложняться. Это не в последнюю очередь стало следствием целого ряда просчетов и ошибок, допущенных К. Е. Ворошиловым. В его практической деятельности преобладали политические методы руководства, что не в полной мере соответствовало требованиям, предъявляемым к военачальнику в условиях массового использования авиации, танков, дальнобойной артиллерии, автоматического оружия и других современных средств вооруженной борьбы.

23 августа Северный фронт был разделен на два — Карельский и Ленинградский. При этом руководство Карельским фронтом, которому оперативно подчинялся Северный флот, стало осуществляться непосредственно Ставкой ВГК. Одновременно с расформированием 27 августа главного командования войск Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов на короткое время возглавил войска Ленинградского фронта[57].

Оценка деятельности К. Е. Ворошилова на посту главкома войск Северо-Западного направления и командующего войсками Ленинградского фронта была дана в апреле 1942 г. в постановлении ЦК ВКП(б): «1. Признать, что т. Ворошилов не справился с порученной ему работой на фронте. 2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу»[58]. Начальник штаба направления генерал М. В. Захаров был назначен заместителем начальника тыла Красной армии.

Иначе проходили становление и организация деятельности главного командования войск Западного направления. Командующему Западным фронтом Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. предписывалось взять на себя руководство войсками этого направления[59]. Поэтому в выполнении обязанностей главкома он первоначально опирался на Военный совет (с 12 июля член Военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин) и штаб фронта (начальник — генерал-лейтенант Г. К. Маландин, с 21 июля — маршал Б. М. Шапошников, с 30 июля — генерал-лейтенант В. Д. Соколовский). На основе анализа данных разведки С. К. Тимошенко 14 июля представил в Ставку доклад с выводами по оценке обстановки. В документе также содержалась характеристика мер, предпринимаемых для восстановления и повышения боеспособности своих войск, излагались просьбы об усилении Западного фронта авиацией, танками, автомобилями, упорядочении доставки ему боеприпасов и маршевого пополнения[60].

В отличие от других главных командований, состав войск Западного направления в течение июля — августа 1941 г. существенно менялся. Помимо Западного фронта в него входили: с 23 июля — Центральный, а с 30 июля — Резервный фронты.

Главным событием, к которому в июле — начале сентября 1941 г. было приковано внимание главного командования войск Западного направления, стало Смоленское сражение, основные военно-политические цели которого состояли в том, чтобы остановить продвиже-

В. Д. Соколовский

Ф. И. Голиков

ние немецкой группы армий «Центр», не допустить войска противника к Москве, разгромить их на дальних подступах к столице. Наряду с этим Ставка ВГК требовала от войск Западного направления и наступательных действий[61]. Хотя попытка организовать контрнаступление не привела к разгрому смоленской группировки противника, планы командования немецкой группы армий «Центр» о наступлении на Москву были сорваны. К концу июля активными действиями войск Западного направления противник был остановлен на рубеже Великие Луки — Ярцево — Ельня — Кричев — Жлобин, а на некоторых участках был вынужден даже отступать. Достигнутый результат знаменателен тем, что это был первый случай с начала Второй мировой войны, когда вооруженным силам Германии пришлось перейти к обороне на главном стратегическом направлении.

Большая заслуга в срыве темпов наступления вермахта в начале войны принадлежит главнокомандующему войсками Западного направления Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. Начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников в докладе на заседании Ставки ВГК 8 августа подчеркивал, что возглавляющий это направление маршал С. К. Тимошенко заметно улучшил оперативное руководство войсками, сумел организовать ряд мощных контрударов по противнику, нанеся ему серьезный урон[62]. «Нужно отдать должное маршалу Тимошенко, — отмечал Г. К. Жуков. — В те трудные дни он твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны»[63].

11 сентября 1941 г. главное командование войск Западного направления как выполнившее свою основную задачу по срыву безостановочного наступления немецких войск на Москву было расформировано, а маршала С. К. Тимошенко Ставка ВГК назначила на должность главнокомандующего войсками Юго-Западного направления[64].

В самый разгар Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции, 1 февраля 1942 г., решением Ставки ВГК повторно было создано главное командование войск Западного направления «с задачей организации непрерывного взаимодействия Западного и Калининского фронтов». Функции главнокомандующего войсками направления были возложены на генерала армии Г. К. Жукова с оставлением за ним должности командующего войсками Западного фронта. В качестве ближайшей задачи наряду с освобождением Вязьмы

Основные направления деятельности органов политического руководства:

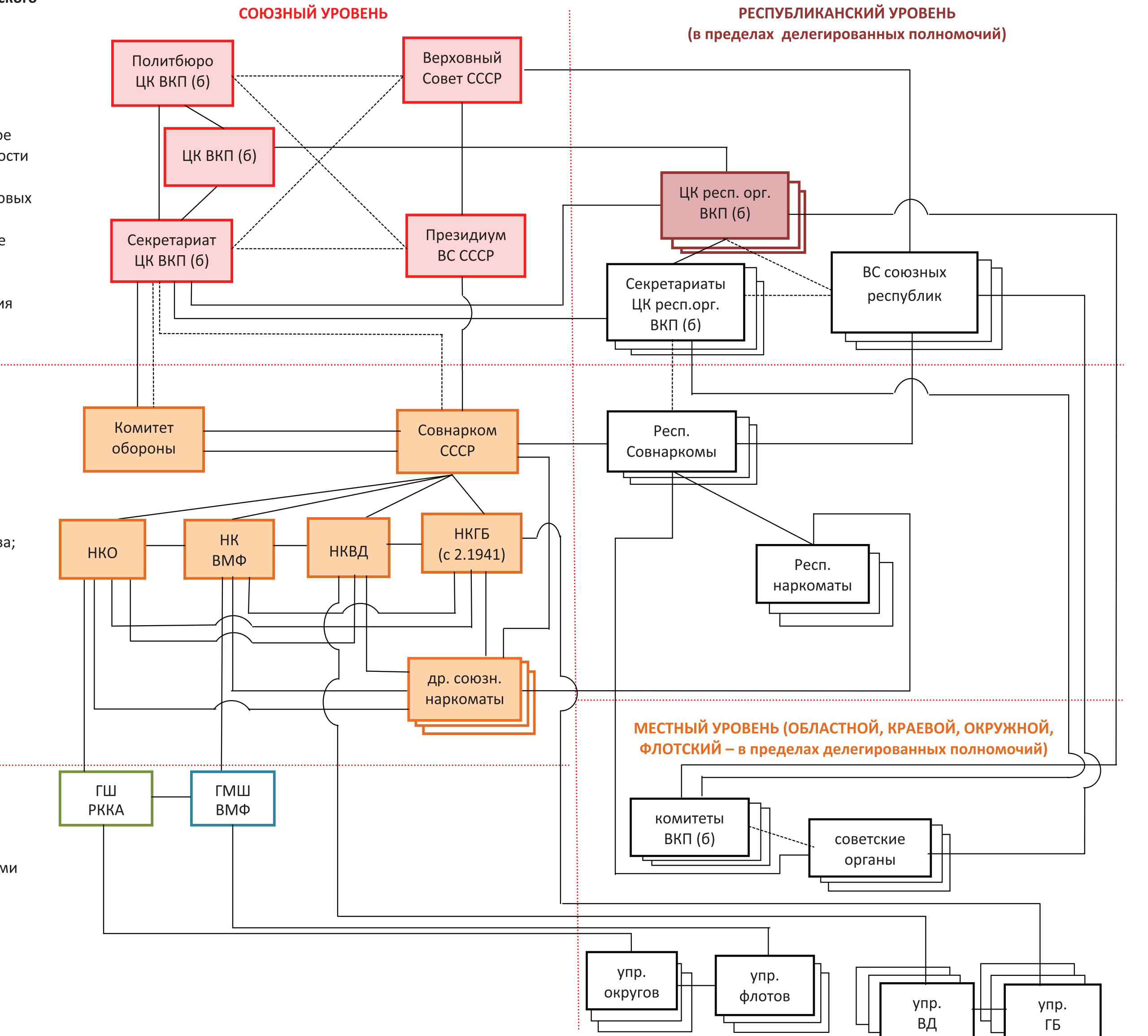
- определение целей, характера политического содержания и способов ведения будущей войны;
- политико-идеологическая подготовка войны;
- идеологическое обоснование, директивное и правовое оформление деятельности по обеспечению безопасности государства от внутренних угроз;
- формирование политических, идеологических и правовых основ коалиционной стратегии;
- идеологическое обоснование и правовое оформление принципов стратегического руководства страной и Вооруженными силами;
- формирование директивной и правовой базы создания и развития военной организации государства.

Основные направления деятельности органов государственного управления:

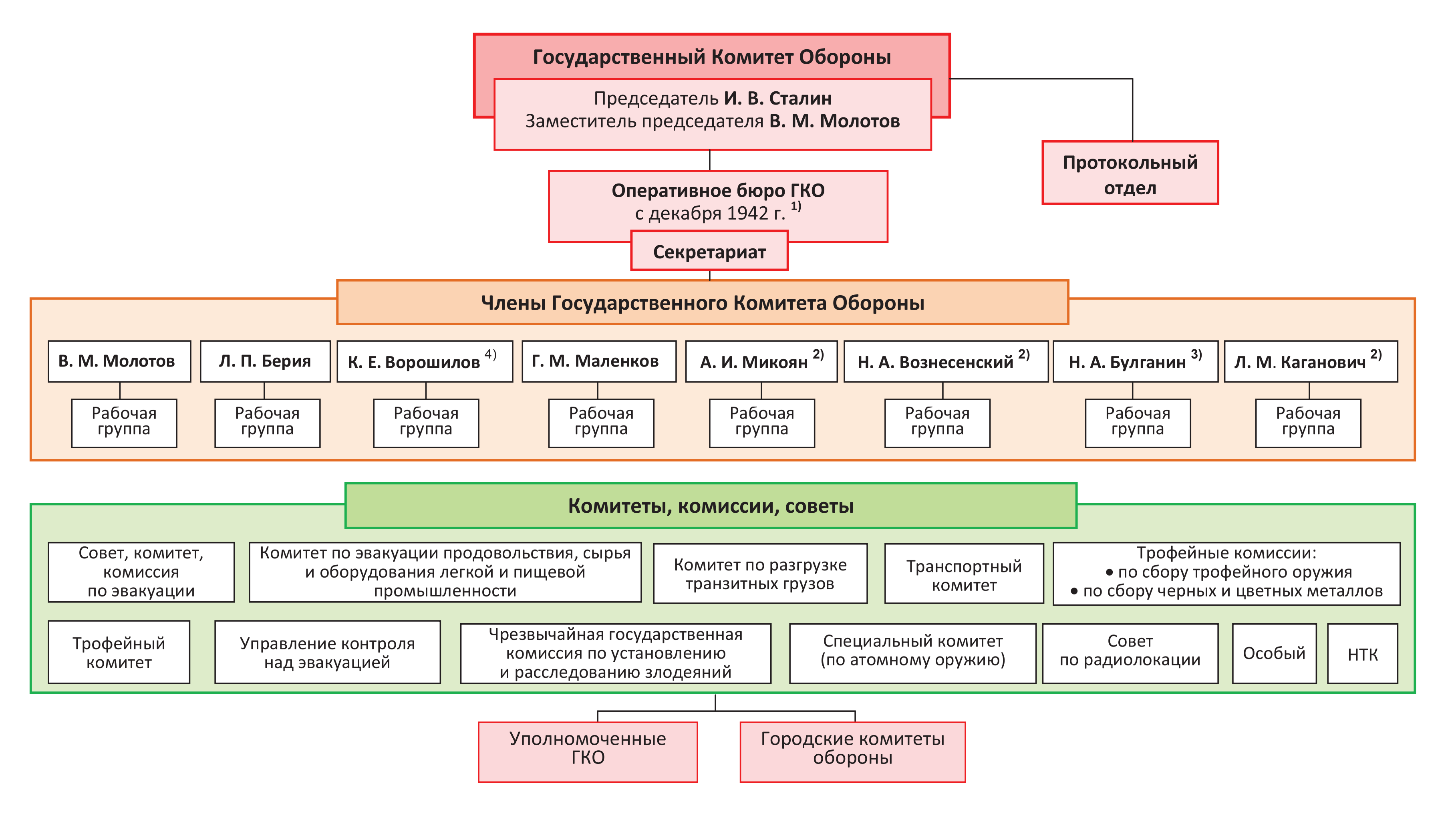
- создание и совершенствование нормативной базы и материальных основ государственного управления в военное время;
- стратегическое планирование;
- создание и развитие военной организации государства;
- создание и развитие оборонно-промышленного комплекса;
- мобилизационная подготовка народного хозяйства;
- создание, накопление и хранение госрезервов;
- подготовка населения и территории страны к войне;
- строительство и подготовка Вооруженных сил;
- военно-техническое сотрудничество;
- разработка планов строительства, подготовки и применения Вооруженных сил.

Основные направления деятельности органов военного управления и местной власти:

- разработка планов применения Вооруженных сил;
- обеспечение оперативного руководства Вооруженными силами;
- руководство оперативно-боевой подготовкой;
- мобилизационное планирование;
- создание и накопление мобилизационных ресурсов Вооруженных сил;
- оборудование театров военных действий;
- военное сотрудничество с зарубежными странами.

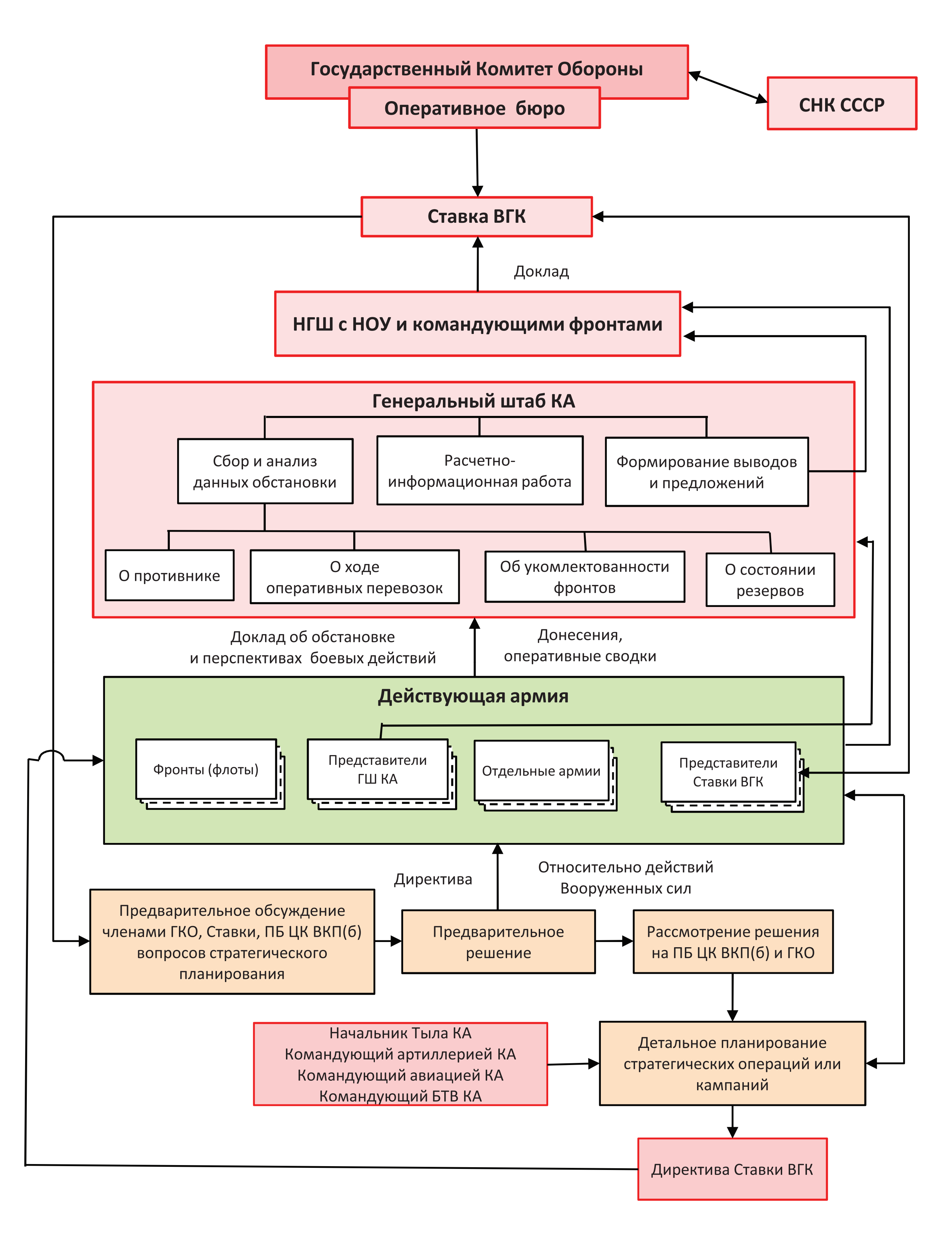

Структурная схема реализации полномочий органов власти СССР по подготовке страны к отражению агрессии (1937–1941)

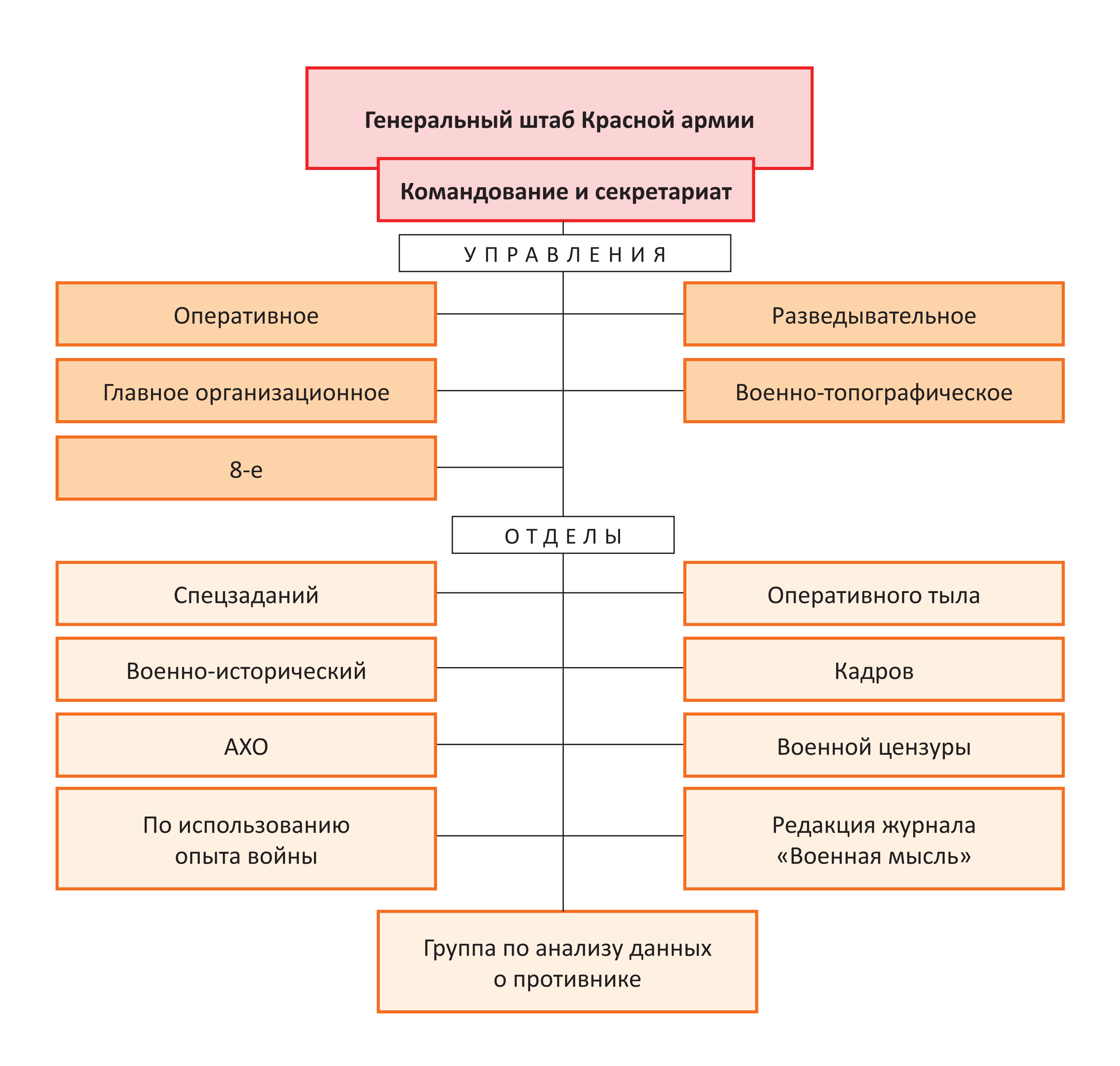

Примечания:
[1] Утверждено постановлением ГКО № 2615 от 8 декабря 1942 г. в составе В. М. Молотова, Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна. 19 мая 1944 г. утвержден новый состав: Л. П. Берия – председатель и заместитель председателя ГКО, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и К. Е. Ворошилов.
[2] А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и Л. М. Каганович введены в состав ГКО в феврале 1942 г.
[3] Н. А. Булганин введен в состав ГКО в ноябре 1944 г.
[4] К. Е. Ворошилов выведен из состава ГКО и Оперативного бюро в ноябре 1944 г.

Состав и функциональная структура Государственного Комитета Обороны (1941–1945)

Процесс формирования директив Ставки ВГК

Организационная структура Генерального штаба Красной армии (1943)

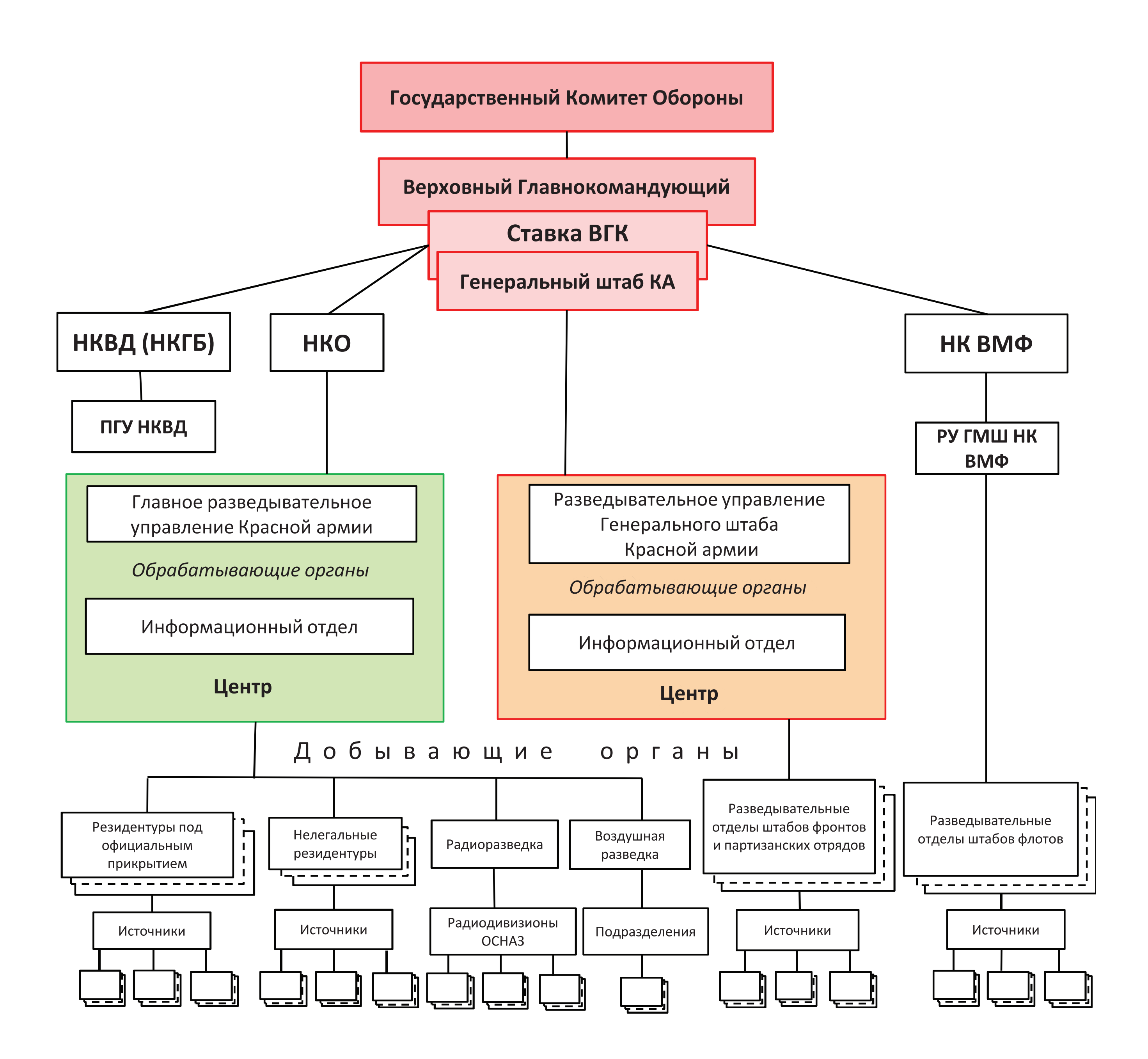

Схема управления силами военной разведки (апрель 1943 – май 1945 г.)

Народный комиссариат обороны СССР

Генеральный штаб Красной армии

ГЛАВНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

- политической пропаганды
- военно-воздушных сил
- автобронетанковое
- артиллерийское
- военно-инженерное
- интендантское
- противовоздушной обороны

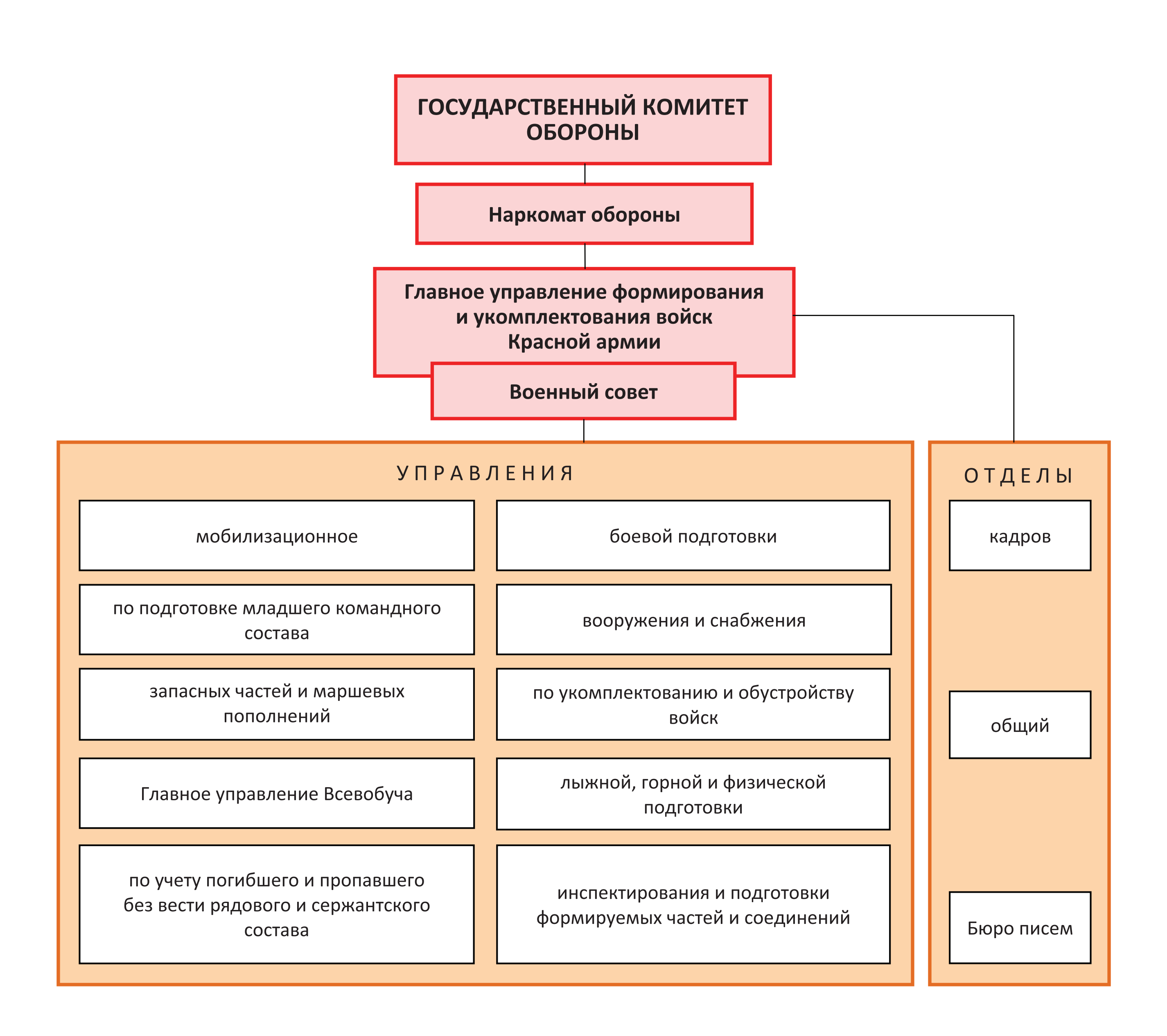
УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

- боевой подготовки
- связи
- военно-химической защиты
- снабжения ГСМ
- военно-учебных заведений
- кадров
- оборонительного строительства
- санитарное
- делами при НКО
- военно-конных заводов
- ветеринарное
- финансовое
- военного издательства
- Редакция и издательство «Красная звезда»
- Бюро изобретений
- 3-е управление

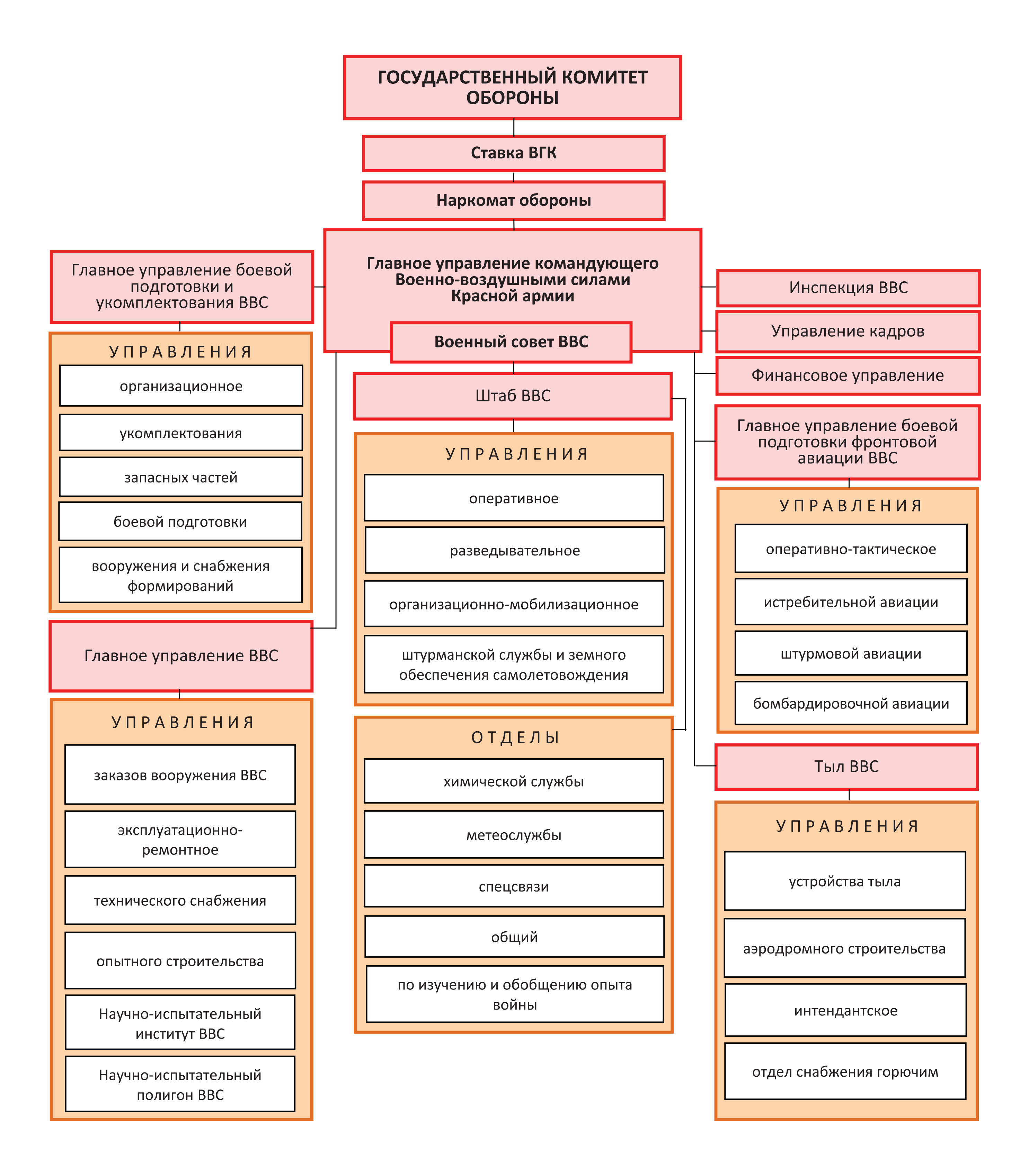
ИНСПЕКЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

- пехоты
- ВВС
- кавалерии
- АБТВ
- артиллерии
- инженерных войск
- связи

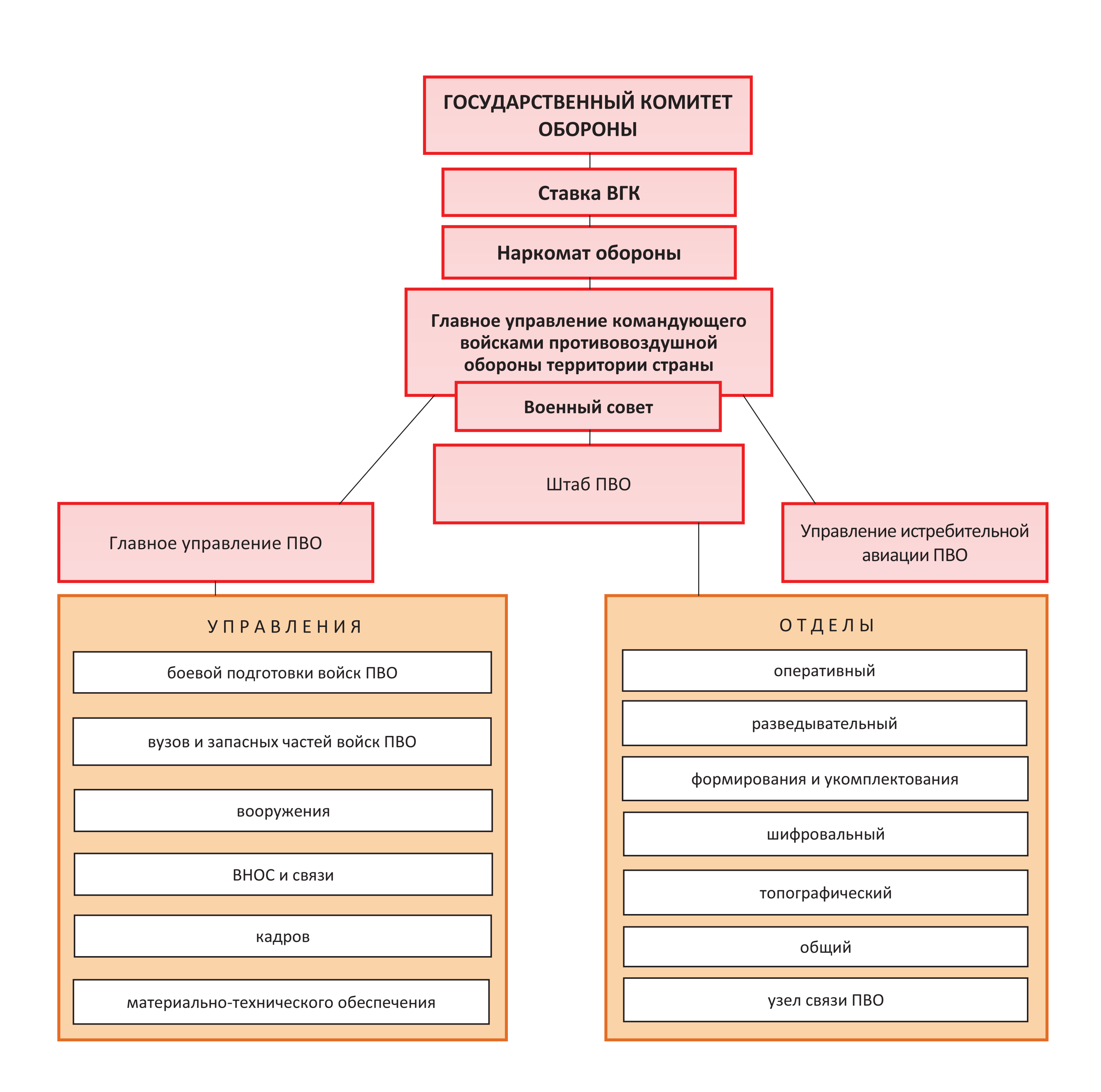
Организационная структура Наркомата обороны СССР на 22 июня 1941 г.

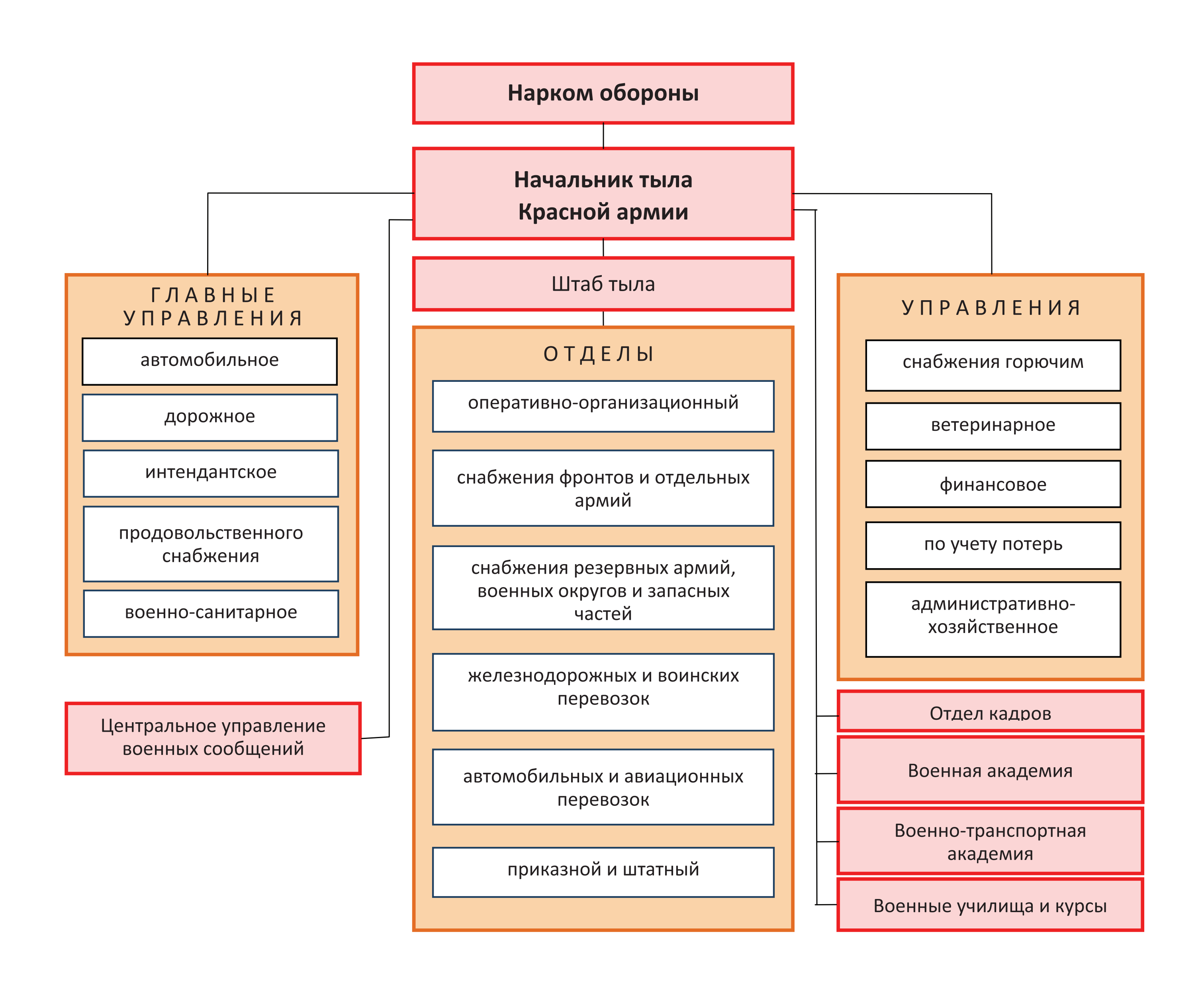
Организационная структура Главного управления формирования
и укомплектования войск Красной армии (1943)

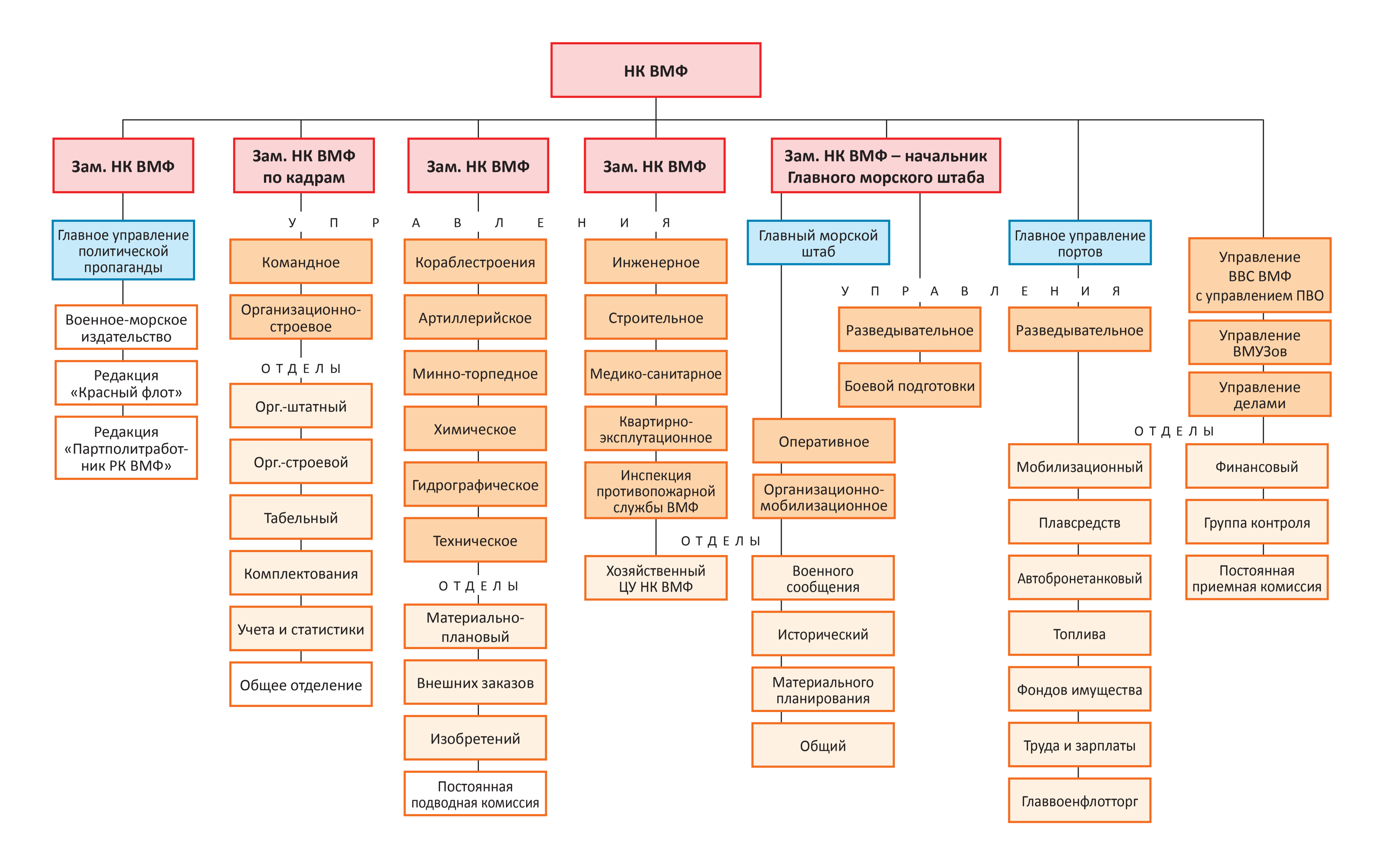
Организационная структура Главного управления командующего Военно-воздушными силами Красной армии (1943)

Организационная структура Главного управления командующего войсками противовоздушной обороны территории страны (1942)

Организационная структура начальника тыла Красной армии (1943)

Организационная структура Наркомата ВМФ

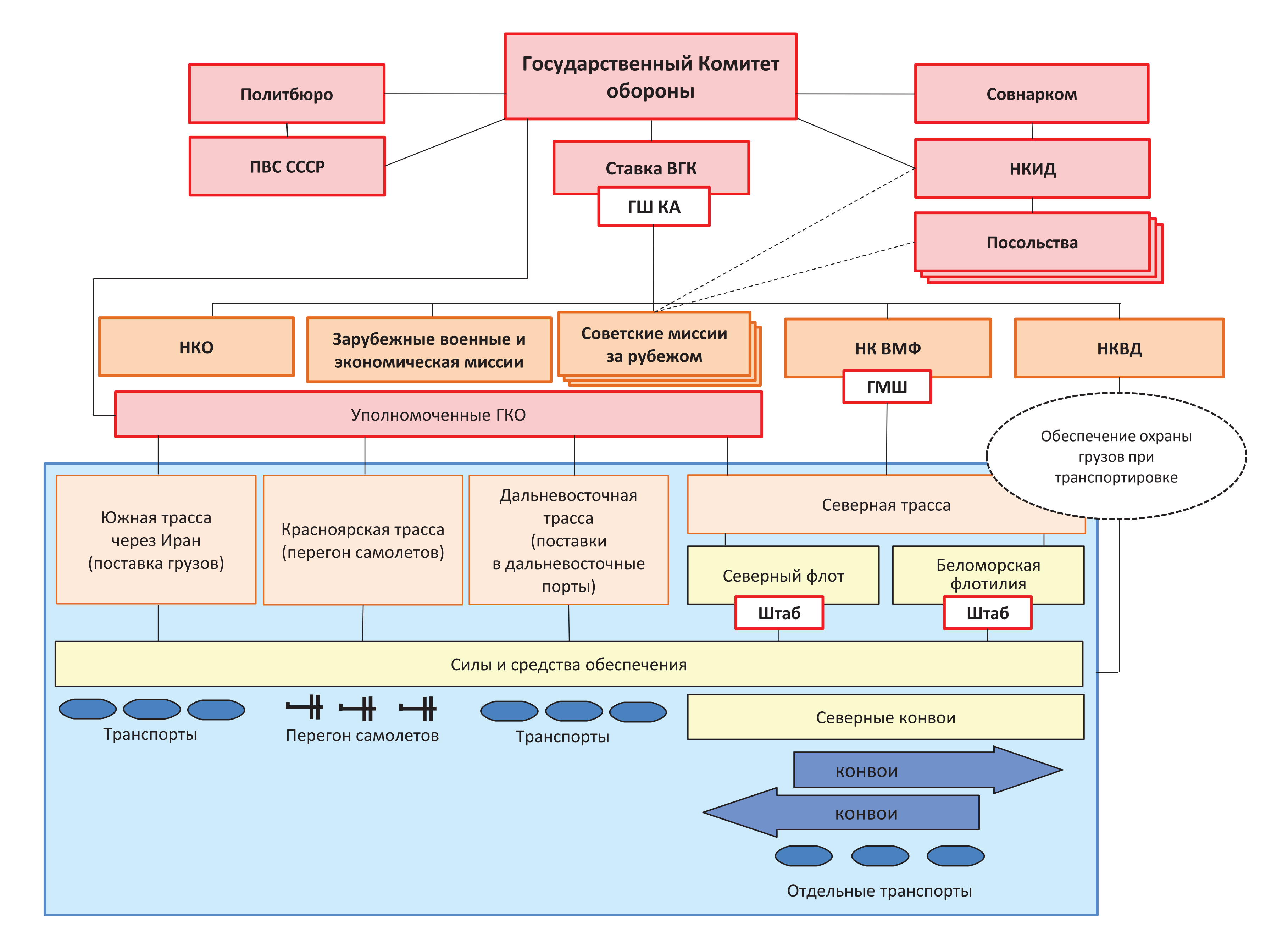
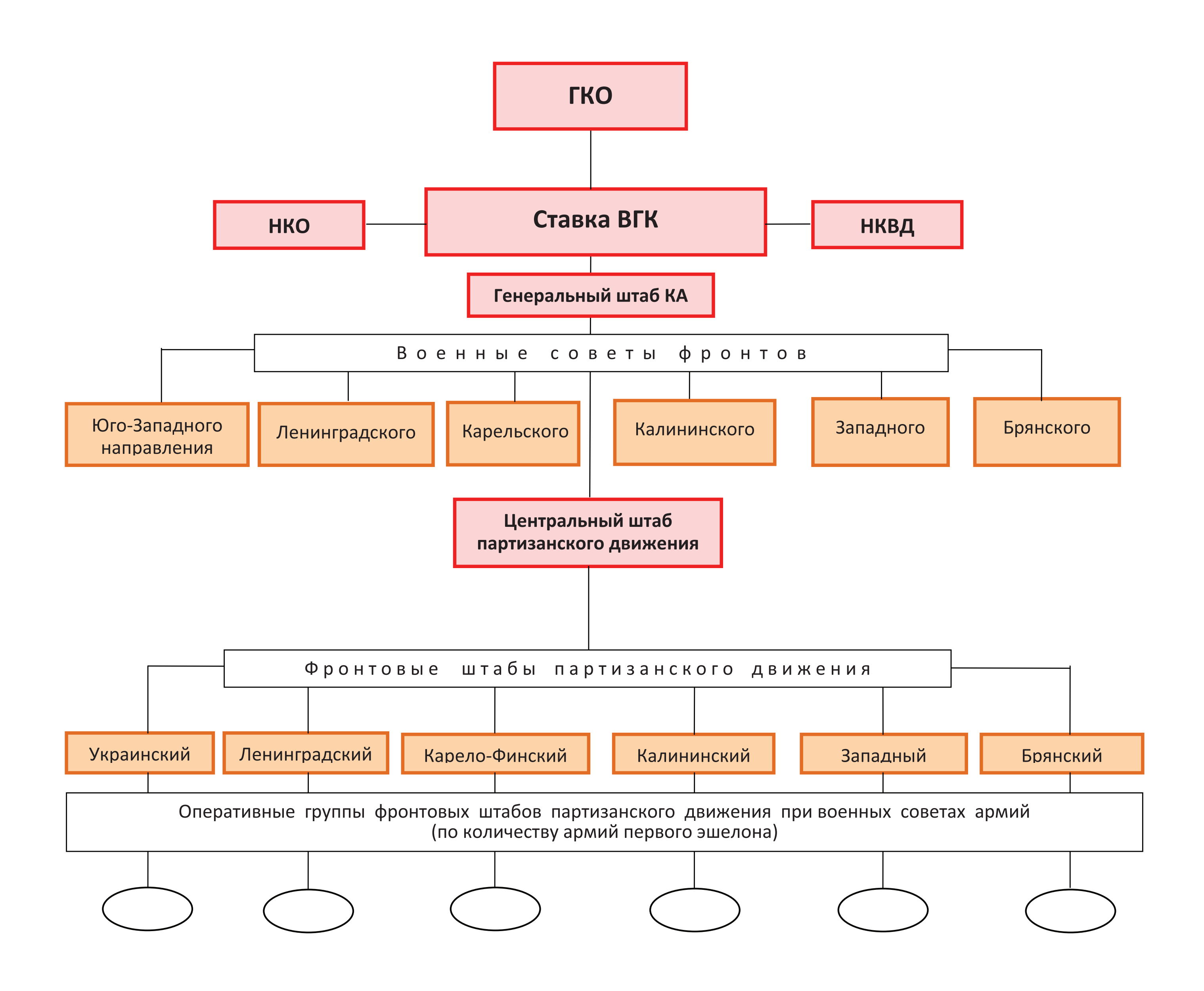
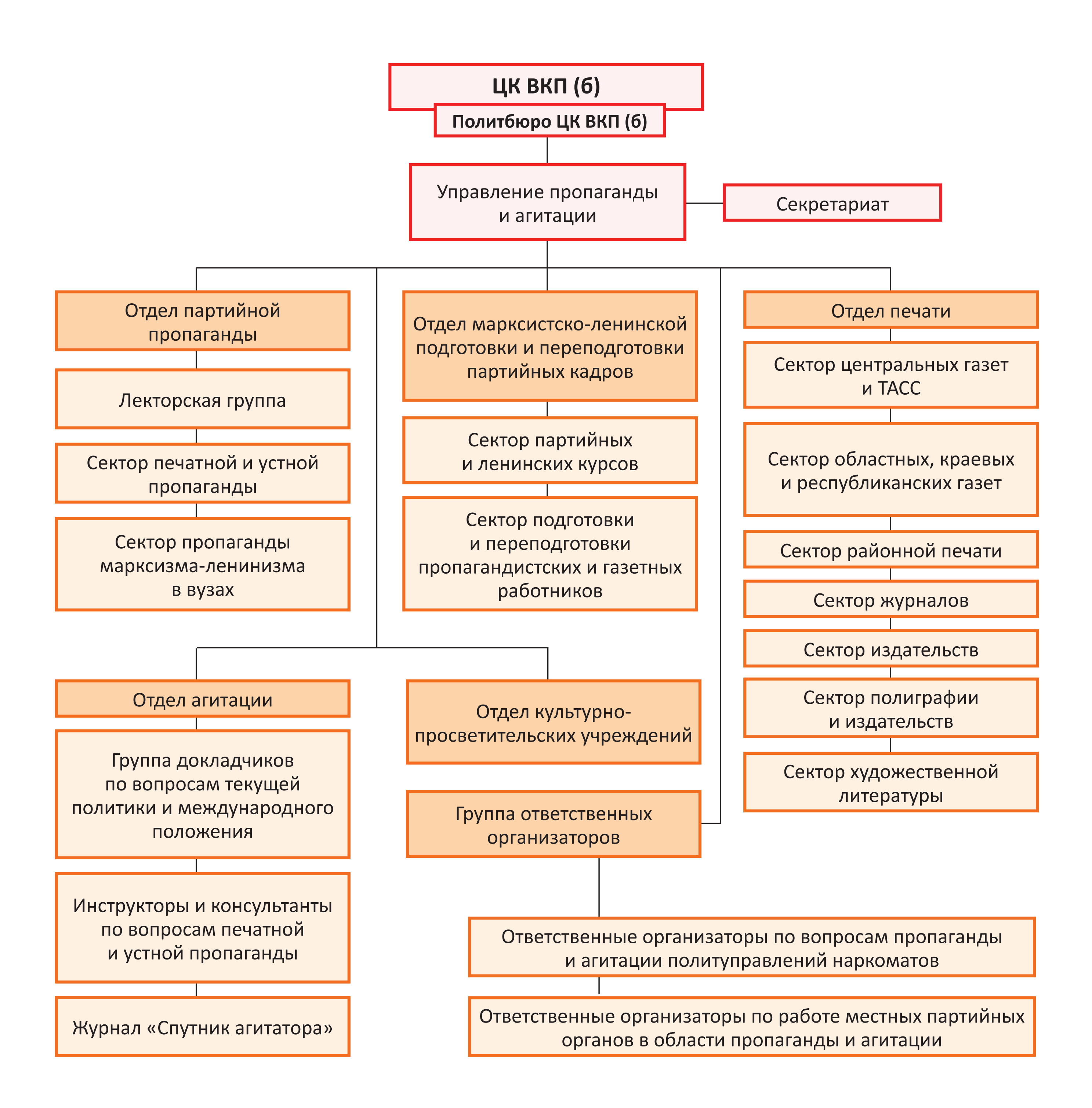

Схема руководства и управления экономическим и военно-техническим сотрудничеством с союзниками в годы Второй мировой войны

Организация руководства партизанским движением по решению Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г.

Организационная структура Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Государственный Комитет Обороны

Верховный Главнокомандующий

Ставка ВГК

Генеральный штаб КА

ЦУП ВОСО

Округ железных дорог Дальнего Востока

Уполномоченный ЦУП ВОСО

Ж е л е з н ы е д о р о г и

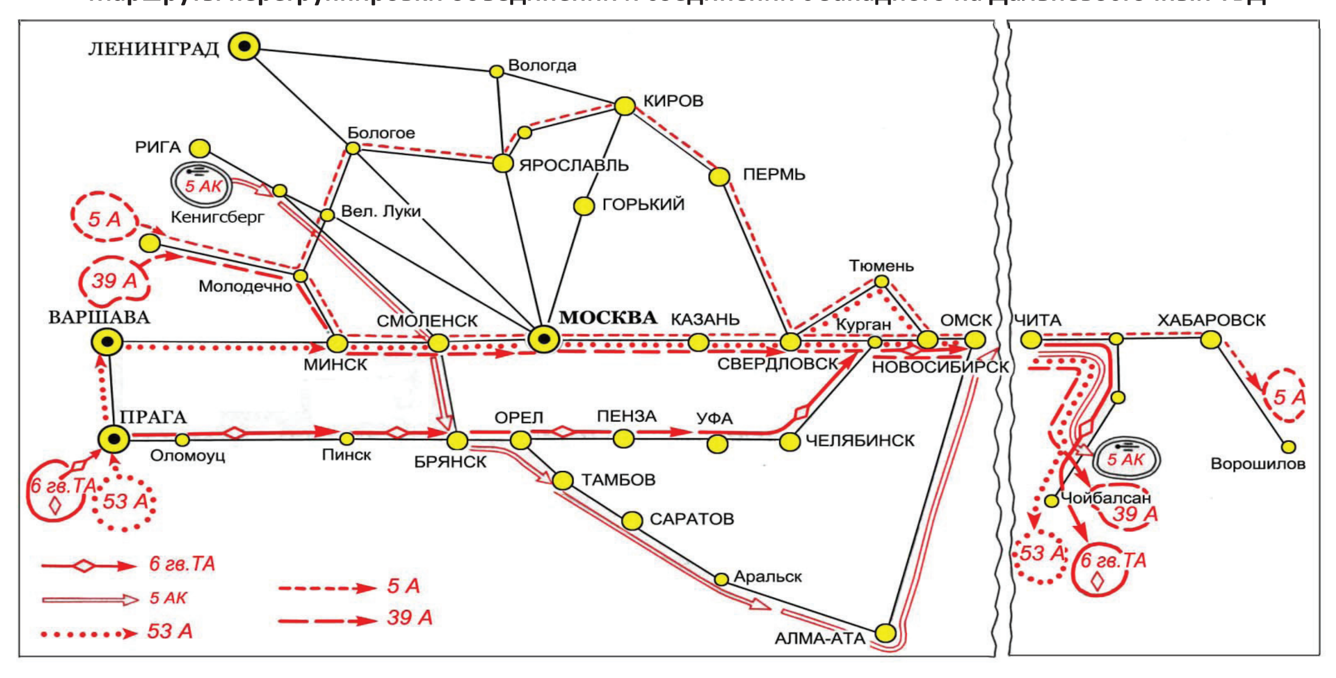
Красноярская | Восточно-Сибирская | Забайкальская | Амурская | Дальневосточная | Приморская

Управление тыла при Главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке

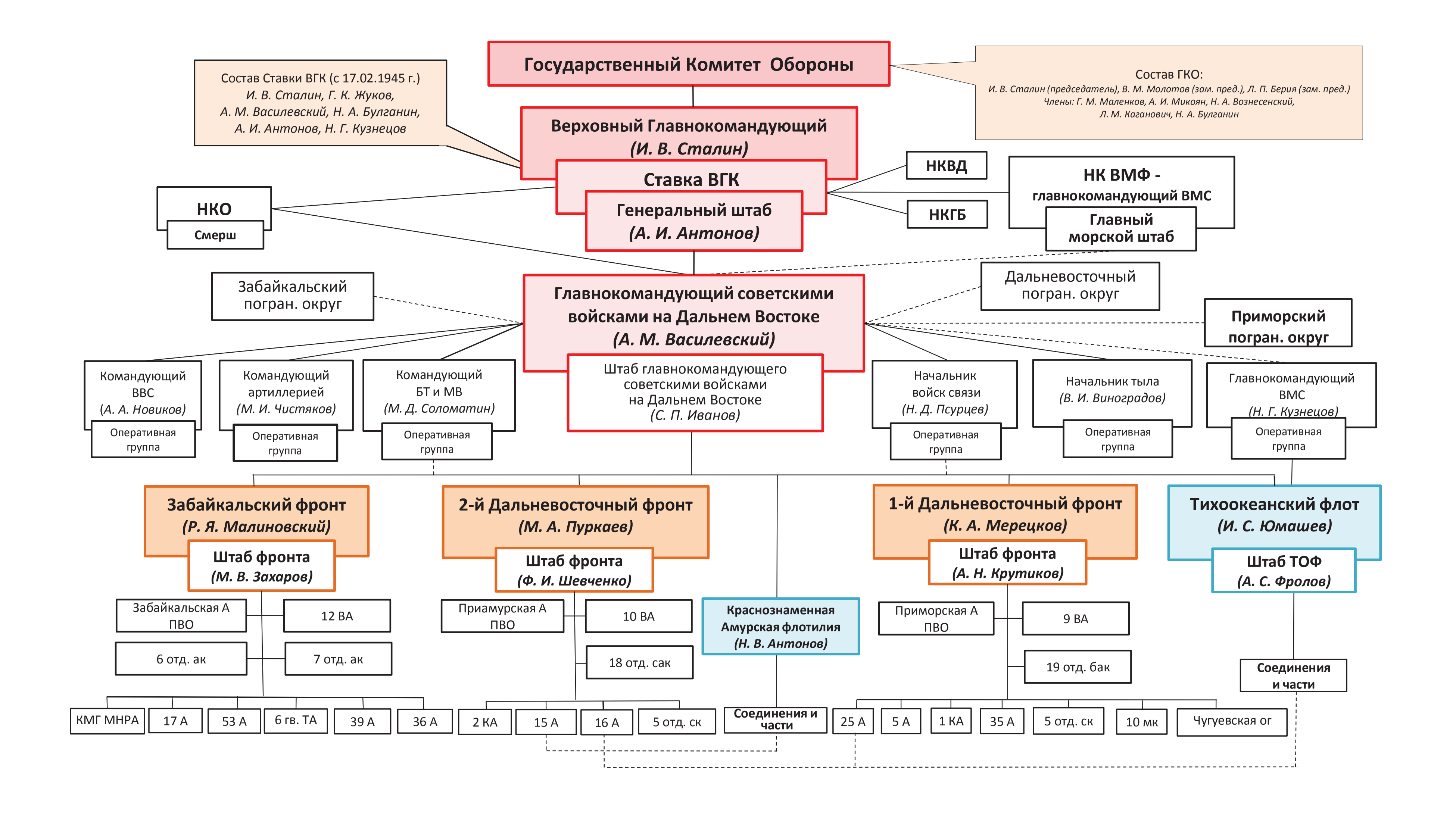
Начальники ВОСО фронтов; начальники передвижения войск на железных дорогах

Части и соединения железнодорожных войск

Маршруты перегруппировки объединений и соединений с Западного на Дальневосточный ТВД

Организация управления стратегической перегруппировкой войск
с Западного на Дальневосточный ТВД

Организация управления военными действиями в кампании на Дальнем Востоке

М. А. Пуркаев, К. А. Мерецков и С. К. Тимошенко за изучением документов

Командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков на командном пункте под Ельней

С. М. Будённый

войскам направления определялось «окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника»[65]. Должность начальника штаба направления со 2 февраля занял генерал-лейтенант В. Д. Соколовский[66]. Заместителем главкома был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков[67], а затем генерал армии К. А. Мерецков[68].

По ходу операции главное командование войск Западного направления не сразу осознало трагичность обстановки, складывавшейся под Вязьмой, поэтому предпринимаемые им меры не отличались адекватностью. Только 5 февраля Г. К. Жукову стало ясно, что для деблокирования окруженных войск требуются дополнительные силы и средства. Неоднократно главное командование войск направления обращало внимание Ставки ВГК на целесообразность перехода войск Калининского и Западного фронтов к обороне на достигнутых рубежах, но только 20 апреля было принято такое решение[69].

Ржевско-Вяземская операция оказалась незавершенной, а трагедия, постигшая значительную часть советских войск, явилась следствием в том числе просчетов, допущенных главным командованием войск Западного направления. Г. К. Жуков и его штаб недооценили возможного сопротивления врага и его способности быстро маневрировать резервами по внутренним линиям на ржевско-вяземском плацдарме. После войны Г. К. Жуков писал: «Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была до-

пущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали... В феврале и марте Ставка требовала усилить наступательные действия на Западном направлении, но у фронтов к этому времени истощились силы и средства»[70].

3 мая 1942 г. Ставка ВГК постановила: «Западное направление считать ликвидированным, а Калининский фронт... с 12 часов 5 мая подчинить непосредственно Ставке Верховного главнокомандования»[71]. Г. К. Жуков продолжал командовать войсками фронта, а В. Д. Соколовский был назначен начальником штаба этого фронта.

Созданное в июле 1941 г. главное командование войск Юго-Западного направления возглавлял Маршал Советского Союза С. М. Будённый. К моменту своего назначения он являлся заместителем командующего войсками Западного фронта и находился на командном пункте 21-й армии в Гомеле[72]. С. М. Будённый сразу же выехал в штаб Юго-Западного фронта. Ознакомившись с обстановкой, главком потребовал от Военного совета фронта усилить оборону Киева и активизировать оборонительные действия войск, обратив особое внимание на необходимость надежного прикрытия разрыва, образовавшегося между 5-й и 26-й армиями[73].

После этого главнокомандующий вместе с начальником штаба направления генерал-майором А. П. Покровским убыл в Полтаву, в нескольких километрах от которой по указанию Ставки ВК развертывались штаб и другие органы управления войск Юго-Западного направления. На их комплектование сюда направлялись генералы и офицеры, выделенные из центральных органов военного управления[74]. С. М. Будённый 15 июля вынужден был вновь выехать на Юго-Западный фронт, где существенно ухудшилось положение в полосе боевых действий 6-й и 12-й армий. Главком распорядился срочно перебросить на помощь этим армиям две дивизии с Южного фронта[75]. Докладывая об этом 18 июля 1941 г. в Ставку, он отмечал, что дальнейшее сопротивление 6-й и 12-й армий на занимаемых рубежах может повлечь их окружение и уничтожение по частям. Он просил разрешить произвести отвод этих армий, а также правофланговые соединения Южного фронта. Разрешение было получено, и отход осуществлен[76].

Вскоре, однако, положение опять обострилось, и главное командование войск Юго-Западного направления было вынуждено вновь просить Ставку разрешить отход на рубеж Звенигородка — Рошково. И на этот раз был получен положительный ответ[77]. Более того, 23 июля Ставка Верховного командования уведомила С. М. Будённого о выделении в его распоряжение 19 стрелковых и пяти кавалерийских дивизий, формируемых в Харьковском и Одесском военных округах[78]. Однако после прибытия на фронт оказалось, что дивизии слабо оснащены артиллерией и стрелковым оружием, средствами связи, инженерным и интендантским имуществом. «Главком и его штаб, — вспоминал А. П. Покровский, — приняли меры, чтобы обеспечить их недостающим из местных средств. Маршал С. М. Будённый обратился по этому вопросу в областные партийные и советские органы... Благодаря деятельности Военного совета Юго-Западного направления, а также местных партийных и советских органов удалось ускорить формирование резервных соединений и в начале августа приступить к созданию двух армий»[79].

Под руководством главного командования войск Юго-Западного направления формировались дивизии народного ополчения. Большую работу Военный совет (с 5 августа член Военного совета Н. С. Хрущёв) проводил на оставляемой территории по созданию подпольных обкомов, горкомов и райкомов партии, а также партизанских формирований[80].

Когда обнаружились поворот немецких войск от Гомеля на юг и угроза для Юго-Западного фронта, С. М. Будённый обратился в Ставку ВГК за разрешением отвести войска правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. Ставка согласилась с этим предложением, но потребовала во что бы то ни стало удержать Киев и одновременно прикрыть направления на Чернигов, Конотоп, Харьков[81]. Главное командование войск Юго-Западного направления в течение двух месяцев в целом успешно руководило оборонительными действиями войск в исключительно сложной обстановке. И все же главком пришел к выводу, что

И. Х. Баграмян

П. И. Бодин

дальнейшее удержание района Киева на правом берегу Днепра чревато катастрофой для Юго-Западного фронта. 7 сентября Военный совет Юго-Западного фронта обратился в Ставку ВГК с просьбой об отводе 5-й и соединений правого фланга 37-й армий на рубеж р. Десны. Главком войск направления это предложение поддержал. Верховный главнокомандующий 9 сентября санкционировал отвод 5-й и части сил 37-й армий, но с условием обязательного удержания киевского плацдарма[82].

Утром 10 сентября начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников в ходе переговоров по прямому проводу передал С. М. Будённому распоряжение Ставки ВГК о срочной переброске 2-го кавалерийского корпуса в состав Брянского фронта для закрытия прорыва в районе Конотоп — Новгород-Северский. Главком приказание принял к исполнению, но при этом ответил, что корпус нужен на днепропетровском направлении, где на 60-километровом участке находилась лишь одна стрелковая дивизия, и попросил доложить об этом Верховному главнокомандующему[83]. Данный факт, как представляется, стал одной из причин принятия И. В. Сталиным кадрового решения. Директивой Ставки ВГК от 11 сентября С. М. Будённый был освобожден от должности главнокомандующего войсками Юго-Западного направления[84] и назначен командующим Резервным фронтом[85].

Маршал С. К. Тимошенко этой же директивой был назначен главкомом Юго-Западного направления и прибыл в его штаб вечером 12 сентября[86]. Его вступление в должность совпало с резким осложнением стратегической обстановки на южном крыле советско-германского фронта. Наиболее драматично она развивалась в районе Киева. Только 17 сентября Ставка Верховного главнокомандования отдала директиву на оставление Киевского укрепленного района и отход 37-й армии на восточный берег Днепра[87]. Однако данное решение существенно запоздало: войска Юго-Западного фронта уже были рассечены на несколько изолированных группировок, а управление войсками фронта и армий потеряно. 20 сентября погибла основная часть управления фронта, в том числе его командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос.

26 сентября Ставка ВГК «в целях сосредоточения всего внимания и усилий маршала тов. Тимошенко на деле Юго-Западного фронта»[88] решила назначить его командующим Юго-

Западным фронтом. Одновременно Южный фронт был подчинен непосредственно Ставке Верховного главнокомандования[89]. И только 15 октября в подчинение главкома Юго-Западного направления был возвращен Южный фронт. В ответ на это маршал С. К. Тимошенко отдал начальнику штаба Юго-Западного фронта и его заместителям генералам П. И. Бодину и И. Х. Баграмяну указание: «Теперь ваш штаб одновременно будет выполнять и роль штаба всего Юго-Западного направления. Вам придется не только помнить о соседе — Южном фронте, но и наладить управление его войсками»[90].

В конце октября 1941 г. в действиях противника на южном крыле советско-германского фронта наметилось снижение темпов наступления, а отход войск Красной армии становился все более организованным. В этих условиях у командования и штаба Юго-Западного направления появилась идея о переходе к активным боевым действиям. В качестве основного объекта для предполагаемого удара была определена немецкая 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста.

К 12 ноября план Ростовской наступательной операции был разработан командованием направления и одобрен Верховным главнокомандующим[91]. Контрнаступление советских войск под Ростовом-на-Дону началось 17 ноября 1941 г. Главнокомандующий войсками направления и его штаб прилагали максимум творческой и организаторской энергии, чтобы мобилизовать все возможные силы и довести операцию до победного финала. Ростов-на-Дону был освобожден 29 ноября. В тот же день И. В. Сталин направил маршалу С. К. Тимошенко и командующему войсками Южного фронта генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко телеграмму: «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившие над Ростовом... советское знамя»[92]. Это было первое с начала войны поздравительное приветствие Верховного главнокомандующего войскам Красной армии.

Во второй половине декабря 1941 г. в командование войсками Юго-Западного фронта вступил генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, а маршал С. К. Тимошенко сосредоточился на руководстве войсками Юго-Западного направления. В это же время из состава штаба Юго-Западного фронта была выделена группа офицеров для формирования самостоятельного штаба главного командования направления. С 28 декабря его возглавил генерал-лейтенант И. Х. Баграмян[93]. В первой половине 1942 г. главное командование войск Юго-Западного направления осуществляло руководство Брянским (до 1 апреля)[94], Юго-Западным и Южным фронтами. Эти войска участвовали в разгроме мценско-болховской, донбасско-таганрогской и чугуево-изюмской группировок противника, а также в Харьковском сражении[95]. С 8 апреля Ставка ВГК вновь возложила на С. К. Тимошенко по совместительству обязанности командующего войсками этого фронта.

Особое место в деятельности главного командования войск Юго-Западного направления занимает Харьковская наступательная операция 1942 г. Как писал С. М. Штеменко, при обсуждении в Ставке ВГК соображений относительно действий Красной армии летом 1942 г. с инициативой о наступлении на харьковском направлении выступил маршал С. К. Тимошенко. В конечном варианте основные идеи Харьковской операции штаб направления изложил в «Плане действий войск Юго-Западного направления на апрель — май 1942 года»[96].

Произошедшее с 12 по 29 мая 1942 г. Харьковское сражение резко изменило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Немецкие войска, разгромив войска Юго-Западного направления, захватили стратегическую инициативу и перешли в наступление на сталинградском направлении и на Северный Кавказ. Неудачный исход Харьковского сражения был обусловлен ошибочной оценкой обстановки и необоснованной постановкой задач Ставкой ВГК советским войскам на весну и лето 1942 г. В свою очередь, главное командование войск этого направления не сумело организовать четкого взаимодействия фронтов, что привело к изоляции войск Юго-Западного фронта, не поддержанных в ходе сражения активными действиями Южного фронта.

Командование Юго-Западного фронта (слева направо): начальник штаба П. И. Бодин, командующий войсками Ф. Я. Костенко, член Военного совета К. А. Гуров

Главное командование войск Юго-Западного направления было упразднено директивой Ставки ВГК от 21 июня 1942 г.[97] Значительную долю вины за поражение в Харьковском сражении Верховный главнокомандующий возложил на начальника штаба направления генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна, который был снят с поста «не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями... но и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте». Вместе с тем в директиве Ставки ВГК от 26 июня 1942 г. отмечалось: «Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущёва... Поэтому вы должны учесть допущенные вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места»[98].

Весной 1942 г., когда существенно осложнилась обстановка на Дону и в Крыму, Ставка ВГК с целью объединения усилий войск, действовавших в Севастополе, на Керченском полуострове и оборонявших Кавказское побережье, 21 апреля приняла решение создать главное командование войск Северо-Кавказского направления. Оно объединило руководство войсками Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского военного округа, а также Черноморским флотом. Главнокомандующим войсками направления был назначен маршал С. М. Будённый, членом Военного совета — секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П. И. Селезнёв, заместителем главкома по морской части и членом Военного совета — адмирал И. С. Исаков. При штабе главного командования была создана морская группа, в состав которой входили офицеры-операторы по родам сил флота, разведке, связи и тылу — всего около 25 человек[99].

Основными задачами войск Северо-Кавказского направления Ставка ВГК определила: продолжать операции по очищению Крыма от противника и прочно удерживать Севастопольский оборонительный район, воспретить высадки морских десантов противника на побережье

Азовского и Черного морей на участке Ростов — Ейск — Тамань — Новороссийск — Туапсе и воздушных десантов на Керченском полуострове и территории Северо-Кавказского военного округа.

Приступив к выполнению обязанностей главкома направления, С. М. Будённый директивой от 26 апреля конкретизировал поставленные Ставкой ВГК задачи и стал принимать меры по очищению Крымского полуострова от противника, прочному удержанию Севастопольского оборонительного района, а также недопущению высадки морских и воздушных десантов на Северо-Кавказское побережье Черного и Азовского морей[100]. 28 апреля он прибыл в Керчь. Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов о встрече с командованием Крымского фронта писал: «И вот мы в штабе фронта. Там царила неразбериха. Командующий Крымским фронтом Д. Т. Козлов уже находился «в кармане» у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П. П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С. М. Будённый тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки»[101].

В столь неопределенной управленческой ситуации командование войск Северо-Кавказского направления оказалось не способным выполнять возложенные на него задачи. Когда противник 8 мая, перейдя в наступление, создал угрозу прорыва обороны на левом крыле Крымского фронта, С. М. Будённый потребовал немедленно организовать фронтовой контрудар, однако из-за отсутствия связи с войсками он не состоялся. 10 мая Ставка ВГК приказала начать отход, который также не удалось организовать.

Убедившись в неспособности командования Крымского фронта и представителя Ставки ВГК управлять войсками, Верховный главнокомандующий приказал С. М. Будённому вновь отправиться в Керчь. В директиве от 11 мая ему предписывалось: «Ввиду того что Военный совет Крымфронта, в т. ч. Мехлис, Козлов потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20–25 км, ввиду того что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного главнокомандования приказывает главкому СКН маршалу Будённому в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова... выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону по линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами»[102].

С. М. Будённый прибыл в Керчь только 13 мая, стабилизировать обстановку ему не удалось. После того как противник прорвал укрепления Турецкого вала, а фактически неуправляемые войска Крымского фронта продолжали неорганизованный отход на восток, Ставка ВГК отдала приказ об эвакуации войск Крымского фронта на Таманский полуостров. Это стало следствием неудовлетворительной деятельности главного командования войск Северо-Кавказского направления и командования Крымского фронта. Негативно на катастрофическом исходе Керченской операции отразилось некомпетентное вмешательство в управление войсками Л. З. Мехлиса. Директивой Ставки ВГК от 19 мая Северо-Кавказское направление было преобразовано в Северо-Кавказский фронт[103].

Таким образом, формирование и становление главных командований войск направлений в 1941 г. проходило на фоне развертывания противником широкомасштабных наступательных действий. Как промежуточные (между Ставкой ВГК и фронтами) органы стратегического руководства Вооруженными силами СССР главные командования войск направлений отчасти способствовали улучшению взаимодействия фронтовых объединений при выполнении общих задач и повышению устойчивости обороны. Принципиально новые органы управления создавались в исключительно сжатые сроки, имея подчас импровизированную организационную структуру. Права и обязанности главнокомандующих войсками направлений нормативно не регламентировались, какие-либо документы о формах и методах их

деятельности отсутствовали. Поэтому по совокупности данных и ряда других причин главные командования войск направлений в операциях 1941 г. объективно не могли сыграть решающей роли в совершенствовании системы стратегического руководства. Как представляется, относительно независимой экспертной оценкой опыта их создания и деятельности в 1941 г. можно рассматривать точку зрения Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, представленную в его воспоминаниях: «Мне думается, система управления войной через главнокомандования направлений не оправдала себя по двум причинам. Созданные в тяжелой обстановке стратегической обороны, они не были полноценными органами управления, и Ставка сносилась непосредственно с фронтами. В организационном отношении это была полумера, не обещавшая хороших результатов»[104].

Постепенно складывались аппараты управления главнокомандующих войсками направлений. До середины августа 1941 г. штаты полевых управлений разрабатывались самими главными командованиями и утверждались Генеральным штабом Красной армии[105]. 16 августа 1941 г. Ставка ВГК приняла единый штат полевого управления войсками направления[106]. В качестве основных структурных элементов оно стало включать военный совет, штаб, начальников артиллерии, автобронетанковых войск, командующего ВВС и некоторых других должностных лиц с небольшими аппаратами управления. Основным рабочим органом главнокомандующего являлся штаб, в состав которого входили отделы: оперативный, связи, топографический, тыла, военных сообщений, шифровальный, укомплектования войск и административно-хозяйственный. Одной из главных функций штаба являлась подготовка приказов и директив главнокомандующего войсками направления, а также докладов и донесений в Ставку Верховного главнокомандования[107].

Формы и методы деятельности главных командований войск направлений определялись задачами, поставленными Ставкой ВГК. В связи с исключительно тяжелой обстановкой, сложившейся на центральном участке советско-германского фронта, основные усилия главного командования войск Западного направления летом 1941 г. сосредоточивались на создании сплошного фронта обороны.

Созданные в июле 1941 г. главные командования войск направлений и их штабы не имели в своем составе специальных подразделений информации и достаточного количества сил и средств связи. Поэтому Ставка ВГК и Генеральный штаб продолжали запрашивать необходимые данные об обстановке непосредственно от фронтов[108]. Со временем положение в этой области изменилось. Регулярное информирование Ставки ВГК об обстановке в полосах действий объединений, принятых решениях и предложениях по составу и подготовке привлекаемых к их выполнению сил и средств стало одной из важнейших функций главных командований войск направлений. Позитивную роль в этом сыграла директива Ставки ВГК от 13 августа 1941 г., потребовавшая «обязательно передавать в Генеральный штаб копии всех боевых приказов, директив и основных боевых приказаний и распоряжений»[109].

Особое место в структуре главных командований войск направлений в 1941–1942 гг. занимали командования Военно-воздушных сил. Обязанности командующего ВВС направления, как правило, возлагались по совместительству на командующего ВВС одного из фронтов, а его рабочим органом являлся штаб ВВС фронта, усиленный за счет штаба ВВС Красной армии. В этой связи важнейшими функциями командования ВВС направления являлись координация усилий разнородных сил авиации при выполнении общих задач, организация и поддержание взаимодействия между ними, контроль над использованием авиационных соединений и частей в стратегических и фронтовых операциях, оказание помощи командующим и штабам ВВС фронтов в руководстве боевыми действиями авиации. Иногда с разрешения Ставки ВГК согласно планам командований ВВС направлений применялись и резервные авиационные группы РВГК, как это было, например, в марте 1942 г. при попытке деблокировать окруженную в районе Вязьмы группировку войск Западного направления[110].

Для усиления Военно-воздушных сил направлений по решению Ставки ВГК в 1942 г. начали формироваться маневренные авиационные группы (МАГ) в составе 4–8 авиационных

полков различных родов авиации (80–160 боевых самолетов) каждая[111]. В целях наиболее эффективного применения маневренных авиационных групп штаб ВВС Красной армии разработал «Положение о маневренной авиационной группе». Документом определялось, что МАГ является оперативным резервом командования ВВС направления, а основным принципом применения — постоянная готовность к маневру на любой участок стратегического направления[112].

Создаваемые в 1941–1942 гг. главные командования войск направлений внесли определенный вклад в организацию отпора врагу на основных направлениях действий его ударных группировок, подготовку и проведение первых наступательных операций Красной армии. Вместе с тем одним из факторов невысокой эффективности деятельности данной формы оперативно-стратегического руководства крупными группировками Красной армии стало отсутствие у главных командований необходимых резервов и материальных средств для активного влияния на ход вооруженной борьбы. По мере стабилизации обстановки на фронтах, приобретения Ставкой ВГК опыта по руководству фронтами и обеспечения надежной связи с ними к середине 1942 г. было признано целесообразным отказаться от главных командований войск направлений.

«Не принесли желаемых результатов... главные командования направлений, созданные в начале июля 1941 года, — отмечал маршал А. М. Василевский, — наладить более конкретное оперативное руководство через них не удалось, и не удалось главным образом потому, что они не были наделены соответствующими полномочиями и у них не было кроме этого ни сильных, работоспособных штабов, ни резервов, чтобы активно воздействовать на военную обстановку. А так как события на фронтах менялись быстро, то Ставка, как правило, не имела возможности давать директивы фронтам через промежуточное звено, а вынуждена была обращаться непосредственно к исполнителям — командующим фронтами»[113].

Фактически к аналогичной форме руководства войсками нескольких оперативно-стратегических объединений с учетом ранее приобретенного опыта Ставка ВГК вернулась в 1945 г. при подготовке к развертыванию масштабных по размаху военных действий против Квантунской армии Японии. Но формирование главного командования советских войск на Дальнем Востоке и организация его деятельности осуществлялась заблаговременно и более тщательно.

В целом же анализ опыта формирования и деятельности главных командований войск направлений позволяет заключить, что наличие такого рода промежуточных звеньев оперативно-стратегического руководства войсками действующей армии и силами флота способствовало более эффективному применению группировок вооруженных сил и максимальному использованию местных ресурсов для выполнения боевых задач. Главные командования войск направлений оправдали себя в экстремальных условиях обстановки первого периода Великой Отечественной войны и особенно на Дальнем Востоке, в вооруженной борьбе против Японии.

Немаловажное значение для продуктивной деятельности главных командований войск направлений имели фактор личности главнокомандующего, его способность умело организовать выполнение поставленных Ставкой ВГК задач. В 1941 г. на должности главкомов войсками направлений назначались, как считалось, наиболее известные в стране и армии военные руководители. В этом, безусловно, присутствовала неоспоримая логика. Действительно, широкие полномочия в партии и государстве, близость к И. В. Сталину предоставляли маршалам возможность эффективно выполнять функции главкомов как в отношении подчиненных войск, так и местных партийных и государственных органов власти. Однако для этого необходимо было хорошо представлять себе природу и специфику войны, к чему, как оказалось, С. М. Будённый и К. Е. Ворошилов оказались не вполне готовыми. Более способными руководителями главных командований войск направлений проявили себя Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков и С. К. Тимошенко.

Институт представителей Ставки ВГК

Основы представительства высших органов руководства СССР и его вооруженных сил в действующей армии стали закладываться в самом начале Великой Отечественной войны. Уже в первые дни после нападения Германии по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и наркома обороны ряд ответственных должностных лиц был направлен на фронты. Им поручалось на месте выяснить обстановку, принять неотложные меры по ее стабилизации, оказать помощь командованию фронтов в организации отпора агрессии противника и восстановлении нарушенного управления войсками.

22 июня по приказу наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко его заместитель генерал армии К. А. Мерецков вместе с генерал-майором П. П. Вечным прибыли в Ленинград. Там они, вследствие отсутствия на месте по объективным обстоятельствам командующего войсками округа, взяли на себя руководство приведением войск Ленинградского военного округа в боевую готовность[114].

В этот же день на Западный фронт были командированы заместители наркома обороны СССР Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, а от Генерального штаба — генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Б. М. Шапошников, находясь в штабе фронта, кропотливо занимался изучением характера действий противника и поиском путей противостояния наступлению немецкой группы армий «Центр». 24 июня в Ставку Главного командования он направил донесение, в котором содержались выводы о том, что германским командованием основные усилия сосредоточиваются не на юге, как предполагалось перед войной, а в центре советско-германского фронта[115].

В свою очередь, Маршал Советского Союза Г. И. Кулик выехал в Белосток, где неудачно попытался руководить подготовкой и нанесением контрудара силами 6-го, 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенными в группу под общим командованием заместителя командующего войсками фронта генерала И. В. Болдина. При этом стиль и методы деятельности Г. И. Кулика не отличались разумностью. В результате наиболее укомплектованный, но должным образом не обеспеченный боеприпасами, горючим и средствами противовоздушной обороны 6-й мехкорпус, не выполнив поставленной задачи, понес неоправданные потери[116].

О своей первой встрече с представителем Главного командования Г. И. Куликом генерал-полковник И. В. Болдин после войны писал: «На нем запыленный комбинезон, пилотка. Вид утомленный. Докладываю о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника. Кулик слушает, потом разводит руками, произносит неопределенное: «Да-а». По всему видно, вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку. В полдень маршал покинул наш КП. Прощаясь, он сказал, чтобы я попытался что-нибудь сделать. Я посмотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал»[117].

27 июня в Могилёв, в район которого к этому времени переместился штаб Западного фронта, прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он имел задачу установить причины нарушения управления войсками, а также принять меры по организации устойчивой обороны на центральном участке советско-германского фронта. На следующий день К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников информировали И. В. Сталина об угрозе окружения войск Западного фронта и принимаемых мерах[118]. Эти сведения легли в основу решений Ставки Главного командования об отводе войск фронта на восток за сооружения Минского и Слуцкого укрепленных районов, усилении центрального направления стратегическими резервами и немедленной подготовке обороны на тыловом оборонительном рубеже. Кроме того, Б. М. Шапошников и К. Е. Ворошилов, по свидетельству П. К. Пономаренко, много внимания уделяли налаживанию управления войсками, организации разведки противника и обеспечению снабжения войск, особенно боеприпасами. Занимались они также вопросами строительства оборонительных сооружений и развертыванием народной борьбы в тылу врага[119].

Г. И. Кулик

К. А. Мерецков

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков и член Военного совета Н. А. Булганин

В начале июля 1941 г. на Западный фронт прибыл начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Его специфическая миссия состояла в том, чтобы выявить «виновников» поражения войск фронта в первые дни войны. Всего три дня потребовалось Л. З. Мехлису для выполнения поручения. В телеграмме на имя И. В. Сталина от 6 июля он предложил привлечь к ответственности 17 различных должностных лиц штаба, объединений и соединений Западного фронта[120].

Функции представителя Главного командования на Юго-Западном фронте в начале войны выполнял начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии Г. К. Жуков. Его деятельность базировалась на глубоком анализе сложившейся обстановки и сопровождалась отдачей жестких приказаний фронтовому и армейскому командованию. Он настойчиво требовал: «прочно закрыть с севера подходы на Ковель», «не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки», «организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков», «предварительно противника расстреливать, а затем добивать», «не бойтесь действовать активнее»[121].

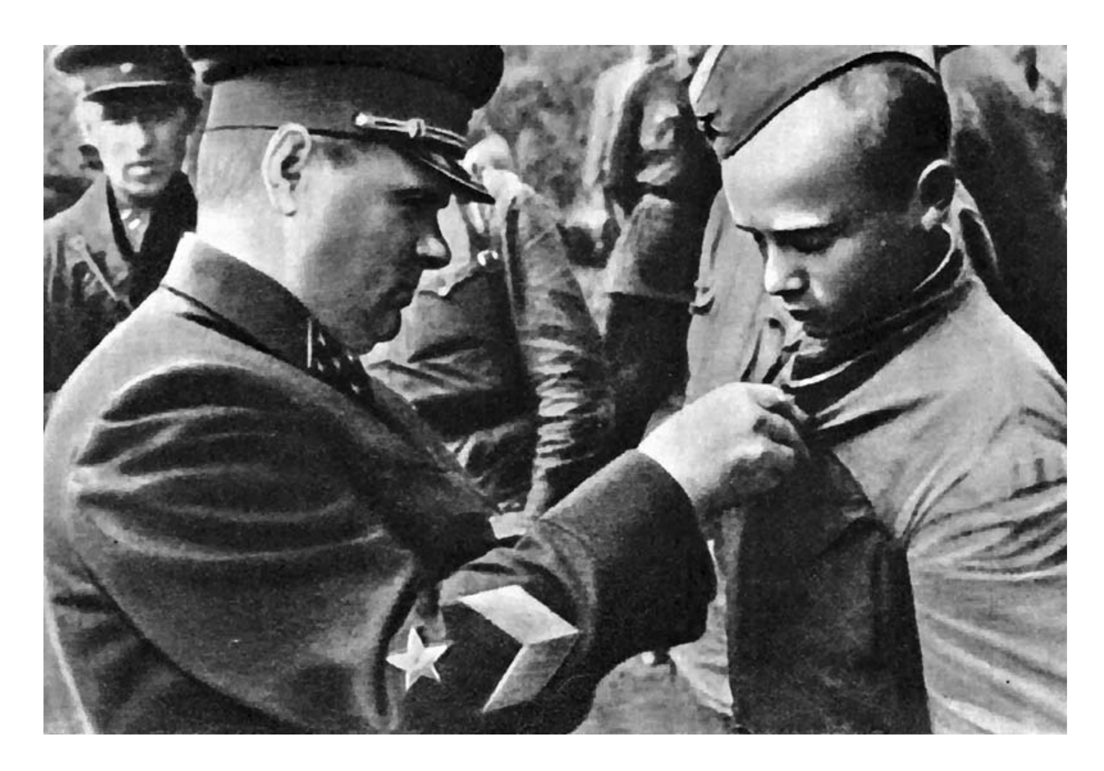
Направление своих представителей в войска действующей армии Ставка ВГК практиковала и в последующие месяцы войны. Однако до конца 1941 г. и в первой половине 1942 г. ее представительство носило не системный, а эпизодический характер. Пребывание на фронтах представителей Верховного главнокомандования в то время чаще всего было непродолжительным, документов, определявших их права и обязанности, разработано еще не было. Поэтому цель деятельности таких должностных лиц обычно ограничивалась либо информационно-аналитическими потребностями, либо увязывалась с острой необходимостью решить какие-либо конкретные организационные или оперативные вопросы.

Так, например, действовал генерал армии К. А. Мерецков, представляя в сентябре 1941 г. вместе с Н. А. Булганиным и Л. З. Мехлисом Ставку ВГК на Северо-Западном фронте. Он занимался укреплением рубежей, прикрывавших пути, связывавшие Москву с Ленинградом, участвовал в создании резервов, предпринимал меры по восстановлению нарушенного управления войсками фронта и активизации оборонительных действий советских войск. Полученная общая стратегическая установка, вспоминал К. А. Мерецков, «предполагала проведение ряда тактических мероприятий, которые мы и наметили вместе с командованием фронта. При этом мы учитывали, что Ставка Верховного главнокомандования не могла дать нам крупных подкреплений, так как шло ожесточенное сражение западнее Москвы. Учитывали также условия местности в нашей зоне»[122].

Преимущественно организационными вопросами на Резервном, Западном и Брянском фронтах в октябре 1941 г. занимались в качестве представителей Ставки ВГК Г. К. Жуков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, а также А. М. Василевский и некоторые другие сотрудники Генерального штаба. Вызвано это было окружением противником части войск этих фронтов в районах Вязьмы и Брянска. Результатом работы столь авторитетной группы стало ее предложение об объединении войск Резервного и Западного фронтов в один — Западный фронт[123] с назначением его командующим генерала армии Г. К. Жукова[124].

Опыт первых месяцев войны показал, что представлять Ставку ВГК в войсках действующей армии было чрезвычайно ответственной обязанностью. Однако не все направляемые ею высокопоставленные должностные лица смогли достойно выполнить возложенные на них функции. Это было связано с тем, что подбор кандидатов для выполнения функций представителей Ставки ВГК в войсках действующей армии в 1941 г. осуществлялся, исходя из занимаемого служебного положения и общественного авторитета того или иного должностного лица в предвоенные годы, а уровень их оперативно-стратегического профессионализма учитывался недостаточно.

Важным этапом в становлении представительства Ставки ВГК в действующей армии стала первая половина 1942 г., когда по ее поручению в войсках Кавказского (с 28 января 1942 г. — Крымского) фронта находился армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Его деятельность в это время свелась главным образом к обвинениям в адрес фронтового командования в неспособности управлять войсками и попытках непосредственно руководить

Командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков прикрепляет орден Красной Звезды снайперу В. Н. Пяхову

ими. Громя «оборонительную психологию некоторых генералов», он оказывал негативное влияние и на ход боевых действий[125].

Безграмотность в военном деле и произвол представителя Ставки ВГК не остались незамеченными Верховным главнокомандующим. 8 мая на имя Л. З. Мехлиса по поручению И. В. Сталина была отправлена телеграмма, в которой указывалось: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования... Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля[126], а как ответственный представитель Ставки»[127].

19 мая 1942 г. Ставка ВГК отозвала Л. З. Мехлиса в Москву[128], а 4 июня издала директиву, в которой подробно анализировались причины поражения Крымского фронта в Керченской операции. В ней, в частности, отмечались непонимание природы современной войны, бюрократические методы руководства войсками и личная недисциплинированность со стороны представителя Ставки ВГК. В документе констатировалось, что командующий войсками фронта генерал-лейтенант Д. Т. Козлов и армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис считали своей главной функцией отдачу приказа, на чем их организаторская и оперативная деятельность фактически заканчивалась. «В критические дни операции, — подчеркивалось в директиве, — командование Крымского фронта и т. Мехлис вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета»[129].

Данные телеграмма и директива Ставки ВГК внесли существенный вклад в становление института представителей Ставки ВГК в последующие годы Великой Отечественной войны. Эти документы, как справедливо отмечали Г. К. Жуков и С. М. Штеменко, впервые достаточно четко фиксировали обязанности представителей Ставки ВГК и меры их ответственности[130].

В некотором роде дополнением к «инструкции» представителям Ставки ВГК на будущее можно рассматривать постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г., в котором содержалась оценка деятельности Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова на Волховском фронте в феврале — марте 1942 г. Один из пунктов данного документа гласил: «Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле»[131].

После Крымской трагедии, неудач Красной армии в попытке прорвать блокаду Ленинграда, в Демянской операции и Харьковском сражении 1942 г. Ставка ВГК для работы в качестве своих представителей в войсках действующей армии с учетом прежнего опыта стала привлекать наиболее авторитетных и квалифицированных военачальников, занимавших ответственные должности в структуре военного управления. Так, в Сталинградской оборонительной операции действия войск Сталинградского и Юго-Восточного фронтов координировали генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский[132]. Ответственность за всестороннее обеспечения советский войск под Сталинградом нес член ГКО Г. М. Маленков. Там же в качестве представителя Ставки ВГК находился командующий ВВС Красной армии генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков. Распоряжением Верховного главнокомандующего от 6 сентября ему было поручено «временно сосредоточить всю истребительную авиацию Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в том районе, где этого требует обстановка», и предоставлялись неограниченные права по маневру авиационными соединениями на угрожаемые направления[133].

Начиная с контрнаступления под Сталинградом, представительство Ставки ВГК в войсках действующей армии получило еще более широкое распространение. К нему в это время, по сути, перешли функции упраздненных главных командований войск направлений. Выйдя на качественно новый уровень развития в общей системе оперативно-стратегического руководства вооруженными силами, институт представителей Ставки ВГК завершил свое организационное оформление, а предусмотренный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. институт постоянных советников Ставки фактически утратил свою значимость.

Зародившись в начале Великой Отечественной войны, без предварительного и глубокого теоретического обоснования, представительство Ставки ВГК практически до конца войны являлось наиболее устойчивой, гибкой и результативной формой управления войсками одного или нескольких фронтов. В издаваемых Ставкой ВГК директивах ее представителям стали определяться конкретные обязанности и ответственность за исход военных действий. Их деятельность непосредственно в действующей армии стала регулярной, более продолжительной и конкретной. Представителями Ставки ВГК назначались не просто ответственные должностные лица в структуре вооруженных сил, но преимущественно имеющие высокие военно-профессиональные качества, боевой и управленческий опыт, пользующиеся признанием и авторитетом среди командного состава действующей армии. В большинстве случаев эту роль выполняли члены Ставки ВГК или начальники главных управлений Наркомата обороны — заместители наркома обороны, обладавшие широкими полномочиями и возможностями для оперативного реагирования на возникавшие проблемы при реализации замыслов Ставки ВГК в конкретных условиях обстановки.

В штабе Донского фронта (слева направо): представитель Ставки ВГК А. А. Новиков,
командующий войсками К. К. Рокоссовский, представитель Ставки ВГК Н. Н. Воронов,
член Военного совета К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Малинин и начальник артиллерии В. И. Казаков

Представители Ставки ВГК в поселке Свобода Курской области
(слева направо): И. Т. Пересыпкин, К. Ф. Телегин, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский и А. И. Антонов

В наибольшей степени этим критериям отвечали Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и Г. К. Жуков, которые принимали самое непосредственное участие в выработке стратегических замыслов и на контрнаступление под Сталинградом, Курскую битву, Белорусскую и ряд других важнейших операций Великой Отечественной войны. Следует отметить, что Г. К. Жуков являлся наиболее «универсальным» представителем Ставки ВГК. География его нахождения в действующей армии распространялась от северо-запада до самого южного крыла советско-германского фронта. Так, в первой половине 1943 г. Г. К. Жуков как представитель Ставки ВГК последовательно находился на Западном, Волховском, Воронежском, Северо-Западном, Воронежском, Северо-Кавказском, Воронежском, Центральном, Воронежском и Юго-Западном фронтах[134]. Также неоднократно менялось его местонахождение в действующей армии и во второй половине 1944 г.

Периодически назначались и в целом положительно в качестве представителей Ставки ВГК проявили себя Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, генералы А. И. Антонов и С. М. Штеменко. На непродолжительное время функции представителя Ставки ВГК возлагались на Маршалов Советского Союза Л. А. Говорова и К. К. Рокоссовского с оставлением за ними обязанностей командующих войсками фронтов. Для координации применения объединений и соединений соответствующих видов вооруженных сил и родов войск в стратегических операциях и операциях групп фронтов Ставкой ВГК привлекались нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, командующий ВВС Красной армии А. А. Новиков, его заместители Д. Ф. Кондратюк, Ф. Я. Фалалеев и С. А. Худяков, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов и его заместитель Н. С. Скрипко, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, заместители командующего артиллерией М. Н. Чистяков и Н. Д. Яковлев, начальник инженерных войск М. П. Воробьёв, начальник войск связи И. Т. Пересыпкин и их заместители.

В этой связи представительство Ставки ВГК в годы войны по статусу не было равнозначным. Полномочными представителями являлись лишь те из них, кому поручалась координация действий двух, реже одного или трех фронтов. При проведении операций на приморских направлениях они также самостоятельно или через представителей Наркомата ВМФ координировали действия флотов (флотилий). Представители Ставки ВГК, назначаемые от видов и родов войск, направлялись в действующую армию в основном для оказания помощи фронтовому руководству в организации эффективного использования соединений и частей соответствующих видов и родов войск. Часть из них выезжала на фронт по указаниям Верховного главнокомандования самостоятельно, а большинство — вместе с основными представителями Ставки ВГК. Их роль Г. К. Жуков характеризовал следующим образом: «Помимо основных представителей, которые непосредственно на местах проводили в жизнь решения Ставки по той или иной операции, направлялись и специальные уполномоченные. Они выезжали в войска с целью помочь командованию войск и основным представителям Ставки в организации использования различных видов вооруженных сил и родов войск»[135].

С А. М. Василевским в большинстве случаев на фронты выезжали начальник штаба и заместитель командующего ВВС Ф. Я. Фалалеев, заместитель командующего артиллерией Красной армии М. Н. Чистяков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко или его заместитель. Так это, к примеру, было при подготовке и в ходе Белорусской стратегической операции 1944 г.[136] Г. К. Жукова в зависимости от выполняемых им задач сопровождали командующие родами войск или их заместители.

С осени 1942 г. алгоритм подготовки представителей Ставки ВГК к работе на фронтах действующей армии в общих чертах выглядел следующим образом. А. М. Василевский и Г. К. Жуков, как правило, принимали самое непосредственное участие в выработке замыслов стратегических операций. Им, в частности, принадлежат идеи в определении сроков и способа разгрома противника под Сталинградом, переходе к преднамеренной обороне в районе Курской дуги, выработке последовательности и характера действий советских войск при освобождении Украины, Крыма, Белоруссии и Прибалтики. А. М. Василевский и Г. К. Жуков часто инициировали решение кадровых вопросов в оперативных органах управления.

На Западном фронте (слева направо): представители Ставки ВГК А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, член Военного совета Н. А. Булганин и командующий войсками В. Д. Соколовский

Представитель Ставки ВГК С. К. Тимошенко совместно с командованием Северо-Кавказского фронта работает над планом операции по переправе через Керченский пролив

Функционирование института представителей Ставки ВГК характеризовалось отсутствием при них постоянных рабочих аппаратов. На период выполнения возложенных на представителей Ставки ВГК обязанностей создавались лишь небольшие рабочие группы, включавшие ответственных работников центрального аппарата Наркомата обороны, которые выступали в роли помощников (советников, консультантов). От Генерального штаба в рабочие группы традиционно включались наиболее подготовленные офицеры-операторы. Персональный состав этих групп подбирался в зависимости от важности того направления, куда выезжал представитель Ставки ВГК, и характера планируемых к проведению там операций. К. Е. Ворошилова при выездах на фронты обычно сопровождал один из высокопоставленных генералов Генерального штаба. Непосредственно на месте в состав рабочих групп представителей Ставки ВГК включались офицеры Генштаба при объединениях. Обслуживающий персонал был также немногочислен, а текущее довольствие рабочих групп осуществлялось службами полевых управлений объединений, при которых они находились.

При необходимости для решения каких-либо специфических задач состав группы представителя Ставки ВГК по вызову пополнялся другими специалистами Наркомата обороны и Генерального штаба. Для А. М. Василевского такие вызовы были достаточно частым явлением в связи с выполнением им обязанностей начальника Генерального штаба. По вызову А. М. Василевского, а иногда и по предписанию Ставки ВГК к нему для визирования доставлялись доклады о разрабатываемых Генштабом проектах директив или приказов, подлежащих утверждению Верховным главнокомандующим, а также некоторые другие документы. Вызовы различных должностных лиц на фронты иногда практиковали Г. К. Жуков — по части выполнения обязанностей заместителя Верховного главнокомандующего, Н. Н. Воронов — командующего артиллерией, А. А. Новиков — командующего ВВС Красной армии.

К моменту прибытия представителя Ставки ВГК в действующую армию для участия в подготовке, а в дальнейшем и проведении операции на одном из фронтов, действия которых он обязан был координировать, организовывался пункт управления. Он практически всегда имел мощный узел связи, обеспечивавший устойчивую постоянную проводную, специальную и радиосвязь с Москвой — Ставкой ВГК, Генеральным штабом, управлениями Наркомата обороны и штабами координируемых фронтов, а через узел связи Генштаба — с другими фронтами и штабами военных округов. Такие узлы связи обслуживались наиболее квалифицированным личным составом. «Для поддержания связи представителей Ставки ВГК с Верховным главнокомандующим, Генеральным штабом, главными управлениями Наркомата обороны и полевыми управлениями объединений, — отмечал И. Т. Пересыпкин, — использовались мощные автомобильные радиостанции (из состава подвижного узла связи Генерального штаба), линии общегосударственной связи, узлы связи особого назначения (которые создавались заранее в виде полевых полустанционарных узлов) и системы связи фронтов»[137].

Отмечая постоянство и высокую надежность связи, в частности с Верховным главнокомандующим, А. М. Василевский вспоминал: «Не преувеличу, если скажу, что начиная с весны 1942 года и в последующее время войны я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943 года на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов и в период его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 2 декабря 1943 года)»[138].

Функции представителей Ставки ВГК не были неизменными. Главная из них — оказание помощи командованию фронтов в подготовке и проведении операции — за ними сохранялась на протяжении всей войны. На этапе подготовки операций представители Ставки ВГК участвовали в заседаниях военных советов фронтов и армий, присутствовали на рекогносцировках, занятиях и учениях, проводимых с командным составом и штабами объединений и соединений. В их процессе они знакомились с руководящим составом фронтов, при необходимости информировали его об обстановке на других участках советско-германского фронта, уточняли задачи войск в операциях.

Так, при подготовке к контрнаступлению под Сталинградом в целях согласования действий войск Г. К. Жуков на стыке Юго-Западного и Донского фронтов в штабе 21-й армии 3 ноября 1942 г. провел совещание, к которому кроме командующих войсками фронтов привлекались командующие армиями и командиры дивизий[139]. Аналогичное мероприятие представители Ставки ВГК провели и на Сталинградском фронте. В своих воспоминаниях Г. К. Жуков писал: «Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября... Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий с тем, чтобы еще раз осмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта»[140].

Значительную работу представители Ставки ВГК выполняли по разрешению на месте сложных вопросов стратегического взаимодействия между фронтами, видами вооруженных сил и родами войск, исходя из общего замысла операции. Особую актуальность проблемы взаимодействия приобретали в операциях на окружение группировок противника. Так, в преддверии Сталинградской контрнаступательной операции Г. К. Жуков и А. М. Василевский большое внимание уделяли согласованию действий Юго-Западного и Сталинградского фронтов, встрече их передовых частей в районе Калача, взаимодействию войск двух фронтов после завершения окружения вражеской группировки. После этого ими были рассмотрены планы операций армий, которым предстояло наступать навстречу друг другу.

Не обходилось при организации взаимодействия объединений, решавших общую задачу, и без острых противоречий между координирующими их представителями Ставки ВГК. Характерным в этом отношении является опыт согласования действий 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии при подготовке операции по освобождению Крыма в 1944 г. В ходе встречи с А. М. Василевским в Кривом Роге К. Е. Ворошилов высказал сомнение в достаточности сил и возможностей 4-го Украинского фронта для выполнения возложенной на него задачи и заявил о намерении доложить об этом в Ставку ВГК. Однако А. М. Василевский выразил готовность взять на себя всю полноту ответственности за операцию вплоть до непосредственного возложения на себя командования войсками фронта. Как отмечается в его воспоминаниях, это подействовало на К. Е. Ворошилова: «Он сказал, что не будет вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта, а выскажет свои опасения в примечании к нашему донесению в Ставку, хотя и от этого потом отказался»[141]. По итогам совместной работы А. М. Василевский и К. Е. Ворошилов представили Верховному главнокомандующему доклад, в котором предложили в интересах блокады группировки противника в Крыму усилить авиационную и корабельную группировки Черноморского флота.

Важное место в практической деятельности представителей Ставки ВГК отводилось своевременному и всестороннему обеспечению предстоящих операций, прежде всего доукомплектованию координируемых объединений материально-техническими средствами и личным составом. Опыт свидетельствует, что наиболее проблематично эта задача решалась во фронтах, действовавших не на решающих направлениях, как это было, к примеру, на Западном фронте, который в ноябре 1943 г. вынужден был вести боевые действия в исключительно сложных условиях при недостатке сил и средств. Координировавший действия этого фронта Н. Н. Воронов отмечал, что Западный фронт «продолжал испытывать большие трудности с подвозом горючего, боеприпасов, продовольствия. Я слал в Ставку тревожные донесения. Прежде всего фронту надо было оказать помощь готовыми к бою соединениями истребительной авиации за счет маневра с других фронтов или из резерва. Я просил прислать хотя бы 130—150 танков Т-34 для действий с пехотой и направить в наступающие войска пополнение в 20—25 тысяч человек»[142].

При выполнении возложенных на них Верховным главнокомандованием функций представители Ставки ВГК по возможности стремились проявлять инициативу и творчество. Так, на завершающем этапе контрнаступления под Сталинградом А. М. Василевский предложил перебросить 2-ю гвардейскую армию с внутреннего фронта окружения на разгром деблоки-

рующей группировки противника в районе Котельниково и взял на себя ответственность по подготовке этой армии к выполнению новой задачи еще до утверждения Ставкой ВГК такого решения[143].

Творческий подход к выполнению функций представителей Ставки ВГК наглядно продемонстрировали Г. К. Жуков и Н. Н. Воронов в июле 1943 г. при подготовке 11-й гвардейской армии Западного фронта к Орловской наступательной операции. Особое внимание ими было уделено повышению эффективности артиллерийской подготовки атаки. «После долгих обсуждений, — писал Г. К. Жуков, — всеми нами было решено: атаку начинать не после артиллерийской подготовки, как это было до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в наступление, а в процессе самой артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Этот метод хорошо себя оправдал»[144]. После войны бывший командующий 11-й гвардейской армией Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян вспоминал: «Это предложение всем нам, в том числе и генералу Н. Н. Воронову[145], пришлось по душе. Наши артиллеристы внесли в свой план соответствующие изменения и согласовали их с командирами стрелковых корпусов и дивизий. Новшество вполне оправдало себя и вызвало у противника, как показывали пленные, растерянность, а местами и панику»[146].

Наглядным примером инициативы и творчества со стороны А. М. Василевского и Г. К. Жукова является Белорусская наступательная операция 1944 г. Прежде всего следует отметить, что от Г. К. Жукова исходила инициатива использовать в начале операции в интересах фронтов всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздний срок ее налеты на объекты, расположенные на территории Германии[147]. И. В. Сталин согласился с этим и приказал командующим ВВС и дальней авиацией Красной армии главному маршалу авиации А. А. Новикову и маршалу авиации А. Е. Голованову срочно вылететь к Г. К. Жукову[148].

В ходе операции «Багратион» А. М. Василевский и Г. К. Жуков неоднократно поднимали вопрос перед Верховным главнокомандующим о целесообразности развития мощного наступления на прибалтийском и восточно-прусском направлениях. В этом случае, как они полагали, с выходом советских войск на побережье Балтийского моря под угрозу изоляции и окружения могла быть поставлена немецкая группа армий «Север». Для этой цели А. М. Василевский еще 29 июня предлагал И. В. Сталину усилить 1-й Прибалтийский фронт резервами Ставки ВГК и подключить к наступлению войска 2-го Прибалтийского фронта[149]. Судя по воспоминаниям Г. К. Жукова, он, находясь в первой декаде июля в Москве, также предлагал И. В. Сталину усилить фронты, координируемые А. М. Василевским, с тем, чтобы они смогли отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию[150].

В ходе операций большую часть времени представители Ставки ВГК находились на пунктах управления или в штабах фронтов. Они внимательно наблюдали за развитием боевых действий и в случае осложнения обстановки на каком-либо участке немедленно выезжали туда, лично изучали ее, заслушивали соображения командующих, одобряли их или при необходимости вносили соответствующие коррективы, рекомендовали провести те или иные мероприятия. При этом особенность деятельности представителей Ставки ВГК выражалась в том, что они, не подменяя командующих войсками фронтов и не сковывая их инициативу, обязаны были быстро находить и своевременно подсказывать им наиболее оптимальные пути решения сложных и внезапно возникавших проблем. В частности, Н. Н. Воронов по этому поводу высказывался следующим образом: «Главной обязанностью представителей Ставки на фронтах считать координацию действий фронтов и оказание помощи фронтовому командованию в обеспечении наиболее полного выполнения директив Ставки. Не командовать, не заслонять своей фигурой командующих фронтами, а поднимать их авторитет и ответственность»[151].

Осуществляя координацию действий фронтов, представители Ставки ВГК всеми возможными мерами стремились направлять усилия войск на достижение главных целей стратегических операций. Для наращивания силы удара на наиболее выгодных направлениях при отсутствии необходимых сил и средств они обращались в Ставку ВГК с просьбой о привлечении авиации дальнего действия либо стратегических резервов и лично или вместе с командующими войсками фронтов организовывали их применение. Представители Став-

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский докладывает представителю Ставки ВГК А. М. Василевскому о подготовке к форсированию реки Березины

Накануне Ясско-Кишинёвской операции. Слева направо: М. Н. Шарохин, И. Г. Шлемин, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, Н. А. Гаген, К.Э. Берзарин. Август 1944 г.

ки ВГК осуществляли постоянный и беспристрастный анализ хода проводимых операций, контроль над выполнением объединениями поставленных боевых задач. При необходимости в интересах боевых действий координируемых войск представители Ставки ВГК обращались в Генеральный штаб. Вопросы были разные, но чаще всего они интересовались, как обстоит дело с ходом выполнения задач соседними фронтами, с резервами, направлением на фронты боевой техники, боеприпасов, горючего и маршевого пополнения.

Одной из ключевых функций представителей Ставки ВГК являлось регулярное информирование Верховного главнокомандующего об оперативно-стратегической обстановке, характере и результатах выполнения координируемыми фронтами боевых задач. В этих целях А. М. Василевским и Г. К. Жуковым достаточно часто, другими представителями — реже, велись прямые телефонные переговоры с Верховным главнокомандующим и руководителями Генерального штаба. Инициатива в таких разговорах исходила как от И. В. Сталина, так и от представителей Ставки ВГК. Содержанием телефонных разговоров обычно являлось обсуждение хода выполнения определенных Ставкой ВГК задач теми фронтами, на которых в данный момент находился тот или иной представитель Ставки. Иногда затрагивались проблемы ведения военных действий на других фронтах. Нередко А. М. Василевский и Г. К. Жуков высказывали предложения о подключении к проводимым при их участии или под их руководством операциям соседних фронтов, организации новых мощных ударов по противнику на других стратегических направлениях. Обсуждались также вопросы материально-технического обеспечения войск, использования резервов ВГК, назначения или перемещения руководящих военных кадров и другие.

Наиболее традиционной и оправдавшей себя формой информирования Верховного главнокомандования являлись ежедневные доклады представителей Ставки ВГК, передаваемые по средствам связи в Генеральный штаб. От них, писал Г. К. Жуков, Верховный главнокомандующий «требовал ежедневных докладов или донесений о ходе подготовки и проведения операций... Если по каким-либо причинам в течение суток не поступало докладов представителей Ставки, Верховный сам звонил им по ВЧ»[152]. Кроме ежедневных докладов Ставка ВГК не требовала от своих представителей в войсках никаких донесений. Только при необходимости внесения в утвержденные планы каких-либо уточнений или дополнений, а тем более изменений представители Ставки ВГК обязаны были немедленно докладывать Верховному главнокомандующему и сообщать в Генеральный штаб. В свою очередь, и Генеральный штаб считал своим долгом и обязанностью оказывать представителям Ставки ВГК постоянную помощь путем широкого информирования их о событиях на других участках советско-германского фронта, а также о возможностях Верховного главнокомандования по усилению координируемых ими фронтов.

Всякое нарушение сроков передачи представителями Ставки ВГК ежедневных докладов вызывало резкую реакцию со стороны Верховного главнокомандующего. В этой связи уместно сослаться на один примечательный факт из практической деятельности А. М. Василевского по координации действий войск Юго-Западного и Южного фронтов в ходе Донбасской стратегической наступательной операции 1943 г. При задержке с отправлением доклада за 16 августа на несколько часов И. В. Сталин резко высказал недовольство и приказал направить А. М. Василевскому им же самим продиктованную директиву, в которой весьма образно противопоставил ему стиль деятельности Г. К. Жукова. Вот основная выдержка из этого документа: «16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений. Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой, тогда как Вы мало дисциплинированы и часто забываете о своем долге перед Ставкой. Последний раз предупреждаю Вас: если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»[153].

На командном пункте 4-го Украинского фронта. Слева направо: К. Е. Ворошилов, С. С. Бирюзов, Ф. И. Толбухин, К. С. Мельник, А. М. Василевский, М. М. Потапов, Ф. Я. Фалалеев. 1944 г.

Сам А. М. Василевский о данном упущении вспоминал: «Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получал ни одного даже мелкого замечания или упрека в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В. В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение». Далее, характеризуя отношение Верховного главнокомандующего к представителям Ставки ВГК на фронтах, он писал: «По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А. И. Антоновым... Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить у себя». В заключение А. М. Василевский отмечал, что «Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки... Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой»[154].

После завершения операций представители Ставки ВГК вместе с командующими войсками фронтов и, как правило, при активном участии офицеров Генерального штаба готовили итоговые отчеты о своей деятельности.

Свои функции представители Ставки ВГК выполняли, исходя из имевшихся у них полномочий, которые до августа 1944 г. были ограничены. Это выражалось в том, что они не имели права без санкций Верховного главнокомандующего изменять разграничительные линии между фронтами. У них не было полномочий принимать в ходе операций какие-либо принципиально новые решения, а тем более проводить их в жизнь без одобрения Верховным главнокомандующим.

Расширение полномочий представителей Ставки ВГК способствовало повышению оперативности и конкретности их деятельности. Вместе с этим существенно возросла и ответственность за принимаемые решения, а также за результаты боевых действий руководи-

мых войск. «Расширение функций представителей Ставки, — по мнению А. М. Василевского, — позволило повысить конкретность и оперативность стратегического руководства войсками»[155]. Точка зрения Г. К. Жукова на данное решение Верховного главнокомандующего выражалась следующим образом: «На мой взгляд, эта мера Ставки, предоставившая в то время широкую инициативу своим представителям, способствовала мобильному, оперативному управлению войсками»[156].

Роль представителей Ставки ВГК от видов вооруженных сил и родов войск заключалась главным образом в координации применения соответствующих сил и средств. Одним из показательных в этом отношении примеров является поездка вместе с Г. К. Жуковым наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова и командующего ВВС Красной армии А. А. Новикова в апреле 1943 г. на Северо-Кавказский фронт. В центре внимания наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова стояли проблемы оказания помощи находившимся на плацдарме войскам силами Черноморского флота и Новороссийской военно-морской базы. Вместе с Г. К. Жуковым он принимал меры по активизации перевозок на Мысхако необходимых материальных средств. В обстановке, складывавшейся на тот момент на Северном Кавказе, Н. Г. Кузнецов считал нецелесообразной высадку на плацдарм нового крупного десанта. Ему удалось убедить в этом и Г. К. Жукова, о чем они позже докладывали в Ставку ВГК[157].

В это же время командующий ВВС Красной армии маршал авиации А. А. Новиков занимался изучением состояния авиации фронта, принимал меры по совершенствованию ее базирования, организации авиационной поддержки сухопутных войск и завоеванию господства в воздухе. Много внимания он уделял организации скоординированного применения авиации Северо-Кавказского, Южного и Юго-Западного фронтов[158]. 21 и 22 апреля А. А. Новиков докладывал Верховному главнокомандующему, что в результате принятых мер «инициатива в воздухе принадлежит нашей авиации», а авиация противника «значительно снизила свою активность», «перешла к оборонительным действиям» и предпринимает преимущественно одиночные полеты самолетов-разведчиков[159].

Деятельность представителей Ставки ВГК в годы Великой Отечественной войны была исключительно ответственной и нелегкой. В своих воспоминаниях А. М. Василевский привел, как он выразился, подготовленные «любителями исторической статистики» цифры, согласно которым он из 34 месяцев войны «12 — работал непосредственно в Генеральном штабе и 22 — на фронтах, выполняя задания Ставки». Далее автором мемуаров дано содержательное разъяснение факту своего продолжительного пребывания в действующей армии в качестве представителя Ставки ВГК: «Действительно, в период войны я часто и подолгу бывал на фронтах, выполняя задания Ставки в качестве ее представителя. Бывало это и тогда, когда на том или другом направлении фронта неожиданно создавалась крайне неприятная для нас, опасная в стратегическом отношении обстановка, и Ставка, прежде чем принять соответствующее решение, для уточнения истинного положения и выработки более конкретных и правильных предложений срочно направляла на фронт своих ответственных представителей. Еще чаще она прибегала к использованию своих представителей при проведении наступательных операций. Как только задумывалась Ставкой где-либо крупная наступательная операция, мы с Г. К. Жуковым, а иногда и другие военачальники, как правило, отправлялись на фронт, сначала для ознакомления с обстановкой, детального изучения противника и данного направления, уточнения замысла, затем возвращались в Ставку для участия в принятии окончательного решения на операцию и для разработки в Генштабе плана, а затем, после утверждения Ставкой директив фронтам, летели на фронт с целью оказать фронтам помощь в ее проведении»[160].

В свою очередь, Г. К. Жуков, делясь наблюдениями и впечатлениями о совещании в Москве, на котором подводились итоги летне-осенней кампании 1943 г. и намечались планы на зиму 1944 г., отмечал: «Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач.

Все это вместе взятое плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронта»[161].

Особенностью деятельности представителей Ставки ВГК было то, что они, как правило, не отдавали письменных приказов, директив и других боевых документов фронтам (армиям) за исключением отдельных случаев. Однако все их рекомендации носили распорядительный характер вышестоящей инстанции и являлись обязательными для исполнения нижестоящими. Наиболее же распространенной была практика отдачи Ставкой ВГК по предложениям своих представителей соответствующих приказов или директив непосредственно фронтам (армиям), тем самым как бы санкционируя и одобряя их деятельность.

Наиболее широкое распространение деятельность представителей Ставки ВГК в действующей армии получила в 1943–1944 гг. В это время они направлялись на все три стратегических направления. К началу 1945 г. представительство Ставки ВГК резко сократилось. С февраля по май этого года такими полномочиями был наделен только С. К. Тимошенко. Это было связано с сокращением общей протяженности советско-германского фронта, а также с тем, что во главе фронтов находились квалифицированные и опытные военачальники. Поэтому Ставка ВГК по предложению И. В. Сталина посчитала возможным взять на себя руководство операциями, проводимыми войсками 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на центральном, берлинском направлении. Вместе с тем в принятии такого решения не обошлось, видимо, и без субъективных мотивов. В частности, Г. К. Жуков отмечал: «Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один»[162].

Представители Ставки ВГК несли полную ответственность за результаты боевой деятельности координируемых или руководимых ими войск. Вспоминая события конца 1943 г., а также оценивая свою роль в них, Н. Н. Воронов после войны писал: «Ведь над командованием Калининского и Западного фронтов, а также и надо мною, представителем Ставки, постоянно дамокловым мечом висела угроза «снести голову с плеч», если хоть одну дивизию противник отсюда перебросит на юг, где решались главные задачи. Мы были вынуждены вести активные наступательные действия весьма ограниченными силами и средствами, прогрызая долговременную оборону противника»[163].

Следует заметить, что со стороны отдельных представителей военного командования периода Великой Отечественной войны отрицательные оценки высказывались и по поводу самого факта учреждения и функционирования института представителей Ставки ВГК в целом. Такого рода оценки были сделаны уже после войны. Что же касается «подмены», «стеснения инициативы», «понижения ответственности» командующих войсками фронтов и «осложнения работы штабов», то такие факты, как и во взаимоотношениях любых подчиненных и вышестоящих управленческих инстанций, в деятельности отдельных представителей Ставки ВГК и их рабочих аппаратов иногда отмечались, однако не они определяли их роль и место в системе оперативно-стратегического руководства вооруженными силами в целом. Институт представителей Ставки ВГК играл, безусловно, положительную роль в организации военных действий, в значительной степени способствовал эффективному использованию сил и средств в решающих операциях Великой Отечественной войны. Благодаря своим представителям Верховное главнокомандование при минимальных управленческих затратах достигало впечатляющих стратегических и оперативных результатов. Важнейшим достоинством института представителей Ставки ВГК являлось то, что на его создание (в отличие, например, от главных командований войск направлений) практически не требовалось много времени, привлечения значительных управленческих сил, а также больших материально-технических затрат.

Представительство приближало Ставку ВГК к фронтам и способствовало успешному решению задач стратегического руководства вооруженными силами. С помощью своих представителей Верховное главнокомандование могло быстро создавать оперативные центры

для решения сложных, внезапно возникающих задач на соответствующих стратегических направлениях. «Значение института представителей Ставки, — отмечал А. М. Василевский, — определяется не только тем, что они оказывали помощь в проведении стратегических операций на решающих направлениях, хотя это само по себе очень важно и вряд ли можно всерьез не соглашаться с таким мнением. Представители Ставки играли также большую роль в неуклонном претворении замысла и всего плана операции, в подчинении интересов того или иного фронта общим интересам успешного проведения операции, задачам Верховного главнокомандования»[164].

Таким образом, деятельность представителей Ставки ВГК способствовала достижению единства действий в рамках стратегического замысла, повышению устойчивости и гибкости управления, творческому и оперативному решению задач в операциях групп фронтов. Приобретенный в ходе Великой Отечественной войны опыт создания и функционирования института представителей Ставки ВГК явился ценным вкладом в отечественную теорию и практику оперативно-стратегического руководства вооруженными силами.

Управление войсками фронтов и силами флотов

К началу Великой Отечественной войны фронт рассматривался как оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, предназначенное для действий на стратегическом направлении. В соответствии с этими взглядами на западной границе СССР в начале войны было развернуто пять фронтов. Однако в ходе войны пришлось формировать новые фронтовые управления, что было вызвано увеличением размаха вооруженной борьбы и численности действующей армии, а также сложностями в руководстве большим количеством объединений и соединений различных родов войск при дефиците средств связи и недостаточном опыте военных кадров фронтового звена. К декабрю 1941 г. действовало девять, на 1 июля 1943 г. — 12, а к концу войны — 10 фронтов[165].

Состав фронтов был неодинаков. Наиболее крупными по составу были фронты, действовавшие на решающих направлениях в стратегических операциях 1944—1945 гг. Они включали 5—9 общевойсковых армий (40—70 и более стрелковых дивизий), 1—3 танковые армии, 1—2 воздушные армии, 2—5 отдельных танковых и механизированных корпусов, 1—2 кавалерийских корпуса, соединения и части артиллерии, а также специальные войска фронтового подчинения. В составе фронтов в Восточно-Прусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях насчитывалось до 800 тыс. человек, 9—12 тыс. орудий и минометов (калибра 76 мм и выше), 1—3,6 тыс. танков и САУ, 1,5—3,2 тыс. самолетов[166].

Под управлением войсками фронта накануне войны понималось постоянное воздействие командующего, штаба и других органов полевого управления фронта на организацию, ход и исход операции. «Управлять боем — это значит твердо держать в своих руках ход событий, подчинять своей воле и удерживать за собой инициативу действий»[167] — так официально определялся военно-управленческий процесс в предвоенные годы.

В ходе войны сущность управления войсками фронтов выражалась в целенаправленной деятельности командующих, штабов, политических и других органов, основанной на творческом использовании принципов военного искусства, законов и закономерностей вооруженной борьбы. Основным содержанием этой деятельности при подготовке операций являлись добывание, изучение и анализ данных обстановки, принятие решения на операцию, планирование боевых действий, доведение боевых задач до подчиненных командиров, организация взаимодействия, непрерывного управления и всестороннего обеспечения операции. По-возможности проводилась целенаправленная боевая и морально-психологическая подготовка войск. Важным мероприятием подготовительного периода являлась организация пунктов управления, системы связи и всестороннего обеспечения боевых действий.

В Великую Отечественную войну фронты вступили с полевыми управлениями, штатные расписания которых были утверждены народным комиссаром обороны СССР 12 июня 1941 г. Во главе фронта стоял военный совет, который нес полную ответственность за политико-моральное состояние, боевую готовность и деятельность войск. Военный совет возглавлял командующий войсками фронта. Ему непосредственно подчинялись штаб, восемь управлений (политической пропаганды, ВВС, артиллерийское, автобронетанковое, инженерное, связи, ПВО, интендантское) и восемь самостоятельных отделов (воздушно-десантной службы, боевой подготовки, химический, санитарный, снабжения горючим, ветеринарный, финансовый и кадров). В штат полевого управления фронта также входили военная прокуратура и трибунал[168].

С началом войны фронты создавались как на базе имевшихся военных округов, так и путем формирования их заново. По ходу развертывания вооруженной борьбы стало выявляться, что предвоенная организация полевых управлений фронтов имеет существенные недостатки. Прежде всего она не обеспечивала четкого разграничения оперативной и обеспечивающей функций между различными органами управления. Командующие фронтами, начальники родов войск и специальных служб были вынуждены тратить много времени и сил на решение задач материально-технического обеспечения боевых действий и вследствие этого не могли полностью сосредоточивать внимание на вопросах оперативного характера. Отсутствовала централизация в руководстве тылом фронта. Тыловым обеспечением занимались штаб, интендантское управление и отделы: снабжения горючим, санитарный, ветеринарный и финансовый. Обозначились и некоторые новые требования к функционированию полевого управления фронта, большая часть которых обусловливалась расширением круга и увеличения объема выполняемых им задач. Все это потребовало приведения органов управления в соответствие новым условиям ведения военных действий.

Так, в целях конкретизации полномочий и ответственности морально-политическое обеспечение боевой деятельности войск указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. управления политической пропаганды, входившие в состав полевых управлений фронтов, преобразовали в политические управления. В документе отмечалось, что расширение объема политической работы и усложнение деятельности командного состава «требуют того, чтобы были повышены роль и ответственность политработников»[169]. В конце июля 1941 г. в соответствии с постановлением ГКО началась реорганизация органов снабжения. Во фронтах создали управления тыла во главе с соответствующими начальниками тыла, которые одновременно являлись заместителями командующего войсками фронта по тылу, а фронтовые санитарные отделы развернули в санитарные управления. Одновременно из штаба фронта исключили отделы, занимавшиеся вопросами организации тыла, снабжения, дорожной службы, перевозок войск и материальных средств. Всё это нашло отражение в новых штатах, введенных в сентябре 1941 г.[170]

Начало и последующий ход войны со всей очевидностью продемонстрировали существенный рост роли и значения родов войск в общевойсковых операциях. В связи с этим начальники артиллерии, бронетанковых и механизированных войск были возведены в ранг командующих и вместе с начальником инженерных войск получили статус заместителей командующего войсками фронта[171]. Больше внимания стало уделяться комплектованию подчиненных им штабов, а также отделов войск связи и химических войск личным составом и техническими средствами управления.

Изменения коснулись и основного органа управления — штаба фронта. С упразднением летом 1941 г. отделов военных сообщений и устройства тыла, снабжения и дорожной службы усилия штабов были сосредоточены на выполнении оперативных задач. Для целенаправленного изучения, обобщения и использования опыта войны в апреле 1942 г. в них были учреждены соответствующие отделения. С учетом возрастания значения оперативно-аналитической работы при подготовке и в ходе ведения фронтовых операций оперативный отдел штаба фронта в 1944 г. потребовалось преобразовать в оперативное управление.

Командование Карельского фронта, Северного флота и 14-й армии.
В первом ряду: Г. Н. Куприянов, А. Г. Головко, В. А. Фролов, А. С. Желтов; во втором ряду: А. И. Крюков, М. И. Старостин, А. А. Николаев, Р. И. Панин, А. Г. Румянцев. 1941 г.

В штабе Западного фронта. Слева направо: Н. А. Булганин, Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, И. С. Хохлов. Декабрь 1941 г.

Для улучшения руководства партизанским движением и оказания постоянной помощи партизанам постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. при военных советах ряда фронтов стали создаваться штабы партизанского движения. В связи с созданием воздушных армий в мае — июне 1942 г. были упразднены управления ВВС фронтов. В этом же году для улучшения руководства восстановлением, ремонтом и эксплуатацией фронтовых железных, шоссейных и грунтовых дорог в составе полевых управлений фронтов были сформированы управления военно-восстановительных работ, а в соответствии с постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. созданы дорожные управления[172]. 31 января 1943 г. решением Ставки ВГК штабам фронтов были подчинены органы управления военных сообщений, однако с 7 марта их передали в ведение начальников тылов фронтов[173].

Систематически совершенствуясь и обогащаясь практическим опытом, полевые управления фронтов в годы войны в основном успешно решали возложенные на них задачи по руководству подчиненными объединениями и соединениями и их всестороннему обеспечению. К концу войны полевое управление фронта включало: командование, штаб, политическое управление, командующих (начальников) родами войск, специальных войск и служб с соответствующими штабами (управлениями), начальника тыла со штабом и службами тыла, управление кадров, финансовый орган, военную прокуратуру и трибунал. Как и прежде, полевое управление возглавлял командующий, являвшийся председателем военного совета фронта. Учитывая предложения членов военного совета, он принимал решения по управлению подчиненными войсками и проводил их в жизнь, отдавая приказы и распоряжения лично и через штаб.

Эффективность управления войсками фронтов в годы Великой Отечественной войны в значительной степени зависела от обеспечения их силами и средствами связи. По предвоенному оперативному расчету для связи с Генеральным штабом, подчиненными войсками и соседями фронт должен был иметь отдельный полк связи (опс), пять-шесть отдельных линейных батальонов связи (олбс), три отдельные телеграфно-строительные (отср), три отдельные телеграфно-эксплуатационные (отэр), три отдельных кабельно-шестовые (окшр) роты связи, авиаотряд, полевую почтовую станцию, почтово-сортировочный пункт и стационарную голубиную станцию. Численность окружных полков связи, на которые возлагалось формирование комплекта фронтовых частей и подразделений связи, установленный порядок развертывания, а также срыв отмобилизования в западных приграничных округах начавшимися боевыми действиями вынудили связистов действовать в том составе, в каком застала их война. В результате более двух недель войска связи Северо-Западного и Западного фронтов не имели даже минимально необходимого количества линейных частей и подразделений связи, а обеспеченность фронтов радиостанциями и средствами проводной связи в 1941 г. составляла 35–39%[174].

В ходе войны штаты управлений связи фронтов изменялись 11 раз, численность личного состава опс — три раза, олбс, отср и отэр — четыре раза, окшр — три раза[175]. Были введены должности политконтролеров, начальника узла связи, начальников направлений связи к каждой армии, заместителей начальника управления связи по радио и вспомогательному пункту управления и начальника радиоузла. В зависимости от выполняемых задач, накопления боевого опыта комплектование войск связи фронта в различные периоды войны уточнялось. В качестве узловых частей в него входили отдельный полк связи, отдельный батальон связи резерва, отдельный радиодивизион или радиорота, отдельная рота связи тыла. Линейные части связи фронта рассчитывались следующим образом: за каждым фронтом — по одному линейному батальону, одной отср и одной отэр; на ось связи фронта — два обс; резерв начальника связи фронта — две окшр[176]. С октября 1943 г. вместо авиаэскадрилий во фронты стали вводиться авиаполки связи. С первых чисел февраля 1944 г. для обеспечения связи с каждой танковой армией — по одной отср и одной окшр[177]. Совершенствовались средства связи, увеличивалось их количество во фронтах. Так, к началу Висло-Одерской операции 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты насчитывали соответственно около 14 тыс. и 12 тыс. радиостанций[178].

Командующий войсками Ленинградского фронта Л. А. Говоров и член Военного совета А. А. Жданов

В ходе Великой Отечественной войны каждый фронт выполнял, как правило, часть оперативно-стратегической или оперативную задачу в наступательной или оборонительной операции группы фронтов. Цели фронтовых наступательных операций определялись Ставкой ВГК в соответствии с замыслом стратегической операции. Наиболее типичными целями для большинства фронтовых наступательных операций были разгром оперативных группировок противника в составе 6–12, а в третьем периоде войны — 16–18 дивизий противника, овладение объектами (районами) оперативно-стратегического значения или важными оперативными рубежами на глубине 150–300 км и более[179].

Важнейшим этапом подготовки наступательной операции являлось принятие решения. Это был чрезвычайно ответственный процесс, в значительной степени зависящий от индивидуальных качеств и практического опыта командующего войсками фронта. Решение составляло основу управления войсками фронта в ходе боевых действий и принималось лично командующим. Однако в ряде случаев это делалось после обмена мнениями с начальником штаба, членами военного совета, командующим артиллерией фронта. Иногда принятию решения предшествовало заслушивание докладов и предложений командующих (начальников) родов войск. Значительное внимание при выработке решения на операцию с осени 1942 г. отводилось практической работе командования фронта на местности. Это вытекало из требований Ставки ВГК о том, что каждый командующий войсками фронта должен «принятое решение отработать на местности, после чего принять окончательное решение и отдать боевой приказ»[180].

Основу решения представлял замысел боевых действий, в котором определялось, какого противника и в какой последовательности разгромить, где сосредотачивать усилия войск, в каком оперативном построении проводить операцию. Так, в соответствии с решением командующего войсками Западного фронта генерала армии Г. К. Жукова большинство армий в контрнаступлении под Москвой наносили фронтальные удары в широкой полосе и фактически в той же группировке, в которой незадолго до этого выполняли оборонительные задачи[181].

Командующий Калининским фронтом И. С. Конев среди бойцов 31-й армии

Сталинградский фронт: командующий войсками А. И. Ерёменко и член Военного совета Н. С. Хрущёв

В последующих наступательных операциях командующие войсками фронтов при выработке решений стремились к массированию сил и средств на направлении главного удара, который считалось предпочтительнее наносить по слабому месту в обороне противника. Так, обосновывая решение на контрнаступление под Сталинградом, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н. Ф. Ватутин докладывал в Ставку ВГК, что нанесение удара по слабым частям 4-й румынской армии обеспечит успех наступления 21-й армии и быстрый выход подвижных соединений на переправы через Дон для соединения с войсками Сталинградского фронта и окружение основных сил противника, действующих в Сталинграде[182].

Для нанесения главного удара в Ясско-Кишинёвской операции 1944 г. командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в качестве наиболее уязвимого места в обороне противника определил стык между румынской 4-й и немецкой 8-й армиями, где и предусмотрел наибольшую концентрацию войск фронта. Для прорыва тактической зоны обороны противника предназначалась 27-я армия, а задача выхода к переправам на р. Прут в целях окружения совместно с войсками 3-го Украинского фронта ясской группировки врага возлагалась на фронтовую подвижную группу — 6-ю гвардейскую танковую армию[183].

На основе принятого решения осуществлялось планирование операций (боевых действий). Суть планирования заключалась в детальной разработке последовательности, сроков и способов выполнения задачи подчиненными фронту объединениями и соединениями, а также в установлении основ их взаимодействия. На этапе планирования также намечались и конкретизировались мероприятия по всестороннему обеспечению боевых действий и организации управления войсками. В обобщенном виде результаты данной работы оформлялись в виде текстуально-графического документа, состоявшего, как правило, из оперативной части и планов по видам обеспечения, включая планы связи и организации пунктов управления.

При планировании операций 1941 г. часто имели место существенные недостатки, связанные прежде всего с определением войскам нереальных сроков выполнения боевых задач. В этой связи в директиве Генерального штаба от 13 декабря 1941 г. было высказано требование: «...задачи во фронтовом масштабе ставить армиям на срок, не превышающий трех суток, при постановке ближайших задач ежедневно устанавливать рубеж, который должны достигнуть ее соединения к исходу дня»[184]. В последующем по мере стабилизации обстановки на советско-германском фронте и приобретения командным составом и штабами фронтовых объединений боевого опыта качество отработки оперативных планов улучшилось. В них стали определяться конкретные цели по этапам боевых действий. Первый этап операции планировался, как правило, по дням, последующие — в целом на пять-шесть суток каждый. В некоторых операциях, предполагавших по замыслу Ставки ВГК небольшую глубину продвижения войск, планирование осуществлялось не по этапам, а только по дням. В планах стали отражаться конкретные расчеты привлекаемых сил и средств, их возможности, задачи, пространственные характеристики боевых действий. Во фронтах детально планировалось применение родов войск, специальных частей, а в некоторых из них — и партизанских формирований[185].

При подготовке фронтовых наступательных операций 1943—1945 гг. их планирование осуществлялось чаще всего в два этапа. Вначале по требованию Ставки ВГК или личной инициативе командования фронта в общих чертах разрабатывались предложения по применению войск, сил и средств, а после их утверждения или одобрения и получения директивы Ставки ВГК начиналось детальное планирование боевых действий.

Важным этапом подготовки операций являлась организация взаимодействия войск фронта, заключавшаяся в согласовании по задачам (объектам), направлениям, рубежам (районам) и времени действий подчиненных объединений и соединений различных родов войск в интересах достижения общей цели операции. Взаимодействие войск на глубину ближайшей задачи организовывалось, как правило, детально, а дальнейшей — в общих чертах. Основные вопросы взаимодействия отражались в планах операций, директивах и распоря-

жениях командующего войсками фронта. Порядок взаимодействия общевойсковых армий с вводимыми в их полосах подвижными группами оформлялся обычно в отдельном плане или в плановой таблице. В них согласовывались усилия стрелковых соединений, артиллерии, инженерных войск и авиации в интересах действий танковых, механизированных и кавалерийских соединений.

При подготовке к Берлинской операции, например, штабами 3-й гвардейской танковой и 3-й гвардейской армий под руководством начальника штаба 1-го Украинского фронта генерала армии И. Е. Петрова отрабатывался специальный документ по взаимодействию танкового и общевойскового объединений, а также с артиллерией и авиацией. Особо детально в нем раскрывались действия различных родов войск при достижении каждого из десяти намеченных рубежей[186].

С 1942 г. большое внимание уделялось согласованию усилий войск соседних фронтов, участвовавших в общих операциях. Так, бывший командующий войсками Волховского фронта Маршал Советского Союза К. А. Мерецков отмечал, что при подготовке к прорыву блокады Ленинграда (операция «Искра») он дважды встречался с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом артиллерии Л. А. Говоровым. В ходе этих встреч они согласовали вопросы о привлекаемых к операции силах и средствах, направлениях ударов, рубежах встречи войск фронтов, сигналах взаимодействия и другие[187]. Если предоставлялась возможность, то организацию взаимодействия соседних фронтов брал на себя представитель Ставки ВГК. Вот как вспоминал о подготовке к контрнаступлению под Сталинградом бывший командующий войсками Донского фронта Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «3 ноября меня с группой офицеров штаба вызвали на совещание в район 21-й армии... Совещание проводил Г. К. Жуков. Присутствовали здесь командующие армиями и командиры дивизий, которые должны были наступать на направлении главного удара. Особое внимание уделялось взаимодействию соседних частей на стыках фронтов»[188].

Совещания с элементами организации взаимодействия войск, которым предстояло действовать на направлении главного удара фронта, широко практиковались и в последующих операциях Великой Отечественной войны. Такое совещание командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, в частности, проводил при подготовке к Белгородско-Харьковской операции. Им в течение 1 августа 1943 г. самым тщательным образом были согласованы действия войск 5-й и 6-й гвардейских армий с 5-й гвардейской и 1-й танковыми армиями, а также со 2-й воздушной армией. Перед Пражской операцией, которая началась для войск 1-го Украинского фронта фактически без паузы, Маршал Советского Союза И. С. Конев для организации взаимодействия между армиями ограничился лишь короткой встречей с командармами. 4 мая 1945 г. он на своем командном пункте заслушал решения командующих армиями, а затем отдал указания по взаимодействию, которые сводились к согласованию действий войск по задачам, рубежам и времени[189].

В третьем периоде войны в интересах организации взаимодействия во фронтах широко проводились командно-штабные учения и игры на картах и местности. При подготовке к Белорусской операции 1944 г. под руководством командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К. К. Рокоссовского осуществлялся розыгрыш различных вариантов предстоящих действий на картах и макетах местности. Г. К. Жуков об одном из таких мероприятий писал: «14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях... К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе этих занятий детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника... В последующие трое суток такие же занятия были проведены в 3, 48 и 49-й армиях»[190].

На этапе подготовки к Варшавско-Познаньской операции с 8 по 10 декабря 1944 г. на 1-м Белорусском фронте была проведена командно-штабная игра со всеми командующими ар-

миями. С целью установления более тесного взаимодействия между группировками войск, наступавшими с магнушевского и пулавского плацдармов, 4 января 1945 г. на командном пункте 69-й армии было проведено еще одно аналогичное мероприятие. На него привлекались командующий и командиры соединений 69-й армии, командующие 1-й и 2-й гвардейскими танковыми, 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями и их начальники штабов[191]. Кроме того, во 2-й гвардейской танковой армии было проведено радиоучение с участием представителей соседней 1-й гвардейской танковой армии и 5-й ударной армии, в полосе которой планировался ввод в сражение 2-й гвардейской танковой, а также командований 6-го штурмового и 3-го истребительного авиационных корпусов, предназначавшихся согласно плану операции для поддержки танковых соединений[192].

Накануне Берлинской операции на 1-м Белорусском фронте под руководством его командующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в период с 5 по 7 апреля 1945 г. проводилась командно-штабная игра на картах. В ней принимали участие командармы, начальники армейских штабов и члены военных советов, командующие артиллерией фронта и армий, начальники других родов войск, специальных войск и тыла фронта, командиры всех отдельных корпусов. Согласование усилий войск осуществлялось на всю глубину операции, но особенно тщательно на период прорыва обороны противника на Зееловских высотах[193].

Для создания предпосылок успешного ведения операций при их подготовке особое значение придавалось организации пунктов управления. По взглядам, сложившимся к концу 1930-х гг., управление войсками фронта в наступлении предусматривалось осуществлять с единого пункта управления, расположенного на удалении 100—150 км от переднего края[194]. В период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. обозначилась потребность в организации, кроме командных, и наблюдательных пунктов. Однако документального закрепления данный опыт не получил, поэтому в первые месяцы Великой Отечественной войны в подходах к организации пунктов управления обозначились две крайности. Это выражалось в том, командующие войсками и штабы фронтов чаще всего размещались на значительном удалении от войск, но от подчиненных требовали управлять войсками «личным примером». Например, командующий войсками Резервного фронта генерал армии Г. К. Жуков в начале августа 1941 г. указывал, чтобы атаку противника возглавляли лично командиры и комиссары. Аналогичные требования исходили и от командующего войсками Западного фронта Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко[195].

Такое положение не способствовало эффективности управления войсками, лишало командный состав возможности своевременно и адекватно реагировать на изменения обстановки. Сложность управления войсками фронтов в это время обусловливалась и другими обстоятельствами. Так, действиями диверсионных групп и налетами авиации противнику удалось в первые дни войны в полосе Северо-Западного фронта вывести из строя до 40% линий связи. Кроме того, как отмечалось в одном из докладов командующего войсками Западного фронта, командный состав «исключительно плохо владеет радио... радиосигналами штабы пользоваться не умеют»[196]. В свою очередь, начальник штаба войск Юго-Западного направления генерал-майор А. П. Покровский 24 августа констатировал, что «использование радио штабами всех инстанций явление пока случайное»[197].

Управление войсками фронтов преимущественно с командных пунктов, находившихся на значительном удалении от линии фронта, не отличалось устойчивостью. Поиск путей повышения его эффективности в сложных условиях летне-осенней кампании 1941 г. привел к необходимости эшелонирования пунктов управления фронтов и существенной перестройки организации работы на них. Во фронтах стали создаваться вспомогательные пункты управления (ВПУ), которые, располагая меньшим количеством людей, средств связи и транспорта, могли скрытно размещаться на удалении 3—10 км от линии фронта и обеспечивать непрерывное управление войсками. Так, уже в период проведения Ельнинской операции на Резервном фронте, наряду с командным пунктом, были созданы три (по числу ударных группировок) вспомогательных пункта управления. Управление ударной группировкой в Ростовской наступательной операции командующий войсками Южного

фронта генерал-полковник Я. Т. Черевиченко осуществлял с наблюдательного пункта, оборудованного вблизи командного пункта 37-й армии. Практика создания вспомогательных или наблюдательных пунктов для управления войсками являлась типичной для наступательных операций Волховского, Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов в зимней кампании 1941–1942 гг.[198]

В последующие годы Великой Отечественной войны с целью обеспечения устойчивости и непрерывности управления войсками полевые управления фронтов, как правило, стали делиться на два эшелона. Первый эшелон, в который входили командующий, штаб (отделы, обеспечивающие управление), командующие родами войск, начальники служб, их штабы и отделы (за исключением командующего и штаба воздушной армии, которые располагались ближе к аэродромам своих соединений), а также офицеры политуправления (1–4 человека), размещался на основном командном пункте фронта. С командного пункта осуществлялось руководство подчиненными войсками при подготовке и в ходе операции, организовывалась связь с Генеральным штабом, соседями, приданными и поддерживающими частями, соединениями и объединениями. Основу второго эшелона полевого управления фронта составляли штаб и управление тыла, а также отделы и управления, которые не входили в состав первого эшелона. Фактически это был тыловой пункт управления (ТПУ) фронта, начальником которого являлся заместитель командующего войсками фронта по тылу — начальник тыла[199]. Важнейшей задачей второго эшелона полевого управления фронта являлось бесперебойное обеспечение войск материальными средствами.

С переходом к эшелонированию полевых управлений фронтов не утратили своего значения вспомогательные и наблюдательные пункты. ВПУ возглавлялись обычно заместителями командующих войсками фронтов. В помощь им выделялись офицеры из оперативного, разведывательного управлений, от командующих родами войск, служб, а также офицеры управления связи. ВПУ располагался на одном из флангов фронта или выдвигался вперед, выполняя роль наблюдательного пункта[200].

Вспомогательный или наблюдательный пункт фронта оборудовался в тех случаях, когда командующий считал необходимым лично наблюдать за полем сражения на направлении главного удара. Удаление наблюдательных пунктов от переднего края определялось конкретной обстановкой. Так, НП 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции располагался в 2–3 км от переднего края, 2-го Украинского фронта в Ясско-Кишинёвской операции — в 5 км, а 3-го Украинского фронта — в 10 км[201]. В Витебско-Оршанской операции для управления войсками 3-го Белорусского фронта в период прорыва обороны противника оборудовалось два наблюдательных пункта. Один из них располагался в 3 км от переднего края в полосе 11-й гвардейской армии. На нем находился командующий войсками фронта генерал-полковник (с 26 июня 1944 г. — генерал армии) И. Д. Черняховский с оперативной группой штаба, командующими и начальниками родов войск, командующим 1-й воздушной армией и командиром 5-го артиллерийского корпуса прорыва. Второй НП, на котором работали заместитель начальника оперативного управления с оперативной группой штаба, представитель командующего артиллерией и оперативная группа штаба 1-й воздушной армии, размещался в полосе 5-й армии на удалении 1,5 км от переднего края[202].

В начале фронтовой операции, когда войска прорывали оборону противника, важнейшими задачами управления являлись: обеспечение его эффективного поражения всеми огневыми средствами и организованного перехода в наступление, достижение высоких темпов прорыва, ввод в сражение подвижных групп армий и фронта, отражение массированных воздушных налетов и контрударов ближайших оперативных резервов врага. Находясь на наблюдательном пункте или в случае необходимости выезжая на пункты управления армий и соединений, командующий войсками фронта постоянно следил за ходом прорыва вражеской обороны. Если на каком-либо из участков темпы наступления снижались, он принимал меры по наращиванию силы удара, прежде всего за счет привлечения бомбардировочной и штурмовой авиации, маневра огнем артиллерии, ввода в сражение вторых эшелонов армий, подвижных групп армий и фронта.

Командование Северо-Западного фронта: члены Военного совета А. М. Пронин, В. Н. Богаткин
и начальник политуправления А. Д. Окороков над картой

Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский на передовых позициях
накануне Курской битвы

Командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин у входа в штабную землянку

В штабе 1-го Белорусского фронта. Крайний слева — командующий войсками К. К. Рокоссовский;
на переднем плане — начальник штаба М. С. Малинин

О целесообразности выдвижения командующего войсками фронта на наблюдательный пункт, располагавшийся вблизи войск, аргументировано свидетельствовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. Освещая начало Висло-Одерской операции, он писал: «Помимо естественного желания видеть своими глазами начало наступления, я приехал на наблюдательный пункт фронта и для того, чтобы на месте принять необходимые решения в том случае, если действия передовых батальонов покажут, что противник отошел... Словом, могла возникнуть ситуация, при которой мне как командующему фронтом пришлось бы принимать срочные решения, желательно с проверкой на местности, чтобы тут же безошибочно дать соответствующие указания»[203].

По опыту ряда операций второго и третьего периодов войны командующий фронтом, управляя войсками с ВПУ или НП, поддерживал непрерывный и тесный контакт с начальником штаба, работавшим на командном пункте. Он вел переговоры по телефону ВЧ, оперативная группа командующего непрерывно информировала штаб о принимаемых им решениях, а штаб, в свою очередь, — об обстановке во всей полосе фронта, у соседей и о распоряжениях, получаемых от Ставки ВГК и Генерального штаба. Одновременно начальник штаба фронта осуществлял контроль над исполнением отданных подчиненным объединениям и соединениям распоряжений, материальным обеспечением войск, прохождением всей информации, своевременными докладами данных об обстановке и решений командующего войсками фронта в Генеральный штаб.

Одной из наиболее важных и сложных задач командующего и штаба фронта в ходе наступательной операции являлось твердое и непрерывное управление подвижными группами армий и фронта. При вводе их в сражение штаб фронта главное внимание уделял контролю за своевременным освобождением маршрутов выдвижения танковых колонн, организацией комендантской службы, взаимодействием вводимых объединений и соединений с войсками первого эшелона, артиллерией и авиацией. Обычно через 5—7 часов после начала наступления командующий войсками фронта лично уточнял задачу подвижной группе на ввод в сражение. С этого момента главное внимание штаба, командующих и начальников родов войск и служб сосредоточивалось на обеспечении ее ввода.

Командующий 60-й армией И. Д. Черняховский с офицерами штаба

К. Н. Леселидзе, Н. Е. Басистый, Л. А. Владимирский, И. Е. Петров, В. В. Ермаченков и Н. М. Кулаков в освобожденном Новороссийске

Так, командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковник И. Д. Черняховский на этапе прорыва вражеской обороны в Витебско-Оршанской операции, находясь с оперативной группой на НП фронта в полосе 11-й гвардейской армии, получил информацию об обозначившемся успехе в первый день наступления (23 июня 1944 г.) на участке 39-й и 5-й армий. На оршанском направлении 11-я гвардейская и 31-я армии натолкнулись на исключительно сильную в инженерном и огневом отношении оборону противника, поэтому командующий фронтом решил сосредоточить свое внимание на управлении войсками на наиболее активном участке. Чтобы быть ближе к войскам, видеть ход сражения и лично руководить вводом в сражение подвижных войск, он вместе с оперативной группой переехал на НП фронта в полосе 5-й армии. Там он проверил готовность конно-механизированной группы (КМГ) генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского к вводу в прорыв и отдал приказ на ее выдвижение. 25 июня КМГ продвинулась на запад до 20 км и перерезала железную дорогу Лепель — Орша. Для развития ее успеха генерал-полковник И. Д. Черняховский приказал ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию, что позволило резко повысить темп наступления войск фронта[204].

При ведении наступления в оперативной глубине управление войсками фронтов осуществлялось с наблюдательных или командных пунктов фронтов. При этом весьма ответственным мероприятием являлось своевременное перемещение пунктов управления. Командные пункты обычно перемещались через 2–8 суток на расстояние 80–120 км, а наблюдательные — по мере необходимости с тем, чтобы не нарушалось управление войсками. Так, в Ясско-Кишинёвской операции командный пункт 2-го Украинского фронта перемещался три раза, в среднем каждый раз на 115 км, и находился на одном месте 2–4 суток. Командный пункт 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции перемещался четыре раза на расстояние 60–120 км с пребыванием на одном месте 3–7 и более суток[205]. Перемещения осуществлялись, как правило, ночью, в периоды затишья боевых действий и поэшелонно. Первыми выдвижение в новый район начинали подразделения полевого управления, непосредственно связанные с обеспечением руководства войсками фронта. Все остальные перемещались позже по графику, утвержденному начальником штаба, колоннами в 3–5 автомашин ночью и в светлое время суток. Такой порядок не нарушал непрерывности в управлении войсками.

Управление объединениями и соединениями бронетанковых и механизированных войск при их действиях в оперативной глубине осуществлялось преимущественно по техническим средствам связи. Для этого организовывалось несколько каналов связи в радиосетях и радионаправлениях. В случае большого отрыва подвижных групп от главных сил фронта в качестве ретрансляторов использовались промежуточные радиостанции. Управление по радиосредствам осуществлялось, как правило, передачей кратких боевых распоряжений и сигналов с применением заранее разрабатываемых кодированных карт, таблиц радиосигналов и других документов по скрытому управлению войсками. В некоторых операциях для связи в подвижные группы направлялись представители командования фронта, которые по средствам связи регулярно докладывали о ходе боевых действий[206]. Практиковались вылеты в подвижные группы офицеров связи на самолетах и личные выезды командующих войсками фронтов на их пункты управления. Например, командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев в ходе Сандомирско-Силезской операции выезжал в 3-ю гвардейскую танковую армию при изменении ее направлений наступления, а в Берлинской операции — в период форсирования р. Шпрее[207].

В годы войны шел непрерывный поиск оптимальных методов работы командующих, штабов и других органов управлений фронтов при подготовке и в ходе наступательных операций. Методы работы, то есть приемы практической деятельности командующего и штаба фронта, определялись конкретными условиями: целями операции и боевой задачей, оперативно-стратегической обстановкой, наличием времени, слаженностью штаба как органа управления, боевым опытом генералов и офицеров и прочим. В ходе войны выработалось фактически два основных метода работы: параллельный и последовательный. Первый применялся, как правило, при крайне ограниченном времени на подготовку операции, второй — когда фронт имел достаточно времени (15–20 суток и более).

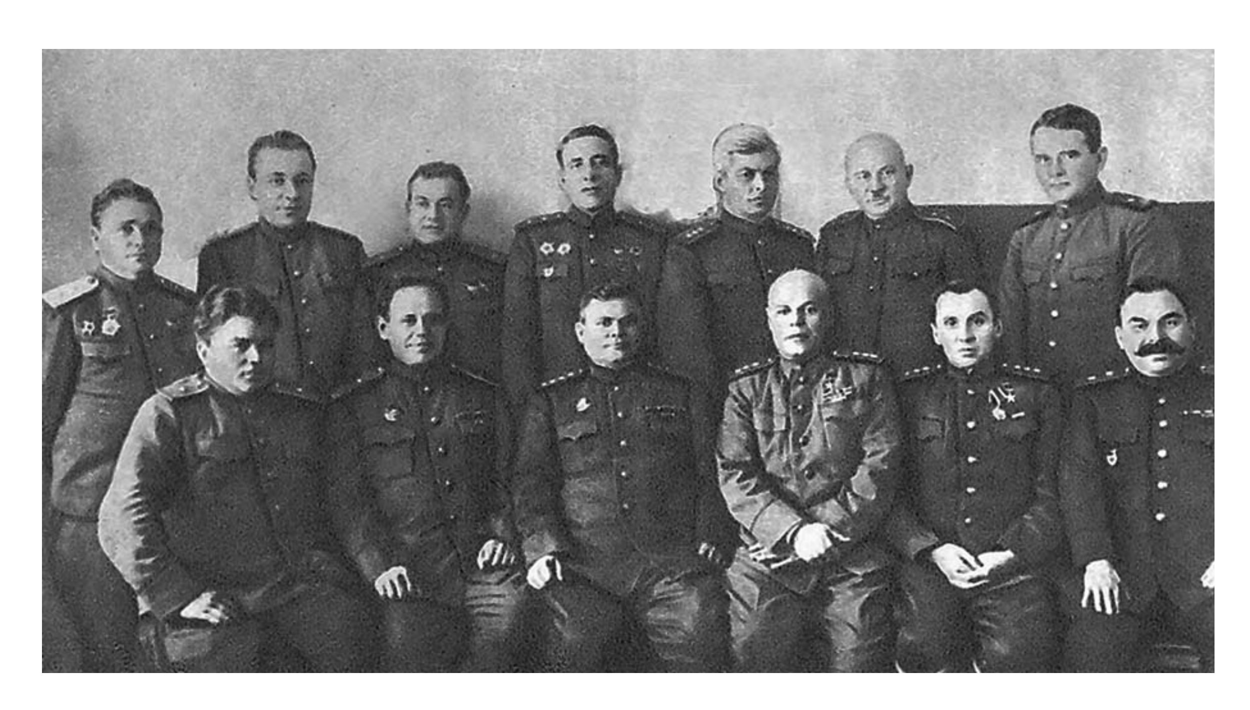
Параллельный метод работы заключался в том, что все подготовительные мероприятия во фронте, подчиненных армиях и соединениях проводились почти одновременно, лишь с небольшим уступом по времени, на основании устного ориентирования о предстоящей задаче и предварительных боевых распоряжений. Одними из первых, подготовленных параллельным методом, были контрнаступательные операции Южного фронта под Ростовом-на-Дону (ноябрь 1941 г.) и Западного фронта под Москвой (декабрь 1941 г.). Также в короткие сроки были подготовлены наступательная операция Центрального фронта на орловском направлении (июль 1943 г.), Вильнюсская операция 3-го Белорусского фронта (июль 1944 г.), Верхнесилезская (март 1945 г.) и Пражская (май 1945 г.) операции 1-го Украинского фронта и другие. Эти операции готовились в течение 5–7 суток, тем не менее все подготовительные мероприятия, как правило, проводились в полном объеме.

При последовательном методе работы решение на наступательную операцию, ее планирование и другие вопросы вначале отрабатывались в полном объеме во фронте и только после этого — в армиях, а затем и в соединениях. При этом, прежде чем принять решение, командующий тщательно изучал противника, местность, заслушивал соображения командармов и своих заместителей. Вспоминая о своей работе по принятию решения, Маршал Советского Союза И. С. Конев писал: «Нужно было очень внимательно и тщательно изучить противника, сравнить и сопоставить все разноречивые сведения, взвесить все за и против, неоднократно побывать на местности, установить позиции противника, наиболее выгодные места для наступления наших войск, места их сосредоточения, словом, изучить всё основательно и лишь после этого принять соответствующие решения»[208].

Вопросы организации обороны и управления войсками в оборонительной операции фронтового масштаба в предвоенные годы были разработаны крайне поверхностно. Поэтому, когда в начале Великой Отечественной войны необходимость ведения стратегической и оперативной обороны стала реальностью, командующие и штабы фронтов оказались не готовыми организовывать оборонительные действия в ответ на внезапное нападение противника на суше и с воздуха. Наиболее трагично в первые дни войны развивалась обстановка в полосах обороны Северо-Западного и Западного фронтов. Как не справившиеся с организацией отражения вторжения противника их командующие и начальники штабов были отстранены от занимаемых должностей, но данная мера не смогла кардинально улучшить управление войсками.

Вступивший 2 июля 1941 г. в должность командующего войсками Западного фронта Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, как свидетельствует запись его переговоров по прямому проводу с И. В. Сталиным, первоначально мог лишь отчасти реагировать на обстановку. Принимаемые им решения и практические меры не отличались адекватностью обстановке. С учетом крупных потерь, понесенным фронтом в приграничном сражении, основную ставку в организации обороны С. К. Тимошенко был вынужден делать преимущественно на вновь подходящие войска[209]. В аналогичной ситуации в это же время находилось и командование Северо-Западного фронта во главе с генерал-майором П. П. Собенниковым[210].

По мере стабилизации обстановки на советско-германском фронте условия организации обороны улучшались. Целями фронтовых оборонительных операций 1941–1942 гг. являлись недопущение прорыва противника к крупным промышленным и политико-административным центрам, объектам и рубежам стратегического значения, нанесение потерь наступающим группировкам врага, выигрыш времени для сосредоточения и развертывания резервов, предназначенных для нанесения контрударов и перехода в контрнаступление. Операции в это время готовились в условиях превосходства противника в силах и средствах: оборонительные операции Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов в конце ноября — начале декабря 1941 г., Сталинградского фронта в октябре — первой половине ноября 1942 г. и другие. Командующие и штабы фронтов в таких условиях организовывали оборону чаще всего в сжатые сроки — от нескольких часов до 1–2 суток (изредка до 1–2 недель)[211]. Это ограничивало их возможности по проведению необходимых подготовительных мероприятий.

Командование 1-го Украинского фронта накануне Проскурово-Черновицкой операции

Командующий 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин в кабинете

Во втором периоде войны оборонительные операции фронты проводили, как правило, в ходе стратегического наступления с решительными целями: отразить контрнаступление или частью сил контрудар противника, разгромить его наступательные группировки и возобновить наступление. Характерными в этом отношении являются оборонительные операции Центрального и Воронежского фронтов в 1943 г. В 1944–1945 гг. фронты переходили к обороне в основном на завершающих этапах наступательных операций, что вызывалось ослаблением их боевых возможностей, утратой превосходства над противником и израсходованием материальных средств.

Подготовка фронтовых оборонительных операций включала комплекс мероприятий, проводимых командующими и штабами фронтов, по их организации и всестороннему обеспечению, а также подготовке войск и района предстоящих действий к отражению наступления противника. Важнейшими из них являлись: принятие решения и постановка боевых задач войскам, планирование операций, создание группировок войск, систем оборонительных рубежей, огня, противотанковой и противовоздушной обороны, организация взаимодействия и управления, а также мероприятий по всем видам обеспечения. В основе подготовки оборонительной операции лежало решение командующего войсками фронта. Принимая его, командующий определял: направления (районы) сосредоточения основных усилий фронта, группировку сил и средств (оперативное построение войск), боевые задачи подчиненным объединениям и соединениям, порядок и сроки организации противотанковой и противовоздушной обороны, инженерного оборудования местности, основы взаимодействия и управления войсками.

Наибольшие трудности в работе командующего и штаба фронта возникали в условиях, когда переход к обороне осуществлялся под воздействием превосходящих сил наступающего противника. Принимая решение на операцию (обычно по карте), командующий войсками фронта прежде всего определял наиболее угрожаемые направления (районы, участки), на удержании которых и стремился сосредоточить основные усилия. Здесь же им сосредоточивались все возможные силы и средства для создания и ведения противотанковой обороны, оборудовались отдельные опорные пункты и узлы сопротивления.

Так, характеризуя обстановку, сложившуюся под Ленинградом в сентябре 1941 г., Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал, что она была весьма сложной и противоречивой, требовала принятия от командования Ленинградского фронта самых энергичных мер. В этих условиях, подчеркивал он, «мы стремились прежде всего выяснить возможности противника, глубоко проникнуть в замыслы его командования, установить наиболее сильные и слабые стороны вражеских войск, блокировавших город. Нужно было определить, какие силы, средства и способы действий следует противопоставить противнику, рвущемуся в Ленинград, чтобы сорвать его намерения... Надо было при малейшей возможности контратаковать врага, изматывать и наносить ему потери в живой силе и боевой технике, срывать его наступательные операции»[212].

Существенное внимание командующие и штабы фронтов уделяли обеспечению стыков и флангов, организации маневра войсками, силами и средствами, планированию применения резервов. Боевые задачи армиям, а также резервным соединениям в таких случаях ставились немедленно частными оперативными директивами и боевыми распоряжениями. В последующем решение уточнялось, а основной объем мероприятий по организации обороны проводился параллельно, с небольшим смещением по времени, на фронтовом, армейском и тактическом уровнях. Одним из примеров подготовки оборонительной операции в условиях ограниченного времени является работа командующего и штаба Западного фронта в октябре 1941 г. на Можайской линии обороны.

Наиболее полно мероприятия по подготовке фронтовой оборонительной операции выполнялись при преднамеренном переходе к обороне и наличии для этого достаточного времени. Так, при подготовке в Курской оборонительной операции работа в полевых управлениях Центрального и Воронежского фронтов и в подчиненных им инстанциях организовывалась последовательно. Решения на операцию командующими войсками фронтов принимались

после предварительного всестороннего анализа обстановки и возможного характера действий противника, заслушивания предложений начальников штабов, командующих родами войск и начальников служб, а также тщательной рекогносцировки местности. Планирование оборонительной операции осуществлялось штабом фронта совместно с командующими родами войск и начальниками служб. В его основе лежали решение командующего войсками фронта и указания Ставки ВГК. Фронтовые оборонительные операции планировались по задачам и вариантам действий войск в зависимости от вероятных ударов противника.

Важнейшей составной частью плана операции являлась его оперативная часть, в которой обычно отражались: цель и замысел операции,вероятные направления главного и других ударов противника, порядок действий войск фронта по каждому из вариантов, задачи объединений первого и второго эшелонов (резервов), артиллерии и авиации, силы и средства, выделяемые для обеспечения стыков и флангов, мероприятия по организации взаимодействия, управления. Кроме того, командующими родами войск и начальниками служб, штабом воздушной армии разрабатывались планы боевого применения соответствующих сил и средств и всестороннего обеспечения оборонительной операции.

Оперативная часть плана оборонительной операции разрабатывалась, как правило, графически на карте. При наличии времени готовились также текстуальные приложения к плану. Например, при подготовке к Курской оборонительной операции на Центральном фронте в качестве приложения к плану была разработана легенда к карте-схеме, в которой детально раскрывались варианты нанесения армейских и фронтовых контрударов[213]. На Воронежском фронте осуществлялось конкретное планирование всех видов огня артиллерии, тщательно организовывалась противотанковая и противовоздушная оборона[214]. Штабы обоих фронтов самое пристальное внимание уделяли разработке документов по подготовке систем оборонительных рубежей, полос, позиций, а также расчетов по их инженерному оборудованию[215].

При организации взаимодействия в оборонительной операции главный акцент делался на согласовании действий всех элементов оперативного построения фронта, сил и средств различных родов войск и авиации между собой, а также с соседними объединениями. В годы войны обозначился переход от организации взаимодействия методом отдачи общих указаний преимущественно по карте к детальному согласованию действий всех привлекаемых к обороне войск, сил и средств непосредственно на местности в ходе рекогносцировок, военных игр и командно-штабных учений. Такие мероприятия, в зависимости от обстановки и наличия времени, проводились на картах, рельефных планах и макетах местности. Штабами фронтов практиковалась разработка специального плана или таблицы взаимодействия. Наряду с этим в отдельных случаях готовились планы (схемы) взаимодействия на период выполнения войсками фронта наиболее важных задач.

Устойчивость управления войсками и результаты оборонительных операций в значительной степени определялись способностями командующих и штабов фронтов своевременно и правильно реагировать на изменения обстановки, уточнять ранее принятые решения и задачи подчиненным войскам. Так, Г. К. Жуков в числе причин неудач советских войск в Воронежско-Ворошиловоградской оборонительной операции 1942 г. отмечал: «Командование фронтами юго-западного направления нередко теряло управление войсками и не всегда знало действительное положение своих армий и противника, вследствие чего принимало запоздалые решения, подчас не отвечавшие реальной обстановке»[216].

Для управления войсками фронта в ходе оборонительной операции организовывались и всесторонне оборудовались основной и запасной командные пункты, вспомогательный (наблюдательный) пункты и второй эшелон полевого управления или тыловой пункт управления фронта, основу которого составляли штаб, отделы и службы тыла. Командный пункт фронта чаще всего оборудовался за армейской полосой обороны или в пределах фронтовых оборонительных рубежей. Наблюдательные (вспомогательные) пункты обычно размещались в районах, обеспечивавших управление войсками на предполагаемом направлении главного удара противника.

Удаление пунктов управления от войск в оборонительных операциях имело тенденцию к уменьшению. Так, если в первом периоде Великой Отечественной войны командные пункты фронтов находились на расстоянии 150—250 км от переднего края, то в операциях 1943—1945 гг. они чаще всего размещались на удалении 40—60 км[217]. Запасные командные пункты оборудовались обычно в 80—100 км от линии фронта. Удаление наблюдательных (вспомогательных) пунктов фронтов от переднего края обороны, как правило, не превышало 3—5 км.

Управление войсками в ходе оборонительной операции командующие фронтами осуществляли обычно с основного командного пункта. Такого принципа, в частности, придерживался командующий войсками Центрального фронта генерал армии К. К. Рокоссовский в ходе Курской оборонительной операции. После войны он писал: «Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься о месте командующего... С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки. Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий всегда должен отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки»[218]. Переход командующего войсками фронта на запасный пункт управления осуществлялся только с разрешения Верховного главнокомандующего. Временные пункты управления (наблюдательные пункты) командующими войсками фронтов использовались лишь в наиболее ответственные моменты сражения: при значительном вклинении противника в оборону и угрозе ее прорыва или при нанесении контрударов.

Итак, совершенствование управления войсками фронтов в годы Великой Отечественной войны проявилось в приведении организационно-штатной структуры, подготовленности органов управления, содержания и методов их работы в соответствие с требованиями боевой практики. Улучшалось обеспечение штаба, управлений и отделов полевого управления средствами связи. В годы войны проявилась и тенденция сокращения количества органов и должностных лиц, непосредственно подчиненных командующим войсками фронтов, что способствовало концентрации их внимания преимущественно на непосредственном управлении войсками.

При подготовке фронтовых наступательных и оборонительных операций был выработан достаточно рациональный для конкретных условий обстановки алгоритм работы командующего, штаба и других органов полевого управления фронта. Методы их работы определялись прежде всего условиями подготовки операций, а также профессионализмом и практическим опытом руководящего состава фронта. Стержневым этапом всех подготовительных мероприятий являлось принятие обоснованного решения командующим войсками фронта. Боевой практикой достаточно четко определились перечень документов, разрабатываемых в полевом управлении фронта при планировании операции, их формы и содержание. В годы войны сложилась стройная система пунктов управления фронта в наступательных и оборонительных операциях, выработались эффективные способы и приемы влияния командования фронтов на ход и исход боевых действий.

Великая Отечественная война позволила по достоинству оценить деятельность советских военных кадров по управлению фронтовыми объединениями. Высокую компетентность и профессионализм, творчество и незаурядные организаторские способности в должностях командующих войсками фронтов продемонстрировали Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский и Ф. И. Толбухин, генералы армии И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Ерёменко, И. Е. Петров, И. Д. Черняховский. Обязанности начальников штабов в годы войны образцово выполняли генералы С. С. Бирюзов, А. Н. Боголюбов, С. П. Иванов, М. В. Захаров, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, М. С. Малинин, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов и другие.

А. М. Василевский и Ф. И. Толбухин наблюдают за ходом боевых действий на подступах к Севастополю

Управление силами флотов в годы Великой Отечественной войны организовывалось и осуществлялось, исходя из их места и роли в вооруженной борьбе, а также характера выполняемых задач. К началу войны в состав Военно-морского флота СССР входили Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты, а также Дунайская, Пинская, Каспийская, Амурская и Северная Тихоокеанская военные флотилии. Оперативными органами управления силами флотов являлись штабы, структура которых в предвоенный период неоднократно менялась и утвердилась только к середине 1940 г. В состав штабов флотов входили отделы: оперативный, боевой подготовки, организационно-мобилизационный, разведывательный, подводного плавания, военных сообщений, общий, связи, гидрографический, а также архив и аппарат флагманских специалистов.

Основным органом штаба являлся оперативный отдел, функции которого охватывали все стороны жизни и деятельности флота, особенно касающиеся проблем поддержания его боеготовности и боеспособности. В годы Великой Отечественной войны приоритетными функциями оперативного отдела являлись: подготовка операций и боевых действий, организация взаимодействия с приморскими объединениями сухопутных войск, совершенствование системы управления силами флота, сбор, анализ и оценка данных о состоянии своих сил и противника, обобщение опыта боевого применения и другие. Для координации оперативной деятельности органов управления в штабе флота была учреждена должность заместителя начальника штаба по оперативным вопросам.

В ходе войны структура штабов флотов претерпела некоторые изменения. Так, в целях организации обороны на сухопутных направлениях в штабах флотов были образованы отделы сухопутных войск. Офицеры этих отделов направлялись в штабы объединений и соединений Красной армии для организации и поддержания с ними тесного взаимодействия. Общее

руководство их деятельностью осуществляли начальники оперативных отделов штабов флотов[219]. На Черноморском флоте дополнительно была введена должность заместителя командующего флотом по сухопутным войскам. На Северном флоте в октябре 1941 г. было сформировано управление гидрометеорологической службы. Интенсивное движение на внутренних и внешних коммуникациях морей обусловило формирование в оперативных отделах штабов флотов отделений конвойной службы. Рост численности самолетного парка флотов потребовал создания в оперативных отделах авиационных отделений. Для руководства силами флотов при решении некоторых специфических задач практиковалось создание временных органов управления.

Руководство действиями сил флотов (флотилий) осуществлялось с защищенных флагманских командных пунктов, которые размещались, как правило, в районе главных военно-морских баз флотов и флотилий: командный пункт Балтийского флота — в районе Таллина, Черноморского флота — в Севастополе, Тихоокеанского флота — во Владивостоке. Для Северного флота защищенный командный пункт к 18 ноября 1941 г. был оборудован в Полярном[220]. В ходе оборонительных действий при угрозе захвата противником главных военно-морских баз флагманские командные пункты требовалось перемещать в другие районы. Так, в конце августа 1941 г. после перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт туда же был передислоцирован командный пункт флота. На переходе морем управление его силами осуществлялось с корабельного командного пункта. Командный пункт Черноморского флота трижды менял свое местоположение: из Севастополя он был передислоцирован сначала в Туапсе, а затем в Сухуми и Поти. Для руководства силами Северного флота в октябре 1944 г. (операция «Вест») на полуострове Рыбачий и в порту Лиинахамари были оборудованы передовые командные пункты, на которые последовательно перемещалась оперативная группа офицеров штаба флота (походный штаб) во главе с командующим адмиралом А. Г. Головко[221].

Управление силами Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов обеспечивали созданные в их составе службы наблюдения и связи (СНиС), которые включали береговые и корабельные СНиС, а также службы связи ВВС флотов. В береговую СНиС входили посты наблюдения и связи и станции технического наблюдения, развернутые вдоль побережья, участки, объединяющие группы постов, и районы, которые включали участки. Все элементы береговой СНиС имели постоянную связь между собой и со штабами флотов. На всех флотах, кроме того, имелся узел связи, который обеспечивал сообщение с Главным морским штабом, с узлами связи военно-морских баз и соединений. Узлы связи состояли из приемных и передающих радиоцентров и радиостанций, телефонных, телеграфных центров и станций, которые соединялись между собой воздушными, подземными и подводными кабельными линиями. Отдельные элементы узлов связи (телефонные и телеграфные центры и станции, радиобюро) размещались непосредственно на командных пунктах и в штабах флотов и соединений. Магистральные линии проводной связи дублировались радиосвязью.

Корабельные СНиС включали средства связи надводных кораблей, подводных лодок и вспомогательных судов. К началу войны они были оснащены отечественными средствами связи системы «Блокада-1» и поступившей ей на замену более совершенной системы «Блокада-2», в состав которых входили длинноволновые, коротковолновые радиопередатчики и радиоприемники, а также УКВ-радиостанции[222].

Служба связи морской авиации включала в себя узлы связи ВВС флотов, авиасоединений и частей, проводные линии оперативной телефонно-телеграфной, магистральной связи, взводы и роты связи на аэродромах и средства связи самолетов. На вооружении соединений и частей морской авиации состояли коротковолновые автомобильные, стационарные и переносные радиостанции, а также различная телефонная и телеграфная аппаратура.

Опыт управления силами флотов в первые дни войны вскрыл недостаточность сил, средств и каналов связи, поэтому на флотах проводилось развертывание дополнительных постов НиС, радио- и телефонно-телеграфных станций, а также строительство воздушных и подземных линий связи. Например, в операционной зоне обороны Ленинграда было раз-

вернуто 25 постов НиС и проложен через Ладожское озеро подводный кабель, позволивший восстановить связь города с центром страны. При освобождении Прибалтики связисты Балтийского флота в сжатые сроки восстановили на побережье посты НиС, узлы, станции и линии проводной связи. На Северном флоте в годы войны было дополнительно развернуто 67 постов НиС, построено 300 км воздушных, 200 км подводных и 50 км подземных линий связи. На Тихоокеанском флоте производилось оборудование защищенных командных пунктов флота и его ВВС, построено 30 тыс. км воздушных линий связи[223]. На Черноморском флоте неоднократное перемещение его командного пункта, а вместе с ним и узла связи потребовало кроме передислокации техники форсированного строительства проводных линий связи, которые использовались одновременно флотом и сухопутными войсками.

Комплексное оборудование береговых служб наблюдения и связи позволило обеспечить управление силами флотов в их повседневной боевой деятельности, а также в проводимых операциях. Штабы флотов имели проводную и радиосвязь со штабами взаимодействующих объединений и соединений Красной армии. Так, штаб Балтийского флота при обороне Ленинграда имел проводную связь со штабами Ленинградского фронта, 42, 55, 67 и 23-й армий, штаб Северного флота — со штабами Карельского фронта, 14-й армии и дивизий, действовавших на мурманском направлении. Штаб Черноморского флота использовал главным образом радиосвязь, при этом в штабы сухопутных войск направлялись офицеры связи штаба флота с радиостанциями и документами по связи.

Разработанная и введенная в действие перед войной система оперативной готовности флотов обеспечила их своевременное приведение в полную боевую готовность и с началом войны позволила организованно приступить к выполнению боевых задач. Так, 22 июня в 3 часа 7 минут Константиновский пост НиС Черноморского флота доложил оперативному дежурному об обнаружении самолетов противника, а уже в 3 часа 15 минут командующий флотом лично доложил по телефону наркому ВМФ о налете вражеской авиации на Севастополь. Это был первый доклад в Москву о нападении врага на нашу страну[224]. Своевременно обнаружили вражеские самолеты посты НиС Балтийского и Северного флотов, что позволило отразить первые налеты авиации противника и сбить пять его самолетов в первый день войны. При этом флоты потерь не имели. Большая заслуга в организации первых групповых налетов морской авиации на Берлин принадлежит командованию и штабу Балтийского флота.

В начальном периоде Великой Отечественной войны командующие и штабы флотов осуществляли руководство действиями подчиненных сил по реализации предвоенных оперативных планов. На позициях были развернуты подводные лодки, в дозор выделены надводные корабли, осуществлена установка минных заграждений. В соответствии с планами, разработанным штабом Черноморского флота и штабом его ВВС, в период с 23 по 25 июня авиацией были нанесены удары по Констанце, Сулине, Плоешти и нефтепромыслам на территории Румынии. Тщательная маскировка, правильно выбранные маршруты полета и время нанесения ударов позволили осуществить их без истребителей прикрытия, а за счет достижения внезапности удалось добиться значительных результатов при небольших потерях в самолетах.

Вместе с тем следует отметить, что выполнение других задач силами Черноморского флота оказалось менее эффективным. Так, постановка минных заграждений на Черном море была выполнена без глубокого анализа штабом флота оперативной обстановки и возможного характера действий сил флота противника. Серьезного урона противнику эти заграждения не нанесли, однако затруднили деятельность и использование своих сил и привели к необоснованным потерям нескольких кораблей, вследствие чего штаб флота был вынужден категорически запретить судам ходить в районах постановки мин без военного лоцмана или конвойного корабля[225].

На Балтийском морском театре военных действий неудовлетворительная организация разведки противника и пассивные действия со стороны командования Балтийского флота не смогли воспрепятствовать ВМС Германии и Финляндии создавать и наращивать мощную систему минных полей в Финском заливе. Особенно опасным оказалось заграждение

«Юминда» восточнее Таллина, которое вскоре сыграло роковую для Балтийского флота роль. На Севере слабая активность противника на море и первоначальная пассивность его сухопутных сил на мурманском направлении были оценены командованием Северного флота как возможная его подготовка к высадке морского десанта. В этой связи, несмотря на крайне ограниченный запас мин, Северным флотом 23 и 24 июня были заминированы подходы к Горлу Белого моря, а 28 июня — отдельные районы Кандалакшского залива[226].

Для организации совместных с сухопутными войсками действий флоты с июля 1941 г. были подчинены главным командованиям войск направлений, которые, в свою очередь, передали их в оперативное подчинение командующих войсками приморских фронтов. Северный флот был подчинен командующему войсками Северного, а затем Карельского фронта, Балтийский флот — командующему войсками Северного, а затем Ленинградского фронта. Наибольшее же количество переподчинений претерпел Черноморский флот, первоначально подчинявшийся командующему войсками Южного фронта, затем последовательно командующим 51-й отдельной армией, войсками Крыма, Закавказского и Крымского фронтов, главному командованию войск Северо-Кавказского направления, командующим войсками Закавказского и Северо-Кавказского фронтов.

Неудачи на сухопутном фронте в первые недели войны потребовали от командующих и штабов Северного, Балтийского и Черноморского флотов внесения существенных изменений в ранее разработанные планы их оперативного применения. Однако это стало делаться с запозданием, в то время, когда сухопутные группировки противника выходили к приморским районам и создавали угрозу опорным пунктам флотов. В этих условиях основные усилия Балтийского и Черноморского флотов были направлены на оборону совместно с войсками фронтов и армий морского побережья и своих военно-морских баз. Однако заблаговременно разработанных взглядов и подходов к организации обороны военно-морских баз с суши к началу войны не было. Утвержденные перед войной планы применения флотов были ориентированы только на отражение противника с моря. Не имели командующие и штабы флотов и практики организации взаимодействия с командованиями фронтов на случай совместного решения задач по обороне военно-морских баз.

На основе получаемых задач командующими флотами принимались решения, в которых определялись составы выделяемых сил и меры по обеспечению их боевых действий. Детальное планирование применения сил и средств осуществлялось под руководством начальников штабов флотов. Планы применения сил флотов после этого согласовывались с командованиями сухопутных объединений. В условиях быстрого и неблагоприятного развития обстановки детального планирование вообще не проводилось. В таких случаях решения командующими флотами на выделение необходимых сил принимались в кратчайшие сроки с немедленной постановкой им задач без оформления письменного боевого приказа.

В целом же деятельность командования и штабов флотов по управлению подчиненными силами и средствами в тесном взаимодействии с войсками приморских фронтов (армий) играла позитивную роль в выполнении общих задач по обороне морского побережья. Полученный опыт совместных действий был всесторонне обобщен отделами боевой подготовки штабов флотов, а в последующем закреплен в изданном в 1943 г. «Наставлении по совместным действиям сухопутных войск с ВМФ и военными речными флотилиями». Этот опыт широко использовался не только в оборонительных, но и в наступательных операциях на приморских направлениях.

В период Великой Отечественной войны командующие и штабы флотов, организуя совместные с фронтами боевые действия, основное внимание, как правило, сосредоточивали на планировании артиллерийской и авиационной поддержки сухопутных войск, оборонявшихся или наступавших на приморских направлениях. С этой целью привлекалось до 90% самолето-вылетов флотской авиации, а на корабельную и береговую артиллерию возлагалось до 80% всех решаемых ею огневых задач.

Вместе с тем в руководстве силами флотов в реальных условиях обстановки их командующие и штабы подчас сталкивались с весьма непростыми проблемами. Возникали они

чаще всего по причине одностороннего подхода к постановке задач флотам командованиями приморских фронтов. Суть проблемы заключалась в том, что возможности сил флотов учитывались лишь с точки зрения обеспечения артиллерийской и авиационной поддержки боевых действий сухопутных войск. Так, например, осенью 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта всю авиацию Балтийского флота подчинил заместителю командующего фронтом по ВВС. Это, как показал опыт, лишило флот возможности наносить авиационные удары по базам и морским коммуникациям противника[227]. Подобный же подход к постановке задач командованиями объединений Красной армии имел место и по отношению к Черноморскому флоту. В наибольшей степени взаимопонимания и взаимодействия удалось достигнуть командованию Северного флота с Северным фронтом и его 14-й армией, а несколько позже — с Карельским фронтом.

Помимо этого периодически возникали конфликты из-за двойного подчинения флотов. К примеру, осенью 1941 г. весьма остро встал вопрос о доставке морем топлива из Батуми. Решение задачи по организации и обеспечению морских перевозок Главный морской штаб возложил на командование Черноморским флотом. Однако главное командование войск Юго-Западного направления настойчиво требовало от командующего Черноморским флотом сосредоточения усилий на обеспечении и поддержки войск, оборонявших Одессу. Не находя целесообразного выхода из создавшегося положения, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский был вынужден в резкой форме заявить руководству Главного морского штаба, что он уже не знает, какие приказы ему надлежит выполнять в первую очередь. В ответ на это руководство Главного морского штаба по согласованию с Генштабом не нашло ничего лучшего, как дать командующему флотом совет — «решать две задачи как одну».

Наиболее сложными для командования флотов являлись планирование, подготовка и руководство высадкой морских десантов. Тактические морские десанты готовились и применялись, как правило, не по указаниям фронтовых начальников, а по инициативе командующих флотами. Так, 14 июля 1941 г. в связи с неблагоприятным развитием обстановки в полосе обороны 14-й армии командующим Северным флотом контр-адмиралом А. Г. Головко по согласованию с военным советом было принято решение на высадку морского десанта в районе озера Титовка у мыса Пикшуев. Планирование десантирования и подготовка сил заняли всего несколько часов, что обеспечило внезапность действий. Для усиления десанта командующий флотом приказал 16 июля высадить на восточный берег губы Западная Лица дополнительные силы. В результате, понеся большие потери, немецкие войска не смогли прорваться на полуостров Средний и перешли к обороне. В дальнейшем на этом участке вплоть до 1944 г. линия фронта оставалась без изменений.

В ходе обороны Одессы командованием Черноморского флота, учитывая сложившуюся обстановку, было принято решение в ночь с 21 на 22 сентября 1941 г. в районе Григорьевки высадить десант в составе полка морской пехоты. Планирование и подготовка операции, которые возлагалась на штаб Черноморского флота, были проведены также в кратчайшие сроки. Несмотря на некоторые недостатки и организационные накладки при высадке десанта, быстрое выделение необходимых для десантирования сил и средств, правильный выбор места высадки и направления последующих действий десанта обеспечили успешное решение поставленной задачи. Противник был отброшен на 10 км, что сыграло важную роль в дальнейшей обороне Одессы.

Морские десантные операции большего масштаба требовали привлечения разновидовых сил и средств. Их подготовка осуществлялась, как правило, штабами фронтов или командований войсками направлений с привлечением штабов флотов и представителей Главного морского штаба. Так, инициатива проведения операции по овладению Керченским полуостровом (Керченско-Феодосийская десантная операция) исходила от Военного совета Закавказского фронта. В докладе начальнику Генерального штаба командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов изложил замысел и краткий план действий этой операции, в разработке которой участвовали начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков

и консультант при штабе Закавказского фронта от Главного морского штаба вице-адмирал С. П. Ставицкий[228].

На основании представленного доклада руководство Генерального штаба поручило командующему Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому представить в Ставку ВГК «соображения о возможности проведения в середине декабря десантной операции по овладению Керченским полуостровом»[229]. Соображения командующего флотом и набросок плана проведения операции с предложением «высадку производить с боевых кораблей непосредственно в Феодосийский порт» с одновременным наступлением войск Севастопольского оборонительного района были доложены А. М. Василевскому 6 декабря[230].

17 декабря полевое управление Закавказского фронта передислоцировалось в Новороссийск. Там командованием фронта совместно с командующим флотом адмиралом Ф. С. Октябрьским и представителями штаба Черноморского флота были детально отработаны вопросы подготовки и проведения операции[231]. Вместе с тем в ходе работы над планом операции не удалось избежать некоторых противоречий между командующими фронтом и флотом. В частности, Ф. С. Октябрьский, руководивший в это время Севастопольским оборонительным районом и подчинявшийся непосредственно Ставке ВГК, выразил несогласие с требованием Д. Т. Козлова о привлечении к операции дополнительных сил флота. Ставка ВГК по-своему разрешила этот спорный вопрос, подчинив Севастопольский оборонительный район командующему войсками Закавказского фронта.

Одновременно с выполнением задач по содействию войскам Красной армии в операциях на приморских направлениях советские флоты решали ряд самостоятельных задач на морских театрах, основными из которых были нарушение морских сообщений противника и оборона своих морских коммуникаций. На определенный период времени для того или иного флота эти задачи ставились в качестве главных. Так, задача по нарушению морских сообщений являлась основной: зимой и весной 1944 г. — для Черноморского флота, летом и осенью 1944 г. — для Северного флота, весной 1945 г. — для Балтийского флота. Оборона внешних морских сообщений с 1942 г. и до конца войны являлась главной для Северного флота.

Планирование применения сил флотов в самостоятельных действиях осуществлялось штабами флотов на основе указаний наркома ВМФ, директив Ставки ВГК или Генерального штаба. Вместе с тем возможности флотов по выделению сил для решения этих задач были крайне ограничены. Так, в 1941–1942 гг., когда основные усилия надводных кораблей и морской авиации были направлены на содействие сухопутным войскам в оборонительных операциях, для действий на коммуникациях противника выделялись преимущественно подводные лодки. С 1943 г. к решению этой задачи начали широко привлекаться торпедные катера и морская авиация, которая взяла на себя основную нагрузку в борьбе с морскими перевозками противника. В то же время до конца войны Ставкой ВГК было запрещено использовать для этих целей крупные надводные корабли.

Помимо этого недостаток опыта в организации действий сил флотов не позволил в 1941–1942 гг. в полной мере реализовать их возможности по нарушению морских сообщений противника. В этой связи, подводя итоги боевой деятельности Северного флота в декабре 1942 г., нарком ВМФ отмечал, что главным недостатком в боевом управлении со стороны его командования и штаба являлось неумение организовать своевременные удары по противнику, взаимодействие между привлекаемыми к операции соединениями и частями. Здесь же им было указано: «Система работы штаба флота, сводящая управление боевыми действиями всех боевых единиц любых соединений через штаб СФ, к управлению помимо этих соединений создает полную централизацию боевого управления СФ, снижает необходимую инициативу командиров соединений и загружает ФКП флота до такой степени, что творческая оперативная работа на нем делается затруднительной»[232]. Эти недостатки в управлении были присущи и штабам других флотов.

В ходе руководства силами флотов при обороне своих морских коммуникаций в первые месяцы войны их командования и штабы столкнулись с рядом проблем, обусловленных отсутствием проработки вопросов организации взаимодействия флотов и пароходств Морского

флота СССР. Организацию обороны морских коммуникаций удалось в целом наладить только к осени 1941 г., когда все управление движением транспортов и обеспечением перевозок на морских театрах было сосредоточено в оперативных отделах и отделах военных сообщений штабов флотов. В целом организация обороны морских коммуникаций включала в себя: организацию конвойной службы, организацию всех видов обороны в операционных зонах военно-морских баз, где проходили коммуникации, а также непосредственное охранение и прикрытие судов на переходе морем (организацию конвойной службы).

С целью совершенствования организации конвойной службы в оперативных отделах штабов флотов в 1942 г. были созданы отделения конвойной службы, которые занимались формированием конвоев, планировали их движение, определяли маршруты переходов и вели учет перевозимых грузов. На каждый конвой назначался командир конвоя, а на каждый транспорт — военный помощник капитана. Командир крупного конвоя имел походный штаб, который разрабатывал необходимую документацию на переход и осуществлял все мероприятия по боевому управлению. Для организации тесного взаимодействия штабов флотов с руководством торгового флота в пароходствах Морского флота были созданы военные отделы.

Повседневная боевая деятельность по обороне коммуникаций на морских театрах планировалась штабами соответствующих флотов, как правило, на месяц и имела непрерывный характер. Управление силами и организация всех видов обороны в операционных зонах военно-морских баз возлагались на командования и штабы баз. В случае необходимости обеспечения перехода больших конвоев или особо ценных судов с войсками и важными грузами в условиях значительного противодействия противника планировались и проводились операции по обороне морских сообщений. Подобная форма применения сил флота широко использовалась на Северном морском театре военных действий, где штабом флота было спланировано и осуществлено шесть операций при обеспечении внутренних арктических перевозок и 20 операций по обороне внешних коммуникаций.

Основным фактором, повлиявшим на изменение управленческой деятельности командований и штабов флотов в 1944—1945 гг., стали вывод флотов из оперативного подчинения командующих приморских фронтов и их передача под непосредственное управление главкома ВМФ. Организация взаимодействия на оперативно-стратегическом уровне была возложена на Генеральный штаб. Вместе с тем конкретные боевые задачи, как правило, по-прежнему согласовывались на совместных совещаниях с присутствием командующих фронтов и флотов.

С переходом к новой системе руководства флотами их штабами был подготовлен и проведен ряд самостоятельных операций. Одна из наиболее успешных морских операций по нарушению сообщений противника была проведена Черноморским флотом в апреле — мае 1944 г. в рамках Крымской стратегической наступательной операции. В последующих стратегических операциях на приморских направлениях (Ясско-Кишинёвская, Петсамо-Киркинесская, Восточно-Померанская) Черноморский, Балтийский и Северный флоты также проводили операции, которые являлись составной частью стратегических.

Подготовка операций, в отличие от первого периода войны, когда она ограничивалась несколькими сутками, а иногда и вообще отсутствовала, стала занимать до месяца и отличаться большей продуманностью и целеустремленностью. Приказы на операции и боевые действия командующих флотами доводились штабами флотов до командующих объединениями, командиров соединений, что способствовало конкретизации работы по выполнению всего комплекса подготовительных мероприятий в нижестоящих инстанциях[233]. В руководстве силами флотов в ходе операций были учтены недостатки, имевшие место в первом и втором периодах войны. Так, управление частями, подразделениями и отдельными боевыми единицами было полностью передано командирам объединений и соединений. Штабы флотов осуществляли общее руководство, координируя действия подчиненных группировок войск и сил.

В управлении силами флотов при решении задач по нарушению коммуникаций противника также произошли некоторые изменения. От планирования систематических боевых

действий штабы флотов перешли к подготовке и проведению операций по разгрому конвоев противника разнородными силами с нанесением ряда согласованных по времени и месту ударов. Этому способствовала активная деятельность штабов по разработке новых способов применения сил флотов. Наиболее активно эта работа была организована в штабе Северного флота. Здесь для подводных лодок был разработан так называемый способ «нависающей завесы», предполагавший развертывание подводных лодок в районах, находившихся вне активной деятельности противолодочных сил противника и за пределами минных заграждений. Установка на подводных лодках перископных антенн позволяла принимать информацию как с берегового командного пункта, так и непосредственно от самолетов-разведчиков. Сокращение времени прохождения информации позволяло выходить на перехват конвоя сразу нескольким подводным лодкам. Для морской авиации основными способами ее использования стали сосредоточенные и эшелонированные по высоте удары.

Всего активными действиями на неприятельских морских сообщениях силы советских флотов уничтожили 676 транспортов и танкеров и 615 кораблей охранения противника. Для более полной оценки нанесенного врагу ущерба уместно привести следующие данные: один транспорт нес на себе боезапас для 500 800 бомбардировщиков, средний танкер обеспечивал заправку 1500 самолетов. На Балтийском море в январе — феврале 1945 г. за один выход подводной лодки С-13 были уничтожены немецкий лайнер «Вильгельм Густлов» и транспорт «Штойбен», на которых погибли около 10 тыс. человек. Проведенные расчеты свидетельствуют, что наибольший ущерб противнику нанесла морская авиация — 55% уничтоженных судов, 33% приходится на долю подводных лодок, а остальные 12% — на долю надводных кораблей и потери по другим причинам.

Таким образом, система руководства силами флотов за годы войны претерпела определенные изменения, вызываемые объективно складывавшимися условиями. Это позволило им в целом успешно решать задачи как в совместных, так и в самостоятельных военных действиях различного масштаба. Изменение условий вооруженной борьбы на море и в прибрежных районах обусловило существенные коррективы в управлении силами флотов. При этом совершенствовалась структура их штабов, органов управления родами сил, уточнялись методы работы по управлению кораблями и береговыми частями.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны шел активный поиск оптимальной структуры органов управления, системы связи и пунктов управления, совершенствовались формы и методы работы органов управления по руководству войсками фронтов и силами флотов. Он был нацелен на решение главной задачи — эффективного использования имеющихся сил и средств в сражениях, операциях, кампаниях и войне в целом. И эта задача была успешно выполнена.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Победа над фашизмом в 1945 году: ее значение для народов СНГ и мира // Материалы международной конференции. Москва. 8–10 апреля 2010 г. М., 2011. С. 115–116.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

[3] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 23–26.

[4] Там же. Л. 56.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 69.

[6] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15-ти т. Т. 7. М., 1985. С. 231; Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов и материалов. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). М., 2000. С. 460–461.

[7] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 73.

[8] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 125.

[9] Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). М., 1988. С. 82.

[10] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 28. Л. 2–3, 30–31.

[11] Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 237, 576.

[12] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. М., 1995. С. 88.

[13] Стратегическое управление в военной сфере. Хрестоматия. М., 2005. С. 331.

[14] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 109.

[15] Там же. С. 433.

[16] Солдаты XX века. Многотомное издание. Вып. 2: Посвящается 60-летию Великой Отечественной войны и 60-летию Московской битвы. М., 2001. С. 15–16.

[17] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 102–104.

[18] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 202.

[19] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 138.

[20] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 года). С. 482–486.

[21] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149–152; Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 29–30.

[22] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 126.

[23] Там же. С. 125.

[24] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 88.

[25] Там же. С. 90.

[26] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях. М., 1993. С. 157, 367.

[27] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 98.

[28] РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 30. Д. 55. Л. 220–226.

[29] Там же. Д. 40. Л. 67–69.

[30] Там же. Оп. 37. Д. 28. Л. 146.

[31] *Хохлов В. С.* Тайна узла связи «Виктория» // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 18–21.

[32] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 202.

[33] РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 32. Д. 67. Л. 190–192.

[34] Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. М., 2010. С. 28.
[35] РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 32. Д. 67. Л. 175–176.
[36] Там же. Оп. 30. Д. 55. Л. 94–95.
[37] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 56. Л. 162–166.
[38] *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 84.
[39] Сборник боевых документов по управлению и связи в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 2012. С. 56–59.
[40] *Быстров В. Е.* Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Маршал войск связи Иван Пересыпкин. Вып. 3. М., 1985. С. 53.
[41] Боевой путь войск связи (к 60-летию со дня создания). М., 1979. С. 5.
[42] *Пересыпкин И. Т.* Связь СССР в Великой Отечественной войне. М., 2014. С. 162.
[43] Там же. С. 172.
[44] Положение о начальнике Оперативного направления ГУСКА. М., 1944.
[45] Организация связи в основных операциях Великой Отечественной войны (1941–1945). Л., 1986. С. 105.
[46] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 295900с. Д. 39. Л. 61–66.
[47] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 61–64.
[48] Там же. Д. 85. Л. 46–63.
[49] Там же. Д. 2. Л. 1–1 об.
[50] *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
[51] *Данилов В.* Ворошилов (Маршалы Великой Отечественной) // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 3. С. 78.
[52] *Грязнов Б. З.* Маршал Захаров. М., 1979. С. 63.
[53] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 181.
[54] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти т. Т. 2. М., 1961. С. 81.
[55] Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. В 2-х ч. Ч. 2. М., 2003. С. 187.
[56] ЦАМО. Ф. 296. Оп. 1544. Д. 111. Л. 28–29.
[57] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 29. Л. 63–64.
[58] *Михалёв С. Н.* Силами групп фронтов. Исследование опыта наступательных операций групп фронтов Красной армии 1941–1945 гг. М., 1995. С. 193.
[59] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1995. С. 62.
[60] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 74. Л. 372–376.
[61] Там же. Ф. 48а. Оп. 3804. Д. 4. Л. 60–61.
[62] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 168.
[63] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 67.
[64] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 33.
[65] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 180–181.
[66] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 30.
[67] Там же. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 1133.
[68] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 264–265.
[69] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 191.
[70] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 274.
[71] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 180.
[72] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 13.
[73] *Покровский А. П.* Трудными дорогами Великой Отечественной // Страницы большой жизни: Воспоминания о Маршале Советского Союза С. М. Будённом. М., 1983. С. 63.
[74] *Покровский А.* На Юго-Западном направлении (июль — сентябрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 63–66.

[75] *Габов С.* Будённый (Маршалы Великой Отечественной) // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 1. С. 73–74.
[76] ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 4. Л. 45–48.
[77] Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 67.
[78] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 66–67.
[79] *Покровский А. П.* Трудными дорогами Великой Отечественной // Страницы большой жизни: Воспоминания о Маршале Советского Союза С. М. Будённом. С. 68.
[80] *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
[81] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 53–54.
[82] Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 96. Л. 181; Д. 674. Л. 98; Ф. 251. Оп. 2506. Д. 31. Л. 231.
[83] Там же. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 93–95.
[84] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 33.
[85] Там же.
[86] Там же. Ф. 251. Оп. 512. Д. 16. Л. 7.
[87] Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 225.
[88] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 86.
[89] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 413.
[90] *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 226.
[91] Там же. С. 238–239.
[92] Правда. 1941. 30 ноября.
[93] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 254.
[94] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 110–111.
[95] Там же. Ф. 251. Оп. 646. Д. 269. Л. 14–20; Д. 173. Л. 25–27.
[96] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. Кн. 1. С. 59–61.
[97] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 214.
[98] Там же. Д. 107. Л. 199–203.
[99] Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Ч. 2. С. 187–188.
[100] ЦАМО. Ф. 224. Оп. 781. Д. 37. Л. 3–8.
[101] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 228.
[102] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136–137.
[103] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142.
[104] *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 452.
[105] *Данилов В. Д.* Главные командования направлений в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 18.
[106] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 179415. Д. 100. Л. 127.
[107] Там же. Л. 216–220.
[108] *Евсеев А., Гуров О.* Организация информационной работы в Генеральном штабе, штабах фронтов и армий // Военно-исторический журнал. 1981. № 3. С. 12.
[109] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 95.
[110] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 150–151.
[111] Там же. Ф. 349. Оп. 33408. Д. 1. Л. 47–50.
[112] Там же. Ф. 346. Оп 5755. Д. 1. Л. 182–186.
[113] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 529.
[114] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 195–199.
[115] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 177–178.
[116] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 735, 745; На земле Беларуси: Канун и начало войны. Минск, 2006. С. 517–519.
[117] *Болдин И. В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 98.
[118] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 93.
[119] *Пономаренко П. К.* Во главе обороны // Солдатами были все. Сб. статей. Минск, 1972. С. 24, 45–46.

[120] *Анфилов В. А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 174–175.
[121] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2–9, 165–167.
[122] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 202.
[123] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 236.
[124] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 53.
[125] Там же. Д. 10. Л. 141–142.
[126] В 1940–1946 гг. Л. З. Мехлис одновременно занимал должность наркома Госконтроля и заместителя председателя СНК СССР.
[127] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 177. Л. 198.
[128] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142.
[129] Там же. Д. 107. Л. 177–184.
[130] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 185; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 63.
[131] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 233. Л. 285–286.
[132] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160–161, 165, 171; Д. 136. Л. 21.
[133] Там же. Д. 136. Л. 25.
[134] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1166. Д. 12. Л. 39; Оп. 1691. Д. 233. Л. 96–98, 309–312; Оп. 3409. Д. 14. Л. 333; Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 45–46, 83–86, 114, 147; Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 190–193; *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 197–199, 367; Т. 3. С. 12, 24, 34–37; *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 266–268; *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 534; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1984. С. 216; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 144, 170, 226; *Белов М.* Маршалы Победы. М., 1995. С. 65.
[135] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 86.
[136] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 522.
[137] *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 74, 85.
[138] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 522.
[139] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 214.
[140] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 344.
[141] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 527.
[142] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 400.
[143] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 355.
[144] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 31–32.
[145] Автором цитаты допущена ошибка. Н. Н. Воронов с 18 января 1943 г. являлся маршалом артиллерии. (См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 328).
[146] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 32.
[147] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 1981. С. 320.
[148] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 87.
[149] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 380–384.
[150] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 153.
[151] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 407.
[152] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 86.
[153] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 198.
[154] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 355.
[155] Там же. С. 524.
[156] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 59.
[157] *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 534–535.
[158] *Гречко А. А.* Годы войны. М., 1976. С. 479–480.
[159] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 370–372.
[160] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 545.
[161] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.
[162] Там же. Т. 2. С. 173–174.

[163] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 398–399.
[164] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 337.
[165] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 885.
[166] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М. 1995. С. 278.
[167] Служба общевойсковых штабов. М., 1940. С. 11.
[168] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 159. Д. 21. Л. 8.
[169] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы 1917–1968. М., 1969. С. 305.
[170] Советские Вооруженные силы. История строительства. М., 1978. С. 291–292.
[171] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1947. С. 25–29.
[172] Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). С. 168.
[173] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 33–34, 74–75.
[174] Военно-исторический журнал. 1981. № 4. С. 20, 26.
[175] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 425; ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 180. Л. 187; Оп. 12171. Д. 79. Л. 42. Д. 100. Л. 127–128; Ф. 240. Оп. 2767. Д. 175. Л. 55, 63; Служба и войска связи в Отечественной войне. Сб. материалов по изучению опыта войны. № 23 (март — июнь 1946 г.). М., 1947. С. 34, 64–65.
[176] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 236. Л. 38–39.
[177] Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. (Ставка — фронт). С. 106.
[178] Организация связи в основных операциях Великой Отечественной войны. С. 96.
[179] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 296.
[180] *Товстуха П. П., Португальский Р. М.* Управление войсками в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны. М., 1981. С. 69.
[181] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 222.
[182] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1161. Д. 6. Л. 259–260.
[183] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М., 2012. С. 473.
[184] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 92. Л. 171.
[185] *Товстуха П. П., Португальский Р. М.* Указ. соч. С. 74.
[186] ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4259. Д. 446. Л. 42.
[187] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1969. С. 318–323.
[188] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 173.
[189] *Жадов А. С.* Четыре года войны. М., 1978. С. 105–106, 300–301.
[190] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.
[191] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 430. Л. 64–71; Д. 425. Л. 57–70.
[192] Там же. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 326. Л. 1–49.
[193] Там же. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 45.
[194] *Товстуха П. П., Португальский Р. М.* Указ. соч. С. 29.
[195] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 32. Л. 263; Ф. 816. Оп. 3120. Д. 1. Л. 22.
[196] Там же. Ф. 208. Оп. 3039. Д. 36. Л. 35.
[197] Там же. Ф. 251. Оп. 6883. Д. 2. Л. 4–5.
[198] *Товстуха П. П., Португальский Р. М.* Указ. соч. С. 30–31.
[199] В годы войны органы управления тылом имели различные наименования: второй эшелон штаба, второй эшелон управления, тыловой эшелон управления, тыловая группа управления и другие (*Попель Н. Н., Савельев В. П., Шеманский П. В.* Управление войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 34).
[200] *Марамзин В. А.* История развития методов управления войсками в операциях Великой Отечественной войны (работа командующего и штаба). М., 1976. С. 48.
[201] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 3. М., 1958. С. 339, 461.
[202] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2605. Д. 117. Л. 46–47.
[203] *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1970. С. 18–19.

[204] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. С. 362.

[205] *Марамзин В.* Организация управления войсками фронта в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 22.

[206] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 505. Л. 196.

[207] *Марамзин В.* Организация управления войсками фронта в ходе наступательных операций // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 25.

[208] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. М., 1982. С. 219.

[209] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 43–44.

[210] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154.

[211] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 163.

[212] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 173–174.

[213] ЦАМО. Ф. 226. Оп. 321. Д. 21. Л. 15–17.

[214] Там же. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 111–115, 249–251.

[215] Там же. Ф. 62. Оп. 321. Д. 5. Л. 81–82, 99; Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 13–16.

[216] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 295.

[217] История войн и военного искусства: проблемы стратегии, оперативного искусства и военного управления (XVIII — начало XXI в.). В 2-х ч. Ч. 1. М., 2008. С. 309.

[218] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 251.

[219] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 767. Оп. 3. Д. 16. Л. 1.

[220] Штаб Северного флота (1916–1998). Историко-документальный очерк. СПб., 1999. С. 447.

[221] ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 67. Л. 31–34.

[222] Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. С. 37–38.

[223] *Аллакулиев Ю. Б.* История службы связи Тихоокеанского флота // Связь и АСУ Военно-морского флота. М., 2009. С. 46–47.

[224] Связь в Вооруженных силах Российской Федерации — 2010. Тематический сб. С. 38.

[225] ЦВМА. Ф. 10. Д. 238. Л. 58; Д. 17715. Л. 455–456; Д. 32780. Л. 2–3; Д. 32972. Л. 115; Ф. 38. Д. 2286. Л. 100.

[226] Три века Российского флота. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1996. С. 15, 23, 49.

[227] ЦВМА. Ф. 9. Д. 7877. Л. 212.

[228] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1185. Д. 1. Л. 19–20.

[229] Там же. Ф. 48а. Оп. 1153. Д. 20. Л. 20.

[230] ЦВМА. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.

[231] ЦАМО. Ф. 216. Оп. 1148. Д. 4. Л. 180–182.

[232] ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 38. Л. 45.

[233] Там же. Д. 67. Л. 78.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В РУКОВОДСТВЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБОЙ

В системе органов стратегического руководства вооруженными силами в годы войны важное место занимал Генеральный штаб Красной армии. С созданием Ставки Главного командования он должен был стать ее основным стратегическим органом управления войсками действующих фронтов, сил флотов и Вооруженных сил СССР в целом. Однако в первые недели и месяцы войны, как отмечалось ранее, у Верховного главного командования были все основания высказывать неудовлетворенность деятельностью Генерального штаба, не виной, а бедой которого, по утверждению С. М. Штеменко, было то, что он не всегда располагал достаточно подробными данными о положении своих войск и войск противника на фронтах[1].

Из-за частых нарушений связи, потери управления войсками на сбор и анализ информации затрачивалось очень много времени, и к моменту представления обобщенных данных об оперативно-стратегической обстановке в Ставку ВГК они устаревали. В результате к моменту принятия решения обстановка резко изменялась. Войска получали нереальные задачи и выполнить их не могли.

Становление Генерального штаба Красной армии как основного планирующего, организующего и руководящего органа Верховного главнокомандования происходило уже в ходе войны.

Оптимизация организационной структуры и функций Генерального штаба в ходе войны

Генеральный штаб вступил в войну, имея организационно-штатную структуру для решения задач военного строительства и подготовки страны и вооруженных сил к войне. В предвоенное время и особенно с началом Второй мировой войны его организационная структура претерпевала неоднократные изменения, обусловленные ростом объема и сложностью задач военного строительства. Так, в октябре 1939 г. Генштаб был переведен на новую организацию, ряд его отделов развернут в управления. Однако уже после завершения Советско-финляндской войны были предприняты новые шаги по дальнейшему структурированию и повышению роли Генштаба в системе органов управления РККА. В частности, состав его самостоятельных управлений был расширен с четырех до восьми, в том числе за счет введения управлений разведывательного, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск, необходимость в создании которых выявила война[2].

Весной 1941 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и советского правительства от 8 марта 1941 г. в Наркомате обороны были перераспределены обязанности между заместителями наркома обороны, уточнены структура и функции Генштаба и его подразделений.

Таким образом, практически до начала Великой Отечественной войны в Генеральном штабе проводились мероприятия по совершенствованию организационно-штатной структуры, уточнению его задач и функций. Вместе с тем в предвоенные годы не удавалось решить вопросы по комплектованию основных подразделений Генерального штаба высококвалифицированными кадрами. Отрицательную роль в этот период сыграли частое переназначение начальников его основных структурных подразделений и смена начальников Генштаба. За четыре предвоенных года должность начальника Генерального штаба исполняли маршалы А. И. Егоров, Б. М. Шапошников, генералы армии К. А. Мерецков и Г. К. Жуков.

Все это весьма неудовлетворительно сказалось на качестве решения стоящих перед Генеральным штабом задач, важнейшими из которых являлись: прогнозирование характера будущей войны; анализ военно-политической и стратегической обстановки; оперативно-стратегическое и мобилизационное планирование; подготовка вооруженных сил к отражению возможной агрессии; развитие военной теории и практики; решение вопросов устройства тыла и снабжения Красной армии; организация строительства укрепленных районов и прочее. Многое из вышеперечисленного Генеральный штаб успел сделать к началу войны, однако это были задачи военного строительства мирного времени. И в результате оказалось, что, готовя страну и вооруженные силы к войне, Генеральный штаб сам оказался не подготовлен к оперативному управлению ими в ходе боевых действий — ни структурно, ни функционально.

Война поставила перед органами военного управления, в том числе перед Генеральным штабом новые задачи, главной из которых было устойчивое управление войсками действующей армии. С первых дней войны стало очевидным, что с развертыванием фронтов и армий его организационная структура, ориентированная на решение задач в условиях мирного времени с опорой на управления военных округов, перестала отвечать требованиям быстро меняющейся оперативно-стратегической обстановки.

Положение усугублялось тем, что на базе штабов военных округов были развернуты органы управления военного времени — полевые управления фронтов, а Генеральный штаб оставался в прежней организационной структуре. Дело в том что в начале войны Главное командование не отводило Генеральному штабу ведущей роли в управлении войсками действующей армии. Ставка Главного командования рассчитывала остановить агрессию противника силами войск приграничных округов и, несмотря на развитие событий 22 июня 1941 г., не оставила этой мысли, решив усилить командования созданных фронтов руководящим составом центрального аппарата, в том числе и за счет руководства Генерального штаба, включая его начальника. В разговоре с Г. К. Жуковым И. В. Сталин так мотивировал это решение: «Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования»[3].

На другие фронты также были направлены руководящие лица Наркомата обороны: первый заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин — на Северо-Западный, заместитель начальника Генерального штаба В. Д. Соколовский и начальник Оперативного управления Г. К. Маландин — на Западный. Попытки Главного командования ограничиться оказанием помощи командованию фронтов выездом в действующую армию начальника и других руководителей Генерального штаба только усугубили положение дел с централизацией управления вооруженными силами, ослабили состав и возможности Генштаба.

В этот период все внимание военно-политического руководства страны было приковано к событиям на фронтах. Средства Наркомата связи были направлены на установление прямого контакта должностных лиц Верховного командования с командованиями фронтов. В то же время Генеральный штаб оказался вне зоны принятия важных управленческих решений. «Генеральный штаб в самый ответственный момент оказался предоставленным самому

себе, — вспоминал А. М. Василевский. — Все решения принимались наверху помимо него, и он был лишь передаточной инстанцией»[4]. При этом Генштаб не имел заблаговременно оборудованного пункта управления и надежно защищенных средств связи. Противник с началом военных действий сразу же вывел из строя большое количество радиостанций, узлов и линий государственной и войсковой связи. Связь Генерального штаба с фронтами оказалась неустойчивой, вследствие чего имели место частые потери управления.

Таким образом, возрастающая потребность Красной армии в оперативном управлении войсками не могла быть в это время удовлетворена адекватными действиями со стороны Генерального штаба в силу неопределенности и незначительности отводимого ему места в системе стратегического руководства, несовершенства структуры и специфики управления действующей армией в условиях сложившейся обстановки на советско-германском фронте. «Прежде чем стать эффективным оперативным органом Верховного главнокомандования, — отмечал А. М. Василевский, — он прошел путь поисков своего места в стратегическом руководстве, своей организационной структуры, методов в работе»[5].

Военные события развивались с молниеносной быстротой. Организация и координация усилий фронтов, взаимодействия между ними, сбор данных об обстановке, доведение задач до командования и штабов оказались крайне затруднены. Несмотря на самоотверженность работников Генерального штаба, которые круглые сутки не покидали своих рабочих мест, они с трудом справлялись со сбором информации об обстановке, а иногда и плохо знали ее. В оперативной сводке Генерального штаба от 27 июня 1941 г., например, применительно к Западному фронту отмечалось: «Обстановка и положение войск на участке фронта не выяснены. Армии ведут самостоятельные бои. Их положение также не установлено»[6].

Приоритетность решения таких задач, как сбор и обработка данных об обстановке, выработка предложений по применению войск и своевременное доведение до них боевых задач, создание и переброска резервов, не принижала важности и остальных направлений деятельности Генерального штаба в этот период, связанных с мобилизацией, устройством тыла и снабжением Красной армии. При этом отведенная Генеральному штабу роль в системе военного управления в первые дни войны была несколько расплывчатой, неопределенной, в большей степени посреднической и, по мнению А. М. Василевского, малоэффективной. «Убежден, — писал он, — что активное использование коллектива Оперативного управления, равно как и коллективов других управлений Генштаба, принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»[7].

Вместе с тем следует признать, что низкая эффективность управленческой деятельности Генштаба на этом этапе войны во многом была предопределена самой его структурой, ориентированной на функционирование в мирное время. Только после неудачного стремления остановить и разгромить противника силами войск приграничных округов стало очевидным, что без опоры на центральный аппарат, в первую очередь Генеральный штаб, и без жесткой централизации управления решение многих поставленных на повестку дня задач невозможно. Среди них на первый план выходили: создание нового стратегического фронта обороны; проведение крупных перегруппировок войск; формирование резервов и их материально-техническое обеспечение; организация стратегического и оперативного взаимодействия; обобщение и использование опыта войны и прочее.

Одновременно по итогам начального периода войны стала очевидной необходимость преобразований всего центрального аппарата военного управления с целью его адаптации к требованиям войны. Это относилось как к Наркомату обороны в целом, так и к его структурным подразделениям. 28 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 300, которое предусматривало изменение структуры и функций Наркомата обороны, в том числе Генштаба[8]. Согласно этому постановлению на Генеральный штаб возлагались задачи разработки проектов директив и приказов Ставки по применению вооруженных сил, организации и руководства разведкой, решения вопросов оперативной подготовки войск и штабов, сбора и обработки материалов по изучению опыта войны. Вместе с другими

Г. К. Жуков

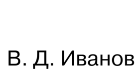

Б. М. Шапошников

А. М. Василевский

В. Д. Иванов

С. М. Штеменко

Г. К. Маландин

органами Наркомата обороны Генеральный штаб разрабатывал и представлял в наркоматы промышленности заявки на выпуск военной продукции. В то же время Генеральный штаб освобождался от организационных функций и мобилизационных вопросов и сосредотачивал усилия на оперативно-стратегическом руководстве вооруженными силами.

В соответствии с поставленными задачами претерпела изменение и структура Генерального штаба. Тем же постановлением ГКО № 300 из Генштаба передавались в другие органы: управления организационное, мобилизационное и укомплектования и устройства войск — в состав вновь созданного Главного управления формирования и укомплектования войск; управления военных сообщений, автодорожное, устройства тыла и снабжения войск (за исключением органов, организационно вошедших в Управление устройства оперативного тыла Генштаба) — в состав Главного управления тыла, а узел связи — в состав Главного управления связи Красной армии. После реорганизации Генеральный штаб имел в своем составе шесть управлений: оперативное, разведывательное, военно-топографическое, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, шифровальной службы, а также три отдела: военно-исторический, кадров и общий[9]. Кроме того, была создана специальная Группа офицеров Генерального штаба для связи с войсками, которая тесно взаимодействовала с Оперативным управлением.

За организационными преобразованиями произошли и кадровые перестановки. В связи с назначением генерала армии Г. К. Жукова командующим резервными армиями Вяземско-Ржевской линии (постановление ГКО № 325 от 29 июля 1941 г.), на базе которых в последующем был сформирован Резервный фронт с непосредственным подчинением Ставке ВГК, приказом наркома обороны № 0270 от 10 августа 1941 г. он был освобожден от должности начальника Генерального штаба Красной армии, и новым начальником Генштаба стал заместитель народного комиссара обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников[10].

Одновременно нарком обороны И. В. Сталин утвердил «Положение о Генеральном штабе Красной армии», в котором были определены функции и задачи и уточнена его организационная структура. В соответствии с положением Генеральный штаб Красной армии являлся «центральным органом управления народного комиссара обороны Союза ССР по подготовке и использованию Вооруженных сил Союза ССР для обороны страны». Для него определялись следующие функции: разработка директив и приказов Ставки ВГК по оперативному использованию вооруженных сил и планов войны на новых возможных театрах военных действий; организация и руководство разведывательной деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информации нижестоящих штабов и войск; разработка вопросов противовоздушной обороны; разработка и руководство строительством укрепленных районов; руководство военно-топографической службой Красной армии и снабжение ее топографическими картами. Кроме того, на Генеральный штаб возлагались: руководство оперативной подготовкой всех штабов, родов войск, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; разработка положений о вождении армейских соединений, наставлений и руководств по штабной службе; издание описаний театров военных действий; сбор и обработка материалов по изучению опыта войны и разработка приказов, директив и указаний по использованию опыта войны; руководство историческими разработками по изучению мирового опыта мировой и Гражданской войн; организация и руководство шифровальной службой КА и обеспечение скрытного управления войсками[11].

Начальник Генерального штаба в соответствии с указаниями и решениями народного комиссара обороны должен был координировать деятельность всех управлений Наркомата обороны, давать им задания и указания. Он наделялся полномочиями подписывать вместе с Верховным главнокомандующим приказы и директивы Ставки ВГК.

Изменения в структуре и функциях коснулись практически всех подразделений Генштаба. В первую очередь они затронули ведущее — Оперативное управление. С учетом созданных 10 июля 1941 г. главных командований стратегических направлений существовавшие в управлении отделы были упразднены, а вместо них в августе 1941 г. развернуты восемь операци-

онных направлений: Северное, Северо-Западное, Западное, Центральное, Юго-Западное, Южное, Ближневосточное и Дальневосточное. При этом сохранялись отделы оперативной подготовки, авиационный, ПВО, связи, общая часть и дополнительно включались еще четыре отдела: резервов, оргучетный, оперативных перевозок, автобронетанковый. Общая численность управления несколько сократилась за счет убытия ряда генералов и офицеров на фронты, а также существующего некомплекта личного состава, и в итоге включала 141 человека[12].

Однако переход управлений Генерального штаба к работе в условиях военного времени происходил сложно и довольно медленно. Начальники направлений (отделов) и их подчиненные, не имея инструкций и не зная своих функциональных обязанностей для работы в условиях войны, с ее началом продолжали руководить подчиненными им округами (фронтами) по прежней схеме. Тем временем обстановка на фронтах с каждым днем осложнялась и резко менялась, в результате на первый план выдвинулся сбор данных об обстановке. Анализируя работу Оперативного управления в первые два месяца войны, его начальник генерал-майор А. М. Василевский на партийном собрании 18 августа 1941 г. особое внимание обращал на неблагополучное положение дел в управлении со сбором данных об обстановке, которые не анализировались, выводов и обоснованных предложений командованию не делалось[13]. Начальникам направлений не удавалось осуществлять строгий контроль над доведением до штабов войск и исполнение ими директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и Генерального штаба. Оперативные сводки с фронтов опаздывали, карты велись небрежно и не отражали всей полноты обстановки. Работа внутри направлений была недостаточно организована, взаимного информирования между направлениями и отделами не было[14].

Слабым местом оставалась связь, поэтому 4 сентября 1941 г. Ставка ВГК в целях обеспечения прямой телеграфной связи Верховного главнокомандования с оперативными штабами приказывала «начальнику Главного управления связи Красной армии тов. Пересыпкину по требованию начальника Генерального штаба обеспечить немедленное установление прямых телеграфных связей через штабы фронтов с каждым штабом армии», а также «организовать надежную радиосвязь Генерального штаба Красной армии со штабами армий»[15].

Большой проблемой в первые месяцы войны как для Генерального штаба, так и для Ставки ВГК был сбор разведывательной информации о противнике. Ослабленное кадровыми перетрясками еще в предвоенные годы Разведывательное управление не имело на протяжении начального периода войны постоянного начальника, а также руководителя по агентурной работе, не в полной мере справлялось с поставленными задачами. Это было обусловлено в том числе большим уроном, нанесенным советской агентурной разведывательной сети, и активным проведением немецким командованием мероприятий по дезинформации. К концу 1941 г. Разведуправление потеряло связь с агентурой в 11 европейских государствах.

В сложных условиях оперативной обстановки на фронтах и внутренней перестройки своей деятельности шло постепенное налаживание внутренних связей, совершенствование структуры и выработка стиля, методов работы Генерального штаба. При непосредственном участии Б. М. Шапошникова был установлен следующий распорядок работы сотрудников Генерального штаба, увязанный с режимом деятельности Ставки ВГК. Ежесуточно к 4.00 собиралась информация от штабов фронтов для представления Ставке первых сообщений об обстановке. Она уточнялась, и к 8.00 составлялась оперативная сводка, которая докладывалась по телефону И. В. Сталину. Одновременно в Оперативном управлении с привлечением работников других управлений Генерального штаба и Наркомата обороны готовился к 21.00 итоговый доклад начальнику Генштаба с приложением карт (за каждый фронт — масштаба 1:200 000 с обстановкой до дивизии, иногда полка включительно, и с общей обстановкой на всем советско-германском фронте — масштаба 1:1 000 000), необходимых схем, расчетов и графиков пополнения войск, сосредоточения резервов, поставок техники и прочего. В 23.00 начальник Генерального штаба или начальник Оперативного

управления докладывали Ставке все эти документы вместе с последними донесениями военных советов фронтов и проектами решений Верховного главнокомандующего по сложившейся обстановке. По результатам доклада в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего в направлениях Оперативного управления разрабатывались приказы, директивы и указания Ставки войскам и представлялись начальнику Генерального штаба. В последующем осуществлялся строгий контроль над своевременным доведением задач до исполнителей. «В результате реорганизации, — вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — Генштаб стал более работоспособным, оперативным органом и смог гораздо результативнее выполнять возложенные на него задачи»[16].

Сложившиеся в Генеральном штабе в этот период режим и порядок работы в основном сохранились до конца войны. Вместе с тем они постоянно претерпевали определенные уточнения в целях улучшения деятельности коллективов управлений и отделов в зависимости от обстановки. Так, в разгар Московской битвы, когда создалась критическая для страны обстановка, по решению ГКО 16 октября 1941 г. Генеральный штаб, как и многие другие правительственные учреждения, отбыл из Москвы в Арзамас, чтобы под руководством Б. М. Шапошникова организовать в тылу страны запасной пункт управления. В Москве для обслуживания Ставки ВГК осталась оперативная группа Генштаба под руководством генерал-майора А. М. Василевского[17]. В столице осталась и группа военных разведчиков, которые обеспечивали оперативную группу Генштаба и Ставку ВГК разведсведениями о противнике[18]. «Жизнь в оперативной группе, — по словам С. М. Штеменко, — отличалась исключительной напряженностью»[19]. Решалась судьба не только столицы, но и всей страны. Никто не жалел своих сил и делал все возможное в этих условиях. Советское правительство высоко оценило работу группы в эти тяжелые дни, и 28 октября 1941 г. постановлением СНК СССР четырем генералам и офицерам из оперативной группы, включая А. М. Василевского, были присвоены очередные воинские звания.

В двадцатых числах ноября 1941 г. возвратился в Москву основной состав Генерального штаба во главе с Б. М. Шапошниковым. Работы было много. В результате крайнего переутомления Б. М. Шапошников в конце ноября почти на две недели прервал работу по болезни. Обязанности начальника исполнял его заместитель генерал-лейтенант А. М. Василевский. В этот период важно было организовать работу Генштаба так, чтобы она была эффективной. Прежде всего требовалось четко определить границы ответственности и круг функциональных обязанностей каждого направления, отдела, начальников и их подчиненных.

В ноябре 1941 г. заместителем начальника Генерального штаба была разработана и утверждена «Инструкция для начальника направления», согласно которой он нес ответственность за постоянную, полную ориентировку Ставки ВГК и начальника Генштаба по своему направлению, своевременнее доведение до войск всех директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и начальника Генштаба, отвечал за ход операции и ее правильное развитие. Он должен был всегда знать обстановку и положение дел на фронте (о противнике и своих войсках); разрабатывать проекты директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и начальника Генштаба; составлять справки, оперативные расчеты и заявки по материальному обеспечению войск; ставить задачи фронтам по разведке; активно влиять на ход операции и боя дополнительными распоряжениями на основе решений Ставки ВГК и указаний начальника Генштаба. Кроме того, ему вменялось в обязанности вести учет всех запросов фронта и армий, своевременно разрабатывать проекты ответов на них и докладывать их Ставке ВГК и начальнику Генштаба; проверять выполнение всех отданных директив, приказов и распоряжений, добиваться быстрого вручения их адресату; вести отчетную и рабочую карты; поддерживать непрерывную связь с фронтом и армиями; вести постоянный учет состава направления, обеспечивать постоянную высокую бдительность и строжайшую секретность в работе; организовать работу своих подчиненных, четко определив их обязанности, направление и порядок работы[20].

Таким образом, только после проведения ряда организационных мероприятий, четкого распределения функциональных обязанностей, устранения серьезных упущений, выявив-

шихся в первые месяцы войны, Оперативное управление (в общей сложности через шесть месяцев) полностью осуществило переход к работе с мирного на военное время.

Шла реорганизация и в других управлениях. От тесного взаимодействия всех структур Генерального штаба и Наркомата обороны зависел успех общей работы. На первом плане всегда была добыча данных о противнике, поэтому с первых дней войны офицеры Разведуправления прикреплялись для работы к соответствующим направлениям Оперативного управления. В тесном контакте с Оперативным управлением работал заместитель начальника Разведуправления по информации генерал-майор Л. В. Онянов.

Весной 1942 г. потребовались очередные изменения в структуре и функциях Оперативного и других управлений Генштаба с учетом опыта войны. В условиях быстро меняющейся военной обстановки по-прежнему основные направления — Северо-Западное, Западное, Центральное, Юго-Западное — не в полной мере обеспечивали руководство несколькими фронтами на одном стратегическом направлении. Было решено создать направления преимущественно каждое на фронт и исключить ряд отделов из состава управления. В мае 1942 г. такие изменения штатной структуры были внесены. Всего в мае — декабре 1942 г. были созданы и функционировали 14 направлений: Карельское, Ленинградское, Северо-Западное, Калининское, Западное, Брянское, Юго-Западное, Южное, Ближневосточное, Дальневосточное, Воронежское, Волховское, Сталинградское и Донское, а также самостоятельные отделы: информационный, оперативной связи, общий, авиационный, ПВО, склад топографических карт, библиотека, архив.

Среди тех, кто добросовестно выполнял в годы войны нелегкие обязанности начальников направлений Оперативного управления, были: полковник М. А. Красковец (Карельское), генерал-майор С. И. Гунеев (Ленинградское), полковник В. А. Небучинов (Волховское), генерал-майор В. Д. Карпухин (Северо-Западное), генерал-майор Ф. И. Шевченко (Калининское), генерал-майоры С. С. Броневский, В. В. Курасов (Западное), полковник М. М. Потапов (Брянское), полковник Я. А. Куцев (Воронежское), генерал-майор К. Ф. Васильченко (Юго-Западное), полковник С. М. Енюков (Донское), генерал-майор А. А. Грызлов (Сталинградское), генерал-майор С. М. Штеменко (Закавказское) и многие другие.

Исключение из Оперативного управления некоторых отделов (оргучетного, оперативных перевозок, оперативной подготовки, автобронетанкового, связи) избавляло его от решения многих несвойственных ему задач и позволяло сосредоточить основное внимание на выполнении оперативной и информационной работы в интересах Генерального штаба и Ставки ВГК[21]. Общая штатная численность управления не превышала 153 человек[22].

Выведение из состава Оперативного управления перечисленных отделов, в частности оргучетного, мотивировалось и рядом других причин. Как показала практика, передача в августе 1941 г. Организационного управления из Генштаба в состав Главного управления формирования и укомплектования войск Наркомата обороны была серьезной ошибкой, приведшей к снижению оперативности решения организационных вопросов в соответствии с обстановкой. Оргучетный отдел Оперативного управления не справлялся с постоянно растущим объемом возложенных на него задач, поэтому 22 апреля 1942 г. приказом наркома обороны № 0324 на базе Оргучетного отдела Оперативного управления было сформировано Организационное управление Генерального штаба, которое возглавил генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. «Вопросами организационной структуры всех родов войск, — вспоминал С. М. Штеменко, — ведал генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Он же планировал укомплектование фронтов, контролировал готовность резервов и наличие обученного маршевого пополнения. Кроме того, в руках его аппарата были дислокация и учет численности войск в военных округах, учет потерь на фронтах. Ему же подчинялись отделы военно-учебных заведений и оперативных перевозок. Через последний ставились задачи ВОСО на переброску войск при подготовке операций и в ходе их»[23].

Отдел перевозок, также выведенный из Оперативного управления, возглавлял полковник С. А. Красносельский, позднее — полковник И. К. Ткаченко[24].

На базе Отдела оперативной подготовки Оперативного управления в марте 1942 г. был сформирован Информационный отдел, который возглавил генерал-майор С. П. Платонов. Он проводил ежедневное оперативное ориентирование начальников управлений и направлений Генерального штаба, готовил оперативную сводку и информационные сообщения, материал для доклада в Ставку ВГК.

Как уже отмечалось, оперативные сводки Генерального штаба составлялись ежедневно по состоянию на 8.00 и 20.00, начиная с 22 июня 1941 г. и до конца войны. Представлялись они членам ГКО, Ставки ВГК, заместителям наркома обороны. Каждое направление давало Информационному отделу в оперсводку сформулированный пункт за свой фронт. Сводки подписывались начальником Оперативного управления и начальником Информационного отдела. Донесения Ставке ВГК составлялись три раза в сутки по состоянию на 4.00, 15.00 и 23.00, начиная с июля 1941 г. и до конца войны. В них кратко излагались важные события, происходящие на фронтах. Рассылались эти донесения членам Ставки ВГК за подписью начальника Оперативного управления или его заместителей. Открытые сообщения Информбюро разрабатывались к 8.30 и 20.30 ежедневно и направлялись в Совинформбюро для последующей публикации в печати и сообщениях по радио. В них обобщалась краткая обстановка на советско-германском фронте с указанием важных событий, фактов и результатов боевых действий. Подписывались они начальником Оперативного управления. В Информационном отделе в качестве отчетно-информационных документов велись карты: оперативной обстановки на фронтах за каждый день (масштаба 1:1 000 000) и общей стратегической обстановки за 3–5 дней (масштаба 1:2 500 000). Все карты проверялись и визировались начальником отдела. Кроме того, генерал С. П. Платонов лично отвечал за подготовку карт для доклада Верховному главнокомандующему.

В апреле 1942 г. в Генеральном штабе был создан Отдел по изучению опыта войны. Его возглавил генерал-майор П. П. Вечный. Собранный и обобщенный в отделе материал находил отражение во вновь разрабатываемых уставах, наставлениях и директивах Ставки ВГК, оперативно доводился до штабов и войск действующей армии и военных округов.

11 мая 1942 г. в связи с обострением болезни Б. М. Шапошникова временное исполнение обязанностей начальника Генерального штаба было возложено на начальника Оперативного управления генерал-лейтенанта А. М. Василевского, а 26 июня 1942 г. приказом Ставки ВГК он (уже в звании генерал-полковника) был утвержден в должности начальника Генштаба. Уход А. М. Василевского, по словам С. М. Штеменко, чрезвычайно тяжело сказался на работе Оперативного управления. «В течение полугода там сменилось несколько начальников. Эту должность поочередно занимали П. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними обязанности начальника управления временно исполняли П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный, Ш. Н. Гениатулин»[25].

Во время пребывания А. М. Василевского на фронтах обязанности начальника Генерального штаба исполнял комиссар Ф. Е. Боков. Длительные разъезды начальника Генштаба по фронтам, смена начальников Оперативного управления нарушали ритм работы, создавали нервозную обстановку. Но постепенно установилась планомерность, и авралы стали не такими частыми. «Примерно ко второй половине 1942 г., — по утверждению С. М. Штеменко, — организационные формы Генерального штаба пришли в соответствие с содержанием его работы»[26].

К этому времени изменилось и отношение Верховного главнокомандующего к коллективу Генштаба. «Поворотной вехой перестройки Сталина, — вспоминал А. М. Василевский, — явился сентябрь 1942 г., когда создалась очень сложная обстановка, и особенно требовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден опираться на коллективный опыт военачальников... С тех пор наиболее важные решения принимались при участии его заместителя, работников Генштаба, главных управлений»[27].

Осенью 1942 г. был проведен ряд новых организационных изменений в структуре Генерального штаба. Управление укрепленных районов было реорганизовано в отдел с функциями контроля и сокращением штатной численности в три раза[28]. Управление устройства

оперативного тыла сократилось на 15 человек. В то же время были расширены штаты отделов военно-исторического и по использованию опыта войны[29]. В ноябре 1942 г. был создан Отдел специальных заданий Генерального штаба[30], который занимался непосредственной связью с зарубежными военными миссиями. Его возглавил генерал-майор Н. В. Славин. До открытия второго фронта связь с союзниками ограничивалась взаимной информацией о ходе военных действий, обменом разведывательными данными и прочим.

По рекомендации А. М. Василевского на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба в декабре 1942 г. был назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов. Познакомившись с людьми и обстановкой, он вскоре установил жесткий регламент работы Генштаба, который способствовал повышению эффективности его деятельности. В новый, 1943 г. коллектив Генштаба вступал сколоченным и опытным в решении возложенных на него задач. Однако поиск оптимизации структуры и функций продолжался и осуществлялся до конца войны, продолжая совершенствоваться в соответствии с запросами и требованиями времени и обстановки.

Опыт ведения военных действий показал потребность фронтов в собственной агентурной разведке. Поэтому в апреле 1943 г. центральные органы разведки были вновь реорганизованы. Приказом наркома обороны Управление войсковой разведки Генштаба было преобразовывано в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии с возложением на него руководства войсковой и агентурной разведкой фронтов, осуществления регулярной информации о действиях и намерениях врага и проведения дезинформации противника. Заместителем начальника Генштаба по разведке и начальником Разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов, его заместителями — генерал-майор Л. В. Онянов и генерал-майор П. Н. Вавилов[31]. Кроме того, в аппарате начальника Генштаба была создана группа (на правах отдела) по обобщению и анализу сведений о противнике, поступающих от органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НКВМФ, Главного управления Смерш и партизанских штабов.

В целом Генеральный штаб в годы войны справился с организацией разведки. Получаемые сведения о противнике по своему объему и содержанию позволяли ему, Верховному главнокомандованию, штабам фронтов и армий принимать верные решения, способствовавшие достижению успеха в проводимых операциях.

Очередные организационные преобразования в структуре Оперативного управления Генерального штаба были проведены в июне 1943 г. В соответствии с изменившейся оперативно-стратегической обстановкой на фронтах в Оперативном управлении были упразднены Сталинградское, Донское, Калининское направления и созданы новые — Центральное, Воронежское, Резервное. Общее количество направлений составляло 13. Кроме того, в состав управления были включены новый отдел — укрепленных районов (после реорганизации соответствующего управления) и группа особых поручений. В результате проведенных организационных мероприятий общая штатная численность Оперативного управления к осени 1943 г. возросла почти в два раза: в мае — 176 человек, в июле — 300 человек, в сентябре — 340 человек.

Важным решением начальника Генерального штаба в это время стало расформирование самостоятельной Группы офицеров — представителей Генерального штаба и включение их в штат каждого направления Оперативного управления, исходя из следующего расчета: 5–10 человек на фронт и 1–2 офицера на каждую отдельную (общевойсковую) и воздушную армию[32].

С целью исключения дублирования в решении организационных вопросов 4 мая 1943 г. приказом наркома обороны Организационное управление Генерального штаба и Организационно-штатное управление Главупраформа были объединены в Главное организационное управление Генштаба, начальником которого был назначен генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Главное управление состояло из двух управлений — организационно-учетного и по оперативно-организационным мероприятиям[33]. Управления мобилизационное, комплектования и формирований, а также вооружения и материального обеспечения формирований продолжали оставаться в Главупраформе.

Ф. Е. Боков

Группа офицеров Генштаба, работавшая с А. М. Василевским при его выездах на фронт

Первый заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов (справа) и начальник Оперативного управления С. М. Штеменко

На Главное организационное управление Генштаба возлагались следующие задачи: подготовка предложений и директив по проведению различных организационных изменений в Красной армии; учет количества войск, их дислокации и потерь; разработка штатов, а также планов и директив по выводу соединений и частей в резерв Ставки и по межфронтовым перегруппировкам; осуществление контроля над состоянием воинских формирований, находящихся в резерве Ставки, их доукомплектованием и обеспечением и прочее[34].

Еще ранее приказом Ставки ВГК от 31 января 1943 г. Центральное управление военных сообщений было передано в подчинение начальнику Генерального штаба. Непосредственное руководство Центральным управлением военных сообщений в Генеральном штабе возлагалось на заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта А. Г. Карпоносова[35].

С созданием Главного организационного управления вопросы, связанные с организационной структурой войск и их штатами, стали решаться только в Генеральном штабе. Постановлением ГКО от 21 июня 1943 г. № 3621 «Об установлении нового лимита штатной численности Красной армии» запрещалось другим органам центрального военного управления «проводить формирования и переформирования, вносить изменения в штаты частей и учреждений, производить их передислокацию без соответствующего оформления директивами Генерального штаба»[36].

В июне 1943 г. Управление устройства оперативного тыла Генштаба было переформировано в отдел. Офицеры отдела разрабатывали директивы, определявшие основы организации тыла в действующей армии, контролировали работу тыла фронтов и армий, в которой значительную часть занимали воинские перевозки. В декабре 1944 г. в связи с увеличением масштаба работ отдел был вновь развернут в управление[37].

Последний за годы войны новый штат Оперативного управления был введен в сентябре 1943 г. В течение 1943–1944 гг. и первой половины 1945 г. в него вносились лишь некоторые изменения и уточнения. Они касались главным образом наименований направлений

(Прибалтийские, Украинские, Белорусские). Кроме того, создавались новые и исключались из штата выполнившие свои задачи направления (Волховское, 3-е Прибалтийское). С переносом военных действий за пределы СССР на правах самостоятельных направлений в Оперативном управлении с 24 апреля 1944 г. работали представители при 1-й польской армии (12 человек) и при румынской дивизии (девять человек). В период подготовки к военным действиям с Японией помимо имевшихся в составе Оперативного управления Ближневосточного и Дальневосточного направлений были созданы Забайкальское (с 25 февраля 1944 г.) и Приморское (с 7 июля 1945 г.) направления. Отдел ПВО был преобразован в артиллерийский. Вновь в управление включили Отдел бронетанковых войск. Количество генералов и офицеров в каждом направлении и отделе колебалось от 3–7 до 12–25 человек. Общая численность Оперативного управления к концу войны составляла 353 человека (генералов — 46, офицеров — 289, сержантов — 10, рядовых — 8)[38].

Начиная с 1943 г. и до конца войны в Генеральном штабе действовала строго регламентированная информационная система, позволявшая оперативно влиять на все изменения в боевой обстановке и организацию оперативной подготовки войск и штабов, знакомить гражданское население с обстановкой на советско-германском фронте. 5 июня 1943 г. была издана специальная директива, определявшая, в каких инстанциях иметь полные данные об оперативной обстановке (в общевойсковых штабах всех степеней — в оперативных отделах, в Наркомате обороны — только в Оперативном управлении Генерального штаба) и о боевом и численном составе войск фронтов, округов и армий, всей Красной армии в целом (только в Оперативном и Главном организационном управлениях Генерального штаба и соответственно в оперативных отделах и отделах укомплектования штабов фронтов, округов и армий), а также порядок ведения учета и представления донесений.

В соответствии с директивой Оперативное управление разработало и разослало в войска «Табель срочных донесений по Генеральному штабу», введенный в действие с 1 августа 1943 г. и действовавший в основном до конца войны (некоторые уточнения были внесены в феврале 1945 г.). Согласно утвержденному табелю штабы действующих фронтов и отдельных армий в годы войны представляли в Оперативное управление: оперативные сводки — один раз в сутки к 8.00 за истекшие сутки по данным на 24.00 (шифром); копии журналов боевых действий с отчетной картой за истекший месяц — к 15-му числу каждого месяца (почтой); сводки о потерях противника и трофеях — три раза в месяц к 1, 10 и 20-му числам (шифром); сводки о потерях своих войск — три раза в месяц к 1, 10 и 20-му числам (шифром); донесения о военнослужащих, дезертировавших из частей фронта (армии), — ежедекадно 3, 13 и 23-го числа ежемесячно[39].

По оперативной подготовке штабы недействующих фронтов и отдельных армий представляли в Оперативное управление Генерального штаба Красной армии следующие отчетные материалы: план мероприятий по оперативной подготовке на каждый месяц с указанием тем фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных командно-штабных учений (шифром к первому числу); результаты о выполнении месячного плана оперативной подготовки (шифром); отчет по каждому фронтовому, армейскому и корпусному командно-штабному учению с приложением задания и плана учений, карт, боевых приказов и других планирующих документов (план операции, боя, план артиллерийского наступления, план перегруппировки и прочее) и письменных материалов по разбору учений; итоговые отчеты за каждый период обучения; задания на фронтовые учения на утверждение — за десять дней до начала учения[40].

При разработке боевых и других документов, издании печатной продукции различного назначения важное внимание уделялось сохранению тайны и неразглашению секретных сведений. В целях улучшения руководства военной цензурой приказом заместителя наркома обороны от 18 сентября 1943 г. в состав Генерального штаба был включен Отдел военной цензуры[41].

Особое место в работе Генерального штаба в последний период войны занимали вопросы организации связи и поддержания взаимодействия со штабами армий союзников. С образованием антигитлеровской коалиции при Генеральном штабе были аккредитованы военные миссии США, Великобритании, правительства «Сражающейся Франции», а также

Норвегии, Чехословакии, Национального комитета освобождения Югославии. Советские военные миссии были учреждены при штабах союзных армий, они подчинялись Ставке ВГК через Генеральный штаб и не входили в компетенцию послов.

В полном объеме вопросы взаимодействия с союзниками стали отрабатываться со второй половины 1944 г., когда Красная армия перенесла боевые действия за пределы территории СССР, а союзники открыли второй фронт в Европе. В сентябре 1944 г. в целях улучшения работы с военными миссиями союзных армий на базе Отдела спецзаданий Генштаба и Отдела внешних сношений Наркомата обороны было создано Управление спецзаданий в составе Генерального штаба. Начальником управления и одновременно помощником начальника Генштаба стал генерал-майор Н. В. Славин, его заместителем — генерал-майор М. Н. Кутузов[42]. С этого времени Генштаб ежедневно информировал союзников о положении на фронте советских войск, согласовывал объекты и рубежи бомбардировок противника советской и союзной авиацией при совместных действиях и решал другие вопросы.

Важной областью деятельности Генерального штаба являлось обобщение опыта войны. В целях наиболее полного использования опыта Отечественной войны в боевой подготовке Красной армии и улучшения постановки этой работы в войсках и центральных управлениях НКО приказом заместителя наркома обороны от 8 марта 1944 г. в Генштабе на базе Отдела по использованию опыта войны и Уставного отдела было сформировано Управление по использованию опыта войны Генерального штаба Красной армии[43]. Его деятельность была направлена на распространение боевого опыта, повышение результативности военных действий, способствовала развитию советского военного искусства.

Война значительно расширила функции Генерального штаба, выдвинула новые, более сложные задачи, в решении которых он стал главным рабочим органом высшего военного руководства страны. На завершающем этапе войны, в 1944—1945 гг., Генеральный штаб имел следующую организационно-штатную структуру: управления — оперативное, разведывательное, главное организационное, военно-топографическое, 8-е, по использованию опыта войны, спецзаданий оперативного тыла; отделы — военно-исторический, кадров, военной цензуры, административно-хозяйственный и группу по анализу данных о противнике.

Постоянно совершенствуя структуру Генерального штаба Красной армии, ГКО и Ставка ВГК добивались эффективного решения возложенных на него задач, несмотря на то, что на протяжении всей войны существовала проблема нехватки квалифицированных кадров. Укомплектованность Генерального штаба военнослужащими не превышала 85%, а в критические моменты 1941—1942 гг. — колебалась от 22 до 71%[44]. При этом в целях высвобождения начальствующего состава для действующей армии неоднократно предпринимались меры по сокращению штатов центрального аппарата управления, в том числе Генштаба. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 26 ноября 1941 г.[45] его штат к концу года должен был составлять 700 человек[46], что означало практически троекратное сокращение. Сокращение прошло, хотя и не такое кардинальное, но уже в апреле 1942 г. нарком обороны потребовал нового сокращения штатов[47]. Весь коллектив Генерального штаба напряженно работал, не отвлекаясь на отдых. Лишь с 1 июля 1945 г. приказом заместителя наркома обороны от 29 июня 1945 г. рабочий день для всего личного состава устанавливался с 10.00 до 21.00, а для начальников управлений — с 13.00 до 2.00. Личному составу стали предоставлять один день отдыха в неделю[48].

В целом Генеральный штаб Красной армии в годы Великой Отечественной войны непрерывно совершенствовал методы работы и свою структуру, старался в полном объеме решать возложенные на него задачи. В конечном итоге, он обеспечил твердое, устойчивое, эффективное управление вооруженными силами государства и внес свой весомый вклад в достижение советским народом закономерной победы.

Опыт войны показал, что структура Генерального штаба, функции, режим и методы работы еще в мирное время должны в максимальной степени соответствовать требованиям возможной будущей войны, а некоторые его подразделения (разведывательное, оперативное и мобилизационное) по возможности должны содержаться в штатах, близких к военным, и быть способными гибко и оперативно реагировать на изменяющиеся характер и условия

вооруженной борьбы. Довольно длительная перестройка всей структуры Генерального штаба в первом периоде войны под реальные условия военной действительности служит горьким уроком, о котором следует помнить. В то же время проводимые практически в течение всей войны реорганизационные преобразования, направленные на совершенствование структуры и функций Генштаба, говорят о гибком реагировании Верховного главнокомандующего, начальника Генерального штаба на вызовы времени и обстановки.

Практика показала нецелесообразность частой смены руководителей его структурных подразделений, как это было, например, в 1941–1942 гг. в Оперативном управлении, а также отрицательное влияние низкой укомплектованности Генерального штаба личным составом на качество и эффективность его работы.

Огромная заслуга в создании оптимальной структуры, сколоченного коллектива, организации слаженной работы Генерального штаба принадлежит его начальникам: Г. К. Жукову, Б. М. Шапошникову, А. М. Василевскому и А. И. Антонову. Находясь под пристальным вниманием Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, каждый из них внес свою посильную лепту в общее дело превращения Генерального штаба в основной и высокоэффективный рабочий орган управления, через который Ставка ВГК осуществляла руководство вооруженными силами и привела страну к победе.

Институт представителей Генерального штаба: задачи и направления работы

С первых дней войны перед военно-политическим руководством страны при своевременном и обоснованном принятии решений по организации военных действий встала проблема отсутствия или отрывочности объективных данных о положении, состоянии своих войск и войск противника. Главной причиной этого были не только неустойчивость, срывы в работе систем связи и отсутствие слаженности фронтовых и армейских органов управления, но и боязнь некоторых командующих и оперативных штабов в сводках и донесениях в Генеральный штаб правдиво докладывать о случаях неуспешных действий своих войск и невыполнении ими поставленных задач.

В этих условиях данные об обстановке на решающих направлениях вооруженной борьбы, которая нередко была критической, поступали в Генеральный штаб нерегулярно, с большим опозданием и в целом часто были скудными, а порой и противоречивыми, не отражая реального положения дел на фронте. В силу этого Верховное главнокомандование нередко оказывалось в затруднительном положении в определении масштабов возникшей опасности и не могло своевременно принять необходимых мер противодействия. Генерал армии С. М. Штеменко отмечал: «Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, операторы сами летали выяснять, где проходит передний край нашей обороны, куда переместились штабы фронтов и армий. При этом одни погибали, другие надолго выходили из строя по ранению, многих командующие фронтами просто не отпускали обратно, а назначали своей властью на различные должности в войсках. Убыль квалифицированных кадров операторов была настолько значительна, что руководству Генштаба пришлось, в конце концов, принять решение о создании специальной группы командиров для связи с войсками»[49].

Как уже говорилось ранее, в соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. и приказом начальника Генштаба от 29 июля 1941 г. в составе Оперативного управления была сформирована новая структура — Группа офицеров Генштаба на правах отдела общей численностью 1124 человека, из расчета: на каждый фронт — по два, на армию — по три, на дивизию — по два человека. Из них 22 офицера должны были составлять аппарат группы, находящийся в Оперативном управлении Генерального штаба, 24 офицера — при фронтах, 150 офицеров — при армиях, 928 офицеров — при дивизиях[50].

М. Н. Шарохин

В августе 1941 г. начальник Генштаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников принял меры по ускоренному формированию Группы офицеров Генштаба. Для решения практических вопросов по его приказу была создана специальная комиссия в составе генерал-майора М. Н. Шарохина, бригадного комиссара В. П. Попова (Оперативное управление Генштаба) и полковника В. И. Чернышёва (начальник отдела кадров). Позднее в работе комиссии принимали участие заместители начальника Оперативного управления полковник В. В. Курасов и полковой комиссар И. Н. Рыжков. Основная задача комиссии заключалась в отборе кадров для Группы офицеров Генштаба[51]. При комплектовании группы комиссия столкнулась с большими трудностями из-за недостатка квалифицированных военных кадров. Главное управление кадров НКО основное внимание в этот период уделяло укомплектованию вновь формируемых соединений и частей. Маршал А. М. Василевский в своих воспоминаниях подчеркивал, что этому способствовала и некоторая недооценка в то время И. В. Сталиным значения и места Генштаба в руководстве фронтами[52].

3 сентября 1941 г. на должность военного комиссара Группы офицеров Генштаба из Военно-политической академии имени В. И. Ленина прибыл начальник кафедры всеобщей истории бригадный комиссар А. Г. Королёв[53]. Вместе с командованием Генштаба и комиссией, возглавляемой генерал-майором М. Н. Шарохиным, ему пришлось решать сложную задачу по формированию и сколачиванию группы[54]. Наряду с исполнением должности комиссара группы А. Г. Королёв до 31 января 1942 г. являлся фактически и ее начальником. Рекомендованные в этот период на должность начальника группы генералы П. И. Кокорев, М. Н. Шарохин и полковник Н. Е. Соколов по различным причинам назначены не были.

В сентябре 1941 г. в группу на должности офицеров при стрелковых дивизиях были отобраны свыше 70 слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе, в том числе два майора, 58 капитанов и 13 старших лейтенантов[55]. После непродолжительного знакомства со своими новыми обязанностями, изучения директив и приказов Ставки ВГК, НКО и Генштаба они были направлены в войска действующей армии. Первоначально выезды офицеров группы на фронты были кратковременными. Выполнив задачу, они возвращались в Генштаб для до-

клада о проделанной работе[56]. Задания были различными: выяснить обстановку на наиболее опасных направлениях или участках фронта; разыскать место расположения оперативного штаба (чаще всего армии), определить, в каком он состоянии и как управляет войсками; установить место расположения и состояние войскового соединения или оперативного объединения, какие выполняют задачи и в чем нуждаются; задержать отходившие войска и организовать оборону выгодного, определенного в Генштабе или самим офицером на месте, рубежа; вывести резервное соединение в исходный район; вручить командованию соединения или объединения распоряжение на новую или уточненную задачу и другие.

С первых дней существования Группа офицеров Генштаба практически подтвердила целесообразность своего создания и оказала командованию определенную помощь в руководстве войсками. Направляемые на те участка фронта, где обстановка вызывала наибольшую тревогу, офицеры-представители быстро решали поставленные им задачи и по техническим средствам или лично докладывали в Генштаб все, что было выявлено на месте, причем совершенно правдиво и объективно.

В сражениях под Москвой офицеры группы, посланные в войска, получали конкретные задачи, которые им ставили лично начальник Генштаба Б. М. Шапошников, комиссар Генштаба Ф. Е. Боков, начальник Оперативного управления А. М. Василевский и начальники соответствующих направлений. Определяя их место и роль в системе Генштаба, военком группы А. Г. Королёв в докладе Ф. Е. Бокову от 31 октября 1941 г. отмечал: «На офицеров Генерального штаба Красной армии возлагаются большие обязанности. Они глаза и уши, контролеры и направляющая рука Генштаба. Работа офицеров требует от них... точно знать обстановку на фронте и максимально быстро сообщать о ней в Генеральный штаб»[57].

Самоотверженно работали офицеры группы и на других участках советско-германского фронта. Так, с 28 сентября по 8 ноября 1941 г. на Ленинградском направлении в районе г. Волхов действовал оперативный (передовой) пункт управления Генштаба, в состав которого входили офицеры группы во главе с полковниками В. В. Курасовым и С. С. Броневским. Организация пункта была обусловлена тяжелыми условиями управления войсками на этом направлении. Противник вплотную подошел к Ленинграду. С 8 сентября сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и воздуху. Проводная связь со штабом Ленинградского фронта была крайне неустойчивой. Помимо войск Ленинградского фронта на данном направлении действовали 54, 4, 52 и 7-я отдельная армии. Оперативный пункт управления не заменял собой работу офицеров ленинградского направления Генштаба, но, находясь ближе к войскам и имея свой узел связи, дублировал и дополнял его. Когда же связь Генштаба работала с перебоями, он являлся единственным источником получения информации от той или иной армии. Действуя в особых условиях, он стал первым опытом создания передовых и вспомогательных органов управления в оперативно-стратегическом звене[58].

Своевременная и важная информация об организации оборонительных районов и причинах незначительных успехов советских войск в наступлении поступала от офицеров группы при 11, 27, 6 и 40-й армий Северо-Западного фронта[59].

К концу 1941 г. в работе офицеров группы выявился и ряд недостатков, основными из которых являлись недостаточный опыт работы, отсутствие нормативных документов, регламентирующих их деятельность в войсках, средств передвижения и связи. Характерен в этой связи доклад офицеров Н. В. Резникова и Н. Д. Салтыкова, прибывших в конце ноября в Москву из 38-й армии. Ими был поставлен вопрос о том, чтобы офицеры группы могли непосредственно, без визы командования армий и соединений, информировать Генштаб о положении и состоянии войск. Было также отмечено, что в штабах армий и соединений, а также у офицеров должны быть инструкции об офицерах группы Генштаба, определяющие их права и обязанности[60].

В первые же дни работы Группы офицеров Генштаба в действующей армии в ряде случаев остро вставал вопрос о взаимоотношениях между офицерами группы и командованием объединений и соединений. Руководствуясь указаниями Генштаба, офицеры в основном правильно строили свои взаимоотношения с командующими войсками фронтов и армий.

Однако в силу ряда причин, главным образом отсутствия документов, регламентирующих их деятельность в войсках, между последними и командованием возникали отдельные недоразумения.

В докладе начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову от 2 ноября 1941 г. военный комиссар группы А. Г. Королёв писал: «Генштаб является высшей руководящей инстанцией в отношении всех штабов, как фронтов, так и армий. Однако эту простую истину не все усвоили достаточно прочно. Имеют место случаи пренебрежительно-барского, а иногда и хулиганского отношения как к работникам, так и к офицерам Генерального штаба со стороны некоторых начальников в штабах фронтов и армий»[61]. Им также были приведены факты, которые помешали офицерам группы А. А. Васьковскому, И. С. Дедову и Д. В. Медведеву своевременно выполнить служебные задания при штабе Западного фронта. В частности, Д. В. Медведеву пришлось долго выяснять причины отсутствия связи штаба фронта с некоторыми армиями, ему было отказано в получении топографических карт, а перед отъездом в Москву не разрешили ознакомиться с обстановкой. Заканчивая доклад, А. Г. Королёв писал: «Эти факты свидетельствуют о том, что в отношениях штабов фронтов (и в особенности штаба Западного фронта) к работникам и офицерам Генерального штаба далеко не всё в порядке»[62].

Укомплектованность Группы офицеров Генштаба к ноябрю 1941 г. составляла всего 7% к намеченному штату[63]. Особенно плохо обстояло дело с укомплектованием руководящего аппарата группы, который представляли комиссар А. Г. Королёв и два помощника начальника группы. Уместно заметить, что решение ГКО от 28 июля 1941 г. в части формирования группы численностью в 1124 человека было завышенным. Это превышало численность всего Генштаба того периода[64]. Острая нехватка квалифицированных военных кадров вынуждала принимать меры к резкому сокращению штатов военных органов управления. На 5 декабря 1941 г., то есть к началу контрнаступления советских войск под Москвой, из 80 офицеров Генштаба, состоявших в группе, около 60 человек находились в войсках Калининского и Западного, а также Юго-Западного фронтов. Из их докладов, а также информации по другим каналам Генеральный штаб хорошо знал обстановку на всех участках битвы за Москву и своевременно принимал необходимые меры.

В декабре 1941 г. процесс комплектования Группы офицеров Генштаба ускорился. Прибыли 14 выпускников Высшей военной академии Генерального штаба РККА имени К. Е. Ворошилова и большая группа командиров из войск, ранее занимавших должности командиров бригад, полков, батальонов и дивизионов, начальников штабов и заместителей командиров полков всех родов войск[65]. На 1 января 1942 г. в Группе офицеров Генштаба насчитывалось 134 человека, в том числе 125 офицеров при стрелковых дивизиях. По-прежнему был слабо укомплектован аппарат группы (четыре офицера вместо 18)[66], который практически не мог охватить все стороны деятельности подчиненных ему офицеров. Вакантными оставались некоторые должности офицеров при штабах фронтов и армий.

Несмотря на трудности комплектования, состав группы неуклонно возрастал. Поиски новых кандидатов шли в эвакогоспиталях среди выздоравливающих после ранений командиров, преподавателей военных училищ и курсов, а также командного состава запасных и учебных частей. На 30 апреля 1942 г. в составе Группы офицеров Генштаба было 203 офицера и двое служащих[67]. Многие из вновь прибывших имели реальный боевой опыт и обладали достаточно высокими для такой должности качествами. Для примера можно назвать Героя Советского Союза полковника И. М. Некрасова, отличившегося в боях под Ельней[68]. Были и другие командиры, проявившие себя ранее в военных действиях периода Гражданской войны, на озере Хасан, р. Халхин-Гол, в Финляндии и уже в этой войне.

В то тяжелое время при создании института представителей Генштаба в действующей армии не удалось сразу найти такую организационную форму, которая осталась бы неизменной на протяжении всей войны. Руководство Группой офицеров Генштаба, не будучи органической частью Оперативного управления, только частично решало вопросы руководства большой, многогранной работой своих представителей, находившихся в действу-

ющей армии, и не всегда оперативно доводило до руководства Генштаба выдвигаемые ими предложения и рекомендации, имевшие большое значение в решении возникавших в ходе боевых действий задач.

Наряду с положительными моментами, имевшими место при комплектовании Группы офицеров Генштаба, были и недостатки. К их числу относились отбор для работы офицерами Генштаба командиров, не имевших высшего военного образования, а также ограниченно годных к строевой службе в результате ранений и контузий. В числе отобранных оказались и командиры с низкой общеобразовательной и военной подготовкой, не обладавшие необходимым оперативно-тактическим кругозором для работы в войсках. Некоторые из них не понимали роли офицера Генштаба в действующей армии и тяготились своей работой. В процессе практической деятельности на фронтах такие офицеры не могли успешно выполнять возлагаемые на них задачи и были отчислены.

В этот же период отмечались многочисленные случаи, когда хорошо зарекомендовавшие себя офицеры Генштаба властью командующих фронтами назначались на различные должности в войска. Многими из этих офицеров были укомплектованы подразделения Оперативного, а также других управлений Генштаба. Так, в течение октября 1941 — апреля 1942 г. были сначала прикомандированы, а затем и назначены на вакантные должности в другие подразделения Оперативного управления Генштаба 17 офицеров, в штаб Западного фронта — семь офицеров Генштаба[69].

В феврале 1942 г. руководством группы были разработаны «Положение о Группе офицеров Генерального штаба Красной армии», утвержденное начальником Генштаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым и военкомом Генштаба дивизионным комиссаром Ф. Е. Боковым, а также «Инструкция для офицеров Генерального штаба Красной армии», утвержденная заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом А. М. Василевским[70].

Согласно «Положению о Группе офицеров Генерального штаба Красной армии» она создавалась в целях укрепления непосредственной, живой и постоянной связи Генштаба с войсками и штабами действующей армии; обеспечения Генштаба быстрой, непрерывной и точной информацией об обстановке, ходе боевых действий и состоянии войск; осуществления непосредственной проверки выполнения штабами и войсками директив, приказов и распоряжений Верховного главнокомандования, наркома обороны и Генерального штаба; оказания помощи штабам и войскам в быстром устранении всего того, что мешает выполнению боевых задач; изучения и обобщения опыта боевых действий, применения новых средств борьбы и тактических приемов, методов управления в современном бою и операции, осуществляемых своими войсками и войсками противника[71].

В «Инструкции для офицеров Генерального штаба Красной армии» были перечислены все качества, необходимые офицеру Генштаба для завоевания авторитета в войсках. Далее в ней подробно излагались вопросы, которые всегда должен знать офицер Генштаба, порядок получения им задания при убытии из Генштаба и примерная последовательность в работе по прибытии в войска. Большое внимание уделялось порядку составления и содержанию донесений, которые обязаны были представлять офицеры Генштаба.

Положение и инструкция для офицеров Генерального штаба имели большое значение для их деятельности, вооружая конкретными указаниями, которыми необходимо было руководствоваться при проведении работы в войсках. Однако им были присущи и некоторые недостатки, главным из которых являлось то, что этих документов было два и оба большие по объему, на что командованию группы впоследствии неоднократно жаловались многие офицеры.

Разгром врага под Москвой означал развенчание мифа о непобедимости германской армии и конец «молниеносной» войны. В этих условиях перестраивал свою работу и Генштаб. Теперь его офицеры направлялись в штабы фронтов, армий, корпусов и дивизий на длительные сроки. Выезды (возвращение) их в Генштаб стали периодическими, только по мере надобности. Находясь непрерывно в войсках, офицеры Генштаба информировали его о подготовке и ходе операций, состоянии работы органов управления, материальном

обеспечении, недостатках в работе командования и штабов, причинах неудач в подготовке и ведении операций. Главной же задачей офицеров оставался контроль над выполнением командованием и штабами директив и приказов Верховного главнокомандования, Наркомата обороны и Генерального штаба.

До конца апреля 1942 г. наиболее крупная группировка войск противника по-прежнему находилась на центральном участке советско-германского фронта. Учитывая это, Ставка ВГК пришла к ошибочным выводам, что основные военные события с началом летнего периода вновь развернутся на московском направлении, и укрепляла именно этот участок фронта[72]. Исходя из такой ошибочной оценки намерений противника на лето 1942 г., Генштаб большинство своих офицеров группы, как и в зимней кампании 1941–1942 гг., сосредоточил на западном стратегическом направлении. Это было сделано в ущерб южному флангу советско-германского фронта, где с мая 1942 г. развернулись важнейшие события летне-осенней кампании 1942 г. Так, из 185 офицеров, имевшихся в группе на 20 мая 1942 г., в мае — июне в войсках находились: на Карельском фронте — 5, на Ленинградском и Волховском — 15, на Северо-Западном — 15, на Калининском — до 20, в войсках Московской зоны обороны и на Западном фронте — до 40, на Брянском фронте — от 20 до 25 офицеров[73]. Всего на этих фронтах насчитывалось от 115 до 120 офицеров Генштаба, в том числе в войсках, прикрывавших Москву, — 85 человек. Остальные 65–70 офицеров работали в войсках Юго-Западного, Южного, Крымского и Северо-Кавказского фронтов, Приморской армии, оборонявшей Севастополь, и резервных армий.

Ответственность за поражение войск Крымского фронта на Керченском полуострове в мае 1942 г. не снималась и с офицеров Генштаба, находившихся в то время в Крыму. В директиве Генштаба от 13 июня 1942 г. указывалось, что в организации обороны и управлении войсками командованием фронта были допущены серьезные ошибки, а офицеры Генштаба, работавшие при армиях, не сумели своевременно вскрыть эти ошибки и не докладывали в Генштаб объективную информацию о них. Старший офицер при 51-й армии майор В. Ф. Петькелев был отчислен из Группы офицеров Генштаба, старшему офицеру при 47-й армии майору А. А. Максимову объявлен выговор, а старший офицер при 44-й армии майор А. А. Житник снижен в должности до корпусного офицера[74].

Неудачей окончились операция и боевые действия по освобождению Харькова в мае 1942 г. Безвозвратные потери советских войск составили более 170 тыс. человек[75]. Среди них погибли или пропали без вести офицеры Генштаба при 6-й армии А. Д. Работа и Д. И. Кузнецов, при 57-й армии — В. Л. Малахов, при 2-м кавалерийском корпусе — Е. А. Ревчук, при 6-м кавалерийском корпусе — подполковник П. П. Лукинов[76].

О событиях, развернувшихся на воронежском направлении в период с 28 июня по 7 июля 1942 г., представили содержательные доклады в Генштаб подполковник Г. А. Головань, майоры Д. И. Дыба, А. А. Поздняков, Я. И. Седых, Я. Н. Федоренко. Их доклады давали правильное, объективное представление о положении на фронтах и содержали глубокий анализ причин, приведших к неудачным боевым действиям Брянского и Воронежского фронтов.

Неудачи в Крыму, в районе Харькова, под Воронежем и в Донбассе оказали отрицательное влияние на положение и боеспособность советских войск. 28 июля 1942 г. нарком обороны издал приказ № 227, в котором намечались меры по укреплению боевого духа и дисциплины войск и было сформулировано требование к войскам — «Ни шагу назад!». Офицеры Генштаба, находившиеся в войсках, с выходом этого приказа докладывали о ходе его выполнения в Генеральный штаб[77].

В июле 1942 г. в войска Сталинградского фронта был направлен дополнительный контингент офицеров Генштаба. Так, в соответствии с директивой Генерального штаба от 27 июля были назначены: полковник Н. Г. Косогорский — офицером при штабе фронта по танковым войскам, подполковник В. Ф. Лыскин — старшим офицером при штабе 4-й танковой и майор Н. В. Соловьёв — 1-й танковой армий[78]. На 6 августа в войсках Сталинградского и Юго-Восточного фронтов работали 26 офицеров[79], от которых Генштаб регулярно получал информацию о событиях на сталинградском направлении.

1942 г. характеризовался широким внедрением в практику боевых действий войск опыта войны. Не оставались в стороне от этого важного дела и офицеры Генштаба, деятельность которых была тесно связана с работой отделов военно-исторического и по использованию опыта войны[80]. В штабах фронтов и армий офицерами Генштаба в сентябре — октябре 1942 г. было проверено состояние работы по изучению опыта войны и доведению его до войск. В результате всестороннего анализа 50 докладов офицеров Генштаба в штабы фронтов и армий были направлены директива и инструкция по изучению опыта войны[81], что в значительной степени помогло активизировать это важное направление работы. В частности, в войсках стали регулярно издавать краткие сводки обобщенного опыта боевых действий фронтов и армий, а в Отдел (с марта 1944 г. — Управление) по использованию опыта войны Генштаба стали направляться доклады офицеров, материалы которых находили широкое отражение в «Сборнике материалов по изучению опыта войны», «Информационном бюллетене» и «Сборнике тактических примеров».

Область деятельности офицеров Генштаба в войсках была многогранной. В их докладах и донесениях содержались ценные выводы и рекомендации по важнейшим вопросам подготовки и ведения боя и операции. Многие из них были включены во вновь создаваемые на основе опыта войны уставы, наставления, инструкции и другие руководства по действиям войск.

Продолжался процесс оптимизации организационно-штатной структуры Группы офицеров Генштаба. По штату, введенному в действие 1 мая 1942 г., ее состав был уменьшен более чем на треть. Теперь в ней предусматривалось иметь 409 командиров и двух служащих[82]. Аппарат управления группы при этом должен был состоять из 19 человек, в том числе 17 военнослужащих. Для работы в войсках предполагалось иметь 392 офицера. Такие изменения отражали накопленный более чем полугодовой опыт работы в действующей армии и произошедшие изменения в управлении войсками (восстановление корпусного звена, формирование авиационных групп и прочее). Практика войны показала, что постоянное содержание при дивизиях офицеров Генштаба является нецелесообразным, и они были упразднены. За счет этой категории частично усиливалось фронтовое и армейское звено офицеров Генштаба. По новому штату число офицеров, работающих во фронтовом звене, должно было возрасти до 42 человек из расчета по три офицера на штаб фронта, из них один старший, а число офицеров в армейских управлениях — до 210 человек с учетом увеличения общего количества армейских объединений. При каждом штабе армии предполагалось иметь трех офицеров, из них один старший. Категория старших офицеров Генштаба при штабах фронтов и армий первоначальным штатом не предусматривалась. Однако опыт войны показал, что без этой категории офицеров обойтись нельзя.

Необходимо отметить, что поиски эффективных форм и методов руководства деятельностью офицеров Генштаба в войсках в тот период привели к нерациональному решению. Аппарат Группы офицеров Генштаба скопировал структуру Оперативного управления, но не в лучшем варианте. В группе были введены должности начальников направлений, которые, имея двух-трех помощников, руководили работой офицеров нескольких фронтов. Это также не достигало цели, так как объем работы превышал возможности существующего аппарата группы, которая по-прежнему оставалась передаточной инстанцией между офицерами в войсках и Оперативным управлением Генерального штаба.

Продолжавшееся летом 1942 г. комплектование Группы офицеров Генштаба шло в основном за счет двух источников: подбора кандидатов из войск и лечебных учреждений, а также назначения лиц, окончивших ускоренный курс военных академий, в первую очередь академии имени М. В. Фрунзе. Только в течение мая — ноября 1942 г. в группу были назначены 50 выпускников ускоренного курса этой академии[83]. В течение первого года деятельности Группы офицеров Генерального штаба из ее состава выбыли почти 100 человек: одни были откомандированы вследствие отсутствия оперативно-тактического кругозора и опыта штабной работы, другие — из-за низкого общего развития, третьи — по состоянию здоровья, четвертые (таких было немного) — из-за злоупотреблений служебным положением[84].

Некоторое повышение качества работы офицеров Генштаба произошло с осени 1942 г. С этого времени доклады офицеров меньше оставались без какого-либо реагирования со стороны руководства группы. Важное значение имели указания заместителя начальника группы генерал-майора Ш. Н. Гениатулина от 3 сентября 1942 г. о необходимости всемерно поощрять тех офицеров, которые не ограничиваются только выполнением порученных заданий, а систематически лично обобщают боевой опыт, оказывают конкретную помощь войскам и глубоко освещают в своих донесениях оперативно-тактические вопросы, имеющие ценность для командования армий, фронта и Генштаба[85]. В соответствии с этими указаниями каждый офицер получал для разработки тему по обобщению боевого опыта[86]. Офицерам Генштаба было запрещено дублирование оперативных и разведывательных сводок. При этом копии боевых документов штабов можно было направлять в Генеральный штаб только в случае, когда требовалось иллюстрировать и подтвердить свои выводы в докладе.

Руководству группы офицеров Генштаба приходилось направлять деятельность своих представителей не только путем их вызова в Москву или передачи указаний и распоряжений по каналам связи, но и личным выездом на фронты. Так, в феврале 1942 г. на Волховский фронт выезжал начальник группы генерал-майор Ф. М. Исаев, который по возвращении представил начальнику Генштаба маршалу Б. М. Шапошникову доклад о причинах медленного наступления войск этого фронта[87]. На фронт выезжали и другие руководители группы, в том числе ее начальник генерал-майор Н. И. Дубинин, находившийся с 17 августа по 13 сентября 1942 г. в войсках Закавказского фронта и с 17 по 23 марта 1943 г. в войсках Западного фронта[88]; заместитель начальника группы генерал-майор Ш. Н. Гениатулин, находившийся с 13 по 25 августа 1942 г. в войсках Брянского и Воронежского фронтов и с 4 февраля по 1 апреля 1943 г. на Дальнем Востоке[89]; военный комиссар полковой комиссар С. Н. Лебедев, находившийся с 7 по 18 октября 1942 г. на Сталинградском фронте и с 8 по 20 декабря 1942 г. на Ленинградском фронте[90]. Периодические выезды руководящего состава группы в действующую армию имели большое значение в деле совершенствования стиля и методов работы офицерских кадров.

С осени 1942 г. работа офицеров Генштаба на важнейших направлениях была тесно связана с выездами на фронты представителей Ставки ВГК и ответственных работников Генерального штаба. Уже в середине сентября 1942 г., в период оборонительной операции советских войск под Сталинградом, Ставка ВГК приняла решение о переходе в контрнаступление. После утверждения его замысла представители Ставки генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский с группой генералов и офицеров Генерального штаба убыли в район города для организации боевых действий[91]. В середине ноября 1942 г. в войсках Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, переходивших в контрнаступление под Сталинградом, работу вели свыше 50 офицеров Генштаба. Их деятельностью руководили старшие офицеры: полковники Н. Г. Малеев, И. Е. Громов и подполковник А. И. Ефимов.

В декабре 1942 г. численность Группы офицеров Генштаба достигла максимума — 240 человек. Ее количественный рост в этот период одновременно сочетался с улучшением и качественного состава. Опыт их работы показал, что для реализации функций офицера Генштаба необходимо иметь хорошую военную и общеобразовательную подготовку, навыки командной и штабной работы, уметь анализировать и обобщать данные обстановки, делать на их основе правильные выводы и заключения, обладать хорошим здоровьем, правильно понимать назначение офицера Генштаба. Все, кто не обладал каким-либо из этих качеств, рано или поздно должны были уйти с этой работы. Так, в январе — июне 1943 г. из состава группы были отчислены около 50 офицеров, в их числе те, кто имел низкую общеобразовательную подготовку, несвоевременно информировал Генштаб об имеющихся в войсках недостатках, проявлял элементы чванства, зазнайства и личной недисциплинированности, становился на путь обмана командования[92].

В целях обмена опытом работы и его обобщения при штабах фронтов периодически проводились совещания офицеров Генштаба[93]. В апреле — мае 1943 г. при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова были организованы сборы офицеров Генштаба. Слуша-

тели сборов прослушали курс лекций по тактике и оперативному искусству, а затем провели практические занятия по этой же тематике. Участниками этих исключительно полезных мероприятий были 56 офицеров Генштаба. Однако такой сбор был первым и последним[94].

Объективные выводы о сильных и слабых сторонах деятельности Группы офицеров Генштаба нашли отражение в приказе заместителя наркома обороны СССР — начальника Генштаба от 22 июня 1943 г. В нем был дан объективный анализ имевшихся недостатков в работе руководящего аппарата группы и офицеров, находившихся в войсках. Были вскрыты и причины этих недостатков. Они происходили в основном от того, что руководящий аппарат группы, «не входя в состав Оперативного управления, не мог осуществлять руководство оперативной деятельностью офицеров и в этом отношении являлся только передаточной инстанцией. Указания по оперативным вопросам офицеры могли получать только от начальника Оперативного управления через начальников соответствующих направлений, последние же, не чувствуя себя ответственными за работу офицеров в войсках, ограничивались только постановкой им общих задач»[95].

Согласно директивам Генштаба от 25–26 июня 1943 г., Группа офицеров была реорганизована в Корпус офицеров — представителей Генштаба (численностью 126 человек) с включением его в штат Оперативного управления[96]. Закрепление офицеров за штабами армий и дивизий запрещалось. Группа выделенных на тот или иной фронт офицеров, возглавляемая старшим офицером и находившаяся при штабе фронта, должна была руководствоваться планом, утвержденным начальником Оперативного управления и выполнять его задания в зависимости от сложившейся обстановки. Старшие офицеры подчинялись непосредственно начальникам соответствующих направлений Оперативного управления, которые и руководили их повседневной деятельностью[97].

Приказом заместителя НКО от 22 июня 1943 г. была поставлена задача пересмотреть существующие положение и инструкцию для офицеров Генштаба и на их основе составить единое «Положение об офицерах Генерального штаба Красной армии». Его проект необходимо было представить на утверждение к 30 июня 1943 г.

Реорганизация института офицеров Генштаба с сокращением его численности позволила оставить в ней наиболее способных, инициативных и обладавших хорошей оперативно-тактической подготовкой и аналитическим мышлением офицеров. Для обеспечения служебной деятельности представителей Генштаба в действующей армии в штаты отдельных штабных авторот полевых управлений фронтов и автомобильного взвода при штабе 7-й отдельной армии дополнительно были включены 73 автомобиля марок М-1 и «Виллис» и столько же водителей-красноармейцев[98]. Это позволило полностью снять вопрос о нехватке средств передвижения, которую ранее ощущали в своей деятельности офицеры Генштаба.

Реорганизация Группы офицеров Генштаба и создание Корпуса офицеров совпали по времени с началом Курской битвы. Эту реорганизацию на фронтах, действовавших на Курской дуге, в условиях начавшегося сражения удалось завершить лишь к концу августа. На других фронтах она была завершена в более короткие сроки.

В период Курской битвы координацию действий фронтов Ставка ВГК осуществляла через своих представителей — маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Большую помощь им оказывали офицеры Генштаба, находившиеся в войсках. На фронтах, примыкавших к Курскому выступу, весной 1943 г. находились 86 офицеров — представителей Генштаба[99]. Половина из них была на Центральном и Воронежском фронтах, решавших главные задачи. Так, на Центральном фронте в этот период работу вел 21 офицер во главе с полковником В. Т. Фоминым, на Воронежском фронте — 23 офицера во главе с полковником М. Н. Костиным. Офицеров Брянского, Юго-Западного фронтов, а также в Степном военном округе возглавляли соответственно полковники Н. М. Молотков, М. Н. Кочергин и подполковник А. А. Васьковский.

В июле 1943 г. был решен очень важный для деятельности офицеров-представителей вопрос. Начальникам штабов фронтов и отдельных армий была послана директива Генштаба, подписанная первым заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковником

А. И. Антоновым, в которой указывалось: «В связи с реорганизацией Группы офицеров Генштаба и введением офицеров в состав Оперативного управления, старшим офицерам фронтов разрешается самостоятельно, без визы, подавать телеграммы в адрес начальника Оперативного управления»[100]. Право подачи телеграмм в Генштаб без визы командования было предусмотрено для всех офицеров Генштаба еще в положении 1942 г., но на практике оно часто нарушалось и к середине 1943 г. было сведено на нет.

В течение сентября 1943 г. начальником Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко для личных докладов в Москву были вызваны все старшие офицеры, находившиеся в войсках действующей армии[101], и каждому из них даны конкретные указания по работе в войсках. Живая связь начальника Оперативного управления с подчиненными ему офицерами при фронтах имела большое практическое значение, так как положение и инструкция, утвержденные в феврале 1942 г., к этому времени в значительной степени устарели.

В декабре 1943 г. для руководства практической деятельностью офицеры Генштаба получили новые положение и инструкцию по работе Корпуса офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии, которые были составлены как единый документ, подписанный 14 декабря начальником Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко и утвержденный 19 декабря начальником Генштаба А. М. Василевским[102]. Он состоял из четырех разделов, последний из которых «Обязанности командования и штабов по обеспечению работы офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии» был новым. В соответствии с требованиями данного раздела для бесперебойной работы офицеров Генштаба начальники штабов фронтов были обязаны:

а) своевременно обеспечить офицеров — представителей Генерального штаба изолированным, охраняемым рабочим помещением в расположении оперативного отдела штаба фронта как на КП, так равно на ВПУ и НП;

б) выделить в распоряжение старшего офицера — представителя Генерального штаба вполне исправные вездеходы и легковые автомашины в количестве, указанном директивами Генерального штаба Красной армии, обеспечивая их ремонт и бесперебойное снабжение ГСМ;

в) обеспечить хранение секретных документов и служебной переписки офицеров — представителей Генерального штаба;

г) выделить в распоряжение старшего офицера — представителя Генерального штаба в качестве адъютанта одного младшего офицера;

д) обеспечить полное довольствие (расквартирование, питание, денежное и вещевое снабжение) офицеров — представителей Генерального штаба при штабе фронта, строго учитывая при этом, что офицеры Генштаба пользуются в отношении материального обеспечения и питания: старший офицер-представитель — правами заместителя начальника штаба фронта, остальные офицеры-представители — правами начальников отделов штаба фронта[103].

В новом документе было исключено дублирование отдельных пунктов, которые имели место в прежних положении и инструкции, всесторонне учтен опыт более чем двухлетней работы офицеров Генштаба в действующей армии.

В связи с сокращением общей протяженности линии советско-германского фронта и количества действовавших фронтов постепенно уменьшалась численность личного состава Корпуса офицеров — представителей Генштаба. По состоянию на 19 декабря 1943 г. в его составе было 109 офицеров, на 5 июня 1944 г. — 103[104].

Одной из проблем, от правильного разрешения которой зависел успех выполнения функций институтом представительства Генштаба, оставалось взаимоотношение его офицеров с командованием объединений и соединений. В основном они были правильными — к мнению офицеров Генштаба прислушивались многие командующие фронтами и армиями, начальники штабов этих объединений и другие военачальники. Однако на протяжении войны отмечались случаи и недоброжелательного отношения к ним со стороны командования. Много таких фактов было зафиксировано на Западном фронте, в результате ряд офицеров Генштаба, аккредитованных при штабе Западного фронта, вынужден был уйти с занимае-

мых должностей, среди них полковники С. С. Сергиенко и А. К. Звездин, старший офицер генерал-майор Н. Ф. Гарнич.

Все они были хорошо подготовленными и знающими дело офицерами.

Во взаимоотношениях офицеров Генштаба при штабе Западного фронта с его командованием кульминационным пунктом стал период с октября 1943 по апрель 1944 г. В это время, когда коренной перелом в войне был уже достигнут, войсками Западного фронта во главе с генералом армии В. Д. Соколовским было проведено 11 наступательных операций на оршанском и витебском направлениях, но ни одна из них не стала успешной. Офицерами — представителями Генштаба генерал-майором Н. Ф. Гарничем, подполковниками Н. В. Резниковым, И. А. Некрасовым и другими своевременно были вскрыты многие из причин этого. Особенно серьезные недостатки в управлении войсками были отмечены подполковником Н. В. Резниковым в 33-й армии, которой командовал генерал-полковник В. Н. Гордов: отсутствие внезапности перехода в наступление, слабая артиллерийская подготовка и поддержка атакующих войск, невыполнение требований о месте командира в бою, скученность боевых порядков пехоты и хамское отношение командующего армии по отношению к командирам дивизий и корпусов. Представляет интерес заключение доклада Н. В. Резникова: «Знаю, что после этого доклада я буду изгнан из 33-й армии, как и предыдущие мои коллеги, потому что здесь не любят правду (это меня не страшит). Но я убедительно прошу доказать руководящим генералам, что неуспех операции не от того, что мало живой силы (у немцев ее не больше), а от плохого обеспечения и горловского[105] руководства этими операциями и плохой обученности войск»[106].

И все же деятельность офицеров Генштаба получила признание не только Ставки ВГК и Генерального штаба, но и многих командующих фронтами. Этому способствовали опыт Корпуса офицеров-представителей, в рядах которого после проведенной в 1943 г. реорганизации остались наиболее подготовленные офицеры, новый единый документ «Положение и инструкция по работе Корпуса офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии», а также выводы специальной комиссии, выезжавшей в апреле 1944 г. на Западный фронт, в которых нашли отражение крупные ошибки в руководстве войсками и полное игнорирование сигналов офицеров Генштаба.

Если первый из этих документов — «Положение и инструкция...» четко определял основные направления деятельности офицеров, их права и обязанности, то второй документ — «Акт специальной комиссии ГКО» убедительно показал, что нельзя не считаться с работой офицеров — представителей Генштаба в действующей армии, с их выводами, предложениями и рекомендациями, направленными на улучшение работы командования и штабов по управлению войсками и боевому использованию их в сражениях.

Характерным здесь является пример из воспоминаний бывшего старшего офицера при Отдельной Приморской армии генерал-майора (а в то время — подполковника) Н. Д. Салтыкова: «На Керченский плацдарм в конце декабря 1943 г. прибыл представитель Ставки К. Е. Ворошилов. К моменту его прибытия офицеры Генштаба при армии проверили состояние тех соединений, которые по решению командования армии могли быть привлечены к проведению намеченной наступательной операции. Маршал К. Е. Ворошилов, заслушав доклады офицеров, в которых были высказаны позитивные и негативные стороны, обратился к командующему армией генералу армии И. Е. Петрову с вопросом, как он оценивает работу офицеров и доверяет ли им. На это генерал Петров дал исчерпывающий ответ. Он заявил, что всем находящимся здесь офицерам он полностью доверяет, считает их доклады объективными и благодарен им за их большую помощь командованию и штабу».

Успешно выполняли свои обязанности офицеры — представители Генштаба в операциях летне-осенней кампании 1944 г. Наиболее крупной в этой кампании стала Белорусская стратегическая наступательная операция. В период ее подготовки и проведения на 1-м Прибалтийском фронте работу вели шесть офицеров Генштаба во главе с полковником Ф. Г. Барским; на 3-м Белорусском — шесть офицеров во главе с полковником А. Г. Серебряковым, затем подполковником А. С. Орловым; на 2-м Белорусском — семь офицеров

во главе с полковником Н. Д. Салтыковым, а после его ранения — полковником А. Д. Гуреевым; на 1-м Белорусском — восемь офицеров во главе с полковником И. В. Соловьёвым. Кроме того, вместе с маршалом А. М. Василевским на фронте находилась группа офицеров Генштаба, возглавляемая генерал-лейтенантом М. М. Потаповым[107].

Старшие офицеры — представители Генштаба при фронтах в этот период подчинялись непосредственно представителям Ставки ВГК маршалам Г. К. Жукову и А. М. Василевскому и выполняли их указания. Стиль работы офицеров-представителей был различным и зависел от конкретных условий. Вспоминая о периоде подготовки к операции «Багратион», бывший старший офицер при 2-м Белорусском фронте Н. Д. Салтыков отметил: «Всех офицеров распределили по корпусам. Свою работу мы строили так: утром выезжали в районы расположения войск. Возвращаясь на КП фронта, составляли короткие письменные донесения. В конце дня собирались у генерал-полковника С. М. Штеменко, докладывали итоги работы за день, свои выводы и предложения»[108].

Еще более активизировалась деятельность офицеров-представителей с началом операции. Ими отмечались малейшие недостатки в действиях войск, влиявшие на ход наступления, своевременно оказывалась необходимая помощь командованию и войскам. На основании поступивших из Белоруссии донесений офицеров-представителей 6 июля всем командующим фронтами, а также маршалам Г. К. Жукову и А. М. Василевскому была направлена директива Ставки ВГК за подписью И. В. Сталина и А. И. Антонова о недостатках в управлении войсками в период развития наступления и особенно при преследовании противника. Ставка приказала командующим фронтов и армий принять решительные меры к устранению указанных недостатков[109].

Деятельность офицеров — представителей Генштаба в 1945 г. в ходе разгрома противника за пределами территории СССР возглавлялась старшими офицерами: на 1-м Прибалтийском — полковником З. С. Альшицем, на 3-м Белорусском — полковником С. Я. Чуриловым, на 2-м Белорусском — полковником А. Д. Гуреевым, на 1-м Белорусском — полковником И. В. Соловьёвым, на 1-м Украинском — полковниками Д. И. Лебедевым и М. Н. Смирновым, на 4-м Украинском — полковником И. П. Андреевым и подполковником Н. В. Резниковым, на 2-м Украинском — полковником Е. Л. Збандуто, на 3-м Украинском — полковником В. Г. Кулагиным. В Войске Польском работали представитель Генштаба генерал-майор Н. М. Молотков и его помощники — полковники М. Ф. Дубровский и А. С. Евсеев. Ценная информация от офицеров Генштаба на завершающем этапе войны поступала со всех действующих фронтов. Она оказывала большую помощь в работе командованию и штабам всех степеней не только советских войск, но и армий союзных государств, действовавших на советско-германском фронте, в которых были офицеры — представители Генерального штаба.

Работа Корпуса офицеров, в отличие от Группы офицеров, проходила в более благоприятных условиях. Корпус был укомплектован опытными, хорошо подготовленными для выполнения возросших служебных обязанностей кадрами. Все офицеры имели боевой опыт, а также опыт работы офицерами-представителями в армиях и фронтах, обладали достаточным оперативно-тактическим кругозором и другими необходимыми качествами. По состоянию на 9 мая 1945 г. в корпусе насчитывалось 84 офицера[110].

Крупнейшие военные события 1941—1945 гг. свидетельствуют о непрерывном совершенствовании стиля и методов работы офицеров Генштаба. Доклады большинства из них были объективны и правдивы. Содержание каждого из последующих докладов отражало их возросшее профессиональное мастерство, умение найти главное, сделать обобщающие выводы, ценные предложения и рекомендации по вопросам военного искусства и боевого применения войск, направленные на устранение недостатков и совершенствование форм и методов борьбы с врагом.

Решение об упразднении Корпуса офицеров — представителей Генштаба было принято в январе 1946 г.[111] Все его офицеры в течение января — июля 1946 г., за исключением тех, кто работал в войсках Дальнего Востока, были отозваны в Генштаб. Офицеры-представители, находившиеся на Востоке, продолжали выполнять свои обязанности до июня 1947 г.[112]

В период войны в институте офицеров — представителей Генштаба проходили службу 400 человек[113], которые представляли 12 национальностей. Далеко не все из них дожили до дня Победы. За период войны погиб или пропал без вести 31 офицер-представитель, многие были ранены[114]. В годы войны наград удостоились 169 офицеров — представителей Генштаба[115].

Руководство военной разведкой

Накануне и в годы войны советское военно-политическое руководство уделяло постоянное внимание укреплению разведки и управлению ее деятельностью, направленной на обеспечение безопасности государства. Учитывая острую потребность в разведывательных сведениях военного, военно-политического, военно-экономического и военно-технического характера, советское правительство и Политбюро ЦК ВКП(б) в предвоенные годы сформировали систему разведывательных органов, в которую входили: 1-е Главное управление Наркомата внутренних дел СССР, Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, 1-е (Разведывательное) Управление Наркомата Военно-морского флота.

Разведывательные органы СССР действовали независимо друг от друга и по мере необходимости осуществляли оперативное или информационное взаимодействие. Каждая разведывательная служба занималась сбором сведений в сфере своей ответственности и обеспечивала разведывательной информацией высшее военно-политическое руководство страны и соответствующий наркомат.

Приоритетное право доклада разведывательных сведений И. В. Сталину принадлежало внешней разведке НКВД. Добытую ценную информацию начальник военной разведки докладывал наркому обороны и начальнику Генерального штаба, однако в случае необходимости он имел право направлять письменные донесения по наиболее важным вопросам И. В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б).

Место военной разведки в системе органов, обеспечивающих безопасность государства, неоднократно изменялось, что определялось ее подчинением наркому обороны или начальнику Генерального штаба. В связи с этой подчиненностью определялось и название центрального органа военной разведки. В годы войны подчиненность военной разведки и название ее центрального органа также неоднократно изменялись. Непосредственно перед нападением Германии на СССР военная разведка была подчинена начальнику Генерального штаба.

В годы Великой Отечественной войны центральный орган управления военной разведки имел следующие названия: июнь 1941 — февраль 1942 г. — Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии; февраль — октябрь 1942 г. — Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии; октябрь 1942 — апрель 1943 г. — Главное разведывательное управление Красной армии (зарубежная и оперативная разведка) и Управление войсковой разведки Генерального штаба Красной армии; апрель 1943 — июнь 1945 г. — Главное разведывательное управление Красной армии (зарубежная разведка) и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (оперативная и войсковая разведка); с июня 1945 г. — Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии.

Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА) отвечало за добывание сведений военного, военно-политического, военно-технического и военно-экономического характера и организацию деятельности разведывательных отделов штабов военных округов. Деятельность военной разведки осуществлялась в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б), приказами наркома обороны и начальника Генерального штаба. Задачи военной разведки, основные направления ее деятельности и страны, на территории которых ее резидентуры должны были добывать разведывательные сведения, документы, образцы оружия и другие материалы определялись соответствующими решениями высшего политического и государственного руководства СССР.

Я. К. Берзин

А. Г. Орлов

Успешная деятельность разведки и эффективность использования добытых ею сведений зависела от многих причин, наиболее важными из которых являлись: политическая воля лиц, принимающих решения по докладам разведки; доверие руководства государства к разведывательным органам и их информационным материалам; соответствие организационной структуры военной разведки требованиям текущего времени; высокое профессиональное мастерство разведчиков всех уровней; достаточное материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности разведки.

В предвоенные годы руководство СССР часть этих обязательных условий успешной деятельности разведки не успело сформировать, а некоторые уже созданные в 1918–1935 гг. предпосылки были необоснованно разрушены. В 1937–1939 гг. советские разведорганы подверглись «чистке», часть разведчиков НКВД и НКО была репрессирована. В органах военной разведки была нарушена преемственность в работе Центра, резидентур и разведчиков, что отрицательно отразилось на решении разведывательных задач и безопасности ее структур.

Начало репрессиям против сотрудников советской разведки положило выступление И. В. Сталина 21 мая 1937 г. на совещании в НКВД, на котором он заявил: «...управление разведки вместе со своим аппаратом попало в руки немцев. Разведку надо распустить. Лучше всего — всю»[116]. Такую же оценку И. В. Сталин дал и военной разведке, выступая 2 июня 1937 г. на заседании Военного совета Наркомата обороны: «Разведка — эта та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши»[117]. За указаниями И. В. Сталина последовали жесткие организационные мероприятия. Были репрессированы начальники военной разведки армейский комиссар Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов. Количество сотрудников военной разведки, действовавших в составе зарубежных резидентур, сократилось в три раза. Руководство Наркомата обороны стало меньше внимания уделять сведениям военной разведки. В итоге, репрессии ослабили не только кадровый состав разведки, но и подорвали доверие к ней высшего руководства СССР.

И. И. Проскуров

В июне 1939 г. начальником 5-го (разведывательного) управления РККА был назначен Герой Советского Союза комдив И. И. Проскуров, который по своему положению одновременно стал заместителем наркома обороны. В период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. И. И. Проскуров приложил немало сил, чтобы организовать добывание ценных сведений о противнике. Ему многое удалось сделать, однако добытая информация не в полной мере использовалась руководством Наркомата обороны, что отрицательно сказалось на ходе и результатах боевых действий.

На совещании высшего командного состава РККА 17 апреля 1940 г. И. И. Проскуров высказал критические замечания в адрес Наркомата обороны. Критика была объективной, но не получила поддержки со стороны И. В. Сталина. 25 мая 1940 г. И. И. Проскуров направил в Комиссию ЦК ВКП(б) и наркому обороны доклад «О реализации указаний товарища Сталина, данных в 1937 году». В докладе сообщалось о неудовлетворительном положении дел в укомплектовании военной разведки квалифицированными кадрами: «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За три года органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав, до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых не имеют опыта разведывательной подготовки»[118]. Цель докладной записки И. И. Проскурова состояла в том, чтобы привлечь внимание высших органов государственного управления к проблемам, мешавшим работе 5-го управления РККА, и добиться укрепления военной разведки.

Результаты анализа итогов финской кампании заставили Политбюро ЦК ВКП(б) принять решение о кадровых перемещениях в высшем руководстве Красной армии, провести организационные мероприятия, которые затронули и военную разведку. 5-е управление РККА, подчинявшееся наркому обороны СССР, было включено в состав Генерального штаба и получило название Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Генерал-лейтенант И. И. Проскуров был освобожден от должности начальника военной

разведки, в июле 1940 г. на этом посту его сменил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, ставший одновременно заместителем начальника Генштаба.

В аппарате Разведывательного управления Генштаба были созданы новые отделы и произведены соответствующие назначения. Заместителями начальника Разведуправления стали генерал-майор А. П. Панфилов и генерал-майор И. Г. Рубин, а заместителем начальника управления — начальником политического отдела — кадровый политический работник генерал-лейтенант И. И. Ильичёв. Региональные отделы возглавили профессиональные военные разведчики.

Ответственность за организацию деятельности зарубежной (стратегической) агентурной разведки была возложена на сотрудников западного, восточного, дальневосточного и военно-технического отделов, которые руководили деятельностью резидентур Разведуправления Генштаба Красной армии в Англии, Бельгии, Венгрии, Германии, Италии, Польше, Румынии, Франции, Китае, Японии и других странах. Зарубежная разведка организовывалась высшим военным командованием и велась непрерывно с целью установления состава, состояния, дислокации вооруженных сил противника на различных театрах военных действий, выявления взглядов на характер войны и добывания его планов ведения войны, военно-экономического потенциала, состояния и перспектив развития вооружения и военной техники.

Во второй половине 1940 г. возможности большинства резидентур Разведуправления Генерального штаба по сбору разведданных были ограничены. Это объяснялось прежде всего тем, что в 1936–1940 гг. были репрессированы 863 кадровых разведчика[119]. При этом по штату 1939 г. в Разведывательном управлении числились 445 человек, включая водителей и уборщиц[120]. Ослабленными были и аппараты военных атташе, которые, занимаясь вопросами военного сотрудничества, изучали состояние и возможности вооруженных сил в странах пребывания. В июле 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал наркому обороны СССР о том, что аппараты военных атташе укомплектованы не более чем на 70%.

Для пополнения кадрового состава Разведуправления Генштаба в соответствии с указаниями И. В. Сталина были отобраны лучшие офицеры — выпускники военных академий. Новые сотрудники военной разведки были первоклассными специалистами в области своих прежних военных профессий, но слабо владели иностранными языками и не имели опыта разведывательной деятельности. Несмотря на активные усилия, направленные на укомплектование подразделений военной разведки, в Центре и в зарубежных аппаратах Разведуправления в 1940 г. остро ощущался недостаток квалифицированных специалистов. Это заставило руководство НКО принять неотложные меры по реформированию системы подготовки разведчиков. 27 августа 1940 г. нарком обороны подписал приказ по созданию Высшей специальной школы Генерального штаба, основной задачей которой была подготовка кадров для Разведуправления Генштаба и разведывательных отделов штабов военных округов. К июню 1941 г. в значительной мере удалось пополнить кадровый состав военной разведки. В иностранных государствах на военную разведку работали 914 человек, из них 316 человек в резидентурах под прикрытием советских официальных представительств; 598 человек являлись разведчиками-нелегалами и агентами — источниками информации[121], которые в основном сотрудничали на идейной основе.

Добиваясь укрепления стратегического звена военной разведки, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков планировал расширить агентурную сеть в основных странах Европы, США, Китае и Японии. Однако обстановка в Германии, Венгрии, Италии, Румынии и Японии была сложной, поэтому реализация некоторых оперативных замыслов задерживалась, что отрицательно сказывалось на количестве и качестве добываемых разведывательных сведений. Этот серьезный недостаток был отражен 7 декабря 1940 г. в Акте передачи командования Наркоматом обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко[122], где состояние советской военной разведки оценивалось следующим образом: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа

Ф. И. Голиков

И. И. Ильичёв

Ф. Ф. Кузнецов

Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»[123].

Начавшаяся война в Европе требовала наращивания сил и возможностей стратегической разведки, которая должна была добывать сведения о вооруженных силах Германии, Венгрии, Румынии, Италии, Японии и других стран. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Генерального штаба Красной армии 12 декабря 1940 г. утвердил новое положение и штаты Разведывательного управления. Его задачи были конкретизированы, штатная численность центрального аппарата, зарубежных резидентур и разведывательных отделов штабов военных округов увеличена.

В предвоенные годы центральный аппарат военной разведки регулярно готовил для высшего политического руководства СССР и командования Красной армии информационные документы по военным и военно-политическим вопросам. Основными среди них были: оперативные донесения резидентов (шифротелеграммы), специальные сообщения, ежемесячные разведывательные сводки по Западу и Востоку, справочники по вооруженным силам Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Японии. В Центре также готовились сборники материалов, в которых обобщался опыт ведения германскими войсками боевых действий в Европе. Эти сборники направлялись в Генеральный штаб и в штабы западных особых военных округов. В целом в 1940 г. в Разведуправлении было подготовлено около 300 специальных сообщений и сводок, в которых освещались проблемы военного, военно-политического и военно-технического характера.

Учитывая нарастание военной угрозы безопасности СССР, командование Разведуправления Генерального штаба запланировало в 1941 г. создать в Германии и странах германского блока несколько новых резидентур, провести другие оперативные мероприятия. План был утвержден наркомом обороны и начальником Генерального штаба. Формирование новых зарубежных резидентур осуществлялось ускоренными темпами. К весне 1941 г. в европейских странах действовали резидентуры «Брион», «Ещенко», «Дора», «Золя», «Отто», «Паскаль», «Феникс», «Акасто» и другие. В Германии эффективно действовали резидентура «Арнольд» и агентурная группа «Альта», которой руководила Ильзе Штёбе, имевшая оперативный псевдоним Альта (арестована гестапо в октябре, казнена в декабре 1942 г.). Одним из ее информаторов был сотрудник Министерства иностранных дел Германии барон Рудольф фон Шелиа. 28 декабря 1940 г. именно он сообщил И. Штёбе о том, что А. Гитлер 18 декабря утвердил план войны против СССР. Эта информация 29 декабря была доложена И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову, однако не привлекла особого внимания советского политического руководства.

Исходя из сложной военно-политическую обстановки в Европе и на Дальнем Востоке, руководство НКО в январе 1941 г. поставило перед военной разведкой сложные задачи. В военно-политической области: вскрыть военно-политические планы руководства Германии, добыть сведения о реальном отношении Германии к СССР, целях и задачах формирования гитлеровским руководством военно-политического блока в Европе, а также вскрыть основную направленность связей Германии с Японией, оценить политику правящих кругов Великобритании, Франции и США в отношении Германии и СССР и другие[124]. В военной области зарубежные резидентуры должны были добыть сведения, раскрывающие взгляды руководства Германии и Японии на характер войны, способы ее ведения, роль и место в ней танков, авиации и артиллерии планы мобилизационного развертывания вооруженных сил Германии, Японии и сопредельных с СССР европейских государств и мероприятия по оборудованию театров военных действий[125]. Решением задач в области строительства германских и японских военно-морских сил, их боевом составе и вооружении кораблей занималось Разведывательное управление Наркомата ВМФ СССР. Конкретные задачи были определены в области добывания военно-технических сведений и образцов.

В первой половине 1941 г. советское руководство, укрепляя обороноспособность страны, сохранило прежнюю систему советской разведки, в которой независимо друг от друга действовали внешняя разведка НКВД, разведка НКО и разведка НК ВМФ. Отношения между советскими разведывательными службами строились на основе «Инструкции о взаимоотношениях разведорганов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе»[126], одобренной Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля 1941 г. эта инструкция была подписана наркомом государственной безопасности В. Н. Меркуловым, заместителем наркома внутренних дел И. И. Масленниковым, начальником Разведуправления Генерального штаба Ф. И. Голиковым и начальником 1-го (Разведывательного) Управления НК ВМФ Н. И. Зуйковым.

Начальникам советских разведывательных органов в случае оперативной необходимости было разрешено осуществлять перевод офицеров-разведчиков из одной разведывательной службы в другую, обмениваться сведениями в целях дополнительной проверки их достоверности и взаимного информирования по наиболее сложным военным и военно-политическим вопросам.

По мере нарастания признаков подготовки Германией войны против СССР взаимодействие советских разведорганов в информационной области активизировалось. Например, 4, 16 и 22 мая 1941 г. 1-е Главное управление НКВД направило начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии агентурные сводки о передвижениях германских войск и военных мероприятиях на территории Польши[127], переброска германских войск к границе с СССР[128]. Руководство Разведуправления Генштаба также направляло руководству внешней разведки НКВД свои разведывательные сведения для их проверки или возможного использования.

Наиболее важные сведения о нарастании военной угрозы со стороны Германии, имевшиеся в Управлении внешней разведки НКВД, РУ ГШ КА и 1-го (Разведывательного) Управления НК ВМФ, направлялись советскому военно-политическому руководству. Однако в правительстве и в Политбюро ЦК ВКП(б) эти сведения централизованно не обобщались и на их основе не разрабатывались итоговые информационные документы. Отсутствие подобных документов, особенно по проблемам советско-германских отношений и нарастанию военной угрозы, свидетельствует о серьезном изъяне в советском механизме государственного управления. Этот недостаток не позволил руководству СССР избежать субъективизма в оценке нарастания опасности войны и своевременно определить меры, направленные на укрепление безопасности страны.

Кроме ведения стратегической разведки Разведуправление Генштаба Красной армии организовывало ведение оперативной и тактической разведки. Комплексное использование сил стратегической, оперативной и тактической разведок позволяло в мирное время решать широкий круг задач и добывать сведения в интересах политического руководства СССР, командования Красной армии и командиров всех уровней. Поэтому в первой половине 1941 г. руководство Разведуправления уделяло значительное внимание укреплению органов оперативной разведки, так как значительная часть ее сил действовала на территориях государств, имевших общую границу с СССР.

В соответствии с распоряжением начальника Генерального штаба в период с 25 января по 21 февраля 1941 г. в Разведывательном управлении были проведены сборы начальников разведотделов штабов военных округов, в ходе которых уточнены мобилизационные планы, конкретизированы задачи органов оперативной разведки[129]. Выполняя указания начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков 24 февраля направил директиву всем начальникам разведывательных отделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении к 10 мая 1941 г. разведорганов и оперативных пунктов разведки в повышенную степень готовности.

Учитывая особую сложность обстановки в Европе и напряженное состояние советско-германских отношений, командование военной разведки не только выполняло указания начальника Генерального штаба, но проявляло необходимую в таких условиях инициативу, выдвигало различные конструктивные предложения. В частности, в мае 1941 г. по предложе-

нию Разведывательного управления начальник Генерального штаба Г. К. Жуков утвердил план мероприятий по созданию в приграничных округах запасов оружия, боеприпасов и военного имущества. Эти и другие материальные средства создавались для обеспечения деятельности запасной агентурной сети на советской территории глубиной до 100–150 км от границы. Одновременно было принято решение об увеличении количества разведывательных радиодивизионов на Западном театре военных действий. Командованием военной разведки, имевшим достоверные сведения о военных приготовлениях Германии, предпринимались и другие необходимые меры, однако все они могли быть максимально использованы только в случае понимания высшим политическим руководством СССР опасности назревавшей войны с гитлеровской Германией. В целом мероприятия, проводившиеся руководством Разведуправления в предвоенный год, активизировали деятельность резидентур военной разведки в странах Европы, Японии и Китае, нацелили начальников разведывательных отделов штабов западных военных округов на подготовку к действиям в условиях войны.

В соответствии с утвержденным И. В. Сталиным порядком Разведуправление Генштаба в июне 1940 — июне 1941 г. направляло добытые сведения и информационные документы высшему политическому руководству СССР по двум спискам. Наиболее важные и срочные донесения направлялись И. В. Сталину (два экземпляра), В. М. Молотову, наркому обороны СССР С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба К. А. Мерецкову. Во второй список были включены И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Л. П. Берия, Н. Г. Кузнецов, А. С. Щербаков, А. А. Жданов, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников и С. М. Будённый.

Военные разведчики Г. М. Ерёмин, Р. Зорге, А. В. Яковлев, И. Штёбе, Н. Д. Скорняков, Н. Г. Ляхтеров, В. И. Тупиков, И. А. Суслопаров и другие весной 1941 г. сообщали в Центр об изменении отношения А. Гитлера к СССР, укреплении связей Германии с Японией, Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией, переброске немецких войск к советской границе[130]. Советской военной разведкой своевременно были добыты сведения о том, что А. Гитлер 31 января 1941 г. утвердил секретную директиву главного командования сухопутных войск Германии, которая имела название «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)»[131]. Сведения о содержании этой директивы добыла И. Штёбе[132].

В марте 1941 г. начальник РУ ГШ КА дал указание начальникам разведывательных отделов штабов Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов усилить разведку Германии в зонах ответственности этих разведотделов, «вскрыть военные планы Германии, ее военную и экономическую мощь и мобилизационные возможности на случай войны с СССР»[133].

Весной 1941 г. в Центр продолжали поступать сведения о наращивании немецкой группировки войск на советской границе. Часть этих донесений 20 марта 1941 г. была использована начальником Разведуправления Генштаба Ф. И. Голиковым для доклада, который получил название «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР»[134]. Этот доклад был направлен И. В. Сталину, наркому обороны С. К. Тимошенко и в ЦК ВКП(б). Доклад содержал 16 пунктов и два вывода.

Излагая в целом достоверные сведения, добытые военными разведчиками, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков сделал неправильные выводы. Он утверждал: «1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформационные, исходящие от английской и даже, может быть, германской разведки»[135].

Выводы Голикова явились отражением уровня отношений, сложившихся в системе управления СССР, где мнение И. В. Сталина о том, что Германия в 1941 г. не нападет на СССР, считалось единственной правильной оценкой военно-политической обстановки. Этой оцен-

ки придерживались наркомы иностранных дел и обороны, начальник Генерального штаба и другие лица, входившие в состав высшего руководства СССР. Начальник военной разведки генерал-лейтенант Ф. И. Голиков тоже не избежал влияния этого мнения И. В. Сталина.

Однако в апреле — июне 1941 г. Ф. И. Голиков изменил свою точку зрения и стал направлять высшему руководству СССР донесения резидентов военной разведки без дополнительных оценок и выводов. Эти донесения объективно отражали изменения в советско-германских отношениях и вскрывали прямые признаки подготовки Германии к войне против СССР. Во второй половине апреля, например, военный атташе советского посольства в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков направил начальнику Разведуправления Генерального штаба очередной доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941»[136]. На основе имевшихся в его распоряжении сведений он пришел к следующим выводам: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения — возможно более короткие и безусловно в пределах текущего года»[137].

Важные сведения поступали в Центр от полковника Г. М. Ерёмина из Бухареста, полковника А. В. Яковлева из Праги и других разведчиков. 16 апреля 1941 г. в Разведывательном управлении Генштаба было подготовлено специальное сообщение «О перебросках немецких войск в погранполосе СССР»[138], которое направлено И. В. Сталину и командованию Красной армии. За месяц до начала войны были подготовлены специальные сообщения «О плане военных действий Германии против СССР»[139], «Обзор агентурных сведений о возможности нападения Германии на СССР»[140], «О германо-советских отношениях, положении в Германии и о возможном нападении Германии на СССР»[141], «Об усилении группировки немецких войск на границе с СССР»[142], «О подготовке Германии к нападению на СССР»[143], «О переброске немецких войск в погранзону с СССР»[144] и другие. Эти специальные сообщения направлялись И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Н. Г. Кузнецову, С. М. Будённому, Б. М. Шапошникову, К. А. Мерецкову, Г. К. Жукову, А. А. Жданову.

Вечером 21 июня 1941 г. в Разведывательном управлении было подготовлено срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.06 на 22.06», которое было незамедлительно направлено И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко. В целом за период с 1 июня 1940 по 22 июня 1941 г. в Центр от резидентов военной разведки поступило около 267 донесений, в которых отражалось нарастание военной угрозы со стороны фашистской Германии. Половина из них была доложена высшему военно-политическому руководству СССР.

В этот же период внешняя разведка НКВД неоднократно докладывала руководству СССР о нарастании военной угрозы. Однако И. В. Сталин, В. М. Молотов, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков не давали этим разведывательным сведениям адекватной оценки. Высшее советское руководство продолжало придерживаться мнения, что в 1941 г. Германия не нападет на СССР. Эта ошибка в оценке нарастания угрозы со стороны Германии привела к трагическому для Советского Союза началу Великой Отечественной войны.

После вероломного нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Генеральный штаб Красной армии и Наркомат обороны не имели сведений о действительном положения дел на фронтах, связь со штабами которых была нарушена. В полном неведении находились и члены советского правительства. Единственным документом, отражавшим ход боевых действий, стала разведывательная сводка № 1 Разведуправления Генштаба Красной армии. В ней сообщалось о том, что в итоге боевых действий за день 22 июня получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20 июня данные о группировке противника, находившегося непосредственно на границе СССР. Начальник Разведуправления доложил руководству СССР сведения о положении на Северном, Северо-Западном, Западном, Юго-Западном и Южном фронтах и сообщил о возможных ближайших действиях противника[145].

В предвоенные годы Генеральный штаб Красной армии, не исключая нападения на СССР Германии или Японии, готовился к ведению боевых действий на территориях соседних приграничных государств. Его прогнозы оказались ошибочными, мобилизационные планы — нереальными. Основные мероприятия мобилизационного характера выполнить также

не удалось. Войска Красной армии, в том числе и военная разведка, оказались не готовы к широкомасштабным военным действиям на территории СССР. Руководству Советского Союза необходимо было срочно перестроить управление разведкой и организовывать ее деятельность в соответствии с требованиями военного времени.

Начальник Генерального штаба в первые дни войны дал указания сосредоточить усилия разведки на решении следующих задач: организовать оперативную обработку всех разведывательных сведений о противнике и своевременное информирование членов ГКО, Ставки ГК и Генерального штаба о положении на фронтах; развернуть активную диверсионную деятельность на территориях, захваченных противником; расширить возможности оперативной и тактической разведки. С началом боевых действий были конкретизированы задачи разведки Наркомата внутренних дел и военно-морской разведки.

В соответствии с указаниями начальника Генерального штаба Красной армии от 2 августа 1941 г. начальники штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов и ВВС должны были один раз в сутки к восьми часам утра предоставлять свои разведывательные сводки в Разведуправление Генерального штаба. Был установлен жесткий порядок подготовки и прохождения информационных документов военной разведки. Начальники разведывательных отделов штабов фронтов должны были представлять начальнику военной разведки соответствующие сводки.

Разведывательное управление Генштаба обязывалось представлять начальнику Генерального штаба: разведывательные донесения и разведывательные сводки — два раза в сутки (утром и вечером); доклад о положении на фронтах — ежедневно за истекшие сутки; один раз в неделю к разведывательному докладу о положении на фронтах — карту группировок немецких войск; к 7, 15, 22 и 30-му числам каждого месяца направлять боевой расчет сил противника, сведения о группировке его войск по фронтам и направлениям до дивизий, отдельных бригад и батальонов включительно; разведывательные доклады — три раза в месяц. На основе особо важных сведений Разведывательное управление должно было незамедлительно готовить специальные сообщения для членов ГКО, Ставки ВГК и командования Красной армии.

Некоторые решения политического руководства СССР, касавшиеся деятельности военной разведки в июне — сентябре 1941 г., были недостаточно обоснованы. Примером может служить постановление ГКО № 27сс от 5 июля 1941 г. «О назначении военной миссии в Англию», о котором уже говорилось ранее. Миссию, находившуюся в Лондоне с 8 по 12 июля 1941 г., возглавил начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Однако именно в это время военная разведка должна была срочно перестраивать свою деятельность в соответствии с требованиями войны. Отсутствие начальника Разведывательного управления Генштаба в Москве создало дополнительные трудности в работе центрального аппарата военной разведки. После возвращения из Лондона Ф. И. Голиков был направлен в Вашингтон для переговоров с американскими официальными лицами. Ситуация с руководством Разведывательного управления в июле — октябре 1941 г. была неопределенной[146].

В рамках реализации постановления ГКО от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР из г. Москвы»[147] Разведуправление Генштаба было передислоцировано в Куйбышев. В Москве осталась группа оперативного состава Разведуправления, которой руководил генерал-майор А. П. Панфилов[148]. Эта группа в октябре — декабре 1941 г. готовила для Ставки ВГК и Генерального штаба информационные донесения о положении на фронтах, проводила допросы некоторых пленных немецких солдат и офицеров, выполняла другие задачи.

В ходе первых недель и месяцев войны Генеральному штабу в руководстве деятельностью военной разведки не хватало четкости и определенности. Однако война настоятельно требовала оперативно определить принципы управления разведкой, основными среди которых стали: жесткая централизация управления; усиление партийного контроля над деятельностью разведывательных органов; определение разведывательных задач в соответствии с обстановкой на фронтах; сосредоточение основных усилий разведки на приоритетных направлениях;

максимальное развитие инициативы разведчиков; повышение личной ответственности командиров всех степеней за организацию разведки и выполнение заданий командования.

Руководство силами стратегической разведки в начале войны осложнилось тем, что контрразведывательные органы Германии в первый же день войны блокировали все советские дипломатические и иные представительства в Берлине и интернировали их сотрудников. В результате таких же акций резидентуры советской разведки, работавшие под прикрытием официальных представительств в Германии, Венгрии, Румынии, Италии и других прогерманских странах, тоже прекратили свою деятельность.

В это время проявилась и слабая профессиональная подготовка сотрудников Центра, которые не успели в первой половине 1941 г. обеспечить нелегальные резидентуры стратегической разведки необходимыми техническими и финансовыми средствами, особенно средствами радиосвязи, и не учитывали возросших возможностей и агрессивности контрразведки противника. Нередко нарушались и требования конспирации, что отрицательно влияло на безопасность зарубежных резидентур. В частности, выполняя срочные задания Центра, радисты длительное время находились в эфире, что позволяло противнику выявлять радиоквартиры советской разведки и осуществлять аресты.

В июле — октябре 1941 г. начальник Генерального штаба, командование Разведывательного управления и командующие фронтами уделяли первостепенное внимание приведению в соответствие с требованиями войны оперативной и тактической разведки. В частности, командование Разведуправления Генштаба в срочном порядке разработало предложения по организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. 27 июня 1941 г. начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков утвердил эти предложения. Разведуправление Генштаба и разведывательные отделы штабов фронтов до 15 сентября 1941 г. должны были подготовить и вывести в тыл противника 430—460 диверсионно-разведывательных формирований общей численностью 4300 человек[149].

В целях подготовки кадров для укомплектования диверсионных и партизанских отрядов при Высшей специальной школе Генерального штаба Красной армии в июне 1941 г. были созданы центральные курсы, которые должны были готовить до 500 специалистов в месяц. Было также принято решение о формировании во всех фронтах западного направления специальных школ для подготовки разведчиков и диверсантов.

Значительные потери личного состава войсковой и оперативной разведки заставили командование Разведуправления Генштаба направить часть специалистов центрального аппарата в действующую армию для усиления разведывательных отделов штабов западных фронтов[150]. Это решение ослабило управление стратегической военной разведкой, но было вынужденным и в тех условиях необходимым, так как войсковая разведка занималась не только изучением группировок войск противостоящего противника, но и добывала ценные сведения оперативного характера, которые в своей совокупности позволяли вскрывать важные замыслы врага на конкретных операционных направлениях. Срочно принимались меры, направленные на укрепление сил и средств радиоразведки, также являвшейся надежным средством добывания сведений о противнике.

Благодаря созданной в предвоенные годы строгой вертикали управления, решения Ставки незамедлительно реализовывались центральным аппаратом военной разведки. Однако были вскрыты и значительные противоречия, существовавшие между организационно-штатной структурой Разведуправления Генштаба, утвержденной начальником Генштаба К. А. Мерецковым 12 декабря 1940 г., и потребностями Ставки ВГК в срочных информационных материалах, оперативно освещавших обстановку на фронтах, планы, силы и средства противника. Увеличение объема разведывательных задач выдвинуло перед командованием Разведывательного управления вопрос об усилении руководства войсковой разведкой, которая постоянно находилась в соприкосновении с противником и была в состоянии добывать сведения о нем. Действовавшее «Положение о Разведывательном управлении Генерального штаба» таких функций на Разведуправление не возлагало. В соответствии с практикой мирного времени войсковой разведкой руководили: в центре — начальник Генерального штаба

и начальник Управления боевой подготовки Наркомата обороны, а в действующей армии — начальник штаба фронта (армии) и начальник разведывательного отдела. Таким образом, сведения с фронта в Разведуправление Генерального штаба не попадали, что не позволяло сопоставлять их с данными стратегической и оперативной разведки.

В связи с этим 24 сентября 1941 г. начальник Разведывательного управления Генштаба генерал Ф. И. Голиков подготовил докладную записку на имя председателя ГКО И. В. Сталина и начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова, в которой отмечалось, что войсковая разведка на фронте поставлена неудовлетворительно, руководство ей со стороны «какого-нибудь органа в системе НКО отсутствует на протяжении многих лет. Внимание к войсковой разведке в войсковых штабах недостаточно»[151]. Генерал Ф. И. Голиков предлагал возложить руководство войсковой разведкой на Разведывательное управление Генерального штаба, в Разведуправлении создать отдел войсковой разведки, в составе стрелковых батальонов — команды пеших разведчиков-охотников из «отборного состава», развернуть войсковые отделения разведывательных курсов Разведуправления на 200 человек вместо 70. Также предлагалось установить дифференцированную систему поощрения отличившихся: награждать военных разведчиков за троекратное выполнение разведывательных поисков с приведением пленных — медалью «За боевые заслуги»; за пятикратное выполнение разведзаданий — медалью «За отвагу»; за семикратное — орденом Красной Звезды; за десятикратное — орденом Красного Знамени»[152]. Разведчиков, добывших особо ценные сведения, пленных или образцы боевой техники и проявивших особую воинскую храбрость, отвагу и выдержку, предлагалось представлять к званию Героя Советского Союза[153].

Это были важные меры, вносившие в случае их утверждения Ставкой ВГК существенные изменения в организационную структуру военной разведки и методы ее работы. Однако в сентябре 1941 г. Ставка ВГК эти предложения не рассмотрела. Силы и средства войсковой разведки продолжали находиться в подчинении начальников штабов фронтов, имели низкую укомплектованность, недостаточное материальное обеспечение и часто использовались не по назначению.

С началом военных действий объем работы разведывательных отделов штабов фронтов значительно увеличился. Они должны были добывать конкретные сведения, необходимые для планирования и успешного проведения фронтовых оборонительных и наступательных операций. Для этого было необходимо так организовать работу разведорганов, чтобы они могли своевременно добывать достоверную информацию о группировке, составе, силах и средствах противостоящих войск противника, вскрывать его планы и направления главных ударов, выявлять состав, дислокацию штабов, узлов связи, аэродромов базирования авиации и другие военные объекты[154].

Разведывательные отделы штабов фронтов должны были восстановить связь с довоенной агентурой, задействовать запасную сеть осведомителей в тылу противника, организовать подбор и подготовку новых разведчиков. Неотложными задачами являлись организация деятельности радиоразведки и дешифровальной работы в условиях крупномасштабных военных действий, динамично изменяющейся обстановки и работы с захваченными пленными и трофейными документами, а также налаживание тесного взаимодействия с ВВС фронта. В целом, разведывательные отделы штабов фронтов должны были обеспечить сбор и обобщение имевшихся в их распоряжении сведений о противнике, подготовку разведывательных сводок и других информационных документов.

В соответствии с решением ГКО накануне Московской битвы была значительно усилена радиоразведка, которая решала задачи стратегического и оперативного характера. В сентябре 1941 г. из Ташкента в Москву был переброшен 490-й радиодивизион, который подчинен Ставке ВГК. Дивизион успешно выполнял задачи по разведке состава группы армий «Центр» и действий немецкой бомбардировочной авиации в период битвы под Москвой. В декабре 1941 г., в ходе контрнаступления советских войск, эвакуированная часть Разведывательного управления Генерального штаба возвратилась из Куйбышева в Москву, центральный аппарат военной разведки заработал в полную силу, исчезла нервозность, характерная для первых

месяцев войны. Успешная деятельность военной разведки накануне и в ходе Московской битвы позволила советскому командованию правильно оценить обстановку, сосредоточить силы на главном направлении, отразить наступление противника, перейти в контрнаступление и добиться успеха.

После завершения Московской битвы командование Разведывательного управления Генерального штаба учло уроки боевых действий и проанализировало работу военной разведки. Выводы и предложения о принятии неотложных мер, направленных на улучшение разведдеятельности, были изложены комиссаром Разведуправления генералом И. И. Ильичёвым 31 января 1942 г. в докладной записке, которая была направлена члену ГКО и постоянному советнику Ставки ВГК Г. М. Маленкову и начальнику Главного политического управления РККА Л. З. Мехлису. В записке отмечалось, что организационная структура военной разведки все еще не приведена в соответствие с условиями войны и является тормозом в разведывательной работе, «на протяжении начального периода войны не было начальника Разведуправления, а также руководителя, возглавлявшего агентурную работу»[155]. Серьезной критике был подвергнут Генеральный штаб, который «не руководил работой Разведуправления». И. И. Ильичёв просил немедленно назначить начальника военной разведки, «обязать Генштаб конкретно руководить разведкой или же возложить общее руководство Разведуправлением на одного из заместителей наркома обороны»[156]. Далее констатировалось, что материальная база слабая, нет самолетов, нужной экипировки, продовольствия. Одновременно были предложены конкретные меры по реорганизации структуры военной разведки и совершенствованию материального обеспечения ее оперативной деятельности.

В ГКО предложения начальника военной разведки были рассмотрены и одобрены. 16 февраля 1942 г. нарком обороны И. В. Сталин подписал приказ № 0033 «О реорганизации Разведывательного управления Генштаба в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии»[157]. Заместителем начальника Генерального штаба — начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (ГРУ ГШ КА) был назначен генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов, а военным комиссаром — генерал-лейтенант И. И. Ильичёв[158].

На ГРУ возлагалось руководство всеми видами военной разведки: стратегической (зарубежной), оперативной и тактической (войсковой). В организационной структуре Главного разведывательного управления Генштаба было создано два управления — агентурное и информационное и 23 отдела. Численный состав ГРУ был значительно увеличен. Реорганизацию центрального аппарата предусматривалось завершить к 20 февраля 1942 г. Планировалось провести ряд мероприятий по улучшению материального обеспечения, оснащению средствами агентурной радиосвязи и транспортной авиацией, повышению профессиональной подготовки кадров.

В результате проведенной реорганизации в новой структуре было проведено объединение всех разрозненных агентурных и информационных отделов в единые управления — агентурное и информационное; созданы два самостоятельных отдела — германский и европейский; сформирован отдел фронтовой, армейской и окружной разведки, наделенный функциями руководства деятельностью войсковой разведки. Принятые меры в целом активизировали деятельность разведки, однако еще длительное время ощущались недостаток квалифицированных кадров и слабое материально-техническое обеспечение.

Победа войск Красной армии в Московской битве, одним из факторов которой являлась эффективная и самоотверженная деятельность всех видов военной разведки, повысила доверие членов Ставки ВГК к ГРУ Генштаба. Однако в ходе принятия последующих решений военно-политическое руководство СССР все же не в полной мере учитывало значение разведданных стратегического характера. Особенно наглядно это проявилось при определении Ставкой ВГК перспектив летне-осенней кампании 1942 г.

И. В. Сталин считал, что А. Гитлер в 1942 г. может снова предпринять попытку захвата советской столицы. Однако, по информации, поступавшей в Центр, А. Гитлер изменил план войны против СССР и готовился нанести главный удар в направлении Кавказа. Германское

командование планировало захватить нефтеносные районы и южную советскую продовольственную базу, лишив таким образом войска Красной армии необходимого материального обеспечения. Сведения, добытые разведкой, были достоверными и подтверждались многими источниками, которые действовали в Швейцарии, Великобритании, Швеции и США. На основе разведсводок было подготовлено специальное сообщение, которое 18 марта 1942 г. направлено в ГКО. В этом донесении сообщалось о том, что центр тяжести весеннего наступления немцев будет перенесен на южное направление (Ростов — Майкоп — Баку). В выводах указывалось: «Германия готовится к решительному наступлению на восточном фронте, которое развернется вначале в южном секторе и распространится в последующем на север»[159]. Однако это донесение не было учтено в последующих решениях Ставки ВГК.

В соответствии с указаниями И. В. Сталина после разгрома немецких войск в битве под Москвой в Ставке ВГК рассматривался вопрос об усилении обороны Москвы и переходе войск Красной армии на отдельных направлениях в наступление. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников считал, что в 1942 г. по всему фронту войска Красной армии должны были «не гнать немцев на запад без передышки», а перейти к стратегической обороне. И. В. Сталин и Г. К. Жуков согласились с необходимостью перехода к стратегической обороне, но настояли на проведении нескольких наступательных операций[160]. В конечном счете, в Ставке ВГК было выработано компромиссное решение — в качестве главного вида действий Красной армии на лето 1942 г. принята стратегическая оборона, дополненная в соответствии с рекомендациями И. В. Сталина частными наступательными операциями.

В начале лета 1942 г. резиденты военной разведки полковник Н. И. Никитушев, Ш. Радо и другие добыли дополнительные сведения о том, что главный удар будет нанесен противником в направлении Кавказа. Однако в основу решений советского Верховного главнокомандования все же были положены прогнозы И. В. Сталина. В очередной раз высшее военно-политическое руководство СССР не воспользовалось достоверными сведениями военной разведки, что привело к созданию в 1942 г. крайне сложной обстановки. А. М. Василевский так писал об этом: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара на юге не были учтены. На юго-западное направление было выделено сил меньше, чем на западное»[161].

В период возобновления наступления противника на южном крыле советско-германского фронта силы зарубежных резидентур ГРУ смогли также добыть достоверные сведения о том, что Япония не намерена вступать в войну против СССР до тех пор, пока Германия не нанесет советским войскам решительное поражение. После крупных потерь в Крымской, Харьковской и Любанской операциях И. В. Сталин, учитывая донесения военной разведки, приказал начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому снять с Дальнего Востока 10–12 дивизий и не позже 11 июля начать их скрытную переброску на запад в резерв Ставки ВГК[162]. На этот раз была усилена группировка войск Красной армии, оборонявших Сталинград.

Развитие обстановки на фронтах требовало дальнейшего совершенствования управления органами военной разведки и усиления ее деятельности не только в прифронтовой полосе, но и в глубоком тылу противника. Для добывания сведений, раскрывавших планы германского командования, ГРУ планировало направить на территорию Германии несколько разведгрупп и отдельных разведчиков, которые должны были организовать деятельность в Берлине, Кёльне, Вене, Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене и других городах. Однако полностью выполнить эти планы не удалось. Разведывательные сведения о противнике продолжали сообщать лишь те уцелевшие резидентуры, которые были созданы в предвоенные годы. Активно работали резидентуры «Акасто», «Брион», «Дора», «Зевс», «Эдуард», «Нак», «Соня», «Жорес», «Омега», «Жезл» и другие. Руководитель резидентуры «Дора» Шандор Радо в январе — октябре 1942 г. направил в Центр 800 шифрованных радиограмм (около 1100 листов текста), а в период с ноября 1942 по март 1943 г. еще около 750 радиограмм. Руководство ГРУ значительную часть этих донесений направляло в Ставку ВГК и Генеральный штаб.

В Лондоне продолжала активно действовать резидентура военной разведки «Брион», которой руководил генерал-майор танковых войск И. А. Скляров. Только в 1942 г. он напра-

А. Н. Михеев

Н. А. Осетров

вил в Центр 1344 донесения. Большинство донесений этого резидента было использовано командованием Главного разведуправления для докладов членам Ставки ВГК. Наиболее важные разведывательные сведения направлялись И. В. Сталину, Г. К. Жукову и А. М. Василевскому. В целом за 1942 г. в ГРУ было подготовлено и направлено военно-политическому руководству СССР: по Европе — 102, по Азии — 83, по Америке — 25, по Африке — 12 специальных сообщений.

Сотрудники дешифровальной службы ГРУ в 1942 г. раскрыли принцип действия германской шифромашины «Энигма», основные немецкие и японские коды общевойсковых, полицейских и дипломатических шифров, 75 шифров немецкой разведки, более 220 ключей к ним, дешифровали более 50 тыс. немецких сообщений[163].

В целом силы и средства зарубежной, оперативной, войсковой и радиоразведки Главного разведывательного управления Генерального штаба смогли выявить состав немецкой группировки и предполагаемый характер ее действий на Сталинградском направлении. Тем не менее Ставка ВГК, допустившая ошибку в оценке стратегической обстановки, выразила неудовлетворение деятельностью военной разведки накануне Сталинградской битвы. В результате начальник ГРУ генерал А. П. Панфилов 25 августа 1942 г. был снят с должности. Это решение наркома обороны СССР было также вызвано тем, что польская армия В. Андерса, за формирование которой отвечал А. П. Панфилов, отказалась воевать на советско-германском фронте и покинула СССР. Исполняющим обязанности начальника ГРУ был назначен комиссар военной разведки генерал-лейтенант И. И. Ильичёв. Это назначение означало дальнейшее укрепление политического руководства деятельностью ГРУ, одного из сложнейших военных коллективов Генерального штаба.

Результаты анализа деятельности военной разведки накануне и в ходе Сталинградской битвы позволили установить, что офицеры аппарата ГРУ, одновременно руководя деятельностью стратегической, оперативной и войсковой разведки, не успевали качественно решать все оперативные задачи. Поэтому Ставка ВГК в октябре 1942 г. приняла решение провести очередную реорганизацию системы военной разведки. 23 октября 1942 г. нарком обороны СССР И. В. Сталин подписал приказ «О реорганизации Главного разведывательного управления Генерального штаба КА»[164]. Приказом предусматривалось выделение ГРУ из состава

Генерального штаба и подчинение стратегической агентурной разведки народному комиссару обороны. На Главное разведывательное управление Красной армии возлагалось «ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР»[165].

Начальнику ГРУ было приказано «в пятидневный срок представить на утверждение структуру и штаты Главного разведывательного управления Красной армии и его периферийных органов»[166]. Через пять дней в составе ГРУ были сформированы три управления: агентурной разведки за границей, агентурной разведки на оккупированной немецкими войсками территории и информационное. Главному разведывательному управлению Красной армии для управления силами оперативной разведки разрешалось создание на периферии, вдали от штабов фронтов, трех-четырех разведывательных групп (центров), использовав для их прикрытия представительства Центрального штаба партизанского движения при военных советах фронтов[167].

Для руководства и управления деятельностью войсковой разведки в составе Генерального штаба было создано Управление войсковой разведки, которому подчинялись разведывательные отделы штабов фронтов и армий. Одновременно Управлению войсковой разведки ГШ КА запрещалось ведение агентурной разведки. Этим же приказом дешифровальная служба ГРУ, добившаяся в первом периоде войны уникальных результатов, была передана в ведение НКВД СССР, где образована единая криптографическая служба.

Однако на практике и эта реорганизация системы военной разведки, проведенная Ставкой ВГК, не оказала значительного влияния на улучшение ее деятельности. Некоторые положения, заложенные в это решение, оказались ошибочными. В частности, штабы фронтов из-за отсутствия подчиненной им агентурной разведки лишились возможности получения достоверных сведений о противнике от источников, действовавших в его оперативной глубине. Командование ГРУ также не смогло обеспечить быстрое доведение до штабов фронтов поступающих сведений от источников, действующих на территориях, оккупированных противником. Эти недостатки стали отрицательно сказываться на планировании и организации боевых действий войск и сил.

В феврале 1943 г. командующие ряда фронтов обратились к Верховному главнокомандующему с просьбой вернуть в их подчинение органы оперативной агентурной разведки. Этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро ВКП(б), куда приглашены Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский и генерал армии А. И. Антонов. На заседание Политбюро ВКП(б) был вызван и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. В ходе заседания И. В. Сталин охарактеризовал положение на фронтах, заявил о необходимости укрепления фронтовой разведки: «По-видимому, назрела необходимость преобразовать Управление войсковой разведки в Разведывательное управление Генерального штаба, укрепив его организационно, кадрами и материально, выделив ему необходимые технические средства... Мы здесь посоветовались и решили рекомендовать на должность начальника Разведывательного управления Генерального штаба нашего Кузнецова Фёдора Федотовича. Он хорошо работал в свое время в качестве секретаря одного из московских райкомов партии, а затем в центральном аппарате на должности заместителя начальника Главного политического управления Красной армии, а недостающий военный опыт приобрел на фронте»[168].

Постановлением ГКО в апреле 1943 г. в системе военной разведки было создано два разведывательных управления: Главное разведывательное управление Красной армии и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии[169]. Реализуя постановление ГКО, нарком обороны СССР И. В. Сталин 19 апреля 1943 г. подписал три приказа, завершивших длительный поиск оптимальной структуры военной разведки. Первый — «О реорганизации Управления войсковой разведки Генерального штаба Красной армии», в котором предписывалось «реорганизовать Управление войсковой разведки Генштаба в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, возложив на него: руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов, регулярную информацию о действиях и намерениях врага

и проведение дезинформации противника»[170]. Разведуправлению Генштаба и разведывательным отделам фронтов «предоставлялось право ведения агентурной разведки и диверсионной работы на временно оккупированной территории Союза СССР»[171]. Начальником Разведуправления Генштаба был назначен генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. В соответствии с приказом в ГРУ упразднялось 2-е управление, ведущее агентурную разведку на временно оккупированной территории Союза ССР, агентурная сеть передавалась Разведуправлению Генштаба. На ГРУ, которое подчинялось наркому обороны, возлагались задачи по ведению разведки за рубежом. Начальником Главного разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант И. И. Ильичёв.

В целях дальнейшего повышения достоверности разведывательной информации, докладываемой военно-политическому руководству СССР, нарком обороны этим же приказом распорядился создать «при начальнике Генерального штаба Красной армии... группу командиров во главе с генерал-полковником т. Голиковым с задачей обобщения и анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки (НКО, НКГБ, НК ВМФ, Главного управления Смерш и партизанских штабов)[172]. В состав группы по разведке вошли: начальник ГРУ Красной армии генерал И. И. Ильичёв, начальник Разведывательного управления Генерального штаба генерал Ф. Ф. Кузнецов, начальник внешней разведки НКГБ П. М. Фитин, начальник Разведывательного управления Главного морского штаба НК ВМФ контр-адмирал М. А. Воронцов, начальник 4-го управления НКГБ комиссар госбезопасности 3 ранга П. А. Судоплатов. Начальником группы по обобщению сведений о противнике был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков[173]. Группа готовила для Ставки ВГК аналитические документы о состоянии вооруженных сил и экономики Германии и оценивала возможности Германии по ведению войны против СССР.

Устанавливался и порядок взаимодействия центральных органов военной разведки с Главным управлением НКО Смерш, которое было обязано «информировать Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии о причинах провала агентов разведывательных органов Красной армии, перевербованных противником; о методах работы разведки противника по вербовке агентуры, ее подготовке, документации, организации радиосвязи и способах заброски»[174].

Реорганизация системы военной разведки должна была завершиться к 1 мая 1943 г. А 19 апреля 1943 г. нарком обороны И. В. Сталин подписал второй приказ — «О состоянии органов войсковой разведки и о мероприятиях по улучшению ее боевой деятельности». В нем, в частности, отмечалось: «Опыт боевой деятельности войск показал, что командиры частей и соединений не уделяли войсковой разведке должного внимания. Командующие фронтами и армиями мало спрашивают с командиров дивизий, полков за состояние войсковой разведки и не добиваются повышения разведывательной грамотности общевойсковых командиров»[175]. Нарком обороны, детально и аргументированно оценивая состояние войсковой разведки в действующей армии, изложил ряд конструктивных требований, строгое выполнение которых должно было поднять на более высокий уровень управление войсковой разведкой. Командирам всех уровней указывалось уделять делу разведки серьезное внимание, «повседневно руководить работой начальников разведки, ставить им задачи и проверять их выполнение»[176]. Приказом также предусматривалось до 10 мая 1943 г. полностью укомплектовать разведывательные отделы фронтов, улучшить их материальное и финансовое обеспечение, организовать расширенную подготовку кадров военной разведки, принять ряд других мер, направленных на активизацию деятельности военных разведчиков.

Третий приказ — «Об улучшении разведывательной работы партизанских отрядов» — определял порядок использования разведывательных данных партизан штабами фронтов и Генеральным штабом Красной армии[177].

Таким образом, в апреле 1943 г. была завершена работа по оптимизации системы военной разведки. Разведывательные управления Наркомата обороны и Генерального штаба возглавили кадровые политработники — И. И. Ильичёв и Ф. Ф. Кузнецов соответственно, которые пользовались доверием И. В. Сталина.

В. С. Абакумов

Н. Н. Селивановский

И. Я. Бабич

Изменившиеся в начале 1943 г. условия ведения войны (разгром группировки немецких войск в районе Сталинграда, подготовка к новой летней кампании, перспективы которой еще не были определены) на первый план выдвинули задачи своевременного и достоверного информационного обеспечения деятельности ГКО, Ставки ВГК и Генерального штаба сведениями военного и военно-политического характера.

Руководство военной разведки, учитывая сложную обстановку на советско-германском фронте и выполняя указания Ставки ВГК, принимало меры, направленные на повышение эффективности органов зарубежной разведки. Начальник ГРУ направил 27 апреля 1943 г. наркому обороны СССР специальную докладную записку «О мероприятиях по улучшению разведывательной работы за рубежом»[178]. В конце апреля 1943 г. ГРУ была подготовлена докладная записка в ГКО, в которой изложены дополнительные «Предложения по улучшению разведывательной работы за рубежом»[179]. Эти предложения были одобрены председателем ГКО и способствовали повышению эффективности деятельности ГРУ КА во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны.

В результате предпринятых Ставкой ВГК усилий были активизированы действия резидентур ГРУ Красной армии в Иране и Турции, разведывательных отделов штабов южных фронтов, штаба Черноморского флота и Южного штаба партизанского движения. Добытые силами и средствами разведки сведения легли в основу решений Ставки ВГК, которые обеспечили разгром группировки немецко-фашистских войск, действовавшей на Кавказе. Последний этап битвы за Кавказ был завершен 9 октября 1943 г.

Накануне и в ходе Курской битвы внимание Ставки ВГК привлекали разведывательные сведения о непоследовательных действиях правительств США и Великобритании, которые резко сократили поставки в СССР вооружения и военной техники. Беспокойство советского руководства вызывала возможность нарушения союзниками ранее принятых решений, направленных на разгром гитлеровской Германии. В этот период военные разведчики добыли сведения, раскрывавшие содержание секретных переговоров руководителей США и Великобритании в августе 1943 г. в Квебеке. Главным было то, что союзники в 1943 г. не намеревались открывать второй фронт, а также решили объединить усилия для ускорения создания атомной бомбы. Эти и другие сведения о Квебекской конференции были использованы начальником ГРУ КА генералом И. И. Ильичёвым для подготовки специального сообщения И. В. Сталину и В. М. Молотову «Об итогах конференции в Квебеке и отношении США

и Англии к СССР»[180]. Добытые военной разведкой сведения были использованы ГКО для принятия важных решений в ходе подготовки советской делегации во главе с И. В. Сталиным к встрече с президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г.

После окончания Курской битвы резиденты ГРУ Красной армии начали докладывать в Центр сведения, которые свидетельствовали о начавшихся изменениях внешнеполитического курса фашистской Германии, руководство которой продолжало, с одной стороны, проводить мероприятия по укреплению фашистского блока, а с другой — пыталось установить тайные контакты с англо-американцами.

В связи с достижением коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, а также появлением новых обстоятельств в отношениях СССР с союзниками весной 1943 г. возникла острая необходимость четкого разграничения функций между Главным разведывательным управлением Красной армии (стратегическая разведка Наркомата обороны) и органами внешней разведки Наркомата государственной безопасности. В целях повышения результативности информационной деятельности всех разведывательных служб Государственный Комитет Обороны 5 июня 1943 г. принял постановление №3522сс «Об утверждении представленных НКГБ и ГРУ КА «Мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР»[181], в соответствии с которым было определено, что функции ГРУ КА — ведение стратегической агентурной (военной) разведки в интересах Наркомата обороны, а 1-го Управления НКГБ — ведение политической разведки.

В постановлении ГКО также отмечалось, что основное внимание разведывательные органы СССР должны направить на работу против Германии, Японии и Италии, усиление разведывательной деятельности в Англии, США и Турции; активизацию деятельности резидентур под прикрытием официальных представительств; внедрение в практику направления за рубеж кадровых работников разведывательных органов в составе различных делегаций, комиссий; привлечение к разведывательной работе отдельных советских ученых, писателей, артистов, направляя их за рубеж по линии Академии наук СССР и Союза советских писателей; создание нелегальных резидентур на территории иностранных государств, совершенствование форм их прикрытия, таких как организация торговых фирм, кинотеатров, фотоателье, ресторанов, а также вхождение компаньонами в различные фирмы, предприятия и прочее[182]. Главной целью постановления ГКО являлось повышение результативности деятельности зарубежных органов советских разведывательных служб. На его основе ГРУ КА 27 апреля 1943 г. разработало положение «О мероприятиях по улучшению разведывательной работы за рубежом»[183].

Сведения о противнике, которые в конце 1943 — первой половине 1944 г. добывали разведывательные органы НКО, НКГБ и НК ВМФ, представляли значительный интерес, анализировались в Группе по обобщению сведений о противнике, созданной при Генеральном штабе. На их основе 30 июня 1944 г. был подготовлен доклад для Ставки ВГК «О положении Германии, ее возможностях и вероятных планах ведения войны». В докладе давались оценки состояния военной экономики Германии, ее вооруженных сил и возможностях продолжения войны. В заключение указывалось, что «при всех трудностях своего положения Германия в состоянии продолжить войну в течение второй половины 1944 г.»[184]. Прогноз был объективным и полностью подтвердился в 1944 и первой половине 1945 г. Рекомендации Группы по обобщению сведений о противнике способствовали принятию Ставкой ВГК обоснованных решений, которые позволили войскам Красной армии успешно провести стратегическую операцию «Багратион» и целеустремленно действовать в последующем на территории восточноевропейских государств.

В 1943 г. был также принят ряд постановлений, направленных на улучшение обеспечения военной разведки средствами специальной радиосвязи. В частности, 20 октября 1943 г. вышло постановление ГКО «О производстве новой специальной приемо-передающей радиоаппаратуры для партизанских и агентурно-разведывательных связей», в котором указывалось: «В целях удовлетворения в кратчайшие сроки потребности штаба партизанского

движения, НКВД, НКГБ и Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии в специальной приемо-передающей радиоаппаратуре Государственный Комитет Обороны постановляет: обязать НКВД СССР (т. Берия) совместно с Наркомэлектропромом, Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии и Центральным штабом партизанского движения в 15-дневный срок разработать на базе радиостанции «Белка» новую приемо-передающую радиостанцию и в недельный срок провести ее всесторонние испытания. Опытный образец и результаты испытаний представить на утверждение ГКО к 10 ноября 1943 г.»[185]. В первом полугодии 1944 г. предусматривалось выпустить 1500 новых приемо-передающих радиостанций, из них 500 штук выделялось Разведуправлению Генштаба, 500 штук — НКВД.

Твердые, целенаправленные усилия Ставки ВГК активизировали в 1944 г. не только информационное, но и оперативное взаимодействие советских разведывательных органов. В частности, в ходе Восточно-Прусской операции (13 января — 25 апреля 1945 г.) руководство деятельностью разведформирований и диверсионных групп за линией фронта активно осуществляли: 2-й отдел Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, 4-е управление НКГБ СССР и Разведывательный отдел Центрального штаба партизанского движения. Выполняя указания Ставки ВГК, в тыл противника было заброшено 237 различных специальных разведформирований в составе 2500 человек, которые своими самоотверженными действиями способствовали успеху операции[186].

Важной особенностью управления Ставкой ВГК советскими разведывательными службами в третьем периоде войны являлось сосредоточение лучших сил и возможностей разведки НКО и НКГБ на главных направлениях, от которых зависел не только исход войны с гитлеровской Германией, но и решение сложных послевоенных проблем, связанных с укреплением безопасности СССР. Именно этим было продиктовано проведение в феврале 1944 г. специального совещания руководителей ГРУ и внешней разведки НКГБ. По указанию председателя ГКО И. В. Сталина это совещание проводил нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия[187]. В его работе приняли участие начальник ГРУ Красной армии генерал И. И. Ильичёв и начальник 1-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга П. М. Фитин.

На совещании было принято решение об объединении усилий двух разведывательных служб для добывания сведений об англо-американском атомном проекте. Выполняя эти указания, разведывательные органы НКГБ и НКО в 1944–1945 гг. добыли значительное количество сведений, связанных с технологией производства атомной бомбы. Эти материалы позволили советским ученым, работой которых руководил И. В. Курчатов, сократить сроки проведения научно-исследовательских работ, избежать значительных финансовых и материальных расходов и ускорить процесс создания отечественной атомной бомбы.

Военная разведка привлекалась Ставкой ВГК и для добывания сведений о подготовке правительственных делегаций США и Великобритании к трехсторонним конференциям в Тегеране (1943), Крыму (1945) и Потсдаме (1945). Военные разведчики обеспечили советское руководство достоверными сведениями о позициях американской и английской делегаций на этих конференциях по широкому кругу вопросов.

По указанию Ставки ВГК военные разведчики в 1944 г. забрасывались в тыл противника и действовали на территорию Польши, Болгарии, Чехословакии, Югославии, оказывали помощь участникам движения Сопротивления. В частности, в Варшаву, где в августе 1944 г. неожиданно для советского руководства вспыхнуло восстание, был заброшен военный разведчик И. А. Колос. Он должен был координировать действия восставших поляков и командования 1-го Белорусского фронта. Благодаря усилиям И. А. Колоса восставшим было переброшено значительное количество оружия, боеприпасов, медикаментов. Для оказания помощи чешским партизанам в Чехию был заброшен военный разведчик майор А. В. Фомин. Координацию действий войск 1-го Украинского фронта и словацких партизан осуществлял майор И. И. Скрипка. В Югославии активно действовал глава советской

военной миссии генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, военные разведчики Н. К. Патрахальцев и И. П. Рыбаченков[188].

В годы войны Ставка ВГК уделяла большое внимание развитию сотрудничества в военной области с государствами — членами антигитлеровской коалиции. Созданная в 1941–1942 гг. нормативно-правовая база этого военного сотрудничества позволила определить направления взаимодействия советской разведки с разведками США, Великобритании, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Чехословакии и Югославии. Решения, определявшие способы и формы этого взаимодействия, утверждал Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. Основная ответственность за организацию и осуществление этого сотрудничества была возложена на офицеров стратегической разведки Наркомата обороны. В частности, в Лондоне взаимодействие с представителями военных разведок стран, входивших в состав антигитлеровской коалиции, осуществлял полковник А. Ф. Сизов. В целом в годы войны сотрудники ГРУ добились положительных результатов в области взаимодействия с военными разведчиками стран антигитлеровской коалиции и получили от них значительное количество полезных сведений о противнике.

Сотрудничество строилось на бескорыстной основе, в основном путем обмена обезличенными разведывательными сведениями о Германии, ее вооруженных силах и возможностях ведения войны. Каждая из разведывательных служб в ходе этого взаимодействия преследовала свои прагматические цели, однако общие результаты были полезны всем. Наиболее важные сведения военного и военно-политического характера, передававшиеся представителями военных разведок союзников, начальник ГРУ докладывал Верховному главнокомандующему, что способствовало разработке комплексных оценок возможностей и планов противника и ускорило достижение победы над гитлеровской Германией. После войны взаимодействие военных разведок США, Великобритании и некоторых других государств с советской военной разведкой было прекращено.

Таким образом, стратегическое руководство военной разведкой накануне и в период Великой Отечественной войны являлось одним из важнейших и сложнейших направлений деятельности военно-политического руководства страны. В годы войны данное направление деятельности было усилено за счет назначения на ответственные должности авторитетных политических работников, которые опирались на профессиональные кадры разведчиков. В действиях органов государственной власти в области управления военной разведкой были просчеты и ошибки. Война заставила военно-политическое руководство СССР в значительной степени изменить отношение к военной разведке, улучшить ее материально-техническое и финансовое обеспечение. Усиливая политический контроль над деятельностью военной разведки, создавая максимальные условия для ее развития, ГКО и Ставка ВГК в 1943–1945 гг. активно использовали разведывательные сведения в ходе принятия решений, важных для планирования и организации боевых действий войск Красной армии против Германии и поддержания взаимовыгодных отношений с США и Великобританией.

В 1943–1945 гг. политическое руководство СССР, используя опыт деятельности разведки, накопленный в первом периоде войны, целенаправленно добивалось совершенствования организационной структуры военной разведки, развивало систему подготовки ее кадров. Возросшее доверие руководства государства к разведывательным органам и к их информации, моральное и материальное стимулирование военных разведчиков способствовали активизации их деятельности. Выполняя задания командования, военные разведчики добились значительных результатов в добывании ценных сведений о противнике. Ставкой ВГК было организовано эффективное взаимодействие разведывательных органов НКО, НКГБ и НК ВМФ, которое в годы войны в целом осуществлялось успешно и по многим направлениям. Военно-политическое руководство СССР одобрило усилия военной разведки по развитию взаимодействия с военными разведками стран антигитлеровской коалиции, создавало нормативно-правовую базу и определяло основные направления этого взаимодействия.

В целом советская разведка в 1941–1945 гг. обеспечивала военно-политическое руководство СССР, Генеральный штаб и командование Красной армии сведениями, необходимыми для разработки планов стратегических оборонительных и наступательных операций, эффективного управления войсками, успешного ведения переговоров с руководителями США и Великобритании и разработки новых видов оружия и военной техники.

Использование советским руководством средств военной дипломатии в области военно-политического и военно-технического сотрудничества

Осуществляя внешнюю политику, советское стратегическое руководство не стесняло себя формальными рамками и использовало в интересах дипломатии все возможные государственные и общественные структуры. Значительная роль при этом отводилась военной дипломатии.

Выше уже упоминалось о деятельности советской военной миссии в США и Великобритании под руководством заместителя начальника Генерального штаба Красной армии, начальника Разведуправления РККА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова. Миссия была образована, что называется, по временной схеме для установления первых рабочих контактов с политическими и военными руководителями будущих союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Однако такая форма ведения дипломатических дел оказалась весьма эффективной, поэтому работа миссий была переведена на постоянную основу.

Кроме Великобритании (в США после убытия генерала Ф. И. Голикова специальная миссия не создавалась, и вопросы взаимодействия с американцами по военной линии решались аппаратом военного атташе полковника И. М. Сараева) аналогичные миссии были созданы: в октябре 1944 г. — во Франции, к концу войны — при Верховном штабе Народно-освободительной армии Югославии, при штабе командующего Средиземноморскими экспедиционными войсками союзников, а на завершающем этапе Второй мировой войны — при командующем американским флотом на Тихом океане (в виде военной группы связи).

Военные миссии не подчинялись послам в стране пребывания, а только взаимодействовали с аппаратами посольств. Они находились в подчинении Генерального штаба Вооруженных сил СССР, а через него — Ставки ВГК. Для непосредственного руководства деятельностью советских военных миссий в странах антигитлеровской коалиции, работой военных атташе, а также поддержания контактов с союзными военными миссиями в Москве, в составе Генштаба приказом народного комиссара обороны СССР № 318 от 23 сентября 1944 г. было сформировано Управление спецзаданий во главе с генерал-майором Н. В. Славиным[189]. Высокую оценку военно-дипломатической деятельности Н. В. Славина дал генерал армии С. М. Штеменко: «Очень тонкую работу по поддержанию контактов с Наркоматом иностранных дел и по связям Генштаба с союзниками вел со своим немногочисленным, но очень квалифицированным аппаратом скромнейший, кристальной души человек генерал-лейтенант (с 4 мая 1945 г. — *Прим. ред.*) Н. В. Славин[190]. Он являлся в то время неизменным участником переговоров с военными представителями США и Англии, а также с главами союзных держав, присутствовал на многих международных конференциях»[191].

Сотрудники военных миссий решали большой объем важных военно-политических задач, содействовали развитию сотрудничества с союзниками в военно-экономической сфере, поддерживали контакты с командованием союзных войск по координации действий войск Красной армии и союзников на различных театрах военных действий.

В Лондоне обязанности главы военной и военно-морской миссии исполнял контр-адмирал Н. М. Харламов (в должности утвержден лишь в июне 1943 г.), который одновременно был и военно-морским атташе. На миссию возлагались следующие задачи: ведение переговоров с союзниками об открытии второго фронта в Европе, организация британских

Н. В. Славин

Посол СССР в Великобритании И. М. Майский, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков и контр-адмирал Н.М. Харламов в Лондоне. 1941 г.

поставок в Советский Союз, содействие проводке союзных конвоев с грузами из британских в советские северные порты. Миссия тесно взаимодействовала с советским посольством, а также со специальным посольством, учрежденным советским правительством в Лондоне для поддержания контактов с эмигрантскими правительствами оккупированных вермахтом стран, во главе с послом А. Е. Богомоловым.

Когда в мае 1942 г. в Лондон прибыл В. М. Молотов, адмирал Н. М. Харламов был в числе лиц, обеспечивавших успешные переговоры наркома иностранных дел СССР с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Переговоры завершились подписанием договора о союзе в войне против нацистской Германии и ее сообщников в Европе и сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Договор заменил советско-британское соглашение от 12 июля 1941 г., и взаимное обязательство сторон «оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе», опиралось теперь на куда более серьезную, чем ранее, договорно-правовую основу[192].

Важную роль Н. М. Харламов и возглавляемая им миссия сыграли в обеспечении бесперебойного движения союзных конвоев. Много усилий военных дипломатов потребовалось, например, для возобновления северных конвойных операций, приостановленных англичанами после разгрома (к слову, по их вине) конвоя PQ-17 в июне 1942 г. В 1943 г. Н. М. Харламову пришлось обеспечивать транзит через Панамский канал пяти советских подводных лодок из Владивостока на Северный флот с их временным базированием на Британских островах, которое потребовалось для установки нового гидроакустического и радиолокационного оборудования. Советская военная миссия обеспечивала также переброску из Америки через британские порты на Северный флот нескольких десятков тральщиков и больших охотников за подводными лодками, а также приемку английских и американских кораблей, полученных советским ВМФ в счет раздела итальянского флота вследствие капитуляции Италии.

Значение деятельности Н. М. Харламова и его миссии в Лондоне подчеркивает факт его двукратного приема в 1943 г. И. В. Сталиным, а также присвоение ему воинского звания вице-адмирала. С одобрения Верховного главнокомандующего была расширена правовая основа для работы военной миссии в Лондоне и расширения прямых контактов с американскими военными, каковым противилась британская сторона. Структуре, которую возглавлял Н. М. Харламов, был придан статус миссии при Генеральном штабе Великобритании и англо-американских войсках на Европейском театре войны. Прямым следствием такой меры стало приглашение, поступившее ему от комитета начальников штабов, лично присутствовать при высадке союзных экспедиционных сил на севере Франции. 6 июня 1944 г., с началом операции «Оверлорд», на одном из британских военных кораблей контр-адмирал Н. М. Харламов принял участие в форсировании Ла-Манша в районе Нормандии и лично присутствовал при высадке англо-американских войск на французское побережье[193]. В ноябре 1944 г. Н. М. Харламова в руководстве военной миссией в Лондоне сменил советский военный представитель при войсках союзников в Италии генерал-лейтенант А. Ф. Васильев. Миссия функционировала до октября 1945 г.

Важную роль, несмотря на сравнительную непродолжительность деятельности, сыграла созданная в октябре 1944 г. военная миссия во Франции. Ее начальник генерал-майор артиллерии И. А. Суслопаров еще до войны был военным атташе при полпредстве СССР во Франции. В годы Великой Отечественной войны он являлся начальником штаба Главного управления начальника артиллерии Красной армии, заместителем командующего артиллерией 16-й армии, командующим артиллерией 10-й армии[194], а с июля 1944 г. вновь перешел на военно-дипломатическую работу — был представителем СССР в Контрольной комиссии по делам Италии, Франции. Возглавив военную миссию во Франции, одновременно стал советским военным представителем при штабе главнокомандующего экспедиционными войсками США и Великобритании генерала армии США Д. Эйзенхауэра. На долю генерала И. А. Суслопарова выпало поддержание постоянной связи с командованием союзников, чьи войска после открытия второго фронта вели боевые действия на территории Западной и Центральной Европы.

А. Ф. Васильев

Именно ему в условиях острого дефицита времени пришлось без согласования с Москвой принять решение об участии в церемонии подписания в штабе союзных войск в Реймсе 7 мая 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, находившихся к тому моменту под германским контролем. Однако фактически капитулировали только войска вермахта, воевавшие против англо-американцев, на востоке же немцы оружие складывать не собирались.

Советское Верховное главнокомандование в телеграмме, направленной И. А. Суслопарову уже после подписания акта, отказало главе советской военной миссии в таком праве, хотя он и добился примечания к документу, в котором указывалось, что «данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство»[195]. Причем Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И. А. Суслопарова согласились.

И. В. Сталин сумел настоять перед главами США и Великобритании на том, чтобы церемония в Реймсе считалась предварительной, а Акт о безоговорочной капитуляции вермахта перед всеми членами антигитлеровской коалиции был подписан в Берлине. Как вспоминал С. М. Штеменко, И. В. Сталин заявил на совещании с членами советского руководства: «Договор, подписанный союзниками в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции»[196]. В то же время тот факт, что И. А. Суслопаров не был наказан за свое кажущееся самоуправство, позволяет сделать вывод, что его действия были негласно одобрены в Москве, поскольку не позволили союзникам оставить СССР за рамками акции в Реймсе.

Начиная с января 1944 г., советская военная миссия действовала и в Югославии. Коллектив, возглавляемый генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым, осуществлял координацию действий с Народно-освободительной армией Югославии и поддержание постоянной связи с ее командованием. Руководителю миссии была подчинена сформированная в Бари (Италия) авиагруппа для выполнения специальных заданий по транспортировке грузов,

эвакуации раненых и обеспечению связи с НОАЮ. Благодаря оперативным действиям миссии в начале июня была решена задача большой сложности по эвакуации из района Купрешко Поле на остров Вис в Адриатическом море И. Броз Тито и членов Верховного штаба НОАЮ. В сентябре 1944 г. Верховный штаб был также переброшен на советских самолетах в г. Крайова у румынско-югославской границы, откуда он мог осуществлять руководство боевыми действиями югославской армии по участию в освобождении страны от гитлеровских оккупантов. Советская военная миссия в Югославии сыграла большую роль в координации боевых действий советских, югославских и болгарских войск.

Советская военная миссия в Югославии теснейшим образом сотрудничала с еще одной миссией — при штабе командующего Средиземноморскими экспедиционными войсками союзников, которой руководил генерал-майор А. П. Кисленко. На офицеров этой миссии была возложена организация взаимодействия с войсками союзников на театре военных действий. А. П. Кисленко являлся также представителем советского правительства в Союзном консультативном совете по делам Италии (1944—1945), присутствовал при подписании Акта о капитуляции 28 апреля 1945 г. немецкого командования в Италии[197].

Нельзя не упомянуть и о деятельности представителя Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе американского генерала Д. Макартура генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко, хотя формально советская военная миссия здесь и не создавалась, учитывая скоротечность событий по разгрому Японии. Однако по факту генерал К. Н. Деревянко был полноправным проводником внешне- и военно-политической линии Советского Союза на Дальневосточном театре военных действий. Не случайно он был назначен членом Союзного совета для Японии от СССР. Именно ему было поручено представлять Верховное главнокомандование Вооруженных сил СССР на церемонии подписания 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии. К. Н. Деревянко принадлежит и особая роль в подготовке для руководства СССР доклада о результатах и последствиях американских атомных бомбардировок японских городов, для чего он по личному поручению И. В. Сталина выезжал в Хиросиму и Нагасаки. Полученное им значительное облучение стало причиной его кончины в 1954 г. на 50-м году жизни.

Оценивая деятельность советских военных миссий в годы войны, следует отметить, что хотя все страны антигитлеровской коалиции прибегали к практике создания таких миссий, но, по ряду оценок, лишь советские миссии в наибольшей степени показали свою эффективность в осуществлении «коалиционных дел»[198].

Разумеется, в процессе организации международного военного сотрудничества советским руководством были созданы не только действующие на определенный период времени военные миссии, но и работающие на постоянной основе аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе, которые являлись официальными представителями Вооруженных сил СССР при военных ведомствах стран пребывания. К началу Великой Отечественной войны Советский Союз имел 14 аппаратов военных, семь аппаратов военно-морских и три аппарата военно-воздушных атташе, которые в основном действовали на территории европейских государств. С началом войны прекратили свою деятельность аппараты в Германии, Финляндии, Венгрии, Италии и Румынии. Продолжили работу аппараты военных атташе при советских постпредствах в Афганистане, Болгарии, Великобритании, Иране, Ираке, Китае, США, Швеции и Японии. Новые аппараты были созданы в Канаде, Мексике и Аргентине. В Лондоне к уже имевшемуся аппарату при посольстве СССР добавился еще один — при иностранных представительствах временно находившихся в Великобритании правительств Югославии, Чехословакии и Польши[199].

Советское руководство с самого начала войны настойчиво ставило перед союзниками вопрос об укреплении военного сотрудничества и развертывании их войсками военных операций в Западной Европе. В июле — октябре 1941 г. внешнеполитические ведомства СССР, США и Великобритании приступили к поиску путей организации международного военного сотрудничества. Аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе также были подключены к решению этой важной и новой для них задачи. Первые переговоры о

К. Н. Деревянко

возможных перспективах и направлениях военного и военно-экономического сотрудничества начались в конце июня 1941 г., когда в Москву прибыла английская военная и экономическая миссия во главе с послом С. Криппсом. В состав делегации входили генерал М. Макфарлейн и контр-адмирал Дж. Майлс[200].

Встречались члены британской военной миссии не только с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, но и с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, при этом обсуждались проблемы безопасности северных морских коммуникаций, а также были достигнуты соглашения об обмене военно-технической информацией по электромагнитным минам и достижениям в области радиолокации. В ходе встреч В. М. Молотова и Н. Г. Кузнецова с британским послом С. Криппсом сформировалась идея обмена между СССР и Великобританией военными миссиями, которым предстояло уже в ближайшем будущем решать все вопросы советско-британского сотрудничества в военной области. Советская сторона считала, что главная задача военных миссий должна была состоять в содействии усилиям правительств двух государств, направленным на взаимодействие в военной области и создание предпосылок, которые могли бы способствовать активизации боевых действий союзников в Западной Европе и скорейшему открытию ими второго фронта[201].

В первой половине сентября 1941 г., накануне операции «Тайфун», предпринятой вермахтом по захвату Москвы, И. В. Сталин в двух личных посланиях У. Черчиллю высказал настоятельное пожелание более активного вмешательства его страны в военное противоборство с Германией. С точки зрения советского руководителя реальным было срочное открытие Великобританией второго фронта во Франции или на Балканах, что заставило бы командование вермахта перебросить с восточного фронта на западный не менее 30–40 дивизий и тем самым серьезно ослабить давление на войска Красной армии. Как вариант И. В. Сталин предлагал осуществить переброску 25–30 английских дивизий на территорию Советского Союза для использования их на советско-германском фронте. Однако британский премьер уклонился от обсуждения вопроса о втором фронте, пообещав лишь направить в СССР дополнительную материальную помощь[202].

Проволочки с открытием второго фронта продолжались и далее. В то же время военное сотрудничество с СССР было жизненно важно для самих западных государств, что по ходу войны становилось все более очевидным. Так, 23 января 1943 г. на третьем пленарном заседании союзной конференции в Касабланке У. Черчилль заявил, что необходимо «проталкивать помощь России», поскольку «ни одно другое капиталовложение не может принести более высокий военный дивиденд»[203]. В Вашингтоне вообще утвердилось мнение, что Соединенные Штаты нуждались в СССР больше, чем Советский Союз в своих западных партнерах. В документе, подготовленном американскими правительственными учреждениями для Ф. Рузвельта накануне Крымской конференции, говорилось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»[204].

Объективная потребность как СССР, так и США и Великобритании в интенсивном военном сотрудничестве заставила их пойти на выработку механизма принятия и реализации совместных решений по борьбе с военной машиной противостоящего нацистского блока. Наиболее важные вопросы военного сотрудничества, как уже говорилось выше, рассматривались на конференциях большой тройки при участии представителей высших военных штабов. Взаимная информация о военных действиях шла через аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе, военные миссии стран коалиции и путем обмена телеграммами между главами государств-союзников, генеральными (главными) штабами и другими органами высшего военного командования. Руководство двусторонним и многосторонним военным сотрудничеством осуществлялось путем выработки и реализации согласованных подходов к вопросам военной политики, координации совместных усилий по совершенствованию международного военного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе при учете общих приоритетов сотрудничающих государств и их национальных интересов.

В рамках антигитлеровской коалиции не было создано постоянно действующего органа руководства военным сотрудничеством, поэтому координация военной деятельности СССР, США и Великобритании осуществлялась прежде всего их национальными органами политического руководства. Активное участие в организации международного военного сотрудничества принимал Народный комиссариат иностранных дел, который действовал через свои дипломатические представительства за рубежом. Рабочими органами ГКО по военным вопросам и непосредственными организаторами и исполнителями его решений были Наркомат обороны и Наркомат Военно-морского флота, которые решали задачи международного военного сотрудничества соответственно через Генеральный штаб и Главный морской штаб. Информационное и техническое обеспечение всей системы руководства военным сотрудничеством осуществляли наркоматы внутренних дел и государственной безопасности.

Одной из ответственных задач Генерального штаба и Главного морского штаба являлась подготовка предложений, докладов и материалов по всем военным вопросам, обсуждавшимся на правительственных встречах и международных конференциях государств антигитлеровской коалиции, а также по вопросам боевого использования иностранных формирований, действовавших совместно с Вооруженными силами Советского Союза. Через Генеральный штаб и Главный морской штаб с помощью аппаратов военных, военно-морских и военно-воздушных атташе и военных миссий устанавливалась связь со стратегическим руководством стран — союзниц по антигитлеровской коалиции и штабами их вооруженных сил, осуществлялось взаимодействие между ними и координация их действий.

На заключительном этапе Второй мировой войны взаимодействие между Ставкой Верховного главнокомандования и Генеральным штабом Красной армии с одной стороны и Верховным командованием союзных вооруженных сил в Европе с другой приобрело реальные очертания. В самом конце войны оно осуществлялось даже на оперативно-тактическом уровне, когда советские и союзные войска вошли в соприкосновение на линии разграничения зон ответственности.

Общее руководство военно-политическим, экономическим и военно-техническим сотрудничеством с союзниками осуществлялось ГКО через систему органов государственного

и военного управления. Благодаря четко выстроенной системе управления в этой сфере Советскому Союзу удалось наладить довольно эффективное сотрудничество с союзниками по обеспечению материальных потребностей армии и флота, в том числе связанному с поставками вооружения и военной техники, а также выполнением работ и оказанием услуг военно-технического назначения.

В связи с тем что в ноябре 1941 г. США распространили действие закона о ленд-лизе на СССР, наша страна была освобождена от оплаты за всю военную технику и стратегические материалы, поставленные из США и использованные (уничтоженные) во время войны. Однако материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачивались полностью или частично в порядке долгосрочных кредитов. Следует отметить, что союзные поставки распределялись по годам войны очень неравномерно. В 1941–1942 гг. США постоянно не выполняли взятые на себя обязательства по объему, номенклатуре и комплектации поставок. Положение нормализовалось лишь со второй половины 1943 г.

В послевоенный период в советской историографии давались различные оценки роли ленд-лиза, а значимость поставок со стороны союзников преуменьшалась. В то же время в зарубежной литературе утверждалось, что победа над Германией была обеспечена западным оружием и без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы. Сегодня оценки военно-экономического и военно-технического сотрудничества СССР, США и Великобритании стали более взвешенными. В среде историков утвердился взгляд, заключающийся в том, что поставки по ряду позиций (самолеты, грузовые автомобили, порох, листовая сталь, продовольствие, промышленное оборудование, медикаменты) имели большое значение для ведения Вооруженными силами СССР успешных военных действий и производства для них военной техники и боеприпасов. В то же время не следует рассматривать ленд-лиз как улицу с односторонним движением, акт бескорыстия и благотворительности со стороны западных государств. Получая значительные поставки от союзников, Советский Союз нес при этом основное бремя войны, отвлекая на себя подавляющую часть сил нацистской Германии, а в 1945 г. и Японии и тем самым сокращая расходы и потери со стороны своих союзников.

Всего за годы войны в Советский Союз было поставлено по ленд-лизу около 17 млн тонн грузов на общую сумму 13,2 млрд долларов (из США, Великобритании и Канады), в том числе: свыше 22 тыс. самолетов различных типов, 11,9 тыс. танков, 13 тыс. орудий и минометов, 410 тыс. автомобилей, 8,7 тыс. артиллерийских тракторов-тягачей, 596 боевых кораблей и судов, 11 тыс. вагонов, около 2 тыс. паровозов, 36 тыс. радиостанций, 345 тыс. тонн горюче-смазочных материалов и взрывчатых веществ, 4,7 млн тонн продовольствия, другое вооружение и стратегические материалы[205].

Напомним, при обсуждении маршрутов поставок американского вооружения в СССР личный представитель президента США Г. Гопкинс во время беседы с И. В. Сталиным 30 июля 1941 г. заявил, что «в настоящий момент миноносцы США эскортируют корабли до Исландии и что в сотрудничестве с советским Военно-морским флотом корабли могли бы эскортироваться и охраняться на их пути вплоть до самого Архангельска». Далее он пояснил, что «обе стороны совместно могут разработать схему конвоя для обеспечения безопасности перевозок вооружения по пути из США в Архангельск»[206]. От имени советского правительства И. В. Сталин ответил, что «приветствовал бы такое разрешение проблемы транспортировки вооружения». При этом он подчеркнул, что «перевозка товаров через Владивосток отнимает очень много времени, а Трансиранская дорога обладает малой пропускной способностью и не может удовлетворить потребности Советского Союза. Кроме того, неизвестно, как еще иранцы отнесутся к транспортировке через их территорию вооружения»[207].

Непосредственное руководство поставками военной техники и вооружения осуществлялось различными органами в зависимости от маршрутов транспортировки грузов. Основными маршрутами доставки грузов в Советский Союз (по согласованию с союзниками) стали: Арктический, Тихоокеанский, Трансиранский. Они обеспечили 93,5% объема общих поставок[208]. Самым коротким по времени (но и самым опасным) маршрутом был Арктический,

осуществлявшийся морскими конвоями и одиночными транспортами. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель. В июле — декабре 1941 г. 40% всех поставок шло именно этим маршрутом, однако около 15% отправленных грузов из-за ударов немецкой авиации и флота было утрачено[209]. Грузы, доставляемые северными конвоями, шли также через Архангельск и Молотовск (Северодвинск). Перевалка товаров с морских судов, их последующая транспортировка, развитие инфраструктуры портов (расширение причального фронта, ускорение погрузо-разгрузочных работ, охрана товаров, организация отдыха моряков и прочее) шли под непосредственным руководством и контролем уполномоченного ГКО известного полярника И. Д. Папанина.

В связи с увеличением потерь судов и кораблей охранения У. Черчилль в своей телеграмме И. В. Сталину от 11 мая 1942 г. в целях обеспечения безопасности прохода северных конвоев предложил следующий вариант действий Вооруженных сил СССР:

«а) усиленная и более решительная помощь со стороны надводных сил СССР;

б) предоставление бомбардировщиков с радиусом действий, достаточным для того, чтобы подвергать сильным бомбардировкам во время прохождения конвоев в зонах Нордкапа аэродромы, используемые немцами;

в) выделение истребителей дальнего действия для прикрытия конвоев в той части пути, когда они приближаются к вашим берегам;

г) авиационные и судовые патрули против подводных лодок»[210].

Советская сторона не только приняла эти предложения, но и максимально реализовала их на практике, что позволило значительно уменьшить потери в составе северных конвоев.

Согласование действий по обеспечению безопасности при проводке конвоев шло по всем маршрутам. 17 июня 1942 г. американский посол в Москве У. Стэндли передал И. В. Сталину послание президента Ф. Рузвельта, в котором говорилось, что ситуация, складывающаяся в северном районе Тихого океана, а также в районе Аляски, не исключает возможности операций японского правительства против советского Приморья. «Если подобное нападение осуществится, — говорилось в послании, — то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири. Конечно, чтобы быстрее осуществить подобную операцию, необходимо было бы тщательно координировать усилия Советского Союза и Соединенных Штатов»[211]. В послании делалась ссылка на полученное Ф. Рузвельтом от советского посла в Вашингтоне М. М. Литвинова уведомление о том, что советское правительство согласно на переброску американских самолетов через Аляску и Северную Сибирь на Западный фронт. Выразив удовлетворение по этому поводу, Ф. Рузвельт вновь вернулся к вопросу о возможном нападении Японии на советское Приморье и подчеркнул, что военные силы обеих стран должны быть готовы к возникновению этой новой опасности на Тихом океане.

1 июля 1942 г. В. М. Молотов, ссылаясь на поручение И. В. Сталина, направил через У. Стэндли письмо для передачи президенту США. В нем говорилось, что советское правительство полностью разделяет мнение относительно необходимости создания воздушного маршрута для поставок самолетов из США через Аляску и Сибирь на Западный фронт. В связи с этим оно уже дало необходимые распоряжения относительно скорейшего окончания работ по переоборудованию имеющихся посадочных площадок и реорганизации аэродромных служб для приема американских самолетов[212].

Главный морской штаб совместно с представителями ВМС Англии разработал основы взаимодействия английских и советских кораблей в северных водах. Созданный по решению ГКО аппарат ВМФ СССР в США, Англии и Иране поддерживал постоянные контакты с британским Адмиралтейством и Управлением военного судоходства США по вопросам организации и защиты союзных конвоев.

Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно (хотя далеко не полностью) безопасным. С началом войны на Тихом океане 7 декабря 1941 г. перевозки здесь могли обеспечиваться лишь советскими моряками, а тор-

гово-транспортные суда ходили только под советским флагом. Все незамерзающие проливы контролировались Японией, и советские суда подвергались принудительному досмотру, а иногда и топились. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала 18–20 суток.

Первые поставки в СССР по Трансиранскому маршруту начались в ноябре 1941 г. Чтобы увеличить объемы поставок, требовалось провести масштабную модернизацию транспортной системы Ирана, в частности портов в Персидском заливе и Трансиранской железной дороги. С этой целью совместным решением лидеров СССР и Великобритании в августе 1941 г. Иран был оккупирован. С мая 1942 г. поставки составляли в среднем 80–90 тыс. тонн в месяц, а во второй половине 1943 г. — до 200 тыс. тонн в месяц. Морская часть пути от восточного побережья США до берегов Ирана занимала около 75 дней. Специально для обеспечения поставок в Иране было построено несколько автомобильных сборочных заводов, самые крупные — в Андимешке и в Хорремшехре. Всего за годы войны с иранских предприятий в СССР было отправлено 184 112 автомобилей. Автомобили перегонялись по следующим маршрутам: Тегеран — Ашхабад, Тегеран — Астара — Баку, Джульфа — Орджоникидзе.

Одним из звеньев механизма управления на Трансиранском маршруте являлось объединение «Ирансовтранс», основанное в 1935 г. в целях организации транспортных операций в так называемом Персидском коридоре. Этот маршрут поставок материалов, техники и вооружения начал функционировать в 1943 г., когда союзники почти свернули движение по северному маршруту ввиду его исключительной опасности. Доля поставок по Персидскому коридору достигла 33,5%. К 1943 г. объединение «Ирансовтранс» структурно изменилось ввиду образования новых отделов, служб, периферийных контор, агентств и получило наименование Советское транспортное управление (СТУ). Его персонал насчитывал 1500 человек, из них половина были гражданами СССР. Многие подразделения возглавляли офицеры РККА, специалисты по эксплуатации самолетов и автомобилей, железных и шоссейных дорог, хранению боеприпасов и горюче-смазочных материалов, в сфере снабжения и прочие. Деятельностью СТУ в Иране руководило командование тыла Красной армии. На территории СССР в перевозку грузов включились тыловые части Закавказского, Северо-Кавказского и Туркестанского военных округов, Каспийская военная флотилия, Каспийское пароходство, порты Баку, Красноводска, Махачкалы, Закавказская и Ашхабадская железные дороги, многие автомагистрали.

Что касается двух воздушных маршрутов ленд-лиза, то по одному из них самолеты своим ходом поступали в СССР из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив, по другому — через Аляску, Чукотку и Сибирь. По второму маршруту, известному под названием «Алсиб» («Аляска — Сибирь»), было переброшено 7925 самолетов[213].

Таким образом, своими несомненными успехами в годы Великой Отечественной войны внешняя политика СССР обязана в том числе и системе управления, которая сложилась накануне войны и творчески совершенствовалась по ее ходу. Ее отличали: подчиненность общему порядку государственного управления в СССР и координация действий с другими органами государственной власти и управления; жесткая централизация, сочетаемая с инициативой должностных лиц, отвечавших за конкретный участок деятельности; постоянно растущий профессионализм дипломатических сотрудников; высокая исполнительская дисциплина. Важнейшей отличительной чертой управления деятельностью государства на внешнеполитическом фронте было непосредственное руководство ею со стороны лидера страны И. В. Сталина, который также нередко брал на себя исполнение важнейших дипломатических функций.

Процессу консолидации стран и народов способствовали в первую очередь героическая, самоотверженная борьба советского народа против фашистских захватчиков, победы Вооруженных сил СССР над германским вермахтом и его союзниками. Если до нападения нацистской Германии на Советский Союз противниками фашистского блока были 18 государств, то к концу войны их насчитывалось более 50. Опыт координации усилий СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции в борьбе с общим врагом имеет непреходящее значение для решения и современных международных проблем.

Стратегическое планирование применения вооруженных сил в ходе военных действий

Великая Отечественная война убедительно показала, что вооруженная борьба являлась главной, наиболее решительной формой противоборства государств и коалиций. Именно вооруженная борьба обеспечивала применение военной силы в интересах достижения политических, военно-стратегических, экономических и иных целей, операций, кампаний и победы в войне в целом. Советский Союз внес решающий вклад в разгром основных сил армий гитлеровского блока, обусловив этим полную и безоговорочную капитуляцию Германии.

Вооруженная борьба как основная форма борьбы в войне требовала высокой организации подготовки и применения вооруженных сил, без которой практически невозможно было достичь поставленных целей. Особое место в данной организации отводилось постоянной и целеустремленной деятельности высших военно-политических и государственных органов, направленной на определение наиболее эффективных ее форм и способов действий войск, а одним из ее важнейших направлений являлось стратегическое планирование военных действий. Эта кропотливая, скрупулезная работа осуществлялась ГКО, Ставкой ВГК, Генеральным штабом, наркоматами обороны и ВМФ, СНК СССР, а также другими органами на основе военно-политических целей и задач вооруженной борьбы, определяемых на каждом отрезке времени военно-политическим руководством СССР.

Важное место в этом процессе занимали представители Ставки ВГК. Владея всей полнотой информации о происходящих на советско-германском фронте событиях и обладая высокими военно-профессиональными качествами, боевым и управленческим опытом, пользуясь авторитетом среди командного состава армии и флота, они оказывали непосредственное влияние на выработку стратегических решений Верховного главнокомандования и реализацию замыслов Ставки ВГК. Учитывая, что анализ деятельности института представителей Ставки ВГК дан в специальном разделе, в контексте данного материала авторы объединяют их работу с функционированием Ставки.

В общем виде стратегическое планирование применения вооруженных сил состояло в определении порядка и способов их подготовки, применения и всестороннего обеспечения в войне и включало: оценку возможного хода войны в целом и на отдельных направлениях, определение стратегических целей и задач действующей армии, выработку стратегического замысла, разработку планов кампаний и стратегических операций, а также всех видов обеспечения военных действий и управления ими.

Предметом особой заботы советского руководства в годы войны было непосредственное управление вооруженными силами, которое выражалось в практической организации выполнения принятых решений, обеспечении выгодного соотношения сил на решающих участках советско-германского фронта, своевременном ориентировании командующих войсками фронтов и флотами на дальнейшие действия, гибком реагировании на все изменения военно-политической и стратегической обстановки, создании и целеустремленном использовании стратегических резервов, а также постоянном руководстве видами вооруженных сил и родами войск, организации их взаимодействия на стратегическом и оперативном уровнях.

Изменение условий вооруженной борьбы обусловливало и перестройку системы управления войсками фронтов и силами флотов. При этом совершенствовалась структура полевых управлений фронтов и штабов флотов, повышалась роль штабов и органов управления родами войск, уточнялись их структура и методы работы по управлению подчиненными войсками и силами.

Таким образом, вся работа по совершенствованию стратегического руководства в годы войны была подчинена единой задаче — эффективному планированию военных действий, управлению вооруженными силами в целом, войсками действующих фронтов и силами флотов, умелому применению имеющихся сил и средств для достижения целей операций, кампаний и всей войны.

Непредвиденный для советского руководства катастрофический исход начального периода войны и последовавшие за ним события летне-осенней кампании 1941 г. привели к пересмотру предвоенных взглядов на перспективы войны и планов ведения военных действий. Потребовалось кардинальное совершенствование всей системы стратегического планирования, повышение ее эффективности. С учетом этого Ставка ВГК и Генеральный штаб последовательно переходили от решения отдельных неотложных стратегических задач распорядительным порядком к заблаговременному планированию операций фронтов, затем стратегических операций групп фронтов и, наконец, военных кампаний.

Особое место в стратегическом планировании военных действий заняло планирование военных кампаний как новый этап развития советской военной стратегии. При этом каждая кампания имела свои особенности, отличалась неповторимым характером и своеобразными чертами. Ее цели, содержание и размах зависели от конкретных условий военно-политической и оперативно-стратегической обстановки, поэтому и содержание планирования оборонительных и наступательных кампаний было различным.

Главными целями оборонительных кампаний обычно являлись: измотать и остановить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление и нанести поражение его важнейшим группировкам, вырвать у него стратегическую инициативу. При планировании наступательных кампаний в зависимости от обстановки предусматривалось: удержать стратегическую инициативу, вынудить противника отказаться от наступательной стратегии, разгромить его главные силы на отдельных направлениях, овладеть стратегически важными районами территории, последовательно вывести из войны союзников фашистской Германии, завершить освобождение территории СССР, оказать помощь народам Европы в освобождении их от фашистской оккупации и добиться безоговорочной капитуляции агрессора.

Некоторые особенности имелись и в планировании стратегических операций. При разработке планов стратегических операций в рамках общего плана кампаний Ставка ВГК, учитывая предложения военных советов фронтов, определяла цели операций, ставила конкретные задачи войскам и силам, выделяла им необходимые людские и материальные ресурсы. Детальные планы операций разрабатывались во фронтах, обсуждались и уточнялись в Ставке и только после этого утверждались Верховным главнокомандующим. В случаях самостоятельного планирования стратегических операций командующим войсками действующих фронтов предписывалось вначале представить собственные соображения, после чего Ставка ВГК, рассмотрев их, увязывала действия фронтов и отдавала соответствующие директивы войскам.

В целом система стратегического руководства и управления Вооруженными силами Советского Союза за годы войны претерпела значительные изменения и приобрела бесценный опыт планирования как военных кампаний, так и стратегических операций. Война подтвердила правильность выработанных в предвоенные годы взглядов на то, что победа над сильным противником в вооруженном противоборстве большого масштаба не может быть достигнута одноразовым стратегическим усилием действующей армии и флота, проведением одной или нескольких, даже очень крупных стратегических операций. К достижению этой цели вооруженные силы шли путем выполнения целого ряда крупномасштабных задач, каждая из которых имела важное политическое и стратегическое значение в общем ходе войны и решалась в рамках одной или даже нескольких военных кампаний.

Всего за время противоборства с фашистской Германией и ее союзниками Вооруженные силы СССР провели восемь кампаний, из которых две (летне-осенние 1941–1942 гг.) были оборонительными и шесть — наступательными, в зависимости от того, какой вид стратегических действий являлся основным в каждой из них. При этом в ходе оборонительных кампаний советские войска проводили и наступательные операции на отдельных направлениях, точно так же как в ходе большинства наступательных кампаний применялась оборона.

По военно-политическому и стратегическому содержанию военные кампании являлись частью войны, определенным ее этапом и представляли собой систему одновременных и последовательных различного рода и масштаба операций вооруженных сил, объединенных

общими военно-политическими и стратегическими целями и единым замыслом. Их планирование являлось одной из наиболее важных и сложных задач Ставки ВГК и Генерального штаба. В ходе войны сформировались достаточно четкие требования, предъявляемые к стратегическому планированию кампаний, функции и порядок работы соответствующих органов управления.

Война показала, что важнейшими требованиями, предъявляемыми к стратегическому планированию военных кампаний, являлись: соответствие их планов политическим целям и экономическим возможностям государства; своевременность разработки, реальность, основанная на полном и объективном учете различных факторов, а также возможностей как своих войск, так и противника; строжайшее соблюдение скрытности всех мероприятий, связанных с планированием и подготовкой военных действий и организация всестороннего взаимодействия группировок войск и сил. В целом в ходе войны эти требования соблюдались, но имели место и отклонения. Наиболее частым явлением был недостаточно взвешенный учет боевых возможностей своих сил и противника, а отсюда — постановка войскам завышенных задач.

Постепенно в годы войны у советского Верховного главнокомандования сложился достаточно стройный порядок планирования военных кампаний. Начиналась эта работа в Генеральном штабе, исходя из военно-политической цели и задач вооруженной борьбы, определяемых политическим руководством, а также складывающейся военно-политической и стратегической обстановки на всем советско-германском фронте. Генеральный штаб за 2–3 месяца до начала кампании разрабатывал предложения и производил предварительные расчеты для Ставки ВГК относительно ее общего стратегического замысла (определение способа действий вооруженных сил, направления сосредоточения основных усилий, распределения сил и средств по стратегическим направлениям, состава и порядка создания стратегических группировок войск, их возможных задач, очередности и времени применения, основ взаимодействия и управления), а также материально-технического обеспечения войск, подготовки необходимого количества стратегических резервов и их использования и по другим вопросам[214]. В последующем подготовленные предложения с необходимыми обоснованиями и расчетами докладывались начальником Генерального штаба, как об этом свидетельствует А. М. Василевский, на совещаниях в Ставке ВГК с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО[215].

После обсуждения и принятия решения Ставкой ВГК в Генеральном штабе с привлечением по необходимости представителей главных и центральных управлений Наркомата обороны, СНК СССР, наркоматов оборонных отраслей промышленности и других центральных органов государственного и военного управления осуществлялось окончательное планирование. При этом детально разрабатывались только планы первых стратегических операций, последующие же намечались в общих чертах, но они, как правило, обеспечивались людскими и материальными ресурсами, часть которых поступала еще при подготовке кампании, а большая часть — в ходе нее. Планировались эти операции уже в процессе военных действий в зависимости от результатов первых операций. Оперативная часть плана военной кампании обычно отрабатывалась на обобщенной карте. Кроме нее готовились развернутые соображения с определением замысла и задач фронтов, расчеты распределения сил и средств, планы развертывания (перегруппировки) войск и резервов, накопления материальных запасов и другие необходимые документы.

Вместе с тем в ходе проведения военных кампаний оперативно-стратегическая обстановка менялась быстро, линия фронта перемещалась в ту или иную сторону, изменялся состав группировок войск и средств сторон, возникали новые задачи, не предусмотренные планом, менялись способы их решения и ведения военных действий. В этих условиях Генеральный штаб был вынужден вносить серьезные коррективы в замыслы и планы кампаний, создавать новые группировки войск для проведения новых операций, поэтому большинство кампаний в ходе войны подразделялось на этапы. Исключением являлись лишь зимняя кампания 1944 г. и кампания на Дальнем Востоке[216].

Планирование военных действий в оборонительных кампаниях 1941—1942 гг. имело свою специфику в результате вынужденного перехода советских войск к обороне. Так, особенностью летне-осенней кампании 1941 г. являлось то, что она проводилась без четко выраженного плана, так как осуществлялась в тяжелейших условиях, когда инициатива находилась в руках противника, а советские войска под ударами превосходящих сил отходили на значительную глубину. В этой обстановке цели, содержание и замыслы действий войск формировались уже в ходе отражения наступления врага. При этом стратегические операции, как правило, готовились и проводились распорядительным порядком, суть которого заключалась в определении и постановке задач войскам в зависимости от конкретной обстановки.

В данном случае в силу сложившихся обстоятельств советское командование могло наметить лишь общую цель и способ действий вооруженных сил: в упорных оборонительных сражениях, сочетаемых на ряде направлений с частными наступательными операциями и контрударами, измотать и обескровить противника, остановить его продвижение и создать условия для перехода в наступление (контрнаступление). Главные усилия в кампании предполагалось сосредоточить на западном стратегическом направлении. Для достижения этой цели было практически невозможно наметить какие-то определенные временные рамки и рубежи, поскольку на ход и результаты оборонительных действий оказывало влияние большое количество факторов, трудно поддающихся учету.

Отсутствие четко выраженного плана кампании вовсе не означало, что вооруженная борьба в ней осуществлялась стихийно, без направляющего и координирующего действия на ее ход Ставки ВГК и Верховного главнокомандующего. С принятием решения на ведение стратегической обороны Ставкой и Генеральным штабом срочно разрабатывался и настойчиво реализовывался целый комплекс мероприятий, вытекавших из общего замысла. Это выражалось в строительстве оборонительных рубежей на большую глубину с заблаговременным занятием ряда из них войсками; подготовке стратегических резервов и целенаправленном их использовании для восстановления прорванного фронта; усилении группировок войск на важнейших направлениях; согласовании усилий этих группировок и фронтов внутри них, видов вооруженных сил и родов войск с целью отражения ударов противника и разгрома его важнейших группировок; материально-техническом обеспечении армии и флота[217].

Для того чтобы истощить и остановить мощные ударные группировки вермахта, Ставке ВГК и Генеральному штабу приходилось организовывать и проводить на каждом стратегическом направлении по нескольку последовательных по глубине стратегических оборонительных операций. Так, на главном — западном стратегическом направлении летом и осенью 1941 г. последовательно, одна за другой, были проведены оборонительная операция Западного фронта в Белоруссии, Смоленская и Московская оборонительные операции; на северо-западном — оборонительные операции в Прибалтике и Ленинградская; на юго-западном — операция на Западной Украине, Киевская и Донбасско-Ростовская операции. Для достижения целей летне-осенней оборонительной кампании 1942 г. Вооруженные силы Советского Союза в течение 4,5 месяца провели на юго-западном стратегическом направлении Воронежско-Ворошиловградскую, а вслед за ней практически одновременно Сталинградскую и Северо-Кавказскую оборонительные операции.

В ходе оборонительных кампаний усилиями Ставки, Генерального штаба, главнокомандующих направлений, командований фронтов и армий стратегическая оборона непрерывно совершенствовалась: увеличивались глубина оперативного построения группировок войск, их состав и эшелонирование, росло искусство инженерного оборудования местности, повышалась эффективность противотанковой и противовоздушной обороны. Стратегическая оборона становилась все более активной и устойчивой. Изменялись и формы ее ведения. Так, если в начале войны стратегическая оборона велась в форме одновременных самостоятельных фронтовых оборонительных операций, каждая из которых осуществлялась на одном из стратегических направлений (северо-западном, западном и юго-западном), то начиная примерно с середины июля 1941 г. основной формой ее ведения стали оборонительные операции групп фронтов[218]. К проведению таких операций привлекались крупные группировки

вооруженных сил. В их состав в большинстве случаев входили 2—3 фронтовых объединения, силы и средства авиации дальнего действия, войск ПВО страны, а на приморских направлениях и флота. Увеличивался и размах оборонительных действий в кампаниях (таблица 1). Так, если ширина фронта обороны советских войск в 1941 г. составляла 3300—4000 км, то в 1942 г. — 4000—6200 км. Глубина эшелонирования войск в обороне также возрастала: с 40—80 км в 1941 г. до 300 км на Курской дуге в 1943 г.

Особенность планирования летне-осенней оборонительной кампании 1942 г. заключалась в том, что Верховным главнокомандованием было принято решение на переход в целом к стратегической обороне с одновременным развертыванием ряда наступательных операций на трех стратегических направлениях. Накануне летне-осенней кампании 1942 г. Генеральный штаб располагал данными о неспособности немецко-фашистских войск наступать по всему фронту, а наиболее вероятными направлениями вражеских ударов считались юго-западное и южное с целью выхода к Волге и захвата кавказской нефти[219]. Однако предложения Генерального штаба сосредоточить здесь летом 1942 г. основные силы Красной армии не нашли понимания Ставки ВГК, которая считала наиболее вероятным направлением последующих действий противника московское, а возможное его наступление на юге рассматривалось как «имеющее второстепенный характер»[220]. На такую позицию Ставки в немалой степени повлияла успешно проведенная немецко-фашистским командованием весной 1942 г. дезинформационная операция «Кремль», создавшая у советского руководства ложное представление о подготовке противником нового крупного наступления на московском направлении (здесь гитлеровцы держали наиболее мощную группировку своих войск — свыше 70 дивизий)[221].

Таблица 1

Размах и результаты вооруженной борьбы в оборонительных кампаниях Великой Отечественной войны

Показатели	Летне-осенняя кампания 1941 г. (22.06–04.12.1941)	Летне-осенняя кампания 1942 г. (01.05–18.11.1942)
Силы и средства к началу кампании:		
дивизии (расчетные)	171 / 191,5	431,5 / 227
личный состав, млн чел.	2,9 / 5,5	5,1 / 6,1
орудия и минометы	21 556 / 41 763	44 900 / 56 941
танки и САУ (штурмовые орудия)	11 000 / 3582	3882 / 3229
самолеты	9917 / 4275	2200 / 3395
Ширина фронта	3300–4000	4000–6200
Ширина фронта активных оборонительных действий, км	2400–3700	800–2400
Глубина отхода советских войск	850–1200	650–1000
Продолжительность кампании	5,5 мес.	6,5 мес.
Всего разгромлено дивизий противника	32,5	25

Примечание: В числителе — советские войска, в знаменателе — войска противника.

В этих условиях Генеральный штаб предложил временно перейти к стратегической обороне с целью ослабить наступательные возможности неприятеля в оборонительных сражениях, сорвать его планы, выиграть время для подготовки стратегических резервов и,

изменив соотношение сил в свою пользу, перейти затем к широким наступательным действиям. Верховный главнокомандующий на заседании Ставки в конце марта 1942 г. в принципе согласился с этим предложением, но в то же время настоял на одновременном с ведением стратегической обороны осуществлении частных наступательных операций на ряде направлений. Эти его указания и легли в основу дальнейшего планирования кампании.

Замысел кампании был разработан на карте оперативного управления Генерального штаба в конце марта 1942 г., а к началу мая изложен в записке, озаглавленной «Оценка обстановки и общие соображения о летней кампании 1942 г.»[222]. В замысле кампании наряду с обороной на ленинградском, московском, воронежском и ростовском направлениях намечалось ликвидировать созданный немцами демянский плацдарм, завершить разгром ржевско-вяземской группировки противника, затем провести наступательные операции по деблокаде Ленинграда, освобождению Харькова, Донбасса и Крыма.

Решение одновременно обороняться и наступать, как отмечал впоследствии маршал А. М. Василевский, оказалось самым уязвимым местом в принятом плане действий на лето 1942 г.[223] Такая его раздвоенность не способствовала одновременному успешному решению задач по созданию прочной глубокоэшелонированной обороны на важнейших направлениях и по всесторонней подготовке наступательных операций. Силы Красной армии оказались рассредоточенными на многих направлениях и не обеспечивали превосходства над противником ни на одном из них. Несостоятельность такого планирования кампании выявилась уже в мае — июне 1942 г., когда наступательные действия советских войск по ряду объективных и субъективных причин не принесли ожидаемых результатов. Более того, в районе Харькова, под Любанью и в Крыму они завершились тяжелыми поражениями. Войска Красной армии вновь, как и в 1941 г., вынуждены были организовывать и вести стратегическую оборону на юго-западном направлении в чрезвычайно сложной обстановке.

Дальнейшее планирование военных действий осуществлялось, как и в 1941 г., в ходе упорных оборонительных сражений, сопровождавшихся отходом советских войск к Воронежу, Сталинграду и предгорьям Кавказа. Поэтому в основу планирования вновь был положен распорядительный порядок с определением и постановкой задач в зависимости от конкретно сложившейся обстановки. В целом замысел Ставки ВГК в тот период заключался в том, чтобы в упорных оборонительных сражениях обескровить и остановить мощную наступательную группировку противника, не допустить ее выхода к Волге. Тем самым выиграть необходимое время для подготовки резервов и выдвижения их в район Сталинграда с целью последующего перехода в решительное контрнаступление.

При планировании и подготовке оборонительных действий советское руководство особое внимание уделяло определению состава группировок войск и созданию сплошного фронта обороны на важнейших направлениях. Оборонительные группировки создавались либо на всем советско-германском фронте с участием практически всех сил армии и флота (летне-осенняя кампания 1941 г.), либо на значительной его части силами и средствами нескольких фронтов, объединений и соединений видов вооруженных сил (летне-осенняя кампания 1942 г.).

Состав планируемых и создаваемых в кампаниях оборонительных группировок, их эшелонирование и глубина оперативного построения на местности отличались большим разнообразием. Так, созданная Верховным главнокомандованием на главном — западном стратегическом направлении оборонительная группировка войск была развернута в июле 1941 г. в три эшелона. Первым эшелоном являлись войска Западного фронта, второй составляли объединения фронта Резервных армий, сосредоточенных на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Истомино — Ельня — Брянск на удалении 200 км от линии соприкосновения с противником. Кроме того, 16 июля был создан фронт Можайской линии обороны, 32, 33 и 34-я армии которого (всего десять дивизий народного ополчения и пять дивизий НКВД) с 18 июля развертывались на рубеже западнее Волоколамска, Можайска и Калуги. Общая глубина построения советских войск на этом направлении составляла около 400 км[224].

Оборонительная группировка на северо-западном стратегическом направлении планировалась и создавалась из отходивших войск Северо-Западного фронта, а также за счет привлечения для прикрытия юго-западных подступов к Ленинграду значительной части сил Северного фронта, семь дивизий которого развертывались на рубеже р. Луга[225]. С учетом этого глубина обороны на ленинградском направлении доходила до 100–120 км.

На юго-западном направлении оборонительная группировка советских войск была построена в один стратегический эшелон, включавший войска Юго-Западного и Южного фронтов. Глубина обороны создавалась за счет эшелонирования сил и средств Юго-Западного фронта. Его двенадцать дивизий (в том числе семь дивизий, выдвинутых из резерва Ставки ВГК) сосредоточивались севернее и южнее Киева на удалении 200–250 км от переднего края.

В 1942 г. достаточно мощную оборонительную группировку на южном крыле советско-германского фронта для прикрытия сталинградского и северокавказского направлений удалось создать лишь к середине июля. В тылу отходящих под ударами противника войск левого крыла Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов были развернуты пять общевойсковых армий, а также несколько танковых корпусов из резерва Ставки ВГК, которые составили ядро сил вновь созданных объединений — Воронежского и Сталинградского фронтов[226]. Всего на сталинградское направление было переброшено восемь армий в июле и три армии в августе. Это, а также последующее усиление юго-западного стратегического направления значительным количеством отдельных соединений РВГК и маршевым пополнением (с июля по октябрь поступило 72 дивизии, 26 бригад, шесть танковых и два механизированных корпуса) позволило в конечном итоге создать сравнительно глубоко эшелонированную оборону (на сталинградском направлении, например, ее глубина достигала 150 км), изменить соотношение сил в свою пользу и к середине октября 1942 г. остановить в основном продвижение противника.

В итоге вооруженного противоборства советских войск с силами фашистского блока под Сталинградом была не только сокрушена наступательная мощь врага и обескровлена главная ударная группировка германского вермахта на южном крыле советско-германского фронта, но и подготовлены условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Таким образом, опыт планирования оборонительных кампаний свидетельствует, что достаточно сильные, способные остановить наступление противника стратегические группировки войск советскому Верховному главнокомандованию удавалось создавать лишь на главных направлениях. На их развертывание затрачивалось значительное время, а также большое количество стратегических резервов. Непременным условием обеспечения устойчивости этих оборонительных группировок было возможно более глубокое их эшелонирование, позволяющее наращивать силу сопротивления противнику по мере его продвижения в глубь страны. В целом планирование оборонительных кампаний в годы войны постоянно совершенствовалось и играло важную роль в срыве наступательных замыслов противника и создании необходимых условий для перехода к наступательным военным действиям.

Планирование военных действий в наступательных кампаниях также имело свои особенности, которые обусловливались различными целями и конкретно складывающейся оперативно-стратегической обстановкой на советско-германском фронте и в мире, разным соотношением сил и средств в те или иные периоды войны. Наступательные кампании, как правило, планировались заблаговременно. Их подготовка осуществлялась в более благоприятных условиях. Многие мероприятия (перегруппировка войск, строительство и восстановление дорог, устройство стратегического и оперативного тыла, накопление запасов материальных средств) начинались еще в конце предшествовавших кампаний.

Все это накладывало отпечаток на характер их стратегического планирования. Те из них, которые были связаны с борьбой за захват стратегической инициативы (зимние кампании 1941–1942 и 1942–1943 гг.), начинались с контрнаступления на решающих направлениях советско-германского фронта (московском — в начале декабря 1941 г. и сталинградском — в ноябре 1942 г.). В последующем, по мере выявления результатов контрнаступления, пла-

нировались и организовывались новые наступательные операции, но уже на более широком фронте и на значительную глубину (общее стратегическое наступление).

Не удалось при этом избежать и крупных просчетов. Наиболее показательной в данном отношении является зимняя кампания 1941—1942 гг. В целом как наступательная кампания она, а вернее ее первый этап, заблаговременно не планировалась[227], хотя идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке еще в начале ноября 1941 г., когда была сорвана первая попытка вермахта прорваться к городу. Затем, в связи с необходимостью отражения его второго наступления на столицу по плану операции «Тайфун», от этой идеи пришлось отказаться. Лишь к первым числам декабря в результате творческой деятельности оперативной группы Генерального штаба[228], командований Западного и Юго-Западного фронтов она приобрела свое более или менее конкретное воплощение в плане нанесения ряда сильных контрударов по противнику севернее и южнее Москвы с использованием скрытно подготовленных и сосредоточенных стратегических резервов, а также привлечением к активным действиям дополнительно сил и средств Калининского фронта.

Идея перехода в контрнаступление под Москвой была выдвинута командующим Западным фронтом Г. К. Жуковым на основе анализа обстановки, сложившейся к концу ноября 1941 г. на западном направлении. 29 ноября он доложил свои соображения Верховному главнокомандующему, а на следующий день представил план операции, оформленный на карте с краткой пояснительной запиской[229]. Замысел на контрнаступление сводился к тому, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить главные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Основная роль при этом отводилась войскам Западного фронта. Вспоминая о днях подготовки и планирования контрнаступления под Москвой, маршал Г. К. Жуков писал: «В наших замыслах еще не было четко обоснованного мнения о том, что нами затевается такое грандиозное контрнаступление, каким оно потом оказалось. Первая постановка задач... преследовала хотя и важную, но пока ограниченную цель — отбросить наиболее угрожавшие прорывом к Москве вражеские силы»[230].

Вылившееся из контрударов контрнаступление приобрело большой размах и было успешно завершено в начале января 1942 г. Советские войска разгромили наиболее опасные группировки войск группы армий «Центр», угрожавшие Москве с севера и юга, и отбросили их от столицы на 100—250 км, освободив более 11 тыс. населенных пунктов, в том числе такие крупные города, как Клин, Калинин, Волоколамск, Калуга.

Следовательно, на первом этапе зимней кампании 1941—1942 гг. (контрнаступление) военно-политическая обстановка, задачи, стоявшие перед страной и вооруженными силами в тот момент, их возможности были учтены достаточно полно, а отсюда и задачи фронтовым объединениям, принимавшим участие в контрнаступлении, по содержанию и глубине ставились реальные (например, Западному фронту, игравшему главную роль в операции: до 50 км — для правого крыла и около 90 км — для левого)[231]. При этом однозначно было определено направление сосредоточения основных усилий — западное, поскольку разгром наиболее сильной группировки противника, действовавшей на этом направлении, и обеспечение безопасности Москвы являлись важнейшей задачей в тех условиях.

Планирование второго этапа кампании началось в середине декабря 1941 г. Но в ходе принятия окончательного варианта действий советских войск был допущен ряд серьезных ошибок, приведших к крушению южного крыла советско-германского фронта, потере Крыма и выходу войск вермахта к Волге.

Здесь следует отметить, что стремление советского военно-политического руководства закрепить стратегическую инициативу и развить успех, достигнутый под Москвой, Ростовом-на-Дону и Тихвином, понять можно. Но нельзя отрицать то, что оно неправильно оценило возможности страны по реализации замыслов. Последствия оккупации и части территории страны, потерь промышленных мощностей, стратегических запасов, а также эвакуации сотен предприятий еще не были преодолены. Валовая продукция промышленности СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилась почти вдвое, и в начале 1942 г. падение производства

продолжалось. Оборонная промышленность не обеспечивала выпуск вооружения для восполнения потерь, понесенных в летне-осенней кампании 1941 г.

К началу 1942 г. Вооруженные силы СССР оказались в тяжелейших условиях. Им предстояло вести свою первую наступательную кампанию при самой низкой технической оснащенности за все годы войны, слабом обеспечении действующей армии боеприпасами, горючим, транспортом. Они уступали вермахту и в подвижности. ГКО и Ставка ВГК испытывали трудности с людскими ресурсами. Напряженная шестимесячная борьба, приведшая в 1941 г. к огромным потерям, эвакуация заводов и развертывание военного производства в восточных районах страны, а также увеличение фронта борьбы вынудили советское правительство провести ряд мероприятий мобилизационно-организационного характера, в том числе призвать на военную службу мужчин всех возрастов вплоть до 1890 года рождения.

В таких условиях Ставка ВГК потребовала от командования фронтов представить планы боевых действий на зиму 1942 г. Военный совет Юго-Западного направления 19 декабря 1941 г. в «Докладе с соображениями на проведение наступательных операций зимой 1942 г.» оценивал обстановку следующим образом: «События последнего месяца войны говорят не только о крахе стратегии «молниеносной войны» против СССР, но и свидетельствуют о наличии кризиса грандиозного сражения и перехода инициативы в руки Красной армии»[232] — и планировал наступление с весьма решительными целями. Понимая, что достичь их без значительного усиления нельзя, С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущёв просили у Верховного главнокомандующего в течение декабря и января резко увеличить приток людских пополнений и доукомплектовать материальную часть артиллерии, танков, самолетов. Обсуждение замысла действий проходило в кабинете И. В. Сталина.

Военный совет Калининского фронта, представивший свои соображения 20 декабря, определял задачи фронта так: «Завершить окружение и уничтожение 9-й армии противника. Не допустить организации обороны противника на линии бывшего укрепленного рубежа Ржев, Сычёвка... В последующем развивать операцию в общем направлении либо на Смоленск, либо на Великие Луки»[233]. Из этого следовало, что планировался глубокий обход группы армий «Центр» с северо-запада, но на это можно было решиться, лишь получив значительные подкрепления. В то же время соединения, участвуя в обороне и контрнаступлении, не имели передышки и были обескровлены. В декабре фронт получил 35 тыс. маршевого пополнения, а потерял более 60 тыс. убитыми, пленными, ранеными и больными с эвакуацией из частей фронта[234].

Командование Волховского фронта видело свои задачи в том, чтобы, «наступая в северо-западного направлении, разбить противника, оборонявшегося на реке Волхов, во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить его [18-ю немецкую армию], а в случае отказа противника сдаться истребить его». Соображения подписали генерал армии К. А. Мерецков, армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, комбриг Г. Д. Стельмах[235].

Накануне совещания в Ставке ВГК 31 декабря 1941 г. генерал армии Г. К. Жуков и Н. А. Булганин по телефону доложили И. В. Сталину, что в ходе боев войсками Западного фронта были разбиты шесть германских армейских корпусов (20, 12, 13, 47, 53, и 57-й) в составе 15 пехотных и одной танковой дивизий и 2-й бригады СС, переброшенной на самолетах из Кракова, и противник под ударами войск фронта продолжает отступление на западном направлении, оставляя в боях и по пути отхода раненых, артиллерию, оружие и имущество. Однако это не соответствовало действительности: перечисленные соединения продолжали обороняться и оказывали ожесточенное сопротивление Западному фронту[236].

В Ставке ВГК оказались основательно завышенные данные о потерях противника. Так, по данным Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, вооруженные силы Германии с 22 июня до ноября 1941 г. потеряли более 4,5 млн человек[237], а на 1 марта 1942 г. — 6,5 млн, в том числе сухопутные войска — 5,8 млн. По данным же начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта, потери на 1 марта составили немногим более 1 млн человек[238]. Отсутствие достоверной информации не способствовало объектив-

ной оценке Ставкой ВГК стратегической обстановки и отрицательно влияло на принятие целесообразных решений.

В аналогичных условиях был рассмотрен план общего наступления Красной армии зимой 1942 г. на совместном заседании членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января в Кремле, которое, на наш взгляд, проливает свет на многие вопросы, остающиеся долгие годы дискуссионными.

Открыв заседание, И. В. Сталин предоставил слово начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Тот, зная концепцию Верховного главнокомандующего, информировал его о положении на фронтах и изложил проект плана дальнейших действий. Как следовало из этого выступления, важнейшая военно-политическая цель, стоявшая перед советским народом и его вооруженными силами, заключалась в том, чтобы ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить армию Германии и ее союзников и создать условия для завершения войны в 1942 г. Комментируя доклад начальника Генерального штаба, И. В. Сталин сказал: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны»[239].

Согласно замыслу Ставки ВГК девяти фронтам, двум флотам и ВВС предстояло перейти в наступление практически одновременно на фронте от Ладожского озера до Черного моря с самыми решительными целями: окружить и уничтожить основные силы групп армий «Север», «Центр», «Юг» и к весне 1942 г. продвинуться на глубину 300–400 км. В дальнейшем «обеспечить... полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»[240].

Отметим, по состоянию на 1 января 1942 г. в составе действующей армии более 50% стрелковых дивизий имели до 6 тыс. человек, то есть половину штатного состава. Особенно были обескровлены соединения Западного, Калининского и Брянского фронтов, которые длительное время не имели передышки и напрягали все усилия для выполнения задач контрнаступления. Им-то и предстояло нанести главный удар по группе армий «Центр» путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением основных сил противника в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска[241].

Учитывая тяжелое положение Ленинграда, Ставка возложила на войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота задачу разгромить группу армий «Север» и снять блокаду Ленинграда[242]. Войскам Юго-Западного фронта на брянском направлении после разгрома 2-й немецкой танковой армии приказывалось «выйти в район Белёв, Орёл и создать охватывающее положение для противника, действующего под Москвой». Армиям левого крыла Юго-Западного и Южного фронтов предстояло разгромить главные силы группы армий «Юг» и освободить Донбасс[243]. Объединениям Кавказского фронта предназначалось совместно с Черноморским флотом завершить освобождение Крыма[244]. Перейти в наступление намечалось в самые сжатые сроки, а на западном направлении и в Крыму — продолжать его без всякой паузы.

Однако не все участники совместного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января 1942 г. поддержали такой способ достижения политических целей. Против одновременного наступления всех фронтов в январе 1942 г. высказался член Ставки ВГК генерал армии Г. К. Жуков: «На западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска... в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным». На остальных же направлениях, где «войска стоят перед серьезной обороной противника», без «наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери»[245].

В войсках остро ощущался недостаток вооружения. Так, укомплектованность Калининского и Западного фронтов на 1 января 1942 г. составляла по винтовкам — 66,7%, по пистолетам-пулеметам — 35%, по станковым пулеметам — 36%, по зенитным орудиям — 45,3%, по орудиям наземной артиллерии — 66%, по минометам — 45%[246]. Что касается обеспеченности войск танками, то она была еще более низкой. И это в то время, когда этим фронтам предстояло действовать в наступлении на главном направлении. Генерал армии Г. К. Жуков, оценив все нюансы и изменения стратегической обстановки, безусловно, предлагал наиболее целесообразное решение, ибо оно сулило, в конечном счете, достижение целей зимней кампании.

Против одновременного наступления на всех стратегических направлениях выступил и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский. Он, как никто из присутствующих, знал, в каком состоянии находится народное хозяйство страны, какие трудности выпали на долю военной промышленности. «Мы сейчас, — заявил он, — еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов»[247].

Присутствовавшие на заседании Г. М. Маленков и Л. П. Берия заметили, что у Н. А. Вознесенского всегда находятся непредвиденные трудности, однако их можно преодолеть. Тем самым они поддержали И. В. Сталина. Остальная «старая гвардия» не посмела возразить Верховному главнокомандующему и таким образом одобрила его решение. И. В. Сталин же был настроен слишком оптимистично. Он сказал: «Я говорил с Тимошенко... Он за то, чтобы действовать... Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной»[248].

В январе 1942 г. Ставка ВГК приняла более чем сомнительный, нереальный план ведения кампании, хотя она имела возможность выбрать время начала операций на том или ином направлении, способы разгрома группировок противника, направления главных и других ударов, накопить силы и средства, достичь внезапности наступления и нанесения сильного первоначального удара. К сожалению, члены Ставки ВГК в то время еще не владели военным искусством в такой степени, чтобы сделать это.

Простое сопоставление имеющихся сил и средств с пространственным размахом задуманного наступления показывает, на какой риск шла Ставка, и подчеркивает невыполнимость намеченного плана. Если в декабре 1941 г. наступление вели шесть фронтов в полосе до 1200 км, то в январе 1942 г. его предстояло развернуть на фронте в 2000 км с участием девяти фронтов и двух флотов. Действующая армия на 1 января 1942 г. насчитывала 4199 тыс. человек, 27,7 тыс. орудий и минометов, 1784 танка (из них 506 тяжелых и средних). Сухопутные войска Германии и ее союзников на восточном фронте имели 3909 тыс. человек, около 35 тыс. орудий и минометов, 1500 танков[249]. Следовательно, общее соотношение сил и средств по отношению к декабрю 1941 г. изменилось в пользу советских войск, но незначительно, и это за счет резервов Ставки. Фронты получили 55 дивизий, 30 стрелковых бригад и около 270 тыс. человек маршевого пополнения[250], значительно уступавших по уровню военной подготовки фронтовикам.

Советские войска ни на одном направлении не имели ни количественного, ни качественного превосходства над противником. Уровень подготовки командующих и штабов, степень материального обеспечения войск были недостаточными для выполнения задач наступления. Это обстоятельство, конечно, было хорошо известно Верховному главнокомандующему. Однако И. В. Сталин имел твердое мнение относительно того, как будут развиваться события и как намерен действовать неприятель. Это и было одной из причин просчетов стратегического планирования.

В тех условиях более целесообразно было принять план последовательного решения задач и начать разгром противника с группы армий «Центр», где успех сразу же сказался бы на работе промышленности Москвы, Московского железнодорожного узла и всего Московского промышленного района, а это позволило бы улучшить снабжение войск. Главное же, поражение основной группировки противника привело бы к необратимым, губительным для врага изменениям стратегической обстановки на всем советско-германском фронте.

Приняв же план разгрома врага на всех стратегических направлениях, не удалось создать достаточно сильных группировок ни на одном из них. Резервы Ставки — девять армий, сформированных накануне наступления, — были распределены по фронтам почти равномерно. «В ходе общего наступления зимой 1942 года, — писал маршал А. М. Василевский, — советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Неоправданными оказались надежды... на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились»[251].

Для осуществления операций на окружение необходимы были определенные условия. Так, на западном стратегическом направлении советские войска к началу января 1942 г. заняли охватывающее положение по отношению к противнику, и Ставка ВГК приказала войскам левого крыла Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского фронтов завершить окружение ржевско-гжатско-вяземской группировки, а затем пленить или уничтожить ее[252]. Таким образом, усилия войск четырех фронтов были направлены на окружение и расчленение группы армий «Центр».

Если планы Ставки на западном направлении в какой-то мере и могут быть оправданы, то несоответствие между желаемым и действительным на юге проявилось в своей классической форме. Ставка утвердила план Военного совета Юго-Западного направления, собственный замысел которого был еще более обширный: ударом войск Юго-Западного и Южного фронтов прорвать оборону группы армий «Юг», а затем, «выйдя во фланг и тыл донбасско-таганрогской группировки войск противника, отрезать им путь отхода на запад и, прижав главную группировку к берегам Азовского моря, окружить и уничтожить ее»[253].

По этой же причине нереальными оказались задачи войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов по окружению основных сил группы армий «Север» и снятию блокады Ленинграда. По решению Ставки основная роль в разгроме врага отводилась Волховскому фронту. Его войска должны были прорвать оборону противника по р. Волхов и во взаимодействии с Ленинградским фронтом окружить и пленить войска 18-й немецкой армии, блокировавшие Ленинград[254]. Волховский фронт, созданный 17 декабря 1941 г., не имел ни времени, ни материальных средств, ни опыта подготовки операций, но страх перед И. В. Сталиным, очевидно, не позволил генералу армии К. А. Мерецкову отстоять свои доводы перед Ставкой о необходимости тщательной подготовки войск фронта к наступлению. И как результат — неоднократный перенос сроков начала операции, потеря элемента внезапности, огромный ущерб, невыполненные задачи. Только за январь — апрель 1942 г. фронт потерял убитыми, ранеными, пленными, обмороженными и больными с эвакуацией из частей более 230 тыс. человек[255].

В результате цели зимней кампании 1941–1942 гг. не были полностью достигнуты. Советским войскам в целом удалось нанести существенные потери врагу, расширить фронт наступления, освободить ряд районов страны. Однако, израсходовав резервы, они не смогли развить наступление ни на одном из стратегических направлений. Вместе с этим данная кампания имела большое военно-политическое значение. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой похоронил гитлеровский план «молниеносной войны», развеял миф о непобедимости вермахта и поставил Германию и ее союзников перед перспективой длительной, затяжной войны. Ставка ВГК и Генеральный штаб получили практику планирования крупных стратегических операций в условиях перехода стратегической инициативы на сторону Вооруженных сил СССР.

В последующем, по мере возрастания экономических возможностей страны, боевой мощи Красной армии, накопления опыта, планирование кампаний со стороны Ставки ВГК и Генерального штаба стало более искусным: в нем уже зримо проявлялись элементы глубокого предвидения развития обстановки, настойчивое стремление навязать противнику свою волю, не давать ему передышки после понесенных поражений, сосредоточить основные усилия на решении главных задач.

Характерной в этом отношении является зимняя кампания 1942–1943 гг. Планирование наступательных операций этой кампании началось еще в сентябре 1942 г. Основу замысла составляла идея окружения ударной группировки противника, сосредоточившейся в районе Сталинграда, сходящимися ударами по ее флангам. В замысле были четко определены направление главного удара, где сосредоточивались основные силы и средства, и направления других ударов, которые также обеспечивались значительными силами и средствами. Нанесение главного удара на Сталинградском направлении позволяло разгромить самую опасную группировку противника, а развитие наступления в сторону Донбасса и на Ростов создавало реальную угрозу отсечения немецко-фашистских войск, действовавших на Северном Кавказе.

Ставка ВГК особое внимание уделяла подготовке операций на юго-западном направлении, которая осуществлялась под руководством представителей Ставки: Г. К. Жукова — на Юго-Западном и Донском фронтах, А. М. Василевского — на Сталинградском фронте[256]. Наряду с подготовкой первой стратегической операции («Уран») на главном — сталинградском направлении, которая планировалась Генеральным штабом особенно тщательно, велась подготовка и последующих операций, имевших целью развитие наступления на главном направлении и расширение фронта стратегического наступления. Это выражалось, в частности, в усилении группировок войск на воронежском, западном и северо-западном направлениях резервами Ставки ВГК и материально-техническими средствами, общей ориентировке командующих войсками фронтов о предстоящих наступательных действиях. Конкретное же планирование операций на этих направлениях осуществлялось уже в ходе контрнаступления под Сталинградом. Дальнейшие события полностью подтвердили правильность подобного метода планирования стратегического наступления в кампании.

Разгром врага под Сталинградом стал крупнейшим военно-политическим событием в ходе борьбы народов против фашизма. Великая битва, закончившаяся окружением и разгромом противостоящей группировки войск противника, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны. Советское военное искусство обогатилось опытом окружения и разгрома крупных сил противника, осуществления оперативно-тактической внезапности, правильного выбора направлений главных ударов, точного определения слабых мест в обороне врага, расчета сил и средств для быстрого прорыва тактической зоны обороны, непрерывного развития наступления на большую глубину[257].

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе, в чем немаловажная заслуга Генерального штаба, Верховный главнокомандующий стал с большим доверием относиться к нему и прислушиваться к его мнению. Это благотворно отразилось на подготовке последующих кампаний войны. Они стали планироваться все более согласованными усилиями Ставки и ее представителей, Генерального штаба, штабов фронтов, а также представителей видов вооруженных сил и родов войск. Это позволяло определить наиболее целесообразные способы действий, направления сосредоточения основных усилий Красной армии, других ударов, обеспечивающих сокрушение стратегического фронта обороны противника и разгром его группировок, достигать крупных военно-политических результатов.

Начиная с весны 1943 г. планирование военных кампаний постепенно приобретало все более четкие формы. Этому способствовало то обстоятельство, что стратегическая инициатива окончательно перешла к советским войскам. Поэтому стало возможным прогнозировать развитие военных событий с большей достоверностью и на значительный период времени. Планирование и подготовка кампаний обычно проводились за два, а то и за три месяца до их начала.

Так, к разработке плана на лето и осень 1943 г. советское Верховное главнокомандование приступило в конце марта, сразу же после завершения зимних сражений. Первоначально предполагалось начать кампанию широкими наступательными действиями, нанося главный удар на юго-западном направлении. Однако вскоре, по мере поступления от всех видов

разведки сведений о готовящемся противником крупном наступлении в районе Курского выступа (операция «Цитадель»), в эти планы были внесены существенные изменения.

Уже 8 апреля 1943 г. находившийся на Воронежском фронте заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г. К. Жуков направил в Ставку доклад, в котором высказал свои соображения о сложившейся обстановке, соотношении сил сторон и возможном характере действий неприятельских войск на курском направлении. Он предложил воздержаться здесь от перехода в наступление с целью упредить противника, а создать прочную превентивную оборону, измотать на ней ударные группировки врага, выбить у него танки и лишь после этого, введя свежие резервы, перейти в решительное наступление, чтобы покончить с главными вражескими группировками[258]. Точку зрения Г. К. Жукова разделял и начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский.

Замысел советского Верховного главнокомандования на лето 1943 г. окончательно оформился 12 апреля, когда на совещании в Ставке ВГК было принято решение временно перейти к преднамеренной обороне. В директивах, разосланных войскам, предлагалось создать мощную, глубокоэшелонированную оборону, в ходе оборонительного сражения обескровить ударные группировки противника и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, а затем и в общее наступление[259]. Таким образом, спланированный переход к временной обороне на курском направлении был не вынужденным, как это имело место в первом периоде войны, а преднамеренным. Советское Верховное главнокомандование не отдавало захваченную в зимней кампании 1942–1943 гг. инициативу, а добровольно избирало наиболее вгодный для Красной армии в сложившихся условиях вариант военных действий. При этом выбор момента перехода в контрнаступление ставился в зависимость от развития обстановки, в силу чего оборонительные и наступательные операции на Курской дуге органически объединялись общим замыслом. Принятие такого варианта действий свидетельствует о творческом подходе Ставки ВГК и Генерального штаба к решению стратегических задач войны. «Принять единственно правильное решение, — отмечал в своих воспоминаниях А. М. Василевский, — помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до главнокомандования»[260].

При определении направлений главных ударов в летне-осенней 1943 г., а также в зимней 1944 г. наступательных кампаниях Ставка ВГК и Генеральный штаб исходили из того, что разгром крупных вражеских группировок на юго-западном направлении позволял возвратить стране наиболее важные промышленные и сельскохозяйственные районы, усиливая тем самым свой военно-экономический потенциал и ослабляя в то же время фашистскую Германию, а разгром коалиционных группировок врага на этом направлении знаменовал начало развала фашистского блока[261].

Результаты летне-осенней наступательной кампании 1943 г., начавшейся с проведения преднамеренной стратегической оборонительной операции, привели к полному срыву гитлеровского плана решающего наступления вермахта на востоке, победе советских войск под Курском и выходу их к Днепру, завершению коренного перелома в войне. Этому во многом способствовала напряженная деятельность Ставки ВГК и Генерального штаба, которые грамотно спланировали и всесторонне обеспечили последовательное проведение в ходе кампании таких крупных стратегических операций, как оборонительная Курская и наступательные (контрнаступательные) Орловская, Белгородско-Харьковская, Смоленская, Донбасская, Черниговско-Полтавская, Новороссийско-Таманская, Нижнеднепровская и Киевская. При этом в ходе стратегического планирования военных действий в кампании была продемонстрирована возросшая способность правильно учитывать военно-политические и экономические факторы, умело выбирать районы сосредоточения основных усилий и направления главных ударов, заблаговременно создавать группировки войск и избирать наиболее эффективные способы их действий, организовывать и поддерживать взаимодействие, управление войсками и их всестороннее обеспечение.

Накопленный Ставкой ВГК и Генеральным штабом опыт был в полной мере использован при планировании и осуществлении наступательных кампаний третьего периода войны. В этих кампаниях советские войска уже прочно удерживали стратегическую инициативу и обладали значительным превосходством в силах и средствах над противником. В такой обстановке Ставкой и Генеральным штабом заблаговременно планировался и непосредственно организовывался ряд взаимосвязанных крупных наступательных операций, охватывающих практически весь советско-германский фронт.

При выработке замыслов военных кампаний в 1944—1945 гг. учитывалась не только необходимость быстрого разгрома крупных вражеских группировок, но и достижение конкретных политических и экономических результатов: освобождение важных экономических районов СССР, вывод из войны союзников фашистской Германии, освобождение порабощенных народов. Важное место при выработке замыслов военных кампаний отводилось согласованию совместных действий Красной армии с вооруженными силами союзных государств. Так, замысел зимней кампании 1944 г. и составляющих ее содержание стратегических операций был представлен И. В. Сталину непосредственно перед его поездкой на Тегеранскую конференцию руководителей трех союзных держав, на которой в период с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. были достигнуты соглашения по важнейшим вопросам стратегии войны в Европе и организации стратегического взаимодействия с союзниками. Один из пунктов решения гласил: «Согласились, что военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе. В частности, было решено, что между соответствующими штабами должен быть согласован план мистификации и обмана противника в отношении этих операций»[262]. В британском штабе эта операция получила кодовое название «Бодигард» («Телохранитель»). Замысел руководителей союзных держав о проведении «мистификации и обмана» начал реализовываться при планировании кампаний и операций на 1944 г.

При определении направлений главных ударов в наступательных кампаниях 1944—1945 гг. Верховное главнокомандование руководствовалось стремлением быстрее закончить войну и восстановить мир в Европе. Главные удары в этих кампаниях планировались и наносились на западном стратегическом направлении, которое являлось кратчайшим путем к Берлину и достижению конечной цели войны.

Важнейшими целями военных действий на 1944 г. были определены: разгром группировок войск Германии и ее союзников, полное изгнание оккупантов с территории СССР, вывод из войны сателлитов Германии, а также помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашизма[263].

При планировании кампаний утвердился более четкий порядок работы органов управления. Так, например, при планировании летне-осенней кампании 1944 г. в соответствии с указаниями Ставки ВГК командующие фронтами в конце марта приступили к разработке своих соображений на лето 1944 г. В начале апреля эти соображения поступили в Генеральный штаб, где были тщательно изучены, обобщены и на их основе определены цели, общий замысел кампании и замыслы первых стратегических операций. Затем 12 апреля они были рассмотрены и с некоторыми поправками одобрены на заседании узкого круга с участием Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК, Генерального штаба (А. И. Антонов и С. М. Штеменко). После этого Генеральный штаб при непосредственном участии командующих фронтами приступил к детальному планированию первых стратегических операций по направлениям. К концу мая разработка первого этапа летне-осенней кампании 1944 г. была полностью завершена. Такой порядок планирования военных кампаний сохранился до конца войны.

При разработке плана кампании учитывались и вопросы стратегической дезинформации противника, согласованные Генеральным штабом с военными миссиями союзников и получившие название «Мероприятия со стороны Красной армии по плану «Бодигард», которые были утверждены Верховным главнокомандующим 17 апреля 1944 г.[264]

В каждой наступательной кампании третьего периода войны планировалось и проводилось от трех до восьми стратегических наступательных операций. В их числе были одна-две

наиболее крупные (главные) операции, оказывающие решающее влияние на ход и исход кампании (Днепровско-Карпатская, Белорусская, Висло-Одерская и некоторые другие). Такие операции осуществлялись на направлениях главных ударов в кампаниях.

Для достижения целей кампаний Ставкой ВГК и Генеральным штабом планировалось и создавалось, как правило, несколько стратегических группировок войск, основу которых составляли фронтовые объединения. Каждая такая группировка обычно включала от двух до пяти фронтов и усиливалась соединениями других родов войск, насчитывая от 600 тыс. до 2,5 млн человек, от 8 до 40 тыс. орудий и минометов, от 700 до 6 тыс. танков и САУ, от 700 до 7,5 тыс. боевых самолетов[265].

В 1944—1945 гг. Ставка и Генеральный штаб продемонстрировали высокий уровень мастерства при планировании и осуществлении наступления путем последовательного и одновременного проведения стратегических наступательных операций. Особенно поучительной в отношении способа последовательного ведения стратегического наступления является летне-осенняя кампания 1944 г. Перед ее началом Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и создали четыре стратегические группировки: в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, в Белоруссии, в западных районах Украины и в Молдавии. В соответствии с планом кампании 10 июня 1944 г. перешла в наступление первая из них — на северо-западном направлении, на Карельском и Онежско-Ладожском перешейках (Выборгско-Петрозаводская операция). Затем 23 июня внезапно силами четырех фронтов был нанесен мощный удар в Белоруссии (операция «Багратион»). Для его отражения германское командование начало спешно перебрасывать силы из Прибалтики, западных областей Украины, Молдавии, Германии, Голландии, Норвегии и Италии (всего 22 дивизии)[266].

В самый разгар Белорусской операции последовали новые удары, в частности на Западной Украине (Львовско-Сандомирская операция), откуда противник снял и направил значительные силы в Белоруссию, часть из которых находилась еще в движении. Для парирования этих ударов немецкое командование вновь было вынуждено перебрасывать войска с других направлений, в том числе и возвращать некоторые соединения и части, только что отправленные в Белоруссию.

Спустя месяц советские войска нанесли удар в Молдавии. Гитлеровское командование в этот момент уже не имело возможности усилить оборонявшуюся там группировку, так как его войска были связаны боевыми действиями на других направлениях или находились в движении. Это позволило 2-му и 3-му Украинским фронтам в ходе Ясско-Кишинёвской операции в течение 10 дней разгромить главные силы группы армий «Южная Украина», уничтожив 22 немецкие дивизии и почти все румынские соединения, находившиеся на советско-германском фронте[267], при сравнительно небольших собственных потерях. Характерно, что уже в ходе осуществления перечисленных выше операций, когда выявились их крупные военно-политические и стратегические результаты, Ставка и Генеральный штаб поставили советским войскам дополнительные задачи на проведение новых операций в Прибалтике, Заполярье, Чехословакии, Венгрии и Югославии.

Планирование и ведение стратегического наступления способом нанесения последовательных по фронту ударов свидетельствует о возросшем мастерстве советского Верховного главнокомандования. Ведь здесь надо было правильно определить направления нанесения первого и последующих ударов, действия стратегических группировок с тем, чтобы каждый удар не являлся самоцелью, а способствовал успешному нанесению последующих ударов. Так оно, по существу, и было: удары четко планировались по месту и времени, при этом противник вынужден был в буквальном смысле слова метаться вдоль фронта, зачастую не успевая с перегруппировкой сил на угрожаемые направления.

В той же летне-осенней кампании 1944 г. Генеральный штаб обогатился опытом планирования и успешного осуществления последовательных по глубине стратегических операций. Так, в ходе наступления на Балканах советские войска в течение четырех месяцев последовательно, одну за другой, практически без пауз провели Ясско-Кишинёвскую, Белградскую и Будапештскую стратегические, а также Трансильванскую и Дебреценскую фронтовые

операции. Глубина продвижения войск составила 1100 км. При этом планирование и подготовка каждой последующей операции осуществлялась еще в ходе предыдущей. При таком способе ведения наступления противник не успевал в полной мере восстанавливать свой фронт обороны на стратегическом направлении.

Показатели летне-осенней кампании 1944 г. превысили достижения всех предшествующих кампаний советских войск: наступление велось в полосе шириной до 4,5 тыс. км, на глубину от 600 до 1100 км; потери противника составили 1889,9 тыс. человек, из них безвозвратные — 777,2 тыс., количество взятых в плен вражеских солдат и офицеров увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 2,7 раза и составило 680,8 тыс. человек[268].

В кампании 1945 г. в Европе Генеральный штаб, выполняя поставленную Ставкой ВГК перед Красной армией задачу завершить разгром вооруженных сил нацистской Германии, спланировал стратегическое наступление путем одновременного проведения операций на всем фронте. Этому способствовали как сокращение стратегического фронта (до 2200 км), так и значительное общее превосходство советских войск в силах и средствах над противником, в результате чего появилась возможность создать несколько мощных ударных группировок и практически одновременно развернуть наступление от Балтийского моря до Дуная с нанесением главного удара на варшавско-берлинском направлении. Вся кампания планировалась в два этапа: на первом — провести наступательные операции в Восточной Пруссии, Польше и на венском направлении; на втором — развернуть решающие наступательные операции на берлинском и пражском направлениях. Общая глубина военных действий намечалась в пределах 600–700 км, в том числе первого этапа кампании — 250–300 км. Наступление предполагалось вести без оперативных пауз между этапами с тем, чтобы добиться достижения поставленной цели в течение 45 суток. Общий план операций предстоящей кампании в начале ноября 1944 г. был принят Ставкой ВГК по докладу генерала А. И. Антонова. Директивы фронтам были отданы за полтора месяца до начала операций первого этапа кампании 1945 г. в Европе — 28 ноября 1944 г.[269]

Успешно спланировав и проведя в ходе кампании 1945 г. в Европе семь стратегических наступательных операций (Висло-Одерская, Западно-Карпатская, Восточно-Прусская, Восточно-Померанская, Венская, Берлинская, Пражская) и одну фронтовую оборонительную операцию (Балатонская) Вооруженные силы Советского Союза разгромили стратегические группировки немецко-фашистских войск в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии и в самой Германии, что привело к безоговорочной капитуляции последней.

В целом планирование военных кампаний Красной армии к 1945 г. соответствовало характеру военных действий, политическим целям войны и требованиям военной стратегии, обеспечивало эффективное руководство войсками и силами, успешное выполнение всего комплекса военно-политических и стратегических задач для достижения победы в войне.

Важное место в системе стратегического планирования в годы войны занимала и разработка стратегических операций, которая также имела свои особенности. Ставка ВГК и Генеральный штаб в своей деятельности в годы войны уделяли самое пристальное внимание вопросам планирования и подготовки стратегических операций, которые составляли основное содержание военных кампаний. По опыту войны стратегическая операция представляла собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени операций фронтов, объединений и соединений других видов вооруженных сил, проводимых по единому замыслу и плану Верховного главнокомандования для достижения крупной стратегической цели или создания условий для этого. В результате проведения такой операции коренным образом менялась военно-политическая обстановка на том или ином стратегическом направлении. Всего в ходе войны Вооруженные силы Советского Союза осуществили более 50 таких операций. Их замыслы и планы разрабатывались, как правило, по решению Ставки. Нередко инициатором планирования и проведения стратегических операций являлся Генеральный штаб.

В отличие от кампаний содержание и порядок деятельности высших органов военного управления по подготовке стратегических операций характеризовались более детальной

проработкой всех связанных с этим вопросов. Сложилась в годы войны и определенная, достаточно эффективная система их планирования, однако пришли к ней Ставка ВГК и Генеральный штаб далеко не сразу.

Так, особенность планирования стратегических оборонительных операций, прежде всего в летне-осенней кампании 1941 г., заключалась в том, что какой-либо четкой системы этой важной работы еще не было. Объяснить это можно было рядом причин: недостаточной теоретической разработкой данного вопроса перед войной, отсутствием практических навыков в планировании подобного рода операций, чрезвычайно сложной обстановкой, отсутствием времени для тщательной проработки планов и мероприятий, связанных с подготовкой операции. Отрицательно сказывалось и то, что Ставка в этот период не всегда в достаточной мере учитывала соображения и предложения Генерального штаба, военных советов фронтов и главнокомандующих направлений, которые имели возможность более конкретно оценивать складывающуюся обстановку. Были случаи, когда решения Ставки, принятые вопреки мнению Генерального штаба и предложениям военных советов фронтов, приводили к тяжелым последствиям. Примером тому может служить запрет отвода войск Юго-Западного фронта из района Киева в сентябре 1941 г., несмотря на реальную угрозу их окружения[270].

Поскольку в 1941—1942 гг. переход советских войск к обороне был вынужденным, стратегические операции, как и в целом кампании заранее не планировались. В связи с этим при их организации Ставке и Генеральному штабу приходилось, как правило, в условиях жесточайшего дефицита времени одновременно с отражением ударов превосходящих сил противника, обладавшего господством в воздухе, спешно решать широкий круг проблем. Важнейшими из них являлись: вскрытие замысла немецкого командования, состава группировки его войск; создание своей оборонительной группировки и выбор наиболее целесообразного ее оперативно-стратегического построения; инженерное оборудование местности; организация взаимодействия и управления, материально-технического обеспечения и прочее.

Выяснив состав группировки противника, направления ее ударов, прежде всего главного, Ставка определяла стратегическую цель и общий замысел операции, а Генеральный штаб в соответствии с этим разрабатывал общую и частные директивы, в которых указывал задачи фронтов и отдельных армий, силы и средства, выделенные для операции, состав и задачи вторых эшелонов и резервов, основы взаимодействия между фронтами, родами и видами вооруженных сил, разграничительную линию между объединениями, ответственность за стыки, места расположения пунктов управления фронтовых объединений и сроки представления в Ставку донесений о получении и исполнении поставленных задач. Степень подробности этих директив всякий раз зависела от конкретных условий обстановки. Такой метод планирования имел место уже летом и осенью 1941 г., но наиболее четко он определился в летне-осенней кампании 1942 г.

Цели стратегических оборонительных операций, определяемых Ставкой, в ходе войны были различными и зависели главным образом от сложившейся обстановки, а также задач, решаемых вооруженными силами в кампании в целом. Так, цели оборонительных операций начального периода и первых месяцев войны заключались в том, чтобы упорным сопротивлением на наиболее угрожаемых направлениях нанести максимально возможные потери ударным группировкам противника, задержать или снизить темпы его наступления и создать таким образом условия для развертывания второго стратегического эшелона своих вооруженных сил. В последующих оборонительных операциях 1941 г., а также в операциях летне-осенней кампании 1942 г. цели в большинстве своем сводились к тому, чтобы измотать ударные группировки противника, остановить их продвижение, не допустить прорыва к крупным промышленным и административно-политическим центрам, объектам и рубежам оперативно-стратегического значения, выиграть время, необходимое для сосредоточения и развертывания резервов, и подготовиться к наступательным действиям[271].

Вынужденная стратегическая оборона первого периода войны характеризовалась огромным пространственным размахом, недостаточной степенью массирования сил и средств, а отсюда их невысокой плотностью на решающих направлениях. В стратегических построениях

имелись разрывы между группировками войск. В этот период оборонительные операции проводились на фронте от 300 до 1000 км и более, сопровождались большими потерями войск, их отходом на значительную глубину, доходившую от 400 до 800 км.

При планировании стратегических оборонительных операций наиболее важными в практической деятельности Ставки ВГК и Генерального штаба были вопросы выработки их замысла. При этом Верховное главнокомандование всесторонне учитывало конкретную военно-политическую обстановку, соотношение сил, возможности экономики, наличие людских и материальных резервов сторон. Так, в сентябре 1942 г. Ставка достаточно точно определила состав, состояние, возможности войск фашистской группировки в районе Сталинграда и наметила наиболее целесообразный способ ее разгрома, а весной 1943 г., заранее вскрыв общий замысел противника на проведение наступательной операции «Цитадель», спланировала стратегическую оборонительную операцию войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов в районе Курска с целью отражения готовившегося наступления врага.

Большую роль в планировании оборонительных операций играло целесообразное определение оборонительных группировок войск и их оперативно-стратегического построения в соответствии с выработанным замыслом. Оборонительные группировки строились как в один, так и в два эшелона. Иногда отсутствие второго эшелона компенсировалось сосредоточением на данном направлении резервов Ставки.

Так, к началу Московской оборонительной операции в конце сентября 1941 г. была создана группировка советских войск, состоящая из двух эшелонов: первый — Западный и Брянский фронты, второй — Резервный фронт. При этом две из шести армий Резервного фронта (24-я и 43-я) находились в первом эшелоне группировки, а остальные были вытянуты в линию и занимали оборону позади Западного фронта, в 50–80 км от его переднего края. Общая глубина построения оборонительной группировки доходила до 100 км. Всего в составе трех фронтов было сосредоточено свыше 40% личного состава и артиллерии, 35% танков и треть самолетов от имевшихся к тому времени на всем советско-германском фронте. Наибольшее количество сил и средств находилось, как того и требовала обстановка, в Западном и Резервном фронтах, то есть на кратчайших путях, ведущих к Москве с запада. Это свидетельствовало о том, что Ставка ВГК оценивала московское направление в предстоящем наступлении немецких войск как главное[272].

Вместе с тем построение оборонительной группировки на московском направлении и прежде всего расположение в ее составе войск Резервного фронта нельзя признать удачным. Резервный фронт включал под одним командованием три разобщенные между собой группы войск: две дивизии 31-й армии располагались на стыке Северо-Западного и Западного фронтов; две армии — на стыке между Западным и Брянским фронтами; четыре армии — во втором эшелоне за Западным фронтом. Такое его построение значительно затрудняло управление войсками и взаимодействие между участвующими в операции фронтовыми объединениями и явилось одной из причин ее неудачного исхода.

В этой же операции, но в ноябре 1941 г., когда противнику удалось выйти на ближние подступы к Москве, спланированное одноэшелонное построение стратегической группировки компенсировалось резервами Ставки ВГК. Первый ее эшелон состоял из войск Западного, Калининского и части сил Юго-Западного фронтов, войска же Московской зоны обороны (24-я и 60-я армии) составляли стратегический резерв.

Принятие Ставкой ВГК весной 1943 г. решения на преднамеренную оборону в районе Курского выступа позволило заблаговременно спланировать и создать здесь мощную оборонительную группировку. Помимо первого эшелона, состоящего из войск Центрального и Воронежского фронтов, еще до начала наступления противника был создан стратегический резерв Ставки ВГК в составе Степного военного округа, который, по сути, являлся вторым эшелоном стратегической оборонительной группировки. При этом глубина построения войск достигала 150–200 км.

Важнейшая особенность планирования стратегических оборонительных операций заключалась в определении способов их ведения, основным из которых являлась упорная

борьба за удержание занятых рубежей и объектов в сочетании с контрударами и частными наступательными операциями. Так, например, в Московской операции в ноябре 1941 г. войска Западного фронта упорной обороной каждой позиции и рубежа истощали и изматывали ударные группировки армий «Центр». В то же время Калининский и правое крыло Юго-Западного фронта активными наступательными действиями сковали основные силы 9-й и 2-й немецких армий и не позволили противнику за их счет усилить ударные группировки, наступавшие на московском направлении. Такой же способ ведения операции был определен и применялся в Смоленском сражении, в обороне под Ленинградом, Воронежем и Сталинградом.

Контрудары и частные наступательные операции были высшим проявлением активности обороняющихся войск. Обычно их целями ставились разгром прорвавшихся группировок противника и восстановление утраченного положения. И хотя таких целей удавалось достичь далеко не всегда, контрудары и частные наступательные операции во всех случаях играли важную роль и способствовали выполнению задач обороны. Так, в период оборонительных сражений под Москвой наносилось большое количество контрударов с различными целями. Решающее значение в создании перелома в ходе боевых действий имели контрудары войск 1-й ударной, 20-й, 33-й армий и группы генерала П. А. Белова, осуществленные в ноябре — начале декабря 1941 г. на обоих крыльях и в центре Западного фронта. Проведенные в рамках оборонительной операции Западного фронта, эти контрудары кардинально повлияли на улучшение общей обстановки на всем центральном стратегическом направлении советско-германского фронта.

Поучительны умелым сочетанием обороны с активными наступательными действиями на отдельных направлениях, в том числе и контрударами, оборонительные операции под Сталинградом и особенно под Курском. В период оборонительного сражения на южном фасе Курского выступа, в полосе Воронежского фронта, 12 июля 1943 г. был нанесен мощный контрудар по группировке противника, наступавшей на прохоровском направлении: с северо-востока — силами 5-й гвардейской танковой и частью сил 5-й гвардейской армий; с северо-запада — 6-й гвардейской и 1-й танковой армиями. К нанесению контрудара привлекалась также часть сил 7-й гвардейской армии. В результате проведенного контрудара войскам Воронежского фронта не удалось полностью разгромить ударную группировку противника, однако она понесла значительные потери, прекратила наступление и перешла к обороне[273].

Методы планирования стратегических наступательных операций также имели свои особенности, поскольку вооруженная борьба в них отличалась невиданным прежде размахом, разнообразием и напряжением. Так, если взять первую крупную стратегическую наступательную операцию советских войск — контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г., то его особенность заключалась в том, что оно началось без какой-либо паузы, сразу же после отражения наступления противника. При этом, как вспоминал Г. К. Жуков, «у нас не было приказа, который бы мы заранее отдавали войскам (30 ноября или 1–2 декабря 1941 г.) на контрнаступление». Первоначально войскам были поставлены короткие задачи контрударного характера, а дальнейшие — ставились распорядительным порядком. Все они были согласованы между собой лишь 8–9 декабря. Далее Г. К. Жуков подчеркивал, что такого «классического контрнаступления, как мы его понимаем», под Москвой не было. Оно пошло как развитие контрударов, вылилось из них, чему, конечно, способствовали ввод новых соединений и удары авиации по войскам противника. Заблаговременно же разработанного плана контрнаступления в Ставке не было[274]. Все это объяснялось крайне тяжелой обстановкой, которая сложилась в конце ноября 1941 г. на фронте вооруженной борьбы, недостатком сил и средств, а также отсутствием у советского командования необходимого опыта в планировании наступательных операций стратегического масштаба.

Планирование и подготовка контрнаступления под Сталинградом также осуществлялись в ходе оборонительного сражения. Принципиальное решение о начале разработки плана контрнаступления Ставка ВГК приняла 13 сентября 1942 г. В целом планирование контрнаступательных операций под Москвой и Сталинградом имело как сходные черты,

так и некоторые различия. В обеих битвах планирование и непосредственная подготовка контрнаступления проходили в процессе оборонительного периода, с той лишь разницей, что под Москвой это заняло 5–6 дней, а под Сталинградом — около двух месяцев. И под Москвой, и под Сталинградом контрнаступление планировалось и проводилось в форме операции группы фронтов. Под Москвой применение этой новой в то время формы стратегических действий было продиктовано ограниченностью боевого состава фронтов и армий, а под Сталинградом это была уже оправдавшая себя на практике форма подготовки и ведения наступления. Определение и создание контрнаступательных группировок в обоих случаях осуществлялось путем усиления фронтов резервами Ставки ВГК. Только в первом случае силы фронтов наращивались в ходе всего контрнаступления, во втором — создание группировок в основном было закончено до начала операции.

К отличительным особенностям данных операций можно отнести то, что под Москвой основная задача войск фронтов заключалась в том, чтобы фронтальными ударами отбросить наиболее опасные фланговые группировки врага от столицы, замыслом же контрнаступления под Сталинградом предусматривалось после прорыва обороны противника на семи участках встречными ударами по сходящимся направлениям на Калач, Советский окружить его главные силы, расчленить их на части и уничтожить.

Планирование контрнаступления под Курском осуществлялось заранее, еще задолго до начала оборонительного сражения. Замысел контрнаступления заключался в том, чтобы после решения задач обороны завершить разгром ослабленных ударных группировок противника севернее и южнее Курска в двух стратегических контрнаступательных операциях на орловском и белгородско-харьковском направлениях.

Разработка плана контрнаступления на орловском направлении (операция «Кутузов»), к проведению которого привлекались силы левого крыла Западного, Брянского и правого крыла Центрального фронтов, осуществлялась одновременно с планированием и подготовкой оборонительной операции[275]. В основу плана контрнаступления была положена идея расчленения орловской группировки противника ударами фронтов по сходящимся направлениям с севера, востока и юга с последующим ее уничтожением по частям. Сосредоточение войск и боевой техники для проведения операции, другие подготовительные мероприятия осуществлялись заблаговременно.

План контрнаступательной операции на белгородско-харьковском направлении (кодовое название «Полководец Румянцев») окончательно был отработан в ходе завершения оборонительного сражения. Он состоял в том, чтобы, не проводя сложных перегруппировок, нанести по противнику мощный фронтальный удар смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новую Водолагу с целью рассечения его группировки на две изолированные части и последующего охвата и разгрома во взаимодействии с 57-й армией Юго-Западного фронта вражеских соединений в районе Харькова.

В последующем подготовка первых стратегических наступательных операций той или иной кампании проводилась, как правило, в период стратегических пауз, продолжавшихся от двух до четырех месяцев. Этого времени было достаточно, чтобы пополнить части и соединения людьми, боевой техникой, накопить материальные запасы, подготовить войска и штабы к предстоящим действиям, оборудовать исходные районы для наступления, всесторонне спланировать операцию и отработать все вопросы взаимодействия. Так, планирование Белорусской стратегической наступательной операции было осуществлено в период двухмесячной оперативной паузы (в апреле — мае 1944 г.), а стратегических наступательных операций военной кампании 1945 г. в Европе началось еще в ходе летне-осенней кампании 1944 г.

Главное внимание при планировании летне-осенней кампании 1944 г. советское командование уделяло подготовке Белорусской стратегической наступательной операции. План Белорусской операции под кодовым названием «Багратион» был утвержден Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным 30 мая 1944 г.[276] Целью операции являлось уничтожение

основных сил группы армий «Центр» и освобождение советской Белоруссии. В дальнейшем предполагалось разгромить подходящие резервы, выйти на рубеж Каунас — Белосток — Люблин и создать условия для проведения новых операций на этом стратегическом направлении и в Прибалтике. Основной особенностью плана операции являлось окружение крупных группировок войск противника с одновременным их расчленением и уничтожением.

Планирование стратегических наступательных операций в кампании 1945 г. в Европе также имело свои особенности. Главная из них заключалась в том, что завершение разгрома противника планировалось осуществить в кратчайшие сроки на всех важнейших направлениях одновременно. Главный удар намечался на Берлинском направлении.

К разработке планов стратегических наступательных операций Генеральный штаб приступал, как правило, в соответствии с указаниями Ставки ВГК. Руководствуясь этим указаниями, а также общей целью и планом кампании и исходя из всесторонней оценки условий обстановки, наличия людских и материальных ресурсов, Генеральный штаб определял цель и замысел операции, способы их ведения, намечал этапы той или иной операции и задачи привлекавшихся к ней фронтов[277]. Затем по заданию Ставки он ориентировал командующих войсками фронтов о замысле стратегической операции и задачах, которые им предстояло решать. В соответствии с этой ориентировкой командующие фронтами представляли в Генеральный штаб свои соображения по наиболее эффективному с их точки зрения использованию войск подчиненных объединений в операции, которые учитывались при окончательной отработке ее плана. Нередко в Ставке ВГК проводились совещания с участием командующих войсками фронтов, где обсуждались планы предстоящих действий. Такие совещания имели место при выработке планов Орловской, Белорусской, Ясско-Кишинёвской, Берлинской и ряда других операций[278].

В окончательном виде оперативная часть плана обычно оформлялась в Генеральном штабе на картах. В других планирующих документах находили отражение все вопросы, связанные с обеспечением фронтов резервами, вооружением, боевой техникой, транспортом, материальными средствами. Особое внимание уделялось вопросам планирования очередности подвоза фронтам всего необходимого для ведения операций. После завершения отработки планов в Генеральном штабе Ставка отдавала фронтам директивы (обычно за две-три недели до начала наступления), в которых указывались цель операции фронта, ближайшие и дальнейшие задачи войск и сроки их выполнения, количество, состав ударных группировок и направления их ударов, разграничительные линии между фронтами, а в отдельных случаях — оперативное построение войск, порядок использования подвижных объединений и соединений, плотность артиллерии на участках прорыва и прочее[279]. Одновременно ставились задачи дальней авиации, войскам ПВО, а на приморских направлениях и флоту, организовывалось взаимодействие между фронтами и стратегическими группировками, действовавшими на разных направлениях.

Вся остальная работа по планированию осуществлялась командованием и штабами фронтов. Практически это находило свое выражение в том, что каждым из фронтов в соответствии с полученной директивой разрабатывался конкретный план фронтовой операции, который затем утверждался Ставкой. Уточнение вопросов, возникавших при этом (относительно направлений главного и других ударов, оперативного построения, взаимодействия и прочего), осуществлялось обычно представителями Ставки ВГК, а также путем взаимной договоренности между командующими фронтами[280].

Иногда Генеральным штабом, особенно во второй половине Великой Отечественной войны, когда линия фронта стремительно отодвигалась на запад, а наступательные действия на различных его участках или подготовка к ним велись почти непрерывно, применялся и другой метод планирования стратегических операций. В этих случаях командующим войсками фронтов предписывалось представлять в Генеральный штаб собственные письменные соображения о планах операций (нередко военные советы фронтов представляли свои соображения о планах дальнейших действий и без предварительного указания Ставки), которые там тщательно изучались, докладывались Ставке, и если та в принципе соглашалась

с ними, то план корректировался, после чего Генеральный штаб распорядительным порядком увязывал действия фронтов и готовил для каждого из них соответствующие директивы.

В целом методы планирования стратегических операций, применявшиеся Генеральным штабом в годы войны, себя оправдали, в этой области деятельности им был накоплен уникальный опыт. К разработке планов операций Генеральный штаб, начиная с контрнаступления под Сталинградом, подходил неизменно творчески, всячески сторонясь шаблонов. Спланированные им стратегические операции характеризовались, как правило, большим пространственным размахом и высокой результативностью. Большинство из них планировалось и проводилось в полосах от 300 до 600 км, а в ряде операций второго и третьего периодов войны ширина полос наступления достигала от 600 до 1100 км[281]. Глубина продвижения войск в операциях колебалась от 100–250 до 300–600 км. По продолжительности стратегические наступательные операции были различными, занимая от 10 до 70 суток. Темпы наступления советских войск имели тенденцию к возрастанию: от 3–4 км в сутки в операциях 1941–1942 гг. до 20–25 км в операциях 1944–1945 гг.

В ходе важнейших стратегических наступательных операций нередко разгрому подвергались 50–90 и более дивизий противника. Особенно результативными были стратегические операции летне-осенних кампаний 1943–1944 гг., в ходе которых в общей сложности удалось разгромить соответственно 118 и 338 дивизий врага[282]. Ряд операций приводил к освобождению огромных территорий и выводу из войны целых государств. Так, разгром крупных сил противника в Ясско-Кишинёвской операции сыграл важнейшую роль в выводе из войны Румынии, Выборгско-Петрозаводская и Петсамо-Киркенесская операции способствовали выводу из войны Финляндии, а Будапештская стратегическая операция — Венгрии.

Важнейшей особенностью планирования стратегических наступательных операций было определение способов разгрома противника, которые избирались Ставкой ВГК и Генеральным штабом в зависимости от целей каждой конкретной операции и условий обстановки — соотношения сил, характера ТВД, построения вражеской обороны, начертания линии фронта[283]. Наиболее характерными способами ведения, определяемыми при планировании операций, являлись: нанесение ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения крупных группировок противника (планирование Сталинградской, Ясско-Кишинёвской и других операций); нанесение мощного удара с целью рассечения противостоящей вражеской группировки и разгрома ее по частям (Белгородско-Харьковская, Висло-Одерская операции); нанесение дробящих ударов на широком фронте с развитием их в глубину и в стороны флангов (Орловская, Смоленская операции). В некоторых крупных операциях имело место сочетание названных способов разгрома группировок противника (Белорусская операция). При ведении стратегических операций на приморских направлениях применялся способ нанесения охватывающего удара с целью отсечения и прижатия к морю крупной группировки неприятеля с последующим ее уничтожением или блокадой совместно с флотом (Прибалтийская, Восточно-Прусская операции).

Особое внимание при планировании и ведении наступательных операций уделялось способу разгрома крупных группировок противника путем их окружения и уничтожения, дающим особенно эффективные оперативные и стратегические результаты. К проведению стратегических наступательных операций на окружение Ставка ВГК чаще всего привлекала группу фронтов (от двух до четырех) и только одна — Львовско-Сандомирская операция проводилась силами одного (1-го Украинского) фронта. Всего в годы войны было спланировано и проведено десять стратегических операций на окружение. Кроме того, в ходе стратегического наступления было проведено значительное количество самостоятельных фронтовых операций (Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская и другие), в которых окружались крупные группировки противника. Всего же на советско-германском фронте путем окружения было разгромлено более 200 соединений немецко-фашистских войск[284].

При планировании операций выбирались разнообразные способы окружения крупных группировок противника в зависимости от его состава и характера действий, конфигурации линии фронта, наличия своих сил и средств и других факторов. Наиболее часто окружение

осуществлялось нанесением по флангам обороняющейся вражеской группировки двух мощных ударов по сходящимся направлениям. Такой способ применялся в том случае, когда советские войска глубоко охватывали группировку противника, которая была достаточно компактной, а местность на ее флангах позволяла эффективно использовать все рода войск, особенно бронетанковые и механизированные. Примерами планирования и применения такого способа окружения являются Сталинградская, Ясско-Кишинёвская, Будапештская, Пражская операции, когда удары наносились под основание образовавшихся в линии фронта выступов, по наиболее уязвимым местам в обороне противника. Так, в Сталинградской операции Юго-Западный и Сталинградский фронты нанесли главные удары по участкам, где оборонялись румынские войска, уступавшие в боеспособности немецким.

В тех случаях, когда начертание линии фронта не позволяло наносить встречные удары, а основные силы неприятеля были рассредоточены в тактической зоне обороны и ближайшей оперативной глубине, окружение планировалось и осуществлялось другим способом — нанесением нескольких фронтальных ударов, развитием их в оперативную глубину с последующим выходом на фланги и в тыл противостоящей группировки. Так осуществлялось окружение в Белорусской, Львовско-Сандомирской и Берлинской операциях. Характерной особенностью Белорусской операции было то, что разгром противника осуществлялся путем дробления стратегического фронта в сочетании с окружением и уничтожением группировок противника на различной глубине. Первоначально в тактической и ближайшей оперативной глубине были окружены и уничтожены его фланговые группировки (в районах Витебска и Бобруйска), а после их разгрома созданы благоприятные условия для развития наступления 3-го и 1-го Белорусских фронтов по сходящимся направлениям на Минск и окружения совместно со 2-м Белорусским фронтом основных сил 4-й армии противника на удалении 200 км от исходного положения войск фронтов[285].

При наличии в тылу группировки противника труднопреодолимой для войск преграды (например, море) при планировании избирался еще один способ окружения — нанесение одного мощного удара с последующим охватом группировки, прижатием ее к этой преграде и изоляцией от основных сил, действовавших на данном направлении. Наиболее показательно применение этого способа в Прибалтийской и Восточно-Прусской операциях. Например, в Восточно-Прусской операции 2-й Белорусский фронт нанес глубокий охватывающий удар по правому крылу группы армий «Центр», в результате чего были отрезаны пути отступления группировки противника на запад, а во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом ее основные силы (около 32 дивизий) были рассечены на три изолированные части и прижаты к Балтийскому морю.

Одной из сложных проблем планирования и ведения операций на окружение являлось уничтожение окруженных группировок. При этом ликвидация окруженных войск планировалась и осуществлялась в различных условиях обстановки. В случаях, когда окруженная группировка сохраняла целостность, а противник предпринимал решительные меры по ее деблокированию, она уничтожалась либо после отражения контрударов на внешнем фронте окружения (Сталинградская операция), либо одновременно с отражением контрударов (Будапештская операция). Боевые действия по разгрому окруженного противника были продолжительными по времени, требовали значительных перегруппировок войск и ввода в сражение резервов ВГК. Основным способом разгрома таких группировок было расчленение их путем нанесения ударов с нескольких направлений и уничтожение по частям. Например, в Сталинградской операции ликвидация окруженной группировки была завершена лишь после устранения угрозы ее деблокирования[286]. В отличие от Сталинградской, в Будапештской операции не было паузы между завершением окружения и началом уничтожения противника. Одновременно с отражением сильных контрударов на внешнем фронте осуществлялась и ликвидация вражеской группировки. В ряде операций 1944—1945 гг. советским войскам удавалось дробить группировки противника на части еще в ходе окружения (Белорусская, Ясско-Кишинёвская, Берлинская операции). В результате сроки операций существенно сокращались, их рассечение и последующее уничтожение превращались в единый и неразрывный процесс.

Наряду с окружением для разгрома противника в стратегических наступательных операциях планировался и применялся способ нанесения мощного удара с целью рассечения противостоящей вражеской группировки и разгрома ее по частям[287]. Способ рассекающих ударов применялся в тех случаях, когда имелось значительное превосходство в силах и средствах, а местность позволяла использовать крупные массы танков. Основным достоинством данного способа являлись высокие темпы наступления и быстрый выход войск на запланированные рубежи в оперативно-стратегической глубине обороны противника. В результате мощных первоначальных ударов на нескольких направлениях образовывались крупные бреши в обороне неприятеля, его группировки рассекались на части, что облегчало уничтожение изолированных и утративших между собой оперативную связь отдельных группировок войск противника. Рассечение группировок противника в целом успешно было спланировано и применено в Белгородско-Харьковской, Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской наступательных операциях.

Например, в Белгородско-Харьковской операции рассекающий удар был спланирован и нанесен смежными флангами Воронежского и Степного фронтов. Их войска перешли в контрнаступление, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, но еще не успел создать достаточно прочной обороны. Для сокращения сроков подготовки операции и исключения значительных перегруппировок главный удар наносился по сильному месту в обороне врага. Мощный удар двух фронтов привел к рассечению его группировки, оборонявшей белгородско-харьковский выступ, на две изолированные части и последующему ее разгрому.

В замысле Висло-Одерской операции определялось мощными фронтальными ударами войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов с плацдармов на Висле на Познань и Бреслау соответственно рассечь и уничтожить по частям основные силы группы армий «А», завершить освобождение Польши и создать благоприятные условия для нанесения завершающего удара на Берлин[288]. В ходе операции была подтверждена высокая эффективность способа разгрома оперативно-стратегической группировки противника — рассечение с последующим уничтожением по частям.

Высокие результаты давал еще один способ — нанесение дробящих ударов на широком фронте с развитием их в глубину и в стороны флангов. Чаще всего он планировался и применялся тогда, когда враг занимал прочную оборону на широком фронте, конфигурация линии фронта не позволяла осуществить нанесение фланговых ударов на окружение, а соотношение сил и условия местности не обеспечивали нанесение сильных рассекающих ударов. В таких условиях наносился ряд мощных ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием их в глубину по параллельным или сходящимся направлениям. В результате фронт обороны противника дробился на части, чем достигалось его расшатывание и создание благоприятных условий для дальнейшего наступления и расширения отдельных вклинений в сторону флангов до слияния их в общий прорыв. Применение этого способа, во-первых, позволяло скрытно провести подготовку операции, а во-вторых, затрудняло вражескому командованию вскрытие ее замысла и осуществление маневра силами и средствами вдоль фронта. Примерами применения такого способа разгрома группировок противника могут служить Орловская, Смоленская, Нижне-Днепровская и другие наступательные операции.

Что касается сочетания способов разгрома вражеских группировок, то наиболее характерным примером в этом отношении является планирование и проведение Белорусской операции. Спланированный войсками четырех фронтов одновременный прорыв вражеской обороны был осуществлен на шести далеко отстоящих друг от друга участках, что привело к дроблению группировки противника на части и не позволило ему перебрасывать крупные силы с одного направления на другое. В последующем войска фронтов осуществили окружение и уничтожение группировок противника: сначала в тактической зоне и ближайшей оперативной глубине — в районе Витебска и Бобруйска соответственно, а затем на большой глубине — на удалении 200 км, восточнее Минска[289].

При планировании стратегических наступательных операций важное внимание уделялось определению стратегических группировок войск и сил. Для проведения операций планировалось привлечение группировок войск и сил в составе от двух до пяти фронтов, авиации дальнего действия, войск ПВО страны, озерных и речных флотилий, а на приморских направлениях и флотов. Группировки для проведения операций создавались в соответствии с избранными способами разгрома противника. Так, в операциях на окружение, в зависимости от способа, создавались две или одна ударные группировки в тех фронтах, которые должны были играть ведущую роль (например, в Сталинградской операции — в Юго-Западном и Сталинградском фронтах). В операциях на рассечение или дробление также создавалось несколько ударных группировок. Так, в Висло-Одерской операции были созданы четыре группировки: три — для нанесения ударов с плацдармов на западном берегу Вислы (Сандомирского, Магнушевского и Пулавского) и одна — для нанесения удара севернее Варшавы.

В целом стратегическое планирование в годы войны играло важную роль в подготовке и применении вооруженных сил, обеспечении эффективного руководства советскими войсками. Важнейшим достижением развития системы стратегического планирования явился переход от решения Ставкой ВГК и Генеральным штабом отдельных неотложных стратегических задач распорядительным порядком к заблаговременному планированию военных кампаний и стратегических операций. В годы войны постепенно сложилась достаточно стройная система подготовки и принятия стратегических решений, были выработаны и освоены методы стратегического планирования, разработки замыслов и планов военных кампаний и стратегических операций.

Непременным элементом планирования как оборонительных, так и наступательных стратегических операций являлась постановка задач партизанским соединениям, отрядам, действующим в полосах привлекаемых к операции фронтов. Задачи партизанским силам ставились Ставкой ВГК через Центральный штаб партизанского движения, а поддержание взаимодействия осуществлялось штабом фронта.

За годы войны система стратегического планирования претерпела значительные изменения и стала довольно эффективной. Как отмечал маршал Г. К. Жуков, Ставка ВГК «видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство... она лучше противника понимала и конкретную обстановку, определяющую ход событий на фронтах... Наша Ставка отчетливо представляла себе вероятные действия немецко-фашистского командования, принимала меры, чтобы разрушить его намерения и добиться своей цели. Все это вместе взятое и обеспечило высокую действенность нашего военного планирования»[290].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Генеральный штаб Красной армии как основной рабочий орган Ставки ВГК успешно справлялся с возложенными на него задачами. Его структура, функции, формы и методы работы непрерывно совершенствовались в целях максимального соответствия требованиям войны и обеспечения эффективной работы Ставки Верховного главнокомандования. Наряду с решением вопросов оперативно-стратегического использования вооруженных сил он осуществлял общее руководство их строительством, материально-техническим обеспечением, воинскими перевозками, перегруппировками войск, сил и средств как на ТВД, так и между ними. К решению возложенных на него задач Генеральный штаб подходил творчески, тесно увязывая их с практикой ведения военных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 31.

[2] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 914. Д. 1. Л. 205–334.

[3] *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников // Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. М., 1983. С. 114.

[4] Там же. С. 114–115.

[5] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 98.

[6] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. В 10-ти т. Т. 1. М., 2008. С. 35.

[7] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 98.

[8] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 85. Л. 1–3.

[9] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243; ЦАМО. Ф. 7. Оп. 69. Д. 1. Л. 2–4.

[10] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 275.

[11] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 500–502.

[12] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 1–4.

[13] Там же. Ф. 19. Оп. 1078. Д. 2. Л. 14–19.

[14] Там же.

[15] *Хохлов В. С.* От шахтера до наркома и маршала. М., 2010. С. 638.

[16] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 83.

[17] *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников // Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. С. 132.

[18] В состав группы вошли полковник И. А. Большаков, подполковник Л. С. Эпштейн, военинженер 2 ранга К. Леонтьев, капитан М. Полякова, лейтенант В. Бочкарёв и другие офицеры // *Лота В. И.* «Тайфун»: верность прогноза // Красная звезда. 2011. 2–8 ноября. С. 9.

[19] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 41.

[20] ЦАМО. Ф. 19. Оп. 1078. Д. 2. Л. 34–36.

[21] Там же. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 49–51.

[22] Там же. Д. 2. Л. 71–82, 265–270, 310–311.

[23] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 127.

[24] Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006. С. 217.

[25] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 53.

[26] Там же. С. 112.

[27] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 541.

[28] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 246.

[29] Там же. Л. 244–250.

[30] Там же. Л. 218.

[31] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). М., 1997. С. 124–125.

[32] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 73. Д. 4. Л. 91.

[33] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 50.

[34] Генеральный штаб Российской армии: история и современность. С. 216–217.

[35] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 50.

[36] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 113. Д. 59. Л. 15.

[37] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 348.

[38] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 340. Д. 3. Л. 118–124.

[39] Там же. Ф. 16. Оп. 1026. Д. 1. Л. 40.

[40] Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 29. Л. 401–405.

[41] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 206.

[42] Там же. С. 315.

[43] Там же. С. 262.

[44] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 2–4.

[45] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–25.

[46] Там же. Л. 1.

[47] ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 31.

[48] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 380–381.

[49] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 138.

[50] ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 587. Д. 1. Л. 169; Ф. 16а. Оп. 1024. Д. 2. Л. 171–174.

[51] Там же. Ф. 7а. Оп. 587. Д. 1. Л. 204; Оп. 66. Д. 1. Л. 262; Ф. 19а. Оп. 1078. Д. 2. Л. 22–24.

[52] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 87.

[53] ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 139. Д. 6. Л. 235.

[54] Там же. Оп. 66. Д. 2. Л. 15, 102.

[55] Там же. Оп. 587. Д. 2. Л. 70–73, 76–77, 92–93, 122.

[56] Цит. по: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 139.

[57] ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 599. Д. 5. Л. 23.

[58] *Броневский С. С.* Об оперпункте Генерального штаба на ленинградском направлении (октябрь — ноябрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 42–46.

[59] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1099. Д. 10. Л. 79–81; Д. 1. Л. 83–87; Оп. 1133. Д. 18. Л. 118–119, 122–125.

[60] Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 985. Л. 33–49.

[61] Там же. Ф. 19а. Оп. 599. Д. 5. Л. 24.

[62] Там же. Л. 24–26.

[63] Там же. Л. 92–94.

[64] Там же. Ф. 7а. Оп. 66. Д. 2. Л. 90.

[65] Там же. Оп. 588. Д. 1. Л. 1–4.

[66] Там же. Оп. 68. Д. 6. Л. 42, 54.

[67] Там же. Л. 39.

[68] Там же. Оп. 588. Д. 1. Л. 177.

[69] Там же. Л. 59–60, 141–153, 271–272.

[70] Там же. Ф. 19а. Оп. 279. Д. 5. Л. 46–54.

[71] Там же. Л. 46.

[72] *Василевский А. М.* Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 4.

[73] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 1–10; Ф. 48а. Оп. 1111. Д. 17; Оп. 1103. Д. 4–5; Оп. 1122. Д. 3.

[74] Там же. Ф. 7а. Оп. 68. Д. 12. Л. 99–100.

[75] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 318–320.

[76] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 68. Д. 12. Л. 99–100.

[77] Там же. Оп. 1045. Д. 21. Л. 103, 111, 113.

[78] Там же. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 34. Л. 316.

[79] Там же. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 22. Л. 13.

[80] Там же. Л. 230–234.

[81] Там же. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 16. Л. 1–10.
[82] Там же. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 1. Л. 256.
[83] Там же. Д. 2. Л. 3.
[84] Там же. Оп. 33. Д. 8. Л. 97; Оп. 68. Д. 12. Л. 213.
[85] Там же. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 17. Л. 82.
[86] Там же. Л. 132, 136, 138, 144–147.
[87] Там же. Д. 2. Л. 77–87.
[88] Там же. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 3. Л. 17, 36; Оп. 589. Д. 1. Л. 86, 98.
[89] Там же. Оп. 588. Д. 3. Л. 18; Оп. 589. Д. 1. Л. 55–56, 118.
[90] Там же. Оп. 588. Д. 3. Л. 12, 64, 72.
[91] *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (К 80-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 62–63.
[92] ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 35. Д. 1–3, 13; Оп. 589. Д. 1.
[93] Там же. Ф. 16а. Оп. 1046. Д. 13. Л. 103–106.
[94] Там же. Д. 25. Л. 56–57.
[95] Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 118–120.
[96] В момент реорганизации Группы офицеров в Корпус в ней было 199 человек (ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 70. Д. 7. Л. 65).
[97] ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 73. Д. 4. Л. 91.
[98] Там же. Л. 110, 114–116.
[99] *Куликов И. Н.* Офицеры — представители Генерального штаба в оборонительном сражении под Курском // Военно-исторический журнал. 1976. № 8. С. 79–84.
[100] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1691. Д. 16. Л. 427.
[101] Там же. Ф. 16а. Оп. 934. Д. 7. Л. 189.
[102] Там же. Оп. 1405. Д. 1. Л. 1–6.
[103] Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 1. Л. 49–53; Ф. 16а. Оп. 1405. Д. 1. Л. 1–6.
[104] Там же. Ф. 7а. Оп. 73. Д. 4. Л. 67–86; Оп. 74. Д. 1. Л. 137–156.
[105] Так в тексте. Имеется в виду — гордовского.
[106] Там же. Ф. 16а. Оп. 948. Д. 23. Л. 139–143.
[107] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 439.
[108] Военно-исторический журнал. 1971. № 9. С. 58–59; *Салтыков Н. Д.* Докладываю в Генеральный штаб. М., 1983. С. 239–240.
[109] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 397–398.
[110] Там же. Ф. 7а. Оп. 226. Д. 2. Л. 27–38.
[111] Там же. Оп. 958. Д. 1. Л. 39, 50.
[112] Там же. Д. 1–3; Оп. 1822. Д. 2–3.
[113] В это число входили руководящий состав Группы офицеров Генштаба, включая должности помощников начальника группы, и офицеры Генштаба при штабах объединений и соединений.
[114] ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 3; Оп. 589. Д. 1–2; Оп. 590. Д. 1–2.
[115] Там же. Оп. 72. Д. 4; Оп. 73. Д. 5–6; Оп. 74. Д. 4–5; Оп. 140. Д. 9–10; Оп. 226. Д. 9–10; Ф. 33. Оп. 717037. Д. 4333–4334.
[116] *Хлобустов О.* Госбезопасность России от Александра I до Путина. М., 2007. С. 213.
[117] Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 111–115.
[118] *Павлов А. Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 51–52.
[119] *Кондрашов В. В.* Знать всё о противнике. М., 2010. С. 28.
[120] Там же.
[121] Там же. С. 33.
[122] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–208.
[123] Там же.
[124] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 16.

[125] Там же.
[126] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12972. Д. 10. Л. 70–75.
[127] Там же. Оп. 6567. Д. 3. Л. 183–188.
[128] Там же. Д. 2. Л. 53–60.
[129] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 55.
[130] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 3.
[131] Fall Barbarossa. Berlin, 1970. S. 151–155.
[132] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 29–31.
[133] Fall Barbarossa. S. 151–155.
[134] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21.
[135] Там же. Л. 21.
[136] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 140–152.
[137] Там же. Л. 194.
[138] Там же. Оп. 7273. Д. 2. Л. 88–91.
[139] Там же. Оп. 7439. Д. 3. Л. 115–119.
[140] Там же. Л. 43–46.
[141] Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 42–47.
[142] Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84–85.
[143] Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 110–116.
[144] Там же. Оп. 7273. Д. 2. Л. 89–91.
[145] Там же. Оп. 11610. Д. 19. Л. 1–9.
[146] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 135.
[147] *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 506–507; *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1941. М., 2007. С. 339.
[148] Военная разведка в битве за Москву. М., 2005. С. 23.
[149] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4487. Д. 4. Л. 32–34.
[150] *Бочкарёв В. В.* 60 лет в ГРУ. М., 2003. С. 50–51; *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5; *Никольский В.* Аквариум-2. М., 1987. С 49–59.
[151] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 43.
[152] Там же. Л. 43–45.
[153] Там же.
[154] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 114.
[155] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 393.
[156] Там же.
[157] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 73–74.
[158] Там же.
[159] Генеральный штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1947. Т. 5.
[160] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 264.
[161] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 205.
[162] *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1942. М., 2009. С. 284.
[163] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 532–533.
[164] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 347–348.
[165] Там же.
[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 199.
[169] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 304–308.
[170] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 163–166.
[171] Там же.
[172] Там же.
[173] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. М., 2006. С. 142.

[174] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 163–166.
[175] Там же. Л. 167–170.
[176] Там же. Л. 163–166.
[177] Там же. Л. 171.
[178] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 7–11.
[179] Там же. Л. 19.
[180] Там же. Оп. 7362. Д. 3. Л. 258–259.
[181] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 124. Л. 175–183.
[182] Там же.
[183] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 7–11.
[184] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 332.
[185] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том 20 (9). М., 1998. С. 312–313.
[186] Книга памяти. Назовем поименно. Сб. Т. 22. Калининград, 2009. С. 6.
[187] *Михайлов В. Н., Беляев И. А. и др.* Атомная отрасль России. М., 1998. С. 46.
[188] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. М., 2009. С. 261.
[189] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 267.
[190] Генерал-майор Н. В. Славин вместе с военным дипломатом, заместителем начальника Разведуправления Главного морского штаба контр-адмиралом К. К. Родионовым участвовал в работе советской делегации во главе с послом СССР в США А. А. Громыко на международной конференции 1944 г. в Думбартон-Оксе (США) и как член Подкомитета военных представителей конференции в разработке проекта Устава ООН. Был включен в состав делегации СССР на учредительную Сан-Францисскую конференцию 1945 г., принявшую Устав ООН. Н. В. Славин, в ту пору уже генерал-лейтенант, входил также в состав военной делегации во главе с маршалом Г. К. Жуковым на Потсдамской 1945 г. конференции руководителей трех союзных держав.
[191] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 110.
[192] Документы внешней политики. 2 января — 30 декабря 1942. Т. XXV. Кн. 1. М., 2010. С. 392.
[193] *Харламов Н. Г.* Трудная миссия. М., 1983. С. 213–214.
[194] *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 742–743.
[195] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 2. М., 1985. С. 401.
[196] Там же. С. 408.
[197] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: дела и люди. СПб., 2003. С. 403.
[198] Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 116.
[199] *Винокуров В. И.* История военной дипломатии. В 4-х т. Т. 2. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. М., 2010. С. 291.
[200] *Харламов Н. Г.* Указ. соч. С. 23.
[201] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. С. 123.
[202] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1958. С. 19, 21–22.
[203] NAUS. Papers and Minutes of Meetings of Principal World War II: Allied Military aces. Microfilm Publication № 995. Roll I. P. 155.
[204] История дипломатии. В 5-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 552.
[205] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х Кн. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 213.
[206] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 288. Л. 5–9.
[207] Там же.
[208] *Паперно А. Л.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998. С. 10.
[209] *Заостровцев Г. А.* Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. С. 27.
[210] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 45.

[211] Там же. С. 41.

[212] Советско-американские отношения. 1939–1945. Документы. М., 2004. С. 252–253.

[213] *Барятинский М.* Ленд-лиз: маршруты, объемы и долг // ВПК — Военно-промышленный курьер. 2011. 2–8 марта.

[214] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х т. М., 1962. Т. 3. С. 445; Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1993. С. 198.

[215] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 534.

[216] Военное искусство во Второй мировой войне (стратегия и оперативное искусство). М., 1993. С. 194.

[217] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 670.

[218] Там же. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 650–651.

[219] ЦАМО. Ф. 16а. Оп 1072. Д. 49. Л. 408–411, 594–603.

[220] Там же. Оп. 1032. Д. 21. Л. 16–32.

[221] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 204.

[222] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1032. Д. 21. Л. 16–32.

[223] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 205.

[224] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 302.

[225] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. В 4-х т. Т. 1. М., 1958. С. 168.

[226] Там же. С. 606–608.

[227] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 445.

[228] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 158.

[229] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 947. Д. 36. Л. 70–72, 74.

[230] Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 70–72.

[231] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 181.

[232] ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 269. Л. 14–20.

[233] Там же. Ф. 16а. Оп. 936. Д. 75. Л. 132–137.

[234] Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 1–2.

[235] Там же. Ф. 213. Оп. 2066. Д. 14. Л. 38.

[236] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1035. Л. 63–64.

[237] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С 20.

[238] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmacht-fuhrungsstab). 1940–1945. Bd. 1. Frankfurt a/M. 1963. S. 303.

[239] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 263.

[240] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.

[241] Там же. Д. 42. Л. 6–7; Ф. 213. Оп. 2022. Д. 69. Л. 141–144.

[242] Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 8. Л. 72–78.

[243] Там же. Ф. 251. Оп. 646. Д. 147. Л. 1–4.

[244] Там же. Ф. 209. Оп. 1185. Д. 1. Л. 21–24.

[245] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 254–255.

[246] ЦАМО. Ф. 81. Оп. 103988. Д. 2. Л. 112–116.

[247] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 15.

[248] Там же. С. 254–255.

[249] История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 305.

[250] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 19179. Д. 9. Л. 223.

[251] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 199.

[252] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11558. Д. 6. Л. 9–10.

[253] Там же. Ф. 251. Оп. 648. Д. 269. Л. 14–20.

[254] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 42. Л. 1–5.

[255] Там же. Ф. 204. Оп. 93. Д. 7. Л. 24, 103, 163, 244.

[256] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 368–369.

[257] Там же. С. 422.
[258] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1691. Д. 233. Л. 283–287; *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 13–15.
[259] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. С. 531.
[260] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 330.
[261] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. С. 661.
[262] Советский Союз на международных конференциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 173.
[263] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. М., 2012. С. 19.
[264] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 192.
[265] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 202.
[266] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
[267] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. М., 1993. С. 206.
[268] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
[269] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 274–276, 279–280.
[270] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. С. 798–801.
[271] Там же. Т. 3. С. 28.
[272] Там же. С. 48.
[273] Там же. С. 544.
[274] *Павленко Н. Г.* Полководец за «круглым столом» // Маршал Жуков: полководец и человек: Сб. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 151–152, 154.
[275] История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 7. М., 1976. С. 117–118.
[276] ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 258–261.
[277] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 445.
[278] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 347, 471.
[279] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 446.
[280] ЦАМО. Ф. 18а. Оп. 3409. Д. 27. Л. 104.
[281] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
[282] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 7. С. 278; Т. 9. М., 1978. С. 531.
[283] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 671.
[284] Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 6. М., 1978. С. 37.
[285] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 673.
[286] Там же. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. С. 383.
[287] Там же. С. 662.
[288] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. М., 1968. С. 224, 229.
[289] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 673.
[290] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 93.

НАРКОМАТЫ ОБОРОНЫ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Развитие системы органов военного управления родами войск и служб Наркомата обороны

В связи с непосредственной угрозой нападения Германии и ее сателлитов на Советский Союз была проведена коренная перестройка системы управления Вооруженными силами СССР путем увеличения их численного и боевого состава, а также усложнения и расширения объема задач по руководству войсками в 1939–1941 гг.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. обнажила многие слабые стороны подготовки Красной армии к войне, в том числе и в управлении войсками. «Существующая громоздкая организация центрального аппарата, — отмечалось в Акте о приеме Народного комиссариата обороны, — при недостаточно четком распределении функций между управлениями не обеспечивает успешное и быстрое выполнение задач, возлагаемых на Наркомат обороны, по-новому поставленных современной войной. Эти недостатки в руководстве и подготовке войск при наличии молодых и недостаточно опытных кадров привели к отставанию в ряде вопросов подготовки армии к войне»[1].

На повестку дня был поставлен вопрос о необходимости срочной реорганизации управленческого аппарата Народного комиссариата обороны и прежде всего Генерального штаба Красной армии, главных и центральных управлений НКО. С изданием приказов НКО № 0037 от 26 июля 1940 г. «О структуре Наркомата обороны» и № 0038 «О составе Генерального штаба Красной армии»[2] началась реорганизация центрального аппарата, окружного и армейского звеньев управления войсками, которая так и не завершилась к 22 июня 1941 г.

Высшими органами военного управления являлись Генеральный штаб Красной армии и управления. В целях эффективного оперативно-стратегического руководства войсками в составе НКО были образованы шесть главных управлений Красной армии: политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковых войск, военно-

инженерное и интендантское, а также 11 управлений Красной армии: боевой подготовки, противовоздушной обороны (ПВО), связи, военно-химической защиты, снабжения горючим, высших военно-учебных заведений, военно-учебных заведений, кадров, санитарное, ветеринарное, управление делами при народном комиссаре обороны[3].

В течение следующего года структура НКО подверглась изменениям — управление ПВО приказом НКО № 0367 от 27 декабря 1940 г. было преобразовано в Главное управление противовоздушной обороны Красной армии[4]. 13 февраля 1941 г. приказом НКО № 0011 при Народном комиссариате обороны было сформировано 3-е управление, на которое возлагались задачи борьбы «с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии; выявление и информирование командования соединений и частей Красной армии о всех недочетах в состоянии частей армии и о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих Красной армии»[5]. С изменением организационной структуры центральных органов НКО приказом № 0184 от 13 августа 1940 г. были реорганизованы управления военных округов, структура которых строилась по аналогии с центральным органам, но штатная численность личного состава для каждого округа была своя[6].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 марта 1941 г. общее руководство Красной армией народный комиссар обороны осуществлял через непосредственных заместителей, Генеральный штаб и систему главных и центральных управлений Красной армии. Все управления НКО согласно приказу № 0113 от 15 марта 1941 г. распределялись между заместителями народного комиссара обороны[7]. Однако опыт войны показал, что такой порядок подчинения неприемлем, так как начальники главных управлений в период войны сами были в ранге заместителей наркома обороны по своему роду войск. Основными рабочими органами по боевому применению родов войск Красной армии стали военные советы и штабы главных управлений, которые при выполнении своих функций тесно взаимодействовали с Генеральным штабом и другими управлениями Наркомата обороны, ибо от этого зависел успех их работы и деятельность Ставки Главного командования[8] как главного органа управления Вооруженными силами Советского Союза.

Важнейшим направлением работы с начала войны всех органов руководства государства и Народного комиссариата обороны СССР было стратегическое развертывание вооруженных сил, усиление их боевой мощи, создание новых воинских формирований. Необходимо было непрерывно наращивать силы действующей армии.

В первые дни войны главным органом руководства по формированию и укомплектованию войск являлась Ставка Главного командования. Ее основным рабочим органом стал Генеральный штаб с его Мобилизационным управлением и Управлением укомплектования. Отмобилизовать войска первого стратегического эшелона практически не удалось, что имело негативные последствия. Да и у органов руководства отсутствовал реальный план стратегического развертывания вооруженных сил в обстановке столь мощного, стремительного наступления вермахта. Тем не менее людские ресурсы СССР дали возможность наращивать силы Красной армии. К 1 июля 1941 г. более 5 млн человек были призваны в вооруженные силы. Ежемесячно действующая армия получала не менее 500 тыс. человек маршевого пополнения[9].

Первые 13 стрелковых дивизий начали формировать по решению СГК директивами начальника Генерального штаба от 27 и 28 июня 1941 г., однако к установленным срокам подготовить и отправить их на фронт не удалось из-за трудностей с укомплектованием личным составом и особенно в связи с нехваткой вооружения и материальных средств. Формирование 10 стрелковых и пяти моторизованных дивизий директивой Ставки от 30 июня 1941 г. было возложено на наркома внутренних дел СССР. Ответственным за формирование стрелковых дивизий 30-го и 33-го корпусов постановлением ГКО № 32 от 6 июля 1941 г. был назначен начальник Управления кадров Красной армии армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко[10].

Для оперативного решения этой важной проблемы при Наркомате обороны постановлением ГКО № 97 от 11 июля 1941 г. была создана специальная группа по формированию

новых стрелковых и танковых дивизий, противотанковых и других артиллерийских полков, в которую входили Маршалы Советского Союза Г. И. Кулик (начальник группы), Б. М. Шапошников и генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко[11]. Первый опыт формирования новых соединений Красной армии и подготовки маршевого пополнения для действующей армии показал необходимость внесения существенных корректив прежде всего в руководство процессом подготовки резервов. Формирование новых соединений импровизированными командами не способствовало решению проблемы.

Государственный Комитет Обороны выразил неудовлетворение деятельностью Генерального штаба и его руководства. Постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. «Об улучшении работы Генерального штаба Красной армии и центральных управлений Народного комиссариата обороны» функции мобилизации и формирования резервов, а также организации войск с Генерального штаба были сняты[12]. Произошла и смена начальников Генерального штаба: постановлением ГКО от 29 июля 1941 г. вместо генерала армии Г. К. Жукова был назначен заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников[13].

Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). В целях улучшения формирования и укомплектования войск приказом НКО от 29 июля 1941 г. было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии. Оно являлось центральным органом Наркомата обороны и подчинялось непосредственно наркому обороны. Возглавил это управление заместитель народного комиссара обороны Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, а его заместителем стал армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко[14]. Органы формирования и укомплектования войск были созданы в Военно-воздушных силах, артиллерии, автобронетанковых войсках и специальных родах войск и служб.

На Главупраформ возлагались следующие задачи: разработка мероприятий по развитию Красной армии; формирование войсковых частей; укомплектование Красной армии военнообязанными младшего начальствующего и рядового состава, конским составом, обозом, упряжью и мехтранспортом из народного хозяйства; руководство запасными и караульными частями Красной армии и организация отправки пополнения в действующую армию; руководство боевой подготовкой пехотных и воздушно-десантных частей; определение потребности вооружения, боевой техники и материально-технических средств на новые формирования, запасные части и маршевые пополнения.

В целях активизации руководства Главупраформа постановлениями ГКО «О помощи Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии» уполномоченными ГКО для участия в работе управления были назначены Л. П. Берия и Г. М. Маленков[15]. Первыми результатами их работы стало постановление ГКО № 411 об освобождении от должности Г. И. Кулика «ввиду неудовлетворительности его работы на этом посту» и назначение начальником Главупраформа — заместителем наркома обороны армейского комиссара 1 ранга (с декабря 1942 г. — генерал-полковник) Е. А. Щаденко[16]. Заместителем начальника Главупраформа был назначен генерал-майор Г. Я. Беляков.

Новым «Положением о Главном управлении формирования и укомплектования войск Красной армии», утвержденным И. В. Сталиным 9 августа 1941 г., задачи и состав управления были значительно расширены. На него возлагались обязанности по по формированию не только частей всех родов войск, но и соединений (кроме авиационных, бронетанковых, мотоциклетных и моторизованных)[17]. Структура Главупраформа включала управления: организационно-штатное (генерал Н. И. Четвериков), укомплектования и службы войск (генерал Н. Л. Никитин), по формированию частей Красной армии (полковник Ф. И. Вахитов), запасных и караульных частей (генерал С. Н. Красильников), а также отдел вооружения и снабжения. Вводились новые отделы: инспектирования формирований, политический, учета персональных потерь и бюро писем[18].

Приказом НКО от 20 августа 1941 г. уточнялись функции Главупраформа по формированию частей и соединений и порядок сдачи их фронтам и армиям[19]. Наивысший темп формирования был достигнут в летне-осенней кампании 1941 г., когда ежемесячно созда-

валось 70 расчетных стрелковых дивизий и, кроме того, в составе маршевых подразделений (рот, батальонов) отправлялись в действующую армию свыше 300–350 тыс. человек. С июля по декабрь 1941 г. было вновь сформировано или переформировано из соединений других родов войск 308 стрелковых дивизий, в том числе 24 дивизии народного ополчения. В действующую армию были направлены 2246 тыс. человек маршевого пополнения[20]. Ввиду сложности и длительности формирования дивизий, осенью 1941 г. стали создаваться стрелковые бригады, которых к концу декабря насчитывалось 159, отдельные стрелковые полки, лыжные батальоны. Это была вынужденная, временная мера.

В развитие «Положения о Главупраформе» ГКО 13 августа 1941 г. принял постановление «О запасных частях и маршевых батальонах». В нем от начальника Главупраформа требовалось «соблюдать, как минимум, полутора-двухмесячный срок обучения для необученных контингентов, а для младшего комсостава, как минимум, трехмесячный срок обучения»[21]. Реально эти сроки не выполнялись, и в результате пополнение поступало слабо подготовленным, что вызывало нарекания со стороны командования действующей армии. В соответствии с планом по развертыванию запасных частей и формированию маршевых батальонов требовалось до 31 декабря 1941 г. сформировать 2 тыс. маршевых батальонов численностью 2 млн человек, из них не менее 750 тыс. вооруженных. При этом общую численность переменного состава сформированных запасных частей к 15 августа 1941 г. предстояло довести минимум до 700 тыс. человек, а к 1 сентября сформировать 19 новых запасных стрелковых бригад, восемь запасных кавалерийских полков, пять запасных инженерных полков, четыре запасных понтонно-мостовых батальона, восемь запасных зенитных артиллерийских полков, пять запасных зенитных пулеметных батальонов, три запасных минометных батальона, шесть запасных батальонов противохимической обороны (ПХО) и пять запасных батальонов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС)[22].

Значительным подспорьем в деле усиления боеспособности соединений и частей, а также восполнения потерь действующей армии было решение СНК, объявленное приказом Ставки ВГК от 9 февраля 1942 г., о предоставлении права военным советам фронтов и армий проводить мобилизацию граждан СССР в возрасте от 17 до 45 лет непосредственно в районах боевых действий на освобождаемой территории[23]. Это мероприятие имело особое значение в период битвы под Москвой, когда часть армий Западного и Калининского фронтов находилась в окружении, и поставка пополнения в них была затруднена. В последующие годы войны такой метод комплектования Красной армии себя оправдал, но качество подготовки пополнения было низким.

С началом войны перед советским командованием встала проблема подготовки младшего командного состава (сержантов)[24] стрелковых войск. Соединения и части, как правило, комплектовались сержантским составом из числа солдат, получивших соответствующую подготовку в учебных частях и подразделениях. Поэтому приказом НКО от 20 августа 1942 г. в составе Главупраформа было сформировано Управление по подготовке младшего командного состава стрелковых войск[25].

С наступлением зимы перед командованием встала проблема подготовки лыжных батальонов. Государственный Комитет Обороны 2 сентября 1941 г. постановил сформировать 67 запасных лыжных полков. Готовность лыжных частей к отправке на фронт определялась к 1 декабря 1941 г.[26] В ходе войны аналогичные постановления издавались накануне каждой зимы. В соответствии с постановлением ГКО № 614 от 2 сентября 2014 г. было организовано Управление лыжной, горной и физической подготовки Красной армии[27].

Совершенствование организационной структуры Главупраформа продолжалось и в последующем. Приказом НКО от 23 ноября 1941 г. в его состав вошло Управление боевой подготовки Красной армии, являвшееся центральным органом по руководству обучением стрелковых войск[28]. В дальнейшем приказом НКО от 3 января 1942 г. на базе Управления боевой подготовки, Инспекции пехоты и Управления вооружения и снабжения было создано Управление инспектирования и подготовки новых формируемых стрелковых частей и соединений[29].

Г. К. Кулик

Г. А. Щаденко

И. В. Смородинов

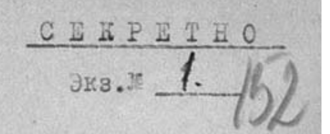
В. В. Косякин

Н. Л. Никитин

А. П. Байков

СЕКРЕТНО

Экз. № 1. 152

ПРИКАЗ

ЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УКОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

№ 069/пог.

„18" Января 1943 г.

г. МОСКВА

Нижепоименованный начальствующий состав, погибший в боях против немецко-фашистских войск, исключается из списков Красной Армии:-

ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛВОЕНКОМАТ.

✓ 1. Лейтенант ВАВИЛЫЧЕВ Ал-др Михайлович - командир взвода 186 стр.дивизии. Рождения 1912 г.
Умер от ран 26.11.42 г.

Вт. пр. ГУК 030/б -43 г.

Жена - ВАВИЛЫЧЕВА Екатерина Григорьевна - проживает в Борском р-не.

✓ 2. Младший лейтенант ПАНКОВ Борис Андреевич - командир взвода 186 стр.дивизии. Рождения 1915 г., чл.ВЛКСМ.
Погиб 25.11.42 г.

Сестра - ШЕВЕЛЕВА Мария Андреевна - проживает в Шарьинском р-не.

✓ 3. Младший лейтенант МИХЕЕВ Алексей Прокопьевич - командир взвода 53 стр.полка. Рождения 1905 г.
Умер от ран 8.10.42 г.

Родственница МИХЕЕВА - проживает в г.Горький, ул.Косторико, 119.

✓ 4. Лейтенант АЛЬПЕРТЕН Рафаил Абрамович - командир взвода 125 Гвард.стр.полка 43 Гвард.Латвийской стр.дивизии. Рождения 1916 г.
Погиб 2.12.42 г.

Урожен. - г.Горький.

✓ 5. Майор АФАНАСЬЕВ Михаил Николаевич - командир 4 танк. полка 35 отд.мото-стр.бригады. Рождения 1910 г.
Погиб 26.11.42 г.

Родственница АФАНАСЬЕВА Р. - проживает в г.Горький.

Приказ Главупраформа об исключении из списков Красной армии погибшего начальствующего состава

Отсутствие четких разграничений между функциями Главупраформа и Генерального штаба часто приводило к недоразумениям между этими органами управления. В практической работе представители Главупраформа инспектировали части и соединения не только формируемые в округах, но и в действующей армии, забывая, что этими вопросами занимаются Генеральный штаб и командование фронтов. Народный комиссар обороны своим приказом от 20 июня 1942 г. потребовал от начальника Главупраформа Е. А. Щаденко «четко разграничивать функции между его управлением и Генеральным штабом, заниматься исключительно вопросами формирования частей и соединений, а не их оперативным применением»[30].

В ходе войны на более высокую ступень поднялось искусство создания и использования стратегических резервов. Со второй половины войны они создавались, как правило, путем вывода в тыл армий, корпусов, дивизий из состава действующих фронтов с целью доукомплектования и восстановления их боеспособности. За последние полтора года войны в резерв Ставки было выведено 32 общевойсковых и шесть танковых армий, в которых насчитывалось 280 стрелковых дивизий, 12 танковых и семь механизированных корпусов, 67 отдельных танковых и 64 смешанных артиллерийских полка[31]. В резерв они выводились директивами Ставки ВГК.

27 апреля 1943 г. в связи с сокращением численности новых формирований Красной армии и уменьшением объема работы Главупраформа было издано постановление ГКО «Об изменении функций Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии»[32]. Новое «Положение о Главном управлении формирования и укомплектования войск Красной армии» было утверждено приказом НКО от 29 апреля 1943 г. На него возлагались следующие функции: разработка учетно-мобилизацинных мероприятий по планам, утвержденным ГКО; контроль над мобилизационной работой, проводимой военными округами по мобилизации и призывам в Красную армию; контроль над обучением пополнения для Красной армии в запасных и учебных частях военных округов; выполнение нарядов по укомплектованию переменным составом военных училищ по заявкам главных управлений НКО. Главупраформ к середине 1943 г. состоял из управлений (мобилизационного, укомплектования и формирования), запасных частей, учебных частей (подготовка младшего командного состава), отдела кадров[33]. Такая структура соответствовала функциональным требованиям главного органа управления по подготовке резервов стрелковых войск в округах и передаче их в действующую армию.

24 сентября 1943 г. постановлением ГКО начальником Главного управления формирования и укомплектования Красной армии был назначен генерал-полковник И. В. Смородинов, членом Военного совета — генерал М. И. Изотов[34]. Е. А. Щаденко стал членом Военного совета Южного фронта[35].

Окончательное организационное оформление Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии состоялось во второй половине войны. Приказом НКО от 23 октября 1943 г. в Главупраформ было включено ранее самостоятельное Управление военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений. Оно вошло в состав Главного управления Всевобуча[36]. Это Главное управление (созданное постановлением ГКО от 17 сентября 1941 г. при НКО) за годы войны провело семь выпусков по 110-часовой программе вневойсковой подготовки, обучив свыше 9,9 млн специалистов для стрелковых войск[37].

23 ноября 1944 г. в состав Главупраформа из Управления тыла Красной армии было передано Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава и пенсионному обеспечению их семей[38].

Количество частей и соединений, сроки и места их формирования, как правило, определялись в каждом конкретном случае постановлениями Государственного Комитета Обороны. Для оказания практической помощи формируемым соединениям и проверки правильности и своевременности комплектования личным составом, обеспечения их вооружением и имуществом со стороны центральных и главных управлений Наркомата обороны и округов назначались соответствующие представители от Главупраформа по округу, а от военных советов округов — по каждой формируемой дивизии.

В ходе Великой Отечественной войны была сформирована 661 дивизия, в том числе 490 стрелковых, 18 воздушно-десантных, 91 кавалерийская, одна моторизованная, 37 народного ополчения, 13 дивизий НКВД, а также 666 бригад, в том числе 313 стрелковых, 22 воздушно-десантные, 48 мотострелковых, 32 механизированные[39]. За годы войны в действующую армию были направленны 11,5 млн человек маршевого пополнения, а в новые формирования и непосредственно фронтами призваны около 12 млн[40]. И в этом большая заслуга Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии. Массовая подготовка боевых резервов стала одним из важнейших факторов победы в войне.

Главное автобронетанковое управление Красной армии (ГАБТУ). В связи с насыщением войск автомобилями и бронетанковой техникой, созданием мощных соединений Автобронетанковое управление приказом НКО от 26 июня 1940 г. было реорганизовано в Главное автобронетанковое управление Красной армии[41]. Его основными задачами являлись: развитие организационных структур автобронетанковых войск, руководство формированием и боевой подготовкой частей и соединений автомобильных и бронетанковых войск, разработка уставов и наставлений по применению войск, развитие вооружения и бронетанковой техники, руководство подготовкой кадров для автобронетанковых войск.

Организационная структура ГАБТУ устанавливалась приказом НКО от 1 августа 1940 г. Начальником Главного автобронетанкового управления Красной армии был назначен генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко. ГАБТУ являлось центральным органом Наркомата обороны и подчинялось непосредственно народному комиссару обороны[42]. Организационно ГАБТУ включало управления: боевой подготовки, бронетанковое, автотракторное, ремонта и эксплуатации автобронетанкового и тракторного парка, а также отделы: мобилизационно-плановый, кадров и финансовый. Став начальником ГАБТУ, генерал Я. Н. Федоренко создал 25 июня 1941 г. оперативный штаб в составе 15 человек[43].

С началом войны ГАБТУ пришлось заниматься комплектованием и переформированием соединений и частей, развертыванием учебных и запасных частей. Так, постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. было приказано к 18 июля сформировать 10 танковых дивизий в Московском военном округе[44]. Основная тяжесть выполнения задания легла на Управление боевой подготовки ГАБТУ.

Согласно директивному письму Ставки ВГК № 01 от 15 июля 1941 г., имеющиеся механизированные корпуса как слишком громоздкие, малоподвижные, маломаневренные и легкоуязвимые от вражеской авиации были расформированы, при этом входившие в их состав танковые дивизии стали подчиняться командующим армиями, а мотодивизии были преобразованы в стрелковые[45].

В связи с возникшими задачами по руководству формированием новых частей и соединений на основании постановления ГКО приказом НКО от 10 августа 1941 г. в составе ГАБТУ было создано Управление формирования и укомплектования автобронетанковых войск[46]. Оно состояло из отделов: организационно-штатного, формирования и укомплектования бронетанковых войск и бронепоездных частей, формирования и укомплектования автотранспортных, мотоциклетных и тракторных частей, ремонтных баз и складов, формирования и укомплектования автобронетанковых военно-учебных заведений, пополнения бронетанковых частей действующей армии личным составом и материальной частью, учетно-планового.

В центре внимания ГАБТУ в 1941 г. оказались вопросы структурных реорганизаций соединений и частей. Основной боевой единицей вновь формируемых частей стали танковые бригады и отдельные танковые батальоны. Согласно приказу НКО от 12 августа 1941 г. ГАБТУ должно было к 1 января 1942 г. сформировать 120 отдельных танковых бригад. Темпы формирования танковых бригад были напрямую связаны с выпуском танков промышленностью и подготовкой специалистов-танкистов в учебных частях[47].

К концу 1941 г. в Красной армии оставалось семь танковых дивизий (из них четыре — на Дальнем Востоке), 76 отдельных танковых бригад и 100 отдельных танковых батальонов. Такая организация автобронетанковых войск в условиях тяжелейших оборонительных операций 1941 г. была вынужденной. И только в 1942 г. возвратились к созданию танковых корпусов. В апреле — мае 1942 г. было сформировано 11 корпусов на фронтах и 14 корпусов в резерве Ставки ВГК[48].

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко на Брянском фронте проверяет подготовку артиллеристов 3-й гвардейской танковой армии. 1943 г.

Командование бронетанковых и механизированных войск Красной армии.
Справа налево: (сидят) генерал-полковники Б. М. Коробков, Н. И. Бирюков, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко; командующие армиями: маршалы бронетанковых войск П. С. Рыбалко, С. И. Богданов, генерал-полковник М. Е. Катуков; (стоят) генерал-полковники М. Д. Соломатин, А. Г. Родин, маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, генерал-лейтенант М. Л. Чернявский. 1945 г.

Качественно новым этапом в организационном строительстве бронетанковых войск стало создание танковых армий. Первоначально они имели в своем составе два-три танковых корпуса и одну-две стрелковые дивизии, а затем, согласно постановлению ГКО «О сформировании десяти танковых армий» от 28 января 1943 г., приобрели однородный состав[49]. К середине июля 1943 г. в действующей армии находились пять танковых армий нового состава. Таким образом, организационная структура танковых соединений и объединений к середине войны была оптимизирована, стала однотипной и обеспечивала командованию рациональное оперативное управление бронетанковыми и механизированными войсками, эффективное их использование в ходе военных действий. Применение столь мощных танковых объединений позволяло Верховному главнокомандованию активно влиять на развитие стратегических операций, придавая им качественно новое содержание.

С первых дней войны перед командованием ГАБТУ встала проблема подготовки танковых специалистов и младшего командного состава. С переходом танковых и моторизованных дивизий на штаты военного времени их учебные подразделения расформировывались, а личный состав был обращен на комплектование линейных частей. Трудности с материально-технической учебной базой для обучения экипажей танков заставили командование ГАБТУ создавать вблизи танковых заводов Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Горького, Харькова и Челябинска учебные бронетанковые центры формирования и подготовки маршевых подразделений, которые по приказу НКО от 3 сентября 1942 г. были переформированы в танковые лагеря[50].

Формированием и руководством деятельностью в войсках системы эвакуации и ремонта бронетехники занималось Управление ремонта и эксплуатации автобронетанкового и тракторного парка ГАБТУ. По настойчивому предложению командования ГАБТУ постановлениями ГКО в феврале — июне 1942 г. было сформировано более 50% всех ремонтных и эвакуационных частей, созданных за все годы войны: 134 подвижные ремонтные базы, 90 ремонтно-восстановительных батальонов, 56 эвакуационных рот и 56 сборных пунктов аварийных машин, что позволило восстанавливать и возвращать в строй в 1944–1945 гг. 70–75% поврежденных и неисправных танков и самоходных орудий[51].

По предложению начальника ГАБТУ Государственный Комитет Обороны решил использовать новое бронетанковое средство — аэросани. Промышленностью к зиме 1941 г. было изготовлено 5 тыс. аэросаней[52]. Для подготовки личного состава аэросанных частей были созданы Соликамское и Котласское военные училища, а для централизованного руководства аэросанными боевыми и транспортными батальонами и их материально-техническим обеспечением сформировано Аэросанное управление[53]. Зимой 1943–1944 гг. в действующей армии насчитывалось 39 аэросанных батальонов, из них 10 боевых и 29 транспортных[54].

Для централизованного управления формированием, ремонтом бронепоездов и обучением их личного состава приказом НКО от 9 октября 1941 г. в составе ГАБТУ был создан Отдел бронепоездов, который 13 января 1942 г. преобразован в Управление бронепоездов и бронемашин[55]. Следует отметить, что если к началу войны в Красной армии насчитывалось 34 легких и 13 тяжелых бронепоездов, из них в составе Дальневосточного фронта (ДВФ) и в Забайкальском округе — 12 легких и пять тяжелых[56], то к концу 1943 г. в действующей армии и резерве ВГК имелось 59 дивизионов бронепоездов и девять отдельных бронепоездов.

В целях улучшения профессиональной подготовки, учета, подбора и расстановки кадров начальствующего состава (до командира бригады), а также повышения ответственности начальников главных управлений НКО за состояние кадров приказом НКО СССР от 20 сентября 1941 г. в составе ГАБТУ были созданы Управление кадров и Управление военно-учебных заведений автобронетанковых войск. Этим же приказом начальнику ГАБТУ подчинялись все учебные заведения, курсы автобронетанковых войск и Военная академия механизации и моторизации Красной армии[57]. Начальник Управления боевой подготовки автобронетанковых войск отвечал за сроки подготовки и отбор личного состава для экипажей танков в запасных полках, учебных батальонах (ротах) при заводах[58].

7

С П Р А В К А

о боевом и численном составе 109 и 104 т.д.
на 5.9.41 года.

109 Танковая дивизия

1 Состав танкового полка : КВ - 1, Т-34 - 10, БТ-5-7 -9; Т-26 - 33 ;

2. Артиллерийский полк ; 152 м/м гаубиц - 8 ; 122 м/м гаубиц - 1; 76 м/м пушек - 2;

3. О З А Д : 37 м/м зенитных орудий - 7;

4. МОТО-СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК ; Личного состава - 1610 чел. винтовок 812; автоматич. винтовок - 618; станковых пулеметов - 17; ручных пулеметов - 62; ППД - 117; зенитных пулеметов - 5;
45 м/м. пушек - 4; 82 м/м. минометов - 18;
50 мм. минометов - 25;

5. Развед. батальон; личного состава - 264; БТ - 1; Т-40 -8; Бронемашин - 6; Винтовок - 158; ручных пулеметов - 13; П П Д - 4;

104 танковая дивизия

1. Танковый полк: КВ - 2; Т-34 - 4; БТ-5 - 2; Т-26 - 19;

2. Мото-стрелковый полк: личного состава 1½ батальона.

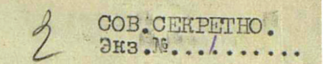
3. Артиллерийский полк:
152 м/м. гаубиц - 2; 122м/м гаубиц - 7;

4. О З А Д : 37 м/м. зенитных орудий - 5;

5. РАЗВЕДЫВАТ. БАТАЛЬОН : бронемашин - 3 ; личного состава - 70 человек.

НАЧАЛЬНИК А Б Т В 43 АРМИИ
Подполковник (ТРАВКИН)

Справка о боевом и численном составе 109-й и 104-й танковых дивизий
на 5 сентября 1941 г.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 326 сд.

1. В состав 10 Армии 326 дивизия прибыла 4 ноября 1941года. Дивизия формировалась в гор. САРАНСК с 1 сентября по 20 октября 1941года на базе людских рессурсов города и прилегающих районов. Срок готовности 326 сд определен 15 декабря 1941года.

Боевой путь дивизии начат приказом Военного Совета 10 армии за № 001 от 4.12.41.

Дивизия сосредоточилась к исходу 5.12.41 в район МИЧУРОВСКА, МАМОНОВО, ДУБОВОЕ.

На 6.12 дивизия имела задачу выйти в район СЕМЕНОВСКОЕ, ГРЯЗНОЕ и в дальнейшем на САМОДУРОВСКОЕ. Имея соприкосновение с противником, к утру 7.12 дивизия вышла на рубеж: ДУРНОЕ, СЕМЕНОВСКОЕ и наступала на ПОКРОВСКОЕ, СОБАКИНО, ХИТРОВЩИНА, ЛЬВОВО, выходя к исходу 8.12 на рубеж КОВАЛЕВСКА, ХИТРОВЩИНА, КРАСНОЕ, СОБАКИНО.

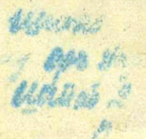
В последующем дивизия наступает на ДУРАСОВО, ЕПИФАНЬ, РОЖДЕСТВЕНКА. В результате боя 14.12 дивизия овладела КЛИНОВОЕ.

В течении ночи и утра 20.12, ведя упорные бои с противником 326 и 323 сд овладели ПЛАВСК, захватив богатые трофеи: 13 танков, 23 орудия, 7 тракторов, 116 автомашин и другое военное имущество. Было отбито 500 человек раненых и пленных красноармейцев.

В последующем дивизия продвигалась от рубежа к рубежу частично имея соприкосновение с противником.
К 10 января дивизия вышла в район СЛОБОДА, СТУДЕНОВО, ПЕРЕНЕЖЬЕ, КРУТАЯ, БАРЯТИНСКОЕ.

К 18.1. 326 сд заняла оборону на рубеже: СТУДЕНОВО, ФИЛИППКОВО, СТАР.ШОПОТОВО, БЫКОВО, ХАРИНКА, УСОВКА.

В последующем дивизия ведет бои за удержание указанного рубежа.

Боевая характеристика 326-й стрелковой дивизии.
Лист 1

2. На всем протяжении своего боевого пути дивизия имела следующие потери по месяцам:

	Убито и ум. от ран			Ранено, контужин. обожжено с эвак в госпиталь			Забол. с эвакуац. в госпит			Обморожено с эвак. в госпиталь.		
	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с
Декабрь	28	46	222	70	108	836	2	6	37	-	-	1
Январь	44	77	414	69	193	887	2	3	117	-	2	11
Февраль	21	70	335	54	136	734	2	-	17	-	-	-
М а р т	72	128	876	98	201	1282	3	5	73	-	-	7
ИТОГО потерь	165	321	1847	291	638	3739	9	14	244	-	2	19

	Пропало безвести			Попало в плен			По другим причинам			ИТОГО потерь			ИТОГО
	н/с	мл	р/с	н/с	мл	р/с	н/с	мл.	р/с	н/с	мл.	р/с	
Декабрь	7	33	282	-	-	2	1	67	681	108	260	2059	2427
Январь	8	56	316	-	-	4	-	-	144	123	331	1893	2347
Февраль	10	33	162	-	-	5	-	-	-	87	239	1253	1579
М а р т	34	110	1017	-	-	4	1	2	43	208	446	3305	3959
ИТОГО потерь	59	232	1777	-	-	15	2	69	868	526	1276	8509	10311

3. В течение марта 1942 г. дивизия получила пополнение личного состава:

н/с	мл. н/с	Рядов. сост.	Всего
305	554	3984	4843

4. Награжденные правительственными наградами.

н/с	мл. н/с	Рядов. сост.	Всего
72	33	74	179

По видам наград:

Орд. Красного Знамени	Орден Красной Звезды	Медаль за отвагу	Медаль за боевые засл.	ВСЕГО
4	54	91	30	179

Боевая характеристика 326-й стрелковой дивизии.
Лист 2

4

5. Личный состав 326 сд. награжден за образцовые действия и героизм, проявленные при овладении ст.Каганович, Клиновое. Много награжденных за бой по овладению Плавск и за бои в районе Барятинское, Крутая. И часть личного состава награждена за участие в более мелких боевых столкновениях на протяжении всего боевого пути дивизии

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА
ПОЛКОВНИК
/СОСЕДОВ/

ВОЕНКОМ ОПЕРОТДЕЛА
БАТ.КОМИССАР
/ ГОРИН/

СТ.ПОМ.НАЧ.ОПЕРОТДЕЛА
МАЙОР
/ ГУРБАНОВ /

10.4.42

копия

70

МОСКВА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

1. До Вашего приказа об откомандировании молодых возрастов из тыловых частей в боевые части, решением Командования Фронта было направлено в передовые части 1.305 человек.

2. По Вашему приказу №-0308 из тыловых частей и подразделений (без 32 и 33 армий), откомандировывается в боевые части молодых возрастов: младшего начсостава - 2044 и рядового - 17.461, а всего 19.505.

Кроме того, из тыловых подразделений войск 24 армии направлено в боевые части 1.500 человек.

3. Об общем количестве откомандировываемых молодых возрастов донесено Зам. Народного Комиссара Обороны телеграммой №-ОУ/73 от 2.9.41, а подробные сведения по военно-учетным специальностям представлены ему-же при №-ОУ/0195 5.9.41.

4. По Вашему приказу №-0073 из"ято стрелкового вооружения: винтовок - 25.171, из них передано на вооружение маршевых батальонов 10.500 и боевых частей армий - 9.532 винтовки, остальные находятся на ГАС"ах армий и фронта. Ручных пулеметов - 116, станковых пулеметов - 31, револьверов - 1.008, танковых пулеметов ДТ - 9, ППД и ППШ - 4, пулеметов ШКАС - 3, минометов - 3.

5. Для подготовки лейтенантов и младших лейтенантов в настоящее время из дивизий народного ополчения отбираются лица с высшим и средним образованием, а из

Донесение командующего Резервным фронтом Г. К. Жукова
Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 7 сентября 1941 г.
Лист 1

остальных дивизий лучшие младшие командиры. Подготовка этих командиров будет производиться в запасной учебной бригаде, которая формируется на базе 179 запасного стрелкового полка.

Командующий Войсками РФ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
(Ж у к о в)

Член Военного Совета
(Круглов)

Начальник Штаба Фронта
ГЕНЕРАЛ МАЙОР
(Анисов)

"7" сентября 1941г.
№-071
КП-Ново-Александровское.

отпечат. 2 экз.
экз № 1 - адресату через шифротдел.
экз № 2 - в дело
печ. Белоногова

Н-к секр. части ... Е.А.Кищенко
7.IX.41 г

Донесение командующего Резервным фронтом Г. К. Жукова
Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 7 сентября 1941 г.
Лист 2

СЕРИЯ "Г"

410

Н-1 9:21

5.9 Ау

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 149 ШТАКОР 2 ПВО ЛЕНИНГРАД

18.00 5.9.41г. - КАРТА 500.000

1. С 6.00 до 18.00 5.9.41 противник одиночными самолетами и группами до 20самолетов /МЕ-110,109, Ю-88, ХЕ-111, Фокке-Вульф -198, ХШ-126, ДО-215/ вел разведку в районах: Красная Горка, Беззаботное, Низино, Дятлицы, Витино, Красногвардейск, Пушкин, Горелово, Петергоф, Черное, вдоль Ладожского канала, Мга, Пороги, Перк"ярви, Иоутселькя, Мистолово, Левашово, Косимово.

Противник бомбил аэродромы: Левашово, Касимово, Низино, Шоссейная.

Результаты бомбометания уточняются.

ЗА КБФ сбила один МЕ-110 и 1 свой самолет И-16.

По донесению МПВО: в течение дня противник вел артобстрел г.Колпино, Пулково, Средней Рогатки, Ново-Саратовская колония, завода "Большевик" и г.Ленинграда. Имеются убитые, раненые и разрушения.

По донесению командира 194 ЗАП, скопление пехоты противника наблюдалось в районах: южн. окраины Нов.Кирьясалы, районе Пенеямяки /4 клм. севернее Лемболово/ и районе Охта /до б-на в каждом районе/.

2. ИА 7 ИАК в виду плохих метеоусловий /сплошная дождевая облачность 50-150 мтр., проходящие дожди/ вела ограниченные боевые действия на прикрытие своих войск в районе Мга.

Произведено на 13.00 5.9.41г. 22 самолето-вылета. Налет 22 часа 50 минут.

8 час.55 мин. 9 И-16 26 ИАП, прикрывая свои войска в районе МГА, из облачности неожиданно были атакованы одним МЕ-109, сбит мл.лейтенант Малашкин, который вошел в штопор и упал в районе Мга, Синявино. Ведущий группы наблюдал,самолет Малашкина упал в лес и сгорел.

10.15 1 ДО-215 вылетел из-за облачности сбросил 6 бомб на аэродром Левашово и обстрелял пул.огнем стоянку самолетов. 1 ЛАГГ-3 имеет 5 пулевых пробоин и в лесу за границей аэродрома ранена одна женщина.

ЗА вела огонь. Израсходовано: 115 ЗАП - 28 снарядов 85мм
194 ЗАП- 2 снаряда 85 мм.,
351 ЗАП - 25 снарядов 85 мм.
169 ЗАП - 297 снарядов 85 мм., 20 ОЗАД-100 снарядов 76 мм.,
69 снар.37мм. и 220 пул.патрон.

3. Дислокация постов ВНОС без изменения.

4. Потери 2-го прож.полка с 28.8. до 3.9.41г.
Одна прожстанция ЗП-2 оставлена расчетом при наступлении противника в районе Саблино. При этом потерян кр-ц Доровских.

Из состава 7 прож.роты в районе ст.Мга:
1 прожстанция оставлена лейтенантом Шеховцевым. При этом потерян кр-ц Белоусов. Красноармеец Гурло оставленный в районе Мга найден раненым и отправлен в госпиталь.

1 прожстанция оставленная после аварии /свалилась под откос/ в районе Шлиссельбург - доставлена в Ленинград. Требует ремонта.

1 прож. станция сожжена в районе ст. Пелла /отмечалось ранее/.

Боевое донесение начальника штаба 2-го корпуса ПВО
от 5 сентября 1941 г.
Лист 1

По указанным фактам ведется расследование.

5. Изменения к боевому донесению № 148.

На аэродром Н.Дубровка сброшено не две /как указано в донесении/, а 20 бомб. Все бомбы не разорвались.

АЗ опущены в 04.15.

Дополнения к боевому донесению № 147 п.2.

Число сбитых самолетов противника II-й батареей 351 ЗАП не два Ю-88, а 4 Ю-88.

Нач.Штаба 2 Корп.ПВО
Полковник
/Добрянский/

Военком Штаба
Батальонный Комиссар
/Привалов/

отп. 6 экз.
исп.Федоров
Подписано в "19"ч. "50"м.
Разослано по списку № I
Отправлено в "20"ч. "..."м.
Получено в "..."ч. "..."м.
№ 2238-ед

экз. № I

Боевое донесение начальника штаба 2-го корпуса ПВО
от 5 сентября 1941 г.
Лист 2

Список

безвозвратных потерь 62 артиллерийского полка 846

за 28 июля 1943 г.

№ п/п	Фамилия, Имя, Отчество	звание и должность	место рождения	год рождения	Каким РВК призван	когда, по каким причинам выбыл.	где похоронен.	Фамилия, Имя, Отчество и адрес жены или родственников.
1	Пасечный Василий Устинович	кр-ец номер орудия	село Дмитриевка, Орджоникидзевского края.	1909	Дмитриевским Орджоникидзевского края	убит 26/VII-43.	в одиночной могиле, в поле северо-западней дер. Старополево 1 км Глазуновского р-на Курской области	Орджоникидзевский край Дмитриевский р-н с. Дмитриевка Жена Пасечная Федосья Давыдовна.
2	Амиров Шаймардан Гарифуллович	кр-ец номер орудия	г. Павлодар	1914	Павлодарским Павлодарской области.	убит в бою 25/VII-43.	в одиночной могиле западнее 500 м. от дома лесничего Глазуновского лесхоза того-же р-на Курской области	Каз. ССР г. Павлодар ул. Лассаля 85 Брат Амиров Ексан.
3	Жиглин Николай Михайлович	сержант радио-телеграфист	дер. Суслово Становлянского р-на Орловской области	1922	Становлянским Орловской области	убит в бою 26/VII-43.	в одиночной могиле, что юго-восточнее дер. Старо-Горохово Змиевского р-на Орловской обл. в роще.	Орловская область Становлянский р-н П-Михайловский с/совет дер. Суслово. Отец Жиглин Михаил Ефимович.

Начальник Штаба
Капитан [подпись] /Петров/

Список безвозвратных потерь 62-го артиллерийского полка
за 28 июля 1943 г.

Исх № 0216
14.3.45

Серия "Г"

21

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА 1 УФ

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ 14.3.45 Штарм 4/ТАНК/

Наличие боевой материальной части в боевых порядках войск 4 ТА по состоянию на 13.3.45 г.

6 МК – 16 МБР – Танков Т-34- 35
17 МБР – Танков Т-34- 35
49 МБР – Танков Т-34- 4
1727 САП – СУ – 100 – 21
29 ТП – Танков Т-34- 1
56 ТП – Танков Т-34 – 1
95 МЦБ – Танков Т-34 – 10
1433 САП – СУ- 76 – 19
28 ТТП – Танков ИС-122-16
33 ОБС – Танков Т-34 – 4

10 ТК: 61 ТБР – танков Т-34 – 50
62 ТБР – танков Т-34 – 53
63 ТБР – танков Т-34 – 10
72 ТТП – танков ИС-122-12
7 МЦБ – танков Т-34 – 9
1222 САП – СУ-76 – 19
356 САП – СУ-85 – 5; Т-34 – 13.
152 ОБС – танков Т-34 – 3

93 ОТБР – танков Т-34 – 50
51 МЦП – танков Т-34 – 10
13 ТТП – танков ИС-122-19
28 САНБР – СУ-57 . . – 52, Т-34 – 1, МК 9/10 – 4
91 ИТП – Танков Т-34 – 11
Всего по армии танков Т-34 – 310, МК 9/10-4, ИС-122-47, СУ-76-38, СУ-85 – 5, СУ-100 – 21, СУ-122-3, СУ-57 – 52
Итого танков и СУ – 427, бронетранспортеров СУ-57-52.

Отп. 2 экз.
№ 1 – 1 УФ
№ 2 – в дело.
№ 57 13.3.45 юр

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 4 ТА
Гв. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В [signature] /УПМАН/

Спецдонесение о наличии боевой материальной части
в боевых порядках войск 4-й танковой армии
на 13 марта 1945 г.

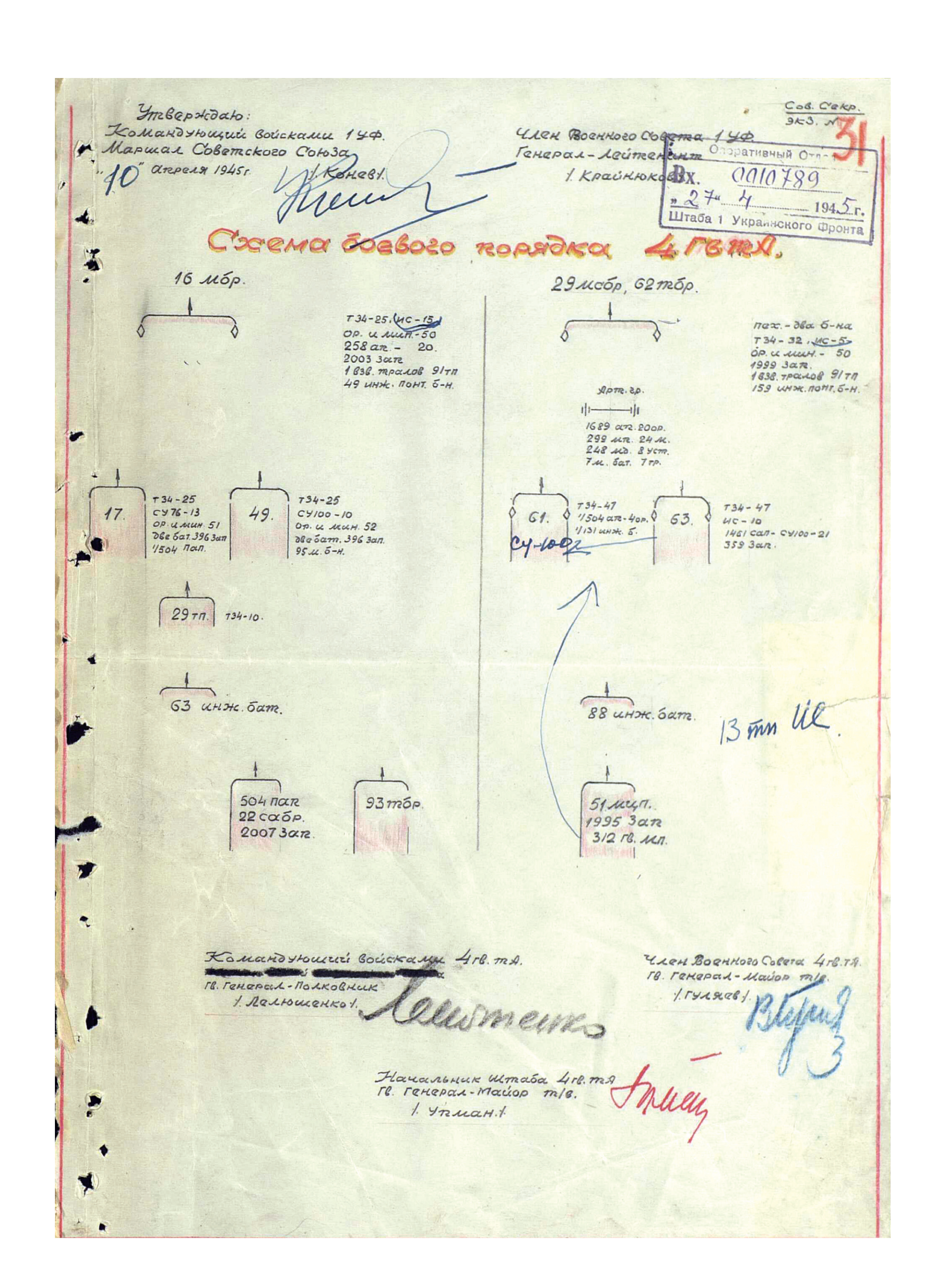
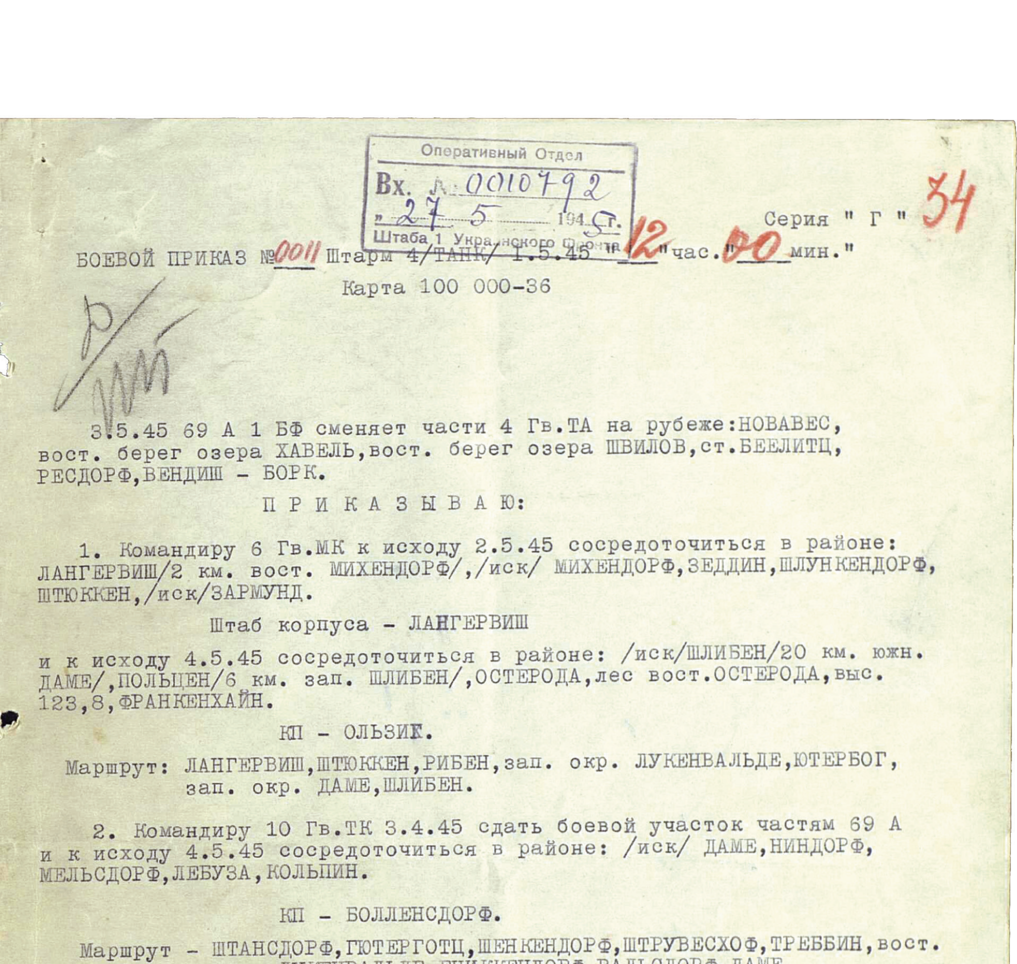

Схема боевого порядка
4-й гвардейской танковой армии на апрель 1945 г.

Оперативный Отдел
Вх. № 0010792
"27" 5 1945 г.
Штаба 1 Украинского Фронта

Серия "Г" 34

БОЕВОЙ ПРИКАЗ №0011 Штарм 4/ТАНК/ 1.5.45 "12" час. "00" мин."

Карта 100 000-36

Р/ ...

3.5.45 69 А 1 БФ сменяет части 4 Гв.ТА на рубеже: НОВАВЕС, вост. берег озера ХАВЕЛЬ, вост. берег озера ШВИЛОВ, ст. БЕЕЛИТЦ, РЕСДОРФ, ВЕНДИШ - БОРК.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиру 6 Гв.МК к исходу 2.5.45 сосредоточиться в районе: ЛАНГЕРВИШ/2 км. вост. МИХЕНДОРФ/,/иск/ МИХЕНДОРФ, ЗЕДДИН, ШЛУНКЕНДОРФ, ШТЮККЕН,/иск/ЗАРМУНД.

Штаб корпуса - ЛАНГЕРВИШ

и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ШЛИБЕН/20 км. южн. ДАМЕ/, ПОЛЬЦЕН/6 км. зап. ШЛИБЕН/, ОСТЕРОДА, лес вост. ОСТЕРОДА, выс. 123,8, ФРАНКЕНХАЙН.

КП - ОЛЬЗИГ.

Маршрут: ЛАНГЕРВИШ, ШТЮККЕН, РИБЕН, зап. окр. ЛУКЕНВАЛЬДЕ, ЮТЕРБОГ, зап. окр. ДАМЕ, ШЛИБЕН.

2. Командиру 10 Гв.ТК 3.4.45 сдать боевой участок частям 69 А и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ ДАМЕ, НИНДОРФ, МЕЛЬСДОРФ, ЛЕБУЗА, КОЛЬПИН.

КП - БОЛЛЕНСДОРФ.

Маршрут - ШТАНСДОРФ, ГЮТЕРГОТЦ, ШЕНКЕНДОРФ, ШТРУВЕСХОФ, ТРЕББИН, вост. окр. ЛУКЕНВАЛЬДЕ, ЕНИККЕНДОРФ, ВАЛЬСДОРФ, ДАМЕ.

3. Командиру 5 Гв.МК 3.5.45 сдать боевой участок частям 69 А к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: /иск/ ШЕНЕВАЛЬДЕ/I5 км. юго-зап. ДАМЕ/, ГРАССАУ, ЕСНИГ, ВЕРХАУ, ВИЛЛЕРСДОРФ.

КП - ВИЛЬДЕНАУ.

Маршрут: БЕЕЛИТЦ, ТРОЙЕНБРИТЦЕН, ЮТЕРБОГ, ВЕЛЬЗИКЕНДОРФ, ШЕНЕВАЛЬДЕ.

4. 68 Гв.ОТБР и 70 САНБР к исходу 4.5.45 сосредоточиться в р-не:

68 ОТБР - НАУНДОРФ /5 км. сев-вост. ШЛИБЕН/;
70 САНБР - ВЕРХЛУГА/I км. вост. ШЛИБЕН/.

Бригадам следовать по маршруту 5 Гв.МК.

Армейской артиллерийской группе к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: КРАССИГ,/5 км. сев.ШЛИБЕН/, КОЛОХАУ, Г.дв.ВЕЙСЕНБУРГ; следовать по маршруту 6 Гв.МК.

5. 3 Гв.инж.бригаде, 285 инж.батальону, II9 ТП к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе: лес 2 км. сев.ШЛИБЕН. Следовать по маршруту 6 Гв.МК.

Боевой приказ командующего 4-й гвардейской танковой армией Д. Д. Лелюшенко от 1 мая 1945 г.
Лист 1

35

6. 7 Гв.ОМЦП,13 Гв.ТТП следовать по маршруту 10 Гв.ТК и к исходу 4.5.45 сосредоточиться в районе:

7 Гв.ОМЦП – лес 2 км. сев.ШЛИБЕН;
13 Гв.ТТП – лес 1 км. сев.ШЛИБЕН.

7. КП Штарма с утра 4.5.45 – БЕРГА/1 км. сев.ШЛИБЕН/.

Обращаювнимание всех командиров корпусов и соединений на скрытность совершения марша и соблюдение полной светомаскировки.

Получение подтвердить.Исполнение донести.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 4 Гв.ТА
Гвардии ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
/ЛЕЛЮШЕНКО/

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
Гв.ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В
/ГУЛЯЕВ/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 4 Гв.ТА
Гв.ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/В
/УПМАН/

Отп. 10 экз.
Разослано по
списку.
№ 287 1.5.45 юр

Боевой приказ командующего 4-й гвардейской танковой армией Д. Д. Лелюшенко
от 1 мая 1945 г.
Лист 2

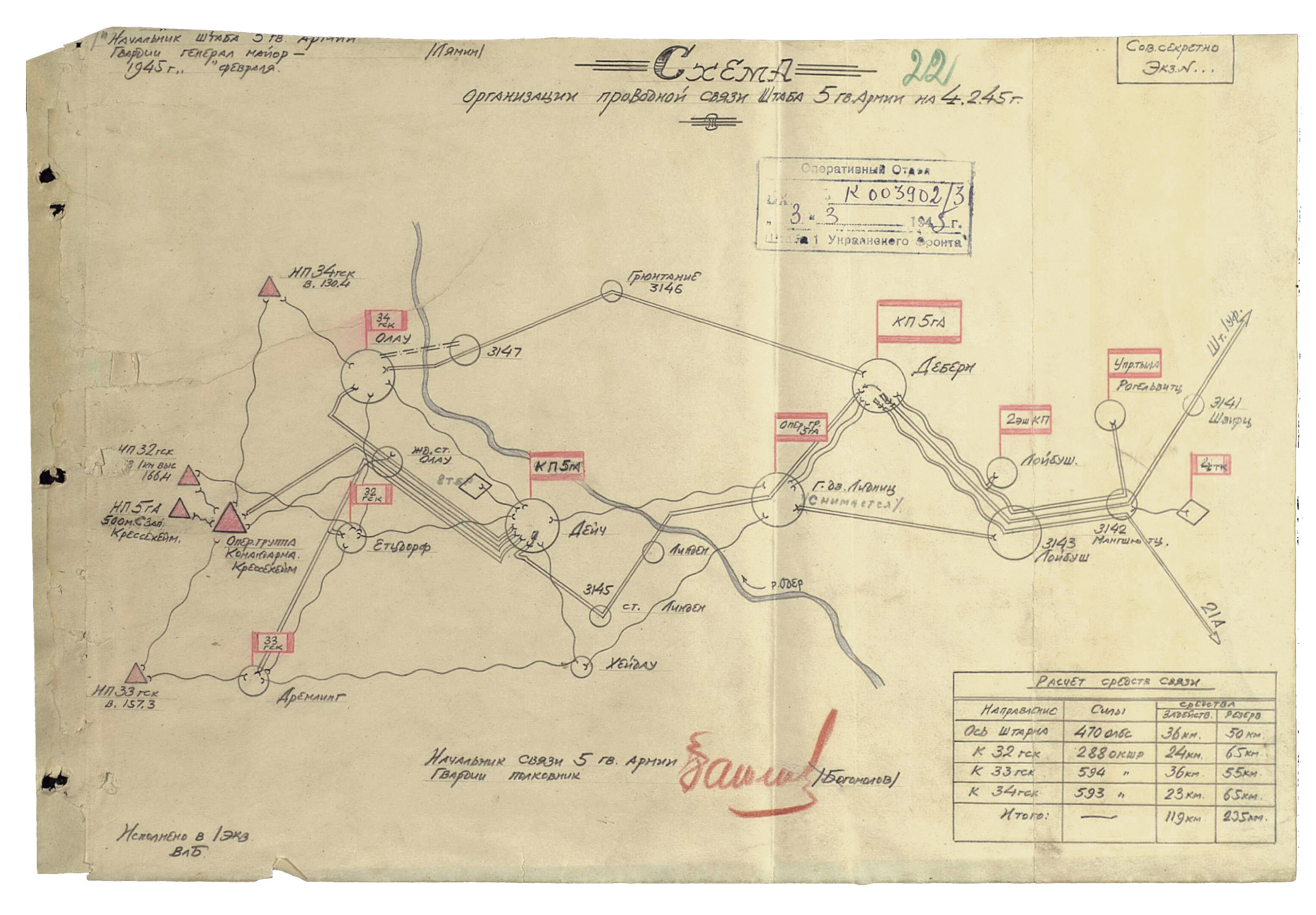

Схема организации проводной связи штаба 5-й гвардейской армии на 4 февраля 1945 г.

Оперативный Отдел
Вх. № R 0010815
"27" 5 1945 г.
Штаба 1 Украинского Фронта

Сов. секретно.
экз. №_______

86

"УТВЕРЖДАЮ"

КОМАНДУЮЩИЙ 5 Гв.А.
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
/ЖАДОВ/

ЧЛ.ВОЕН.СОВЕТА 5 Гв.А
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
/КРИВУЛИН/

"___"Мая 1945 года.

П Л А Н

ввода 4 ГТКОЛКК в прорыв

	Действия Корпуса	Время выполнения
1.	Сосредоточение корпуса в район выжидательных позиций /лес 2 км.юго-зап ГИРШФЕЛЬД/.	К утру 6.5.45г.
2.	Выдвижение ПО корпуса в рощу 1 км. южн. ШТРАУХ.	В период арт.подготовки
3.	Выдвижение ПО Корпуса в рощу 1,5 км юго-вост. КРАУШЮТЦ	После выхода пехоты на рубеж жел.дор.
4.	Начало ввода в прорыв ПО Корпуса Главные силы корпуса в этот период переходят в рощу 1,5 км. юго-вост.КРАУШЮТЦ. В дальнейшем ПО Корпуса следует по маршруту: КАЛЬКРЕЙТ, РЕЙНЕРСДОРФ, ШТАЙНБАХ, АУЭР, ДИППЕЛЬСДОРФ, БОКСДОРФ	После выхода пехоты на юж.берег р.ДОБРА- БАХ.
5.	Ближайшая задача ПО Корпуса-овладеть рубежем ШТАЙНБАХ, в дальнейшем - перерезать автостраду в районе РЕНИЦ-ХЕЛЛЕРАУ; конечная задача ПО-захватить переправы через р. ЭЛЬБА в центральной части г. ДРЕЗДЕН.	
6.	Главные силы корпуса следуют по маршруту ПО, в готовности развивать действия ПО и обеспечивать от контратак противника с левого фланга.	

СОСТАВ ПО КОРПУСА:
12 ГТБр, 29 ТП /без одной роты/, рота сапер 106 ОСБ, дивизион 1660 ЛАП, дивизион 264 ОМП.

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН КОРПУСА: 14 ГТБр с ротой 29 ТП, 3 ГМСБр, части артиллерии невошедшие в состав ПО.

КОМАНДИР 4 ГТКОЛКК
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТАНК.ВОЙСК
/ПОЛУБОЯРОВ/.-

отп. 2 экз.
исх-№___

НАЧАЛЬНИК ШТАБА КОРПУСА
ГВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Т/ВОЙСК /НАГАЙБАКОВ/

План ввода в прорыв 4-го гвардейского Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного корпуса 5-й гвардейской армии в мае 1945 г.

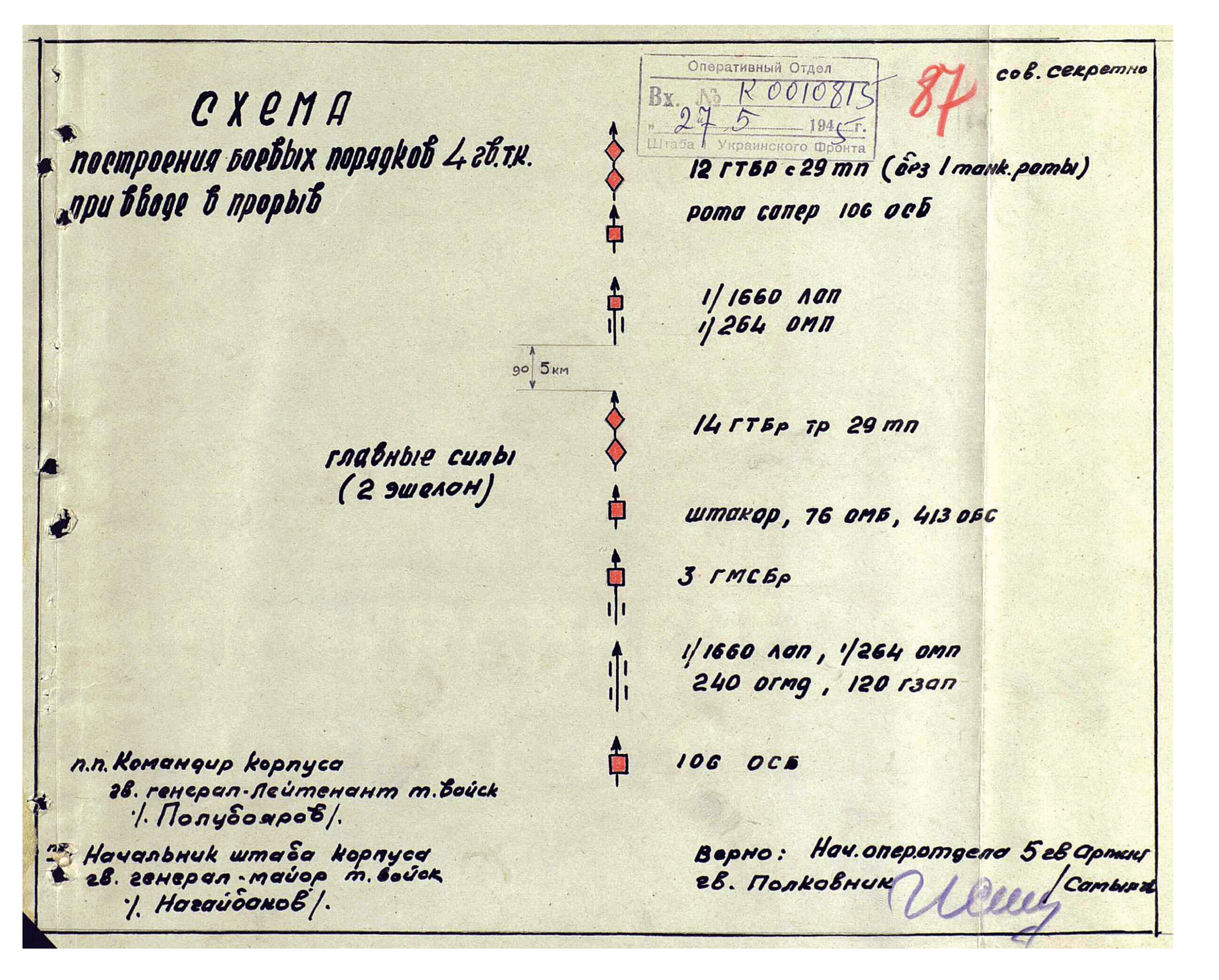
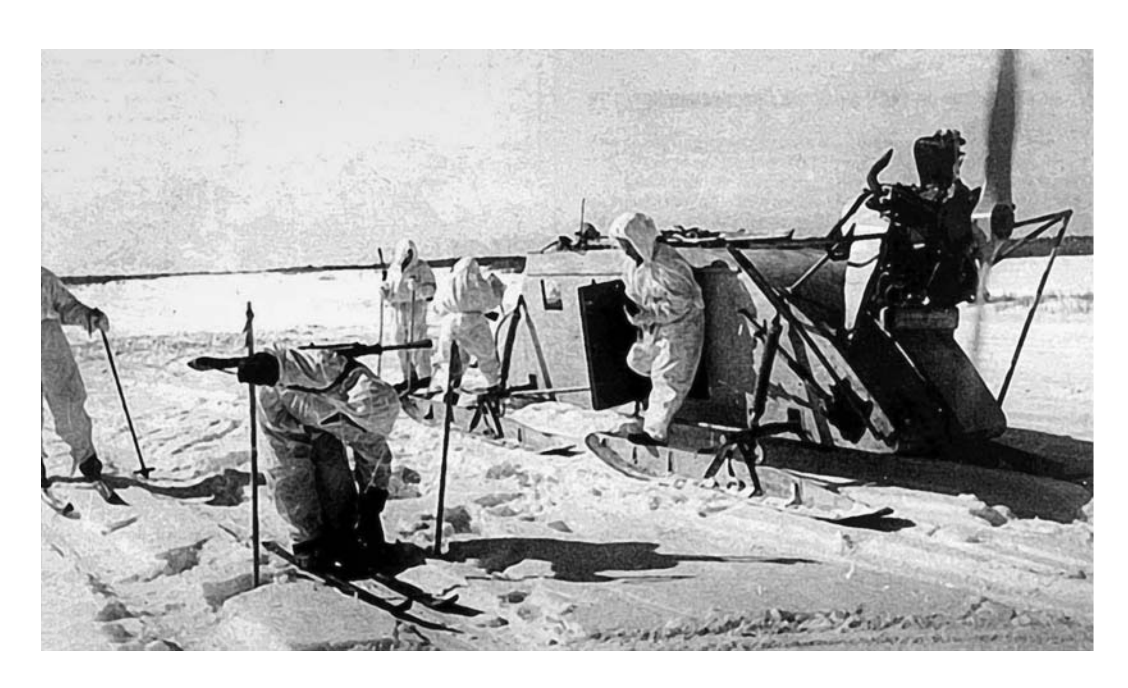

Схема построения боевых порядков
4-го гвардейского танкового корпуса при вводе в прорыв в мае 1945 г.

Установка двигателя на аэросани НКЛ-26 на архангельском заводе «Красная кузница»

Высадка разведчиков из аэросаней НКЛ-16

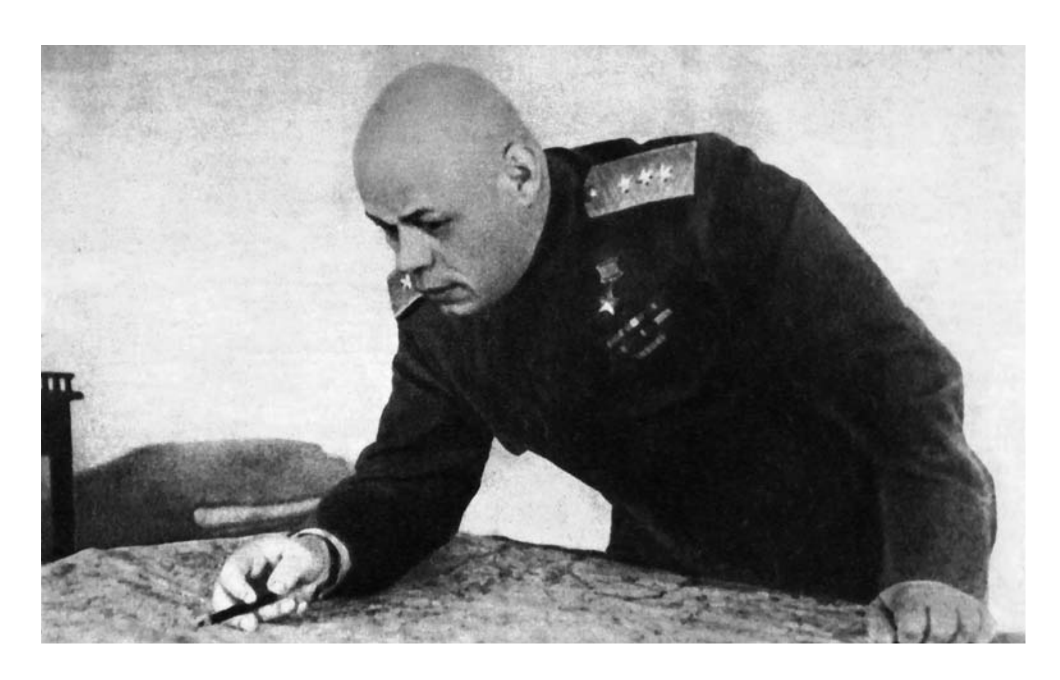
В руководстве подготовкой резервов и маршевого пополнения для автобронетанковых войск действующей армии важную роль сыграл приказ НКО № 0462 от 2 декабря 1941 г., согласно которому все запасные и учебные автобронетанковые части, расположенные на территории военных округов, за исключением Ленинградского и Забайкальского ВО и Дальневосточного фронта, подчинялись начальнику Главного автобронетанкового управления Красной армии[59].

На базе действовавших учебных частей 3 января 1943 г. было сформировано семь учебных танковых бригад и одна бронебригада в составе двух-трех учебных и одного запасного полка каждая. В апреле 1943 г. завершилось формирование двух отдельных учебных полков самоходной артиллерии в составе 1-й и 5-й учебных танковых бригад[60].

За время Великой Отечественной войны в учебных соединениях и частях прошли подготовку около полумиллиона различных младших специалистов для бронетанковых и механизированных войск[61]. Запасные и учебные части подготовили 15 099 маршевых подразделений, в том числе 10 116 танковых рот и 4983 батареи самоходной артиллерии[62], что позволило обеспечить пополнение подготовленными экипажами бронетанковых и механизированных войск действующей армии, а также соединения и объединения, выведенные в резерв Ставки ВГК.

С увеличением выпуска промышленностью танкового вооружения и ростом количественного и качественного состава бронетанковых войск значительно возросла их роль в войне как рода войск Красной армии. В течение 1942 г. были сформированы две танковые армии, 25 танковых и восемь механизированных корпусов, 106 отдельных танковых и шесть механизированных бригад, 68 танковых полков и 57 отдельных танковых батальонов. Формирование батальонов во второй половине 1942 г. было прекращено. Командный состав получил опыт управления ими.

В соответствии с постановлением ГКО от 7 декабря 1942 г. Главное автобронетанковое управление приказом НКО от 5 января 1943 г. было преобразовано в Управление командующего бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ)[63] в составе: Управления командующего БТ и МВ, Главного управления формирования и боевой подготовки БТ и МВ Красной армии и Главного бронетанкового управления Красной армии[64]. Также были утверждены командующий и Военный совет БТ и МВ Красной армии. Командующим стал генерал-лейтенант танковых войск Я. Н. Федоренко[65].

Командующий 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко у карты боевых действий

Основными функциями управления являлись: развитие организационных структур войск; руководство формированием и подготовкой танковых и механизированных частей, соединений и объединений; осуществление контроля над правильным применением бронетанковых и механизированных войск в боях и операциях; изучение опыта применения этих войск и внедрение его в боевую практику; разработка боевых уставов, инструкций и наставлений по применению бронетанковых войск; организация бронетанкового обеспечения частей и соединений; развитие вооружения и бронетанковой техники; руководство подготовкой специалистов и командно-технических кадров для бронетанковых и механизированных войск.

Командующему бронетанковых и механизированных войск Красной армии подчинялись командующие БТ и МВ фронтов и начальники управлений БТ и МВ военных округов. Руководство боевой деятельностью БТ и МВ командующий и Военный совет осуществляли путем личного участия или через штаб в разработке операций Генеральным штабом по применению бронетанковых и механизированных войск или дачи письменных предложений по данным вопросам и присутствия при утверждении плана операции Ставкой ВГК, а также личного руководства подготовкой, проведением операций танко-механизированных группировок на главных направлениях фронтовых операций, при тесной увязке и согласовании с планами командующих фронтов[66]. В целях поднятия авторитета и ответственности начальников управлений автобронетанковых войск фронта Ставка ВГК назначила их заместителями командующих войсками фронтов по БТ и МВ. В штат управления вводились должности двух заместителей[67].

В январе 1943 г. из Главного управления автотранспортной и дорожной службы Красной армии было выделено Главное автомобильное управление Красной армии. В соответствии с приказом НКО от 23 апреля 1943 г. о передаче самоходной артиллерии из Главного артиллерийского управления в ведение командующего БТ и МВ в штат Главного бронетанкового управления включалось Управление самоходной артиллерии. Во все управления Главного бронетанкового управления включались отделы самоходной артиллерии. Заместителем начальника управления по артиллерии был назначен генерал-лейтенант В. Э. Таранович[68]. В состав бронетанковых и механизированных войск из артиллерии Красной армии были

переданы 30 самоходных артиллерийских полков, учебный центр и три учебных полка, два училища самоходной артиллерии[69].

В связи с дальнейшим увеличением танкового парка, изменением условий и характера боевого применения бронетанковых войск в операциях 1944 г. возникли новые задачи по дальнейшему повышению эффективности танкотехнического обеспечения. 12 марта 1944 г. постановлением ГКО «О сосредоточении производства ремонта танков в системе НКО» было создано Главное управление ремонта танков Красной армии при командующем БТ и МВ. В его ведение переданы все танкоремонтные заводы, принадлежавшие наркоматам танковой промышленности и среднего машиностроения[70].

Успехи военной экономики СССР и усилия командования всех уровней позволили сформировать весьма значительное количество частей, соединений бронетанковых и механизированных войск Красной армии. За период войны было сформировано восемь танковых армий (они доукомплектовывались и переформировывались 13 раз), танковых корпусов — 78, механизированных корпусов — 26, механизированных и мотострелковых бригад — 426, танковых полков — 409, танковых батальонов — 160, самоходно-артиллерийских бригад, полков и дивизионов — 459[71].

Возросли и количественные показатели танкового парка Красной армии. Так, если на 1 декабря 1941 г. насчитывалось 6039 танков (из них легких — 5045), то на 1 мая 1945 г. — 21 700 (из них 4221 легкий и 7571 САУ)[72]. Удельный вес бронетанковых и механизированных войск в составе Красной армии возрос с 4,4% в декабре 1941 г. до 11,5% в начале 1945 г. Неуклонный количественный и качественный рост бронетанковой техники, а также опыт их боевого применения в операциях способствовали совершенствованию структуры танковых соединений и объединений в ходе войны, который шел по линии их укрупнения, усиления огневой мощи, маневренности, оперативной самостоятельности и улучшения управляемости.

Сложившаяся в годы Великой Отечественной войны система управления бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии оказалась жизненной, достаточно оперативной. Командование бронетанковых и механизированных войск Красной армии превратило танковые войска в главную ударную силу сухопутных войск, способных придавать операциям фронтов и групп фронтов решительный и маневренный характер, увеличивать их пространственный размах, темпы наступления и в итоге достигать крупных стратегических и военно-политических целей в кратчайшие сроки.

Главное управление начальника артиллерии Красной армии (ГУНАРТ КА). Важное место в системе органов оперативного руководства артиллерией в годы войны занимало Главное управление начальника артиллерии Красной армии. С первых дней войны Ставка ГК и руководство Наркомата обороны столкнулись с весьма серьезной проблемой в области организационного развития артиллерии, восстановления ее былой мощи как главной огневой силы Красной армии.

Формированием частей войсковой артиллерии в начале войны занимались Главное артиллерийское управление Красной армии (ГАУ) (генерал-полковник Н. Д. Яковлев), окружные управления артиллерии и различные комиссии по формированию стрелковых и кавалерийских дивизий. Снабжением войск действующей армии и новых формирований стрелковым и артиллерийским вооружением и боеприпасами в первые месяцы войны ведал мобилизационно-плановый отдел ГАУ.

Постановлением ГКО от 18 июля 1941 г. была восстановлена должность начальника артиллерии Красной армии, на которую назначен генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов[73] с освобождением его от должности начальника Главного управления ПВО. Постановлением СНК от 20 сентября 1941 г., объявленного приказом НКО № 320 от 23 сентября, он стал заместителем народного комиссара обороны СССР[74]. Начальник артиллерии Красной армии являлся начальником наземной и войсковой зенитной артиллерии, артиллерийской авиации и воздухоплавательных частей Красной армии. Он отвечал за совершенствование организационной структуры войсковой артиллерии, а также артиллерийских частей и соединений резерва Главного командования; руководство формированием и укомплектованием

Расчет 120-мм миномета на позиции

Транспортировка советской 203-мм гаубицы Б-4 через немецкий город

частей и соединений, их боевой подготовкой; осуществлением контроля над правильным применением артиллерии в операциях; развитие артиллерийского вооружения и боеприпасов и разработку заявок на их производство; организацию материально-технического обеспечения артиллерийских частей и соединений (в первую очередь резервов ГК); руководство подготовкой артиллерийских кадров; разработку инструкций и наставлений по применению артиллерии.

Главное артиллерийское управление 20 сентября 1941 г. приказом НКО было подчинено начальнику артиллерии Красной армии[75]. В состав ГАУ входили восемь управлений: организационно-плановое; заказов и производства стрелкового вооружения; заказов и производства вооружения наземной артиллерии; заказов и производства зенитной артиллерии; заказов и производства минометного вооружения; снабжения артвооружением и ремонта; снабжения боеприпасами; артиллерийский комитет. Без существенных изменений организация ГАУ сохранилась до 1943 г. 18 сентября 1943 г. был утвержден штат, по которому сформированы три новых управления: ремонта вооружения, материально-технического обеспечения и финансово-плановое. С учетом произведенных изменений штат ГАУ на 1 апреля 1945 г. включал: начальника и шестерых его заместителей, артиллерийский комитет, 15 управлений[76].

В целях улучшения руководства подготовкой, подбором и расстановкой кадров начальствующего состава артиллерии Красной армии приказом НКО от 20 сентября 1941 г. были сформированы Управление военно-учебных заведений и Управление кадров[77]. В связи с возникшими проблемами централизованного руководства созданием новых и переформированием частей артиллерии приказом НКО от 7 сентября 1941 г. в составе Главного управления начальника артиллерии было создано Управление формирования и укомплектования артиллерии. 14 января 1942 г. была введена должность заместителя начальника артиллерии по формированиям частей и соединений артиллерии, которому подчинялись Управление формирования и укомплектования частей артиллерии и Управление боевой подготовки наземной и войсковой зенитной артиллерии[78].

Приказом НКО от 20 сентября 1941 г. была восстановлена должность начальника артиллерии фронта, округа и армии, а артиллерийские управления переименованы в управления начальника артиллерии фронта, округа и армии[79]. В целях улучшения и повышения ответственности артиллерийских начальников за боевую подготовку и боевое применение артиллерии приказом НКО от 18 ноября 1942 г. вместо должности начальника артиллерии Красной армии (фронта, армии, корпуса) была введена должность командующего артиллерией Красной армии (фронта, армии, корпуса)[80]. При командующем артиллерией Красной армии 29 апреля 1943 г. был создан Военный совет в составе: маршала артиллерии Н. Н. Воронова, генерал-полковника артиллерии Н. Д. Яковлева, генерал-майоров артиллерии П. А. Дегтярёва, Л. М. Гайдукова и И. С. Прочко[81]. В январе 1944 г. командующие артиллерией фронтов и армий были введены в состав военных советов фронтов и армий[82]. Им были предоставлены большие права. Как отмечал Н. Н. Воронов: «Артиллерийские командиры впервые в истории отечественных вооруженных сил стали полновластными начальниками подчиненных частей и несли теперь в полном объеме ответственность за их боевые действия»[83].

Опыт первого года войны показал, что сложившаяся система подготовки и формирования артиллерийских частей в округах не соответствовала создавшимся условиям и требованиям войны. Необходимо было создать такие органы боевой подготовки и формирования, которые бы непосредственно подчинялись Управлению формирования артиллерии, обладали мощной материально-учебной базой и соответствующим управленческим аппаратом, способным обеспечить качественное укомплектование и обучение частей и соединений артиллерии РВГК.

Такими органами формирования и подготовки артиллерийских частей и соединений стали учебные артиллерийские центры. В соответствии с приказом НКО СССР от 18 мая 1942 г. были сформированы Московский, Гороховецкий и Сталинградский[84], а 2 июня — учебный центр зенитной артиллерии войск в Москве[85]. В апреле 1943 г. существующие артиллерийские центры были преобразованы в учебные артиллерийские лагеря и еще три сформированы дополнительно — Рыбинский, Тамбовский и Пензенский (последний — зенитной артиллерии). В марте 1944 г. был создан также Лужский лагерь, который в августе 1944 г. преобразован в учебный лагерь гвардейских минометных частей[86].

Командир орудия Е. Ержазаров с расчётом за разработкой карточки противотанкового огня

Курсанты артиллерийского училища на занятиях по огневой подготовке

Колонна «катюш» направляется на передовую

В связи со стремительным наступлением советских войск на запад учебные артиллерийские лагеря приказом НКО от 14 ноября 1943 г. были передислоцированы ближе к фронту, что способствовало улучшению управления боевой подготовкой артиллерийских частей и соединений, снижению объема железнодорожных перевозок и, в конечном счете, сокращению сроков переформирования и доукомплектования. В 1944–1945 гг. были сформированы Брестский, Брянский, Волчанский, Житомирский, Львовский, Каунасский учебные артиллерийские лагеря.

Для повышения оперативного руководства и контроля над боевой деятельностью частей противовоздушной обороны войск Красной армии, повышения их эффективности в боях и установления единых мероприятий по их боевому применению с лета 1942 г. они стали подчиняться начальнику артиллерии Красной армии. В штаб артиллерии был введен Отдел противовоздушной обороны войск Красной армии[87], который приказом НКО от 18 ноября 1942 г. переформирован в Управление противовоздушной обороны войск Красной армии[88].

В годы войны создавались и широко применялись новые виды вооружения, в том числе артиллерийского. В связи с этим требовалась разработка способов применения такого вооружения, руководство его созданием и производством. Уже в июле 1941 г. при ГАУ Красной армии был образован Отдел специального артиллерийского вооружения. На него возлагались следующие задачи: формирование и боевая подготовка спецчастей, вооруженных боевыми машинами М-8 и М-13, и инспектирование частей; обеспечение вновь формируемых подразделений материальной частью и специальным артиллерийским вооружением; организация производства и приемка материальной части, специальных артиллерийских выстрелов; снабжение действующих на фронте войск материальной частью и боеприпасами[89].

Учитывая необходимость быстрейшего развития реактивной артиллерии и ее всестороннего обеспечения, гвардейские минометные части (ГМЧ) постановлением ГКО «О минометных частях М-8 и М-13» 8 сентября 1941 г. были выведены из состава ГАУ и подчинены непосредственно Ставке ВГК[90], а также созданы органы их управления. Командующим ГМЧ был назначен военный инженер 1 ранга В. В. Аборенков, с 4 мая 1942 г. ставший заместителем народного комиссара обороны. Штаб формирования и укомплектования ГМЧ располагался в поселке Алабино под Москвой.

Для оперативного руководства и боевого использования гвардейских минометных дивизионов, приданных фронтам и армиям, приказом НКО от 11 января 1942 г. были созданы «Оперативные группы минометных частей фронтов и армий», которые подчинялись командующему минометными частями[91]. Создание органов управления ГМЧ позволяло Ставке ВГК держать части в высокой степени боевой готовности, маневрировать ими и массированно применять на решающих участках фронта. К концу 1942 г. реактивная артиллерия в действующей армии была представлена четырьмя гвардейскими минометными дивизиями, восемью полками и 72 отдельными дивизионами[92].

Количественно и качественно реактивная артиллерия во время войны непрерывно росла, и к 1945 г. ее удельный вес в артиллерии РВГК достигал 13–14%. В составе ГМЧ насчитывалось 38 отдельных дивизионов, 114 полков, 11 бригад и семь дивизий реактивной артиллерии[93]. В апреле 1943 г. в целях объединения руководства всеми артиллерийскими средствами Красной армии в одних руках, более тесного взаимодействия артиллерии с гвардейскими минометными частями и рационального использования артиллерийских кадров постановлением ГКО гвардейские минометные части были подчинены непосредственно командующему артиллерией Красной армии[94].

Командующий гвардейскими минометными частями, являвшийся одновременно заместителем командующего артиллерией Красной армии, отвечал за организацию частей и их правильное боевое использование, боевую подготовку, сохранение материальной части и боеприпасов, обеспечение кадрами и снабжение вооружением, снаряжением и боеприпасами[95]. Штаб ГМЧ был переформирован в отдел и введен в штаб артиллерии. Училища ГМЧ, запасные части и штаб формирований переданы в соответствующие управления командующего артиллерией[96].

С бурным развитием бронетанковых войск и артиллерии, созданием крупных танковых соединений и объединений, опытом их применения в ходе войны возникла необходимость иметь самоходную артиллерию, защищенную броней и способную сопровождать стрелковые и танковые соединения на всю глубину операции, находясь непосредственно в боевых порядках этих войск. Уже 2 декабря 1942 г. было принято решение о расширении производства самоходных артиллерийских установок и оснащении ими войск[97]. Еще в ноябре 1942 г. был сформирован учебный центр самоходной артиллерии, дислоцированный в Москве. Для руководства организацией, подготовкой и формированием частей самоходной артиллерии было сформировано Управление механической тяги и самоходной артиллерии в составе ГАУ[98]. За период с января по май 1943 г. было подготовлено и отправлено в действующую армию 22 полка самоходной артиллерии[99]. На основании постановления ГКО от 14 апреля 1943 г. приказом НКО от 23 апреля 1943 г. самоходная артиллерия была передана в ведение командующего БТ и МВ, которому переподчинены Управление самоходной артиллерии, учебный центр, учебные полки и службы[100].

В целях изучения опыта действий артиллерии на фронтах и передачи его артиллерийским частям и соединениям в феврале 1943 г. в составе Главного управления командующего артиллерией Красной армии был создан Отдел по изучению опыта и истории артиллерии в Отечественной войне[101]. Увеличение возможностей экономики СССР способствовало существенному качественному и количественному росту артиллерии всех видов. Развитие материальной части артиллерии шло от модернизации старых образцов до создания новых, более совершенных. Наращивание объема производства вооружения и военной техники

позволили в 1943 г. обеспечить потребность действующей армии, быстро восстанавливать боеспособность войск, восполнять потери в ходе операций.

К началу 1945 г. в составе Красной армии было 89 артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии, 138 артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных бригад и бригад реактивной артиллерии. Артиллерия РГК увеличилась по минометам — почти в 17 раз, по орудиям — более чем в 5 раз, здесь находилось 35% всех орудий и минометов[102]. Усиление боевого состава, развитие организационной структуры артиллерии осуществлялось по пути роста количества и повышения качества артиллерийских систем, укрупнения частей и соединений, улучшения управления ими. Это обеспечивало маневр крупными артиллерийскими соединениями и позволяло Ставке ВГК, командующему артиллерией Красной армии и командующим фронтами массировать артиллерию на главных направлениях и создавать ее высокие оперативные плотности на участках прорыва. В силу этого артиллерия стала не только тактическим, но и оперативным средством Ставки ВГК, она являлась главной огневой силой Красной армии, основным средством подавления и уничтожения противника во всех видах боевых действий — «богом войны».

Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии (ГУ ВВС КА). Развитие и совершенствование авиации накануне нападения Германии на СССР осуществлялось на основе положений и выводов советской военной науки о характере вероятного вооруженного противостояния и в соответствии с опытом Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и военных кампаний Второй мировой войны в Европе.

Для централизации руководства ВВС постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 июня 1940 г.[103] было создано Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии как центральный орган Наркомата обороны, подчинявшийся непосредственно наркому обороны[104]. Основными его функциями являлись: руководство боевой и политической подготовкой ВВС; разработка способов боевого применения авиационных соединений; совершенствование методов их управления; разработка организации частей и соединений; руководство военно-учебными заведениями ВВС; подбор и учет начальствующего состава; управление службами технического, аэродромного и тылового обеспечения ВВС.

Главное управление ВВС Красной армии состояло из штаба и управлений: боевой подготовки, военно-учебных заведений, штурманской службы, кадров, младшего и летно-технического состава, строительства и эксплуатации аэродромов, опытного строительства, технической эксплуатации, заказов вооружения, авиации дальнего действия, а также отделов: мобилизационно-планового, горюче-смазочных материалов и других[105].

Начальником Главного управления ВВС 12 августа 1940 г. был назначен генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов[106], которого 12 апреля 1941 г. сменил генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев[107]. Его заместителем стал генерал-майор Ф. Я. Фалалеев, начальником штаба — генерал-майор П. С. Володин, военным комиссаром — корпусной комиссар П. С. Степанов. Следует заметить, что за 3,5 предвоенных года сменились пять начальников Главного управления ВВС, причем сроки их пребывания на этом посту имели тенденцию к сокращению. А. Д. Локтионов пробыл на должности около двух лет, Я. В. Смушкевич — около года, П. В. Рычагов — полгода, П. Ф. Жигарев вступил в должность начальника ВВС менее чем за месяц до начала войны[108]. Естественно, что за столь короткое время трудно овладеть таким сложным и быстро растущим «хозяйством», тем более в условиях войны.

Накануне войны ВВС Красной армии состояли: из дальней бомбардировочной авиации Главного командования (составлявшей 13,5% от всей авиации), фронтовой авиации (ВВС округов — 40,5%), армейской (ВВС армий — 43,7%), войсковой (корпусные эскадрильи — 2,3%)[109].

Нападение нацистской Германии на СССР, мощные авиационные удары по аэродромам западных приграничных военных округов, стремительное продвижение группировок германского вермахта в глубь территории страны заставили советское командование срочно искать решения по противодействию ударам люфтваффе и остановке ударных группировок вермахта. Одна из первых директив Ставки Главного командования от 24 июня 1941 г. предписывала

«в целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии», 25 июня начать операцию советской авиации по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии[110]. Планирование воздушной операции осуществляло Главное управление ВВС Красной армии, а управление авиацией — командующий ВВС Северного фронта генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков. Операция продолжалась шесть дней, в ней приняло участие 236 бомбардировщиков и 224 истребителя[111].

Вследствие больших потерь советской авиации в первые дни войны, соотношение сил на советско-германском фронте резко изменилось в пользу противника. Немецкая авиация захватила стратегическое господство в воздухе. Боевой опыт вскрыл несоответствие организационных структур органов управления ВВС армий, фронтов и Главного управления ВВС. Проявился разрыв в управлении ВВС фронтов, армий и Главным управлением ВВС Красной армии.

В такой критической обстановке 29 июня 1941 г. Ставка Главного командования своими приказами учредила должность командующего Военно-воздушными силами Красной армии и Военного совета при нем. Командующим был назначен генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев[112]. Постановлением СНК СССР от 20 июля он стал заместителем наркома обороны по авиации. Командующему ВВС подчинялись штаб ВВС (генерал-майор Г. А. Ворожейкин) и Главное управление ВВС (генерал-майор И. Ф. Петров). Введение должности командующего ВВС, создание Военного совета и штаба ВВС позволило укрепить командно-оперативные функции ВВС.

Для улучшения руководства подготовкой резервов ВВС в августе 1941 г. было создано Управление формирования и укомплектования ВВС, введена должность заместителя командующего ВВС, которому подчинялись Управление боевой подготовки и Управление формирований и укомплектования ВВС. Было сформировано Управление эксплуатации и ремонта ВВС[113]. В это же время было создано Управление устройства тыла и назначен начальник тыла ВВС — заместитель командующего по тылу генерал-майор Н. А. Соколов-Соколёнок[114]. В состав штаба ВВС дополнительно были введены отделы: штурманской службы, авиадесантный, по изучению и использованию опыта войны и группа авиационных офицеров Генерального штаба на правах отдела из расчета по три человека на фронт. При командующем ВВС была сформирована инспекция[115]. В целях централизации руководства формированием новых авиационных соединений и частей, а также подготовкой авиационных кадров различных категорий 10 февраля 1942 г. было образовано Главное управление формирования и укомплектования ВВС, которое объединило три управления: укомплектования, боевой подготовки и военно-учебных заведений[116].

Изменение оперативно-стратегической обстановки в ходе зимней кампании 1941–1942 гг. потребовало перестройки руководства ВВС. 25 февраля 1942 г. народным комиссаром обороны была утверждена новая структура управления Военно-воздушными силами Красной армии. В штабе существующие отделы были развернуты в управления: оперативное, разведывательное, организационно-мобилизационное, связи. Главное управление ВВС Красной армии включало главные управления: заказов и технического снабжения, обучения, формирования и укомплектования, а также управления: главного инженера, начальника тыла, кадров[117].

Одновременно с этим усиливалось и командование ВВС Красной армии. 12 апреля 1942 г. вместо П. Ф. Жигарева командующим Военно-воздушными силами Красной армии был назначен генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков[118], который с 7 февраля 1942 г. являлся первым заместителем командующего ВВС. 26 апреля постановлением СНК СССР он одновременно занял должность заместителя народного комиссара обороны по авиации[119]. Начальником штаба 2 мая вновь стал генерал-майор С. А. Худяков[120], который в декабре 1942 г. был назначен членом Военного совета ВВС[121]. Первым заместителем командующего ВВС 13 ноября 1942 г. был утвержден генерал-лейтенант Ф. Я. Фалалеев. По решению ГКО 18 марта 1943 г. членом Военного совета ВВС был назначен генерал-лейтенант Н. С. Шиманов, одновременно исполнявший обязанности заведующего авиационным отделом ЦК ВКП(б)[122].

П. Ф. Жигарев

А. Е. Голованов

В. С. Молоков

Командование ВВС Красной армии и командующие воздушными армиями.
В центре (сидят) — нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин и командующий ВВС А. А. Новиков

С самого начала войны перед командованием ВВС встала проблема подготовки авиационных резервов. По приказам Ставки ВВС фронтов и армий усиливались за счет соединений и частей внутренних округов. До 1 декабря 1941 г. в действующую армию было отправлено 45 авиадивизий и значительное количество полков и отдельных эскадрилий[123]. Однако и такое усиление ВВС фронтов не решало проблемы. Потери превосходили поступающее пополнение.

Для решения задач ВВС фронтов Ставка ВГК широко использовала соединения дальнебомбардировочной авиации (ДБА). С 22 июня по 31 декабря 1941 г. ДБА произвела 74% всех самолето-вылетов в интересах непосредственной поддержки войск на поле боя и лишь 16,5% для ударов в тылу противника[124].

В августе 1941 г. Главное управление ВВС приступило к созданию резервных авиационных групп (РАГ) в составе 4–8 авиаполков по 80–160 самолетов каждая. К концу 1941 г. было создано шесть таких групп, которые использовались Ставкой для наращивания усилий фронтов[125].

В битве под Москвой боевые действия ВВС Западного, Калининского, Юго-Западного фронтов, Московской зоны обороны, авиационных групп резерва и соединений ДБА координировали командующий ВВС генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев и его штаб.

Для усиления ВВС фронтов с 3 марта 1942 г. по постановлению ГКО началось формирование более мощных ударных авиационных групп (УАГ), которых к маю было создано 10 (по 100–120 самолетов)[126]. Руководство этими группами, как правило, осуществлялось членами Военного совета ВВС.

Военный совет ВВС продолжал поиски оптимальных организационных структур мощных авиационных резервов. С 1 июля 1942 г. было развернуто формирование двух истребительных и одной бомбардировочной армий. Однако практически была сформирована и приняла участие в боевых действиях только 1-я истребительная авиационная армия (около 280 истребителей)[127]. Боевой опыт показал нецелесообразность такой организации резервов, поэтому было принято решение на базе этих армий и ударных авиационных групп создавать авиаци-

онные корпуса резерва Ставки ВГК. Главное управление ВВС сформировало 30 авиационных корпусов и 27 отдельных авиадивизий резерва ВГК однородного состава. Их удельный вес в составе ВВС доходил до 43%[128]. Авиационные корпуса оказались наиболее приемлемой структурой резервов Ставки. Они позволяли надежно управлять соединениями, осуществлять широкий маневр авиацией и резко менять соотношение сил в воздухе в свою пользу.

Боевой опыт 1941 г. показал, что созданием импровизированных групп и усилением ими ВВС фронтов и армий проблему централизованного управления авиацией полностью решить нельзя. Командующий ВВС генерал-лейтенант П. Ф. Жигарев 15 марта 1942 г. докладывал председателю ГКО И. В. Сталину о необходимости свести всю авиацию фронта в крупные организационные единицы с единым командованием[129]. В приказе НКО от 5 мая 1942 г. отмечалось: «В целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиаударов, объединить авиасилы Западного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование 1-й воздушной армии»[130]. Воздушные армии фронтов включали по 3—4 авиадивизии и имели 800—3000 самолетов[131]. Всего в 1942 г. было сформировано 17 воздушных армий[132]. Такая организация авиационных объединений оказалась самой удачной и эффективной в управлении. Значительно расширились функции штаба ВВС, особенно в вопросах руководства штабами воздушных армий в части подготовки их как органов управления.

По вопросам организации и ведения боевых действий авиацией командующие воздушными армиями непосредственно подчинялись командующим войсками фронтов, а по вопросам комплектования, боевой подготовки, аэродромного и материального обеспечения — командующему ВВС Красной армии.

Объединение в составе воздушной армии всей авиации, имевшейся у фронта, способствовало централизованному управлению ею и применению для решения задач на главных направлениях действий войск фронта. В стратегических операциях ВВС фронта взаимодействовали с авиацией соседних фронтов, авиацией дальнего действия и ПВО по единым планам и под командованием ВВС Красной армии.

Для централизации руководства частями переподготовки, повышения профессиональных качеств пилотов действующей армии приказом НКО от 8 января 1943 г. было создано Главное управление боевой подготовки фронтовой авиации[133]. Оно предназначалось для обучения кадров авиационных соединений и частей резерва Ставки и их штабов боевому применению самолетов всех типов, взаимодействию родов авиации между собой и с наземными войсками. В апреле 1943 г. была сформирована Инспекция ВВС, которая непосредственно подчинялся командующему ВВС Красной армии[134].

К концу войны центральными органами ВВС Красной армии являлись: командование (командующий ВВС и два его заместителя), Военный совет, штаб ВВС (в составе управлений: оперативного организационно-мобилизационного, разведывательного, штурманской службы и службы земного обеспечения самолетовождения, а также отделов: химической службы, метеослужбы, специальной связи, по изучению и обобщению опыта войны), главные управления (заказов и технического снабжения, авиационной службы, формирования и боевой подготовки ВВС, боевой подготовки фронтовой авиации), управления (кадров, импортное, финансовое), тыл ВВС и другие.

Таким образом, совершенствование структуры и функций органов руководства Военно-воздушными силами осуществлялось в направлении совершенствования оперативного управления и эффективного использования их в войне.

Реорганизация системы управления коснулась и такого компонента ВВС Красной армии, как Дальнебомбардировочная авиация Главного командования. Она предназначалась прежде всего для подрыва военно-экономической мощи противника ударами авиации по объектам его глубокого тыла[135]. 23 октября 1940 г. приказом НКО была введена должность помощника начальника Главного управления командующего ВВС по ДБА, на которую назначен генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров[136]. Спустя две недели, 6 ноября 1940 г., в составе Главного управления ВВС было сформировано 12-е управление дальнебомбардировочной авиации[137]. С апреля 1941 г. начальником управления стал полковник Л. А. Горбацевич.

Курсанты военного авиационного училища на занятиях

Командир звена ставит задачу слушателям школы военных пилотов

Накануне войны ДБА организационно включала пять авиационных корпусов, три отдельные дивизии, один отдельный авиационный полк и насчитывала до 1800 самолетов. С начала войны проявился кризис управления дальнебомбардировочной авиацией. Ставка ГК передала большинство соединений на усиление ВВС фронтов. В первые 13 дней войны задачи ДБА ставили народный комиссар обороны, начальник ВВС и командующие войсками фронтов. И лишь 4 июля директивой Ставки было решено «постановку задач ДБ авиации возложить на начальника Генерального штаба лично». Директиву подписал начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков[138].

Процесс переподчинения и реформирования соединений ДБА не прерывал боевой деятельности авиации, продолжавшей, согласно директивам Ставки, наносить удары по объектам в глубине обороны противника. При крайне незначительном восполнении потерь самолетный парк быстро уменьшался. По состоянию на 10 июля ДБА насчитывала только 515 исправных самолетов, а в октябре 1941 г. — 275[139]. В такой обстановке Государственный Комитет Обороны своим постановлением от 5 марта 1942 г. преобразовал соединения и части дальнебомбардировочной авиации в авиацию дальнего действия (АДД) **с** подчинением ее непосредственно Ставке ВГК[140]. Командующим АДД был назначен генерал-майор авиации А. Е. Голованов[141].

Основным органом оперативного управления являлся штаб АДД, который размещался в помещении Военной академии имени Н. Е. Жуковского в Москве. Он состоял из отделов: оперативного, разведывательного, штурманского, метеослужбы, связи, санитарного, химического и восьмого. В управление командующего входили: отделы обучения, формирования и укомплектования, кадров, финансовый, служба тыла, инспекция АДД[142].

Командование АДД по директивам Ставки планировало и проводило удары (операции) по объектам в тылу противника, а также привлекало соединения для усиления фронтовой авиации. Возросший объем задач потребовал усиления мощи авиационных ударов по объектам противника. 30 апреля 1943 г. по предложению генерала А. Е. Голованова ГКО принял постановление «О формировании авиакорпусов в составе АДД при Ставке ВГК». Вместо имевшихся 11 отдельных авиационных дивизий было сформировано восемь корпусов[143], а количество самолетов в составе АДД доведено до 700[144]. Авиационные корпуса оказались наиболее приемлемой организационной структурой авиации, маневренным средством дальнего действия, управляемым штабом АДД.

По мере продвижения советских войск на запад АДД стала больше использоваться в оперативной и тактической глубине в интересах фронтов и армий. В целях улучшения организации оперативного управления АДД и более тесного взаимодействия с воздушными армиями фронтов по предложению Военного совета ВВС Красной армии 6 декабря 1944 г. авиация дальнего действия была преобразована в 18-ю воздушную армию (командующий — главный маршал авиации А. Е. Голованов) и передана в подчинение командующего ВВС[145]. В боевой состав армии входило пять бомбардировочных авиационных корпусов и четыре отдельные авиадивизии[146]. На 15 декабря 1944 г. армия насчитывала 1364 исправных самолета (общее число — 1421) семи типов[147]. Командный пункт находился в Бресте. Это позволяло командованию ВВС применять дальние бомбардировщики массированно на главных направлениях в стратегических операциях.

Вместе с авиаторами ВВС Красной армии и флота воевали и летчики Гражданского воздушного флота. Первым шагом к усилению ВВС Красной армии было постановление СНК СССР от 23 июня 1941 г. об оперативном подчинении Гражданского воздушного флота (ГВФ) Наркомату обороны СССР. На Главное управление ГВФ возлагались функции: административного руководства, материально-технического оснащения и финансирования ГВФ. 9 июля 1941 г. приказом НКО объявлялось: «Личный состав ГВФ, непосредственно зачисленный в особые авиационные группы ГВФ, считать призванными в Красную армию, и на них распространяются все права и преимущества для военнослужащих Красной армии»[148]. Основной задачей Главного управления ГВФ, согласно положению на военное время, являлось обеспечение воздушно-транспортных перевозок частей Красной армии

Проверка радиосвязи в истребителе P-63 «Кингкобра» перед перегоном в СССР в рамках поставок по ленд-лизу

Советские и американские летчики на Аляске

и Военно-морского флота. Для выполнения этих задач было сформировано шесть авиагрупп ГВФ особого назначения (Северная, Прибалтийская, Белорусская, Киевская, Юго-Западная, Московская), в оперативном отношении они подчинялись командующим ВВС фронтов, а три авиаотряда (Северный, Балтийский, Черноморский) предназначались для обеспечения Военно-морского флота СССР[149].

Необходимость усиления авиационной мощи потребовала сосредоточения всех компонентов ВВС под единым руководством. Постановлением ГКО от 26 апреля 1942 г. Главное управление Гражданского воздушного флота во всех отношениях было подчинено командующему Военно-воздушными силами Красной армии[150]. Основными функциями Главного управления ГВФ являлись: руководство деятельностью частей и соединений ГВФ, обслуживающих Красную армию и ВМФ воздушными перевозками на фронте и в тылу; выполнение особых заданий ГКО по перевозкам людей и грузов; планирование и осуществление мероприятий по десантированию войск и отдельных групп в тылу противника; подготовка пилотов и специалистов для гражданской авиации; руководство ремонтными и обслуживающими службами, обеспечивающими нормальную деятельность ГВФ.

Организационно Главное управление ГВФ состояло из десяти управлений: политического, эксплуатационного, ремонтно-технического, связи и сигнализации, капитального строительства, планово-финансового, центрального снабжения, кадров, учебных заведений и боевой подготовки, управления делами, а также четырех самостоятельных отделов[151]. Данная структура способствовала твердому управлению, своевременному снабжению и техническому обслуживанию соединений и частей ГВФ и их эффективному применению.

В целях сокращения управленческого аппарата 22 августа 1943 г. Главное управление ГВФ перешло в подчинение командования авиации дальнего действия[152], где и действовало до 27 ноября 1944 г., когда вышло постановление ГКО «О слиянии АДД с ВВС и выделении гражданской авиации в самостоятельную организацию»[153].

Одной из специфических функций командования ВВС Красной армии было руководство доставкой самолетов из США в СССР. В Главном управлении ГВФ 1 августа 1942 г. было создано Управление Красноярской воздушной трассы для перегонки самолетов от Уэлькаль (Аляска, США) до Красноярска. Перегонку самолетов осуществляла 1-я перегоночная авиационная бригада[154]. Впоследствии с расширением объема поставок и приобретением опыта работы постановлением ГКО от 11 июня 1943 г. было сформировано Управление воздушной магистрали Москва — Уэлькаль, которому подчинялась воздушная трасса Красноярск — Уэлькаль. 1-я перегоночная авиационная бригада была переформирована в 1-ю перегоночную авиационную дивизию (пять авиаполков)[155]. До конца войны своим ходом (перелетом по воздуху) было доставлено 7928 самолетов[156].

Война убедительно показала, что жесткая централизация управления оперативными объединениями фронтовой авиации, авиацией дальнего действия и авиационными резервами ВГК в руках старшего авиационного начальника явилась наиболее эффективной формой управления ВВС Красной армии. Она обеспечивала сосредоточение авиационных сил на нужном направлении и четкую координацию действий, своевременное перенацеливание и высокую результативность действий Военно-воздушных сил.

В годы Великой Отечественной войны ВВС Красной армии внесли достойный вклад в дело разгрома врага. Создание сильной бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации, сведенной в крупные организационные формы, способствовало проведению самостоятельных воздушных операций крупного масштаба. Изменилось место авиации в общей системе Вооруженных сил СССР: по численности личного состава ВВС заняли второе место после сухопутных войск.

ВВС Красной армии наращивали свою ударную мощь за счет количественного и качественного обновления самолетного парка. К концу войны в действующей армии было уже 155 авиационных дивизий, а авиационный парк вырос в четыре раза и насчитывал 22,3 тыс. боевых самолетов. В годы войны было сформировано 17 воздушных армий фронтовой авиации, а затем и воздушная армия авиации дальнего действия. Количественный и качественный

состав воздушных армий неуклонно повышался, и в 1944–1945 гг. они имели около 1,5 тыс. самолетов, а в отдельных операциях — 2,5–3 тыс. самолетов за счет усиления резервами Ставки. К началу 1945 г. в резерве Ставки ВГК было сформировано 30 авиационных корпусов и 27 отдельных дивизий[157].

Централизация управления авиацией в масштабе страны позволяла командующему ВВС Красной армии обеспечивать сосредоточение усилий авиации на решении наиболее важных задач на любом направлении, исходя из боевых возможностей, замысла операций и характера действий противника, своевременно реагировать на все изменения стратегической обстановки. Однако при отсутствии достаточно мощной авиации дальнего действия массированные удары по важнейшим объектам противника в глубоком тылу наносились эпизодически и недостаточно эффективно.

Главное управление противовоздушной обороны Красной армии (ГУ ПВО КА). Развитие войск противовоздушной обороны СССР накануне Великой Отечественной войны осуществлялось в соответствии с увеличением средств воздушного нападения, особенно бомбардировочной авиации вероятного противника. Главное управление противовоздушной обороны Красной армии было образовано приказом НКО от 27 декабря 1940 г. на базе Управления противовоздушной обороны РККА[158]. Главное управление ПВО являлось центральным органом управления Народного комиссариата обороны и согласно приказу НКО от 15 марта 1941 г. подчинялось начальнику Генерального штаба[159]. 14 июня вместо Г. М. Штерна начальником Главного управления ПВО был назначен генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов.

На начальника Главного управления возлагались руководство организацией противовоздушной обороны территории страны и разработка вопросов технического вооружения и использования всех средств ПВО: зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, истребительной авиации, выделенной для ПВО, прожекторов, аэростатов заграждения и службы ВНОС[160].

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об усилении противовоздушной обороны СССР» в феврале 1941 г. «угрожаемая по воздушному нападению территория СССР» была разделена на зоны, районы и пункты ПВО. В зоны противовоздушной обороны (их было 13 по числу и в границах военных округов) входили все средства ПВО: истребительная авиация, зенитные части и средства ВНОС, выделенные для защиты пунктов, объектов, сооружений и мостов на территории соответствующего округа. Руководство противовоздушной обороной возлагалось: в центре — на начальника Главного управления ПВО Красной армии; в военных округах — на помощника командующего войсками округа по противовоздушной обороне территории округа, он же являлся командующим соответствующей зоной ПВО, подчиняясь во всех отношениях командующему войсками округа[161].

Группировка войск ПВО располагалась в угрожаемой зоне вдоль западной границы и в Закавказье на глубину 500–600 км. Здесь находились 90% всей зенитной артиллерии и почти вся истребительная авиация, выделенная для решения задач ПВО. Всего к началу войны в составе войск ПВО имелось: корпусов ПВО — 3, дивизий — 2, отдельных бригад — 9, полков — 28, дивизионов — 109, полков ВНОС — 6, батальонов ВНОС — 35 и ряд других частей. Из состава ВВС было выделено 40 истребительных авиационных полков[162].

В целом система противовоздушной обороны СССР перед началом Великой Отечественной войны, по оценкам руководства Наркомата обороны, отвечала уровню развития советской военной науки и состоянию средств воздушного нападения противника. Вместе с тем она имела и серьезные недостатки: отсутствовало единое управление войсками ПВО (прежде всего это относилось к авиации, которая не была полностью подчинена командованию ПВО), ряд частей и соединений имел некомплект вооружения и личного состава; управление силами и средствами ПВО в округах в основном опиралось на проводные линии связи; части ВНОС были обеспечены радиостанциями на 20–25%, личный состав радиосвязью пользовался слабо[163]. И главное, система ПВО не была приведена в полную боевую готовность. Функциями оперативного руководства войсками ПВО территории страны ведал Генеральный штаб, а не Главное управление ПВО. Именно этим можно объяснить тот факт, что с началом войны генерал Н. Н. Воронов, находясь в своем московском служебном кабинете, так и не дождался

Н. Н. Нагорный

Летчицы 586-го истребительного авиаполка обсуждают прошедший боевой вылет у самолета Як-1

сигнала на применение войск ПВО[164]. Только к исходу второго дня войны противовоздушная оборона объектов и пунктов, расположенных в 500–600-километровой полосе, а также ПВО Москвы и Баку были готовы к отражению воздушного противника[165].

Вероломное нападение нацистской Германии на СССР поставило войска ПВО в тяжелое положение. В результате массированных ударов противника с воздуха по аэродромам и ожесточенных воздушных боев ВВС западных военных округов в первые дни войны понесли огромные потери, вследствие чего вражеская авиация завоевала господство в воздухе, а частям зенитной артиллерии ПВО пришлось отражать налеты без должной поддержки истребителей.

Учитывая, что имеющимися силами ПВО невозможно было в необходимой степени прикрыть все объекты даже в угрожаемой зоне, основные усилия войск ПВО концентрировались на защите крупных городов СССР: Москвы, Ленинграда, Баку, Горького и других. Главное внимание командования было сосредоточено на воздушной обороне Москвы. Постановление ГКО от 9 июля 1941 г. «О противовоздушной обороне Москвы»[166] было направленно на принятие мер по увеличению сил и средств ПВО столицы. В результате противовоздушная оборона города позволила успешно отражать воздушные нападения врага и сохранить город от разрушений. Аналогичные мероприятия проводились и по усилению ПВО Северной столицы в соответствии с постановлением ГКО от 22 июля 1942 г. «О противовоздушной обороне города Ленинграда»[167].

Надежная противовоздушная оборона важнейших центров, районов и объектов страны являлась задачей центрального органа и не могла решаться раздробленными силами ПВО, находящимися в подчинении различных командных инстанций (фронтов, округов, центра). Все это настоятельно требовало объединения усилий всей системы ПВО страны, централизованного управления войсками.

В целях усиления и укрепления противовоздушной обороны территории страны на основании постановления ГКО от 9 ноября 1941 г. войска ПВО Красной армии были изъяты из подчинения военных округов и подчинены народному комиссару обороны. Существовавшие зоны противовоздушной обороны на европейской части территории СССР расформировывались и создавались дивизионные районы ПВО территории страны[168]. Для управления войсками ПВО вводилась должность заместителя народного комиссара обороны по противовоздушной обороне и одновременно командующего войсками ПВО территории страны. На эту должность был назначен генерал-лейтенант артиллерии М. С. Громадин. При командующем были созданы: Военный совет, штаб, Управление истребительной авиации, Главное управление ПВО территории страны[169]. М. С. Громадину подчинялись командующие дивизионными районами ПВО, Московским корпусным районом ПВО, истребительной авиацией, выделенной для противовоздушной обороны, которая подчинялась командующему войсками ПВО территории страны только в оперативном отношении и лишь в январе 1942 г. была подчинена полностью.

Дальнейшее развитие организационной структуры войск ПВО обусловливалось характером стратегической обстановки на советско-германском фронте, количественным и качественным ростом частей и соединений ПВО. По представлению командующего войсками ПВО страны Государственный Комитет Обороны 5 апреля 1942 г. преобразовал Московский корпусной район ПВО в Московский фронт ПВО, а 2-й и 3-й корпуса ПВО — соответственно в Ленинградскую и Бакинскую армии ПВО[170], которые действовали до конца войны. Это были первые оперативные объединения ПВО в Красной армии. В целях улучшения руководства войсками ПВО приказом НКО от 31 мая 1942 г. Главное управление ПВО территории страны упразднялось, а входящие в него управления и отделы стали подчиняться непосредственно Военному совету войск ПВО территории страны[171].

Командующий войсками ПВО страны генерал М. С. Громадин и его штаб, осуществляя непосредственное руководство большим количеством объединений и соединений ПВО, по мнению Ставки ВГК, были не в состоянии обеспечить твердое управление войсками. Поэтому ГКО 29 июня 1943 г. признал необходимым расформировать Управление командующего войсками ПВО территории страны, а контроль за действиями фронтов и зон ПВО

и координацию их действий, а также планирование вооружения и комплектование войск ПВО были возложены на командующего артиллерией Красной армии маршала артиллерии Н. Н. Воронова[172]. При нем находились Центральный штаб войск ПВО, Центральный штаб истребительной авиации ПВО, Главная инспекция ПВО, Центральный пост ВНОС, Управление боевой подготовки[173].

В российской историографии такое решение ГКО оценивается неоднозначно. В ряде трудов говорится, что «нельзя признать целесообразной в проведенной реорганизации органов управления ликвидацию должности командующего войсками ПВО территории страны. Передача его функций командующему артиллерией Красной армии явилась шагом назад в области совершенствования организационной структуры ПВО»[174].

В соответствии с постановлением ГКО от 29 июня 1943 г. были созданы два фронта противовоздушной обороны: Западный — со штабом в Москве (генерал-лейтенант М. С. Громадин) и Восточный — со штабом в Куйбышеве (генерал-лейтенант Г. С. Зашихин). Московский фронт ПВО был преобразован в Особую Московскую армию ПВО, а авиация фронта сведена в 1-ю воздушную истребительную армию ПВО. Дальневосточная, Забайкальская и Среднеазиатская зоны ПВО передавались в подчинение военным советам соответствующих фронтов и округов, Ленинградская армия ПВО и Ладожский дивизионный район ПВО оставались в подчинении Военного совета Ленинградского фронта.

Первоначально это существенно улучшило управление войсками, сделало его более гибким и оперативным, однако по мере увеличения разрыва между соединениями Западного фронта ПВО, продвигавшегося вслед за наступавшими войсками, и соединениями Восточного фронта ПВО, остававшимися на месте, все более отчетливо проявлялись недостатки проведенной реорганизации. Силы и средства ПВО использовались не в полную мощь и с различной боевой нагрузкой. Дальнейший ход войны показал, что подобная группировка войск ПВО себя не оправдала. Поэтому для более эффективного управления войсками ПВО страны и взаимодействия с войсками фронтов на основании постановления ГКО от 29 марта 1944 г.[175] Западный фронт был переформирован в Северный фронт ПВО со штабом в Москве, а Восточный — в Южный фронт ПВО со штабом в Харькове, Закавказская зона ПВО преобразована в Закавказский фронт ПВО со штабом в Тбилиси. В результате руководство фронтами стало более активным, а управление соединениями и объединениями ПВО — более оперативным и результативным.

По мере продвижения советских войск территория Северного и Южного фронтов быстро расширялась на запад и юго-запад, поэтому ряд дивизий и корпусов ПВО перебрасывались из глубины страны за пределы СССР. В соответствии с решаемыми задачами в новых условиях обстановки 24 декабря 1944 г. Северный фронт ПВО был преобразован в Западный со штабом в Вильнюсе, Южный — в Юго-Западный со штабом во Львове. На базе управления Особой Московской армии ПВО был создан Центральный фронт ПВО со штабом в Москве[176]. Одновременно Центральный штаб войск ПВО переименовывался в Главный штаб ПВО Красной армии, а Центральный штаб истребительной авиации ПВО — в Главный штаб истребительной авиации ПВО Красной армии. Приморская, Приамурская и Забайкальская армии ПВО со штабами в Ворошилове, Хабаровске и Чите подчинялись военным советам фронтов[177].

Такая организационная структура войск ПВО территории страны обеспечивала не только оперативное и твердое управление соединениями и объединениями, но и позволяла Ставке ВГК осуществлять широкий маневр силами из глубины, конкретизировать ответственность командующих и их штабов за противовоздушную оборону вверенных им стратегических направлений и объектов. Эффективность такой реорганизации подтвердилась всем ходом войны.

Одновременно с качественным переоснащением войск шел и количественный рост. К концу Великой Отечественной войны в боевом составе войск ПВО территории страны было четыре фронта ПВО, шесть отдельных армий, 15 корпусов и 18 дивизий ПВО. Число истребителей возросло в 2,7 раза, зенитных орудий среднего калибра — почти в 3 раза, зенитных орудий малого калибра — более чем в 26 раз, зенитных пулеметов — в 13 раз, при увеличении

общей численности личного состава войск ПВО в 3,5 раза. Насчитывалось радиолокационных станций обнаружения и наведения — 231, станций орудийной наводки — 368[178].

В годы Великой Отечественной войны система оперативно-стратегического управления войсками ПВО территории страны постоянно совершенствовалась. Реформированию подлежали как войска, так и органы руководства в центре и на местах.

Главное военно-инженерное управление Красной армии (ГВИУ КА). Как центральный орган Народного комиссариата обороны СССР по руководству боевой и технической подготовкой инженерных войск и укреплению сухопутных границ СССР на базе Военно-инженерного управления Красной армии было создано Главное военно-инженерное управление[179]. Начальником ГВИУ приказом НКО от 16 июля 1940 г. был назначен генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, а в марте 1941 г. его заменил генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр. А. Ф. Хренов как не справившийся с работой был назначен с понижением — начальником ВИУ Московского военного округа[180]. Инспектором инженерных войск Красной армии стал генерал-майор инженерных войск М. П. Воробьёв[181]. Главное военно-инженерное управление состояло из управлений: военно-инженерной подготовки, оборонительного строительства, военно-инженерного снабжения и запасов, кроме того, при нем состоял технический совет. ГВИУ непосредственно подчинялось заместителю народного комиссара обороны Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову[182].

На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 марта 1941 г. из состава Главного военно-инженерного управления Красной армии выделялось Управление оборонительного строительства с подчинением заместителю народного комиссара обороны Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову[183]. Управление руководило строительством укрепленных районов, их эксплуатацией, а также строительством крупных объектов противовоздушной обороны.

За Главным военно-инженерным управлением остались функции: руководство инженерными войсками и подготовкой других родов войск в инженерном отношении; снабжение войск инженерным имуществом и накопление его запасов на случай войны; разработка по указаниям Генерального штаба мероприятий по подготовке территории страны к войне в инженерном отношении; руководство усовершенствованием техники инженерной службы путем разработки тактико-технических требований к новым образцам вооружения, наблюдение за их производством, организация испытаний и вооружение ими Красной армии; разработка программ и наставлений по военно-инженерному делу; руководство военно-инженерными складами[184].

С началом войны ГВИУ продолжало действовать в прежней организации мирного времени. В это время инженерные войска Красной армии оказались в чрезвычайно тяжелом положении. По состоянию на 22 июня к оборонительным работам на западной государственной границе были привлечены 136 дивизионных и 38 корпусных саперных батальонов[185]. Они попали под удары авиации, артиллерии и передовых частей противника и понесли огромные потери в людях и технике. Потери инженерных складов, низкая укомплектованность инженерным имуществом саперных частей и подразделений округов создали бедственное положение со снабжением действующей армии.

Формирование новых инженерных частей стало важнейшей задачей Главного военно-инженерного управления. Требовалось срочно развернуть и сформировать сотни новых саперных батальонов для вновь формируемых стрелковых и кавалерийских соединений, а также инженерных частей для других родов войск. Так, по ходатайству начальника ГВИУ в июле 1941 г. Ставкой было разрешено сформировать сверх мобилизационного плана 75 дивизионных и 25 корпусных саперных батальонов[186]. В течение июля — декабря 1941 г. было сформировано 911 различных инженерных частей общей численностью 384 334 человека[187].

В период стратегической обороны возникла настоятельная необходимость заблаговременного строительства тыловых оборонительных рубежей. На основании постановления ГКО от 13 ноября 1941 г. были сформированы саперные армии (40 саперных бригад)[188], которые вначале подчинялись Главному управлению оборонительного строительства при

Л. З. Котляр

И. П. Галицкий

А. Я. Калягин

Г. П. Чистяков

НКО СССР, а с 28 ноября 1941 г. — непосредственно начальнику инженерных войск Красной армии. Саперные армии, в свою очередь, служили основной базой для подготовки частей и соединений инженерных войск. Так, по приказу Ставки от 28 ноября 1941 г. из саперных армий было выделено 90 саперных батальонов в резерв ВГК, которые по мере подготовки передавались в действующую армию. К концу 1942 г. саперные армии были расформированы, а 26 саперных бригад переформированы в саперные бригады РВГК.

В связи с развитием самостоятельной боевой деятельности инженерных войск и формированием саперных армий для руководства всеми инженерными войсками и инженерным обеспечением операций постановлением ГКО от 13 октября 1941 г. была введена должность начальника инженерных войск Красной армии[189], на которую был назначен генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр. Управление начальника инженерных войск Красной армии состояло из командования, штаба, Главного военно-инженерного управления (имело три управления: военно-инженерной подготовки, инженерного вооружения, инженерного снабжения), Управления оборонительного строительства, Инженерного комитета, инспекции и отдела кадров. Начальнику инженерных войск также подчинялись Военно-инженерная академия имени В. В. Куйбышева и инженерные училища. Он полностью отвечал за подготовку, подбор и расстановку кадров инженерных войск[190]. Во фронтах (армиях) вводилась должность заместителя командующего войсками фронта (армии), являвшегося также начальником инженерных войск фронта (армии). В военных округах восстанавливалась должность начальника инженерных войск, «неправильно ликвидированная в начале войны»[191]. 25 апреля 1942 г. управление военно-инженерной подготовки ГВИУ было слито со штабом[192].

16 апреля 1942 г. начальником инженерных войск Красной армии был назначен генерал-майор инженерных войск М. П. Воробьёв, а генерал-майор Л. З. Котляр в связи с болезнью занял должность начальника Инспекции инженерных войск[193]. Постановлением СНК от 26 апреля 1942 г. генерал М. П. Воробьёв был назначен заместителем народного комиссара обороны[194].

К концу войны структура Управления начальника инженерных войск Красной армии включала: командование, штаб, Главное военно-инженерное управление, Главное управление оборонительного строительства, Инспекцию инженерных войск, Инженерный комитет, отдел кадров[195]. В ходе войны уточнялись и его функции: совершенствование структуры инженерных войск; руководство формированием инженерных частей и соединений; накопление по указанию ГКО и Ставки ВГК инженерных резервов; осуществление контроля над правильным использованием инженерных войск во фронтах и армиях; руководство строительством тыловых оборонительных рубежей и устройством инженерных заграждений; организация всестороннего инженерного обеспечения наступательных и оборонительных операций фронтов и армий; руководство инженерной службой фронтов и округов, а также инженерной подготовкой войск Красной армии; руководство подготовкой инженерных кадров; совершенствование и разработка новых образцов инженерной техники; обобщение опыта применения инженерных войск и внедрение его в их подготовку и практику[196].

Боевой опыт показал, что создание в начале войны штабов инженерных войск как органов управления в значительной степени способствовало улучшению организации и осуществлению инженерного обеспечения операций. Начальник инженерных войск Красной армии маршал инженерных войск М. П. Воробьёв впоследствии подчеркивал, что существование таких штабов диктовалось интересами эффективного управления и качественной боевой подготовки инженерных войск, а также инженерной подготовки родов войск[197].

В годы войны Управление начальника инженерных войск много внимания уделяло развитию организационной структуры инженерных войск. Если перед войной основной организационной структурой считался батальон, то в годы войны это была уже бригада. Бригадная организация давала возможность осуществлять маневр инженерными войсками в операции фронта, массировать их на направлении главного удара, облегчала управление ими и позволяла добиваться эффективного применения инженерных войск. Основное внимание было обращено на укрепление частей и соединений РВГК.

Понтонный мост через Днепр

Советские танкисты переправляются через реку Вислу

Для борьбы с танковыми и моторизованными соединениями противника по предложению начальника инженерных войск директивами Ставки ВГК в апреле 1942 г. стали формироваться в составе РВГК инженерные бригады специального назначения, инженерно-минные и горные минно-инженерные, понтонно-мостовые бригады. В июне 1943 г. формировались штурмовые инженерно-саперные бригады РВГК, а в 1944 г. — моторизованные инженерные бригады и моторизованные штурмовые инженерно-саперные бригады РВГК.

Представление о росте инженерных войск можно составить по следующим данным: если до войны в Красной армии было всего 34 инженерных и понтонных полка РГК, то к маю 1945 г. имелось инженерно-саперных и саперных бригад — 100, понтонно-мостовых бригад — 11, понтонно-мостовых полков — 11, отдельных понтонно-мостовых батальонов — 32, отдельных инженерных и саперных батальонов — 41, парков инженерных машин — 17 и ряд других подразделений РВГК[198].

Для оказания помощи в организации инженерного обеспечения операций фронтов или групп фронтов начальник инженерных войск направлял в действующую армию представителей центрального аппарата. На наиболее важные направления он выезжал лично либо командировал туда своих заместителей. С осени 1942 г. в состав оперативных групп представителей Ставки ВГК обязательно входили и ответственные работники Управления начальника инженерных войск Красной армии.

Таким образом, с началом военных действий потребовалась коренная перестройка организационной структуры центральных органов управления инженерными войсками. Наиболее существенным было введение должностей начальников инженерных войск Красной армии, фронта, армии и их штабов, ставших основными органами управления боевой деятельностью этих войск.

Органы обеспечения связи. Накануне войны обеспечением связи Главного командования занималось сразу четыре органа: Управление связи Красной армии, Отдел связи Оперативного управления Генерального штаба, Народный комиссариат связи СССР и Народный комиссариат внутренних дел СССР. Относительно независимо действовали отделы связи ВМФ, ВВС, ПВО страны[199]. Управление связи Красной армии (УСКА) являлось центральным органом Народного комиссариата обороны по руководству боевой подготовкой войск связи, организации служебной связи в Красной армии и снабжению войск имуществом связи. Оно непосредственно подчинялось начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову[200]. Начальнику управления непосредственно подчинялись: части связи Резерва Главного командования, Научно-испытательный институт связи и особой техники, Центральная школа собаководства, центральные склады связи[201]. Предполагалось, что в случае войны связь Главного командования с фронтами и военными округами будет осуществляться через систему стационарной связи Народного комиссариата связи СССР с мест постоянной дислокации.

С первых дней Великой Отечественной войны советское командование столкнулось с серьезной проблемой управления войсками действующей армии из-за неустойчивости связи. Существовавшие линии и узлы связи Наркомата связи оказались неподготовленными к действиям в условиях военного времени. Отмобилизовать войска связи западных военных округов не удалось. Так, 2 июля начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин докладывал начальнику Генерального штаба: «Части связи Западного фронта не отмобилизовались... Части связи 3, 4, 13-й армий имеют потери от 50 до 100%. Прибывшее управление 16-й армии потеряло свой батальон связи при изменении маршрута следования. Части связи Народного комиссариата связи не отмобилизованы»[202]. Не ладилось со связью во всех штабах фронтов и армий. И не столько по вине связистов, сколько из-за общей неблагоприятной стратегической обстановки, отсутствия должного опыта у командования всех степеней в применении различных средств связи для управления войсками. Расчет на организацию управления между Ставкой и фронтами по средствам связи Наркомата связи не оправдался.

И. Т. Пересыпкин

Связист гвардии рядовой А. Е. Ильченко из 73-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской дивизии у полевого телефона во время уличных боев в районе Воронежа

Красноармейцы-связисты Западного фронта прокладывают телефонную линию в поле

Солдаты и офицеры 2-го гвардейского полка связи у знамени части

Старшина-связист у рации во время боев в Берлине

Управление связи Красной армии во главе с генералом Н. И. Гапичем по своей структуре, качеству и численности личного состава, по мнению членов Государственного Комитета Обороны, оказалось неспособным осуществлять эффективное руководство войсками связи. С целью централизации руководства связью в стране и в вооруженных силах 22 июля 1941 г. постановлением ГКО начальником Управления связи Красной армии и одновременно заместителем наркома обороны был назначен полковник И. Т. Пересыпкин с сохранением за ним должности народного комиссара связи СССР[203]. Это решение ГКО ликвидировало ведомственные барьеры и позволило в дальнейшем применить все виды связи в интересах вооруженных сил, рационально использовать материально-технические ресурсы и всех связистов страны для улучшения работы связи по обеспечению стратегического управления войсками и страной.

Для улучшения работы по руководству и материально-техническому обеспечению войск связи 28 июля 1941 г. Управление связи было реорганизовано в Главное управление связи Красной армии (ГУСКА) и в его состав включен узел связи НКО для полного обеспечения связью Генерального штаба Красной армии[204]. В этот же день приказом НКО было утверждено «Положение о Главном управлении связи Красной армии» и штаты, которые по своей численности в три раза превышали прежний состав Управления связи[205]. Основными его функциями являлись: организация и обеспечение связи Главного командования; руководство работой по организации и обеспечению связи в частях и соединениях Красной армии; подготовка и использование всех средств связи страны на нужды военного командования; реализация заказов на имущество связи в промышленности; складское хранение имущества связи; инспектирование войск связи; подбор высшего и старшего начсостава связи.

Организационная структура ГУСКА включала: командование, оперативно-техническое управление, инспекцию, узел связи НКО, Управление вооружения средствами связи, Управление снабжения средствами связи, а также отделы: мобилизационно-плановый, кадров, финансовый, оборонительного строительства, общую и секретную части[206]. Начальником Главного управления связи Красной армии был назначен полковник (с декабря 1941 г. — генерал-лейтенант войск связи) И. Т. Пересыпкин[207].

В ходе войны организационная структура органов управления связи постоянно совершенствовалась, а функции их расширялись. 3 января 1942 г. было создано Управление боевой подготовки. 22 августа был сформирован дислопочтовый отдел, преобразованный 18 декабря в Управление военно-почтовой связи[208]. 5 октября 1943 г. в связи с сокращением численности аппарата центральных органов НКО были утверждены новые штаты и положение о ГУСКА. В его составе насчитывалось пять управлений: оперативно-техническое, боевой подготовки, вооружения средствами связи, военно-почтовой связи, снабжения средствами связи, а также 27 отделов[209]. Эта организационная структура оказалась наиболее оптимальной и просуществовала с некоторыми изменениями до конца войны.

Приоритетным направлением деятельности Главного управления связи с первых дней войны являлось обеспечение связи Ставки Главного командования (с 8 августа 1941 г. — Ставка ВГК) с фронтами, армиями. «Вопрос надежной связи с действующей армией был в то время вопросом вопросов, — отмечал А. М. Василевский. — Генштабу нужна была оперативная, четкая информация. Без нее управлять войсками нельзя»[210]. Для этого использовался узел связи Генштаба, так как Ставка не имела своего аппарата управления и средств связи. С выходом постановления ГКО № 300 узел связи Генштаба перешел в подчинение ГУСКА и стал обслуживать связью Наркомат обороны, в том числе и Генеральный штаб Красной армии[211].

В начале войны узел связи был единым и обслуживал все нужды Наркомата обороны, а затем его разделили на две части: основная обеспечивала связью Верховное главнокомандование и Оперативное управление Генштаба, а другая располагалась отдельно и обслуживала главные и центральные управления и органы тыла Наркомата обороны.

Для надежного и непрерывного обеспечения связи Верховного главнокомандования на основании постановления ГКО от 8 июля 1941 г. был сформирован подвижный узел связи, укомплектованный москвичами связистами[212]. С помощью подвижного узла на базе

железнодорожного состава можно было иметь связь со всеми штабами фронтов в любое время. Несколько позже был сформирован мощный подвижный узел связи, смонтированный на автомашинах. В течение всей войны эти узлы успешно использовались для обеспечения связи представителей Ставки ВГК, выезжавших на фронты.

Для связи Ставки, Генерального штаба с войсками применялись и другие подвижные средства связи, прежде всего авиация связи. Первоначально для этой цели использовались специальные самолеты ГВФ. В декабре 1941 г. была сформирована отдельная авиационная эскадрилья ГВФ, предназначенная специально для связи ВГК[213]. В начале декабря 1942 г., по предложению начальника Генерального штаба, была сформирована 3-я отдельная авиационная дивизия связи ГВФ, которая в оперативном отношении подчинялась начальнику Главного управления связи Красной армии[214]. Во фронтах создавались авиационные эскадрильи, а затем и полки связи.

Кроме обеспечения связи Ставки ВГК, Генштаба Главное управление связи помогало во всех отношениях организовывать надежную работу узлов связи штабов ВВС, ПВО, Народного комиссариата ВМФ и Центрального штаба партизанского движения. Начальники связи ВВС, АДД, ПВО в оперативном отношении не подчинялись начальнику ГУСКА. И только с 6 июля 1943 г. директивой НКО «Об использовании средств связи специальных родов войск» они были подчинены начальнику ГУСКА в оперативном отношении[215], что значительно улучшило руководство войсками связи в целом и управление вооруженными силами в операциях.

В наиболее ответственные моменты войны широко практиковалось направление в действующую армию представителей и комиссий ГУСКА. Сам начальник управления И. Т. Пересыпкин за годы войны 21 раз был на фронтах, некоторые командировки продолжались по два-три месяца[216].

Для обеспечения связи Генерального штаба со штабами фронтов и восстановления магистральных линий и узлов связи были сформированы батальоны связи. Одновременно создавались отдельные ремонтно-восстановительные, телеграфно-телефонные, радио и линейные батальоны связи РВГК. Только в течение первого года войны было сформировано свыше тысячи различных частей связи[217].

С целью повышения устойчивости и надежности связи ГУСКА разработало и применило на практике узлы связи особого назначения (УСОН). Задача их состояла в обеспечении связи Генерального штаба со штабами объединений и соединений резервов ВГК, действовавших на данном стратегическом направлении. Для их обслуживания были сформированы специальные части — отдельные дивизионы связи РВГК, а в последующем и отдельные полки связи[218].

Придавая исключительно важное значение стратегическому управлению войсками, нарком внутренних дел и Главное управление связи Красной армии предложили Государственному Комитету Обороны разделить функции связи между ГУСКА и НКВД. Постановлением ГКО «Об обеспечении бесперебойной связи Ставки Верховного главнокомандования со штабами фронтов и армий» все работы по строительству, эксплуатации и охране магистральных линий с цепями, занятыми под правительственную ВЧ-связь Ставки ВГК со штабами фронтов и армий, возлагались на Народный комиссариат внутренних дел СССР[219].

Существенную роль в улучшении связи Генерального штаба с фронтами и армиями и повышении ответственности за ее состояние сыграло введение в конце 1943 г. в ГУСКА должности начальника оперативного направления связи, на которую назначались, как правило, начальники войск связи фронтов или армий. Начальник оперативного направления связи отвечал за организацию и обеспечение устойчивой связи с фронтом или группой фронтов на одном стратегическом направлении. Ему подчинялись все части связи, обслуживавшие это направление[220].

Ввиду того что количество частей связи, непосредственно подчиненных Главному управлению связи Красной армии, значительно увеличилось, возникли трудности в управлении ими. Поэтому приказом НКО от 28 декабря 1944 г. все отдельные части связи были организационно сведены в бригады связи резерва ВГК[221]. Преимущество бригадной организации

при обслуживании оперативных направлений связи состояло в том, что они объединяли все части связи, в том числе и части узлов связи особого назначения.

Важным мероприятием, обеспечивавшим улучшение руководства государственной и военной связью, стало решение Государственного Комитета Обороны о децентрализации этого руководства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1944 г. народным комиссаром связи СССР был назначен К. Я. Сергейчук, а маршал войск связи И. Т. Пересыпкин остался заместителем народного комиссара обороны и начальником Главного управления связи Красной армии.

Специфическим мероприятием в обеспечении связи командования крупных гарнизонов на территории иностранных государств с Москвой, штабом фронта или отдельной армией было создание узлов связи специального назначения (УССН). 26 июня 1944 г. начальник Генерального штаба утвердил «Положение об узлах связи специального назначения и о комендантах связи»[222]. Право организовывать УССН предоставлялось начальнику Главного управления связи Красной армии.

В ходе Великой Отечественной войны в соответствии с условиями обстановки и экономическими возможностями страны совершенствовались и войска связи. С улучшением технической оснащенности, увеличением количества сил и средств связи ГУСКА были осуществлены мероприятия, направленные на укрупнение и специализацию частей связи, что значительно улучшало систему оперативно-стратегического управления Красной армии. Численность войск связи за годы войны выросла в четыре раза и составила почти 10% от общей численности вооруженных сил. В этих цифрах наглядно отражается роль войск связи в обеспечении управления войсками.

В целом военная связь в годы Великой Отечественной войны явилась основным техническим средством стратегического руководства Красной армии. Благодаря комплексному использованию проводных, радио и подвижных средств связи управление войсками становилось все более устойчивым, непрерывным и надежным.

Тыл Красной армии. Накануне Великой Отечественной войны непосредственное руководство тылом Красной армии возлагалось на Генеральный штаб, тылами фронтов и армий — на соответствующие штабы. Считалось, что в маневренной войне только общевойсковые штабы будут постоянно в курсе оперативно-стратегической обстановки и смогут правильно организовать работу тыла. Довольствующие органы были разобщены. Согласно приказу НКО от 15 марта 1941 г. «О распределении обязанностей между заместителями народного комиссара обороны» первому заместителю НКО Маршалу Советского Союза С. М. Будённому непосредственно подчинялись: Главное интендантское управление Красной армии, Санитарное управление Красной армии, Ветеринарное управление Красной армии и Отдел материальных фондов[223].

В составе Генерального штаба Красной армии находились Управление военных сообщений и Управление устройства тыла и снабжения. Кроме того, непосредственно начальнику Генерального штаба Красной армии подчинялось Управление снабжения горючим Красной армии. Финансовое управление при НКО подчинялось наркому обороны Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко[224].

В тяжелейших условиях начавшейся войны оперативно-стратегические органы тыла выполняли следующие задачи: обеспечивали мобилизационное развертывание соединений и частей Красной армии, а также осуществляли тыловое обеспечение войск действующей армии, которые вели боевые действия на фронте от Баренцева до Черного моря, производили отмобилизование собственных частей и учреждений, вывозили из-под ударов противника запасы материальных средств, промышленные и сельскохозяйственные предприятия и гражданское население.

За первые три недели войны были потеряны материальные и технические средства, необходимые для обеспечения войск, ведущих оборонительные бои. Уже к 10 июля в оккупированных районах оказалось более 200 складов, баз, то есть 68% из общего количества дислоцируемых на территории западных приграничных военных округов[225].

Не обходилось и без перекосов другого порядка. Например, для перевода армии на военное положение согласно плану МП-41 требовалось 4887 тыс. человек. Однако при объявлении мобилизации были призваны военнообязанные 14 возрастов, общая численность которых составила около 10 млн человек[226]. Это не соответствовало необходимости, вносило дезорганизацию в народное хозяйство и усиливало тревогу в обществе. Кроме того, на складах не было даже такого количества обмундирования. Так, комиссар интендантского управления Западного фронта 26 июля 1941 г. докладывал: «Мы совершенно не имеем обуви и летнего обмундирования. Во многих частях даже командиры ходят в белых туфлях»[227].

Центральные органы управления снабжения НКО в начальный период войны практически бездействовали. 30 июня 1941 г. главный интендант Красной армии генерал А. В. Хрулёв, докладывая начальнику Генштаба генералу армии Г. К. Жукову, отмечал: «Дело организации службы тыла действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Ни я как главный интендант, ни Управление тыла и снабжения Генерального штаба на сегодняшний день не имеем никаких данных по обеспечению продовольствием и интендантским имуществом фронтов... Подвоза — также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить»[228]. Тогда генерал Г. К. Жуков с присущей ему прямотой ответил А. В. Хрулёву: «Мы сами не имеем никаких связей. И не знаем, что войскам требуется»[229].

Первый месяц войны показал, что существовавшая система управления тылом не соответствовала условиям начавшейся войны. Были необходимы решительные меры по реформированию и улучшению управления тыловым обеспечением действующей армии, создание централизованного руководства службами из единого стратегического органа. Требовались смелость и глубокая убежденность в правоте задуманного. Группа специалистов-тыловиков из Генерального штаба и Главного интендантского управления под руководством А. В. Хрулёва после тщательной разработки представила свои соображения и варианты проекта постановления «Об организации Главного управления тыла Красной армии, управлений тыла фронта и армии» на рассмотрение в ГКО. Инициативу поддержал член ГКО А. И. Микоян, который отвечал за снабжение армии в годы войны. 28 июля 1941 г. проекты документов были представлены И. В. Сталину, который их сразу же утвердил.

В постановлении ГКО от 28 июля 1941 г. «Об улучшении работы Генерального штаба Красной армии и центральных управлений Наркомата обороны» в разделе «Работа тыла Красной армии» сказано: «В целях улучшения работы ввести должность начальника тыла Красной армии. При начальнике тыла иметь Главное управление тыла Красной армии и штаб нач[альника] тыла... Главная обязанность начальника тыла — организация и регулирование подвоза всех видов снабжения и пополнения к фронтам и эвакуация в тыл военного имущества, больных и раненых военнослужащих... Во фронтах и армиях создать Управления тыла во главе с начальником тыла фронта, армии, являющегося вместе с тем заместителем командующего фронтом, армией и подчиненного одновременно начальнику тыла Красной армии»[230].

На основании этого постановления был издан приказ НКО от 1 августа 1941 г. «Об организации Главного управления тыла Красной армии и управлений тыла фронтов и армий»[231]. Начальником тыла Красной армии и одновременно начальником Главного управления тыла Красной армии был назначен генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулёв. В составе Главного управления тыла находились: штаб начальника тыла, управления военных сообщений и автодорожное, инспекции. Начальнику тыла подчинялись: Главное интендантское управление, Управление снабжения горючим, Санитарное управление и Ветеринарное управление[232]. Затем в подчинение начальника тыла было передано и Финансовое управление.

В этот же день, 1 августа 1941 г., был подписан приказ НКО «О назначении начальников тыла фронтов». Накануне, 30 июля, при назначении первых начальников тыла фронтов народный комиссар обороны обстоятельно беседовал с ними в своем кабинете, отметив: «Война требует железного порядка и снабжения войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов, армий. Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе

своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить»[233]. В итоге были назначены начальники тыла семи фронтов: генерал-лейтенант В. К. Мордвинов (Северный фронт), генерал-майор М. Г. Снегов (приступить к новым обязанностям не смог, поскольку был ранен и 7 августа 1941 г. попал в плен) (Северо-Западный фронт), генерал-лейтенанты В. Н. Курдюмов (Западный фронт), М. С. Хозин (Резервный фронт), В. Ф. Яковлев (с сентября 1941 г. — генерал-майор И. Г. Советников) (Юго-Западный фронт), М. А. Рейтер (Центральный фронт) и И. К. Смирнов (Южный фронт).

Новая структура управления тылом себя оправдала и в основном сохранилась до конца войны. Общее планирование тылового обеспечения войск в ходе войны осуществлялось Генштабом Красной армии в соответствии с военно-политическими целями и стратегическими задачами. Конкретное же доведение всего, что требовалось объединениям, соединениям и частям для жизни и боя, проводилось разветвленной системой тыла совместно с главными и центральными довольствующими и обеспечивающими управлениями Наркомата обороны под непосредственным руководством начальника тыла Красной армии. Основным оперативно-тыловым документом органов стратегического тыла явились директивы по тылу, которые отдавались фронтам, как правило, за подписью начальника Генерального штаба и начальника тыла.

Особое место в общей системе руководства тылом занял штаб начальника тыла. Первым начальником штаба был назначен генерал-майор П. В. Уткин, а с сентября 1941 г. — генерал-майор М. П. Миловский, который находился в этой должности всю войну. В состав штаба тыла входили отделы: планирования материального снабжения действующей армии и новых формирований, планирования железнодорожных и автомобильных перевозок, организации органов и учреждений тыла, эвакуации, кадров и общий.

В связи с увеличением объема работы органов тылового обеспечения центральный аппарат тыла Красной армии был реорганизован и численно усилен. Постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. Главное управление тыла Красной армии было упразднено, а управления, входившие в его состав, стали замыкаться непосредственно на начальника тыла Красной армии — заместителя народного комиссара обороны по тылу[234]. Согласно приказу НКО от 12 июня 1943 г. ему непосредственно были подчинены: штаб тыла, Центральное управление ВОСО (ЦУП ВОСО), главные управления Красной армии — автомобильное, дорожное, интендантское, продовольственного снабжения, военно-санитарное, управления Красной армии — снабжения горючим, ветеринарное, финансовое, по персональному учету потерь младшего начальствующего и рядового состава действующей армии и пенсионному обеспечению их семей, административно-хозяйственное, редакция журнала «Тыл и снабжение Красной армии», а также отдел кадров. Непосредственно начальнику тыла были подчинены Военная академия тыла и снабжения имени В. М. Молотова и Военно-транспортная академия Красной армии имени Л. М. Кагановича[235].

Штаб начальника тыла Красной армии в дальнейшем в организационной структуре совершенствовался и в апреле 1945 г. в своем составе имел 12 отделов: устройства тыла, снабжения фронтов и округов, обеспечения организационных мероприятий и резервных соединений, железнодорожных и водных перевозок, автомобильных и авиационных перевозок, организационный и штатно-приказной, боевой подготовки, по делам военнопленных, интернированных и репатриированных, по использованию трофейного и народно-хозяйственного имущества, секретный и административно-хозяйственная часть.

В соответствии с постановлением ГКО от 11 сентября 1941 г. в вооруженных силах устанавливался новый порядок назначения фондов и отпуск продовольствия войскам фронтов в соответствии со списочной численностью, но не более количества пайков, установленных Государственным Комитетом Обороны[236]. По согласованию с правительством Управление продовольственного снабжения разработало новые продовольственные нормы на военное время, которые ГКО утвердил 12 сентября 1941 г. Всего было определено 14 продовольственных норм, по которым снабжались войска Красной армии[237]. В конце сентября 1941 г. был осуществлен переход к месячному планированию снабжения продовольствием Красной

М. П. Миловский

В. И. Виноградов

М. В. Захаров

армии, установлены размеры запасов, подлежащих содержанию в войсках. Но, как показала практика, эти запасы не обеспечивали бесперебойное снабжение войск. Учитывая большую растянутость железнодорожных и автомобильных коммуникаций, в 1943 г. было принято решение о повышении запасов продовольствия для всех фронтов на 30 суток, а для Карельского фронта — на 40 суток. Эти нормы для планирования снабжения продовольствием фронтов действующей армии сохранялись до конца войны.

Осознавая важность продовольственного снабжения действующей армии, ГКО своим постановлением от 24 января 1942 г. усилил органы управления продовольственного снабжения во всех структурах вооруженных сил. В центре было создано Главное управление продовольственного снабжения Красной армии, подчиненное наркому обороны И. В. Сталину. Начальником Главного управления был назначен бригадный инженер Д. В. Павлов (нарком торговли РСФСР). Этим же постановлением ГКО были персонально утверждены начальники управлений продовольственного снабжения всех десяти в то время существовавших фронтов действующей армии[238]. 19 апреля 1942 г. Главное управление продовольственного снабжения Красной армии было переподчинено начальнику тыла Красной армии, где и оставалось до конца войны[239].

Контроль над снабжением и обеспечением войск материальными средствами был важнейшей функцией ГКО, органов тыла и командования действующей армии. И все же, как показала проверка особой комиссией ГКО на Калининском фронте в мае 1943 г., «имелись серьезные срывы в питании красноармейцев», несмотря на то что фронт и армии были обеспечены продовольствием. По этому поводу в приказе НКО № 0374 от 31 мая 1943 г. указывалось: «Дело снабжения чрезвычайно сложное и трудное и должно находиться в руках самых опытных руководителей и составлять одну из ответственных задач военных советов фронтов и армий»[240]. В целях усиления руководства военным снабжением всех видов во фронтах, войсковым хозяйством и материальным обеспечением соединений в приказе предусматривалось возложить эти обязанности на первых членов военных советов фронтов (персонально), а вторые освобожденные члены военного совета фронта являлись их постоянными помощниками[241].

В июне 1943 г. на основании постановления ГКО в Красной армии была изменена система подвоза. Ответственность за доставку всех видов материальных средств в подчиненные части и соединения возлагалась на старшего начальника тыла. Это имело большое значение для своевременного обеспечения войск материальными средствами ведения боевых действий.

14 октября 1943 г. ГКО своим постановлением возложил снабжение армии продфуражом на главного интенданта Красной армии генерал-лейтенанта интендантской службы П. И. Драчёва. Главное управление продовольственного снабжения было переформировано в управление и включено в состав Главного интендантского управления[242].

Надежность обеспечения войск действующей армии материальными средствами полностью зависела от возможностей подвоза. В стратегическом и оперативном звеньях тыла подвоз осуществлялся в основном железнодорожным транспортом по принципу «от себя» (сверху вниз). Развертывание органов управления ВОСО в начале войны было сорвано. Контролировать их продвижение и выгрузку со стороны НКПС оказалось некому, вследствие чего управление перевозками было нарушено. Вся вина за это наркомом железнодорожного транспорта Л. М. Кагановичем была возложена на начальника ВОСО Красной армии генерал-лейтенанта технических войск Н. И. Трубецкого[243].

После этого некоторое время службу ВОСО возглавлял генерал А. В. Хрулёв. В соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. служба ВОСО в центре, во фронтах и армиях была изъята из Генерального штаба и общевойсковых штабов и передана в состав Главного управления тыла с непосредственным подчинением начальнику тыла Красной армии, начальникам тыла фронтов и армий. С июля 1941 по 1943 г. Управление ВОСО Генерального штаба, а затем ЦУП ВОСО Красной армии возглавлял военный инженер 1 ранга (генерал-лейтенант) И. В. Ковалёв, с 1944 г. — генерал-майор В. И. Дмитриев. В ходе войны Управление ВОСО постоянно реорганизовывалось и в феврале 1943 г. было переименовано в Центральное управ-

ление ВОСО с переподчинением Генеральному штабу Красной армии, а уже через 36 дней, в марте 1943 г., приказом НКО органы ВОСО были переданы в состав тыла Красной армии[244].

Необходимость подвоза военных грузов действующей армии и осуществление оперативных перевозок автомобильным транспортом в начальный период войны потребовали от ГКО принятия постановления от 16 июля 1941 г. «Об организации автодорожной службы на шоссейно-грунтовых дорогах и о формировании автомобильно-тракторных батальонов». Согласно этому постановлению было организовано Автомобильно-дорожное управление Красной армии[245], которое с 29 июля 1941 г. подчинено начальнику тыла Красной армии[246].

В ходе войны в связи с увеличением объема подвоза материальных средств войскам, масштабов перегруппировок войск в операциях, эвакуационных перевозок, а также значительным ростом автомобильного парка возникла настоятельная необходимость усиления органов управления в центре. В соответствии с постановлением ГКО от 8 мая 1942 г. на базе Автомобильно-дорожного управления Красной армии и Управления военно-дорожных работ тыла Главного управления шоссейных дорог НКВД было создано Главное управление автотранспортной и дорожной службы Красной армии во главе с генералом З. И. Кондратьевым. Во фронтах были образованы соответствующие управления, в армиях — отделы автотранспортной и дорожной службы[247].

Дальнейшее возрастание значения дорожного и автотехнического обеспечения операций, а также автомобильных перевозок выявило необходимость разделения автомобильной и дорожной службы. В июне 1943 г. было создано Главное дорожное управление Красной армии[248]. Задачи по организации и управлению оперативными, снабженческими и эвакуационными автомобильными перевозками были возложены на Главное автомобильное управление, находящееся в подчинении начальника тыла Красной армии[249].

Приказом НКО от 25 марта 1942 г. в составе Главного управления тыла Красной армии было сформировано Управление по сбору и использованию трофейного вооружения, имущества и металлолома[250], которое в соответствии с постановлением ГКО от 5 апреля 1943 г. передано Трофейному комитету ГКО[251]. Быстрое продвижение Красной армии в ходе наступательных операций, привело к захвату крупных трофеев. В связи с этим в апреле 1944 г. трофейная служба Красной армии была усилена[252], а 21 февраля 1945 г. создано Главное трофейное управление Красной армии[253], переданное в подчинение непосредственно начальнику тыла Красной армии[254]. Аналогичные изменения произошли также во фронтах и армиях.

В ходе войны тыл армии и флота принял и доставил от промышленности и сельского хозяйства страны непосредственно в войска огромное количество вооружения, боевой и другой техники, более 10 млн тонн различных боеприпасов, свыше 16 млн тонн горючего, около 40 млн тонн продфуража, 38 млн шинелей, 73 млн гимнастерок, 70 млн хлопчатобумажных и около 20 млн ватных шаровар, 64 млн пар кожаной обуви, 11 млн пар валяной, большое количество других материальных средств[255].

За годы войны было восстановлено и перешито 120 тыс. км железнодорожных путей[256], что более чем на 13% превышает эксплуатационную длину железнодорожной сети СССР в 1940 г. Объем воинских железнодорожных перевозок за войну в среднем превысил 19 млн вагонов[257], что эквивалентно почти 300 млн тонн грузов. Ежедневно отгружалось 284 поезда с войсками и военными грузами. Общий объем перевозок, выполненных автомобильным транспортом в ходе операций Великой Отечественной войны, составил 625 200 тыс. тонн (39 млн вагонов)[258].

Большой вклад в общее дело победы над врагом внесла военно-медицинская служба. Вместе с органами Народного комиссариата здравоохранения ей удалось добиться невиданных в истории отечественной медицины результатов: во время войны были возвращены в строй 72% раненых и 91% больных. Тем самым создавались условия для регулярного пополнения действующей армии опытным и закаленным в боях личным составом.

Созданная в годы войны стройная централизованная структура органов управления тылом отвечала требованиям современной вооруженной борьбы и способствовала достижению стратегических целей войны. Великая Отечественная война стала тяжелым испыта-

нием и суровой проверкой жизненности высших органов управления Красной армии и их способности достойно выполнять свои функциональные обязанности в военное время. Развернувшаяся на огромном фронте вооруженная борьба с агрессором, стремительное продвижение его войск на восток, тяжелейшие потери личного состава и вооружения потребовали ускоренного стратегического развертывания сил Красной армии, формирования новых соединений и объединений, их вооружения и материально-технического обеспечения, подготовки военных кадров, совершенствования форм и методов стратегического руководства вооруженными силами.

Анализ реформирования органов управления и строительства родов войск в ходе войны показал, что оно зависело не только от уровня производительных сил страны, но и от умения органов оперативно-стратегического руководства определять пути и содержание развития родов войск и служб в каждом из периодов войны, способности использовать предоставленные государством ресурсы в интересах наиболее целесообразного, целеустремленного и экономного их использования для достижения военно-политических целей вооруженного противоборства.

В мероприятиях по совершенствованию организации руководства вооруженными силами с начала войны отчетливо прослеживается повышение роли и ответственности главных и центральных управлений НКО в планировании и обеспечении военных действий фронтов и групп фронтов. Это выразилось во введении должностей командующих соответствующих родов войск с органами управления (штабами), одновременно являвшихся заместителями наркома обороны, что обеспечивало необходимую авторитетность и весомость принимаемых решений в форме директив и приказов относительно использования того или иного рода войск в операциях.

Народный комиссариат Военно-морского флота в системе органов стратегического руководства вооруженными силами

Особенности стратегического руководства Военно-морским флотом в ходе войны определялись ее политическими целями и стратегическим содержанием, военно-географическими условиями морских театров СССР, ролью и местом ВМФ в вооруженной борьбе с главным противником — нацистской Германией, оперативными задачами и возможностями действовавших флотов.

При этом решающее влияние на эти особенности оказали проблемы организационного характера: при создании самостоятельного Наркомата Военно-морского флота его роль в системе стратегического руководства вооруженными силами в военное время была определена недостаточно четко. Взаимоотношения между двумя оборонными наркоматами при совместном решении вопросов применения сил и войск действующих объединений (фронтов, армий, флотов и флотилий) строгого нормативного оформления не получили. Положения, определявшие порядок стратегического и оперативного взаимодействия между войсками и силами Красной армии и ВМФ, носили самый общий характер, и при попытках их практической реализации обнаруживались серьезные противоречия. Включение в уже сложившуюся систему военного управления еще одной линии, идущей из аппарата правительства параллельно той, что уже шла сверху вниз через НКО и Генштаб Красной армии, нарушало важнейший принцип стратегического руководства СССР — централизацию.

По отношению к действиям на основном Европейском (континентальном) театре войны в прибрежных морях СССР вооруженная борьба носила ограниченный и второстеп енный характер. Кроме того, ограниченность целей и масштабов военных действий на этих морских театрах была в значительной степени обусловлена их географической изолированностью, закрытым характером, сложными климатическими условиями, периферийным положением

относительно важнейших океанско-морских коммуникаций и сравнительно низкой интенсивностью судоходства.

В связи с этим самостоятельные операции сил советского ВМФ не выходили за рамки действий оперативного масштаба, планирование и руководство которыми относилось к компетенции командующих соответствующими объединениями (флотами и флотилиями). К тому же эти действия (борьба с военно-морскими силами противника, нарушение его морских коммуникаций, оборона своих) велись непрерывно, в связи с чем планировались независимо от планов кампаний и стратегических операций и лишь в единичных случаях их задачи согласовывались с целями операций, которые велись приморскими объединениями Красной армии. Когда же эти объединения и силы флотов вели совместные действия, то за редким исключением (оборона военно-морских баз) руководство НК ВМФ и командование этих объединений оказывались на вторых ролях: первое — в качестве дополнительной контролирующей инстанции, второе — в качестве исполнителя замысла вышестоящего командования.

Деятельность Наркомата и Главного морского штаба ВМФ в годы войны существенно осложнялась из-за крупных ошибок, допущенных в 1920-х — первой половине 1930-х гг., устранить которые полностью в период непосредственной подготовки к отражению агрессии и в условиях военного времени возможности не имелось. Просчеты в прогнозировании стратегического и оперативного содержания вооруженной борьбы на море, чрезмерное влияние на строительство флота соображений экономического характера и ведомственных интересов представителей сухопутных войск, занимавших ключевые должности в руководстве объединенного военного ведомства, увлечение поисками асимметричного ответа на морское могущество держав, считавшихся наиболее вероятными противниками СССР, однако, в конечном счете, ставшими его союзниками, — все это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны ВМФ не был сбалансирован по родам сил и кораблям основных классов, а их распределение по морским театрам оказалось таково, что ни одно из существовавших на тот момент объединений не отвечало задачам, которые им пришлось решать фактически.

Есть все основания полагать, что образование самостоятельного Наркомата Военно-морского флота было вызвано не только тем, что создание океанского ВМФ по своему политическому значению являлось важнейшей государственной задачей. Совершенно очевидно, что, принимая это решение, руководство Советского Союза рассчитывало устранить перекосы в управлении строительством и подготовкой флота в период, когда он был лишен стратегической самостоятельности и пребывал в статусе рода сил Красной армии.

В соответствии с «Положением о Народном комиссариате Военно-морского флота СССР», введенным в действие 31 января 1938 г., НК ВМФ являлся общесоюзным наркоматом, «выполнявшим задачи морской обороны СССР»[259]. Возглавлял военно-морское ведомство народный комиссар ВМФ СССР, имевший двух заместителей (первого и начальника Главного морского штаба), наделенных правом по его поручению издавать приказы по РККФ. Совещательным органом при наркоме ВМФ являлся Главный военный совет (ГВС) ВМФ, деятельность которого регулировалась особым положением. Председательствовал в нем народный комиссар, а его состав утверждался Совнаркомом СССР по представлению наркома Военно-морского флота. Решения, принимавшиеся ГВС, утверждались им же и объявлялись его приказами и распоряжениями. Наркому ВМФ непосредственно подчинялись военные советы объединений и командование Военно-морской академии.

По состоянию на 22 июня 1941 г. в состав НК ВМФ входили Главный морской штаб (ГМШ) и два главных управления (политической пропаганды и портов). Непосредственно наркому подчинялись три управления (военно-воздушных сил, военно-морских учебных заведений и управление делами), финансовый отдел, группа контроля, постоянная приемная комиссия; его заместителям — 13 управлений (командное, организационно-строевое, кораблестроения, артиллерийское, минно-торпедное, химическое, связи, гидрографическое, техническое, инженерное, строительное, медико-санитарное, квартирно-эксплуатационное), инспекция противопожарной службы и шесть отделов[260].

Н. Г. Кузнецов

И. С. Исаков

В. А. Алафузов

С. Ф. Жаворонков

Л. М. Галлер

Во время Великой Отечественной войны организационная структура и основные функции Народного комиссариата ВМФ существенно не менялись. Как и в мирное время, наркомату делегировались полномочия по разработке и реализации планов строительства Военно-морского флота, руководству оперативно-боевой, мобилизационной, политической подготовкой ВМФ и его оперативным использованием, контроль над выполнением гражданскими наркоматами заказов для флота и приемка готовой продукции, организация научно-исследовательской, изобретательской и рационализаторской работы в военно-морском ведомстве, подготовка кадров, организация противовоздушной и местной противовоздушной обороны на морских театрах СССР, навигационно-гидрографическое обеспечение деятельности военных и гражданских ведомств и безопасности мореплавания, аэрогидрометеорологическое обеспечение боевой и повседневной деятельности флотов и флотилий, аттестование, перемещение и увольнение личного состава ВМФ, определение порядка прохождения службы командным, начальствующим и политическим составом и присвоение воинских званий. Кроме того, наркомат отвечал за материальное, техническое и специальное обеспечение ВМФ, осуществлял руководство службой военных сообщений на морских, озерных и речных театрах, привлекался к разработке международно-правовых актов и деятельности по военному и военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами.

Важное значение имела деятельность НК ВМФ по разработке и изданию уставов, наставлений, положений, руководств, правил, инструкций, наставлений и других нормативных документов, регламентирующих организацию службы в Военно-морском флоте, подготовку и применение его сил и войск. «Центральным органом НК ВМФ по подготовке использования РККФ для морской обороны страны» являлся Главный морской штаб Военно-морского флота. По состоянию на 22 июня 1941 г. в его состав входили четыре управления: оперативное, организационно-мобилизационное, разведывательное, боевой подготовки, а также отделы: военного сообщения, исторический, материального планирования и общий. На них возлагались: разработка планов применения ВМФ и боевых уставных документов; руководство оперативно-боевой подготовкой и разведывательной деятельностью; планирование и проведение мобилизационных мероприятий в Военно-морском флоте и взаимодействующих с ним гражданских наркоматах; развитие организационно-штатной структуры объединений, соединений и частей; оперативное оборудование морских театров; обеспечение военных перевозок морским и речным транспортом; руководство планированием заказов для НК ВМФ; разработка оперативно-тактических заданий по созданию и модернизации кораблей, вооружений и военной техники; обобщение опыта военных действий на море; руководство шифровальной службой; обеспечение скрытности управления ВМФ[261].

13 февраля 1941 г. в связи с созданием Наркомата государственной безопасности на базе бывшего Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД при НК ВМФ было сформировано 3-е управление, организационно в него не входившее и отвечавшее за «борьбу с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, вредительством и антисоветскими проявлениями в Военно-морском флоте»[262].

Высший руководящий состав Наркомата ВМФ к началу Великой Отечественной войны стабилизировался. В число первых лиц военно-морского ведомства входили народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов, его первый заместитель — начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков, начальник Главного управления политической пропаганды армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов, заместители наркома: по кораблестроению и вооружению — адмирал Л. М. Галлер, по боевой подготовке — вице-адмирал Г. И. Левченко, по кадрам — корпусной комиссар С. П. Игнатьев, по тылу — генерал-лейтенант береговой службы С. И. Воробьёв (назначен с июня 1942 г.), начальник Управления ВВС ВМФ генерал-майор С. Ф. Жаворонков. Существенное влияние на принятие решений по основным направлениям деятельности наркомата оказывал заместитель начальника Главного морского штаба — начальник оперативного управления ГМШ ВМФ контр-адмирал В. А. Алафузов.

Командование Севастопольского оборонительного района:
И. Е. Петров, П. А. Моргунов, Ф. С. Октябрьский, Н. А. Остряков

На командном пункте Краснознаменного Балтийского флота:
Н. К. Смирнов, В. Ф. Трибуц, А. Д. Вербицкий

Несмотря на то что в числе основных функций наркомата упоминалось «оперативное использование» ВМФ, а в составе Главного морского штаба имелось соответствующее подразделение, полномочия наркома Военно-морского флота по стратегическому руководству действующими объединениями даже в отношении вооруженной борьбы на море не были определены.

Не было определенности и в вопросе о стратегическом взаимодействии между Красной армией и Военно-морским флотом. Из проекта «Положения о Наркомате обороны и Генеральном штабе Красной армии» упоминание о морских силах было изъято[263], но поскольку оно так и не вступило в действие, оставалось в силе Положение 1935 г., в соответствии с которым общее руководство вооруженной борьбой на море возлагалось на Генштаб Красной армии.

Впоследствии, характеризуя взаимоотношения между двумя оборонными ведомствами накануне войны, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов писал: «Организующих документов недоставало. Почти совсем не было разработано положение о том, как будет осуществляться управление боевыми действиями из центра и какие взаимоотношения установятся между фронтами и флотами на месте. Попытки внести ясность по этому вопросу в предвоенный 1940 год, когда был издан ряд директив по совместной подготовке округов и флотов к боевым действиям на приморских направлениях, фактически результата не имели. Произошло это потому, что армейское командование, с одной стороны, не хотело подчинять флоту ни одной крупной части, а с другой — не хотело брать на себя ответственность за оборону того или иного приморского объекта или военно-морской базы... В результате этот и все другие вопросы, которые требовали уточнения еще в мирное время, были оставлены на начальный период войны»[264].

При этом в соответствии с «Соображениями об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза», объявленных директивой народного комиссара обороны от 14 октября 1940 г., общие задачи ВМФ заключались в следующем: во взаимодействии с ВВС Красной армии нанести решительное поражение флотам наших противников; оказывать содействие наступлению сухопутных сил и уничтожению береговой обороны противника; активными действиями на коммуникациях противника не допустить подвоза войск и боевого снаряжения в порты воюющих против СССР государств; осуществлять оборону побережья СССР, не допуская высадки вражеских десантов; по указанию Главного командования осуществлять высадку морских десантов во фланг и тыл приморских группировок противника. Исходя из этого, планировалось Балтийский и Черноморский флоты с началом войны передать в подчинение Главному командованию Вооруженных сил СССР, Северный флот — Ленинградскому военному округу, Пинскую военную флотилию — Западному военному округу, Тихоокеанский флот — Дальневосточному фронту, Амурскую военную флотилию — 2-й Краснознаменной армии[265].

В мае 1940 г. НКО и НК ВМФ ввели в действие разработанное совместно «Положение о взаимодействии войск КА и сил ВМФ при обороне побережья». 11 марта 1941 г. начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков и начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков подписали совместную директиву «О подготовке связи для взаимодействия частей и соединений Красной армии и ВМФ»[266]. В «Плане обороны государственной границы 1941 г.» задачи Северного, Балтийского и Черноморского флотов были конкретизированы[267], однако в управления округов и флотов он был направлен только в мае, в связи с чем и на оперативном уровне вопросы межвидового взаимодействия до нападения Германии на СССР решить не удалось.

Определенную роль в том, что такие вопросы решались с большим запозданием, играли слабая теоретическая разработка вопросов создания и применения межвидовых группировок и человеческий фактор. В нормативно-правовых документах, определявших основы совместного применения войск армии и сил флота, отсутствовало четкое, не допускающее слишком широкого толкования понятие «оперативное подчинение». На оперативном уровне в 1930-е гг. взаимодействие войск приморских объединений и морских сил отрабатывалось регулярно (противодесантная оборона побережья, высадка морских десантов). Вместе с тем

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. показала, что высший руководящий состав Красной армии к управлению межвидовыми группировками не готов. Наиболее ярко это выразилось в том, что абсолютное превосходство Балтийского флота над военно-морским флотом Финляндии армейским командованием в расчет не принималось, и не было ни одной попытки это решающее преимущество реализовать.

Определенную роль в отстранении общевойсковых начальников от решения вопросов применения сил флота играло нежелание нести ответственность за результаты вооруженной борьбы на море, влияние которых на общую оперативную обстановку для армейского командования не было очевидным. По свидетельству Н. Г. Кузнецова, особенно ярко настроения такого рода проявились в Прибалтике, где его попытки добиться согласованного решения имели результатом лишь то, что «на море командует Трибуц[268], а на суше — Кузнецов»[269].

Имели место противоречия и в оперативном планировании приморских объединений Красной армии и флотов. Несмотря на оборонительный характер действий, которые предполагалось вести в начальном периоде войны с Германией, в целом замысел стратегического применения Красной армии был нацелен на разгром противостоящего ей врага. Общий замысел применения ВМФ, вопреки наступательной риторике в боевых уставных документах и пояснительных документах к оперативным планам, имел по существу оборонительный характер. Флот готовился прежде всего к борьбе на коммуникациях, бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива, обороне военно-морских баз с моря, противодесантной обороне островов Моонзундского архипелага[270]. Следовательно, из четырех задач только одна — борьба на коммуникациях — являлась наступательной и то лишь наполовину, поскольку подразумевала также и ведение действий по защите своих морских сообщений. «Получилось все наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте»[271].

С началом войны противник, пользуясь тем, что его суда могли беспрепятственно следовать шведскими шхерами, сознательно прекратил торговое судоходство в открытой части Балтики, и советские подводные лодки фактически лишились возможности их атаковать. Свертывание германского торгового судоходства косвенным образом указывало на то, что зависимость рейха от морской торговли со Швецией и другими скандинавскими странами советским военно-морским командованием была сильно завышена, и морские коммуникации, связывающие Германию со Скандинавией, критического значения для ее экономики не имели. Однако флот продолжал терять подводные лодки, не добиваясь при этом ожидаемого оперативного результата.

Рассматривая причины неудач и поражений ВМФ в действиях на море, необходимо отметить ошибки, допущенные при планировании оперативного применения военно-морской группировки Советского Союза, а также просчет относительно планов противника. Опасаясь появления его главных сил в Финском заливе, советское командование с началом войны приступило к созданию минно-артиллерийских позиций, в то время как главной целью врага было блокирование сил Балтийского флота в его восточной части, и осуществленные нашими силами оборонительные минные постановки (с чувствительными для флота потерями) только помогли ему этого добиться. Другая фатальная ошибка заключалась в том, что значительная часть сил и средств флота была обращена на противодесантную оборону побережья, тогда как в действительности враг собирался захватывать военно-морские базы с суши и именно таким образом решать «проблему морской войны»[272].

Между тем мотивы, которые лежали в основе решений руководства НК ВМФ в отношении руководства вооруженной борьбой на море накануне и в первые дни войны, достаточно очевидны. Не обладая достоверной информацией о планах противника в отношении ведения военных действий против Советского Союза на морских театрах, оно исходило из общего соотношения сил на море между СССР и государствами фашистского блока. Поэтому был дан неверный прогноз в отношении плана действий германского флота на Балтике и значительно преувеличена вероятность появления в Черном море объединенной итало-германо-турецкой группировки[273].

Существенное значение для организации стратегического руководства Военно-морским флотом в военное время имел реальный статус народного комиссара ВМФ и фактически делегированные ему полномочия в отношении управления действующими флотами. К началу войны добиться полной ясности в этом вопросе не удалось. Место наркома Военно-морского флота и аппарата его ведомства в системе государственного и военного управления не было четко определено и после того, как 23 июня 1941 г. Н. Г. Кузнецов вошел в состав Ставки Главного командования[274]. А когда 10 июля 1941 г. она была переименована в Ставку Верховного командования[275], наркому ВМФ места в ней уже не нашлось, и уровень неопределенности в его отношениях с воюющими объединениями стал еще выше, что усугублялось к тому же неодинаковым подходом к решению данного вопроса.

Переход флотов и флотилий в оперативное подчинение сухопутных объединений, с которыми им пришлось взаимодействовать, в реальности произошел не одновременно, а с учетом фактической обстановки. Директива Ставки Главного командования об оперативном подчинении Пинской военной флотилии командующему 21-й армией была издана 5 июля 1941 г.[276] Балтийский флот вошел в состав Северо-Западного направления 14 июля 1941 г.[277] При этом рамки полномочий командующих, в подчинение которых они передавались, определены не были. Иначе решался вопрос о Черноморском и Северном флотах. Директивой Ставки ВГК от 14 августа 1941 г. Черноморский флот был оперативно подчинен командующему 51-й отдельной армией, но только «в отношении задач, касающихся обороны Крыма», а Северный флот — командующему 14-й армией с целью «восстановления положения на мурманском и кандалакшском направлениях» 14 сентября 1941 г.[278]

Из воспоминаний Н. Г. Кузнецова следует, что он понимал статью «Положения о Народном комиссариате Военно-морского флота», в соответствии с которой отвечал за «оперативное использование» действующих объединений, как обязанность осуществлять стратегическое руководство вооруженной борьбой на морских театрах военных действий, исходя из общих задач ВМФ, которыми кроме содействия войскам приморских объединений Красной армии предусматривались ведение борьбы против сил вражеского флота и борьба на морских коммуникациях. Однако именно в этом отсутствие ясности сказывалось особенно остро. «В первые дни войны мы вообще были лишены какого-либо руководства. Правительство, занятое крупными делами, оказалось малодоступным для меня как наркома ВМФ, а нарком обороны и Генеральный штаб не успевали разбираться со всеми вопросами. Приходилось действовать на свой риск и страх. Трудность этого положения заключалась в том, что, считая, скажем, разумным атаковать Констанцу авиацией и кораблями, я принимал такое решение и, если все обходилось гладко, доносил оперсводкой в правительство. И на этом дело кончалось. Но если, как это случилось с лидером «Москва», дело кончалось гибелью корабля, меня спрашивали — кто разрешил проводить подобную операцию? Парадоксально, но по документам я не имел права принимать даже такие решения»[279].

Понимая, что отстранение первых лиц НК ВМФ от участия в руководстве вооруженной борьбой неправильно и ненормально, Верховное главнокомандование и руководство Генерального штаба Красной армии пытались найти формы совместной работы с ними, не меняя сложившейся к началу войны организации стратегического руководства вооруженными силами. После создания Северо-Западного направления начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков без освобождения от должности был назначен заместителем К. Е. Ворошилова по морской части и убыл в Ленинград, где координировал совместные действия сил Балтийского флота, Ладожской и Чудской военных флотилий с войсками Северо-Западного и Ленинградского фронтов. В конце 1941 г. при подготовке Керченско-Феодосийской десантной операции он был откомандирован на юг с задачей на месте контролировать планирование и отработку взаимодействия Черноморского флота с Закавказским фронтом. В качестве представителя наркома ВМФ на Черноморском флоте до конца 1941 г. работал вице-адмирал Г. И. Левченко. В октябре этого года он был назначен командующим группировкой, оборонявшей полуостров, включавшей войска 51-й и Приморской армий и силы Черноморского флота. Н. Г. Кузнецов выезжал на действующие флоты не только

с инспекционными целями, но и как представитель Ставки ВГК, хотя и не с такими широкими полномочиями, которыми наделялись Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

В служебной записке начальника Оперативного управления Главного морского штаба контр-адмирала В. Л. Богденко отмечалось, что до 1943 г. «ГМШ ни разу не был ориентирован Генеральным штабом по вопросам дальнейшего хода боевых действий и возникающим задачам флотов и флотилий... Все попытки командования ВМФ получить в Генштабе хотя бы ориентировочные данные о замыслах предстоящих операций и применении в них сил флота оказывались безуспешными. Не представляя себе всех оперативных возможностей флотов, работники Генштаба при планировании совместных операций принимали во внимание только возможности сил флота по оказанию непосредственной огневой поддержки сухопутным войскам»[280].

Между тем необходимые материальные условия для более широкого участия в стратегическом руководстве вооруженной борьбой у наркома ВМФ и его центрального аппарата, безусловно, имелись. Несмотря на то что в октябре 1941 г. большинство управлений и отделов Наркомата ВМФ было эвакуировано в Куйбышев и Ульяновск, в столице оставалась оперативная группа во главе с адмиралом Л. М. Галлером и обеспечивавшим ее деятельность узлом связи. В Куйбышеве на борту сетевого заградителя был размещен маневренный приемо-передающий радиотелеграфный центр, поддерживавший устойчивую связь со всеми флотами. Несмотря на это, участие наркома ВМФ и центральных органов управления Военно-морского флота в первые месяцы войны носило ограниченный характер. Непрерывное руководство флотами осуществлялось по линии Ставка — фронт (Главное командование направления) — флот. Военные флотилии с начала войны подчинялись командующим соответствующих фронтов, а на отдельных участках — и армий.

До коренного перелома в ходе вооруженной борьбы такое положение центральных органов управления ВМФ в системе стратегического руководства страной и вооруженными силами, судя по всему, признавалось неизбежным, а пока Красная армия находилась в состоянии стратегической обороны, это, очевидно, устраивало и руководство Наркомата ВМФ. Во многом из-за этого на оперативном уровне вопросы взаимодействия решались не на нормативно-правовых документах, а стихийно, причем вмешательство Ставки ВГК и главных командований направлений далеко не всегда давало положительный результат. По этой причине неоправданно много времени было потеряно на принятие решения о создании Одесского оборонительного района. Слишком поздно была сформирована под единым командованием межвидовая группировка для обороны Таллина. А решение Генштаба Красной армии о подчинении войск, оборонявших острова Эзель и Даго, различным фронтам, очевидно, не было самым удачным и оказало отрицательное влияние на ведение операции по обороне Моонзундских островов.

Когда развернулась борьба за Таллин, Главный морской штаб принял все возможные меры, чтобы помочь флоту, поскольку стратегическая ценность группировки на Балтике была наиболее высокой. Только силы Балтийского флота могли в первый период войны наносить удары по территории врага и жизненно важным для него морским коммуникациям. Неслучайно замысел и план первого воздушного удара советской авиации по Берлину были разработаны Главным морским штабом и командованием ВВС ВМФ. Н. Г. Кузнецов лично доложил их Верховному главнокомандующему И. В. Сталину, который, разрешив летчикам ВМФ бомбить столицу рейха, приказал докладывать ему о результатах каждого налета.

В ведении Главного морского штаба номинально оставалось общее руководство подготовкой самостоятельных морских операций, а также планирование и контроль над ведением флотами систематических боевых действий по уничтожению военно-морских сил противника в море и в базах, обороне своих морских коммуникаций и нарушению коммуникаций противника. Однако фактически в первый период войны самостоятельные морские операции не проводились, и основной задачей сил флотов стала оборона военно-морских баз на изолированных приморских плацдармах (Либава, Ханко, Таллин, Одесса, Севастополь,

Ленинград) или находившихся под угрозой их захвата с суши (Полярный, Мурманск, Новороссийск, Туапсе).

Не считая возможным оставаться в роли пассивного наблюдателя за развитием обстановки на морских театрах военных действий нарком ВМФ считал своим долгом контролировать, насколько правильно командование действующих объединений, оперативно подчиненных приморским группировкам Красной армии, понимает задачи, поставленные перед ними, и следить за полнотой их выполнения. С началом войны Главным морским штабом осуществлялся сбор информации об обстановке, кроме того, нарком ВМФ регулярно получал оперативные сводки с флотов и флотилий.

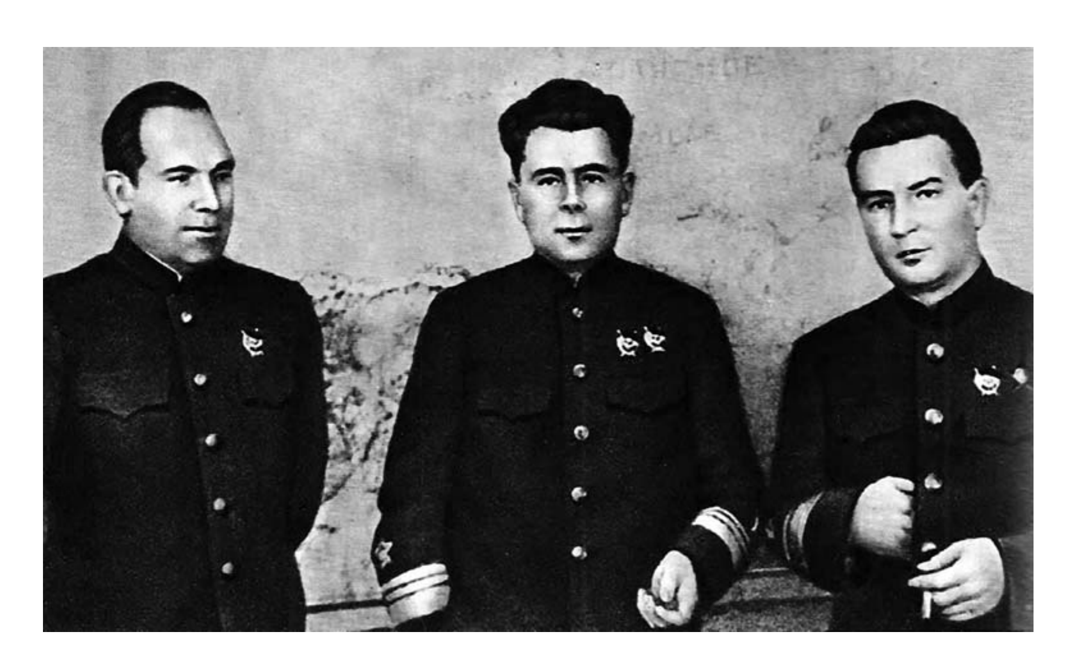
Действуя по его указанию, руководство Главного морского штаба пыталось заблаговременно получать и в Генеральном штабе Красной армии информацию о планах применения сил флота в совместных операциях, чтобы ориентировать исполнителей до издания директивы Ставки. Однако это не всегда удавалось. Более того, под предлогом достижения скрытности подготовки операций Генеральный штаб ограничивал доступ представителей ВМФ к соответствующей информации, что препятствовало в полной мере реализации боевого потенциала сил флота[281].

Тем не менее, несмотря на организационные недоработки, а подчас и острые разногласия между Главным морским штабом и Генштабом Красной армии в первые месяцы войны, в дальнейшем их взаимодействие развивалось в основном конструктивно. По мере накопления опыта управления силами на всех уровнях руководства постепенно вырабатывалось необходимое взаимопонимание.

Так, опыт организации управления межвидовыми соединениями и объединениями в ходе первых оборонительных операций показал, что эффективность совместных действий войск фронта и сил флота в значительной мере зависит от наличия в составе взаимодействующих штабов соответствующих специалистов. Такой вывод, в частности, был сделан на основе анализа деятельности Северо-Западного направления, где заместителем главнокомандующего войсками направления, а затем и командующего войсками Ленинградского фронта был адмирал И. С. Исаков. При создании Северо-Кавказского стратегического направления он был назначен заместителем главкома по морской части и членом Военного совета направления и, находясь в этой должности, обеспечивал руководство применением сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии, организовывая их взаимодействие с войсками армии. При штабе Северо-Кавказского стратегического направления была создана морская группа численностью 25 человек, в которую входили офицеры-операторы по родам сил и войск флота, разведке, связи и тылу.

10 июля 1942 г. по решению Ставки ВГК в штат управления Черноморского флота была введена должность заместителя командующего по сухопутным войскам, а при штабе флота организован отдел сухопутных войск, структура которого строилась по аналогии с морской группой при штабе фронта. Появление этих подразделений в штабах флотов и приморских фронтов позволило снять наиболее острые вопросы, возникавшие из-за нерешенности проблемы стратегического взаимодействия между видами вооруженных сил.

С переходом Вооруженных сил Советского Союза к наступательным действиям по всему советско-германскому фронту влияние результатов вооруженной борьбы на море на общую стратегическую обстановку заметно возросло. В декабре 1943 г. адмирал Н. Г. Кузнецов обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором, описав сложившуюся ситуацию, внес предложения по изменению порядка управления действующими флотами. Отметив, что командующие фронтами (армиями) ставили задачи «только с текущими действиями (операциями) самого фронта (армии)», а задачи «чисто морские: борьба на коммуникациях противника, набеговые действия на неприятельское побережье, борьба на морском театре за создание благоприятного оперативного режима» ими не ставились, нарком ВМФ акцентировал внимание на том, что по этим вопросам ему и Главному морскому штабу «приходилось «давать дополнительные указания», информируя об этом Генштаб КА»[282].

В штабе Северного флота: начальник штаба флота С. Г. Кучеров, командующий флотом А. Г. Головко, член Военного совета А. А. Николаев

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский (в центре) на борту крейсера «Красный Крым»

Известно, что реакцией на это письмо стала директива Ставки ВГК от 31 марта 1944 г., в соответствии с которой народный комиссар Военно-морского флота становился главнокомандующим морскими силами СССР, все военно-морские флоты и флотилии подчинялись ему во всех отношениях, а оперативное подчинение этих объединений в целом или их отдельных соединений командующим фронтами, округами и армиями допускалось лишь на отдельных этапах войны[283]. Однако данная директива существенного влияния на организацию и распределение функций между подразделениями центрального аппарата Наркомата ВМФ не оказала. Они оставались примерно такими же, какими сложились к началу войны[284], поскольку основные задачи по строительству и подготовке Военно-морского флота и по обеспечению стратегического руководства вооруженной борьбой на морских театрах принципиально не менялись.

Наиболее важные преобразования в структуре Народного комиссариата ВМФ были вызваны изменениями в функциях организационно-мобилизационных органов, подразделений, отвечавших за оперативно-боевую подготовку и комплектование действующих флотов, военные сообщения, военное и военно-техническое сотрудничество с союзниками и обобщение опыта войны. Так, в октябре 1941 г. на базе бывшего Северного (Полярного) отдела Главного морского штаба был сформирован Отдел внешних коммуникаций, преобразованный в январе 1942 г. в Управление ВОСО, а 2 февраля 1942 г. Отдел подготовки и комплектования был переформирован в Организационно-строевое управление ВМФ. Несколько реорганизаций и переименований претерпело Управление начальствующего состава (УНС), которое в августе 1943 г. стало Управлением кадров офицерского состава (УКОС) ВМФ. В 1943 г. в составе Главного морского штаба были созданы отделы: по изучению опыта войны, международно-правовой и военно-морской цензуры[285].

«Положение о Главном морском штабе Военно-морского флота СССР», учитывающее его новую роль как основного органа оперативного управления в составе Наркомата ВМФ, было введено в действие 19 апреля 1945 г. С этого времени «организация непрерывного управления флотами и флотилиями и подготовка материалов для принятия решений главнокомандующего Военно-морскими силами по боевому управлению флотами и флотилиями» стала основной задачей Главного морского штаба[286].

Между тем теоретическая разработка вопросов стратегического руководства вооруженной борьбой на море к этому времени оставалась примерно на том же низком уровне, как и в начале войны, и практика этого вида деятельности высших органов государственного и военного управления по своему содержанию осталась прежней, такой, какой она сложилась в ходе военных действий.

Участие Наркомата ВМФ в стратегическом руководстве действующими объединениями осуществлялось, как правило, изданием приказов и директив с общими указаниями по организации военных действий и управлению силами. Например, директивы военным советам флотов: «Об активизации боевых действий с использованием минного оружия» (23 июня 1941 г.), «О недостатках использования морской авиации» (27 июня 1941 г.), «Об усилении ПВО военно-морских баз» (28 июня 1941 г.), «О предупреждении потерь авиации» (4 июля 1941 г.), «О необходимости учета опыта первых дней войны» (9 июля 1941 г.), «Об усилении разведывательной деятельности» (15 июля 1941 г.), «Об активизации деятельности подводных лодок» (17 июля 1941 г.), «Об организации взаимодействия морской и сухопутной авиации» (27 июля 1941 г.), «Об использовании минно-торпедной авиации» (13 февраля 1942 г.), «Об организации противовоздушной обороны военно-морских баз» (18 мая 1942 г.), «О принципах организации ПВО на флотах» (27 мая 1942 г.)[287]. Особенно много таких указаний действующим флотам (шифровками и устно по закрытым каналам связи) отдавалось в начальный период войны. Их анализ позволяет выделить некоторые общие черты: неконкретность, бессистемность, оторванность от реальной обстановки, недоверие к командованию и штабам, сомнение в оперативной подготовке командиров и штабов, их способности грамотно и твердо управлять подчиненными силами.

К середине 1942 г. от управления действующими флотами и флотилиями таким способом руководство начало отказываться, и с этого времени основной формой доведения общих требований по организации и ведению военных действий стали приказы: «Об оперативном использовании торпедных катеров» (21 января 1942 г.), «О повышении боевой готовности флотов на 1942 г.» (30 января 1942 г.), «Об опыте первых месяцев минной войны» (4 апреля 1942 г.), «Об использовании минного оружия ВМФ в войне с германским фашизмом» (18 апреля 1942 г.), «О противоминной обороне» (25 мая 1942 г.), «Об итогах боевой деятельности противовоздушной обороны ВМФ» (21 октября 1942 г.), «Об итогах боевого использования подлодок ВМФ за полтора года войны и задачах на 1943 г.» (7 февраля 1943 г.)[288]. В отличие от директив они содержали конкретные требования, основанные на анализе реального положения дел, не дублирующие, а уточняющие или дополняющие положения боевых уставных документов. Вместе с тем, как и упомянутые выше директивы, они отражали беспокойство руководства Наркомата ВМФ и Главного морского штаба уровнем подготовки командующих действующими объединениями и подчиненных им штабов. С начала 1943 г. приказы такого рода уже не издавались.

Одним из направлений деятельности руководства Народного комиссариата ВМФ являлась постановка общих оперативных задач действующим объединениям. Наиболее ярко это отражено в директивах наркома командующим флотами и флотилиями, отданных в начальном периоде Великой Отечественной войны. Только 22 июня 1941 г. военным советам действующих флотов было направлено семь оперативных директив: о выполнении оборонительных минных постановок; о развертывании подводных лодок на позициях в соответствии с оперативными планами; о нанесении авиационных ударов по аэродромам в Норвегии и портам в Румынии; о ведении действий в операционной зоне Северного флота[289]. К этой группе относятся директивы, определявшие общий порядок организации и ведения операций по защите внутренних и внешних коммуникаций, борьбы с вражескими морскими перевозками и силами противника на морских театрах[290].

Широкое распространение получили указания по ведению конкретных операций и боевых действий. Основную часть оперативных документов данной группы составляют директивы с требованиями об удержании военно-морских баз, плацдармов и оборонительных рубежей, обороне стратегически важных приморских территорий, морского побережья, ведении действий в районах с особыми военно-географическими условиями (островных, шхерных и прочих)[291].

Конкретные указания относительно целей и задач боевых действий содержат директивы военным советам действующих флотов: «О нанесении удара по Плоешти» (30 июня 1941 г.), «Об участии с авиацией сухопутных войск в ударе по островной группе противника» (9 июля 1941 г.), «О задачах флота при обороне Одессы» (4 августа 1941 г.), «О мероприятиях по обороне Севастополя» (25 ноября 1941 г.), «Об обеспечении конвоя Пе-Ку-11 [PQ-11]» (20 февраля 1942 г.), «О развертывании подводных лодок для прикрытия конвоя» (7 марта 1942 г.), «О действиях торпедных катеров и авиации в районе Кольского залива» (11 марта 1941 г.), «Об активизации борьбы с транспортами противника в Финском заливе» (25 мая 1942 г.), «О действиях флота в Финском заливе» (10 июня 1942 г.), «Об обеспечении конвоя Пе-Ку-17 [PQ-17]» (11 июня 1942 г.), «О плане прикрытия конвоя Пе-Ку-17» (17 июня 1942 г.), «Об усилении флота авиацией для обеспечения встречи конвоя Пе-Ку-17» (18 июня 1942 г.), «О готовности ударных групп к действию по кораблям противника» (8 июля 1942 г.), «О нанесении массированных ударов по транспортам противника» (10 января 1942 г.), «Об усилении действий авиации в Островном районе», «Об уничтожении плавсредств противника в Невской губе» (21 июня 1943 г.), директива командующему ЧФ «О подготовке десантной операции крупного масштаба» (17 сентября 1943 г.)[292]. Многие из этих директив издавались в развитие требований приказов и директив, объявлявших решения ГКО и Ставки ВГК, применительно к специфике ВМФ и условиям ведения вооруженной борьбы на море.

Наркомат ВМФ часто практиковал издание приказов, в которых обобщались результаты операций и отдавались указания по совершенствованию боевых действий. Так, в приказе «О проведении десантной операции КБФ по захвату острова Соммерс» (15 августа 1942 г.) оцениваются: планирование и подготовка действий, реализация принципа внезапности, применение торпедных катеров, применение кораблей огневой поддержки, планирование и организация применения ВВС, роль Военного совета и штаба Балтийского флота.

От военных советов флотов и флотилий нарком ВМФ требовал «раз и навсегда покончить с вредными явлениями безучастности вышестоящих штабов», «прекратить безответственность командиров и штабов в подготовке и в проведении операции». Особое внимание обращалось на разработку документов и недопущение оперативных и тактических просчетов. «Всякий оперативный и тактический просчет в операции и в бою» надлежало «рассматривать как безответственное выполнение боевой задачи, предавая виновников суду военного трибунала». Отмечая недостатки в подготовке и ведении военных действий, нарком ВМФ указывал пути их устранения, требуя организовывать работу «как на походном, так и на береговом ФКП» «так, чтобы штабы флотов действительно являлись бы органами боевого управления, а не фиксаторами событий задним числом, чтобы ни один вопрос, связанный с боевыми действиями или их обеспечением, не решался бы без ведома и мнения штаба флота и в первую очередь его оперативного отдела»[293]. Аналогичным образом деятельность командования объединений и соединений рассматривалась в приказе «Об итогах операции, проведенной Ладожской военной флотилией» (23 октября 1942 г.) и директивах командующему Балтийским флотом: «Об опыте набеговой операции на коммуникации противника кораблями Северного флота» (29 января 1943 г.), «О недостатках десантной операции в Нарвском заливе» (18 февраля 1944 г.), «О недостатках в боевой деятельности флота» (15 мая 1944 г.)[294].

Существенное влияние на ход и исход вооруженной борьбы оказывала деятельность Наркомата ВМФ по обеспечению строительства Военно-морского флота. Уже опыт первых недель войны показал, что организация действующих объединений не в полной мере соответствовала реальной оперативной обстановке. Так, основу организации корабельных сил Балтийского и Черноморского флотов составляли эскадры, в создании которых материализовалась идея так называемого «маневренного соединения», предназначавшегося «для боя в море». В действительности в продолжение всей войны основным содержанием боевой деятельности всех родов сил действующих флотов и флотилий (за исключением подводных лодок) были совместные действия с войсками приморских объединений Красной армии. Поэтому уже в ходе мобилизационного развертывания руководству Наркомата ВМФ пришлось проводить организационные мероприятия, которые предвоенными планами не предусматривались или не предполагались в таком объеме.

За годы войны было сформировано 12 военных флотилий, пять межвидовых оперативных группировок (оборонительных районов), шесть морских оборонительных районов, более 20 военно-морских баз, эскадра Северного флота, 24 крупных корабельных соединения (бригад и отрядов кораблей), более 30 бригад морской пехоты и морских стрелковых бригад, а составлявшие основу военно-воздушных сил флотов авиационные бригады были переформированы в авиационные дивизии.

В начале войны по решению ГКО было остановлено строительство половины кораблей, находившихся на стапелях в различной степени готовности. Вместе с тем уже 4 декабря 1941 г. по предложению Наркомата ВМФ ГКО принял решение, в котором было указано на недопустимость свертывания военного судостроения. Во втором полугодии 1941 г. Наркомат ВМФ обеспечил приемку от промышленности 11 эсминцев, 16 подводных лодок, 79 малых боевых кораблей и катеров. В этот период было заложено два эсминца, один тральщик и восемь больших охотников. Всего за годы войны флоту было сдано 129 надводных кораблей и подводных лодок, 920 боевых катеров и 1375 различных плавсредств. В октябре 1944 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов представил в ГКО предложения по разработке послевоенной программы кораблестроения.

М. И. Калинин с руководящим составом Наркомата Военно-морского флота после вручения государственных наград

Среди важнейших задач, которые решал Наркомат ВМФ в годы войны, стояла реализация межправительственных соглашений о военно-техническом сотрудничестве с союзниками по антигитлеровской коалиции. Через Наркомат внешней торговли СССР Главным морским штабом ВМФ направлялись заявки на приобретение в США и Великобритании боевых кораблей, вспомогательных судов и систем морских вооружений. В частности, накануне войны с Японией был составлен большой план закупок, который в США получил известность как «специальная программа Алафузова». В соответствии с этим планом были заказаны 28 фрегатов, 78 больших охотников, 99 тральщиков, 177 торпедных катеров, 60 сторожевых катеров, 53 десантных судна, шесть плавмастерских, восемь танкеров и несколько морских буксиров. Перед этим в состав ВМФ СССР в счет репараций с Италии союзники передали линейный корабль, крейсер, девять эсминцев, четыре подводные лодки, 10 тральщиков, торпедные и сторожевые катера.

Взаимодействие с союзниками обеспечивалось Главным морским штабом и при доставке воинских грузов в Советский Союз. За годы войны только на севере по внешним морским коммуникациям в составе 77 союзных конвоев осуществили переход более 1500 транспортов. Не менее масштабными были воинские перевозки по внутренним морским коммуникациям. В частности, на Черном море флот обеспечил переход морем свыше 6600 судов, на которых были перевезены около 2 млн человек и более 9 тыс. единиц боевой техники. Всего за войну ВМФ обеспечил перевозку морем и по внутренним водным путям свыше 100 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов.

Важнейшую роль в обеспечении реализации решений Верховного главнокомандования и Наркомата ВМФ по руководству вооруженной борьбой на море играла деятельность центрального аппарата военно-морского ведомства по организации оперативно-боевой подготовки действующих флотов и флотилий и подготовке младших специалистов для кораблей и частей Военно-морского флота. Необходимо отметить, что это направление деятельности Наркомата ВМФ являлось предметом особого внимания Н. Г. Кузнецова, который требовал «боевую подготовку соединений кораблей и частей проводить повседневно, с учетом

обстановки, построив ее в соответствии с требованиями военного времени». При этом командирскую учебу надлежало «строить на основе разбора проведенных боевых действий»[295].

Народный комиссар лично участвовал в важнейших мероприятиях оперативно-боевой подготовки на действующих флотах. Так, 19 декабря 1942 г. он выступил на сборе командиров соединений и руководящего состава органов военного управления Северного флота. Отметив, что «направление БП до войны было правильным, и война в это не внесла больших корректив», нарком ВМФ признал, что самым крупным недостатком остается слабая подготовка начсостава[296]. В свете этого существенно выросло значение подразделений Наркомата ВМФ и Главного морского штаба, основной функцией которых являлось обобщение опыта войны и доведение результатов этой работы до нижестоящих штабов.

Между тем адаптация деятельности Управления боевой подготовки (УБП) ВМФ к условиям военного времени проходила в наиболее сложных условиях. В первые недели войны почти весь его личный состав был откомандирован на действующие флоты для руководства боевой подготовкой на местах. В конечном счете, это решение было признано ошибочным, и 10 августа 1942 г. приказом наркома ВМФ вступило в силу новое «Положение об УБП», в соответствии с которым оно непосредственно подчинялось начальнику Главного морского штаба — первому заместителю наркома ВМФ. Начальником его был назначен видный теоретик, автор «Боевого устава морских сил» (БУМС-37) вице-адмирал С. П. Ставицкий. 18 августа 1943 г. в целях усиления руководства специальной подготовкой в штат управления были введены должности главного штурмана, главного артиллериста, главного минера, главного инженер-механика, главного инспектора маскировки и главного инспектора физической подготовки.

В июле 1942 г. Главный морской штаб возглавил контр-адмирал В. А. Алафузов, бывший до этого начальником Оперативного управления (И. С. Исаков, находясь на Кавказе в качестве заместителя главнокомандующего Северо-Кавказским направлением, 4 октября 1942 г. был тяжело ранен и потерял ногу).

Когда нарком ВМФ обрел статус «главнокомандующего всеми Военно-морскими силами СССР», существенно повысилась и роль Главного морского штаба, ставшего полноценным органом оперативного управления. При этом его структура, установленная в соответствии с директивой Организационно-строевого управления ВМФ от 14 сентября 1943 г., не изменилась. В соответствии с уточнеными функциями проекты оперативных директив Верховного главнокомандующего, которыми ставились задачи флотам на предстоящие кампании, с этого времени стали разрабатываться непосредственно в Главном морском штабе.

По-своему эту перемену объяснил И. В. Сталин. В марте 1944 г., беседуя с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, вызванным в Ставку ВГК, он заметил, что время руководить флотом из Наркомата ВМФ настало потому, что «пора выходить на морские просторы». Анализ документальных источников конца Великой Отечественной войны позволяет предположить, что Верховный главнокомандующий имел в виду участие Военно-морского флота в войне с Японией: к этому времени вопрос о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке был уже решен на Тегеранской конференции. Определенная связь с этим решением просматривается и в том, что 2 февраля 1945 г. нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов был введен в состав Ставки ВГК.

Косвенным свидетельством подготовки Военно-морского флота к «выходу на морские просторы» является то, что в плане оперативной подготовки Черноморского флота появились мероприятия по отработке боя с корабельными соединениями японского ВМФ — копия плана занятий на данную тему была обнаружена в личном архиве Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова, бывшего в 1945 г. командиром эскадры Черноморского флота.

В соответствии с новым «Положением о Главном морском штабе Военно-морского флота», введенным в действие 19 апреля 1945 г., на ГМШ возлагались подготовка материалов для принятия главнокомандующим решений по применению сил флотов и флотилий, разработка планов операций и проектов оперативных директив, включая согласование с Генштабом Красной армии вопросов организации совместных действий сухопутных войск и военно-

морских сил. Кроме того, в число основных задач, решаемых Главным морским штабом ВМФ, входили: разработка боевых уставных документов, планов развития Военно-морского флота, предложений по совершенствованию его организационно-штатной структуры; планирование и реализация организационных и мобилизационных мероприятий на флотах и флотилиях; подготовка оперативно-тактических заданий на строительство и модернизацию кораблей, самолетов, объектов береговой обороны, боевых и технических средств; руководство боевой, оперативной подготовкой и подготовкой штабов флотов и флотилий; контроль над командирской подготовкой офицерского состава; изучение и обобщение опыта войны на море; руководство разведывательной работой; разработка мероприятий по обороне внешних коммуникаций; планирование тральных действий; цензура флотской печати[297].

К июлю 1945 г. в Главном морском штабе ВМФ был разработан план применения Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии в войне с Японией. Особое внимание уделялось планированию десантных операций в Корее, на Сахалине и Курильских островах. Координация действий Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с действиями сухопутных войск была возложена на адмирала флота Н. Г. Кузнецова лично. При нем постоянно находился представитель Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Харламов. Блестящие результаты, достигнутые в ходе короткой, но крайне напряженной кампании на Дальнем Востоке, стали ярким свидетельством зрелости руководящих кадров советского ВМФ и высокой подготовки штабов всех уровней военного управления.

Важнейший итог деятельности Народного комиссариата ВМФ и Главного морского штаба в 1941–1945 гг. заключается в том, что система стратегического руководства этим видом вооруженных сил, созданная накануне войны, в ходе ее прошла всестороннюю проверку и в структурно-функциональном отношении оказалась близка к оптимальной, хотя при этом был выявлен и главный ее недостаток — нерешенность вопроса об организации стратегического взаимодействия с Красной армией.

Этот реальный опыт стал основой для развертывания исследований по теоретическому обобщению опыта войны и познанию закономерностей функционирования всей системы государственного и военного управления в чрезвычайных условиях военного времени. С этой точки зрения он сохраняет свою ценность и в современных условиях, являясь незаменимым материалом при разработке проблем теорий управления вооруженных сил и ВМФ, военного и военно-морского искусства и интегрированных с ними отраслей военно-научных знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–205; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 16.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 158–160.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 205–206.

[5] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 57–60.

[6] Там же. Д. 60. Л. 102–105.

[7] Там же. Д. 64. Л. 24–28.

[8] 10 июля 1941 г. Ставка Главного командования была переименована в Ставку Верховного командования, а 8 августа 1941 г. — в Ставку Верховного главного командования.

[9] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 887.

[10] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

[11] Там же. Д. 2. Л. 35.

[12] Там же. Д. 8. Л. 112–113.

[13] Там же. Д. 5. Л. 10.

[14] Там же. Л. 190.

[15] Там же. Л. 185–186.

[16] Там же. Д. 6. Л. 17.

[17] Там же. Д. 5. Л. 208.

[18] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 12–14.

[19] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 398–400.

[20] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 269–270; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 887.

[21] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.

[22] Там же. Л. 184–185.

[23] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 254–255.

[24] Воинские звания: младший сержант, сержант, старший сержант, старшина были установлены приказом НКО СССР № 391 от 2 ноября 1940 г. на основании «Положения о прохождении службы младшим начальствующим составом Красной армии» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 183–185).

[25] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 575.

[26] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 86–87.

[27] Там же. Л. 87.

[28] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 314.

[29] Там же. Д. 6. Л. 3–4.

[30] Там же. Д. 16. Л. 246.

[31] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 3. С. 62.

[32] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 110. Л. 49–50.

[33] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 478.

[34] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 153. Л. 58.

[35] Там же. Л. 61.

[36] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 623.

[37] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.
[38] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 419.
[39] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 283–288.
[40] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 907.
[41] РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 44. Л. 131.
[42] Там же. Д. 26. Л. 8–10.
[43] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11386. Д. 25. Л. 40–41.
[44] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.
[45] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 40–42.
[46] Постановление ГКО № 400 от 5 августа 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 5); ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 20.
[47] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 242–248.
[48] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 358.
[49] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 63–84.
[50] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 245–248.
[51] Огонь, броня, маневр. М., 1999. С. 166–167.
[52] Постановление ГКО № 516 от 19 августа 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 90–93).
[53] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 308.
[54] Там же. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 205. Л. 100–103.
[55] Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 251; Д. 6. Л. 43–45.
[56] Там же. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 205. Л. 112–119.
[57] Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 180.
[58] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 232–234.
[59] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 353.
[60] Там же. Ф. 38. Оп. 11351. Д. 45. Л. 11.
[61] Там же. Д. 155. Л. 43.
[62] Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 72.
[63] С этого времени автобронетанковые войска стали именоваться бронетанковые и механизированные войска Красной армии.
[64] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 93–94.
[65] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 8. Л. 387–389.
[66] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 93–94.
[67] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 121–123.
[68] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 11. Л. 443–446.
[69] Там же. Ф. 38. Оп. 80050. Д. 4. Л. 305.
[70] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 218. Л. 110–140.
[71] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 80050. Д. 3. Л. 63; Д. 2. Л. 13.
[72] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 892–893.
[73] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 154; Должность начальника артиллерии была упразднена приказом НКО № 0149 от 13 июля 1940 г., Управление начальника артиллерии преобразовано в Главное артиллерийское управление, начальником назначен Маршал Советского Союза Г. И. Кулик (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3314. Л. 143).
[74] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 249.
[75] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 188–190.
[76] Краткая летопись создания и развития Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны 1577–2000 год. Исторический очерк. М., 2001. С. 107–109.
[77] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 30–39.
[78] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 40.
[79] Там же. Д. 4. Л. 200–203.
[80] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 106а. Л. 423.
[81] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 111. Л. 169.
[82] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 36.

[83] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 275.
[84] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 596.
[85] Там же. Д. 71. Д. 90–91.
[86] Командные кадры советской артиллерии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 158–160.
[87] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 167–168.
[88] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 172.
[89] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 274–275.
[90] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 188–205.
[91] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 18.
[92] Советские Вооруженные силы. История строительства. М., 1978. С. 283.
[93] Оружие победы. М., 1987. С. 184.
[94] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 111. Л. 168.
[95] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 606.
[96] Там же. Д. 16. Л. 707.
[97] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 70. Л. 36; ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 416.
[98] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 71. Л. 38–41; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 377–379.
[99] Командные кадры советской артиллерии в Великой Отечественной войне. С. 157.
[100] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 588–589.
[101] Там же. Л. 249–250.
[102] Советские Вооруженные силы СССР. М., 1968. С. 321.
[103] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3314. Л. 74.
[104] Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 9–10.
[105] Там же. Оп. 14. Д. 2431. Л. 161–202.
[106] Там же. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
[107] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 2. Л. 16.
[108] Воздушная мощь Родины. М., 1988. С. 149.
[109] *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1985. С. 24.
[110] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 21.
[111] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 37.
[112] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–1). С. 33–34.
[113] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–14.
[114] Органы руководства Вооруженными силами СССР. М., 1988. С. 106.
[115] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 4. Л. 68–72.
[116] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.
[117] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 226–230.
[118] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.
[119] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 106–107.
[120] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.
[121] Там же. Д. 69. Л. 39.
[122] Там же. Д. 97. Л. 158.
[123] Военная мысль. 1983. № 5. С. 39.
[124] Там же. С. 40.
[125] Военно-исторический журнал. 1969. № 11. С. 17.
[126] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 46–48.
[127] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 555. Л. 2–6.
[128] Воздушная мощь Родины. С. 204.
[129] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 526. Л. 4–6.
[130] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 244–246.
[131] Воздушная мощь Родины. С. 196.

[132] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13. (2–2). М., 1997. С. 396.

[133] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 11. Л. 47–48; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 19–20.

[134] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 154.

[135] Боевой устав бомбардировочной авиации (БУБА-40). М., 1940. С. 8–9.

[136] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60. Л. 475.

[137] Там же. Оп. 15. Д. 28. Л. 387.

[138] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–1). С. 48.

[139] Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. С. 62.

[140] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 80–82.

[141] Органы руководства Вооруженными силами СССР. С. 107.

[142] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 80–82.

[143] Там же. Д. 112. Л. 129–130.

[144] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 115.

[145] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 343. Л. 5–12.

[146] 9 мая 1945 г. М., 1970. С. 288.

[147] Дальняя авиация: первые 90 лет. М., 2004. С. 166.

[148] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 63.

[149] Там же. Д. 62. Л. 211–216.

[150] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

[151] Там же. Д. 34. Л. 107–110.

[152] Там же. Д. 146. Л. 157.

[153] Там же. Д. 335. Л. 196.

[154] Там же. Д. 48. Л. 168–169; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 105–108.

[155] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 102.

[156] История гражданской авиации СССР. М., 1983. С. 144.

[157] История военной стратегии России. М., 2000. С. 281.

[158] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). С. 205–206.

[159] Там же. С. 256.

[160] РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 573.

[161] Там же. Оп. 11. Д. 62. Л. 68–73.

[162] *Светлишин Н. А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 17.

[163] 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 40–41.

[164] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1968. С. 175.

[165] Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968. С. 67–68.

[166] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. 262–263.

[167] Там же. Д. 4. Л. 6.

[168] Там же. Д. 14. Л. 12–17.

[169] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 366–370.

[170] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2, 7.

[171] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 161–163.

[172] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 70–73.

[173] Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. С. 201.

[174] См.: Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 326; Военное искусство во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). М., 1973. С. 500; *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры. Документы. М., 2002. С. 136.

[175] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 125–130; Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. С. 274.

[176] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 122–124; Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 351.

[177] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 101–106.

[178] Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002 гг. Очерки истории Военного министерства. М., 2002. С. 472.
[179] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3313. Л. 84.
[180] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 121–122.
[181] РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 8–8 об.
[182] Там же. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
[183] Там же. Л. 92–94.
[184] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 32. Л. 121–122.
[185] ЦАМО. Ф. 69. Оп. 12112. Д. 47. Л. 32.
[186] Там же. Д. 72. Л. 98–99.
[187] ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 480. Л. 4–5.
[188] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 118–121.
[189] Там же. Л. 113.
[190] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 30–32.
[191] Там же. Л. 263–266.
[192] Инженерные войска Советской армии 1918–1945. М., 1985. С. 270.
[193] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
[194] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 188.
[195] Инженерные войска Советской армии 1918–1945. С. 271.
[196] Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002. Очерки Военного министерства. М., 2005. С. 444.
[197] Инженерные войска Советской армии 1918–1945. С. 276–277.
[198] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 898–899.
[199] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 316. Л. 1–45.
[200] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 64. Л. 24–28.
[201] Там же. Д. 2431. Л. 161–202.
[202] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2017. Д. 9. Л. 4.
[203] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18; Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968. С. 140.
[204] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243–244.
[205] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 387; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 194–195.
[206] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 388; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 194.
[207] *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 38.
[208] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 407.
[209] Там же. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 1402. Л. 11–16.
[210] Маршал А. М. Василевский — стратег, полководец, человек. М., 2000. С. 120.
[211] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 162. Л. 496.
[212] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 202–203.
[213] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12179. Д. 1102. Л. 332.
[214] *Пересыпкин И. Т.* Указ. соч. С. 73.
[215] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 341. Л. 196.
[216] *Хохлов В.* От шахтера до наркома и маршала. М., 2010. С. 661, 671.
[217] Военные связисты в дни войны и мира. С. 141.
[218] *Пересыпкин И. Т.* Указ. соч. С. 85–86.
[219] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 85. Л. 46–49.
[220] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 241. Л. 49.
[221] Там же. Оп. 12178. Д. 146. Л. 1.
[222] Там же. Оп. 12169. Д. 48. Л. 61–66.
[223] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 24–28.
[224] Там же. Л. 24–26.
[225] *Вещиков П. И. От* военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2011. С. 258.
[226] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1849. Д. 1. Л. 105.

[227] Там же. Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 141–143.
[228] Там же. Ф. 10. Оп. 295. Д. 1. Л. 241.
[229] Тыл Вооруженных сил. 1991. № 9. С. 25.
[230] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243–244.
[231] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 218–224.
[232] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 3. Л. 544.
[233] Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 70.
[234] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 45–50.
[235] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 10. Л. 264–267.
[236] РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–51.
[237] Там же. Л. 53–60.
[238] Там же. Д. 20. Л. 90–102.
[239] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 90.
[240] Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С. 39.
[241] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 70–75.
[242] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 10–11.
[243] 3 июля 1941 г. Н. И. Трубецкой был арестован, обвинен в измене Родине, умышленной дезорганизации воинских перевозок и участии в антисоветском заговоре, в феврале 1942 г. осужден и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.
[244] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 342–343.
[245] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–36.
[246] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 218–224.
[247] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 34. Л. 9–11.
[248] Там же. Д. 125. Л. 45–50.
[249] Там же. Д. 70. Л. 34–35.
[250] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 562–564.
[251] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 100. Л. 161–168.
[252] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 12. Л. 208–211.
[253] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 173–174.
[254] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 79. Л. 103–110.
[255] Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 484–500.
[256] Тыл Советской армии. М., 1968. С. 274.
[257] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 498138. Д. 2. Л. 6; Оп. 132054. Д. 18. Л. 1.
[258] *Вещиков П. И.* Указ. соч. С. 322.
[259] Положение о Народном комиссариате Военно-морского флота Союза ССР. М., 1938. С. 3.
[260] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 103. Д. 1. Л. 21.
[261] *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695–1945). СПб., 2000. С. 376–384.
[262] Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. М., 1998. С. 91.
[263] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2431. Л. 161–202.
[264] Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сб. документов и материалов. М., 2000. С. 162.
[265] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 103.
[266] *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 410; Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 92.
[267] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 235. Л. 77–78; 1941 год — уроки и выводы. С. 65.
[268] Вице-адмирал В. Ф. Трибуц — командующий Балтийским флотом, генерал-полковник Ф. И. Кузнецов — командующий Прибалтийским военным округом.
[269] Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сб. документов и материалов. С. 162–163.
[270] Там же. С. 432–433.
[271] Там же.

[272] Там же.

[273] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. II. СПб., 2005. С. 28.

[274] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 20.

[275] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

[276] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 15. Л. 192; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16. (5–1). С. 53.

[277] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 32.

[278] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 53.

[279] Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. С. 163.

[280] Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 101.

[281] Там же. С. 95.

[282] ЦВМА. Ф. 2. Д. 36724. Л. 7–9.

[283] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 65.

[284] ЦВМА. Ф. 79. Д. 39800. Л. 145–148.

[285] *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 424.

[286] Там же.

[287] ЦВМА. Ф. 216. Д. 12488. Л. 10; Д. 12489. Л. 4, 505; Д. 12490. Л. 275–276; Д. 12491. Л. 106, 317; Д. 12492. Л. 390; Д. 12620. Л. 260; Д. 12633. Л. 298–299; Д. 12633. Л. 298–299; Д. 12635. Л. 162–163; Ф. 79. Д. 39794. Л. 77–80; Д. 39811. Л. 142–155.

[288] Там же. Ф. 79. Д. 39794. Л. 77–80; Д. 39796. Л. 45–46; Д. 39806; Л. 130–134; Д. 39807. Л. 26–32, 392–398; Д. 39808. Л. 77–82; Д. 39811. Л. 45–49; Д. 39824. Л. 230–235.

[289] Там же. Ф. 216. Д. 12487. Л. 453, 458–460, 509, 522, 524.

[290] Там же. Д. 12623. Л. 216; Д. 12624. Л. 169, 446; Д. 12634. Л. 123; Д. 12652. Л. 156; Д. 12753. Л. 178.

[291] ЦВМА. Д. 12490. Л. 545; Д. 12491. Л. 313, 479; Д. 12492. Л. 118, 322; Д. 12494. Л. 346, 447–448; Д. 12495. Л. 526–527; Д. 12498. Л. 237; Д. 12505. Л. 262; Д. 12516. Л. 23; и др.

[292] Там же. Д. 12489. Л. 134; Д. 12490. Л. 291; Д. 12493. Л. 317; Д. 12516. Л. 396–397; Д. 12621. Л. 191; Д. 12623. Л. 162, 327; Д. 12637. Л. 415; Д. 12638. Л. 42, 369, 435; Д. 12641. Л. 145; Д. 12750. Л. 22; Д. 12763. Л. 328; Д. 12770. Л. 121.

[293] Там же. Ф. 79. Д. 39809. Л. 250–256.

[294] Там же. Д. 39803. Л. 3–7; Ф. 216. Д. 12752. Л. 12; Д. 12892. Л. 130–131; Д. 12904. Л. 301.

[295] Там же. Ф. 79. Д. 38781. Л. 163–165.

[296] Там же. Ф. 11. Д. 35505. Л. 237–247.

[297] Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. С. 98.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА СТРАНОЙ И ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Система обеспечения государственной безопасности и общественного порядка в Советском Союзе накануне и в годы Великой Отечественной войны представляла собой сложную многоуровневую структуру. Логика преобразований в этой сфере была связана с теми задачами, которые стояли перед государством в это время. По мере нарастания внешних угроз обеспечение внешней безопасности государства выходило на первый план. Выделение в феврале 1941 г. оперативных управлений Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ) являлось ответом на усиление этой тенденции.

Процесс государственного и военного управления в условиях войны требовал повышения эффективности стратегического руководства в целом. Необходимым условием этого было совершенствование информационного обеспечения. Для военно-политического руководства потребность в добывании и обобщении данных, достоверно отражавших состояние внутри страны и за рубежом, особенно в тех государствах, которые выступали в качестве вероятных противников и потенциальных союзников, становилась первоочередной. Первичная информация поступала от структурных подразделений на местах и заграничных резидентур. Она собиралась путем анализа открытых и негласных источников, в ходе официальной и оперативной работы. В информационном обеспечении ГКО, Ставки ВГК, СНК СССР и ЦК ВКП(б) важную роль играли организационные структуры наркоматов внутренних дел и государственной безопасности.

С началом войны, в связи с большими людскими потерями, на первый план вышла информация о состоянии Красной армии. Эволюция органов военной контрразведки как структуры, выросшей из НКВД, в предвоенные годы, с началом войны и в особенности с переходом Красной армии в стратегическое наступление отражала развитие взглядов высшего государственного и военного руководства на способы действий сил и средств военной контрразведки: от чрезвычайных к системным, от заградотрядов к оперативным группам и уполномоченным по фронтам.

Наркомат внутренних дел СССР: структура, функции, роль и место в системе государственного и военного управления

Народный комиссариат внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны занимал одно из важнейших мест в системе органов государственного и военного управления. На органы и войска НКВД возлагались не только задача обеспечения общественного порядка и безопасности государства, но и осуществление экономической, административной, военной и ряда других видов деятельности. Исходя из задач, а также изменений приоритетов деятельности, в организационной структуре НКВД происходили постоянные преобразования.

Как уже отмечалось, решение о создании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 10 июля 1934 г. В тот же день оно было оформлено постановлением Центрального исполнительного комитета СССР «Об организации НКВД СССР», в котором определялись задачи, возлагаемые на создаваемое ведомство: «а) обеспечение революционного порядка и государственной безопасности; б) охрана общественной (социалистической) собственности; в) запись актов гражданского состояния (запись рождений, смертей, бракосочетаний и разводов); г) пограничная охрана»[1]. Структурно НКВД СССР состоял из оперативно-чекистских управлений и отделов, административно-оперативных управлений, войсковых управлений, управлений исправительно-трудовых лагерей, а также управлений и отделов, обеспечивающих и обслуживающих деятельность наркомата.

Преобразования, происходившие в системе НКВД СССР в 1934—1940 гг., свидетельствовали о значительном расширении сферы деятельности ведомства, прежде всего за счет функций, не связанных с выполнением задач по поддержанию общественного порядка и обеспечению государственной безопасности. Это диктовалось прежде всего экономической необходимостью, так как в условиях форсированной модернизации народного хозяйства руководство страны вынуждено было широко использовать административные ресурсы. Помимо этого, в связи с началом войны структурные изменения в НКВД были обусловлены подготовкой к выполнению возложенных на него задач в условиях военного времени. В результате постоянного расширения функций ведомства и создания новых организационных структур росла численность центрального аппарата НКВД. По состоянию на 1 января 1940 г. она по сравнению с 1934 г. увеличилась почти в четыре раза[2].

В условиях приближающейся войны и усиливающейся разведывательной активности иностранных государств в отношении СССР громоздкая структура НКВД оказалась не в состоянии осуществлять качественное управление решением задач по обеспечению государственной безопасности. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два ведомства: Народный комиссариат внутренних дел СССР, которое возглавил генеральный комиссар госбезопасности Л. П. Берия, и Народный комиссариат государственной безопасности СССР под руководством комиссара госбезопасности 3 ранга В. Н. Меркулова. Приказом НКВД СССР от 26 февраля 1941 г. была введена новая организационная структура НКВД[3]. Деятельность структурных подразделений курировали заместители наркома внутренних дел СССР: С. Н. Круглов (первый заместитель наркома), В. С. Абакумов, В. В. Чернышёв, И. И. Масленников (заместитель наркома по войскам) и Б. П. Обручников (заместитель наркома по кадрам).

Совместной директивой НКВД и НКГБ от 1 марта 1941 г. функции между ними были разграничены. На Народный комиссариат внутренних дел возлагались: «а) охрана общественной (социалистической) собственности, охрана личной и имущественной безопасности граждан и охрана общественного порядка; б) охрана государственных границ Союза ССР; в) организация местной противовоздушной обороны; г) содержание в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях, трудовых и специальных поселках

осужденных и организация их трудового использования и перевоспитания; д) борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью; е) прием, конвоирование, охрана, содержание и трудовое использование военнопленных и интернированных; ж) оперативно-чекистское обслуживание войск НКВД; з) государственный надзор за противопожарной охраной и руководство противопожарными мероприятиями; и) учет военнообязанных; к) строительство, ремонт и содержание дорог союзного значения; л) учет, охрана, научная и оперативная разработка государственных архивных фондов Союза ССР; м) запись актов гражданского состояния»[4].

После разделения ведомств совершенствование организационной структуры центрального аппарата НКВД СССР и его местных органов продолжилось. Так, уже 28 февраля 1941 г. в составе наркомата был образован 1-й спецотдел (учетно-архивный), на который возлагались: учет всех преступников и спецпоселенцев (кроме содержавшихся в исправительно-трудовых лагерях), их опознание и организация всесоюзного розыска, проверка людей по запросам административных органов, осуществление гласного надзора за ссыльными и высланными, а также работа с обращениями заключенных[5]. В целях унификации системы образования личного состава внутренних дел было создано Управление учебных заведений НКВД СССР[6].

Изменения касались и функций наркомата. В связи с тем что в ведении НКВД находилось большое количество рабочей силы, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 марта 1941 г. на ведомство было возложено строительство аэродромов для Военно-воздушных сил Красной армии, руководство которым осуществляло созданное Главное управление авиационного строительства[7].

Серьезные структурные преобразования НКВД СССР проводились в годы Великой Отечественной войны. С ее началом в целях повышения оперативности органов исполнительной власти в стране была значительно упрощена процедура принятия ими управленческих решений. Большое значение в повышении эффективности работы ведомств сыграло постановление СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Специфика деятельности органов НКВД в условиях военного времени потребовала концентрации имеющихся сил и средств на решении свойственных им задач и на фронте, и в тылу. В этих целях были приняты следующие меры: усиление централизации управления; участие в переориентации народного хозяйства на удовлетворение жизнедеятельности государства; организация охраны тыла действующей армии; привлечение личного состава войск и органов НКВД к ведению военных действий; организация разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага; создание оборонительных рубежей на пути продвижения противника; подготовка резервов для Красной армии. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия был введен в состав Государственного Комитета Обороны, а в декабре 1942 г. включен в состав Оперативного бюро ГКО.

Первая крупная реорганизация структуры НКВД СССР произошла в июле 1941 г. В целях слияния усилий органов государственной безопасности и внутренних дел указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР. Приказом наркома внутренних дел вводилась его новая структура с назначением руководителей управлений и отделов:

Оперативно-чекистские управления и отделы*:* 1-е управление (разведывательное) — П. М. Фитин; 2-е управление (контрразведывательное) — П. В. Федотов; 3-е управление (секретно-политическое) — Н. Д. Горлинский; Управление особых отделов — В. С. Абакумов; Транспортное управление — Н. И. Синегубов; Экономическое управление — П. Я. Мешик; Следственная часть по особо важным делам — Л. Е. Влодзимирский; 1-й отдел (охрана правительства) — Н. С. Власик; 1-й спецотдел (учетно-статистический) — Л. Ф. Баштаков; 2-й спецотдел (оперативной техники) — Е. П. Лапшин; 3-й спецотдел (обыски, аресты, наружное наблюдение) — П. Н. Кубаткин; 4-й спецотдел (техническое бюро, высокочастотная связь) — В. А. Кравченко; 5-й спецотдел (шифры) — И. Г. Шевелёв; 6-й спецотдел (Гохран) — В. Н. Владимиров.

Административно-оперативные управления*:* Главное управление милиции — А. Г. Галкин; Главное управление пожарной охраны — П. М. Богданов; Главное управление местной противовоздушной обороны — В. В. Осокин; Управление государственных архивов — И. И. Никитинский; Тюремное управление — М. И. Никольский; Управление по делам о военнопленных и интернированных — П. К. Сопруненко; Управление коменданта Московского Кремля — Н. К. Спиридонов; Штаб истребительных батальонов НКВД СССР — Г. А. Петров.

Войсковые управления и отделы: Главное управление пограничных войск НКВД СССР — Г. Г. Соколов; Главное управление внутренних войск НКВД СССР — А. Н. Аполлонов; Управление оперативных войск НКВД СССР — А. И. Ачкасов; Политуправление войск НКВД СССР — П. Н. Мироненко; Управление военного снабжения НКВД СССР — А. А. Вургафт; Военно-строительный отдел НКВД СССР — Я. М. Бородинский.

Управления исправительно-трудовых лагерей: Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний — Б. Г. Наседкин; Главное управление авиационного строительства — Л. Б. Сафразьян; Главное управление лагерей железнодорожного строительства — Н. А. Френкель; Главное управление лагерей гидротехнического строительства — Я. Д. Рапопорт; Главное управление лагерей горно-металлургической и топливной промышленности — П. А. Захаров; Главное управление лагерей промышленного строительства — Г. М. Орлов; Управление лагерей лесной промышленности — М. М. Тимофеев; Управление лагерей по строительству Куйбышевских заводов — А. П. Лепилов; Главное управление по строительству Дальнего Севера — И. Ф. Никишов.

Прочие управления и отделы: Главное управление шоссейных дорог — В. Т. Фёдоров; Хозяйственное управление НКВД СССР — Ю. Д. Сумбатов; Управление материально-технического снабжения НКВД СССР — В. А. Поддубко; Отдел кадров — Б. П. Обручников; Центральный финансово-плановый отдел — Л. И. Берензон; Отдел железнодорожных и водных перевозок — С. И. Зикеев; Мобилизационный отдел — И. С. Шередега[8].

Непосредственное руководство работой управлений и отделов НКВД СССР было возложено на заместителей наркома внутренних дел СССР: С. Н. Круглова, В. С. Абакумова, И. А. Серова, Б. З. Кобулова, В. В. Чернышёва, И. И. Масленникова, А. П. Завенягина, Л. Б. Сафразьяна и Б. П. Обручникова.

Создание единого аппарата, обеспечивающего централизованное руководство деятельностью органов государственной безопасности и внутренних дел, позволило в первые месяцы войны направить основные усилия на решение важнейшей задачи — борьбу с разведкой противника, диверсионными и террористическими группами, а также с дезертирами и распространителями провокационных слухов. Объединение наркоматов способствовало установлению более тесных связей между территориальными органами внутренних дел и особыми отделами, что позволило выработать единую систему организации контрразведывательных мероприятий, своевременно обобщать данные о противнике и направлять удары на наиболее уязвимые места вражеской разведки.

Неблагоприятное для Красной армии развитие оперативно-стратегической обстановки на советско-германском фронте требовало от руководства страны принятия чрезвычайных мер, в том числе по созданию государственных рубежей обороны в глубоком тылу, в связи с чем производилась перестройка структуры некоторых наркоматов. В августе — декабре 1941 г., в связи с постановкой НКВД новых задач, организация его центрального аппарата претерпела ряд изменений. Так, для руководства возложенным на НКВД строительством оборонительных сооружений 23 августа 1941 г. было сформировано Главное управление оборонительных работ НКВД СССР. На каждом из фронтов были созданы управления оборонительных работ, включавшие несколько полевых строительств. Выполнив значительный объем работ, 15 октября 1941 г. они были переданы в состав Наркомата обороны.

Необходимость принятия превентивных мер, направленных на предотвращение пособничества противнику со стороны советских немцев, привела к созданию 28 августа 1941 г. Отдела спецпереселений НКВД СССР, на который были возложены вопросы перемещения,

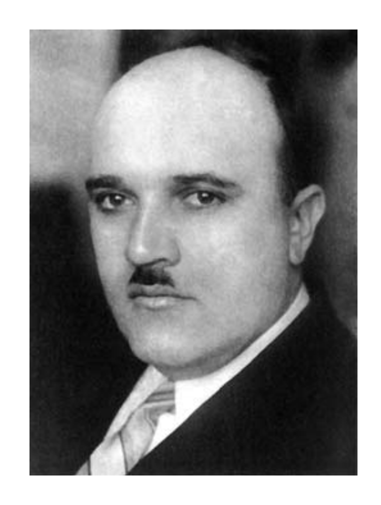
Л. П. Берия

С. Н. Круглов

В. В. Чернышёв

А. П. Завенягин

Б. П. Обручников

А. И. Ачкасов

размещения, бытового и трудового устройства соответствующих категорий населения[9]. В связи с тем что на наркома внутренних дел Л. П. Берию в Государственном Комитете Обороны была возложена ответственность за производство вооружения и боеприпасов, в структуре НКВД 5 сентября 1941 г. был образован 7-й спецотдел (по оперативно-чекистскому обслуживанию производства минометного вооружения)[10]. Ухудшение криминальной обстановки в стране повлекло выделение 30 сентября 1941 г. из состава Главного управления милиции самостоятельного Отдела по борьбе с бандитизмом.

Следует отметить, что в период 1941—1943 гг. Народный комиссариат внутренних дел стал одним из важнейших элементов системы государственного и военного управления страной. Объединившись с НКГБ и приняв на себя его функции, он стал выполнять задачи, далеко выходящие за рамки обеспечения государственной безопасности и охраны общественного порядка, параллельно решая ряд экономических вопросов.

Коренной перелом в ходе войны позволил руководству страны начать переход от чрезвычайных методов управления к плановым. Предельная централизация управления в сфере государственной безопасности стала входить в противоречие со складывающейся обстановкой. В таких условиях необходимо было более рационально использовать имеющиеся ресурсы, правильно организуя деятельность органов государственной власти. Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1943 г. путем выделения оперативно-чекистских управлений и отделов был вновь сформирован самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР[11]. Народным комиссаром государственной безопасности был назначен В. Н. Меркулов.

Постановлением СНК СССР от 18 апреля 1943 г. органы военной контрразведки были переданы в состав наркоматов обороны и Военно-морского флота, где в соответствии с постановлением ГКО от 21 апреля 1943 г. «Об утверждении Положения о Главном управлении контрразведки НКО (Смерш) и его органах на местах» были сформированы Главное управление контрразведки (ГУКР) Смерш НКО СССР и Управление контрразведки (УКР) Смерш НК ВМФ[12]. Для войск и органов НКВД оперативно-чекистское обслуживание сохранялось в самом наркомате. Приказом НКВД от 15 мая 1943 г. на базе 6-го отдела бывшего Управления особых отделов был образован Отдел контрразведки НКВД СССР Смерш.

После проведенных в апреле — мае 1943 г. преобразований центральный аппарат НКВД СССР включал: административно-оперативные управления и отделы: Главное управление милиции, Главное управление пожарной охраны, Главное управление местной противовоздушной обороны, Управление государственных архивов, Тюремное управление, Управление по делам о военнопленных и интернированных, Штаб истребительных батальонов, Отдел по борьбе с бандитизмом, Отдел правительственной ВЧ-связи, Отдел контрразведки НКВД СССР Смерш; войсковые управления и отделы: Главное управление пограничных войск НКВД СССР, Главное управление внутренних войск НКВД СССР, Управление войск НКВД СССР по охране железных дорог, Управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности, Управление конвойных войск НКВД СССР, Управление военного снабжения НКВД СССР, Отдел военно-учебных заведений войск НКВД СССР; управления исправительно-трудовых лагерей: Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, Главное управление аэродромного строительства, Главное управление лагерей железнодорожного строительства, Главное управление лагерей горно-металлургической и топливной промышленности, Главное управление лагерей промышленного строительства, Управление лагерей особого строительства, Управление лагерей лесной промышленности, Главное управление по строительству Дальнего Севера; прочие управления и отделы: Главное управление шоссейных дорог, Хозяйственное управление НКВД СССР, Управление материально-технического снабжения НКВД СССР, Отдел кадров, Центральный финансовый отдел, Плановый отдел, Отдел железнодорожных и водных перевозок, Автотранспортный сектор.

На заключительном этапе войны совершенствование структуры НКВД в основном шло по пути создания управлений и отделов, предназначенных для руководства какимлибо одним направлением деятельности. Следует особо отметить значительное увеличение численности административно-оперативных управлений и отделов, а также структурных

подразделений, руководивших деятельностью исправительно-трудовых лагерей. Все это было непосредственно связано с необходимостью нормализации жизни в стране, а также все более увеличивающейся хозяйственной деятельностью ведомства.

Специфическим элементом военной организации Советского Союза были войска НКВД, основной функцией которых являлось обеспечение внутренней безопасности страны. Строительство войск НКВД имело свои особенности. Для управления войсками НКВД в феврале 1939 г. была введена должность заместителя народного комиссара внутренних дел СССР по войскам, на которую назначен комбриг (в последующем — генерал армии) И. И. Масленников. Реорганизация органов управления войсками НКВД последовала после разделения единого Наркомата внутренних дел на НКВД и НКГБ в феврале 1941 г. Была установлена новая структура войсковых управлений НКВД СССР, в состав которой вошли: Главное управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД СССР, Главное управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, Управление оперативных войск (УОВ) НКВД СССР, Управление конвойных войск (УКВ) НКВД СССР, Управление агитации и пропаганды войск НКВД СССР, Управление военного снабжения (УВС) НКВД СССР, Военно-строительный отдел (ВСО) НКВД СССР[13].

Начальный период войны оказал существенное влияние на изменение органов управления войсками НКВД. Включение в ходе военных действий соединений и частей пограничных, оперативных, конвойных войск, войск по охране железнодорожных сооружений и особо важных объектов промышленности, находившихся в западных районах страны, в состав действующей армии привело к тому, что руководство Наркомата внутренних дел неоднократно обсуждало вопрос о создании объединенного командования всеми видами войск НКВД. Переформирование Главного управления войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности было осуществлено 13 августа 1941 г.[14], а спустя две недели, 26 августа, расформировано Управление конвойных войск[15]. Вместо упраздненных войсковых управлений создавалось Главное управление внутренних войск (ГУВВ) НКВД СССР, в состав которого входили отделы, руководившие службой конвойных войск и войск по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности. Общая численность ГУВВ НКВД СССР составляла 260 штатных единиц.

Анализ летне-осенней кампании 1941 г. показал, что одной из проблем на транспорте являлась охрана железнодорожных магистралей. Постановлением ГКО от 14 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог»[16] на войска НКВД, выполнявшие задачу охраны железнодорожных сооружений, было дополнительно возложено обеспечение охраны особо важных (номенклатурных) грузов, а также пристанционных железнодорожных объектов. Войска НКВД по охране железнодорожных сооружений были переименованы в войска НКВД СССР по охране железных дорог[17].

Успешное контрнаступление войск Красной армии под Москвой и переход в общее наступление потребовали преобразований в организационном строительстве войск НКВД. В связи с их возросшими задачами в начале 1942 г. руководством наркомата было признано целесообразным возвратиться к ранее существовавшей форме организации органов управления войсками, но сделать это на новой основе, с учетом приобретенного опыта и навыков руководства. 19 января 1942 г. Главное управление внутренних войск НКВД было расформировано и вместо него создано три самостоятельных управления: Управление войск НКВД СССР по охране железных дорог, Управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности и Управление конвойных войск НКВД СССР[18].

Возложение на оперативные войска НКВД задач по несению гарнизонной службы в населенных пунктах, освобожденных Красной армией от противника, оказанию помощи органам НКВД в изъятии вражеской агентуры и антисоветских элементов, а также необходимость единого руководства соединениями и частями войск, находящихся в подчинении начальников охраны тыла фронтов, привели к созданию в январе 1942 г. Управления внутренних войск НКВД СССР.

Командир 41-й Сухумской дивизии войск НКВД
полковник М. Е. Микрюков

Командир 46-го Краснознаменного бронепоезда войск НКВД Г. Ф. Фирсов

В течение 1942 г. организационная структура войск НКВД корректировалась, адаптируясь к изменениям обстановки на советско-германском фронте и в тылу. В результате проведенных реорганизаций к началу 1943 г. руководство войсками НКВД осуществляли: Главное управление пограничных войск НКВД СССР, Главное управление внутренних войск НКВД СССР, Управление войск НКВД СССР по охране железных дорог, Управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности, Управление конвойных войск НКВД СССР, Управление военного снабжения НКВД СССР.

В конце 1942 г. войска НКВД СССР пополнились новыми специальными формированиями, деятельность которых была связана с борьбой против действий противника в радиоэфире. Государственный Комитет Обороны, рассмотрев предложения наркома внутренних дел Л. П. Берии, 16 декабря 1942 г. принял постановление «Об организации в Красной армии специальной службы по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя». В соответствии с ним из состава Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии в состав внутренних войск НКВД было передано восемь дивизионов специальной службы[19].

Одновременно с этим ГКО расширил задачи войск НКВД СССР в области обеспечения правительственной высокочастотной связи. В соответствии с постановлением от 30 января 1943 г. «Об обеспечении бесперебойной связи Ставки Верховного главнокомандования со штабами фронтов и армий»[20] на Главное управление внутренних войск НКВД СССР возлагались строительство, восстановление, эксплуатация и охрана линий правительственной ВЧ-связи от Ставки ВГК до штабов фронтов и армий. Принятые от Главного управления связи Красной армии подразделения были подчинены созданному Управлению войск правительственной связи НКВД СССР[21].

Завоевание Вооруженными силами СССР стратегической инициативы, развертывание активных наступательных действий и стремительное продвижение советских войск на запад потребовали усиления войск НКВД по охране тыла действующей армии, а также совершенствования руководства ими. С этой целью было создано Главное управление войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии с подчинением ему всех управлений охраны тыла фронтов и входивших в их состав воинских частей[22]. Структура органов управления войсками НКВД, сложившаяся к середине 1943 г., практически без изменений просуществовала до конца Великой Отечественной войны.

Таким образом, совершенствование органов управления войсками НКВД накануне и в годы войны шло по пути постоянного поиска наиболее оптимальной формы, которая позволяла качественно осуществлять руководство войсками в постоянно изменяющейся обстановке. Именно это обстоятельство стало причиной столь многочисленных реорганизаций органов управления. В своем большинстве они были инициированы народным комиссаром внутренних дел или его заместителем по войскам, так как касались внутренней структуры самого ведомства. Однако в ряде случаев, особенно когда ставился вопрос о возложении на войска новых задач или создании новых войсковых структур, реорганизации осуществлялись на основании постановлений Государственного Комитета Обороны.

Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны прошли сложный путь реорганизаций, связанных прежде всего с увеличением объема выполняемых задач. В сложнейших военных условиях к 1943 г. руководством Наркомата внутренних дел СССР была найдена оптимальная форма системы управления войсками, которая позволяла осуществлять одновременное руководство разными видами войск НКВД и оказывать влияние на выполнение поставленных служебно-боевых задач. В годы войны можно выделить следующие основные направления деятельности Народного комиссариата внутренних дел: обеспечение государственной безопасности (в период 1941–1943 гг.), правоохранительная, экономическая, административная деятельности.

Вопросы обеспечения государственной безопасности, ведения разведывательной и контрразведывательной работы занимали значительное место в деятельности НКВД в период 1941–1943 гг. При этом особое внимание было уделено вопросам безопасности предприятий оборонной промышленности и транспортных коммуникаций. Одной из важнейших

задач, особенно в первые месяцы войны, являлось обеспечение безопасности и общественного порядка в ходе выполнения мероприятий по эвакуации населения, производственных мощностей, государственного и общественного имущества в тыловые районы. В состав Совета по эвакуации постановлением ГКО от 16 июля 1941 г. от НКВД СССР был введен В. С. Абакумов[23].

Основная задача экономических отделов, созданных в составе НКВД — УНКВД, заключалась в «пресечении всяких попыток антисоветских элементов путем вредительства, диверсии, саботажа нарушить нормальную работу предприятий оборонной промышленности и связи и выявлении шпионов иностранных разведок»[24]. Кроме того, экономические отделы должны были своевременно выявлять неполадки в работе предприятий, срывающих выполнение правительственных заданий по обеспечению Красной армии оборонной продукцией, и через ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б) на месте принимать меры к устранению этих неполадок. На них возлагались также обязанности оперативного руководства военизированной и вахтерской охраной предприятий оборонной промышленности.

Значительную роль органы НКВД, а именно особые отделы, сыграли в борьбе с дезертирством из Красной армии. В постановлении ГКО от 17 июля 1941 г. «О преобразовании органов 3-го управления в особые отделы» отмечалось, что главной задачей особых отделов на период войны являлись «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе»[25]. В отношении дезертиров особым отделам давалось право их ареста, а в необходимых случаях — расстрела на месте. Особым отделам придавались войсковые подразделения НКВД: в дивизиях и корпусах — отдельные стрелковые взводы, в армиях — отдельные стрелковые роты, во фронтах — отдельные стрелковые батальоны, сформированные на основании постановления[26].

Одновременно с особыми отделами работу по борьбе с дезертирством проводили и территориальные органы НКВД. Уже 24 июня 1941 г. вышла в свет директива НКВД «О наведении порядка на вокзалах, проверке документов в поездах и на станциях, задержании подозрительных и бездокументных на железных дорогах», положившая начало борьбе с дезертирством. В течение июля — ноября 1941 г. НКВД СССР подготовило по этому вопросу еще ряд директив. В связи с увеличением числа дезертиров в тыловых районах страны директивой НКВД от 6 декабря 1941 г. № 283 в крупных населенных пунктах рекомендовалось организовать заслоны, дозоры и патрулирование, используя для этой цели органы милиции и истребительные батальоны[27]. В результате принятых мер органами НКВД в тыловых районах и прифронтовой полосе за период с начала войны по 20 декабря 1941 г. были задержаны по подозрению в дезертирстве 638 112 человек, из них арестованы — 82 865 человек и переданы в военкоматы и войсковые части — 555 247 человек[28].

Как уже отмечалось, на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» на органы НКВД была возложена задача по организации борьбы с парашютными десантами противника. В соответствии с постановлением повсеместно началось создание истребительных батальонов — добровольных формирований, сыгравших большую роль в борьбе с немецкими парашютистами, забрасываемыми в тыл для шпионско-диверсионной деятельности[29].

Приказом наркома при городских, районных и уездных органах НКВД СССР под руководством оперативных работников НКВД (преимущественно из пограничных и внутренних войск) или начальников отделений милиции создавались истребительные батальоны численностью 100–200 человек[30]. Этим же приказом для обеспечения своевременной и успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в НКВД СССР был создан штаб, а в наркоматах и управлениях внутренних дел Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Ростовской областей, Краснодарского края

и западной части Грузинской ССР организованы оперативные группы, которые получили задачу в 24 часа организовать при городских, районных, уездных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны численностью в 100–200 человек. Начальником Штаба НКВД СССР был назначен генерал-майор Г. А. Петров (начальник Оперативно-разведывательного управления ГУПВ НКВД), его заместителями — ответственные работники наркомата и войск.

В принятом 9 июля 1941 г. постановлении ГКО «О мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и прилегающих районах» говорилось, что кроме основной задачи по уничтожению десантов и диверсантов противника на истребительные батальоны города и пригородных районов возложить: «а) борьбу с возможными контрреволюционными выступлениями; б) организацию патрульной службы и оказания содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги; в) установление тщательного наблюдения в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника»[31]. Всего в соответствии с этим постановлением создавалось 35 истребительных батальонов по 500 человек каждый.

Истребительные батальоны, возглавляемые командирами, выделенными из внутренних и пограничных войск, органов НКВД и милиции, стали одной из массовых организационных форм участия советских людей в вооруженной борьбе с врагом. В течение месяца число сформированных истребительных батальонов достигло 1755, в них насчитывалось 328 тыс. человек[32]. Задачами истребительных батальонов являлись: охрана важных народно-хозяйственных объектов в тылу советских войск, борьба с разведывательно-диверсионными группами и воздушными десантами противника[33]. Кроме того, более 300 тыс. человек состояли в группах содействия истребительным батальонам[34], задачей которых являлось информирование командования истребительных батальонов обо всех случаях появления десантов и диверсантов противника в районе действия истребительного батальона[35].

О том, какое значение придавалась проблеме укрепления порядка и борьбы с преступностью в годы войны, свидетельствует тот факт, что Государственным Комитетом Обороны было принято около 20 постановлений и распоряжений по различным вопросам деятельности милиции, укреплению ее кадрами, криминалистической техникой и прочее.

Военная обстановка поставила перед Главным управлением милиции ряд задач, связанных непосредственно с обороной страны, содействием фронту и укреплением тыла. Основной задачей милиции оставались охрана общественного порядка и борьба с преступностью, чем обеспечивался прочный тыл. С началом войны криминогенная обстановка осложнилась, наблюдался рост преступности, особую тревогу вызывало увеличение числа тяжких преступлений. Одной из причин создавшегося положения было ухудшение качественного состава кадров вследствие того, что почти 25% личного состава милиции убыло на фронт.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. Основываясь на его требованиях, милиция повела борьбу с паникерами, провокаторами и другими дезорганизаторами тыла и нарушителями общественного порядка.

Значительную роль правоохранительные органы сыграли в поддержании общественного порядка в городах, находившихся на осадном положении. Так, в соответствии с «Планом мероприятий по очистке города Москвы и Московской области от антисоветского и социально-опасного элемента», утвержденным НКВД СССР 14 ноября 1941 г., районные отделы милиции проводили учет всех неблагонадежных категорий населения, а также лиц немецкой, финской, итальянской, румынской и венгерской национальностей. При проявлении антисоветских действий они немедленно арестовывались. В местах вероятной концентрации подозрительного элемента (вокзалы, пивные, рестораны, погрузочно-разгрузочные воинские пункты, вокруг оборонных предприятий и прочее) необходимо было до 20 ноября 1941 г. произвести дополнительные вербовки агентурно-осведомительной сети, а лиц, незаконно хранящих оружие, привлекать к уголовной ответственности по законам военного времени. Для проведения мероприятий привлекались участковые инспекторы, дворники и домовые комитеты. Для ускорения следствия организовывалась следственная группа под руководством

начальника УНКВД Московской области[36]. В связи с эвакуацией руководящих государственных органов в Куйбышев там также была осуществлена очистка города от сомнительных элементов с высылкой их в Алтайский край[37].

В освобожденных от оккупантов населенных пунктах органы милиции принимали активное участие в выявлении и разоблачении пособников оккупантов. При этом милиционеры действовали не только в составе оперативных групп региональных УНКВД, но и автономно.

Значительное место в охране общественного порядка в годы войны сыграли транспортные органы милиции. К началу войны в состав НКВД СССР входила железнодорожная милиция, осуществлявшая охрану общественного порядка на железнодорожном транспорте и на станциях. Для охраны общественного порядка, борьбы с уголовной преступностью и хищениями социалистической собственности на водном транспорте в июне 1942 г. были организованы линейные отделы, отделения, оперативные пункты и посты водной милиции речных бассейнов в границах существующих пароходств. На них возлагались задачи: охрана общественного порядка на водном транспорте; наблюдение за выполнением правил поддержания общественного порядка и привлечения к ответственности лиц, нарушающих эти правила; борьба с расхищением социалистической собственности и спекуляцией; борьба с грабежами, кражами, хулиганством и другими уголовными преступлениями; изъятие беспризорных и безнадзорных детей; осуществление паспортного режима на водном транспорте; ведение следствия по уголовным делам, отнесенным к компетенции милиции[38]. В июле 1942 г. была организована милиция морских бассейнов и портов с теми же задачами, что и у речной милиции[39]. Руководство органами транспортной милиции осуществляло Главное управление милиции НКВД, в составе которого было образовано Управление транспортной милиции ГУМ НКВД СССР[40].

Органы внутренних дел принимали активное участие в оказании помощи детям, оставшимся без родителей. Для решения этой проблемы был образован Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью[41]. Согласно приказу наркома трудовые колонии для несовершеннолетних и детские приемники-распределители из УИТЛК — ОИТЛК ГУЛАГа НКВД СССР передавались в отделы (отделения) НКВД — УНКВД. Сотрудники занимались выявлением безнадзорных и беспризорных детей и помещали их в детские дома, приемники-распределители. Расширялась сеть детских комнат при милиции. В 1943 г. в стране было 745 детских комнат, а к концу войны их насчитывалось более тысячи. В 1942–1943 гг. милицией с помощью общественности были задержаны около 300 тыс. беспризорных подростков, большинство из которых впоследствии трудоустроены. Многих из них взяли на воспитание граждане.

Значительное место в деятельности НКВД в годы войны уделялось выполнению экономических задач. ГУЛАГ с первых же дней войны организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования и другой военной продукции. 18 февраля 1942 г. в составе ГУЛАГа был создан специальный отдел военной продукции, на который возлагалось организационное и оперативно-техническое руководство всеми предприятиями НКВД, вырабатывающими боеприпасы и спецукупорку. Кроме того, ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой важнейшие стройки: строительство авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске, в Закавказье, Норильского и Джидинского комбинатов, Богословского алюминиевого завода, нефтеперегонного завода в Куйбышеве и другие.

Среди заключенных начали активно выявляться специалисты и квалифицированные рабочие для передачи их в оборонную промышленность. В годы войны ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой более 600 предприятий других наркоматов, в то время как до войны заключенных предоставляли только 350 предприятиям. Для обслуживания наиболее важных оборонных предприятий ГУЛАГ организовал 380 спецколоний, в которых в условиях соответствующего режима и охраны содержались 225 тыс. заключенных. Они участвовали в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения и прочего. Деятельность исправительно-трудовых

Бойцы 178-го стрелкового полка войск НКВД строят оборонительные сооружения в Сталинграде

Комсостав 2-й роты 178-го стрелкового полка войск НКВД на Мамаевом кургане

учреждений, а также положение осужденных регулировались ведомственной инструкцией «О режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время», изданной в феврале 1942 г.

Сложность стратегической обстановки на советско-германской фронте в первые дни войны потребовала перераспределения сил и средств наркомата. В соответствии с приказом НКВД СССР от 28 июня 1941 г. «О прекращении работ по строительству НКВД в связи с началом войны» с 1 июля 1941 г. приостанавливались работы по строительству 41 предприятия. В перечень строек, подлежащих консервации, попали пять сульфитно-спиртовых и гидролизных заводов, расположенных преимущественно в европейской части СССР[42].

В течение 1942 г. предприятия, подчиненные управлениям исправительно-трудовых лагерей и колоний краевых и областных управлений НКВД СССР, выполнили план на 128,6%. Из 50 управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний 31 значительно перевыполнило план[43].

«Номерное» строительство в системе ГУЛАГа осуществляло Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой). Его капиталовложения составляли в 1941 г. 3,5% от общего объема капитальных затрат по СССР, при этом вся сумма вложений приходилась на строительство только военно-промышленных предприятий. Еще в 1940 г. начались работы по сооружению трех авиационных заводов в районе Куйбышева, а приказом НКВД от 19 марта 1941 г. в Главпромстрой было передано строительство сульфитно-спиртовых и гидролизных заводов.

С началом войны на Главпромстрой было возложено строительство военных заводов. В соответствии с постановлением ГКО от 26 июля 1941 г. «О частичном изменении и дополнении постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 июня 1941 г. № 1510–621» приказом наркома на Главпромстрой было возложено строительство пороховых заводов в районе Соликамска мощностью 8 тыс. тонн пороха и 15 тыс. тонн коллоксилина в год с вводом в действие к 1 июля 1942 г.[44] Особое внимание советское руководство уделяло производству оружия. В соответствии с постановлением ГКО от 23 ноября 1941 г. «О плане производства 45-мм противотанковых пушек и 76-мм дивизионных пушек на декабрь 1941 г., январь и февраль 1942 г.» на Главпромстрой было возложено строительство завода № 8 Наркомата вооружения в Свердловске[45].

Для наращивания производственных мощностей распоряжением НКВД СССР от 30 декабря 1941 г. Главпромстрой принял от расформированного Главного управления лагерей гидротехнического строительства (Главгидростроя) и его Московского и Ленинградского проектных управлений все принадлежащие им материально-имущественные ценности[46]. В составе Главпромстроя было сформировано Проектно-изыскательское управление гидротехнических работ, куда и передано все имущество Главгидростроя[47]. Одними из главных строительных объектов Главпромстроя были Тагильский и Бакальский металлургические комбинаты. Для обеспечения снабжения их строительств в составе Главпромстроя было организовано Московское отделение строек черной металлургии[48].

К 1943 г. на стройках ГУЛАГа стала ощущаться нехватка элементов монтажного оборудования и строительных материалов. Поэтому на Тагилстрое, Челябметаллургстрое, Базстрое, Актюбстрое и Соликамстрое параллельно с организациями Наркомстроя для выполнения 30–40% всей программы специальных строительно-монтажных работ были организованы специализированные конторы по изготовлению металлоконструкций, производству механического и электромонтажа, огнеупорной кладке и прочему[49]. В дальнейшем при Главпромстрое была создана Главная монтажная контора, включающая специализированные местные конторы. Для обеспечения собственных строек стеклом в декабре 1943 г. в Главпромстрое было организовано стекольное производство[50].

К 1943 г. хозяйство Главпромстроя сильно расширилось. В соответствии с народнохозяйственным планом на 1943 г. были возобновлены проектно-изыскательские работы по гидростанциям Центра и Европейского Севера, которые возложены на Проектно-изыскательское управление гидротехнических работ Главпромстроя[51]. К концу войны Главпромстрой

организовал еще ряд крупных строительств. Так, было начато строительство Закавказского металлургического завода, рудника и железной дороги. С освобождением Прибалтики от противника на Главпромстрой легла задача по восстановлению и строительству военно-морских баз и береговой обороны Балтийского флота[52]. Для этого было создано Управление строительства военно-морских баз Таллинского и Рижского морских оборонительных районов НКВД СССР (г. Таллин). На базе Управления Химкинского строительства Главпромстроя было образовано Управление специального строительства (Спецстрой НКВД)[53].

В ходе войны важнейшее значение приобрели транспортные коммуникации. Успех многих военных операций зависел от мобильности войск, которая в свою очередь была связана с развитостью сети дорог. Как ранее отмечалось, главным органом по строительству и эксплуатации шоссейных дорог в Советском Союзе было Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД СССР, образованное в 1935 г. С началом войны в целях обеспечения бесперебойного движения по стратегически важным дорогам практиковалось назначение на них уполномоченных ГУШОСДОРа. Неблагоприятное развитие стратегической обстановки на советско-германском фронте летом 1941 г. потребовало внесения корректив в данную структуру. В соответствии с постановлением ГКО от 15 сентября 1941 г. «Об организации в системе ГУШОСДОР НКВД СССР военно-дорожных управлений и отрядов» приказом НКВД от 21 сентября 1941 г. в составе главка были созданы Управление военно-дорожных работ и Управление строительства и содержания дорог глубокого тыла[54].

Наиболее квалифицированные инженерно-технические кадры, большая часть автомашин, тракторов и дорожных механизмов были сосредоточены в Управлении военно-дорожных работ. Управление по заданиям Главного управления тыла Красной армии не только строило, но и эксплуатировало дороги, расположенные как в прифронтовой полосе, так и идущие в глубь страны и служащие путями подвоза (Рязань — Куйбышев, Горький — Казань). В тылу действующей армии работали полевые военно-дорожные органы ГУШОСДОРа: управления уполномоченных в армейском тылу, батальоны, головные дорожные отряды, головные дорожные базы и местные базы.

Во исполнение постановления ГКО от 8 мая 1942 г. «Об организации Главного управления автотранспортной и дорожной службы Красной армии» Управление военно-дорожных работ было передано из ГУШОСДОРа в Главное управление автотранспортной и дорожной службы. При этом сами дороги остались на балансе НКВД. Всего передавались 34 дороги протяженностью 2187 км[55].

С освобождением западных областей СССР в составе ГУШОСДОРа были восстановлены управления шоссейных дорог НКВД Украинской и Белорусской ССР[56], весной 1944 г. — управления шоссейных дорог НКВД Эстонской, Молдавской, Латвийской и Литовской ССР и Ленинградской области. Одновременно с этим началось и восстановление дорог на бывшей оккупированной территории. В постановлении ГКО от 25 апреля 1944 г. «О мероприятиях по восстановлению шоссейных дорог и организации эксплуатационной службы на территории, освобожденной от противника»[57] и одноименном приказе НКВД СССР от 12 мая 1944 г. № 090 указывалось, что неотложные работы по восстановлению разрушенных участков союзных шоссейных дорог в 1944 г. необходимо проводить по упрощенным техническим условиям. Часть инженерно-технических работников Управления тыла Красной армии и 2000 автомашин передавались обратно в ГУШОСДОР. Одновременно с этим в срок до 1 июня 1944 г. в его состав передавалось 10 рабочих колонн (10 тыс. человек) из числа непригодных к службе в армии, но годных к физическому труду с увеличением должностных окладов специалистам. При этом разрешалось собирать все необходимое трофейное имущество, мобилизовывать местное население и неиспользуемые машины сроком на три месяца, а также использовать притрассовые карьеры других организаций.

К концу войны центральный аппарат ГУШОСДОР НКВД СССР включал отделы: строительства дорог центра, строительства дорог юга, строительства дорог востока, строительства мостов, гражданского строительства, автотранспортный, финансовый, кадров, железнодорожных перевозок, административно-хозяйственный[58].

Особый вклад в производство военной техники внес 4-й спецотдел НКВД СССР, образованный перед войной. Внимание к его деятельности было обусловлено тем, что многие известные советские ученые и конструкторы работали в так называемых «шарашках» — конструкторских и технических бюро и лабораториях, созданных под его руководством. Для проведения научно-технических работ в НКВД, в том числе с использованием труда заключенных, в 1938 г. был создан Отдел особых конструкторских бюро НКВД СССР (с сентября 1938 г. — 4-й спецотдел НКВД, с 9 января 1939 по 31 июля 1941 г. — Особое техническое бюро НКВД, затем снова 4-й спецотдел НКВД)[59]. В соответствии с положением, принятым летом 1939 г., отдел состоял из групп и отделений (артиллерийское и судостроительное отделения находились в Ленинграде), отвечающих за разработку отдельных видов продукции оборонного назначения для авиации, флота, артиллерии, связи и прочее.

С началом войны опытные производства 4-го спецотдела были эвакуированы в тыловые районы страны. В октябре 1941 г. Московскую радиолабораторию эвакуировали в Свердловск, Ленинградскую — в Чкалов. Кроме того, артиллерийское и судостроительное отделения были эвакуированы соответственно в Молотов и Зеленодольск (Татарская АССР).

Спецотдел выполнял задания оперативно-чекистских органов в интересах государственной безопасности. Так, на основании циркуляра НКВД СССР от 21 ноября 1942 г. № 517 в 4-й спецотдел направляли все отобранные у вражеских агентов документы на предмет их исследования. В целях улучшения контрразведывательной службы НКВД СССР 4-му спецотделу было поручено изготовить 25 коротковолновых радиоприемников слежения и пять радиопередатчиков мощностью 500 ватт, а также обеспечить профилактический осмотр и текущий ремонт пеленгаторных пунктов и аппаратуры слежения[60].

В целях развития работ в ряде областей специальной техники в 1943 г. в составе 4-го спецотдела была создана лаборатория специальной техники, которая использовала импортную аппаратуру, а в марте 1944 г. — спецгруппа по подъему затонувших судов[61]. Для этой спецгруппы основными заданиями являлись: составление проектов подъема затонувших судов; техническое руководство и непосредственное участие совместно с аварийно-спасательной службой флота в реализации составленных группой проектов и рабочих планов подъема; составление технических отчетов по реализованным проектам; разработка отдельных теоретических вопросов судоподъема и оказание технической помощи отряду аварийно-спасательной службы флота в проводимых судоподъемных работах. Спецгруппа работала по плану, утверждаемому ГКО и НК ВМФ.

Разрабатывалась новая техника и для авиации. В 1944 г. в Особом конструкторском бюро завода № 16 были спроектированы, изготовлены и испытаны особо мощные авиамоторы МБ-100, МБ-102 и реактивный РД-1[62]. Для совершенствования охраны государственной границы летом 1944 г. была разработана и произведена опытная партия специальной аппаратуры связи и сигнализации. В результате успешного внедрения технических разработок в военное производство заключенные, участвующие в проекте, как правило, получали освобождение.

Одновременно с охраной и трудовым использованием осужденных с первых же дней войны на НКВД была возложена охрана и трудовое использование военнопленных, которые относились к ведению Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). В соответствии с «Положением об Управлении НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных» на него возлагались организация и руководство деятельностью сети приемных пунктов и лагерей для военнопленных, интернированных и бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника. В управление входили: политинструкторская группа, отвечающая за агитационно-пропагандистскую работу, отделы режима и охраны, учетно-распределительный, хозяйственный, санитарный и организационно-производственный[63]. По данным на 25 февраля 1943 г. в СССР находились 256 918 военнопленных, из которых 199 090 человек были работоспособными, а 57 828 — больными и ранеными[64].

Бойцы спецроты младшего лейтенанта П. Н. Муратикова
из состава мотострелкового истребительно-диверсионного полка НКВД

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины» была введена ссылка на каторжные работы, что явилось одной из экстраординарных мер наказания военного времени и первых послевоенных лет. Каторжные работы предусматривались второй статьей указа только для пособников гитлеровским военным преступникам, уличенных в совершении расправ и насилия над гражданским населением и пленными красноармейцами, на срок от 15 до 20 лет. К концу 1944 г. в состав ГУЛАГа входили пять каторжных лагерей, в которых содержались около 6 тыс. человек. На 1 апреля 1945 г. в ИТЛ НКВД СССР отбывали наказание 15 586 изменников Родины, осужденных к каторжным работам, в том числе 1113 женщин.

Заключенными всех мест лишения свободы, спецпереселенцами и военнопленными к концу 1944 г. было выполнено до 15% всех строительных работ по СССР, в том числе построены 842 аэродрома, авиазавод в Куйбышеве, проложено 3573 км железных и около 5 тыс. км шоссейных дорог, а также 1058 км нефтепроводов. Кроме того, ими было добыто почти 315 тонн золота, 14 398 тонн олова, 8924 тыс. тонн угля, 407 тыс. тонн нефти и произведено около 30 200 тыс. мин.

Большой объем работы был возложен на управления и отделы НКВД СССР, занимавшиеся административно-оперативной деятельностью, в частности на Главное управление пожарной охраны (ГУПО). Проблема борьбы с пожарами с первых дней войны приобрела особую актуальность, поскольку подавляющее большинство жилищного фонда страны было деревянным

и противник стал активно использовать зажигательное оружие. О важности данного направления деятельности НКВД свидетельствует то, что одно из первых постановлений ГКО было посвящено увеличению выпуска противопожарного оборудования[65]. Постановление ГКО от 2 июля 1941 г. «Об усилении противопожарной обороны Москвы и ближайших к ней городов Московской области» предписывало НКВД усилить противопожарную службу в Москве (с 43 до 60 команд и с 60 до 70 караулов) и перевести на военизированное положение пожарную охрану 11 городов Московской области[66]. В соответствии с приказом НКВД все противопожарные силы и средства (надзора, охраны, тушения, МПВО, действующие на общественных началах) в Москве были сосредоточены в Управлении противопожарной охраны города[67].

В связи с угрозой воздушных налетов на тыловые районы страны в соответствии с постановлениями ГКО от 10 июня 1943 г. «Об усилении местной противовоздушной обороны города Горького» и от 16 июня 1943 г. «О местной противовоздушной обороне» на военизированное положение переводилась пожарная охрана 33 крупных городов СССР с общей штатной численностью 13 850 человек[68]. Спустя четыре месяца в соответствии с постановлением ГКО от 16 ноября 1943 г. «О восстановлении химических предприятий Донбасса» устанавливалась военизированная пожарная охрана для предприятий Наркомата химической промышленности[69].

Значительное внимание со стороны НКВД уделялось организации надежной и бесперебойной связи. Правительственная высокочастотная связь устанавливалась только с личной санкции наркома внутренних дел[70]. Перед войной отдел ВЧ-связи НКВД имел 152 станции связи, в основном в республиканских и областных центрах страны. Эти станции обслуживали всего 729 абонентов. При этом в ведении отдела ВЧ-связи находились только станции, а проводами ведало Министерство связи СССР, что отрицательно отражалось на качестве обслуживания абонентов.

Из-за затруднений связи с фронтами была организована ВЧ-связь оперативных направлений: Москва — Вологда — Ленинград; Москва — Вологда — Вытегра — Лодейное Поле — Петрозаводск; Москва — Бежецк — Бологое; Москва — Брянск — Орёл с созданием резервных узлов связи[71]. Это потребовало введения в штат отделения ВЧ-связи 4-го спецотдела НКВД СССР 140 единиц личного состава. В октябре 1941 г. правительственная ВЧ-связь была выделена из состава 4-го спецотдела в самостоятельный отдел НКВД СССР, который состоял из четырех отделений: эксплуатации ВЧ-связи, строительства высокочастотных станций, радиосвязи и материально-технического снабжения[72].

В ходе войны по указаниям правительства НКВД организовало 122 фронтовые и армейские высокочастотные станции для обеспечения связью Ставки ВГК со штабами фронтов и армий. Одновременно с этим была усилена ВЧ-связь с военными заводами, выпускавшими для армии вооружение и боеприпасы, и основными промышленными и сельскохозяйственными центрами страны, снабжавшими армию продовольствием.

С переходом Красной армии в стратегическое наступление выявилось, что Главное управление связи Красной армии не успевает своевременно строить линии связи с наступающими фронтами и армиями. Ввиду этого по указанию И. В. Сталина в начале 1943 г. в составе НКВД СССР были организованы войска правительственной ВЧ-связи, перед которыми поставлена задача постройки линий связи для фронтов и армий и организации их охраны от диверсантов и агентуры противника. Всего за годы войны под руководством НКВД было построено 25 755 км новых столбовых линий и восстановлено 88 090 км проводов связи[73]. После освобождения городов от противника была восстановлена правительственная ВЧ-связь в 60 городах страны.

Практически с самого начала войны перед руководством страны остро встала проблема проверки бывших военнослужащих Красной армии, которые возвращались из окружения или плена, так как среди них довольно часто находились завербованные диверсанты и шпионы. Поэтому в системе УПВИ НКВД СССР были организованы спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии[74]. В соответствии с приказом НКО № 0521 от 1941 г. они проходили специальную проверку, после чего направлялись обратно в запасные части НКО,

а негодные к строевой службе — к месту жительства[75]. Временная инструкция о порядке учета и содержания в спецлагерях НКВД бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену или окружении противника, была объявлена в январе 1942 г.[76]

В 1944 г. спецлагеря из ведения Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных были переданы в систему ГУЛАГа[77]. В штат ГУЛАГа была введена должность заместителя начальника ГУЛАГа по спецлагерям. Однако уже через месяц был организован самостоятельный Отдел спецлагерей НКВД СССР, занимавшийся проверкой возвращающихся на родину из плена советских граждан. В проверочно-фильтрационные лагеря направлялись также и лица, арестованные аппаратами уполномоченных НКВД на фронтах, которых можно было содержать без конвоя, отдельно от обычных военнослужащих[78]. Проверкой военнослужащих занимались органы Смерш НКО, гражданских — органы НКВД — НКГБ по территориальности[79].

С освобождением Красной армией стран Восточной Европы началось возвращение насильно угнанных в Германию граждан СССР. Приказом НКВД от 28 августа 1944 г. на границе между Советским Союзом и Польшей для пропуска через пограничную линию были организованы контрольно-пропускные пункты (проверочно-фильтрационные пункты), где их проверяли и выдавали удостоверения на въезд в СССР. Прошедшим фильтрацию советским гражданам органы милиции городов Гродно, Волковыск, Пружаны, Высокое (бывший Высоко-Литовск), Мостиска, Яворов и Хыров должны выдавать пропуска на проезд по железным дорогам и водным путям сообщения к месту постоянного жительства[80]. При этом пропуска не выдавались в Москву, Ленинград, а также в населенные пункты, расположенные в запретных зонах и пограничной полосе. По прибытии этих лиц к избранному месту жительства органы милиции занимались их регистрацией, забирали удостоверения и пропуска и выдавали новые паспорта. Аналогичные пункты были созданы на границе СССР и Румынии, а также в Литовской ССР[81]. Всех возвращающихся из Финляндии ингерманландцев, бывших жителей Ленинградской области, направляли в Ярославскую (5 тыс. семей), Калининскую (3 тыс. семей), Новгородскую (2 тыс. семей), Псковскую (1 тыс. семей) и Великолукскую (1 тыс. семей) области[82].

Всего в годы войны было сформировано: 43 спецлагеря, 20 проверочно-фильтрационных пунктов, 27 проверочно-фильтрационных лагерей[83]. Сводной дислокации проверочно-фильтрационных лагерей и пунктов в войну не велось, так как их места постоянно переносились в зависимости от линии фронтов.

Выполнение новых задач повлекло за собой изменение структуры Главного управления по делам военнопленных и интернированных. Отдел спецлагерей НКВД был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, а спецлагеря — в проверочно-фильтрационные. В составе ГУВПИ было организовано Управление по делам военнопленных и Управление по делам интернированных и мобилизованных. Оперативный отдел ГУПВИ был преобразован в Оперативное управление ГУПВИ[84].

Весной 1945 г. в лагеря стал поступать контингент из числа арестованных подданных других государств. В связи с тем, что среди них было много ослабленных и больных дистрофией, распоряжением заместителя наркома внутренних дел В. В. Чернышёва от 11 апреля 1945 г. эти лица не направлялись в лагеря для интернированных, а размещались на месте и ставились на усиленное питание[85].

Весной 1945 г. поток репатриируемых значительно возрос, в связи с чем проверка и фильтрация всех освобожденных Красной армией советских граждан (из числа гражданских лиц) была организована на шести фронтовых сборно-пересыльных пунктах и в лагерях со сроком проверки не более 1–2 месяцев. В последующем во исполнение постановления ГКО от 22 мая 1945 г. «О мерах по ускорению проверки репатриируемых советских граждан» он был уменьшен до 10 дней[86]. Для проверки создавались проверочно-фильтрационные комиссии из представителей НКВД (председатель комиссии), НКО Смерш и НКГБ (члены комиссии). Комиссии подчинялись уполномоченным НКВД по фронтам или начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов.

Была упорядочена и система спецпоселений. В связи с тем что во время войны появилось много новых категорий ссыльных и высланных, приказом НКВД от 12 января 1944 г. Отдел трудовых и спецпоселений ГУЛАГа был переименован в Отдел спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР. Затем приказом НКВД от 17 марта 1944 г. на его базе был образован самостоятельный Отдел спецпоселений НКВД СССР.

В годы Великой Отечественной войны к лицам, репрессированным в административном порядке, особенно широко стала применяться ссылка. Перечни мест ссылки объявлялись приказами наркома[87]. Правовое положение ссыльных регулировалось постановлениями СНК СССР от 8 января 1945 г. «Об утверждении Положения о спецкомендатурах»[88] и «О правовом положении спецпереселенцев»[89], в соответствии с которым репрессированные данной категории пользовались правами граждан СССР, за исключением ограничений, связанных с запретом отлучаться за пределы района расселения.

Для трудпоселенцев (бывших кулаков) постановлением ГКО от 11 апреля 1942 г. «О дополнительном призыве 500 тыс. человек за счет военнообязанных, пользовавшихся отсрочками, казахов, узбеков, ограниченно годных и освобожденных по состоянию здоровья, работников милиции и военизированной охраны, переселенцев и их детей» было установлено, что после призыва их в Красную армию с них и членов их семей (жена, дети) снимались все ограничения в правах и выдается паспорт[90].

На Отдел спецпоселений также было возложено оперативно-чекистское и административное обслуживание немцев, мобилизованных в рабочие колонны для промышленных предприятиях других наркоматов, а на стройках и в лагерях НКВД этим занимался ГУЛАГ НКВД СССР[91].

Таким образом, Народный комиссариат внутренних дел СССР в годы войны представлял собой одно из центральных звеньев системы государственного руководства и управления. Несмотря на значительные масштабы экономической работы НКВД в годы войны, основными направлениями его деятельности продолжали оставаться правоохранительная и административная. Выполнение задач по охране общественного порядка, в том числе и на транспорте, борьбе с национализмом и бандитизмом позволили сохранить стабильную обстановку в советском тылу, не допустить массовых антисоветских выступлений на территории страны.

Наркомат государственной безопасности СССР: структура, полномочия и место в системе государственного управления

Народный комиссариат государственной безопасности СССР — центральный орган этого вида деятельности в стране. В общей системе управления государством он, с одной стороны, был объектом управления для СНК СССР, ЦК ВКП(б), а после начала Великой Отечественной войны — и для ГКО, а с другой — субъектом управления для подведомственных ему органов безопасности. В НКГБ была создана нормативно закрепленная последовательность уровней управления разведкой, контрразведкой, государственной охраной, организацией шифровального дела, борьбой с антисоветской деятельностью.

Организационная структура НКГБ предполагала несколько уровней управления: на верхнем — Наркомат государственной безопасности СССР, управления и самостоятельные отделы центрального аппарата наркомата; на среднем — НКГБ союзных и автономных республик, управления НКГБ краев и областей; на низовом — подведомственные подразделения НКГБ республик, УНКГБ краев и областей. На каждом уровне управления принимались решения в соответствии с отведенными им компетентностью и полномочиями. Объектами управления НКГБ СССР являлись также транспортные органы госбезопасности, образовательные учреждения, подразделения, обеспечивавшие деятельность наркомата (административно-финансовые, хозяйственные и прочие).

Аппарат управления НКГБ СССР включал специалистов, выполнявших задачи подготовки решений, контрольные и другие управленческие функции, а также сотрудников инспекторских, кадровых, кураторских подразделений, секретариатов и инспекций. Для проверки и наблюдения за ведением секретного делопроизводства в органах НКГБ в его секретариате была создана особая группа в составе трех человек, на которую возлагались: систематическая проверка в управлениях и отделах НКГБ СССР, периферийных органах НКГБ состояния учета поступающих и исходящих совершенно секретных и секретных документов, их движения и хранения и постановка контроля по документам, требующим исполнения; расследование случаев пропажи совершенно секретных документов и нарушений инструкции ведения секретного делопроизводства; инструктаж работников органов НКГБ, ведающих учетом совершенно секретных документов и их хранением[92].

НКГБ СССР в рамках отведенных ему полномочий по обеспечению государственной безопасности страны путем предоставления разносторонней информации ГКО, СНК, ЦК ВКП(б) оказывал управляющее воздействие на наркоматы иностранных дел, связи, морского и речного транспорта, путей сообщения. Принятие решений высшими инстанциями по вопросам, относящимся к обеспечению государственной безопасности, во многом зависело от информации НКГБ, так как ГКО, Ставка ВГК, Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК для принятия стратегических решений в военной, политической, экономической и социальных сферах нужны были своевременные, достоверные, полные сведения.

После образования 3 февраля 1941 г. НКГБ СССР была объявлена его новая структура с назначением руководителей управлений и отделов. Центральный аппарат НКГБ включал: 1-е управление (разведка за границей), 2-е управление (контрразведка), 3-е управление (секретно-политическое), Управление коменданта Московского Кремля, Следственную часть, 1-й отдел (охрана правительства), 2-й отдел (учетно-статистический), 3-й отдел (обыски, аресты, наружное наблюдение), 4-й отдел (оперативной техники), 5-й отдел (шифровальный), отдел кадров и секретариат. Во всех союзных и автономных республиках были созданы наркоматы госбезопасности, в краях и областях — управления НКГБ (территориальные органы НКГБ) со структурой, аналогичной центральному аппарату. В случае изменения административно-территориального деления СССР (создание новых автономных республик, областей) производились и организационно-штатные изменения территориальных органов НКГБ.

К компетенции НКГБ были отнесены: разведывательная работа за границей; контрразведывательная работа (борьба со шпионажем, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок); борьба с антисоветской деятельностью (оперативная разработка и ликвидация остатков антиправительственных партий и контрреволюционных элементов); охрана руководителей партии и государства.

Решения по организации деятельности оформлялись приказами, указаниями, директивами НКГБ СССР либо резолюциями на официальных документах по основным направлениям деятельности. Процесс управления в сфере обеспечения государственной безопасности включал в себя оценку оперативной обстановки (противник[93] и среда, в которой происходило противоборство спецслужб), планирование служебной деятельности, выработку решения, организацию и контроль над их исполнением.

В целях проведения оперативных и следственных мероприятий, выявления агентуры иностранных разведок, выполнения конкретных задач разведывательного или контрразведывательного характера, борьбы с бандитизмом и антисоветскими элементами создавались временные внештатные образования — оперативные группы, которые формировались управлениями и отделами НКГБ СССР. Для оказания практической помощи в оперативной и следственной работе практиковалось направление наиболее опытных оперативных сотрудников и следователей в другие территориальные органы безопасности[94]. Для повышения эффективности управления и деятельности НКГБ на основе анализа полученной информации выделял объекты разведывательно-подрывных устремлений спецслужб противника и выстраивал системы их контрразведывательной защиты.

В. Н. Меркулов

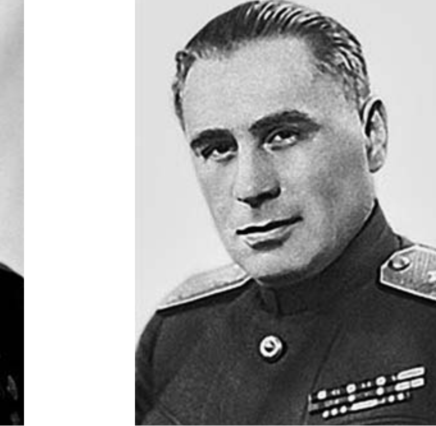
И. А. Серов

Б. З. Кобулов

Н. С. Власик

П. А. Судоплатов

Организация контроля и проверки исполнения постановлений и решений СНК СССР и ЦК ВКП(б), ведомственных приказов, директив и распоряжений осуществлялась путем регулярного направления в наркоматы госбезопасности республик, управлений НКГБ краев и областей оперативных бригад НКГБ СССР, которые оценивали состояние оперативной и следственной работы в целом или по конкретному направлению. В результате контроля над деятельностью органов госбезопасности представителями НКГБ выявлялись различные нарушения оперативно-разыскной и следственной работы.

Управление деятельностью в сфере обеспечения государственной безопасности, после того как в феврале 1941 г. в четырех разных ведомствах (НКГБ, НКВД, НКО и НК ВМФ) появились подразделения разведки и контрразведки, потребовало организационных мер для координации их деятельности. В этих целях были созданы Центральный совет (председатель В. Н. Меркулов) и местные советы (председатели советов — руководители НКГБ республик, начальники управлений УНКГБ краев и областей) по координированию оперативной и следственной работы органов НКГБ, 3-го отдела НКВД и третьих управлений наркоматов обороны и Военно-морского флота. 29 мая 1941 г. была утверждена «Инструкция Центрального совета по координированию оперативной и следственной работы органов НКГБ, 3-го отдела НКВД и третьих управлений наркоматов обороны и Военно-морского флота»[95].

НКГБ СССР стал основной структурой в сфере организации разведывательной и контрразведывательной работы. Центральный и местные советы созывались по мере накопления оперативных, организационных и иных вопросов, но не реже одного раза в месяц. При этом важно было добиться оперативного обмена разведывательной и контрразведывательной информацией, сохранить единство действий и соблюдать общие формы, методы и способы оперативной и следственной работы органов НКГБ, НКВД, третьих управлений НКО и НК ВМФ. С целью унификации действий НКГБ направлял третьим управлениям НКО и НК ВМФ и 3-му отделу НКВД следующие документы: приказы и директивы по оперативной и следственной работе; ориентировки о контрреволюционной деятельности иностранных разведок, вскрытых контрреволюционных формированиях и методах их подрывной деятельности в СССР; материалы на военных атташе, военных советников полпредств СССР за границей, инструкторский состав правительственных учреждений Монгольской Народной Республики и работников разведывательных органов Красной армии и Военно-морского флота; приказы, учебные пособия, инструкции, программы НКГБ СССР по оперативной деятельности.

Реорганизация системы управления в области обеспечения государственной безопасности после нападения нацистской Германии на Советский Союз проводилась с учетом особенностей законодательства военного времени. С первых дней войны основными направлениями деятельности органов НКГБ стали борьба с агентами противника, поддержание режима безопасности в советском тылу и организация разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. Уже 24 июня 1941 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В совместной директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. задачи органов безопасности и внутренних дел были конкретизированы: организовать всестороннюю помощь Красной армии, укрепить ее тыл, наладить охрану заводов, электростанций, предприятий транспорта и связи, бороться с дезертирами, паникерами, уничтожать шпионов, диверсантов, парашютистов, помогать истребительным батальонам, создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с вражеской армией, вести партизанскую войну, взрывать мосты, дороги, выводить из строя линии связи.

Сотрудники органов госбезопасности и внутренних дел проверяли эшелоны, прибывавшие из прифронтовой полосы, изымали обнаруженное оружие, задерживали лиц, не имевших документов, разоружали и передавали военным комендантам небольшие воинские подразделения, прибывавшие с фронта без соответствующих документов, проверяли состояние охраны промышленных, военных и оборонных объектов, принимали меры к устранению

выявленных недостатков. Все лица, появлявшиеся вблизи охраняемых объектов, задерживались как подозреваемые в подготовке диверсий и шпионаже[96].

Так как военные действия развернулись на территории Советского Союза, задача обеспечения государственной безопасности стала пересекаться с функцией организации общественного порядка. Кроме того, многие сотрудники органов госбезопасности в первые дни войны были направлены на фронт. В связи с этим в июле 1941 г. принимались меры по усилению централизации управления деятельностью органов государственной безопасности и внутренних дел. Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в Наркомат внутренних дел СССР.

Очередная реорганизация НКВД СССР была проведена в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г., когда из состава НКВД были выделены разведывательные и контрразведывательные подразделения, из которых образован Наркомат госбезопасности. К ведению НКГБ СССР были отнесены: разведывательная работа за границей; борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри страны; борьба с антисоветской деятельностью среди населения и в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства; охрана руководящих кадров правительства[97].

Как и накануне войны во вновь образованном НКГБ постоянно велась работа по оптимизации организационно-штатной структуры органов государственной безопасности, распределению полномочий и функций между разведывательными и контрразведывательными подразделениями различных ведомств, а также повышению эффективности их взаимодействия и координации деятельности. В этих целях 11 мая 1943 г. было издано совместное указание НКВД и НКГБ СССР о перестройке работы органов государственной безопасности. Основными задачами НКГБ были определены усиление разведывательной и контрразведывательной деятельности, борьба с бандитизмом и антисоветскими проявлениями, охрана государственных деятелей и проведение особо важных государственных мероприятий, а также оказание методической и практической помощи территориальным органам госбезопасности. В декабре 1944 г. в состав 6-го управления (охраны) НКГБ СССР были введены комендатуры по охране зданий ЦК ВКП(б), Народного комиссариата иностранных дел, Наркомзема, Академии наук СССР, музея В. И. Ленина, Дома СНК СССР, спецобъекта № 1, помещений Президиума ВЦСПС[98].

Как и накануне войны, в случаях необходимости управления и отделы НКГБ СССР создавали оперативные группы и направляли их в соответствующие регионы для выполнения поставленных задач. Так, в целях выявления агентуры иностранных разведок, ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника 30 ноября 1943 г. по приказу В. Н. Меркулова были созданы оперативные группы в НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Для оперативной работы среди иностранных военнопленных при УПВИ НКВД СССР была образована оперативная группа[99], в которую включены руководящий и оперативный состав 1-го управления НКГБ СССР.

В 1943–1944 гг. из центра в другие регионы страны были направлены несколько десятков оперативных групп и отрядов, что требовало координации их действий с руководством местных органов НКГБ, своевременного информирования о пребывании опергрупп на территории республик, краев и областей и согласования оперативных мероприятий. В отдельных случаях эти требования руководства Наркомата госбезопасности не выполнялось. Так, одним из управлений НКГБ СССР в сентябре 1944 г. на территорию Белоруссии были направлены две оперативные группы для выполнения специального задания. Руководитель оперативных групп своевременно не информировал НКГБ БССР о пребывании опергрупп в Белоруссии и не согласовал с ним свои действия, что повлекло опасность расшифровки мероприятий и создало угрозу безопасности ее участникам. Нарком В. Н. Меркулов потребовал от начальников управлений и отделов НКГБ СССР строго соблюдать установленный порядок направления оперативных групп, своевременно ставить в известность наркомов

госбезопасности республик и начальников управлений краев и областей, информируя их по существу заданий[100].

Реорганизация территориальных органов госбезопасности в 1943–1944 гг. происходила в связи восстановлением органов госбезопасности на освобожденных от противника территориях, изменениями территориального деления республик, краев и областей. 5 октября 1943 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов подписали приказ об организации НКВД и НКГБ Крымской АССР, несмотря на то что в это время практически весь Крымский полуостров находился в руках противника. Наркомом внутренних дел Крымской АССР был назначен В. Т. Сергиенко, которому предоставлены права старшего оперативного начальника на территории Крыма, наркомом госбезопасности Крымской АССР — П. М. Фокин. Одновременно велась организация республиканских аппаратов, городских и районных отделов (отделений) НКВД и НКГБ, важнейшей задачей которых была определена «решительная очистка территории Крыма от агентов германских, румынских и итальянских разведывательных органов, изменников Родины, активных пособников и ставленников немецко-фашистских захватчиков, участников антисоветских организаций, бандгрупп и иных антисоветских элементов»[101].

Для того чтобы совершенствовать разведывательную и контрразведывательную работу, необходимо было улучшить систему подготовки кадров органов НКГБ СССР. Требования по улучшению подготовки кадров содержались в постановлении ГКО № 3522сс от 5 июня 1943 г., где, в частности, говорилось о необходимости в обязательном порядке обучать иностранным языкам всех работников разведывательных органов, в первую очередь намечаемых для посылки за границу. В августе 1944 г. в НКГБ СССР были приняты решения о подготовке оперативных кадров для органов госбезопасности: на базе бывшего Ленинградского филиала Высшей школы НКГБ организована Ленинградская межкраевая школа НКГБ, возобновила работу Новосибирская межкраевая школа НКГБ (численностью переменного состава соответственно 300 и 350 человек) со сроком обучения один год. Запрещалось направлять в школы НКГБ малограмотных, больных, лиц с компрометирующими материалами. В целях повышения профессионального уровня руководящего и оперативного состава НКГБ Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, УНКГБ по Хабаровскому и Приморскому краям (от заместителя начальника отделения и выше, а также наиболее способных и грамотных оперативных работников — республиканского и краевого аппаратов) в этих подразделениях было введено обязательное изучение восточных языков (турецкого, японского, китайского, иранского и других)[102].

С началом Великой Отечественной войны и созданием чрезвычайных органов политического руководства, государственного и военного управления объективной необходимостью стала перестройка одного из важнейших направлений деятельности разведки и контрразведки — информационного обеспечения ГКО, а также Ставки ВГК и Генерального штаба Красной армии. Политическому руководству СССР необходимы были полные и достоверные сведения о стратегической обстановке, реальном военном, политическом и экономическом положении в различных регионах, состоянии промышленности, в первую очередь оборонного комплекса, сельского хозяйства, продовольственного обеспечения населения, политическом настроении граждан, состоянии преступности, проблемах в социальной сфере, а также информация о противодействии разведывательно-диверсионным операциям специальных служб противника.

В начальный период Великой Отечественной войны ГКО, Ставку ВГК и Генеральный штаб Красной армии интересовали прежде всего сведения о готовящихся крупных стратегических наступательных операциях противника на различных участках советско-германского фронта, времени и направлении главных ударов, численности и вооружении армейских группировок, а также стратегических резервах нацистской Германии и ее сателлитов. Крайне важно было выяснить планы милитаристской Японии в отношении СССР. От советской стратегической разведки (военной и внешней) требовали информацию о планах США и Великобритании по открытию второго фронта в Европе, а на заключительном этапе вой-

ны — об их взглядах на послевоенное устройство мира и позиции относительно восточноевропейских стран.

Разведывательной деятельностью в Наркомате госбезопасности занималось 1-е управление (начальник П. М. Фитин), штаты и расстановка которого были утверждены приказом от 14 мая 1943 г. Полномочия 1-го управления в области разведывательной работы распространялись на США, Великобританию, Латинскую Америку, Индию, Австралию. Разведывательную работу за границей вели легальные и нелегальные резидентуры, специально создаваемые разведгруппы, разведчики и агенты, посылаемые в страны, где не было резидентур, или на оккупированные территории. Во время войны резидентуры советской внешней разведки действовали в США, Великобритании, Швеции, Болгарии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии, Египте, Италии, Франции, Финляндии, Румынии и Венгрии. Всего в годы войны по линии внешней разведки за границей действовало более 90 легальных и нелегальных резидентур[103].

Главной задачей советской внешней разведки являлось своевременное информирование ГКО, Ставки ВГК, Генштаба Красной армии о военно-стратегических и политических планах руководства нацистской Германии, ее военном и экономическом потенциале; дислокации, численном составе и вооружении соединений и частей противника; пунктах расположения его штабов, аэродромов, баз и складов с горючим, оружием и боеприпасами; местах строительства оборонительных сооружений; создании и направлении в тыл противника оперативных отрядов для ведения разведывательно-диверсионных операций и развертывания партизанского движения в тылу врага. Велась разведывательная работа и по странам — союзникам Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Японии), а также по нейтральным странам (Афганистан, Иран, Турция, Швейцария, Швеция и другие) с целью выявления планов их руководства. Наиболее ценную информацию политического и военного характера советская разведка добывала в Великобритании, в том числе по ставшим доступным англичанам документам германского командования, в которых раскрывались конкретные планы операций в Африке и на советско-германском фронте, включая еженедельные сводки о дислокации и перемещении германских войск, оперативные приказы германского командования.

5 июня 1943 г. ГКО принял постановление о мероприятиях по улучшению работы разведывательных органов СССР, а также разграничении функций и полномочий НКГБ, ГРУ Красной армии и Разведывательного управления НК ВМФ. На НКГБ СССР было возложено ведение политической разведки: получение сведений о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, политических партиях, группах и общественно-политических деятелях, достижениях и изобретениях в области науки и техники, а также сведений по вопросам печати, религии, положении национальных меньшинств и эмиграции и информирование правительства СССР по этим вопросам. На ГРУ Красной армии возлагалось ведение военной разведки в целях получения сведений о военных планах и намерениях, вооруженных силах, военной технике, транспорте и военном потенциале иностранных государств и информирование советского правительства и Верховного главнокомандования Красной армии по этим вопросам. Разведывательное управление НК ВМФ отвечало за ведение разведки в целях получения сведений о военно-морских силах, базах, портах, состоянии судостроительной промышленности, производстве морских вооружений и военно-морской техники иностранных государств и информирование правительства СССР и командования ВМФ по этим вопросам. Ведение военно-разведывательной работы в войсках противника на временно оккупированной территории СССР поручалось Разведуправлению Генштаба Красной армии.

Разведывательные органы НКГБ, НКО и НК ВМФ по поручению ГКО обменивались информацией друг с другом. Особое внимание ГКО обращал на добывание разведывательной информации по Германии, Японии, Италии и оккупированных ими странах. Резидентурам, находившимся в других государствах, наряду с разведывательной работой по странам пребывания предписывалось вести сбор информации по Германии, Японии, Италии. Одновременно ГКО ставил задачи по усилению разведывательной работы в Англии, США и Турции.

В информационных сообщениях, которые НКГБ СССР в 1943–1945 гг. готовил на основании данных разведки и направлял в ГКО, содержались сведения о военно-политических планах Германии и ее союзников, планах, намерениях и позиции нейтральных стран, а также союзников по антигитлеровской коалиции. Важное значение для принятия стратегических решений имела информация советской разведки о планах германского политического руководства и военного командования, возможном проведении тайных переговоров и заключении сепаратного мира, подготовке наступательных операций, экономических и людских резервах Германии и ее союзников.

Советскому военно-политическому руководству регулярно предоставлялась информация о союзниках Германии: Венгрии, Румынии, Финляндии, их отношении к продолжению войны и возможности выхода из нее. Во время подготовки и проведения мирных переговоров в Москве в 1944 г. с представителями Румынии и Финляндии, предметом которых было подписание соглашения о перемирии, советская разведка и контрразведка обеспечили ГКО и НКИД СССР достоверной информацией об отношении румынского и финского правительств к переговорам, их истинных намерениях, условиях, которые были категорически неприемлемы и требовали тщательного обсуждения. Благодаря своевременной и объективной информации о позиции иностранных представителей советской делегации на переговорах удалось отстоять выгодные для СССР условия перемирия.

Советская внешняя разведка информировала о том, что Япония в 1943–1945 гг. всеми силами стремилась побуждать Советский Союз придерживаться пакта о нейтралитете. Японское правительство пыталось по различным каналам довести до советского правительства, что соблюдение нейтралитета между Японией и СССР выгодно в деле стабилизации международного мира. После денонсации СССР советско-японского пакта о нейтралитете, разведка информировала о реакции правящих кругов Японии на это событие, а также о том, какие варианты развития обстановки рассматриваются в Японии: нападение на Советский Союз, проведение военных действий на территории Маньчжурии и Кореи, подготовка к военным действиям на своей территории. Советская внешняя разведка добывала информацию о настроениях японского населения после падения Берлина, концентрации японских военных частей в Маньчжурии, подготовке к военным действиям, эвакуации мирного населения, подвозу вооружения и боевой техники.

Разведывательная информация о Великобритания носила разносторонний характер: поступали сведения о военных планах английского правительства (открытие второго фронта, бомбардировки Германии); позиции в Европейской консультативной комиссии по вопросу о послевоенном устройстве Германии, Австрии, Польши, Финляндии; сотрудничестве с США (основной принцип британской внешней политики) и стремлении заручиться поддержкой США в проведении британской политики в тех районах, где СССР может создать угрозу британским интересам (Германия, Средний Восток); установлении сфер влияния; признании Англией доминирующего положения СССР в Восточной Европе (Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии); необходимости сотрудничества с СССР, не допуская распространения коммунизма; политике Англии в отношении Югославии (прекращение поставок в Югославию) и Италии (расколоть Итальянскую коммунистическую партию).

Основные потоки разведывательной информации из резидентур советской разведки в США составляли данные об англо-американских переговорах по вопросу послевоенного устройства в мире; согласованных позициях США и Великобритании по Италии в районе Адриатики; создании международной опеки; положении на Дальнем Востоке; открытии второго фронта в Европе; позиции Америки накануне и во время проведения международных конференций в Каире, Квебеке, Москве, Потсдаме, Тегеране, Ялте; их отношении к решениям конференций по военно-стратегическим вопросам, урановой и ядерной проблематике (о ходе работ по урану, ведущихся в США и Англии).

В первые дни войны, когда германские войска быстро продвигались в глубь советской территории, линии связи оказались нарушены и достоверной информации о противнике

было крайне мало. Кроме того, в тылу врага оставались разрозненные группы советских военнослужащих и не успевшее эвакуироваться гражданское население. В этих условиях перед органами госбезопасности были поставлены задачи добывания разведывательной информации о планах и замыслах германского командования, дислокации и передвижении их частей и соединений.

Для того чтобы помешать продвижению частей и соединений вермахта, сорвать их бесперебойное снабжение оружием и боеприпасами, техникой и личным составом, необходимо было в короткие сроки подготовить и направить в тыл противника специально подготовленные оперативные группы и отряды, которым предстояло развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника, в первую очередь на коммуникациях. В этих целях 5 июля 1941 г. была создана Особая группа НКВД СССР, начальником которой назначен П. А. Судоплатов. На Особую группу возлагались задачи по проведению разведывательно-диверсионных операций в тылу противника, организации подполья и партизанской войны, созданию нелегальных резидентур на оккупированной территории. 3 октября 1941 г. Особая группа была преобразована во 2-й отдел, а 18 января 1942 г. на его основе организовано 4-е управление НКВД СССР, преобразованное в 1943 г. в 4-е управление НКГБ СССР[104].

В 1941–1945 гг. органы НКВД — НКГБ принимали участие в организации партизанского движения в тылу противника, формировании истребительных батальонов для охраны тыла Красной армии и борьбы с диверсантами и парашютистами. По мере приближения фронта истребительные батальоны либо входили в состав частей и соединений Красной армии, либо использовались для формирования партизанских отрядов. Оперативные работники НКГБ направлялись в партизанские отряды для оказания практической помощи в налаживании разведывательной и контрразведывательной работы.

Основными задачами оперативных групп и отрядов НКГБ СССР являлись: сбор разведывательной информации, совершение диверсионных актов на важных коммуникациях и военных объектах противника, проведение специальных акций по уничтожению наиболее одиозных представителей оккупационных администраций, сбор информации о злодеяниях и преступлениях армий противника и оккупационных администраций; координация деятельности партизанских отрядов, снабжение их вооружением и боеприпасами, создание новых отрядов из числа жителей оккупированных районов, советских военнослужащих, вышедших из окружения и бежавших из плена; выявление лиц, сотрудничавших с иностранными спецслужбами и оккупационными администрациями; ведение агитационно-массовой работы среди населения на оккупированных территориях (распространение газет, брошюр, листовок, сводок Совинформбюро), разложение войсковых соединений, созданных противником из числа пособников оккупантов.

В 1943 г. более четким стало взаимодействие оперативных групп НКГБ с партизанскими отрядами и соединениями. Для ведения разведывательной и контрразведывательной, боевой, диверсионной работы эти группы базировались в расположении партизанских соединений. Существенно активизировалась диверсионная деятельность оперативных групп НКГБ на железных дорогах, особенно в августе — сентябре 1943 г., когда советские войска готовили и осуществляли крупные наступательные операции. В результате диверсий на железных дорогах была затруднена переброска немецких войск с северо-западного и западного стратегических направлений на юго-западное, нанесен серьезный урон противнику в живой силе, технике и вооружении. В 1943 г. было пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов[105]. С продвижением советских войск на запад оперативные группы, действовавшие в тылу противника, получили указание уходить вместе с его отступавшими войсками и на новом месте продолжать свою деятельность.

На основании информации, полученной от оперативных групп и отрядов, находившихся в тылу противника, НКГБ СССР готовил и передавал в ГКО спецсообщения: о планах германского и финского военных командований; дислокации и перемещении воинских частей противника, размещении штабов, аэродромов, складов оружия, боеприпасов, продо-

вольствия, ГСМ; совершении диверсионных актов; результатах налетов советской авиации; ликвидации наиболее одиозных фигур оккупационной администрации.

С приближением фронта к восточным границам Белоруссии и начавшимся осенью 1943 г. ее освобождением органы госбезопасности значительно активизировали направление оперативных групп на оккупированную территорию. Перед группами, направляемыми за линию фронта в январе 1944 г., были поставлены задачи к началу наступления 1-го Белорусского фронта провести серию диверсий на коммуникациях врага. С 17 января по 12 июля 1944 г. оперативные группы пустили под откос 79 эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, уничтожили и повредили четыре бронепоезда, 96 паровозов, 577 вагонов[106].

В тылу противника летом 1944 г. был использован опыт «рельсовой войны». В тот период действовало 118 оперативных групп и отрядов НКГБ СССР общей численностью до 6900 человек. В ночь на 20 июня 1944 г. оперативные группы и партизанские отряды провели ряд диверсионных акций, в результате которых было подорвано и пущено под откос около 280 немецких эшелонов[107]. Перед началом наступления советских войск в Белоруссии летом 1944 г. почти все оперативные резервы немецкого командования в полосе группы армий «Центр» были выделены на охрану тыла и борьбу с партизанами. Когда началось наступление советских войск, эти резервы, скованные активными действиями партизанских формирований и оперативных групп, не могли своевременно выдвинуться на угрожаемые направления.

В 1944—1945 гг. перед оперативными отрядами НКГБ ставились задачи продвижения на запад, на территорию стран Восточной Европы, и организации там разведывательно-диверсионной работы. На территории Польши, Чехословакии, Венгрии действовало 16 оперативных групп и отрядов НКГБ, в том числе отряды «Охотники», «Олимп», «Горные»[108].

Во время Великой Отечественной войны Особая группа — 4-е управление НКВД — НКГБ СССР стала главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности в тылу противника и выполняли ответственные задания ГКО, Ставки Верховного главнокомандования, штабов обороны Москвы и Главного Кавказского хребта, командующих фронтами. Разведывательные материалы, добытые органами безопасности, получили высокую оценку со стороны советского военного командования. Органами НКГБ в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и направлено в тыл противника 2222 оперативные группы, в составе которых находились около 39 тыс. человек, 23 из них стали Героями Советского Союза. Оперативные группы и отряды НКГБ направили в центр 4418 разведывательных сообщений, которые были переданы для реализации в Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии, командующему авиацией дальнего действия и командующим фронтами[109].

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу врага, уничтожили 157 тыс. немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника, пустили под откос 2852 железнодорожных эшелона, разбили и повредили 2923 паровоза, 30 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвали 1325 железнодорожных и шоссейных мостов, разрушили свыше 254 км железнодорожного пути, 863 км линий связи, взорвали или сожгли 1364 промышленных предприятия и склада[110]. 12 тыс. оперативных работников и бойцов спецподразделений органов безопасности погибли в боях с немецкими карательными отрядами, в ходе разведывательно-диверсионных рейдов по территории противника, в процессе проведении боевых операций по захвату вооруженной агентуры противника, были замучены в застенках гестапо и румынской сигуранцы.

Борьбой с вражеской разведкой в НКГБ занимались: 2-е управление, в функции которого входили контрразведывательная работа против немецкой, финской, румынской, японской, британской, французской, турецкой, иранской, афганской разведок, охрана дипломатического корпуса в СССР, выявление и пресечение враждебной деятельности антисоветских партий, организаций и группировок на территории СССР; 3-е управление — контрразведывательная работа на объектах транспорта и связи; 5-е управление — шифровальное; 6-е управление — охрана правительства. В интересах контрразведки работали самостоятельные отделы НКГБ:

«А» — учетно-архивный, «Б» — опертехника, радиоконтрразведка, «В» — военная цензура. В НКГБ — УНКГБ республик, краев и областей также были контрразведывательные и транспортные подразделения, выполнявшие аналогичные функции.

После реформы органов безопасности и внутренних дел, проведенной в апреле 1943 г., были образованы контрразведывательные подразделения в четырех разных ведомствах (НКВД, НКГБ, НКО и НК ВМФ). Координация их деятельности осуществлялась 2-м (контрразведывательным) управлением НКГБ СССР, где концентрировались и обобщались материалы по каждому освобожденному от оккупантов городу или району, об оккупационной политике противника. Контрразведывательная деятельность была направлена на решение следующих задач: противодействие разведывательным и контрразведывательным органам Германии и их союзников, розыск, выявление и разоблачение агентов противника на особо важных предприятиях транспорта и связи, среди лиц, выходивших из окружения, беженцев; борьба с предателями, дезертирами, паникерами, распространителями провокационных слухов; обеспечение режима сохранности государственной и военной тайны; информирование высших органов государственной и партийной власти о процессах в обществе, контроль общественных настроений. Для выполнения этих задач контрразведывательные подразделения НКГБ проводили оперативно-разыскные мероприятия, анализировали документы и материалы, вели следственные действия[111].

В целях своевременного разоблачения забрасываемой в советский тыл агентуры противника и разоблачения их пособников из числа белоэмигрантских и националистических организаций органы НКГБ брали на учет всех, возвратившихся с неприятельской территории, собирали данные об их деятельности на оккупированной территории и обстоятельствах выезда за границу. Среди лиц, возвращавшихся в СССР, велся поиск гласных и негласных сотрудников немецких разведывательных, полицейских и карательных органов, немецких агентов, выполнявших задания в советском тылу, а также агентов, завербованных иностранными разведками, участников вооруженных формирований, созданных немцами из числа советских граждан[112].

Одним из главных каналов проникновения агентов противника была выброска их на парашютах в советский тыл. Именно поэтому борьба с агентами-парашютистами была одной из основных задач советской контрразведки в годы войны. В 1943–1945 гг. НКГБ регулярно направлял сообщения в ГКО, ГУКР Смерш НКО СССР и Генштаб Красной армии о результатах борьбы с агентами-парашютистами германской и финской разведок и их задержании в тыловых районах Советского Союза. В соответствии с распределением компетенции органы НКГБ передавали всех задержанных вместе со следственными делами на них в органы контрразведки Смерш[113].

После того как советские войска стали вести наступательные операции, перед контрразведкой возникли новые задачи по организации контрразведывательной работы на освобожденной территории в целях выявления оставленных в советском тылу агентов немецкой разведки, изменников Родины, карателей, провокаторов и иных немецких пособников. Тщательной проверке подвергались лица, которые служили у немцев; хозяева квартир, где проживали немецкие офицеры; советские граждане, посещавшие разведывательные органы и квартиры офицеров разведки; члены ВКП(б) и комсомольцы, оставшиеся на оккупированной территории и прошедшие регистрацию у немцев; все лица, которые угонялись немецким командованием для трудовых работ[114].

Организация контрразведывательной работы на освобождаемой территории начиналась с заблаговременного комплектования оперативных групп НКГБ, которые изучали оперативную обстановку в оккупированных врагом районах, накапливали и систематизировали информацию о деятельности спецслужб противника, преступлениях, совершенных оккупантами, карателями и их пособниками. Оперативные группы входили в освобождаемые районы вместе с передовыми частями Красной армии, что давало им возможность захватывать документы городских управ и отчасти немецких комендатур, значительное число пособников и некоторую часть агентов противника, не успевших тщательно замаскироваться.

На базе оперативных групп создавались территориальные органы безопасности, которые налаживали контрразведывательную работу на освобожденной территории. Работа в освобожденных городах и районах начиналась с ареста ранее установленных ставленников и активных пособников немцев, восстановления связи с агентурой органов безопасности, оставленной на временно оккупированной территории, проведения опроса местных жителей. Устанавливалось местонахождение агентов, направленных в тыл противника, с целью получения от них подробных отчетов о положении в районе во время немецкой оккупации. При восстановлении связи с агентурой уделялось внимание ее проверке на предмет возможной перевербовки немецкими разведывательными или контрразведывательными органами. Особое значение имела контрразведывательная работа среди призывного контингента в районах, освобожденных от противника. Органами безопасности было выявлено, что одним из каналов проникновения агентуры немецких разведорганов в Красную армию и войска НКВД является призыв мужчин в возрасте от 17 до 45 лет, находившихся на территории, ранее оккупированной противником[115].

Борьба с иностранными разведками, выявление их агентуры, имевшей задания сбора разведывательной информации и совершения диверсионно-террористических актов в 1943–1945 гг. были наиболее характерны для контрразведывательных подразделений центрального аппарата НКГБ СССР, транспортных органов НКГБ, а также прифронтовых управлений НКГБ Архангельской, Ленинградской, Мурманской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев.

В 1944 г. транспортные органы НКГБ, выявляя агентуру германской, румынской, польской, японской, финской, английской разведок, раскрыли наибольшее количество резидентур спецслужб противника на Западной, Винницкой, Московско-Киевской, Южной железных дорогах. Значительная часть агентуры германской разведки была оставлена для подрывной работы на транспорте, сбора сведения о войсках и технике, аэродромах и базировавшихся на них самолетах, воинских перевозках, восстановительных работах[116]. В процессе организации контрразведывательной работы на наиболее важных объектах транспорта и связи выявлялась и пресекалась деятельность агентов спецслужб противника, обеспечивалась противодиверсионная защита объектов, оказывалась помощь по своевременной доставке к местам назначения готовой продукции. 2 февраля 1945 г. был подписан приказ НКГБ СССР об усилении оперативной работы по обеспечению безопасности при хранении, погрузке и транспортировке авиабомб и других авиабоеприпасов. Начальникам управлений НКГБ по Московской, Ленинградской, Горьковской, Челябинской, Свердловской, Новосибирской, Кемеровской, Ульяновской областям, Хабаровскому краю, наркомам госбезопасности УССР, Татарской и Чувашской АССР было предписано возложить на оперработников, прикрепленных к заводам НКБ, НКВ и НКХП оперативное обслуживание и контроль над организацией работ, проверку личного состава рабочих и служащих, персональную ответственность за безопасное состояние на контролируемых ими участках.

Существенное значение в организации контрразведывательной работы играла радиоконтрразведывательная служба НКГБ, которая в 1943–1944 гг. фиксировала активную работу германских, финских и румынских разведгрупп в прифронтовых и тыловых районах Советского Союза. Например, в июне — июле 1944 г. финские разведывательные радиоцентры поддерживали связь с 17 радиостанциями разведгрупп, находившихся в советском тылу, германские — с 18, румынские — с тремя. Органам НКГБ и контрразведки Смерш удалось ликвидировать только часть этих разведгрупп. В целях розыска разведгрупп противника НКГБ передислоцировал ближе к линии фронта крупные контрольные радиостанции: Сталинградскую радиостанцию — в Киев, Тбилисскую — в Ростов-на-Дону, Саратовскую — в Минск[117].

Организуя контрразведывательную работу на освобожденных территориях, НКГБ обращал внимание прежде всего на возможность нахождения там значительного количества «вражеских элементов, в том числе германских агентов и пособников, проживавших по фиктивным документам, выданным германской разведкой». По инициативе НКГБ было подготовлено распоряжение СНК СССР от 1 ноября 1944 г. о проведении в период с 1 января

по 1 мая 1945 г. перерегистрации паспортов лиц, находившихся на оккупированной территории и проживающих в городах: Киеве, Львове, Одессе, Харькове, Днепропетровске, Дрогобыче, Житомире, Запорожье, Каменец-Подольском, Ровно, Сталино, Тарнополе, Херсоне, Черновцах, Николаеве, Вильнюсе, Брянске, Смоленске, Севастополе и укрепленном районе, Новгороде, Пскове, Виннице, Вентспилсе, Орле, Лиепае, Петрозаводске, Выборге. Нарком В. Н. Меркулов потребовал от наркомов госбезопасности союзных и автономных республик, начальников УНКГБ краев и областей, на территории которых производилась перерегистрация паспортов, принять необходимые меры для розыска агентуры противника, пособников оккупантов, изменников Родины, предателей и других антисоветских элементов, выявлять лиц, пытавшихся уклониться от перерегистрации или пройти ее по подложным документам. В каждое отделение милиции, где проводилась перерегистрация паспортов, был направлен оперативный работник, знакомый со способами выявления поддельных документов[118].

Контрразведывательная работа велась и в далеких тыловых регионах СССР, в первую очередь среди иностранцев, каждый из которых и места их концентрации находились в поле зрения контрразведки. В их действиях выявлялись «факты, подозрительные на шпионаж». В январе 1945 г. НКГБ Узбекской ССР дал указание начальникам областных управлений НКГБ республики, наркому госбезопасности Каракалпакской АССР о совершенствовании оперативной работы среди иностранных подданных и лиц без гражданства, в том числе китайских подданных, а также переселенцев из Крыма, Турции, Ирана. НКГБ Казахской ССР за период Великой Отечественной войны были задержаны на территории республики 36 немецких парашютистов, направленных для проведения разведывательной деятельности и совершения диверсионных актов на оборонных предприятиях и железнодорожных узлах, пресечена деятельность 400 немецких, английских, японских, китайских и польских разведчиков, собиравших сведения о состоянии Сибирской железнодорожной магистрали, военных сооружениях, аэродромах, погранзаставах, арестованы свыше 500 изменников Родины.

Органы НКГБ Дальнего Востока вели борьбу со специальными службами Японии. В начале 1945 г. УНКГБ по Хабаровскому краю отмечало, что среди местного населения края распространялись слухи о предстоявшей войне СССР с Японией. Военнослужащие в письмах родственникам и знакомым сообщали о неизбежности войны на Дальнем Востоке, концентрации и передислокации воинских частей, высказывали панические и упаднические настроения[119].

В целях координации деятельности контрразведывательных подразделений различных ведомств в январе 1945 г. на всех фронтах Западного театра военных действий был введен институт уполномоченных НКВД СССР, в сферу компетенции которых входили руководство и координация деятельностью органов разведки и контрразведки НКГБ, НКВД, ГУКР Смерш НКО, а также войсками НКВД, находившимися в зоне их ответственности. Уполномоченными НКВД были назначены руководители органов госбезопасности и внутренних дел по Белорусским фронтам: 1-му — заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов, 2-му — нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава, 3-му — начальник ГУКР Смерш НКО В. С. Абакумов; по Украинским фронтам: 1-му — заместитель начальника ГУКР Смерш НКО П. Я. Мешик, 4-му — заместитель начальника ГУКР Смерш НКО Н. Н. Селивановский; по Прибалтийским фронтам: 1-му — уполномоченный НКВД и НКГБ по Литовской ССР И. М. Ткаченко, 2-му — начальник УНКГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин[120].

Контроль общественных настроений (политический контроль и военная цензура корреспонденции) был возложен на 3-е управление (секретно-политическое), отдел «В» (4-й отдел) НКГБ СССР и соответствующие им структуры НКГБ — УНКБ республик, краев и областей. Практически с первых дней войны в НКГБ СССР регулярно издавались приказы по организации политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции и международной связи СССР, проведения военной цензуры корреспонденции. НКГБ СССР организовывал и курировал деятельность подразделений политического контроля и военной цензуры, а также взаимодействие между подразделениями военной цензуры и контрразведки. Материалы военной цензуры являлись уникальным источником для контроля настроений военнослужа-

щих Красной армии и практически всего населения, так как проверялась корреспонденция подавляющего большинства регионов СССР. Сводки и сообщения о настроениях населения различных регионов, военнослужащих различных фронтов, подготовленные в НКГБ СССР, в том числе с использованием материалов военной цензуры, регулярно направлялись в ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Совинформбюро.

Формирование аппарата контроля общественных настроений (политического контроля и военной цензуры) началось с первых дней войны. Первым шагом стало уточнение правил и форм политического контроля. 26 июня 1941 г. был издан приказ НКГБ СССР о порядке ведения политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции и международной связи. Приказ предписывал контролировать все без исключения междугородние телефонные разговоры, в том числе сотрудников посольств и иностранных корреспондентов. Работникам иностранных посольств и иностранным корреспондентам, имевшим право на международные телефонные переговоры, разрешалось вести их только из своих посольств и квартир. В случае фиксации органами НКГБ передачи антисоветской информации переговоры немедленно прерывались. Приказ НКГБ СССР запрещал: пользоваться международной телефонной связью всем частным лицам; вести междугородние переговоры частным лицам с городами прифронтовой полосы; отправлять через телеграф шифрованные и кодированные телеграммы иностранным корреспондентам и частным лицам. Прекращался всякий почтово-телеграфный обмен с Германией, Италией, Венгрией, Словакией, Румынией, Финляндией и Данией.

Подлежали конфискации (в разрешенной международной переписке) все телеграммы и письма, содержавшие антисоветские, провокационно-клеветнические и иные сообщения, направленные против государственных интересов СССР, а также шифрованные, кодированные и подозрительные по содержанию документы. НКГБ, используя предоставленные ему полномочия осуществлять контроль всей международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции, дал предписание Наркомсвязи запретить всем почтово-телеграфным учреждениям прием и передачу телеграмм, разглашающих государственную и военную тайну, а также телеграмм антисоветского, провокационно-клеветнического содержания. Отправка телеграмм иностранных корреспондентов разрешались только с визами отдела печати НКИД.

Вторым шагом по контролю общественных настроений стало введение полной поверки всей исходящей и входящей почтовой корреспонденции частей Красой армии и ВМФ. В этих целях были организованы военно-почтовые базы и военно-сортировочные пункты. Функции контроля воинской переписки в июне 1941 г. были переданы в подразделения военной контрразведки, а после реорганизации органов безопасности в июле 1941 г. — в НКВД, с апреля 1943 г. — в НКГБ СССР.

В соответствии с постановлением ГКО СССР от 6 июля 1941 г. «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» была введена военная цензура в областях, объявленных на военном положении, а 7 июля 1941 г. подписан соответствующий приказ НКГБ СССР. Наркомам госбезопасности Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской, Эстонской, Латвийской, Литовской союзных республик, Крымской АССР и начальникам УНГКБ по Архангельской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калининской, Курской, Ленинградской, Мурманской, Московской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областям и Краснодарскому краю предписывалось приступить к осуществлению военной цензуры всех видов почтовой и телеграфной переписки. В приказе НКГБ СССР подчеркивалось, что вскрытию и просмотру подлежит вся корреспонденция простых, заказных и ценных писем, посылок и телеграмм, в то же время запрещалось подвергать политическому контролю и военной цензуре всю международную и внутреннюю почтово-телеграфную корреспонденцию аккредитованных при правительстве СССР иностранных посольств, торговых миссий, их сотрудников и иностранных корреспондентов[121].

Деятельностью подразделений военной цензуры с июля 1941 по апрель 1943 г. руководил 2-й спецотдел НКВД, с мая 1943 г. функции военной цензуры и перлюстрации коррес-

понденции были переданы в отдел «В» НКГБ СССР[122]. Военная цензура и политический контроль в годы войны получили особый размах. На основе их материалов составлялись обзоры о морально-психологическом состоянии и настроении войск и населения. Целями политического контроля являлись: нейтрализация немецкой и иной враждебной пропаганды, изучение настроений для обеспечения лояльности населения на фронте и в тылу, предотвращение и искоренение форм протеста и оппозиции, локализация нездоровых настроений, формирование эпической, исполненной величием героизма памяти о войне. Задачи политического контроля формулировались как на основании ожиданий власти относительно действий противника и поведения населения в условиях начавшейся войны, так и конкретных обстоятельств, складывавшихся на том или ином участке фронта и в тылу. В первом случае речь шла о комплексе превентивных предупреждающих мер по обеспечению стабильности на «внутреннем фронте», во втором — об оперативном реагировании, которое различалось в зависимости от времени и места[123].

Органы госбезопасности готовили для ГКО, СНК СССР, ЦК ВПК(б) докладные записки, сводки и спецсообщения, составленные на основе информации, собранной территориальными и транспортными органами НКГБ. Из НКГБ союзных и автономных республик, управлений НКВД краев и областей в Москву направлялись сведения о реагировании различных слоев населения СССР на политические события. В НКГБ СССР велся анализ поступивших откликов и реакции различных групп населения, военнослужащих Красной армии на начало Великой Отечественной войны, выступления И. В. Сталина, В. М. Молотова и других политических деятелей, обстановку на советско-германском фронте, нападение Японии на США, перспективы и открытие второго фронта, другие важные международные события и события внутриполитической жизни в СССР.

Обобщенные документы НКГБ СССР в виде докладных записок, сводок и спецсообщений руководству страны составлялись обычно по внутриведомственным правилам. В начале каждого документа делался вывод о широкой поддержке и одобрении выступления И. В. Сталина, важных международных и внутренних событий. После этого приводились многочисленные положительные примеры, подтверждавшие информацию органов НКГБ. Информация о высказываниях представителей различных слоев населения имела строгую структуру, вначале шли высказывания академиков и членов-корреспондентов АН СССР, затем докторов наук, профессоров, преподавателей высших учебных заведений, научно-технической интеллигенции, работников литературы и искусства, завершали документ высказывания рабочих, служащих и колхозников. Отдельным разделом помещались примеры отрицательных высказываний. В таких случаях, как правило, фамилия и имя человека, чьи слова попадали в сводку, в документе обозначались инициалами. К числу негативных высказываний относились панические и пораженческие настроения, хотя во многих случаях это были вполне обоснованные сомнения в правильности или результативности тех или иных действий руководства страны.

Для оказания управляющего воздействия издавались приказы НКГБ СССР, в которых наркомам госбезопасности республик, начальникам управлений НКГБ краев и областей предписывалось лично проверять работу пунктов военной цензуры, систематически просматривать «книгу дефектов в работе цензоров», обращать особое внимание на контроль почтово-телеграфной переписки из районов, освобожденных от немецко-фашистской оккупации, не оставлять без расследования ни одного случая пропуска адресату политически вредных документов, принимать меры к недопущению повторения ошибок и нарушений[124].

В период войны НКГБ СССР не только обеспечивал безопасность членов правительства, но и проводил мероприятия по охране важных государственных мероприятий. Так, с 19 по 30 октября 1943 г. НКГБ осуществлял охрану и безопасность проходившей в Москве конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, на которой было принято коммюнике о создании механизма, обеспечивающего тесное сотрудничество правительств трех стран, открытии второго фронта весной 1944 г. и Декларация о всеобщей безопасности.

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране проходила первая конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, где обсуждались планы совместных военных действий на заключительном этапе войны, послевоенное устройство, будущие границы Польши. Благодаря сообщениям резидентур советской внешней разведки из Нью-Йорка и Лондона И. В. Сталин достаточно четко представлял тактику действий Ф. Рузвельта и У. Черчилля на переговорах, и это позволило сформировать собственную реалистическую позицию руководства страны[125].

Накануне встречи в Тегеране лидеров трех великих держав советская разведка и контрразведка подготовили предварительный план по обеспечению безопасности проведения конференции. 16 ноября 1943 г. из Москвы в Тегеран прибыла специальная группа во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР генерал-полковником А. Н. Аполлоновым. В группу входили также начальник 2-го управления (контрразведывательного) НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга П. В. Федотов и заместитель начальника 6-го управления (охрана членов правительства) НКГБ СССР комиссар госбезопасности Д. Н. Шадрин. Сотрудники органов безопасности в ходе подготовительных мероприятий тщательно осмотрели все владения посольства СССР в Тегеране, а также ознакомились с городом, аэродромом, вокзалом, организацией уличного движения, поддержанием общественного порядка, местами расположения шахских дворцов, английского и американского посольств.

Общей задачей с учетом особенностей работы в условиях Тегерана являлось обеспечение полной безопасности правительственных делегаций с момента приземления самолетов на аэродроме, в пути следования от аэродрома до мест их проживания, во время пребывания на территории Ирана. Представители СССР, США и Великобритании, занимавшиеся вопросам обеспечения безопасности конференции, провели рабочее совещание, на котором были распределены сферы ответственности по обеспечению безопасности работы конференции, взаимодействия при решении вопросов организации пропускного режима и порядка предоставления информации журналистам. Руководители трех великих держав высоко оценили не только итоги работы Тегеранской конференции и достигнутые соглашения по послевоенному устройству мира, но и уровень обеспечения безопасности ее проведения.

С 4 по 11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце близ Ялты состоялась Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, на которой была определена политика в отношении Германии и намечены общие принципы послевоенного взаимодействия. В целях обеспечения безопасности участников конференции в Крыму с 15 января по 15 февраля 1945 г. была проведена контрразведывательная операция «Долина», для участия в которой направлялись: из НКГБ СССР — более 70 опытных руководителей и сотрудников контрразведывательных подразделений; из Грузинской ССР, Кабардинской АССР, Северо-Осетинской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Грозненской областей — около 800 сотрудников контрразведки. Из офицеров контрразведки были сформированы оперативные группы, которые вели «физическую, негласную и противопожарную охрану специальных объектов». Охрану и контрразведывательную работу в окружении дворцов Юсупова и Ливадийского вели по 100 оперативных сотрудников, а дворца Воронцова — 60 сотрудников. Всего в контрразведывательной операции «Долина» по обеспечению безопасности Крымской конференции были задействованы 1200 оперативных сотрудников, а также около 50 человек из личной охраны И. В. Сталина (офицеры 6-го управления НКГБ СССР). Советской контрразведке удалось в рамках проведения операции «Долина» обеспечить безопасность руководителей держав антигитлеровской коалиции[126].

НКГБ СССР в 1943–1945 гг. принимал меры по обеспечению государственной безопасности в дни подготовки и проведения важных государственных и партийных мероприятий, международных совещаний, государственных праздников (сессии Верховного Совета СССР, совещания, конференции, торжественные заседания в ГАБТе, посвященные Международному женскому дню 8 марта, праздникам Великой Октябрьской социалистической

революции, 1-го Мая)[127]. Особое внимание уделялось проверке оперативной информации, содержащей признаки подготовки террористических актов, диверсионных проявлений, незаконного хранения оружия и боеприпасов, измены Родине. Проводился сбор информации о настроениях среди различных категорий населения, их реагировании на праздничные мероприятия. Выявлялись лица, допускавшие антисоветские высказывания, проводилась их профилактика, отвод от участия в параде. Лица, готовившие антисоветские акции, привлекались к уголовной ответственности.

НКГБ принимал участие в борьбе с бандитизмом в различных регионах СССР (в глубоком тылу, прифронтовой полосе, на ранее оккупированных противником территориях), которую организовывал НКВД. Наиболее активно операции «по изъятию немецких пособников, дезертиров и уголовно-бандитского элемента на территории, освобожденной от противника», велись в Ростовской, Воронежской, Курской, Сталинградской, Смоленской, Орловской, Ленинградской, Калининской областях, Ставропольской и Краснодарском краях, Чечено-Ингушской, Калмыцкой АССР и в освобожденных районах УССР и БССР, на Северном Кавказе[128].

В целях организации борьбы с бандитизмом в западных областях Украины и Белоруссии, на территории Литовской ССР, совершенствования оперативно-разыскной работы органов внутренних дел и госбезопасности 9 и 12 октября 1944 г. были подписаны совместные приказы НКВД и НКГБ СССР, на основании которых проведена реорганизация органов НКВД — НКГБ Украинской, Белорусской и Литовской ССР, усилены существовавшие и созданы новые подразделения по борьбе с бандитизмом. В помощь транспортным отделам НКГБ Белостокской, Брест-Литовской и Литовской железных дорог были направлены около 80 опытных оперативных сотрудников и пять оперативно-разыскных групп 3-го (транспортного) управления НКГБ СССР[129]. В целях контроля над ходом борьбы с оуновским подпольем и ликвидации вооруженных банд в западных областях УССР и БССР раз в пять дней отчеты направлялись в НКВД СССР и первым секретарям ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущёву и ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Новые задачи по «выявлению, изъятию и полному разгрому антисоветских литовских и польских националистических организаций, изъятию оружия и нелегальной техники», ликвидации «бандитских шаек, дезертиров Красной армии, лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию, изъятию скрывавшихся в уездах Литовской ССР немецких солдат и офицеров» были определены в совместном приказе НКВД и НКГБ СССР от 16 декабря 1944 г.[130]

Таким образом, органы НКГБ Белоруссии, Украины, Прибалтики в 1944–1945 гг. активно участвовали в операциях, которые проводили органы НКВД, по ликвидации формирований украинской армии (УПА), действовавших в УССР, БССР, Литовской, Латвийской, Эстонской СССР. Одной из форм оперативной разработки банд националистов органами НКГБ стало направление в районы их дислокации оперативных отрядов под различными легендами: отряд под командованием С. А. Ваупшасова — под видом банды, созданной и переброшенной немецкой разведкой; отряд под командованием Е. И. Мирковского — под видом банды украинских националистов[131]. О результатах борьбы с бандитизмом и антисоветским подпольем на территории Украины, Белоруссии, Прибалтики (проведении оперативно-войсковых операций по ликвидации бандгрупп и бандформирований, изъятии националистического подполья, аресте членов нелегальных организации) НКВД и НКГБ СССР регулярно информировали И. В. Сталина, В. М. Молотова и Г. М. Маленкова.

В сфере борьбы с бандитизмом и антисоветской деятельностью органы НКГБ, реализуя отведенные им полномочия, обеспечивали административный режим в местностях, где было введено военное положение, боролись с преступностью (мародерством, разбойными нападениями, грабежами и иными правонарушениями), обеспечивали общественную безопасность, законность и правопорядок, защищали права и свободы граждан. В этих целях они проводили оперативно-разыскные мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению преступных действий как отдельных лиц, так и организованных преступных групп.

Центральные органы военной контрразведки в системе государственного и военного управления

Специфическими элементами организационной структуры наркоматов обороны и Военно-морского флота СССР являлись управления особых отделов. Это не было чем-то характерным только для Вооруженных сил Советского Союза. Такие структуры существовали, как бы они ни назывались и в какие бы ведомства ни входили, во всех вооруженных силах стран мира. Их основное предназначение — обеспечение безопасности армии и флота от внешних и внутренних угроз в целях их поступательного развития, повышения уровня боевой готовности и эффективного применения в условиях вооруженного противоборства.

Противодействием угрозам, нейтрализацией их негативного воздействия на Вооруженные силы СССР непрерывно занимались высшие политические и военные органы управления. Однако исполнительным аппаратом в данном деле, безусловно, являлись структуры государственной безопасности.

Как известно, практически весь межвоенный период главным субъектом управления в сфере обеспечения безопасности армии и флота выступали органы ВЧК — НКВД, прежде всего в лице особых отделов. Отлаженная за многие годы служба военной контрразведки начала давать серьезные сбои во второй половине 1930-х гг., когда острие ее деятельности направлялось руководством страны на поиск подрывных элементов, шпионов и вредителей в военной среде. В ходе массовых чисток контингента военнослужащих страдали и ни в чем не повинные люди. Под каток репрессий попали многие сотрудники особых отделов. Были арестованы по ложным обвинениям, осуждены на длительные сроки или расстреляны все, сменявшие друг друга с калейдоскопической быстротой, начальники Особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР и руководители его структурных подразделений. К концу 1938 г. не остались на своих должностях и начальники особых отделов военных округов и флотов. После принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от ноября 1938 г.[132] репрессивные действия резко сократились. Однако среди сотрудников органов госбезопасности количество арестованных за нарушения «социалистической законности» даже несколько увеличилось, не говоря уже об увольнениях со службы, снижениях в должностях, отстранениях от оперативной и следственной работы.

На основе решений ЦК ВКП(б) в органы госбезопасности, включая особые отделы, стали направлять в массовом порядке партийных и комсомольских работников, выпускников военных училищ и академий[133]. Так, после окончания артиллерийской военной академии имени Ф. Э. Дзержинского начальником Особого отдела приграничного Белорусского военного округа в феврале 1939 г. был назначен П. Г. Бегма. Еще один выпускник этой академии — Н. А. Осетров возглавил Особый отдел Киевского военного округа. Даже не закончив полный курс академии, М. Е. Ростомашвили стал в июле 1939 г. начальником Особого отдела Харьковского военного округа. Аналогичные должности заняли и другие слушатели военных академий[134]. Начальником Особого отдела Орловского, а через несколько месяцев — Киевского военного округа весной 1939 г. был назначен выпускник Военно-инженерной академии РККА имени В. В. Куйбышева А. Н. Михеев. В августе 1940 г., то есть спустя всего полтора года, на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) молодой чекист возглавил всю систему военной контрразведки страны[135].

Большинство из новых назначенцев, безусловно, имели безукоризненные политические и военные аттестации, но, к сожалению, не обладали даже минимально допустимым оперативным и следственным опытом для эффективного руководства большими коллективами в специальных службах, не владели методикой чекистской работы. Исходя из этого, отстаивать интересы военной контрразведки в общей системе принятия тех или иных решений на государственном уровне им было достаточно сложно. Особенно это стало ощутимо в ходе

и после окончания Советско-финляндской войны, когда зримо проявились желания военного командования взять под свое руководство всю систему особых отделов.

Критика в адрес военной контрразведки прозвучала на заседании комиссии Главного военного совета в апреле 1940 г. в выступлении начальника Автобронетанкового управления РККА Д. Г. Павлова. Он, к примеру, констатировал, что Особый отдел НКВД СССР давал ему в ходе войны несоответствующие реальности сведения[136]. В негативном плане упомянул агентурную работу особых отделов начальник артиллерии 8-й армии генерал-майор Н. А. Клич, заявив буквально следующее: «Если я соберу своих помощников и отзовусь о формах работы иностранной армии положительно, то заранее знаю, что из 10 присутствующих 9 будут писать донесения»[137]. Сгладить ситуацию попытался начальник ВВС РККА Я. В. Смушкевич, который посчитал разговоры об особых отделах не главными при разборе состояния дел в Красной армии[138]. Однако выступавшие за ним генералы продолжили тему об органах военной контрразведки, а также о контрпродуктивности масштабного засекречивания информации, необходимой командирам и начальникам.

Следует подчеркнуть, что ни одного доклада от имени органов НКВД на этом заседании не прозвучало, хотя в эти же дни, 14—17 апреля 1940 г., на прошедшем при ЦК ВКП(б) совещании по обобщению опыта боевых действий с Финляндией присутствовали 17 представителей Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, включая начальника Особого отдела В. М. Бочкова, трех его заместителей и практически всех руководителей отделений[139]. Среди 64 членов комиссии Главного военного совета по обобщению и редакции предложений, выдвинутых участниками совещания, не было ни одного ответственного сотрудника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР[140]. Несмотря на это, подкомиссией по партийно-политической работе, которую возглавлял начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис, были выработаны предложения, напрямую затрагивающие организацию и практическую деятельность особых отделов. В частности, рекомендовалось привлекать к ответственности совершеннолетних членов семей изменников Родины, для чего добавить ряд положений в соответствующую статью закона от 8 июня 1934 г. Военным советам фронтов и отдельных армий предлагалось разрешить давать санкции на арест красноармейцев, младших и средних командиров по представлениям особых отделов[141].

Участники совещания положительно оценили работу, проведенную контрольно-заградительными отрядами (КЗО), которые были созданы на основании совместного приказа наркомов обороны и внутренних дел СССР №003/0093 от 24 января 1940 г. В задачи КЗО входили пресечение случаев дезертирства и очистка тылов действующей армии от вражеского элемента. Предлагалось в случае нового вооруженного конфликта или войны незамедлительно воссоздать заградительные отряды на основных направлениях действий армий и подчинить их органам НКВД[142]. А в пункте 17 документа, принятого на совещании, прямо указывалось на потребность в кратчайший срок издать положение о работе особых отделов в военное время. Также категорически подчеркивалось, что именно военные советы фронтов и армий должны объединять и направлять деятельность особых отделов, военной прокуратуры и военных трибуналов. Предлагалось, в частности, воссоздать оправдавшие себя как в мирной, так и в военной обстановке постоянно действующие военно-политические совещания под руководством члена военного совета фронта (армии), разработать в ближайшее время и издать положение о них. Одним из участников данных совещаний, представлявших собой некий рабочий орган, должен был стать и начальник соответствующего особого отдела, а принимаемые решения являться обязательными для исполнения всеми представленными в нем структурами — политическим управлением, особым отделом, военной прокуратурой и трибуналом[143]. Следует заметить, что участие чекистов в военно-политических совещаниях предусматривалось еще постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1939 г. «О работе особых отделов НКВД СССР». Однако этот коллегиальный орган регулярно не функционировал[144].

В течение второй половины 1940 г. основная часть предложений участников совещания в подкомиссии по партийно-политической работе была реализована. В частности, в августе

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление об усилении работы по борьбе с изменой Родине. В документе отмечалось, что в отношении лиц, совершивших побег или перелет за границу, уголовные дела расследуются в ускоренном порядке военными трибуналами и приговоры выносятся не позднее, чем через 10 дней. Военной коллегии Верховного суда СССР предлагалось выносить решения и о привлечении к уголовной ответственности членов семей изменников Родины[145].

Активно действовал созданный еще в апреле 1939 г. Мобилизационный отдел НКВД. Его сотрудники доработали свой план в части, касающейся формирования и укомплектования личным составом особых отделов фронтов, армий и подчиненных им органов. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00668 от 28 мая 1940 г. при особых отделах военных округов и армий были проведены двухмесячные учебные сборы лиц чекистского запаса, подлежащих переподготовке. Всего на эти сборы привлекались 725 человек[146]. В январе 1941 г. приказом заместителя наркома внутренних дел № 0087 было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе органов НКВД», где нашли свое отражение и необходимые мероприятия по линии военной контрразведки в условиях общей, частичной, скрытой или открытой мобилизации. Наблюдение и контроль за его выполнением возлагался на начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР[147].

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР в состав созданного Совета обороны вошел нарком внутренних дел Л. П. Берия, который и отвечал за реализацию всех управленческих решений высшего уровня в отношении органов госбезопасности, включая военную контрразведку[148]. Именно он предложил членам Политбюро и Совета обороны заменить на посту начальника 4-го отдела ГУГБ профессионального пограничника В. М. Бочкова на выпускника военной академии А. Н. Михеева, уже более года возглавлявшего Особый отдел Киевского военного округа и зарекомендовавшего себя с положительной стороны. Несомненно, это был шаг навстречу С. К. Тимошенко, назначенному в мае 1940 г. наркомом обороны СССР. Последний принимал неотложные меры по укреплению центрального аппарата НКО, улучшению руководства войсками, выстраивал более жесткую вертикальную линию управления. Ощущая поддержку всех членов Совета обороны, включая И. В. Сталина и Л. П. Берию, он впервые с 1918 г. предпринял попытку взять под свой контроль всю систему военной контрразведки.

Имея информацию о поступившем в ЦК ВКП(б) проекте реорганизации НКВД СССР и разделении его на два наркомата, С. К. Тимошенко направил И. В. Сталину и В. М. Молотову докладную записку, в которой отмечал, что в настоящее время происходит «коренная перестройка функций командования, направленная на укрепление единоначалия и сосредоточения в руках командира всех органов управления». Поэтому, по мнению С. К. Тимошенко, необходимо было назначать начальника Особого отдела РККА только приказом наркома обороны, которому и должен быть всецело подчинен начальник военной контрразведки[149].

Получатели докладной записки поддержали поступившее предложение и через несколько дней после разделения 3 февраля 1941 г. Наркомата внутренних дел на НКВД и НКГБ состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР»[150]. При этом необходимо отметить, что в упомянутом выше проекте реорганизации НКВД, поданном Л. П. Берией в ЦК ВКП(б) в январе 1941 г., ничего не говорилось о выделении военной контрразведки. Поэтому однозначно можно утверждать, что Л. П. Берия подчинился мнению членов Политбюро, так как сам он в это время являлся лишь кандидатом в этот высший орган руководства партией.

В преамбуле постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР отмечалось: «За время своего существования особые отделы НКВД проделали большую работу и сыграли положительную роль в деле разгрома контрреволюционных элементов, проникших в Красную армию и Военно-морской флот. В настоящее время в связи с укреплением Красной армии и Военно-морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом

хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина — Сталина кадров командного и политического состава ЦК ВКП(б) и СНК СССР считает целесообразным передать органы особых отделов из ведения НКВД в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота»[151].

Согласно данному постановлению Особый отдел ГУГБ НКВД ликвидировался, а вместо него создавались третьи управления НКО и НК ВМФ соответственно. В НКВД остался лишь 3-й отдел, в задачу которого входило обеспечение безопасности всех войск наркомата, а также милиции и пожарной охраны. Аппаратам третьих управлений и 3-го отдела поручалось решать следующие задачи: борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии, ВМФ и войсках НКВД; выявление и информирование руководства наркоматов обо всех недочетах в состоянии воинских частей и сил флота и обо всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих. Для решения указанных задач аппаратам военной контрразведки необходимо было использовать агентурно-осведомительную сеть в войсках и их окружении, производить следствие по делам, отнесенным к их компетенции, а также осуществлять обыски, аресты и выемки[152].

Начальники третьих управлений НКО и НК ВМФ, а также начальник 3-го отдела НКВД подчинялись непосредственно своим наркомам, что избавляло военную контрразведку от вмешательства в ее дела других руководителей наркоматов. Такая же система подчиненности устанавливалась и на местах: в военных округах, на флотах и флотилиях, в армиях, корпусах, дивизиях. ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначили первых лиц управлений и отдела: А. Н. Михеев, А. И. Петров и А. М. Белянов — в НКО, НК ВМФ и НКВД соответственно. Срок реорганизации был определен очень сжатый — пять дней[153].

Спешка с реализацией принятого решения не могла не сказаться на качестве проводимых мероприятий, поскольку постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР предусматривало ряд процедур, требующих определенного времени. Так, предписывалось, к примеру, направить весь личный состав особых отделов на укомплектование третьих управлений и отделов, передать туда литерные, агентурные и следственные дела, перечислить за вновь образованными структурами всех арестованных лиц, организовать камеры предварительного заключения для содержания подследственных, определить порядок использования военной контрразведкой сил наружного наблюдения и специальных технических средств органов НКГБ, наладить оперативный учет и прочее. Понятно, что в пятидневный срок удалось провести реорганизацию лишь формально, многие вопросы пришлось решать в течение месяца и более. Изменения в структуре военной контрразведки привели к переназначению оперативных и руководящих сотрудников, переводу многих из них на другие должности либо даже в другие места прохождения службы, а это, в свою очередь, серьезно сказалось на темпах и эффективности работы.

С февраля по середину июня 1941 г. 3-е управление Наркомата обороны смогло предоставить своему новому руководству всего несколько информаций по важнейшим вопросам боевой готовности войск, недостаткам в управленческих действиях разноуровневых структур, включая и подразделения Генерального штаба. Так, в апреле 1941 г. начальник военной контрразведки информировал С. К. Тимошенко о серьезных системных проблемах в Разведывательном управлении, разведотделах военных округов и зарубежных аппаратах[154].

По заданию ЦК ВКП(б) 3-е управление НКО СССР, в частности его авиационный отдел, активно участвовало в информационном обеспечении готовившегося постановления «Об авариях и катастрофах в авиации Красной армии», которое было принято 9 апреля 1941 г. В определенной степени военные контрразведчики даже инициировали это решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома[155]. Речь в этом документе шла далеко не только и не столько о технических причинах гибели летно-подъемного состава и уничтожении самолетов, сколько о расхлябанности и недисциплинированности в авиационных частях, то есть о субъективных моментах, что и находилось в фокусе деятельности военной контрразведки и политорганов. В итоге военно-политическое руководство страны посчитало необходимым снять руково-

дителя ВВС РККА генерал-лейтенанта П. В. Рычагова с занимаемой должности, а также предложило наркому обороны представить проект решения Главного военного совета в свете вышеуказанного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР[156].

За предвоенные месяцы 3-е управление НКО СССР реализовало с санкции наркома лишь одну серьезную оперативную разработку на группу генералов и офицеров бывшей латышской армии. Причем эта разработка была начата еще до проведения реформы военной контрразведки, и первые спецсообщения на имя И. В. Сталина по поводу проведенных арестов направлялись из НКГБ за подписью В. Н. Меркулова, а не руководителя военной контрразведки А. Н. Михеева. Только после допросов главы антисоветской организации генерала Ж. К. Баха, с учетом того, что все лица, названные им в показаниях, являлись военнослужащими РККА — 24-го территориального Латвийского стрелкового корпуса, оперативные и следственные материалы для дальнейшего расследования были переданы в 3-е управление НКО[157]. Дело уволенных в запас, разрабатываемых и уже арестованных латышских генералов и офицеров НКГБ оставил за собой.

Этот факт, как и проведение разработки военнослужащих в течение месяца после создания 3-го управления Наркомата обороны, свидетельствует об отсутствии у В. Н. Меркулова, а следовательно, и у Л. П. Берии желания отдавать военную контрразведку в другое ведомство. Тем не менее реорганизация состоялась. В середине марта 1941 г., то есть через месяц после создания третьих управлений и отделов, удалось разработать положение о них, которое было утверждено наркомом обороны 12 апреля и объявлено приказом НКО СССР № 0028. В положении подчеркивалось, что 3-е управление существует на правах Главного управления НКО СССР, а его начальник подчиняется только народному комиссару обороны и выполняет его распоряжения[158].

Буквально через несколько дней после утверждения на Политбюро выводов по фактам аварийности и катастроф и подписания наркомом приказа № 0028 появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О третьих управлениях НКО и НК ВМФ»[159]. В нем отмечалось, что практика применения постановления о передаче Особого отдела НКВД в ведение НКО и НК ВМФ показала наличие проблем во взаимодействии всех структур госбезопасности и единстве их действий. Было принято решение о введении в штаты третьих управлений и в их органы (вплоть до бригадных, гарнизонных и прочих) должностей заместителей начальников, которые бы одновременно подчинялись соответствующим руководителям НКГБ — УНКГБ. Эти заместители назначались, перемещались и увольнялись со службы приказами НКГБ и содержались за счет сметы этого наркомата. В постановлении еще раз подчеркивалась роль Центрального и территориальных советов руководителей спецслужб. Председателями советов являлись нарком госбезопасности и начальники УНКГБ. Таким образом, высшее военно-политическое руководство страны частично устранило негативный эффект от выделения военной контрразведки из общей системы госбезопасности с ее прямым подчинением лично И. В. Сталину.

Некоторые расследуемые дела на военнослужащих передавались из 3-го управления НКО в НКГБ. В частности, 3 июня 1941 г. состоялось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о передаче в Наркомат госбезопасности дела на бывшего командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта авиации Героя Советского Союза П. И. Пумпура, арестованного еще 31 мая[160].

Все отрицательные стороны осуществленной реформы проявились с началом Великой Отечественной войны. В условиях военных действий командование требовало от военных контрразведчиков лишь участия в наведении порядка в войсках, недопущении ухода с позиций без приказа, проведении разведки непосредственно в тактической зоне обороны. Ни о какой планомерной борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника речи в первый месяц войны не шло. И это происходило на фоне изданной 3-м управлением НКО директивы от 22 июня 1941 г.[161], согласно которой от военных контрразведчиков требовалось усилить именно оперативную работу, провести в жизнь планы перестройки агентурно-осведомительной сети в соответствии с потребностями условий военного времени.

Если это возможно было реализовать в тылу, то в зоне военных действий и в прифронтовых районах усилия контрразведчиков направлялись исключительно на выполнение приказов командования. Информация 3-го управления НКО и его подчиненных органов доходила до ГКО лишь в том виде, в котором ее представлял нарком С. К. Тимошенко. В отличие от руководителей НКВД и НКГБ начальник военной контрразведки А. Н. Михеев не имел права прямого доклада И. В. Сталину и другим членам ГКО.

Ввиду перегруженности работой в постоянно меняющейся обстановке нарком обороны не находил времени для рассмотрения и утверждения положения о работе органов 3-го управления НКО в военное время. По крайней мере, до конца июня 1941 г. (как явствует из директивы от 27 июня 1941 г., подписанной А. Н. Михеевым и разосланной в подчиненные органы) руководителям аппаратов военной контрразведки в войсках предлагалось руководствоваться в своих действиях временными правилами, которые, по существу, и являлись проектом положения[162]. Следует подчеркнуть, что приказы и директивы начальника 3-го управления НКО не являлись руководством к действию для командующих фронтами и армиями, а подлежали исполнению лишь сотрудниками военной контрразведки. Подобного рода документы доводились до командования лишь в порядке ознакомления и практически не влияли на принимаемые им решения.

10 июля 1941 г. были созданы аппараты главнокомандующих Северо-Западным, Западным и Юго-Западным направлениями. Для обеспечения главкомов своевременной информацией о состоянии подчиненных им войск совместным приказом по третьим управлениям НКО и НК ВМФ от 15 июля при ставках главкомов создавались третьи отделы[163]. Как известно, главкомом войск Западного направления был назначен С. К. Тимошенко. Вместе с ним на фронт убыл и начальник 3-го управления НКО А. Н. Михеев, занявший одновременно и должность начальника третьего отдела главкомата. 6 июля 1941 г. ГКО принял постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции»[164], которым предписывалось именно третьим управлениям НКО и НК ВМФ в пятидневный срок сформировать соответствующие отделения, направив на их укомплектование около тысячи сотрудников 4-го отдела НКГБ. Это решение было объявлено совместным приказом от 13 июля наркомов С. К. Тимошенко и Н. Г. Кузнецова[165]. Однако уже через четыре дня, 17 июля 1941 г., по докладу Л. П. Берии и В. Н. Меркулова ГКО решил реорганизовать военную контрразведку и передать ее в НКВД[166]. В постановлении ГКО № 187 «О преобразовании органов 3-го управления в особые отделы» указывалось: «1. Преобразовать органы Третьего управления как в действующей армии, так и в военных округах (от отделений в дивизиях и выше) в особые отделы, а Третье управление — в Управление особых отделов; 2. Подчинить управления особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответствующему комиссару полка и комиссару дивизии»[167].

Члены ГКО согласились с предложенной Л. П. Берией формулировкой главной задачи особых отделов — решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии, ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе. Особым отделам предоставлялось право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и их расстрела на месте. Для реализации поставленных задач постановлением ГКО предписывалось НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск Наркомата внутренних дел. При этом члены ГКО обратили внимание лишь на органы военной контрразведки в Красной армии, но оставили без изменения таковые в ВМФ. Что касалось последних, то они были реорганизованы только 10 января 1942 г. на основании постановления ГКО «О преобразовании органов Третьего управления НК ВМФ в особые отделы НКВД»[168].

Следует заметить, что накануне принятия решения о реорганизации 3-го управления НКО СССР и подчиненных ему отделов ГКО приняло постановление арестовать и придать суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова и группу подчиненных ему генералов[169]. В этот же день, 15 июля 1941 г., члены ГКО рассмотрели еще

ряд важных вопросов: проект указа Президиума Верховного Совета СССР о реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в РККА, проект положения о военных комиссарах в РККА[170], проект приказа Ставки ВГК № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий» и приняли постановление «О Можайской линии обороны»[171] . Все эти решения подчеркивали негативную оценку складывающейся на фронтах ситуации, поэтому и принимаемые меры носили чрезвычайный характер. Требовалось не только усилить централизацию работы ряда государственных ведомств, но и придать их деятельности большую жесткость, включая и область контроля над действиями командований фронтов, армий, корпусов, дивизий и прочих.

Л. П. Берия уже 18 июля 1941 г. подписал директиву «О задачах особых отделов в связи с реорганизацией органов военной контрразведки». В тексте документа четко формулировался смысл проведенных преобразований: «повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами»[172]. От военных контрразведчиков требовалась беспощадная расправа с такими категориями лиц, причем в директиве слова «беспощадность», «уничтожение», «ликвидация» повторены были неоднократно, что подчеркивало экстраординарность принимаемых мер.

В директиве речь шла и об укреплении руководящего состава особых отделов, однако конкретных фамилий не указывалось. Согласно приказу НКВД СССР от 19 июля 1941 г. после согласования (по номенклатурному принципу) с аппаратом ЦК ВКП(б) и председателем ГКО И. В. Сталиным начальником Управления особых отделов был назначен заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга В. С. Абакумов. Для военного командования и личного состава особых отделов он до своего назначения оставался неизвестным, поскольку никогда ранее не работал в военной контрразведке, а трудился на оперативных и руководящих должностях в экономических и секретно-политических подразделениях[173]. Письменные доклады в ГКО подписывал Л. П. Берия, даже если их содержание касалось сугубо работы особых отделов и вопросов о деятельности войск и военных укреплений.

В развитие постановления ГКО В. С. Абакумов предпринял необходимые меры по ускорению реорганизации военной контрразведки. Если оперативные и следственные аппараты подлежали лишь незначительным изменениям, то воинские подразделения при особых отделах предстояло еще создать. С этой целью нарком внутренних дел 19 июля 1941 г. издал приказ «О сформировании частей войск НКВД при особых отделах»[174], согласно которому особым отделам дивизий и корпусов полагалось иметь отдельные стрелковые взводы, армиям — отдельные стрелковые роты, а фронтам — отдельные стрелковые батальоны. Чтобы повысить общий профессиональный уровень сотрудников, были организованы курсы при Высшей школе НКВД с численностью одновременно обучающихся 850 человек. Согласно приказу НКВД СССР от 23 июля 1941 г., занятия на курсах планировалось начать уже с 26 июля[175].

28 июля 1941 г. В. С. Абакумов издал директиву, касающуюся усиления работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. В данном документе нашел свое отражение некоторый опыт по борьбе со шпионами и диверсантами, завербованными абверовцами из числа советских военнопленных. Их практически не готовили, а лишь инструктировали по проведению прифронтовой разведки и совершению диверсий, а также ведению пораженческой пропаганды[176]. Заградительные отряды начали организовываться командованием армий и фронтов с разрешения Ставки ВГК и до издания вышеуказанной директивы решали различные задачи, порой далекие от контрразведки: помогали командованию в поддержании дисциплины и воинского порядка, пресечении бегства командиров и бойцов с занимаемых позиций, ликвидации паники и прочем.

Легитимизация действий заградительных отрядов и укрепление правовой основы деятельности военной контрразведки происходили и далее. Так, 12 августа 1941 г. нарком обороны И. В. Сталин подписал приказ военным советам фронтов и армий о необходимо-

сти придания суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава, оставляющих позиции без приказа своего руководства. Под суд предлагалось отдавать военнослужащих до командира батальона включительно. Данный приказ отражал сложнейшую ситуацию на фронте: отступление вызывало многочисленные случаи растерянности и даже паники, которой поддавались и лица комсостава. Безусловно, этот приказ при его реализации на местах иногда давал основу для скоропалительных решений, но в целом он сыграл свою мобилизующую роль[177].

Еще одним нормативным актом, предопределившим направленность деятельности особых отделов НКВД, стал приказ Ставки Верховного главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г.[178] В приказе прямо говорилось о недопустимой растерянности работников особых отделов НКВД и отсутствии попыток помешать некоторым командирам сдаться в плен врагу. Данное утверждение являлось объективным лишь отчасти, поскольку среди указанных в приказе генералов далеко не все добровольно сдались в плен. Это относится прежде всего к П. Г. Понеделину, Н. К. Кириллову и В. Я. Качалову. Последний героически погиб в ходе боя с немцами. Но приказ, составленный по горячим следам, в условиях отсутствия данных о реальных поступках ряда командиров и начальников, задавал некий вектор оценок, которые следует применять в репрессивной деятельности по отношению к неустойчивым, малодушным и трусливым элементам. Рассматриваемый приказ подписали семь человек: И. В. Сталин, В. М. Молотов, С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, Г. К. Жуков.

Конкретизируя определенные приказом общие установки для сотрудников военной контрразведки, главный военный прокурор Красной армии, дивизионный военный юрист В. И. Носов отметил в своем письме подчиненным (8 сентября 1941 г.), что дезертиров и лиц, вернувшихся из плена, особые отделы вправе арестовывать без предварительной санкции соответствующего прокурора[179]. Лица, сдавшиеся в плен без сопротивления, определялись в письме как изменники Родины и поэтому должны были привлекаться к строжайшей ответственности.

Отдавая себе отчет в том, что среди пленных и вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах военнослужащих могут оказаться лица, уже завербованные разведкой противника, члены ГКО на заседании 27 декабря 1941 г. указали органам госбезопасности на необходимость организации их фильтрации. Это решение было оформлено двумя днями ранее постановлением ГКО от 25 декабря 1941 г. № 1066[180]. Нарком внутренних дел Л. П. Берия издал соответствующий приказ, обязывающий Управление особых отделов НКВД СССР, а также начальников военной контрразведки фронтов и армий незамедлительно принять необходимые организационные и кадровые решения для их реализации. Как видно из докладной записки в ГКО от 1 марта 1942 г., В. С. Абакумов и его подчиненные создали 19 спецлагерей с особыми отделами при них. По состоянию на 23 февраля в спецлагерях находились 128 132 освобожденных из плена и вышедших из окружения военнослужащих, из них 21 804 человека прошли фильтрацию и были направлены в действующие части Красной армии. Еще 106 328 человек находились в процессе проверки на сборно-пересыльных пунктах, 14 963 — в пути до спецлагерей НКВД. В самих же спецлагерях проходили дополнительную проверку еще 68 577 человек[181].

На заседаниях ГКО рассматривалось большое количество вопросов, имевших отношение лишь к отдельным родам войск. Для обеспечения принятия решений требовалась детализированная, многократно проверенная информация. В этом процессе неизменно принимали участие и органы НКВД в лице Управления особых отделов и его фронтовых аппаратов. Однако отчетные материалы и аналитические заметки порой находились в делах структурных подразделений Управления особых отделов НКВД, что позволяло быстро найти и представить в секретариат Л. П. Берии, а затем в ГКО требуемые сведения.

4 июля 1942 г. нарком НКВД издал директиву о реорганизации аппарата Управления особых отделов. По заявлению заместителя наркома внутренних дел — начальника воен-

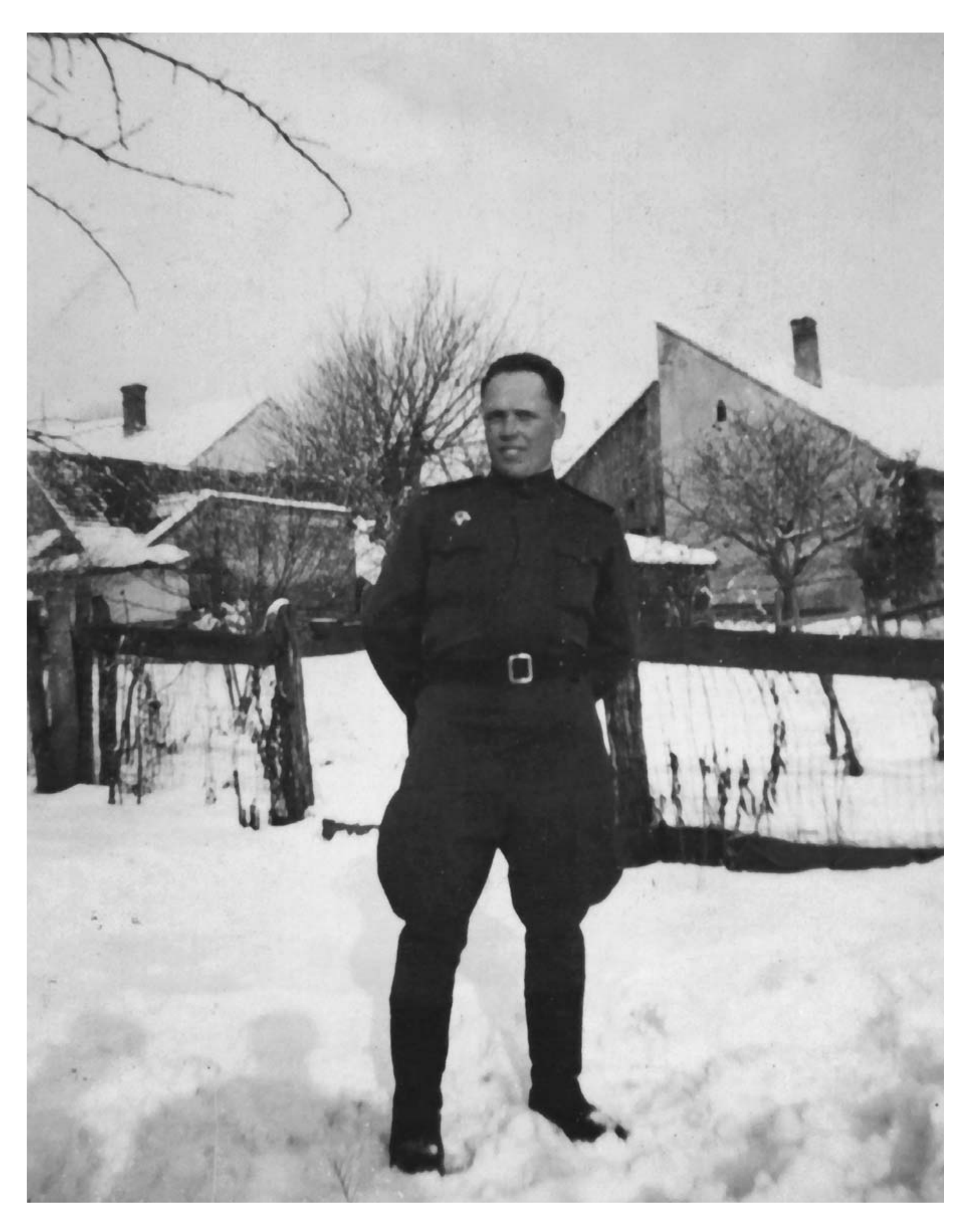
ной контрразведки В. С. Абакумова реорганизация была связана с необходимостью более полного обеспечения оперативно-чекистского обслуживания Красной армии и флота. Особенно беспокоило, что особые отделы направляли в Москву документы, не представлявшие оперативного интереса, составленные на основании устаревших и официальных данных. «В Управление особых отделов, — отмечал В. С. Абакумов, — подлежит представлять наиболее важные донесения, тщательно проверенные на месте»[182].

Особо выделялись вопросы о причинах провала боевых операций, преступной деятельности лиц командно-начальствующего состава, подрывающих боеспособность частей Красной армии и ВМФ, серьезных недочетах в состоянии воинских частей. Поскольку в 1941–1942 гг. на заседаниях ГКО чаще других рассматривались вопросы формирования и состояния танковых, артиллерийских, инженерных частей и соединений, то в Управлении особых отделов НКВД специально создавались профильные отделы. К примеру, Отдел по руководству органами военной контрразведки в тыловых округах, где комплектовались новые формирования РККА и запасные части. На базе бывшего 3-го отдела Управления особых отделов образовывались два других, отвечавших за артиллерийские, танковые и гвардейские минометные части, а также связные и военно-инженерные соответственно. 4-му отделу Управления особых отделов поручалось руководство и обобщение опыта по борьбе с антисоветскими элементами, изменой Родине, членовредительством, трусостью, паникерством и распространением ложных слухов. Именно этот отдел стал отвечать за информацию о действиях заградительных отрядов и эффективности их применения, что было достаточно важно с учетом последовавшего через несколько дней издания приказа наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г.[183] Данный приказ появился в условиях резкого обострения обстановки практически на всем советско-германском фронте, когда советские войска с боями отступали к Волге, оставляли обширные районы на Северном Кавказе. Главный призыв приказа — «Ни шагу назад!» стал главным для каждой воинской части, но чтобы за этим последовало реальное укрепление боевой стойкости, требовались не только идеолого-воспитательные меры, но и достаточно жесткие заградительные мероприятия.

Заградительные отряды на Сталинградском фронте были подчинены не военным советам армий и фронта, а соответствующим особым отделам. Это налагало большую ответственность на руководителя военной контрразведки и не столько за принятие мер к дезертирам, трусам и паникерам, сколько за помощь командованию в удержании боевых позиций, возвращению на линию обороны максимально возможного количества проявивших малодушие военнослужащих. Только за август — сентябрь 1942 г. в районе Сталинграда заградительными отрядами и оперативными группами особых отделов были задержаны 45 465 солдат и офицеров, сбежавших с передовой. Из общего числа по постановлениям особых отделов 699 человек расстреляли перед строем за паникерство, членовредительство и трусость, а около 42 тыс. военнослужащих были возвращены в свои части или на пересылочные пункты, почти 1500 бойцов и командиров направлены в штрафные роты и батальоны[184].

Поручив военным контрразведчикам руководство заградительными мероприятиями, председатель ГКО приказал наркому внутренних дел организовать поступление ежесуточной информации от особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов об обстановке в войсках, разного рода недостатках в снабжении частей и соединений всем необходимым и даже о действиях командования всех уровней, повлиявших либо могущих повлиять на успешность боевых операций.

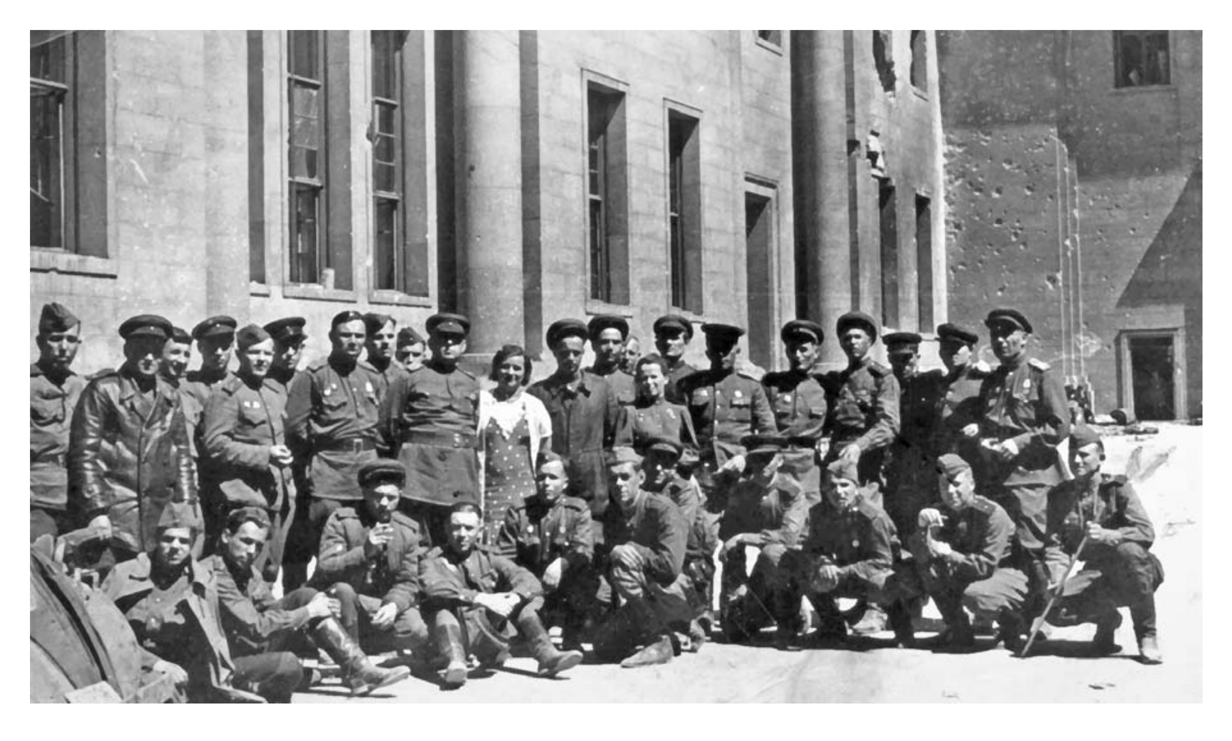
Одновременно укреплялось (на уровне полка и дивизий) единоначалие. Как уже отмечалось, указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. упразднялся институт военных комиссаров, и поэтому ГКО на своем заседании 13 октября принял постановление «О подчинении уполномоченного особого отдела в полку и начальника особого отдела соединения командиру части или соединения»[185]. При этом сохранялась вертикальная подчиненность военных контрразведчиков по линии НКВД.

Командир взвода ГУКР Смерш 3-й танковой армии 3-го Украинского фронта

Старшина и рядовой отдела контрразведки Смерш 37-й армии в Болгарии

Групповой портрет личного состава отдела контрразведки Смерш 70-й армии у рейхсканцелярии в День Победы

С целью максимально возможного снятия трений между командованием фронтов и армий с одной стороны и руководителями особых отделов с другой, проявившихся в тяжелейшей фронтовой обстановке, ГКО поручил НКВД, а конкретно Управлению особых отделов более четко и однозначно формулировать задачи органов военной контрразведки. Во исполнение данного поручения во второй половине октября 1942 г. за подписью Л. П. Берии в ГКО был представлен пакет документов, включавший: проект постановления Государственного Комитета Обороны; справку о штатной численности особых отделов НКВД; список начальников отделов фронтов, армий, военных округов, флотов и флотилий. В проекте упомянутого выше постановления ГКО были прописаны задачи военной контрразведки, вытекающие из складывающейся обстановки. В частности во втором пункте проекта предусматривалась обязанность начальников особых отделов своевременно информировать командование обо всех имеющихся материалах на командно-начальствующий и рядовой состав, а также о выявленных недостатках[186]. И хотя предполагавшееся постановление ГКО не состоялось, разработанный проект лег в основу тех кардинальных решений, которые были приняты уже весной 1943 г.

Победа в Сталинградской битве вселила в войска, прежде всего в командный состав, уверенность в возможности наращивания наступательных действий. Однако в ходе успешно развивающейся Харьковской наступательной операции Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта, предпринятой в феврале 1943 г., были допущены крупные просчеты. В результате армии Воронежского фронта вынуждены были перейти к обороне, а затем вновь оставить Харьков, Белгород и другие населенные пункты. К 25 марта 1943 г. советские войска отошли на 100–150 км[187].Ошибки, допущенные командованием фронтов, коренились в том числе и в недостатках работы разведывательных органов, а отсутствие должной реакции Ставки ВГК — в искаженной информации о состоянии наступающих войск, способности их закрепить достигнутые успехи. Эти обстоятельства подтолкнули Верховного главнокомандующего и других членов ГКО принять необходимые организационно-кадровые решения, направленные на исправление положения.

В конце марта 1943 г. в Москве состоялось первое за период Великой Отечественной войны совещание руководителей особых отделов фронтов и некоторых армий[188]. На совещании ставился вопрос об усилении деятельности военной контрразведки по решению основной задачи и укреплении ее связи в практической работе с территориальными органами госбезопасности и внутренних дел. С основным докладом выступил начальник Особого отдела Западного фронта Л. Ф. Цанава — бывший нарком госбезопасности Белорусской ССР, при этом он почти не упомянул о такой функции военной контрразведки, как информирование командования о вскрываемых недостатках в войсках. Другие выступающие высказались за усиление значения информационной работы, однако не нашли открытой поддержки руководства.

В. Н. Меркулов 2 и 4 апреля 1943 г. представил в ГКО различные варианты структурных преобразований, в которых не предполагалось выделение органов военной контрразведки из состава будущего НКГБ. Однако председатель ГКО вернул документы на доработку с тем, чтобы предусматривалась передача системы особых отделов в НКО с подчинением лично ему как наркому. Новые проекты документов были представлены И. В. Сталину 14 апреля и в тот же день рассмотрены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)[189].

Принятые решения были формализованы в виде постановления ЦК ВКП(б) «Об организации народного комиссариата» и соответствующего указа Президиума Верховного Совета СССР. Что касается Управления особых отделов как одного из структурных подразделений НКВД, то достаточным было принятие постановления Совнаркома. Этот документ был подписан председателем СНК СССР И. В. Сталиным через несколько дней — 19 апреля 1943 г. В постановлении указывалось: «Управление особых отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать Народному комиссариату обороны, реорганизовав его в Главное управление контрразведки НКО «Смерть шпионам»[190].

В постановлении перечислялись задачи органов военной контрразведки. Текстуально и по приоритетности они несколько отличались от того, что было изложено в проекте постановления ГКО, разработанного в НКВД СССР 15 октября 1942 г. Естественно, борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок осталась на первом месте. Также в качестве задач значились выявление и пресечение активности антисоветских элементов, изменнических намерений и действий, борьба с дезертирством и членовредительством. Исходя из личных указаний Верховного главнокомандующего, некоторые задачи были детализированы фактически до уровня конкретных мероприятий, как то: «принятие агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта, с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»[191]. Органы Смерш освобождались «от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами»[192].

В развитие юридического акта Совнаркома уже через два дня, 21 апреля 1943 г., члены ГКО приняли постановление «Об утверждении положения о Главном управлении контрразведки НКО (Смерш) и его органах на местах»[193]. Само положение утвердил лично И. В. Сталин. Принципиальным новшеством стало то, что начальник ГУКР НКО Смерш становился заместителем народного комиссара обороны, подчинялся непосредственно наркому и выполнял только его распоряжения. Положением предусматривалось, что аппараты Смерш «поддерживают по мере необходимости тесный контакт с соответствующими органами НКГБ СССР, НКВД СССР и Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, обмениваются информацией и ориентировками»[194].

И. В. Сталин лично корректировал «Положение о Главном управлении контрразведки НКО Смерш», рассматривал проекты штатов этого управления и подчиненных ему органов фронтового, военно-окружного и армейского звена, причем в ряде случаев изменял штатное расписание в сторону увеличения численности сотрудников. Все это относилось и к системе школ и курсов по подготовке личного состава[195]. И. В. Сталин согласился со всеми предложениями вновь назначенного начальника ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумова. Эти предложения касались как построения структуры военной контрразведки (включая и сам главк), так и сосредоточения в едином центре ряда направлений оперативной работы. В частности, нарком обороны утвердил создание аппарата помощников начальника ГУКР НКО Смерш, каждый из которых курировал 2–3 фронтовых аппарата. Сделано это было по образцу Генштаба РККА, где уже функционировали аналогичные структуры. Помощники начальника главка с подчиненными им группами опытных оперативных работников являлись контрольно-инспекторскими и аналитическими аппаратами, призванными обеспечить главу ГУКР НКО Смерш, а через него членов ГКО, начальника Генштаба, других руководителей Наркомата обороны и командующих родами войск информацией по вопросам, отнесенным к компетенции военной контрразведки.

Кроме аппарата помощников начальника ГУКР НКО Смерш создавались функциональные отделы. Так, во исполнение личного указания И. В. Сталина, был организован отдел, отвечающий за проведение радиоигр с разведцентрами противника. В этот отдел передавались все те сотрудники НКГБ, кто ранее вел такого рода работу. Таким образом, с апреля 1943 г. все радиоигры проводились органами военной контрразведки. Исключение составила лишь трехэтапная операция «Монастырь — «Курьеры» — Березино», которая длительное время велась 4-м управлением НКГБ. Проявлением усиления наступательности в действиях военной контрразведки явилось создание 4-го (позднее 3-го) отдела. Согласно тексту положения о ГУКР НКО Смерш этому отделу поручалась «контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной армии»[196]. На местах создавались управления и отделы контрразведки Смерш фронтов, военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов и учреждений РККА.

Согласно постановлению СНК от 19 апреля 1943 г., из ведения НКВД изымался Морской отдел Управления особых отделов и передавался в НК ВМФ, в составе которого образовывалось Управление контрразведки наркомата. Задачи данного органа в основном повторяли задачи ГУКР НКО Смерш. Совнарком обязал наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова представить на утверждение ЦК ВКП(б) структуру органов контрразведки НК ВМФ, кандидатуру начальника управления и его заместителей[197]. 3 июня 1943 г. нарком ВМФ подписал приказ о создании Управления контрразведки Смерш, где предусматривалось его подчинение лично руководителю наркомата.

В структуре НКВД СССР также был создан отдел Смерш для оперативного обслуживания войск Наркомата внутренних дел. Главное управление контрразведки НКО Смерш наладило и деловое взаимодействие с Главным управлением НКВД по охране тыла действующей армии, созданным на основании приказа НКВД СССР от 4 мая 1943 г.[198]

После подготовки и утверждения организационно-кадровых документов председатель ГКО И. В. Сталин поручил В. С. Абакумову принять действенные меры по активизации агентурно-оперативной работы и ликвидации выявившихся в ходе войны недостатков в деятельности следственных подразделений. На основании полученных указаний Главное управление контрразведки НКО Смерш издало необходимые директивы для подчиненных органов, а позднее направило на места инспекционные группы для проверки реализации полученных из Москвы установок.

Совместно с НКГБ СССР Главное управление контрразведки 29 апреля 1943 г. подготовило докладную записку в ГКО с итогами предшествующей борьбы с агентурой противника — германской и финской разведок. В документе отмечалось, что с начала Великой Отечественной войны были задержаны 978 агентов-парашютистов. Из них на долю особых отделов приходились 203 человека, на войска НКВД по охране тыла действующей армии — 70 человек, остальные были схвачены территориальными и транспортными органами. В докладной записке также указывалось, что НКГБ в связи с передачей борьбы с агентами-парашютистами противника в Главное управление контрразведки НКО Смерш дал указание своим периферийным органам незамедлительно передать в военную контрразведку всех содержащихся под арестом лиц данной категории вместе со следственными делами на них[199]. В апреле 1943 г. от НКГБ в Главное управлении контрразведки НКО Смерш было передано контрразведывательное обеспечение штабов партизанского движения, включая и Центральный, а также партизанских отрядов и соединений[200].

В положении о ГУКР НКО Смерш, как уже отмечалось, содержалось указание на то, что управление и его подчиненные органы выполняют помимо своих прямых обязанностей конкретные поручения наркома обороны. Так, в феврале 1944 г. военные контрразведчики проверяли информацию о серьезных недостатках в комплектовании гвардейских частей и по результатам проверки подготовили доклад. В первой половине 1944 г. ГУКР НКО Смерш, основываясь на решении ГКО о дополнительном изыскании людских ресурсов для фронта, провело негласную проверку в Приволжском военном округе. На основе полученных данных туда была направлена специальная комиссия НКО, подтвердившая содержание сверх штата более 2000 человек, годных к службе в боевых частях[201]. На основании данных, изложенных в докладной записке в ГКО, о грубых нарушениях руководством Главупроформа приказов наркома обороны и ряда решений Государственного Комитета Обороны была назначена комиссия ЦК ВКП(б) с участием сотрудников ГУКР НКО Смерш, подтвердившая все приведенные чекистами факты. По итогам работы комиссии начальник Главупроформа, его первый заместитель и более десяти ответственных исполнителей лишились своих должностей[202].

Ряд комиссий ГКО выезжал на фронты для перепроверки доложенной контрразведчиками информации о недостатках в деятельности высшего командного состава фронтового или армейского звена. К примеру, на Калининском фронте в мае 1943 г. работала комиссия ГКО во главе с генерал-полковником А. С. Щербаковым. Основанием для поездки стали

данные Главного управления контрразведки НКО Смерш о неудовлетворительном состоянии тыла фронта, изъянах в снабжении войск. В выводах комиссии нашло подтверждение большинство данных, полученных от военных контрразведчиков. В постановлении ГКО, принятом по докладу председателя комиссии, командующий фронтом генерал-полковник М. А. Пуркаев был освобожден от занимаемой должности, начальник тыла фронта отдан под суд военного трибунала[203].

Еще одна комиссия ГКО разбиралась с ситуацией на Западном фронте. Дважды, 14 и 29 февраля 1944 г., начальник ГККР НКО Смерш В. С. Абакумов докладывал председателю ГКО И. В. Сталину об обстановке на фронте, в частности о необеспеченности руководства боевыми операциями и издевательствах над командирами со стороны командующего 33-й армией генерал-полковника В. Н. Гордова[204]. Изложенные в докладной записке сведения наложились на ранее имевшиеся у И. В. Сталина свидетельства о серьезных ошибках в деятельности В. Н. Гордова, за что последний в 1942 г. был снят с должности командующего Сталинградским фронтом. Тогда, как и позднее, В. Н. Гордов проявлял личное мужество, но как военачальник не отличался обдуманными решениями. Имелись претензии и к командующему Западным фронтом генералу армии В. Д. Соколовскому. Он в этот период не обеспечил решение поставленных перед фронтом задач: в ходе предпринятого наступления удалось продвинуться лишь на 1—1,5 км, потеряв при этом убитыми 5858 и ранеными 17 478 человек.

Для проверки приведенных начальником ГУКР НКО Смерш данных была создана специальная комиссия в составе Г. М. Маленкова (член ГКО), начальника Главного политуправления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова, начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника С. М. Штеменко и начальников Главного разведывательного управления Красной армии генерал-лейтенанта И. И. Ильичёва и Разведуправления Генштаба генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кузнецова. Результаты работы комиссии подтвердили то, что ранее сообщало в ГКО Главное управление контрразведки Смерш. Своим постановлением от 12 апреля 1944 г. ГКО одобрил доклад комиссии, и на этой основе Ставка ВГК издала свой приказ, в соответствии с которым генерал В. Д. Соколовский был снят с должности командующего фронтом, а другие генералы, включая В. Н. Гордова, строго предупреждены[205].

По указанию ГКО и Ставки ВГК оперативные группы ГУКР НКО Смерш, возглавляемые помощниками начальника управления, по нескольку раз выезжали на те участки советско-германского фронта, где намечались крупные операции. Эти группы обеспечивали координацию усилий аппаратов контрразведки ряда фронтов, оказывали им действенную практическую помощь, обеспечивали поступление в Москву более точной и всесторонней информации. Так, по итогам работы оперативных групп ГУКР НКО Смерш перед началом Белорусской стратегической наступательной операции в ГКО была представлена информация об активизации немецкой агентурной разведки именно в предполагаемой полосе действий 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, что могло свидетельствовать о наличии у противника неких сведений о подготовке наступления советских войск[206]. Копия данного сообщения для учета при выработке конкретных директив фронтовому командованию адресовалась и начальнику Генерального штаба.

Главное управление контрразведки Смерш постоянно наращивало поток информации в ГКО. В зависимости от существа информации копии докладных записок направлялись (в ряде случаев по личному указанию И. В. Сталина) в адрес заместителя председателя ГКО В. М. Молотова, членов ГКО Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, а также начальнику Генштаба, руководителям Главного политического управления РККА, начальнику ГРУ Генерального штаба, командующим родами войск. На основе докладных записок и спецсообщений принимались постановления ГКО, издавались приказы наркома обороны и его заместителей, директивы и указания начальника Генштаба и прочее.

За период с 19 апреля 1943 г., то есть со дня образования Главного управления контрразведки НКО Смерш, и до 13 мая 1945 г. только членам ГКО было направлено 727 докладных записок[207]. Более 60% докладов относилось к отчетам о проделанной работе по основным контрразведывательным направлениям: разоблачению агентуры противника, внедрению в его разведывательно-диверсионные органы, проведению и итогам радиоигр, оперативной работе по иностранным военным формированиям в СССР, задержанию разыскивавшихся нацистских преступников и прочему. Еще около 30% относилось к недостаткам в боевой готовности войск, фактам очковтирательства со стороны командующих фронтами и армиями, грубым нарушениям ими правил скрытого управления войсками, расследованию крупных чрезвычайных происшествий, сопряженных с гибелью большого количества личного состава и материальных средств и прочему.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны народные комиссариаты внутренних дел и госбезопасности представляли собой важнейшие элементы системы стратегического руководства страной и вооруженными силами. Их функции включали обеспечение безопасности государства и тыла действующей армии, поддержание режима военного положения в прифронтовых районах, соблюдение законов военного времени и общего правопорядка внутри страны, экономическое, политико-идеологическое и другие виды противоборства. Но основные их задачи были связаны с информационным обеспечением военно-политического руководства страны о ситуации на фронте и в тылу.

Их место в системе государственного и военного управления СССР определялось и тем, что вся эта работа осуществлялась под непосредственным контролем И. В. Сталина и Л. П. Берии. Присущие их стилю деятельности целеустремленность, доминирование политической целесообразности над соображениями идеологического и правового порядка, жесткая требовательность и контроль исполнения, своевременное принятие необходимых организационных и правовых решений (только регулированию деятельности НКВД было посвящено 110 постановлений ГКО) способствовали тому, что цели, стоявшие перед ними в годы войны, были достигнуты.

Попытки специальных служб противника дестабилизировать обстановку в стране, используя внутренние политические и экономические проблемы СССР, а также трудности, обусловленные сложным этнокультурным и конфессиональным составом населения, наличием огромных слабо освоенных территорий, существенного результата не дали. Добиваясь отдельных успехов, в конечном счете, противоборство с аналогичными службами СССР они проиграли: советский политический режим устоял, государство не распалось даже в самые трудные для него дни, когда враг владел стратегической инициативой и победный для Советского Союза исход войны еще не был очевиден.

Существенное влияние на ход и исход вооруженной борьбы оказали военные действия, которые в разных формах вели войсковые формирования этих ведомств. Особенно большое значение имела их боевая деятельность по дезорганизации войскового и оперативного тыла противника, а также против диверсионных подразделений противника и бандформирований, действовавших в войсковом и оперативном тылу Красной армии. Сотрудники и военнослужащие НКВД и НКГБ достойно выполнили возложенные на них служебно-боевые задачи, проявив мужество и героизм не только в ходе военных действий, но и при выполнении специальных задач по роду своей основной деятельности. Исключительно важную роль в системе стратегического руководства войной играла военная контрразведка, обеспечивавшая важнейшее требование, предъявляемое к военному управлению в условиях войны, — его скрытность.

Все три спецслужбы обеспечивали политическое и военное руководство страны информацией, критически важной как для процесса стратегического планирования, так и для реализации принимавшихся решений: о политической обстановке в стране, замыслах и планах противника и союзников по антигитлеровской коалиции, деятельности вражеских и союзных

спецслужб, состоянии Красной армии и ВМФ, военной промышленности и других стратегических отраслей народного хозяйства.

В годы войны была создана оптимальная для чрезвычайных условий военного времени организационно-штатная структура органов государственной безопасности и охраны правопорядка, определены основы координации и взаимодействия разведывательных и контрразведывательных подразделений различных ведомств. Сотрудники и военнослужащие НКВД, НКГБ СССР и органов военной контрразведки в годы войны достойно выполнили возложенные на них оперативно-боевые задачи, проявив мужество и героизм не только во время боевых действий, но и при выполнении других специальных задач, поставленных государственными и военными органами управления. Опыт их деятельности в 1941—1945 гг. и сегодня сохраняет актуальность как материал для дальнейшего более глубокого теоретического обобщения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1934. 19 июля. № 36. С. 528.

[2] Министерство внутренних дел (1902—2002 гг.). Исторический очерк. М., 2004. С. 241.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 77. Л. 127.

[4] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 41.

[5] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 194. Л. 174—176.

[6] Там же. Оп. 1а. Д. 77. Л. 213.

[7] Там же. Л. 241.

[8] Там же. Оп. 1. Д. 606. Л. 149—154.

[9] Там же. Оп. 1а. Д. 72. Л. 1—2.

[10] Там же. Л. 137.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1366. Л. 1—2.

[12] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 108. Л. 152—157.

[13] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 86. Л. 52.

[14] Там же. Д. 91. Л. 184.

[15] Там же. Д. 92. Л. 17.

[16] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 96.

[17] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Т. 1. Л. 122.

[18] Там же. Л. 120.

[19] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 117. Л. 1.

[20] Там же. Д. 130. Л. 15—18.

[21] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Т. 1. Л. 103.

[22] Там же. Л. 108.

[23] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 213.

[24] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 463.

[25] Там же. С. 338.

[26] Там же. С. 366—367.

[27] Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 391.

[28] Там же. С. 474.

[29] Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 65.

[30] Там же. С. 65.

[31] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 260.

[32] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 180.

[33] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 310.

[34] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 65.

[35] Там же. С. 78.

[36] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. Л. 587—588.

[37] Там же. Л. 574.

[38] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 194. Т. 1. Л. 357.
[39] Там же. Л. 361—363.
[40] Там же. Л. 396.
[41] Там же. Л. 405.
[42] Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 20—21.
[43] Там же. Д. 66. Л. 1—61.
[44] Там же. Оп. 12. Д. 175. Т. 1. Л. 552.
[45] Там же. Л. 551.
[46] Там же. Л. 548.
[47] Там же. Л. 534.
[48] Там же. Л. 541.
[49] Там же. Л. 523.
[50] Там же. Л. 514—516.
[51] Там же. Л. 516.
[52] Там же. Л. 504—505.
[53] Там же. Л. 498.
[54] Там же. Д. 173. Л. 343.
[55] Там же. Л. 330—333.
[56] Там же. Л. 303.
[57] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 244. Л. 46—48.
[58] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 173. Л. 251—252.
[59] Там же. Д. 149. Л. 409—410.
[60] Там же. Л. 360—364.
[61] Там же. Л. 353—357.
[62] Там же. Л. 348.
[63] Там же. Оп. 1. Д. 641. Л. 307—314.
[64] Там же. Оп. 12. Д. 179. Л. 291—292.
[65] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[66] Там же. Л. 6.
[67] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 200. Т. 1. Л. 95.
[68] Там же. Т. 2. Л. 378—382.
[69] Там же. Л. 282.
[70] Там же. Д. 149. Л. 406.
[71] Там же. Л. 370—371.
[72] Там же. Л. 368—369.
[73] Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 347.
[74] Там же. Оп. 12. Д. 179. Л. 296.
[75] Там же. Л. 281.
[76] Там же. Л. 287.
[77] Там же. Л. 274.
[78] Там же. Л. 255.
[79] Там же. Л. 195, 198.
[80] Там же. Л. 285.
[81] Там же. Л. 282.
[82] Там же.
[83] Там же. Л. 300—303.
[84] Там же. Л. 198.
[85] Там же. Л. 248—249.
[86] Там же. Л. 181, 183—185, 287.
[87] Приказы НКВД СССР от 12 августа 1942 г. № 001676 и от 15 сентября 1944 г. № 001153.
[88] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. Л. 325.
[89] Там же. Л. 324.

[90] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3.

[91] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. Л. 480.

[92] Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 66. Оп. 1. Д. 766. Л. 314 об. — 315.

[93] Основными противниками советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны были разведывательные, контрразведывательные, диверсионные и полицейские органы нацистской Германии (См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. М., 2013. С. 331–356).

[94] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 610. Л. 59–66.

[95] В некоторых изданиях Центральный совет по координированию оперативной и следственной работы органов НКГБ, 3-го отдела НКВД и третьих управлений Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота ошибочно называется Центральным советом по координации деятельности НКГБ и НКВД по борьбе с антисоветскими элементами, что существенно искажает цель создания этого координирующего органа в сфере обеспечения государственной безопасности (См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 593; Т. 6. С. 149).

[96] ЦА ФСБ России. Ф. 12. Оп. 3. Д. 3. Л. 343–345; Д. 5. Л. 7–8.

[97] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 381, 384–386.

[98] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 766. Л. 67, 70, 312, 336.

[99] Там же. Л. 245, 356.

[100] Там же. Л. 148.

[101] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 266–267.

[102] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 766. Л. 70–71, 99–100.

[103] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 4. М., 2003. С. 8.

[104] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.

[105] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. С. 236–237.

[106] *Андрианов В. Н.* Партизанская борьба в третьем периоде Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 54.

[107] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. С. 242.

[108] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 417–418.

[109] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. С. 247.

[110] ЦА ФСБ России. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 3–5.

[111] Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 679. Л. 93–147.

[112] Архив УФСБ России по Курской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об.

[113] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 726. Л. 57–57 об.

[114] Там же. Ф. 152. Оп. 10–1945. Д. 2. Л. 28, 121–159.

[115] Там же. Л. 126.

[116] Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 806. Л. 282–283.

[117] Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–26; Д. 766. Л. 19–20.

[118] Там же. Д. 766. Л. 268.

[119] Архив УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. 90. Оп. 3. Д. 246. Л. 287–295.

[120] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 880. Л. 35–40; *Христофоров В. С., Виноградов В. К., Матвеев О. К.* «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С 89.

[121] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 610. Л. 377–380.

[122] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ: 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 138.

[123] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., М., 2002. С. 130–131.

[124] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 726. Л. 193–195, 327, 341–342.

[125] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. С. 212.

[126] *Христофоров В. С.* Операция «Долина» // Родина. 2013. № 5. С. 112–116.

[127] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2463. Л. 8–12, 93–94.

[128] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 194, 478–480.

[129] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 766. Л. 165–167.

[130] Там же. Л. 280–281.

[131] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 391–394; ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 786. Л. 100–106.

[132] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы. М., 2004. С. 607.

[133] Там же. С. 617–618.

[134] *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности 1941–1954. Справочник. М., 2010. С. 659, 745.

[135] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Документы. М., 2006. С. 185.

[136] «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 352.

[137] Там же. С. 355.

[138] Там же. С. 367.

[139] Там же. С. 31.

[140] Там же. С. 42–44.

[141] Там же. С. 126.

[142] Там же. С. 127.

[143] Там же.

[144] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. С. 18.

[145] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 28. Л. 73.

[146] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 190.

[147] Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 22.

[148] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Документы. С. 180.

[149] ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 6. Л. 123.

[150] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. В 3-х т. Т. 3. М., 2001. С. 151.

[151] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Документы. С. 240.

[152] Там же. С. 241.

[153] Там же. С. 242.

[154] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 36. С. 260.

[155] Там же. С. 261.

[156] Там же. С. 262.

[157] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Документы. С. 248.

[158] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 55–56.

[159] Там же. С. 262–263.

[160] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Документы. С. 285.

[161] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 37.

[162] Там же. С. 95.

[163] Военная контрразведка. История, события, люди. В 2-х Кн. Кн. 1. М., 2008. С. 95.

[164] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 127–128.

[165] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 308.

[166] Там же. С. 337.

[167] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 118.

[168] Там же. Д. 19. Л. 45.

[169] Там же. Д. 3. Л. 95–96.

[170] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 37–38.

[171] Там же. С. 38–40.

[172] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 346–347.

[173] *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 80.

[174] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 366.

[175] Там же. С. 399.

[176] Там же. С 411.

[177] Там же. С. 475.

[178] Там же. С. 482–486.

[179] Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 35.

[180] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.

[181] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 183.

[182] Там же. С. 10.

[183] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1995. С. 276–279.

[184] *Христофоров В. С.* Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 89.

[185] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

[186] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. С. 365.

[187] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 315.

[188] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 773. Л. 1.

[189] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 3. С. 298.

[190] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. С. 397.

[191] Там же. С. 398.

[192] Там же. С. 198.

[193] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 108. Л. 152–155.

[194] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ: 1917–1991. Справочник. С. 626.

[195] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. С. 441.

[196] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ: 1917–1991: Справочник. С. 625.

[197] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. С. 437.

[198] История внутренних войск. В 5-ти т. Т. 3 (1943–1945 гг.). М., 2011. С. 55.

[199] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. С. 423.

[200] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 283.

[201] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. С. 477.

[202] Там же.

[203] *Ерёменко А. И.* Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М., 2003. С. 151.

[204] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–9.

[205] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 232. Л. 190–223.

[206] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. С. 510.

[207] *Христофоров В. С., Виноградов В. К., Матвеев О. К.* Указ. соч. С. 56.

РУКОВОДСТВО БОРЬБОЙ НАРОДА В ТЫЛУ ВРАГА

С первых дней Великой Отечественной войны на захватываемых врагом землях СССР вначале стихийно, а затем организованно вспыхнула и развернулась во всю мощь народная борьба против оккупантов. Она свидетельствовала прежде всего о высоком патриотизме советских людей, их ответственности за судьбу Родины, убежденности в правоте своего дела. Эта борьба развивалась в тесной связи с общим ходом войны, оказывала значительную помощь Красной армии в разгроме врага, стала важным военно-политическим фактором победы.

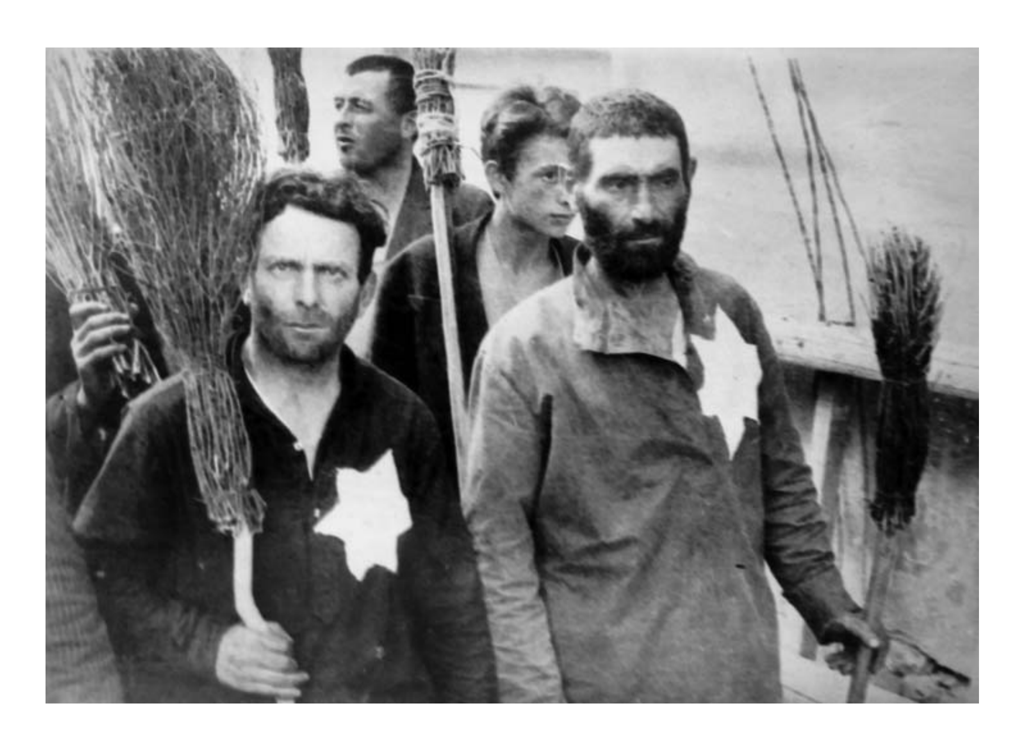
Среди крайне важных мер, предпринятых военно-политическим руководством СССР, по превращению страны в единый военный лагерь с целью организации отпора вражескому нашествию была организация народной борьбы в тылу германских войск. Формы народной борьбы были различные: партизанское движение, подпольная борьба, массовый саботаж. Наибольший урон врагу нанесло партизанское движение — открытая вооруженная борьба в тылу гитлеровских войск. Партизаны, объединенные в отряды и группы, а также действующие в одиночку, за время войны нанесли потери противнику в живой силе и технике, суммарно равные разгрому его стратегической группировки. Во всех крупных городах и многих населенных пунктах велась подпольная борьба, заключавшаяся в основном в тайных действиях многочисленных антифашистских и других подпольных групп и организаций. Они вели разведку в интересах Красной армии и партизан, силой пропаганды и агитации поддерживали боевой дух населения, подсказывали советским людям, томящимся в фашистской неволе, простые и эффективные способы борьбы с оккупантами, осуществляли террористические акты (нападения на гитлеровских солдат и офицеров, уничтожение пособников врага и прочее), совершали многочисленные диверсии, особенно на транспорте. Широко распространенной формой народной борьбы был массовый саботаж населением военных, политических и экономических мероприятий командования вермахта и оккупационных властей. Перечисленные формы народной борьбы существовали не обособленно. Они были взаимосвязаны и дополняли друг друга, превращали всю оккупированную врагом землю в арену жестокой, бескомпромиссной войны с захватчиками.

Обстановка на оккупированной территории

Территория СССР, которая подверглась оккупации в годы Великой Отечественной войны, стала ареной ожесточенной и бескомпромиссной борьбы. На этих землях захватчики установили «новый порядок» — режим насилия и кровавого террора, призванный закрепить и увековечить германское господство.

Колонна еврейских женщин и детей под конвоем литовской «самообороны»

Евреи вильнюсского гетто перед отправкой на принудительные работы

Представители немецкой комендатуры объявляют о введении «нового порядка»

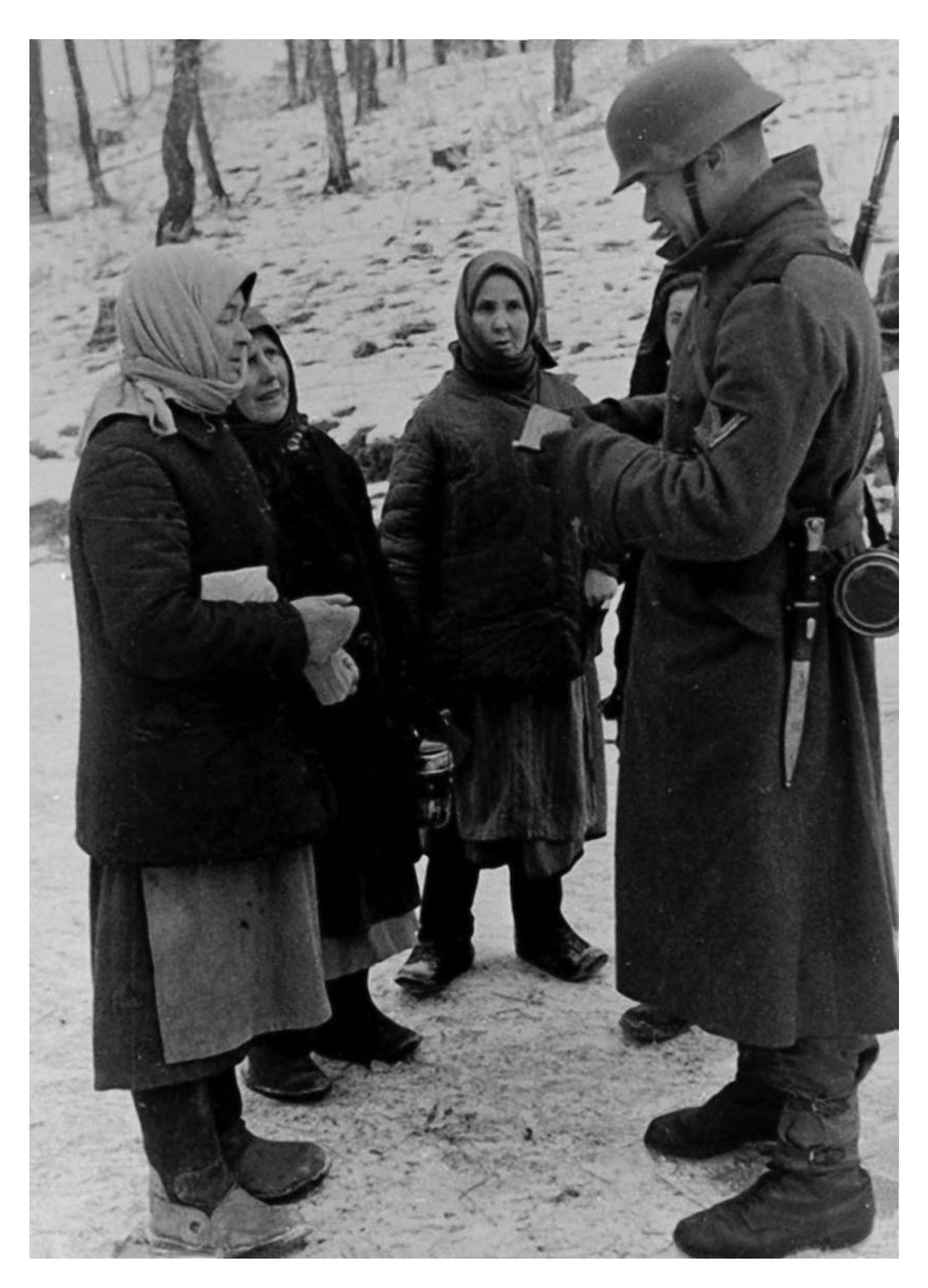
Гитлеровский офицер допрашивает жителей одной из оккупированных деревень

Стадо коров на пути к железнодорожной станции для отправки в Германию

Эсэсовцы у машин с населением, угоняемым в неволю

Немецкий солдат проверяет документы у русских женщин в прифронтовой полосе

Преступные идеи по колонизации СССР, чудовищная по своей сущности программа истребления нацистами миллионов людей была разработана еще до войны и нашла свое выражение во многих официальных документах нацистской Германии, а также в выступлениях ее вождей. Наиболее ярко она отражена в генеральном плане «Ост». Этот античеловечный, преступный документ разрабатывался по личному указанию А. Гитлера и в первоначальном виде был утвержден 15 июля 1941 г. Главными авторами его были рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, подчиненные ему руководители ряда управлений служб СС и Главного управления имперской безопасности, а также руководитель «восточного министерства» А. Розенберг[1].

Работа по его «совершенствованию» была продолжена в последующие годы войны. 27 апреля 1942 г. один из нацистских функционеров Э. Ветцель в своих замечаниях к плану «Ост», касаясь русского вопроса, писал: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве... Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». Он предлагал «разделить территорию, населенную русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие»[2]. Другими средствами достижения этой цели считались уничтожение интеллигенции — носительницы национальной культуры, свертывание образования, проведение политики резкого сокращения населения путем массового уничтожения людей, преднамеренной организации голода, снижения рождаемости и медицинского обслуживания, переселения народа в Сибирь и другие районы советской территории.

Накануне нападения на СССР А. Гитлер заявил, что одной из задач похода на восток является уничтожение 31 млн славян — «недочеловеков», в основном поляков, русских, украинцев, белорусов. Предлагалось на освободившиеся таким образом земли поселить 10 млн немцев. Было задумано оставшееся коренное население онемечить и «сократить специальными мероприятиями»[3]. И этот план, безусловно, выполнялся. В ноябре 1941 г. Г. Геринг объявил итальянскому министру иностранных дел: «В этом году в России умрут от голода от 20 до 30 миллионов человек»[4]. Политика нацистов в экономической области в долгосрочной перспективе была направлена на превращение захваченных территорий в аграрно-сырьевой придаток германских монополий, а в годы войны — на беспощадную эксплуатацию материальных и людских ресурсов СССР. И это рассматривалось завоевателями как важное условие в борьбе за мировое господство.

Для обеспечения политики геноцида в планируемых к захвату странах нацисты заранее продумали оккупационное «законодательство», ставившее население, по сути, в положение рабов, разработали приемы и способы массового уничтожения людей, подготовили специальные кадры палачей, насильников и убийц, создали «фабрики смерти» огромной «производительности». Так, лагерь смерти в Освенциме был рассчитан на истребление 30 тыс. человек в день, в Треблинке — 25 тыс., в Собиборе — 20 тыс., в Белжеце — 15 тыс.[5]

Немцы разделили всю оккупированную территорию на две зоны. Первая — это район военных действий сухопутных войск, включающий пространство от линии фронта до тыловых границ групп армий. Вся власть здесь находилась в руках военных командных инстанций. Во главе военной администрации стоял генерал-квартирмейстер главного командования сухопутных войск (ОКХ). Ему подчинялись командующие тыловыми районами групп армий с глубиной ответственности до 200 км и более. В тыловых районах армий административная власть находилась в руках соответствующих комендантов. Представителями первичных органов военной оккупационной администрации являлись полевые комендатуры и начальники гарнизонов, имевшие в своем подчинении подразделения и части. Порядок в тыловых районах войск и охрану военных объектов осуществляли 12 охранных дивизий. Здесь же действовали оперативные отряды тайной полевой полиции (ГФП), призванные следить за населением и подавлять любое сопротивление с их стороны[6].

Вторая часть захваченной территории, находившаяся за пределами театра военных действий, была отдана немецкой гражданской оккупационной администрации и подчинялась «восточному министерству», возглавляемому А. Розенбергом. Эта зона делилась на созданные в первые месяцы войны рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина» во главе

с нацистскими гаулейтерами. В первый из них вошли Прибалтийские республики и Белоруссия, во второй — Украина. Рейхскомиссариаты делились на генеральные комиссариаты, а те, в свою очередь, на областные комиссариаты. Область состояла из округов и возглавлялась обер-бургомистром, а округа — из районов во главе с управой. В каждый район входило семь-восемь волостей, которыми руководили волостные старшины (бургомистры). В селах и деревнях немецкими властями назначались старосты[7].

С первых дней войны повсюду, куда ступала нога захватчиков, совершались тысячи невероятных по жестокости преступлений. Особенно зверствовали четыре специальные карательные части — айнзацгруппы, имевшие обозначения «А», «В», «С», «Д». В каждой из них было от четырех до восьми особых оперативных команд по 500–800 насильников и убийц каждая. В июле 1941 г., вторгнувшись вслед за частями вермахта на территорию СССР, а затем действуя в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг», командованию которых они были приданы, головорезы из айнзацгрупп истребили за несколько месяцев около 2 млн советских граждан, среди них сотни тысяч детей[8].

Мирных жителей и военнопленных сгоняли в фашистские лагеря смерти, являвшиеся неотъемлемой частью оккупационного режима. Узников в этих лагерях уничтожали голодом, холодом и непосильными работами. Их травили газами и расстреливали, применяли другие варварские методы казни.

Нацистами использовалась система заложничества и круговой поруки, применявшаяся для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству. В соответствии с приказом начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии В. Кейтеля от 16 сентября 1941 г. в случае покушения на жизнь немца уничтожались способом, усиливающим устрашающее воздействие, от 50 до 100 коммунистов — мужчин и женщин из числа местного населения[9]. Широко применялись массовые экзекуции, перед которыми меркли самые мрачные картины средневековой инквизиции. Только 17 января 1942 г. в Новозыбкове фашистские палачи умертвили 380 семейств, более тысячи стариков, женщин и подростков, закопали полуживыми в землю десятки детей[10]. В качестве кары за поддержку партизан выжигали целые села вместе с населением.

Всего за годы войны на территории СССР, подвергшейся оккупации, нацисты в соответствии с гитлеровским планом «Ост» заживо сожгли, утопили или зарыли в землю, расстреляли, повесили и замучили, отравили газами и ядами более 7,4 млн мирных жителей — стариков, женщин и детей. Только в областях РСФСР, по далеко не полным данным, гитлеровцы уничтожили 5,7 млн человек[11].

Население было лишено буквально всех экономических, юридических и политических прав. Любой чиновник оккупационного аппарата и полицейский, офицер и солдат вермахта мог по собственному усмотрению распоряжаться жизнью советских граждан, не говоря уже об их имуществе. Смертная казнь следовала за сопротивление немецким войскам и административным органам, хранение советских листовок, распространение сообщений советского радио, уничтожение объявлений властей, невыполнение требований сообщать о местонахождении спрятанных жителями красноармейцев и партизан, то есть за любые формы противодействия.

Новым властям социальные проблемы были более чем чужды. Об этом свидетельствует массовое разрушение и закрытие ими больниц, поликлиник, амбулаторий, санитарно-эпидемиологических станций, детских яслей и садов, школ. Часто они приспосабливали эти помещения для своих потребностей, а при отступлении сжигали. Только на Украине фашисты уничтожили свыше 500 больниц, около тысячи поликлиник и амбулаторий, 800 аптек[12]. Какой-либо системы здравоохранения на оккупированных территориях СССР вообще не существовало. Медикаменты можно было получить только из немецких военных госпиталей, но в ограниченном количестве и за высокую плату. Между тем лишения и голод подтачивали здоровье людей. Как следствие, распространялись эпидемии, с которыми некому и нечем было бороться. Подобное «здравоохранение» тоже было направлено на физическое истребление наших соотечественников[13].

Колонна жителей одного из населенных пунктов возле Сталинграда перед отправкой в Германию

Советские граждане под охраной гитлеровских солдат перед погрузкой в эшелон

Подпольщица О. Щербацевич, казненная фашистами в Минске

Арест жителей села по подозрению в связях с партизанами

Сельчане, мобилизованные немцами на ремонт моста

Крестьянки Брянской области на принудительных работах

А. Гитлер, Г. Гиммлер, А. Розенберг и другие нацистские руководители считали, что на захваченных территориях СССР у местного населения не должно быть ни интеллигенции, ни культуры, ни образования. Так, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер в документе «Об обращении с местным населением восточных областей», который А. Гитлер утвердил 25 мая 1941 г., в качестве директивы, подчеркивал, что «местное население и его дети не должны иметь образование выше начальной школы». Целью обучения в так называемых «народных школах», по его мнению, должен стать простой счет, самое большее до 500, умение расписаться. Г. Гиммлер утверждал, что главная задача упомянутых школ состоит в том, чтобы внушить обучаемым «божественную заповедь», которая заключается в «повиновении немцам, быть честными, старательными и послушными». Умение читать он считал ненужным[14].

Что же касается попыток оккупантов заручиться поддержкой местного населения, то осуществить их так и не удалось. Тут вступали в противоречие официальная национал-социалистическая идеология рейха относительно порабощения и угнетения славянских народов и законы ведения войны. Впрочем, военные и идеологи «спорили» лишь о допустимых методах «правильного» обращения с восточными народами в надежде извлечь для Германии максимальную выгоду и укрепить ее военно-экономический потенциал. А. Гитлер, М. Борман, Г. Гиммлер, Г. Геринг и другие нацистские функционеры по-прежнему настаивали на ужесточении политики репрессий и эксплуатации. И их точка зрения возобладала.

Особо жестокими карами немцы пытались запугать самую активную часть населения — партизан и подпольщиков, а также всех, кто им сочувствовал. Изданное 11 ноября 1942 г. «Наставление по борьбе с бандами на востоке» требовало захваченных в плен бойцов партизанских отрядов и подпольных организаций после допроса немедленно, прямо на месте вешать или расстреливать[15]. В духе этого наставления был выдержан и приказ В. Кейтеля от 16 декабря 1942 г., составленный на основе указаний фюрера. В нем говорилось: «Войска... имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, как против женщин, так и детей, если это только ведет к успеху»[16]. 27 апреля 1943 г. вышла еще одна директива генерального штаба сухопутных войск Германии, на сей раз подписанная самим А. Гитлером. В ней указывалось на необходимость «вести борьбу с бандитизмом (то есть с партизанами и подпольщиками. — *Прим. ред.*) еще более интенсивно и продуманно». Это означало, что «должен быть обеспечен тесный контакт между начальниками тыловых учреждений действующих войск и высшими руководителями СС и полиции имперских комиссариатов». Приказывалось «считать борьбу с бандитизмом равнозначной боевым действиям на фронтах... В ходе борьбы с бандитизмом беспощадно карать его пособников»[17].

Эти наставления, приказы и директивы выполнялись с предельной пунктуальностью. В донесении 1-й бригады моторизованной пехоты СС от 14 сентября 1942 г. сообщалось о результатах одной ее операции против партизан: 11 убитых вооруженных лиц, два сожженных дотла селения, 800 расстрелянных, а также 12 человек, приговоренных «за пособничество бандам» к расстрелу[18] (именно такую терминологию было принято использовать в немецкой прессе во исполнение приказа Г. Гиммлера от 31 июля 1942 г. и изданной вскоре после этого для военачальников директивы верховного главнокомандования вермахта)[19]. С ноября 1942 по март 1943 г. на оккупированной территории СССР против партизан было проведено 25 крупных карательных операций с использованием сухопутных соединений и авиации, войск СС и полиции, а также «восточных батальонов»[20].

На центральном участке советско-германского фронта эти войска действовали под единым руководством штаба по борьбе с партизанами, образованного при ставке А. Гитлера в марте 1943 г. Штаб возглавил генерал полиции Э. Бах-Зелевски[21]. Приказом фюрера от 21 июня 1943 г. этот каратель, впоследствии осужденный Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества, был назначен начальником соединений по борьбе с партизанами. Его полномочия распространялись на зону всего оперативного тыла вермахта, а командующим группами армий тем же приказом было предписано «предоставлять в распоряжение рейхсфюрера СС все свободные силы для его операций»[22].

Крестьянка возле своего горящего дома

Жители разрушенной деревни, ютящиеся в землянках

Ростовчане опознают родственников, убитых немецкими оккупантами

В своих бесчинствах каратели не знали предела. Так, только за один месяц — с 15 ноября по 15 декабря 1942 г. — оперативной группой «Б» полиции безопасности и СД в тыловом районе группы армий «Центр» были убиты 134 198 человек. Как следует из отчета этой группы, большинство казненных являлись обычными мирными жителями[23]. Каратели ничем не гнушались, забирая у своих жертв всё, что, на их взгляд, имело хоть какую-то ценность, о чем тут же отчитывались перед вышестоящим начальством. Например, айнзацкоманда № 8 докладывала, что ее личный состав изъял у 376 расстрелянных 99 рублей, два золотых кольца, 12 колец (предположительно серебряных) и четыре пары серебряных серег[24].

В ходе так называемых усмирительных акций гитлеровцы захватывали скот, зерно, картофель и другую сельскохозяйственную продукцию, а дома и постройки нередко сжигались вместе с людьми. Немного в мире найдется сегодня людей, кто не знал бы о деревне Хатынь, где 22 марта 1943 г. эсэсовцы совместно с карательным отрядом украинских националистов заживо сожгли в сарае 149 селян, в том числе 76 грудных и малолетних детей. После этого деревня была разграблена и сожжена дотла. Таких деревень-мучениц на захваченной врагом территории было множество, только в одной Белоруссии их насчитывалось 628[25]. Полностью уничтожались еврейское население, цыгане, а их имущество расхищалось.

Чем хуже становилось положение Германии в военно-экономической сфере, тем больше оккупационная администрация стремилась принудительно привлечь гражданское население к работам непосредственно на месте. «Мы получили задание не просто поднять производство продукции в восточных областях, но и поднять его в значительной степени», — заявил министр по делам восточных областей А. Розенберг на заседании «Германского трудового фронта» в ноябре 1942 г.[26] О том, как захватчики принуждали советских людей трудиться, уже после войны свидетельствовал представитель германской фирмы «Требец» в Минске Ф. Райтцук: «Представители фирм жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляя даже стариков работать по 10—12 часов в сутки за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы Борман лично избивал советских людей, работавших у него. Рабочих кормили очень плохо и только один раз в сутки. Обед состоял из 80 г хлеба и жидкого картофельного супа. Ужинов и завтраков не было. На заработанные деньги рабочие купить ничего не могли, а поэтому жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными»[27]. Сверхтяжелый труд, голод, отсутствие медикаментов делали свое черное дело — смертность резко подскочила. В ведомости немецкой городской управы Харькова от 3 февраля 1943 г. сообщалось, что за минувший год в городе умерли 22 708 человек, из них только от голода — 13 749[28].

А тем временем оккупационная администрация делала все, чтобы за счет захваченных территорий СССР удовлетворить потребности немецких войск и населения самой Германии в продуктах питания. Сельское хозяйство оккупированных районов Советского Союза подверглось жесточайшему разграблению. Еще 29 августа 1942 г. В. Кейтель по распоряжению А. Гитлера издал секретный приказ «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием». В нем, в частности, указывалось: «Продовольственное положение германского народа требует, чтобы вооруженные силы, насколько это возможно, делали все для облегчения его... Прежде всего в оккупированных восточных областях должно обеспечиваться в будущем гораздо большее количество продовольствия и фуража, чем до сих пор... Достижение во что бы то ни стало этой цели... должно быть гордостью и почетной обязанностью всех ведомств»[29]. Референты В. Кейтеля, которым был поручен контроль над выполнением этого приказа, в справке от 19 ноября 1942 г. с удовлетворением констатировали значительные положительные сдвиги в этом плане, а кроме того, тесное взаимодействие между армейскими и хозяйственными организациями в выполнении поставленных задач[30].

О фактической стороне грабежа можно судить по признанию А. Розенберга, прозвучавшему на заседании «Германского трудового фронта» в ноябре 1942 г.: «Вы не должны забывать, что нам было отнюдь нелегко; и вы не можете себе представить, насколько велика была нагрузка, если за эти дни с востока в Германию прибыло 3 тыс. поездов с продовольствием; следует прибавить к этому, что вся находящаяся на востоке армия снабжается на месте, причем в это снабжение не входит то, что солдаты раздобывают сами себе. Но об этом,

разумеется, не следует говорить открыто»[31]. Об этом красноречивее всего говорят цифры: в 1943 г. оккупанты изъяли у населения более 4 млн тонн зерна и свыше 1 млн тонн мяса[32].

У местного населения беспощадно отбиралось буквально все. И только благодаря наступательным действиям Красной армии, подпольщикам и партизанам результаты «экономической деятельности» немцев оказались не столь высокими, как планировалось. С этой реальностью оккупантам приходилось считаться, при отступлении они подвергали варварским разрушениям населенные пункты, вывозили с собой все, что представляло ценность. «Противнику должна достаться выжженная земля» — такова была цель этой преступной кампании. Когда в феврале — марте 1943 г. советские войска освободили ржевско-вяземский выступ, то на месте расположенных там некогда цветущих городов они увидели лишь груды развалин. И эти варварские акции совершались по приказам крупных военачальников вермахта. Так, 27 января 1943 г. командующий 9-й армией В. Модель отдал приказ «подготовить к разрушению железнодорожную станцию Ржев настолько полно, чтобы после оставления ее немецкими войсками на восстановление станции потребовалось бы не менее трех месяцев». Приказ был выполнен[33]. 11 марта оперативный отдел 4-й немецкой армии направил в штаб группы армий «Центр» «Отчет о разрушении Вязьмы». В нем с циничной откровенностью отмечалось, что «все важные военные объекты были в течение недели по точно намеченному плану полностью уничтожены, причем вследствие наличия железных дорог, автострады, проходящих через город, а также имеющихся в Вязьме водопроводных станций, заводов и аэродромов при их уничтожении был разрушен и город»[34]. То же самое происходило и в сельской местности. Так, в районе Сычёвки из 248 населенных пунктов 137 были сожжены дотла[35].

На обстановку в оккупированных районах СССР огромное влияние оказывал вывоз работоспособного населения на принудительные работы в Германию, начавшийся во второй половине 1941 г. Именно за счет этого нацисты рассчитывали покрыть дефицит рабочей силы, вызванный тотальной мобилизацией в вермахт. 6 января 1943 г. генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель объявил о начале новой депортации из восточных районов[36]. Малейшее сопротивление этому мероприятию он потребовал подавлять самыми жестокими средствами. 7 марта была установлена разнарядка на отправку в рейх рабочих: с 15 марта — 5 тыс., а с 1 апреля — до 10 тыс. человек ежедневно[37]. 19 марта войска СС получили приказ оказывать всяческое содействие вербовочным комиссиям, непокорные деревни сжигать, а их население полностью угонять в Германию. 30 сентября 1943 г. в дневнике верховного командования вермахта появилась такая запись: «С востока в рейх в сентябре было доставлено 35 тыс. рабочих (а до сих пор в целом — 2,2 млн)»[38].

Вывезенные из СССР рабочие жили в лагерях, окруженных колючей проволокой и тщательно охраняемых. Питание было скудным, а иногда и совсем не выдавалось. Один из лагерных врачей, допрошенных на Нюрнбергском процессе, свидетельствовал, что среди восточных рабочих был широко распространен туберкулез. Люди умирали, по его словам, как мухи, из-за плохих условий жилья, низкого качества и малого количества пищи, переутомления, потому что не могли хоть немного передохнуть[39]. Не намного лучше были условия для работающих в сельском хозяйстве, а также тех, кого использовали в качестве батраков и домашней прислуги.

Отступая под ударами советских войск, противник поставил цель угнать с собой все оставшееся население. «Русские должны получить безлюдные районы», — так сформулировал задачу 13 февраля 1943 г. Г. Гиммлер в распоряжении высшим чинам СС и полиции России и Украины[40]. Только из оккупированных районов Сталинградской области были вывезены 64 244 человека[41], а из Вязьмы, Ржева и Гжатска — 15 тыс. жителей. В таком крупном городе, как Новороссийск, ко дню его освобождения частями Красной армии жителей осталось буквально считаные единицы[42]. Столь же безрадостная картина открылась перед советскими воинами при освобождении Курска, Белгорода, Орла, Харькова, Смоленска, Киева, Минска и других городов. Иными словами, фашистский «новый порядок» в полную силу проявил свою античеловеческую и террористическую сущность. Убежденность в расовом превосходстве, трудности с рабочей силой и материальными средствами ведения войны толкали

нацистское руководство все дальше по пути варварства и тяжких преступлений, которые при военных поражениях и отступлениях приобретали еще более ужасающие масштабы.

Оккупационный режим, жестокости врага осложняли борьбу патриотов. С другой стороны, они открывали людям глаза, порождали ненависть к захватчикам, показывали на практике, что несет им фашизм. Одновременно они, в известной мере, определяли конкретные цели борьбы, ее формы и методы, руководство ею.

Становление и организация партизанского движения и подпольной борьбы против оккупантов

При организации народной борьбы на оккупированной территории пришлось решать ряд крупных и сложных проблем. К одной из главных следует отнести организацию и совершенствование политического и военного руководства партизанской борьбой. Всенародное сопротивление, в том числе и партизанское движение, на захваченной врагом территории возникло сразу же, как только фашистская Германия напала на Советский Союз и стала оккупировать его территорию. Вначале оно было стихийным, элементы организации просматривались слабо. Поэтому, хотя борьба партизан во вражеском тылу началась с первых дней войны, она первоначально не смогла принять широкий размах и сразу стать эффективной.

Недооценка отечественной военной теорией роли партизанской борьбы, недостаток заранее продуманных организационных форм и отсутствие кадров отрицательно повлияли на развитие партизанского движения в первые месяцы войны. Военнослужащие Красной армии, оказавшиеся в тылу немецких войск и первыми перешедшие к партизанским действиям, ничего или почти ничего не знали о тактике партизанской борьбы, способах действий в тылу врага. С еще большими трудностями встретились партийные и советские органы, работники которых зачастую не имели никакой военной подготовки. Эти обстоятельства привели к тому, что многие организационные вопросы развертывания партизанской борьбы пришлось решать с нуля, к тому же в тяжелых условиях стремительного отступления Красной армии.

Уже 27 июня, то есть на шестой день военных действий, в штабы Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, действующих в приграничной полосе, была направлена шифротелеграмма начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова и его заместителя — начальника Разведывательного управления Генштаба РККА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова с требованием: «Немедленно приступить к формированию и заброске на территорию, занятую противником, большого количества мелких диверсионно-партизанских групп и отрядов из храбрейших людей и личного состава войск, а также из лучших элементов гражданского населения. Задача: разрушение вражеского тыла, средств тыла, средств связи, подвоза, убийства офицерского состава и разведка сил противника. Вооружение — лучшее. Воинские отряды — нашим оружием. Отряды из местных людей — иностранным оружием. Больше дать зажигательных патронов и ручных гранат. Снаряжение и обмундирование — любое: наше, немецкое, польское, военное и гражданское. Продовольствие — концентраты в любом виде. Задание выполнить за самые короткие сроки. Проводить его широко и смело. Способы заброски — любые: авиацией, парашютами, пешком. Ход исполнения и численность боевого состава — доносить»[43].

Для выполнения данной директивы при штабах фронтов стали формироваться специальные подразделения и части, задачами которых являлись подготовка и заброска за линию фронта разведчиков, диверсантов, связников. Так, только разведывательными органами Западного фронта с начала войны и до 1 августа 1941 г. были переправлены на территории Белоруссии, Украины, Смоленской и Орловской областей, занятых противником, 500 разведчиков, 17 специальных отрядов и 29 разведывательно-диверсионных групп.

Партизаны отряда имени Чкалова минируют шоссейную дорогу Губичи — Жлобин

Допрос немецкого военнопленного в одном из партизанских отрядов Брянщины

Бойцы партизанского отряда имени Ленинского Комсомола в Белоруссии

При развертывании партизанской борьбы пришлось преодолевать большие трудности: не было ни кадров партизан и подпольщиков, ни заблаговременно разработанной теории партизанской борьбы, ни продуманных организационных форм. Однако следует отметить, что до середины 1930-х гг. в Советском государстве проводилась серьезная работа по подготовке и использованию партизанских форм борьбы в войне. Советская военная мысль допускала, что вероятный противник в случае агрессии сможет временно захватить часть территории страны и для ее освобождения потребуются усилия не только регулярной армии, но и всего населения, в том числе партизан и подпольщиков, действующих по другую сторону линии фронта.

Несмотря на допущенные просчеты в предвоенные годы и возникавшие трудности первых дней начавшейся войны военно-политическое руководство приложило максимум усилий для организации всенародного сопротивления агрессору. Важную роль в развертывании борьбы в тылу фашистских войск сыграла директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г., в которой излагались конкретные задачи по организации и развертыванию партизанской борьбы против фашистских оккупантов. Директива была разослана всем членам ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, краевым, областным, городским и районным комитетам партии, народным комиссарам. Ее положения легли в основу организаторской и идеологической работы государственных, партийных, комсомольских и других общественных организаций. В ней, в частности, указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»[44]. Далее в директиве разъяснялось, что «для руководства всей этой деятельностью заблаговременно под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, совхозах и колхозах».

Однако эта директива в прифронтовые районы была передана по телеграфу с грифом «секретно», поэтому все мероприятия по ее выполнению осуществлялись в части, касающейся организации подполья и партизанского движения, узким кругом партийных и советских работников в обстановке строгой секретности. Прошло еще несколько дней, в течение которых зона оккупации расширилась и враг сумел захватить почти всю Прибалтику, большую часть Белоруссии и западные области Украины, прежде чем народ узнал о призывах партии и правительства о развертывании в тылу врага партизанской борьбы из речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.[45] До этого момента ни в сводках Совинформбюро, ни в газетах, ни в других открытых печатных органах никаких сообщений о действиях советских партизан, ни призывов к такого рода действиям против нацистов не публиковалось. Это лишало народные массы, оказавшиеся на захваченной врагом территории, политических и военных ориентиров, сдерживало развитие антифашистской борьбы. Вместе с тем директива от 29 июня 1941 г. имела огромную политическую значимость. Она положила начало организованному развертыванию борьбы советских людей против гитлеровцев и их союзников на оккупированной врагом территории.

Как уже отмечалось, чрезвычайно большой резонанс вызвало прямое обращение вождя по радио к советскому народу 3 июля. В нем, в частности, прозвучали такие проникновенные слова: «Братья и сестры! ...В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом... Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Всё должно быть подчинено интересам фронта и задаче разгрома врага. При вынужденном отходе частей Красной армии... в занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде»[46]. В речи И. В. Сталина нашла отражение оказавшаяся плодотворной для консолидации всех сил советских людей идея создания единого военного лагеря борьбы против фашистских захватчиков, составными

частями которого были советский тыл, вооруженные силы, действия партизан и подпольщиков, и одновременно разъяснялся справедливый освободительный характер войны как Великой, всенародной и Отечественной, разоблачались истинные цели, преследовавшиеся фашистской Германией, развязавшей агрессию против Советского Союза, выражалась твердая уверенность в победе правого дела. И. В. Сталин обратился к лучшим национальным чувствам народов СССР, их славным боевым и революционным традициям. Выдвинутый им лозунг «Все силы народа — на разгром врага!» нашел горячее понимание и поддержку советских людей по обе стороны линии фронта, превратился в могучую реальную силу. При той огромной вере в И. В. Сталина его речь сыграла большую мобилизующую роль, дала простые ответы на те вопросы, которые вызывали острый интерес у населения.

Однако следует отметить, что как в упомянутой директиве, так и в первом публичном выступлении И. В. Сталина ничего не было сказано об управлении и материальном обеспечении партизан, их взаимодействии с воинскими частями и подразделениями, попавшими в окружение. Перед партизанами не ставилась задача отрезать вражеские войска от источников их снабжения, что отвергало опыт прошлых войн, рассматривающий коммуникации противника как основной объект партизанских действий. Не было ясности и в вопросах структуры и состава подпольных ячеек. Непонятен оставался сам механизм, с помощью которого эти органы должны были осуществлять руководство всеми действиями против гитлеровцев на оккупированной территории. Однако в целом директива от 29 июня и в особенности призывы И. В. Сталина вооружили партийные и государственные органы, а также всех советских патриотов и активистов, оказавшихся во вражеском тылу, программой действий по организации всенародного сопротивления агрессору.

Более конкретная программа действий по развертыванию народной борьбы на оккупированной территории содержалась в принятом 18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) постановлении «Об организации борьбы в тылу германских войск». Оно адресовалось в первую очередь тем, кто должен был возглавить эту борьбу на оккупированной врагом территории. В постановлении обращалось особое внимание на высокий уровень ответственности местных руководителей за решение поставленных задач: «ЦК ВКП(б) требует от всех партийных и советских организаций, и прежде всего от их руководителей, покончить с таким нетерпимым положением и предупреждает, что наша партия и правительство не остановятся перед самыми крутыми мерами в отношении шкурников и дезертиров, и выражает уверенность в том, что партийные организации примут все меры к очистке парторганизаций от этих перерожденцев и к сплочению всех своих сил для разгрома врага на фронте и в тылу, для подготовки нашей победы над фашистскими бандами»[47].

В документе еще раз подчеркивалось, что вся работа по созданию партийного подполья и партизанских формирований должна проводиться руководителями республиканских, областных и районных партийных и советских организаций. Указывалось, что именно они должны в оккупированных районах «лично возглавить это дело, возглавить группы и отряды самоотверженных бойцов, уже ведущих борьбу по дезорганизации вражеских войск и по уничтожению захватчиков», развернуть сеть большевистских подпольных организаций «для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». ЦК ВКП(б) рекомендовал партийным органам в захваченные противником районы направить «наиболее стойких руководителей партийных, советских и комсомольских работников, а также преданных советской власти беспартийных товарищей, знакомых с условиями районов, в которые они направляются». Заброску этих людей тщательно готовить и конспирировать, каждую группу засылаемых «связывать только с одним лицом, не связывая засылаемые группы между собой»[48].

Предлагалось на местах незамедлительно организовывать боевые дружины и диверсионные группы из числа коммунистов и комсомольцев, не используемых для работы в подпольных ячейках, участников Гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и других. Эти отряды и группы надлежало обеспечиваться оружием, боеприпасами, деньгами, снабжать радиоаппаратурой для связи с советскими районами, шифрами,

типографским оборудованием для печатания листовок, лозунгов, газет, заблаговременно в надежных местах организовывать для них скрытые базы материальных средств. Далее в постановлении указывалось на необходимость создания таких условий, «чтобы вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом»[49].

Чтобы овладеть ситуацией и взять под контроль стихийно разворачивающееся народное сопротивление оккупантам и придать ему новый импульс, в стране была проведена огромная организационная и политическая работа. Она осуществлялась одновременно в двух направлениях. Во-первых, местные партийные органы, опираясь на помощь военных советов фронтов, прилагали большие усилия, чтобы установить связь с самостоятельно возникшими и заблаговременно оставленными отрядами и группами советских патриотов. Они засылали в тыл противника связных или своих уполномоченных для передачи соответствующих инструкций и получения информации о положении на оккупированной территории. Во-вторых, формировали в прифронтовых районах различного предназначения партизанские группы, которые затем переправляли через линию фронта. Как правило, в их составе находились опытные организаторы, которым ставилась задача возглавить партизанское движение в заданном районе и развернуть широкую массово-политическую работу среди местного населения.

Как видно из постановления ЦК ВКП(б), первоочередной задачей считалось создание партийного подполья, через которое руководство страны рассчитывало удерживать свое влияние на советских людей, оказавшихся в оккупации, поднимать их на борьбу с врагом. Однако подобрать кадры для такой деятельности оказалось делом весьма сложным. «Работников, обладавших опытом нелегальной работы или хотя бы получивших некоторую учебную подготовку в этой области, практически не было»[50]. Партийные функционеры, которым пришлось столкнуться с агрессией нацистской Германии в 1941 г., даже теоретически не представляли себе, что значит вести борьбу из подполья.

Создание сети партийного подполья в 1941 г. в ряде случаев проходило поспешно, без необходимой подготовки и соответствующего инструктирования кадров. Иногда в число даже руководящего состава подполья привлекались малоопытные и совсем неподготовленные работники, недостаточно проверенные и стойкие люди[51]. Подпольщики плохо были снабжены материально-техническими средствами, в том числе средствами связи, не имели оборудованных баз. Они, как правило, недостаточно твердо владели методами конспирации, путались в составленных для них легендах, паролях, явках. На первых порах все это приводило к частым провалам. Захват противником подпольщиков чаще всего заканчивался для них смертной казнью.

Так, под Ленинградом в 1941 г. находилось 125 подпольных организаций и групп, однако зимой 1941—1942 гг. многие подпольные райкомы были разгромлены фашистами, а их состав арестован гитлеровцами и уничтожен. К весне 1942 г. в области работало всего восемь нелегальных РК ВКП(б)[52]. В Смоленской области обкому партии до начала оккупации ее территории удалось сформировать горком, 32 подпольных райкома партии, 114 партийных организаций, но после полной оккупации области обком утратил связь с большинством подпольных комитетов[53]. Из 1037 членов горкома и райкомов партии, действовавших в подполье, в живых остались 178 человек, а из 88 членов обкома партии, посланных за линию фронта, лишь 16[54]. На Украине из оставленных на оккупированной территории 23 обкомов, 685 горкомов и райкомов партии в течение 1941 г. приступили к работе лишь 13 областных, 10 городских и около 100 районных подпольных комитетов КП(б)У[55].

За первые месяцы войны во многих западных районах Белоруссии, Украины и трех республиках Прибалтики из-за быстрого продвижения противника заблаговременно создать партийное подполье не удалось вовсе, а там, где оно все же было создано, из-за жестоких репрессий понесло серьезные потери и не смогло в полной мере развернуть свою работу. Одновременно выявилось, что некоторые работники обкомов и райкомов партии, оставшиеся для ведения подпольной борьбы, неверно восприняли указания ЦК ВКП(б) о конспирации. Они рассматривали ее как изоляцию от местного населения и партизан, что противоречило всему духу борьбы в тылу врага[56].

Начальник Центрального штаба партизанского движения
П. К. Пономаренко

Руководители партизанского движения на оккупированной территории СССР.
Сидят: Д. М. Попов, В. Г. Жаворонков, П. К. Пономаренко, И. П. Бойцов, Б. Н. Черноусов, А. П. Матвеев.
Стоят: А. К. Спрогис, В. С. Булатов, М. А. Суслов, П. И. Селезнёв, Н. Л. Сологор, С. Я. Вершинин, А. Ю. Снечкус

Начальник Западного штаба партизанского движения Д. М. Попов

Секретарь ЦК КП(б)Б, начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко
и Председатель Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевич с группой белорусских партизан

Советский партизан

В целом же партийное подполье в зависимости от местных условий базировалось: в степных районах — в городах и населенных пунктах, в лесных — при партизанских отрядах, то есть находилось там, откуда ему было удобнее осуществлять руководство народной борьбой. Подполье обычно состояло из руководящего центра, во главе которого стоял партийный орган, и сети массовых подпольных организаций и групп, в которые входили не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные патриоты. Их в составе подполья на протяжении всей войны было большинство, что еще раз свидетельствует о народности подпольной борьбы.

Несмотря на организационные и кадровые трудности, уже в 1941 г. на оккупированной врагом советской территории действовали 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов. В том числе: на Украине — 13 обкомов, 100 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов, в Белоруссии — три областных, два городских и 25 районных подпольных партийных органов, на оккупированной части РСФСР — обком и облпартцентр, пять окружкомов, 120 подпольных межпартцентров, горкомов и райкомов партии[57].

Под руководством коммунистов разворачивало свою деятельность комсомольское подполье. Эти комитеты и организации выступали непосредственными организаторами всенародной борьбы в тылу врага. Их роль в развитии массового партизанского движения, подъеме советских людей на активную борьбу с захватчиками огромна. В условиях жестокого оккупационного режима они изучали обстановку, настроение людей, устанавливали связи с коммунистами, комсомольцами, беспартийными патриотами, создавали партизанские отряды и подпольные организации[58].

Подпольщики Смоленской области начинали с малого, но нужного дела. Они принимали по радио сводки Совинформбюро, писали по ним листовки. Одна из них, написанная 24 октября 1941 г. лично секретарем подпольного Духовщинского РК ВКП(б) Смоленской области П. Ф. Цурановым и размноженная им же от руки в нескольких экземплярах, прямо отвечала на вопрос о том, что делать коммунистам, оставшимся на оккупированной территории. В ней говорилось, что каждый член партии в ближайшее время обязан подобрать себе группу честных и решительных людей, приобрести оружие, научиться им пользоваться. Эти группы должны продолжать вести диверсионную деятельность и уничтожать предателей, заниматься разъяснительной работой. Листовка предупреждала о коварстве врага, возможности засылки в подполье и партизанские отряды провокаторов, шпионов, а потому необходимости соблюдать конспирацию, осуществлять тщательный отбор людей для подпольной и партизанской борьбы, учиться отличать партизан от бандитов и фашистских агентов. В листовке выражалась твердая уверенность в том, что под Москвой и Ленинградом фашистской орде, в конце концов, будет нанесен смертельный удар и враг дрогнет, и это будет сигналом к борьбе более решительной и в более широких размерах[59]. Действия райкома партии вселяли в сердца советских людей, томившихся в оккупации, веру в неизбежную победу Красной армии, способствовали активизации подпольной и партизанской борьбы.

Надо отметить, что все, кто занимался вопросами развертывания народной борьбы в тылу врага, свою главную задачу видели в создании партизанских сил, способных оказать помощь отступающей Красной армии, остановить врага, достигнуть перелома в войне. Для одних только партийных комитетов, без вооруженных отрядов, эта задача оказалась невыполнимой. Это стало ясно уже в первые месяцы войны. Поэтому по указанию ЦК ВКП(б) и советского правительства к ее решению были привлечены силовые структуры государства: действующая армия, органы и войска Народных комиссариатов внутренних дел и госбезопасности.

Большую работу по формированию партизанских отрядов и диверсионных групп осуществляли штабы и политорганы вооруженных сил. Особенно интенсивно эта работа развернулась после речи И. В. Сталина 3 июля 1941 г. В директиве от 16 июля 1941 г. Главное управление политической пропаганды Красной армии, обращаясь к членам военных

советов и начальникам управлений политпропаганды фронтов, при организации работы в партизанских группах и отрядах обязало их оказывать всемерную помощь республиканским и областным комитетам партии в подборе людей для партизанских отрядов и диверсионных групп, снабжении их оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, деле организации обучения будущих партизан приемам и методам действий в тылу врага, обеспечении перехода их за линию фронта и поддержании с ними связи. Директива требовала: «Самым решительным образом наказывать всех, кто хоть в какой-то мере попытается помешать действиям советских партизан и диверсантов»[60].

Для партизан и командиров отрядов разрабатывались инструкции по вопросам ведения партизанской войны. 20 июля 1941 г., например, постановлением Военного совета Северо-Западного фронта при политуправлении был создан отдел, на который возлагалась работа по организации партизанских отрядов и руководству их боевой деятельностью в полосе фронта. Его начальником стал капитан госбезопасности А. Н. Асмолов, сыгравший важную роль в развертывании народной борьбы на Северо-Западе РСФСР. Под его руководством была разработана «Инструкция по организации и действиям партизанских отрядов и диверсионных групп», одобренная Военным советом фронта и утвержденная командующим войсками и членом Военного совета фронта. Это была одна из первых инструкций, обобщавших опыт партизанских действий в ходе начавшейся войны. Она поступила в комитеты партии прифронтовых районов, Главное управление политической пропаганды, а из него — в политорганы и штабы фронтов и армий для руководства и использования[61]. В инструкции особо отмечалось: сила партизан в том, что в их руках, а не в руках противника должна находиться инициатива, и они обязаны для достижения успеха нападать первыми, выбирать объект удара, время его нанесения, способы боя. Подробно излагались методы партизанской войны, вплоть до борьбы с мехчастями и авиацией врага. Инструкция заканчивалась требованием не ждать указаний сверху, действовать самостоятельно, проявлять разумную инициативу[62].

В конце июля 1941 г. Оперативное управление Генерального штаба Красной армии направило в штабы фронтов разработку «Партизанские отряды и их тактика»[63]. При этом использовался опыт Гражданской войны, который нашел отражение в первом Полевом уставе РККА 1918 г. в разделе «Маневренные действия» и различных инструкциях того времени. 15 октября 1941 г. Главное политическое управление РККА даже направило политуправлению Южного фронта пособия, подготовленные еще в 1918–1919 гг.: «Инструкцию по организации мелких местных партизанских отрядов», «Инструкцию по организации связи и донесений» и «Действия партизан в малой войне»[64].

Для того чтобы поднять моральный дух населения, оказавшегося в оккупации и подвергшегося атакам лживой фашистской пропаганды, НКО СССР 30 июля 1941 г. издал приказ «Об издании газет для населения оккупированных советских областей». В соответствии с этим приказом политуправления Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов стали издавать на языках народов СССР газеты «За Советскую Латвию», «За Советскую Литву», «За Советскую Белоруссию», «За Советскую Украину», «За Советскую Молдавию» тиражом от 30 до 300 тыс. экземпляров каждую, которые распространялись в оккупированных районах[65]. С 18 августа 1941 г. Главное политуправление РККА через день стало выпускать миллионным тиражом для распространения в тылу врага бюллетень-листовку «Вести с Советской Родины»[66]. Эти издания имели большое значение для мобилизации населения захваченных врагом территорий на Отечественную войну с захватчиками, поднимали боевой дух народа, снабжали его правдивой информацией.

Значительная роль в организации партизанского движения отводилась военнослужащим РККА, в силу сложившихся обстоятельств вынужденных сражаться на оккупированной территории. От советского командования они получали указания о характере действий. Так, 16 августа 1941 г. в приказе Ставки ВГК указывалось: «Части Красной армии, оказавшись в окружении, ведут, как правило, партизанскую войну, продолжают выполнять боевую за-

дачу по дезорганизации тыла врага... Партизанское движение — одно из важных условий разгрома врага. Организации партизанской войны, руководству партизанским движением политорганы обязаны уделять особое внимание»[67].

19 августа 1941 г. при всех политуправлениях фронтов были образованы специальные отделы по работе среди населения оккупированных областей и с партийно-политическим руководством партизанским движением. Перед отделами ставились следующие задачи: руководить партийно-политической работой в частях Красной армии, ведущих партизанскую войну или переброшенных в тыл врага со специальными задачами, среди населения оккупированных территорий и в партизанских отрядах; устанавливать и поддерживать с ними регулярную связь; через своих представителей непосредственно руководить их боевыми действиями; издавать памятки, листовки, обращения; организовать ежедневные радиопередачи на оккупированную территорию; снабжать войска, партизан и население, действующие на землях, захваченных врагом, местной и центральной печатью и прочее. Руководство работой отделами было возложено персонально на одного из членов Военного совета и начальника политуправления фронта[68]. Соответствующие отделения создавались и при политотделах армий. Они действовали вплоть до образования специальных органов по руководству партизанским движением в мае — июне 1942 г.

Засылаемые в тыл врага представители политорганов фронтов и армий являлись опытными военными специалистами, кроме того, опираясь на поддержку фронтового и армейского командования, они имели возможность оказать партизанским отрядам помощь в материально-техническом обеспечении. Без их непосредственного участия партизанское движение не приобрело бы необходимого размаха и активности. В отчете политуправления Калининского фронта сказано: «К моменту образования Калининского фронта (октябрь 1941 г. — *Прим. ред.*) перед фронтом действовало около 20 малочисленных разрозненных партизанских отрядов, возникших стихийно или организованных отходящими частями Красной армии. В результате большой организационно-партийной работы, проведенной в тылу противника, уже к исходу ноября 1941 г. в тылу врага действовало 56 партизанских отрядов, а на 1 января 1942 г. перед Калининским фронтом действовало 68 партизанских отрядов, 37 диверсионных групп с общим количеством 2205 человек»[69].

Следует особо подчеркнуть, что в тяжелых условиях первого года войны ключевую роль в развертывании партизанского движения и подпольной борьбы сыграли органы и войска НКВД — НКГБ[70]. 24 июня и 1 июля 1941 г. директивами Наркомата государственной безопасности СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» агентуре комиссариата приказывалось в случае отхода наших войск оставаться на местах, проникать в тыл противника, организовывать там совместно с органами НКВД нелегальные боевые группы и партизанские отряды для ведения разведки и диверсионных действий[71].

Во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» стали создаваться истребительные батальоны НКВД[72]. Их командиры назначались из оперативных работников НКВД, пограничных и внутренних войск, а также милиции и НКГБ, а бойцами становились на добровольных началах советские и партийные работники, рабочие, не подлежащие призыву. «Истребители» проходили специальную подготовку, в которой определенное место отводилось методам и способам партизанских действий, так как при приближении фронта к районам их дислокации эти подразделения переформировывались в партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы для дальнейшей борьбы в тылу врага. 25 июня 1941 г. был создан штаб истребительных батальонов, который, в свою очередь, подчинялся Особой группе при наркоме внутренних дел СССР. С 5 июля ее возглавил П. А. Судоплатов. На эту группу наряду с другими задачами специального характера возлагалась функция по организации подполья и партизанского движения на территории, оккупированной противником[73]. На местах этим делом занимались оперативные группы УНКГБ — УНКВД республик, краев и областей, с 25 августа 1941 г. преобразованные в четвертые отделы при УНКГБ — УНКВД[74].

Группа партизан в гостях у скрывающихся в лесу от немцев жителей белорусского села

Начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач награждает комиссара 1-й Украинской партизанской дивизии С. В. Руднева

В связи с расширением масштабов зафронтовой работы Особая группа при наркоме внутренних дел 3 октября 1941 г. была реорганизована во 2-й отдел НКВД с подчинением ему четвертых отделов местных органов УНКГБ — УНКВД[75], а 18 января 1942 г. этот отдел был преобразован в 4-е управление НКВД[76]. Все эти органы управления в части, касающейся партизанского движения и подпольной борьбы, выполняли следующие задачи: руководили формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, а также их боевой деятельностью; налаживали связь с действующими партизанскими формированиями и подпольными организациями, организовывали разведку и контрразведку районов их дислокации; создавали нелегальную агентурную сеть на территории, находящейся под немецкой оккупацией[77].

Созданные органы осуществляли материально-техническое обеспечение и финансирование партизанского движения вплоть до середины 1942 г., когда эти функции были переданы Центральному штабу партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования. Уже 27 июня 1941 г. был отдан приказ о формировании войск Особой группы при наркоме внутренних дел, которые в октябре были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (омсбон) НКВД СССР. Она формировалась в Москве на стадионе «Динамо». Первоначальная численность омсбона превышала 10 500 человек, однако ее состав не был постоянным. Всего через бригаду прошли более 25 тыс. солдат и командиров, из них 2 тыс. политических эмигрантов. Бригада укомплектовывалась добровольцами, в том числе лучшими спортсменами: профессиональными боксерами, борцами, легкоатлетами, среди них были чемпионы СССР, Европы и мира, всего свыше 800 человек[78]. Весь личный состав бригады в ходе боевой учебы осваивал определенную партизанскую специальность, так как тактика бригады предусматривала действия не общими силами на каком-то участке фронта, а отдельными отрядами, мелкими группами и индивидуально на всех фронтах от Баренцева до Черного моря.

В городах создавались разведывательно-диверсионные резидентуры для выполнения специальных заданий. Среди них были: оперативные группы «Форт» В. А. Молодцова и «Местные» В. А. Лягина, действовавшие в Одессе и Николаеве с июля 1941 г., резидентура «Максима» в Киеве, возглавляемая И. Д. Кудрей с сентября 1941 г., и другие. Особую известность во время войны приобрели отряды, которыми командовали Д. Н. Медведев, А. К. Флегонтов, К. П. Орловский, Н. А. Прокопюк, С. А. Ваупшасов[79].

Органы НКВД — НКГБ за время войны организовали, перебросили в тыл противника 1848 партизанских отрядов и 2222 оперативные группы, из которых 190 отрядов и 244 группы были подготовлены непосредственно 4-м управлением НКВД — НКГБ. Многие из них выросли в крупные партизанские соединения[80]. Активную зафронтовую работу проводили и органы военной разведки и контрразведки, которые также забрасывали во вражеский тыл спецгруппы, осуществляли диверсионно-разведывательную работу, готовили агентов, имевших задание внедриться в спецслужбы противника.

Конечно, лишь часть подготовленных в советском тылу партизанских отрядов смогла приступить к выполнению своих задач. Многие из них не сумели перейти линию фронта, других военному командованию из-за нехватки резервов пришлось направить на пополнение Красной армии. Случалось, что, столкнувшись с большими трудностями партизанской жизни, отряды самораспускались. Были случаи, когда не имевшие достаточной подготовки и опыта отряды и диверсионные группы, особенно действовавшие в прифронтовой полосе, гибли, так и не выполнив задания. Тем не менее к концу 1941 г. на оккупированной врагом территории удалось закрепиться и развернуть борьбу почти 3500 партизанским отрядам и группам, насчитывавшим 90 тыс. человек[81].

В целом при организации народной борьбы на оккупированной территории с самого начала войны в руководстве одной из форм этой борьбы — партизанским движением не было достаточной стройности и организованности. Этим вопросом занимались различные органы без достаточного согласования усилий, что отрицательно сказывалось на развертывании партизанского движения. В первые месяцы войны партизанским движением руководили:

ЦК компартий республик и обкомы ВКП(б), военные советы фронтов и армий, Главное политуправление Красной армии, органы НКВД.

Аппарат ЦК ВКП(б) в те дни работал с большим напряжением. Сотрудники отделов и управлений ЦК — оргинструкторского, кадров, пропаганды и агитации, отраслевых отделов длительное время работали вблизи линии фронта, оказывали практическую помощь местным органам в решении стоявших перед ними задач. Организационно-инструкторский отдел наряду со своими прямыми функциональными обязанностями занимался, насколько это было возможно в те дни, вопросами обеспечения партизан и подпольщиков вооружением, диверсионной техникой, средствами связи. Управление пропаганды и агитации ЦК проводило большую пропагандистскую работу по мобилизации советских людей, находящихся по обе стороны линии фронта, на отпор вражескому нашествию[82].

Участие многих советских государственных органов в становлении и организационном укреплении партизанского движения и подпольной борьбы сыграло важную роль, поскольку эти формы народного сопротивления оккупантам одновременно стали развиваться на всей захваченной врагом территории СССР. Это наносило немецко-фашистским войскам значительный урон, сдерживало темпы их наступления на всех стратегических направлениях, что вызвало большую тревогу у нацистского руководства.

Уже 25 июня 1941 г. главное командование немецкой армии подготовило первый доклад о действиях советских партизан в своем тылу. В нем указывалось, что эти действия представляют большую опасность для немецкого тыла и коммуникаций. 1 июля 1941 г. начальник генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер вынужденно констатировал, что немецким войскам «серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района» и что «одних охранных дивизий совершенно недостаточно для обеспечения всей занятой территории. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»[83]. 14 сентября того же года были разработаны и доведены до войск указания разведывательного отдела тылового района группы армий «Север» по борьбе с советскими партизанами. В них говорилось: «В лице русских партизан мы имеем дело с очень активным, искусным, изворотливым и решительным врагом, который прекрасно умеет использовать местность, проводит свои операции преимущественно в ночное время и пользуется в большинстве случаев поддержкой населения, так как ведет борьбу в собственной стране»[84].

16 сентября 1941 г. начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии В. Кейтель отдал приказ о подавлении «коммунистического повстанческого движения». В нем отмечалось, что это движение на оккупированных территориях «вспыхнуло повсеместно с началом войны против Советской России» и в настоящее время представляет «угрозу для немецкого руководства войной... Она пока проявляется во всеобщей неуверенности оккупационных войск, и уже привела к отвлечению сил на главные очаги восстания»[85]. Как показали исследования, эти силы на 1 декабря 1941 г. составляли: девять немецких охранных дивизий и две охранные бригады, две бригады СС, четыре венгерские охранные бригады, один румынский горнострелковый корпус, а также три пехотные дивизии и многочисленные немецкие отдельные батальоны[86].

Однако, несмотря на очевидные успехи советских патриотов в борьбе с оккупантами, все же в организации народной борьбы в тылу врага имелись трудности и недостатки. П. К. Пономаренко, внесший значительный вклад в развертывание народной борьбы на оккупированной советской территории и в развитие ее различных форм, после войны, вспоминая о первых месяцах борьбы в тылу врага, свидетельствовал: «Партизанам и подпольщикам недоставало обычного стрелкового оружия, мин и других технических средств. Особенно чувствовалась неподготовленность в организации радиосвязи с партизанами: не было подготовленных радистов, ощущался недостаток в портативных радиостанциях, не хватало также наставлений и инструкций, основанных на опыте прошлого, из которых партизаны и подпольщики могли бы почерпнуть полезные, особенно на первых порах, сведения об организации боевой деятельности, связи и конспирации»[87].

С мест приходили многочисленные сообщения о том, что развертыванию партизанского движения вредит децентрализация руководства им. Так, бывший председатель Хомутовского райисполкома Курской области утверждал: «Хуже всего было с тем, что мы не знали, кто нами руководит и кому мы подчиняемся, мы не знали, с кем имеем дело и к кому мы должны обращаться. Подчинять нас находилось много очень людей, а если что-нибудь надо было получить, то никого не найдешь»[88]. Подобные недостатки отмечали и армейские политработники. Начальник политуправления Юго-Западного фронта бригадный комиссар А. И. Михайлов 21 августа 1941 г. доносил в Главное политуправление РККА: «Работой среди Красной армии и партизанских отрядов, действующих в тылу противника, в настоящее время занимаются самостоятельно несколько органов и организаций: ЦК КП(б) Украины, ЦК ЛКСМ Украины, разведывательный отдел фронта, НКВД, партизанский отдел политуправления Юго-Западного фронта. Единого центра по руководству указанной работой нет. Благодаря этому имеется параллелизм в работе»[89]. Начальник политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Д. А. Лестев 16 сентября 1941 г. докладывал в Главное полуправление Красной армии: «Вопросами руководства партизанским движением занимается много организаций... Надо сказать, что имеется много кустарщины в этом вопросе... Партизанское движение растет и это требует твердого оперативного руководства партизанским движением»[90].

В Центр поступали многочисленные предложения о совершенствовании руководства партизанским движением как от организаций, так и отдельных лиц. 3 сентября 1941 г. на имя И. В. Сталина пришло письмо из действующей армии от капитана А. Черняка. Он предлагал: «Создать при Верховном главнокомандовании специальное управление по руководству партизанским движением»[91].

Таким образом, в начале войны основной объем и тяжесть работы по созданию партизанских отрядов и засылке организаторских групп в тыл врага лежали на партийных организациях республик, областей и районов, оккупированных или находившихся под реальной угрозой вторжения врага. Центральные комитеты партии республик, областные и районные комитеты партии в условиях оккупации их территорий видели свою задач в организации народной борьбы против захватчиков, неутомимо и самоотверженно занимались всеми вопросами ее организации. Сознавая свою высокую ответственность, они настойчиво ставили перед высшими органами государственного и партийного руководства вопросы, требовавшие общего решения, обращались за помощью в управления Наркомата обороны, военные советы фронтов и армий, к военному командованию всех уровней, особенно в отношении обеспечения партизанского движения техникой и вооружением.

Партийные комитеты различных уровней, военные советы фронтов, ряда армий в основном достаточно правильно оценивали положение, ставя вопрос о создании специального органа по руководству партизанским движением. Однако конкретные предложения существенно отличались друг от друга. Они отражали интересы фронтов или армий на определенный период времени, оставляя открытой проблему о развитии партизанского движения на всей оккупированной врагом территории. Тем не менее все они выражали необходимость создания единого руководящего центра.

Централизация системы руководства народной борьбой в тылу врага

Информация о деятельности партизанских отрядов, диверсионно-разведывательных групп и анализ общей военно-политической обстановки подсказывали высшим военно-политическим органам вывод о необходимости создания централизованного руководства народным сопротивлением на оккупированной территории. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще летом 1941 г. В июле было подготовлено постановление ГКО о создании

специальной комиссии для руководства партизанским движением и подпольем в составе члена Политбюро ЦК ВКП(б) и члена ГКО Г. М. Маленкова, заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного политического управления Красной армии Л. З. Мехлиса, первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко[92]. Но к работе эта комиссия так и не приступила.

7 декабря 1941 г. комиссар 1 ранга заместитель наркома обороны и начальник Главного управления формирования Наркомата обороны Е. А. Щаденко докладывал И. В. Сталину: «По Вашему указанию при Главупраформе мною организовано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп во главе с генерал-лейтенантом В. И. Репиным. Первой задачей этого управления являлись учет и приведение в определенную систему всех формирований, которые стихийно возникали и организовывались на местах партийными и советскими организациями с целью партизанских действий»[93]. Одновременно Е. А. Щаденко предлагал в советском тылу, в районах Кубани, Терека и Дона, а также на территории Московского военного округа создать две партизанские армии в количестве почти 60 тыс. бойцов и командиров с дальнейшим их вводом в тыл противника для партизанской борьбы. Это предложение И. В. Сталиным было отвергнуто, а само управление генерала В. И. Репина в этом же месяце расформировано.

Вопрос о централизации управления народной борьбой был решен лишь спустя 11 месяцев после начала войны. 24 мая 1942 г. заместитель наркома обороны генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов обратился к И. В. Сталину с предложением создать единый центр по руководству партизанскими и диверсионными действиями в виде партизанского фронта во главе с командующим фронтом и его штабом. Предлагалось командование партизанским фронтом подчинить непосредственно Ставке Верховного главнокомандования, во всех фронтовых объединениях регулярных войск иметь, как это уже было сделано на Ленинградском фронте, оперативные группы по руководству партизанскими действиями[94]. На докладной записке генерала Н. Н. Воронова стоит помета начальника Генерального штаба генерал-полковника А. М. Василевского: «Вопрос решен» и дата — 31 мая 1942 г.

Действительно, 30 мая вышло постановление Государственного Комитета Обороны о создании при Ставке ВГК Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД)[95]. Его начальником стал видный государственный и политический деятель страны, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Для непосредственного руководства партизанскими формированиями при военных советах фронтов этим же постановлением были образованы Украинский (при Военном совете Юго-Западного направления), Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело-Финский (при Военном совете Карельского фронта) штабы партизанского движения (ШПД), которые подчинялись Центральному штабу.

Создание ШПД положило начало централизации руководства партизанским движением. При их создании учитывался опыт предыдущей практики управления: ШПД создавались не в отрыве от ранее существовавших центров по руководству партизанским движением, а в тесной связи с ними на базе получивших опыт борьбы в тылу врага партийных кадров, усиленных военными специалистами. Поэтому в состав руководства Центрального, республиканских и фронтовых ШПД входили представители ЦК компартий союзных республик, областных партийных комитетов, Главного разведывательного управления Красной армии и разведывательных отделов фронтов, а также органов НКВД. Так, в состав ЦШПД вошли: от ЦК ВКП(б) — П. К. Пономаренко (начальник штаба), от НКВД — В. Т. Сергиенко (заместитель начальника штаба), от Генерального штаба — Т. Ф. Корнеев. Аналогичное представительство было во всех фронтовых штабах партизанского движения[96].

Через полмесяца, 16 июня 1942 г., в соответствии с постановлением ГКО был издан приказ НКО СССР о сформировании штабов партизанского движения. В нем говорилось, что формированием штабов, оперативных групп, подвижных радиоузлов должны заниматься военные советы соответствующих фронтов. Задача по обеспечению их кадрами возлагалась на Главное управление кадров НКО СССР, а вооружением, всеми видами имущества и транспортом — на начальников главных управлений НКО[97].

В. Н. Дружинин

Опыт работы фронтовых ШПД вскоре показал, что при руководстве партизанским движением необходимо учитывать не только полосы действий фронтов, но и советское административное деление оккупированной территории. Дело в том что на территории республики, а зачастую одной области действовали иногда два-три фронта. Это затрудняло организацию взаимодействия с регулярными войсками. Поэтому для удобства связи с партизанскими отрядами постановлением ГКО от 6 сентября 1942 г. «Вопросы партизанского движения» Центральному штабу приказывалось иметь при фронтах и армиях представительства, главы которых входили в состав соответствующих военных советов фронтов и армий с целью координации деятельности[98]. Представителями ЦШПД и членами военных советов соответствующих фронтов утверждались: Карельского — С. Я. Вершинин, Ленинградского — М. Н. Никитин, Северо-Западного — А. Н. Асмолов, Калининского — С. С. Бельченко, Западного — Д. М. Попов, Брянского — А. П. Матвеев, Воронежского — А. М. Некрасов, Сталинградского — Ф. В. Ляпин, Северо-Кавказского — П. И. Селезнёв[99].

Учитывая значительный рост масштабов партизанского движения, этим же постановлением учреждалась должность главнокомандующего им, чтобы «для сосредоточения ответственности централизовать руководство партизанским движением»[100]. Эту должность занял член Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Ему подчинялся ЦШПД. Однако следует отметить, что партизанское движение имело централизованное военное руководство в лице главкома всего два месяца за весь период войны.

Анализ документов говорит о том, что назначение на пост главкома К. Е. Ворошилова было, скорее всего, формальным актом. Как известно, 1 апреля 1942 г. он был отстранен от руководства войсками за допущенные им грубейшие ошибки с рекомендацией использовать маршала «на тыловой военной работе». Такой работой для него и явился пост главкома партизанским движением. Однако в ноябре 1942 г. он вновь получил назначение

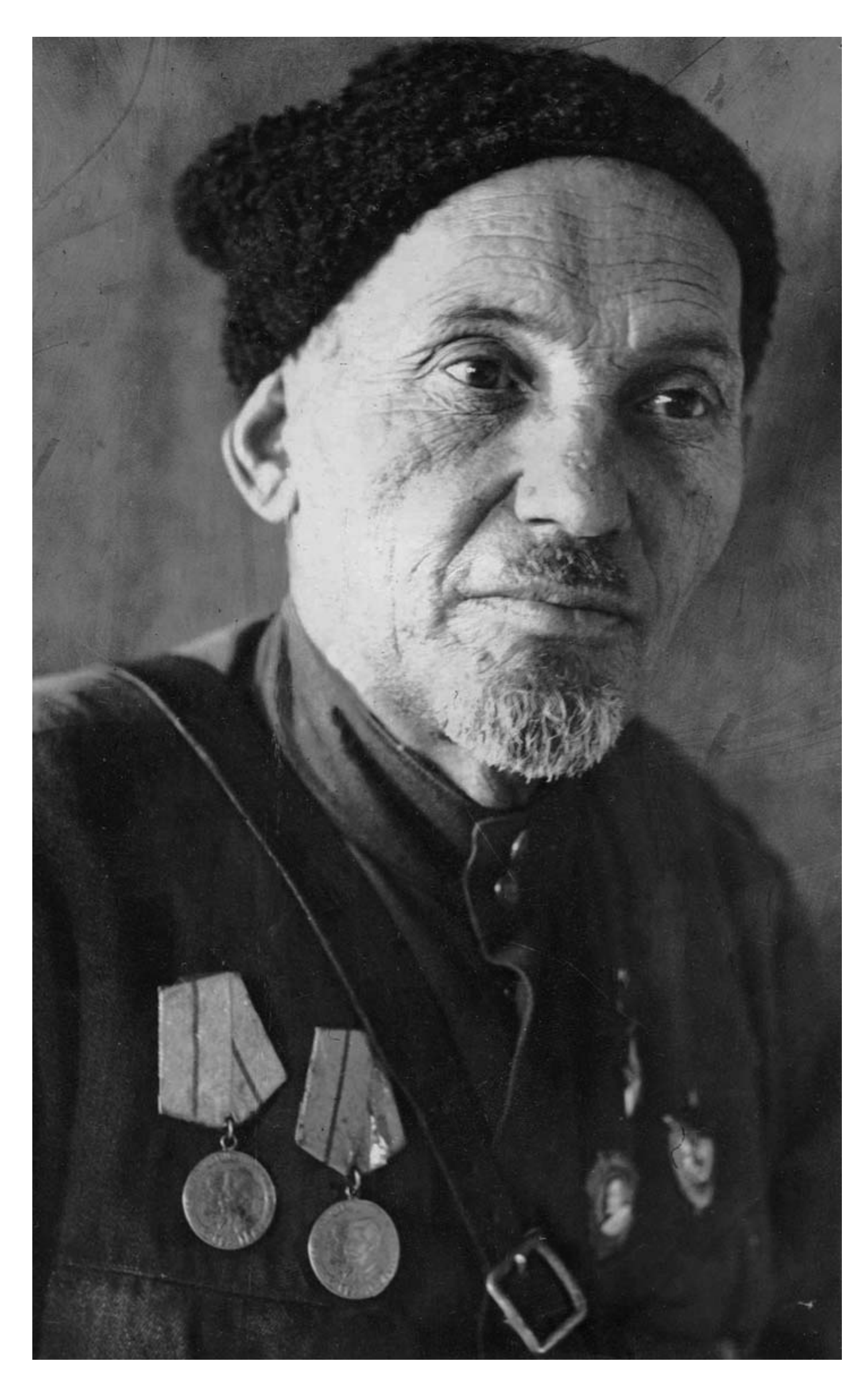
на фронт в качестве представителя Ставки, а прежняя его должность 19 ноября 1942 г. была упразднена[101]. В постановлении ГКО это решение объяснялось интересами достижения большей гибкости в руководстве партизанским движением и во избежание излишней централизации.

С упразднением поста главкома вся ответственность за руководство партизанским движением перешла к ЦШПД. Вместе с тем деятельность Центрального штаба из-за межведомственных трений и отсутствия опыта разворачивалась с большими трудностями. Он просуществовал всего полтора года. Только с мая по ноябрь 1942 г. в ЦШПД дважды прошли крупные организационно-штатные изменения, в марте 1943 г. он был упразднен и через месяц вновь восстановлен (при этом из его подчинения вышел Украинский ШПД и стал подчиняться непосредственно Ставке ВГК), а вторично и окончательно расформирован в январе 1944 г. Следует отметить, что в годы войны структура органов руководства партизанским движением еще неоднократно менялась по оперативно-стратегическим соображениям.

Проведенная реорганизация позволила ликвидировать двойственность подчинения фронтовых штабов: с одной стороны — ЦШПД, с другой — военным советам фронтов. Теперь представительства ЦШПД на фронтах, естественно, подчинялись только тому, кого они представляли, и задачи партизанским формированиям, от кого бы они ни исходили — от партийного органа, фронтового или армейского командования, ставились только штабом партизанского движения или его представительством на фронте. Поэтому несколько позже, в июне — ноябре 1942 г., ГКО были приняты решения о создании республиканских ШПД: 29 июня — Украинского, 9 сентября — Белорусского, 3 ноября — Эстонского, 26 ноября — Литовского, а 8 января 1943 г. — Латвийского. При Военном совете Северо-Кавказского фронта 3 августа 1942 г. был создан Южный (Краснодарский) ШПД, а при Украинском ШПД — Молдавский отдел партизанского движения[102].

Фронтовые ШПД несли ответственность за руководство партизанскими формированиями и дальнейшее развитие партизанского движения на всей оккупированной территории, определяемой разграничительной линией и глубиной направления данного фронта и границами областей. Так, с 15 июля до октября 1942 г. по приказу начальника Центрального штаба Калининскому ШПД были подчинены районы в границах Калининского фронта, Витебской и Вилейской областей БССР, Литовской ССР; Западному ШПД — районы в границах Западного фронта, Могилёвской, Гомельской, Минской, Барановичской, Белостокской и Брестской областей БССР; Брянскому — Брянского фронта, включая северные районы Сумской и Черниговской областей УССР, Гомельскую, Полесскую и Пинскую области БССР[103].

Для более тесного контакта между партизанским и войсковым командованием при военных советах многих армий во второй половине 1942 г. приказами начальника ЦШПД создавались оперативные группы, которые являлись низшими звеньями по руководству партизанской борьбой. Так, на Калининском фронте опергруппы действовали в 3-й и 4-й ударных, 31, 41, 22, 29, 30 и 39-й армиях, на Западном — в 20, 5, 33, 43, 49, 50, 10 и 66-й армиях, на Брянском — в 3, 13, 40, 48 и 61-й армиях, на Ленинградском — в 23, 54, 59, 4, 52, 11, 53, 1-й ударной и 7-й отдельной армиях, а также при Приморской группе войск[104]. В функции армейских оперативных групп входило: обеспечение выполнения задач, возлагаемых армейским командованием и фронтовым ШПД на партизанские отряды, действовавшие в оперативном тылу противника; знание военной обстановки, районов сосредоточения противника, его штабов и тылов; знание участков фронта, где имеются наиболее благоприятные условия для переброски во вражеский тыл партизанских отрядов и групп, связников и других специалистов; тщательная подготовка и обеспечение переброски через линию фронта одиночек и групп, а также их встреча в обусловленном месте после выполнения заданий; информация фронтового ШПД о деятельности партизанских формирований и ходе выполнения поставленных перед ними задач.

С. А. Ковпак

Необходимо отметить, что деятельность армейских оперативных групп по руководству партизанской борьбой в большинстве случаев оказалась малоэффективной. Причиной в основном являлось то, что штабы армий в период активных боевых действий меняли свое местоположение, а вместе с ними перемещались и оперативные группы, так и не успев организовать тесное взаимодействие с местными партизанами. Кроме того, некоторые командующие армиями не оценили эти группы и не придали им должного значения, несмотря на то что были случаи высокой результативности их работы. Например, Военный совет 61-й армии с первых дней понял важность опергруппы, создал ей необходимые условия для работы, оказал помощь в создании материальной базы для доставки необходимых грузов, а также переброски в тыл противника сформированных за счет армии отрядов и разведывательно-диверсионных групп, обеспечивал их радиостанциями. В результате командование и штаб 61-й армии повседневно получали необходимые разведывательные сведения о противнике в полосе армии на глубину 100–150 км, а иногда и более[105].

Соответственно поставленным задачам устанавливалась и структура штабов. По состоянию на октябрь 1942 г. в составе ЦШПД действовали три управления (информационно-разведывательное, политическое и оперативное) и семь самостоятельных отделов (связи, диверсионной техники, кадров, шифровальный, финансовый, секретный, административно-хозяйственный). Каждое управление включало несколько отделов. В последующем управления были заменены отделами. Аналогичную организацию, только в уменьшенном составе (отделы и отделения), имели республиканские и фронтовые штабы. В ноябре 1942 г. произошло общее сокращение по всем органам руководства партизанским движением на 51%, в том числе постоянный состав сократился на 34%, переменный — на 62%. Это было вызвано тяжелой обстановкой на фронте и нехваткой подготовленных кадров в действующей армии[106].

В конце сентября 1942 г. фронтовые ШПД (кроме Ленинградского) были переформированы в представительства ЦШПД на фронтах. Главной задачей этих управленческих структур являлось обеспечение тесного взаимодействия между партизанами и войсками фронтов, использование партизан для глубокой разведки в интересах фронта, а также снабжение партизан средствами борьбы. В центре их внимания находились вопросы организации взаимодействия партизанских отрядов и соединений с войсками действующей армии.

Таким образом, при сложившейся к осени 1942 г. организационной структуре Центральный, республиканские и областные штабы партизанского движения могли наилучшим образом способствовать мероприятиям партийных органов, возглавлявших народную борьбу в тылу врага. Вместе с тем они наиболее полно удовлетворяли запросы и требования фронтов и армий, заинтересованных в развитии партизанского движения, направленного на непосредственную поддержку действий Красной армии. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков смысл и характер принятых мер по организации руководства партизанским движением выразил в следующих словах: «Если в первый год войны в руководстве партизанским движением еще не было должной организованности и централизации, то в последующем Ставка управляла военными действиями в тылу врага уверенно и твердо. Это делалось через созданный при ней Центральный штаб партизанского движения... Кроме Центрального штаба были созданы республиканские и областные ШПД... В результате появилась реальная возможность направлять действия всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов»[107].

В этой связи небезынтересно признание фашистского генерала Л. фон Рендулича, летом 1943 г. назначенного командующим 2-й немецкой танковой армией: «Централизация руководства партизанскими отрядами была очевидна, ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия с целью дезорганизации снабжения и срыва связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для армии и представляли собой немалую опасность. Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском»[108].

Централизация руководства партизанской борьбой положительно повлияла на все стороны жизни и деятельности партизан и способствовала тому, что в ходе Великой Отечественной войны партизанское движение стало фактором стратегического значения. Центральный, республиканские и фронтовые (областные) ШПД для управления партизанскими силами нередко использовали временные оперативные группы. Они создавались из работников штабов в наиболее ответственные периоды военных действий и засылались, как правило, в районы дислокации крупных партизанских группировок.

Так, в целях оказания помощи наступавшим частям Брянского фронта по ликвидации группировок противника, действовавших в районе брянских лесов, в феврале 1943 г. был разработан оперативный план взаимодействия партизанских бригад с частями советских войск. В соответствии с этим планом была создана оперативная группа ШПД на Брянском фронте, которая 25 февраля прибыла в Объединенный штаб партизанских бригад Д. В. Емлютина и приняла участие в руководстве намеченными операциями и координации действий партизан и наступающих войск. Группа состояла из пяти офицеров, а возглавлял ее заместитель начальника Орловского ШПД подполковник А. П. Горшков. От ЦШПД в брянские леса был послан заместитель начальника оперативного отдела полковник И. М. Наумов с группой офицеров штаба[109]. Для руководства операциями партизанских формирований, действовавших на северном участке, была создана примерно такая же по составу, как группа А. П. Горшкова, оперативная группа майора П. И. Шурухина. Связь обеих оперативных групп осуществлялась по радио. Поставленные задачи перечисленными оперативными группами в основном были выполнены.

Помимо оперативных задач эти группы имели и другие обязанности. Например, «в целях насаждения военной дисциплины и революционной законности» они имели право «с ведома фронтового штаба партизанского движения разоружать отряды, арестовывать и направлять в советский тыл командиров и комиссаров партизанских отрядов и групп, не выполняющих приказы Центра», а также обязаны были руководить партийно-политической работой среди партизан и местного населения, предпринимать меры по разложению частей и карательных отрядов противника[110].

Одной из проблем, которую пришлось решать в годы войны при налаживании руководства партизанскими формированиями, была связь. Вопросам ее организации вообще и радиосвязи особенно уделялось много внимания. Бывший начальник Белорусского ШПД П. З. Калинин подчеркивал: «Главное — связь! Именно на организацию связи должно быть в первую очередь направлено все внимание группы ЦК компартии республики... Без этого немыслимо сколько-нибудь постоянное и организованное руководство партизанской борьбой в тылу врага»[111].

Уже первые шаги в деле организации и ведения партизанской борьбы показали, что руководить партизанскими силами, действовавшими на обширной оккупированной территории, направлять и координировать их боевые действия, организовывать взаимодействие с частями регулярных войск невозможно без хорошо налаженной связи. Наличие постоянной и устойчивой связи между партизанскими штабами и бригадами (отрядами) обязательно для обеспечения систематического получения из вражеского тыла политической, оперативной и разведывательной информации, для организации полетов авиации за линию фронта с целью снабжения партизанских формирований вооружением, минновзрывными средствами, медикаментами и другим имуществом.

До создания ШПД из-за отсутствия радиостанций у большинства партизанских формирований поддержание надежной связи с руководящими органами было очень затруднительно. Приходилось устанавливать связь, как правило, с помощью пеших посыльных и лишь изредка через радиостанции тех групп, которые действовали во вражеском тылу от НКВД или Главного разведывательного управления. Так, весной 1942 г. в 22-й армии для поддержания связи с калининскими партизанами имелся постоянный штат связных в составе 15 человек, которые ходили в тыл противника на глубину до 300 км[112]. Безусловно, такая связь не могла обеспечить оперативную передачу необходимой взаимной информации партизанских отрядов и частей регулярных войск.

Командиры партизанских отрядов и руководители подпольных организаций на приеме у М. И. Калинина

С. А. Ковпак среди партизан Сумского соединения

Руководители партизанского движения Черниговщины:
Д. С. Коротченко (второй слева), Т. А. Строкач, А. Н. Сабуров

Руководители партизанского движения в Белоруссии.
Сидят: В. И. Козлов, П. К. Пономаренко, Ф. И. Павловский, В. З. Корж;
стоят: Р. Н. Мачульский, П. З. Калинин, Ф. Ф. Капуста, И. Л. Сацункевич, А. Г. Бондарь

С централизацией руководства партизанским движением ситуация изменилась. С первого дня работы партизанских штабов значительные усилия направлялись на создание радиошкол для подготовки, тренировки и экипировки всем необходимым радистов партизанских отрядов и организации мощных приемо-передающих радиоцентров. В их техническом оснащении большую помощь оказали Наркомат обороны, НКВД и НКГБ, Главное управление связи и Главное разведывательное управление Красной армии, Наркомат ВМФ, Управление полярной авиации и организации Главсевморпути. Это позволило наладить работу радиоузлов в сравнительно короткие сроки. Строительство радиоузла ЦШПД было закончено к 1 августа 1942 г.[113], параллельно разворачивали свою работу радиоузлы республиканских и фронтовых (областных) ШПД. В августе 1942 г. уже действовало пять таких узлов, в конце года — 12[114].

В тыл врага направлялись радисты с радиостанциями. В основном это были коротковолновые рации типа «Север». Они давали возможность устанавливать надежную связь на расстоянии от 10 до 500 км, а при особо благоприятных условиях и более. Временно оккупированная советская территория непрерывно насыщалась все новыми радиоточками. Если на 10 июня 1942 г. в тылу противника действовало только 37 раций, то к концу 1942 г. — 233. Число партизанских отрядов, с которыми ЦШПД поддерживал постоянную радиосвязь, возросло с 20% в середине лета 1942 г. до 60% к концу года[115]. К началу 1944 г. радиосвязью пользовались не только все соединения, но и отдельно действующие партизанские отряды, состоявшие на учете в ЦШПД. Это значительно улучшило управление партизанскими отрядами, их взаимодействие с Красной армией, обмен оперативной и разведывательной информацией.

Таким образом, радиосвязь, широко внедренная в партизанское движение, подняла его на более высокий уровень, сделала управляемым. Стало возможным проводить крупные координированные операции большими силами партизан, организовывать авиаперевозки, значительно улучшить тыловое снабжение. По ходатайству ЦШПД обеспечение партизан вооружением и боеприпасами возлагалось на Главное артиллерийское управление Красной армии[116]; снабжение вещевым имуществом производилось за счет приобретения некоторых предметов спецэкипировки через Наркомат торговли СССР, путем разовых получений по заявкам ЦШПД некоторого количества обмундирования и обуви через Главное интендантское управление Красной армии и Наркомат внешней торговли; обеспечение продовольствием шло через Главное управление продовольственного снабжения Красной армии, а также путем приобретения некоторого количества продовольствия через Наркомторг СССР[117].

Для ведения боевых действий партизанам особенно не хватало специальной подрывной техники. Потребность в ней все время возрастала, так как борьба на коммуникациях противника являлась главной задачей. 19 октября 1942 г. ГКО принял постановление «Об обеспечении Красной армии и партизанских отрядов минами специального назначения»[118]. Это были противопоездные мины замедленного и мгновенного действия, мины замедленного действия, рычажные и автотранспортные мины. Они изготавливались в Москве на заводе № 699 по чертежам, разработанным в Главном военно-инженерном управлении РККА. Уже в октябре — ноябре 1942 г. партизаны получили от промышленности 127 тыс. таких минных устройств[119]. Это было грозное оружие, значительно расширившее возможности партизанской войны.

С баз центра через разрывы в линии фронта, а также авиацией партизанам, правда вначале в минимальных количествах, а затем все больше и больше, стали доставляться мины, тол, оружие, боеприпасы. Например, ЦШПД с 20 июня 1942 по 15 марта 1944 г. израсходовал для нужд партизанского движения 59 960 винтовок и карабинов, 34 320 автоматов, 4210 ручных пулеметов, 2556 противотанковых ружей, 2184 миномета калибра 50 мм и 82 мм, 539 570 ручных противопехотных и противотанковых гранат, 22 орудия (калибра 45 и 76 мм), большое количество боеприпасов и других средств[120]. Почти 100% средств радиосвязи, более 95% взрывателей, 70% взрывных веществ, свыше 90% противотанковых ружей, около 80% автоматов партизаны получали из советского тыла[121]. Только авиация в интересах партизанского движения за войну совершила 109 тыс. самолето-вылетов[122], половина из них — с посадкой на партизанские аэродромы и площадки.

Вместе с тем объем помощи, оказанной советским тылом партизанам, покрывал лишь незначительные потребности в средствах борьбы и вооружении. Например, к началу марта 1944 г. личный состав партизанских сил Белоруссии был вооружен стрелковым оружием лишь на 60%. Многие партизанские отряды, особенно те, которые не были связаны с руководящими центрами, вообще не получали материальной помощи из советского тыла. Сбор оружия и боеприпасов в районах прошедших боев и сражений как источник снабжения партизан прекратился к середине 1942 г. Трофеи были незначительны — их захват обычно был связан с большим расходом боеприпасов, иногда даже превышавшим сами трофеи. Партизаны с риском для жизни выплавляли тол из невзорвавшихся бомб и снарядов, изготовляли самодельное оружие, гранаты, мины, но этого не хватало, чтобы вооружить всех желающих вести борьбу с захватчиками. Так, в оперативной сводке ЦШПД от 10 марта 1943 г. отмечено: «Украинский ШПД сообщает, что население потоком идет в отряды, но отсутствие боеприпасов и вооружения ограничивает прием. Командиры отрядов Фёдоров, Кизя, Бегма (А. Ф. Фёдоров, Л. Е. Кизя, В. А. Бегма. — *Прим. ред.*) сообщают, что создание в тылу врага народных партизанских армий и возможности занятия городов и районов и даже целых областей вполне реальны при достаточной выброске вооружения и боеприпасов»[123].

Решая многочисленные вопросы, связанные с планированием, материальным и техническим обеспечением партизанских сил, ШПД одновременно вели настойчивую работу по обобщению опыта партизанских действий, методов оперативного руководства. Эти вопросы широко обсуждались в Центральном штабе в конце августа 1942 г. на совещаниях командиров и комиссаров партизанских формирований. 1 и 4 сентября 1942 г. их принимал И. В. Сталин в Кремле в присутствии членов правительства: В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и других. Беседы продолжались в общей сложности более четырех часов[124]. На основе обобщенного опыта 5 сентября 1942 г. был издан приказ Наркомата обороны «О задачах партизанского движения»[125], в котором требовалось: значительно усилить разрушение растянутых коммуникаций врага и его линий связи; лишать противника свободы маневра и пополнения живой силой, боевой техникой, горючим, боеприпасами; парализовывать его стремление использовать на захваченной территории рабочую силу, промышленные предприятия и продукцию сельского хозяйства, а также вывозить в Германию награбленное добро. Особое внимание придавалось организации разведки тыла противника в интересах Красной армии[126]. Газета «Правда» 14 декабря 1942 г. опубликовала передовую статью, в которой излагалось содержание приказа НКО от 5 сентября. Большое количество экземпляров этого номера было доставлено партизанам.

В соответствии с планом ЦШПД о реализации требований приказа «О задачах партизанского движения» 24 крупных партизанских формирования Украины, Белоруссии, Ленинградской и Смоленской областей получили задание на проведение глубоких рейдов по тылам основных группировок противника с целью нарушения путей сообщения гитлеровских войск и усиления борьбы на всей оккупированной территории страны. Приказ наркома обороны стал программой боевых действий партизанских формирований на длительное время и помог им определить конкретные задачи применительно к местным условиям.

Этим приказом также были намечены важные меры по развертыванию и усилению организационно-политической работы среди населения на оккупированных территориях, улучшению деятельности подпольных организаций и расширению партизанского движения. Сущность требований заключалась в следующем: «Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов наряду с боевой работой развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровожадных оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и других печатных материалов на оккупированной территории»[127].

Для реализации этих задач, а также с целью «руководства подпольными партийными организациями, работа которых неразрывно связана с боевой деятельностью партизанских отрядов», в соответствии с постановлением ГКО «Вопросы партизанского движения» от 28 сентября 1942 г. в составе ЦШПД было создано Политическое управление[128]. Оно состояло из отделов: партийных и советских организаций; печати; агитации и пропаганды; исторического[129]. Работу по созданию подпольных партийных организаций Политическое управление проводило в тесном контакте с руководящими органами республиканских, краевых и областных партийных организаций. По воспоминаниям начальника Политуправления ЦШПД В. Н. Малина, «взаимоотношения с местными руководящими органами складывались на чисто деловой основе и носили конкретно-практический характер: как лучше и надежнее организовать работу, чтобы достигнуть выполнения общей задачи — организации активной борьбы народа против гитлеровских захватчиков и достижения победы. Совместно обсуждался и прорабатывался самый разнообразный круг вопросов: подбор работников, разработка планов мероприятий, определение путей их проведения, мест действия и конкретных задач»[130].

В результате связь с подпольными партийными органами и организациями умножилась неоднократно, быстрее шло развертывание подпольной сети на всей оккупированной территории. Работники Политуправления, опираясь на квалифицированную помощь ЦК ВКП(б), проводили отбор кадров для подполья, информировали их об обстановке на оккупированной территории, давали практические советы по организации подпольной работы с учетом специфики региона, в которой им предстояло действовать. Особое внимание обращалось на неукоснительное соблюдение требования подчиненности Центру, недопустимость параллельных и открытых связей, исполнение строго определенных функций, необходимость строжайшей проверки надежности конспиративных квартир, мест явок, встреч.

Все это давало положительные результаты. Несмотря на особую жестокость оккупационного режима, трудности и недостатки при создании подполья во втором периоде войны, на захваченной врагом территории уже действовали 42 областных и окружных подпольных органа (в первом периоде их было 38). Количество подпольных межрайкомов и межукомов возросло с 20 до 31. Всего стало действовать около 460 районных, уездных, волостных и городских (в том числе горрайкомов) подпольных партийных органов (в первом периоде их было 350), под руководством которых работали областные и районные комитеты комсомола, если таковые создавались. У них на учете по состоянию на 1 июня 1943 г. в городском подполье и в партизанских отрядах числилось 3300 первичных комсомольских организаций, объединявших 43 тыс. комсомольцев[131].

Неослабное внимание уделялось массово-политической работе среди партизан и населения. Тесная связь Политуправления ЦШПД с местными партийными органами и политическими органами вооруженных сил позволила улучшить издательское дело и доставку в тыл врага агитационной литературы. Принимались меры по обеспечению подпольных партийных органов необходимыми материалами для развертывания печатных изданий непосредственно в тылу врага. Партизанские соединения с 1 декабря 1942 по 15 марта 1943 г. получили от Политуправления ЦШПД 82 портативные типографии. Они были обеспечены бумагой, а также штатом подготовленных редакторов, что позволило расширить издание подпольных газет. В 1943 г. подпольщики и партизаны своими силами выпускали 281 газету, а всего за время войны — более 400, много прокламаций и листовок, в которых, используя местный материал, разоблачали кровавую сущность оккупационного режима, лживость фашистской пропаганды, разъясняли положение на фронте и в советском тылу.

Подпольные партийные комитеты и комиссары партизанских формирований руководили работой тысяч добровольных агитаторов, которые, рискуя жизнью, ходили из одного населенного пункта в другой, в том числе и в те, где были фашистские гарнизоны или размещались антисоветские формирования предателей, неся слова правды советским людям, томящимся под игом оккупантов, поднимали их на активную борьбу с гитлеровцами и их приспешниками, вели активную контрпропаганду.

Командование Черниговско-Волынского партизанского соединения:
С. В. Чинцов, А. Ф. Федоров, Л. Е. Кизя

Партизанский парад, посвященный освобождению Минска от немецко-фашистских захватчиков

Одной из наиболее острых проблем, с которой столкнулись организаторы партизанской борьбы на оккупированной территории, стала подготовка кадров. От уровня профессиональной подготовки организаторов борьбы в тылу противника, от наличия в достаточном количестве партизанских разведчиков, минеров-подрывников, радистов и других специалистов в значительной степени зависели боеспособность партизанских формирований, эффективность их борьбы с противником.

При укомплектовании первых формирований подрывниками, радистами и другими специалистами большую роль сыграли штабы фронтов и армий, разведывательные органы наркоматов обороны и внутренних дел, в распоряжении которых имелись спецшколы и курсы. Своеобразным учебным центром по подготовке организаторов партизанского движения и подполья, разведчиков и диверсантов-подрывников являлась, как уже отмечалось ранее, Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД. За период своей деятельности бригада подготовила и направила во вражеский тыл около 7 тыс. бойцов, в том числе 534 инструктора-подрывника, 5255 подрывников, 803 радиста[132].

Однако эти органы не смогли полностью обеспечить кадрами партизанское движение. Остро встал вопрос об организации сети специальных школ и учебных пунктов по подготовке партизанских специалистов. Была проведена целая серия организационных и других мероприятий. Так, по приказу главнокомандующего Западным направлением С. К. Тимошенко в середине июля 1941 г. был создан Оперативно-учебный центр Западного фронта. Он располагался в советском тылу, и возглавлял его военный специалист, начальник отдела Главного военно-инженерного управления Красной армии полковник И. Г. Старинов. За время своего функционирования центр подготовил 8467 партизанских специалистов[133].

Однако до 1942 г. их подготовка не имела строгой организации и планирования работы. Создаваемые учебные центры, школы, курсы и пункты порой функционировали без утвержденных штатов и без нужной материальной базы. Поэтому в январе 1942 г. было принято важное решение о перестройке всей системы профессионального обучения партизан. Для подготовки командного состава партизанских отрядов, инструкторов подрывного дела, радистов и разведчиков были созданы три специальные партизанские школы (№ 1, 2 и 3), а с созданием ЦШПД их стало пять. В этих школах по-новому стала решаться проблема обучения партизанских специалистов. Одновременно подготовка кадров проводилась и непосредственно на оккупированной территории, на курсах, организованных при крупных партизанских соединениях.

Всего за годы войны центральные и республиканские партизанские школы, а также учебные пункты подготовили и направили в тыл противника около 60 тыс. различных специалистов, из них примерно 40 тыс. подрывников, 5,6 тыс. инструкторов минноподрывного дела, по 2,5 тыс. радистов и разведчиков и 3,5 тыс. командиров и начальников штабов партизанских отрядов[134]. Таким образом, подготовка партизанских кадров осуществлялась непрерывно на протяжении всей войны. Она проводилась в стационарных школах, курсах, учебных базах, развернутых как за линией фронта, так и непосредственно в крупных партизанских формированиях. Особенно большое значение имела боевая и диверсионная деятельность, в ходе которой вырабатывались наиболее целесообразные приемы и способы борьбы с противником, накапливался боевой опыт.

Руководство народной борьбой в тылу противника на заключительном этапе войны

В связи с изменениями военно-политической обстановки на заключительном этапе войны была скорректирована и система руководства борьбой народа во вражеском тылу. Если ранее, начиная с мая 1942 г., оно осуществлялось Центральным штабом партизанского

движения при Ставке ВГК, а в республиках и областях — центральными комитетами союзных республик, обкомами ВКП(б) и соответствующими штабами партизанского движения, то к 1944 г. непосредственная организация боевой и диверсионной деятельности партизан и подпольщиков осуществлялась главным образом ЦК компартий союзных республик, обкомами ВКП(б) и подчиненными им штабами партизанского движения. Последние имели свои представительства на действующих фронтах и через них координировали действия партизан с регулярными войсками. В ходе войны уточнялись функции этих органов и их компетенция.

Местные партийные органы и штабы партизанского движения накопили опыт руководства борьбой народных масс в тылу врага, поэтому необходимость в дальнейшей деятельности ЦШПД, который выполнил задачу по созданию системы управления и организационному укреплению партизанского движения, отпала. Постановлением ГКО № 4945 от 13 января 1944 г. он был расформирован[135]. Однако к январю 1944 г. в оккупации еще продолжала оставаться значительная часть советской территории: Белоруссия, Украина, Прибалтика, Молдавия, Крым, Карело-Финская ССР, Мурманская и Калининская области, где действовало более 250 тыс. партизан[136]. К этому времени были спланированы и стали проводиться крупнейшие стратегические наступательные операции групп фронтов, в результате которых предполагалось полное освобождение советской территории от противника. Это требовало тщательной координации взаимодействия войск и партизанских сил, но ни в Ставке ВГК, ни в Генеральном штабе теперь не было даже специальной группы, которая смогла бы управлять партизанскими силами в масштабе всей страны. Правда, республиканские и областные ШПД действовали до полного освобождения территории СССР от оккупантов, а Украинский штаб — до конца войны, так как через него оказывалась большая помощь силам европейского движения Сопротивления кадрами, оружием, боеприпасами и прочим. Украинский и Белорусский партизанские штабы имели свои представительства на всех фронтах, действовавших на территории этих республик и, таким образом, имели возможность координировать действия партизан с регулярными войсками.

В соответствии с постановлением ГКО о расформировании Центрального штаба партизанского движения от 13 января 1944 г., в котором, в частности, указывалось: «Руководство партизанским движением на оккупированной территории Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской и Карело-Финской ССР, Ленинградской и Калининской областей и Крымской АССР возложить на соответствующие ЦК компартий союзных республик, областные комитеты партии и штабы партизанского движения»[137], центральные комитеты компартий союзных республик и обкомы приняли меры по расширению масштабов и повышению эффективности народной борьбы с врагом.

Переход на новую структуру руководства партизанским движением был в основном завершен в феврале 1944 г. Центральные комитеты КП(б) Украины и Белоруссии, развертывая работу по укреплению партизанского движения, обращали особое внимание на западные области. Туда передислоцировались многие отряды партизан, которые ранее действовали в Житомирской, Винницкой, Могилёвской, Витебской и Минской областях. Помимо этого в западную часть Украины забрасывались небольшие организаторские группы, которые становились ядром создаваемых за счет местного населения крупных партизанских формирований. К примеру, группа в 19 человек во главе с Героем Советского Союза А. В. Тканко была выброшена в конце мая 1944 г. в 40 км северо-восточнее Ужгорода. В последующем эта группа превратилась в партизанское соединение, насчитывавшее свыше 800 человек[138].

Политическая работа в массах способствовала увеличению численности и активизации подпольных антифашистских организаций и групп, в которые входили советские патриоты различного социального положения. Только в Вилейской области Белорусской ССР весной 1944 г. имелось 316 таких организаций и групп, объединявших 1776 человек[139]. Подобные организации и группы действовали и в других областях оккупированной советской территории.

ЦК компартий республик и областные комитеты, партизанские штабы постоянно вели работу по повышению боеспособности партизанских формирований. Большое внимание

уделялось укомплектованию вновь созданных отрядов и бригад руководящими кадрами. На командные и политические должности, как правило, выдвигались люди, которые завоевали авторитет и показали себя хорошими организаторами и руководителями в боевых действиях.

Командующие, военные советы, штабы и политорганы действующей армии усилили помощь партизанским формированиям оружием, боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, средствами связи и другим имуществом из ресурсов фронтов. Важные задачи по снабжению партизан, вывозу на Большую землю больных и раненых, детей, женщин и стариков возлагались на авиацию — гражданскую, фронтовую и дальнего действия. Так, в первой половине 1944 г. в партизанские отряды и соединения, действовавшие в Белоруссии, Латвии и на Украине, было переброшено по воздуху свыше 1400 тонн грузов. 13-й отдельный полк Гражданского воздушного флота с 12 января по 13 июля совершил 919 самолето-вылетов в районы действий калининских партизан, доставив им 145 тонн различных грузов, в том числе 18 тонн тола, более 6 тыс. гранат, 1328 винтовок, 381 автомат, 146 пулеметов, медикаменты и другое имущество[140]. Только за двое суток (13 и 14 января) бригадам ленинградских партизан авиация доставила 446 винтовок, 120 карабинов, свыше 200 автоматов, около 2800 кг тола, а также большое количество боеприпасов[141].

Целеустремленная и плодотворная деятельность партийных комитетов и штабов партизанского движения по организационному укреплению органов руководства партизанами и подпольщиками, улучшению материально-технического снабжения партизанских формирований способствовали дальнейшему подъему всенародной борьбы во вражеском тылу. Возросли боевые возможности партизанских отрядов и бригад, что позволяло им выполнять более ответственные задачи по оказанию помощи наступавшим регулярным войскам.

С приближением Красной армии к западным границам СССР возникла необходимость координировать действия регулярных войск не только с советскими партизанами, но и с силами движения Сопротивления европейских стран. Учитывалось, что в 1944 г. во Франции сражались с оккупантами 400 тыс. патриотов, в партизанских отрядах Италии — свыше 150 тыс. Народно-освободительная армия Югославии к сентябрю 1944 г. насчитывала около 400 тыс. бойцов.

В годы войны тысячи советских людей принимали активное участие в партизанской борьбе за рубежом. За пределами нашей страны, в глубоком тылу немецко-фашистской армии действовали группы, отряды и соединения советских партизан, оказывая помощь народам Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против гитлеровских поработителей и освобождении своих стран. А в странах Западной Европы советские люди, бежавшие из фашистского плена и с каторжных работ, создавали партизанские отряды или включались в патриотические группы местного населения и активно участвовали в движении Сопротивления. Тем самым они вносили большой вклад в борьбу народов Европы против общего врага. В партизанских формированиях, подпольно-диверсионных группах Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии и других европейских стран действовали более 40 тыс. советских граждан[142].

С 1944 г. наиболее опытные и боеспособные советские партизанские формирования начали осуществлять рейды и на территории Польши. В феврале 1944 г. на территорию Люблинского и Варшавского воеводств вступила 1-я Украинская партизанская дивизия имени С. А. Ковпака под командованием П. П. Вершигоры. Почти одновременно из Белоруссии в Польшу вышло соединение под командованием И. Н. Банова. А весной 1944 г. на территории Восточной Польши стали наносить удары по тылам врага многие советские партизанские формирования. Всего в 1944 г. здесь действовало семь соединений и 26 отдельных отрядов советских партизан, вышедших рейдами с территории Советского Союза. Своими боевыми действиями и помощью местным патриотам они способствовали активизации партизанской борьбы в восточных районах Польши.

Советский Союз направлял людей и выделял значительные средства и на поддержку народно-освободительной борьбы в оккупированных немцами странах. Весной 1944 г. цент-

ральные комитеты компартий Чехословакии, Венгрии и Румынии по согласованию с ЦК ВКП(б) направили своих представителей в Украинский ШПД[143]. В апреле 1944 г. на территории СССР был создан Польский штаб партизанского движения (ПШПД)[144]. Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО 3 апреля 1944 г. приняли решение передать ПШПД все польские партизанские формирования, созданные и действовавшие на территории Советского Союза, и оказать ему помощь вооружением, техникой и боеприпасами. 12 мая 1944 г. Украинский ШПД передал Польскому штабу соединение имени Тадеуша Костюшко (командир — Р. Я. Сатановский), бригаду имени Ванды Василевской (командир — С. П. Шелест), бригаду «Грюнвальд» (командир — Ю. М. Собесяк) и отряд Л. Г. Луцевича, в общей сложности 1863 партизана. Вместе с ними передавались 11 линий связи, имущество для оборудования радиоузла ПШПД, а также 58 автомашин, пять самолетов, 100 тонн взрывчатки и много другого снаряжения[145]. В соответствии с планом организационных мер и по согласованию с Главным управлением кадров НКО СССР для работы в Польский штаб и организованную при нем специальную школу, насчитывавшую свыше 1500 курсантов, были направлены 30 специалистов радиосвязи, минноподрывного дела из числа работников УШПД, из них 18 офицеров[146].

Летом 1944 г. по территории Польши и Чехословакии продолжали совершать рейды десятки отрядов советских партизан. Сокрушительные удары по гитлеровским захватчикам на польской земле наносили совместно с польскими патриотами рейдирующие соединения под командованием П. П. Вершигоры и М. И. Наумова. Известия об успехах советских партизан быстро распространялись среди местного населения. Докладывая в ЦК КП(б) Украины и УШПД о ходе рейда, П. П. Вершигора отмечал, что подавляющее большинство поляков принимают советских партизан как своих освободителей, а руководство польского движения Сопротивления рассматривает их как союзников в борьбе с общим врагом.

Командование фронтов и ШПД стало планировать в это время боевые действия тех партизанских формирований, которые были переброшены за рубеж или возникли на базе партизанских групп, десантировавшихся во вражеский тыл по просьбе представителей братских партий. Выступления местных партизанских сил за рубежом координировали соответствующие органы этих партий, как правило, согласовывая их с советским командованием.

Помощь Советского Союза антифашистскому движению за рубежом в основном оказывалась посредством подготовки и переброски в оккупированные страны национальных кадров для развертывания партизанской борьбы, снабжения зарубежных партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, эвакуации раненых в советский тыл. Так, 3 апреля 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопросы помощи партизанам Польши, обязало ЦК КП(б) Белоруссии и ЦК КП(б) Украины «выделить в особые отряды поляков, находящихся в партизанских отрядах Украины и Белоруссии, придав им опытное и крепкое командование, для использования этих отрядов на территории Польши по указанию Штаба партизанского движения Польши»[147]. Летом 1944 г. во время пребывания в Москве делегации высшего представительного органа Польши (Крайовой Рады Народовой) был обсужден и согласован вопрос о расширении советской помощи польским партизанам[148]. В начале июля 1944 г. формирование польского штаба в основном было завершено. ЦК КП(б)У информировал ЦК ВКП(б), что ПШПД укомплектован кадрами и обеспечен необходимыми техническими средствами для развертывания деятельности по руководству партизанским движением[149].

Почти в то же время представители компартии Чехословакии обратились в ЦК КП(б) Украины с просьбой помочь в организации партизанского движения. В решении ЦК КП(б) Украины 17 июня 1944 г. было сказано: «Удовлетворить просьбу ЦК Коммунистической партии Чехословакии в оказании помощи в деле развертывания партизанского движения на территории Чехословацкой республики»[150]. Украинский ШПД создал специальные учебные центры по подготовке командного состава, подрывников, радистов и других партизанских специалистов из чехов, словаков, поляков, венгров и румын. Кандидаты для обучения в этих центрах подбирались соответствующими национальными компартиями[151]. Партизанским отрядам перебрасывались с советской территории оружие, боеприпасы, взрывчатка и другое военное имущество.

С весны 1944 г. Советский Союз начал оказывать систематическую помощь партизанскому движению народов Венгрии и Румынии. В мае 1944 г. развернулась подготовка кадров для партизанской борьбы из числа венгерских и румынских патриотов. После кратковременного обучения в июле — августе началась переброска партизанских групп на территорию этих стран. В их составе наряду с местными патриотами-антифашистами были и советские партизаны.

В соответствии с планом мероприятий Украинского ШПД на июль — сентябрь 1944 г. предусматривалось подготовить и перебросить в районы Центральной и Юго-Восточной Европы 40 организаторско-диверсионных отрядов и групп. Представительство штаба при Военном совете 1-го Украинского фронта получило указание усилить действующую на территории Чехословакии партизанскую группу И. Г. Мельникова, передислоцировать в район Прешова группу Л. Е. Беренштейна, организовать на их базе площадки для приема новых отрядов и групп. Перед представительством УШПД на 2-м Украинском фронте была поставлена задача: вывести в районы Рахова и Ужгорода партизанские отряды П. Г. Сапожинского и В. К. Цыганкова, а также выделить для самостоятельных действий в этих районах мобильные отряды численностью 75—100 человек из соединений М. И. Шукаева и В. Н. Макарова[152]. В интересах партизан и народно-освободительных армий стран Центральной и Юго-Восточной Европы только в 1944 г. советская авиация произвела свыше 7500 самолето-вылетов, доставив 8 тыс. патриотов, 3500 тонн грузов и эвакуировав свыше 4500 раненых[153]. Одним из ярких выражений помощи антифашистскому движению за рубежом являлись действия в ряде стран советских партизанских формирований, имевших богатый опыт борьбы в тылу врага.

Оказание помощи Советским Союзом содействовало росту боеспособности партизанских отрядов и соединений в странах Юго-Восточной и Центральной Европы, превращению их в грозную силу на общем фронте антифашистской борьбы. На территорию Словакии в конце июля 1944 г. было десантировано 24 партизанские группы из числа чехов и словаков общей численностью 404 человека. Среди них были группы под командованием советских партизан П. А. Величко, Е. П. Волянского, А. С. Егорова, А. Г. Емельянова, В. А. Квитинского, М. И. Шукаева и другие[154]. Благодаря активной поддержке местного населения десантированные группы быстро превращались в крупные партизанские отряды и соединения. Так, например, группы П. А. Величко и А. С. Егорова к сентябрю 1944 г. выросли в партизанские бригады, численность которых составляла соответственно 2085 и 2800 человек.

Осенью 1944 г. в связи с выходом советских войск к границам Чехословакии и Венгрии ЦК КП(б) Украины и УШП расформировали представительство штаба на 3-м Украинском фронте, а также Молдавский отдел, так как находившиеся в их подчинении партизанские отряды вышли в советский тыл. Одновременно, учитывая образование в Карпатах нового состава 4-го Украинского фронта, сюда по согласованию с Генштабом Красной армии было переведено представительство УШПД со 2-го Украинского фронта. В октябре 1944 г. УШПД передал в оперативное подчинение своим представительствам при военных советах 1-го и 4-го Украинских фронтов все советские партизанские соединения и отряды, действовавшие на территории Чехословакии и Венгрии[155]. 5 декабря 1944 г. Украинским штабом партизанского движения был разработан «Оперативный план действий партизан на территории Чехословакии». Основная его цель состояла в том, чтобы повысить эффективность ударов партизан по противнику, содействовать операциям, проводимым Красной армией. Перед партизанскими соединениями и отрядами были поставлены задачи парализовать основные железнодорожные коммуникации противника на территории Чехословакии и воспрепятствовать оперативным перевозкам гитлеровцев к фронту. Важное место в плане отводилось разведывательной работе по освещению мероприятий немецкого военного командования, связанных со строительством оборонительных сооружений и перебросками войск. К выполнению этих задач УШПД привлекал 14 партизанских формирований. Всего в намечаемых операциях должны были участвовать около 3 тыс. бойцов[156]. Непосредственным контролем над оперативной работой представительств и вопросами поддержания связи с братскими компартиями продолжал заниматься УШПД.

В 1944 г. советские партизаны оказали существенную помощь народам Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии в активизации партизанской борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Так, на оккупированной территории Польши действовало семь партизанских соединений и 26 отдельных крупных отрядов, в Чехословакии — около 20 соединений и отрядов[157]. Большое влияние на размах народной борьбы и повышение ее эффективности оказали рейды в страны Восточной Европы партизанских формирований под командованием В. А. Андреева, И. Н. Банова, П. П. Вершигоры, М. И. Шукаева и другие.

В целом, на заключительном этапе войны республиканские и областные штабы партизанского движения проделали весьма значительную работу. Особенно много было сделано в решении проблем организации и подготовки партизанских кадров, налаживания связи с партизанскими отрядами, обеспечения их техническими средствами связи, организации и руководства операциями партизан, снабжения их вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами и литературой для распространения среди местного населения.

Таким образом, важной особенностью борьбы советских партизан являлось и то, что руководство ею было централизовано до стратегических масштабов. Созданная в 1942 г. стройная система управления партизанскими силами позволила организовать подготовку партизанских кадров, наладить устойчивую связь с соединениями и отрядами, обеспечить их материально-техническое снабжение, организовать взаимодействие партизан с Красной армией в тактическом, оперативном и стратегическом масштабе, планировать и проводить партизанскими группировками крупные операции.

Общее стратегическое руководство вооруженной борьбой партизанских сил осуществляла Ставка Верховного главного командования, которая определяла основные задачи партизан на каждом этапе войны и в отдельных стратегических операциях и организовывала стратегическое взаимодействие партизан с Красной армией. Непосредственное стратегическое руководство боевой деятельностью партизан осуществлял Центральный штаб партизанского движения. Создание ШПД с четкими функциями и улучшение связи с Большой землей придавали партизанскому движению все более организованный характер, обеспечивали большую согласованность действий партизанских сил и способствовали улучшению их взаимодействия с войсками.

В ходе войны при организации и развертывании борьбы в захваченных врагом районах штабам партизанского движения пришлось решать ряд крупных и сложных проблем. Многие из них были разрешены довольно эффективно. Так, достаточно успешной можно считать работу этих штабов по установлению и расширению связи с действующими партизанскими формированиями. Если в первые месяцы войны самым слабым звеном в управлении партизанскими отрядами и группами и в координации их действий с регулярными войсками являлось почти полное отсутствие средств радиосвязи, то в результате начатой после создания ШПД организации радиосвязи с наиболее крупными партизанскими соединениями в 1943 г. был достигнут более чем 90-процентный охват этих формирований. Установление партизанскими штабами на оккупированной врагом территории разветвленной радиосети позволило успешно разрешить и такую важную проблему, как организация авиаперевозок в тыл противника с посадкой самолетов на партизанских аэродромах. Значительно расширились возможности заброски в захваченные врагом районы организаторов народной борьбы, военных специалистов, оружия, боеприпасов, медикаментов и других грузов.

Наряду с централизацией руководства партизанскими формированиями проведенные меры по организационному укреплению партийного подполья, совершенствованию политической работы, улучшению материально-технического снабжения партизан способствовали дальнейшему подъему всенародной борьбы в тылу врага. Более широкий размах приобрели действия антифашистских подпольных организаций и групп. Тесное сочетание вооруженной борьбы партизанских формирований, деятельности подполья и массового народного сопротивления привело к срыву замыслов военно-политического руководства Германии поставить себе на службу материальные и людские ресурсы захваченных советских областей.

В целом созданная в годы войны система централизованного руководства партизанскими силами успешно функционировала. Об этом свидетельствуют результаты партизанской и подпольной борьбы, срыв населением военных, политических и экономических мероприятий оккупантов. Эта борьба имела стратегическое значение, оказав действенную помощь Красной армии и став одним из решающих факторов разгрома вооруженных сил фашистской Германии. В результате своей деятельности партизанам удавалось сковывать крупные силы регулярных войск противника, предназначенных для действий непосредственно на фронте. В общей сложности вражеские войска, действовавшие против партизан, с лета 1942 г. составляли в среднем около 10% общего состава сухопутных сил фашистской Германии, находившихся на советско-германском фронте. Советские партизаны в полном смысле слова создали в тылу врага второй фронт, который оказывал серьезное деморализующее влияние на личный состав войск противника и парализовал деятельность гитлеровской администрации. Одновременно партизаны своими действиями поддерживали в местном населении волю к сопротивлению оккупационным властям и веру в неизбежность скорого освобождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 590.

[2] *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. М., 2005. С. 34—35.

[3] 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. Т. 2. М., 2010. С. 40.

[4] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 14, 26—37, 39—40.

[5] Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 250.

[6] Партизаны в битве за Москву 1941—1942. Архивные документы и материалы. М., 2008. С. 8—10.

[7] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 625—635.

[8] *Мельников Д., Чёрная Л.* Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии 1933—1945. М., 1987. С. 322.

[9] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 117—118.

[10] Шли на битву партизаны. Брянск, 1972. С. 58.

[11] Великая Отечественная на земле Российской. Военно-историческое исследование. М., 2006. С. 8.

[12] *Вроньска Т. В.* В умовах війни: життя та побут населення міст України (1943—1945 гг.). Київ, 1995. С. 7.

[13] *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 188.

[14] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 385.

[15] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 922.

[16] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 616.

[17] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 593—594.

[18] Сталинград. Событие. Воздействие. Символ // Пер. с нем. М., 1994. С. 144.

[19] Там же. С. 142—143.

[20] Erich Hesse. Sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen- Zürich-Frankfurt, 1969. S. 280.

[21] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 2. Минск, 1984. С. 33.

[22] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfuhrungsstab) 1940—1945 (далее — KTB/OKW). Bd. III. Frankfurt a/M., 1963. S. 737, 905.

[23] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.) М., 1985. С. 133—135.

[24] Там же. С. 133—135.

[25] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 38.

[26] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 8-ми т. Т. 4. М., 1990. С. 663.

[27] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941—1944. Минск, 1965. С. 239.

[28] Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941–1943 гг. Сб. документов и материалов. Харьков, 1965. С. 293.

[29] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 269.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 664.

[32] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.). М., 1965. С. 159.

[33] Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба РФ. Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 129. Л. 44.

[34] Там же. Л. 20–21.

[35] Deutschland im Zweiten Weltkrig. Bd. 3. Berlin, 1979. S. 351.

[36] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем. М., 1974. С. 167.

[37] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 550.

[38] KTB/OKW. Bd. 3. S. 1153.

[39] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 565–566.

[40] Deutschland im Zweiten Weltkrig. Bd. 3. S. 352.

[41] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1989. С. 322.

[42] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 351.

[43] ЦАМО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

[44] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999. Т. 20 (9). М., 1999. С. 18.

[45] Известия. 1941. 3 июля.

[46] Там же.

[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 55–57.

[48] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 19.

[49] Там же. С. 20.

[50] Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974. С. 21.

[51] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. В 2-х Кн. Кн. 1. Киев, 1985. С. 75–76.

[52] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001. С. 30.

[53] *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 44.

[54] Очерки истории Смоленской организации КПСС. М., 1970. С. 350.

[55] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 1. Киев, 1975. С. 293, 294, 316.

[56] Операции Советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1964. С. 501.

[57] Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 56–57.

[58] Там же. С. 57.

[59] Война народная. Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941–1943 гг. М., 1985. С. 56.

[60] Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 47.

[61] Там же. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 76–81; *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1983. С. 10–11.

[62] Там же.

[63] Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 50–56.

[64] *Курас И. Ф., Кентий А. В.* Штаб непокоренных (Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны). Киев, 1988. С. 10.

[65] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 41.

[66] Там же. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). С. 64–65.

[67] ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1362. Д. 108. Л. 67.

[68] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 23–24.

[69] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2016. Д. 91. Л. 389.

[70] 3 февраля 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на два наркомата: НКВД СССР и НКГБ СССР, но уже через месяц после начала войны, 20 июля 1941 г., указом Президиума Верховного Совета СССР оба этих наркомата были объединены в единый наркомат — НКВД СССР во главе с наркомом Л. П. Берией. Его первым заместителем стал бывший нарком госбезопасности В. Н. Меркулов. Позднее, 14 апреля 1943 г., по решению Верховного Совета СССР был вновь образован НКГБ СССР во главе с В. Н. Меркуловым (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 372–373; Т. 3. Кн. 2. С. 582).

[71] Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 67–68, 136–138.

[72] Там же. С. 64, 77.

[73] Там же. С. 187.

[74] Там же. С. 518.

[75] Там же. С. 163.

[76] Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 40–41.

[77] Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Материалы Всероссийской научной конференции 27 мая 2009 г. М., 2009. С. 85–88.

[78] *Спириденков В.* Лесные солдаты. Партизанская война на северо-западе СССР 1941–1944. М., 2007. С. 16–18; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 187.

[79] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 187.

[80] Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Материалы Всероссийской научной конференции 27 мая 2009 г. С. 89.

[81] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. М., 1984. С. 100.

[82] *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975. С. 6.

[83] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 518.

[84] Там же. С. 516.

[85] Там же. С. 534.

[86] *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). С. 19.

[87] *Пономаренко П. К.* Некоторые вопросы организации руководства партизанским движением // Вторая мировая война. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966. Кн. 3. С. 57.

[88] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1119. Л. 104.

[89] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 65. Л. 213–214.

[90] Там же. Д. 68. Л. 230.

[91] Там же. Оп. 11309. Д. 68. Л. 10–13.

[92] Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941–1944. М., 1976. С. 194.

[93] Там же; Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 32–37.

[94] История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Историографическое исследование партизанского движения на временно оккупированных территориях Российской Федерации во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 2001. С. 29.

[95] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 114—115; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 235—236.

[96] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 114—115.

[97] Там же. С. 115—116.

[98] Там же. С. 135.

[99] ЦАМО. Ф. 202. Оп. 2513. Д. 219. Л. 508.

[100] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 135.

[101] Там же. С. 168.

[102] *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944. М., 1986. С. 75.

[103] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 121—122.

[104] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 3—4, 32.

[105] Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4. Оп. 33а. Д. 599. Л. 37, 40.

[106] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 24. Л. 1—3.

[107] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 1974. С. 339.

[108] Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 434.

[109] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 36. Л. 29.

[110] Там же. Д. 81. Л. 100.

[111] *Калинин П. З.* Партизанская республика. Минск, 1973. С. 86.

[112] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2016. Д. 79. Л. 49—50.

[113] *Артемьев И. Н.* В эфире партизаны. М., 1971. С. 11.

[114] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 792. Л. 3, 6.

[115] Там же. Д. 784. Л. 6.

[116] Там же. Д. 795. Л. 2.

[117] Там же.

[118] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 65. Л. 16—23.

[119] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 795. Л. 22.

[120] Там же. Л. 36.

[121] *Старинов И. Г.* Пройти незримым. М., 1988. С. 164.

[122] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1965. Т. 6. С. 281.

[123] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 8. Л. 193—194.

[124] Военно-исторический архив. М., 1999. Вып. 6. С. 135—137.

[125] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 132—135.

[126] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 12—17.

[127] Там же.

[128] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 548. Л. 39.

[129] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1061. Л. 2—3.

[130] Партия во главе народной борьбы в тылу врага (1941—1944). С. 220.

[131] *Князьков А. С., Юденков А. Ф.* Народная война за линией фронта. М., 1990. С. 37—38.

[132] Величие подвига Москвы. М., 1985. С. 40.

[133] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). С. 78.

[134] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 785а. Л. 12, 15—16; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). С. 80.

[135] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 433—434; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 191. Л. 154—155.

[136] История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 156.

[137] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 433.

[138] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 537. Л. 607.

[139] НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 490. Л. 114.

[140] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2155. Д. 39. Л. 223–224.

[141] Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3863. Л. 83, 97.

[142] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 9. М., 1978. С. 230.

[143] Украинский государственный исторический архив (далее — УГИА). Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 111.

[144] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 8. С. 196.

[145] УГИА. Ф. 62. Оп. 22. Д. 27. Л. 13–14.

[146] *Курас И. Ф., Кентий А. В.* Указ. соч. С. 283.

[147] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1944 г.

[148] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 545.

[149] *Курас И. Ф., Кентий А. В.* Указ. соч. С. 284.

[150] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 545–546.

[151] В течение 1944 г. через линию фронта были заброшены: в Польшу — 12 групп (296 человек), в Словакию — 53 группы (1200 человек), в Чехию и Моравию — 11 групп (152 человека), в Венгрию — более 10 групп (около 280 человек), в Румынию — 12 отрядов и восемь групп. За короткий срок многие группы, особенно в Польше и Чехословакии, выросли в крупные партизанские отряды и соединения.

[152] *Курас И. Ф., Кентий А. В.* Указ. соч. С. 282.

[153] *Андрианов В. Н.* Советские партизаны за рубежом // Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 19.

[154] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 9. С. 229.

[155] Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941–1944. Кн. 2. С. 111.

[156] Там же. С. 112.

[157] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 282.

МОБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

Вероломное нападение Германии и ее союзников на СССР потребовало максимального использования не только всех военно-экономических ресурсов страны, но и морально-политического потенциала общества. В условиях войны решение этой важнейшей задачи стало одной из главных функций органов стратегического руководства страной и вооруженными силами и осуществлялось в политической, экономической, социальной, военной и других сферах. Деятельность, направленная на ее решение, охватывала все слои населения, личный состав армии и флота, при этом главной целью проводимых мероприятий являлись мобилизация всех сил советских людей на защиту Отечества, обеспечение их устойчивого морально-политического и психологического состояния, укрепление веры в победу над врагом.

Идеологическое противоборство между Советским Союзом и нацистской Германией является одной из самых ярких особенностей Великой Отечественной войны. Ведению идеологической работы в различных ее формах и направлениях всеми участниками войны придавалось особое значение, и схватки на идеологическом фронте были не менее ожесточенными, чем реальные бои и сражения. Ее целью являлось разрушение политических и ценностных установок, на основе которых противник мобилизовал на ведение войны свое население и армию. Основной формой идеологического противоборства в годы войны являлась идеологическая работа, а ее основными средствами — пропаганда и агитация.

Морально-политическая консолидация общества: мероприятия по укреплению морального духа народа и армии

Организуя работу по мобилизации морально-нравственного потенциала общества на отпор врагу, органы политического руководства, государственного и военного управления, ВКП(б), общественные организации опирались на опыт, накопленный в предвоенные годы. Во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг., в обстановке нарастающей угрозы войны, в стране сложилась стройная система воздействия на общественное сознание граждан, военнослужащих армии и флота в целях формирования высоких морально-политических и боевых качеств, готовности к защите Отечества. Политику государства в этой сфере определяла правящая Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Принятыми мерами

в стране был заложен достаточно прочный нравственный потенциал, основой которого стали моральные ценности, доминировавшие в этот период в обществе и воспринятые большинством граждан: убежденность в том, что социализм — самый передовой и прогрессивный общественный строй; гордость за свою социалистическую Родину и ее растущую мощь; трудовой энтузиазм; патриотизм, дружба народов СССР; солидарность с трудящимися всех стран; нетерпимость к врагам социализма; вера в руководство страны и правильность проводимой им политики. Большая часть граждан страны, особенно молодежь, имели необходимую морально-политическую закалку, физическую подготовку, убежденность в необходимости встать на защиту своей Родины в случае нападения врага.

Однако, как показали события первых месяцев войны, этот потенциал советского общества, армии и флота, сформированный в предвоенные годы, под воздействием ряда объективных и субъективных причин не был реализован сразу. Отрицательную роль сыграли просчеты политического и военного характера, допущенные руководством страны и командованием вооруженных сил в предвоенные годы, в том числе и связанные с этим упущения в морально-политической и психологической подготовке граждан страны, личного состава армии и флота к отражению агрессии.

Накануне войны советский народ был ориентирован на легкую победу. Государственной пропагандой внушался тезис о том, что война будет вестись только на территории противника и малой кровью. После войны Маршал Советского Союза А. М. Василевский отмечал, что у тогдашнего политического и военного руководства «такая иллюзия, к сожалению, имела место»[1]. В партийных документах, публичных выступлениях руководителей партии и государства, военачальников переоценивались оборонная мощь страны, боевой потенциал армии и флота. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин заявил: «Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны»[2]. Взгляды высшего политического и военного руководства на состояние готовности страны и армии к отражению возможной агрессии были зафиксированы в боевых уставных документах. В проекте Полевого устава РККА (ПУ-39) указывалось: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил... Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения победы малой кровью»[3].

Негативное влияние на общественное сознание оказало свертывание в стране антифашистской пропаганды после подписания в 1939 г. Советским Союзом договора с Германией о ненападении. Не учитывался и тот факт, что после Октябрьской революции 1917 г. проводимая в стране политика создала большую прослойку людей, недовольных советской властью. Негативное отношение к советскому строю было присуще значительной части населения присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР западных районов Белоруссии и Украины, Бессарабии, Северной Буковины, республик Прибалтики. В ходе проведенного в мае — начале июня 1941 г. призыва в армию военнообязанных запаса многие жители западных областей с отрицательным отношением к советской власти были направлены в соединения и части приграничных военных округов, первыми принявшими удар войск противника.

Накануне войны военно-политическое руководство Советского Союза располагало достаточной информацией о реальной обстановке в обществе, армии и на флоте, однако, как показали дальнейшие события, его оценки в отношении уровня морально-политической готовности советского народа к отражению агрессии были завышенными. Даже после нападения Германии на СССР не все граждане страны восприняли вражеское вторжение как серьезную опасность. Заявили о себе и те, кто желал поражения Советского Союза: они переходили на сторону врага, содействовали оккупантам на захваченной ими территории.

Однако у подавляющей части населения Советского Союза была твердая убежденность в необходимости защищать свою Родину, советскую власть, новый строй, будущее страны.

Сразу же после начала войны советское политическое и военное руководство приступило к решению масштабных и сложных задач, направленных на решительное отражение фашистской агрессии. Было очевидным: для того чтобы остановить врага, а затем нанести ему поражение, потребуется мобилизация всех сил советского общества, армии и флота. Проведенные в начале войны изменения в системе стратегического руководства и управления внесли существенные коррективы в деятельность партийных и государственных органов военного управления по укреплению морального духа народа и армии. Если в мирное время и в первые дни войны общее руководство работой в этой области осуществлялось высшим руководящим органом правящей партии — Политбюро ЦК ВКП(б), то с 30 июня 1941 г. стратегию и основные направления работы по обеспечению высокого морального духа народа и армии определял Государственный Комитет Обороны.

Несмотря на то что вся власть в стране была сосредоточена именно в этом чрезвычайном органе стратегического руководства, ВКП(б) в условиях войны продолжала занимать главенствующее положение, в том числе в армии и на флоте. Как уже отмечалось, в состав ГКО и Ставки Главного командования вошло большинство членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК партии. Члены ВКП(б) возглавили важнейшие участки работы на фронте и в тылу. Армейские и флотские коммунисты являлись проводниками политики партии в вооруженных силах. Руководство работой по укреплению морального духа армии и флота ЦК ВКП(б) осуществлял через Главное управление политической пропаганды Красной армии (ГУПП КА) и Главное управление политической пропаганды Военно-морского флота (ГУПП ВМФ), работавшие на правах отдела ЦК. Укреплению высокого морального духа граждан большое внимание уделяли республиканские, краевые, областные, городские и районные комитеты ВКП(б). Накануне войны в стране действовало 15 ЦК компартий союзных республик, шесть краевых, 133 областных, 16 окружных, 416 городских, 424 районных комитета в городах и 4075 районных комитетов в сельской местности[4]. Опираясь на первичные партийные организации предприятий, колхозов и учреждений, партийные комитеты на местах решали сложные задачи по консолидации морально-политических сил народа для обеспечения победы в войне.

Многие вопросы, имеющие отношение к этой важнейшей задаче, решались Президиумом Верховного Совета СССР, Ставкой ВГК, органами НКВД (в армии и на флоте — особыми отделами), а также различными общественными организациями: профсоюзами, комсомолом, оборонно-массовыми, творческими союзами, религиозными и прочими. Значительная роль в обеспечении морального духа войск отводилась военным советам, командирам всех степеней, политработникам, армейским и флотским партийным и комсомольским организациям.

Работа по укреплению морального духа народа и армии велась в продолжение всей войны. В каждом ее периоде она определялась и проводилась в жизнь под воздействием многочисленных факторов. Прежде всего с учетом обстановки на советско-германском фронте, задач, стоящих перед вооруженными силами и тылом страны, морально-политического и психологического состояния войск, настроений в обществе, в том числе населения, находившегося на оккупированной противником территории.

В первом периоде войны основные усилия в обеспечении высокого морального духа народа и армии были направлены на решение следующих задач: мобилизацию всех духовных сил советского народа на борьбу с врагом; повышение его ответственности за выполнение конституционного, гражданского и воинского долга по защите Отечества, обеспечение морально-политической и психологической стойкости войск действующей армии в ходе оборонительных сражений и активного воздействия вражеской пропаганды; укрепление правопорядка, организованности и дисциплины, пресечение негативных проявлений в армии и обществе (паника, ложные слухи, дезертирство, пораженческие настроения и прочее).

Начало войны: митинг на Ленинградском заводе имени Кирова

Жители Омска на митинге в связи с вероломным нападением немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз

Горожанка расклеивает агитационные плакаты в блокадном Ленинграде

После завоевания стратегической инициативы Красной армией главные задачи в области укрепления морального духа армии и народа были обращены в первую очередь на обеспечение морального превосходства над противником, укрепление веры в победу над врагом, формирование у личного состава войск действующей армии наступательного порыва, высокой боевой активности. Основной лозунг морально-политического обеспечения оборонительных сражений 1941–1942 гг. «Ни шагу назад!» сменился новым — «Вперед на разгром врага!».

С переносом боевых действий за пределы Советского Союза деятельность политического руководства страны и органов государственного и военного управления нацеливалась на обеспечение морально-политической и психологической готовности советского народа, личного состава армии и флота завершить разгром противника, преодоление настроений, связанных с недооценкой его способности к сопротивлению, разъяснение благородной миссии Советского Союза по освобождению народов Европы от фашизма.

Сразу же после нападения нацистской Германии и ее союзников на СССР военно-политическое руководство страны приняло ряд важнейших военно-политических решений, направленных на политическую консолидацию общества и мобилизацию духовных сил народа на борьбу с врагом. Главным из них стало определение и оперативное доведение до советских граждан и мировой общественности политических целей Советского Союза в войне, навязанной нацистской Германией. Советское руководство исходило из того, что морально-политическая и психологическая готовность многонационального советского народа защищать свою Родину в решающей степени будет зависеть от того, насколько цели войны с фашистской Германией будут отвечать интересам общества. Политические цели Советского Союза в начавшейся войне были изложены в правительственном сообщении о нападении Германии на СССР, директиве СНК и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г., выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. и заключались в том, чтобы ликвидировать нависшую над страной опасность, помочь народам Европы освободиться от немецкой оккупации, уничтожить нацистский режим, создать условия для свободного развития народов по пути мира, свободы и прогресса. Г. К. Жуков констатировал: «Война против фашистской Германии и ее союзников полностью отвечала классовым и национальным интересам советского народа»[5].

Работа по разъяснению целей и справедливого характера войны Советского Союза с нацистской Германией и разоблачению различных вымыслов гитлеровской пропаганды проводилась на протяжении всей войны. Особую значимость она имели в первые месяцы после начавшейся агрессии. Это было обусловлено:

— во-первых, необходимостью объяснения советскому народу возникшей опасности в связи с внезапным нападением Германии. Внести ясность в сложившуюся обстановку необходимо было еще и потому, что за восемь дней до начала войны (14 июня 1941 г.) в печати появилось заявление ТАСС, в котором отмечалось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР, лишены всякой почвы»[6];

— во-вторых, возросшим значением морально-политического фактора, особенно в неблагоприятно сложившихся для наших войск условиях. В такой обстановке доведение и разъяснение целей и справедливого характера войны имели решающее значение для мобилизации усилий личного состава армии и флота, всего советского народа на непримиримую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками;

— в-третьих, сложностью перехода от мира к войне, необходимостью перестройки сознания людей, преодоления инерции мирного времени, объяснения сути происходящих перемен, чтобы каждый гражданин, военнослужащий осознал, насколько велика опасность, нависшая над страной, и настроил себя на преодоление трудностей войны.

Для разъяснения целей войны был задействован весь арсенал имеющихся сил и средств политического воздействия. По указанию ЦК ВКП(б) для разъяснительной работы в войска, республики, края и области направлялись члены ЦК партии, наркомы и другие руководящие партийные и советские работники, видные общественные деятели. В начале июля 1941 г.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) опубликовало рекомендации о проведении циклов лекций, докладов и бесед по темам, раскрывающим цели Советского Союза в начавшейся войне: «Наша война против фашизма — война Отечественная», «Молодежь Советского Союза в Отечественной войне», «Советские женщины в Отечественной войне против фашизма» и другие[7]. Разъяснение целей Отечественной войны стало главной темой всех средств массовой информации. Только за первые дни войны, с 23 по 29 июня 1941 г., в центральных газетах было опубликовано около 70 статей о характере войны, ее целях как со стороны Советского Союза, так и нацистской Германии[8].

Особое внимание разъяснению целей войны уделялось в армии и на флоте, прежде всего в войсках действующей армии, формируемых соединениях и частях, на призывных пунктах мобилизации. Правительственное сообщение о нападении Германии на СССР, с которым выступил по радио 22 июня 1941 г. В. М. Молотов, обращение к народу И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. в соответствии с указаниями Главного управления политической пропаганды Красной армии были отпечатаны максимальным тиражом и распространены в войсках в виде листовок[9]. ГУПП КА требовало «разъяснение направить на мобилизацию всего личного состава, всех сил и средств для быстрейшего разгрома орд фашистских варваров»[10]. Для доведения до личного состава целей войны и правительственных мер по организации отпора врагу военные советы и политорганы направляли в соединения и части своих работников. В начале июля 1941 г. в войска 4-й армии, которая оказалась в очень тяжелом положении, были направлены 19 работников управления политпропаганды Западного фронта и 90 человек из резерва политсостава[11].

Важным документом, в котором определялись основные задачи и направления деятельности государственных органов власти, партийных структур и общественных организаций по мобилизации духовных сил народа и армии на отпор врагу стала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. Как уже отмечалось, основные положения директивы, адресованной только партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям прифронтовых областей, были раскрыты в обращении И. В. Сталина к советскому народу. Если в первые дни после нападения Германии на Советский Союз у многих граждан страны, в том числе военнослужащих, была уверенность в том, что положение скоро стабилизируется и Красная армия нанесет сокрушительный удар по врагу, то после выступления И. В. Сталина всем стало ясно — над страной нависла опасность, война будет долгой, тяжелой и кровопролитной.

Указания, изложенные в директиве, а затем в выступлении по радио И. В. Сталина, легли в основу работы по укреплению морально-нравственных сил народа и армии в начавшейся войне. Укрепление морального духа обеспечивалось не только силами и средствами политического воздействия, но и жесткими мерами законодательного и административного характера по принуждению граждан страны исполнять свой гражданский, воинский и трудовой долг. С началом войны вводились в действие законы военного времени, направленные на повышение юридической ответственности, правопорядка и дисциплины.

В первые дни войны выявились не только сильные, но и слабые стороны работы по укреплению морального духа армии и народа. Одних агитационно-пропагандистских мероприятий оказалось недостаточно. Стремительное продвижение противника в глубь территории страны отрицательно влияло на настроение людей, морально-политическое и психологическое состояние военнослужащих. Отступление нередко вызывало растерянность и панику среди лиц командного и рядового состава. Многие военнослужащие теряли веру в свои силы и возможность сопротивляться врагу. В условиях быстро меняющейся обстановки слухи и предположения о действиях немецких войск (прорыв фронта противником, окружение и прочее) часто воспринимались как достоверные факты и, как следствие, негативно воздействовали на морально-психологическое состояние и поведение больших масс людей. В целях пресечения подобных явлений 6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ, в соответствии с которым за распространение в военное время ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, устанавливалась уголовная ответственность в виде

тюремного заключения на срок от двух до пяти лет, если это действие по своему характеру не влекло за собой по закону более тяжкого наказания[12].

Чрезвычайная обстановка на фронте в первые недели войны, резкое снижение морально-политической и психологической устойчивости личного состава в результате отступления советских войск потребовали оперативного принятия и организационных мер по сохранению и укреплению морального духа армии и флота. Важнейшей из таких мер стало решение о введении института военных комиссаров, призванного усилить политическое руководство в войсках[13]. На военных комиссаров возлагалась «ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли»[14]. Директива за подписью наркома обороны и заместителя наркома обороны — начальника Главного политического управления (ГлавПУ) РККА № 090 от 20 июля 1941 г. «О задачах военных комиссаров и политработников в Красной армии» требовала от каждого военного комиссара: «Детально знать оперативную обстановку, помогать командиру разрабатывать боевой приказ, строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования... Железной рукой насаждать революционный порядок, дисциплину и беспощадно карать паникеров, трусов, пораженцев, дезертиров и всех, самовольно оставляющих позиции без приказа высшего командования»[15].

Институт военных комиссаров просуществовал до начала октября 1942 г. К этому времени стабилизировалось управление войсками, командные кадры приобрели значительный боевой опыт, окрепли в военном и политическом отношении. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии» от 9 октября 1942 г.[16] институт военных комиссаров был упразднен. В мае 1943 г. также прекратил свою работу и институт заместителей командиров рот (равных им подразделений) по политической части[17].

Опыт первых месяцев войны показал, что государственным органам власти и военного управления необходимо гибкое и оперативное реагирование на постоянно меняющуюся обстановку и в соответствии с этим корректировка задач и направлений работы по укреплению морального духа армии и народа. Примером такого оперативного реагирования является деятельность руководства страны и армии по эвакуации членов семей военнослужащих в начале войны. Отсутствие информации о месте нахождения членов семьи оказывало на многих военнослужащих деморализующее воздействие[18]. Следует подчеркнуть, что эвакуация семей начальствующего состава в приграничных частях Красной армии предусматривалась мобилизационными планами, разрабатываемыми в предвоенные годы[19].

В начале июля 1941 г. проблема эвакуации семей начсостава начала решаться на государственном уровне. 2 июля Ставка ГК издала директиву «О порядке эвакуации населения и материальных ценностей»[20], в которой устанавливался порядок эвакуации населения, определялась ответственность органов военного управления и государственной власти за ее проведение. В соответствии с директивой оповещение и сбор эвакуируемого населения, в том числе и семей начсостава, должны были производить военные комиссариаты при непосредственной помощи органов войскового тыла, местных органов советской власти. Поддержание порядка эвакуации возлагалось на органы охраны тыла. За прием, размещение и трудовое устройство отвечали соответствующие областные и краевые исполкомы. В директиве предписывалось, что семьи военных и руководящих гражданских работников эвакуируются железнодорожным транспортом.

В дополнение к директиве от 2 июля 1941 г. Ставка ГК 6 июля направила военным советам фронтов еще одну директиву[21], в которой на местное командование, местные органы советской власти и железнодорожные органы возлагалась обязанность предоставлять эвакуированным семьям необходимые транспортные средства (автотранспорт, подвижной железнодорожный состав) и обеспечивать их питанием, медобслуживанием и в необходимых случаях одеждой. Совнаркомам республик, краевым и областным исполкомам ставилась задача по обеспечению, расселению и первоочередному устройству на работу прибывающих

на жительство эвакуированных членов семей начальствующего состава и оказанию им на первое время необходимой денежной и материальной помощи. В целях реализации указаний Ставки на фронтах создавались комиссии по эвакуации[22]. После принятия указанных мер, эвакуация семей начсостава осуществлялась более организованно. По прибытию в конечный пункт эвакуации семьи начсостава получали от местных органов власти и населения помощь, исходя из имевшихся возможностей.

В числе мер, принимаемых политическим руководством страны и высшим военным командованием по обеспечению устойчивого морально-психологического состояния армии и народа, важное место занимала организация работы военно-полевой почты. На почтовую связь возлагалась задача не только по доставке и отправлению писем, посылок и денежных переводов, но и обеспечению войск газетами, журналами и другой печатной агитационно-пропагандистской продукцией. В условиях тяжелых оборонительных боев в первые недели войны в войсках действующей армии почтовая связь фронта с тылом по ряду объективных и субъективных причин не была организована. Советские войска с боями отступали, и отсутствие сведений о положении на фронте, обстановке в стране, судьбе своих родных и близких тяготило красноармейцев и командиров, отрицательно сказывалось на их морально-психологическом состоянии. Сложившееся положение требовало принятия оперативных мер по обеспечению своевременной доставки на фронт и с фронта в тыл писем и другой почтовой корреспонденции. В соответствии с директивой Генерального штаба и наркома связи СССР с 15 июля 1941 г. в войсках действующей армии началась работа военно-полевых почтовых учреждений.

Уже на второй день войны Народный комиссариат связи (НКС) развернул Главный военно-почтовый сортировочный пункт. При штабах фронтов, в прифронтовых административных центрах, на железнодорожных узлах и в крупных тыловых городах создавались военно-почтовые сортировочные пункты (ВПСП), в тылу каждой армии — военно-почтовые базы (ВПБ), в дивизиях развертывались полевые почтовые станции (ППС), при штабах отдельных частей — военно-почтовые агентства (ВПА). Руководство всей сетью полевых почтовых учреждений фронтов и армий осуществляли соответственно управления полевой связи фронтов и инспектораты связи армий, а общее руководство — Центральное управление полевой связи НКС. В частях, управлениях и отделах штабов армий и флотов выделялись из числа писарей почтальоны, которых снабжали доверенностью и ежедневно командировали на ППС для получения и сдачи корреспонденции. Письма красноармейцы и командиры отправляли бесплатно. На ППС возлагались задачи по проведению всех видов почтовых операций, в том числе по доставке газет, журналов и другой печатной продукции, используемых в работе по обеспечению политико-морального состояния войск[23].

В условиях тяжелых оборонительных боев в первые недели войны в войсках действующей армии почтовая связь фронта с тылом не была организована вследствие неотмобилизования органов военно-полевой почты. Значительное количество ППС не было отправлено с соединениями при их убытии на фронт. В результате для обеспечения почтовой связи в соединениях, оказавшихся без ППС, командование вынуждено было создавать их самостоятельно. Вследствие этого в состав многих ППС набирались люди, не имевшие понятия о работе полевой почты, что приводило к путанице в отправке и получении почтовой корреспонденции. Положение усугублялось тем, что при частой передислокации частей и соединений не соблюдалось обязательное правило их приписки на почтовое обслуживание к соответствующим ППС и ВПБ. В связи с этим на ВПСП скапливалось огромное количество корреспонденции, которую неизвестно было, куда отправлять, а часть вообще оправлялась не по назначению. Все это привело к тому, что в течение первых двух-трех месяцев войны серьезные нарушения почтовой связи между тылом и действующей армией отрицательно сказывались на морально-психологическом состоянии войск и населения. Это явилось следствием плохо организованной службы дислокации войск в Генштабе Красной армии и полного отсутствия дислокационно-почтовой службы в Управлении связи Красной армии (УСКА).

Военный почтальон старшина 1-й статьи Т. К. Кравченко раздает краснофлотцам письма и газеты

Почта пришла на передовую

Организация работы по своевременной доставке почтовой корреспонденции на фронт и с фронта в тыл в оперативном порядке была рассмотрена Государственным Комитетом Обороны. 20 августа 1941 г. ГКО принял постановление № 530 «Об улучшении работы по перевозке и пересылке писем и печати в Красную армию и улучшении работы почтовой связи в стране»[24], которым обязал наркоматы связи и обороны в кратчайшие строки закончить формирование и укомплектование учреждений полевой почтовой связи для всех соединений действующей армии.

В сентябре 1941 г. организация работы по своевременной доставке писем на фронт и с фронта в тыл была изучена в ЦК ВКП(б). Политбюро ЦК 4 октября 1941 г. приняло постановление «О мерах ускорения доставки писем на фронт», поручив наркоматам связи и обороны не позднее 10 октября дополнительно развернуть и ввести в действие военно-почтовые сортировочные пункты в ряде крупных городов страны: Вологде, Горьком, Кирове, Ташкенте и других. Устанавливались жесткие требования по срокам проверки органами военной цензуры почтовой корреспонденции, идущей в действующую армию, — не свыше 24 часов. Наркомату связи ставилась задача обеспечить отправку из военно-почтовых сортировочных пунктов корреспонденции на фронт с первым отходящим поездом, не допуская ее задержки на следующий день. Из ППС вся поступающая корреспонденция должна была отправляться в части в день получения, в самой части немедленно доставляться бойцам и командирам. Контроль над работой полевых почтовых станций и армейских военно-почтовых баз, доставкой бойцам и командирам почтовой корреспонденции, своевременной припиской и отпиской частей к полевым почтовым станциям и полевых почтовых станций к базам в случае изменения дислокации частей возлагался на начальников политотделов армий и соединений[25].

Для исправления ситуации нарком связи, заместитель наркома обороны, начальник Главного управления связи Красной армии И. Т. Пересыпкин принял ряд мер: инициировал создание дислокационно-почтовой службы в Главном управлении связи; ввел почтовые паспорта для своевременной приписки и отписки частей и соединений; утвердил новый порядок адресования почтовой корреспонденции; передал органы военно-полевой почты из системы НКС в Главное управление связи Красной армии, где создал Управление военно-полевой почты, которое и занималось почтовым обеспечением военнослужащих. Задержка почтовой корреспонденции и засылка ее не по назначению расценивалась как должностное преступление.

В результате принятых мер доставка писем, другой почтовой корреспонденции на фронт и с фронта в тыл значительно улучшилась, что способствовало укреплению морального духа армии, повышению ее боеспособности. Ежемесячно в действующую армию доставлялось около 70 млн писем и более 30 млн газет, а за всю войну полевая почта доставила около 6 млрд экземпляров почтовой корреспонденции[26]. Письма, приходящие на фронт, были неизмеримыми по размаху и прочности духовными нитями, связывающими армию со своим народом. Это были артерии, по которым вливались свежие силы в защитников Родины.

Суровая необходимость заставила руководство страны опереться на патриотическое сознание народа. Объявив начавшуюся войну народной, советское военно-политическое руководство обратилось к героической истории России, военным традициям русского и других народов страны. На протяжении всей войны военные советы, политические управления фронтов уделяли большое внимание воспитанию личного состава на героической истории Отечества. В войсках проводились беседы патриотического содержания: «Героическое прошлое русского народа», «Александр Невский. Ледовое побоище», «Дмитрий Донской. Куликовская битва», «Минин и Пожарский», «Александр Суворов», «Разгром Наполеона. Михаил Кутузов»[27]. В целях активизации патриотического воспитания личного состава Главное политуправление РККА неоднократно направляло в войска специальные директивы. Так, 28 марта 1942 г. Главное политуправление, в связи с приближающейся 700-й годовщиной разгрома русскими войсками немецких рыцарей на Чудском озере (5 апреля), рекомендовало активно использовать в агитационно-пропагандистской работе эту важную историческую дату. Предлагалось в армейской печати поместить статьи и материалы о Ледовом побоище, организовать просмотр кинофильма «Александр Невский»[28].

Генерал-майор А. Г. Кравченко с военнослужащими у знамени 5-го гвардейского танкового корпуса

Командование 87-го гвардейского отдельного саперного батальона 75-й гвардейской стрелковой дивизии

В годы войны неоднократно принимались решения по возрождению и внедрению традиций русской армии. Указами Президиума Верховного Совета СССР были учреждены государственные награды, носящие имена великих русских полководцев и флотоводцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Александра Невского, Ф. Ф. Ушакова и П. С. Нахимова[29]. В 1943 г. в армии и на флоте были введены погоны и воинские звания, аналогичные существовавшим в русской армии и российском флоте[30].

Важной мерой, направленной на укрепление морального духа военнослужащих стало решение о присвоении наиболее отличившимся в боях частям и соединениям наименований гвардейских. 18 сентября 1941 г. приказом наркома обороны за боевые подвиги, проявленные в боях под Ельней, 100-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор И. Н. Руссиянов), 127-я стрелковая дивизия (полковник А. З. Акименко), 153-я стрелковая дивизия (полковник Н. А. Гаген) и 161-я стрелковая дивизия (полковник П. Ф. Москвитин) были переименованы в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии соответственно[31]. Указанным дивизиям были вручены особые гвардейские знамена, всему начальствующему (высшему, старшему и младшему) составу устанавливался полуторный, а бойцам — двойной оклад содержания. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 г.[32] для военнослужащих гвардейских частей и соединений РККА и ВМФ вводились отличительные воинские звания (перед воинским званием добавлялось слово «гвардии») и особый нагрудный знак.

В сражениях Великой Отечественной войны ряды советской гвардии росли. В битве под Москвой за проявленные героизм и доблесть звание гвардейских получили около 30 частей и соединений. В битве под Сталинградом гвардейскими стали целые армии. На заключительном этапе войны на фронте сражались 11 гвардейских армий[33]. Создание гвардии сыграло существенную роль в повышении морально-политического состояния советских войск в годы войны. Личный состав каждой части и соединения стремился своими боевыми делами заслужить гвардейское звание.

Эффективным средством воспитания патриотизма являлось вручение частям, соединениям и объединениям новых боевых знамен, учрежденных указом Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1942 г.[34]

В годы войны для поддержания морального духа широко практиковалось материальное стимулирование военнослужащих, отличившихся при выполнении боевых заданий командования. Впервые такая форма поощрения была применена в августе 1941 г. Приказом наркома обороны члены экипажей самолетов, участвующих в бомбардировке Берлина, поощрялись деньгами в размере 2 тыс. рублей[35]. Денежные премии устанавливались летчикам и летно-техническому составу Военно-воздушных сил[36], личному составу автобронетанковых ремонтных частей[37], военнослужащим авиамастерских Военно-воздушных сил[38], военнослужащим за эвакуацию танков во боевых условиях[39], бойцам и командирам за уничтожение танков противника[40].

Важным направлением работы по укреплению морального духа являлось формирование образа врага, воспитание ненависти к захватчикам. Отношение к немцам в начале войны было неоднозначным. В первые дни после начала агрессии многие военнослужащие продолжали находиться под влиянием предвоенных идеологических установок, в соответствии с которыми немецких солдат следовало рассматривать как рабочих и крестьян, переодетых в военную форму. Предполагалось, что стоит только разъяснить солдатам противника, что их ведут на захватническую войну против страны рабочих и крестьян, как они сразу же осознают преступность планов своего буржуазного правительства. Все это порождало у многих граждан страны и военнослужащих благодушие и самоуспокоенность, ставших опасными в условиях войны.

В преодолении этого недостатка значительную роль сыграли требования Главного управления политической пропаганды, изложенные в специальной директиве от 11 июля 1941 г. «О донесении в ГУПП КА о фактах зверств и издевательств немцев над населением и попавшими в плен красноармейцами»[41]. ГУПП обязало командно-политический состав систематически сообщать личному составу о злодеяниях врага в захваченных им советских

районах, а также о глумлениях и издевательствах над попавшими в плен воинами Красной армии. В декабре 1941 г. по указанию Главного политуправления Красной армии на всех знаменах частей, в военной печати лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заменен на «Смерть немецким оккупантам!»[42].

Преступления германских войск и их союзников вызывали у советских людей стремление отомстить врагу, быстрее разгромить его. Подводя итоги первых десяти месяцев войны, нарком обороны СССР в праздничном приказе от 1 мая 1942 г. отмечал: «Исчезли благодушие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы Отечественной войны. Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни. Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»[43].

Активизации работы по формированию у военнослужащих, граждан страны ненависти к врагу во многом способствовали решение ЦК ВКП(б) от 13 августа 1942 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС»[44] и положение «О работе военных корреспондентов», утвержденное в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политуправлением Красной армии[45]. Указанные партийные документы обязывали все редакции газет и военных корреспондентов обратить внимание на сбор и публикацию материалов о преступлениях фашистов.

Большое эмоциональное влияние на военнослужащих армии и флота, всех граждан страны оказывали передаваемые по всесоюзному радио, публикуемые в печатных изданиях ноты наркома иностранных дел о преступлениях германских властей и немецко-фашистских войск в отношении советских граждан. Важную роль в этом вопросе сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба, образованная, как уже отмечалось, указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г.[46]

Условия войны диктовали необходимость еще большего укрепления воинской и трудовой дисциплины, ужесточения мер по пресечению явлений, негативно влияющих на морально-политическое и психологическое состояние населения, личного состава армии и флота, подрывающих у людей веру в победу. В этот опасный для страны период действия государства были адекватны природе и требованиям войны. Особое внимание уделялось ужесточению порядка и дисциплины в армии и на флоте, прежде всего в действующей армии. В начале войны положение с дисциплиной в действующей армии сложилось неблагополучное. С 5 по 10 июля 1941 г. за дезертирство, членовредительство, трусость, паникерство, распространение пораженческих настроений (в то время данные преступления относились к категории контрреволюционных) привлекли к уголовной ответственности 2681 человека, из них к расстрелу — 605[47].

В условиях чрезвычайно тяжелой обстановки на фронте в целях укрепления дисциплины и организованности ГКО 16 июля 1941 г. принял постановление № 169 «О строжайшем пресечении в Красной армии нарушений воинской дисциплины, об аресте и предании суду группы командования Западного фронта»[48], а Ставка ВГК 19 августа 1941 г. издала приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий»[49]. Документы были направлены прежде всего на повышение ответственности военнослужащих за выполнение воинского долга, пресечение трусости, дезертирства, растерянности и малодушия среди командиров и политработников. Ужесточались наказания для тех, кто нарушал требования воинской присяги, уставов и приказов.

Ставка ВГК в приказе № 270, указав на возросшую роль дисциплины и организованности в бою, потребовала решительной борьбы (вплоть до расстрела на месте) с теми, кто нарушал воинскую присягу, уставы и приказы. Приказ сыграл существенную роль в повышении дисциплины, боеспособности войск. Вместе с тем требование приказа карать трусов и изменников вызвало в армии необоснованные репрессии и грубейшее превышение власти

со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к подчиненным. Это вынужден был признать нарком обороны СССР в своем приказе № 0391 от 4 октября 1941 г. «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями»[50]. В документе прямо указывалось, что необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния. Нарком потребовал восстановить воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

Нельзя не отметить тот факт, что требование приказа № 270 лишать семьи сдавшихся в плен красноармейцев государственного пособия и помощи было неоправданно суровым. 24 июня 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О членах семей изменников Родины», в котором для членов семей военнослужащих и гражданских, осужденных за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с СССР государств, переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и попытку измены Родине или изменнические намерения, устанавливалась мера наказания — ссылка в отдаленные местности СССР на срок до пяти лет[51].

Летом 1942 г. советские войска вели кровопролитные оборонительные бои. Особенно тяжелая обстановка сложилась в полосе Юго-Западного фронта. Под натиском противника советские войска отступали. Несмотря на мужество и героизм солдат и командиров, обстановка на всех участках фронта продолжала ухудшаться. Неудачи на фронте отрицательно сказывались на состоянии морального духа значительной части военнослужащих. В тылу граждане начали терять веру в армию и победу над врагом. В этих условиях с особой остротой стоял вопрос о повышении стойкости войск, личной ответственности каждого военнослужащего за судьбу Родины. В сложной, критической обстановке 28 июля 1942 г. народный комиссар обороны СССР издал приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»[52], известный под названием «Ни шагу назад!». В нем говорилось: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза... У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит, загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину... Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв»[53].

В войсках, непосредственно в частях и подразделениях, оперативно была развернута работа по разъяснению приказа, значения упорной обороны каждого рубежа родной земли. По указанию ЦК ВКП(б) на фронт выехали партийные работники, известные писатели и общественные деятели. Призывы к стойкости и мужеству звучали в обращениях военных советов фронтов и армий, приказах командующих, не сходили в те дни со страниц центральных газет, всей фронтовой печати. 15 августа 1942 г. «Правда» писала: «Ни шагу назад! Вот лозунг, которому должна быть сейчас подчинена вся политическая работа на фронте». В директиве Главного политуправления № 09 от 15 августа 1942 г. «О политической работе по выполнению приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 г.» указывалось: «На героических примерах стойкости и доблестного поведения как отдельных военнослужащих, так и подразделений изо дня в день воспитывать у бойцов ясное понимание того, что теперь военное и внешнеполитическое положение нашей Родины в большей мере зависит от выполнения каждым бойцом, командиром и политработником своего долга»[54]. Генерал армии С. М. Штеменко в своих воспоминаниях писал: «Приказ № 227 чрезвычайно благотворно повлиял на боеспособность войск. Каждый глубоко проникся мыслью о необходимости стоять насмерть в бою и делал для победы всё, что мог. И прежде всего там, где было особенно тяжело, — на сталинградском направлении»[55]. Последовательное выполнение требований приказа наркома обороны № 227 значительно укрепило воинскую дисциплину, повысило организованность, стойкость и упорство войск.

Работницы одной из московских баз З. И. Морозова и М. Т. Осипова
формируют посылки для отправки на фронт

Председатель колхоза «Пробуждение» В. И. Рябинин принимает от колхозниц изготовленные ими теплые вещи для отправки воинам Красной армии

Кладовщица Т. Н. Догадина готовит к отправке в действующую армию теплые вещи, принятые от жителей Чкалова

Жительницы Грозного упаковывают подарки фронтовикам

В целях активизации политической работы в этот тяжелый период были приняты меры по укреплению руководства Главного политического управления РККА. В июле 1942 г. начальником его был назначен кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), одновременно являвшийся первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии А. С. Щербаков. При Главном политуправлении создан Совет военно-политической пропаганды под руководством А. С. Щербакова, призванный определять дальнейшие направления и средства повышения эффективности агитации и пропаганды с учетом военно-политической обстановки, задач, стоящих перед войсками.

Решение задач по обеспечению высокого морально-политического состояния советского народа не могло не вызвать необходимости усиления ответственности за нарушение трудовой дисциплины, от которой зависела прочность тыла. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июля 1941 г.[56] на производстве были отменены выходные дни и отпуска, введены сверхурочные работы. Укреплению трудовой дисциплины, сплочению людей в общей борьбе с фашизмом содействовали указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г.[57], «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г.[58] и другие.

В тревожное для страны время, когда германские войска рвались к Волге, после подписания приказа народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., Президиум Верховного Совета СССР 29 сентября 1942 г. издал указ «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в ближайших к фронту районах»[59]. В указе определялось, что все работники государственных предприятий и учреждений в районах, близких к фронту, переводились на положение мобилизованных и закреплялись за теми предприятиями и учреждениями, в которых они трудились. Самовольный уход с предприятия и учреждения рассматривался как дезертирство, и лица, виновные в этом, наказывались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет.

Принимались законы, расширявшие сферу действия и объем льгот, пособий, преимуществ граждан страны, прежде всего членов семей военнослужащих. Масштабная мобилизация граждан в армию ставила их семьи в тяжелое материально-бытовое положение, что не могло не отразиться на моральном состоянии как военнослужащих, так и членов их семей[60]. Несмотря на ограниченные финансово-экономические возможности, государственными органами власти были оперативно определены и реализованы меры, направленные на материально-бытовое, пенсионное, медицинское и жилищное обеспечение членов семей военнослужащих. На четвертый день войны, 26 июня 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Семьям военнослужащих, призванных по мобилизации, за исключением семей сверхсрочнослужащих, назначалось денежное пособие, размер которого определялся в зависимости от наличия в семье трудоспособных членов семьи, а также детей. Ставились предельно жесткие сроки по назначению пособия — три дня со дня получения соответствующего заявления от семьи военнослужащего.

В соответствии с указом от 26 июня 1941 г., если в семье не было трудоспособных, пособие выплачивалось ежемесячно в следующих размерах: при наличии одного нетрудоспособного — 100 рублей, двух нетрудоспособных — 150 рублей, трех и более нетрудоспособных — 200 рублей в месяц в городе и 50% от этой суммы в сельских местностях. Если в семье было три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, пособие выдавалось в размере 150 рублей в месяц в городе и 50% от этой суммы в сельских местностях. Семьям имевшим двоих детей, не достигших 16-летнего возраста, при одном трудоспособном, выплачивалось пособие 100 рублей в месяц в городе и 50% от этой суммы в сельских местностях[61].

В целях социальной защиты военнослужащих и членов их семей в военное время руководством страны в августе 1941 г. принимались меры по сохранению за ними жилой площади

и установлению льгот по квартирной плате. Решению этих вопросов было посвящено постановление СНК СССР № 1803 от 2 июля 1941 г. «Об освобождении от оплаты за обучение детей рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота»[62]. Государство взяло на себя заботу и о детях защитников Родины. Весьма важным решением руководства страны, направленным на поддержание морально-политического состояния военнослужащих, стало освобождение от уплаты за обучение в 8–10 классах средних школ, техникумах и вузах детей рядового и младшего начальствующего состава, призванных в армию и на флот[63].

На протяжении всей войны ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, по мере выявления проблем социального характера и исходя из возможностей государства, неоднократно принимали решения по улучшению социального обеспечения отдельных категорий граждан, воинов армии и флота. Устанавливались льготы инвалидам-фронтовикам, членам семей военнослужащих, погибших при выполнении воинского долга, и других. Одной из таких мер стало решение о создании в 1943 г. 11 суворовских военных училищ (аналогичных кадетским корпусам) для детей сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов (в 1944 г. было открыто еще шесть), а также 23 специальных ремесленных училищ, специальных детских домов и детских приемников-распределителей[64].

В числе приоритетных направлений деятельности органов государственного и военного управления, коммунистической партии, общественных организаций в деле обеспечения высокого морального духа армии и народа было установление и поддержание тесной связи фронта с тылом. Многообразная связь с тружениками тыла была для военнослужащих на фронте мощным источником моральной поддержки. Вместе с тем эта связь являлась средством мобилизации трудящихся тыла, помогала им осознавать свою деятельность как часть общей борьбы против фашистских захватчиков.

Несмотря на неимоверные трудности и лишения, граждане страны прилагали большие усилия, чтобы помочь армии и флоту в разгроме врага. Это стремление вылилось в многочисленные патриотические движения. Сразу же после начала войны в стране развернулось движение по оказанию помощи раненым, поддержанное ГКО[65] и ЦК ВКП(б)[66]. В соответствии с принятыми решениями были созданы комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых из представителей партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и общественных организаций. Комитеты организовывали шефство над госпиталями, оказывали им помощь в приеме прибывающих больных и раненых военнослужащих, проведении ремонта помещений, радиофикации палат, сборе и распределении подарков от предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан, проводили культурно-просветительную работу.

Уже в первые дни войны на проходивших по всей стране митингах и собраниях рабочие, колхозники, служащие, осуждая фашистскую агрессию, вносили различные предложения, направленные на усиление помощи фронту, в том числе по созданию народного Фонда обороны. 29 июля 1941 г. газета «Правда» в обзоре писем «Трудящиеся предлагают создать фонд обороны» указала, что денежные средства можно помещать в любое отделение Государственного банка СССР на специальный счет. В этот же день в народный Фонд обороны от граждан страны поступило несколько сотен тысяч рублей. Движение за создание Фонда обороны было поддержано государственными органами власти и партийными комитетами на местах. В конце июля — начале августа 1941 г. вопрос об образовании народного Фонда обороны страны был рассмотрен многими ЦК компартий союзных республик, бюро крайкомов и обкомов. Например, в первых числах августа ЦК компартии Белоруссии принял постановление «О Фонде обороны», в котором все партийные, советские и комсомольские организации республики обязывались «всемерно поддерживать и возглавить инициативу рабочих, колхозников и интеллигенции, начавших сборы денежных средств, материальных ценностей и продуктов в Фонд обороны страны»[67].

Крупные взносы в Фонд обороны страны сделала Русская православная церковь. В 1943 г. митрополит Московский и Коломенский Сергий призвал духовенство и всех верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Димитрия Донского. В итоге средства

были собраны не только на строительство этой колонны, но и на создание авиационной эскадрильи «Александр Невский». Всего сумма добровольных взносов верующих в конце 1944 г. составили 150 млн рублей[68].

За годы войны в Фонд обороны поступило свыше 17 млрд рублей наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд рублей драгоценностей, свыше 4,5 млрд рублей облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательные кассы (в ценах 1941 г.). Эти средства были израсходованы на оборонные цели; на них построено свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, восемь подводных лодок, 16 военных катеров и прочее[69].

В августе 1941 г. по инициативе населения в стране начался сбор теплых вещей для Красной армии. Чтобы придать ему организованный характер, ЦК партии 5 сентября 1941 г. принял специальное постановление «Об организации сбора теплых вещей и белья для Красной армии»[70]. Для практической работы по сбору теплых вещей и белья для фронтовиков при республиканских, краевых, областных, городских и районных комитетах партии были образованы комиссии. Общее руководство сбором теплых вещей и белья поручалось Центральной комиссии во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Андреевым. Только за сентябрь — ноябрь 1941 г. для защитников Родины было собрано и направлено в армию и на флот 1 млн 175 тыс. пар валенок, около 1 млн кг шерсти, свыше 500 тыс. полушубков, свыше 2 млн овчин, миллионы пар шерстяных перчаток и варежек, меховых рукавиц, шерстяных носков, ватных курток, шапок-ушанок и многое другое[71].

Ярким примером, характеризующим высокий патриотизм советских людей, желание помочь фронту и тем самым приблизить победу, явилось участие миллионов граждан в донорском движении. Свыше 5,5 млн человек стали в те годы донорами, дав фронту 1,7 млн литров крови, которая реально спасла жизнь многим раненым бойцам и командирам[72].

Государственными органами власти, партийными комитетами на местах поддерживались и другие патриотические начинания населения по оказанию помощи фронту, прежде всего в организации выездов на фронт для встреч с военнослужащими представителей трудовых коллективов республик, краев и областей, сборе подарков для военнослужащих, организации переписки с фронтовиками и прочем.

Работа по обеспечению высокого морального духа все время совершенствовалась, давая положительные результаты для достижения победы над врагом. С разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом стратегическая инициатива перешла к Красной армии, вдохновила воинов вооруженных сил, весь советский народ. Военно-политическое руководство страны, командование фронтов и армий, политорганы стремились закрепить этот подъем. Несмотря на значительные потери, враг еще располагал большими силами, предстояли нелегкие сражения. В сложившейся военно-политической обстановке государственные органы власти, органы военного управления, коммунистическая партия, общественные организации продолжали уделять неослабное внимание укреплению морального духа армии и народа. Для его поддержания стала активно использоваться такая форма морального поощрения, как приказы Верховного главнокомандующего в ознаменование побед советских войск. Следует отметить, что первый такой приказ был издан через месяц после начала войны. 22 июля 1941 г. И. В. Сталин объявлял благодарность войскам Московской зоны ПВО, личному составу пожарных команд и милиции за успешное отражение налета вражеской авиации на Москву[73]. В дальнейшем, в 1941—1942 гг., ввиду неблагоприятного развития событий на фронте, поздравления отличившимся войскам приказами Верховного главнокомандующего объявлялись редко.

С начала 1943 г., когда стратегическая инициатива стала переходить к Красной армии, такие приказы стали издаваться регулярно. Они передавались по всесоюзному радио, публиковались на страницах газет и журналов. Личному составу соединений и частей, получавших благодарность Верховного главнокомандующего, выдавались специальные именные бланки с указанием даты и номера поздравительного приказа, скрепленного подписью командира части и заверенного войсковой печатью. С января 1943 г. и до конца

войны Верховным главнокомандующим было издано 375 поздравительных приказов, в которых отмечались боевые заслуги войск фронтов, армий, флотов, флотилий, соединений и частей при прорыве укрепленных оборонительных полос, форсировании водных преград, окружении и уничтожении вражеских группировок, освобождении и взятии городов и объявлялась благодарность бойцам, командирам и политработникам[74].

Начиная с приказа Верховного главнокомандующего от 5 августа 1943 г.[75] в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве стали производиться победные артиллерийские салюты и было введено систематическое присвоение почетных наименований частям и соединениям по названиям освобожденных ими городов. Почетные наименования присваивались также по названиям рек, горных массивов и озерных систем, островов и полуостровов, которые части и соединения освобождали или преодолевали. Некоторым соединениям (частям) и военно-учебным заведениям почетные наименования были присвоены в честь выдающихся партийных, государственных, военных деятелей и других лиц, имеющих особые заслуги перед Советским государством и его вооруженными силами (М. В. Фрунзе, И. В. Панфилов, А. И. Лизюков, А. М. Матросов и другие)[76].

Учитывалось и то, что при проведении наступательных операций второго и третьего периодов войны войскам приходилось форсировать крупные водные преграды. Верховное главнокомандование требовало от командования фронтов усилить работу по формированию у личного состава храбрости, высокой боевой активности. Так, в обращении Военного совета Воронежского фронта к солдатам и офицерам в преддверии форсирования Днепра подчеркивалось: «Успех переправы решает каждый воин, его дисциплина и организованность. Будь смел и дерзок, проявляй находчивость»[77]. Большую роль в поднятии боевого духа, наступательного порыва командиров соединений и частей сыграла директива Ставки ВГК от 9 сентября 1943 г. «О представлении к наградам командиров за форсирование водных преград»[78], разрешавшая представлять отличившихся командиров к званию Героя Советского Союза за форсирование Днепра в районе Смоленска и ниже и аналогичных по трудности форсирования рек. Около 2 тыс. солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра[79].

Патриотическому подъему, воспитанию гордости за свою Родину послужило утверждение СНК СССР 22 декабря 1943 г. нового текста и музыки Государственного гимна СССР взамен международного пролетарского гимна «Интернационал».

В связи с переносом в 1944 г. военных действий за пределы СССР возникла потребность внести коррективы в содержание работы по укреплению морального духа. В первую очередь требовалось обеспечить понимание личным составом армии и флота, всеми гражданами страны необходимости ведения войны до полного разгрома и капитуляции немецко-фашистских войск, активизировать работу по разъяснению миссии Советского Союза по освобождению стран Европы от германской оккупации. Весьма значимым был вопрос о поведении военнослужащих в Румынии, Венгрии, других государствах Европы и особенно при вступлении советских войск на территорию Германии. Нельзя было не учитывать тот факт, что советские военнослужащие с первого дня войны жили мыслью разгромить нацистскую Германию и ее союзников, отомстить за гибель боевых товарищей, родных и близких, злодеяния агрессоров на оккупированных территориях, разрушенные города и села. В связи с имевшими место настроениями стояла задача показать советскому народу, военнослужащим армии и флота, что Советское государство руководствуется не чувством мести, а необходимостью решения главной задачи — разгрома германского нацизма.

Исходя из новых условий ведения войны, руководство Советского Союза провело в жизнь ряд важнейших мероприятий, направленных на обеспечение высокого морального духа армии и народа. В основу этой работы были положены заявление советского правительства от 2 апреля 1944 г.[80] и постановление ГКО от 10 апреля 1944 г. «О поведении Красной армии на территории Румынии»[81], в которых были изложены освободительные цели Красной армии, определена линия поведения советских войск в Румынии, воевавшей на стороне Германии против СССР, — первом европейском государстве, на территорию

которого с боями вошли советские войска[82]. В частности, в постановлении ГКО от 10 апреля отмечалось: «Красная армия выполняет приказ Верховного главнокомандующего — преследовать неприятельские войска до их полного поражения и капитуляции противника. Не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная армия, не имеющая других целей, кроме цели разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах»[83].

4 мая 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) провело совещание членов военных советов фронтов. На совещании была проанализирована военно-политическая обстановка, складывающаяся в связи с вступлением Красной армии на территорию европейских государств, сформулированы возросшие требования к интернациональному воспитанию военнослужащих, определены приоритеты в работе по укреплению морального духа в новых условиях ведения войны. На основе указаний ГКО и Политбюро ЦК ВКП(б) Главное политическое управление Красной армии 19 июля 1944 г. направило военным советам фронтов директиву, в которой ставилась задача перестроить содержание партийно-политической и всей воспитательной работы применительно к новой обстановке, усилить разъяснение позиции советского правительства относительно цели вступления советских войск на территории европейских государств[84].

Задачи, поставленные военно-политическим руководством страны, обсуждались на заседаниях военных советов фронтов и армий, в политических органах. Военный совет 2-го Украинского фронта в директиве о политической работе в предстоящей операции требовал: «Разъяснять всему личному составу войск, что мы воюем теперь на чужой территории, и от каждого солдата и офицера требуется высокая бдительность, подтянутость и организованность, решительная борьба против беспечности, ротозейства и распущенности. К румынскому гражданскому населению относиться с советским достоинством и не допускать никаких самочинных и произвольных действий»[85]. С выходом войск 1-го Украинского фронта на территорию Польши Военный совет фронта 7 августа 1944 г. провел заседание с участием руководящего состава объединений и соединений. На нем особое внимание было обращено на необходимость повышения организованности, дисциплины и бдительности, ставилась задача, чтобы каждый воин был достойным представителем своей социалистической Родины за рубежом[86].

Работа по морально-политической подготовке войск к выполнению освободительной миссии приобрела широкий размах. В войсках проводились политические мероприятия по разъяснению документов советского правительства о цели вступления Красной армии на территории европейских государств, мобилизации личного состава на успешное выполнение боевых задач, стоящих перед войсками. Для офицеров читался специальный цикл лекций по военно-политическому и экономическому положению европейских государств. Военнослужащих всех категорий знакомили с особенностями исторического развития, общественным и государственным строем освобождаемых стран, традициями, обычаями и бытом населения. В работе с личным составом постоянно подчеркивалось, что чувство ненависти к захватчикам, справедливое возмущение их злодеяниями не должно распространяться на мирное население. «Наш закон таков, — говорилось в обращении Военного совета 1-го Белорусского фронта, — воин Красной армии никогда не уподобится фашистским людоедам, никогда не уронит достоинства советского гражданина»[87].

При ведении военных действий за пределами СССР личный состав остро чувствовал оторванность от своей страны. Учитывая это, военные советы и политические органы особое внимание уделяли работе печати, радиоузлов и полевых почт. Радиоузлы подготавливали специальные передачи, а фронтовые, армейские и дивизионные газеты ввели рубрику «Вести с Родины». Систематические сообщения о жизни и успехах народа, мерах, принимаемых государством по социальной поддержке фронтовиков и членов их семей, способствовали мобилизации военнослужащих на скорейший разгром врага и победоносное окончание войны.

Особенно большое внимание было уделено поддержанию высокого морального духа войск при подготовке и в ходе проведения Берлинской операции — одной из крупнейших по своим масштабам и военно-политическому значению. Направление и содержание работы определялось приказами Верховного главнокомандующего, указаниями ЦК ВКП(б). В них подчеркивалась необходимость сконцентрировать усилия воинов армии и флота на окончательный разгром врага. Мобилизующее значение имели призывы «Вперед, на полный разгром немецких оккупантов!», «Добить фашистского зверя в его собственной берлоге!», «Водрузить Знамя Победы над фашистским логовом!». Проведенные мероприятия обеспечили высокий морально-политический и психологический настрой, наступательный порыв войск. 2 мая 1945 г. гарнизон немецких войск в Берлине прекратил сопротивление, а через несколько дней — 9 мая — Германия безоговорочно капитулировала.

Опыт войны показал, что высокий моральный дух армии и народа являлся одним из важнейших факторов победы Советского Союза над Германией и ее союзниками. Последовательные и решительные действия государственных органов власти, органов военного управления, коммунистической партии, общественных организаций обеспечили утверждение в сознании многонационального советского народа справедливости борьбы с врагом и ее союзниками, несокрушимой веры в окончательную победу. На протяжении всей войны моральный дух армии и народа не был сломлен. Даже в наиболее трагичные для Советского Союза периоды вера в победу у большинства военнослужащих и граждан страны не угасала. Это вынуждены были признать не только немецкие солдаты и офицеры, участвующие в боевых действиях на восточном фронте, но и те, кто планировал войну с СССР и рассчитывал на легкую победу. Через три недели после начала войны, 15 июля 1941 г., начальник штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер сделал в своем дневнике следующую запись: «Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением»[88].

Противник встретил упорное сопротивление не только армии, но и всего многонационального советского народа. В кровопролитных сражениях с врагом и на трудовом фронте советские люди проявляли высокие морально-политические и боевые качества, самоотверженность и массовый героизм. В борьбе с фашизмом советский народ опирался на лучшие патриотические, боевые, трудовые и культурные традиции России, защищал не только национальные ценности, но и в одинаковой мере отстаивал государственный и социалистический строй. Великая Отечественная война показала всему миру непобедимую силу духа советских людей, их нравственную и моральную стойкость и готовность отдать все силы делу защиты Родины.

Организация идеологической работы в стране

Идеологической основой советского общества в предвоенные годы выступала марксистско-ленинская теория развития и организации общества. Целью идеологии того времени являлось свержение старого капиталистического строя и построение нового, коммунистического общества[89]. Ряд положений этой теории был закреплен в советской конституции 1936 г.: власть в стране принадлежала «трудящимся города и деревни», частная собственность на орудия и основные средства производства была ликвидирована, уничтожена эксплуатация человека человеком[90]. Целью дальнейшего развития общества определялось построить «новый, лучший, социалистический строй, и при этом такой строй, который не знает ни кризисов, ни безработицы»[91]. Основная задача государства и его граждан состояла в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе[92]. В соответствии с этими задачами и формировалось мировоззрение граждан СССР. В своем подавляющем большинстве они чувствовали себя участниками великого дела, надеялись на светлое будущее. Реальная возможность выйти в люди — стать учеными, военными, государственными и партийными

деятелями воспринималась с огромным энтузиазмом. Отсутствие безработицы, всемерно демонстрируемое уважение к труду и производственным достижениям, почет стахановцам и ударникам формировали невиданную до сего времени общность людей. Таким образом, органичное восприятие советским социумом предлагавшейся идеологии обуславливалось вполне реальными социально-экономическими и военно-политическими достижениями.

Однако идеологическая работа, несмотря на всю ее внешнюю успешность, на всем протяжении межвоенного периода проходила через сложные и даже кризисные состояния, влиявшие на единство общества. Для того чтобы добиться монолитного морально-психологического состояния населения страны, необходимо было преодолеть в сознании значительной части целого поколения негативные последствия раскулачивания, принудительной коллективизации и политических репрессий. Эти эксцессы надолго оставили у определенных групп населения чувство обиды на власть, а в годы войны часто становились одним из главных источников коллаборационизма.

С середины 1930-х гг. стал набирать обороты процесс трансформации революционно-интернационалистской идеологии в идеологию советского патриотизма. В преддверии мировой войны прежняя идеология не годилась, так как, указывая цель, она предлагала несоответствующие духу времени пути ее достижения. В русле этого процесса постепенно преодолевалось «революционное» отрицание многовековой истории России и осуществлялся поворот к патриотической идеологии[93]. Восстанавливались исторические факультеты в вузах; на экраны кинотеатров выходили художественные фильмы, посвященные героической истории страны; газеты печатали статьи патриотической направленности; отношение к церкви и религии становилось более лояльным; в Красной армии были введены персональные звания начальствующего состава. Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб, что стало еще одной деталью, подчеркивающей обращение к старой дореволюционной лексике. «Все происходившее... лишний раз подтверждало, что партия и в идеологии окончательно сменила курс, избрав принципиально новый и решительно порвав с прежней воинствующей левизной»[94].

Колебания внешнеполитического курса, особенно накануне войны, еще более радикально сказывались на состоянии идеологической работы в стране и способствовали возникновению в обществе таких явлений, как растерянность и дезориентация. Для членов партии сложно было принять требования, высказанные на XVII съезде партии, о том, что единственной задачей ВКП(б) должно являться обеспечение национальной безопасности страны, а не идеи пролетарской солидарности и интересы мировой революции[95]. Еще более сложно принимались населением изменения в отношениях с Англией, Францией и в особенности с фашистской Германией. Со времени прихода к власти А. Гитлера и до августа 1939 г. «идеология и практика нацистского режима была заклеймена, а Германия характеризовалась как одна из агрессивных стран»[96]. Однако с момента подписания пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г. вектор пропаганды изменился. «Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи», — сообщал в МИД Германии посол в СССР Ф. фон Шуленбург[97]. Весной 1941 г. отношения между двумя странами стали ухудшаться, и пропаганда вновь стала осторожно меняться.

Ошибки и перегибы, допущенные в идеологической работе, неспособность оперативно доводить до широких масс населения причины тех или иных нововведений не способствовали укреплению духовного единства общества и представляли реальную опасность в случае внешней агрессии. Основной причиной подобного состояния дел в идеологической сфере, или, как говорили в то время, пропагандистской работе, называлось «отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающая отсюда кустарщина, неорганизованность»[98].

Одним из основных способов влияния на сложившуюся ситуацию стало поднятие уровня политического сознания если не всего населения, то хотя бы руководящих кадров.

На XVIII съезде партии И. В. Сталин отмечал: «Если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры... и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке... то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже решенными»[99]. Однако для решения этого вопроса необходимо было поднять прежде всего уровень политического сознания тех людей, которые отвечали за идеологию, воспитание. Именно они должны были просвещать руководящую элиту общества — партийную и государственную номенклатуру — и граждан страны. Для подготовки кадров, руководящих идеологической работой, в каждом областном центре были организованы годичные курсы переподготовки для низового звена, в ряде крупных городов страны созданы двухгодичные ленинские школы и годичные курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников, в Москве открыта Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б).

На XVIII съезде партии, прошедшем в Москве 10–21 марта 1939 г., было принято решение о создании единого органа управления идеологической работой. В резолюции съезда отмечалось: «ЦК ВКП(б) должен иметь мощный аппарат пропаганды и агитации в виде Управления пропаганды и агитации, сосредотачивающий всю работу по печатной и устной пропаганде и агитации»[100]. 4 августа 1939 г. решением Оргбюро ЦК ВКП(б) был утвержден штат этого управления, которое возглавил секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Идеологическая работа строилась по отраслевому признаку — через специальные органы, существовавшие в важнейших отраслях народного хозяйства. В 1940 г. начальником управления стал известный советский ученый и политический деятель Г. Ф. Александров, который занимал этот пост до 1947 г.

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны руководство партии и советское правительство ясно видели недостатки проводимой в стране идеологической работы. Для исправления ситуации был сделан упор на централизацию руководства идеологической работой и усиленную подготовку кадров идеологических работников. Руководство страны ставило перед собой цель максимально подготовить общество к предстоящим испытаниям.

Неудачное начало войны подтвердило имеющиеся пробелы и недостатки в идеологическом воспитании советского общества, недоработки и откровенные ошибки идеологических органов. Подтвердились опасения руководства СССР в моральной неготовности к большой войне определенного числа населения страны. Это подчеркивалось в письме начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии армейского комиссара 2 ранга А. И. Запорожца, направленном секретарю ЦК А. А. Жданову еще в январе 1941 г.: «...идеологические органы государства исходят из упрощенного тезиса о том, что Советский Союз силен, и занятые своими проблемами капиталисты побоятся на него напасть. На пропагандистскую работу влияет ложная боязнь запугать народ ужасами войны. В идеологической работе упущен тот момент, что партия и правительство СССР связывают лозунг мира прежде всего с интересами социализма. В результате такой пропаганды население страны морально не вооружают на предстоящие битвы»[101].

В воспоминаниях армейского политработника генерал-полковника К. В. Крайнюкова приводится эпизод, ярко характеризующий пацифизм мировоззрения многих советских людей в начале войны: «Помню в штабную палатку... привели злобно нахмуренного вражеского офицера... возле немца толпились наши бойцы... Кто-то по наивной простоте протянул немецкому офицеру папироску: «Закуривай, комрад! Не горюй, геноссе, у нас в плену хорошо!»[102] В условиях начавшейся войны подобные настроения в армии и обществе становились смертельно опасными для государства. В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г., определяя первостепенные задачи по организации отпора врагу, И. В. Сталин прямо указал на это: «Прежде всего необходимо, чтобы... советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение»[103]. В этой речи была выдвинута широкая программа организации сопротивления противнику. Что касается идеологии,

то необходимо было как можно скорее переломить пацифистские настроения общества: «Нужно, чтобы советские люди... перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый военный лад, не знающий пощады врагу»[104]. Перед руководящими государственными и партийными органами были поставлены задачи воспитания «в советских людях лучших моральных качеств защитников Родины».

Собственно, озвученная И. В. Сталиным программа действий предназначалась исключительно населению страны, ориентируя общество на трудную и затяжную борьбу за существование. Это выступление с полным правом можно считать одним из важнейших мероприятий идеологической работы в годы войны. Необычная форма обращения к слушателям, предельная откровенность и объективная характеристика сложившейся ситуации, уверенность в победе — все это апеллировало к коллективным настроениям общества и духовным качествам каждого. Призыв руководителя государства был услышан, по всей стране прокатилась волна митингов и собраний, посвященных этому выступлению.

Еще до выступления по радио И. В. Сталина эта программа была организационно закреплена решениями ЦК ВКП(б), Политбюро и Совета народных комиссаров. Среди них особенно выделяется директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Именно этот документ стал общей программой военной перестройки страны, на основе которой была осуществлена мобилизация страны на отпор врагу, а также достигнута главная стратегическая цель первого периода войны — сорван фашистский план молниеносной войны и созданы условия для коренного перелома в ходе военных действий[105].

Следует подчеркнуть, что практически все документы периода войны, касающиеся организационной работы партийных и советских органов в обществе, вооруженных силах, промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве страны, априори содержали разноплановый комплекс идеологического сопровождения[106].

С первых же дней войны ЦК ВКП(б) распределил между членами и кандидатами в члены ЦК обязанности по руководству различными участками военной, хозяйственной и идеологической работы[107]. В тылу страны вопросами идеологической работы занимались А. А. Андреев, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, О. В. Куусинен, А. А. Фадеев, А. С. Щербаков, Е. М. Ярославский и другие. Таким образом, самая объективная информация о состоянии идеологической работы, настроениях в обществе и армии постоянно имелась в ЦК ВКП(б), ГКО и лично у И. В. Сталина как руководителя страны.

Рассматривая идеологическую работу как один из важнейших факторов в решении военных и хозяйственно-экономических вопросов, ЦК ВКП(б) требовал от партийных организаций страны поднять ее на уровень задач военного времени, активизировать и привести в действие все каналы идейного влияния на население страны. Меняющийся характер боевых действий на советско-германском фронте резко изменил и ужесточил требования к идеологической работе с населением. Отмечая возросшую роль и ответственность партийных организаций в военное время, журнал «Большевик» указывал, что «они должны своей партийно-организационной и массово-политической работой цементировать фронт и тыл в единое целое, обеспечить четкую работу всех предприятий, колхозов и совхозов, возглавить политический и трудовой подъем народа, воспитывать трудящихся в духе трудового героизма и величайшего самопожертвования, организованности, собранности и дисциплины»[108].

Механизм воздействия партии на общество и весь советский народ в идеологическом плане включал следующие составляющие: организаторскую роль ЦК ВКП(б), территориальных органов партии и ее первичных организаций; их политическую и идеологическую работу, воинский и трудовой героизм сотен тысяч коммунистов, личным примером влиявших на сограждан. Смысл этой работы был выражен лозунгом «Все силы народа — на разгром врага», которым завершалось выступление И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. Непосредственными организаторами работы должны были выступить 184 тыс. первичных партийных организаций[109], тесно связывающие партийное и государственное руководство страны с трудящимися.

В первые дни войны во исполнение решений партии и правительства по всей стране прошли пленумы и собрания партийных организаций, на которых наряду с вопросами партийно-организационной работы вырабатывались программы идейно-политического влияния на массы, детализировались и уточнялись в этой связи задачи партийных организаций и рядовых коммунистов. Так, в соответствии с решением IX пленума Свердловского областного комитета ВКП(б) «О работе областной партийной организации в период войны и проведения мобилизации» от 6 июля 1941 г. перед партийными организациями была поставлена задача усиления массово-политической и агитационной работы среди всех слоев населения. Особое внимание при этом обращалось на «пропаганду военных знаний, на разъяснение сущности народного ополчения, на рассказы о Великой Отечественной войне советского народа против фашизма, о героическом прошлом нашего народа, о положении трудящихся стран, находящихся под фашистским гнетом, и их борьбе против своих поработителей»[110].

Решение вопросов перестройки идеологической работы в каждом регионе страны было подчинено единой цели, но имело местное своеобразие. Так, партийная организация Харьковской области наряду с проведением массовых митингов и собраний, усилением работы средств массовой информации, агитаторов и пропагандистов обратилась к опыту и славным традициям участников Гражданской войны на Украине. В июле 1941 г. было проведено совещание с орденоносцами, бывшими красноармейцами и партизанами. Результатом этого совещания стали 1487 лекций, докладов и бесед, 186 митингов, проведенных ветеранами в первые 14 дней войны[111].

При всем многообразии агитационно-массовых и пропагандистских мероприятий, проводимых с гражданами страны, цель их оставалась единой — как можно скорее перестроить общество на военный лад. Критерии успешности идеологической работы были озвучены в средствах массовой информации. Газета «Правда», например, писала в те дни: «Интересам фронта должна быть подчинена вся партийно-политическая, массово-разъяснительная, культурно-воспитательная, агитационно-пропагандистская работа»[112].

Однако, несмотря на четкую постановку задач и оценку их выполнения, организация идеологических мероприятий на местах столкнулась с рядом трудностей. Секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову докладывали: «Управление пропаганды и агитации проверило состояние агитационно-политической работы в ряде прифронтовых областей — Калининской, Смоленской, Орловской, Полтавской и Сталинской. Эта проверка показала, что в прифронтовых областях массовая политическая работа поставлена совершено неудовлетворительно. Обстановка же в этих областях постоянно требует резкого подъема агитационно-политической работы среди населения»[113]. Из этого следовало, что необходимо, во-первых, усилить руководство и контроль над проведением идеологической работы и, во-вторых, осуществить поиск новых путей, форм и средств укрепления политико-морального состояния общества. Требовалась дальнейшая перестройка военно-патриотической, социальной работы и информационного противоборства. И если в Красной армии проведение идеологической работы подкреплялось направлением в строй коммунистов, то для работы с гражданским населением была сделана ставка на увеличение числа агитаторов, расширение инстанций, отвечающих за морально-политическое состояние граждан, усовершенствование самой агитации и организации контроля над ее проведением.

Ответственность за контроль над состояние идеологической работы, подготовку пропагандистских и агитационных кадров ЦК ВКП(б) возложил на первых секретарей партийных комитетов, а на секретарей первичных организаций — руководство агитколлективами на предприятиях[114]. В целях контроля и оказания помощи местным партийным органам в налаживании массовой политической работы среди населения Управление агитации и пропаганды приступило к формированию пропагандистских групп и направлению их в различные регионы страны.

Однако не только на местах требовалось активизировать идеологическую работу. 9 сентября 1941 г. из Управления пропаганды и агитации поступила докладная записка в адрес секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, А. С. Щербакова, Г. М. Маленкова, в которой

обращалось внимание на то, что «в последнее время в стране почти совсем прекратились публичные выступления на собраниях рабочих предприятий и заводов, в печати и на радио членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б)». Начальник управления Г. Ф. Александров справедливо считал, что непосредственное обращения к людям первых лиц партии и государства «по радио и на рабочих собраниях окажут огромное влияние на всю массовую политическую работу»[115]. В результате, несмотря на свою исключительную загруженность, руководители партии и государства стали активнее работать в этом направлении. По радио, в прессе, на заводских и колхозных митингах выступали «всесоюзный староста» М. И. Калинин, секретари ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, Г. М. Маленков, А. А. Андреев, А. А. Жданов, известные партийные работники Е. М. Ярославский, Д. З. Мануильский и другие.

Для усиления идеологического влияния на массы ЦК ВКП(б) кроме Управления пропаганды и агитации, местных органов партийной и государственной власти, партийных организаций и отдельных членов партии задействовал общественные организации[116], специальные пропагандистские органы: ТАСС, Совинформбюро, Комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР и другие средства массовой информации: театр, кино, церковные организации, школы и вузы.

Особое место занимала работа агитаторов и пропагандистов. Эффективной постановке их деятельности, использованию всего арсенала форм и способов, донесению ими до сознания людей сути происходящих событий уделялось особое внимание. Ведь война оторвала сотни тысяч коммунистов от их мирной работы, из партийных организаций было отправлено на фронт от 40 до 60% их состава. Еще больше сократилось число комсомольцев: количество членов территориальных организаций ВЛКСМ уменьшилось с 8 296 847 до 2 618 574 человек, то есть более чем в три раза. Но, несмотря на радикальное сокращение в тылу потенциальных носителей идеологических ценностей советского общества, число пропагандистов и агитаторов не только не уменьшилось, а наоборот, возросло — во многих республиках и областях в 1,5–2 раза. Если до войны в Свердловской области работали 16 тыс. агитаторов, то к декабрю 1941 г. — 30 тыс., в Москве их число достигло 80 тыс., в Горьковской области — 60 тыс., в Казахской ССР — свыше 50 тыс.[117]

Для того чтобы количественные показатели числа агитаторов и пропагандистов переросли в качественные, к их подготовке и работе были предъявлены жесткие требования. Так, в постановлении бюро Свердловского обкома ВКП(б) требовалось: «Тщательно изучить каждого агитатора, немедленно заменить лучшими силами всех не пригодных к агитационной работе... утвердить каждого агитатора на бюро райкомов и оказывать им повседневную помощь»[118]. Для улучшения работы и организации методической помощи агитаторам и пропагандистам в стране усиленно работали более 5 тыс. партийных кабинетов, созданных в конце 1930-х гг. для пропаганды марксизма-ленинизма и впоследствии реорганизованных в агитпункты. Отделы пропаганды и агитации партийных комитетов готовили тематические материалы, справки о текущем положении дел в стране, наглядные пособия и прочее. Так, на Ленинградском городском агитпункте за первые шесть месяцев войны было прочитано 62 доклада для более чем 7 тыс. агитаторов[119].

В начале июля 1941 г. Управление пропаганды и агитации опубликовало рекомендации относительно новых циклов лекций, докладов и бесед. Главное место в них занимали темы, разоблачающие фашизм, его цели в войне против СССР и методы их достижения. Данные выступления должны были в первую очередь развенчивать миф о непобедимости вермахта. Много внимания в этих материалах уделялось подвигам советских бойцов и командиров, самоотверженной работе в тылу, единству народов страны в борьбе с иноземными захватчиками. Были рекомендованы такие темы, как «Фашизм — лютый враг человечества», «Наша война против фашизма — война Отечественная», «Молодежь Советского Союза — в Отечественной войне», «Фронт и тыл советского народа против фашизма»[120].

Коммунисты, комсомольцы и беспартийные агитаторы несли в сознание каждого гражданина посыл о том, что для достижения победы необходимо напряжение всех сил народа, направленное на создание материальной базы для военного разгрома агрессора. В значитель-

ной мере акцент в работе агитаторов был направлен на развитие сознательности в соблюдении трудовой и государственной дисциплины. Без тотального искоренения нарушений трудовой дисциплины, недопущения выпуска некачественной продукции, изжития халатного отношения к своим обязанностям нельзя было осуществить грандиозную программу военного преобразования страны, выполнить все задачи, возникающие в ходе войны.

Готовность взять на себя ответственность за выполнение порученного дела являлась одним из важнейших качеств, на воспитание которых была направлена идеологическая работа первого периода войны. Многие партийные организации закрепили такой подход к делу в своих решениях, а именно — умение воспитывать на своем примере. Так, бюро Астраханского окружкома партии требовало организовать работу, «чтобы на предприятиях и в учреждениях была установлена со стороны руководителей требовательность и дисциплина к себе и к подчиненным»[121].

Безусловно, особой сложностью отличалась идеологическая работа с жителями сельской местности. В сентябре 1941 г. готовилось решение ЦК ВКП(б) об организации партийно-политической работы в условиях военного времени. В своих замечаниях к проекту этого решения П. К. Пономаренко отметил[122], что директива обращена к городу, а между тем ослабление идеологической работы имеет место прежде всего на селе, где подавляющее большинство сельских коммунистов ушло на фронт. П. К. Пономаренко указывал на низкую осведомленность села о текущем политическом моменте. Руководители разных рангов почти не посещали деревень, и в результате колхозники были предоставлены сами себе. Он считал, что на местах не используются «огромные силы, могущие по существу стать агитационными силами партии. Это сельские учителя, агрономы, ветеринары, врачи». В сельской местности, по его мнению, «стали активнее и яснее проявляться контрреволюционные элементы», которые разлагают дисциплину. Учитывая тот факт, что только восемь лет назад окончилась коллективизация, на селе завершилось раскулачивание, проводившееся с известными перегибами, замечания П. К. Пономаренко звучали весьма актуально. Кроме того, война объективно вызвала огромнейшие трудности в сельском хозяйстве, одновременно сократив его возможности и потребовав большего. На борьбу с фашизмом были привлечены большая часть трудоспособного населения, тысячи тракторов, автомашин, почти весь конский состав. В колхозной деревне оставались старики, женщины и подростки. Трудности, возникшие в сельском хозяйстве заставляли партийные органы всех уровней держать вопросы сельского хозяйства в центре внимания. Для активизации идеологической работы на селе решением ЦК ВКП(б) в совхозах и МТС были вновь организованы политические отделы, упраздненные накануне войны[123]. Основными задачами политотделов было «повышать политическую работу... внедрение дисциплины и порядка во всей работе».

Эффективность идеологической работы с сельским населением проявилась в организации призыва в армию в сельских районах, эвакуации колхозов из западных районов страны и размещении их на востоке, высокой производительности труда, развитии всех видов социалистического соревнования. Председатель подмосковного колхоза имени Владимира Ильича дважды Герой Социалистического Труда И. А. Буянов вспоминал: «...гнев и ненависть к врагу не были отвлеченными понятиями. Они проявились в высокой производительности труда... Сколько я жил на свете, не помню, чтобы мои земляки так дружно работали»[124].

Важным практическим мероприятием в проведении идеологической работы было создание агитационных бригад, куда входили пропагандисты, артисты, художники, музыканты и писатели. Уже 23 июня 1941 г. пленум ЦК профсоюза работников искусств обратился с призывом к деятелям искусств участвовать в Отечественной войне. Решением президиума Всероссийского театрального общества (ВТО) от 3 июля 1941 г. стали создаваться артистические бригады для обслуживания фронта. Для бригад специально разрабатывался оборонный и антифашистский репертуар.

В годы Великой Отечественной войны действовали около 400 театрально-концертных и цирковых бригад, а на фронтах работали 25 фронтовых театров[125]. Агитбригады ВТО выступали как в армии, так и на производствах, в колхозах и совхозах, государственных

учреждениях. Помимо бригад ВТО создавались и другие агитбригады. Всего было создано 3865 бригад, число участников которых превысило 40 тыс. человек. Уже к концу августа 1941 г. в Москве состоялись 31 тыс. концертов и более 50 спектаклей для бойцов Красной армии, в Ростове-на-Дону — 500 концертов, в Одессе (за 10 дней) — 250, в Орджоникидзе — 140, в Иркутске — 184. Весной 1942 г. в селах Свердловской области 22 художественные бригады дали 552 концерта[126].

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совместно с политическими органами армии и флота и партийными комитетами в тылу организовывало эту работу и обобщало ее результаты, разрабатывало рекомендации для дальнейшего ведения идеологической работы. Анализируя деятельность агитбригад, начальник управления Г. Ф. Александров, лично принимавший участие в их работе, отмечал, что во время выступлений «задавались вопросы относительно... положения дел в таких странах, как Англия, США, Япония и Турция... и положения дел в нашей промышленности... Как работают на заводах, в колхозах, как заботятся о семьях красноармейцев, что нового в театрах». Аналитический материал об этих поездках представлялся членам ЦК, отвечавшим за идеологические мероприятия, в частности А. С. Щербакову, курирующему работу прессы. Далее Г. Ф. Александров отмечал, что «наши газеты, после указания т. Щербакова, стали больше публиковать материалов о жизни страны в условиях войны, и это вполне отвечает запросам»[127].

Безусловно, ЦК ВКП(б) и Управление агитации и пропаганды с особым вниманием относились к работе печати и других средств массовой информации, считая их могучим средством идеологической борьбы. Печать не только несла информационную нагрузку, но и помогала укреплять духовное единство руководства страны и народа, поддерживать патриотический дух населения. В годы Великой Отечественной войны выпуск печатной продукции был приравнен к выпуску техники для фронта. Вопросы печати неоднократно рассматривались на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). А. С. Щербаков регулярно проводил совещания главных редакторов центральных газет. Управление пропаганды и агитации повседневно руководило работой районных, областных, краевых, республиканских центральных и военных газет и журналов, в своих письмах ставило задачи и отмечало недостатки в освещении тех или иных вопросов[128].

Военная обстановка не только изменила содержание газет, журналов книг и брошюр, но и внесла много нового в систему их издания и распространения. Потеря громадной территории, на которой располагались объекты целлюлозно-бумажной промышленности, типографии, существовала налаженная сеть распространения печатной продукции, негативным образом сказалась на выпуске газет и журналов. 28 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в повестку дня заседания включило вопросы, связанные с изданием местных газет и журналов, увеличением тиража газет «Правда» и «Красная звезда», временным закрытием отраслевых газет и журналов[129]. За счет значительного сокращения тиража, а иногда и полного закрытия отраслевых газет и журналов была укреплена сеть военных газет и журналов. Безусловно, именно Красная армия была основным потребителем печатной продукции, однако и гражданское население страны снабжалось газетами и журналами, в особенности рабочие оборонных предприятий и колхозники. В практику вошли организация коллективных читок печатных материалов, сбор прочитанных газет в городах и пересылка их в сельскую местность.

Анализ советской прессы того периода показывает, что главным содержанием газет и журналов были положение на фронтах и самоотверженный труд советских людей в тылу. Учитывая особую важность освещения хода боевых действий, ЦК ВКП(б) принял 9 августа 1941 г. специальное постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов»[130].

В 1942 г. ситуация с выпуском газет и журналов продолжала оставаться напряженной, и поэтому в значительной мере идеологическая работа с населением стала проводиться через местную печать: городские и районные газеты, заводские многотиражки. В письме ЦК ВКП(б), разосланном в марте 1942 г. партийным организациям, эта часть прессы была охарактеризована как одно из важнейших средств мобилизации материальных и духовных сил страны на решение задач военного времени. Требование ЦК о повышении качества и опера-

тивности местной прессы было со всей серьезностью воспринято районными и городскими органами партийной и государственной власти. Так, бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) 3 июля 1942 г. в специальном постановлении о районной газете указывало, что местная печать является боевым помощником партийных организаций и призвана «вдохновлять наш народ на Великую Отечественную войну, мобилизовать трудящихся на выполнение конкретных задач»[131]. Специальное постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) обязывало «заведующих отделами пропаганды и агитации ГК, РК ВКП(б), а также пропагандистов лично ежедневно контролировать вывеску в витринах газет... выделить необходимое количество газет для газетных витрин»[132]. Печатное слово доходило до различных категорий населения и через такие формы, как стенные газеты заводов и сельскохозяйственных предприятий, молнии и боевые листки, так называемые «окна ТАСС».

Для повышения оперативности печати, усиления ее роли в формировании общественного мнения в стране и за рубежом в первые дни войны было создано Советское информационное бюро. Его возглавил А. С. Щербаков, и оно работало под непосредственным руководством ЦК ВКП(б)[133]. Необходимость и своевременность создания этого средства массовой информации можно проиллюстрировать выдержкой из сообщения начальника 1-го управления НКВД СССР П. М. Фитина в адрес Управления пропаганды и агитации: «...американские газеты полны сообщений из германских источников. В прессе помещена масса фото с различных театров военных действий. Сообщения передаются по нескольку раз в день и производят психологическое воздействие на американское население. В то же время наши радиостанции передают военно-политические сообщения очень редко, а ТАСС почти бездействует»[134].

Основной целью Совинформбюро было недопущение информационного вакуума как внутри страны, так и за ее пределами. В организационном плане Совинформбюро состояло из управления, секретариата и шести отделов: контрпропаганды, международной политической жизни, радиовещания, печати, внутренней жизни и военного отдела[135]. Перед бюро были поставлены и другие задачи: организация контрпропаганды, руководство освещением международных событий и внутренней жизни страны, военных действий на фронтах в печати и на радио, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования. За годы войны Совинформбюро опубликовало около 2,5 тыс. сообщений. Бюро снабжалось информацией из всех народных комиссариатов, прежде всего Наркомата иностранных дел и Главного разведывательного управления Генштаба. Большое место в его деятельности занимала работа с зарубежной прессой. С этой целью были налажены широкие связи с различными иностранными агентствами, газетами, журналами, радиостанциями, посредством которых советские материалы и документы, мнения и оценки руководства страны и описание борьбы и жизни советского народа с агрессором доходили до всего мира.

Идеологическая работа, связанная с организацией международной поддержки борьбы СССР с немецко-фашистскими захватчиками, не ограничивалась деятельностью Совинформбюро. ЦК ВКП(б) проводил мероприятия через Народный комиссариат иностранных дел, Управление агитации и пропаганды. Огромную роль в организации идеологической борьбы на внешнеполитической арене играли общественные организации и известные общественные деятели.

В первые же дни войны началась реализация комплекса пропагандистских мероприятий, направленных на объективный показ целей стран — участниц войны, справедливого характера войны, ведущейся Советским Союзом, раскрытие истинных намерений агрессоров, разъяснение задач, которые решались СССР в этой схватке. Так, к 31 июля 1941 г. сотрудниками Управления пропаганды и агитации и Совинформбюро в целях усиления нашей пропаганды за рубежом секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову и его заместителю по Совинформбюро С. А. Лозовскому были представлены подготовленные предложения об организации и проведении ряда первоочередных мероприятий. Для установления связей с прогрессивными политическими и общественными кругами Англии и США предлагалось командировать в эти страны на один-два месяца нескольких известных писателей. В такую

группу могли бы войти, по мнению авторов документа, советские писатели М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев. Кроме того, для работы в Великобританию, США, Турцию, Иран, Швецию предлагалось направить подготовленных работников, которые, находясь на положении пресс-атташе советских посольств, могли бы организовать пропаганду в интересах советской страны. В их задачи входило наладить связь с редакциями газет, журналов, книгоиздательствами, радиовещательными кампаниями, завязать отношения с прогрессивными общественными деятелями, продвигать советскую литературу, кинофильмы, радиопередачи. Предлагалось значительно шире использовать военнопленных: например, транслировать на Германию и ее союзников их выступления, перед каждой радиопередачей зачитывая списки военнопленных. В качестве весьма перспективного и важного мероприятия предлагалось с первых чисел августа начать кампанию «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом».

Все эти мероприятия были полностью выполнены. Большой резонанс в мире вызвала организация мероприятий «Движения славянского единства». Начиная с 10 августа 1941 г., в течение двух дней в студии Радиокомитета проходил всеславянский радиомитинг, основной целью которого было объединение славянских народов в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Трансляция этого митинга осуществлялась на множество стран мира, в том числе и оккупированных нацистами. В выступлениях известных писателей и общественных деятелей А. Н. Толстого, А. Е. Корнейчука, Я. Купалы, М. Янушайтиса, В. Л. Василевской, В. П. Коларова, других представителей славянской культуры содержался яркий призыв к объединению для борьбы и победы. Помимо впечатления, которое митинг должен был произвести и произвел как на советских людей, так и на славянство оккупированной Европы, США, Латинской Америки и Канады, конечным его итогом стало учреждение Всеславянского комитета. Целью этой общественной организации стала поддержка мужественной борьбы Советского Союза с немецким фашизмом.

Впоследствии по примеру Всеславянского комитета возник еще ряд общественных организаций аналогичного типа: Антифашистский комитет советской молодежи, Еврейский антифашистский комитет, Антифашистский комитет советских женщин, Антифашистский комитет советских ученых. Все эти организации вошли в структуру Совинформбюро и всю войну занимались пропагандистской деятельностью.

Таким образом, в течение короткого времени руководство страны и ЦК партии сумели перестроить идеологическую работу с населением страны, мобилизовать все резервы воспитательного влияния на массы. В результате советский народ с честью преодолел все трудности начала войны. В значительной мере благодаря высокому патриотическому настрою граждан страны советская промышленность, сельское хозяйство, транспорт соорганизовались в единый и монолитный военный тыл. Деятельность партийных и общественных организаций, агитаторов и пропагандистов вооружила советский народ ясным пониманием целей и задач борьбы. Следует отметить, что лозунг о тесном единстве партии и народа в то время не расходился с делом. Используя новые идеологические решения, Советский Союз во внешней политике обеспечил наиболее благоприятные условия для создания единого фронта государств в борьбе против нацистской Германии, предпринял меры к изоляции ее на международной арене, развил успешную пропаганду на население стран Европы и Америки.

Коренной перелом в ходе боевых действий на советско-германском фронте изменил условия руководства идеологической работой и ее организации. Основным вектором приложения ее сил являлось наращивание военного производства с целью перевооружения армии и ликвидации военно-технического превосходства врага. В приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. указывалось: «Рабочие, колхозники, интеллигенция, не покладая рук, стойко и мужественно перенося лишения, вызванные войной, трудятся на предприятиях и в учреждениях, на транспорте, в колхозах и совхозах. Но война... требует, чтобы Красная армия получала еще больше орудий, танков, самолетов, пулеметов, автоматов, минометов, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Значит, необходимо, чтобы рабочие, колхозники, вся советская интеллигенция работали для фронта с удвоенной энергией»[136].

В соответствии с этими требованиями вся политико-массовая работа нацеливалась на стимулирование выпуска качественной оборонной продукции, повышение производительности труда. Для этого всемерно поощрялось творчество и инициатива граждан, усилия в сфере рационализации производственных процессов, освоении выпуска новых видов продукции, экономии ресурсов. На повестку дня были выдвинуты общенациональные лозунги, нашедшие отражение, например, в обращении участников слета стахановцев Свердловска и Свердловской области: «Сегодня тыл — это тоже фронт, фронт героического труда, фронт всенародной борьбы против врага. И работать в тылу надо по-фронтовому... Работать по-фронтовому — это значит делать все быстро, гораздо быстрее, чем в мирное время... Слово «невозможно» должно исчезнуть из нашего обихода»[137].

В ответ на подобные призывы, когда, казалось бы, все физические и духовные силы народа были перенапряжены, в стране зародилось и стало стремительно шириться массовое движение трудящихся за перевыполнение плана по времени и с высоким качеством. Если с началом боевых действий в среде рабочих оборонных предприятий зародилось массовое движение двухсотников, трехсотников (рабочих, систематически выполнявших 2—3 нормы), то к середине войны оно трансформировалось в движение тысячников, инициатором которого стал нижнетагильский фрезеровщик Д. Ф. Босый. В феврале 1942 г. он выполнил сменное задание на 1480%. Свое достижение герой приурочил к 24-й годовщине Красной армии[138]. Городское бюро ВКП(б) отметило: «Работа т. Босого показывает, что усовершенствование технологических процессов, развитие рационализаторского движения среди рабочих и укрепление трудовой и производственной дисциплины таят в себе неисчерпаемые возможности увеличения выпуска всех видов продукции»[139].

В этом постановлении Нижнетагильского бюро ВКП(б) особо подчеркивалась задача для всех партийных органов: всячески поддерживать и оказывать любую помощь стахановцам и рационализаторам, а средствам массовой информации широко популяризировать трудовые подвиги. В течение 1942—1943 гг. трудовой порыв Д. Ф. Босого был подхвачен по всей стране. О тысячниках «всесоюзный староста» М. И. Калинин говорил: «Настоящим тысячником может быть только тот, кто ввел в процесс своей работы какое-либо усовершенствование, техническое улучшение»[140]. Равняясь на тысячников, передовые рабочие значительно повысили производительность своего труда.

Начиная с весны 1942 г. руководство страны инициировало Всесоюзное социалистическое соревнование. В начале мая 1942 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы его организации. По поручению ГКО и ЦК ВКП(б), ВЦСПС и наркоматы разработали и опубликовали в печати условия соревнования по каждой отрасли. Для победителей были учреждены переходящие Красные знамена ГКО, ЦК ВКП(б), ВЦСПС и наркоматов, а также установлены денежные премии. Итоги соревнования подводились ежемесячно с широким освещением в прессе[141].

Всплеск народного энтузиазма в соревновании имел двойной эффект — воспитательный и экономический. С весны 1942 г. в ГКО периодически принимались постановления, конкретизирующие организацию социалистического соревнования на предприятиях наркоматов. Так, только с 21 мая 1942 г. были приняты четыре постановления ГКО об организации Всесоюзного социалистического соревнования предприятий текстильной промышленности, наркоматов станкостроения, цветной металлургии, среднего машиностроения[142]. Известный государственный и общественный деятель Д. Ф. Устинов так оценивал роль социалистического соревнования: «Это великое движение масс привело к значительному росту всего народного хозяйства, к невиданному подъему оборонной промышленности»[143].

На завершающем этапе войны идеологическая работа нацеливала советский народ на дальнейшие трудовые свершения: «Борьба за окончательную победу над немецко-фашистскими захватчиками потребует от армии и народа еще больших усилий и новых подвигов»[144]. Под руководством партийных и государственных органов все формы народной инициативы продолжали совершенствоваться и расширяться.

На фоне общих успехов в ходе антифашистской борьбы обозначились новые направления идеологической работы. Прежде всего это было связано с освобождением оккупированных территорий. Требовалось ликвидировать не только материальные, но и морально-политические последствия оккупации. По мере очищения от немецко-фашистских захватчиков советских территорий ЦК ВКП(б) принимал постановления, в которых содержались в том числе и первоочередные воспитательные мероприятия. Так, 9 августа 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительской работы среди населения», а 27 сентября постановлением «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» уточнялись задачи для партийных организаций Западной Украины. Партийным организациям Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик особо указывалось на активное противодействие пропаганде национализма, работу с интеллигенцией западных областей, широкое привлечение населения к политической и культурной жизни[145].

Особой сложностью отличалась идеологическая работа с репатриантами — гражданами Советского Союза, угнанными в неволю, и военнослужащими, попавшими в плен. В интервью уполномоченного СНК СССР по делам репатриаций говорилось: «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»[146]. Благодаря такому направлению в идеологической работе с этой категорией граждан поток репатриированных значительно увеличился. Только в Белоруссию к октябрю 1944 г. вернулись до 100 тыс. человек, насильственно угнанных в Германию[147].

В конце войны с неожиданной стороны получила продолжение предвоенная идеологическая линия партии на реабилитацию исторического прошлого России. Ряд ученых-историков идеализировал патриархально-феодальный строй окраин, другие бросались в крайность, огульно оправдывая любые колониальные захваты. Такие проявления имели место в Татарии, Башкирии, Казахстане. Большую роль в усилении идеологической работы сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», принятое в августе 1944 г., в котором отмечались недостатки в идеологической работе и подчеркивалось, что коренное улучшение идейного воспитания масс станет важнейшим средством дальнейшей мобилизации трудящихся.

В это же время состоялось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды», в котором недвусмысленно указывалось на необходимость повышения научных знаний населения как одного из условий роста его идейного уровня. В русле этого постановления с лекциями для населения выступали врачи, учителя, агрономы, инженеры, зоотехники. Объединенному государственному издательству поручалось выпустить серию научно-популярных брошюр, а Комитету по кинематографии — серию специальных фильмов, в том числе художественных киносборников. В целом на завершающем этапе войны идеологическая работа с населением страны представляла собой огромную и сложную систему разнонаправленных агитационно-пропагандистских мероприятий, аккумулирующую опыт четырех лет войны и направленную на скорейшее завершение войны и создание условий для мирной, созидательной жизни.

Необходимо отметить важную роль церковных организаций в идеологическом противоборстве на протяжении всей войны, и прежде всего представлявших традиционные религии России — православие и ислам. С началом войны практически все религиозные организации СССР заняли патриотические позиции. Уже в первый день войны Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий обратился с «Посланием к пастырям и пастве Христовой Православной церкви», в котором он призвал весь православный народ на защиту Отечества. В своем послании он, в частности, отмечал: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед

неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу».

В мае 1942 г. в Уфе собрался съезд представителей мусульманского духовенства и верующих. Выступивший на нем председатель Центрального духовного управления мусульман муфтий Абдурахман Расулев, призывая выполнять заветы великого пророка Мухаммеда, подчеркивал, что любовь к Родине и ее защита являются одним из условий веры и помощь воину, идущему на фронт, вооружением равносильна участию в сражении, а мирный труд мужчин и женщин, занявших рабочие места ушедших на фронт воинов, равносилен участию в бою. Тогда же, в мае 1942 г., с письмом — воззванием к верующим обратились руководители союзов баптистов и евангельских христиан, руководство обновленческой и старообрядческой церквей.

Советское правительство, положительно воспринимая патриотическую позицию духовных центров, религиозных объединений и верующих, уже в течение первых месяцев войны сделало первые шаги для изменения своей прежней вероисповедной политики: разрешались общецерковные сборы средств; снимались ограничения на внекультовую деятельность; не чинились препятствия массовым богослужениям и церемониям; открывались, хотя и без юридического оформления, молитвенные здания; из заключения освобождались многие религиозные руководители; распространялись религиозно-патриотические листовки и воззвания; расширялась издательская деятельность церквей; признавались де-факто религиозные центры; разрешалось устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями и прочее.

На страницах центральных и региональных газет регулярно стали публиковаться материалы о патриотической деятельности Православной церкви и иных религиозных организаций. Широкая патриотическая деятельность религиозных организаций позволила сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, способствовала в общественных кругах стран-союзниц нивелированию предубеждения в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, сплачивала все антифашистские силы, включая и религиозные организации.

Для координации совместных усилий государства и церкви 14 сентября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви. Несколько позже, 7 октября, было утверждено положение «О Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР». В мае 1944 г. Совнарком СССР принял решение о создании еще одного государственного органа — Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, на который возлагалась задача осуществлять связи «между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР». Председателем этого совета был назначен И. В. Полянский. Подобные мероприятия были с энтузиазмом встречены как представителями церкви, так и простыми верующими гражданами.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в советском обществе идеологическая работа прошла сложный путь, тенденции и направления которой были заложены руководством страны еще до ее начала. Основными руководящими органами, возглавившими идеологическую работу с населением СССР, являлись ЦК ВКП(б), Управление агитации и пропаганды, партийные организации всех уровней. Начиная войну с лозунгами пролетарского интернационализма, которые находили живейший отклик прежде всего у молодого поколения населения страны, постепенно идеология советского общества укоренилась на государственно-патриотических позициях. Этому способствовала гибкая и практичная позиция руководства страны, использовавшего малейшие возможности для сплочения населения страны и организации отпора врагу. Любые возникающие препятствия на этом пути, будь они технического, экономического или идеологического характера, устранялись незамедлительно. Примерами такого прагматизма в идеологической сфере являлись роспуск Коминтерна, изменение политики в отношении церкви, появление нового Гимна СССР. Данные мероприятия были встречены советским обществом с пониманием. Переход к па-

триотизму гораздо лучше отражал характер войны как отечественной, способствовал осознанию советскими людьми ее целей и задач. Идеологическая работа с городским и сельским населением страны, рабочими и колхозниками в годы Великой Отечественной войны стала действенным фактором достижения победы над врагом.

Руководство партийно-политической работой в армии и на флоте

Неотъемлемой составной частью руководства вооруженными силами являлась организация партийно-политической работы, которая представляла собой идеологическую и партийно-организационную деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций по мобилизации воинов на разгром агрессора. Организатором и руководителем партийно-политической работы в армии и на флоте наряду с решением других важных задач выступал Центральный комитет ВКП(б). Партийно-политическая работа рассматривалась как важнейшее средство непосредственного идейного и организационного влияния на личный состав армии и флота, могучий фактор поддержания его высокого морального духа и одно из обязательных условий достижения победы над врагом.

Тяжелые поражения войск первого стратегического эшелона в приграничных сражениях вскрыли массу серьезных недостатков в подготовке личного состава, в том числе и поддержании их морально-психологического состояния на должном уровне. В донесении управления политпропаганды Западного фронта от 3 июля 1941 г. отмечалось: «Война многие части застала врасплох и не подготовленными... При первой бомбежке и артподготовке в частях, находящихся у границы, начались паника и беспорядочное бегство, так как начсостава не было на месте, бойцы были предоставлены сами себе... Тяжелое положение было усугублено еще и тем, что штаб фронта с первого дня войны потерял связь с войсками, соединения не знали обстановки на фронте, а действовали по своему решению. Если добавить к этому бегущие от самой границы невооруженные строительные и аэродромные батальоны, то картина получилась действительно паническая»[148]. Аналогичное положение складывалось и на других фронтах.

В этих условиях от политорганов как основных организаторов партийно-политической работы требовалось решить большое количество вопросов, связанных с перестройкой сознания воинов в соответствии с задачами, вставшими с началом войны. Необходимы были объективная оценка случившегося, предельная выдержка, указания о действиях в принципиально новых условиях. Важно было помочь людям отрешиться от благодушия, переключить их помыслы с мирной боевой учебы на суровую реальность войны, воспитать у них мужество, стойкость и бесстрашие в борьбе с врагом. Задержать агрессора, обескровить его, выиграть время для организации мощных ударов по нему — на выполнение этих задач направлялись усилия в партийно-политической работе в самый трудный период войны, когда нашим войскам приходилось большей частью обороняться и отступать под натиском превосходящего противника. Духовный подъем у воинов становился одним из решающих факторов в борьбе с фашистскими захватчиками.

В первые дни войны в войска и на флоты были направлены директивные указания Главного управления политической пропаганды Красной армии от 23 июня 1941 г. «О содержании фронтовых армейских и дивизионных газет в связи с началом войны» и Главного управления политической пропаганды ВМФ от 22 июня 1941 г. «О партийно-политической работе в ВМФ в связи с началом войны»[149], которые вооружали политработников на местах установками о перестройке и развертывании партийно-политической работы в новых условиях, внесли широкое разъяснение характера начавшейся войны, целей и задач по отражению внезапного нападения агрессора. По мере стремительного развития событий на фронте руководящие политорганы армии и флота в соответствующих приказах и директивах уточняли задачи партийно-политической работы, указывали пути их решения[150].

А. С. Щербаков

Высший руководящий состав политработников Красной армии

Исключительно сложная обстановка на фронтах в начале войны обусловила необходимость в кратчайшие сроки перестроить партийно-политическую работу на военный лад, привести ее в соответствие с задачами вооруженной борьбы в защиту социалистического Отечества. Специальной директивой «Об итогах партийно-политической работы за три недели войны»[151] от 15 июля 1941 г. ГУПП РККА потребовало от военных советов, политорганов фронтов устранить выявленные недостатки, добиться от политработников всех степеней четкого руководства партийно-политической работой в частях, обеспечения авангардной роли коммунистов и комсомольцев в боях, готовности каждого воина до последней капли крови драться за каждую пядь советской земли. Основополагающими документами по переводу страны и вооруженных сил на военный лад, перестройке партийно-политической работы в армии и на флоте являлись директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» и выступление 3 июля 1941 г. по радио И. В. Сталина. Это была программа деятельности всех государственных органов и общественных организаций по разгрому «напавшего германского фашизма»[152].

Осуществляя руководство перестройкой партийно-политической работы в армии и на флоте в первые месяцы войны, ЦК ВКП(б) полностью подчинил ее содержание и организацию интересам выполнения боевых задач на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками: были реорганизованы политорганы; в качестве чрезвычайной меры введен институт военных комиссаров и политруков; перераспределены партийные силы; изменены содержание, формы и методы идейно-воспитательной работы. Перестройка коснулась всех областей партийно-политической работы — идеологической, организационно-партийной, кадровой. Прежде всего предстояло решить вопросы реорганизации политорганов. Сложившиеся в предвоенные годы их структура и функции не отвечали требованиям военного времени, они вступили в войну как органы политической пропаганды. В июле — августе 1940 г. в Красной армии и Военно-морском флоте был осуществлен переход к полному единоначалию, в ходе которого 12 августа 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «Об укреплении единоначалия в Красной армии и Военно-морском флоте» был упразднен институт военных комиссаров и введены должности заместителей командиров (начальников) по политической части[153]. Политорганы во всех звеньях армейского и флотского организма в целях усиления внимания к вопросам пропагандистской работы были преобразованы в управления и отделы политической пропаганды[154].

Изменения военно-политической обстановки на фронтах войны потребовали, чтобы политорганы и политработники «не ограничивали свою работу политической пропагандой, а взяли на себя ответственность также и за военную работу на фронтах». Нужна была организационная перестройка политорганов, настоятельно требовалось поднять их роль до уровня главного предназначения как руководящих органов партии в вооруженных силах. Важное значение в этой связи сыграло решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июля 1941 г., на основании которого Президиум Верховного Совета СССР в тот же день издал указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-крестьянской Красной армии»[155]. В соответствии с приказом Ставки Верховного главнокомандования от 17 июля 1941 г. «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров»[156] Главное управление политической пропаганды Красной армии было переименовано в Главное политическое управление, а управления и отделы политпропаганды фронтов, армий и соединений — в политические управления и отделы. 20 июля 1941 г. это решение было распространено на Военно-морской флот[157]. Это позволило активизировать деятельность политорганов вооруженных сил, повысить их роль в решении боевых задач, стоящих перед войсками, улучшить руководство партийно-политической работой, повысить их влияние на жизнь и боевую деятельность соединений частей и кораблей.

Организационная структура главных политических органов армии и флота определялась потребностями войны и постоянно совершенствовалась. Они состояли из управлений и отделов, занимавшихся конкретными направлениями партийно-политической работы:

организационно-инструкторской, пропаганды и агитации, кадров, комсомола, спецпропаганды, печати, партучета. В августе 1941 г. в ГлавПУ РККА был создан отдел по партийно-политической работе среди партизан и населения оккупированных областей, а в июле 1942 г. в главных политуправлениях Красной армии и ВМФ образованы управления агитации и пропаганды, объединившие вновь созданные отделы агитации, пропаганды, печати и культурно-просветительной работы.

Следует подчеркнуть, что начальниками Главного политического управления РККА в годы войны были известные партийные работники: с 22 июня 1941 г. — Л. З. Мехлис, армейский комиссар 1 ранга, член ЦК ВКП(б), заместитель наркома обороны, а с июня 1942 г. до конца войны — А. С. Щербаков, секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь Московского городского и областного комитетов партии. Начальником Главного политического управления ВМФ все годы войны был член ЦК ВКП(б), заместитель наркома ВМФ комиссар 2 ранга (с 1944 г. — генерал-полковник береговой службы) И. В. Рогов.

В связи с важностью принятия решения о введении чрезвычайной формы партийно-политического руководства в вооруженных силах — создании института военных комиссаров и невозможностью его обсуждения публично ЦК ВКП(б) запросил письменное мнение об этом руководящих партийных и военных работников. Военные советы направлений, фронтов, работники Генерального штаба единодушно высказались за введение института военных комиссаров. По решению Политбюро ЦК от 16 июля 1941 г. во всех полках, дивизиях, на кораблях, в штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях РККА и ВМФ учреждались военные комиссары. В ротах, батареях, эскадронах вводился институт политических руководителей. Являясь представителями партии и правительства в Красной армии и Военно-морском флоте, военные комиссары наряду с командирами несли «полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли»[158].

Права и обязанности военных комиссаров были определены в «Положении о военных комиссарах Рабоче-крестьянской Красной армии», утвержденном Президиумом Верховного Совета СССР 16 июля 1941 г. и в директиве наркома обороны СССР и начальника ГлавПУ РККА «О задачах военных комиссаров и политработников в Красной армии» от 20 июля 1941 г.[159] В директиве подчеркивалось, что их важнейшей обязанностью являлось политическое и воинское воспитание бойцов и командиров, руководство политорганами, партийными и комсомольскими организациями частей. Они должны были насаждать порядок и воинскую дисциплину, «воодушевлять и ободрять личный состав частей, влить в него непоколебимую веру в силу советского оружия, в победу Красной армии над гитлеровскими ордами. В наиболее серьезные моменты боя военный комиссар обязан примером личной храбрости и отваги поднять боевой дух и добиться безусловного исполнения частью боевого приказа».

В процессе дальнейшего укрепления политаппарата постановлением ГКО от 12 августа 1941 г. «О введении военных комиссаров в танковых батальонах, танковых ротах, батареях и артдивизионах»[160] во всех этих подразделениях вместо политруков были назначены военные комиссары. В целях усиления воспитательной работы среди личного состава приказом наркома обороны от 28 декабря 1941 г. «О введении в батальонах стрелковых дивизий должности военного комиссара»[161] они были включены в штат всех батальонов стрелковых дивизий.

ЦК ВКП(б), главные политуправления РККА и ВМФ, военные советы фронтов и флотов уделяли постоянное внимание деятельности военных комиссаров, проявляли заботу о подборе кандидатов на эти должности, особенно в полках и дивизиях. В директиве от 21 июля 1941 г. «О подборе лучших политработников на должности комиссаров полков и дивизий»[162] ГлавПУ РККА обязало военные советы и начальников политуправлений фронтов и округов в шестидневный срок пересмотреть и заменить всех, кто не отвечал сложившимся требованиям войны. В этих целях по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отборе членов ВКП(б) на руководящую политическую работу в РККА»[163] от 10 ноября 1941 г. на пополнение должностей военных комиссаров и начальников политотделов дивизий в ноябре 1941 г.

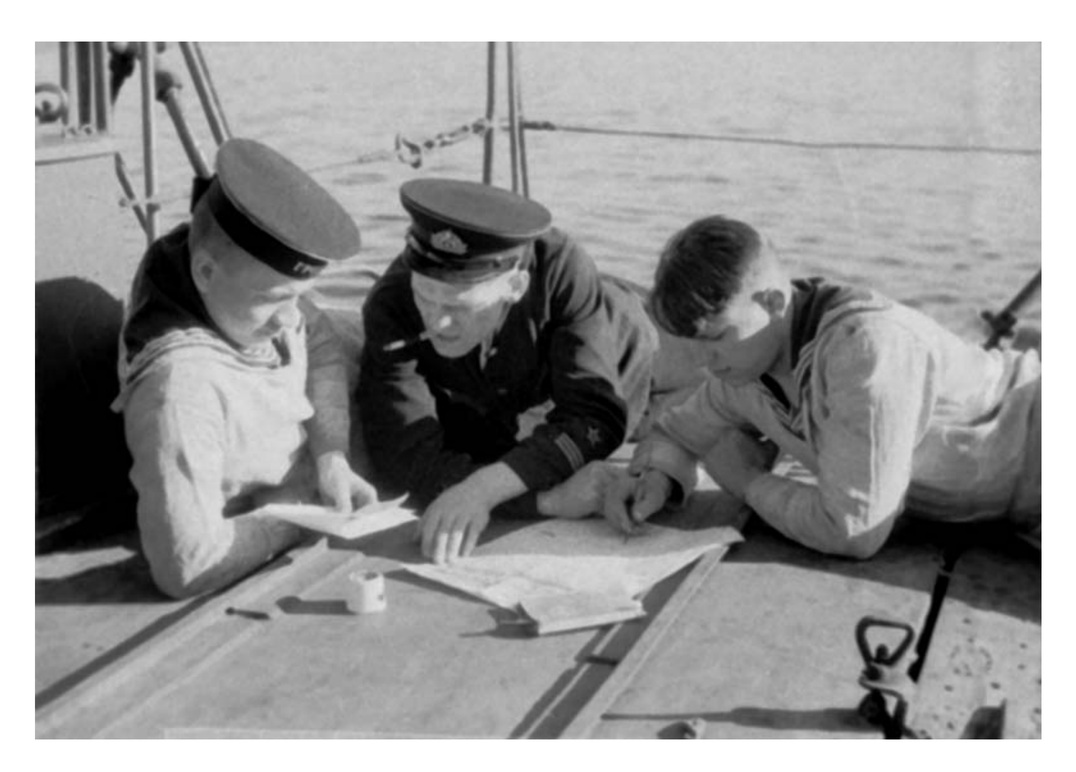
были мобилизованы 2600 руководящих партийных и советских работников, которые после непродолжительной подготовки в вузах направлены в действующую армию. Такой подход, нацеленный на постоянное совершенствование организационной структуры, качественного состава политорганов, позволял им с большим вниманием и ответственностью осуществлять руководство партийно-политической работой в соединениях, частях и на кораблях.

Руководство партийно-политической работой в оперативных звеньях осуществлялось военными советами направлений, фронтов, флотов, армий и флотилий, которые с началом войны были наделены широкими полномочиями как проводники политики партии и несли ответственность за все стороны жизни и боевой деятельности соединений, частей и кораблей. Будучи своеобразными военно-политическими органами, военные советы объединяли в своих руках военное и политическое руководство войсками. Они поддерживали постоянную связь с ЦК ВКП(б) и Верховным главнокомандованием, отчитывались перед ними за подготовку и проведение операций, политико-моральное состояние личного состава, боеспособность и материально-техническое обеспечение войск. В ходе войны постоянно расширялись их права, принимались меры по усилению их кадрового состава за счет руководящих работников партии. Члены военных советов назначались постановлениями ГКО.

В качестве членов военных советов фронтов и армий, начальников политорганов оперативных объединений ЦК ВКП(б) направлял партийных руководителей, обладавших большим опытом организационной и массово-политической работы: Л. И. Брежнева, М. А. Бурмистенко, П. И. Доронина, А. А. Епишева, С. Б. Задионченко, Я. Э. Калнберзина, П. Х. Кулакова, П. К. Пономаренко, А. Ю. Снечкуса, М. А. Суслова, Н. С. Хрущёва, Т. Ф. Штыкова и многих других. В первые шесть месяцев войны в вооруженные силы были направлены 8800 руководящих партийных работников, в том числе 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов, 270 ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б) и 1265 работников областного и районного звена, входивших в номенклатуру ЦК партии. Всего за годы войны в состав армии и флота влились 47 тыс. руководящих работников партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, из них 13 850 являлись работниками партийных комитетов[164]. В действующую армию были направлены 54 члена и кандидата в члены ЦК ВКП(б), 13 членов Центральной ревизионной комиссии партии. В конце войны в составе военных советов фронтов и армий было три члена Политбюро ЦК ВКП(б) и 10 членов ЦК партии[165]. Возглавив важнейшие участки политической работы, они сосредоточили свою деятельность на усилении партийного влияния на всех направлениях борьбы с врагом.

Важным звеном в системе политорганов армии и флота были политические отделы соединений, которые руководили партийно-политической работой с личным составом и организовывали ее непосредственно в частях и на кораблях. Организационно-штатная структура политотдела соединения определялась в соответствии с задачами, которые он был призван решать в боевой обстановке. В состав политотдела стрелковой дивизии входили: начальник политотдела, его заместитель, помощник начальника политотдела по комсомольской работе, старший инструктор по организационно-партийной работе, два агитатора, старший инспектор по спецпропаганде, инструктор по информации, инструктор по учету партийных и комсомольских документов, секретарь политотдела, секретарь партийной комиссии. Эта структура позволяла политическому отделу охватить своим влиянием все стороны жизни и боевой деятельности войск.

В ходе реформирования политорганов сложилась определенная система руководства партийно-политической работой в армии и на флоте. В соединениях, частях и на кораблях руководство партийно-политической работой осуществлялось на основе решений ЦК ВКП(б), ГКО, приказов и директив наркома обороны СССР, главных политических управлений РККА и ВМФ, военных советов фронтов и флотов. В этих документах формулировались важнейшие задачи партийно-политической работы с личным составом, указывались направления деятельности командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций в ходе боевых действий. Очередные задачи и безотлагательные меры, намечаемые Политбюро ЦК

Члены редколлегии на палубе корабля за выпуском Боевого листка

Редактор Боевого листка роты автоматчиков вывешивает свежий номер

Художник Корниенко оформляет очередной выпуск Боевого листка

ВКП(б) по совершенствованию партийно-политической работы, оформлялись как указы Президиума Верховного Совета СССР или совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР. По наиболее важным вопросам совершенствования партийно-политической работы в ЦК ВКП(б), а также в главных политуправлениях Красной армии и ВМФ практиковались совещания членов военных советов и начальников политуправлений фронтов и флотов, письменные согласования с политорганами по разрабатываемым постановлениям и решениям, заслушивания членов военных советов и начальников политорганов на заседаниях главных политуправлений РККА и ВМФ.

В приказах и директивах наркома обороны СССР, начальников главных политических управлений РККА и ВМФ, принимаемых в развитие постановлений и решений ЦК партии, разрабатывались конкретные меры по внедрению их в жизнь войск и флотов, определялись соответствующие средства, пути, формы и методы их реализации. Эти приказы и директивы обеспечивали проведение в жизнь единой линии в руководстве политорганами и партийными организациями, вокруг них строилась вся партийно-политическая работа в войсках и на флотах, содержание, формы и методы которой были подчинены достижению победы в войне. Документы рассылались непосредственно тем, кого они касались (членам военных советов, начальникам политуправлений и отделов фронтов, флотов, армий и флотилий). В каждом из них давались конкретные замечания, указывались недостатки, определялись направления деятельности по решению основных вопросов организации партийно-политической работы.

Практическое выполнение всех важнейших решений и указаний ЦК ВКП(б) контролировали непосредственно главные политические управления РККА и ВМФ. Контроль осуществлялся путем анализа поступающей из политорганов информации в виде политдонесений, выезда представителей главных политуправлений в войска и на флоты для изучения практических сторон партийно-политической работы, обобщения опыта идеологической и организационно-партийной работы на местах.

Директивами главных политуправлений РККА и ВМФ в самом начале войны был установлен порядок ежедневного представления политдонесений о состоянии партийно-политической работы в войсках и на флотах. Директивой Главного управления политпропаганды Красной армии от 15 июля 1941 г. политорганам вменялось ежедневно информировать управления политпропаганды армии или фронта, а те, в свою очередь, должны были ежедневно информировать ГУПП РККА[166]. Аналогичный порядок был установлен Главным управлением политической пропаганды Военно-морского флота[167]. Осуществление строгого контроля позволяло ЦК ВКП(б) и главным политорганам армии и флота своевременно реагировать на возникающие вопросы, принимать необходимые меры по устранению недостатков в партийно-политической работе, проверять достоверность информации о положении и состоянии войск, содержании и направленности партийно-политической работы, обобщать ее положительный опыт.

Особое внимание уделялось тем войскам и частям флота, которые на данном этапе войны решали главную задачу. Так, Главное политическое управление Красной армии в 1941 г. неоднократно давало указания о направлении политбойцов на Западный фронт[168], укреплении разведывательных подразделений[169], подборе личного состава в танковые экипажи[170], правильном использовании политбойцов в ходе боевых действий[171], снабжении оружием вновь формируемых бригад и дивизий[172] и прочем. Главное политическое управление ВМФ уделяло постоянное внимание деятельности политорганов ВВС флотов[173], организации партийно-политической работы на подводных лодках Балтийского флота[174] и в Волжской военной флотилии[175].

С началом войны на первый план выдвинулась задача активного идеологического обеспечения вооруженной борьбы. Разъяснение справедливого, освободительного характера Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии, мобилизация воинов армии и флота на самоотверженные действия против захватчиков, воспитание патриотизма, дружбы народов, готовности преодолеть все трудности и лишения войны, пойти на любые жертвы во имя победы над врагом пронизывали все содержание идеологической

работы в вооруженных силах. В провозглашенном партией лозунге «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» была четко выражена конечная цель в войне — ведение ее только до полной победы над агрессором. Кроме лозунгов в идеологической работе широко использовались основополагающие выводы и рекомендации из выступлений государственных и военных деятелей, приказов и директив Верховного главнокомандующего, учитывались конкретные задачи соединений, частей на каждом этапе войны.

Когда ЦК ВКП(б) обратил внимание политорганов на имеющиеся в войсках перегибы в дисциплинарной практике и в начале октября 1941 г. принял постановление «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями», на его основе был издан приказ наркома обороны № 0391 от 4 октября 1941 г. с аналогичным названием, в котором отмечались факты необоснованных репрессий и подчеркивалось, что «необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск»[176]. Выдвигалось требование восстановить в правах воспитательную работу, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями, самым решительным образом бороться с явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Главное политуправление Красной армии, военные советы, политорганы фронтов, армий, соединений приняли необходимые меры по реализации требований этого приказа. Результаты постепенно начали сказываться. Руководствуясь этим постановлением, проверив и изучив состояние пропаганды и агитации в войсках, ГлавПУ РККА 7 декабря 1941 г., в ходе контрнаступления под Москвой, направило в войска директиву «О ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации»[177]. В ней был дан глубокий анализ состояния идейно-воспитательной работы с личным составом действующей армии и отмечалось, что устная пропаганда и агитация, пропаганда живым словом серьезно запущены, политическое информирование воинов проводится нерегулярно, красноармейцы не получают ответов на злободневные и волнующие их вопросы, ослаблена работа с низовыми агитаторами. Отметив существенные недостатки, Главное политуправление потребовало от политорганов и партийных организаций «восстановить в правах метод убеждения и обеспечить правильное сочетание карательных мер с мерами воспитательными».

Разъясняя требования директивы, журнал «Пропагандист Красной армии» в декабре 1941 г. обращал внимание командиров и политработников на то, что «живое слово большевистской правды — наше великое преимущество, наша великая непреодолимая сила. Долг каждого политработника — сделать всё, чтобы эта сила была умело и полностью использована»[178].

Эффективность перестройки партийно-политической работы во многом определялась степенью партийного влияния во всех звеньях армейского и флотского организма. Мужество и бесстрашие коммунистов, проявленные в боях с фашистами, их огромная сила влияния на воинов в ходе боя являлись одним из важнейших факторов, обеспечивших стойкое сопротивление советских войск и их высокую боеспособность. ЦК ВКП(б), главные политорганы армии и флота на протяжении всей войны принимали необходимые меры по увеличению партийной прослойки в частях, усилению роли коммунистов в борьбе с врагом. 15 июля 1941 г. в директиве «О повышении авангардной роли коммунистов и членов ВЛКСМ в бою» Главное управление политпропаганды Красной армии потребовало от политорганов тщательно проверить, что предпринято в деле повышения авангардной роли коммунистов и комсомольцев в борьбе с врагом. В директиве, в частности, указывалось: «Коммунисты и комсомольцы должны быть бесстрашными в бою, свободными от всякого подобия паники... выступить организующей силой, ведущей за собой массы на разгром врага... Разъяснять, что в момент, когда решается вопрос о жизни и смерти нашей Родины, коммунисты и комсомольцы, все непартийные большевики должны драться с врагом не щадя своих сил, ни самой жизни»[179]. Аналогичными были требования директивы Главного управления политпропаганды ВМФ[180].

Сотрудники полевой типографии за работой

Полевая типография дивизионной газеты «На штурм!»

Возрастающие потери среди коммунистов в партийных организациях действующей армии потребовали от ЦК ВКП(б), политорганов принятия дополнительных мер по усилению партийного влияния, притока в партию нового пополнения, перераспределения сил из территориальных партийных организаций в военные и приема в партию на фронте. Перераспределение коммунистов из территориальных парторганизаций в армейские и флотские осуществлялось по трем основным направлениям. Первым важным источником были персональные партийные мобилизации кадровых работников партии и назначение их на должности членов военных советов фронтов, флотов, армий и флотилий, начальников политорганов, военных комиссаров и аппаратных работников политорганов. Одновременно с персональными партийными мобилизациями был осуществлен массовый призыв коммунистов и лучших комсомольцев в качестве политбойцов.

Руководство по отбору, обучению и отправке политбойцов на фронт было возложено на Главное управление политической пропаганды Красной армии. За короткие сроки оно направило ряд директив, в которых закреплялся порядок решения этих вопросов. Специальной директивой от 30 августа 1941 г. «О правильном использовании и расстановке политбойцов»[181] разъяснялся порядок их использования на фронте. Они направлялись на наиболее напряженные и ответственные участки фронтов и распределялись группами по 10—15 человек по стрелковым подразделениям для укрепления политико-морального состояния частей. Находясь среди воинов, будучи в подавляющем большинстве рядовыми, они лучше всего могли проявлять свою авангардную роль в бою. Газета «Правда» писала: «Политбоец ведет за собой беспартийных... Это цемент, скрепляющий воинов Красной армии единой волей, единым устремлением победить врага»[182].

Политбойцы сыграли исключительную роль в укреплении боеспособности частей и подразделений, сражавшихся на передовой. Основная их масса начала прибывать в армию в самое тяжелое время: к 20 июля 1941 г. свыше 50 тыс. политбойцов уже были на фронте. Всего к маю 1942 г. действующая армия получила более 132 тыс. политбойцов. «Эти люди несли в себе какую-то непоколебимую уверенность в нашей победе... Своим непоколебимым оптимизмом они возвращали уверенность тем людям, которые начинали терять присутствие духа»[183], — так отозвался о них Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Отмечая заслуги политбойцов в первые месяцы войны, Главное политическое управление Красной армии в октябре 1941 г. докладывало ЦК ВКП(б), что «они сыграли исключительную роль в укреплении частей Красной армии»[184].

Самым массовым источником пополнения армии и флота партийными силами, укрепления подразделений и частей были общие мобилизации военнообязанных, в ходе которых территориальные парторганизации передали действующей армии и флоту 1 млн 640 тыс. коммунистов. При этом 1 млн 100 тыс. были направлены на фронт к началу 1942 г.[185] Перераспределение партийных сил в таких масштабах и за короткие сроки было осуществлено впервые и стало решающим средством укрепления политико-морального состояния в армии и на флоте, особенно в начальный период войны.

Однако даже существенные пополнения из местных партийных организаций не могли восстановить в полной мере потери коммунистов в ходе боев и сражений. Обстановка на фронтах требовала постоянного притока свежих партийных сил, качественного отбора в партию лучших, отличившихся в боях воинов. В целях обеспечения роста армейских и флотских партийных организаций ЦК ВКП(б) в первые месяцы войны принял ряд постановлений, направленных на создание более благоприятных условий для приема в партию отличившихся в боях военнослужащих. Постановлением «О порядке приема в партию в боевой обстановке» от 19 августа 1941 г. разрешалось принимать таких воинов кандидатами в члены партии по рекомендациям коммунистов с годичным стажем, которые могли знать вступающего в партию по совместной службе менее года[186]. В этом случае вступающие в партию представляли боевую характеристику, данную политруком подразделения или комиссаром части. Постановлением ЦК партии от 9 декабря 1941 г. «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками» разрешалось принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях

военнослужащих по истечении трехмесячного кандидатского стажа вместо годичного[187]. Эти постановления были распространены на действующие корабли и части Военно-морского флота 1 сентября 1941 г. и 15 января 1942 г.[188]

Постановления ЦК ВКП(б) от 19 августа и 9 декабря 1941 г. обеспечили перелом в росте партийных организаций действующей армии. С конца 1941 г. парторганизации в армии и на флоте росли главным образом за счет приема воинов, отличившихся в боях. Всего с 1 июля 1941 по 1 июля 1945 г. партийные организации армии и флота приняли кандидатами в члены партии 3788 тыс. и в члены партии 2376 тыс. военнослужащих, что составило почти три четверти всех принятых в члены партии и две трети — в кандидаты[189]. Более 3 млн коммунистов погибли на фронтах войны[190].

К весне 1942 г. содержание, формы и методы партийно-политической работы в армии и на флоте были в основном перестроены и приведены в соответствие с новыми задачами вооруженных сил в войне. ЦК ВКП(б), осуществляя руководство партийно-политической работой, используя различные формы и методы, обусловленные войной, обеспечил возможность решения этих задач. 12 июня 1942 г. в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение вопроса о состоянии партийно-политической работы в войсках, в ходе которого наряду с успехами были отмечены и серьезные недостатки в ее организации и проведении. Основным недостатком был признан бюрократический стиль руководства партийно-политической работой в войсках. Живая, многогранная работа с людьми часто подменялась бумаготворчеством. Политорганам было предложено всемерно усилить агитационно-пропагандистскую работу, сделать политическую агитацию ведущей в воспитании воинов, более злободневной и действенной, увязывая ее с конкретными задачами частей и подразделений.

В соответствии с требованиями ЦК ВКП(б) Главное политуправление Красной армии 6 июля 1942 г. провело совещание членов военных советов, начальников политорганов фронтов и армий, на котором были обсуждены меры и пути совершенствования массово-политической работы. На совещании выступили члены военных советов фронтов, армий, округов: Северо-Западного фронта — В. Н. Богаткин, Московского фронта ПВО — Н. Ф. Гритчин, Калининского фронта — М. Ф. Дребеднев, 5-й армии — П. Ф. Иванов, 29-й армии — А. Г. Журавлёв, Западного фронта — В. Е. Макаров, Брянского фронта — И. З. Сусайков, Московского военного округа и Московской зоны обороны — К. Ф. Телегин, 43-й армии — С. И. Шабалов, комиссары соединений И. Б. Булатов, Г. К. Устинов. Итоги совещания были обобщены в Главном политуправлении Красной армии и послужили основой для выработки конкретных мер по устранению недостатков и улучшению массово-политической работы в действующей армии. При этом активно использовались рекомендации Совета военно-политической пропаганды о тематической направленности агитационно-пропагандистской работы.

В составе Главного политуправления Красной армии была проведена коренная реорганизация идеологических подразделений. В целях усиления, руководства агитационно-пропагандистской работой 10 июля 1942 г. было образовано Управление агитации и пропаганды[191] с включением в него отделов агитации[192], пропаганды, печати, культурно-просветительных учреждений, академий и вузов, снабжения культпросветимуществом. В состав управления были включены также редакции журналов «Агитатор и пропагандист Красной армии» и «Блокнот красноармейца-агитатора»[193]. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) начальником Управления агитации и пропаганды и одновременно заместителем начальника Главного политуправления Красной армии был назначен бригадный комиссар И. В. Шикин[194].

Среди других мер по усилению руководства идеологической работой в армии и на флоте следует отметить заботу ЦК ВКП(б) об укреплении прежде всего высших руководящих политорганов армии и флота. Значительно были пополнены квалифицированными кадрами многие отделы главных политуправлений армии и флота, ведающие конкретными участками идеологической работы, расширены штаты некоторых из них. Основными фигурами в этой работе стали агитаторы. 21 августа 1942 г. приказом начальника Главного политического управления Красной армии в политорганах оперативно-стратегического звена были созданы

Военком подводной лодки Щ-323 А. Ф. Круглов беседует с краснофлотцами в блокадном Ленинграде

ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

№2535823

Фамилия Никулин

Имя и отчество Андрей Андреевич

Год рождения 1911

Время вступления в партию

Наименование организации, выдавшей билет

Личная подпись

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1935 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Пробитый пулей партийный билет политрука А. А. Никулина, погибшего в бою под Москвой

штатные группы агитаторов. В ГлавПУ РККА была образована группа штатных агитаторов численностью 15 человек, а также группа нештатных агитаторов в количестве 75 человек, куда вошли члены ЦК ВКП(б), наркомы, видные ученые, писатели, депутаты Верховного Совета СССР. В политуправлениях фронтов группы штатных агитаторов насчитывали 7–10 человек, в политотделах армий — пять человек[195]. В политотделах дивизий и бригад, в полках, на кораблях вместо инструкторов по пропаганде вводились должности агитаторов. В армию и на флот в качестве штатных агитаторов политуправлений фронтов и флотов, политотделов армий, дивизий, флотилий, полков были направлены лучшие пропагандистские кадры, имевшие всестороннюю подготовку и богатый практический опыт работы. Только в июле 1942 г. на агитационную работу в войска были направлены около 500 человек, имевших опыт политической и пропагандистской работы[196].

В деятельности Главного политического управления Красной армии по руководству партийно-политической работой учитывалась реальная обстановка на фронтах. Политорганы нацеливались на совершенствование форм и методов партийно-политической работы, на выбор наиболее целесообразных из них, исходя из конкретной обстановки. Центр тяжести в этой работе требовалось перенести на передовую, в траншеи, опорные пункты, штурмовые и разведывательные группы. Примером тому, как должна была строиться партийно-политическая работа в войсках, могут служить требования ГлавПУ РККА по разъяснению и претворению в жизнь приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 г.[197] По оценке Маршала Советского Союза А. М. Василевского, этот приказ — «один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности»[198]. По силе влияния на воинов он был наиболее действенным за всю Великую Отечественную войну. От командного и политического состава среди других мер требовалось перестроить партийно-политическую работу, мобилизовать все силы и средства на отпор врагу.

В течение полумесяца в войска было направлено три директивы начальника ГлавПУ РККА А. С. Щербакова о выполнении этого приказа. В первой из них, направленной в войска 29 июля 1942 г. «О разъяснении приказа НКО № 227 от 28.07.42 г.», от политорганов и политработников требовалось лично проследить за тем, чтобы «приказ наркома был немедленно доведен до частей и подразделений, зачитан и разъяснен всему личному составу Красной армии»[199]. От начальников политуправлений фронтов требовалось дважды в день предоставлять информацию о проделанной партийно-политической работе по доведению и разъяснению приказа. Через 10 дней в войсках была получена директива с тематикой докладов, политбесед по разъяснению приказа наркома обороны[200]. В войска направлялись группы офицеров (инспекторов, инструкторов, лекторов, агитаторов) по проверке и оказанию помощи в организаторской и идейно-политической работе по выполнению приказа НКО № 227. 15 августа 1942 г. была отдана еще одна директива Главного политуправления Красной армии — «О политической работе по выполнению приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 г.» с резкой критикой деятельности некоторых членов военных советов, начальников политорганов и военкомов соединений, о формальном подходе к доведению и разъяснению приказа. ГлавПУ РККА потребовало «решительно покончить с кампанейщиной в доведении и разъяснении приказа НКО № 227».

Большое значение в этот период приобрело руководство воспитательной работой с воинами различных национальностей СССР. В ходе проводимых военных мобилизаций значительно увеличился приток в действующую армию новых пополнений из республик Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья и других национальных районов страны. К примеру, в войсках Воронежского фронта к концу 1942 г. воины неславянской национальности составляли 23% личного состава, а в целом ряде частей и соединений — до 40–50%[201]. Организация идейно-воспитательной работы с этими воинами усложнялась тем, что многие из них слабо владели русским языком, а некоторые совсем его не знали.

ЦК ВКП(б) обязал политорганы Красной армии коренным образом улучшить политико-воспитательную работу с этой категорией воинов. Это требование было отражено в специальной директиве Главного политуправления Красной армии «О воспитательной работе

с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности»[202], изданной 17 сентября 1942 г. В директиве указывалось политорганам и партийно-политическому аппарату частей придать воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности первостепенное значение, вести решительную борьбу с малейшими проявлениями недооценки этой работы. В директиве подчеркивалось, что вся агитационно-пропагандистская работа с этими воинами должна способствовать повышению боеспособности частей и подразделений, укреплению воинской дисциплины, сплочению воинов различных национальностей, воспитанию у них ненависти к врагу.

К осени 1942 г. наши вооруженные силы всесторонне окрепли. Командный состав приобрел определенный боевой опыт в управлении и руководстве частями и подразделениями. Необходимость в военных комиссарах как чрезвычайном институте в армии и на флоте отпала. Теперь они могли быть использованы на командных должностях. Учитывая эти изменения, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б)[203] Президиум Верховного Совета СССР 9 октября 1942 г. издал указ «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии», в котором отмечалось: «Назрела необходимость упразднить в Красной армии институт военных комиссаров, установить полное единоначалие и целиком возложить на командиров ответственность за все стороны работы в войсках»[204]. В соединениях, частях, подразделениях и учреждениях Красной армии вводился институт заместителей командиров (начальников) по политической части. Для них и для всех остальных политработников устанавливались общие для всех командиров Красной армии воинские звания и знаки различия.

Приказом наркома обороны СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии»[205] от 9 октября 1942 г. комиссары частей, соединений военно-учебных заведений и учреждений, политруки подразделений освобождались от занимаемых должностей и назначались заместителями по политической части соответствующих командиров и начальников. 13 октября 1942 г. единоначалие было введено в Военно-морском флоте[206].

В то же время в директиве Главного политического управления Красной армии от 10 октября 1942 г. подчеркивалось: «Установление полного единоначалия и упразднение института военных комиссаров не принижает политической работы в армии, а наоборот, политическая работа должна получить еще больший размах и более глубокое идейное содержание... Вся деятельность всех политработников, партийных и комсомольских организаций должна быть направлена на успешное решение боевых задач, поставленных перед соединением, частью и подразделением, на всемерное укрепление единоначалия, роли и авторитета командира, на укрепление дисциплины и порядка в войсках»[207]. Эта мера позволила сосредоточить внимание не только политорганов, но командиров всех уровней на усилении партийно-политической работы, что отразилось на темпах контрнаступления войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов под Сталинградом, где она приобрела особенно широкий размах.

В целях дальнейшего укрепления командных кадров постановлением ГКО от 24 мая 1943 г. «Об упразднении института заместителей командиров по политической части рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, отдельных взводов и частичном сокращении политработников других категорий»[208] был упразднен институт заместителей командиров по политической части рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, отдельных взводов, сокращены должности заместителей начальников штабов по политической части корпусов, дивизий, бригад, объединены должности заместителей командиров соединений по политической части с должностью начальника политотдела, что дало возможность перевести на командную работу более 130 тыс. политработников. Это решение позволило значительно укрепить кадры командного состава всех степеней. Появилась возможность создать резерв офицерского состава. К 1 июля 1943 г., несмотря на потери в командных кадрах, в резерве фронтов и армий находились более 100 тыс. офицеров, имевших необходимую подготовку и боевой опыт[209].

В связи с новыми задачами, возникшими с упразднением института заместителей командиров рот и им равных подразделений, а также в целях оживления партийной ра-

боты и повышения роли партийных и комсомольских организаций в воспитании личного состава 24 мая 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций Красной армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет»[210]. В соответствии с этим постановлением была утверждена новая структура партийных и комсомольских организаций: в полку — партийное бюро полка во главе с парторгом, в батальоне — первичная партийная организация во главе с парторгом, в роте — ротная партийная организация во главе с парторгом. Главное политуправление Красной армии директивой от 4 июня 1943 г. «О выполнении постановления ЦК ВКП(б)»[211] определило порядок и сроки перестройки партийных организаций в частях различных родов войск.

Создание первичных партийных и комсомольских организаций непосредственно в батальонах и равных им подразделениях приблизило эти организации к массе воинов, позволило превратить их в центр политической работы, привело к росту партийного актива. Возросла роль командиров подразделений как организаторов политико-массовой работы. Они стали более активно вести политическое воспитание личного состава, опираясь на ротные партийные и комсомольские организации. Это придавало партийно-политической работе еще большую конкретность, оперативность и способствовало успешному выполнению боевых задач.

Главные политические управления в этот период придавали большое значение обобщению опыта партийно-политической работы в боевых условиях. В целях системного и глубокого обобщения и всемерной пропаганды и внедрения его в практику работы политорганов в 1944 г. в ГлавПУ РККА был создан отдел по изучению и использованию опыта партийной-политической работы. Все ценное и новое в этой области в виде директивных указаний, памяток, через периодическую печать оперативно доводилось до политорганов всех категорий.

Победы Красной армии свидетельствовали о возросшем военном могуществе страны, высоких морально-боевых качествах советских воинов, наращивании их высокого наступательного духа, мужества, героизма и боевого опыта. В период подготовки к широким наступательным операциям и в процессе их успешного проведения первостепенное значение придавалось руководству партийно-политической работой в войсках. Непосредственными ее организаторами в армии и на флоте являлись более 2 тыс. политорганов различного уровня и свыше 78 тыс. парторганизаций. Первостепенное внимание в их работе уделялось воспитанию воинов в духе патриотизма, ненависти к врагу, боевой выучке, укреплению воинской дисциплины, мобилизации личного состава на успешное выполнение боевых задач.

Учитывалось также, что в личном составе произошли значительные изменения: в войска влилось большое количество военнообязанных граждан, ранее проживавших на оккупированной немцами территории, оторванных от советской жизни. Характер партийно-политической работы с ними был определен директивами Главного политического управления Красной армии «Об организации воспитательной работы среди воинов, призванных из западных районов Украины»[212] от 22 марта и 18 апреля 1944 г. В директивах отмечалось, что эти люди долгое время находились под воздействием усиленной вражеской пропаганды, и требовалось воспитательную работу с ними «рассматривать как важнейшую политическую задачу, имеющую первостепенное значение».

В преддверии проведения стратегических наступательных операций Главное политуправление Красной армии направляло в войска группы офицеров-политработников для изучения обстановки, контроля и оказания помощи политорганам фронтов и армий в организации работы с учетом конкретных условий проведения операций. Нередко после изучения положения дел в войсках доклады членов военных советов, начальников политуправлений фронтов и армий заслушивались на заседаниях Совета военно-политической пропаганды о состоянии партийно-политической работы. После этого, как правило, издавались приказы и директивы об устранении выявленных недостатков и совершенствовании работы политорганов, партийных и комсомольских организаций в войсках. Подтверждением тому является приказ начальника Главного политического управления Красной армии «Об устранении недостатков

в партийно-политической работе в 7-й отдельной армии»[213] от 16 января 1944 г., в котором были вскрыты серьезные недостатки в партийно-политической работе.

В ходе наступательных операций 1944 г. советские войска нанесли по врагу ряд последовательных сокрушительных ударов, которые предопределили окончательный разгром гитлеровской Германии. Советская государственная граница была полностью восстановлена. Красная армия, очистив родную землю от фашистских захватчиков, приступила к непосредственному выполнению освободительной миссии в Европе. Вступление Красной армии на территорию иностранных государств выдвигало на повестку дня новые задачи политического, морального и военного характера, повышало требования к партийно-политической работе.

Освобождение народов Европы от гитлеровского ига, близость часа окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков повышали ответственность каждого воина за свои действия, вдохновляли на усиление ударов по врагу и в то же время диктовали необходимость поддержания высокой бдительности, соблюдения воинской дисциплины, высокой организованности, умения четко ориентироваться в военно-политической обстановке, что потребовало от политорганов дополнительных усилий по формированию у воинов высокого наступательного духа, гуманного отношения к местному населению.

В мае 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) провело совещание членов военных советов фронтов, на котором были обсуждены и проанализированы обстоятельства, складывающиеся в связи с вступлением Красной армии на территорию иностранных государств. На совещании присутствовали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. С. Хрущёв, А. С. Щербаков, члены военных советов фронтов В. Н. Богаткин, Ф. Е. Боков, Н. А. Булганин, П. И. Ефимов, А. С. Желтов, К. В. Крайнюков, Д. С. Леонов, В. Е. Макаров, Л. З. Мехлис, М. В. Рудаков, Н. Е. Субботин, И. З. Сусайков, К. Ф. Телегин, Т. Ф. Штыков. В ходе совещания был сделан глубокий анализ новой политической обстановки. Перед руководящими политработниками были поставлены конкретные задачи по политическому руководству войсками в ходе боевых действий в новых условиях. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало членов военных советов фронтов смелее выдвигать и ставить перед Центральным комитетом партии неотложные вопросы, возникающие в ходе освободительной миссии, и потребовало обстоятельной и своевременной информации о ходе боевых операций, жизнедеятельности войск.

Выполняя решения Политбюро ЦК ВКП(б), Главное политуправление Красной армии и Совет военно-политической пропаганды изучили состояние партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта, которые к тому времени вступили в Румынию и вели боевые действия на вражеской территории. 15 июня 1944 г. на заседании Совета военно-политической пропаганды под председательством секретаря ЦК ВКП(б), начальника ГлавПУ РККА А. С. Щербакова с участием члена Совета секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова был заслушан доклад начальника политуправления 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта А. Н. Тевченкова «О состоянии партийно-политической работы в войсках фронта», которые вели боевые действия в новых условиях на территории противника. Как показала проверка и доклад начальника политуправления, идейный и организационный уровень партийно-политической работы еще не отвечал новым задачам, стоящим перед фронтом.

На основании обсуждения доклада и выводов Совета военно-политической пропаганды начальник Главного политуправления Красной армии 19 июля издал приказ «О состоянии партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта»[214], в котором выдвигалось требование о решительной перестройке партийно-политической работы применительно к новой обстановке. Особое внимание политорганов и политработников обращалось на организацию политического и культурного воспитания офицерских кадров, особенно в звене взвод — рота — батальон, «рассматривая это как одну из важнейших задач всей партийно-политической работы». Такая необходимость вызывалась тем, что в войсках было много офицеров, выросших из среды красноармейцев и младших командиров. К концу войны в армии полками командовали 126 офицеров, начавших войну красноармейцами и сержантами[215]. У таких командиров, как правило, имелся достаточный боевой опыт, но была слабая

идейно-политическая подготовка, им не хватало умения вести политработу, воспитывать подчиненных.

В работе политорганов с личным составом важное место занимали разъяснения постановлений ГКО, документов советского правительства в связи с вступлением советских войск на территории Чехословакии, Румынии, Польши, Венгрии, Болгарии и других стран. Газета «Правда», другие центральные и фронтовые газеты систематически освещали вопросы внешней политики Советского государства, цели и задачи Красной армии в ходе операций за рубежом[216]. Дальнейшему совершенствованию интернационального воспитания, соблюдению воинской дисциплины, бдительности была подчинена вся партийно-политическая работа.

Исключительно большую силу воздействия на сознание воинов, повышение их ответственности за выполнение своего интернационального долга имела работа политорганов и партийно-политического аппарата, нацеленная на разъяснение и пропаганду воззваний и обращений военных советов фронтов и армий к личному составу перед началом наступательных операций, проведение митингов перед вступлением на территорию той или иной страны и освобождением городов и крепостей.

В 1945 г. решающие наступательные операции проводились на территории Германии. Война вернулась туда, откуда пришла. Ее организаторы пожинали плоды своей кровавой авантюры. Чувства ненависти и мести к фашистам, которые формировались у советских воинов на протяжении всей войны, требовалось определенным образом скорректировать. Важное значение приобретал вопрос об установлении правильного отношения воинов Красной армии к гражданскому немецкому населению. Этот вопрос о поведении советских воинов на территории Германии получил подробное разъяснение в советской печати, директивах Ставки ВГК и Главного политического управления Красной армии.

В директиве от 20 апреля 1945 г. «О необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным»[217] Ставка ВГК потребовала пресечения всякого рода фактов грубого отношения к немецкому населению и военнопленным. При этом отмечалось, что гуманное отношение к немцам должно облегчить ведение боевых действий на территории Германии, снизить упорство немцев в обороне. В то же время гуманное отношение к немецкому населению не должно было ослаблять бдительность и ненависть к гитлеровцам, которые продолжали оказывать упорное сопротивление. Но и мщение врагу некоторые воины понимали не всегда адекватно обстоятельствам. Поэтому политорганам, парторганизациям особое внимание необходимо было уделять разъяснению правил поведения советских воинов на территории Германии.

Газета «Красная звезда» в передовой статье «Наше мщение» подчеркивала, что наша месть не должна быть слепой, а наш гнев не должен быть безрассуден[218]. Значительное внимание в руководстве партийно-политической работой, содержание которой было определено в телеграмме Главного политуправления Красной армии, политорганы нацеливали на то, чтобы всеми средствами агитации и пропаганды разъяснить личному составу, что «Красная армия пришла в Германию не для того, чтобы уничтожить немецкий народ, а для того, чтобы окончательно разгромить сопротивляющуюся гитлеровскую армию, разрушить гитлеровское государство и уничтожить гитлеровский режим, наказать военных преступников и сделать всё, чтобы предотвратить возможность новой агрессии со стороны Германии»[219]. Всеми формами устной и печатной пропаганды воинам Красной армии и населению Германии разъяснялись идеи освободительной миссии. Летопись Великой Отечественной войны сохранила большое число примеров великодушия и подлинной гуманности советских воинов по отношению к немецкому народу, женщинам и детям.

Подводя итоги деятельности органов стратегического управления СССР по руководству партийно-политической работой в Красной армии и Военно-морском флоте, следует отметить ее эффективность, гибкость, разнообразие и своевременность. Об эффективности партийно-политической работы в армии и на флоте, а значит, и успешности в деле руководства ею не раз говорили и наши поверженные противники. Бывший командующий немецкими группами армий «Север» и «Южная Украина» генерал Ганс Фриснер записал следующее:

«Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно. Это было коренным отличием всей Красной армии, и особенно относилось к молодым солдатам. Отнюдь не правы те, кто пишет, будто они выполняли свой долг только из страха перед подгоняющими их комиссарами, которые в своем большинстве сами храбро сражались... Это были действительно презирающие смерть солдаты»[220].

Сложность руководства этим видом боевого обеспечения заключалась в том, что для его эффективного проведения необходимо было учитывать широчайший спектр факторов: политических, экономических, социальных, а также физико-географических условий театров военных действий. Война подтвердила необходимость проведения целенаправленной партийно-политической работы в армии и на флоте.

Руководство специальной пропагандой на войска и население фашистской Германии и ее союзников

Накануне нападения на Советский Союз войска германского вермахта, вдохновленные легкими победами на западе и предвкушая молниеносную победу на востоке, отличались не только боевой мощью, сплоченностью и вымуштрованностью, но и высоким наступательным порывом, сильной морально-психологической подготовкой. Его личный состав, значительную часть которого составляли члены нацистской партии и молодежь, прошедшая школу фашистской обработки, был уверен в собственной мощи и непобедимости, превосходстве германской расы, необходимости расширения своего жизненного пространства. Чтобы дать отпор этим войскам и защитить свободу и независимость СССР, потребовалось исключительное напряжение сил всего советского народа. В борьбе с таким врагом необходимо было применять не только личный состав, вооружение и боевую технику, но и средства информационно-психологического воздействия на его личный состав и глубокий тыл.

К началу Великой Отечественной войны в Красной армии был накоплен определенный опыт ведения пропаганды среди войск и населения противника. В ходе боев на р. Халхин-Гол и во время Советско-финляндской войне формировалась структура аппарата специальной пропаганды на войска и население противника, применялись соответствующие технические средства, опробовались формы и методы ведения этой работы, осуществлялись подбор и подготовка кадров, владеющих иностранными языками. Однако Наркомат обороны СССР многое к началу войны сделать не успел: небольшой аппарат был создан только в приграничных военных округах, не хватало специалистов по странам — союзницам фашистской Германии, не вполне правильно оценивалось состояние морально-боевого духа войск и населения противника, техническая база оставляла желать лучшего.

Высшее военно-политическое руководство страны осознавало важность политической работы среди войск и населения противника и с первых дней войны руководило деятельностью государственных органов по специальной пропаганде. Под спецпропагандой понималась совокупность информационных и агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся на войска и население противника в целях подрыва их морально-боевого духа, склонения к разрыву с преступным правящим режимом, сдаче в плен и организованной капитуляции.

Специальная пропаганда на войска и население Германии и ее союзников проводилась по указаниям ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного главнокомандования и непосредственно осуществлялась Народным комиссариатом обороны СССР, военными советами фронтов, армий, командирами, штабами и политическими органами всех уровней. «Добиваться разложения и деморализации армии и тыла врага», — так 25 июня 1941 г. была определена Народным комиссариатом обороны задача в области спе-

циальной пропаганды[221]. Поставленная задача достигалась прежде всего путем разъяснения справедливых целей войны со стороны СССР и показа несправедливого, захватнического характера войны, развязанной фашистской Германией и ее союзниками; разоблачения антинародного характера гитлеровского режима и лживости его пропаганды; информирования войск и населения противника об истинном положении на фронте и в тылу, успехах Красной армии и поражениях немецких войск и их союзников; раскрытия правды о советском плене, освобождения страны от фашизма.

Наркомат обороны СССР рассматривал специальную пропаганду как органическую часть всей деятельности командиров и политических органов, включающую три взаимосвязанных между собой направления: пропаганда среди войск противника, воздействие на население вражеских стран и оккупированных государств, политическая работа среди военнопленных. Воздействие на население вражеских и оккупированных стран преследовало следующие цели: усиливать антивоенные и антифашистские настроения, призывать массы на активную борьбу против гитлеровской преступной войны, на поддержку сил сопротивления войне и фашизму. Работа среди военнопленных вражеских армий заключалась в их политическом перевоспитании в антифашистском духе и содействии в поражении гитлеровской клики и ее вассалов.

В целом специальная пропаганда среди войск, населения и военнопленных противника представляла собой бескомпромиссную борьбу за умы и души людей, обработанных фашистской идеологией. По оценкам военно-политического руководства СССР, она являлась специальным видом обеспечения боевых действий, главной задачей которого было средствами морально-психологического воздействия облегчать и ускорять достижение победы вооруженных сил нашей страны над армиями фашистского блока с наименьшими потерями. Специфическое свойство этого вида обеспечения — действовать убеждением, словом правды, активно влиять на сознание, моральное состояние и психологию вражеских войск и населения противника в сочетании с силой боевых ударов и успешных операций войск[222].

Ее общие задачи в зависимости от обстановки и на определенных этапах войны конкретизировались и уточнялись. Так, по решению НКО в оборонительных кампаниях войны специальная пропаганда должна была всемерно подрывать наступательный дух вражеских солдат, ослаблять воздействие на них фашистской идеологии, дискредитировать временные успехи на восточном фронте. В ходе стратегического наступления она должна была способствовать углублению процесса разложения фронта и тыла фашистской Германии и ее союзников, разоблачению лжи и клеветы об условиях жизни в советском плену. И, наконец, в заключительных кампаниях войны главной задачей специальной пропаганды было призывать к массовой сдаче в плен, капитуляции попавших в окружение частей, соединений и гарнизонов противника, оказывать помощь в становлении новой народной власти в освобожденных государствах.

Руководство этой непростой деятельностью осуществлял специальный орган. В целях «сосредоточения всей военно-политической пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения противника» Политбюро ЦК ВКП(б) 25 июня 1941 г. утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды», в которое вошли Л. З. Мехлис (заместитель наркома обороны и нарком Госконтроля СССР, заместитель председателя СНК СССР, начальник Главного управления политической пропаганды РККА), Д. З. Мануильский (член ЦК ВКП(б), видный деятель международного коммунистического движения), В. С. Кружков (заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б), С. А. Лозовский (заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Советского информационного бюро), Н. Г. Пальгунов (заведующий отделом печати НКИД). В качестве советника привлекался Е. С. Варга[223]. Руководителем бюро был назначен Л. З. Мехлис, а его рабочим органом стал 7-й отдел Главного управления политической пропаганды Красной армии. В состав бюро 2 июля 1941 г. дополнительно был введен М. Б. Митин — академик АН СССР, с 1939 г. — директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), с 1944 г. — руководитель кафедры диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).

Красноармеец Гольцберг и политрук Семёнов готовят воздушного змея для заброски листовок в расположение войск противника

Начальник разведки гвардейской части старший лейтенант В. Д. Прадедов
раздает бойцам листовки для разбрасывания во вражеском тылу

Старший лейтенант П. И. Никитин забрасывает листовки
в расположение войск противника с помощью мортирки собственной конструкции

На Советское бюро военно-политической пропаганды возлагалось: «составление листовок, обращений и лозунгов к войскам и населению противника; организация радиопередач для войск и населения противника в районе действующих армий». Предлагавшийся в проекте постановления пункт о «руководстве военно-политической пропагандой в Красной армии, Военно-морском флоте и войсках НКВД» был исключен[224]. Вся работа бюро сосредоточивалась только на организации специальной пропаганды, определении ее идейно-политического содержания (по каждой стране и армии в отдельности), рассмотрении и утверждении наиболее важных общеполитических информационно-пропагандистских материалов на войска и население противника, координации деятельности советских органов внешнеполитической пропаганды (Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитет СССР, государственные издательства и типографии).

Заседания бюро проходили ежедневно. На них приглашались ответственные работники аппарата ЦК ВКП(б), НКО, государственных органов внешнеполитической пропаганды, соответствующие специалисты. Так, в первые две недели войны бюро разработало тематику, тезисы и лозунги специальной пропаганды на войска, население Германии и ее союзников, рассмотрело и утвердило к изданию и распространению 67 различных листовок и лозунгов тиражом 90 млн экземпляров[225]. На заседаниях 25–26 июня было утверждено 10 из 30 представленных лозунгов к солдатам немецкой армии, а 27 июня члены бюро собственноручно написали и коллективно утвердили листовки «К немецким солдатам!», «Ко всем честным мужчинам и женщинам Германии!», подготовили указания фронтовым газетам на иностранных языках, определили мероприятия по пропаганде среди моряков гитлеровских ВМС, подготовили рекомендации Радиокомитету СССР по вещанию на зарубежные страны и прочее[226].

Важное место в решении задач специальной пропаганды отводилось Советскому информационному бюро — государственному информационному политическому органу, созданному по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 24 июня 1941 г., оформленному также как совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР[227]. В него вошли кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков (начальник бюро), С. А. Лозовский (заместитель начальника бюро), ответственный руководитель ТАСС Я. С. Хавинсон, председатель Радиокомитета Д. А. Поликарпов, заместитель начальника Генштаба Красной армии, начальник Разведывательного управления Ф. И. Голиков. 1 июля постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в его состав был введен заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров[228]. Позднее в должности заведующего международным отделом Совинформбюро был утвержден Г. Ф. Саксин, заместитель генерального секретаря НКИД СССР. На Советское информбюро возлагались: «руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Ставки Верховного командования»[229].

После разгрома гитлеровских войск под Москвой произошел значительный перелом в сознании солдат и офицеров противника, в связи с чем появились благоприятные условия для ведения специальной пропаганды. Поэтому по решению ЦК ВКП(б) 13 июня 1942 г. вместо Советского бюро военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении Красной армии был создан Совет военно-политической пропаганды. Постановлением ЦК ВКП(б) в его состав вошли: начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, члены ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, начальник ГлавПУ ВМФ И. В. Рогов, заместитель начальника ГлавПУ РККА Ф. Ф. Кузнецов и кандидат в члены ЦК ВКП(б), заведующий Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров.

Важнейшей функцией Совета военно-политической пропаганды являлось руководство «агитационно-пропагандистской работой среди войск и населения противника»[230]. Всесторонне изучив состояние этой работы, 27 июня 1942 г. совет отметил ее нередко декларативный, малоэффективный характер и утвердил мероприятия по улучшению деятельности военных

советов, командиров и политорганов по разложению войск и населения противника. В его решении указывалось: «Впредь пропаганду и агитацию среди войск противника строить на конкретном, фактическом материале и дифференцировать применительно к специфическим особенностям противостоящих частей и соединений противника... Обязать комиссаров и начальников политорганов соединений и комиссаров частей принимать непосредственное участие в организации работы среди войск противника и привлечь для этого подчиненный им политический аппарат»[231].

Совет установил тесное сотрудничество командования и политорганов Вооруженных сил СССР с немецким антифашистским движением политических эмигрантов и военнопленных, разработал тезисы и аргументы специальной пропаганды на население освобождавшихся стран. Этим была оказана действенная помощь командирам и политработникам, так как работа с населением иностранных государств являлась для них новой и сложной.

Следует отметить, что непосредственно организация специальной пропаганды накануне войны возлагалась ЦК ВКП(б) на Главное управление политической пропаганды Красной армии, с 17 июля 1941 г. — Главное политическое управление Красной армии. В этих целях весной 1940 г. в Политуправлении РККА было создано отделение политической работы среди войск и населения противника. 12 октября того же года отделение было реорганизовано в самостоятельный отдел Главного управления политической пропаганды Красной армии численностью девять военнослужащих и три вольнонаемных. По счету он стал седьмым, поэтому в обиходе, а потом и официально его стали именовать 7-м отделом[232]. На него возлагались задачи изучения политико-морального состояния личного состава армий и населения зарубежных стран, подготовки к ведению среди них пропаганды и агитации в целях подрыва их морального состояния. В отдел были подобраны и назначены высокообразованные специалисты, ученые, педагоги из институтов Академии наук СССР, выпускников аспирантур госуниверситетов и адъюнктур военных академий, владеющие немецким, финским, румынским, английским, персидским, арабским, японским и другими иностранными языками.

В первый день начала войны отдел был реорганизован. В нем созданы два отделения: первое — пропагандистской работы на Германию и ее союзных государств, второе — по работе среди населения оккупированных нацистской Германией стран (Польши, Югославии, Чехословакии). К отделу была прикомандирована из резерва группа политических эмигрантов (писателей, поэтов, переводчиков и литературных работников), а для оформления печатной продукции создана группа художников. Численность отдела была увеличена до 21 военнослужащего и восьми вольнонаемных[233].

В данной структуре руководящий орган специальной пропаганды оставался практически неизменным вплоть до середины 1944 г. Коренные изменения на советско-германском фронте побудили высшее военно-политическое руководство страны усилить организационно-штатную структуру аппарата специальной пропаганды. 4 августа 1944 г. приказом наркома обороны СССР отдел был развернут в «3-е управление — Управление пропаганды среди войск и населения противника, численностью 39 военнослужащих и 28 вольнонаемных»[234]. По своей нумерации это было третье управление в Главном политуправлении Красной армии, но по устоявшемуся термину «7-й отдел» новое управление стало именоваться седьмым.

7-е управление состояло из трех отделов (по работе среди войск противника, среди населения освобожденных стран и информации и обобщения опыта работы), группы инспекторов, отделения по работе с военнопленными и связям с антифашистским движением, группы старших инструкторов по странам Востока, группы распространения агитационных материалов. В управлении осталась прикомандированная группа политических эмигрантов в составе 30 человек[235]. Бессменным начальником Отдела (управления) пропаганды среди войск и населения противника в годы войны являлся полковник (с 1944 г. — генерал-майор) М. И. Бурцев, который имел большой опыт организации этой работы в боях с японскими захватчиками на р. Халхин-Гол в 1939 г. и в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Красноармеец Е. А. Бурлов из окопов боевого охранения
ведет передачу для солдат противника на немецком языке

Загрузка в самолет агитационных листовок для немецких солдат

7-й отдел (управление) Главного политуправления Красной армии разрабатывал, издавал и организовывал распространение общеполитических пропагандистских материалов (листовок, лозунгов, газет, брошюр) среди армий и населения вражеских стран; руководил фронтовыми, армейскими органами специальной пропаганды и помогал им вести разложение войск и населения противника; организовывал и осуществлял специальные пропагандистские операции среди войск противника на фронте и населения в его тылу; вел повседневное изучение политико-морального состояния армий и населения вражеских стран, характера и системы их идеологической обработки; осуществлял сбор сведений о действенности нашей пропаганды; подбирал, обучал и распределял кадры спецпропагандистов, владеющих соответствующими иностранными языками, и прочее.

Издание листовок на иностранных языках обеспечивало Военное издательство, в составе которого функционировал отдел по выполнению специальных заказов 7-го отдела (управления). От Иностранного издательства к отделу (управлению) была прикреплена московская типография «Искра революции», способная набирать и издавать печатную продукцию на 60 иностранных языках. Для издания наиболее важной и многотиражной пропагандистской продукции подключался комбинат издательства ЦК ВКП(б) «Правда».

Для укомплектования центрального аппарата специальной пропаганды ЦК ВКП(б) 25 июня 1941 г. разрешил мобилизовать литературных работников, журналистов, ученых и преподавателей, владеющих иностранными языками. Так, в группу художественного оформления изданий вошли известные художники Н. Н. Жуков, Б. Е. Ефимов, братья Е. и Ф. Новицкие, знаменитый мастер фотомонтажа А. С. Житомирский[236], художник-ретушер А. Сицко, привлекались также и Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов). Эта группа оформила несколько тысяч иллюстрированных листовок и сотни номеров газет на иностранных языках[237].

На 7-е управление, как отмечалось выше, была возложена задача подготовки кадров. Так как владеющих иностранными языками офицеров катастрофически не хватало, особенно в армейском и дивизионном звене, эти кадры были взяты на персональный учет, и установлен строго централизованный порядок их подготовки и назначения. Кадры специальной пропаганды готовились на шестимесячных курсах при Военно-политическом училище в Ленинграде и при Военном институте иностранных языков в Москве. Практиковалось также обучение отобранных офицеров на краткосрочных курсах и в ходе учебных сборов на фронтах и в армиях[238].

Помимо Наркомата обороны вопросы организации специальной пропаганды были возложены и на Наркомат Военно-морского флота. В этих целях в Главном управлении политической пропаганды ВМФ (с 20 июля 1941 г. — Главное политическое управление Наркомата ВМФ) решением Политбюро ЦК ВКП(б) был создан 4-й отдел, на который возлагались задачи организации специальной пропаганды среди моряков противника[239]. Главное политуправление ВМФ во взаимодействии с Главным политуправлением Красной армии выпускало листовки, обращенные к матросам и офицерам флотов Германии и ее союзников, участвовало в организации радиопропаганды на моряков противника, личный состав военно-морских баз, население прибрежных районов противника.

Оперативным аппаратом специальной пропаганды являлись седьмые отделы политуправлений фронтов (округов), седьмые отделения политотделов армий, старшие инструкторы политотделов корпусов и дивизий по работе среди войск и населения противника. При седьмых отделах фронтов и приграничных военных округов функционировали также редакции газет на иностранных языках и редакции радиовещания. В октябре 1942 г. издание фронтовых газет на иностранных языках было прекращено (за исключением газеты на финском языке Ленинградского фронта), а освободившиеся силы и средства использовались для усиления других форм оперативной пропаганды на передовой. Так, в составе седьмых отделов фронтов были созданы редакционно-издательские отделения.

Всего на фронтах действовали свыше 3 тыс. офицеров специальной пропаганды, высокий профессионализм которых позволил обеспечить этому специфическому виду боевой

деятельности войск важную роль в разложении вражеской коалиции. Подготовке кадров специальной пропаганды уделялось повышенное внимание. Так, 9 мая 1942 г. Наркомат обороны издал приказ «О сформировании при училищах курсов подготовки политсостава для работы среди войск противника»[240].

Седьмые отделения политотделов армий включали начальника отделения, старшего инструктора, инструктора по выпуску листовок, двух-трех офицеров-переводчиков. Кроме того, в их штате находились мощная громкоговорящая установка (МГУ) на автомобиле (начальник станции, диктор-переводчик и водитель), типография (наборщик, художник-оформитель), группа дикторов окопных громкоговорящих установок (ОГУ), группа распространителей листовок и дикторов-рупористов. В начале 1943 г. штат армейских отделений специальной пропаганды насчитывал 28 человек. В политотделах дивизий работу проводил старший инструктор по спецпропаганде, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях и подразделениях сухопутных войск, ВВС, ВМФ, особенно в их артиллерийских и разведывательных компонентах. Отделения специальной пропаганды флотов в составе двух-трех офицеров организовывали радиовещание на личный состав немецких кораблей, военно-морских баз и авиационных полков через радиовещательные станции городов своего базирования (Мурманск, Новороссийск), вхождение в боевые радиосети противника с пропагандистскими задачами.

Народный комиссариат обороны придавал особое значение выбору форм специальной пропаганды. В приказе НКО от 2 октября 1941 г. указывалось: «Печать, издаваемая на языке противника (газеты, листовки, лозунги, плакаты, обращения к солдатам и населению), является главной и самой распространенной формой нашей политической пропаганды и агитации в армии и в тылу противника»[241]. Успех специальной пропаганды обеспечивало сочетание общеполитических (от имени Верховного главнокомандования, правительства, НКО) и оперативных (от имени командующих, командиров) листовок. В общеполитических освещались вопросы международного положения, хода войны, состояния фашистской Германии и ее сателлитов, в оперативных — отклики на события текущего дня, происходящие в конкретной части и даже подразделении. О первых успехах советской специальной пропаганды свидетельствует появление приказа Верховного командования вооруженных сил Германии, подписанного генералом А. Йодлем 10 декабря 1941 г. «О борьбе с вражеской пропагандой». В нем, в частности, содержалось требование — «борьбу с вражеской пропагандой вести также решительно, как и борьбу с иными видами оружия». Заканчивался этот документ словами: «Беспрекословное выполнение приказов о борьбе с вражеской пропагандой является такой же предпосылкой к победе, как и выполнение любого приказа командования»[242].

Особым вниманием у вражеских войск пользовались официальные заявления, выступления государственных и политических деятелей СССР, а также обращения, ультиматумы и приказы военного командования. Такими, например, в начале войны были листовки с текстами заявления советского правительства от 22 июня 1941 г. о вероломном нападении фашистской Германии на СССР, постановления Совнаркома СССР от 1 июля 1941 г. «Об обращении с военнопленными», а также листовки, написанные лично руководителями СССР, Ставки ВГК. Так, член ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский в ноябре 1941 г. написал листовку «За что вы воюете?», председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) М. И. Калинин в декабре 1941 г. — листовку «Спасение Германии в немедленном прекращении войны», начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис — «Прощай Москва, долой Гитлера», командующий Западным фронтом Г. К. Жуков — «Листовку-приказ» в декабре 1941 г.

Примерами оперативных документов являются ультиматум командованию немецких войск, окруженных в районе Сталинграда, подписанный представителем Ставки ВГК генерал-полковником Н. Н. Вороновым; обращение командующих Сталинградским и Донским фронтами генералов А. И. Ерёменко и К. К. Рокоссовского от 30 ноября 1942 г. к войскам противника, окруженным в районе Сталинграда. «Тот, кто сдается, — говорилось в обраще-

нии, — перестает быть врагом». «У Вас есть выбор: жизнь или бессмысленная смерть!» — этими словами заканчивалось обращение[243]. Оно сыграло большую роль в пропаганде плена и капитуляции для немецко-фашистских войск. Появились случаи организованной сдачи в плен в составе взвода, роты, батальона.

Раздражающим фактором для офицеров и солдат противника являлись информационные листовки с сообщениями Совинформбюро об успехах советских войск. Они включали отдельные рубрики: «Известия с фронта», «Международная информация», «Что происходит на родине» (в Германии, Румынии, Италии, Венгрии, Финляндии), «Правда об СССР», «Как живут военнопленные». В них приводились неопровержимые факты, разоблачающие лживую официальную пропаганду противника о положении на фронтах, международных событиях, обстановке на родине.

Советское бюро военно-политической пропаганды определило второй формой печатной пропаганды среди войск и населения противника ежедневные и еженедельные газеты. С начала войны газеты издавались на немецком, румынском, польском и финском языках. В июле 1941 г. выходило 18 таких газет (из них 10 — на немецком языке), а в августе добавилась еще одна — газета Главного политического управления Красной армии «Фронтиллюстрирте» («Фронтовая иллюстрация»), выпускавшаяся тиражом 200 тыс. экземпляров. На заключительном этапе войны газеты на иностранных языках издавались для населения освобожденных государств.

Одной из основных форм оперативной специальной пропаганды Советское бюро военно-политической пропаганды считало устную агитацию (устное вещание или звуковещание), которая получила широкое распространение на фронтах в годы войны. Ее отличие заключалось в большой конкретности, персональности и оперативности. Она проводилась дикторами-переводчиками армий и дивизий с помощью мощных и окопных громкоговорящих установок, мегафонов, рупоров непосредственно на переднем крае противника, а в последующем — через звуковещательные средства, смонтированные на автомобилях, танках Т-34, бронемашинах и самолетах У-2.

В устных передачах командование наших войск оперативно обращалось к конкретным ротам, батальонам, полкам, а зачастую даже к отдельным офицерам и солдатам войск противника с живым и убедительным словом. Однако крайне малое количество технических средств, неблагоприятная обстановка на фронте в начале войны ограничивали применение устной пропаганды. В октябре 1941 г. Ставка ВГК потребовала усилить устную пропаганду среди противостоящих группировок врага. 15 декабря в специальной директиве Главного политического управления Красной армии были обобщены успехи этой работы в армиях Северо-Западного, Ленинградского и Карельского фронтов, подчеркивалось, что «ежедневные короткие устные передачи, построенные на конкретных фактах и обращенные к солдатам определенных подразделений и частей противника, подрывают воинский дух и моральное состояние солдат»[244], поэтому было рекомендовано активизировать эту работу на фронтах. В завершающих операциях войны устная пропаганда стала наиболее эффективной. Так, в ходе Берлинской операции благодаря передачам через МГУ и ОГУ были распропагандированы и сдались в плен более 15 тыс. немецких солдат и офицеров. Только части 5-й ударной армии приняли 3025 солдат и офицеров, в том числе 936 фольксштурмовцев[245].

Программы устного вещания включали общеполитические, информационные (готовились во фронтовом звене) и оперативные (составлялись в армиях и дивизиях) материалы. В помощь им ГлавПУ РККА изготовило и направило в войска 372 пропагандистские патефонные пластинки общим тиражом 71 881 экземпляр на 10 иностранных языках[246].

ЦК ВКП(б) обращало особое внимание на вопросы радиопропаганды среди населения США, Японии и Китая. Так, 19 декабря 1941 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации радиовещания на английском и китайском языках», в котором ставились задачи по информированию населения этих стран о положении на фронте, успехах советских войск и неудачах противника[247].

Группа разведчиков части командира Анисимова готовится к забрасыванию листовок на территорию противника с помощью стрел

Гвардии сержант Чачи разбрасывает листовки в тылу врага

Ставка ВГК также требовала активизировать работу аппарата специальной пропаганды в области радиовещания, которое во многих отношениях восполняло недостатки печатной и устной пропаганды. Оно обеспечивало одновременно оперативность, массовый охват слушателей и значительную дальность. Органы спецпропаганды использовали в этих целях войсковые и трофейные рации, гражданские радиостанции прифронтовых городов. На Ленинградском и Карельском фронтах были созданы специальные радиоредакции, которые вели пропаганду на немецком и финском языках. На флотах радиовещание было почти единственным средством пропагандистского воздействия на моряков противника. Содержание радиопередач соответствовало общей линии военно-политического руководства страны на организацию работы среди войск и населения противника. Радиопрограммы включали «Вести с фронта», международную информацию, рубрики «Что происходит в Германии» (в других союзных с ней странах), «Приветы на родину военнопленных» и прочее.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) на фронтах широко применялась наглядная агитация, предназначение которой состояло в воздействии на моральное состояние и психику солдат противника первой линии художественно-изобразительными средствами. Щиты с краткими текстами, карикатурами, транспаранты с картами-схемами, плакаты и лозунги выставлялись перед окопами на расстоянии 100–200 метров. В содержании наглядной агитации упор делался на показ успехов Красной армии и поражений врага, дискредитацию политических деятелей и военачальников противника, призыв к индивидуальной и коллективной сдаче в плен. Практиковалось также выставление на переднем крае агитационных щитов с указание маршрутов к «питательным и обогревательным пунктам» для пленных. Наибольшую популярность наглядные средства специальной пропаганды получили среди населения освобожденных Красной армией государств. Художественные плакаты, фотостенды и выставки на самых многолюдных улицах и площадях освобожденных от фашистской оккупации городов и населенных пунктов сообщали о достижениях Советского Союза в политике, экономике, культуре, науке и искусстве.

В ходе Сталинградской битвы возникла новая форма специальной пропаганды, связанная с предъявлением окруженным, блокированным войскам ультиматумов советского командования через парламентеров. Ультиматумы производили сильный морально-психологический эффект на солдат противника, убеждая в бессмысленности их дальнейшего сопротивления.

Так как в большинстве случаев командование противника, скрывая от своих солдат и офицеров факты предъявления ультиматумов, отказывалось капитулировать, органами специальной пропаганды проводилась широкая кампания по доведению до них обращений командующих фронтами Красной армии к войскам окруженных вражеских группировок. В конце марта 1945 г. Маршал Советского Союза А. М. Василевский направил командованию отрезанной и прижатой к заливу Фриш-Гаф восточно-прусской группировки противника ультиматум, а затем и обращение, в которых показывал безнадежность ее положения и предлагал «в интересах сохранения жизни немецких солдат для будущей Германии сложить оружие и капитулировать»[248]. Такого же содержания был ультиматум маршала К. К. Рокоссовского к офицерам и солдатам 2-й немецкой армии, оказавшейся в окружении в районе Данцига и Готенхафена (Гдыни). Для выполнения этих задач издавались листовки, готовились тексты звукопередач, в окруженные гарнизоны направлялись с текстами ультиматумов антифашисты. В результате в г. Грауденце сдались в плен 5500 солдат и 117 офицеров во главе с генералом Л. Фрикке, в г. Шнейдемюле — более 12 тыс. немецких солдат и офицеров, а также в других городах на территории Германии[249].

Были и другие примеры реагирования фашистского командования на советские ультиматумы. Так, командование немецко-венгерского гарнизона в Будапеште отклонило советский ультиматум от 29 декабря 1944 г. о капитуляции и расстреляло наших парламентеров капитанов И. А. Остапенко и М. Штейнмеца. В ответ на это над городом было сброшено около 2 млн листовок с текстом ультиматума на немецком и 880 тыс. экземпляров на венгерском языках, в его окрестностях активно работали звуковещательные и радиовещательные

станции, засылались антифашисты. В результате таких комплексных мероприятий сдались в плен более 6 тыс. солдат противника, и советские войска выбили из Будапешта оставшиеся немецко-венгерские части.

В заключительных кампаниях войны в практику военно-политического руководства страны прочно вошло издание приказов о массированном применении сил и средств специальной пропаганды. Так, в приказе Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. содержалось требование проводить массированную пропаганду на противостоящие войска противника с целью склонения их к сдаче в плен и капитуляции, всемерно усиливать деморализацию союзников А. Гитлера. В нем указывалось: «И чем скорее народы этих стран поймут, в какой тупик завели их гитлеровцы, чем быстрее прекратят они всякую поддержку своих немецких поработителей и их подручных-квислингов в своей собственной стране, тем меньше жертв и разрушений понесут эти страны от войны, тем больше они могут рассчитывать на понимание демократических стран»[250].

По рекомендации ЦК ВКП(б) аппарат специальной пропаганды избрал еще одной формой воздействия на личный состав войск противника привлечение на фронт групп немецких антифашистов. Так, на Сталинградский фронт направлялась группа антифашистов в составе видного деятеля германской компартии В. Ульбрихта, известного поэта-антифашиста Э. Вайнерта и популярного немецкого писателя В. Бределя. Устные обращения через громкоговорящие установки патриотов-антифашистов придавали этой работе национальный колорит и эмоциональный характер. Они также активно участвовали в подготовке демократического актива из числа военнопленных и помогали устанавливать живую связь с немецкими солдатами, находящимися в окружении.

Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило аппарату спецпропаганды осуществлять организацию обратного отпуска военнопленных в свои части с агитационными задачами. Несмотря на большую опасность для своей жизни, многие пленные соглашались вернуться в свои части, довести до сослуживцев правду о советском плене и побудить их поступить таким же образом — прекратить сопротивление и сдаться в плен. Так, в полосе Донского фронта после распространения в конце декабря 1942 г. ультиматума к немецкому командованию 330 немецких антифашистов были отпущены в котел в свои подразделения. И они не только успешно вернулись обратно, но и привели с собой свыше 3 тыс. солдат и офицеров[251].

Военно-политическое руководство СССР большое внимание уделяло вопросам разработки, серийного выпуска технических средств специальной пропаганды, которые обеспечивали непрерывность, массовость и оперативность информационно-психологического воздействия на противника. В этих целях Наркомат обороны для издания агитационно-пропагандистских материалов на иностранных языках использовал государственные стационарные типографии, местную полиграфическую базу городов, фронтовые подвижные типографии (размещались в специально оборудованных вагонах и на автомобильной технике) и армейские автомобильные типографии. Например, к началу Сталинградской битвы на каждом фронте появились передвижные типографии, размещенные на двух автомобилях: на одном — печатная машина, на другом — наборные кассы с иностранными шрифтами. Полиграфические возможности фронта позволяли издавать до 150 тыс. листовок или 30 тыс. четырехполосных газет в сутки, армейская типография была способна выпускать до 20 тыс. листовок на иностранных языках ежесуточно.

Доставку и распространение печатных материалов среди войск и населения противника Ставка ВГК считала важной боевой задачей частей и подразделений нашей авиации, артиллерии, разведки. В октябре 1942 г. в директиве Ставки ВГК отмечалось, что «можно создать хорошие по содержанию и прекрасно оформленные листовки и газеты для войск и населения противника, но если их не доставить вовремя по назначению, то вся проделанная работа окажется напрасной»[252].

Как показал опыт войны, более 80% материалов на иностранных языках распространялось с помощью авиации. Использовались все типы самолетов, уходивших на выполнение боевых заданий над территорией, занятой противником. Издаваемые в Центре агитационные

Пленный немецкий солдат 12-й роты 137-го горноегерского полка Э. Центрон выступает по радио с призывом бросить оружие и переходить на сторону Красной армии

Обращение немецкого военнопленного по радио к гитлеровским солдатам в Сталинграде

материалы доставлялись на фронты специальной эскадрильей, на фронтах они распространялись авиацией фронтового и армейского подчинения. Была отработана специальная технология сбрасывания листовок с самолетов: агитационными бомбами, специальными кассетами, пачками вручную или с помощью вытяжного вымпела. Командование ВВС установило строгий контроль над распространением агитационно-пропагандистских материалов. Так, в специальном приказе командующего ВВС от 7 октября 1942 г. предписывалось командирам авиационных частей и соединений при постановке боевых задач «ставить отдельным заданием сбрасывание листовок, лично указывая при этом районы и пункты сбрасывания, исходя из заявок фронтов»[253].

Военный совет Западного фронта в июле 1942 г. дал указание сформировать специальную агитационную эскадрилью из 12 самолетов По-2 «для прицельного распространения листовок и агитвещания на вражеские войска с воздуха». Эскадрилья находилась в оперативном подчинении 7-го отдела политуправления фронта. За время войны она совершила 2740 агитационных вылетов, распространила 1240 тыс. листовок и провела сотни агитпередач, адресованных солдатам противостоящих частей противника. За эту специфическую работу эскадрилья была награждена орденом Красной Звезды.

Артиллерийские средства распространения листовок являлись прицельными. В годы войны применялись 152-мм гаубичный агитационный снаряд (вмещал около тысячи экземпляров листовок), 122-мм агитснаряд (800 листовок на дальность 11—15 км), 82-мм агитмина (200 листовок на дальность 1,5—2 км). Листовки на иностранных языках распространялись также разведывательными и десантными подразделениями во время глубоких танковых рейдов по тылам противника, партизанскими отрядами и гражданским населением в тылу врага. В войсках применялись и полукустарные технические средства распространения: катапульты, агитационные воздушные змеи, шары, речные плоты и прочее.

Формы и методы агитационно-пропагандистского и психологического воздействия на вражеские войска анализировались и обобщались 7-м управлением ГлавПУ РККА, а Советом военно-политической пропаганды рассматривались и утверждались конкретные предложения по активизации этой работы. Накопленный войсками опыт ведения специальной пропаганды публиковался в закрытых сборниках «Опыт работы», доводился до соединений и объединений в виде директив, указаний, информационных бюллетеней.

Военно-политическое руководство страны считало важнейшей задачей аппарата специальной пропаганды организацию целенаправленной и особо аргументированной работы среди населения Германии, ее союзников и оккупированных гитлеровцами государств. Эта работа строилась в два различных по своим условиям этапа: от начала войны до выхода советских войск на границы иностранных государств и после вступления Красной армии с апреля 1944 г. на территории этих стран до завершения войны.

В апреле 1944 г. Наркоматом обороны был утвержден специальный план мероприятий информационно-пропагандистской работы среди населения в связи с выходом советских войск на границы Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши[254]. В соответствии с ним в войска направлялись оперативные группы для организации этой работы. Военное издательство приступило к выпуску словарей, разговорников, справочников об этих странах, плакатов и фотовыставок. В 7-м управлении ГлавПУ РККА был создан отдел по работе среди населения освобожденных от фашизма государств, который включал отделения по Германии, вассальным странам и оккупированным противником государствам. Начало функционировать пресс-бюро по обеспечению газет, издававшихся для населения на иностранных языках, статьями и фотоиллюстративными материалами.

В этом плане необходимо обратить внимание и на постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 мая 1944 г. «Об организации Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны», в котором содержались требования «сконцентрировать руководство делом пропаганды, направленной на вражеские и оккупированные страны», «организовать в составе Совинформбюро Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные врагом страны, назначить начальником бюро С. А. Лозовского, а его заместителем А. А. Смирнова»[255]. Эта

работа была направлена на усиление антивоенных и антифашистских настроений среди населения, оказание поддержки силам сопротивления войне и фашизму, создание благоприятной обстановки для пребывания советских войск на их территории и выполнения ими боевых задач, укрепление и развитие дружбы, содействие прогрессивным, демократическим преобразованиям в этих странах.

Сознавая, что успех политического влияния на местное население освобожденных иностранных государств в значительной мере зависит от поведения советских воинов, их отношения к культуре, привычкам, традициям и обычаям народов этих стран, органы специальной пропаганды организовали работу среди личного состава частей Красной армии. Проводились занятия, читались лекции и доклады, в которых разъяснялась политика Советского государства в отношении освобожденных стран, давались исторические, национальные, этнографические особенности их населения, объяснялись правила поведения наших воинов на чужой земле. Издавались и распространялись памятки по всем этим вопросам для каждого бойца и командира, где подчеркивалась главная задача наших войск — быстрейший разгром врага и оказание интернациональной помощи местному населению в налаживании мирной, демократической жизни. И советские воины, вступая на землю освобождаемых государств — Польши, Югославии, Дании, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Норвегии, с честью выполнили долг, показали себя истинными патриотами своего Отечества и друзьями освобожденных стран и народов.

Так, 3-й Украинский фронт в Болгарии в период с сентября 1944 по май 1945 г. провел среди ее населения несколько тысяч митингов и встреч, 1132 лекции, распространил 163 тыс. экземпляров советских книг и брошюр, издавал газету на болгарском языке «Дружба» с приложением на турецком языке, демонстрировал фильмы и обеспечивал работу советских комендатур в городах[256].

7-е управление ГлавПУ РККА на завершающем этапе войны стремилось перестроить работу среди населения Германии, понимая, что она значительно отличается от работы с населением ранее освобожденных нашей армией стран. Запуганные фашистской пропагандой, многие жители уходили на запад, остальные, боясь возмездия, скрывались. Немецко-фашистское командование, отступая под натиском наших войск, оставляло диверсионные группы для организации сопротивления советским войскам. Поэтому задачей специальной пропаганды являлось информационно-психологическое воздействие на немецкое население с целью нейтрализации фашистских сил, побуждения местных жителей к выполнению приказов советских военных властей, привлечения их к сотрудничеству, демонстрации им на деле подлинной политики Советского государства в отношении Германии, гуманного обращения Красной армии с ее населением, показа огромной помощи советских войск в налаживании мирной жизни немцев.

С этой целью в ходе наступления по территории Германии органы специальной пропаганды доводили до немецкого населения обращение советского военного командования, в котором разъяснялись цели и задачи Красной армии в этой стране. Особенно широко среди немецкого населения распространялся приказ Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР от 1 мая 1945 г., в котором говорилось: «Лживая фашистская пропаганда запугивает немецкое население вздорными россказнями — будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирное население Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»[257].

Разъяснение этих документов и обращений советского командования сопровождалось большой организаторской работой НКО, командующих, военных советов, седьмых отделов политуправлений фронтов по подбору и назначению бургомистров, руководителей отделов магистратов, старост в деревнях и других административных работников из немцев, поль-

зовавшихся доверием у населения и способных сотрудничать с советскими военными властями. Создание немецкого самоуправления убедительно показало населению, что СССР стремится как можно скорее нормализовать жизнь немцев на демократической основе, чем и опровергались все клеветнические измышления фашистов. В результате целенаправленной информационно-пропагандистской и организаторской работы аппарата спецпропаганды население Германии активизировалось довольно быстро. Оно стало проявлять инициативу в налаживании экономической и культурной жизни городов и деревень. Росло доверие к военным комендатурам, воинским частям и штабам.

Исключительно большое влияние на настроения немецкого населения произвело объявленное решение советского правительства о снабжении Берлина, Дрездена и других немецких городов продовольствием. Это решение широко освещалось и разъяснялось населению Германии через листовки, газеты, звуковые передачи, в ходе встреч и бесед с различными слоями местных жителей. Так, с 15 апреля по 2 мая 1945 г. 7-м отделом 1-го Белорусского фронта было издано и распространено среди немецкого населения 1200 тыс. экземпляров таких листовок, а вместе с армиями фронта — 2 млн 160 тыс. экземпляров[258]. Листовки убедительно информировали население о важнейших внутриполитических и международных событиях. Однако со второй половины мая 1945 г. главным средством информационно-пропагандистской работы среди населения Германии стали две советские военные газеты на немецком языке: «Теглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») и «Берлинер цайтунг» («Берлинская газета»). Их миллионные тиражи пользовались большим спросом у населения.

Политическую работу среди военнопленных из вражеских армий советское командование считало главной составляющей всей системы перевоспитания их основной массы в антифашистском духе и превращения их в друзей советского народа. Еще 1 июля 1941 г. СНК СССР своим постановлением утвердил «Специальное положение о военнопленных», в котором формулировались их правовое положение и условия содержания[259]. Положение было переведено на языки всех воюющих против СССР стран и широко распространялось в их армиях. Ставка ВГК ставила задачу вовлечения демократически настроенных солдат и офицеров в антифашистскую пропаганду среди войск противника на фронте, в лагерях военнопленных и среди населения своих стран. Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по вопросам политической работы среди военнопленных постановлением ГКО № 33 от 6 июля 1941 г. был назначен Д. З. Мануильский[260].

Командование Красной армии строго выполняло постановление правительства. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в приказе от 23 февраля 1942 г. подтвердил: «Красная армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь»[261].

Задачи работы с военнопленными были определены в директиве Бюро военно-политической пропаганды в ноябре 1941 г. и заключались: «В пробуждении у солдат, обманутых Гитлером и его вассалами, классового сознания и воспитании их в антифашистском духе; создании кадров революционных рабочих и крестьян, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его «нового порядка» в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождение оккупированных фашистской Германией стран от чужеземного ига»[262].

Политическую работу среди военнопленных проводили политорганы Красной армии и управлений лагерей для военнопленных при активной помощи компартий и прогрессивных общественно-политических деятелей иностранных государств, находившихся в политической эмиграции в СССР. В политорганах эта задача была возложена на аппарат специальной пропаганды, офицеры которого хорошо знали обстановку в этих странах и владели соответствующими иностранными языками. В 7-м управлении Главного политического управления Красной армии имелось отделение по работе с военнопленными и оказанию помощи антифашистскому движению среди них.

Для подготовки из среды военнопленных-антифашистов активистов политической работы среди войск противника на фронте были предусмотрены развитие и укрепление ан-

тифашистских школ и курсов, а также проведение специальной работы с активом пленных солдат и офицеров по участию в передачах через мощные или окопные громкоговорящие установки на передовой, в организации возвращения в свои части с агитационными задачами. На фронтах вне зоны боевых действий было развернуто свыше 150 приемных и сборных пунктов, фронтовых пересыльных лагерей для военнопленных. Более 300 стационарных лагерей было создано в годы войны в глубоком тылу на территории СССР[263]. В них была организована политическая работа среди военнопленных офицерами специальной пропаганды, владеющими немецким, румынским, финским, венгерским, итальянским и другими языками, позднее появились фронтовые школы демократического актива военнопленных.

В работе с пленными широко использовались разнообразные формы индивидуальной и массовой политико-воспитательной работы: печать (книги, газеты, брошюры, листовки), радио- и кинопропаганда, занятия в кружках, митинги, лекции, школы и курсы, то есть весь арсенал средств и методов перевоспитания пленных. Основная работа с военнопленными, как отмечалось выше, проводилась в стационарных лагерях, где функционировали клубы, библиотеки, читальни, классы для занятий, работали кружки, художественная самодеятельность. Пленные получали издававшиеся специально для них газеты «Свободное слово» («Дас фрайе ворт») — для немцев, «Свободный голос» («Грайул либер») — для румын, «Заря» («Альба») — для итальянцев, «Свободное слово» — для венгров. Позднее стали издаваться газета «Голос солдата» на немецком, румынском, венгерском, итальянском языках, журналы, информационные бюллетени. Пленные ежедневно прослушивали программы наших радиопередач[264].

Под воздействием побед Красной армии на фронтах, активной работы немецких политэмигрантов, видных деятелей компартии и рабочего движения Германии в лагерях для военнопленных происходило сплочение антифашистских и антивоенных сил, осознание немецкими солдатами и офицерами объективной ситуации, к которой их страну и весь мир привели нацизм и А. Гитлер. 8 октября 1941 г. в Темниковском лагере состоялась первая конференция немецких пленных-антифашистов, на которой было принято обращение к немецкому народу и армии, известное под названием «Обращение 158» (по количеству участников конференции). Был выдвинут лозунг свержения А. Гитлера и прекращения войны. Обращение стало политической платформой сплочения военнопленных на базе антифашистских и антимилитаристских настроений.

Капитуляция немецких войск под Сталинградом подтолкнула антифашистскую борьбу немецкого народа и расширила фронт информационно-пропагандистского воздействия на противника. В результате 13 июля 1943 г. на конференции в Красногорском лагере военнопленных было создано патриотическое движение и избран Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) в составе 21 военнопленного солдата и офицера, а также 12 немецких политических эмигрантов. Президентом НКСГ стал известный в Германии поэт-антифашист Эрих Вайнерт. НКСГ обратился с просьбой к советскому правительству помочь в распространении его пропагандистских материалов через линию фронта и дать возможность выступать его представителям и уполномоченным по радио и звуковещательным станциям на фронте. Советское правительство поддержало эту просьбу и дало указание командованию Красной армии создавать благоприятные условия для антифашистской пропагандистской работы этого комитета[265].

11–12 сентября 1943 г. состоялась конференция представителей пленных немецких офицеров и генералов. 100 делегатов из офицерских лагерей пришли к решению образовать антифашистский Союз немецких офицеров (СНО). Конференция приняла декларацию, в которой заявила, что «война для Германии стала бессмысленной и безнадежной», и призвала бороться против А. Гитлера. Союз немецких офицеров примкнул к движению Национальный комитет «Свободная Германия», его президентом стал генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, который был командиром 51-го армейского корпуса в 6-й армии. В центре своей программы они ставили задачу свержения самими немцами гитлеровского режима, чтобы прекратить затеянную захватническую войну[266].

Красноармейцы рассматривают советские листовки и журналы, обнаруженные у убитых немецких летчиков

Со дня своего создания и до самороспуска в октябре 1945 г. НКСГ и СНО проводили агитационную работу как среди войск и населения Германии, так и среди военнопленных. Комитет выпускал свою газету «Свободная Германия», вел ежедневные радиопередачи, выступал с обращениями, воззваниями, письмами и листовками к различным слоям и категориям населения Германии и военнослужащим в армии. НКСГ имел своих уполномоченных во фронтах Красной армии, доверенных лиц в армиях и дивизиях, боевые пропагандистские группы для нелегальной работы во фронтовой полосе и в тылу вермахта, своих представителей в лагерях немецких военнопленных и фронтовых антифашистских школах (школах демократического актива)[267]. Всего было издано и распространено на фронте и в тылу свыше 86 млн экземпляров листовок, газет, брошюр[268].

Особенно эффективной работа этих организаций была в лагерях военнопленных. Их деятельность оказывала на пленных огромное морально-психологическое воздействие. К июлю 1944 г. около 90% немецких пленных солдат и значительная часть офицеров и генералов присоединились к НКСГ и СНО: 7 тыс. офицеров, 51 генерал во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом (вступил в НКСГ в августе 1944 г.) стали его сторонниками и активными участниками. В своем обращении к немецкому народу и армии Ф. Паулюс писал: «Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»[269].

Всего за время Великой Отечественной войны было издано и распространено свыше 20 тыс. наименований различного вида пропагандистской литературы на 20 иностранных

языках общим тиражом 2 млрд 706 млн экземпляров, в том числе 10 млн экземпляров газет, 10 млн 200 тыс. агитационных брошюр, остальное количество составили различные виды листовок и обращений. Только Главным политическим управлением Красной армии было издано для войск противника 3225 наименований различных печатных материалов, из которых 2559 листовок (свыше 80%), 505 газет, 75 лозунгов, 54 брошюры, 46 плакатов. Штабами фронтов, армий и дивизий было издано более 20 тыс. наименований агитационно-пропагандистских материалов на иностранных языках, из них 90% — листовки. Состоялись сотни тысяч устных пропагандистских выступлений для вражеских войск с передней линии фронта. Лишь с апреля 1943 г. через мощные громкоговорящие установки было передано более 300 тыс. передач и через рупоры — 700 тыс. агитационных призывов-лозунгов[270].

Говоря об эффективности специальной пропаганды среди войск, населения и военнопленных противника в годы Великой Отечественной войны следует иметь в виду, что первоначально политико-моральное состояние своих войск не внушало германскому командованию особых опасений. Но уже после первых поражений у солдат и офицеров противника появилась определенная растерянность, стал падать боевой дух, что и позволило усилить влияние нашей пропаганды. Свидетельствами этого являлись многие письма солдат противника на родину, трофейные дневники, возрастающие случаи массовой сдачи в плен, капитуляция окруженных группировок и гарнизонов. Наиболее убедительным доказательством эффективности специальной пропаганды служат приказы и директивы командования немецкой армии, посвященные задачам борьбы с вражеской пропагандой. Значительных успехов командиры и политорганы Красной армии добились в проведении специальной пропаганды среди войск стран — сателлитов Германии. Особенно сильное воздействие она оказала на румынские, итальянские и словацкие части.

ЦК ВКП(б), Ставка ВГК, Наркомат обороны придавали большое значение работе среди войск неприятеля и оперативно принимали меры по усилению аппарата специальной пропаганды, совершенствованию содержания пропагандистских материалов, разработке форм и методов работы, созданию новых технических средств, подготовке кадров и многим другим вопросам. Вся мощь специальной пропаганды работала на политическое прозрение солдат и офицеров армий противника, подрыв их морально-боевого духа, прекращение сопротивления и капитуляцию.

Главным фактором воздействия на войска и тыл противника были крупнейшие победы Вооруженных сил СССР и поражения немецко-фашистской армии и ее союзников. В общие же усилия войск, направленные на завоевание победы над врагом, внесла свой вклад и специальная пропаганда, подрывая моральный дух войск, ослабляя их боеспособность, расшатывая веру в силу собственного оружия.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны советское политическое и стратегическое руководство успешно превратило страну в единый военный лагерь. Немаловажная роль в этом процессе отводилась морально-политической мобилизации общества на борьбу с врагом. В этом процессе были задействованы все силы, все резервы человеческого духа. В результате удалось достичь сплочения советского общества, преодолеть его внутренние противоречия и прийти к победе. Какими бы причинами не руководствовались многие современные историки, пытаясь сфальсифицировать факторы победы, ясно одно — фронт сопротивления фашистскому нашествию возглавила ВКП(б). Усилиями партии на основе советской идеологии было достигнуто морально-политическое (духовное) единство народов СССР. Американский журналист Р. Лаутенбах отмечал: «Коммунистическая партия была повсеместно: в глухих белорусских лесах, организовывала партизанские отряды; на сибирских заводах; помогала поднимать выпуск продукции, в органах печати, на радио, в армии... Коммунисты осуществляли руководство, в их руках были программа борьбы и средства влияния... Партия обращалась к массам через политработников в армии и на флоте. Ее голос был слышан в немецком тылу»[271].

Советская идеология стала идеологией всех народов страны, являлась фундаментом сопротивления и победы в войне. Без победы советской идеологии не было бы героизма

и самопожертвования советского народа, не было бы Виктора Талалихина, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев, в конечном счете, не было бы Великой Победы над сильнейшим и опаснейшим в мировой истории агрессором.

Важным фактором формирования духовного потенциала советских воинов, достижения Победы в войне была политическая работа, которая проводилась под руководством Центрального комитета ВКП(б). Итоги войны убедительно подтверждают, что руководство политической работой в армии и на флоте осуществлялось на высоком организационном уровне. На всех этапах войны ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным, главные политуправления Красной армии и Военно-морского флота предпринимали необходимые меры по перестройке и совершенствованию идеологической и политической работы в войсках и на флотах, благодаря которым она обогащалась новым содержанием, проверенным опытом, расширялась сфера ее влияния на личный состав соединений, частей и кораблей.

Перестройка и совершенствование политической и идеологической работы касались всех ее составных частей и всего арсенала средств, форм и методов. Мероприятия, осуществленные в ходе войны Центральным комитетом партии при непосредственной работе коммунистов страны, сыграли решающую роль в придании политической работе высокой активности и действенности, мобилизующего влияния на личный состав армии и флота, его готовность пойти на любые жертвы ради победы над врагом.

Фронтовой опыт организации политической и идеологической работы и руководства ею как неотъемлемая часть всего боевого опыта войны, составляющего бесценное богатство наших вооруженных сил, имеет и сейчас важное значение в совершенствовании обучения и воспитания личного состава армии и флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 107.

[2] Правда. 1939. 11 марта.

[3] Полевой устав (ПУ-39). Проект. М., 1939. С. 9.

[4] История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 76.

[5] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. М., 1990. С. 53.

[6] Известия. 1941. 14 июня.

[7] Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. М., 1985. С. 41.

[8] Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1985. С. 69.

[9] Директива ГУПП КА № 88 от 22 июня 1941 г. «О распространении заявления В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г.» (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 318); директива ГУПП КА № 110 от 3 июля 1941 г. «О разъяснении речи И. В. Сталина по радио» (Там же. Л. 361).

[10] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 361.

[11] *Киселёв А., Кузнецов Я.* Деятельность политорганов по идейно-политическому воспитанию советских воинов в первом периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1961. № 5. С. 6.

[12] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 32.

[13] Должности военных комиссаров были введены в РККА указом Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-крестьянской Красной армии» от 16 июля 1941 г., на флоте — указом Президиума Верховного Совета СССР «О распространении на Рабоче-крестьянский Военно-морской флот Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г.» от 20 июля 1941 г. В полках, на кораблях 1 и 2 рангов и в частях флота, в дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях, учреждениях Красной армии и Военно-морского флота вводились военные комиссары, в ротах, батареях, эскадронах, на малых кораблях, боевых частях — политруки. В августе 1941 г. военные комиссары были введены в танковых батальонах, артиллерийских батареях и дивизионах, в сентябре 1941 г. — в штабах дивизий, в декабре этого же года — в батальонах стрелковых дивизий (Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 33).

[14] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 33.

[15] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 322.

[16] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942 г. № 38.

[17] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6. Л. 104–108.

[18] Там же. Ф. 228. Оп. 710. Д. 13. Л. 81.

[19] В «Наставлении по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной армии», введенном в действие приказом наркома обороны СССР № 0130 от 20 июля 1940 г., эвакуация семей начальствующего состава (в приграничных частях) была включена в перечень мероприятий, проводимых отдельной войсковой частью при мобилизации. В мобилизационном плане войсковой части предусматривалось иметь порядок и расчеты по эвакуации семей начальствующего состава (в приграничных районах). Однако с нападением Германии на Советский Союз провести все мероприятия, в том числе по эвакуации семей, не было возможности. Во многих соединениях и частях, находившихся в стадии формирования, мобилизационные планы вообще разработаны не были (ЦАМО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 105–113).

[20] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 42–43.

[21] Там же. С. 54.

[22] ЦАМО. Ф. 228. Оп. 710. Д. 13. Л. 80.

[23] Там же. Ф. 221. Оп. 1366. Д. 3. Л. 8.

[24] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–126.

[25] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 15-ти т. Т. 7. М., 1985. С. 243–244.

[26] Архив ВИМАИВ и ВС. Личный архив И. Т. Пересыпкина. Ф. 60р. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

[27] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 4. Л. 191–193.

[28] Там же. Оп. 920265. Д. 5. Т. 1. Л. 281.

[29] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении военных орденов: ордена Суворова первой, второй и третьей степени, ордена Кутузова первой и второй степени и ордена Александра Невского» от 29 июля 1942 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1942 г. № 30); Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении военного ордена Кутузова III степени и о дополнении статута ордена Суворова» от 8 февраля 1943 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1943 г. № 7); Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении военных орденов: ордена Ушакова первой и второй степени» от 3 марта 1944 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1944 г. № 15).

[30] Ведомости Верховного Совета СССР. 1943 г. № 2, 7.

[31] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 110–112.

[32] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942 г. № 20.

[33] *Андреев П. П.* Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 78.

[34] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942 г. № 46.

[35] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 263.

[36] Там же. Л. 361–369.

[37] Там же. Д. 69. Л. 361–362.

[38] Там же. Д. 70. Л. 53–55.

[39] Там же. Л. 495–496.

[40] Там же. Д. 76. Л. 387.

[41] Там же. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 2. Л. 259.

[42] Там же. Оп. 920265. Д. 4. Л. 110, 254.

[43] Правда. 1942. 1 мая.

[44] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 6. Л. 106–109.

[45] О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954. С. 499–500.

[46] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942 г. № 40.

[47] *Паничев В.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Законность. 1995. № 3. С. 31.

[48] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 95–96.

[49] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х Кн. М., 1985. Кн. 1. С. 501–504.

[50] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149–152.

[51] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 61; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации политических репрессий. Издание Верховного Совета РФ. М., 1993. С. 93–94.

[52] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

[53] Там же.

[54] Там же. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 6. Л. 94.

[55] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975. С. 97.

[56] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 30.

[57] Там же. 1942 г. № 2.

[58] Там же. № 6.

[59] Там же. № 38.

[60] К 1 июля 1941 г. в армию были призваны 5,3 млн военнообязанных, а всего за четыре года войны в Советском Союзе были мобилизованы 29 млн 574,9 тыс. человек (Всероссийская книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. Изд. 2-е. испр. М., 2005. С. 250).

[61] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 30.

[62] Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1941. № 16.

[63] Там же.

[64] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. Сб. документов за 50 лет. В 5-ти т. Т. 3. М., 1968. С. 131–169.

[65] Постановление ГКО № 701сс от 23 сентября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии» // ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 376–379.

[66] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. С. 245–246.

[67] *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. М., 1985. С. 127.

[68] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С 624.

[69] Там же. С. 761–762.

[70] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. С. 239–240.

[71] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 184.

[72] *Махлай А.* Незыблемые ценности // Военно-промышленный курьер. 2009. 6–12 мая.

[73] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 418–419.

[74] Приказы Верховного главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сб. М., 1975. С. 9.

[75] Там же. С. 16–17.

[76] Почетные наименования воинским частям и соединениям присваивались приказами наркомов обороны и ВМФ СССР, постановлениями СНК СССР и указами Президиума Верховного Совета СССР, с августа 1943 г. — в основном приказами Верховного главнокомандующего (Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 576).

[77] *Соколов В.* КПСС о морально-политической и психологической подготовке войск в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 3. С. 7.

[78] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 201.

[79] Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 294–295.

[80] Правда. 1944. 3 апреля.

[81] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 231. Л. 203–207.

[82] Подобные заявления советским правительством были сделаны при вступлении советских войск и на территории других государств.

[83] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 231. Л. 203.

[84] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 11. Л. 36–39.

[85] *Антосяк А.* Освободительная миссия Советской армии в Румынии // Военно-исторический журнал. 1971. № 5. С 38.

[86] *Крайнюков К., Кузнецов Я.* Деятельность военных советов в операциях Советской армии за рубежом // Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 33.

[87] *Средин Г.* Руководство ГлавПУ РККА партийно-политической работой в войсках в завершающем периоде войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 5. С. 60.

[88] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. С. 138.

[89] *Селезнёв И. А.* Война и идеологическая борьба. М., 1964. С. 30.

[90] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936. Гл. 1. Ст. 1–4.

[91] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Отчетный доклад на XVIII съезде партии. М., 1939. С. 610.

[92] Там же. С. 606.

[93] *Кожинов В. В.* Наследники Победы. М., 1998. С. 91.

[94] Там же. С. 113.

[95] *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. М., 2008. С. 47.

[96] Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164.

[97] Там же. С. 165.

[98] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 369.

[99] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Отчетный доклад на XVIII съезде партии. С. 598.

[100] Там же. С. 598.

[101] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 2. Л. 1–17.

[102] *Крайнюков К. В.* Оружие особого рода. М., 1984. С. 309.

[103] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 12.

[104] Там же. С. 14.

[105] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 674.

[106] *Кондакова Н. И.* Война, государство общество 1941–1945 гг. М., 2002. С. 55.

[107] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. С. 674.

[108] Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 1979. С. 19.

[109] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6-ти т. Т. 2. М., 1961. С. 58.

[110] Все для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Документы и материалы. Свердловск, 1985. С. 45–46.

[111] Очерки истории Харьковской областной партийной организации. Харьков, 1980. С. 327.

[112] Правда. 1941. 17 июля.

[113] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 79–80.

[114] *Камков Г. Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 116.

[115] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 50.

[116] К 1941 г. в стране насчитывалось около трехсот общественных организаций: профсоюзы, комсомол, кооперативные объединения, женские организации, оборонно-спортивные и научно-технические общества, общества социальной помощи, творческие и культурно-просветительные союзы (Мировые войны XX века. В 4-х Кн. Кн. 3. Исторический очерк. М., 2002. С. 454–455).

[117] *Камков Г. Д.* Указ. соч. С. 115.

[118] Всё для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы. С. 64–65.

[119] *Камков Г. Д.* Указ. соч. С. 117.

[120] Там же. С. 114.

[121] Астраханская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Астрахань, 1962. С. 27.

[122] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 95.

[123] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г.

[124] *Шушкин Н. Н.* Во имя Победы. Петрозаводск, 1970. С. 23.

[125] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 710–711.

[126] *Камков Г. Д.* Указ. соч. С. 129.

[127] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 72.

[128] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 546–547.

[129] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 3. М., 2001. С. 212.

[130] *Камков Г. Д.* Указ. соч. С. 118.

[131] Там же. С. 191.

[132] Все для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы. С. 66.

[133] Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 — 1945 год). Документы и материалы. М., 1961. 703 с.

[134] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 74. Л. 71.
[135] Там же. Л. 1–2.
[136] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 85.
[137] Всё для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы. С. 101.
[138] Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 216.
[139] Всё для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы. С. 103.
[140] *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи. М., 1958. С. 318.
[141] Советская экономика в период Великой Отечественной войны. С. 218–219.
[142] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 6–25.
[143] *Устинов Д. Ф.* Избранные речи и статьи. М., 1979. С. 41.
[144] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 109.
[145] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 4. М., 1964. С. 634.
[146] Там же. С. 638.
[147] Там же.
[148] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22. Л. 26–27.
[149] Там же. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 187–189; ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 61. Л. 194–202.
[150] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 203–204; Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 339; ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 61. Л. 203–204.
[151] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 287–288.
[152] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1981. М., 1981. С. 297–298.
[153] Правда. 1940. 13 августа.
[154] РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 70. Л. 102–103.
[155] Правда. 1941. 17 июля.
[156] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 102. Л. 1–2.
[157] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 3. С. 215.
[158] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1323. Л. 256.
[159] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 322–323.
[160] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 160.
[161] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 380.
[162] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 318–319.
[163] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1323. Л. 251.
[164] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 170–171.
[165] История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 70.
[166] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 287–288.
[167] ЦВМА. Ф. 243. Д. 37374. Л. 48.
[168] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 308.
[169] Там же. Оп. 920265. Д. 4. Л. 151–152.
[170] Там же. Д. 3. Л. 186.
[171] Там же. Л. 312.
[172] Там же. Д. 4. Л. 221.
[173] ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 62. Л. 3–9.
[174] Там же. Д. 120. Л. 59–64.
[175] Там же. Д. 130. Л. 82–93.
[176] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149–152.
[177] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 60–61.
[178] Пропагандист Красной армии. 1941. № 23–24. С. 4.
[179] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 279.
[180] ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 61. Л. 231–235.
[181] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 3. Л. 312.

[182] Правда. 1941. 2 августа.
[183] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 58.
[184] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 171.
[185] Там же. С. 172.
[186] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1320. Л. 185.
[187] Там же. Д. 1325. Л. 78.
[188] Там же. Д. 1327. Л. 106.
[189] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 370.
[190] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 360.
[191] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 5. Л. 363.
[192] Отдел агитации стал самостоятельным. Его возглавил полковой комиссар Н. Д. Казьмин.
[193] В связи с появлением большого количества штатных агитаторов в войсках журнал стал называться «Блокнот агитатора Красной армии».
[194] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 5. Л. 346.
[195] Там же. Л. 504.
[196] Партийно-политическая работа в Вооруженных силах СССР 1918–1973 гг. Исторический очерк. М., 1974. С. 202.
[197] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.
[198] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 229.
[199] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 5. Т. 2. Л. 551–552.
[200] Там же. Л. 579.
[201] Там же. Ф. 203. Оп. 6445. Д. 7. Л. 69, 71.
[202] Там же. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 6. Л. 129–130.
[203] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 3. С. 274.
[204] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1360. Л. 247.
[205] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 106. Л. 17–18.
[206] ЦВМА. Ф. 216. Д. 12655. Л. 60.
[207] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 5. Т. 2. Л. 722.
[208] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 119. Л. 155–156.
[209] ЦАМО. Ф. 13а. Оп. 3029. Д. 143. Л. 4.
[210] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 3. С. 304.
[211] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 9. Л. 25–28.
[212] Там же. Д. 12. Л. 8–10; Оп. 920265. Д. 8. Л. 44.
[213] Там же. Д. 10. Л. 20–24.
[214] Там же. Д. 11. Л. 36–39.
[215] Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны. С. 421.
[216] Правда. 1944. 20 ноября; 1945. 7 января, 26 марта.
[217] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 212. Л. 13.
[218] Красная звезда. 1945. 9 февраля.
[219] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 253352. Д. 20. Л. 490.
[220] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 223.
[221] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 136. Л. 53.
[222] *Белоусов Л., Ватлин А.* Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой. М., 2007. С. 20.
[223] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 183.
[224] Там же.
[225] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 98б.
[226] Там же. Оп. 64601. Д. 29. Л. 225; Оп. 11306. Д. 11. Л. 11.
[227] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 165–166.
[228] Там же. Д. 1317. Л. 29–30.
[229] Там же. Д. 1316. Л. 166.
[230] Там же. Д. 1343. Л. 95–96.

[231] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 157. Л. 70.
[232] Там же. Оп. 515135. Д. 45. Л. 47–48.
[233] Там же. Оп. 11309. Д. 136. Л. 51–52.
[234] Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 1.
[235] Там же.
[236] Антифашистская графика времен войны. М., 2003. С. 1–2, 17.
[237] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 456. Л. 104.
[238] Там же. Д. 334. Л. 144–146.
[239] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1320. Л. 196.
[240] Русский архив: Приказы Наркомата обороны СССР. 22 июня 1941–1942 гг. М., 1997. Т. 13 (2–2). С. 376.
[241] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 157. Л. 146.
[242] Там же. Оп. 542139. Д. 1. Л. 49.
[243] *Хилько Б. В.* Оружие правды // Родина. 2013. № 1; Опыт работы. Бюллетень № 1 (34). М., 1946. С. 37.
[244] Опыт работы. Бюллетень № 1 (34). С. 24–25.
[245] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 547. Л. 181.
[246] Там же. Оп. 515185. Д. 47. Л. 102.
[247] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1326. Л. 211.
[248] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 547. Л. 117.
[249] Там же. Л. 262.
[250] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 145.
[251] Сталинградская битва. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 358.
[252] Опыт работы. Бюллетень № 1 (52). М., 1948. С. 61–62.
[253] Там же. Бюллетень № 1 (34). М., 1946. С. 22.
[254] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 369–371.
[255] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1407. Л. 125.
[256] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 32. Л. 217.
[257] Правда. 1945. 1 мая.
[258] Опыт работы. Бюллетень № 9 (33). М., 1945. С. 6.
[259] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 141–145.
[260] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.
[261] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 59.
[262] Архив Государственного архивного управления. Ф. 4/п. Оп. 1. Д. 26. Л. 261–262.
[263] Там же. Оп. 23. Д. 1. Л. 18.
[264] Сквозь плен. Немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1941–1956. М., 2007. С. 63–67.
[265] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 591. Л. 352–353.
[266] *Топтыгин А.* Запрещенный Берия. М., 2012. С. 254–255.
[267] *Вольф В.* На стороне Красной армии. М., 1976. С. 19.
[268] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 515184. Д. 47. Л. 99.
[269] Там же. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.
[270] Там же. Оп. 515184. Д. 47. Л. 89.
[271] *Анучкин-Тимофеев А.* Вероломство и коварство // Советская Россия. Отечественные записки. 2013. № 12 (284). С. 4.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ СССР В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ

С момента вторжения нацистской Германии в СССР при стратегическом планировании хода войны советское руководство исходило из того, что военные действия могут начаться в результате вероломного нападения милитаристской Японии и на Дальнем Востоке. В связи с этим ставилась задача на стратегическую оборону в восточных районах СССР с сохранением здесь таких сил и средств, которые не уступали бы по боевым возможностям японской маньчжурско-корейской группировке войск и удерживали бы Японию от вступления в войну на стороне своих союзников — Германии и Италии. При этом проведение каких-либо превентивных наступательных действий не предусматривалось.

В результате в первые годы Великой Отечественной войны перед Генеральным штабом Красной армии задача разработки планов разгрома противостоящей японской группировки не ставилась. Необходимость в их разработке возникла, когда военно-политическое руководство СССР, исходя из понимания важности объединения военных усилий с союзниками по антигитлеровской коалиции — США и Великобританией — на всех театрах военных действий, стало склоняться к удовлетворению настойчивых просьб лидеров этих держав о помощи Советского Союза в разгроме милитаристской Японии. При этом принципиальная позиция советского руководства состояла в том, что вступление Вооруженных сил СССР в войну на Дальнем Востоке возможно только после окончательного разгрома войск вермахта и капитуляции нацистской Германии.

Предварительное стратегическое планирование наступательных операций на Дальневосточном театре военных действий началось вскоре после Тегеранской конференции глав трех держав — СССР, США и Великобритании, где советская сторона дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии[1]. На содержание планирования операций советских войск серьезное влияние оказывали политические отношения союзников по антигитлеровской коалиции, в частности при согласовании вопроса о масштабах участия СССР в войне с Японией. Желая помощи Вооруженных сил Советского Союза в разгроме японских сухопутных сил в Маньчжурии и Корее, западные союзники вместе с тем стремились не допустить возвышения военного и политического авторитета и влияния СССР в Восточной Азии. В то же время советское руководство не желало играть вспомогательную роль в разгроме Японии. Оно планировало проведение на Дальнем Востоке крупной военной кампании с использованием всех видов вооруженных сил и родов войск с целью решительного разгрома противостоявших войск и сил противника, что позволяло возвратить утраченные ранее российские территории и, кроме всего прочего, на правах ак-

тивного участника войны иметь право голоса при послевоенном правовом регулировании в этом обширном регионе мира.

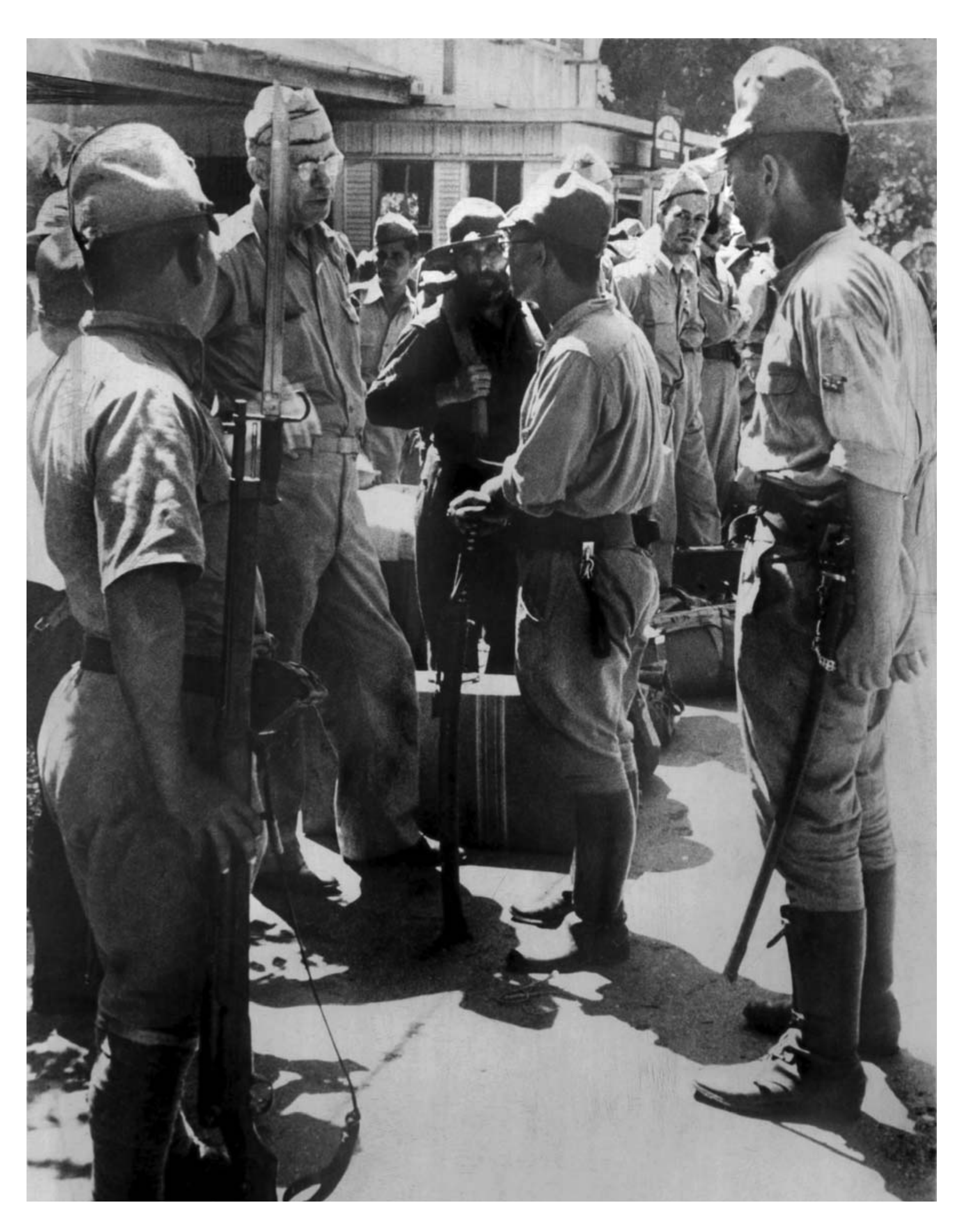
Как и всякая война, война с Японией, естественно, затрагивала все сферы жизни и деятельности советского общества. Главным и решающим средством достижения военно-политических целей должна была стать группировка советских войск, создаваемая на удаленном ТВД. В ходе подготовки к войне с Японией использовались и другие — экономические, дипломатические, идеологические средства и соответствующие им формы борьбы. При этом внешняя политика СССР приобрела первостепенное значение. Именно политика определяла не только позицию Советского Союза по проблеме вступления в войну, но и принятие мер по мобилизации людских и материальных ресурсов страны, а реализация ее возможностей обеспечивалась военно-политическим руководством. Следует подчеркнуть, что и в ходе подготовки к войне, особенно при ведении военных действий огромную роль играл боевой опыт, полученный как высшим военно-политическим руководством — ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), Ставкой ВГК и Генеральным штабом, так и командующими войсками фронтов, флотов, армий и флотилий, а также непосредственно войсками и силами флота.

Политическое решение о вступлении Советского Союза в войну против Японии

Вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии был поставлен руководителями США сразу после внезапного удара 7 декабря 1941 г. японского авианосного соединения по крупнейшей американской военно-морской базе на Тихом океане — Пёрл-Харбор. Уже на следующий день, 8 декабря, президент США Ф. Рузвельт принял нового советского посла М. М. Литвинова. В сложившейся чрезвычайной обстановке обычные формальности при вручении верительной грамоты были отмены. Главной целью встречи стало выяснение возможности использовать территорию Советского Союза для нанесения бомбовых ударов по Японской метрополии, что означало бы автоматическое вступление СССР в войну против Японии и являлось явным нарушением заключенного 13 апреля 1941 г. советско-японского Пакта о нейтралитете.

В донесении в Москву советский посол отмечал: «Он (Ф. Рузвельт. — *Прим. ред.*) сразу начал разговор с японского нападения, спрашивая, ожидаем ли мы объявления нам войны Японией. Я выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязаться в войну с нами. На вопрос президента, много ли дивизий мы сняли с Восточного фронта (с Дальнего Востока. — *Прим. ред.*), я ответа не дал. Не ставя никаких вопросов о нашей позиции, Рузвельт спросил меня, кто наш военный атташе в Вашингтоне, и, как бы рассуждая про себя, сказал, что военным нужно будет с ним обсудить вопрос, не могут ли американские бомбардировщики из Манилы сбросить бомбы над Японией, повернуть в сторону Владивостока, очевидно, чтобы там брать с собой новый запас бомб. Хотя, сказал он, бомбардировщики могут брать достаточное количество бомб из Манилы и вернуться туда, но в случае захода во Владивосток можно было бы брать больший груз»[2].

Расчеты военно-политического руководства США на бомбардировку Японских островов с территории Филиппин существовали недолго. Оперативно-стратегическая обстановка на театре развивалась стремительно. 2 января 1942 г. японские войска захватили Манилу, лишив защитников полуострова Батаан и острова-крепости Коррехидор поддержки с моря и воздуха, в конечном счете заставив американские войска покинуть Филиппины. Тем самым японцы на продолжительное время обезопасили свою метрополию от массированных американских ударов с воздуха.

Японские военные допрашивают пленного американского офицера после капитуляции на Коррехидоре

Японские солдаты празднуют победу в битве за Батаан

Позиция советского правительства в отношении высказанных Ф. Рузвельтом пожеланий была сформулирована в телеграмме наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова послу СССР в США М. М. Литвинову от 11 декабря 1941 г. В ней поручалось передать президенту следующее: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия, ввиду чего ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам»[3].

Получив послание, Ф. Рузвельт в тот же день, 11 декабря, во время встречи с советским послом, заявил, что об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем он просил советских руководителей не объявлять публично решение соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остается как бы нерешенным. Это, по его мнению, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск с тем, чтобы они не освободились для действий против Великобритании и США[4]. Он несколько раз повторил эту просьбу. Президент также просил дать ему имеющуюся у советского руководства информацию об экономическом положении Японии, ее запасах нефти, каучука, чугуна и прочего.

В беседе с послом президент также предложил, чтобы М. М. Литвинов и государственный секретарь США К. Хэлл опубликовали совместное коммюнике, смысл которого сводился бы к тому, что два государства «в любое время могут принять любое решение в отношении Японии». Советский посол уклонился, заметив, что это могло бы лишь побудить Японию напасть на СССР первой. В завершение беседы Ф. Рузвельт, не скрывая своего разочарования занятой СССР позицией, сказал, что решение Советского Союза «продлит, вероятно, войну с Японией, но что ничего, мол, не поделаешь»[5].

Тем не менее американцы самостоятельно дали понять миру, что в войне не только против Германии, но и против Японии США и СССР стоят по одну сторону баррикад. 10 декабря К. Хэлл сделал следующее заявление представителям печати: «Союз Советских Социалистических Республик ведет героическую борьбу против мощного нападения, столь предательски предпринятого против него общим врагом всех свободолюбивых народов. В связи с этим я хотел бы напомнить всем о заявлениях, сделанных президентом США во время приема им нового посла 8 декабря 1941 года — в день, когда мы объявили войну Японии. Президент при этом дал заверения, что правительство США твердо намерено продолжать осуществление своей программы по оказанию помощи Советскому Союзу в той борьбе, которую он ведет. События, произошедшие за последние несколько часов, еще больше укрепили эту решимость, и мы, со своей стороны, не сомневаемся в том, что правительство и народ полностью выполняют свою роль в борьбе против общей угрозы бок о бок со всеми миролюбивыми народами»[6]. В Японии поняли, что хотел сказать госсекретарь США, но сочли, что в сложившейся обстановке СССР не сможет поддержать США и Великобританию военным путем.

Анализ советского послания президенту США свидетельствует о том, что руководство Советского Союза осознавало важность его помощи Соединенным Штатам в войне с Японией, но не было готово вступить в эту войну. Убедительно разъясняя нецелесообразность вступления СССР в войну в настоящий момент, советское руководство тем самым давало понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом следует иметь в виду, что ответ Ф. Рузвельту был дан 11 декабря, то есть спустя лишь пять дней после начала контрнаступления под Москвой, окончательные результаты и последствия которого еще не были ясны.

Советскую позицию по этому вопросу несколько иначе изложил И. В. Сталин во время бесед 17 декабря 1941 г. с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, который от имени своего правительства, как и Ф. Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией. К этому времени успех советского контрнаступления под Москвой уже определился. Это грандиозное событие ощущали и наши союзники. Накануне, 16 декабря, Ф. Рузвельт направил советскому лидеру телеграмму, в которой сообщал о «всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации»[7]. На следующий день в ответном послании И. В. Сталин писал: «Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской армии. Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане»[8]. Разгром гитлеровских войск под Москвой породил в Лондоне и Вашингтоне надежду на то, что улучшение для СССР оперативно-стратегической обстановки на советско-германском фронте будет способствовать осуществлению плана его вовлечения в войну против Японии.

Это особенно наглядно проявилось в ходе состоявшихся в Кремле бесед с А. Иденом. Основными проблемами, вынесенными на переговоры, являлись: согласование положений Соглашения о союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии; о будущих, послевоенных границах СССР; выработка принципов послевоенной организации, а также положение на Дальнем Востоке. Отвечая на вопрос британского министра о помощи Советского Союза в войне против Японии, советский руководитель, не отвергая такую возможность, со своей стороны, интересовался перспективами создания условий для открытия второго фронта в Европе. А. Иден отвечал, что он готов обсуждать данный вопрос. Желая породить надежду на сотрудничество союзников на Дальнем Востоке, И. В. Сталин заметил, что «если... японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее»[9].

Хотя возможность вовлечения Советского Союза в войну с Японией не была отвергнута, британского министра не удовлетворил ответ в общей форме. В ходе состоявшейся 20 декабря следующей беседы с И. В. Сталиным он попытался выяснить, когда конкретно можно ожидать советского выступления на Дальнем Востоке. Такая настойчивость свидетельствовала о том, что в данный момент в Лондоне и Вашингтоне считали, что остановить дальнейшее стремительное продвижение японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре можно только в случае военной помощи СССР с севера. А. Иден прямо заявил: «Может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Он (Иден. — *Прим. ред.*) понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?».

С советской стороны было разъяснено, что «в настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах». Было высказано предположение, что «нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР». При этом британскому министру было дано обещание «возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной». А. Иден поблагодарил за готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев[10].

Говоря о возможности японского нападения на Советский Союз, И. В. Сталин имел для этого веские основания. Принятое в начале сентября 1941 г. высшим японским военно-политическим руководством решение о завершении подготовки к удару на юге — против США и Великобритании не отменяло оперативно-стратегический план войны против СССР «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской группировки войск»). Запланированное на 29 августа 1941 г. нападение на советский Дальний Восток и Восточную Сибирь лишь переносилось на весну 1942 г. Война на юге не должна была оказать серьезного влияния на продолжение военных действий в Китае и подготовку сухопутных сил к операциям против СССР. Более того, решением Императорского совещания от 6 сентября 1941 г. предусматривалось, что «в случае выгодного для нашей империи развития германо-советской войны... северный (русский. — *Прим. ред.*) вопрос будет решен вооруженным путем в ходе или даже до использования силы на юге»[11]. Штабом Квантунской группировки войск был разработан вариант плана «Кантокуэн» на 1942 г. Для его осуществления Квантунская группировка войск весной 1942 г. была увеличена еще на две дивизии, превратившись в крупное стратегическое объединение японских войск и достигнув своей максимальной численности — 1,2 млн солдат и офицеров[12]. Однако разгром германских войск в Московской битве оказал сдерживающее воздействие на японские планы малой кровью захватить советский Дальний Восток и Восточную Сибирь в случае поражения СССР в войне с Германией.

Советское военно-политическое руководство это понимало, хотя и сохраняло высокую бдительность в отношении Японии. Переговоры И. В. Сталина с представителем правительства Великобритании показали, что советский лидер уже менее категорично, чем в ответе Ф. Рузвельту, оценивал шансы на подключение СССР к борьбе с Японией, преследуя важные политические и стратегические цели.

После подписания 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против нацистской Германии И. В. Сталин в послании премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от 18 июля поставил вопрос о втором фронте. Речь шла о том, чтобы «был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика)»[13]. Аналогичные просьбы поступали и в последующий осенний период, когда германские войска рвались к Москве. Нападение Японии на США и Великобританию заставило Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на Дальнем Востоке. Не исключено, что И. В. Сталин, обещая вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно в беседе с А. Иденом он фактически связал перспективу участия СССР в войне с Японией с «открытием второго фронта в Европе, например на Балканах»[14].

Следует отметить, что важнейшим событием, ознаменовавшим создание коалиции в борьбе против стран тройственного блока, явилось подписание в Вашингтоне 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций. Среди объединившихся для борьбы с агрессорами 26 государств ведущую роль играли СССР, США, Великобритания и Китай. Подписавшие декларацию обязались «вести всеми силами войну против членов тройственного пакта, оказывать друг другу помощь в ходе войны и не заключать сепаратного мира или перемирия»[15] с вражескими государствами. Хотя СССР в момент подписания декларации не находился в состоянии войны с Японией, как показали последующие события, советские руководители разделяли определенные в этом документе цели борьбы со всеми агрессорами, в том числе дальневосточным.

В начале войны на Тихом океане ситуация для западных союзников сложилась тяжелая. Характеризуя ее, У. Черчилль на встрече с Ф. Рузвельтом в конце декабря 1941 г. отмечал: «Картина весьма мрачная, отчаянное положение и даже более»[16]. Единственное, что могло кардинально изменить ситуацию к лучшему, было бы согласие СССР на предоставление США возможности использовать советскую территорию для организации американских воздушных налетов на Японскую метрополию. Однако в Вашингтоне понимали, что подобное решение советского руководства было бы равнозначно вступлению СССР в войну с Японией.

Хотя успех советского контрнаступления под Москвой и данное И. В. Сталиным А. Идену обещание вернуться к дальневосточному вопросу весной 1942 г. и вселяли некоторый оптимизм, рассчитывать на реальную советскую помощь в войне против Японии в ближайшем будущем в Вашингтоне и Лондоне не могли. Правительство и командование США хорошо знали, что после частичной переброски советских войск с Дальнего Востока и из Сибири у СССР не было достаточных сил для ведения крупномасштабных военных действий против Японии. Поэтому американцам и их союзникам в противоборстве с Японией приходилось рассчитывать лишь на свои силы.

В секретном и личном послании И. В. Сталину от 11 февраля 1942 г. президент Ф. Рузвельт отмечал: «Несмотря на трудности, испытываемые нами в настоящее время на Дальнем Востоке, я надеюсь, что мы в ближайшем будущем настолько укрепимся в этом районе, что сумеем остановить японцев. Но мы подготовлены к некоторым дальнейшим неудачам»[17]. В Вашингтоне и Лондоне понимали, что японцы едва ли удовлетворятся первоначальными успехами. Существовало достаточно оснований ожидать, что японское командование может предпринять попытку проведения операций по захвату Индии и Австралии.

Ситуация существенно изменилась бы в случае вступления в войну СССР, поэтому Вашингтон использовал любую возможность для того, чтобы убеждать советское руководство в неизбежности японо-советского столкновения. 12 марта 1942 г. М. М. Литвинов после беседы с Ф. Рузвельтом докладывал в НКИД: «Американское правительство получило сведения, что Гитлер сильно нажимает на Японию, чтобы та приурочила свое нападение на нас к его весеннему наступлению»[18]. С другой стороны, японское правительство, зная о стремлении американцев как можно скорее вовлечь СССР в войну на Тихом океане, ставило задачу «препятствовать укреплению связей (СССР. — *Прим. ред.*) с США и Великобританией, а при возможности оторвать СССР от этих стран»[19].

Хотя командование нацеленной против Советского Союза японской Квантунской группировки войск и его сторонники в генштабе сухопутных сил продолжали готовить войска к внезапному удару на севере, высшее военно-политическое руководство страны считало, что война с СССР чревата весьма серьезными последствиями для Японии. Главным опасением было то, что в ходе такой войны Японии будут противостоять объединенные советско-американские вооруженные силы. В одобренном на заседании Координационного совета правительства и императорской ставки 7 марта 1942 г. документе «Оценка международного положения и достигнутых военных результатов» отмечалось, что «США и Великобритания... будут стремиться к тому, чтобы СССР своими действиями сковал Японию или даже принял участие в войне против нее; в настоящее время США и Великобритания, возможно, рассчитывают на то, чтобы тайно приобрести в восточной части СССР базы для наступления против Японии». Оценивая возможный план действий Советского Союза, его составители указывали: «Исходя из затяжного характера мировой войны, СССР будет стремиться укрепить сотрудничество с США и Великобританией; основное внимание будет уделять войне против Германии; в настоящее время СССР будет стремиться сохранить существующую позицию в отношении Японии; нет опасности в том, что он вступит в войну против Японии по настоянию США и Великобритании; если же обстановка на германо-советском фронте во время весенней кампании сложится в пользу СССР, а военная мощь Японии будет ослаблена в результате боевых действий США и Великобритании, то не исключается возможность вступления СССР в войну против Японии; немалая опасность существует и в том, что СССР предоставит США военные базы на своей территории для нанесения внезапного удара по Японии, если последняя сочтет неизбежным использование вооруженной силы против СССР»[20].

Проведенный японцами анализ ситуации в целом отвечал реальному положению. Стремление руководства США в той или иной форме привлечь СССР к войне против Японии с наступлением весны 1942 г. стало еще более очевидным. При этом американские представители, по сути, подталкивали Москву на превентивный удар по Японии. 23 апреля 1942 г. состоялась встреча И. В. Сталина с новым послом США в СССР У. Стэндли. Встреча

У. Стэндли

проходила в кремлевском кабинете главы советского правительства в течение полутора часов. Посла представил помощник наркома иностранных дел СССР В. Н. Павлов. В кабинете присутствовал В. М. Молотов. В ходе беседы был затронут и вопрос о советско-японских отношениях. Из записи беседы следует: «Стэндли спрашивает, какие новости имеются с фронта на Дальнем Востоке. Сталин отвечает, что... со стороны японцев не было попытки провоцировать инциденты на границе. Наша разведка сообщает, что японцы перебрасывают дополнительные силы на север. Мы не верим заверениям японцев, что они против нас ничего не имеют, и принимаем соответствующие меры в области укрепления нашей обороны на Востоке. Стэндли говорит, что следует помнить пример Порт-Артура и Пёрл-Харбора. Сталин говорит, что Стэндли, вероятно, имеет в виду внезапность нападения. Мы хорошо об этом помним. Стэндли отвечает, что они также хорошо знали об этом, но тем не менее были застигнуты врасплох»[21].

Зондаж союзниками взглядов советской стороны по проблемам советско-японских отношений продолжался. При посещении в мае 1942 г. наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым Лондона У. Черчилль и его окружение не ставили напрямую вопрос о подключении Советского Союза к войне против Японии. Им было известно, что в Кремле твердо решили в ходе войны против Германии не давать Японии повода усомниться в соблюдении советским руководством положений Пакта о нейтралитете. Учитывалась и крайне тяжелая оперативно-стратегическая обстановка, сложившаяся в то время на южном крыле советско-германского фронта. Однако президент Ф. Рузвельт не отказывался от дипломатических усилий, направленных фактически на денонсацию Советским Союзом Пакта о нейтралитете с Японией. Во время вашингтонских бесед с В. М. Молотовым в начале июня 1942 г. президент не преминул указать на сохраняющуюся опасность японского нападения на советскую территорию. Уже в первой беседе с наркомом он отметил, что японцы «перебрасывают свои лучшие самолеты в северную часть Тихого океана». При этом одной из предположительных целей такой концентрации сил был назван «район Петропавловска для нападения на Камчат-

ку». Ф. Рузвельт спрашивал, имеются ли в СССР оборонительные мероприятия на Камчатке? На что В. М. Молотов отвечал, что имеются, но не столь значительные и в настоящее время принимаются меры для укрепления обороны Камчатки.

Еще одним вопросом, затрагивавшим советско-японские отношения, было настойчивое предложение американской стороны открыть для поставок Советскому Союзу самолетов и другого оборудования в рамках ленд-лиза регулярное воздушное сообщение из США через Аляску на Дальний Восток, а затем к Транссибирской железной дороге. Это предложение было сделано американским послом У. Стэндли еще во время его первой встречи с И. В. Сталиным. Последний тогда обещал изучить этот вопрос, однако ответа не последовало. Было очевидно, что главу советского правительства беспокоила возможная реакция японцев на открытие такой авиалинии. В Токио весьма нервно реагировали на любые, даже незначительные признаки использования авиацией США советской территории. Так, после вынужденной посадки 18 апреля 1942 г. в Приморье американского военного самолета, бомбившего с авианосца территорию Японской метрополии, правительство Японии направило советскому руководству составленный в довольно резких выражениях официальный протест, представив инцидент чуть ли ни как сознательное предоставление Советским Союзом баз для авиации США[22].

Первоначально И. В. Сталин пытался уйти от положительного ответа на американское предложение, ссылаясь на то, что маршрут через Аляску — Сибирь не может быть практически использован по условиям погоды и «ввиду влияния других факторов». Однако после получения 1 июня 1942 г. послания Ф. Рузвельта по этому вопросу, он решил пренебречь возможными японскими протестами. В телеграмме от 4 июня он указывал В. М. Молотову в Вашингтон: «Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как мы ведем войну не с ней, а с Германией»[23].

Продвижение японских сил на основных операционных направлениях в Тихом океане резко изменяло оперативно-стратегическую обстановку на театре войны. 7–8 июня 1942 г. японские войска захватили острова Кыска и Атту (Алеутские острова). Захват этих островов шокировал американцев, ибо они входили в состав собственно территории США. Это побудило Ф. Рузвельта, действуя по просьбе Объединенного комитета начальников штабов США (ОКНШ), направить усилия на изменение позиции СССР по отношению к Японии, используя фактор опасности японского нападения на советский Дальний Восток. В послании И. В. Сталину от 17 июня 1942 г. Ф. Рузвельт, отбросив дипломатический язык, по сути, призвал советское правительство открыть совместные военные действия против Японии: «Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что японское правительство, возможно, готовится к операциям против советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири». При этом президент предложил срочно «приступить к делу и составить определенные планы». С этой целью выражалась готовность немедленно организовать совещания американских и советских представителей в Москве и Вашингтоне[24].

Предложение Ф. Рузвельта было настолько серьезным, что И. В. Сталин не смог сразу же на него ответить. Ведь речь шла фактически об отказе от советско-японского Пакта о нейтралитете и вступлении в войну с Японией. Военно-политическое руководство США, видимо, решило, что согласие Москвы на открытие воздушной линии поставок американского вооружения через Дальний Восток свидетельствует об отказе постоянно оглядываться на Японию в вопросах военного сотрудничества с американцами. Не дождавшись ответа на послание, уже через неделю, 23 июля, Ф. Рузвельт вновь написал И. В. Сталину о необходимости скорейшего решения вопроса о предоставлении на территории Сибири посадочных площадок с установкой метеорологического и навигационного оборудования для

американских ВВС. При этом вновь прямо подчеркивалось: «В случае японского нападения на советское Приморье подобная сибирская авиалиния позволила бы Соединенным Штатам быстро перебросить соединения американской авиации в указанный район для оказания помощи Советскому Союзу»[25].

После тщательного анализа складывавшейся обстановки в ГКО и Ставке ВГК 1 июля 1942 г. ответ Ф. Рузвельту был дан. В нем лишь подтверждалось принципиальное согласие на прием американских самолетов, предоставляемых СССР по ленд-лизу, через Аляску и Сибирь. Никаких комментариев по поводу предложения объединить силы против Японии в ответе не содержалось. Вместе с тем советский руководитель соглашался провести в Москве встречу представителей армии и флота США и Советского Союза «для обмена информацией»[26].

Настойчивость американского правительства в зондировании позиции Москвы в отношении Японии была понятна. Возможность для США регулярно бомбить Японию с территории советского Приморья или Камчатки могла кардинально изменить военно-политическую обстановку в регионе. Но в этом случае было не избежать советско-японской войны в весьма сложный для СССР период. Как показали последовавшие события, сдержать натиск и разгромить сталинградскую группировку войск фашистского блока удалось и благодаря переброске свежих и боеспособных соединений и частей с советско-маньчжурской границы. Этого не могли не понимать в Вашингтоне.

Для Ф. Рузвельта было ясно, что рано или поздно СССР все же присоединится к войне против Японии. Задача состояла в том, чтобы побудить советское правительство сделать это как можно раньше. Прибывший летом 1942 г. для проведения военных переговоров официальный представитель США генерал-майор Ф. Брэдли на приеме у И. В. Сталина 6 октября, ссылаясь на личную особую заинтересованность президента, пытался напрямую выяснить, «каких взглядов придерживается Сталин в отношении американской помощи против Японии». При этом речь вновь шла о помощи авиационной, а именно о возможности получения американскими ВВС баз на территории советского Дальнего Востока. Американский генерал выразил в беседе пожелание в первую очередь изучить «авиационные устройства СССР вблизи Маньчжурии». Следует отметить, встреча проходила в кремлевском кабинете И. В. Сталина. На приеме кроме Ф. Брэдли присутствовали посол США в СССР У. Стэндли, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и его помощник В. Н. Павлов[27].

Понимая, что Ф. Брэдли задавал вопросы по прямому указанию Ф. Рузвельта, И. В. Сталин терпеливо разъяснял: «Наши отношения с Японией формально регулируются Пактом о нейтралитете. Японцы несколько раз заверяли нас, что они не намерены нарушать этого пакта. Но в нашей стране невозможно найти хотя бы одного человека, который поверил бы этим заверениям. Японцы могут нарушить этот пакт и напасть на СССР в любой момент. Между Японией и СССР существуют в настоящее время отношения, которые можно было бы назвать вооруженным миром». Отвечая на предложение помощи США в случае нападения Японии на СССР, советский руководитель вежливо, но твердо такую помощь отклонил, заявив, что «сейчас мы нуждаемся в помощи против Германии, с которой мы воюем»[28]. Это был очередной намек на отсутствие второго фронта в Европе. В условиях фактического отказа США и Великобритании от реальной помощи СССР военными действиями на Западе у советской стороны были все, в том числе моральные основания отклонять попытки США добиться открытия советского фронта на Востоке против Японии.

Скорейшее открытие второго фронта в Европе отвечало интересам США, что признавал даже антисоветски настроенный сенатор (будущий президент США) Г. Трумэн. Когда в летне-осенней кампании 1942 г., как и в 1941 г., на советско-германском фронте сложилась крайне тяжелая обстановка, он заявил: «С выходом России из войны никакая сила не сможет удержать Германию и Японию... Мы должны поэтому открыть второй фронт, чтобы сохранить первый фронт»[29]. В этих словах признавалось, что в победе не только над Германией, но и над Японией особую роль должен был сыграть Советский Союз.

Японский легкий крейсер «Кисо» в районе Алеутских островов

Пожары на базе ВМС США Датч-Харбор после налета японской авиации

Хотя Ф. Рузвельт отчетливо понимал, что в условиях кровопролитных сражений в битве за Сталинград японское нападение еще больше усугубит положение СССР, объективно он был заинтересован в подобном развитии обстановки. Ибо лишь прямое столкновение с японцами, причем по их инициативе, могло привести Москву к решению предоставить США свою территорию для авианалетов на Японские острова. По мнению президента, к такой ситуации необходимо было подготовиться заранее. Не случайно он добивался скорейшей встречи с И. В. Сталиным, не скрывая, что хотел бы, кроме всего прочего, провести обмен мнениями о «будущей политике в отношении Дальнего Востока».

В своих устремлениях президент был весьма настойчив. Он использовал любой повод для того, чтобы напоминать о готовности США помогать СССР на Дальнем Востоке, несмотря на то что Москва так вопрос не ставила и ни о какой помощи не просила. Так, выразив советскому лидеру сожаление по поводу потопления японцами советской подводной лодки[30], Ф. Рузвельт 30 декабря 1942 г. тут же предложил И. В. Сталину разместить на советском Дальнем Востоке сто американских четырехмоторных бомбардировщиков. По его плану для организации авианалетов на Японию СССР должен был предоставить бомбы, горючее, смазочные материалы, транспортные средства, жилища, топливо и прочее. При этом советское руководство должно было согласиться на то, чтобы американским военным была предоставлена возможность производить «осмотр устройств для военно-воздушных сил на Дальнем Востоке», а также «изучить... каждую фазу совместных русско-американских операций на Дальневосточном театре». Предлагалось определить «степень предварительных приготовлений, которые осуществимы и необходимы для обеспечения действенного участия наших (американских. — *Прим. ред.*) соединений немедленно после начала военных действий». Президент просил допустить американских военных «в штаб советских армий на Дальнем Востоке, а оттуда — в такие другие места России, посещение которых может быть необходимым, чтобы им спокойно произвести осмотр и обсудить оперативные планы»[31].

Не желая давать японцам повода для обвинений в нарушении Пакта о нейтралитете, И. В. Сталин со всей определенностью отверг план Ф. Рузвельта. В своем ответе от 5 января 1943 г., выражая признательность за готовность послать Советскому Союзу 100 бомбардировщиков на Дальний Восток, он, не скрывая раздражения, указал: «Однако должен сказать, что в данное время нам нужна помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не ведет войны, а на фронте жесточайшей войны с немцами, то есть на советско-германском фронте»[32].

Победа советских войск в Сталинградской битве вновь подтолкнула американцев удвоить усилия для того, чтобы как можно скорее вовлечь СССР в войну на Дальнем Востоке. Как признавал глава американской военной миссии в СССР генерал Дж. Дин, его «главной и неизменной задачей было обеспечить участие Советского Союза в войне против Японии»[33].

В июле — августе 1943 г. между лидерами США и СССР произошел обмен посланиями по поводу организации личной встречи. Инициативу ее проведения выдвинул Ф. Рузвельт. Несколько изменилась и позиция американского руководства по проблеме участия Советского Союза в войне против Японии. Временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко 19 июля 1943 г. информировал Кремль о своей беседе с советником и специальным помощником президента Г. Гопкинсом, который заявил, что «при встрече (со Сталиным. — *Прим. ред.*) Рузвельт задал бы вопрос, каково будет отношение советского правительства к Японии после того, как Германия будет разбита. Гопкинс понимает, что сейчас, до разгрома Германии, политика Советского Союза в отношении Японии уже определена. Япония не трогает Советский Союз, а он не трогает Японию. Изменений в этой политике до разгрома Германии ожидать не приходится. Но при встрече со Сталиным вышеуказанный вопрос Рузвельт может задать»[34].

Встрече лидеров союзных держав в Тегеране предшествовала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). В подготовленных для переговоров ОКНШ инструкциях особо указывалось: «Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США

и Великобритании»[35]. По случаю завершения работы Московской конференции в Кремле был дан обед. По свидетельству выполнявшего обязанности переводчика В. М. Бережкова, во время обеда И. В. Сталин конфиденциально сообщил государственному секретарю США К. Хэллу о решении СССР принять участие в войне с Японией. По словам переводчика, глава советского правительства сказал ему: «Слушайте меня внимательно. Переведите Хэллу дословно следующее: советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете»[36].

Характеризуя занятую И. В. Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, государственный секретарь США К. Хэлл сообщал в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал К. Хэлл в своих воспоминаниях, И. В. Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководителя «заявлением исключительной важности»[37].

Позднее, во время Тегеранской конференции глава советской делегации, добившись указания конкретного срока открытия второго фронта в Европе, не остался в долгу. Он сделал весьма важное заявление: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить по крайней мере в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии»[38].

Несмотря на то что обещание носило общий характер и в Тегеране не было сделано даже совместной протокольной записи на этот счет, американцы и англичане с энтузиазмом восприняли слова советского лидера о том, что выступление против Японии может состояться после капитуляции Германии. Хотя до такого развития событий было еще далеко, И. В. Сталину было важно дать подобное обещание в расчете на ответные шаги западных стран, направленные на ускорение открытия второго фронта против Германии.

Президент США не мог скрыть своего удовлетворения занятой СССР позицией и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Во время беседы 29 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт вручил И. В. Сталину два документа, касающихся предварительного планирования военно-воздушных и военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана, где излагалась позиция по использованию американских ВВС и ВМС в указанном регионе. Что касается военно-воздушных сил, то президент указывал: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить японские военные и промышленные центры» и попросил предоставить американским военным информацию, касающуюся аэродромов, жилищного снабжения, средств связи и метеорологических условий в Приморском крае. Он сообщил, что американцы хотели бы разместить в Приморье «от 100 до 1000 четырехмоторных бомбардировщиков с их обслуживающим и оперативным персоналом». Предложения по вопросам возможного применения ВМС президент предварял следующими условиями:

«а) мы были бы рады получить военно-разведывательные данные относительно Японии;

б) принимая во внимание тот факт, что порты, где базируются Ваши дальневосточные соединения подводных лодок и эсминцев, могут подвергнуться серьезной угрозе наземного и воздушного нападения, не считаете ли Вы желательным, чтобы Соединенные Штаты

достаточным образом расширили базовые устройства, чтобы ими могли пользоваться эти вооруженные силы на базах Соединенных Штатов?

в) какую прямую или косвенную помощь смогли бы Вы оказать, если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов?

г) можете ли Вы сообщить, могут ли наши вооруженные силы пользоваться портами, и если да, то какими, а также могли бы Вы сообщить сведения об этих портах в отношении их использования военно-морскими силами, так же как и грузопропускную способность портов?»[39].

На поставленные Ф. Рузвельтом перед И. В. Сталиным вопросы предполагалось получить подробные ответы уже после Тегеранской конференции. Понимая желание США и Великобритании как можно скорее добиться вступления СССР в войну с Японией, советский лидер проявил осторожность, ограничившись лишь обещанием передавать информационные материалы по Японии и метеосводки, да и то «на началах взаимности». Что же касается конкретных вопросов координации действий вооруженных сил двух стран на Дальнем Востоке, то ответ на них был дан в беседе советского наркома иностранных дел с послом США в СССР 25 декабря 1943 г. В устном заявлении В. М. Молотов указал: «В данный момент, по понятным для правительства США причинам, является затруднительным дать какие-либо положительные ответы»[40]. В ответ А. Гарриман недвусмысленно дал понять, что позиция СССР в отношении Японии будет во многом влиять на действия США в Европе. Он, в частности, заявил: «Чем больше будет уверенность в отношении Тихого океана, тем больше сил можно будет выделить для Европейского театра». В. М. Молотов ограничился словами о том, что «заявления маршала Сталина в Тегеране были достаточно определенны»[41].

На Тегеранской конференции впервые состоялся разговор о возможных результатах разгрома Японии для восстановления прав СССР на Дальнем Востоке. Причем инициативу такой постановки вопроса проявили западные союзники, в частности У. Черчилль начал с того, «что он за то, чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах». Отвечая на вопрос главы советской делегации, что может быть сделано для России на Дальнем Востоке, американский президент предложил превратить, например, Дайрен в свободный порт. И. В. Сталин, заметив, что СССР фактически заперт японцами на Дальнем Востоке, ответил: «Порт-Артур больше подходит в качестве военно-морской базы». Как бы подводя итог предварительному обсуждению этого вопроса, У. Черчилль заявил: «Совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». При этом, помня, что в результате поражения в Японско-русской войне 1904—1905 гг. Россия лишилась части своей территории на Дальнем Востоке, он особо подчеркнул: «Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий». Во время беседы был затронут вопрос об отношении И. В. Сталина к Каирской декларации США, Великобритании и Китая, в которой, в частности, отмечалось, что Япония должна быть лишена всех захваченных и оккупированных территорий. При этом советский руководитель заявил: «Конечно, русские могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке»[42].

Японцы едва ли сразу узнали о данном в Тегеране обещании советского лидера выступить против Японии после победы над Германией, но подозрения на этот счет в Токио существовали. Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США в СССР А. Гарриманом И. В. Сталин кроме решения важных военных вопросов коснулся и взаимоотношений с Японией. Он подчеркнул: «Японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее... Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу... Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме (по случаю нового, 1944 г. — *Прим. ред.*) к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет говорить с ним откровенно... заявил, что он хочет встретиться со Сталиным... что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией — пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может

ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но самый факт обращения Сугияма к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся»[43].

Несмотря на то что в Тегеране советское обещание в отношении Японии было сделано в общей форме и делегация СССР уклонилась от обсуждения конкретной координации будущих совместных операций на Дальнем Востоке, командование вооруженных сил США со всей серьезностью восприняло слова советского лидера, поскольку они имели далеко идущие последствия. Достаточно сказать, что с учетом советской позиции значительные коррективы были внесены в военные планы США и Великобритании. Перспектива участия СССР в войне с Японией создавала для союзников принципиально новую военно-политическую и оперативно-стратегическую ситуацию.

О том, насколько для США было важно участие СССР в войне, свидетельствует документ, составленный американцами перед Тегеранской конференцией. В нем отмечалось: «Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными»[44]. Как отмечал известный американский историк М. Мэтлофф, заявление И. В. Сталина на Тегеранской конференции «наилучшим образом решало эту проблему и снимало столь беспокоивший Рузвельта и Маршалла вопрос»[45].

Согласие Советского Союза вступить в войну против Японии, по признанию У. Черчилля, меняло обстановку на Дальнем Востоке, и запланированные ранее операции в Юго-Восточной Азии в значительной степени потеряли свою ценность. Отказавшись от широкомасштабного наступления американо-английских войск в Юго-Восточной Азии, западные союзники в дальнейшем стратегическом планировании исходили из того, что СССР возьмет на свои плечи разгром японских войск на материке, а США и Великобритания будут действовать в основном силами военно-морского флота и авиации. Было принято решение о том, что основные усилия против Японии должны быть предприняты на Тихом океане, а не на материке[46].

Заметная активизация усилий руководителей США и Великобритании по скорейшему привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке произошла после состоявшейся 6 июня 1944 г. высадки войск союзников в Европе. 19 сентября они информировали советское правительство об итогах совещания в Квебеке. В «Личном и секретном послании маршалу Сталину от правительства Соединенных Штатов и правительства Его Величества» шла речь и о Японии: «Имея в виду конечную цель вторжения в Японскую метрополию, мы договорились о будущих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах. Согласованы планы быстрой переброски сил на Тихоокеанский театр после крушения Германии»[47].

Несмотря на то что в Тегеране глава советского правительства говорил о возможности вступления СССР в войну против Японии через несколько месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом по крайней мере воздушных ударов по Японской метрополии сразу же после капитуляции Германии. На этом особенно настаивал У. Черчилль, который 27 сентября 1944 г. писал И. В. Сталину: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть

все эти планы вместе»[48]. В своем ответном послании от 30 сентября И. В. Сталин подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране»[49].

Готовясь к новой встрече лидеров СССР, США и Великобритании в Крыму, Вашингтон и Лондон поручили своим послам в Москве в предварительном плане обсудить лично с советским лидером вопросы сотрудничества в войне против Японии. 23 сентября 1944 г. такая беседа состоялась. Встреча проходила в кремлевском кабинете И. В. Сталина с 19 часов 30 минут до 21 часа. В беседе принимали участие: со стороны союзников — посол США в СССР А. Гарриман, посол Великобритании в СССР А. Керр, второй секретарь посольства США в Москве Э. Пейдж, второй секретарь посольства Великобритании в Москве А. Бирс; с советской стороны И. В. Сталин, В. М. Молотов и В. Н. Павлов[50]. В ходе беседы был поставлен вопрос о масштабах участия СССР в войне против Японии. Глава советского правительства прямо спросил, идет ли речь о предоставлении США возможности бомбить Японию с советской территории или же союзники хотят полномасштабного участия СССР в войне. Основное содержание беседы сводилось именно к этому вопросу.

Позиция американцев состояла в том, чтобы приступить к составлению планов совместных действий на Дальнем Востоке, а «что касается дат, то они могут быть фиксированы лишь после того, как будет разгромлена Германия». При этом посол США отметил, что одним из важных аспектов этого вопроса является предоставление Советскому Союзу тяжелых бомбардировщиков для Дальнего Востока.

Отстаивая позицию советского правительства, И. В. Сталин несколько раз уточнял, идет ли речь только о предоставлении баз или также о том, что Советский Союз должен принять активное участие в войне против Японии на суше и в воздухе, для чего потребуется перебросить на Дальний Восток от 25 до 30 дивизий, высвободив их на Западном фронте. В ответ посол Великобритании в СССР А. Керр сослался на слова У. Черчилля о том, что англичане и американцы рассчитывают на активное участие Советского Союза в войне против Японии. Со своей стороны, американский посол А. Гарриман заявил: «Президент, конечно, рассчитывал на помощь Советского Союза со времени Тегеранской конференции. Но в мае президент говорил ему, Гарриману, что он хочет возможно скорее начать разработку планов, имеющих прямое отношение к будущему сотрудничеству вооруженных сил союзников с Красной армией и Военно-морским флотом. Президент надеялся заблаговременно разработать планы, так как переброска вооруженных сил на борьбу с Японией потребует большого времени из-за больших расстояний»[51].

Не получив четкого ответа на свой вопрос, И. В. Сталин вновь подчеркнул, что ему нужно знать соображения союзников о том, какую роль они предназначают Советскому Союзу в войне на Дальнем Востоке. А. Гарриман выразил уверенность, «что, как только маршал Сталин изъявит готовность, планы ему будут предоставлены. В планах англо-американского штаба невозможно учесть роль Советского Союза до тех пор, пока англо-американскому штабу не будет известно, каковы пожелания маршала Сталина в отношении использования его вооруженных сил. Как только Сталин будет готов к обсуждению этого вопроса, генерал Дин сможет немедленно приступить к этому делу»[52].

Поставленные И. В. Сталиным перед союзниками вопросы имели весьма важные как чисто военные, так и политические аспекты. Во-первых, необходимо было определить численность и состав выделяемой для войны против Японии группировки. Для этого, естественно, требовалось знать, какие задачи будут перед такой группировкой поставлены. Во-вторых, Москве было необходимо выяснить, какую роль США и Великобритания отводят СССР в деле разгрома милитаристской Японии. От этого в значительной степени зависело, станет ли Советский Союз полноправным участником победы со всеми вытекающими последствиями в послевоенный период или союзники стремятся отвести ему ограниченную вспомогательную роль, рассчитывая лишь на использование его территории в качестве баз для своей бомбардировочной авиации. Естественно, последнее едва ли могло устроить советское руководство.

В ходе беседы с американским и английским послами И. В. Сталин не раскрывал свои планы, понуждая союзников просить СССР о полномасштабном участии в войне. К этому времени для себя он уже принял решение. Смысл его состоял в том, что Советский Союз после разгрома Германии откроет фронт на Дальнем Востоке, используя все виды вооруженных сил — сухопутные войска, ВВС и ВМФ. Причем участие СССР в войне против Японии представлялось как самостоятельная военная кампания Советского Союза на Дальнем Востоке. Это решение окончательно оформилось к лету 1944 г. По этому поводу Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал в своих воспоминаниях: «То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И. В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии»[53].

В связи с поставленным И. В. Сталиным вопросом о задачах Вооруженных сил СССР в войне против Японии 28 сентября 1944 г. Ф. Рузвельт одобрил стратегический план, по которому на Советский Союз возлагалось выполнение следующих задач: «Прервать транспортную связь между Японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо»[54].

Между тем в Японии осознание неизбежности поражения стран оси в войне крепло не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Х. Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал вернуться к идее выступить посредником на переговорах о прекращении советско-германской войны[55].

На заседании Высшего совета по руководству войной, который был создан в августе 1944 г. (в его состав входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генерального штаба армии и главного морского штаба, а также их заместители) Х. Сугияма 5 сентября 1944 г. следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данные разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большой части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР»[56].

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направив через японского посла в Москве Н. Сато предложение советскому руководству о посылке в Москву специальной японской миссии. Японское правительство мотивировало свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам советско-японских отношений. Об этом предложении советское руководство немедленно информировало союзников. Послу СССР в Вашингтоне А. А. Громыко было поручено сообщить американскому правительству о зондаже Японии. В телеграмме наркома иностранных дел В. М. Молотова от 23 сентября 1944 г. послу поручалось конфиденциально довести до сведения американцев, что «советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства»[57]. Такое же заявление поручалось сделать послу СССР в Великобритании Ф. Т. Гусеву.

Госсекретарь США Э. Стеттиниус, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов
и министр иностранных дел Великобритании А. Иден подписывают документы Ялтинской конференции

И. В. Сталин беседует с У. Черчиллем в галерее Ливадийского дворца

По линии разведки американцы знали о замыслах японского правительства втянуть СССР в переговоры с Германией, но официальное подтверждение этого, а также строгое выполнение советским руководством обязательств по недопущению любых сепаратных переговоров с противником свидетельствовали, что СССР ведет честную игру и будет верен всем взятым на себя обязательствам, в том числе в отношении Японии. Ф. Рузвельт не преминул выразить свое удовлетворение по этому поводу. В своем послании И. В. Сталину от 5 октября 1944 г. он писал: «Теперь Вы, вероятно, уже получили от генерала Дина сообщение о позиции нашего Объединенного штаба по поводу войны против Японии, причем я хочу еще раз повторить Вам, что я полностью принимаю те заверения по этому вопросу, которые Вы дали нам. Наши три страны ведут успешную войну против Германии и, конечно, мы с не меньшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим»[58].

7 ноября 1944 г. Ф. Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Своеобразным подарком И. В. Сталина американскому президенту стало упоминание им Японии как агрессивного государства в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции. Тем самым, по сути, было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Слова главы советского правительства взволновали японское руководство и были восприняты им как указание на возможность присоединения СССР к войне с Японией. В то же время этот шаг СССР был по достоинству оценен в США. А. А. Громыко писал из Вашингтона: «Гарриман не скрывал, что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Он отметил прямоту заявления Сталина. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной»[59].

По мере того, как приближался срок новой встречи лидеров большой тройки в Крыму, стороны готовились к конференции, вырабатывая принципиальные позиции. Несмотря на то что на конференцию лидеров союзных держав выносились такие важные вопросы, как завершение войны против Германии, послевоенное устройство Европы, территориальные вопросы, учреждение Организации Объединенных Наций, особое значение США придавали обсуждению вопроса об участии СССР в войне против Японии. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США хотела прежде всего вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке[60].

Окончательно вопрос о вступлении СССР в войну против Японии на стороне союзников по антигитлеровской коалиции был решен на Ялтинской (Крымской) конференции глав трех держав — СССР, США и Великобритании в феврале 1945 г. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения»[61]. И. В. Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии после завершения войны в Европе, то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, был определен и срок этого события. Глава советского правительства пообещал начать военные действия «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение было воспринято союзниками с большим удовлетворением.

Выполнение возложенных на СССР задач по разгрому группировки японских войск в Маньчжурии требовало от Советского Союза больших усилий, новых человеческих жертв и материальных потерь, которые и без того были огромны. Сознавая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям вступления в войну, которые выдвигало советское правительство. В беседе с А. Гарриманом 14 декабря 1944 г. И. В. Сталин сформулировал пожелания советского правительства в связи с участием СССР в войне против Японии. Было заявлено, что «Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, т. е. вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова»[62]. Были выдвинуты и другие предложения по восстановлению

прав России, утраченных по результатам неудачной войны с Японией в 1904–1905 гг. Как известно, в принятом на Ялтинской конференции документе по вопросам Дальнего Востока союзники согласились с территориальными и иными претензиями Советского Союза.

Имея разведданные об обещании советского руководства оказать военную помощь союзникам в войне с Японией, влиятельные японские политические деятели стали убеждать императора завершить войну до вступления в нее СССР. Через два дня после завершения Ялтинской конференции трижды возглавлявший японское правительство князь Ф. Коноэ спешно представил императору Хирохито меморандум, в котором призывал до вступления в войну СССР капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного (то есть императорского. — *Прим. ред.*) строя»[63].

Руководители японской разведки 15 февраля 1945 г. информировали членов Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть Пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии[64]. На следующий день об этом говорил императору министр иностранных дел М. Сигэмицу. Бывший премьер-министр и военный министр генерал Х. Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности военного выступления СССР против Японии, оценив такую вероятность как пятьдесят на пятьдесят[65]. Однако император полагал, что все же не следует отказываться от попытки привлечь СССР в качестве посредника для достижения перемирия с США и Великобританией.

В связи с этим у Токио существовала идея попытаться заинтересовать советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие содействовать началу переговоров японского правительства с правительствами США и Великобритании об условиях прекращения войны. Перечень таких уступок был разработан японским МИДом еще в сентябре 1944 г. Главными из них были уступки Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов[66]. Однако советское правительство не пожелало идти на сделку с японским руководством, в очередной раз информировав правительство США о дипломатических маневрах Токио.

Готовясь к войне против Японии, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., что фактически означало возможность участия СССР в войне на Дальнем Востоке с целью скорейшего завершения Второй мировой войны[67].

Начавшаяся переброска советских войск на Дальний Восток не осталась незамеченной японским руководством, которое получало довольно точную информацию по разведывательным каналам. В сложившейся обстановке последним шансом для Японии стала перспектива оторвать Советский Союз от западных союзников, не допустить их совместных действий против империи. В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Великобританию и СССР и подорвать решимость США и Великобритании вести войну»[68]. Определенные основания для подобных расчетов имелись.

Кончина в апреле 1945 г. Ф. Рузвельта и приход на пост президента США антисоветски настроенного политика Г. Трумэна, перспектива создания американцами атомного оружия внесли коррективы в политику Вашингтона в отношении своего союзника в войне — СССР. Тем не менее, готовясь к Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в июле 1945 г., американцы, особенно военные, не могли отказаться от помощи Советского Союза. Военный министр США Г. Стимсон в памятной записке президенту США Г. Трумэну от 2 июля 1945 г. подчеркнул: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию»[69].

В ходе Потсдамской конференции, отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР». В ответ И. В. Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово»[70].

В Потсдаме американцы испытывали противоречивые чувства. С одной стороны, уповая на обладание атомной бомбой, они уже гораздо меньше желали участия СССР в войне с Японией, а с другой — по чисто военным соображениям не могли отказаться от помощи Советского Союза, поскольку уверенности в том, что атомная бомба положит конец войне, не было. Тогдашний государственный секретарь США Дж. Бирнс в своих мемуарах писал: «Я должен откровенно признаться, что испытал бы чувство удовлетворения, если бы русские решили не вступать в войну»[71].

Желая отстрочить вступление СССР в войну, американское военно-политическое руководство стремилось различными методами затягивать советско-китайские переговоры, на которых правительства двух стран должны были решить важные вопросы на период ведения военных действий на территории Китая и достичь согласия относительно выполнения достигнутых на Ялтинской конференции договоренностей, касающихся Китая. Позже Дж. Бирнс признавался: «Наша цель заключалась в том... чтобы поощрить китайцев продолжать переговоры... Продолжение переговоров между Сталиным и Чан Кайши затянуло бы вступление в войну СССР, а японцы тем временем могли капитулировать. Президент разделял эту точку зрения»[72].

Подобные настроения проявились при опубликовании 26 июля 1945 г. Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. В первом пункте декларации было заявлено, что «Японии дается возможность закончить эту войну». Призывая японское правительство немедленно капитулировать, союзники предупреждали, что «иначе Японию ждет быстрый и полный разгром». Стремясь принизить роль СССР в войне с Японией, США не сообщили советскому руководству о составлении Потсдамской декларации. Советская делегация в Потсдаме получила в день подписания декларации лишь ее копию — «для сведения». На заседании 28 июля И. В. Сталин не преминул выразить свое неудовольствие. Он заявил американцам и англичанам: «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях»[73].

Как отмечалось выше, советское руководство не желало быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. И. В. Сталин не мог не знать, что американцы были намерены после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, конечно, Советский Союз. Так, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. в беседе с глазу на глаз с главой китайского правительства Чан Кайши американский президент предложил заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Ф. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши в устранении британского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны, Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Ф. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР[74].

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Москва избегала открытой демон-

страции поддержки китайской компартии в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе[75].

В Токио это понимали и до последнего рассчитывали на раскол среди союзников. Потому здесь не отказывались от попыток все же привлечь СССР к посредничеству с целью затруднить его вступление в войну. Японским лидерам казалось, что отсутствие подписи Советского Союза под Потсдамской декларацией дает Японии шанс. После обсуждения выдвинутых условий капитуляции Высшим советом по руководству войной министр иностранных дел Японии С. Того телеграфировал 27 июля послу в СССР Н. Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против Японской империи»[76].

После того как японское правительство 28 июля отвергло Потсдамскую декларацию, советское руководство приняло решение присоединиться к этому документу. Вслед за этим в полном и точном соответствии с данным в Ялте и Потсдаме обещанием Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил Японии войну. В сообщении ТАСС в связи с этим говорилось: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что... его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»[77].

9 августа 1945 г. СССР начал военные действия против вооруженных сил Японии в Северо-Восточном Китае и Корее. Мощное и стремительное наступление советских войск во многом определило решение японского правительства согласиться с условиями безоговорочной капитуляции.

Серьезное влияние военно-политических позиций сторон на стратегическое планирование совместных действий по разгрому милитаристской Японии выявилось при определении районов проведения боевых действий и зон оккупации. Уже вскоре после начала войны на Тихом океане в Вашингтоне была создана специальная группа, в задачу которой входила разработка оккупационного режима для японской территории. По составленному к началу 1945 г. плану страна расчленялась на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и китайскую. При этом советские войска должны были занять не только Южный Сахалин и все Курильские острова, но и обширную территорию Японской метрополии, включавшую северный остров Хоккайдо и северо-восток основного острова Японии Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого амери-

канских войск. По существовавшим расчетам, в случае самостоятельной оккупации США требовалось по меньшей мере 800 тыс. солдат и офицеров, или 23 дивизии[78]. План расчленения Японии на оккупационные зоны держался в строгом секрете и союзникам не был известен.

Обладание атомным оружием позволило Г. Трумэну отбросить разработанный при предшественнике план совместной оккупации Японии и превратить овладение этой страной в «чисто американское предприятие». Более того, американцы попытались подправить Ялтинское соглашение о возмещении Советскому Союзу ранее утраченных дальневосточных территорий. В направленном 15 августа 1945 г. Верховному главнокомандующему Вооруженных сил СССР проекте «Общего приказа № 1» о капитуляции японских вооруженных сил президент США Г. Трумэн «забыл» указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР[79].

И. В. Сталин ответил сдержано, но твердо, предложив внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

«1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова»[80].

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, И. В. Сталин указал, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919—1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»[81]. Свои предложения советский лидер назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Г. Трумэн согласился «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Что касается второго предложения — по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Г. Трумэном без каких-либо объяснений. Более того, президент от имени американского правительства выразил желание «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе»[82].

Не скрывая своего неудовольствия отказом Г. Трумэна допустить советские войска на Хоккайдо, И. В. Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории»[83]. Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

Занятая советской стороной твердая позиция заставила американцев учитывать интересы СССР и следовать положениям ялтинских договоренностей. Одним из подтверждений тому стал изданный 29 января 1946 г. меморандум главнокомандующего союзных держав Д. Макартура японскому императорскому правительству. В нем указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан»[84]. Японское правительство не выдвинуло никаких возражений, ибо это соответствовало условиям Потсдамской декларации о капитуляции.

Деятельность органов советского стратегического руководства по планированию войны на удаленном ТВД

Настойчивые обращения президента США и премьер-министра Великобритании к главе советского правительства под различными предлогами вступить в войну с Японией и стремление четко соблюдать принципы коалиционной войны, а также постоянная угроза нападения на СССР крупнейшей группировки японских вооруженных сил и вероятной необходимости ведения войны на два фронта создавали в Ставке ВГК и Генеральном штабе, ГКО и в целом у высшего военно-политического руководства страны понимание неизбежности войны на Дальнем Востоке и заставляли активизировать проведение мероприятий по подготовке вооруженных сил и страны в целом к выполнению союзнического долга.

Подготовка к войне с Японией не потребовала существенных изменений в системе органов стратегического руководства, сложившихся в ходе Великой Отечественной войны: ГКО, Ставки ВГК, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматов обороны, Военно-морского флота, внутренних дел, государственной безопасности, Генерального штаба Красной армии и Главного морского штаба. Однако специфика нового театра войны — удаленность от центра и основных экономических районов страны, его пространственный размах, сложность физико-географических и климатических условий, геополитическая значимость региона — требовали от военно-политического руководства поиска новых подходов в руководстве военными действиями, отвечающих реалиям вооруженной борьбы.

Планирование военных действий любого масштаба, а тем более вступление государства и его вооруженных сил в войну на удаленном от центральных районов страны театре военных действий немыслимо без данных о военно-политической обстановке в мире и регионе, противостоящем противнике, его вооруженных силах и военно-экономическом потенциале, составе, состоянии и возможном характере действий группировок войск, особенностях ТВД и прочем. Все эти сведения, накапливаемые годами, подлежали уточнению по каналам всех видов разведки. Естественно, в течение всей Великой Отечественной войны группировка советских войск, обеспечивающая безопасность дальневосточных границ, снабжалась соответствующей разведывательной информацией. Однако для планирования военной кампании против нового конкретного противника требовались несколько иные подходы к организации разведки. При этом необходимо было учесть опыт управления силами разведки, накопленный на советско-германском фронте, что в значительной степени и было использовано высшим военно-политическим руководством СССР.

Разведывательные сведения о Японии и Квантунской группировке ее вооруженных сил в ходе войны на западе добывали зарубежные резидентуры Главного разведывательного управления Красной армии и органы Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, дислоцированные на Дальнем Востоке. Конкретизация необходимой информации определялась Ставкой ВГК, начальниками Генштаба и Главного морского штаба, наркомами иностранных и внутренних дел, а также государственной безопасности.

Силы зарубежной разведки ГРУ Красной армии обеспечивали высшее военно-политическое руководство страны данными разнообразного характера, позволявшими довольно верно оценивать внешнеполитический курс японского правительства и его изменения, поддерживать дипломатические отношения, оценивать состояние сил Квантунской группировки. Однако в разведывательных органах на Дальнем Востоке ощущался дефицит специалистов — не хватало сотрудников, владевших японским и китайским языками, а также материального и финансового обеспечения деятельности разведывательных органов. Например, в 1942–1945 гг. в Харбинской и Дайренской резидентурах ГРУ Красной армии имелся только один офицер, владевший японским языком. Кроме того, обстановка в Маньчжурии, где дислоцировались японские войска, была крайне неблагоприятной для деятельности сотрудников зарубежных резидентур. Жесткий контрразведывательный режим, установленный

японскими и китайскими спецслужбами, сковывал действия советских военных разведчиков, негативно сказывался на результатах их работы.

Добыванием сведений о вооруженных силах Японии и особенно о группировке на континенте активно занимались и разведывательные отделы штабов Дальневосточного и Забайкальского фронтов, Тихоокеанского флота, Амурской военной флотилии, монгольской Народно-революционной армии[85]. Разведывательная информация поступала и от пограничных округов — Забайкальского, Дальневосточного и Приморского. Забайкальский фронт имел в своем составе агентурное отделение и два разведывательных пункта, дислоцированных в приграничной полосе. Штабу фронта подчинялись органы разведки штаба 17-й армии и четыре приграничных разведывательных пункта, развернутых на территории Монгольской Народной Республики. Разведывательный отдел штаба Дальневосточного фронта, созданного летом 1940 г., имел семь приграничных разведывательных пунктов (в том числе один на Сахалине) и вел разведку японских Квантунской группировки войск и Корейской армии, а также театра военных действий на мукденском направлении. Наиболее успешно решал разведывательные задачи Благовещенский разведывательный пункт. Несмотря на объективные трудности, разведывательные органы штабов Забайкальского и Дальневосточного фронтов смогли добыть значительное количество достоверных сведений о Квантунской группировке, армии Маньчжоу-Го и Дальневосточном ТВД.

Пресечение деятельности японских разведчиков и агентов на Дальнем Востоке осуществляли управления НКГБ по Хабаровскому и Приморскому краям, Амурской и Читинской областям, созданные в 1941 г.[86]

В период подготовки к войне против Японии ГКО и Ставка ВГК провели дополнительные мероприятия по укреплению сил военной разведки, что вызывалось рядом существенных особенностей, в том числе и Дальневосточного театра военных действий[87]. Добывание сведений о противнике на таком ТВД требовало значительного количества профессиональных разведчиков, знающих этнографические и физико-географические особенности региона, владеющих японским и китайским языками и обладающих опытом разведывательной деятельности в условиях войны.

В годы Великой Отечественной войны разведывательные сведения о Японии, добытые органами разведки штабов дальневосточных фронтов, а также разведывательными органами народного комиссариата ВМФ и НКВД, направлялись в центральные органы соответствующих разведывательных служб. В ГРУ Красной армии, например, эти сведения обобщались и на их основе дважды в год составлялись разведывательные сводки по Дальнему Востоку. В них отражались изменения в боевом составе японских вооруженных сил в целом и группировках на театрах военных действий, составе видов и родов войск, изменениях в организационной структуре соединений, тактико-технические характеристики образцов вооружения, военной техники и прочее. Обмен сведениями о Японии между разведывательными органами НКО, НК ВМФ и НКВД осуществлялся редко, поэтому для оперативного обеспечения Главного командования советских войск на Дальнем Востоке разведывательными данными необходимо было создать центральный орган разведки, приближенный к ТВД.

СССР и Япония в годы Великой Отечественной войны в соответствии с советско-японским Пактом о нейтралитете поддерживали в целом мирные отношения. Эти обстоятельства позволили советским разведывательным органам сформировать разветвленную агентурную сеть на территории Маньчжурии и создать с ее помощью широкую базу данных о боевом составе и дислокации войск Квантунской группировки. Такие сведения добывали генералы Н. В. Рощин (настоящая фамилия — Рузанков) и В. И. Чуйков, полковник Ф. А. Феденко, подполковники К. П. Сонин и М. А. Сергеечев, майор М. И. Иванов, капитан А. Ф. Косицын и другие разведчики. В период же непосредственной подготовки к военным действиям против Японии Ставке ВГК и Генеральному штабу необходимо было уточнить основные разведывательные данные и организовать добывание новых сведений о планах японского командования.

Ф. А. Феденко

Учитывая объективные трудности в добывании сведений о Квантунской группировке, Ставка ВГК в 1943–1944 гг. приняла меры, направленные на укрепление органов военной разведки на Дальнем Востоке техническими средствами. В этих целях разведывательные радиодивизионы дальневосточных фронтов были оснащены специальной аппаратурой, испытанной в условиях войны на советско-германском фронте. К июлю 1945 г. Ставке ВГК удалось создать на Дальнем Востоке стройную систему органов радиоразведки, позволявшую держать под контролем обширный регион. Эта система включала: 2-й радиополк особого назначения Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, фронтовые и приданные армиям радиодивизионы, а также органы радиоразведки Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии[88].

Каждая часть радиоразведки имела определенное направление и глубину разведывательной деятельности. В частности, морской радиоотряд флотилии, в состав которого входили приемный центр, оперативное отделение и обслуживающие подразделения, вел разведку Сунгарийской военной флотилии противника, Северо-Маньчжурского речного пароходства, японских погранично-полицейских отрядов в прибрежной полосе рек Амур и Уссури[89]. В целом, силы радиоразведки смогли в первой половине 1945 г. вскрыть состав японской Квантунской группировки вплоть до отдельных полков, батальонов, дивизионов, пограничных гарнизонов, отдельных отрядов и подразделений службы тыла[90].

Создавая органы управления дальневосточной группировкой войск, военно-политическое руководство СССР сформировало центральный орган военной разведки на Дальнем Востоке, роль которого стал играть созданный в июне 1945 г. разведывательный отдел штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Начальником этого отдела был назначен генерал-майор С. М. Чувырин[91]. В целом в результате проведенных мероприятий к началу военных действий в составе трех фронтов имелось 22 разведывательных органа, которые были укомплектованы по штатам военного времени. Разведывательный отдел штаба главнокомандующего координировал действия разведывательных отделов штабов 1-го и 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов, а также разведывательных отделов штабов Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. Все начальники разведотделов имели

опыт разведывательной деятельности на советско-германском фронте[92]. В составе трех дальневосточных фронтов был создан резерв военной агентурной разведки численностью около 1500 человек, основная часть которого состояла из военнослужащих, имевших боевой опыт.

Деятельностью зарубежных резидентур, действовавших в Японии, Китае, Маньчжурии и Северной Корее, руководило Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии. В период подготовки к войне руководство ГРУ провело значительную работу по информационному обеспечению советских войск. Штабы трех фронтов были снабжены подробными разведывательными сводками по Японии, справочниками о японской армии, ее командном составе, тактико-технических характеристиках оружия и военной техники, находившихся на вооружении частей и соединений Квантунской группировки войск[93]. Штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке располагал информацией о том, что в составе Квантунской группировки имелись специальные отряды для ведения войны с применением бактериологического и химического оружия.

В период подготовки и в ходе войны разведывательные отделы фронтов продолжали уточнять состав группировки войск, добывали сведения о противнике, его силах и средствах, рубежах обороны и передвижениях войск на глубину до 250–600 км. С апреля 1945 г. разведотделы штабов Забайкальского и Дальневосточного фронтов провели более 250 спецопераций, в ходе которых в тыл противника были выведены около 600 разведчиков и агентов. Они оснащались агентурными радиостанциями, что позволяло оперативно управлять их действиями[94]. Однако далеко не все разведывательные группы, действовавшие на территории противника, были обеспечены средствами радиосвязи, что ухудшало руководство ими и снижало эффективность их деятельности по добыче и использованию разведданных. В целом в тылу противника действовали около 2500 разведчиков и агентов, среди которых были русские эмигранты, монголы, китайцы, нанайцы и лица других национальностей. Они легко ориентировались на сложной местности, занятой японскими войсками. От характера их разведывательных данных зависели создаваемые плотности построения боевых порядков на участках прорыва, задачи каждой дивизии, цели для нанесения артиллерийских и авиационных ударов.

Проведенные Ставкой ВГК мероприятия по усилению органов военной разведки на театре позволили уточнить расположение в приграничной полосе 17 укрепленных районов противника[95], выявить их особенности, составить или откорректировать карты железных и шоссейных дорог, которые, как правило, были осями операционных направлений предстоящих действий войск. Эти и другие разведывательные сведения представляли большую ценность не только для командующих фронтами, но и для командиров всех степеней, в том числе авиационных частей и соединений, которым предстояло в период наступления наносить бомбовые удары по наиболее важным военным объектам противника, выбрасывать десантные подразделения для захвата его штабов, командных пунктов и узлов связи.

Вспоминая период подготовки к Маньчжурской стратегической наступательной операции Маршал Советского Союза К. А. Мерецков писал: «Силы врага знать нужно. Однако вы никогда не одержите победы, не зная и его слабостей. Мы постарались учесть и последнее. Как установила разведка, между узлами сопротивления, а также между укрепленными районами оставались промежутки, не заполненные фортификационными сооружениями. Таким образом, линия обороны была почти сплошной, но все же не совсем. Мы уцепились за это «почти»[96].

Накануне наступательных действий разведывательным отделам штабов фронтов удалось установить начало скрытного отвода основных японских сил от линии соприкосновения. Это позволило вскрыть замысел главнокомандующего Квантунской группировкой войск генерала О. Ямады, который заблаговременно сосредоточил главные силы в глубине Маньчжурии с тем, чтобы, выведя из-под первого массированного удара советской артиллерии и авиации, сохранить их, пожертвовав частями прикрытия, и тем самым заставить советское командование бить по пустым площадям. Эти сведения были учтены при уточнении плана наступательных действий фронтов.

Ф. И. Шевченко

В ходе наступления агентурные отделы трех фронтов вывели в тыл противника еще около 70 разведывательно-диверсионных групп. Офицеры военной разведки принимали участие в выполнении заданий командования в составе специальных десантных отрядов. Представители разведывательного отдела штаба Забайкальского фронта, например, были в составе группы парламентеров, которую командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский направил 19 августа в Чанчунь, где находилась ставка командования Квантунской группировки[97].

Таким образом, разведывательные органы в целом смогли обеспечить военно-политическое руководство данными для проведения всестороннего анализа обстановки в регионе и принятия решений.

В период подготовки войны с Японией органы военной контрразведки были представлены тремя фронтовыми аппаратами: управлений контрразведки Смерш Забайкальского, Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск. Кроме того, контрразведывательные мероприятия проводили аппараты Смерш Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. Их структура ничем не отличалась от тех органов Смерш, которые ранее действовали на советско-германском фронте. Не претерпели изменения и их задачи.

Еще 16 июня 1945 г. руководитель Главного управления контрразведки Смерш Наркомата обороны В. С. Абакумов доложил в Государственный Комитет Обороны И. В. Сталину и Л. П. Берии, что для руководства аппаратами военной контрразведки на Дальнем Востоке он командировал своего заместителя генерала И. Я. Бабича с группой опытных оперативных работников в составе 30 человек. Кроме того, на должности начальников управлений контрразведки фронтовых объединений были назначены опытные руководители. Отделы военной контрразведки армий, корпусов и дивизий возглавили участники Великой Отечественной войны. Всего на Дальний Восток были откомандированы около 50 человек этой категории руководителей. В начале августа в районы предстоящих операций прибыли еще 100 контрразведчиков, отличившихся в боях.

М. А. Пуркаев

Генерал И. Я. Бабич постоянно находился при штабе главнокомандующего Маршала Советского Союза А. М. Василевского, увязывал мероприятия органов Смерш с тем, что планировало командование[98]. Контрразведчики делали все, от них зависящее, для сохранения в тайне подготовительных мероприятий, вскрывали недостатки, которые могли снизить эффективность предстоявших операций, предпринимали исчерпывающие меры для нейтрализации разведывательно-подрывной деятельности японской разведки и белогвардейских эмигрантских структур.

Военно-политическая и оперативно-стратегическая обстановка в регионе постоянно отслеживалась и анализировалась генералами и офицерами Дальневосточного направления, входящего в Оперативное управление Генерального штаба Красной армии, которое возглавлял опытный оператор генерал Ф. И. Шевченко. В трудные дни лета и осени 1942 г., когда вероятность вступления Японии в войну против СССР оценивалась как наивысшая, была введена должность заместителя начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку. Для аналитической обработки сведений военного, военно-политического и военно-технического характера по обстановке и противнику, поступавших по различным каналам, этого личного состава было вполне достаточно, что позволяло проводить мероприятия по подготовке войск, штабов и ТВД к военным действиям, а также отрабатывать основы коалиционного взаимодействия.

В ходе решающих сражений 1943 г. произошла ротация опытных штабных работников и смена части руководящего состава объединений и соединений. В Оперативное управление Генштаба Красной армии был переведен заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал Н. А. Ломов, прекрасно знавший обстановку и специфику Дальнего Востока, а на его место назначен генерал Ф. И. Шевченко, знавший не только ТВД, но также замыслы и требования Генерального штаба в отношении группировок войск Дальнего Востока. Руководящий состав дальневосточных объединений и соединений пополнялся генералами и офицерами, получившими боевой опыт на советско-германском фронте. Так, команду-

ющим войсками Дальневосточного фронта был назначен М. А. Пуркаев, возглавлявший до этого Калининский фронт, а генерал армии И. Р. Апанасенко отправлен стажироваться на Воронежский фронт[99].

Политическое заявление председателя СНК И. В. Сталина о готовности СССР вступить в войну против Японии после разгрома германской армии, сделанное им в ответ на многочисленные просьбы союзников на Тегеранской конференции в 1943 г. и подтверждаемое на последующих встречах лидеров стран антигитлеровской коалиции, обязывало ГКО, Ставку ВГК и лично Верховного главнокомандующего постоянно задумываться и обращать внимание на решение проблем предстоящей войны, производить оценку не только военно-политической и оперативно-стратегической обстановки, но и состояния и боевых возможностей группировки войск на Дальнем Востоке, проводить мероприятия по ее усилению, подготовке штабов и войск к боевым действиям, созданию системы стратегического руководства войсками на удаленном театре военных действий, подготовке ТВД в военном отношении, то есть осуществлять весь комплекс мероприятий по подготовке страны и вооруженных сил к войне на новом стратегическом направлении. Следует отметить, что весь этот процесс проходил планомерно, целеустремленно и параллельно с ходом ведения военных действий против Германии.

Практически на всех встречах и в беседах главы советского правительства и руководства Наркомата иностранных дел с послами США и Великобритании, личными представителями президента и премьер-министра, руководителями военных и экономических миссий этих стран, проходивших по их просьбам в 1944 г., так или иначе затрагивались вопросы организации взаимодействия, военно-технического сотрудничества и координации усилий в предстоящих военных действиях советских и союзных войск против Японии. А такие встречи проводились регулярно. Так, посол США в СССР А. Гарриман с сотрудниками своего посольства побывал в кремлевском кабинете И. В. Сталина в 1944 г. семь раз — 2 февраля, 3 марта, 10 и 26 июня, 23 сентября, 4 октября и 14 декабря, а посол Великобритании в СССР А. Керр четыре раза — 2 и 28 февраля, 23 сентября и 17 октября[100].

Наибольшее внимание Генерального штаба Красной армии к проблеме будущей войны в тот период было сосредоточено перед прибытием в Москву премьер-министра Великобритании У. Черчилля. По воспоминаниям С. М. Штеменко, в конце сентября 1944 г. Верховный главнокомандующий поручил А. И. Антонову и ему «подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке». В начале октября такие расчеты были сделаны[101]и были использованы И. В. Сталиным в ходе состояшихся 14, 16 и 17 октября 1944 г. переговоров с У. Черчиллем, А. Иденом и послом США. Верховный главнокомандующий, по просьбе У. Черчилля, снова подтвердил обязательства и ориентировочные сроки вступления СССР в войну с Японией — примерно через три месяца после капитуляции Германии. По расчетам Генерального штаба, этого времени должно было хватить для создания двух-трехмесячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств при условии помощи со стороны союзников. Союзники согласились с доводами советской стороны[102]. К этим проблемам И. В. Сталин возвращался и позже.

Перед Ялтинской конференцией Верховный главнокомандующий поручил А. М. Василевскому и А. И. Антонову «подумать над сокращением сроков подготовки военной кампании против Японии». Решение такой задачи потребовало привлечения работников Генштаба Красной армии, занимавшихся анализом обстановки на Дальнем Востоке и хорошо знавших возможности группировки советских войск. А. М. Василевский отмечал: «Обсудив вопрос вместе с начальником тыла Красной армии генералом А. В. Хрулёвым, мы пришли к выводу, что это (сокращение сроков. — *Прим. ред.*) возможно лишь в случае, если на Дальний Восток не будет перебрасываться войсковой транспорт. Частичное решение проблемы было найдено, когда американцы предложили свои услуги по доставке автотранспорта в наши дальневосточные порты»[103]. В этой связи Ставка ВГК дала указание при осуществлении перегруппировки объединений и соединений с Западного театра военных действий на Дальневосточный зна-

чительную часть транспорта оставлять в прежних районах дислокации. Подробные указания о подготовке необходимых видов транспорта к массовым переброскам войск и военной техники от И. В. Сталина получил нарком путей сообщения СССР[104].

Активизация разработки замысла кампании и его планомерная реализация стали осуществляться сразу же после возвращения советской делегации с Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав, на которой были согласованы условия и сроки вступления СССР в войну с Японией.

В связи с этим уместно и важно отметить, что на период отсутствия в Ставке ВГК Верховного главнокомандующего и отъезда в Ялту представительной военной делегации, И. В. Сталин приказал А. М. Василевскому возвратиться к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны. Однако принципиальные вопросы руководства военными действиями, а также крупные перегруппировки в составе 1-го и 2-го Прибалтийских, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, проведенные в первой половине февраля 1945 г., постоянно согласовывались с находившимся в Ялте Верховным главнокомандующим по телефону[105].

С возвращением советской делегации из Крыма вечером 17 февраля 1945 г. в кабинете И. В. Сталина собрались члены ГКО и Ставки ВГК. В 16 часов 30 минут туда прибыли В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. М. Василевский, Н. А. Булганин, А. И. Антонов, С. М. Штеменко. Позже, после отъезда руководителей Генерального штаба Красной армии, в 19 часов 45 минут прибыл А. И. Микоян, а спустя 15 минут — нарком торговли А. В. Любимов и нарком мясной и молочной промышленности П. В. Смирнов[106].

После доклада А. М. Василевского о положении дел в Восточной Пруссии Верховный главнокомандующий порекомендовал ему выехать туда «для помощи войскам и командованию, подчеркнув, что быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы нам за счет войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское, направление и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки их к переброске на Дальний Восток». А. М. Василевский вспоминал: «Он (И. В. Сталин. — *Прим. ред.*) посоветовал мне заранее наметить две-три лучшие армии и предупредил, что через 2–3 месяца после капитуляции Германии я могу быть послан для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке»[107].

В ходе обсуждения А. М. Василевский, узнав о предстоящем направлении на Дальний Восток, попросил освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба, оставив лишь заместителем наркома обороны, мотивируя это тем, что с 1943 г. он большую часть времени находится непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, и высказался за то, чтобы утвердить в этой должности фактически исполнявшего ее А. И. Антонова.. Просьба А. М. Василевского была удовлетворена, и в тот же вечер подписано несколько документов: постановления ГКО «О назначении начальником Генерального штаба КА генерала армии Антонова А. И.»[108] и «Об изменении состава Ставки ВГК»[109], в котором во изменение постановления ГКО от 10 июля 1941 г. Ставка ВГК утверждалась в следующем составе: «Верховный главнокомандующий и народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза И. В. Сталин, заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза А. М. Василевский, заместитель народного комиссара обороны СССР генерал армии Н. А. Булганин, начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии А. И. Антонов, главнокомандующий Военно-морским флотом и народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов»[110]. Оба постановления рассылались по единому списку вплоть до военных советов фронтов, флотов, округов.

А. М. Василевскому было приказано возглавить в качестве представителя Ставки «с 22 февраля с. г. ...руководство боевыми действиями войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов»[111]. Однако эта директива ввиду смерти командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского, последовавшей от тяжелого ранения, была отменена на следующий день. А. М. Василевский был назначен командую-

щим 3-м Белорусским фронтом[112]. Только после успешного проведения Восточно-Прусской операции он был отозван с фронта и, возвратившись в конце апреля 1945 г. в Москву, непосредственно возглавил разработку плана войны с Японией. К этому времени и в Ставке ВГК, и в Генеральном штабе уже вплотную занимались дальневосточными вопросами, в том числе подготовкой плана войны и проведением ряда мероприятий по его осуществлению. Шел поиск вариантов вступления в войну и нанесения таких ударов, которые способствовали бы разрушению в сжатые сроки всей системы военной организации Японии. В поисках наиболее целесообразного из них не исключалась и идея вторжения на территорию метрополии (остров Хоккайдо). Но окончательного решения по этому вопросу принято не было.

Маршал А. М. Василевский уже после войны отметил: «Примерно 26–27 апреля, после завершения Восточно-Прусской операции, И. В. Сталин отозвал меня с 3-го Белорусского фронта в Москву. Я был информирован о том, что мне предстоит в дальнейшем координировать боевые действия дальневосточных фронтов и флота в стратегической операции по разгрому Квантунской армии, и получил указание принять участие в разработке плана войны против Японии, уже осуществлявшейся в Генеральном штабе под руководством А. И. Антонова... С 10 мая и вплоть до отъезда на Дальний Восток я всецело был занят участием в разработке плана войны с Японией. В мае — июне мне с А. И. Антоновым пришлось не раз бывать у Верховного главнокомандующего по вопросам разработки этого плана»[113].

Следует еще раз отметить, что пристальное внимание к планированию кампании стало проявляться со второй половины 1944 г.: проводился анализ военно-политической обстановки в дальневосточном регионе, шел предварительный расчет необходимых сил и средств, активизировалась разведка и прочее. Но, как писал в своих воспоминаниях А. М. Василевский, до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против Японии не производилось[114].

После денонсации 5 апреля 1945 г. советским правительством Пакта о нейтралитете с Японией Верховный главнокомандующий приказал Генеральному штабу «усилить штабы и высший командный состав» фронтовых объединений на Дальнем Востоке, направляя туда генералов и офицеров, имевших опыт военных действий на советско-германском фронте, преимущественно таких, которые там ранее служили. При этом он распорядился «планировать перемещение войск с таким расчетом, чтобы на Дальний Восток в первую очередь следовали армии и соединения, уже воевавшие в условиях, близким к дальневосточным»[115].

Обсуждение дальневосточных проблем на Ялтинской конференции активизировало работу в штабах вооруженных сил всех союзных государств по разработке планов окончательного разгрома Японии совместными усилиями. Причем в высших штабах союзных стран эта работа велась практически параллельно. Так, замысел разгрома Японии, разработанный в марте 1945 г. командованием армии США, подразумевал: «Овладев Окинавой, воспользоваться дополнительными возможностями усилить блокаду и бомбардировки Японии, чтобы создать положение, благоприятное для вторжения на Кюсю с целью дальнейшего ослабления противника путем сковывания и уничтожения его главных сил, а также усиления блокады и воздушных бомбардировок; тем самым будут созданы оперативно-тактические условия для решающего вторжения через Токийскую равнину в индустриальное сердце Японии»[116].

На основе этого замысла Объединенный комитет начальников штабов 29 марта 1945 г. утвердил план десантных операций под кодовым названием «Даунфол», согласно которому высадку американских войск на Японские острова планировалось осуществить в два этапа: на первом — на южной оконечности острова Кюсю (операция «Олимпик» — с 1 ноября 1945 г.) и на втором — вторжение на остров Хонсю (операция «Коронет» — с 1 марта 1946 г.). По расчетам союзников, для вторжения на острова Японской метрополии требовались до 7 млн человек при наличии на то время у них менее 2,5 млн[117]. В результате высадка союзных войск на острова метрополии до капитуляции Японии так и не состоялась. Основная задача по принуждению Японии к капитуляции легла на плечи воинов Вооруженных сил СССР.

И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль в кулуарах Потсдамской конференции

И. В. Сталин, Г. Трумэн, А. А. Громыко, Дж. Бирнс и В. М. Молотов

24 июля 1945 г. в рамках Потсдамской конференции по настоянию американских военных состоялось первое совещание начальников генеральных штабов трех держав по вопросам взаимодействия на завершающем этапе войны против Японии. В ходе совещания начальник Генштаба КА генерал армии А. И. Антонов информировал союзников, что советские войска концентрируются на Дальнем Востоке и, по расчетам на то время, будут готовы начать операции во второй половине августа. Он заявил, что целью СССР в войне является разгром японских войск в Северо-Восточном Китае и выход к Ляодунскому полуострову. Генерал Дж. Маршалл вручил А. И. Антонову список из пяти вопросов, касавшихся координации и сотрудничества союзников при осуществлении военных операций против Японии. Спустя два дня, 26 июля, во время второго совещания советских и американских военных генерал А. И. Антонов представил ответы на поставленные вопросы[118].

В Потсдаме было предусмотрено создание групп связи между советскими и американскими командующими на Дальнем Востоке сразу после начала СССР военных действий против Японии. Советская сторона согласилась удовлетворить просьбу США о создании в Хабаровске и Петропавловске-Камчатском американских радио- и метеостанций, заявила о готовности выделить порты Петропавловск-Камчатский, Николаевский-на-Амуре и Находка, а также несколько аэродромов на Сахалине и Камчатке для того, чтобы американские ВМС и ВВС могли использовать их для ремонта военной техники, получения медицинской помощи и прочего. США выразили готовность пойти на аналогичные действия в отношении советских ВВС[119].

Весьма важным являлось то, что союзникам удалось согласовать разграничительные линии зон операций военно-морских и военно-воздушных сил СССР и США в Японском, Охотском и Беринговом морях, военно-воздушных сил в Корее и Маньчжурии, а также договориться о разграничении зон боевых действий в Корее. Было условлено, что в зависимости от развития обстановки стороны имели право корректировать прохождение разграничительных линий с последующим информированием об этом союзников[120], чем в ходе военных действий воспользовалась советская сторона. Когда, например, встал вопрос о необходимости перенесения боевых действий в Корее для завершения разгрома оказывавших сопротивление войск японской Корейской армии (17-го фронта) южнее согласованной с союзниками в Потсдаме 40-й параллели северной широты, маршал А. М. Василевский своим решением перенес линию разграничения на 38-й градус. Американцы, высадка которых в Южной Корее началась лишь спустя неделю после подписания 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии, вынуждены были признать эту разграничительную линию де-факто[121].

К сожалению, некоторые действия союзников создавали для советских войск и сил флота огромную опасность. Так, при высадке десанта и при дальнейшем использовании корейского порта Расин серьезным препятствием для Тихоокеанского флота являлась минная опасность, приведшая к гибели нескольких кораблей и судов. Всего с 12 июля по 11 августа самолеты 20-го бомбардировочного командования США поставили у портов Расин, Сейсин и Гэндзан (Вонсан) 780 неконтактных мин, «забыв» предупредить об этом советское командование и даже впоследствии не предоставив ему сведений об этих постановках в ходе военных действий[122].

Осознавая, что достижение военно-политических и стратегических целей предстоявшей кампании на Дальнем Востоке немыслимо без твердого, непрерывного, надежного и гибкого управления войсками, ГКО, Ставка ВГК и Политбюро ЦК ВКП(б) особое внимание уделяли подготовке органов военного управления всех уровней, подбору и расстановке командных и штабных кадров, обладающих боевым опытом, профессионально подготовленных и, как правило, знающих друг друга по совместной службе на фронтах Великой Отечественной войны.

Отметим, что даже оперативная группа Генерального штаба, переименованная 2 августа в штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, которую А. М. Василевский иногда называл «штабом войск Дальнего Востока», формировалась в строгой секретности постепенно, при скрупулезном отборе. По указанию А. М. Василевского отбор

кандидатур проводил Генеральный штаб, а окончательное решение принимал Верховный главнокомандующий, которое затем доводилось исполнителю лично начальником Генштаба. Так, во второй половине июня 1945 г. бывшему начальнику штаба 3-го Украинского фронта, преобразованного 15 июня в управление Южной группы войск с местом пребывания в г. Констанце (Румыния), С. П. Иванову позвонил начальник Генштаба А. И. Антонов и сообщил: «Товарищ Сталин утвердил вас начальником штаба нашей группировки на Дальнем Востоке. Когда можете выехать?». Уже на следующий день С. П. Иванов выехал из Констанцы в Москву, а оттуда в Читу[123].

В состав оперативной группы, замыкающейся непосредственно на А. М. Василевского, вошли известные военачальники: главный маршал авиации А. А. Новиков — командующим ВВС, маршал артиллерии М. Н. Чистяков — командующим артиллерией, генерал-полковник войск связи Н. Д. Псурцев — начальником войск связи. Последние двое занимали должности заместителей командующего артиллерией и начальника войск связи Красной армии. Начальником инженерных войск стал генерал-полковник инженерных войск К. С. Назаров, а командующим бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-полковник танковых войск М. Д. Соломатин. Начальником тыла главного командования был назначен генерал-полковник В. И. Виноградов, который с апреля 1945 г. с группой из 52 человек занимался вопросами материально-технического обеспечения будущих операций. На начальника штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-полковника С. П. Иванова непосредственно замыкались начальник оперативного управления генерал-лейтенант М. М. Потапов, а также начальник разведывательного отдела генерал-майор С. М. Чувырин[124]. Подбор руководящих кадров и назначение их в состав будущего главного командования продолжался и в последующем, вплоть до начала и даже в ходе военных действий на Дальнем Востоке. Так, директивой Ставки ВГК от 10 августа 1945 г. заместителем главнокомандующего был назначен генерал армии И. И. Масленников, а членом Военного совета — генерал-лейтенант И. В. Шикин[125].

При разработке плана военной кампании против Японии особое внимание уделялось количественным и качественным характеристикам противостоявшей группировки противника, уровню ее материально-технического обеспечения, инженерного оборудования позиций как на границе, так и в глубине оперативного построения, климато-метеорологическим и физико-географическим условиям в занимаемых ее соединениями районах, организации управления войсками и ряду других показателей. При этом в ходе планирования военных действий Ставка ВГК, Генеральный штаб и командующие войсками фронтов, флотом и флотилией исходили из данных разведки, накопленных в течение длительного времени и уточненных перед началом военных действий. Учитывалась и разведывательная информация, поступавшая от союзников.

По данным всех видов разведки, основу японских вооруженных сил на Дальнем Востоке, то есть на континенте, острове Сахалин и Курильских островах, составляла Квантунская группировка войск (главнокомандующий — четырехзвездный генерал О. Ямада, начальник штаба — генерал-лейтенант Х. Хата, штаб — в Чанчуне) в составе трех фронтов (1-го, 3-го и с 10 августа — 17-го), 4-й отдельной полевой армии, двух воздушных армий (2-й и 5-й) и базирующейся в Харбине Сунгарийской военной флотилии.

1-й фронт (Восточно-Маньчжурский) под командованием генерала С. Киты был развернут вдоль границы с советским Приморьем и включал 5-ю и 3-ю армии (всего 10 пехотных дивизий) и одну пехотную бригаду. Главные силы были сосредоточены на муданьцзянском направлении, выводящем к Харбину и Гирину, штаб находился в Муданьцзяне.

3-й фронт (Западно-Маньчжурский) под командованием генерала Д. Усироку был развернут на монголо-маньчжурском направлении и включал 44-ю и 30-ю армии (всего восемь пехотных дивизий) три пехотные и одну танковую бригады. Главные силы были сосредоточены в глубине Маньчжурии в районе Мукдена (Шэньяна), где размещался и штаб фронта.

17-й фронт (Корейская армия Японии) под командованием генерала Ё. Кодзуки был развернут на Корейском полуострове и включал 34-ю и 58-ю армии. Он являлся резервом

главнокомандующего Квантунской группировкой войск, а с 10 августа был включен в состав этой группировки, штаб находился в Сеуле.

5-й фронт под командованием генерала К. Хигути был развернут на Хоккайдо, Южном Сахалине и Курильских островах со штабом на Хоккайдо, имел три дивизии, бригаду и авиационный полк и был подчинен ставке японского императора.

4-я отдельная армия генерал-лейтенанта М. Уэмуры была развернута на северо-восточных границах Маньчжурии, имела три пехотные дивизии и четыре пехотные бригады.

Внушительную силу представляла Сунгарийская военная флотилия, имевшая в своем составе до 30 боевых речных кораблей, 50 десантных мотоботов, 60 десантных моторных катеров и три полка морской пехоты[126].

С воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я, а Корею — 5-я воздушные армии. По данным разведки, в составе воздушных армий насчитывалось в общей сложности около 1800 самолетов различных типов.

Все объединения и соединения Квантунской группировки были укомплектованы и подготовлены к боевым действиям, опирались на материальные, продовольственные, сырьевые ресурсы и военно-промышленную базу Маньчжурии и Кореи. Общая численность вместе с войсками марионеточных государств Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и провинции Суйюань насчитывала более 1 млн человек. На их вооружении имелось более 6600 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов[127].

За многие годы дислокации в районе боевого применения крупных формирований войск японцы сумели хорошо оборудовать театр военных действий и возвести вдоль границы с СССР мощные инженерные сооружения. На территории, занимаемой войсками Квантунской группировки, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 400 аэродромов, 870 крупных складов. Доставку пополнений и материальных средств из метрополии обеспечивали транспортные суда и хорошо оборудованные порты. На границе с Советским Союзом было создано 17 укрепленных районов, из них восемь — на востоке (в том числе четыре — в Корее) против советского Приморья, три — на забайкальском и шесть на приамурском направлениях. Позиции каждого из них простирались на 50—100 км по фронту и более 40 км в глубину. В составе этих укрепрайонов имелось более 4500 различных долговременных сооружений.

Не в меньшей степени были укреплены и острова, на которых предстояло действовать советским войскам и силам флота. На Южном Сахалине был построен мощный Котонский укрепрайон, а на крупных Курильских островах действовали береговые батареи в железобетонных укрытиях и воинские гарнизоны, обеспеченные хорошо развитыми долговременными сооружениями. Все инженерные фортификационные сооружения были построены с таким расчетом, чтобы не только усиливать оборону, но и создавать условия для сосредоточения и развертывания войск для наступления[128]. Анализ обстановки показывал, что Маньчжурия и Корея представляют собой хорошо подготовленный военный плацдарм.

Против сил советского ВМФ Япония могла использовать значительные силы своего флота, опирающиеся на разветвленную систему военно-морских баз: Катаока — на острове Шумшу; Вакканай, Румоэ, Хакодате — на острове Хоккайдо; Отомари и Маока — на Южном Сахалине; Оминато, Ниигата, Майдзуру, Симоносеки — на острове Хонсю; Сасебо — на острове Кюсю; Юки, Расин, Сейсин — на побережье Северной Кореи.

Советской разведке, как уже отмечалось, удалось вскрыть и японские планы использования сил на континенте. По плану императорской ставки Квантунская группировка должна была последовательно сдерживать наступление противника путем упорного сопротивления в приграничных укрепленных районах, а затем на хребтах Большого и Малого Хингана и не допустить выхода советских войск в центральные районы Маньчжурии, а в дальнейшем, подтянув резервы, перейти в контрнаступление, восстановить положение по государственной границе и перенести военные действия на территорию советского Дальнего Востока. При неблагоприятном исходе оборонительного сражения предусматривался отвод войск на рубеж Тумынь — Чанчунь — Мукден — Цзиньчжоу, где намечалось организовать оборону с целью

воспретить продвижение советских войск в Корею и Юго-Восточную Маньчжурию. В случае невозможности удержать и этот рубеж предполагались дальнейший отвод войск в Корею и организация отпора на рубеже рек Тумыньцзян и Ялуцзян. В приграничной зоне размещалась треть войск японской стратегической группировки, а основные ее силы находились на Центрально-Маньчжурской равнине и в Корее. При планировании оборонительных действий большие надежды возлагались на труднопреодолимую для военной техники пересеченную местность. По мнению японского командования, Квантунская группировка способна была противостоять превосходившим по силе и подготовке советским войскам в течение года[129].

Анализируя обстановку и оценивая состав группировок японских вооруженных сил, в Генеральном штабе пришли к выводу, что решающее поражение, которое заставит Японию капитулировать, должно быть нанесено на континенте, в Маньчжурии и Корее, где сосредотачивалась большая часть ее сухопутных войск и располагались важнейшие военно-экономические базы. С разгромом этой группировки войск в предельно сжатые сроки Япония лишалась возможности дальнейшего ведения войны. Этот вывод и был положен в основу проведения всех практических мероприятий по подготовке к войне. При этом необходимо было в максимально возможной степени использовать элемент внезапности и выработать такой замысел стратегических действий, реализация которого позволила бы разгромить группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее, не допустив их отхода в глубь территории Китая и Южной Кореи, а тем более эвакуации на острова метрополии.

При разработке замысла кампании была использована выгодная для Вооруженных сил СССР конфигурация советско-маньчжурской границы — ее охватывающее в виде огромной дуги положение, чем-то напоминающее линию советско-германского фронта в районе Сталинграда в октябре — ноябре 1942 г., и Белорусского выступа летом 1944 г. Формой использования сил и средств Ставка ВГК утвердила стратегическую наступательную операцию с нанесением трех мощных ударов по японским войскам: двух основных встречных — со стороны Забайкалья (Монгольской Народной Республики) и из советского Приморья, а также ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям с целью быстрого рассечения, изоляции, окружения и разгрома Квантунской группировки войск по частям. В соответствии с планом проведения операции ее продолжительность укладывалась в хронологические рамки второй половины 1945 г. Реализация этого замысла требовала значительного количества сил, особенно подвижных соединений, привлечения технических средств борьбы — артиллерии, авиации, инженерных войск, высокого искусства командного состава, боевого опыта, выучки войск и создания трех оперативно-стратегических группировок — фронтов (по количеству наносимых ударов).

Для детальное планирования кампании необходим был учет не только военно-политических и оперативно-стратегических факторов, но и целого комплекса других, не менее важных, в том числе физико-географических и климатических особенностей театра военных действий, сильных и слабых сторон в оперативном построении и боевых порядках противника. В ходе военных действий советским войскам предстояло преодолеть труднодоступные горно-лесистые и пустынные полосы местности шириной 300–500 км, многоводные реки Аргунь, Амур и Уссури, протекающие вдоль границ СССР и Китая, мощные горные хребты, пересекающие районы боевых действий в различных направлениях. Серьезным препятствием были болота, заболоченные поймы, особенно в восточной и северо-восточной частях Маньчжурии. Эти природные условия театра, естественно, оказывали влияние как на создание группировки войск, так и на характер ведения наступательных действий. Войскам предстояло действовать лишь на отдельных направлениях, в большинстве своем изолированных друг от друга на сотни километров. При этом принималась во внимание чрезвычайно слабая развитость дорожной сети. До 80% дорог во время летних дождей становились непроходимыми. Не менее трудными были физико-географические условия на Южном Сахалине и островах Курильской гряды. Разобщенность континентальной и морской частей театра военных действий учитывались и при выработке замысла кампании, и при планировании наступательных операций фронтов.

Корабли Амурской военной флотилии в районе Малого Хингана

Бойцы части майора Никитина занимают новый рубеж. Дальний Восток

О грандиозности замысла военной кампании и масштабности ее размаха можно судить хотя бы по тому, что территория континентальной части, на которой она проводилась, охватывала 1,5 млн кв. км, то есть равная по площади трех таких государств, как Франция. Сухопутный театр военных действий простирался с севера на юг на 1500 км, а с запада на восток — на 1200 км. Протяженность акватории морского театра, на котором разворачивались военные действия Тихоокеанского флота, составляла в меридиональном направлении около 7,5 тыс. км.

Конкретное руководство подготовкой военной кампании советских войск на Дальнем Востоке, а в дальнейшем и действиями войск, как отмечалось ранее, было поручено Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому и созданной при нем оперативной группе, которую возглавил генерал-полковник С. П. Иванов. В целях соблюдения скрытности во всех оперативных документах она именовалась оперативной группой генерал-полковника Васильева. К разработке планов фронтовых операций привлекались командующие войсками фронтов, разворачиваемых на Дальнем Востоке. Все исходные данные, необходимые для этой работы, готовились в Генеральном штабе под непосредственным контролем Верховного главнокомандующего. Создаваемая как бы промежуточная система оперативно-стратегического руководства на театре военных действий не подменяла и по определению не могла подменить существующую систему стратегического руководства страной и вооруженными силами. Ставка ВГК и Генеральный штаб сохраняли за собой непосредственное управление всеми войсками и силами, сосредоточенными и развернутыми на театре, осуществляли контроль над ходом планирования их применения и подготовки к ведению военных действий.

Основой формируемых войск и сил для военных действий против Японии являлась существовавшая на Дальнем Востоке группировка со сложившейся организационной структурой, которую Советский Союз был вынужден держать в течение всей войны против Германии для отражения возможного нападения Японии. Однако для решения активных наступательных действий в предстоящей кампании этих сил было явно недостаточно. Поэтому в процессе подготовки к войне их предстояло не только усилить, но и подготовить, создать новую эффективную систему оперативно-стратегического руководства и связи на театре.

Стратегическое руководство вообще, а тем более стратегическое руководство вооруженными силами и их группировками на театрах военных действий немыслимо без технических средств связи как основы управления войсками. Несомненно, необходимость обсуждения проблем вступления СССР в войну против Японии с руководителями союзных держав и поддержание боеготовности группировки советских войск на Дальнем Востоке настоятельно требовали от Ставки ВГК и Генерального штаба поддерживать на необходимом уровне все силы и средства связи на ТВД.

По указанию Ставки ВГК, Генерального штаба и под непосредственным руководством начальника Главного управления связи Красной армии И. Т. Пересыпкина в целях организации и обеспечения связи был проведен ряд мероприятий по изучению ТВД, развитию связи, сосредоточению необходимого количества материальных средств и частей связи, улучшению эксплуатационно-технического обслуживания всех узлов, линий и радиостанций общегосударственной связи на ТВД. К этой большой работе были привлечены военно-восстановительные батальоны, строительно-монтажные организации, эксплуатационно-технический персонал местных предприятий Наркомата связи.

Только в течение 1943–1945 гг. было подвешено 20 тыс. км проводов, оборудовано 37 узлов связи, пять радиоузлов. В Чите, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Ворошилове, Князе-Волконском и между другими крупными центрами Дальнего Востока были построены обходные направления проводной связи. Каждый штаб фронта, армии и укрепрайона на командном и запасном пунктах управления имел оборудованные узлы связи[130]. Проводная связь между Москвой и Хабаровском, осуществляемая по единственной телеграфно-телефонной магистрали, проходила вдоль железной дороги протяженностью 8300 км. Однако рассчитывать на то, что она не подвергнется воздействию противника и сможет работать без перебоев, не приходилось. Поэтому в ходе подготовки к военным действиям на Дальнем

Востоке была частично построена, частично реконструирована и спрямлена обходная линия связи севернее основной, протяженностью более 11 тыс. км.

Органом, объединившим усилия различных наркоматов (НКО, НК ВМФ, НКВД, НКС) и ведомств для организации связи на новом ТВД, стал Государственный Комитет Обороны. В 1945 г. эта работа проводилась в соответствии с постановлениями ГКО: от 29 марта «Об усилении правительственной ВЧ-связи НКВД СССР с Дальним Востоком», от 2 июля «О неотложных мерах по развитию средств проводной связи в Приморском крае Дальнего Востока», от 5 июля «О мерах по улучшению радио, телеграфно-телефонной связи Москвы с Дальним Востоком и Забайкальем»[131].

С западного направления были передислоцированы три отдельные бригады, четыре отдельных ремонтно-восстановительных батальона, отдельный полк, спецпоезд и отдельный авиационный полк связи, а одна отдельная бригада связи была сформирована на месте[132]. Все части связи, сосредоточенные на театре (четыре отдельные бригады, 21 линейный батальон, более 60 отдельных рот различного назначения, отдельный дивизион, поезд, четыре отдельных авиационных полка) были обеспечены положенными средствами связи, полностью укомплектованы офицерским составом и специалистами, многие из которых являлись фронтовиками[133]. Кроме того, начальники войск связи фронтов и армий имели в своем распоряжении необходимые резервы телеграфно-телефонной аппаратуры, радиостанций, различных линейных материалов и полевого кабеля.

Для обеспечения связи Генштаба с главным командованием и фронтами советских войск на Дальнем Востоке до начала военных действий были организованы узлы связи особого назначения (УСОНы): в Чите — УСОН-34, обеспечивавший связь с Забайкальским фронтом, в Сковородино — УСОН-70 для связи с дальневосточными фронтами и мощный узел в Хабаровске для главкомата советских войск на Дальнем Востоке. На все важные узлы связи и радиостанции Наркомата связи были назначены коменданты. Перед началом военных действий УСОН-70 был перемещен из Сковородино в г. Ворошилов.

Для руководства войсками связи на театре И. Т. Пересыпкин командировал группу генералов и офицеров Главного управления связи Красной армии во главе со своим первым заместителем генералом Н. Д. Псурцевым, который, как уже отмечалось, был назначен начальником войск связи главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Его заместителями стали генералы-фронтовики П. Д. Мирошников, П. М. Курочкин, Н. Л. Гурьянов и И. Т. Кириченко. Войска связи фронтов также возглавили генералы, имеющие боевой опыт: Забайкальского — бывший начальник связи 2-го Украинского фронта А. И. Леонов; 1-го Дальневосточного — бывший начальник связи Карельского фронта Д. М. Добыкин; 2-го Дальневосточного — бывший начальник связи Воронежского, а затем Дальневосточного фронта А. Ф. Новиницкий.

Директивой начальника Главного управления связи Красной армии от 13 июня 1945 г. был определен порядок обеспечения радиосвязи Генштаба со штабами фронтов через ретрансляционные пункты радиоцентров НКС в Алма-Ате, Ташкенте, Иркутске, Чите, Ворошилове и Комсомольске-на-Амуре[134]. В период подготовки к вступлению в войну управление фронтами осуществлялось как непосредственно из Ставки ВГК в Москве, так и из главкомата советских войск на Дальнем Востоке в Чите. Связь Тихоокеанского флота с Главным морским штабом и главкоматом осуществлялась по постоянно действующей связи флота. Связь взаимодействия Амурской военной флотилии была организована из района села Ленинского, где создана маневренная группа флотилии и оборудован береговой флагманский командный пункт. От него обеспечивалась связь с Главным морским штабом, штабом 2-го Дальневосточного фронта, бригадами и отрядами флотилии[135].

Ввиду того что система связи Генерального штаба с 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами как в ходе подготовки, так и при ведении военных действий особых изменений не претерпевала, главное внимание уделялось организации связи по линии Генеральный штаб — Забайкальский фронт, которому предстояло решать первостепенную задачу в операции.

Вперед по бездорожью! Наступление советских войск в Маньчжурии

Мотоциклетное подразделение Красной армии у берегов Тихого океана

Проводная связь Генерального штаба с фронтами и его оперативной группой, преобразованной в штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке осуществлялась непосредственно из Москвы. При этом штаб главкома с 27 июля по 7 августа находился в Хабаровске, с 8 по 19 августа — в Чите, а затем с 20 августа до конца кампании — снова в Хабаровске.

Ставка ВГК и Генеральный штаб со штабом Забайкальского фронта имели проводную телеграфную аппаратами Бодо и телефонную ВЧ-связь по трассе Москва — Новосибирск — Улан-Удэ — Улан-Батор — Ундурхан — Чойбалсан — Матат-Сомон. Оперативная группа Генштаба Красной армии (будущий штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке) имела связь со штабом Забайкальского фронта: телеграфную — аппаратами Бодо, телефонную — ВЧ и НЧ по двум направлениям: одно — через Кыру, Чойбалсан, другое — через Дарасун, Соловьёвск, Чойбалсан.

Связь Генерального штаба со штабами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов осуществлялась: телеграфная аппаратами Бодо и телефонная ВЧ по трассе Москва — Иркутск — Улан-Удэ — Чита — Сковородино — Биробиджан — Хабаровск. Телеграфная связь оперативной группы Генерального штаба (главкомата) со штабами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов осуществлялась аппаратами Бодо через узел связи в Хабаровске.

С началом военных действий проводная связь со штабом Забайкальского фронта, находившимся в Матат-Сомоне, осуществлялась аппаратами Бодо: от Генерального штаба — через Читу; от штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке — с узла связи в Чите; со штабами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, находившимися соответственно в Ворошилове и Лазареве, — как и ранее, через узел связи в Хабаровске. 12 августа в связи с перемещением штаба Забайкальского фронта в Тамцаг-Булак узел связи в Матат-Сомоне был закрыт и все связи переданы на узел Тамцаг-Булак. Тогда же была установлена телеграфная связь между штабом главнокомандующего советским войсками на Дальнем Востоке и штабом Забайкальского фронта в Тамцаг-Булаке по второму каналу, а 13 августа закрыта проводная связь с Читой. Таким образом, с этого времени штаб главнокомандующего с Забайкальским фронтом имел телеграфную связь по соловьёвскому и ульдзинскому направлениям. Трасса первого направления проходила через Улан-Цирик, Чойбалсан, Мангут, Матат-Сомон, Тамцаг-Булак, а трасса второго направления — через Борзю, Чойбалсан, Тамцаг-Булак. Проводная телеграфная связь Забайкальского фронта со Ставкой ВГК и Генштабом и штабом главнокомандующего с 16 по 23 августа осуществлялась от узла связи в Тамцаг-Булаке, а с 23 по 31 августа — от узлов связи в Тамцаг-Булаке и Ванемяо. 28 августа штаб Забайкальского фронта развернул узел связи, переброшенный самолетами «Дуглас», в г. Чанчунь, в бывшем помещении штаба Квантунской группировки, с 29 августа связь со Ставкой ВГК и Генштабом и штабом главнокомандующего была переведена на этот узел.

В ходе военных действий была организована следующая система радиосвязи Ставки ВГК и Генштаба с фронтами на Дальнем Востоке:

— радиосвязь со штабом Забайкальского фронта осуществлялась через ретрансляционный пункт в Чите по трем каналам: 1-й канал — Москва — Чита — штаб фронта; 2-й канал — Москва — Чита — штаб фронта; 3-й канал — Москва — Чита — штаб ВВС Забайкальского фронта;

— радиосвязь со штабом 2-го Дальневосточного фронта предусматривалась через хабаровский ретрансляционный пункт по трем каналам: 1-й канал — Москва — Хабаровск — штаб фронта; 2-й канал — Москва — Хабаровск — штаб ВВС фронта; 3-й канал — Москва — Ташкент — Хабаровск — штаб фронта. По 1-му и 2-му каналам работа осуществлялась в часы прохождения прямой связи Москва — Хабаровск — штаб фронта, а по 3-му каналу радиосвязь должна была поддерживаться круглосуточно через ретрансляцию в Ташкенте;

— радиосвязь со штабом 1-го Дальневосточного фронта намечалась по одному каналу через ретрансляционный пункт в Ворошилове и по двум каналам через ретрансляционный пункт в Комсомольске-на-Амуре. Эти каналы проходили по трассам: 1-й канал — Москва —

Ворошилов — штаб фронта; 2-й канал — Москва — Комсомольск-на-Амуре — штаб фронта; 3-й канал — Москва — Комсомольск-на-Амуре — штаб ВВС фронта.

С началом боевых действий были открыты для работы все виды радиосвязи. В период с 15 августа до 1 сентября канал ретрансляции через Читу на Москву от штаба Забайкальского фронта открывался только при крайней необходимости. Вся нагрузка для Генштаба передавалась через радиоузел штаба главнокомандующего в Хабаровске. Обеспечение радиосвязи родов войск (ПВО и авиации) осуществлялось распоряжением их начальников, которым были выделены частоты и позывные.

Радиосвязь взаимодействия Амурской военной флотилии со штабами 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота осуществлялась с узла связи флагманского командного пункта Кукелево (штабной корабль «Амур») на основании документов, разработанных узлом связи фронта, и проходила по ранее выделенным каналам[136].

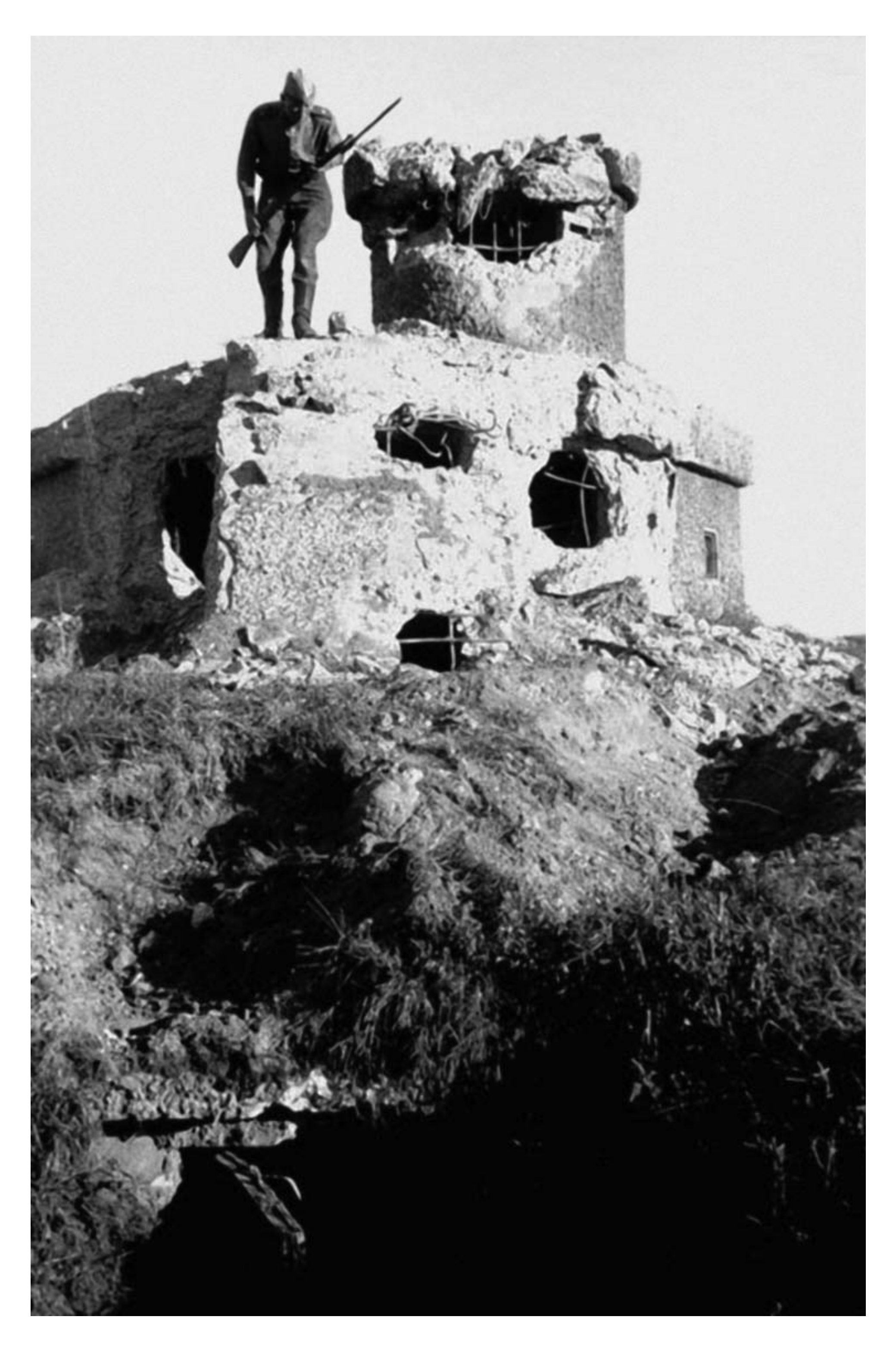
Связь Тихоокеанского флота с Главным морским штабом и штабом главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке во время Сейсинской десантной операции осуществлялась с помощью аппаратов Бодо по проводным каналам связи и в радионаправлениях: со штабами 1-го Дальневосточного фронта и 25-й армии — по телеграфным и телефонным каналам; по радиосетям командующего и штаба фронта, а по отдельному радионаправлению — с представителями штаба флота при оперативной группе 25-й армии[137].

Организация связи сил Северной Тихоокеанской флотилии во время Южно-Сахалинской наступательной операции была следующей: штаб флотилии имел связь с Главным морским штабом, штабами Тихоокеанского флота и 2-го Дальневосточного фронта — в радионаправлениях и по телеграфным каналам проводной связи[138].

Во время Курильской десантной операции связь осуществлялась с флагманского командного пункта командира сил высадки (сторожевой корабль «Киров») с командным пунктом командующего силами в операции — в радионаправлении на коротких волнах; с Петропавловской военно-морской базой — по радиосети надводных кораблей базы и через нее — со штабом флота[139].

Обмен корреспонденцией между Ставкой ВГК, Генеральным штабом, главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке и фронтами осуществлялся также с помощью подвижных средств связи. *С* этой целью самолетами Главного управления связи Красной армии через промежуточный обменный пункт Генштаба, находившийся первоначально в Чите, а затем в Хабаровске, производился обмен корреспонденцией со штабами фронтов и со штабом главнокомандующего. Были организованы также обменные пункты фронтов: Забайкальского — в Чойбалсане, Рудовке, Тамцаг-Булаке, Ванемяо, Чанчуне; 2-го Дальневосточного фронта — в Биробиджане, Хабаровске; 1-го Дальневосточного — в Ворошилове. От штабов фронтов на их обменные пункты корреспонденция доставлялась на автомашинах и поездами, а от последних на промежуточный обменный пункт Генштаба и в штаб главкома — самолетами связи. В целях обеспечения связи самолетами со штабами фронтов штабу главкома был выделен 252-й авиационный полк связи. Подвижные средства связи не только дополняли связь, организованную другими способами, но зачастую являлись важнейшими, с помощью которых обеспечивалось руководство и управление войсками в ходе операции.

Таким образом, в соответствии с военно-политическими целями и стратегическими задачами группировки советских войск и сил флота, создаваемой на Дальневосточном театре, и утвержденной системой управления ими, ГКО, Ставкой ВГК и Генеральным штабом была создана система связи, включавшая стационарные и подвижные элементы: стационарные узлы и линии связи вооруженных сил, государственную сеть связи, а также полевые и подвижные средства связи. Эта система отвечала основным требованиям — постоянной боевой готовности, устойчивости, высокой мобильности и достаточной пропускной способности, скрытности и безопасности.

Разрушенный дот Хайларского укрепрайона японской армии

Разведчики отряда под командованием Героя Советского Союза капитана С. М.Кузнецова у поверженных японских знамен

С конца февраля 1945 г. по решению НКО в составе Дальневосточного фронта началось формирование новых стрелковых соединений. Директива начальника Генерального штаба Красной армии от 27 февраля 1945 г. требовала от командующего войсками фронта к 30 марта сформировать две стрелковые дивизии (345-я и 396-я) численностью 9531 человек каждая. В директиве указывались: номера штатов, части и подразделения, выделяемые на комплектование, способы доукомплектования и районы дислокации новых соединений[140]. Практически одновременно начался вывод отдельных частей и соединений из состава действующих на западе фронтов в резерв Ставки ВГК. Так, 2-й Прибалтийский фронт обязывался до 15 марта отправить 10-ю гвардейскую минометную бригаду М-31 «со всем наличием людей, вооружения, транспорта и имущества, ничего не изымая перед отправкой, и обеспечить: горючим — 1 заправка, продовольствием — на 15 суток» по железной дороге в резерв Ставки, в Москву[141].

Важным решением Ставки ВГК по оптимизации боевого состава группировок войск на театре военных действий стало создание нового самостоятельного оперативно-стратегического объединения, сначала непосредственно подчиненного Ставке ВГК — Приморской группы войск, которая в целях удобства управления выделялась из состава Дальневосточного фронта[142]. Согласно директиве Ставки ВГК от 19 марта 1945 г. в состав группы включались три общевойсковые (1-я Краснознаменная, 25-я и 35-я), 9-я воздушная армии и мощные средства усиления, выделенные из состава Дальневосточного фронта[143].

В боевой состав средств усиления включались: 10-й механизированный корпус (11 отдельных танковых бригад), отдельный танковый полк, три дивизиона бронепоездов, 10 гау-

Японские орудия крупного калибра, захваченные советскими войсками

Советские бойцы осматривают трофейную технику после разоружения одной из японских частей

Солдаты японской армии сдаются в плен

бичных артполков, 14 пушечных артполков, 10 истребительных противотанковых артполков, 10 минометных полков, гвардейский минометный полк и отдельный артдивизион. Группа имела сильные зенитные (три зенитных бронепоезда, три отдельных зенитных артполка и десять отдельных зенитных дивизионов) и инженерные средства (инженерно-саперная, мотоинженерная и мотопонтонная бригады, отдельный инженерный батальон, два парка инженерных машин, гидротехническая рота, отдельная рота водоснабжения и отдельный отряд глубокого бурения). Направляемые Дальневосточному фронту 19 самоходных артдивизионов СУ-76 также передавались в состав Приморской группы войск — по одному в каждую стрелковую дивизию.

Перечисленные армии, соединения и части включались в состав Приморской группы войск со всеми армейскими тыловыми частями и учреждениями, наличными запасами боеприпасов, горючего, продовольствия и фуража. Директива устанавливала разграничительную линию между Дальневосточным фронтом и Приморской группой войск и возлагала ответственность за обеспечение стыка между объединениями на командующего группой войск.

В целях обеспечения скрытности проводимых организационных мероприятий Ставка приказывала: «Переписку и переговоры по вопросам выделения Приморской группы войск с главными управлениями НКО не вести. По всем возникающим вопросам обращаться только через начальника Генерального штаба КА»[144]. Организационные мероприятия по созданию нового фактически фронтового объединения должны были завершиться к 20 апреля 1945 г. Командующим Приморской группой войск назначался Маршал Советского Союза К. А. Мерецков (генерал Максимов), членом Военного совета — генерал-полковник Т. Ф. Штыков (генерал Шорин), начальником штаба — генерал-лейтенант А. Н. Крутиков (генерал Киселёв)[145].

В предвидении проведения наступательных операций большого пространственного размаха одновременно с организационными мероприятиями начали интенсивно проводиться мероприятия материально-технического порядка по наращиванию ударной мощи группировки войск на театре. Учитывая важную роль бронетанковых и механизированных войск в предстоявших боевых действиях, Ставка ВГК приняла решение незамедлительно приступить к обновлению материальной части танковых соединений, на вооружении которых находились, как правило, лишь устаревшие образцы танков типа Т-26 и БТ. Решение этой задачи началось в соответствии с приказами НКО от 19 марта 1945 г., в которых указывалось в каждой танковой бригаде Дальневосточного фронта и в каждой танковой дивизии Забайкальского фронта перевооружить первые танковые батальоны и первые танковые полки танками Т-34. Танки старых марок, оставшиеся от перевооружения, надлежало иметь в резерве командиров танковых дивизий и бригад. Для перевооружения танковых частей в распоряжение командующего войсками Дальневосточного фронта отправлялось 436 танков Т-34 с экипажами, а Забайкальского — 234. При этом для двенадцати танковых бригад Приморской группы войск направлялось 264 танка с 1 по 30 апреля, а для остальных восьми танковых бригад — 172 танка с 15 по 30 апреля. Отправку танков для Забайкальского фронта предписывалось произвести в период с 1 по 31 мая 1945 г.[146]

Предстоящие наступательные действия Приморской группы войск против сильнейшей группировки противника, занимавшей мощные приграничные укрепления и подготовленные долговременные рубежи обороны по рекам Мулинхэ и Муданьцзян, требовали заблаговременного создания сильной группировки артиллерии. Приказ НКО от 27 марта 1945 г. «О реорганизации артиллерии резерва главного командования Приморской группы войск» как раз и предусматривал усиление ее огневой мощи. В соответствии с приказом командующий Приморской группой войск должен был сформировать: семь корпусных артиллерийских бригад, каждая в составе двух полков (один — 20 122-мм и 107-мм пушек и один — 20 152-мм и 122-мм гаубиц, численностью 1513 человек каждый); три армейские пушечные артиллерийские бригады, каждая в составе трех дивизионов (один — 12 122-мм пушек и два — 24 152-мм пушки-гаубицы, численностью 1390 человек); четыре отдельные пушечные артиллерийские бригады РГК, каждая в составе трех дивизионов (один — 12 122-мм пушек или 152-мм пушек-гаубиц и два — 24 152-мм пушки-гаубицы, численностью 1068 человек); три отдельные

истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, каждая в составе трех полков (72 76-мм пушки ЗИС-3, численностью 1493 человека); две отдельные гаубичные артиллерийские бригады большой мощности, каждая в составе четырех дивизионов (24 203-мм гаубицы, численностью 1306 человек); отдельную тяжелую гаубичную артиллерийскую бригаду в составе четырех дивизионов (32 152-мм гаубицы, численностью 1327 человек); отдельную гаубичную артиллерийскую бригаду в составе трех артполков (84 122-мм гаубицы, численностью 2189 человек); четыре отдельные минометные бригады, каждая в составе трех минометных полков (108 120-мм минометов, численностью 1886 человек); две отдельные тяжелые минометные бригады, каждая в составе четырех дивизионов (32 160-мм миномета, численностью 1143 человека).

В общей сложности было сформировано 18 артиллерийских, три истребительно-противотанковых и шесть минометных бригад. На их формирование обращались артиллерийские и минометные полки, а также отдельные артиллерийские дивизионы группы войск. Кроме того, начальнику Главного артиллерийского управления Красной армии было приказано в апреле — мае направить в распоряжение командующего Приморской группой войск: 16 122-мм гаубиц, 60 122-мм пушек, 40 152-мм и 12 203-мм гаубиц, 72 120-мм и 64 160-мм миномета. Начальник тыла Красной армии должен был выделить 2200 автомашин из числа поставляемых по импорту на Дальний Восток, а начальник Главупраформа Красной армии — 9500 человек рядового и сержантского состава артиллеристов[147].

С началом усиления группировок советских войск на Дальнем Востоке был решен вопрос об улучшении питания их личного состава. Постановлением ГКО от 18 марта 1945 г. Народному комиссариату обороны разрешалось «войска Дальневосточного и Забайкальского фронтов с 1 апреля 1945 г. перевести на довольствие по норме № 2» согласно приказу НКО от 22 сентября 1941 г.[148], что позволяло увеличить нормы суточного довольствия всех категорий личного состава сухопутных войск. Следует отметить, что перевод личного состава Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии на довольствие по норме № 2 был произведен постановлением ГКО от 20 апреля 1945 г.[149]

Предстоящая перегруппировка значительных масс войск по единственной железнодорожной магистрали, проходящей в непосредственной близости от противника, требовала решения проблемы ее авиационного прикрытия. Огромное влияние авиации на ход и исход боев, сражений и операций был уже общеизвестен. Для оперативного решения этого вопроса с учетом его общегосударственной значимости решение было принято ГКО.

Во исполнение постановления ГКО от 14 марта 1945 г. «Об усилении противовоздушной обороны Дальнего Востока и Забайкалья»[150] на базе существовавших Дальневосточной и Забайкальской зон ПВО Генеральный штаб Красной армии своими директивами от 21 марта 1945 г. создал три отдельные армии ПВО — Приморскую, Приамурскую и Забайкальскую со штабами в Ворошилове, Хабаровске и Чите соответственно[151].

В состав Приморской армии ПВО включались: корпус ПВО, две зенитные артдивизии ПВО и одна истребительная авиадивизия ПВО; в апреле — мае в ее состав направлялись части и соединения — от отдельных батарей СОН до артбригад. Всего: 296 85-мм орудий, 144 орудия малой зенитной артиллерии (МЗА), 109 зенитных пулеметов, 138 прожекторов, 13 отдельных батарей СОН, 12 бронепоездов ПВО.

Приамурская армия ПВО включала: два корпуса ПВО и две зенитные артдивизии ПВО; в апреле — мае в ее состав направлялись различные части и соединения. Всего: 260 85-мм орудий, 268 орудий МЗА, 116 зенитных пулеметов, 91 прожектор, 16 отдельных батарей СОН и восемь бронепоездов ПВО.

Забайкальская армия ПВО включала: три дивизии ПВО и одну истребительная авиадивизия ПВО; в апреле — мае ей направлялись отдельные части различного предназначения. Всего: 198 85-мм орудий, 146 орудий МЗА, 208 зенитных пулеметов, 76 прожекторов, 11 батарей СОН и 10 бронепоездов ПВО.

Директивами определялся состав армий и направляемые им в апреле — мае дополнительные средства ПВО, устанавливались границы и подчиненность: Приморской — коман-

дующему Приморской группой войск; Приамурской — командующему Дальневосточным фронтом; Забайкальской — Военному совету Забайкальского фронта; в специальном отношении — командующему артиллерией Красной армии[152].

Формирование управлений армий и дивизий ПВО предписывалось «произвести в апреле по особой директиве Генштаба КА. Управления корпусов будут выделены распоряжением Центра». 4 апреля 1945 г. командующие войсками фронтов получили директивы Генерального штаба о переформировании управлений зон ПВО в управления армий ПВО, а управления бригадных районов ПВО — в управления дивизий ПВО. В директивах указывались штатные расписания, их численность и конкретные формируемые части и соединения с обязательным восстановлением их до полной штатной численности и укомплектованием высшим и старшим офицерским составом[153]. Организация перевозки частей ПВО и контроль над продвижением эшелонов возлагались на начальника ЦУП ВОСО Красной армии, а организация встречи, разгрузка и размещение прибывающих частей — на командующего войсками Дальневосточного фронта.

Все сформированные объединения и направляемые в их состав средства ПВО должны были использоваться «для прикрытия железных дорог и важнейших объектов Дальнего Востока и Забайкалья». Силы и средства Забайкальской армии ПВО развертывались для прикрытия участков железных дорог: Улан-Удэ — Чита — Ксеньевская — Карымская — Борзя — Чойбалсан; Приамурская армия прикрывала объекты Приамурской железной дороги от Ксеньевской до Хабаровска и Дальневосточной железной дороги от Хабаровска до Губерово, а частью сил осуществляла противовоздушную оборону Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре и ряда объектов на Северном Сахалине. Основные силы Приморской армии ПВО обеспечивали прикрытие участка дороги Губерово — Ворошилов[154]. Командирами соединений в созданных армиях ПВО назначались офицеры и генералы, имевшие боевой опыт Великой Отечественной войны.

Заняв районы боевого предназначения, объединения, соединения и части приступили к активной боевой подготовке. В десятых числах июля командующие армиями ПВО доложили в Главный штаб ПВО о готовности объединений к ведению боевых действий. Одновременно командующий артиллерией Красной армии Н. Н. Воронов после доклада в ГКО о выполнении постановления приказал с 16 июля 1945 г. привести все соединения в состояние повышенной боевой готовности[155].

Не остались без внимания и вопросы усиления воздушной мощи в регионе, значимость которой подтверждал Опыт Великой Отечественной войны. К решению этой проблемы привлекались все структуры стратегического руководства. Прежде всего заблаговременно началось доукомплектование и перевооружение воздушных армий на Дальнем Востоке. 29 марта 1945 г. начальник Генштаба Красной армии по указанию Верховного главнокомандующего потребовал от командующих фронтами и ВВС Красной армии перевести штурмовые и истребительные авиационные полки 9, 10 и 12-й воздушных армий, дислоцированных на Дальнем Востоке и в Забайкалье, на штаты сорокасамолетного, а бомбардировочные — тридцатидвухсамолетного состава. Управления воздушных армий с частями обеспечения, управления авиационных дивизий, районов авиационного базирования, батальоны аэродромного обслуживания переводились на штаты, существовавшие в действующей армии. Намеченные организационные мероприятия планировалось завершить к 30 июня 1945 г.[156]

В период активного проведения мероприятий по усилению группировок войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье, особенно до окончания военных действий против Германии, советское военно-политическое руководство не исключало вероятности нападения японских войск. Дабы исключить последствия такого развития событий, 26 марта 1945 г. командующие Приморской группой войск и войсками Дальневосточного фронта получили четкие указания о порядке действий в случае нападения Японии. Войскам Приморской группы во взаимодействии с Тихоокеанским флотом, а войскам Дальневосточного фронта во взаимодействии с Северной Тихоокеанской и Амурской военными флотилиями предписывалось «не допустить

вторжения противника на территорию Советского Союза, высадки и закрепления его на побережье» (в районе ответственности фронтовых объединений) и «обеспечить сосредоточение новых сил» в Приморье и на Дальнем Востоке[157].

Особое внимание обоих командующих обращалось «на обеспечение бесперебойной работы железных дорог на территории фронта». Тихоокеанский флот (без Северной Тихоокеанской военной флотилии), Иманский и Ханкайский отряды бронекатеров Амурской флотилии подчинялись в оперативном отношении командующему войсками Приморской группы. Северная Тихоокеанская военной флотилия, Краснознаменная Амурская военная флотилия (без Иманского и Ханкайского отрядов бронекатеров), части береговой обороны Тихоокеанского флота в границах фронта передавались в оперативное подчинение командующему войсками Дальневосточного фронта.

Командующему Приморской группой войск поручалось разработать подробный план обороны группы войск и Тихоокеанского флота, план операции по овладению районом Хутоу, Мишань в «целях обеспечения нормальной работы железной дороги Хабаровск — Владивосток» и план взаимодействия войск и сил флота по обороне побережья Японского моря в границах группы.

Командующий войсками Дальневосточного фронта должен был уточнить уже разработанный план обороны войск фронта, Северной Тихоокеанской и Амурской военных флотилий, план операции по овладению районом Фугдин, Баоцин (в целях обеспечения нормальной работы все той же железной дороги) и план взаимодействия войск фронта и сил флота по обороне побережья в границах фронта.

К разработке планов в полном объеме допускались командующие войсками фронтов и группой войск, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов штабов фронта, группы войск, флота (флотилии). Начальники родов войск и служб допускались к разработке только специальных разделов плана без ознакомления с общими задачами фронтовых объединений. Разработанные и уточненные планы предписано было представить в Генеральный штаб с нарочными не позже 15 мая 1945 г.[158]

Практически одновременно начался процесс усиления сухопутной группировки войск на Дальнем Востоке новыми объединениями и соединениями. 18 апреля в ходе завершающихся операций на советско-германском фронте по указанию Верховного главнокомандующего директивами Генштаба Красной армии две общевойсковые армии — 5-я и 39-я, а также 1-й танковый корпус были выведены из боевого состава 3-го Белорусского фронта в резерв Ставки ВГК для дальнейшей переброски в состав Приморской группы войск (1-го Дальневосточного) и Забайкальского фронтов соответственно[159]. Этот выбор не был случайным. 5-я и 39-я армии, их личный и командный состав обладали реальным практическим опытом прорыва оборонительных полос, подобным японским укрепленным районам на границах Маньчжурии. Впоследствии именно этими качествами определялись их место и задачи в оперативном построении фронтов. В частности, 5-я армия, действуя на направлении главного удара 1-го Дальневосточного фронта, предназначалась для прорыва укрепленных районов на муданьцзянском направлении, а 39-й армии в составе Забайкальского фронта предстоял прорыв Халун-Аршанского укрепленного района и овладение частью сил совместно с 36-й армией Хайларским укрепленным районом[160].

Спустя два дня, 20 апреля, «резервное фронтовое управление с частями усиления, тыловыми частями и учреждениями» (управление бывшего Карельского фронта) получило директиву Генштаба Красной армии об отправке по железной дороге из района Ярославля в новый район дислокации (Дальний Восток, Приморская группа войск)[161].

Для перевозки каждой армии в составе трех стрелковых корпусов (девяти стрелковых дивизий) со всеми армейскими частями усиления и тылами предоставлялось 110 эшелонов с назначением пунктов погрузки в районе Кёнигсберг, Инстербург, Тильзит. Соединения и части отправлялись в полном составе со всем наличием людей, вооружения, боеприпасов, транспорта и имущества. За счет ресурсов фронта количество лошадей в каждой стрелковой дивизии доводилось до 1 тыс., автомашин и тягачей — до 163. В каждом эшелоне по числу

людей, лошадей и транспортных средств создавался запас продовольствия и зернофуража — на 30 суток, горючего — две заправки.

Предусматривался и особый порядок в пути следования по железной дороге: запрещалось «всему личному составу сообщать кому бы то ни было, откуда следует воинская часть и ее наименование», а также вести переписку до особого распоряжения. В первых эшелонах должна была следовать оперативная группа со средствами связи с задачей организации выгрузки и размещения соединений и частей армии в новых районах дислокации. Управления стрелковых корпусов грузились в их головные эшелоны[162]. Для перевозки личного состава, вооружения, имущества и 200 автомашин 1-го танкового корпуса предоставлялось 15 эшелонов. Танки, самоходные орудия и остальной транспорт оставлялись во фронте[163].

Сроки отправки, порядок и даты прибытия, номера эшелонов определялись специальными директивами Генштаба. К примеру, командующим Приморской группой войск в 23 часа 3 мая 1945 г. была получена директива о направлении в его распоряжение по железной дороге 5-й армии с перечислением соединений ее состава (корпусов и дивизий), номеров эшелонов (с 7001 по 7110) и дат прибытия в г. Ворошилов (с 19 мая по 2 июня). Доукомплектование дивизий личным составом (до 7000 человек), вооружением и всеми видами имущества возлагалось на командующего группой войск, для чего в его распоряжение в период с 8 мая по 5 июня направлялись 22 эшелона (№ 8501–8522) с маршевым пополнением и транспортом с оружием и имуществом. Одновременно Генеральный штаб уведомлял командующего группой войск о прибытии его фронтового управления в период с 13 мая по 20 июня, следовавшего двумя эшелонами (№ 6001 и 6075). О прибытии организации выгрузки эшелонов необходимо было ежедневно доносить в Генеральный штаб[164]. В ходе перегруппировки на восток в состав каждой стрелковой дивизии 5-й и 39-й армий включались самоходные артдивизионы Су-76[165].

Разгром и капитуляция нацистской Германии кардинально изменили военно-политическую обстановку в мире и в особенности на Дальнем Востоке. Япония осталась единственной воюющей страной фашистского блока. К этому времени ее военно-стратегический, экономический и моральный потенциал оказался подорванным. Однако японское руководство решило продолжать войну. Японский премьер-министр К. Судзуки 28 июля позицию возглавляемого им правительства изложил следующим образом: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»[166].

В сложившихся условиях выполнение Советским Союзом союзнических обязательств становилось объективно необходимым. Количество намеченных к перегруппировке на Дальний Восток войск и перевозке материальных запасов постоянно возрастало, что потребовало строго соблюдения графика движения поездов и порядка создания неприкосновенных запасов на театре. Эту задачу мог решить только высший орган руководства в стране — ГКО. По предложению Генштаба постановлением от 3 июня 1945 г. «О перевозке войск в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск, образовании неприкосновенных запасов, обеспечении войск автомашинами» ГКО утвердил «перечень войсковых соединений и частей, подлежащих перевозке в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск», количество эшелонов, обязывал начальника Генштаба принять «меры к тому, чтобы воинские части не везли с собой имущества, без которого они могут обойтись», сроки, направления, график погрузки, размеры неприкосновенных запасов (боеприпасов, продовольствия, фуража и ГСМ, а также парка автомобилей), сроки их создания и ответственных за выполнение плана погрузки, подачи порожняка и продвижения эшелонов по графику, хранение мобилизационных запасов[167].

В тот же день, 3 июня 1945 г., по приказу Верховного главнокомандующего в распоряжение командующего войсками Забайкальского фронта направлялись 53-я общевойсковая, 6-я гвардейская танковая армии (обе из-под Праги) и 5-й артиллерийский корпус. Выбор Ставкой ВГК именно этих армейских объединений был тщательно взвешен. Их направление в состав Забайкальского фронта, как отмечал его начальник штаба М. В. Захаров, был

связан с большим опытом боевых действий в горных условиях, умением стремительно маневрировать, инициативно и целеустремленно выполнять поставленные задачи[168]. Им также предстояло действовать на направлении главного удара фронта.

В состав 53-й армии входили три стрелковых корпуса (девять дивизий), а также армейские части усиления и тылы. Укомплектованность дивизий составляла в среднем 4 тыс. человек каждая. На их доукомплектование до численности в 7 тыс. человек в распоряжение командующего фронтом одновременно направлялись 30 тыс. человек маршевого пополнения.

В составе 6-й гвардейской танковой армии были танковый и два механизированных корпуса, две мотострелковые дивизии и два самоходно-артиллерийских дивизиона. На их вооружении находилось 1019 танков и САУ, 1158 орудий и минометов, 188 бронемашин и 948 мотоциклов[169]. Формирование армии такого состава отвечало ее предназначению для самостоятельных решительных и высокоманевренных действий в условиях значительного отрыва от главных сил фронта. По сути, это была механизированная армия, обладавшая высокой мобильностью.

Усиливалась мощность артиллерии всех стрелковых дивизий. Только в состав Дальневосточного фронта и Приморской группы войск в апреле было направлено 800 76-мм пушек ЗИС-3 образца 1942 г., которыми надлежало полностью перевооружить все отдельные истребительные противотанковые дивизионы стрелковых дивизий и обучить личный состав навыкам обслуживания новой пушки[170].

Широкомасштабной перегруппировке войск, боевой техники и народно-хозяйственных грузов с запада на восток предшествовало проведение целого комплекса организационных и технических мероприятий, направленных на повышение надежной пропускной способности транспортной системы страны. И как это было не раз, эту задачу могли решить проверенные кадры, имеющие боевой опыт, и соответствующая организационная структура, основной функциональной задачей которой была бы координация усилий различных коллективов по эксплуатации прежде всего железных дорог. Учитывая, что основной грузовой поток будет проходить по Транссибирской магистрали, являвшейся единственной железнодорожной коммуникацией, связывающей европейскую часть страны с Дальним Востоком, ее функционированию уделялось самое пристальное внимание.

Одним из первых организационно-кадровых решений стало постановление ГКО от 13 декабря 1944 г. «О смене руководителей Томской, Карагандинской, Свердловской и Западной железных дорог»[171]. Доклад о мерах по улучшению работы железных дорог был подготовлен членами ГКО — Л. П. Берией, Н. А. Вознесенским, Н. А. Булганиным, Л. М. Кагановичем, Г. М. Маленковым и А. И. Микояном. Ими же председателю ГКО 12 декабря был представлен проект постановления[172], который и принят на следующий день. В документе отмечалось: «Государственный Комитет Обороны считает, что по вине начальников железных дорог и в первую очередь Томской дороги (начальник — т. Оборотов В. И.), Карагандинской дороги (начальник — т. Федотов В. И.) и Свердловской дороги (начальник — т. Филиппов К. И.) за последнее время значительно ухудшилась работа железных дорог»[173]. За допущенные нарушения — срыв погрузки угля, использование порожняка не по назначению, плохую подготовку к зиме, неоднократные нарушения директив НКПС — В. И. Оборотов и В. И. Федотов были сняты с работы и понижены в званиях с генерал-директора движения 3 ранга до директора — полковника движения. Начальника Свердловской дороги К. И. Филиппова освободили от должности как не справившегося с работой. Новыми начальниками железный дорог были назначены В. П. Егоров, В. В. Курочкин и С. И. Багаев соответственно. Для налаживания работы на каждую из дорог направлялись «по заместителю наркома ПС и ответственному чекисту». Постановление ГКО доводилось до начальников всех железных дорог, секретарей обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик[174].

20 декабря 1944 г. ГКО освободил Л. М. Кагановича от обязанностей наркома путей сообщения. Вместо него был назначен И. В. Ковалёв, начальник Управления военных сооб-

щений Красной армии [175]. 19 января 1945 г. ГКО принял еще два постановления — «О работе Карагандинской железной дороги» и «Об энергоснабжении железнодорожного тоннеля под рекой Амур и Особой дистанции Дальневосточной железной дороги»[176]. Кроме того, в феврале 1945 г. по указанию Верховного главнокомандующего была проведена проверка мобилизационной готовности транспортных магистралей к широкомасштабным воинским перевозкам, которая выявила ряд недостатков, требовавших новых решений.

После расстановки кадров ГКО в марте — апреле 1945 г. принял ряд постановлений организационно-технического характера, направленных в конечном итоге на повышение пропускной способности железнодорожных магистралей. Так, 13 марта по телеграмме нового наркома путей сообщения было принято постановление «О кругобайкальском железнодорожном участке»[177], а на следующий день, 14 марта, — снова «Об улучшении работы Карагандинской железной дороги»[178]. 31 марта было подписано сразу два постановления ГКО — «Об организации в составе НКПС Главного управления по восстановлению и строительству железнодорожных мостов» и «О строительстве автомобильной дороги Иркутск — Слюдянка — Улан-Удэ»[179]. Кстати, месяц спустя, 30 апреля, ГКО вновь рассмотрел этот вопрос и принял постановление с аналогичным названием «О строительстве автомобильной дороги Иркутск — Слюдянка — Улан-Удэ». В дополнение к постановлению от 31 марта ГКО обязал Главное дорожное управление РККА «построить автомобильную дорогу Слюдянка — Выдрино — Посольское — Улан-Удэ с подъездами к железнодорожным станциям и пристаням, общим протяжением 383 км, с устройством однослойного гравийного (щебеночного) покрытия»[180].

Уделялось внимание и внутрифронтовым перегруппировкам, которые зачастую обеспечивались автомобильным транспортом. Решению этого вопроса должно было способствовать постановление ГКО от 6 апреля 1945 г. «О перестройке мостов и ремонте автомобильных дорог в Приморском и Хабаровском краях в 1945 г.»[181].

Важнейшим шагом в организационно-структурной перестройке руководства транспортной системой Транссибирской магистрали и ее материально-технического обеспечения стало постановление ГКО от 13 апреля 1945 г. «О мероприятиях по улучшению работы дорог Дальнего Востока (Красноярской, Восточно-Сибирской, Забайкальской, Амурской, Дальневосточной и Приморской)»[182]. Постановление требовало «в целях улучшения работы железных дорог Дальнего Востока и руководства ими… организовать Округ железных дорог Дальнего Востока» в составе перечисленных железных дорог с расположением управления округа в Чите. Для размещения управления округа Читинскому облисполкому предписывалось передать НКПС временно здание школы № 4. При этом НКПС был обязан в 1945 г. построить здание для управления округа, после чего помещение школы вернуть облисполкому. Начальником округа назначался заместитель наркома путей сообщения В. А. Гарнык. Наркому путей сообщения и начальнику округа приказывалось приступить к его организации немедленно и завершить к 10 мая 1945 г. Одновременно утверждалось «Положение об Округе железных дорог Дальнего Востока», а наркому путей сообщения И. В. Ковалёву предлагалось утвердить его штаты по согласованию с Государственной штатной комиссией СНК СССР.

Устанавливались конкретные сроки и показатели пропускной способности дальневосточных магистралей: на направлении Новосибирск — Владивосток к 1 мая — 24 пары и к 1 августа 1945 г. — 30 пар, на участке Карымская — Борзя — Отпор соответственно 12 и 16 пар поездов в сутки[183]. Постановление вводило персональную ответственность «наркома путей сообщения (т. Ковалёва), начальника Округа железных дорог (т. Гарныка) и начальников железных дорог: Красноярской — т. Соболева, Восточно-Сибирской — т. Сычёва, Забайкальской — т. Корчаченко, Амурской — т. Мальгинова, Дальневосточной — т. Беспятова и Приморской — т. Журавлёва» за проведение мероприятий, обеспечивающих пропуск необходимого количества пар поездов в сутки.

Для решения поставленных задач нарком путей сообщения был обязан довести наличие паровозов на дорогах Дальнего Востока к 1 мая — до 2708, к 1 июля — до 2947, а к 1 сентября

1945 г. — до 3107. В целях пополнения имеющегося локомотивного парка до указанных размеров приказывалось «направить на дороги Дальнего Востока во втором и третьем кварталах 1945 г. 600 исправных паровозов, в том числе 400 новых импортных паровозов «Декапод» и 200 паровозов из резерва других железных дорог; принять меры к ускорению ремонта 545 неисправных паровозов, находящихся на дорогах Дальнего Востока»; возможное увеличение размеров движения поездов обеспечить постановкой в запас 880 вполне исправных паровозов.

Одновременно был решен вопрос об обеспечении профессиональными кадрами железнодорожников «решающих профессий на дорогах Дальнего Востока» с увеличением их численности на 30 тыс. человек, в том числе машинистов — на 2372, помощников машинистов — на 2926, слесарей паровозных — на 3153, кондукторов — на 2074, путевых рабочих — на 8816 человек[184].

Огромное внимание в постановлении было уделено проблеме технической эксплуатации магистрали: в апреле 1945 г. с обслуживания румынских железных дорог снимались 19-й и 20-й эксплуатационные железнодорожные полки общей численностью 4 тыс. человек; в мае с обслуживания дорог 4-го Украинского фронта снимался 13-й эксплуатационно-железнодорожный полк общей численностью 2 тыс. человек; в апреле — мае с обслуживания железных дорог Польши снимались военно-эксплуатационные отделения НКПС № 10, 33, 44 общей численностью 3200 человек; с железных дорог Львовской, Литовской, Белостокской, Винницкой, Брест-Литовской, Одесской, Западной, Кишинёвской, Северо-Кавказской, Южно-Донецкой, Северной, Свердловской, Карагандинской, Южно-Уральской и Куйбышевской возвращались все спецформирования, ранее взятые с дорог Дальнего Востока, общей численностью 4600 человек. Все возвращаемые на дороги Дальнего Востока спецформирования направлялись в распоряжение начальника округа с сохранением за ними действующих льгот по налогам и пенсиям, а также материально-бытового обеспечения по нормам НКО 2-й категории, предусмотренных постановлением ГКО от 3 января 1942 г.

НКО СССР предписывалось направить в распоряжение НКПС военнообязанных, ограниченно годных к строевой службе, но годных к физическому труду в количестве 8 тыс. человек, а НКПС — сформировать из них один путейский и один эксплуатационный полки с общим количеством 4 тыс. человек, остальные 4 тыс. использовать кондукторами, кочегарами и ремонтными рабочими[185].

Для обеспечения бесперебойного и безопасного движения поездов руководящий состав НКПС, округа и дорог должен был провести необходимые ремонтно-профилактические работы: заменить дефектные рельсы, пополнить запас рельсов, заменить рельсы легкого типа тяжелыми, восполнить недостаток болтов, шпал и другого имущества; пополнить запасы материальных средств — топливом, углем, расходными материалами и прочим. В целях усиления пропускной способности дорог НКПС разрешалось в составе округа создать строительно-монтажный трест, а в месячный срок направить с 3-го Белорусского фронта две железнодорожные бригады (Б-1 и Б-25)[186]. Выделенные части развернули работы на железных дорогах по строительству паромных переправ, обходов железнодорожных мостов, дублирующих мостовых переходов через реки, а железнодорожные мосты через крупные водные преграды приспосабливались для пропуска войск походным порядком.

В организационной структуре созданного округа была учреждена должность уполномоченного Центрального управления военных сообщений Красной армии (ЦУП ВОСО) со штатом сотрудников, которому подчинялись все линейные и полевые органы военных сообщений Дальнего Востока. В его распоряжении находились управления: уполномоченного ЦУП ВОСО, начальников военных сообщений фронтов, начальника передвижения войск по железной дороге, отдел начальника военных сообщений, а также управления военных комендантов железнодорожных участков, военных распорядительных станций или станций снабжения, стационарные военно-продовольственные и передвижные военно-продовольственные пункты. В резерве имелось пять управлений военных комендантов железнодорожных станций[187].

Командир полка 63-й стрелковой дивизии 5-й армии Г. Н. Губкин
с офицерами у карты боевых действий

Советские войска проходят по улицам города Чанчунь

В систему воинских перевозок железнодорожным транспортом включались органы управления морскими и речными перевозками. Органы военно-морских сообщений на Дальнем Востоке имели в своем составе отдел военно-морских сообщений Тихоокеанского флота, два управления военно-транспортной службы, восемь военно-морских комендатур в портах. На флагманском командном пункте флота находился пункт ВОСО. Управление речными воинскими перевозками осуществлял начальник военных сообщений Амурской военной флотилии, в структуре которого были два управления военно-транспортной службы (в Благовещенске и Хабаровске), пять управлений военных комендантов в портах и на пристанях.

Уполномоченный ЦУП ВОСО, осуществляя руководство всей службой военных сообщений на театре, координировал действия подчиненных ему начальников ВОСО фронтов, флота, флотилии и начальников передвижения войск, осуществлял планирование перевозок и их контроль в интересах планируемой кампании. В своей деятельности он опирался на управление тыла при главнокомандующем советскими войсками на Дальнем Востоке, в ведении которого находился весь участок Транссибирской магистрали от Иркутска до Владивостока[188].

Мероприятия, направленные на улучшение функционирования железнодорожной магистрали от станции Красноярская до Владивостока, потребовали реорганизации работы практически всей транспортной системы, связывающей европейскую сеть дорог с дальневосточной. В апреле — начале мая 1945 г. ГКО принял ряд постановлений по этим вопросам: 23 апреля 1945 г. «О мерах по обеспечению строительства железнодорожной линии Комсомольск — бухта Ванино и паромной переправы через реку Амур»[189], 30 апреля «О неотложных мерах по обеспечению строительства Байкальской переправы»[190] и «О неотложных мерах по усилению пропускной способности Свердловской железной дороги»[191], 12 мая 1945 г. «О мерах по замене дефектных рельсов на основных магистральных железнодорожных путях», 26 мая «О мероприятиях по обеспечению временной эксплуатации железнодорожной линии Комсомольск — Совгавань», «О мероприятиях по обеспечению эксплуатации паромной переправы через р. Амур на железнодорожной линии Комсомольск — Совгавань», «Об обеспечении бесперебойной работы узкоколейных линий Забайкальской железной дороги» и «О мероприятиях по восстановлению железных дорог в 1945 г.», 4 июня «Об общем плане перевозок по железнодорожному и водному транспорту на июнь 1945 г.» и ряд других[192]. Даже перечень принятых постановлений и их названия дают представление о том внимании, с каким ГКО относился к подготовке кампании на Дальнем Востоке. Фактически была намечена целостная программа организации железнодорожных перевозок войск, сил, техники и материальных средств по Транссибирской магистрали в предстоящей военной кампании.

Основная ответственность за завершение сосредоточения и развертывание войск в приграничной полосе возлагалась на командование фронтов. Наиболее напряженная обстановка складывалась в полосе Забайкальского фронта, в состав которого прибывало около половины всех эшелонов, направляемых на Дальний Восток. Дивизиям и частям предстояло выгружаться в Чойбалсане. Однако пропускная способность участков железной дороги от станции Карымская до станции Борзя и далее до станции Чойбалсан, на которые базировался фронт, не обеспечивали прием и разгрузку такого количества эшелонов. По воспоминаниям М. В. Захарова, бывшего в то время начальником штаба Забайкальского фронта, было принято решение моторизованные части и артиллерию на мехтяге выгружать на участке Чита — Карымская, в 500–600 км от районов сборов, и направлять их своим ходом по грунтовым дорогам. Для осуществления этого мероприятия штаб фронта выслал в Иркутск и на станцию Карымская специальные группы офицеров, которые заблаговременно определяли, какие части должны направляться до Чойбалсана по железной дороге и какие выгружаться между Читой и Карымской и маршем следовать в назначенные районы. В связи с этим уместно отметить, что выгрузившимся частям пришлось совершать марши по безводным степям Забайкалья и МНР при сильной жаре в условиях густого запыления.

Но, несмотря на это, суточные переходы стрелковых частей достигали 40 км, а моторизованных — более 100 км. В районе Чойбалсана для каждого соединения выделялся район сбора, в котором части, следовавшие по железной дороге, соединялись с частями, совершавшими марш своим ходом, после чего дивизии и бригады в полном составе выдвигались в районы их боевого предназначения, удаленные еще на 300—400 км. Естественно, переброска столь большого количества войск, сил и средств на значительные расстояния была связана с большим расходом горючего — оказалось перерасходовано до 3 тыс. тонн от общего лимита фронта, но зато это позволяло своевременно сосредоточить и развернуть все войска фронта, что было крайне важно в то время[193].

В ходе стратегического развертывания было перегруппировано два фронтовых и четыре армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированных корпусов, 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, 53 бригады основных родов сухопутных войск и два укрепленных района (таблица 1).

Таблица 1

Количественные показатели сил и средств сухопутных войск, перегруппированных с запада в период стратегического развертывания на Дальнем Востоке[194]

Силы и средства	Май	Июнь	Июль	1–8 августа	Всего
Личный состав	33 456	152 408	206 042	11 449	403 355
Винтовки и карабины	13 343	79 295	83 334	4644	180 616
Пистолеты-пулеметы	4041	37 802	38 061	3073	82 977
Станковые и ручные пулеметы	1177	5800	3482	164	10 623
Орудия и минометы	504	2624	3723	286	7137
Танки и САУ	156	564	1229	170	2119
Грузовые автомашины	1059	4475	10 424	1416	17 374
Тракторы и тягачи	77	477	895	33	1482
Конский состав	4983	18 533	12 764	–	36 280

Создание столь мощной группировки войск на удаленном ТВД требовало постоянного контроля над ее состоянием. Поэтому по указанию Верховного главнокомандующего директивой начальника Генерального штаба от 11 июня 1945 г. для начальников штабов Забайкальского, Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск табелем срочных донесений устанавливались порядок и сроки предоставления донесений в Генштаб Красной армии: оперативная сводка — ежедневно к 7 часам утра московского времени; донесения о численном и боевом составе на 1-е число — и к 15-му числу каждого месяца; донесения о численном и боевом составе, в том числе наземной артиллерии, зенитных артиллерийских частей РГК и ГМЧ, а также карты дислокации, схемы организации, ведомости наличия тыловых частей, состав боекомплекта и прочее. В директиве указывались формы донесений и способы их представления — шифром, нарочными или фельдсвязью[195]. Эти формы отчетности были отработаны штабами действующих на западе фронтов к концу 1943 г., что позволяло Генеральному штабу знать не только истинное состояние, но и потребности фронтов в пополнении их личным составом, вооружением, боеприпасами, ГСМ и фуражом.

2 августа 1945 г. Ставка ВГК приказала главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке с 5 августа переименовать: Приморскую группу войск — в 1-й Дальневосточный фронт, Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт[196]. Таким образом, к началу войны с Японией группировка войск и сил флота, сосредоточенная на Дальнем Востоке в соответствии с замыслом и планом кампании включала три фронта — Забайкаль-

ский, 2-й и 1-й Дальневосточные, Тихоокеанский флот и Амурскую военную флотилию. Все объединения и соединения были полностью укомплектованы и находились в высокой степени готовности к боевым действиям.

Забайкальский фронт (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский) включал 17-ю (генерал-лейтенант А. И. Данилов), 36-ю (генерал-лейтенант А. А. Лучинский), 39-ю (генерал-полковник И. И. Людников) и 53-ю (генерал-полковник И. М. Манагаров) общевойсковые, 6-ю гвардейскую танковую (генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко), 12-ю воздушную армии (маршал авиации С. А. Худяков), Забайкальскую армию ПВО (генерал-майор артиллерии П. Ф. Рожков) и советско-монгольскую конно-механизированную группу под командованием генерал-полковника И. А. Плиева. Общая протяженность линии фронта по государственной границе достигала 2300 км.

2-й Дальневосточный фронт (командующий — генерал армии М. А. Пуркаев) включал 2-ю Краснознаменную (генерал-лейтенант танковых войск М. Ф. Терёхин), 15-ю (генерал-лейтенант С. К. Мамонов) и 16-ю (генерал-майор Л. Г. Черемисов) общевойсковые и 10-ю воздушную (генерал-полковник авиации П. Ф. Жигарев) армии, 5-й отдельный стрелковый корпус (генерал-майор И. З. Пашков), Приамурскую армию ПВО (генерал-майор артиллерии Я. К. Поляков). Протяженность линии фронта по госгранице составляла 2130 км.

1-й Дальневосточный фронт (командующий — Маршал Советского Союза К. А. Мерецков) в своем составе имел 1-ю Краснознаменную (генерал-полковник А. П. Белобородов), 5-ю (генерал-полковник Н. И. Крылов), 25-ю (генерал-полковник И. М. Чистяков) и 35-ю (генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев) общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу (генерал-майор В. А. Зайцев)[197], 10-й отдельный механизированный корпус (генерал-лейтенант танковых войск И. Д. Васильев), 9-ю воздушную армию (генерал-полковник авиации И. М. Соколов), Приморскую армию ПВО (генерал-лейтенант артиллерии А. В. Герасимов). Протяженность линии фронта по госгранице достигала 700 км.

Тихоокеанский флот (командующий — адмирал И. С. Юмашев) организационно включал Северную Тихоокеанскую военную флотилию (вице-адмирал В. А. Андреев). В их боевом составе имелись надводные и подводные силы, береговая оборона и морская пехота, ВВС флота, ПВО и тыл флота. Боевой состав представлял довольно мощную силу, включая 255 боевых кораблей и 1525 боевых самолетов, в том числе: два крейсера, 79 подводных лодок, один лидер, 12 эсминцев, 176 сторожевых кораблей, 11 минных заградителей и значительное число катеров различного типа (торпедные катера, катера-тральщики, малые охотники и другие)[198]. Флот базировался во Владивостоке (главная база), Советской Гавани и Петропавловске-Камчатском. В качестве вспомогательных баз служили порты Находка, Ольга, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Посьет и другие.

Амурская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Н. В. Антонов) в своем боевом составе имела четыре бригады речных кораблей (1, 2, 3 и 4-я — Зее-Бурейская), Сретенский отдельный дивизион речных кораблей, три отдельных дивизиона канонерских лодок, два отдельных дивизиона бронекатеров, отдельный дивизион тральщиков, Уссурийский и Ханкайский отдельные отряды бронекатеров, отдельный отряд десантных барж, два особых разведывательных морских отряда, отдельный истребительный авиационный полк и три отдельных артиллерийских дивизиона. Всего 172 боевых корабля, в том числе восемь мониторов, 12 канонерских лодок, 56 бронекатеров, 12 тральщиков, 34 катера-тральщика, один минный заградитель, а также катера других типов и 78 боевых самолетов. Флотилия базировалась в Хабаровске (главная база), селе Малая Сазанка на р. Зее, г. Сретенске на р. Шилка, оз. Ханка[199].

Итого, к августу 1945 г. на Дальнем Востоке Ставка ВГК развернула 11 общевойсковых и одну танковую армии, две войсковые оперативные группы, три воздушные армии, три армии ПВО территории страны, четыре отдельных авиационных корпуса, 20 отдельных стрелковых, четыре механизированных корпуса и один артиллерийский корпус прорыва. Флот и флотилия были пополнены новыми кораблями (таблица 2).

Таблица 2

Численность личного состава, вооружения и боевой техники советской группировки войск на Дальнем Востоке к началу войны против Японии[200]

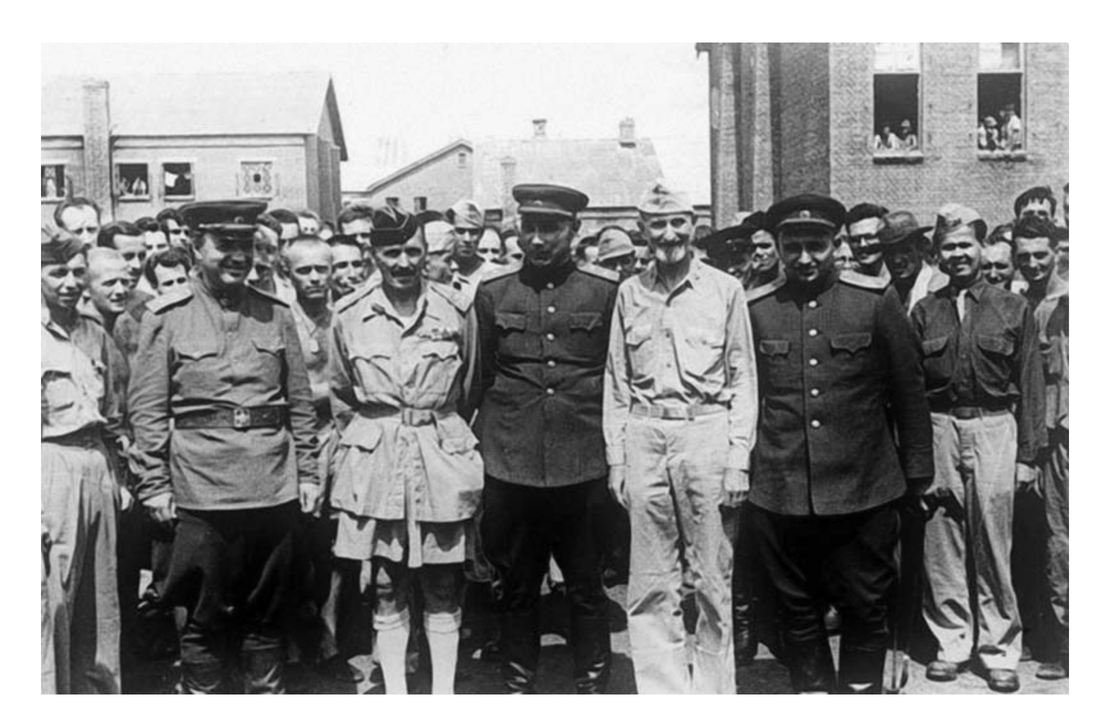
Силы и средства	Сухопутные войска			ВВС	Войска ПВО территории страны	ВМФ	Всего
	Забайкальский фронт	1-й ДВФ	2-й ДВФ				
Личный состав	582 516	531 005	264 232	113 612	78 705	177 395	1 747 465
Винтовки и карабины	283 608	294 826	158 451	53 225	50 560	144 130	984 800
Пистолеты-пулеметы	117 447	120 291	54 197	2953	3045	18 513	316 446
Станковые и ручные пулеметы	19 603	25 789	12 564	985	191	8812	67 944
Орудия и минометы	8980	10 619	4781	71	2635	2749	29 835
Танки и САУ	2359	1974	917	–	–	–	5250
Боевые самолеты	–	–	–	3501	220	1450	5171
Боевые корабли основных классов	–	–	–	–	–	93	93

Несмотря на принимаемые меры оперативной маскировки, стратегическую переброску советских войск с запада на восток скрыть от японской разведки в полной мере не удалось. Тем не менее японское командование не сумело определить ни силу и направления ударов, ни точное время перехода в наступление, ни боевые возможности группировок советских войск.

К разработке планов действий советских войск в кампании на Дальнем Востоке Генеральный штаб Красной армии привлек командующих группировками войск, изучивших к этому времени оперативную обстановку в полосе действий фронтовых объединений. По указанию Верховного главнокомандующего в Москву были вызваны маршал Р. Я. Малиновский и генерал армии М. В. Захаров, несколько раньше других командующих фронтами приглашенных на Парад Победы[201], а чуть позже — маршал К. А. Мерецков. В своих вспоминаниях К. А. Мерецков писал: «11 июня я улетел в Москву. В течение десяти дней участвовал в разработке предстоящих операций на Дальнем Востоке. Очень напряженно пришлось поработать в Генеральном штабе. Несколько раз беседовал с Верховным главнокомандующим и занимался тренажем сводного полка Карельского фронта, готовя его к параду Победы»[202]. Примерно такой же график работы был и у других командующих.

Исходя из общего стратегического замысла кампании, состава и задач фронтов, срока сосредоточения войск, доведенных до командующих фронтами начальником Генерального штаба А. И. Антоновым и представителем Ставки ВГК, руководителем оперативной группы А. М. Василевским, под их непосредственным руководством были разработаны замыслы действий Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск в войне с Японией, на основе которых отрабатывались проекты директив Ставки ВГК на подготовку фронтовых операций. В ходе этой работы командующие использовали информационные материалы оперативно-стратегического и оперативно-тактического характера, в том числе данные всех видов разведки и Главного управления контрразведки Смерш.

В ходе работы Верховный главнокомандующий лично обсуждал вопросы подготовки военной кампании с непосредственными исполнителями замысла Ставки ВГК. Так, 19 июля поздно вечером, в 22 часа, в кабинет к И. В. Сталину были приглашены В. М. Молотов, А. И. Антонов, Н. А. Булганин, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, С. М. Штеменко, Т. Ф. Штыков, а чуть позже А. А. Новиков и Я. Н. Федоренко. К этому времени в кабинете уже присутствовали Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский. Таким образом, в кабинете И. В. Сталина присутствовали практически все члены ГКО, Ставки ВГК, Политбюро ЦК ВКП(б), руководства СНК, Генерального штаба Красной армии и командующие войсками Забайкальского фронта и Приморской группы войск, решающих в военной кампании основную военно-стратегическую задачу[203].

Советские генералы А. Н. Тевченков, А. Д. Притула, Г. Л. Туманян среди солдат и офицеров союзных армий, находившихся в плену у японцев

Эвакуация в советский тыл пленных генералов Квантунской армии

Советская пехота в степях Маньчжурии

Самурайские флаги в руках красноармейцев

Парад Победы был проведен 24 июня, а спустя два дня в Кремле состоялся прием в честь участников парада. Командующие фронтами вылетели в свои штабы 26 июня. Вечером того же дня, с 20 часов 10 минут до 00 часов 55 минут, в кабинете И. В. Сталина снова состоялось заседание членов Политбюро ЦК ВКП(б), Ставки ВГК, ГКО, Генерального штаба. В их числе были четыре Маршала Советского Союза — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев и К. К. Рокоссовский. В итоге совместной творческой работы Ставки ВГК, Генштаба и командующих к 27 июня 1945 г. определилось основное содержание стратегического плана войны против Японии[204].

Кропотливую совместную работу отмечал маршал А. М. Василевский: «Весь июнь и в первых числах июля мы в Генеральном штабе уточняли с командующими фронтами план Дальневосточной кампании. К 27 июня Генеральный штаб, исходя из принятых Ставкой стратегических решений, полностью завершил отработку директив для фронтов. 28 июня они были утверждены Ставкой»[205]. В ночь на 29 июня А. М. Василевский с группой генералов и офицеров центрального аппарата НКО и Генерального штаба специальным поездом убыли на Дальний Восток. В указанную группу входили известные военачальники: А. А. Новиков, М. Н. Чистяков, Н. Д. Псурцев, В. И. Виноградов, К. С. Назаров, Н. Ф. Мензелинцев и другие.

В соответствии с общим замыслом проведения кампании Ставка ВГК директивами от 28 июня 1945 г. поставила перед фронтами конкретные задачи на подготовку и проведение фронтовых операций. Директивы Ставки ВГК не передавались шифрограммами, а вручались лично руководством оперативной группы. Так, командующему войсками Забайкальского фронта директиву Ставки вручил 5 июля А. М. Василевский. В те же дни директивы были доставлены командующим Приморской группой войск и войсками Дальневосточного фронта[206].

Войскам Забайкальского фронта предстояло стремительно вторгнуться в Центральную Маньчжурию, совместно с войсками Приморской группой войск (1-го Дальневосточного) и Дальневосточного (2-го Дальневосточного) фронтов разгромить Квантунскую группировку войск и овладеть районом Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь. Главный удар нанести силами 39, 53, 17-й общевойсковых и 6-й гвардейской танковой армиями в обход Халун-Аршанского укрепрайона с юга в общем направлении на Чанчунь, имея ближайшую задачу преодолеть Большой Хинган и к 15-му дню операции выйти главными силами на фронт Дабаньшан, Лубэй, Солунь. 6-й гвардейской танковой армии, действуя в полосе главного удара, предстояло к 10-му дню операции преодолеть Большой Хинган, закрепить за собой перевалы через хребет и до подхода главных сил пехоты не допустить резервов противника из Центральной и Южной Маньчжурии. На направлении главного удара привлекались две артдивизии прорыва, основная масса артиллерии РГК, танков и авиации.

Одновременно предусматривалось нанесение двух вспомогательных ударов: одного — силами советско-монгольской конно-механизированной группы, усиленной двумя мотобригадами и 59-й кавдивизией фронта, из района Хонгор-Ула-Сомон, Шинэ-Дариганга-Сомон на Калган и Долоннор, второго — силами 36-й армии из района Даурия и Дурой на Хайлар. Их основной задачей являлось сковать силы противника, не допустить его отхода к Большому Хингану, разгромить хайларскую группу войск[207].

Войска Приморской группы войск (1-го Дальневосточного фронта) должны были совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного (2-го Дальневосточного) фронтов разгромить Квантунскую группировку японцев и овладеть районом Харбин, Чанчунь, Сейсин. Главный удар нанести силами двух общевойсковых армий, одного механизированного корпуса, одной кавалерийской дивизии из района Гродеково, Ворошилов на фронте 12 км в общем направлении на Мулин, Муданьцзян. Ближайшей задачей фронта являлось к 23-му дню операции выйти на фронт Боли, Нингута, Дунцзинчэн, а в дальнейшем действовать в направлении Харбин, Чанчунь с целью выйти главными силами на рубеж Харбин, Чанчунь, район Сейсин (Северная Корея).

Одновременно предусматривалось нанесение двух вспомогательных ударов: одного — силами 35-й армии из района Лесозаводска на Мишань с целью обеспечения правого фланга главной группировки фронта, второго — частью сил 25-й армии из района Барабаш,

Краскино, Славянка (все пункты юго-западнее Владивостока) на Хунчунь, Аньту с целью обеспечения левого фланга ударной группировки фронта и последующего овладения портами Северной Кореи — Ранан, Сейсин, Расин[208].

Войскам Дальневосточного (2-го Дальневосточного) фронта была поставлена задача наступлением вдоль р. Сунгари на Харбин активно содействовать войскам Забайкальского фронта и Приморской группы войск (1-го Дальневосточного фронта) в разгроме Квантунской группировки войск и овладении районом Харбин. Фронт должен был нанести удар силами трех дивизий 15-й армии во взаимодействии с Амурской военной флотилией на сунгарийском направлении, имея ближайшей задачей форсировать р. Амур, овладеть Тунцянским укрепрайоном и к 23-му дню операции выйти в район Цзямусы. В дальнейшем армии предстояло действовать вдоль р. Сунгари на Харбин. При развитии успеха в Приморье предусматривалось наступление 5-го стрелкового корпуса на жаохэйском направлении с целью содействовать 15-й армии в направлении Фугдин, Цзямусы или правому флангу Приморской группы войск (1-го Дальневосточного фронта) в направлении Баоцин. 2-я Краснознаменная армия должна была оборонять государственную границу, уделяя особое внимание районам Благовещенск, Поярково. Основной задачей 16-й армии была оборона острова Сахалин[209].

Постановка фронтам столь масштабных задач обеспечивалась возможностью нанесения мощных первоначальных ударов, относительно небольшими силами блокирования части сил противника в приграничных зонах, наличием сильных механизированных, танковых и артиллерийских соединений в составе ударных группировок Забайкальского и будущего 1-го Дальневосточного фронтов, господством советской авиации в воздухе, а также отсутствием заблаговременно подготовленных оборонительных рубежей в оперативной глубине обороны противника.

Окончательная разработка планов фронтовых операций и кампании в целом началась с совещания 5 июля в штабе главнокомандующего после его прибытия на командный пункт главкомата, подготовленный на базе санатория Забайкальского военного округа «Молоковка» близ Читы, на котором присутствовали командующие войсками и начальники штабов фронтов, флота, члены военных советов и заместители главкома. На совещании были изложены план стратегической операции, замыслы фронтовых операций, заслушан доклад генерал-полковника В. И. Виноградова по тыловому обеспечению и в общих чертах намечен план работы штабов и войск по подготовке к операции. Предполагалось, что через двое — четверо суток начальники штабов фронтов должны прибыть в штаб главкома для доклада проектов разработанных планов операций. Утверждение планов фронтовых операций А. М. Василевский планировал осуществлять по завершении заслушивания руководящего состава в штабах фронтов после их доработки[210]. Этот порядок четко соблюдался.

В соответствии с общим замыслом кампании в Главном морском штабе под руководством члена Ставки ВГК народного комиссара ВМФ — главнокомандующего морскими силами СССР Н. Г. Кузнецова с привлечением командующих и начальников штабов Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии велась разработка планов применения сил флота. Планы согласовывались с командованием фронтов, которым морские силы были оперативно подчинены. В штабах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов имелись военно-морские группы, специалисты которых прекрасно знали боевые возможности флота и флотилии. С созданием Приморской группы войск Тихоокеанский флот (без Северной Тихоокеанской флотилии), Иманский и Ханкайский отряды бронекатеров Амурской военной флотилии директивой Ставки ВГК от 26 марта 1945 г. были подчинены в оперативном отношении ее командующему[211]. При этом директивой Ставки ВГК от 31 марта 1944 г. было приказано руководствоваться следующим: «1. Все военно-морские флоты и флотилии во всех отношениях подчинены народному комиссару Военно-морского флота, который является главнокомандующим морскими силами СССР. 2. На отдельных этапах войны те или иные флоты и флотилии в целом или их отдельные соединения могут быть подчинены в оперативном отношении командующим соответствующими фронтами». На данном этапе директивой устанавливалась следующая оперативная подчиненность: Тихоокеанский флот

с Северной Тихоокеанской военной флотилией и Амурская военная флотилия — командующему Дальневосточным фронтом[212].

К этому времени на Дальний Восток были направлены адмиралы, генералы и офицеры, хорошо проявившие себя на западе. Вице-адмирал А. С. Фролов, прошедший боевой путь на Черноморском флоте в должностях командующего Дунайской военной флотилией, командира Керченской и Новороссийской военно-морских баз, наблюдателя в штабе англо-американского командования на Средиземном море при проведении союзниками десантной операции в январе 1944 г. в районе Анцио (Италия), в том же году был назначен начальником штаба Тихоокеанского флота; вице-адмирал В. А. Андреев, являвшийся начальником штаба эскадры Черноморского флота, активным участником подготовки и проведения крупных десантных операций, стал командующим Северной Тихоокеанской военной флотилией; генерал-лейтенант береговой службы С. И. Кабанов, отличившийся при обороне военно-морской базы Ханко, Ленинграда, Северного оборонительного района, возглавил Управление береговой обороны флота[213]. Были назначены на должности и другие опытные адмиралы, генералы и старшие офицеры.

Разнородным силам Тихоокеанского флота были поставлены задачи: действиями подводных лодок и авиации нарушить морские сообщения противника в Японском море; систематическими действиями авиации совместно с надводными кораблями затруднить базирование кораблей противника на порты Северной Кореи (Юки, Расин, Сейсин); обеспечить свои коммуникации в Японском море и Татарском проливе; не допустить японские корабли в Татарский пролив; во взаимодействии с сухопутными войсками не допустить высадки десантов противника на наше побережье[214].

Для участия в кампании привлекались и войска НКВД. Пограничные и внутренние войска оперативно подчинялись главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке. Командующие Забайкальским, Дальневосточным (Хабаровским) и Приморским пограничными округами получали задачи от командующих фронтами. Кроме непосредственной охраны госграницы на них возлагались охрана тыла фронтов, борьба с вражеской агентурой и остатками войск противника, оказавшимися в тылу наших армий. Начальники пограничных войск назначались по совместительству начальниками войск по охране тыла: Приморской группы войск (1-го Дальневосточного фронта) — погранвойсками Дальневосточного округа, Забайкальского фронта — погранвойсками Забайкальского округа. В распоряжение каждого начальника войск по охране тыла находилось три стрелковых пограничных полка. Кроме того, для охраны тыла войск, наступавших на направлении главного удара, выделялся специальный сводный отряд погранвойск. Войска НКВД на Дальнем Востоке были заблаговременно усилены 3-й стрелковой дивизией внутренних войск, переброшенной из Средней Азии. Части этой дивизии должны были обеспечивать безопасность тыла будущих 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

Для охраны тыла привлекались и внутренние войска, на которые возлагались прикрытие и охрана железных и шоссейных дорог, а также различных объектов в тылу войск. Общее руководство осуществляла оперативная группа НКВД при главнокомандующем. Непосредственное участие в боевых действиях и обеспечении успешных операций войск Красной армии на Дальнем Востоке приняли части 27-й и 29-й дивизий, 32-й и 33-й бригад войск НКВД. Они вели борьбу с окруженными и сопротивлявшимися подразделениями противника на территории Маньчжурии, задерживали и разоружали японских солдат и офицеров, помогали советским военным комендатурам в охране порядка, организации местного самоуправления, несли гарнизонную службу[215].

Специфика условий военных действий на столь обширном театре обсуждалась при разработке планов фронтовых операций на заседаниях Военного совета главкомата с привлечением командования фронтов и отработкой оперативных вопросов на большой рельефной карте, изготовленной в оперативном управлении штаба. Наиболее важными из них являлись проблемы оперативного построения фронтов и армий, массирования сил и средств на направлениях главных ударов, эффективного использования бронетанковых и механизи-

рованных войск, артиллерии и авиации, достижения высоких темпов наступления ударных группировок, организации и поддержания взаимодействия и другие[216].

Рассмотрением проектов планов действий каждого из фронтов главнокомандующий занимался лично, вникая во все детали и подробности. Процесс заключался в конкретном уточнении всех этих деталей. В этой работе участвовали начальник штаба, начальник оперативного управления, начальники управлений (штабов) войск видов вооруженных сил, родов войск и служб. На рассмотрение и уточнение каждого фронтового плана затрачивалось от суток до нескольких дней, после чего он утверждался. Одновременно главком заслушивал доклады начальников тыла и военных сообщений о ходе выполнения мероприятий по материальному обеспечению войск и оперативных перевозок, а также командования пограничных войск, встречался с представителями органов власти на местах. В поездках (вылетах) в штабы фронтов главкома обычно сопровождали командующий артиллерией маршал артиллерии М. Н. Чистяков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковник танковых войск М. Д. Соломатин, начальники: разведки — генерал-майор С. М. Чувырин, войск связи — генерал-полковник войск связи Н. Д. Псурцев, инженерных войск — генерал-полковник инженерных войск К. С. Назаров, тыла — генерал-полковник В. И. Виноградов, а также заместитель начальника штаба главкома с группой офицеров.

В период подготовки кампании главком основное внимание уделял Забайкальскому фронту, которому предстояло выполнить главную задачу в стратегической операции. В штаб этого фронта он вылетал неоднократно. Работая на месте по нескольку дней, он успевал детально рассмотреть не только планы фронтовой операции, но и операций 6-й гвардейской танковой, 39-й и 53-й армий и конно-механизированной группы. И если проблемы организации артиллерийского и авиационного наступления, отработанные в операциях на советско-германском фронте, здесь решались довольно быстро, то совершенно новой для Забайкальского фронта стала проблема обеспечения войск водой в ходе ведения активных наступательных действий. В пустынных и полупустынных районах Монголии она в озерах горько-соленая, непригодная ни для питья, ни для хозяйственно-технических целей. Имевшиеся колодцы не обеспечивали потребностей войск, к тому же не хватало емкостей для ее перевозки и хранения. Для решения этой проблемы были срочно созданы нештатные команды (отряды) с задачей организации водоснабжения и сбора любой тары, пригодной для хранения воды. Только с 10 июля по 8 августа 1945 г. нештатные команды соединений и частей построили 1194 и отремонтировали 322 имеющихся колодца, развернули 61 пункт водоснабжения[217]. Было установлено и твердое нормирование расхода воды.

Не менее важной проблемой стало обеспечение высоких темпов наступления танковой армии, которой предстояло действовать в отрыве от главных сил фронта и тылов. Для ее снабжения были впервые выделены транспортные авиационные дивизии.

На 1-й Дальневосточный фронт маршал А. М. Василевский вылетал дважды, пробыв там в общей сложности восемь суток. Он тщательно рассмотрел планы операций фронта, 1-й Краснознаменной, 5-й и 35-й армий и дал указания командующим по их уточнениям. Решение командармов маршал заслушивал, как правило, на местности, на намеченном участке прорыва. Здесь же с учетом характера местности и обороны противника уточнялись вопросы взаимодействия[218].

Пространственных размах планируемых операций, их быстротечность и, естественно, высокие темпы наступления, заданные Ставкой ВГК, потребовали решения проблемы мобильности общевойсковых соединений. Ее решение связывалось с оснащенностью войск транспортными средствами — автомобилями, тягачами, тракторами. К началу операции в трех фронтах и на флоте насчитывалось свыше 100 тыс. грузовых автомобилей, а также большое количество тягачей и тракторов. Наибольшим количеством автомашин располагал Забайкальский фронт — 49 053, в 1-м Дальневосточном было 37 119, на общевойсковые и воздушные армии приходилось в среднем от 3 тыс. до 4 тыс., на армии ПВО — по 800 машин, танковая армия имела около 7 тыс. автомобилей. Большая часть грузовых автомобилей,

поставляемых по ленд-лизу, доставлялась в порт Владивосток в разобранном виде. После сборки они направлялись на укомплектование войск фронтов[219].

Во время поездок главкома на фронты штаб главнокомандующего постоянно информировал его о ходе подготовки кампании, получал информацию о его работе в войсках, следил за ходом перегруппировки войск внутри фронтов, движением воинских эшелонов. Представители штаба встречали прибывавшие соединения и части, доводили им задачи, отправляли к месту назначения, оповещая об этом штабы фронтов, контролировали подвоз горючего, боеприпасов и продовольствия с баз центра в армии и фронты, организовывали прокладку линий связи. Серьезное внимание уделялось контролю над подготовкой войск и штабов к операциям, для чего начальник штаба регулярно высылал на самолетах группы генералов и офицеров, которые могли оказать конкретную помощь на местах в решении различных задач, стоящих перед фронтами, и информировать штаб о реальной обстановке.

О проводимой в войсках и штабах работе по подготовке кампании начальник штаба главного командования ежедневно по заранее определенному табелю срочных донесений докладывал в Генеральный штаб. Кроме этого, главком лично докладывал Верховному главнокомандующему, где бы тот ни находился, об обстановке и высказывал ему свои соображения по отдельным вопросам, а иногда обращался с просьбами.

Важным элементом подготовки войны на Дальнем Востоке, безусловно, являлось определение времени ее начала. Сделано оно было лично Верховным главнокомандующим. Принятие столь важного решения определялось рядом факторов, прежде всего военно-политическими и оперативно-стратегическими соображениями. Во-первых, пунктуальным выполнением обещаний, данных главам правительств союзных держав на Ялтинской конференции, начать военные действия «через два-три месяца после капитуляции Германии». Во-вторых, полной готовностью группировки советских войск, сосредоточенных и развернутых на Дальнем Востоке к ведению боевых действий.

По свидетельству А. М. Василевского, 16 июля, в канун начала работы Потсдамской конференции, ему в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И. В. Сталин и, спросив, как идет подготовка операции, поинтересовался, «нельзя ли ее дней на десять ускорить». Главком вспоминал: «Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого не позволяет сделать этого и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин ставил вопрос об ускорении сроков, мне неизвестно. Известно другое: накануне открытия Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполняющий обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки. Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политических нажим на советскую делегацию»[220].

Особенности деятельности органов стратегического руководства СССР в войне против Японии

В период работы Потсдамской конференции завершилось официальное формирование органов стратегического руководства на удаленном ТВД в войне с Японией. Директивой Ставки ВГК от 30 июля Маршал Советского Союза А. М. Василевский был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с подчинением ему с 1 августа 1945 г. Забайкальского и Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск и Тихооке-

анского флота[221]. Через два дня, 2 августа, на имя А. М. Василевского поступила директива Ставки ВГК, в которой приказывалось с 5 августа 1945 г. переименовать:

«1. Приморскую группу войск (командующий — Маршал Советского Союза Мерецков К. А.) — в 1-й Дальневосточный фронт.

2. Дальневосточный фронт (командующий — генерал армии Пуркаев М. А.) — во 2-й Дальневосточный фронт.

3. Оперативную группу генерал-полковника Васильева — в штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке.

4. Назначить начальником штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-полковника Иванова С. П.»[222].

Накануне начала военных действий, 4 августа 1945 г., Ставка ВГК и Генеральный штаб сообщили главкому советских войск на Дальнем Востоке «разграничительную линию зон действий военно-воздушных сил и военно-морских флотов СССР и США, установленную на совещании с военным командованием союзников 26.07.1945 г. и одобренную Верховным главнокомандующим». Начальник Генерального штаба Красной армии указал координаты точек в Беринговом и Японском морях, в Корее и Маньчжурии, через которые должна проходить линия разграничения. К северу от нее должны были действовать военно-морской флот и авиация СССР, а к югу — США. Эта граница являлась границей действий и для надводных кораблей, и для подводных лодок. Берингово море объявлялось зоной совместных действий Тихоокеанского флота СССР и флота СШ. В зависимости от обстановки в последующем эта граница, как отмечалось выше, могла быть изменена по согласованию с союзниками[223].

Осознавая приближение даты начала войны, главнокомандующий в первых числах августа приказал провести проверку готовности войск и штабов к ведению военных действий. На 1-й Дальневосточный фронт главком отправился лично, на Забайкальский был направлен начальник штаба генерал-полковник С. П. Иванов, а на 2-й Дальневосточный — член Военного совета генерал-лейтенант И. В. Шикин. Результатом проверки стало донесение в Ставку ВГК о полной готовности войск к наступлению.

Окончательно дата начала военных действий против Японии была принята после возвращения советской делегации с Потсдамской конференции. В 16 часов 30 минут 7 августа 1945 г. Верховный главнокомандующий и начальник Генерального штаба подписали директиву Ставки ВГК № 11122, которая адресовалась главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке. Ставка ВГК приказывала:

«1. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки № 11112 (для 2-го Дальневосточного фронта), № 11113 (для 1-го Дальневосточного фронта) и № 11114 (для Забайкальского фронта).

Боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа, имея в виду бомбить прежде всего Харбин и Чанчунь.

Наземным войскам границу Маньчжурии перейти:

Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам — утром 9 августа;

2-му Дальневосточному фронту — по указанию маршала Василевского.

2. Тихоокеанскому флоту с получением сего:

а) перейти в оперативную готовность номер один;

б) приступить к постановке минных заграждений, согласно утвержденному плану, за исключением устья р. Амур и Тауйской губы;

в) одиночное судоходство прекратить, транспорты направлять в пункты сосредоточения. В дальнейшем судоходство организовать конвоями под охраной военных кораблей;

г) подводные лодки развернуть.

Боевые действия флота начать с утра 9 августа.

3. Время считать по забайкальскому времени.

4. О получении и исполнении донести»[224].

Этой директиве Ставки ВГК предшествовало «Донесение главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Верховному главнокомандующему о положении советских войск на Дальнем Востоке и предложение о сроках начала боевых действий против Японии». Основываясь на анализе боевой готовности войск фронтов и сил флота и прогноза погоды, главком считал, что «лучшим сроком для начала действий войск (Забайкальского. — *Прим. ред.*) фронта (имею в виду переход границы) будет 9–10 августа 1945 г.» и что «войска 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов должны будут начать свои боевые действия в один день и час с войсками Забайкальского фронта»[225]. Главком просил Верховного главнокомандующего дать ему «окончательное указание по срокам начала действий для двух основных направлениях», а также «по вопросам политического и дипломатического порядка... рассмотреть разработанные и направленные Вам обращения главкома советскими войсками на Дальнем Востоке к японцам, монголам, китайцам и корейцам и дать по ним указания», а «для улучшения руководства Тихоокеанским флотом срочно направить на Дальний Восток адмирала флота Кузнецова или лицо по Вашему усмотрению»[226]. По этому поводу Н. Г. Кузнецов отмечал: «Уже там, в Потсдаме, я узнал, что на меня возлагается координация действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с действиями сухопутных войск»[227]. Таким образом ясно, что Ставка ВГК предвидела просьбу А. М. Василевского.

С получением директивы Ставки ВГК № 11122 главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке 7 августа своими директивами в 22 часа 35 минут (забайкальского времени) для 1-го Дальневосточного фронта[228], в 22 часа 40 минут для Тихоокеанского флота[229], в 23 часа ровно для Забайкальского фронта[230] и в 23 часа 10 минут для 2-го Дальневосточного фронта[231] уточнил срок начала боевых действий: с 24 часов 8 августа — для Забайкальского и с 1 часа ночи 9 августа — для остальных.

Во время начала военных действий главком находился на 1-м Дальневосточном фронте, где условия ведения наступления были наиболее сложными, а в ходе операции, когда ударные группировки вышли на оперативный простор, он вылетел в штаб Забайкальского фронта.

Оперативная сводка Генерального штаба Красной армии руководству страны за 9 августа 1945 г. начиналась словами: «Согласно приказу Ставки ВГК передовые части Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в 00 ч. 10 мин. 9 августа 1945 г. (дальневосточного времени) перешли государственную границу и начали боевые действия против японских войск в Маньчжурии. В 04 ч. 30 мин. 09.08 Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты ввели в действие главные силы». Далее следовало описание действий и положение войск армий каждого из фронтов, занятых к исходу 9 августа, а также результаты действий ВВС Красной армии и ВМФ: всего было произведено 1299 самолето-вылетов, из них по войскам противника — 572, по железнодорожным объектам — 202, на прикрытие — 390, на разведку — 135. Оперсводка была отпечатана в семи экземплярах: членам ГКО — И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, Н. А. Вознесенскому, а также Н. Г. Кузнецову (НК ВМФ) и в дело информационного отдела Оперативного управления Генштаба Красной армии[232].

Оперативные сводки Генштаба Красной армии составлялись ежедневно до 14 сентября (до начала преобразования фронтов в военные округа) — всего 37. Несмотря на то что активные наступательные действия советских войск против Квантунской группировки в конце второй декады августа завершились, на ряде направлений наступление продолжалось. «В течение 19 августа, — отмечалось в оперативной сводке Генерального штаба Красной армии, — на Дальнем Востоке наши войска производили прием капитулировавших частей и соединений Квантунской армии и продолжали продвигаться вперед в направлениях Цзиньчжоу, Мукден, Чанчунь, Харбин, Цицикар»[233]. Все оперативные сводки подписывались начальником Оперативного управления Генштаба Красной армии генерал-полковником С. М. Штеменко и начальником информационного отдела Оперативного управления Генштаба Красной армии генерал-майором С. П. Платоновым или его заместителем полковником Ф. М. Шишкиным.

Информирование Ставки ВГК войсками фронтов в ходе активных наступательных военных действий осуществлялось по отработанному в годы Великой Отечественной войны алгоритму. Кроме ежедневных боевых донесений и оперативных сводок штабов фронтов

в Ставку ВГК и Генеральный штаб[234] о наиболее важных событиях и приказаниях — начале боевых действий, занятии войсками, действующими на направлениях главных ударов, назначенных рубежей, продвижении объединений (армий) и соединений (дивизий, корпусов) к конечным пунктам операций и прочем — доносилось военными советами или лично командующими войсками фронтов шифрограммами в адрес Верховного главнокомандующего и главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Так, уже в 7 часов 30 минут 9 августа 1945 г. командующий войсками Забайкальского фронта докладывал И. В. Сталину и А. М. Василевскому, что «к 7.00 части 6 гв. ТА углубились на территорию противника до 50 км... 36 А на левом фланге переправила через р. Аргунь по одному передовому отряду от четырех дивизий. Отряды углубились до 2 км». Далее сообщалось о действиях авиации фронта. В Центре шифровка была распечатана в пяти экземплярах: И. В. Сталину, Н. А. Булганину, А. И. Антонову, С. М. Штеменко и в 4-й отдел 8-го управления Генштаба[235]. В связи с тем, что военные действия войск фронтов развивались по плану, Ставка ВГК в руководство их действиями не вмешивалась, лишь иногда напоминая о своевременности докладов.

Донесение начальника штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке начальнику Генштаба Красной армии о перехвате в 16 часов 16 августа текста обращения командования Квантунской группировки войск к советскому командованию о том, что она прекращает все военные действия, и донесения начальников штабов фронтов о последующих шагах японского командования — издании приказов о капитуляции, начале сдачи оружия, запрещении вести всякого рода подрывные работы[236] — стали знаковыми событиями, оказывавшими влияние на деятельность органов стратегического руководства.

Резкое изменение военно-политической обстановки внесло коррективы в руководство войсками. Практически все приказы и распоряжения Ставки ВГК, главкома на ТВД, командующих войсками фронтов стали носить военно-политико-дипломатический характер. Однако повода для эйфории в связи успехами не было: в ряде районов японские войска продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. Так, утром 17 августа маршал А. М. Василевский вынужден был обратиться к главнокомандующему Квантунской группировкой войск генералу О. Ямаде с ультимативным требованием к его войскам «с 12.00 20 августа прекратить военные действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен»[237]. А в 23 часа 30 минут 17 августа в Ставке ВГК была подписана директива о порядке обращения со сдававшимися в плен японскими войсками и взаимодействии с китайской администрацией. Директива, адресованная главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке, командующим войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанским флотом, была расшифрована и поступила адресатам в полдень 18 августа. Ставка ВГК в директиве, подписанной И. В. Сталиным и А. И. Антоновым, приказывала:

«1. На всех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекращать. С пленными японцами обращаться хорошо.

2. В городах Маньчжурии, освобожденных от японцев, могут быть подняты китайские флаги администрацией, назначенной Чан Кайши. В этом китайской администрации не препятствовать и содействовать ей в установлении порядка.

3. Склады с продовольствием, горючим, оружием и всяким снаряжением, а также автомашины и другое имущество, захваченное нашими войсками, считать своими трофеями и китайцам не передавать.

4. Приказ довести до командиров полков»[238].

Командирам дивизий и бригад разрешалось «входить в связь с японо-маньчжурским командованием... самостоятельно устанавливать порядок приема и разоружения войск противника на своих условиях»[239].

В последующие дни шло согласование вопроса о капитуляции японских войск по радио, через парламентеров, посредством вымпелов, через советского консула в Харбине. Одновременно советское руководство стремилось всемерно ускорить продвижение войск в Маньчжурии с целью немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин, Порт-Артур, Дайрен и других. С этой целью 18 августа командующие войсками Забайкаль-

ского и 1-го Дальневосточного фронтов получили приказ главкома «перейти к действиям специально сформированными, быстроподвижными и хорошо оснащенными отрядами»[240]. Состав отрядов, их обеспеченность горючим и боеприпасами, средствами усиления, а также даты выхода в назначенные пункты определялись командующими фронтами в зависимости от обстановки[241].

В тот же день, 18 августа, А. М. Василевский представил Верховному главнокомандующему подробный доклад об обстановке на фронтах и задачах фронтов по оккупации всей Маньчжурии, Внутренней Монголии, Ляодунского полуострова, северной части Кореи, южной половины Сахалина, северной половины острова Хоккайдо и Курильских островов. Все операции предполагалось завершить к 1 сентября 1945 г.[242]

19 августа маршал А. М. Василевский отдал приказ об обязательном соблюдении порядка обращения с японскими войсками при их капитуляции: «а) устанавливать с пленными хорошие отношения; б) у офицерского и генеральского состава оставлять денщиков, холодное оружие; в) категорически запретить отбирать у военнопленных принадлежащие им вещи». Питание военнопленных организовывалось за счет японской армии. В случаях отсутствия продуктов приказывалось выдавать их из имеющихся на трофейных складах не менее чем на две недели, а для обслуживания столовых и подвоза продуктов оставлять соответствующее количество транспорта. Для контроля над выполнением настоящего приказа в лагерях военнопленных выделялись ответственные командиры[243].

В последующие дни, вплоть до 31 августа 1945 г., командующие войсками фронтов шифровками докладывали главкому и в Ставку ВГК: об оказании содействия представителям американского командования, прибывшим в Мукден 21 августа за освобожденными американскими военнопленными и главным образом генерал-лейтенантом Дж. Уэйнрайтом, попавшим в плен к японцам в 1942 г.; о капитуляции в Мукдене штаба 3-го японского фронта с большой группой генералов и офицеров; о подготовке и направлении авиадесантов с посадкой в Дайрене и Порт-Артуре с назначенными представителями командующего войсками Забайкальского фронта; о сосредоточении соединений и частей в указанных пунктах и прочее[244].

В деятельности органов стратегического руководства войной с Японией следует отметить еще один весьма важный нюанс. В ходе активных военных действий Ставка ВГК приняла важное решение военно-дипломатического характера. Приближавшиеся неминуемый разгром и безоговорочная капитуляция Японии потребовали назначения представителя страны и вооруженных сил на переговорах с союзниками о подписании условий капитуляции. Была предложена кандидатура начальника штаба 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта, назначенного на эту должность в июле 1945 г., генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко. 15 августа 1945 г. А. М. Василевский получил правительственную шифрограмму (директиву Ставки ВГК № 11124), подписанную И. В. Сталиным и А. И. Антоновым, о назначении К. Н. Деревянко «представителем главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке при главнокомандующем американскими сухопутными войсками на Тихоокеанском театре военных действий генерале Макартуре». Директива предписывала порядок его действий при подписании условий капитуляции Японии, которое был уполномочен возглавить генерал Д. Макартур. «В случае начала переговоров о подписании условий капитуляции Японии генералом Макартуром и японским правительством или военным командованием, — указывалось в тексте, — Вы обязаны принимать участие во всех без исключения переговорах союзников с японскими представителями и доносить маршалу Василевскому, а в копии — начальнику Генерального штаба Красной армии о своих впечатлениях и ходе переговоров». В целях наилучшей ориентировки в общей обстановке и правильной оценки любых переговоров, связанных с капитуляцией японских войск, советскому представителю рекомендовалось «хорошо изучить группировку японских войск по всем операционным направлениям», «следить за перегруппировкой японских войск», «без особого разрешения главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке... не подписывать никаких документов о капитуляции... и не давать от себя никаких обязательств»[245].

В связи с этим уместно отметить, что выбор представителя не был случаен. Принимая это решение, Ставка ВГК учитывала опыт К. Н. Деревянко в военной разведке, штабной работе и знание им английского и японского языков. В 1936 г. он окончил разведывательный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе, получил специальное образование, владел иностранными языками. Службу начал в разведке РККА (в Китае), во время Советско-финляндской войны был начальником штаба Отдельной особой лыжной бригады 9-й армии, затем работал за рубежом, в июле 1941 г. являлся начальником разведки Северо-Западного фронта, в мае 1942 г. — начальником штаба 53-й армии Северо-Западного фронта, в 1943–1945 гг. — начальником штаба 57-й и 4-й гвардейской армий, в мае — июле 1945 г. — представителем советского военного командования в Австрии и, наконец, — начальником штаба 35-й армии[246].

Получив указания от главкома, К. Н. Деревянко вылетел из Владивостока в Манилу, где дислоцировался американский штаб. Уже там он узнал, что уполномочен подписать Акт о капитуляции Японии от имени Верховного главнокомандования Вооруженных сил Советского Союза. 2 сентября 1945 г. генерал-лейтенант К. Н. Деревянко принял участие в исторической церемонии на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе и поставил подпись в актах на английском и японском языках.

В ходе кампании, которая стала завершающим этапом участия Вооруженных сил СССР во Второй мировой войне и ознаменовалась последними сражениями этой войны, советские войска провели: Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию (9 августа — 2 сентября 1945 г.) силами существовавшего Забайкальского, развернутых 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, включая Сейсинскую (Чхонджинскую) десантную операцию (13–16 августа) силами Тихоокеанского флота во взаимодействии с войсками 25-й армии; Южно-Сахалинскую наступательную операцию (11–25 августа) силами 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Северной Тихоокеанской военной флотилией; Курильскую десантную операцию (18 августа — 1 сентября) также войсками 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с силами Тихоокеанского флота.

Готовившаяся операция по высадке советских войск на остров Хоккайдо была отменена Верховным главнокомандующим, поскольку результаты высадки уже не могли оказать какого-либо влияния на общий ход военных действий и капитуляцию Японии, а также в связи с нежеланием советского руководства обострять отношения с США с учетом резко негативной реакции президента США Г. Трумэна, не согласившегося с предложением И. В. Сталина принять капитуляцию японских войск на севере острова представителями советского командования.

Таким образом, в ходе Советско-японской войны наиболее ярко реализовался огромный военно-политический и чисто военный опыт в стратегическом руководстве Вооруженными силами СССР, страной и войной в целом как в ходе ее подготовки, так и непосредственно при ведении военных действий, накопленный в противоборстве с фашистской Германией.

Решающее влияние на планирование и организацию военных действий в Дальневосточной кампании оказывали прежде всего решительность военно-политических целей, общая военно-политическая обстановка в мире и регионе, состояние противника, удаленность театра военных действий, его размеры, разнообразие и сложность природных физико-географических и климатических условий, уровень экономического развития, степень оперативной и боевой готовности войск.

Необходимость вступления Советского Союза в войну против Японии диктовалась многими, но прежде всего политическими, военными, интернациональными, а также историческими факторами. Важнейшими военно-политическими целями вступления в войну являлись: ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, изгнать японских захватчиков с оккупированных территорий, содействовать восстановлению всеобщего мира. Главная и конкретная военная цель состояла в разгроме одной из крупнейших стратегических группировок на континентальной части ТВД — Квантунской группировки войск в сжатые сроки, лишении Японии важнейшей военно-промышленной и сырьевой базы в Маньчжурии

и Корее. В интернациональном плане целью Дальневосточной кампании было оказание помощи китайскому и корейскому народам в освобождении Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, что способствовало активизации народов Юго-Восточной Азии в их национально-освободительной борьбе с японскими захватчиками. И наконец, в историческом плане решалась задача возвращения исконно русских земель — южной части острова Сахалин и Курильских островов, обеспечение свободного выхода в океан советских кораблей и в целом безопасности дальневосточных рубежей страны.

Вступление Советского Союза в войну с Японией и активное участие в ней стало не только фактом выполнения союзнических обязательств как одного из принципов коалиционной войны, но и решающим фактором, в корне менявшим соотношение сил в мире, образцом организации стратегического взаимодействия вооруженных сил стран антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага. Сам процесс подготовки к войне на удаленном ТВД проходил планомерно, целенаправленно и потребовал значительных усилий политического и военного руководства СССР на всех уровнях.

Победа в Великой Отечественной войне, возросший международный авторитет СССР и его огромное влияние на обстановку в мире, справедливость военно-политических целей войны, способность народа и вооруженных сил выдержать новые испытания и решить поставленные задачи позволяли военно-политическому и военно-стратегическому руководству страны и вооруженных сил быть полностью уверенными в успехе военной кампании. Морально-политический потенциал страны как никогда ранее был очень высок.

Усилиями ГКО, Ставки ВГК, Генерального штаба и командующих войсками фронтов и флотом в короткие сроки, всего лишь через три месяца после разгрома нацистской Германии и ее союзников, была сосредоточена и развернута мощная межвидовая группировка войск и средств на удаленном ТВД, обеспеченная всеми видами довольствия, и создан новый фронт вооруженной борьбы. В течение главным образом мая — июля 1945 г. с запада на Дальний Восток были переброшены имевшие боевой опыт войска общей численностью свыше 400 тыс. человек. Переброска столь значительного количества войск, а также средств вооруженной борьбы, соединений, учреждений и частей различных видов обеспечения в ограниченные сроки и на такие огромные расстояния стала не только беспрецедентным в чисто военном искусстве, но и примером эффективной деятельности всех органов стратегического руководства страной и вооруженными силами.

Важную роль в оперативно-стратегическом руководстве войсками в войне против Японии как в ходе ее подготовки, так и непосредственно при ведении военных действий сыграло главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским и его штабом. Сорок лет спустя, давая оценку этому событию, начальник штаба главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник С. П. Иванов отмечал: «Создание такого органа стратегического руководства, как главное командование, судя по дальнейшему развитию событий, полностью себя оправдало, ибо давало возможность оперативно проводить в жизнь указания Верховного главнокомандующего, учитывать изменения, происходившие в оперативно-стратегической и военно-политической обстановке, и своевременно реагировать на них, а также оказывать фронтам на месте необходимую помощь. Связь Верховного главнокомандующего с А. М. Василевским, его штабом, а через них и с действующими войсками была устойчивой и непрерывной»[247]. Немаловажное значение для продуктивной деятельности главнокомандующего имел фактор личности маршала А. М. Василевского, его способность умело организовать выполнение поставленных Ставкой ВГК задач.

Дальневосточная кампания в подлинном смысле молниеносная — она длилась всего 24 дня. Однако по своему пространственному размаху, динамичности военных действий, а самое главное — по конечным результатам она заняла достойное место среди кампаний Второй мировой войны. Успешное проведение кампании — результат правильного решения проблемы стратегического руководства войсками на театре военных действий, удаленном на многие тысячи километров от Ставки ВГК. Создание специального органа управления,

каким являлось главное командование советских войск на Дальнем Востоке со своим штабом, другими органами управления и надежными системами и средствами связи, обеспечило точное выполнение разработанных замыслов и планов операций, строгую координацию действий разнородных сил, привлекавшихся к решению задач, а также надлежащую реакцию на все изменения обстановки. Четкое функционирование системы руководства на всех уровнях — от стратегического до тактического — зависело прежде всего от продуманной расстановки командных и управленческих кадров, обладавших боевым опытом.

Показателем высокой эффективности органов стратегического руководства является планирование и осуществление практически одновременных ударов на обширных пространствах Дальневосточного театра военных действий, а также организация и поддержание оперативно-стратегического взаимодействия между фронтами, группировками сухопутных войск, авиацией и флотом, использование различных видов вооруженных сил и родов войск на каждом операционном направлении, имеющем свои специфические физико-географические и климатические особенности. В стратегическом плане это взаимодействие выражалось в координации действий войск и сил по времени, месту, задачам, своевременном обмене информацией, осуществлявшихся главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке и его штабом.

Политические и военные итоги кампании Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке, внесшей существенный вклад в победоносное окончание Второй мировой войны, имеют непреходящее историческое значение. Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии и быстрый разгром ее сухопутной стратегической группировки в Маньчжурии привели к потере важной военно-экономической базы Японии. Это сорвало ее планы на продолжение войны и вынудило императорское правительство подписать 2 сентября Акт о безоговорочной капитуляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1989. С. 238–239.

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 346. Д. 2366. Л. 120–121.

[3] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2369. Л. 154–157.

[4] Там же. П. 346. Д. 2366. Л. 141–142.

[5] Там же.

[6] Правда. 1941. 11 декабря.

[7] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 12.

[8] Там же. С. 13.

[9] АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–38.

[10] Там же. Л. 129–139.

[11] Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сб. документов). Токио, 1963. С. 520.

[12] *Фудзивара А.* Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 81.

[13] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 19.

[14] Цит. по: *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942 гг. М., 1997. С. 36–37.

[15] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. М., 1946. С. 194.

[16] *Hutch A. P.* Franklin D. Roosevelt, an Informal Biography. N. Y., 1947. P. 298.

[17] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 13–14.

[18] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 368. Д. 2506. Л. 232–234; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 1. С. 156.

[19] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 192.

[20] Там же. С. 180–181, 192.

[21] АВП РФ. Ф. 048. Оп. 48. П. 431. Д. 10. Л. 106–114; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 369.

[22] *Кудо М.* Ниссо тюрицу дзёяку-то кэнкю (Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 139–140.

[23] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 369. Д. 2511. Л. 76–80.

[24] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 21.

[25] Там же. С. 22.

[26] Там же. С. 23.

[27] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 387; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 246–247.

[28] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4 доп. П. 31. Д. 341. Л. 1–6.

[29] Цит. по: *Золотарёв В. А., Лавров С. Б.* Второй фронт: сорок лет спустя. Душанбе, 1987. С. 28.

[30] 11 октября 1942 г. в Тихом океане советская подводная лодка Л-16 была потоплена неизвестной подводной лодкой.

[31] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 44–45.

[32] Там же. С. 46.

[33] *Dean J.* The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. N. Y., 1947. P. 47.

[34] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 1. С. 351–352.

[35] *Lensen G.* The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations During the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 259.

[36] *Бережков В. М.* Рождение коалиции. М., 1975. С. 227.

[37] *Hull C.* The Memories. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1309–1310.

[38] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. В 6-ти т. Т. 2. Сб. документов. М., 1978. С. 95.

[39] Там же. С. 119–120.

[40] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 471–472.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 454–455.

[43] Там же. Т. 2. С. 20–21.

[44] Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 34.

[45] *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 425.

[46] Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. Washington, 1944. P. 766.

[47] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 304–305.

[48] Там же. С. 305–306.

[49] Там же. С. 307.

[50] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 441, 572, 592, 682.

[51] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 210–211.

[52] Там же.

[53] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1989. С. 238–239.

[54] Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94–95.

[55] *Кудо М.* Указ. соч. С. 197.

[56] Там же.

[57] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 218.

[58] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 171–172.

[59] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 256.

[60] *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. L., 1955. P. 90–91.

[61] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945 / Пер. с англ. М., 1985. С. 271–272.

[62] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 269–274.

[63] История войны на Тихом океане. В 5-ти т. Т. 4 / Пер. с яп. М., 1958. С. 257–258.

[64] См.: *Кошкин А. А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 295.
[65] *Bix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. N. Y., 2000. P. 490.
[66] *Кудо М.* Указ. соч. С. 219–220.
[67] *Кошкин А. А.* Указ. соч. С. 300.
[68] *Хаттори Т.* Указ. соч. С. 532.
[69] *Эрман Дж.* Указ. соч. С. 271–272.
[70] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6. Сб. документов. М., 1984. С. 40.
[71] *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y., 1947. P. 208.
[72] *Byrnes J.* All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 291.
[73] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6. Сб. документов. С. 209.
[74] *Сигэто Ю.* Сэндзи ниссо косё сёси. 1941–1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны: 1941–1945). Токио, 1974. С. 142–143.
[75] *Кошкин А. А.* Указ. соч. С. 310.
[76] FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Washington, 1960. P. 1292–1293.
[77] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. М., 1947. С. 362–363.
[78] Подробнее см.: Нихон бункацу (Расчленение Японии). Токио, 1978. С. 27–39.
[79] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 281–286.
[80] Там же. С. 286–287.
[81] Там же. С. 287.
[82] Там же. С. 287–288.
[83] Там же. С. 288–289.
[84] От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.
[85] Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 533.
[86] *Шинин О. В.* Деятельность дальневосточных органов государственной безопасности по добыванию информации о политическом, военном и экономическом положении приграничных государств в межвоенные годы (1922–1941). Исторические чтения на Лубянке, 1997–2007. М., 2008. С. 240.
[87] *Александров А.* Великая победа на Дальнем Востоке. М., 2004. С. 8.
[88] *Кикнадзе В. Г.* Роль радиоразведки Краснознаменной Амурской флотилии в разгроме Японии // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 12–14.
[89] *Фёдоров В. М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 477.
[90] Победа на Дальнем Востоке и военная разведка. М., 2007. С. 90–91.
[91] *Лота В. И.* За гранью возможного. Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. М., 2009. С. 573.
[92] Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 175–194.
[93] Победа на Дальнем Востоке и военная разведка. С. 75–76.
[94] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 686–687.
[95] *Гордеев Н. В., Жданова Н. Н., Бугреев В. И.* Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 13.
[96] *Мерецков К. А. На* службе народу. М., 1969. С. 423.
[97] *Гордеев Н. В., Жданова Н. Н., Бугреев В. И.* Указ. соч. С. 16.
[98] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 247.
[99] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1981. С. 399.
[100] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 426–428, 435–436, 441, 446.
[101] *Штеменко С. М.* Из истории разгрома Квантунской армии // Военно-исторический журнал. 1967. № 4. С. 55–57.

[102] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 190–191; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 400–402; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 442.

[103] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 507–508.

[104] *Ковалёв И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 385.

[105] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 481.

[106] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 444–448, 653, 705.

[107] Там же. С. 447–448; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 483.

[108] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 453. Л. 72.

[109] Там же. Л. 73.

[110] Там же.

[111] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 31; Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 31.

[112] Там же. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 40.

[113] *Василевский А. М.* Финал // Военно-исторический журнал. 1967. № 6. С. 86.

[114] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 505.

[115] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 403.

[116] The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941–1945. Washington, 1955. P. 63.

[117] Reports of General MacArthur: Japanese Operations in South-West Pacific Area. Washington, 1966. Vol. 1. P. 395.

[118] *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта, 1931–1945 гг. М., 2007. С. 364.

[119] Там же. С. 364–365.

[120] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 19. Л. 230–231.

[121] *Зимонин В. П.* Победная точка во Второй мировой войне. М., 2005. С. 71.

[122] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 278.

[123] *Иванов С. П.* Крах Квантунской армии // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 79.

[124] Там же. С. 81.

[125] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 164.

[126] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 3. М., 1962. С. 468.

[127] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 11. С. 182.

[128] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 506–507; Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). В 110-ти томах. Т. 73. Ч. 2. Токио, 1974. С. 389; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 11. С. 38–39, 180–182.

[129] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). Т. 73. Ч. 2. С. 383.

[130] История военной связи. Л., 1983. С. 122.

[131] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 338. Л. 92–108; Д. 31. Л. 108–111; Д. 334. Л. 22–39.

[132] ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 703. Л. 27, 36–37, 42–43.

[133] Там же. Л. 37.

[134] История военной связи Российской армии. В 6-ти т. Т. 5. СПб., 1999. С. 287.

[135] ЦВМА. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 83. Л. 142.

[136] Там же. Л. 144.

[137] Связь Военно-морского флота в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Информационный сб. М., 1985. С. 80.

[138] Там же. С. 84.

[139] Служба связи Военно-морского флота. М., 1976. С. 425.

[140] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 64.

[141] Там же. Л. 96.

[142] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 139. Л. 225–228.
[143] Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 225–228.
[144] Там же. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 139. Л. 225–228.
[145] Максимов, Шорин, Киселёв — условные фамилии перечисленных военачальников с марта по август 1945 г. (Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. М., 1968. С. 537, 539, 547).
[146] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 83. Л. 159–161.
[147] Там же. Л. 164–167.
[148] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 462. Л. 178.
[149] Там же. Д. 404. Л. 27.
[150] Там же. Д. 460. Л. 155–161.
[151] Там же. Ф. 644. Оп. 2. Д. 460. Л. 155–161; ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 175–179.
[152] Командующие артиллерией КА и войсками Дальневосточного фронта 29 марта 1945 г. получили директиву Генерального штаба КА с указанием порядка отправки частей ПВО на Дальний Восток (ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 209–210).
[153] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 175–179, 290–291, 296–298.
[154] *Комаров Н. Д.* Государственный комитет постановляет... Документы, воспоминания, комментарии. М., 1990. С. 407–408.
[155] Там же. С. 409.
[156] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 218.
[157] Там же. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 109. Л. 73–76.
[158] Там же. Л. 74, 76.
[159] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 397–399, 406–409.
[160] Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 241–243, 247–250.
[161] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 423–424.
[162] Там же. Л. 397–399, 406–407.
[163] Там же. Л. 408–409.
[164] Там же. Л. 60–61.
[165] Там же. Л. 489–490; Д. 19. Л. 64–65.
[166] История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 201.
[167] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 500. Л. 141–148.
[168] *Захаров М. В.* Кампания Советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 1960. № 9. С. 3–16.
[169] Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 117.
[170] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 9. Л. 456.
[171] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 344. Л. 150–152.
[172] Там же. Оп. 2. Д. 425. Л. 24.
[173] Там же. Л. 21.
[174] Там же. Л. 22.
[175] Там же. Оп. 1. Д. 345. Л. 45–47.
[176] Там же. Оп. 2. Д. 357. Л. 77–82.
[177] Там же. Д. 460. Л. 78–84.
[178] Там же. Л. 157–159.
[179] Там же. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–8.
[180] В постановлении указывались сроки окончания работ, характеристика дороги (ширина проезжей части — 6 м, ширина земляного полотна — 10 м). Для дорожных работ с действующих фронтов направлялись три военно-дорожных управления в составе 16 отрядов, 15 дорожных батальонов, два автомобильных и один ремонтно-восстановительный батальоны и 15 гужтранспортных рот. Дополнительно выделялось 20 тыс. военнопленных (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–8).
[181] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 389. Л. 6–8.
[182] Там же. Оп. 1. Д. 397. Л. 146–178.
[183] Там же. Л. 147.

[184] Там же. Л. 151.
[185] Там же. Л. 152.
[186] Там же. Л. 149–153.
[187] *Гришин М. И.* Военные сообщения в кампании Советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке. М., 1960. С. 56–57.
[188] *Еронин Н. В.* Стратегическая перегруппировка Советских Вооруженных сил с Западного на Дальневосточный ТВД летом 1945 года // Военная мысль. 1975. № 9. С. 67–78.
[189] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 404. Л. 171–179.
[190] Там же. Оп. 2. Д. 411. Л. 41–57.
[191] Там же. Л. 67–71.
[192] Там же. Д. 415. Л. 37–39; Д. 419. Л. 136–140; Д. 420. Л. 157–175.
[193] *Захаров М. В.* Указ. соч. С. 3–16.
[194] Не учтена численность личного состава, вооружения и боевой техники 126-го легкого горнострелкового и 3-го гвардейского механизированного корпусов, прибывших в ходе кампании, а также пограничных и внутренних войск НКВД, принимавших участие в военных действиях.
[195] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 19. Л. 98–101.
[196] Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 161.
[197] Чугуевская оперативная группа до 18 апреля 1945 г. именовалась Приморской группой Дальневосточного фронта. В ее состав входили две стрелковые дивизии (335-я и 355-я), два укрепленных района (150-й и 162-й) и Владимирско-Ольгинский укрепрайон. 9 августа 1945 г. 335-я сд была передана в оперативное подчинение командующему Тихоокеанским флотом. Группа поддерживалась 16-й смешанной авиадивизией из состава ВВС флота (Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1961. С. 837).
[198] *Жуматий В. И.* Боевой и численный состав Военно-морского флота СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Статистический сб. М., 2006. С. 62–67.
[199] Там же. С. 150–152.
[200] Не учтена численность личного состава, вооружения и боевой техники пограничных и внутренних войск НКВД, принимавших участие в кампании (История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 11. С. 197).
[201] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 415.
[202] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968. С. 414.
[203] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. С. 457; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 418.
[204] Там же.
[205] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 511.
[206] Там же. С. 512.
[207] Директива Ставки ВГК № 11114 от 28 июня 1945 г. (ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 247–250).
[208] Директива Ставки ВГК № 11113 от 28 июня 1945 г. (Там же. Л. 241–243).
[209] Директива Ставки ВГК № 11112 от 28 июня 1945 г. (Там же. Л. 238–240).
[210] *Иванов С. П., Шеховцов Н. И.* Опыт работы главных командований на театрах военных действий // Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 16.
[211] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 109. Л. 73–74.
[212] Там же. Д. 165. Л. 7–10.
[213] Главный штаб ВМФ: история и современность 1696–1997. М., 1998. С. 104.
[214] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 840.
[215] История внутренних войск МВД России (1811–2011 гг.) В 5-ти т. Т. 3. М., 2011. С. 75; Органы руководства Вооруженными силами СССР. История организации и деятельности в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 248.
[216] *Иванов С. П.* Указ. соч. С. 82–87.
[217] Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. В 4-х т. Т. 4. М., 1954. С. 675.
[218] *Иванов С. П., Шеховцов Н. И.* Указ. соч. С. 16–17.

[219] Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969. С. 154–155.

[220] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 513.

[221] ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 155; Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 155.

[222] Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 161.

[223] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3411. Д. 19. Л. 230–231.

[224] Там же. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 162–163.

[225] Там же. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8/1. Л. 125–127.

[226] Там же.

[227] *Кузнецов В. Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 707.

[228] ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8/1. Л. 189–190.

[229] Там же. Л. 191.

[230] Там же. Л. 192–193.

[231] Там же. Л. 194.

[232] Там же. Оп. 1075. Д. 17. Л. 1–5 об.

[233] Там же. Л. 46–49.

[234] Там же. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 2705. Л. 1–81; Д. 2704. Л. 1–108; Д. 2703. Л. 1–75; Ф. 210. Оп. 3116. Д. 117. Л. 1–71.

[235] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3412. Д. 899. Л. 13–14.

[236] Там же. Ф. 28. Оп. 11626. Д. 2703. Л. 80–88.

[237] Цит. по: Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18 (7–1). М., 1997. С. 326.

[238] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 169.

[239] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3412. Д. 899. Л. 77–78.

[240] Там же. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 12.

[241] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3412. Д. 899. Л. 15–17.

[242] Там же. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 598–602.

[243] Там же. Ф. 48-А. Оп. 3412. Д. 899. Л. 79–80.

[244] Там же. Л. 88–100.

[245] ЦАМО. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 213. Л. 165–166.

[246] Родина. 2012. № 10. Специальный выпуск. С. 75–76.

[247] Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 80.

ОБОБЩЕНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА И ДОВЕДЕНИЕ ЕГО ДО ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ И СИЛ ФЛОТА

Тяжелые поражения, которые Красная армия потерпела в приграничных сражениях, показали, что важнейшие теоретические положения и требования уставных документов, лежавшие в основе подготовки вооруженных сил в мирное время, не соответствуют фактическому содержанию военных действий, развернувшихся на огромном пространстве от Баренцева до Черного морей. Наиболее ярким примером такого рода стала концепция глубокой наступательной операции — из-за больших потерь в авиации и танках Красная армия не смогла реализовать ее даже частично. Не удалось воплотить на практике и довоенные взгляды на организацию стратегической обороны.

События начального периода войны показали также, что в достаточной степени не были проработаны и другие важные вопросы военного искусства, такие как действия группировок, оказавшихся в отрыве от главных сил или в окружении, порядок отвода войск при угрозе окружения, организация контрнаступления. Необходимость пересмотра теоретических положений и уставных требований была налицо. Очевидными были масштабы, сложность и срочность мер, которые следовало принять для выхода из сложившейся ситуации.

Обобщение опыта боевых действий войск Красной армии

Создание эффективной системы сбора и обобщения материалов по боевому опыту и реализации результатов этой работы стало одним из важнейших достижений высшего военно-политического руководства СССР в годы войны. Потребность в такой системе стала очевидной еще в предвоенный период. Так, в августе 1940 г. в акте о передаче дел Генерального штаба Красной армии от Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова генералу армии К. А. Мерецкову было отмечено, что «оперативно-стратегические и тактические выводы из опыта последних войн и теоретические основы организации и ведения современной операции и боя» не разработаны[1].

Решали эту задачу в основном временные органы (комиссии). Единственным штатным подразделением Генерального штаба, функциями которого предусматривалось ведение работы по обобщению боевого опыта, являлся Военно-исторический отдел. Накануне войны в плановом порядке он занимался описанием операций на Карельском перешейке и прорыва линии Маннергейма, созданием оперативно-стратегического очерка «Второй

империалистической войны», составлением краткого описания операций у озера Хасан и на р. Халхин-Гол, подготовкой обзора войн в Испании и Китае и разработкой монографии по опыту боевого применения родов войск и устройства тыла во Второй мировой войне. При этом, как следовало из акта о передаче дел Генштаба Красной армии генералу армии Г. К. Жукову в феврале 1941 г., эти задачи так и не были решены из-за отсутствия в составе данного подразделения соответствующих научных сил[2].

С началом Великой Отечественной войны объем исходного материала, подлежавшего обобщению, увеличился многократно. Военно-исторический отдел Генерального штаба для организации этой работы в масштабах Красной армии полномочий не имел. Ход военных событий на фронте, их быстротечность предопределяли специфику работы по обобщению и использованию опыта войны, предъявляли новые требования к ее организации в военное время. Фактор времени стал играть определяющую роль в этой деятельности. В военное время работа по обобщению опыта войны и доведению его до войск резко отличалась от повседневной деятельности Военно-исторического отдела в предвоенные годы. Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал: «Вторая мировая война предъявила невиданно высокие требования к штабам, особенно к высшим. Неизмеримо поднялось значение Генерального штаба в... обобщении и распространении опыта войны»[3]. Работу по созданию системы обобщения и использования боевого опыта в вооруженных силах пришлось начинать практически с чистого листа в чрезвычайной обстановке военного времени.

С первых дней войны анализ хода вооруженной борьбы осуществлялся на всех уровнях военного управления, но самыми существенными возможностями для теоретического обобщения боевого опыта и внедрения полученных результатов в практику строительства, подготовки и применения Красной армии и Военно-морского флота обладали высшие органы стратегического руководства. Выводы и решения Верховного главнокомандующего и начальника Генерального штаба по результатам первичного обобщения информации, поступавшей от командующих войсками фронтов, членов Ставки, представителей Генерального штаба в действующих объединениях, высшего руководящего состава НКО и НК ВМФ, командование и органы военного управления Красной армии и Военно-морского флота получали в виде приказов и директив. Влияние И. В. Сталина на этот процесс было решающим. Он лично разрабатывал или правил проекты директивных указаний, формулировал свои замечания и предписания. Соответствующие нормативные документы подписывались Верховным главнокомандующим либо им и начальником Генштаба.

Первыми документами по результатам обобщения боевого опыта были директивы об удачных ночных действиях войск против танковых и моторизованных частей противника[4], по боевому применению авиации резерва Главного командования за первую неделю боев, ВВС Красной армии — за первые двадцать дней войны[5], по организации артиллерийской обороны[6], об основных причинах неудачных действий советских войск в обороне и наступлении[7] и другие.

Одним из самых важных итогов осмысления опыта первых трех недель войны стало решение о расформировании механизированных корпусов, переходе к армейской структуре без корпусных управлений, переформировании кавалерийских корпусов и корпусных авиационных соединений, получивших отражение в директивном письме Ставки ВГК № 01 от 15 июля 1941 г.[8] В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) директивой Главного управления политической пропаганды Красной армии от 15 июля 1941 г. активизировалась деятельность политорганов по решению задачи популяризации боевого опыта в войсках действующей армии[9], а также при организации партизанского движения. По указанию Ставки ВГК начальник Генерального штаба Красной армии директивой от 27 июля 1941 г. потребовал, чтобы «все материалы, связанные с опытом текущей войны, выявляющие боевой опыт наших войск и новые боевые приемы войск противника, выводы и предложения по организации, ведению и обеспечению боя и операции и по управлению войсками незамедлительно направлялись в Оперативное управление Генштаба» (по Отделу изучения опыта войны)[10].

Командир 17-го стрелкового корпуса генерал-майор И. В. Галанин на переднем крае обороны

Командир 2-го кавалерийского корпуса генерал-майор П. А. Белов проводит совещание с офицерами

В соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. «Об улучшении работы Генерального штаба Красной армии и центральных управлений Народного комиссариата обороны» была проведена реорганизация аппарата НКО[11]. Одновременно уточнялись его функции. Решение задачи «сбора и обработки материалов по изучению опыта войны и разработка приказов, директив и указаний по его использованию» были возложены на Генеральный штаб Красной армии[12]. Основную часть работы по обобщению опыта войны должно было выполнять Оперативное управление, куда поступали доклады и сводки от фронтов и армий и где аккумулировалась вся информация о состоянии войск и ходе военных действий. Сведения, необходимые для обобщения опыта войны, отличались большим объемом и требовали специальной обработки. В Оперативном управлении этим занимался Отдел оперативной подготовки.

Кроме того, одной из задач Группы офицеров — представителей Генерального штаба являлось «изучение и обобщение опыта боевых действий, применения новых средств борьбы и тактических приемов, методов управления в современном бою и операции, осуществляемых своими войсками и войсками противника»[13]. Однако для нее она не являлась главной.

Военно-исторический отдел отвечал главным образом за описание действий Красной армии. На него также возлагалось изучение войн прошлого и руководство военно-исторической работой в высших военно-учебных заведениях Красной армии. Таким образом, и он решал лишь часть общей задачи по обобщению и реализации боевого опыта. К тому же его численность была сокращена почти вдвое, а сам он в июле 1941 г. эвакуирован в Бузулук, и наиболее важная часть оперативной информации, поступавшей в Генштаб, для его персонала была недоступна[14].

В решении задачи распространения боевого опыта важную роль играли органы военной печати. Приказом наркома обороны от 20 июля 1941 г. редакции «Военной мысли» и «Военно-исторического журнала» были слиты в одну. Объединенный печатный орган унаследовал название первого из них[15] и вошел в состав Генерального штаба.

К этому времени масштаб проблем, требующих решения, равно как и объем поступавшего в Генеральный штаб материала значительно выросли. С назначением начальником Генштаба выдающегося военного теоретика и опытного организатора маршала Б. М. Шапошникова работа по обобщению боевого опыта в Генеральном штабе и в целом в Красной армии активизировалась.

Обобщение опыта начиналось со сбора данных, который осуществлялся по нескольким каналам. Многое черпалось из материалов отчетной документации, поступавшей в Генштаб по оперативным, разведывательным и другим каналам согласно «Табелю срочных донесений» и другим регламентирующим документам. Сбор информации осуществлялся также через представителей Ставки ВГК и Генерального штаба: выезды руководства, деятельность Группы офицеров и Военно-исторического отдела, командировки специально создаваемых групп для изучения опыта конкретных операций и боев и прочее. Широко привлекались к решению этой задачи представители штабов и инспекций родов войск, военных академий, курсов. Они в соответствии с директивой Генштаба от 19 июля 1941 г. откомандировывались в войска «для изучения опыта боевых действий соответствующего рода войск, тактики противника и боевых приемов наших войск в борьбе с ним»[16]. Материалы командировок представлялись в Оперативное управление Генштаба. В последующем эта работа прочно вошла в практику командующих родами войск и проводилась постоянно в тесном взаимодействии с Генштабом. Существовали и другие каналы получения информации, в том числе письма военнослужащих, сообщения раненых, вышедших из окружения, военнопленных, местных жителей, различные трофеи и прочее.

В тяжелой обстановке начального периода войны решающее значение приобрела оперативность работы по обобщению боевого опыта как важнейшее условие внесения необходимых изменений в организацию применения войск и сил. В это время на первый план вышла борьба с танками и авиацией противника. 6 июля 1941 г. Ставка направила в войска специальные указания, в которых потребовала решительно массировать противотанковую артиллерию и средства заграждения на танкоопасных направлениях, выделять сильные противотанковые резервы.

Начальник штаба, член Военного совета и начальник политотдела 16-й армии в деревне Устиново

Командир 1-й гвардейской танковой бригады генерал-майор М. Е. Катуков

Большое значение для повышения эффективности действий войск имели директивные письма Ставки ВГК № 1, 2, 3[17], директивы Ставки и Генштаба: «О борьбе с танковыми и моторизованными частями противника»[18], «Об обеспечении стыков частей, соединений, армий и фронтов при ведении оборонительных действий»[19], «О порядке овладения опорными пунктами противника в ходе наступления наших войск», «О приспособлении к обороне населенных пунктов», «О тактике борьбы с опорными пунктами противника»[20] и другие. Важное место среди них заняли приказы и директивы, обобщающие опыт применения родов войск: «Указания по организации артиллерийской обороны»[21], «О недооценке инженерной службы и правильном использовании инженерных войск и средств»[22], «Об улучшении работы связи в Красной армии»[23], «Об изучении общевойсковыми командирами артиллерии и правильном ее использовании в бою»[24], а также о боевом применении танковых войск, авиации и другие.

Важнейшими материалами для разработки приказов, директив Ставки ВГК, Генерального штаба по реализации результатов обобщения боевого опыта являлись переговоры Верховного главнокомандующего, начальника Генштаба, членов Ставки ВГК, ГКО и других должностных лиц по прямому проводу с главкомами направлений, командующими фронтами и армиями, начальниками их штабов. Некоторые из директив передавались срочно по прямому проводу[25].

К концу 1941 г. были получены первые практические результаты обобщения опыта войны. Стали очевидны и недостатки в организации этой деятельности. Работа Оперативного управления, Группы офицеров — представителей Генерального штаба и Военно-исторического отдела требовала координации их усилий. Информация, поступавшая от представителей Генштаба, сосредоточивалась в Оперативном управлении, где на этой основе разрабатывались руководящие документы. В то же время возложить всю работу по обобщению и использованию опыта войны на Оперативное управление Генштаба было нецелесообразным. Это потребовало бы перераспределения личного состава с других, не менее важных направлений его деятельности. Кроме того, наличие в Генеральном штабе органов, решавших эту задачу, не снижало остроты проблемы с обобщением опыта ведения войны Красной армией в целом, поскольку в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления таких органов не было.

Командования фронтов и армий пытались решать ее самостоятельно. Так, начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин обратился в начале июля к начальнику Генерального штаба с просьбой разрешить сформировать в составе оперативного отдела штаба фронта отделение по изучения опыта войны[26]. Просьба была удовлетворена.

Сохранялась неконкретность и расплывчатость в порядке представления данных, обобщающих боевой опыт. Поэтому директивой от 12 января 1942 г. Генштаб потребовал «Представлять немедленно после окончания операций в Оперативное управление Генерального штаба их оперативно-тактические обзоры с выводами»[27].

В работе по обобщению опыта войны в 1941 — начале 1942 г., доминирующее значение продолжали иметь взгляды И. В. Сталина на основные проблемы военного искусства. Генеральный штаб воплощал волю и мысли Верховного главнокомандующего. Ярким примером в этом отношении может служить директивное письмо Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г.[28], в котором древнейший принцип военного искусства — сосредоточение усилий — был как бы заново открыт и сформулирован И. В. Сталиным под впечатлением опыта контрнаступления под Москвой. Ставка считала, что прорыв обороны немецко-фашистских войск проходил медленно из-за отсутствия во фронтах и армиях сильных ударных группировок, пехота нередко наступала без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, что приводило к большим потерям и цели операций не достигались. Пехота, как отмечалось в письме, должна наступать вместе с артиллерией «под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской «музыки»[29]. Артиллерия, также «должна действовать не вразброс, а сосредоточенно... в районе действия ударной группы армии, фронта... ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление»[30]. Создание мощных ударных группировок во фронтах и армиях стало в дальнейшем одним из основных принципов военного искусства, важнейшим условием успешного прорыва вражеской обороны и последующего наступления.

Весной 1942 г. были приняты меры по совершенствованию организации работы по обобщению и использованию опыта войны. По замыслу она должна была стать самостоятельным направлением деятельности оперативных штабов, для чего на всех уровнях управления создавались штатные органы. В Генеральном штабе в соответствии с приказом наркома обороны от 25 апреля 1942 г. на базе Отдела оперативной подготовки Оперативного управления был создан Отдел по использованию опыта войны. На него возлагались задачи по изучению и обобщению опыта войны, разработке общевойсковых наставлений и инструкций по ведению боя и операции, а также директивных указаний главным и центральным управлениям НКО, реализации выводов из боевого опыта. Начальником отдела был назначен генерал П. П. Вечный[31].

В штаты оперативных отделов (отделений) штабов фронтов (армий) были введены должности старших помощников и помощников начальников оперативных отделов (отделений) по изучению опыта войны, что существенно облегчало организацию этой работы в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления. Кроме того, был определен новый состав Группы офицеров — представителей Генерального штаба из расчета по два человека на корпус, по три — на армию и по три — на фронт[32]. Был значительно усилен Военно-исторический отдел, численность которого выросла до 27 военнослужащих и 15 вольнонаемных.

В мае 1942 г. после освобождения Б. М. Шапошникова в связи с болезнью от обязанностей начальника Генерального штаба Государственный Комитет Обороны поручил ему «как заместителю народного комиссара обороны в меру своих сил... — писал в своих воспоминаниях А. М. Василевский, — организовать пересмотр старых и руководить разработкой новых боевых уставов и наставлений, обобщив в них опыт войны»[33]. Для решения этой задачи в июле 1942 г. по указанию И. В. Сталина приказом Ставки ВГК от 1 июля 1942 г. были созданы уставная комиссия по разработке «Боевого устава пехоты» и «Полевого устава»[34], возглавляемая Б. М. Шапошниковым, и комиссии по разработке наставлений (например, по совместным действиям с ВМФ, по полевой службе штабов и другие)[35]. В их состав вошли известные военные специалисты и ученые. Группа генерала М. Н. Герасимова руководила разработкой проекта «Боевого устава пехоты» (части 1-я и 2-я), генерала С. Н. Красильникова — проекта «Полевого устава». На генерала П. П. Вечного возлагалась задача подбора и привлечения к работе комиссии над проектами уставов командиров необходимых специальностей как из центральных управлений НКО, так и с фронта[36].

Весной 1942 г. Генштабом был обобщен опыт применения войск Красной армии и работы командования и штабов в зимней кампании 1941–1942 гг. Результаты этой исследовательской работы были изложены в директиве от 31 мая 1942 г., адресованной командующим войсками военных округов, резервными армиями, начальникам военных академий, центральных управлений НКО. Наряду с выводами по итогам наступательных и оборонительных действий она содержала план оперативной подготовки Красной армии на период с июля по сентябрь 1942 г. Он был составлен с учетом приобретенного опыта. Помимо определения тем, форм занятий и других организационных вопросов Генштаб указывал перечень документов и пособий, которыми надлежало руководствоваться при организации и в ходе оперативной подготовки. В директиве от 19 августа 1942 г. обобщался опыт работы командования и штабов весной и летом 1942 г.[37]

Вся работа по обобщению опыта войны находилась под пристальным вниманием Верховного главнокомандующего. С. М. Штеменко в своих мемуарах вспоминал, как И. В. Сталин приказал генералу П. Г. Тихомирову, в то время исполнявшему обязанности начальника Оперативного управления, подумать над причинами неудач под Харьковом. С. М. Штеменко писал: «Неизвестно, каким хотел видеть И. В. Сталин проект директивы о причинах наших неудач на юге летом 1942 г., но тот вариант, который был подготовлен, ему не только не понравился, но и был расценен как вредный. Верховный главнокомандующий ходу ему не дал, а автора велел от руководства Оперативным управлением освободить, а затем и вовсе откомандировать из Генерального штаба»[38].

Командир 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии Герой Советского Союза полковник А. И. Лизюков (справа) на наблюдательном пункте

В августе 1942 г. на базе донесений офицеров — представителей Генерального штаба и анализа боевых действий на фронтах Генштаб в своей директиве от 19 августа 1942 г. дал оценку организации работы по обобщению и изучению опыта войны в войсках и предпринял меры по ее улучшению. В интересах повышения оперативности были уточнены сроки представления отчетов о проведенных операциях и боях (в штаб армии — не позднее трех дней, в штаб фронта — не позднее пяти дней, в Генштаб — не позднее десяти дней по их завершении)[39].

Для контроля над исполнением требований директивы была организована проверка состояния работы в 50 штабах фронтов и армий с привлечением офицеров — представителей Генерального штаба[40]. Проверка показала, что в пяти из них состояние дел с изучением опыта войны характеризовалось хорошо, в одиннадцати — удовлетворительно, а в остальных — плохо. Только 56% штатных должностей для офицеров, изучавших опыт войны, были укомплектованы полностью, и лишь половина из них занималась именно обобщением опыта. Плохо были налажены связь с Отделом по использованию опыта войны Генерального штаба, а также взаимодействие по этим вопросам с соответствующими подразделениями своих и соседних штабов[41]. Результаты проверки, основные выводы по ней и предложения по улучшению работы в штабах фронтов и армий были доложены начальнику Генерального штаба и после одобрения получили конкретную реализацию в специальной директиве от 9 ноября 1942 г. и в «Инструкции по изучению и использованию опыта войны» в штабах фронтов и армий.

Директивой предписывалось представлять начальнику Отдела по использованию опыта войны Генштаба к 20-му числу каждого месяца краткие сводки по обобщению боевого опыта. При выявлении новых приемов борьбы и использования боевых средств, заслуживающих особого внимания, подробные донесения должны были представляться немедленно. В соответствии с упомянутой инструкцией штабам фронтов и армий надлежало разрабатывать квартальные и месячные планы работы по изучению опыта войны, а также планы изучения опыта, полученного в ходе конкретных операций. Штабы командующих родами войск Красной армии и центральные управления НКО должны были направлять в Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба по пять экземпляров печатных материалов, издаваемых по решению или по согласованию с руководством Генштаба, по два экземпляра всех остальных печатных изданий и копии перспективных планов работы.

В конце 1942 г. оперативные отделы полевых управлений фронтов были усилены за счет включения в их состав старшего помощника и трех помощников, а соответствующие отделы штабов армий — старшего помощника и помощника начальника отдела по изучению опыта войны[42]. В некоторых объединениях к работе по обобщению боевого опыта по совместительству привлекались офицеры и других подразделений штабов[43]. В центральных управлениях НКО по решению их руководства создавались свои органы по обобщению опыта войны или назначались должностные лица, отвечавшие за данное направление деятельности. При этом как в центре, так и в действующей армии основное внимание уделялось решению практических проблем военного искусства.

К примеру, опыт борьбы с вражескими танками в первом периоде Великой Отечественной войны был обобщен в «Инструкции по противотанковой обороне», изданной Генеральным штабом осенью 1942 г.[44] Она потребовала сосредоточения противотанковых средств на танкоопасных направлениях на всю глубину тактической зоны обороны, эшелонирования их, совмещения противотанковых опорных пунктов с опорными пунктами стрелковых подразделений и частей, наращивания плотностей противотанковой артиллерии и заградительных средств, а также принятия других мер при организации обороны.

В октябре 1942 г. специальной директивой командующим войсками фронтов была доведена 15-дневная программа-минимум для занятий с личным составом штабов дивизий в целях их подготовки для умелого управления частями с учетом опыта войны[45].

Событием огромного значения в деле внедрения боевого опыта в практику войск стало введение в действие в ноябре 1942 г. нового «Боевого устава пехоты» (БУП-42)[46]. Считая, что «устав — не приказ, имеющий силу на короткий срок, а свод законов для Красной ар-

мии на годы», Верховный главнокомандующий требовал тщательно и повседневно изучать текущий боевой опыт, проверять его данные в различных условиях обстановки и отражать в уставных требованиях лишь то, что выдержало многократную проверку и является общим законом. «Уставы и другие официальные руководства, — считал он, — не должны твориться кабинетно, в отрыве от боевого опыта войск, и в первую очередь передовых подразделений и частей. Они не должны разрабатываться поспешно, а тщательно отрабатываться как в области крупных вопросов, так и в отдельных деталях»[47].

Заслуживает внимания порядок работы над БУП-42. Его первоначальный вариант, был рассмотрен с участием опытных командиров рот, батальонов и полков, доработан с учетом высказанных замечаний и предложений, представлен на обсуждение членов Ставки ВГК, и только после этого Верховный главнокомандующий внес в него свои коррективы и утвердил.

В отношении уставов зенитной артиллерии и артиллерии Красной армии, разработанных под руководством Н. Н. Воронова и утвержденных заместителем наркома обороны Г. К. Жуковым, данный порядок был нарушен, что вызвало недовольство И. В. Сталина. Вопрос был вынесен на обсуждение Политбюро ЦК ВКП(б)[48], по итогам которого издан приказ наркома обороны № 234 от 8 декабря 1944 г., в котором отмечалось, что «т. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем»[49]. Н. Н. Воронову было строго указано на «несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии», а Г. К. Жукову — на недопустимость «торопливости при решении серьезных вопросов». Приказы Г. К. Жукова о введении в действие этих уставов были отменены, а для их пересмотра и доработки образованы комиссии.

Верховное главнокомандование считало, что быстрое освоение войсками новых положений теории военного искусства и накопленного боевого опыта напрямую зависело от активности штабов фронтов и армий и их умения работать в этом направлении, поэтому всегда держало этот вопрос в центре внимания. Он обсуждался как на фронтовых, армейских совещаниях, так и всеармейских. Помимо того, что эти совещания сами по себе уже являлись своеобразной формой обмена опытом, а их материалы широко освещались в служебных изданиях как фронтов, так и Генштаба, они играли огромную роль по выработке наиболее эффективных способов доведения боевого опыта.

Во второй половине 1942 г. система накопления и обобщения информации по боевому опыту достигла такого уровня развития, что уже позволяла перейти к новым формам реализации результатов этой работы, из которых основной стало издание «Сборника материалов по изучению опыта войны». Первый номер вышел в августе 1942 г. В предисловии к нему указывалось: «Цель сборника — довести до войск действующей Красной армии, резервных формирований, военных академий и комсостава главных и центральных управлений Народного комиссариата обороны опыт боевых действий Великой Отечественной войны»[50]. Сборник выходил один раз в два месяца тиражом 8 тыс. экземпляров и рассылался командному составу до командира полка включительно. В нем публиковались статьи по вопросам оперативно-тактического характера, рассчитанные на генералов и старших офицеров и использовавшиеся в качестве пособий по оперативной подготовке. Всего за годы войны было выпущено 17 номеров сборника. Во втором номере были опубликованы директива № 1005215 от 9 ноября 1942 г. и «Инструкция по изучению и использованию опыта войны в штабах фронтов и армий», а также «Указания по ведению в частях и соединениях журнала боевых действий»[51], ставшие нормативно-правовой базой организации и ведения этой работы в Красной армии.

По мере накопления боевого опыта была осознана необходимость его обобщения и с точки зрения специфики родов войск. В соответствии с приказом наркома обороны от 8 февраля 1943 г. «в целях изучения опыта действий артиллерии на фронтах Отечественной войны и передачи его артиллерийским частям и соединениям» в составе Главного управления командующего артиллерией Красной армии был сформирован отдел по изучению опыта и истории артиллерии в Отечественной войне, а в управлениях командующих артиллерией

фронтов введена должность старшего помощника начальника оперативного отдела по изучению опыта действий артиллерии[52].

Формирование нормативно-правовой базы обобщения опыта войны завершилось разработкой штабами действующих объединений документов, развивающих и конкретизирующих общие требования применительно к местным условиям[53]. Вместе с тем этот процесс имел и оборотную сторону — существенный рост документооборота. Составление планов и отчетов происходило за счет отрыва персонала соответствующих подразделений от основной работы по описанию военных действий, что отражалось на ее качестве и оперативности.

При этом в тактическом звене военного управления организация обобщения и использования боевого опыта продолжала оставаться на низком уровне. «Работа по изучению опыта войны в большинстве штабов стрелковых полков, стрелковых дивизий... поставлена неудовлетворительно, — докладывал заместителю начальника Генштаба заместитель начальника штаба 5-й армии. — Четкой плановости нет, гибкой оперативности в доведении до частей боевого опыта нет... В лучшем случае изучение опыта сводится к переписке оперсводок и приказов в журнал боевых действий»[54].

В то же время значение этой работы и требования к ней повышались. «Главное сейчас состоит в том, чтобы вся Красная армия изо дня в день совершенствовала свою боевую выучку, командиры и бойцы Красной армии изучали опыт войны, учились воевать так, как этого требует дело победы», — отмечал И. В. Сталин в приказе от 1 мая 1943 г.[55] Следуя этому указанию, Генеральный штаб продолжал поиск оптимального решения проблемы. В соответствии с директивой Генштаба от 25 апреля 1943 г. командованием фронтов были проведены совещания по изучению опыта войны, в ходе которых подведены итоги за год, выявлены недостатки и намечены пути их устранения.

Рассмотрев материалы фронтовых совещаний, Отдел по использованию опыта войны Генштаба отметил, что имевшаяся ранее недооценка этой работы стала изживаться, и она заняла соответствующее место в деятельности командования и штабов. В качестве положительных примеров были приведены управления Брянского и Юго-Западного фронтов.

Вместе с тем фронтовые совещания показали, что в деле обобщения опыта войны и доведения его до войск сделано еще не всё. Ежемесячные планы нередко были настолько обширными, что для их выполнения не имелось ни сил, ни средств, ни времени или они не составлялись вообще. Работа велась стихийно, без должного руководства со стороны начальников штабов и оперативных отделов. В штабах некоторых фронтов подготовленные материалы месяцами лежали в сейфах и никуда не рассылались, взаимного обмена опытом не было. Качество издаваемых сборников было низким. Во многих случаях они представляли собой изложение боевого пути объединения в виде простого перечисления фактов. Многие штабы исходили из того, что приказы и директивы Верховного главнокомандования и начальника Генерального штаба по опыту войны носят исчерпывающий характер, а значит, надобность в каких-либо дополнительных материалах по его обобщению отпадает. При этом не учитывалось, что в них излагались лишь те положения, которые в различных условиях обстановки были много раз проверены и себя оправдали безоговорочно. Важно было вскрыть способы действий, как можно скорее сделать их общим достоянием.

Совещания помогли выявить и несовершенство ряда положений «Инструкция по изучению и использованию опыта войны в штабах фронтов и армий». Вследствие этого Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба счел необходимым рекомендовать штабам объединений обратиться к формам доведения боевого опыта до войск, не предусмотренным инструкцией: разбор боевых действий, командирские занятия на оперативно-тактическом фоне минувшей операции, оперативные военные игры и командно-штабные учения, занятия на местности по темам предстоящих боевых действий и другие. Предлагалось уйти от объемных описаний операций и боев и перейти к выпуску информационных листков, бюллетеней, сборников, памяток, инструкций и других более простых форм передачи боевого опыта в войска[56].

Начальник тыла Брянского фронта Н. А. Антипенко с делегацией МНР

В штабе 95-й стрелковой дивизии под Сталинградом

Ограниченные возможности опубликования материалов, специфика их содержания, требования обеспечения режима секретности, относительно небольшой объем и тиражи «Сборника материалов по изучению опыта войны», низкая оперативность доведения через него опыта войны до войск (на его выпуск требовалось 2–2,5 месяца) не отвечали целям, которые ставились руководством Генштаба. С 1943 г. Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба значительно расширил свою издательскую деятельность и приступил к выпуску новых изданий: «Сборника тактических примеров по опыту Отечественной войны» и информационных бюллетеней.

На страницах «Сборника тактических примеров» поднимались вопросы организации боя, взаимодействия между различными родами войск, обеспечения, управления в звене батальон — полк — дивизия, публиковались интересные, поучительные примеры. В тематике сборника ведущее место занимали проблемы наступательного боя (74 статьи из 201), а также разведки (62 статьи). Но издавался он также очень редко, в основном один раз в два месяца тиражом 11 тыс. экземпляров, и до конца войны успело выйти только 14 его номеров.

Самым оперативным изданием был «Информационный бюллетень Генерального штаба» (первый его номер вышел в ноябре 1943 г., а последний, 70-й — уже в 1947 г.). Он издавался два раза в месяц тиражом 17 тыс. экземпляров. В бюллетене помещались материалы по самым различным вопросам общевойскового боя, применения оружия и боевой техники, организации и тактике действий войск противника. Наибольшее внимание (около 30%) обращалось на проблемы наступательной операции и боя, которым посвящалась большая часть всех изданий (83,8%). Значительно меньше по объему затрагивались проблемы обороны (10,5%), и явно недостаточно внимания отводилось вопросам организации и осуществления взаимодействия, а также практике управления войсками — менее 3% по каждой проблеме. В бюллетене публиковались и материалы методического характера, поэтому он широко применялся в качестве учебного пособия в ходе боевой и оперативной подготовки.

Эффективным способом доведения результатов обобщения боевого опыта являлись публикации в журналах «Военная мысль», «Военный вестник», газете «Красная звезда» и других периодических изданиях. Самым оперативным изданием считалась «Красная звезда», которая во время войны выходила тиражом 300 тыс. экземпляров. Вклад ее редакции в общую победу был высоко оценен государством[57].

Анализ деятельности штабов фронтов и армий по выполнению требований директивы и инструкции по изучению и использованию опыта войны позволил Генеральному штабу сделать очередной шаг вперед в поисках путей повышения эффективности работы в этой области. Ценность этой работы была неоспоримой. На партийном собрании коммунистов Отдела по использованию опыта войны в ноябре 1943 г. отмечалось, что «по различным отзывам (устным и письменным), поступающим в... отдел, наша продукция, по существу, является единственной, по которой учатся и осваивают современный боевой опыт широкие слои офицеров и генералов действующих войск, резервных формирований, академий и училищ»[58]. Рекомендации Генштаба, выработанные на основе этого анализа, были оформлены в виде пожеланий и нормативного характера не имели.

По указанию И. В. Сталина в октябре 1943 г. заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза А. М. Василевский провел в Москве первое всеармейское совещание по использованию боевого опыта с целью оценки состояния этой работы, вскрытия недостатков и обмена опытом ее организации и ведения. На совещании присутствовали старшие помощники начальников оперативных отделов (отделений) штабов фронтов и армий по изучению опыта войны, представители отделов боевой подготовки штабов фронтов, представители центральных управлений НКО и заместители редакторов журналов «Военная мысль» и «Военный вестник». Всего — 82 человека, из них от центральных управлений — 25, от фронтов и армий — 57 представителей[59].

С докладами и в прениях выступили 46 человек. Касаясь организационной основы деятельности, совещание пришло к выводу, что содержание и объем работы по обобщению

и внедрению боевого опыта в войска существенно переросли ее организационные формы. Не было единой, четко построенной централизованной организации сбора, обобщения и внедрения в войска боевого опыта. Предусмотренные штатами офицеры по использованию опыта в штабах фронтов и армий были не в состоянии качественно справиться с такой большой работой. К тому же они непосредственно подчинялись начальникам оперативных отделов штабов фронтов и армий, которые в силу своей загруженности этому делу почти не уделяли внимания, а в большинстве случаев старших помощников использовали на другой работе. В некоторых штабах неукомплектованность этих должностей продолжала составлять 23–25%[60].

Не было типовой организации системы изучения боевого опыта в центральных управлениях НКО. Одни из них имели отделения по изучению боевого опыта, а другие — только отдельных штатных офицеров или назначенных выполнять эту работу офицеров по совместительству. Наконец, если в штабах фронтов и армий был все же создан хотя бы маломощный рабочий аппарат по изучению боевого опыта, то ниже — в штабах соединений и частей редко, когда на эту работу по собственной инициативе командованием назначались по совместительству офицеры штабов. Органы изучения боевого опыта штабов фронтов, а также центральных управлений НКО не подчинялись Отделу по использованию опыта войны Генерального штаба.

Отметив определенные достижения в области изучения и использования опыта войны в войсках и штабах Красной армии, совещание пришло к выводу, что эта работа еще не достигла уровня, отвечающего требованиям приказа Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. № 195. Генерал П. П. Вечный отметил в своем докладе: «Штабы фронтов и армий проделали большую работу, но она не удовлетворяет запросы и потребности Красной армии. Выпущено много различных работ по боевому опыту, это необходимо и вызывается требованиями внедрения боевого опыта в войска, но главный показатель учета боевого опыта — победа Красной армии. Вот единственно правильный критерий, с которым надо подходить к организации, проведению и оценке нашей работы»[61].

Высказанные на совещании критические замечания и конструктивные предложения охватывали все стороны организации работы по обобщению опыта войны и доведению его до войск, начиная от острой потребности улучшения руководства этой работой во всех звеньях, в том числе со стороны Генерального штаба, и заканчивая конкретными формами и методами ее ведения. Стало очевидным, что «Инструкция по изучению опыта войны» в штабах фронтов и армий, изданная в 1942 г., изжила себя. Подводя итоги совещания, заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба по политической части генерал И. Н. Рыжков обратил внимание его участников на главное требование к их работе, высказанное начальником Генштаба, а именно, что «работа будет ценна только в том случае, если она будет оперативна»[62]. Отделу по использованию опыта войны Генерального штаба была поставлена задача разработать необходимые организационные меры с учетом высказанных на совещании предложений.

Итоги работы совещания нашли свое конкретное воплощение в приказе заместителя народного комиссара обороны — начальника Генерального штаба от 11 декабря 1943 г. «О работе по изучению и использованию опыта войны в войсках и штабах Красной армии» и введенной им в действие новой «Инструкции по использованию опыта войны в войсках и штабах Красной армии»[63]. В соответствии с ними существенные изменения претерпела и организационная сторона этой деятельности, включая структуру органов. Был расширен рабочий аппарат по обобщению и использованию опыта войны. Работа сосредотачивалась помимо штабов фронтов и армий также в штабах соединений и частей, командующих родов войск, центральных управлениях НКО.

В этих целях создавалась следующая структура рабочих органов: в полевых управлениях фронтов и армий — отделения по использованию опыта войны в составе оперативных отделов; в управлениях и штабах родов войск и служб фронтов и армий — старшие помощники или же помощники начальников оперативных отделов (отделений), работающие

по изучению и использованию опыта войны; в штабах командующих родами войск Красной армии и в центральных управлениях НКО — отделы (отделения) или же специально назначенные офицеры; в штабах корпусов и дивизий приказами командиров последних должен был назначаться один из офицеров оперативного отдела (отделения) штаба для изучения и обобщения боевого опыта, который совмещал бы эту работу с основными функциональными обязанностями; в полку (отдельной части) всю работу по изучению боевого опыта должен был выполнять штаб по указаниям командира; в батальоне и ниже работа по изучению боевого опыта выполнялась лично командирами подразделений. Возглавлялась вся эта работа военными советами фронтов и армий, командирами соединений и частей, командующими родов войск Красной армии и начальниками центральных управлений НКО.

Рабочим аппаратом начальника Генерального штаба в этой сфере деятельности был Отдел по использованию опыта войны. Задачи отдела были значительно расширены, конкретизированы, нацелены на повышение оперативности в работе, оказание практической помощи оперативным штабам, улучшение координации действий всех организационных структур. В декабре 1943 г. начальником Генштаба было утверждено «Положение по работе офицеров — представителей Генерального штаба», разработанное также с учетом приобретенного опыта организации этой работы и в соответствии с новой структурой этой организационной единицы. Таким образом, приказ, инструкция и положение составили правовую и методическую основу для целенаправленной и широкомасштабной деятельности, созданной к 1944 г. в Красной армии структуры органов по использованию опыта войны.

В целях успешного решения поставленных задач Генеральный штаб в начале 1944 г. предпринял ряд дальнейших организационных мер. В соответствии с его директивой от 25 января уставной отдел Управления инспектирования и боевой подготовки Главного управления формирования передавался в подчинение начальника Генштаба с возложением на него задач по разработке, изданию и переизданию уставов, руководств, наставлений на базе в первую очередь материалов Отдела по использованию опыта войны Генерального штаба[64]. Но самостоятельно уставной отдел просуществовал недолго. В приказе Верховного главнокомандующего № 16 в феврале 1944 г. вновь заострялось внимание на работе по обобщению опыта войны и доведению его до войск: «Необходимо, чтобы боевой опыт и достижения передовых частей и соединений Красной армии стали достоянием всех наших войск, чтобы вся Красная армия, все ее бойцы и офицеры научились бить врага по всем правилам современной военной науки»[65].

С учетом этих требований и увеличением объема задач приказом заместителя наркома обороны от 8 марта 1944 г. «в целях наиболее полного использования опыта Отечественной войны в боевой подготовке Красной армии и улучшения постановки этой работы в войсках и центральных управлениях НКО» в Генеральном штабе на базе Отдела по использованию опыта войны и Уставного отдела было развернуто Управление по использованию опыта войны Генштаба Красной армии[66]. На него были возложены следующие задачи: сбор, изучение и обобщение боевого опыта войск действующей Красной армии, а также контроль и практическая помощь войскам и штабам в этой работе; использование опыта войны путем разработки новых и уточнения действующих общевоинских уставов и наставлений, приведение уставов и наставлений родов войск в соответствие с общевоинскими уставами и указаниями НКО, опубликования в служебных изданиях Генштаба предварительных выводов из опыта войны; разработка общих указаний по вопросам оперативного использования родов войск и тактике общевойскового боя на основе выводов из опыта Отечественной войны; организация и контроль оперативно-тактической подготовки полевых управлений армий резерва Ставки ВГК и штабов внутренних военных округов, а также контроль оперативной подготовки общевойсковых академий (Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова и Военной академии имени М. В. Фрунзе); выпуск общевоинских уставов, наставлений и руководств Красной армии и служебных изданий Генштаба[67].

Командир танкового корпуса П. А. Ротмистров у танка Т-34

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков с офицерами проходит мимо группы пленных немецких солдат

В соответствии с возложенными задачами была сформирована и структура Управления по использованию опыта войны Генерального штаба. Организационно оно состояло из четырех отделов (по изучению опыта войны, уставного, оперативной подготовки и редакционно-издательского), редакции журнала «Военная мысль», библиотеки секретного фонда, а также общей и секретной частей. Начальником управления был назначен генерал П. П. Вечный. С созданием этого управления в Красной армии было завершено формирование дееспособной структуры органов по обобщению и использованию опыта войны, которая не претерпела больших организационных изменений до конца войны.

В новых руководящих документах, принятых после всеармейского совещания, были детально определены конкретные обязанности всех должностных лиц по изучению и использованию опыта войны, что делало их действительно работающими. Видя на практике прямую зависимость результативности этой работы от степени непосредственного участия в ней командующих (командиров), Генеральный штаб обратил на это особое внимание. Своевременное изучение и непосредственное использование опыта войны вменялось в прямую обязанность каждого командира, неразрывно связанную с управлением войсками и руководством боем.

Существенные изменения претерпело и планирование работы. Оно перестало быть таким формальным, каким предписывалось прежней инструкцией. Было решено отказаться от трехмесячных планов, не оправдавших себя на практике и оказавшихся нежизнеспособными, поскольку было весьма сложно детально спланировать работу на такой длительный срок. Вместе с тем признавалось необходимым все-таки стремиться к наметке в перспективе вопросов изучения боевого опыта. Основными же оставались календарный план работы и план работы по изучению боевого опыта конкретной операции (боя). Отчетность по работе также должна была стать краткой, простой, а главное, оперативной. Вместо объемных описаний боевых действий, как это определялось предшествующей инструкцией, требовались краткие оперативно-тактические выводы, изложенные в произвольной форме.

Уточнялись и вопросы ведения военно-исторической работы. Категорически запрещалось в штабах фронтов и ниже привлекать отделения по использованию опыта войны и предназначенных для изучения опыта войны офицеров для составления военно-исторических монографий, а также других трудоемких описаний, таких как «Боевой путь соединения». Военно-историческая работа штабов от фронта до полка ограничивалась своевременным и точным ведением журнала боевых действий, а в штабах дивизий (бригад) и полков (отдельных частей) — кроме того, ведением формуляра[68]. Таким образом, четкое разграничение задач военно-исторической работы и работы по изучению и использованию опыта войны также способствовало повышению оперативности и результативности последней.

Разбор проведенных операций и боев считался одной из самых эффективных и быстрых форм доведения опыта войны до войск, поэтому в целях внедрения его в практику и использования с максимальной пользой Генштаб в приложении к своей инструкции дал примерный план — методику проведения разбора. Методика организации и проведения разбора операции и боя обсуждалась на совещаниях, доводилась через официальные издания Генштаба, журнал «Военная мысль»[69]. Значительная часть Информационного бюллетеня № 19 была посвящена именно этой теме[70]. В мае 1944 г. была издана специальная директива, в которой командующим войсками фронтов приказывалось организовать разборы наиболее характерных операций и боев, проведенных зимой и весной 1943–1944 гг., в целях устранения недостатков в организации последующих боевых действий. Материалы фронтовых разборов представлялись в Генеральный штаб.

Одной из важнейших проблем была координация деятельности отделов по изучению и использованию опыта войны штабов родов войск Красной армии и центральных управлений НКО, просмотр и одобрение Генштабом к печати издаваемых ими руководств, пособий, инструкций по вопросам оперативно-тактического характера. Анализ этой деятельности

позволил вскрыть массу недостатков и вынудил Генеральный штаб издать в январе 1944 г. специальную директиву по этому вопросу[71]. В ней, в частности, предписывалось обязательно согласовывать с Генштабом опубликование выводов по оперативному использованию родов войск, планы печатных изданий и содержание выпусков сборников и информационных бюллетеней.

В начале 1944 г., по мнению руководства Управления по использованию опыта войны Генерального штаба, с точки зрения состояния работы по изучению и использованию опыта войны среди штабов и центральных управлений НКО условно можно было выделить три основные группы.

Первая включала органы управления, в которых эта деятельность была развернута и проводилась весьма поучительно и целеустремленно. К этой группе относились штабы ВВС, артиллерии, Главное военно-химическое управление.

Вторую составляли штабы и центральные управления, в которых хотя и проводилась большая работа, но наблюдалось чрезмерное увлечение историзмом (составлением объемных исторических описаний в ущерб оперативному обобщению текущей информации по боевой деятельности своих войск и противника). В их числе оказались штаб бронетанковых и механизированных войск Красной армии и Главное управление связи Красной армии.

В третью группу вошли Управление инспектирования и боевой подготовки, штаб гвардейских минометных частей и ряд других органов, в которых работа по изучению опыта войны находилась в начальной стадии и до издания приказа, по существу, не велась.

Между штабами родов войск и центральными управлениями НКО не было налажено должное взаимодействие, поэтому имело место дублирование разрабатываемых ими материалов. 10 февраля 1944 г. Генштаб провел совещание представителей штабов родов войск Красной армии и центральных управлений НКО, чтобы «наметить правильные пути к достижению координации и творческого взаимодействия между Отделом Генерального штаба, штабами родов войск и центральными управлениями НКО в работе по изучению и использованию опыта войны»[72]. На совещании было отмечено, что в штабах родов войск и центральных управлениях работа по изучению и использованию опыта войны значительно оживилась только после выхода в декабре 1943 г. приказа заместителя народного комиссара обороны и введенной им инструкции. Наряду с этим была отмечена насущная необходимость в доведении перспективного плана работы Отдела по использованию опыта войны Генштаба до всех штабов родов войск и центральных управлений, равно как и в представлении в Генштабе Красной армии копий планов нижестоящих органов. Было признано, что такой обмен и периодически проводимые совещания с представителями структурных подразделений центрального аппарата, ведущих работу по обобщению боевого опыта, обеспечат координацию их деятельности. Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба подготовил перспективный план работы на март — май 1944 г., который получил одобрение начальника Генштаба и был доведен до штабов родов войск и центральных управлений.

С появлением в составе Генштаба Управления по использованию опыта войны руководство деятельностью центральных и оперативных штабов по обобщению боевого опыта и доведению его до войск пошла значительно лучше. В конце июня 1944 г. по инициативе руководства управления было проведено второе совещание — на этот раз с заместителями начальников центральных управлений по политической части по вопросу изучения и использования опыта войны в интересах активизации этой работы и улучшения взаимодействия[73]. С участием представителей Генштаба во фронтах и армиях были проведены по одному, а где и более инструктивных совещаний, на которых проходил обмен опытом работы, подводились итоги, уточнялись задачи. Периодически Генштаб проводил своеобразный обзор, анализ проделанной в войсках работы, а также обмен ее опытом на страницах своих официальных изданий.

Командир 112-й танковой бригады полковник М. Т. Леонов на Курской дуге

Генерал армии К. К. Рокоссовский с группой офицеров осматривает окопы на передовой

Командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин
и член Военного совета фронта Н. С. Хрущев на наблюдательном пункте

Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский
осматривает подбитый немецкий танк «Тигр»

Трудности в этой работе, особенно в оперативном и тактическом звеньях, были обусловлены недостаточным уровнем подготовки и большой текучестью кадров. К примеру, в 39-й армии до 1945 г. должность офицера по изучению опыта войны поочередно замещали 33 человека, из которых только 30% прошли обучение в академиях, а 50% не имели военного образования вообще. Поэтому Ставкой ВГК, Генеральным штабом и командованием фронтов решению этих вопросов внимание уделялось в первую очередь. Наряду с укомплектованием органов обобщения опыта войны кадрами с академическим образованием (по состоянию на март 1945 г. в штабах фронтов они составляли уже около 45%), осуществлялась их целенаправленная подготовка с учетом специфики работы, в том числе в интересах ее оперативности. Однако и после этого рассчитывать на то, что в представляемых материалах будут содержаться строго обоснованные теоретические обобщения, ценные выводы и рекомендации не приходилось. Даже на завершающем этапе войны из-за невысокого качества представляемых в Генштаб сводок по обобщению опыта, например, в среднем только 15–20% их материалов могло быть использовано в служебных изданиях Генерального штаба сразу[74].

Основная часть поступавшей информации требовала уточнения, дополнительных проверок. После ее первичной обработки в одних случаях в штабы фронтов направлялись запросы, в других — осуществлялись выезды специальных групп на места боев и операций. В свете указаний Верховного главнокомандующего и начальника Генерального штаба о работе непосредственно в войсках это было вполне логичным. «Необходимо большую часть офицеров отправлять во фронты с конкретными вопросами. На эти выезды привлекать офицеров из академий», — требовал начальник Управления по использованию опыта войны от своих подчиненных[75].

Выводы принципиального характера всесторонне и тщательно проверялись. Так, в соответствии с директивой Генерального штаба от 22 апреля 1944 г. «в целях проверки выполнения войсками приказа НКО 1942 г. № 306 и изучения опыта построения боевых порядков войск при наступлении» всем фронтам предлагалось доложить к 1 мая 1944 г., «как строились боевые порядки в наиболее характерных операциях... в том числе при пониженной укомплектованности войск»[76].

По результатам анализа материалов, поступавших из действующих объединений, от офицеров — представителей Генерального штаба и других должностных лиц центрального аппарата, командированных на фронты в июне 1944 г., начальником Управления по использованию опыта войны генералом П. П. Вечным было сформулировано предложение «изменить соответствующие статьи БУП-42, пункт 1 приказа № 306 в отношении воспрещения иметь поэшелонное построение боевых порядков в полку и дивизии»[77].

В 1944 г. командировками отдельных групп генералов и офицеров на фронты с задачей изучения опыта войны и отбора материалов непосредственно на местах было охвачено большинство фронтов. Так, в марте 1945 г. для изучения и отбора материалов по Восточно-Прусской, Варшавско-Познаньской, Силезской и Будапештской операциям в войска 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2 и 3-го Украинских фронтов по решению начальника Генерального штаба были командированы на месячный срок пять групп генералов и офицеров, которые по возвращении в Москву приступили к составлению полного описания зимних наступательных операций Красной армии[78].

В результате принятых усилий поток поступавшей в Генеральный штаб информации увеличился. К 1945 г. ежемесячный объем работы офицеров Управления по использованию опыта войны, связанный с ее технической обработкой и подготовкой к изданию, значительно возрос и составлял в среднем 31,5 печатных листа текста и 150 схем[79]. Весь этот материал предстояло обобщить и изложить в уставных документах, наставлениях, инструкциях, сборниках материалов.

Помимо широко развернутой в действующей армии работы по использованию опыта войны очень важно было довести опыт войны до военных округов, где осуществлялась подготовка резервов. Поэтому Верховное главнокомандование постоянно держало в поле зрения вопросы организации оперативной и боевой подготовки. Проведенная в декабре

1942 г. проверка состояния подготовки слушателей филиалов курсов «Выстрел» в пяти военных округах выявила ее неудовлетворительное состояние. В приказе заместителя наркома обороны от 31 января 1943 г. по итогам этой проверки отмечалось, что «боевой опыт Отечественной войны в учебном процессе используется недостаточно и внимание слушателей к этому важному вопросу не привлекается». Приказывалось «потребовать полного использования в учебном процессе материальной части, учебных пособий и особенно боевого опыта Отечественной войны»[80].

В своей директиве от 28 декабря 1943 г. командующему войсками Забайкальского фронта Генеральный штаб указал на недостатки в оперативной подготовке в летний период обучения и поставил задачи на зимний период 1943—1944 гг.: «Основным содержанием оперативной подготовки поставить глубокое практическое изучение проекта ПУ-43 со всесторонним учетом опыта Отечественной войны и особенностями Забайкальского ТВД»[81]. Аналогичные задачи ставились войскам Дальневосточного фронта и военным округам.

В течение только 1944 г. штабам военных округов были отданы две организационные директивы, а также 54 различных письменных указания по вопросам оперативно-тактической подготовки, из них свыше 30 — организационно-методических. Каждому штабу округа было выслано по 160 наименований различных уставов, инструкций, наставлений, учебных пособий, учебно-методических разработок и изданий Высшей военной академии, составленных с учетом опыта[82].

25 ноября 1944 г. приказом НКО № 0381 при народном комиссаре обороны были учреждены должность главного инспектора пехоты Красной армии и инспекция пехоты при нем. Согласно «Положению о главном инспекторе пехоты» на него помимо прочего возлагалась задача «изучения опыта Отечественной войны по боевому использованию пехоты»[83].

Для распространения опыта войны широко использовались страницы «Военного вестника» — журнала Управления инспектирования и боевой подготовки запасных и учебных стрелковых частей Красной армии. Журнал объемом в три печатных листа выходил два раза в месяц и отражал на своих страницах самый свежий материал боевого опыта по тактике действий войск.

Очередным, очень важным этапом в наращивании темпов работы по обобщению и использованию опыта войны, повышении ее качества, оперативности и эффективности явилось второе всеармейское совещание по этой проблеме, проведенное Генеральным штабом 26—29 марта 1945 г. По числу участников (160 человек) оно почти в два раза превышало предыдущее. От войск были представители не только фронтов (26 человек), армий (33 человека), как в прошлый раз, но и корпусов и дивизий (18 человек), военных округов (14 человек). Центральные управления НКО, военные академии представляли уже 70 человек.

На совещании было сделано два доклада: начальником Управления по использованию опыта войны Генерального штаба генералом В. А. Небучиновым[84] «Об итогах работы по изучению опыта Отечественной войны за 1944 год и о задачах на 1945 год» и начальником уставного отдела этого управления генералом П. Г. Есауловым «Об учете опыта Отечественной войны в уставах, наставлениях и инструкциях Красной армии». В прениях выступили 52 человека. Работу совещания завершило выступление начальника Генштаба генерала армии А. И. Антонова «Основные задачи по изучению опыта войны на 1945 год».

Совещание показало, что командование и штабы всех степеней правильно поняли задачи, поставленные приказом заместителя наркома обороны от 1943 г., и накопили богатый опыт организации этой работы. Вместе с тем не были до конца изжиты и недостатки. Среди них назывались: низкая оперативность в работе, неконкретность руководства работой отделов и отделений по использованию опыта войны со стороны начальников штабов некоторых фронтов и армий и особенно корпусов и дивизий, увлечение общими описаниями военно-исторического характера, отвлечение офицеров, занимающихся изучением боевого опыта, на решение несвойственных им задач, и прочее.

Отмечалось также, что фронтовые сводки зачастую носили сугубо описательный характер, повторяя содержание оперативных и разведывательных, а также сводок штабов родов

войск, при этом действия последних освещались недостаточно полно. Например, 38% материала 23 сводок фронтов за последний квартал 1944 г. отводилось характеристике действий противника, а анализу и выводам по действиям своих родов войск — только 4,5%, причем действиям пехоты и управлению боем — лишь около 2% содержания всех сводок[85].

Задачи по обобщению и использованию опыта войны, поставленные начальником Генерального штаба перед участниками совещания, а также деловые предложения выступающих легли в основу директивы Генерального штаба от 7 апреля 1945 г. и в основном были направлены на искоренение перечисленных недостатков[86].

Управлением по использованию опыта войны Генерального штаба до конца войны было переработано или разработано вновь свыше 30 уставов, наставлений и инструкций по вопросам организации и ведения общевойскового боя. Через уставной отдел управления прошло в порядке согласования около 40 уставов, наставлений, руководств и инструкций по боевому применению родов войск, не считая технической литературы, самостоятельно разрабатываемой и издаваемой их штабами[87].

Деятельность Наркомата Военно-морского флота СССР по обобщению опыта вооруженной борьбы на море

Существенным образом на содержание вооруженной борьбы на море влияли доктринальные установки, стратегическое и оперативное планирование. При этом роль морских театров верховные главнокомандования Германии и СССР оценивали примерно одинаково — как второстепенную и решение основных задач, стоявших перед вооруженными силами, связывали главным образом с действиями на суше.

Зимой 1940 г. руководство Наркомата ВМФ приняло решение о разработке оперативного очерка, посвященного применению Балтийского и Северного флотов в действиях против Финляндии, и в составе Главного морского штаба появилось соответствующее структурное подразделение — Исторический отдел. А в марте 1940 г. была создана Историческая комиссия ВМФ по исследованию и использованию опыта применения сил флота в войне с Финляндией и изучению опыта военных действий на морских театрах второй империалистической войны. Фактически она играла роль научного подразделения в составе центрального аппарата НК ВМФ, решая главным образом исследовательские задачи, в то время как Исторический отдел Главного морского штаба наряду с выполнением научных работ занимался вопросами организационного характера, осуществляя сбор и систематизацию материалов по обобщению боевого опыта и координацию деятельности по его теоретическому освоению[88].

К решению этой задачи привлекался весь руководящий и научно-преподавательский состав Военно-морского флота. В течение 1940 г. было проведено несколько заседаний Главного военного совета ВМФ и совещаний с участием руководителей подразделений Главного морского штаба и ученых, имевших целью уточнение основных положений теории военно-морского искусства и обсуждение проектов боевых уставных документов[89].

Директивой от 16 августа 1940 г. начальник Главного морского штаба ВМФ поставил перед командованием и штабами объединений задачу по разработке «постоянно действующих боевых наставлений по организации и проведению операций, типовых для данного флота, флотилии»[90]. Однако из-за низкой теоретической подготовки командных кадров и персонала оперативных органов решить ее не удалось, и к этой работе пришлось привлекать руководящий состав центрального аппарата Наркомата ВМФ и ученых военно-морских учебных заведений.

Приказом народного комиссара ВМФ от 26 ноября 1940 г. было введено в действие временное «Наставление по ведению морских операций» (НМО-40). В нем определялось, что вооруженная борьба на море была представлена в виде системы операций, то есть вза-

имосвязанных и взаимообусловленных действий оперативного масштаба, направленных на решение основных стратегических задач Военно-морского флота.

С началом военных действий работа по обобщению и реализации выводов из опыта вооруженной борьбы на море вышла на первый план, причем обстановка складывалась так, что результаты этой работы надо было доводить до всего командного состава действующего флота в кратчайшие сроки. В соответствии с директивой Ставки ВГК от 13 августа 1941 г. главкомы направлений и командующие фронтами обязаны были «передавать в Генеральный штаб копии всех боевых приказов, директив и основных боевых приказаний и распоряжений фронтов и армий»[91]. Нарком ВМФ издал директиву аналогичного содержания.

К этому времени определились и основные проблемные вопросы, на которые предлагалось обращать внимание при первичной систематизации материалов, поступавших в центральные органы военного управления ВМФ: организация совместных действий флотов и приморских группировок Красной армии; применение родов сил ВМФ в ходе самостоятельных действий; способы действий вражеского флота; особенности применения союзных военно-морских сил.

Решающую роль в организации работы по обобщению боевого опыта сыграл начальник Главного морского штаба ВМФ адмирал И. С. Исаков, который сумел поставить работу так, что в тяжелейших условиях войны ее масштабы не сократились, а интенсивность и эффективность с точки зрения сроков практической реализации полученных результатов значительно выросли.

Исторический отдел 3 августа 1941 г. был выведен из состава Главного морского штаба ВМФ и стал именоваться Историческим отделом Народного комиссариата Военно-морского флота. В феврале 1942 г. за счет штатов Исторической комиссии он был усилен численно и приобрел некоторые дополнительные функции.

События, однако, показали, что этого было недостаточно. Накопление материалов с прицелом на их использование, главным образом при составлении «Хроники 2-й мировой и Отечественной войны на море» и планируемого к разработке «Оперативно-стратегического очерка Отечественной войны на море», требовало несколько иных подходов к фактам и явлениям и значительно большего времени для получения достоверных выводов. Практика заставляла реагировать на них быстро, по существу немедленно, пусть даже за счет снижения строгости научного обоснования. В связи с этим 1 января 1943 г. в составе Главного морского штаба ВМФ было создано специальное отделение, в апреле того же года преобразованное в Отдел по изучению и обобщению опыта войны. В его состав входили пять отделений: по флоту, военно-воздушным силам, береговой обороне, сухопутным войскам и редакционно-издательское. Отделом разрабатывались проекты директив, циркуляров, специальных наставлений и руководств, бюллетени с обобщением опыта боевых действий, а также проекты ежегодных приказов наркома ВМФ по итогам оперативно-боевой подготовки и задачам на следующий год[92].

Следует отметить, что соответствующая работа по обобщению опыта войны велась не только специально созданными для этой цели подразделениями Наркомата ВМФ и Главного морского штаба. С конца июля 1941 г. к обобщению материалов, поступавших с флотов, приступили Оперативное управление Главного морского штаба, Управление боевой подготовки и Главное управление ВВС. По инициативе начальников этих управлений в действующие объединения стали рассылаться информационно-аналитические материалы по опыту боевой деятельности.

В ходе начального периода войны были изданы директивы народного комиссара ВМФ об изучении боевых повреждений кораблей ВМФ и начальника Главного управления ВВС о сборе материалов по материальной части, тактическим приемам авиации и противовоздушной обороне противника. Однако в первые месяцы войны из-за крайней сложной оперативной обстановки и отсутствия должной организации эта деятельность носила, по существу, случайный характер, причем наметилась тенденция не составлять подробных отчетов в тех случаях, когда результаты действий были неудачными.

Адмиралы Н. Г. Кузнецов и В. Ф. Трибуц у подводников-балтийцев

Командующий Северным флотом А. Г. Головко награждает экипаж подводной лодки К-1.
Второй справа — командир К-1 М. П. Августинович

К числу важнейших организационных мер, обеспечивших интенсивную работу всех органов военного управления, занимавшихся обобщением боевого опыта, относится издание приказа наркома ВМФ от 10 февраля 1942 г. «О представлении отчетов по итогам боевой деятельности кораблей и использованию оружия и боевой техники». В соответствии с ним до 1 апреля 1942 г. штабам действующих объединений и соединений надлежало представить в Главный морской штаб ВМФ отчеты по отдельным операциям, обзорные отчеты об оперативной деятельности с начала войны, отчеты по боевой деятельности соединений и кораблей отдельных классов, по использованию оружия и техники, а также о деятельности органов тыла и других органов, обеспечивающих боевую работу флота. После этого отчеты следовало представлять регулярно: по боевой деятельности флотов, соединений и по отдельным операциям — начальнику Главного морского штаба, а по использованию оружия и техники — начальнику Управления боевой подготовки и начальникам соответствующих центральных управлений. По одному экземпляру каждого из этих отчетов (за исключением имевших высшую степень секретности) было приказано направлять начальнику Исторического отдела Главного морского штаба[93].

В циркуляре начальника Главного морского штаба ВМФ № 2 от 18 сентября 1942 г. были даны методические указания по составлению отчетных материалов, в которых в обязательном порядке следовало отразить: решение на операцию (бой), подготовку соединений и частей к операции (бою), организацию оперативного (боевого) обеспечения действий, ход событий, выводы по результатам действий, мнение командования флота. Особое внимание обращалось на представление отчетов по действиям, которые не были включены в перечень типовых и не описывались в боевых уставных документах. Циркуляром определялось и содержание ежеквартальных отчетов, в которых должны были присутствовать данные, характеризующие общую оперативную обстановку на театре, деятельность за указанный период своих сил и противника, общие выводы и предложения по использованию полученного боевого опыта, включая соображения о задачах по оперативно-боевой подготовке на следующий квартал. Одновременно были установлены требования по составлению отчетных документов по проводке конвоев и обеспечению воинских перевозок морем.

Результаты работы, полученные в ходе анализа материалов, поступавших с флотов, реализовывались в разных формах. В случаях, когда обстановка требовала немедленного реагирования на новые факты и явления в вооруженной борьбе и недостатки, существенно влиявшие на решение стоявших перед флотами задач, народным комиссаром или начальником Главного морского штаба ВМФ издавались приказы и директивы. С июля 1941 до середины 1942 г. таковых было издано 27[94].

Когда имели место значительные расхождения между теорией и практикой, но время позволяло их осмыслить, в тексты нормативных актов, регламентирующих подготовку и ведение военных действий, вносились дополнения и изменения, а некоторые из них издавались заново. Так, существенной правке подвергся БУ МС-37. Внесенные в него в годы войны изменения и дополнения свидетельствуют о том, что в чрезвычайных условиях военного времени глубокая переработка нормативно-правовой базы применения сил флота затруднительна, и эти доработки носили главным образом косметический характер.

Со второй половины 1942 г. основные усилия в работе по обобщению опыта войны стали направляться на разработку уставных документов, среди которых преобладали наставления, содержавшие «детальные указания о способах действий при выполнении тех или иных задач». До конца войны были изданы «Наставление по боевой деятельности подводных лодок» (НПЛ-42), «Наставление по боевой деятельности речных флотилий» (НРФ-42), «Наставление по совместным действиям сухопутных войск с Военно-морским флотом и военными речными флотилиями» (1943), «Наставление по боевой деятельности катеров — истребителей подводных лодок» (НКИПЛ-43), «Наставление по боевой деятельности канонерских лодок (морских)» (НКЛ-43), «Наставление по воздушному бою ВВС ВМФ» (НВБ-43), «Наставление по боевой деятельности штурмовой авиации ВМФ» (НБДША-44), «Наставление по противовоздушной обороне маневренных соединений флота» (НПВО-44),

«Наставление по боевой деятельности береговой артиллерии» (НБА-44), «Наставление по тралению» (НТ-45)[95].

С началом работы по обобщению опыта войны руководство Наркомата и Главного морского штаба ВМФ столкнулось с тем, что ее выполнение требует от исполнителей знаний и навыков, которые нельзя приобрести во время учебы и прохождения службы на должностях, не связанных с научными исследованиями. В условиях войны подготовить необходимое число специалистов высшей научной квалификации по военно-исторической специальности было невозможно, поэтому (в том числе и по инициативе руководства Наркомата ВМФ) к этой работе стали подключаться ведущие научные центры страны.

Так, Президиум Академии наук СССР в декабре 1943 г. принял постановление о создании при Институте истории Академии сектора военной истории в составе двух групп: истории армии и флота. Заместителем руководителя сектора был назначен капитан 1 ранга Н. В. Новиков. И. С. Исаков осуществлял прямое руководство деятельностью группы истории флота, сформированной из офицеров Наркомата ВМФ, прикомандированных к институту. Она направлялась на решение следующих задач: привлечение Института истории и специалистов-историков к делу изучения и популяризации героического прошлого отечественного флота; подготовка издания «Очерков истории Военно-морского флота СССР»; сбор, изучение и публикация архивных материалов и источников по истории отечественного флота; подготовка и издание справочников по военно-морской истории; подготовка и издание монографических исследований и научно-популярных трудов «по наиболее интересным и актуальным проблемам истории отечественного флота»[96].

Вместе с тем специфика работы по обобщению боевого опыта требовала в первую очередь глубоких знаний в области теории военно-морского искусства. В октябре 1944 г. по инициативе И. С. Исакова при Военно-морской академии были сформированы Высшие исторические классы, где офицеры, планируемые к переводу на преподавательскую работу и в военно-исторические органы, знакомились с основами ведения научной работы и методологией исторических исследований[97]. В дальнейшем окончившие классы офицеры существенно укрепили состав Исторического отдела Главного морского штаба ВМФ.

Кроме плановых исследований личный состав Исторического отдела выполнял инициативные исследовательские работы. К концу 1943 г. офицерами этого подразделения во внеплановом порядке было разработано более 20 трудов, обобщающих боевой опыт. Отделу по изучению и обобщению опыта войны в своей работе пришлось опираться главным образом на профессорско-преподавательский состав военно-морских учебных заведений. Работа научно-преподавательских кадров Военно-морской академии осуществлялась как в плановом, так в и инициативном порядке. В середине 1941 г. план научной работы академии был полностью пересмотрен. Новым планом предусматривалось выполнение 140 научно-исследовательских работ, включая 27 исследований по тематике оперативно-тактического характера[98].

Работы оперативно-тактического характера отражали наиболее насущные требования практики применения сил флота[99]. При этом выполнение многих заданий было связано с командировками ученых на действующие флоты. Среди тех, кто наиболее часто направлялся на фронт, в боевые объединения был преподаватель кафедры тактики подводных лодок и противолодочной обороны профессор А. В. Томашевич. Обобщив опыт применения советских подводных лодок за 21 месяц войны, он разработал более совершенный прием торпедной стрельбы и написал проект нового «Наставления по боевой деятельности подводных лодок» (НПЛ-42). В ноябре 1943 г. А. В. Томашевич возглавил соответствующую кафедру, а по совместительству был назначен старшим инструктором боевой подготовки подводных лодок при Управлении боевой подготовки ВМФ.

В это время начальник кафедры стратегии и оперативного искусства контр-адмирал В. А. Белли уже работал над материалами фундаментального военно-теоретического труда «Война на море», а под общим руководством капитана 1 ранга Н. Б. Павловича разрабатывались требования и рекомендации по высадке и отражению морских десантов, нападению

Офицеры-подводники у кормового орудия подводной лодки Щ-422 в Полярном

Адмиралы Н. Г. Кузнецов и В. Ф. Трибуц с экипажем подводной лодки Щ-406

Командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский

Командующий флотом метрополии британский вице-адмирал Б. Фрейзер
и командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головко

на якорные стоянки кораблей противника и другие вопросы, ставшие впоследствии основой для создания первого «Тактического руководства ВМФ». Перспективный характер носили работы, которые велись под руководством адмирала И. С. Исакова. Так, с начала войны коллектив авторов, состоявший из ведущих ученых Военно-морской академии, трудился над разработкой «Боевого устава флота» (БУФ-41).

Одной из основных форм реализации результатов обобщения боевого опыта в Наркомате ВМФ стало издание сборников по оперативно-тактическим вопросам. К 1 марта 1944 г. таковых было издано восемь. Кроме того, к этому времени Историческим отделом было подготовлено к печати 11 выпусков «Хроники 2-й мировой и Отечественной войны на море», а Отделом по обобщению и использованию опыта войны Главного морского штаба ВМФ составлено и разослано на флоты 102 информационных сборника, откорректирован или вновь издан 61 уставной документ. Наряду с этим центральные управления Наркомата ВМФ выпустили 85 бюллетеней, 97 информационных писем, а по боевому применению военно-воздушных сил было выпущено 17 брошюр.

Изучением особенностей применения военно-морских сил противника и опыта союзников занимались разведывательные органы. За годы войны ими было издано 118 информационных материалов (в том числе 43 — по оперативно-тактическим вопросам) и 16 обзоров по боевой деятельности противника на морских театрах СССР[100].

Одной из важнейших форм распространения обобщенных результатов опыта вооруженной борьбы на море являлись выступления первых лиц Наркомата ВМФ перед руководящим составом действующих объединений, научные и научно-практические конференции, в которых участвовали начальники структурных подразделений и офицеры центрального аппарата ВМФ. В частности, по указанию наркома ВМФ зимой 1941–1942 гг. на всех флотах

были проведены сборы руководящего состава по изучению опыта войны, с докладами на которых выступили командиры, начальники штабов и флагманские специалисты действующих соединений и частей. Общим недостатком в организации этих мероприятий было то, что боевая деятельность других флотов на них не рассматривались.

Первая конференция, посвященная изучению опыта действий на море, в Военно-морской академии состоялась 20–22 февраля 1942 г. На ней были рассмотрены темы: «Особенности типовых операций флота по опыту войны», «Особенности в тактике флота по опыту войны», «Методика подбора материала по изучению опыта войны и работа с ним». В работе конференции приняли участие представители Главного морского штаба и других военно-морских учебных заведений.

В Главном морском штабе ВМФ научная конференция по результатам обобщения опыта боевой деятельности действующих флотов и флотилий была проведена 11 февраля 1943 г. С докладом «Боевое управление ВМФ по опыту войны» на ней выступил контр-адмирал Ю. А. Пантелеев, отметивший, что наиболее узким местом в развитии теории и практики военно-морского искусства является «организация сил и командования в операциях», а также «методика подготовки и ведения операций»[101].

В решении задачи по распространению боевого опыта существенную роль играли органы военной печати, в первую очередь научно-теоретические, на страницах которых выступали участники военных действий — офицеры и адмиралы действующих флотов и военных флотилий, показавшие выдающиеся результаты в организации боевой деятельности подчиненных частей, соединений и объединений. Учитывая их занятость по службе и трудности, обусловленные спецификой боевой обстановки, практическую помощь в оформлении публикуемых материалов им оказывали редакторы соответствующих отделов, а также командированные на действующие флоты офицеры центрального аппарата ВМФ и преподаватели военно-морских учебных заведений.

Полученные таким образом материалы имели особую ценность как результаты первичной рациональной обработки данных, добытые путем непосредственного наблюдения за новыми фактами и явлениями вооруженной борьбы на море. Эти работы были ценны прежде всего тем, что их тематика отражала весь комплекс вопросов, находившихся в центре внимания командования и ведущих теоретиков советского ВМФ. Только в «Морском сборнике» было опубликовано более 20 статей, отразивших, по существу, всю специфику вооруженной борьбы на морских и озерно-речных театрах Великой Отечественной войны.

Анализируя деятельность по обобщению боевого опыта и его освоению в Красной армии за всю войну, нельзя не заметить, что она с первых дней осуществлялась под руководством Ставки ВГК и пристальным контролем Верховного главнокомандующего И. В. Сталина[102]. Важнейшими задачами органов стратегического руководства страной и вооруженными силами по обобщению боевого опыта и его использованию было создание и совершенствование соответствующей управленческой структуры, формирование и развитие нормативно-правовой базы ее функционирования и повседневное руководство этой работой. При этом основная нагрузка по решению этих задач легла на соответствующие подразделения Генерального штаба Красной армии. Непременным условием результативности данной структуры являлось тесное взаимодействие с Оперативным управлением Генштаба Красной армии. То же самое условие являлось определяющим при создании и функционировании органов по использованию опыта войны и в оперативных штабах, где они входили в состав оперативных отделов.

Созданная в годы войны система органов по обобщению и использованию боевого опыта включала все звенья управления, а деятельность этих органов представляла собой самостоятельное направление службы штабов при сохранении централизованного руководства этой работой со стороны Ставки ВГК и Генерального штаба. Поиск оптимальной организационной структуры органов, отвечавших за обобщение и использование опыта войны, шел непрерывно до последних ее дней, однако не все решения были удачными. Несовершенной оставалась организация этой работы в тактическом звене управления.

Командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц на палубе крейсера «Максим Горький»

Руководство работой по обобщению опыта войны осуществлялось различными путями: прямыми директивными указаниями, изданием инструкций и методических материалов, проведением совещаний по обмену опытом работы, централизованным планированием и координацией усилий штабов и центральных управлений НКО, проверкой и контролем деятельности подчиненных штабов и прочим.

Опыт войны показал, что без централизованного, целеустремленного, конкретного, постоянного руководства деятельностью оперативных штабов со стороны Ставки ВГК, Генерального штаба работа по обобщению и использованию опыта войны неизбежно была бы отодвинута на второй план. При этом менее всего был эффективен декларативный, директивный, бумажный стиль руководства. Одновременно при жесткой централизации важно было не подавить инициативу, предоставить простор для самостоятельной работы подчиненных, не сковывая их действия излишней регламентацией. Обращение к опыту организации этой работы во фронтах и армиях всегда давало положительные результаты. Подтверждением могут служить проведенные Генеральным штабом всеармейские совещания по обмену опытом обобщения и использования опыта войны, по итогам которых всякий раз принимались организационные решения, существенным образом влиявшие на положение дел.

Следует отметить, что в своей основе все разработанные и принятые уставы, наставления, инструкции, а также сборники материалов, бюллетени касались преимущественно оперативно-тактических вопросов. Проблемы стратегии оставались прерогативой Верховного главнокомандующего и Ставки ВГК. В целом проведенная Верховным главнокомандованием, Генеральным штабом работа по обобщению и доведению опыта войны до войск, деятельность штабов всех уровней по решению этой важной задачи позволили приблизить победу Красной армии. Г. К. Жуков отмечал: «Совершенствуя формы и способы ведения войны, Верховное главнокомандование, Генеральный штаб, командование фронтов, армии и их штабы в ходе войны проводили огромную работу по обобщению передового опыта вооруженной борьбы и внедрению его в войска, что и способствовало общему успеху»[103].

Понимая и придавая огромную значимость этой деятельности, И. В. Сталин 5 марта 1945 г. сопроводил подписание приказа о журналах «Военная мысль» и «Военный вестник» словами: «Мы получили огромный военный опыт, такой опыт, которого нигде нет... Нужно развернуть глубокое изучение нашего опыта в большом и малом масштабе»[104]. Эти напутствия сохраняют свою актуальность и в наше время.

Роль советского Верховного главнокомандования в развитии отечественного военного искусства в 1941–1945 гг.

С момента нападения нацистской Германии на СССР события на советско-германском фронте стали оказывать решающее влияние на развитие обстановки на всех театрах Второй мировой войны. В ходе беспримерного по масштабам и степени ожесточения вооруженного противоборства проходила проверку теория и практика военного дела Советского государства и Третьего рейха. Здесь же, хотя и косвенным образом, проверялись положения и идеи, лежавшие в основе строительства и применения вооруженных сил других держав, вовлеченных в глобальную схватку.

Для Советского Союза проблемы военного искусства имели по-настоящему судьбоносный характер. С первых дней войны они заняли одно из важнейших мест в деятельности органов стратегического руководства страной и вооруженными силами. При этом обстановка требовала быстрого, а порой и немедленного реагирования на новые военные явления, которые не могли быть своевременно в полной мере изучены из-за отсутствия времени и материала, достаточного для широких и обоснованных обобщений. В связи с этим познание их

сущности откладывалось, а новые формы и способы действий рождались в процессе военной практики, которая представляла собой грандиозный военный эксперимент, за результаты которого приходилось платить самую высокую цену.

В этих условиях важнейшее значение имела способность Верховного главнокомандования адекватно анализировать и оценивать стратегические результаты отдельных сражений, операций и в целом военных кампаний и периодов войны, при этом проявлять умение глубоко вскрывать истинные причины неудач и поражений, а также уяснять новые факторы и основы успехов и побед. Исключительно важную роль играли личные качества тех, кто стоял во главе страны и вооруженных сил — их умение в хаотичном переплетении фактов выявлять главное, отделять закономерное от случайного и находить единственно верное решение, опираясь на опыт и положения военной науки. Не менее значимую роль в усвоении уроков войны играла внутренняя готовность стратегического руководства к решительному отказу от положений и взглядов военного искусства, не выдержавших испытания практикой.

В число наиболее сложных проблем военного искусства, в решении которых роль Верховного главнокомандования была определяющей входили: организация стратегической обороны и стратегического наступления; подготовка и ведение стратегических оборонительных и наступательных операций; создание и использование стратегических резервов; организация стратегического взаимодействия между видами вооруженных сил и межвидовыми группировками, решавшими стратегические задачи.

Значение взглядов Верховного главнокомандования на основы стратегического применения вооруженных сил ярче всего проявилось в сложнейшей обстановке начального периода войны, показавшего, что выводы советского военно-политического руководства из опыта первых кампаний Второй мировой войны были неверными. Особенно в том, что касалось стратегического творчества верховного командования фашистской Германии, в котором накануне вражеского вторжения оно не увидело ничего нового[105].

В первую очередь не выдержало столкновения с реальностью ключевое положение советской военной доктрины, гласившее, что основным видом действий Красной армии является стратегическое наступление. Попытки активными контрнаступательными действиями вырвать стратегическую инициативу из рук противника и изменить ход событий в свою пользу успеха не имели, и в конце июня 1941 г. Главное командование Красной армии было вынуждено принять решение о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте[106].

Организованный переход к стратегической обороне существенно затруднялся из-за огромных потерь, срыва мобилизационных мероприятий на территории приграничных военных округов, задержки с выдвижением резервов из глубины страны, отсутствия у всех категорий командного состава необходимого опыта, слабой теоретической разработки вопросов оперативной обороны и неудовлетворительной практической подготовки штабов к ее организации и ведению.

Промедление с решением о переходе Красной армии к стратегической обороне как виду военных действий, в наибольшей степени отвечавшему обстановке, реально сложившейся в начальном периоде войны, оказало негативное влияние на ход и исход всей летне-осенней кампании 1941 г. Принять такое решение Главному командованию было сложно не только потому, что оно не имело полных и достоверных данных о состоянии, действиях и возможностях своих войск и противника. Оно руководствовалось предвоенными доктринальными установками и утвержденными планами. Выполняя требования Ставки об организации контрударов, советские войска несли большие потери, попадали в окружение или, теряя боеспособность, отходили, а противник, нанося мощные рассекающие и охватывающие удары, продолжал развивать успех, достигнутый в приграничных сражениях.

В неблагоприятных условиях осуществлялся переход к стратегической обороне и летом 1942 г., с началом наступления вермахта на Сталинград и Кавказ. Как и в начальном периоде войны, эти трудности в значительной степени были обусловлены ошибками, допущенными на стратегическом уровне руководства. Приняв по завершении зимней кампании

1941–1942 гг. решение о временном переходе к стратегической обороне, Ставка, однако, потребовала провести ряд наступательных операций одновременно и, по существу, на всех стратегических направлениях. Это привело к распылению сил и средств. Действия группировок, состав которых не соответствовал поставленным задачам, целей не достигли, и на южном крыле советско-германского фронта неудачные действия советских войск обернулись тяжелыми поражениями и изменением общей стратегической обстановки в пользу противника. Поэтому в летне-осенней кампании 1942 г. организовывать и вести стратегическую оборону пришлось в условиях, когда на юго-западном направлении войскам под ударами противника, полностью владеющего инициативой, пришлось отходить к Волге и Большому Кавказскому хребту.

Все это решающим образом повлияло и на характер проблем организации и ведения стратегической обороны, которые советскому Верховному главнокомандованию в этих условиях пришлось решать снова, и на развитие форм и способов этого вида действий. В свете этого заслуживает внимания процесс изменения подхода Ставки ВГК к их выбору.

В первые недели войны стратегическая оборона осуществлялась ведением одновременных самостоятельных фронтовых оборонительных операций. Практика, однако, показала, что при огромном пространственном размахе и высокой динамике вооруженной борьбы, в условиях, когда фронтовые объединения, понесшие тяжелые потери в ходе приграничных сражений, были существенно ослаблены, сил и средств фронтов для ведения успешных оборонительных действий было недостаточно даже в оперативном масштабе.

Ставка ВГК стала искать новые формы применения сил и средств. С середины июля 1941 г. Ставка стала практиковать организацию операций групп фронтов, к участию в которых привлекались два-три фронтовых объединения, силы и средства авиации дальнего действия, войска ПВО страны, а на приморских направлениях — флоты и флотилии. Таким путем удавалось создавать группировки, способные удерживать стратегический фронт достаточно продолжительно. Оборонительная операция группы фронтов проводилась, как правило, на одном из стратегических направлений и представляла собой совокупность фронтовых и армейских операций, сражений, ударов и боевых действий (в первом периоде войны преимущественно оборонительных), проводимых по единому замыслу и под руководством Ставки ВГК.

В ходе войны было проведено 14 стратегических оборонительных операций, в ходе которых Верховному главнокомандованию пришлось решить ряд сложных и новых для советского военного искусства проблем, в том числе и относящихся к его высшей области. Так, устойчивость стратегической обороны обеспечивалась в первую очередь своевременностью и полнотой вскрытия замысла действий противника. Наряду с этим она во многом зависела от заблаговременного создания оборонительных группировок, глубины и плотности их оперативного построения на важнейших направлениях. В летне-осенних кампаниях 1941–1942 гг. Ставка ВГК создавала их, усиливая фронты стратегическими резервами, осуществляя маневр силами и средствами, уже имевшимися в их составе, а также за счет пополнения действующих войск личным составом, боевой техникой и вооружениями. При этом решения принимались Ставкой, исходя из общего замысла применения вооруженных сил, всесторонней и объективной оценки действий и намерений противника, лимита времени на подготовку своих войск, их боевого и численного состава, стратегического и оперативного построения группировок, сложившегося при переходе к обороне, наличия и расположения стратегических резервов, состояния коммуникаций, транспортных возможностей и оперативной емкости соответствующего направления.

В условиях, когда противник владел инициативой, решающее значение Ставка придавала глубине построения стратегической обороны. Так, оборонительная группировка, созданная Верховным главнокомандованием в июле 1941 г. на западном направлении, была развернута в три эшелона, при этом общая глубина стратегического построения советских войск в обороне составляла около 400 км[107], а летом 1942 г. общая глубина построения стратегической обороны, подготовленной в инженерном отношении, была уже около 600 км[108].

Одной из наиболее сложных проблем являлось восстановление стратегического фронта, нарушенного в результате успешных наступательных действий противника. Решая ее, Ставка прибегала к перегруппировке сил и средств действующих фронтов, однако в большинстве случаев это происходило за счет ее резервов, которые или обращались на создание нового фронта, или шли на усиление объединений, отходивших на заранее подготовленные рубежи.

Созданию и использованию стратегических резервов советское Верховное главнокомандование придавало исключительное значение. Именно в этом уже в первом периоде войны оно превзошло стратегическое руководство вермахта. Резервы использовались не только для ликвидации брешей в стратегической обороне, но и для создания группировок, предназначавшихся для контрударов по противнику, ведения частных наступательных операций, создания условий для перехода в общее контрнаступление. Благодаря этому были одержаны выдающиеся победы в Московской и Сталинградской битвах, подготовлены условия для коренного перелома в войне. Искусство, проявленное Ставкой ВГК при решении данной проблемы, стало одним из наиболее ярких достижений советской военной школы.

Важнейшей особенностью стратегической обороны, осуществлявшейся советским Верховным главнокомандованием, была ее активность. Она выступала как важнейшее из условий обеспечения ее устойчивости. Контрудары и частные наступательные операции осуществлялись прежде всего на главных направлениях с целью ослабить противника, сорвать или, по крайней мере, замедлить его наступление, заставив расходовать силы и средства на их отражение. Одновременно активные действия предпринимались на смежных стратегических направлениях, чтобы вынудить противника снять войска с главного направления или, связав их, не допустить усиления вражеской группировки, решающей главную задачу.

Активность стратегической обороны заключалась также в постоянном воздействии на противника ударами авиации и огнем артиллерии, широком маневре силами и средствами вдоль всего советско-германского фронта, а также из тыловых районов страны, ведении воздушных операций с целью разгрома или ослабления вражеской авиации на аэродромах, нанесения поражения группировкам войск, важным экономическим и административно-политическим объектам в тылу врага. Важную роль в обеспечении устойчивости стратегической обороны играли правильное определении цели действий, своевременность и полнота вскрытия замысла применения ударных группировок противника, заблаговременность создания оборонительных группировок своих войск, их целесообразное оперативно-стратегическое построение.

В зависимости от обстановки, наличия сил и средств, а также целей действий стратегические оборонительные группировки строились в один или два эшелона. В отдельных случаях в роли второго эшелона выступали резервы Ставки ВГК, сосредоточенные на данном направлении. Наиболее ярким примером такого рода является преднамеренный переход к обороне во время Курской битвы, когда еще до начала вражеского наступления из резервов Ставки ВГК был создан Степной округ (фронт), фактически составлявший второй эшелон стратегической оборонительной группировки[109]. При этом независимо от числа элементов оборонительных группировок глубина и плотность их стратегического построения постоянно увеличивалась.

Особую роль Ставка ВГК сыграла в создании развитых в глубину оборонительных полос и рубежей. Их своевременное занятие в первом периоде войны удавалось осуществить не всегда, тем не менее наличие таковых в оперативном тылу наших войск оказало существенное влияние на ход и исход оборонительных этапов Московской, Сталинградской и Курской битв.

При подготовке и ведении оборонительных действий стратегического масштаба особое внимание уделялось взаимодействию между фронтами и элементами оперативно-стратегического построения войск внутри оборонительной группировки, между ней и объединениями (соединениями) ВВС и ВМФ, привлекаемых к участию в операции. В отдельных случаях приходилось организовывать взаимодействие между войсками Красной армии и партизанскими формированиями, действующими перед полосой их обороны на соответствующем направлении. Эти вопросы Ставка ВГК решала или напрямую, или опираясь на главные

командования стратегических направлений, а также на своих представителей. В стратегической оборонительной операции взаимодействие осуществлялось по задачам, которые войска и силы решали при отражении наступления противника и его разгроме в глубине обороны по различным вариантам действий своих войск. При этом одной из наиболее сложных проблем являлось надежное обеспечение стыков между оперативными объединениями. Решить ее в основном удалось только к концу первого периода войны.

Большое внимание Ставка ВГК уделяла согласованию контрударов и частных наступательных операций с позиционными оборонительными действиями войск, не принимавших непосредственного участия в этих действиях. Правильное решение этого вопроса в самые трудные для наших войск моменты Сталинградской битвы позволило отвлечь с главного операционного направления и сковать значительную часть войск наступавшей на Сталинград 6-й армии противника. В организации взаимодействия между флангами смежных фронтов существенную роль играли входившие в их состав объединения Военно-воздушных сил. При необходимости они применялись в полосе соседнего фронта, решая задачи в его интересах, а действия всех формирований ВВС, привлекавшихся к ведению оборонительных операций, координировались представителями Ставки ВГК по авиации. Они же организовывали и взаимодействие авиационных объединений с войсками ПВО, истребительной авиацией и зенитной артиллерией.

Исключительной важной была роль Ставки ВГК в организации взаимодействия между войсками приморских фронтов и флотами. Наиболее полно она проявилась при создании и применении межвидовых группировок (оборонительных районов), предназначавшихся для борьбы за удержание военно-морских баз и изолированных приморских плацдармов.

В целом же роль Ставки ВГК при подготовке и ведении стратегических оборонительных операций заключалась в том, что именно она определяла их цели и замысел, на основании чего Генеральный штаб разрабатывал общую и частные директивы, которыми определялись задачи, состав и построение привлекаемых сил и средств, организация взаимодействия между фронтами и объединениями ВВС, ВМФ и ПВО, места расположения пунктов управления, порядок и сроки представления в Ставку донесений. При этом основным способом ведения стратегических оборонительных операций оставалась упорная борьба за удержание занятых рубежей в сочетании с контрударами и частными наступательными операциями.

В целом как вид военных действий стратегическая оборона наиболее полное выражение получила в ходе летне-осенних кампаний 1941–1942 гг., каждая из которых представляла собой систему одновременных и последовательных оборонительных операций фронтов и групп фронтов. При этом в ходе их на отдельных направлениях нашими войсками велись и наступательные действия. Оценивая достигнутые при этом результаты, необходимо учитывать, что в обеих кампаниях переход к обороне был вынужденным. А это значит, что советское Верховное главнокомандование могло наметить только общую цель и способ ее ведения, поскольку и ход, и итоги стратегической обороны испытывали влияние большого количества факторов, многие из которых трудно заранее предвидеть. Вместе с тем даже в самые тяжелые моменты начального периода войны борьба, которую наши войска вели в ходе оборонительных сражений, представляла собой процесс, управляемый Ставкой Верховного главнокомандования, осуществлявшей руководство стратегическими группировками и фронтовыми объединениями на основе определенного замысла.

Начиная с третьего периода Великой Отечественной войны стратегическое наступление вновь стало основным видом действий Красной армии, хотя его теоретическая разработка была еще далека от завершения. В общем виде оно представляло собой систему связанных замыслом Ставки Верховного главнокомандования одновременных и последовательных стратегических наступательных операций, проводимых для достижения военно-политических целей кампаний, а в последней из них — целей всей войны. При этом в некоторых случаях на отдельных операционных направлениях в ходе стратегического наступления велись и оборонительные действия различного масштаба.

Каждая кампания, основным содержанием которой являлось стратегическое наступление, имела свои особенности, которые требовали учета при разработке замыслов стратегических наступательных операций и их планировании. В условиях, когда Вооруженные силы СССР вели борьбу за захват стратегической инициативы, их наступательные действия подразделялись на несколько этапов. Так, зимние кампании 1941–1942 и 1942–1943 гг. начинались с контрнаступления на важнейших направлениях советско-германского фронта. В последующем, когда их результаты становились очевидными, они перерастали в наступательные операции в целях развития достигнутого успеха, которые при благоприятных условиях в совокупности выливались в общее стратегическое наступление.

При этом в ходе этих кампаний Ставкой ВГК еще допускались серьезные ошибки и просчеты. Так, на втором этапе зимней кампании 1941–1942 гг., когда обозначился первоначальный стратегический успех, Ставка решила одновременно провести глубокие наступательные операции практически на всех стратегических направлениях. Это привело к ослаблению натиска на противника на главном, западном направлении, и цели общего стратегического наступления достигнуты не были. В определенной мере этот урок был учтен при планировании и ведении наступательных действий зимой 1942–1943 гг. К этому времени в работе советского Верховного главнокомандования уже появились элементы глубокого предвидения, стремления навязать противнику свою волю, не позволить ему прийти в себя после поражений, направить основные усилия привлекаемых к операции войск и сил на решение главной задачи и разгром врага путем нанесения ему ряда одновременных и последовательных ударов.

Стратегические цели кампаний достигались решением ряда последовательных задач, каждая из которых представляла собой содержание одной или нескольких стратегических операций групп фронтов, а также самостоятельных фронтовых операций. Во многих случаях командующие фронтами вместе с задачей на проведение первой операции получали и ориентировку на дальнейшие действия. Сущность стратегического замысла на проведение кампании заключалась в определении способа действий определенных группировок вооруженных сил, направления сосредоточения основных усилий (главного удара), состава, построения и порядка создания этих стратегических группировок. Кроме того, замыслом определялись основы взаимодействия, организации обеспечения привлекавшихся к стратегическому наступлению войск, подготовки необходимого количества стратегических резервов и прочее.

В процессе подготовки стратегического наступления Верховному главнокомандованию кроме определения его цели и замысла приходилось решать ряд других сложных проблем: сосредоточение сил и средств на избранных направлениях, определение времени и последовательности нанесения ударов, выбор наиболее оптимальных способов стратегического наступления, организация стратегического взаимодействия между группировками вооруженных сил и их видами, достижение внезапности действий, выбор наиболее эффективных форм и способов применения объединений и соединений видов вооруженных сил и родов войск, организация управления, всестороннее обеспечение военных действий и многое другое.

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны острота проблемы выбора направления главного удара в стратегическом наступлении заметно возросла. Главный удар в кампаниях наносился, как правило, там, где силы и средства, которыми располагала Ставка ВГК, можно было применить с максимальной эффективностью и добиться наиболее значимых военно-политических результатов. Решение о месте, направлении и времени главного удара принималось с учетом всей совокупности политических, экономических и военно-стратегических факторов. Этот выбор прямо зависел и от того, какая из сторон в данный момент времени владела стратегической инициативой. По крайней мере, до середины 1943 г. Ставка ВГК была вынуждена направлять усилия Красной армии в первую очередь на разгром группировок противника, представлявших наибольшую опасность. Впоследствии направления главных ударов и время их нанесения советское Верховное главнокомандование определяло, руководствуясь главным образом соображениями политического характера.

Командующий 65-й армией П. И. Батов вручает орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Герою Советского Союза сержанту И. Я. Спицыну

Командующий 1-й гвардейской армией А. А. Гречко с офицерами штаба на линии Арпада

Командующий 4-м гвардейским механизированным корпусом В. И. Жданов
и командующий 1-й армейской группой НОАЮ П. Дапчевич в освобожденном Белграде

Командир 4-го гвардейского танкового корпуса П. П. Полубояров (справа)

После определения направления главного удара в кампании, Ставка принимала меры для сосредоточения на нем достаточных сил и средств. Как показывает ретроспективный анализ стратегических наступательных операций, проведенных в годы войны, на главных направлениях сосредоточивалось от 25 до 50% всех сил и средств действующей армии, а в некоторых случаях и более. В кампаниях проблема массирования сил и средств на направлении главных ударов решалась в основном за счет решительного, но рационального ослабления других, менее важных участков и усиления главных группировок за счет резервов Ставки. Начиная с летне-осенней кампании 1943 г. степень массирования сил и средств на направлениях главных ударов существенно выросла, что позволило наносить по противнику мощные удары, быстро сокрушать его оборону на широком фронте, наращивать усилия и, развивая наступление на большую глубину, в сравнительно короткие сроки достигать поставленных целей действий.

Решающее значение при подготовке кампаний имело создание стратегических группировок. Ставка ВГК исходила из того, что при огромном пространственном размахе вооруженной борьбы на советско-германском фронте разгромить противника на всем его протяжении в ходе одной, даже самой масштабной наступательной операции невозможно. Поэтому для достижения поставленной цели военных действий организовывался ряд взаимосвязанных ударов несколькими стратегическими группировками. Так, в летне-осенней кампании 1943 г. Ставкой ВГК было создано четыре крупные стратегические группировки, как и к началу летне-осенней кампании 1944 г. В состав этих группировок входило от двух до пяти фронтовых объединений, усиленных формированиями других видов вооруженных сил, численностью от 600 тыс. до 2 млн 500 тыс. человек, от 8 тыс. до 40 тыс. орудий и минометов, от 700 до 6 тыс. танков и САУ, от 700 до 7,5 тыс. боевых самолетов[110].

Достижение внезапности в стратегическом масштабе являлось одной из наиболее важных и сложных проблем, решаемых при организации стратегического наступления, поскольку она была связана с проведением мероприятий такого же масштаба, которые скрыть от противника полностью было нельзя. Поэтому основные усилия направлялись на введение его в заблуждение в отношении времени начала операций, направления главных ударов, состава ударных группировок, способов ведения наступления.

Так же, как и в организации стратегической обороны, решающую роль в подготовке и ведении стратегического наступления играло своевременное создание, накопление и эффективное использование резервов Ставки ВГК. Они позволяли Верховному главнокомандованию обеспечивать превосходство над противником на избранных направлениях и, наращивая силы, развивать первоначально достигнутые успехи.

Результатом внимания Ставки к этому вопросу стало постоянное усиление стратегических резервов. Во втором и третьем периодах войны в количественном отношении они увеличились более чем в два раза[111]. Не меньшее значение имел их качественный рост за счет повышения удельного веса объединений и соединений бронетанковых и механизированных войск, артиллерии и военно-воздушных сил. Изменились и способы их создания: основным стал вывод в резерв Ставки ВГК формирований из действующих фронтов, которые в тылу пополнялись личным составом, вооружением, боевой техникой (как правило, новейших образцов), материальными средствами, а при достаточно длительном времени нахождения в резерве занимались боевой и оперативной подготовкой.

Как показывает анализ наступательных действий Вооруженных сил СССР в ходе Великой Отечественной войны, от 50 до 70% стратегических резервов Ставка ВГК использовала на направлениях главных ударов, в основном для создания ударных группировок и их усиления в ходе наступления[112]. Иногда резервные формирования применялись для организации наступательных действий по обеспечению флангов главной ударной группировки (на смежных операционных направлениях). В ряде случаев, как правило в период подготовки кампаний, выдвигая резервы из глубины, Ставка ВГК одновременно осуществляла стратегические перегруппировки войск с одного направления на другое.

Организация взаимодействия в ходе стратегического наступления принципиальных отличий от порядка, сложившегося в ходе стратегической обороны, не имела. Его специфика определялась иным содержанием задач, которые ставились привлекаемым войскам и силам, в первую очередь тем, что для их решения назначались конкретные сроки. Роль Ставки ВГК заключалась в том, чтобы по цели, месту и времени согласовывались усилия группировок вооруженных сил, действовавших на различных театрах военных действий (природных средах), фронтовых объединений, дальней авиации, войск ПВО страны и партизан.

Основной формой применения вооруженных сил в стратегическом наступлении стала наступательная операция группы фронтов, ставшая одним из наиболее значимых результатов развития военного искусства в годы Великой Отечественной войны. Стратегические наступательные операции, проведенные под руководством Ставки ВГК, отличались большим пространственным размахом. В наиболее крупных операциях ширина полосы наступления советских войск составляла 800–1000 км, а глубина — 150–800 км[113]. Наиболее характерными способами ведения Красной армией стратегических наступательных операций являлись: нанесение ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения крупных группировок противника, нанесение одного мощного удара с целью рассечения противостоящей стратегической группировки противника и разгрома ее по частям, нанесение ряда дробящих ударов на широком фронте с развитием их в глубину и в стороны флангов[114]. В отдельных, наиболее крупных операциях эти способы применялись в различных сочетаниях. На приморских направлениях войсками, которые вели операции совместно с силами флотов, применялся способ нанесения охватывающего удара с целью отсечения и прижатия к морю группировки противника с последующим ее уничтожением или блокадой.

Стратегическое наступление велось двумя способами: путем последовательного по фронту и по глубине и одновременного проведения нескольких стратегических наступательных операций. В большинстве наступательных кампаний Ставка прибегала к ведению последовательных операций по фронту, заставляя противника, уже не располагавшего крупными резервами, в срочном порядке перебрасывать силы и средства вдоль стратегического фронта с одного направления на другое, из-за чего он нередко не успевал осуществлять перегруппировку сил на угрожаемые направления. Способ одновременного проведения нескольких операций позволял сковать активными действиями большую часть сил противника, лишить его возможности маневрировать ими вдоль стратегического фронта.

При подготовке и ведении наступательных действий проявились наиболее характерные черты стратегического руководства страной и вооруженными силами. Опыт войны показал, что в условиях, когда вооруженная борьба приобретает огромный пространственный размах и ведется одновременно во всех географических средах, ведение отдельных, даже очень крупных наступательных операций часто поставленных целей достигает. Столкнувшись с необходимостью планирования целой системы операций, в ходе всей кампании с достижением в ней крупных военно-политических и стратегических целей Ставка Верховного главнокомандования с этой задачей справилась, и в основном успешно.

Подготовка каждой новой кампании начиналась еще в ходе завершения предыдущей или в период стратегической паузы. Операции первого этапа кампании планировались детально, а последующие намечались в общих чертах, тем не менее и они в большинстве случаев заранее обеспечивались людскими и материальными ресурсами, часть которых поступала еще при подготовке кампании, а основная — в ходе военных действий. При этом выполнялись важнейшие из требований, предъявляемых к стратегическому планированию: его полное соответствие политике и экономическим возможностям государства, своевременность разработки плана, его реальность, строжайшее соблюдение режима секретности и других мер, обеспечивающих реализацию принципа внезапности применительно к высшей области военного искусства.

Особое место в деятельности советского Верховного главнокомандования занимали вопросы организации стратегического взаимодействия между вооруженными силами государств

антигитлеровской коалиции. Совместные решения по вопросам военно-стратегического характера вырабатывались в ходе переписки и личного общения И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, а также во время переговоров с полномочными представителями глав союзных держав, посещавших советскую столицу, в ходе контактов советских должностных лиц с союзниками на территории зарубежных государств.

Совместные военные действия союзников носили ограниченный характер и осуществлялись главным образом на оперативном уровне: военно-воздушными силами — эпизодически, военно-морскими — на постоянной основе, в частности в операциях по проводке арктических конвоев. Основной формой стратегического взаимодействия являлось согласование политических и военно-стратегических целей кампаний. После открытия второго фронта в Европе оно было дополнено согласованием времени, места и целей проведения стратегических операций, в первую очередь наступательных. Особое значение это приобрело в завершающей кампании войны, когда группировки советских войск и союзников наступали навстречу друг другу, и надо было назначать рубежи их встречи, зоны артиллерийского огня и объекты воздействия авиации, вырабатывать общие подходы к организации временного управления на оккупированных территориях.

Этими вопросами советскому Верховному главнокомандованию приходилось заниматься на фоне острой дипломатической борьбы, в ходе которой руководство нацистского рейха до последней минуты не прекращало попыток внести раскол в ряды антигитлеровской коалиции. Это оказывало существенное влияние не только на политику, но и на стратегическое применение вооруженных сил, в связи с чем в работе Ставки ВГК проблемы коалиционной стратегии стали в один ряд с важнейшими вопросами стратегического применения вооруженных сил. Итоги завершающей кампании Великой Отечественной войны говорят о том, что и эту задачу Ставка ВГК решила успешно.

Стратеги Победы

Оценивая роль Верховного главнокомандования Вооруженных сил Советского Союза, полководцев и военачальников в годы Великой Отечественной войны, необходимо иметь в виду, что организация действий стратегического масштаба трансформировалась в сложный и многосторонний процесс управления. В нем на разных его этапах и на различных уровнях управления принимали участие десятки, а порой и сотни военных специалистов высокой квалификации.

Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что принципиально коллективный характер работы на этом уровне военного управления не отменяет и не умаляет выдающейся роли отдельных личностей, выступающих в качестве его генераторов — авторов новых стратегических и оперативных идей и оригинальных способов их реализации. Именно они своим творчеством придают уникальные черты национальному военному искусству, которые в решающие моменты истории становятся одним из важнейших факторов победы.

В оценках Иосифа Виссарионовича Сталина как Верховного главнокомандующего до сих пор преобладают крайности — от безудержного восхваления и приписывания ему одному самых значительных достижений отечественной военной школы до полного отрицания его влияния на ход и исход вооруженной борьбы.

Высокий уровень стратегического руководства Советским Союзом и его вооруженными силами в немалой степени был предопределен положением в системе власти и личностью фактического лидера страны — И. В. Сталина. В годы войны он одновременно занимал ряд высших постов в партии и государстве: генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны,

председателя Ставки Верховного главного командования, Верховного главнокомандующего, наркома обороны СССР.

Практика уже первых месяцев войны показала, что меры, предпринятые руководством СССР по коренной перестройке системы государственного управления страной и вооруженными силами путем создания чрезвычайных органов, полностью себя оправдали. При неизбежных издержках, особенно в период становления ГКО и Ставки ВГК, они позволили в короткий срок решить сложнейшую задачу по перестройке всей жизни на военный лад и достичь высокой степени управляемости государством, вооруженными силами и обществом.

Именно в период суровых испытаний, когда речь шла о жизни и смерти СССР и его народов, оказались востребованными и доказали свою высокую дееспособность такие стороны Советского государства, как крайняя степень централизации управления, максимально возможное использование командно-административных методов, строжайшая исполнительская дисциплина, сращивание партийного и государственного аппаратов, огосударствление общественных институтов и организаций. Благодаря им (в сочетании с патриотизмом и беспрецедентной самоотверженностью всех советских людей как на фронте, так и в тылу) в условиях жесточайшего военного противоборства советскому руководству во главе с И. В. Сталиным удалось сосредоточить в интересах отражения врага все материальные и людские ресурсы, перевести экономику на военные рельсы, обеспечить небывалую по масштабам и скорости переброску производительных сил на восток, достичь прочного единства фронта и тыла.

Лидер Советского государства не имел сколько-нибудь значительного военного опыта (исключая период Гражданской войны) и специального военного образования, тем не менее как высший военный руководитель И. В. Сталин в ходе войны проявил немало достоинств. Начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский называл его «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования», особенно со второй половины Великой Отечественной войны. Полководец отмечал в Верховном главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность[115]. С таким выводом соглашались многие полководцы, государственные и военные деятели, в том числе и зарубежные.

Обращало на себя внимание умение И. В. Сталина быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Он твердо управлял страной и ее вооруженными силами, всегда хорошо представлял себе обстановку на фронтах, благодаря феноменальной памяти знал не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров корпусов и даже дивизий. Он на равных обсуждал профессиональные проблемы с военачальниками и дипломатами, руководителями оборонных отраслей и генеральными конструкторами. Верховный главнокомандующий имел прямое отношение к разработке всех стратегических, фронтовых и ряда армейских операций. Используя Генеральный штаб и опираясь на опыт представителей Ставки ВГК, в качестве которых выступали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Н. Н. Воронов, А. А. Новиков, С. К. Тимошенко и другие талантливые военачальники, непосредственно руководил ходом боевых действий.

Разумеется, мастерство управления вооруженными силами пришло к И. В. Сталину не сразу. В первые год-полтора войны отрицательно сказывались отсутствие у него систематизированных военных знаний, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и преувеличенная вера в собственную непогрешимость. Маршал Г. К. Жуков подчеркивал: «До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве. Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций. В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил... Могу сказать, что И. В. Сталин позднее овла-

дел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела»[116].

Эту точку зрения разделял и маршал А. М. Василевский, считавший, что процесс роста И. В. Сталина как военачальника завершился после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда «он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций»[117].

По мере накопления опыта число ошибок у И. В. Сталина заметно уменьшилось, а уровень стратегического руководства стал соответствовать требованиям момента. Способности Верховного главнокомандующего к стратегическому руководству проявились в ходе Курской битвы. В отличие от 1941–1942 гг., он показал понимание сути стратегической обороны и одобрил переход Красной армии к преднамеренной обороне с тем, чтобы обескровить наступающие войска вермахта, выбить его танки и последующим переходом в контрнаступление нанести врагу решительное поражение. Успешное проведение в 1944 г. 10 крупных наступательных операций и стратегическое наступление на всем советско-германском фронте зимой и весной 1945 г., общее руководство которыми осуществлял И. В. Сталин, позволили окончательно разгромить фашистскую Германию.

И. В. Сталина как Верховного главнокомандующего отличали широчайший кругозор, осведомленность по всем вопросам, относившимся к военной политике партии и государства. Выполнению многочисленных обязанностей, связанных с осуществлением стратегического руководства страной и вооруженными силами, безусловно, способствовали такие его качества, как способность выделить ключевые вопросы, а из них — наиболее важные с точки зрения текущей военно-политической обстановки и перспектив ее дальнейшего развития. Но главное, что отличало стиль его работы как лидера сражавшейся нации и Верховного главнокомандующего, — это понимание природы войны во всей ее сложности и противоречивости, убеждение, что она не сводится только к вооруженной борьбе, какое бы важное место в ней ни занимало противоборство на полях сражений.

Советское полководческое искусство в Великой Отечественной войне проявилось не сразу, и далеко не все предвоенные военачальники высокого ранга (по должностям, маршальским и генеральским званиям) сумели подняться до уровня полководчества. А. М. Василевский справедливо признавал: «Конечно, не сразу и не везде появилось достаточное число одаренных и опытных военачальников. В первый год войны мы постоянно испытывали нехватку в генералах на руководящие должности, особенно на должности командующих фронтами и армиями. Они часто менялись, порой даже не успев показать, на что способны»[118].

И действительно, по ходу наиболее тяжелого первого периода войны не справились с возложенными обязанностями и были отстранены от командных должностей Маршалы Советского Союза С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов и Г. И. Кулик, генералы Д. Г. Павлов, В. Е. Климовских, П. С. Клёнов и другие. Некоторые предвоенные генералы проявили малодушие и покончили жизнь самоубийством (И. И. Копец). Было и еще хуже — генералы А. А. Власов, Д. Е. Закутный, Б. С. Рихтер, В. Ф. Малышкин, Ф. И. Трухин и И. А. Благовещенский в тяжелой боевой обстановке, предав Родину, перешли на службу к противнику. Заметим, что подобные факты не являются уникальными — история знает их немало. По этому поводу еще К. фон Клаузевиц отмечал: «Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним»[119].

Тем не менее в годы Великой Отечественной войны выросла целая плеяда одаренных полководцев, военачальников, умело руководивших вооруженными силами государства или их оперативно-стратегическими объединениями и непосредственно внесших вклад в достижение успеха стратегического масштаба. Оперативно-стратегические объединения, то есть фронты, в годы войны возглавляли более 40 генералов и маршалов. Безусловно, по достигнутым результатам управленческой деятельности лишь немногие из них могут претендовать на высокое звание полководца.

Определяющий вклад в победу над Германией и Японией внесли Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, генералы армии И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Ерёменко, И. Е. Петров и И. Д. Черняховский. Почти все они свыше года успешно руководили фронтовыми объединениями, а некоторые, включая флотоводца адмирала Н. Г. Кузнецова, занимали и более высокие должности. Девять из этих военачальников удостоились награждения орденом «Победа» (А. М. Василевский и Г. К. Жуков дважды). Их военные заслуги отмечались и другими полководческими орденами.

В этой славной когорте наиболее яркими полководческими способностями и талантом, по оценкам многих боевых соратников, а также военных историков и специалистов послевоенного периода, выделялся Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, получивший не только официальное, но и всенародное признание как великий полководец Второй мировой войны.

В первые дни Великой Отечественной войны генерал армии Г. К. Жуков как начальник Генерального штаба и член Ставки Главного командования совместно с командованием Юго-Западного фронта организовал наиболее успешный контрудар силами нескольких механизированных корпусов в районе Бродов с целью сорвать попытки немецкого командования с ходу прорваться к Киеву своими подвижными соединениями. С его стороны контрудар сопровождался отдачей конкретных жестких и, по сути, грамотных указаний[120]. В качестве оценки результатов управленческой деятельности Г. К. Жукова и командования Юго-Западного фронта в этот период можно привести запись, сделанную 26 июня 1941 г. в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера: «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины свежие силы против нашего танкового клина»[121].

В июле — сентябре 1941 г. Г. К. Жуков командовал войсками Резервного фронта, которые успешно провели первую в ходе войны наступательную операцию по разгрому ударной группировки немецких войск в районе Ельни. По оценке Георгия Константиновича, эта операция сыграла существенную роль в становлении его как полководца: «Организация и успешное проведение наступательной операции по ликвидации Ельнинского выступа дали мне много полезного для командной деятельности оперативно-стратегического масштаба и понимания различных способов проведения операций»[122].

В сентябре 1941 г., в период тяжелых боев на подступах к Ленинграду, Г. К. Жуков возглавлял Ленинградский фронт, который совместно с Балтийским флотом и при активной помощи трудящихся Ленинграда сорвал попытки врага захватить город. С октября по декабрь 1941 г. он, находясь во главе Западного фронта, много сделал для усиления обороны Москвы и создания условий для перехода советских войск в решительное контрнаступление. 20 октября в связи с возросшей опасностью Москва была объявлена на осадном положении. В постановлении ГКО, принятом накануне, говорилось: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–120 километров западнее Москвы, поручается командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову»[123].

В конце 1941 г. руководимые Г. К. Жуковым войска во взаимодействии с Калининским и правым крылом Юго-Западного фронта в тяжелейших боях нанесли поражение соединениям немецкой группы армий «Центр» и отбросили их от столицы на 100–250 км. С 1 февраля по 5 мая 1942 г. он, оставаясь командующим фронтом, возглавлял войска Западного направления, которые при недостатке сил и средств и утрате оперативного господства в воздухе в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции ценой больших потерь продвинулись еще на 80–250 км[124].

В 1942–1943 гг. Г. К. Жуков осуществлял координацию действий фронтов в Сталинградской битве, при прорыве блокады Ленинграда (операция «Искра»), а также в Курской битве и битве за Днепр, которые явились важным этапом в завершении коренного перелома в войне

и на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. В начале 1944 г. он успешно координировал действия войск 1-го и 2-го Украинских фронтов, а затем командовал войсками 1-го Украинского фронта при освобождении Правобережной Украины. Летом 1944 г. в ходе Белорусской и Львовско-Сандомирской наступательных операций Г. К. Жуков координировал действия войск 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. На завершающем этапе Великой Отечественной войны (ноябрь 1944 — май 1945 г.) он командовал войсками 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской и Берлинской стратегических операциях.

В период войны Г. К. Жуков не раз демонстрировал способность с большой точностью определять намерения и возможный характер действий противника, что для полководца было очень важно. На этой основе им вносились в Ставку ВГК предложения о развертывании стратегических действий вооруженных сил. Так, в конце июля 1941 г. он сумел правильно предугадать вероятность переноса направления удара немецкой 2-й танковой группы на города Унеча, Гомель во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта и выходил с предложением об оставлении Киева и заблаговременном отводе его войск за Днепр. В период ожесточенных оборонительных сражений на ближних подступах к Москве по его инициативе был разработан и блестяще реализован план перехода советских войск в контрнаступление.

Во второй половине 1942 г. Г. К. Жуков совместно с А. М. Василевским выдвинул идею окружения и разгрома крупной группировки войск противника в районе Сталинграда. В апреле 1943 г. он направил Верховному главнокомандующему доклад о возможном характере боевых действий на советско-германском фронте, спрогнозировал, что активные наступательные действия летом этого года немецкое командование развернет в районе Курского выступа, и предложил перейти к преднамеренной обороне на этом направлении[125].

После Курской битвы Г. К. Жуков активно выступал за безостановочное развитие наступления с целью быстрого форсирования Днепра. Он принимал самое непосредственное участие в планировании зимне-весенней и летне-осенней кампаний 1944 г., имевших целью завершение освобождения территории СССР от вражеской оккупации. От него исходила инициатива использовать в начале Белорусской операции всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздний срок ее налеты на объекты, расположенные на территории Германии[126]. В ходе Белорусской операции Г. К. Жуков неоднократно обращался к Верховному главнокомандующему с предложением о развитии мощного наступления также на прибалтийском и восточно-прусском направлениях.

В конце августа — начале сентября 1944 г. Г. К. Жуков привлекался для выполнения особого задания Государственного Комитета Обороны, связанного с подготовкой войск 3-го Украинского фронта к войне с Болгарией. При этом он опять же продемонстрировал типичную для него черту: не ограничиваться текущими событиями, а заглядывать вперед. В частности, докладывая Верховному главнокомандующему о готовности войск к действиям в Болгарии, Г. К. Жуков высказал конкретные предложения о дальнейшем их применении в целях освобождения Югославии, оказания помощи войскам 2-го Украинского фронта в Венгрии и принуждения немцев покинуть Грецию[127]. Вспоминая после войны об этом эпизоде, он писал: «У меня почти не было сомнения в том, что дело обойдется без военных действий. Но мы, люди военные, получив задачу от политического руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью»[128].

Зимой 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции Г. К. Жуков своевременно разгадал планы врага по нанесению удара из Померании во фланг войскам 1-го Белорусского фронта и принял действенные меры к срыву намерений немецкого командования. В Берлинской операции он внимательно следил за развитием обстановки и на малейшую заминку в войсках оперативно реагировал, вскрывал причины и конкретными указаниями влиял на повышение темпов их наступления[129]. Целеустремленно и решительно Г. К. Жуков руководил и действиями войск в Берлине, добиваясь выполнения ими боевых задач в установленные сроки. По его требованию были созданы усиленные штурмовые подразделения, которым определялись конкретные задачи по объектам, для непрерывного ведения боевых действий в течение суток в дивизиях выделялись дневные и ночные подразделения[130].

А. М. Василевский отмечал: «Сила полководческого искусства и воля Г. К. Жукова особенно ярко нашли свое проявление в гигантских сражениях 1943–1945 годов... Я всегда восхищался его неукротимой энергией, широтой и глубиной стратегического мышления. Характерной чертой было его постоянное стремление научить командующих и войска искусству побеждать врага с наименьшими потерями и в короткие сроки. Нельзя не сказать при этом о его блестящем организаторском таланте. Приняв решение, он мобилизовал все силы для его практического осуществления»[131].

С восхищением отзывались о полководческом даровании Г. К. Жукова и за рубежом. Например, бывший главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе Д. Эйзенхауэр говорил: «Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами как человека. Когда я был главнокомандующим союзными войсками в Западной Европе, то мы все — я и мои подчиненные, и генералы, командующие союзными воинскими соединениями, — буквально затаив дыхание, следили за победным маршем советских войск под командованием Жукова в направлении Берлина. Мы знали, что Жуков шутить не любит, если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, то непременно это сделает. Мы видели, что, несмотря на бешеное сопротивление гитлеровских войск, на всем протяжении советско-германского фронта инициативу прочно удерживает наступающая Красная армия»[132].

Г. К. Жуков являлся одним из главных участников разработки и осуществления планов Верховного главнокомандования по проведению крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны. Для него были характерны огромная сила воли, глубокий ум, способность правильно оценивать сложную стратегическую обстановку, прогнозировать ход военных действий. Он умел находить верные решения в критической и быстро меняющейся обстановке, идя при необходимости на определенный риск. Г. К. Жуков решал вопросы смело, брал на себя полную ответственность за ведение боевых действий, обладал блестящим организаторским талантом и личным мужеством.

Полководческий талант и заслуги Г. К. Жукова в Великой Отечественной войне были по достоинству оценены руководством СССР. Он первым из советских военачальников удостоился воинского звания Маршала Советского Союза, награждения орденом «Победа» и другими полководческими орденами. От имени и по поручению Верховного главнокомандования Г. К. Жуков 8 мая 1945 г. в Карлсхорсте принял капитуляцию вооруженных сил Германии, а 24 июня того же года ему было поручено принимать парад, посвященный победе Советского Союза над Германией и ее союзниками в Европе.

Уникальность полководческого таланта Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского заключалась в том, что он, никогда ранее не командуя даже дивизией, с начала Великой Отечественной войны высокопрофессионально проявил себя на штабной работе, являясь заместителем, с августа 1941 г. — начальником Оперативного управления, заместителем и с апреля 1942 г. — первым заместителем начальника Генштаба. В июне того же года он возглавил Генеральный штаб Красной армии, активно участвуя в планировании и разработке важнейших операций вооруженных сил, решении вопросов обеспечения фронтов личным составом, материально-техническими средствами, подготовки резервов для фронта и других. И только на заключительном этапе войны в Европе А. М. Василевскому довелось командовать войсками 3-го Белорусского фронта, а в ходе Советско-японской войны возглавлять главное командование советских войск на Дальнем Востоке.

Прозорливость и высокая оперативно-стратегическая компетентность А. М. Василевского отмечалась во многих операциях Великой Отечественной войны. По оценкам сослуживцев, уже в битве под Москвой важную роль сыграла его поддержка решений и предложений Г. К. Жукова по разгрому группировок противника при их докладе Верховному главнокомандующему. Александр Михайлович всегда с глубоким вниманием и уважением относился к мнениям командующих и штабов видов вооруженных сил и родов войск. Особенно часто ему приходилось контактировать с командующими и штабами Военно-воздушных сил, Военно-морского флота и артиллерии. Большое место он отводил организации слаженной

Командующий 38-й армией К. С. Москаленко и член Военного совета А. А. Епишев у карты на командном пункте

Маршал Г. К. Жуков, генерал-полковник В. И. Чуйков и генерал-майор А. М. Андреев на Магнушевском плацдарме

Командующий 3-м Белорусским фронтом А. М. Василевский и его заместитель И. Х. Баграмян уточняют план штурма Кёнигсберга

работы Генерального штаба. Как указывал Г. К. Жуков, А. М. Василевский никогда не ошибался в оценке обстановки. «Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, — подчеркивал он, — отмечали его глубокие знания, четкость и ясность мышления»[133].

Наиболее ярко полководческий талант А. М. Василевского проявился в Сталинградской битве. Он был не только одним из творцов плана контрнаступления на сталинградском направлении, но и искусно руководил отражением контрудара армейской группы «Гот», пытавшейся деблокировать окруженную под Сталинградом вражескую группировку войск. С именем А. М. Василевского связано осуществление Острогожско-Россошанской наступательной операции. В 1943—1944 гг. он по поручению Ставки ВГК координировал действия войск Воронежского и Степного фронтов в Курской битве, Юго-Западного и Южного — при освобождении Донбасса, 3-го и 4-го Украинских — в операциях на Правобережной Украине, 4-го Украинского фронта и Черноморского флота — при освобождении Крыма, 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов — в операциях по освобождению Белоруссии, Латвии и Литвы.

С февраля по апрель 1945 г. А. М. Василевский командовал 3-м Белорусским фронтом, войска которого штурмом овладели городом-крепостью Кёнигсберг. И. Х. Баграмян так характеризовал его деятельность в этой должности: «Вступив в командование фронтом, за считаные дни... полностью изучил ситуацию, выявил те звенья оперативной цепи, ухватившись за которые можно было вытянуть ее полностью, то есть ликвидировать восточно-прусский плацдарм. Он с твердостью, присущей только очень волевым военачальникам, наметил последовательность действий. Сначала разгром хайльсбергской группировки, затем штурм Кёнигсберга и, наконец, сокрушение войск врага на Земландском полуострове. Поручив мне все, что было связано с планированием штурма Кёнигсберга, он, казалось, весь ушел в организацию Хайльсбергской операции и руководил ею с необычайной конкретностью

и скрупулезностью. Как только развязка в Хайльсберге стала зримой, Александр Михайлович переключился на Кёнигсберг... В Восточной Пруссии А. М. Василевский с честью выдержал труднейший полководческий экзамен и проявил во всю мощь как свой талант военного стратега крупного масштаба, так и прекрасные организаторские качества»[134].

При подготовке к Советско-японской войне А. М. Василевский руководил проведением расчетов по сосредоточению советских войск в Забайкалье, Приамурье и Приморье, определению материальных ресурсов, необходимых для Маньчжурской наступательной операции. Отличительной чертой подготовки операции было то, что все связанные с ней мероприятия необходимо было осуществить до официального объявления войны Японии, поэтому А. М. Василевский главную ставку сделал на скрытность их выполнения. В июне 1945 г. А. М. Василевский был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке[135], которые разгромили японскую Квантунскую группировку и способствовали завершению Второй мировой войны. По свидетельству американских историков, не случись этого, военные действия продолжались бы еще не менее года и могли обойтись в несколько лишних миллионов человеческих жизней.

На всех занимаемых должностях в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн Маршал Советского Союза А. М. Василевский проявил себя по-настоящему выдающимся полководцем. Он, по оценке И. Х. Баграмяна, «обладал хорошей общеобразовательной и военной подготовкой, упорством, феноменальной памятью, разносторонними способностями»[136], то есть качествами, столь необходимыми для военного руководителя стратегического масштаба. Своей деятельностью Александр Михайлович неоднократно демонстрировал примеры достижения впечатляющих результатов органическим сочетанием оперативно-стратегического мышления и таланта руководителя военными действиями.

Не совсем типично складывалась полководческая биография профессионального артиллериста Маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова. Начав войну начальником артиллерии Западного направления, он с октября 1941 г. вступил в командование 5-й армией, которая наряду с другими армиями Западного фронта вынесла на себе основную тяжесть оборонительных сражений на подступах к Москве. По его инициативе впервые были созданы противотанковые районы и резервы, сыгравшие большую роль в отражении массированных танковых атак немцев. В аттестации, подписанной командующим войсками Западного фронта генералом армии Г. К. Жуковым в конце 1941 г., о Л. А. Говорове сказано: «Можайскую и Звенигородскую операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайско-Гжатской группировки противника»[137].

В апреле 1942 г. Л. А. Говоров по решению Ставки ВГК был направлен под Ленинград командующим группой войск, а с июня этого же года возглавил Ленинградский фронт. В этой должности он умело выстроил устойчивую оборону города на Неве и окончательно пресек попытки противника овладеть им. При этом сам Л. А. Говоров и возглавляемое им полевое управление фронта, учитывая недостаток боеприпасов и других материальных средств, много и плодотворно занимались созданием искусной системы огня, тщательным инженерным оборудованием местности, организацией маневра силами и средствами на угрожаемых направлениях[138]. Ленинградский фронт не просто удерживал город, но вел активную оборону, нанося мощные огневые удары по группировкам противника. Выступая полководцем с развитым оперативно-стратегическим мышлением, Л. А. Говоров ориентировался и на перспективу. Он планомерно и всесторонне готовил своих подчиненных к прорыву блокады Ленинграда. Как он вспоминал после войны, идея удара по врагу из осажденного города давала советскому Верховному командованию фактор внезапности и способствовала росту наступательного порыва среди возглавляемых им войск[139].

Отличительными чертами полководческого искусства Л. А. Говорова были его огромное самообладание, спокойствие и хладнокровие в самой сложной боевой обстановке. С вступлением в должность командующего войсками Ленинградского фронта он внес в управление ими плановость и высокую организованность. Типичным для стиля его деятельности являлось стремление отдавать подчиненным глубоко продуманные распоряжения, не допуская нервоз-

ности и спонтанных рывков. Оказывая безраздельное доверие штабу фронта, командующим родами войск и объединений, командующий войсками фронта всячески стимулировал проявление инициативы с их стороны. В то же время Л. А. Говоров критически относился к своей деятельности, умел признавать ошибки. Так, в донесении начальнику Генерального штаба Красной армии он прямо писал о неудачной операции по форсированию Невы на участке Анненское — 1-й Городок в сентябре 1942 г. войсками Невской опергруппы[140].

Обладая чувством безраздельной ответственности за возглавляемые войска и выполняемые ими боевые задачи, а также завидной работоспособностью, Леонид Александрович неуклонно требовал аналогичного отношения к порученным обязанностям от командующих (командиров) и штабов всех степеней. Его высокая требовательность и непримиримость к упущениям по службе сочетались с исключительной корректностью в отношениях с подчиненными. Заметим, что для управления войсками в осажденном городе это имело принципиальное значение.

Командующему войсками Ленинградского фронта были свойственны творчество и новаторство в применении различных сил и средств для достижения общего успеха. Он постоянно добивался того, чтобы действия войск фронта оказывались неожиданными для противника, изматывали и держали его в непрерывном напряжении. Леонида Александровича иногда упрекали в излишней методичности и осторожности[141], однако на практике это свидетельствовало о его расчетливости. Когда требовала обстановка, он при выполнении поставленных Ставкой ВГК задач готов был идти на оправданный риск. Весьма ярко это проявилось в операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 г., выразившись в нанесении удара по наиболее укрепленному участку в обороне противника.

Много творчества Л. А. Говоров проявил при подготовке и проведении Ленинградско-Новгородской, Выборгской и Таллинской операций. В Моонзундской десантной операции он продемонстрировал искусство организовывать взаимодействие между сухопутными войсками, авиацией и силами Балтийского флота. Оригинально им была проведена перегруппировка 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм. С октября 1944 г. Л. А. Говоров по распоряжению Ставки ВГК одновременно с командованием Ленинградским фронтом руководил действиями войск 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов[142]. Награждение Леонида Александровича орденом «Победа» ознаменовало признание его как талантливого полководца Великой Отечественной войны.

Одним из наиболее одаренных и опытных полководцев Великой Отечественной войны являлся Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Вступив в войну командующим 19-й армией, сформированной из войск Северо-Кавказского военного округа, он уже 11 сентября 1941 г. получил назначение на должность командующего войсками Западного фронта с одновременным присвоением воинского звания генерал-полковника. В последующем И. С. Конев командовал войсками Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. Самое непосредственное участие он принимал в Смоленском сражении, Московской, Курской битвах и битве за Днепр, в операциях по освобождению Правобережной Украины, в Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Задатки его полководческого таланта проявились при обороне Москвы в конце 1941 г., когда он, возглавляя правофланговые объединения Западного фронта, обеспечил разгром прорвавшихся на калининском направлении соединений немецкой 3-й танковой группы.

Командуя фронтами, И. С. Конев проявлял твердость и решительность в достижении победы над противником. Ему были присущи исключительная тщательность при подготовке операций, быстрое принятие грамотного решения, стремление к достижению внезапности в действиях и окружению вражеских группировок войск. В ходе контрнаступления под Москвой И. С. Конев, несмотря на недостаток сил и средств, смело и скрытно сосредоточил основные усилия фронта западнее и юго-западнее Калинина и неожиданным ударом с угрозой окружения вынудил к отходу немецкую 9-ю армию. Несколько позже, в Сычёвско-Вяземской операции возглавляемые им войска окружили семь дивизий противника.

Показателем творчества и новаторства полководческой деятельности И. С. Конева стало командование войсками Степного фронта, составлявшего второй эшелон стратегической группировки советских войск в Курской битве. Два объединения фронта принимали участие на заключительном этапе оборонительного сражения, а основные силы — в Белгородско-Харьковской наступательной операции. Характерным для этой операции являлось осуществление перегруппировки войск в ходе ведения ожесточенной обороны[143]. В последующем войска Степного (2-го Украинского) фронта, возглавляемые генералом армии И. С. Коневым, успешно действовали при форсировании Днепра и овладении важными плацдармами на его правом берегу.

Высокий уровень искусства достижения внезапности действий, окружения и уничтожения в короткие сроки крупной группировки противника И. С. Конев продемонстрировал в Корсунь-Шевченковской операции 1944 г. После этой операции командующий войсками 2-го Украинского фронта заслуженно удостоился воинского звания Маршала Советского Союза. Умело он действовал в Уманско-Ботошанской операции, организовав охват и быстрый разгром основных сил немецкой 8-й армии. Летом 1944 г. И. С. Конев командовал самым мощным по составу 1-м Украинским фронтом, который успешно провел Львовско-Сандомирскую стратегическую наступательную операцию.

На завершающем этапе войны войска 1-го Украинского фронта, возглавляемые талантливым полководцем И. С. Коневым, участвовали в освобождении от немецкой оккупации Польши, Чехословакии, в разгроме крупных группировок противника в Берлине и в районе Праги. В ходе Сандомирско-Силезской операции он искусными действиями не допустил разрушения Кракова и Силезского промышленного района. Как вспоминал Иван Степанович, «командование фронтом отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу... Мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев. Если бы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город»[144].

В ходе Берлинской операции войска 1-го Украинского фронта, стремительно развивая наступление, окружили и уничтожили основные силы 9-й и 4-й танковой армий противника в районе Франкфурта-на-Одере и Губена, сорвав их намерение отойти и занять оборону в Берлине. Стремительными и решительными действиями 3-й и 4-й танковых армий, обходящими столицу Германии с юга, И. С. Конев обеспечил во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта окружение берлинской группировки противника. После этого, получив от Ставки ВГК приказ повернуть часть войск фронта на юг и овладеть Прагой, он оперативно осуществил крупную перегруппировку войск и искусно провел операцию по оказанию помощи восставшим пражанам и завершению разгрома последней группировки немецких войск[145].

Для полководческой деятельности И. С. Конева было характерно сохранение выдержки и самообладания в самой сложной обстановке. Он никогда не допускал пагубной для управления войсками нервозности, всегда стремился проявлять внимание к подчиненным. Но когда требовали интересы дела, Иван Степанович выказывал твердость и необходимую требовательность, особенно по отношению к командирам, проявляющим недостаточную ответственность. В целом Маршал Советского Союза И. С. Конев своей искусной полководческой деятельностью внес огромный вклад в разгром войск Германии и ее европейских союзников и за это был заслуженно награжден орденом «Победа».

В ряду талантливых полководцев Великой Отечественной войны и Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. В войну он вступил в должности командира 48-го стрелкового корпуса, принявшего на себя первые удары немецких войск на пограничной р. Прут. В воспоминаниях А. М. Василевского отмечается: «Уже тогда отлично проявились высокие организаторские качества командира корпуса, его большое мужество и умение не терять управление войсками в обстановке, какой бы сложной она ни была»[146].

В августе 1941 г. Р. Я. Малиновский возглавил 6-ю армию, а в декабре — войска Южного фронта. Несмотря на неблагоприятные условия обстановки, он неуклонно проявлял стрем-

ление к активным действиям. В сложных условиях января 1942 г. Южный фронт успешно участвовал в Барвенково-Лозовской операции против превосходящего противника, отбросив его до 100 км и вынудив перейти к обороне. В ходе неудачного Харьковского сражения 1942 г. Р. Я. Малиновскому дважды удалось избежать окружения основной группировки войск фронта и занять оборону по рубежу от станицы Верхне-Курмоярской до Ростова-на-Дону. В Сталинградской битве возглавляемая им 2-я гвардейская армия после перегруппировки в сжатые сроки и в сложных погодных условиях организованно сорвала замысел германского командования по деблокированию окруженных в районе Сталинграда войск.

После Сталинградской операции и до конца Великой Отечественной войны характерной чертой полководческого искусства Р. Я. Малиновского было то, что он в замыслы операций закладывал неожиданные для противника приемы и способы действий, стремился системой тщательно продуманных мер ввести его в заблуждение и тем самым добиться успеха.

Вновь возглавив в феврале 1943 г. Южный фронт, Р. Я. Малиновский организовал наступление на Ростов-на-Дону, в ходе которого был нанесен ряд поражений войскам немецкой группы армий «Юг». В октябре 1943 г. по инициативе и под руководством командующего войсками Юго-Западного фронта Р. Я. Малиновского был успешно осуществлен ночной штурм г. Запорожье. Причем разгром крупной группировки противника и овладение городом было достигнуто при сравнительно небольших потерях. Обман неприятеля в Никопольско-Криворожской операции 1944 г. был обеспечен нанесением первоначально фланговых ударов на второстепенных направлениях, а затем мощного удара в центре оперативного построения 3-го Украинского фронта. В Березнеговато-Снигирёвской операции командующий войсками фронта поступил наоборот: удар сразу же был нанесен в центре, что позволило быстро и неожиданно для немецкого командования рассечь группировку его войск, а в последующем уничтожить ее по частям.

Демонстрацией зрелости полководческого искусства Р. Я. Малиновского стала Ясско-Кишинёвская операция, при подготовке к которой в войсках 2-го Украинского фронта были приняты строгие меры маскировки перегруппировки и сосредоточения войск на направлении главного удара с одновременной демонстрацией ложного их сосредоточения на второстепенном участке. По итогам этой операции представитель Ставки ВГК С. К. Тимошенко вышел с ходатайством о присвоении Р. Я. Малиновскому воинского звания Маршала Советского Союза[147]. Сложнейшие задачи войска 2-го Украинского фронта выполняли в ходе Дебреценской и Будапештской операций. Великую Отечественную войну они завершили успешным проведением Братиславо-Брновской, Венской и Пражской операций.

Талантливым руководителем оперативно-стратегического масштаба показал себя Р. Я. Малиновский на Дальнем Востоке в войне против Японии. В соответствии с планом Маньчжурской операции возглавляемые им войска Забайкальского фронта быстро преодолели японские укрепления на монголо-маньчжурской границе, пустыню Гоби, Большой Хинганский хребет и в короткий срок разгромили южную группировку Квантунской армии. Успех наступления был в немалой степени достигнут применением по настоянию командующего войсками фронта в первом эшелоне 6-й гвардейской танковой армии. Р. Я. Малиновским были приняты и другие меры, обеспечившие нанесение по противнику первого ошеломляющего удара и стремительное развитие наступления в оперативной глубине. Много внимания им уделялось подготовке передовых отрядов, организации непрерывных наступательных действий днем и ночью, высадке воздушных десантов в тылу противника, тщательному согласованию совместных действий с частями Монгольской народной армии, решению других военно-дипломатических вопросов с представителями монгольских и китайских властей[148].

Р. Я. Малиновского как полководца отличали сдержанность и спокойствие в сложных условиях обстановки, сильная воля и высокие организаторские качества, высокая ответственность при принятии решений, настойчивость и гибкость в их реализации. При выработке грамотного решения он руководствовался следующим правилом: «Надо решиться на великое дело, надо отдать себя без остатка только одному, часто очень рискованному, но необходимому решению. В этих условиях мысль работает напряженно, она полна противоречий...

Переплетаются сомнения, трудности, искания... А принять решение обязательно надо. Это требует большой отваги и огромной силы воли»[149].

Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков выделялся среди большинства полководцев Великой Отечественной войны высоким уровнем теоретической и практической подготовки, а также богатым боевым опытом. Поэтому не случайно, что с началом войны, когда возникла угроза прорыва немецкой группы армий «Север» на ленинградском направлении, он был направлен в качестве представителя Ставки ВГК на Северо-Западный, а затем Карельский фронты. В сентябре 1941 г. ему пришлось вести тяжелые оборонительные сражения, командуя 7-й отдельной армией, остановившей противника на р. Свирь. После этого генерал армии К. А. Мерецков непродолжительное время командовал 4-й армией. Достигнутый ею частный успех под Тихвином помог не только осажденному Ленинграду, но и созданию условий для перехода советских войск в контрнаступление под Москвой.

С декабря 1941 г. К. А. Мерецков возглавил войска Волховского фронта, которые во взаимодействии с Ленинградским фронтом в начале 1942 г. участвовали в Любанской и Синявинской операциях. Затем он находился в должности заместителя главнокомандующего войсками Западного направления, а после вяземской трагедии возглавил 33-ю армию[150]. С июня 1942 г. К. А. Мерецков вновь возглавил Волховский фронт. В ходе очередной Синявинской операции (27 августа — 6 октября 1942 г.) войска фронта, действуя в труднопроходимой местности и при многократном превосходстве противника в силах и средствах, сумели прорвать вражескую оборону и выйти на подступы к Синявино. Однако вследствие неуспеха в действиях Невской оперативной группы Ленинградского фронта, наступавшей навстречу, и усиления группировки противника дальнейшего развития операция не получила.

В начале 1943 г. войска Волховского фронта во взаимодействии с Ленинградским фронтом в ходе операции «Искра» успешно прорвали блокаду Ленинграда. Успех наступления был достигнут за счет значительного усиления 2-й ударной армии, наносившей главный удар, фронтовыми резервами и искусной перегруппировки войск с других направлений. Ввиду того что войска этой армии в предшествующий период главным образом оборонялись, К. А. Мерецков значительное внимание уделял обучению ее соединений и частей наступательным действиям и штурму укрепленных позиций противника. Операция «Искра» стала переломной в битве за Ленинград и важной вехой в становлении полководческого мастерства командующего войсками фронта.

К. А. Мерецкову и в дальнейшем пришлось готовить и проводить ряд очень сложных операций. В ходе Новгородско-Лужской операции войска Волховского фронта во взаимодействии с 67-й армией Ленинградского фронта успешно прорвали сильно укрепленную оборону, разгромили до десяти вражеских дивизий, продвинулись до 150 км и окончательно отбросили противника от Ленинграда и Новгорода. В ходе наступления командующий фронтом искусно осуществил маневр войсками левого крыла фронта по неокрепшему льду через озеро Ильмень с выходом во фланг и тыл группировки противника в районе Новгорода. В целом же за два с лишним года командования Волховским фронтом К. А. Мерецков стал одним крупнейшим специалистов по ведению боевых действий в сложных условиях лесисто-болотистой местности[151].

Эффективно с оперативно-стратегической точки зрения возглавляемыми К. А. Мерецковым войсками Карельского фронта в июне — августе 1944 г. была проведена Свирско-Петрозаводская операция, в ходе которой освобождены от врага стратегически важные коммуникации — Кировская железная дорога и Беломорско-Балтийский канал. В октябре того же года он искусно подготовил и во взаимодействии с Северным флотом провел Петсамо-Киркенесскую стратегическую наступательную операцию, что способствовало выводу из войны Финляндии.

Полководческие способности К. А. Мерецкова в операциях против группировок войск Германии и Финляндии были учтены Ставкой ВГК при направлении его в качестве командующего 1-м Дальневосточным фронтом для войны с Японией. После прибытия на Дальневосточный ТВД и ознакомления с обстановкой по его требованию с офицерским составом

на макетах местности и картах детально отрабатывался порядок действий при преодолении укрепленной обороны противника и действиях в глубине. Особо тщательно отрабатывались способы скрытного выдвижения батальонов и перехода ими границы во взаимодействии с группами пограничников, преодоления заграждений, уничтожения и быстрого захвата долговременных оборонительных сооружений японцев. Самое пристальное внимание обращалось на строгое соблюдение наступающими соединениями и частями направлений выдвижения и атаки, достижение внезапности овладения вражескими объектами, организацию управления войсками, вопросам взаимодействия стрелковых войск с артиллерией и поддерживающей авиацией. Умело организованная и тщательно проведенная подготовка войск 1-го Дальневосточного фронта обеспечила успех их наступления в Маньчжурской операции[152].

Для полководческой деятельности К. А. Мерецкова были характерны умелый выбор направлений главного удара с учетом особенностей местности и обороны противника, грамотное сосредоточение войск и ограниченных материально-технических средств на этих направлениях, смелый маневр с целью выхода на фланги и в тыл противнику. Эти аспекты находили отражение в его замыслах и решениях, во всей практической деятельности по руководству войсками. К. А. Мерецкова отличали исключительно тщательный подход к подготовке и всестороннему обеспечению подчиненных войск, а также исключительная порядочность и скромность. А. М. Василевский отмечал, что сражения, в которых К. А. Мерецков руководил войсками фронтов, были невероятно тяжелыми по условиям их проведения, но командующий с успехом добивался выполнения поставленных задач. «Солдаты и офицеры, — писал он, — любили своего командующего, любили за человечность и постоянную заботу о них, за отвагу, за твердость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении»[153].

Одним из наиболее одаренных и талантливых, способных эффективно руководить войсками при выполнении оперативно-стратегических задач в годы Великой Отечественной войны являлся Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. С самого начала войны он в должности командира 9-го механизированного корпуса показал способность быстро ориентироваться в сложной обстановке, высокие организаторские качества, волю и непреклонную решимость выполнять поставленные задачи. В первое сражение на Юго-Западном фронте корпусу пришлось вступать после совершения 200-километрового марша, тем не менее его командир выдержал психологическую нагрузку и грамотно организовал нанесение контрудара по противнику. Примечательно, что уже в самом начале войны, когда, казалось бы, было не до наград, он удостоился ордена Красного Знамени.

В период Смоленского сражения 1941 г. К. К. Рокоссовскому было приказано возглавить армейскую группу на Западном фронте и при этом сказано: «Дадим одну-две дивизии, а главное, выезжайте на фронт и подчиняйте себе все, что найдете по дороге до Ярцева». По прибытии к месту назначения он быстро сумел подчинить себе разрозненные части и, выбрав удачный момент, нанести удар по прорвавшемуся противнику, овладеть г. Ярцево, форсировать р. Вопь и закрепиться на выгодном рубеже.

В августе К. К. Рокоссовский был назначен командующим 16-й армией, задача которой состояла в обороне важнейшего направления, ведущего к Москве, — Смоленск, Вязьма, Волоколамск. Именно здесь раскрылось его незаурядное командирское дарование. На волоколамском направлении танковому удару врага он противопоставил глубокую противотанковую оборону, высокую активность и маневр. Командующий армией постоянно демонстрировал подчиненным пример неиссякаемой энергии и новаторства в выполнении возложенной на него миссии. В условиях, когда решалась судьба государства и его столицы, для деятельности К. К. Рокоссовского главными принципами были строгая дисциплина и твердая управляемость подчиненными войсками. Вместе с тем его никогда не покидала вера в победу над агрессором. В этом отношении характерной является запись, сделанная К. К. Рокоссовским на карте побывавшего в 16-й армии корреспондента газеты «Красная звезда»: «Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Советские войска обязательно будут в Берлине. Подмосковье, 19 октября 1941 г. К. Рокоссовский»[154].

Командующий 61-й армией генерал-полковник П. А. Белов (слева)

В ходе начавшегося 5 декабря контрнаступления под Москвой К. К. Рокоссовский провел ряд успешных наступательных операций, разумно сочетая фронтальные удары с обходами и охватами противника. При подготовке и проведении операций им творчески применялись важнейшие принципы военного искусства: решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов, смелое маневрирование резервами, всесторонний учет сильных и слабых стороны противника. Большое внимание он уделял тщательному планированию боевых действий. Искусное руководство 16-й армией в битве под Москвой высоко оценил Верховный главнокомандующий. В июле 1942 г. по его представлению К. К. Рокоссовский получил назначение на должность командующего войсками Брянского фронта, прикрывавшего тульское и воронежское направления, а спустя два месяца — вновь образованного Донского фронта. В октябре — первой половине ноября 1942 г. войска этого фронта успешно оборонялись и одновременно вели наступательные действия по овладению плацдармами на Дону севернее Сталинграда, что вынудило противника оттянуть часть сил непосредственно с данного направления.

Полководческий талант К. К. Рокоссовского ярко проявился при подготовке и в ходе контрнаступления под Сталинградом. На его первом этапе войскам Донского фронта удалось прорвать укрепленные позиции противника и не допустить переброски его войск для прикрытия своих флангов в полосах наступления Сталинградского и Юго-Западного фронтов, решавших главную роль в окружении вражеской группировки. После выполнения данной задачи по распоряжению Ставки ВГК командующему Донским фронтом были подчинены все войска на внутреннем фронте окружения. Разгром окруженной группировки противника он осуществлял путем последовательного отсечения и уничтожения части ее войск[155].

После Сталинградской битвы, возглавляемые К. К. Рокоссовским войска, переименованные в Центральный фронт, успешно провели Севскую наступательную операцию, после чего перешли к обороне на северном фасе Курского выступа. Командующий фронтом умело организовал глубоко эшелонированную и насыщенную противотанковыми средствами оборону на направлении вероятного удара противника. Прочное удержание занимаемых рубежей и позиций он сочетал с нанесением контратак и контрударов. Это позволило обеспечить устойчивость обороны и не допустить глубоких прорывов противника, выдержать его мощный натиск и в короткий срок перейти от обороны к контрнаступлению.

15 июля 1943 г. правофланговые армии Центрального фронта во взаимодействии с войсками Брянского и частью сил Западного фронта нанесли поражение орловской группировке противника. После этого К. К. Рокоссовский с самой лучшей стороны проявил себя в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции в ноябре 1943 г. Относительно ограниченными силами без привлечения резервов Ставки ВГК возглавляемые им войска Белорусского фронта взломали оборону противника в полосе 100 км, продвинулись на 130 км, овладели городами Гомель и Речица, освободили десятки других населенных пунктов в восточных районах Белоруссии.

Одна из наиболее замечательных страниц в полководческой биографии К. К. Рокоссовского — Белорусская стратегическая наступательная операция 1944 г., в которой он командовал войсками 1-го Белорусского фронта. Смелость и оригинальность его оперативно-стратегического мышления, творческий подход и исключительная принципиальность проявились в отстаивании решения на разгром бобруйской группировки противника. При докладе в Ставке ВГК 23 мая К. К. Рокоссовский убедил Верховного главнокомандующего в целесообразности нанесения двух примерно равных по силе ударов в обход Бобруйска с севера и юга. При утверждении плана операции И. В. Сталин заметил: «Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха»[156].

В ходе наступления войска 1-го Белорусского фронта, действуя в условиях болотистой местности, прорвали сильно укрепленную оборону противника, за пять суток продвинулись до 110 км, окружили и уничтожили несколько немецких дивизий. Искусно К. К. Рокоссовский руководил войсками при разгроме окруженной группировки противника. 27 июня,

Командир 21-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор С. А. Козак
и гвардии полковник С. Ф. Елецков на наблюдательном пункте в Австрии

Командир 303-й авиадивизии генерал-майор Г. Н. Захаров
ставит боевую задачу летчикам под Кёнигсбергом

когда часть ее сил попыталась вырваться из окружения, он приказал нанести по противнику массированный авиационный удар. В результате решительными действиями командующий войсками фронта сорвал попытку вражеских войск вырваться из окружения[157].

В ходе Люблинско-Брестской операции К. К. Рокоссовский поставил 2-й танковой армии задачу овладеть районом Демблин, Пулавы и захватить переправы через Вислу. Однако когда выяснилось, что противник взорвал переправы, командующий фронтом без промедления изменил ей задачу: повернуть на север, наступать в направлении Гарволин, овладеть предместьем польской столицы Прагой и захватить в этом районе переправы через Вислу.

Во второй половине января 1945 г. 2-й Белорусский фронт под командованием К. К. Рокоссовского успешно провел Млавско-Эльбингскую операцию, в ходе которой разгромил около 15 дивизий противника, блокировал с запада и юго-запада восточно-прусскую группировку немецких войск и создал благоприятные предпосылки для ее последующего уничтожения. В этой операции умело использовались подвижные группы фронта и армий, а также специально созданные в стрелковых соединениях передовые отряды. После этого основные силы 2-го Белорусского фронта были направлены на разгром восточно-померанской группировки противника. К середине марта они вышли к побережью Данцигской бухты, расчленили вражеские войска на две части, а концу месяца овладели Гдыней и Данцигом, надежно обеспечив северный фланг стратегической группировки советских войск.

Для участия в Берлинской операции К. К. Рокоссовский организовал и провел крупнейшую перегруппировку войск, в ходе которой они в течение нескольких суток перебрасывались комбинированным способом на 200—250 км. Позже он признавал, что это был сложный маневр войск целого фронта, подобного которому не проводилось на протяжении всей Великой Отечественной войны. После перегруппировки войска 2-го Белорусского фронта, развивая стремительное наступление на запад и северо-запад, с ходу форсировали ряд рек, преодолели несколько укрепленных оборонительных рубежей противника и успешно выполнили возложенную на них задачу по завершению Великой Отечественной войны.

Главной чертой полководческого таланта К. К. Рокоссовского была способность глубоко и всесторонне вникать в суть конкретно сложившейся обстановки и, исходя из этого, принимать наиболее рациональные решения. При этом он не выступал пассивным созерцателем обстановки, а всеми имеющимися средствами и методами стремился изменять ее в выгодном для руководимых войск направлении, применять неожиданные для противника способы действий, навязывать ему свою волю, действовать инициативно, решительно и вместе с тем осмотрительно. К. К. Рокоссовский владел незаурядными организаторскими способностями, в обращениях с подчиненными был достаточно терпим и гибок, обладал внутренней культурой и неотразимым личным обаянием. «Вместе с тем это был сильный, волевой человек, требовательный и суровый в сложной обстановке, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполнения приказа»[158]. Он старался всегда быть вежливым с подчиненными, но даже ему не всегда это удавалось. Про В. И. Чуйкова К. К. Рокоссовский писал: «Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим»[159].

В свою очередь, П. И. Батов отмечал: «К. К. Рокоссовский обладал огромными организаторскими способностями и чувством предвидения. Как всегда спокойный, углубленный в свои мысли, он умело и творчески распределял работу между своими заместителями, начальниками родов войск, штабом, военным советом и политуправлением фронта. Всё это создавало удивительно приятную рабочую атмосферу, каждому хотелось смелее думать, энергично действовать. Одной из прекрасных черт командующего фронтом было то, что он в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчиненных, но и вызывал ее своей энергией, требовательностью... Личное посещение командующим передовых частей и соединений — сильное средство воспитания и сплочения войск, повышения их боевого духа. В этом были сила и глубокий источник авторитета Рокоссовского, выдающегося полководца нашего времени с сильной волей и твердыми убеждениями»[160].

Командующий 11-й гвардейской армией К. Н. Галицкий и начальник штаба армии И. И. Семенов возле разрушенного королевского замка в Кёнигсберге

Командир 2-го Ленинградского гвардейского истребительного авиакорпуса ПВО Герой Советского Союза Н. Д. Антонов

К. К. Рокоссовский очень внимательно следил за ростом своих непосредственных подчиненных, поддерживал их в трудную минуту, много помогал им. В нем чувствовались огромное знание военного дела, организаторские способности и большое чувство предвидения. Он умел терпеливо воспитывать свой штаб, который и отличался слаженностью, был творческим, инициативным коллективом. К. К. Рокоссовский писал: «Я... старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем»[161].

«Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский был любимцем Красной армии. Ему была присуща глубокая объективность в оценке всего, что делал он и его подчиненные. Он всегда отличался большим тактом и скромностью, никогда не кичился заслугами», — подчеркивал П. Н. Лащенко[162]. А вот как характеризовал К. К. Рокоссовского в 1942 г. член Военного совета 65-й армии бригадный комиссар Ф. П. Лучко: «Каким он был скромным, таким и сейчас остался, хотя стал известным в стране героем. Нет у него вельможности»[163].

К. К. Рокоссовскому И. В. Сталин доверил командовать Парадом Победы. К. К. Рокоссовского знали и любили советские люди. Известен он и далеко за пределами нашей Родины как прославленный и талантливый полководец. «Обладание такими качествами — это своеобразный и довольно редкий среди больших руководителей талант»[164].

Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко единственный из предвоенных маршалов, вошедший в историю Великой Отечественной войны как полководец. В начале войны в самый напряженный период военных действий по отражению германской агрессии он являлся наркомом обороны, председателем Ставки Главного командования, а затем членом Ставки Верховного главнокомандования.

В условиях, когда вооруженная борьба приобрела огромный размах, С. К. Тимошенко возглавил войска Западного направления, усилиями которых летом и осенью 1941 г. было проведено несколько оборонительных сражений, включая Смоленское сражение, способствовавших срыву беспрепятственного наступления противника к Москве. Главкому потребовалось проявить поистине несокрушимую волю к победе, чтобы перенести тяжелые испытания, не растеряться, сохранить организованность. Ценой огромных усилий войскам Западного направления удалось сорвать планы немецкого генерального штаба на беспрепятственное продвижение к Москве. Во время командования войсками Юго-Западного направления С. К. Тимошенко были спланированы и успешно проведены Ростовская и Елецкая наступательные операции. В этих операциях он проявил организованность и умение руководить крупными группировками войск в тяжелейших условиях обстановки[165].

Должности главкома он умело совмещал с командованием войсками Западного (июль — сентябрь 1941 г.) и Юго-Западного (сентябрь — декабрь 1941 г., апрель — июль 1942 г.) фронтов. В июле 1942 г. С. К. Тимошенко командовал Сталинградским, а с октября 1942 по март 1943 г. — Северо-Западным фронтами. Войска последнего ликвидировали Демянский плацдарм противника. В последующие годы Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко в качестве представителя Ставки ВГК координировал действия войск ряда фронтов: в марте — июне 1943 г. — Ленинградского и Волховского, в июне — ноябре 1943 г. обеспечивал согласованные действия Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, которые в этот период разгромили противника на Кубани и Таманском полуострове, форсировали Керченский пролив и захватили оперативный плацдарм в Крыму. С лета 1944 г. и до конца войны он являлся представителем Ставки ВГК на 2-м и 3-м Прибалтийских, а затем на 2, 3 и 4-м Украинских фронтах, принимая участие в подготовке и проведении Ясско-Кишинёвской, Будапештской, Западно-Карпатской и других операций.

За полководческую деятельность Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко удостоился ордена «Победа». И. Х. Баграмян отмечал: «Семен Константинович представлял собой тип человека, как бы созданного самой природой для военной службы: почти двухметрового роста, на необычайно стройных прямых ногах, с ладно развернутыми плечами — одним словом, с безукоризненной выправкой, достойной кавалергарда»[166].

Маршала Советского Союза Федора Ивановича Толбухина Великая Отечественная война застала в должности начальника штаба Закавказского военного округа, в которой он проделал большую организаторскую работу по отмобилизованию, формированию соединений и частей и отправке их в действующую армию. В должностях начальника штаба Закавказского, Кавказского и Крымского фронтов ему довелось служить до мая 1942 г. Ф. И. Толбухин внес большой вклад в планирование, подготовку и обеспечение сложнейшей Керченско-Феодосийской десантной операции 1941–1942 гг., в организацию взаимодействия в ней сухопутных войск с силами флота, авиацией, а также управления войсками и силами флота в ходе операции.

После непродолжительного командования Сталинградским военным округом он в июле того же года возглавил 57-ю армию, войска которой свыше трех месяцев вели тяжелые оборонительные бои и сорвали попытки противника прорваться к Сталинграду с юга. В ходе оборонительных сражений Ф. И. Толбухин стремился беречь силы армии и настойчиво готовил ее к наступлению. С началом контрнаступления под Сталинградом 57-я армия успешно выполнила поставленные задачи по окружению, расчленению и уничтожению сталинградской группировки противника. Сам Ф. И. Толбухин критически оценивал свои действия, постоянно анализировал приобретенный опыт и настойчиво совершенствовал искусство управления войсками.

С февраля 1943 г. Ф. И. Толбухин командовал 68-й армией Северо-Западного фронта, с марта — Южным, с октября — 4-м Украинским, а с мая 1944 г. — 3-м Украинским фронтами. Войска фронтов под его руководством успешно действовали на реках Миус и Молочная, при освобождении Донбасса и Крыма. В январе — феврале 1944 г. войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с 3-м Украинским искусно провели Никопольско-Криворожскую операцию, в результате которой был ликвидирован опасный плацдарм противника на левом берегу Днепра и освобожден г. Никополь. После этого 4-й Украинский фронт был перенацелен на освобождение Крыма. Эта операция стала одной из наиболее выдающихся, проведенных под руководством Ф. И. Толбухина. Для срыва организованного отхода противника и овладения с ходу Симферополем и затем Севастополем он создал мощную подвижную группу в составе 19-го танкового корпуса и стрелковой дивизии, посаженной на автотранспорт.

Яркой страницей в полководческой деятельности Ф. И. Толбухина была Ясско-Кишинёвская наступательная операция. Его заслугой является неожиданное для противника нанесение главного удара фронта с неудобного для действий войск Кицканского плацдарма. При этом по решению Ф. И. Толбухина на Кишинёвском направлении весьма убедительно было имитировано сосредоточение крупной группировки войск[167]. За период войны это была наиболее масштабная оперативная маскировка, вошедшая в историю военного искусства как классический образец обмана противника. По итогам Ясско-Кишинёвской операции Ф. И. Толбухину по ходатайству представителя Ставки ВГК С. К. Тимошенко было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Весьма ответственной задачей для Ф. И. Толбухина стала организация освободительного похода в Болгарию, в ходе которого он продемонстрировал недюжинные военно-политические, дипломатические и оперативно-стратегические способности. В результате освобождение Болгарии произошло фактически бескровно. Стремительно и весьма эффективно Ф. И. Толбухиным была проведена Белградская наступательная операция. В этой операции ему, по сути, пришлось управлять коалиционной группировкой войск.

На заключительном этапе войны наиболее сложной для Ф. И. Толбухина была Будапештская операция. В ходе нее войска 3-го Украинского фронта отразили три мощных контрудара противника. Большую роль в этом сыграла умело организованная командующим фронтом разведка, заблаговременно вскрывшая выдвижение и развертывание контрударных группировок противника. Своевременно и умело осуществлялся маневр войсками и противотанковыми средствами на направления вражеских контрударов. При этом Ф. И. Толбухину удалось сохранить необходимые силы и средства для последующего проведения Венской наступательной операции, в ходе которой также было проявлено много творчества, хитрости и изобретательности со стороны командующего войсками 3-го Украинского фронта.

Как справедливо отмечал А. М. Василевский: «В годы войны особенно ярко проявились такие качества Толбухина, как безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, полководческий талант, душевное отношение к подчиненным»[168]. Успеху полководческой деятельности Ф. И. Толбухина в определенной мере способствовало сочетание службы на штабных и командных должностях. Длительная работа в штабах приучила его к трудолюбию, вдумчивости, конкретности, аккуратности, умению самому трудиться, глубоко вникать и доходить до мельчайших деталей планирования, подготовки операций и управления войсками. А его способность не только опираться на штаб, начальников родов войск, но и создавать естественную атмосферу взаимного доверия, творческого сотрудничества, совместной ответственности за судьбу операции, возможность каждому офицеру и коллективу в целом проявлять инициативу и раскрывать себя заслуживает быть вписанной в образцы управления войсками.

Хорошо образованным и талантливым полководцем в годы Великой Отечественной войны зарекомендовал себя генерал армии Иван Христофорович Баграмян. В войну он вступил в должности начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и под руководством Г. К. Жукова активно участвовал в организации одного из первых контрударов и организации танкового сражения в районе Дубно, Ровно, Луцк. С конца декабря 1941 г. И. Х. Баграмян возглавил штаб Юго-Западного направления, а затем одновременно и штаб Юго-Западного фронта. При выполнении своих обязанностей, несмотря на чрезвычайные ситуации, типичные для первого года войны, И. Х. Баграмян проявлял хорошие аналитические способности, умение охватить самое главное в сложной, противоречивой обстановке, быструю сообразительность и сметку, выдержку и самообладание. В сложной обстановке он стремился делать все от него зависящее, чтобы придать работе возглавляемых штабов организованный, уверенный и деловой характер.

Карьера И. Х. Баграмяна как военачальника началась в июле 1942 г. со вступления в командование 16-й армией Западного фронта, преобразованной в апреле 1943 г. в 11-ю гвардейскую армию. В Орловской операции возглавляемая им армия нанесла мощный удар во фланг орловской группировке противника и сыграла важную роль в разгроме вражеских войск в районе Болхова. В ноябре 1943 г. И. Х. Баграмян был назначен командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта. В качестве напутствия ему И. В. Сталин сказал: «Успешно проведенная вами операция в районе Орла и Брянска убеждает в том, что новый пост будет вам по плечу»[169]. И. Х. Баграмян оправдал доверие Верховного главнокомандующего: войска 1-го Прибалтийского фронта под его командованием вскоре успешно провели Городокскую наступательную операцию, завершившуюся окружением и разгромом нескольких вражеских соединений.

В последующем этот успех был развит в Белорусской операции 1944 г., в ходе которой войска 1-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом осуществили Витебско-Оршанскую операцию, с ходу форсировали Западную Двину, окружили и уничтожили немецкие войска в районе Витебска. В октябре 1944 г. возглавляемые Иваном Христофоровичем войска нанесли поражение мемельской группировке противника, вышли к побережью Балтийского моря и отрезали его курляндскую группировку от Восточной Пруссии. С февраля 1945 г. И. Х. Баграмян командовал Земландской оперативной группой, которая в составе 3-го Белорусского фронта участвовала в разгроме тильзитско-инстенбургской и земландской группировок врага, овладении Кёнигсбергом. С апреля 1945 г. и до конца войны он успешно командовал войсками 3-го Белорусского фронта.

Полководческий талант И. Х. Баграмяна в годы Великой Отечественной войны проявился в умении глубоко и всесторонне анализировать обстановку, искусно использовать слабые стороны противника, тщательно учитывать боевые возможности своих войск и на этой основе принимать неординарные, смелые решения. Он всегда скрупулезно, основательно планировал операции, стремился учесть возможный ход их развития и найти кратчайшие пути к победе. И. Х. Баграмян мастерски применял военную хитрость для достижения внезапности, тщательно готовил войска, командиров и штабы к боевым действиям. При разработке планов

операций и в ходе их проведения им нередко вносились смелые, обоснованные предложения по уточнению или изменению ранее поставленных задач, твердо и настойчиво проводились в жизнь принятые решения. По оценке А. М. Василевского, И. Х. Баграмян зарекомендовал себя одаренным полководцем, дифференцированно обладавшим и командным, и штабным опытом, а также твердым и непреклонным характером[170].

По праву в ряду талантливых полководцев Великой Отечественной войны стоит генерал армии Николай Федорович Ватутин. Обладая обширными военно-теоретическими знаниями и опытом штабной службы, огромным трудолюбием и работоспособностью, умением действовать инициативно и нешаблонно, он по ходу войны быстро овладел искусством готовить и успешно проводить фронтовые операции с решительными целями. Ему всегда было присуще стремление к самообразованию и достижению высокого профессионализма в военном деле. По свидетельству К. В. Крайнюкова, в одной из бесед Н. Ф. Ватутин признавался: «...опять я перечитываю томик сочинений Фрунзе. Всякий раз нахожу все новые и новые полезные для себя советы»[171].

В первые дни войны Н. Ф. Ватутин по заданию Главного командования убыл на Северо-Западный фронт и 30 июля возглавил его штаб. При его активном участии был тщательно разработан и подготовлен контрудар в районе Сольцов, в результате которого противник оказался отброшен к западу на 40 км[172]. В начале июля 1942 г. он по директиве Ставки ВГК сформировал новый Воронежский фронт и был назначен его командующим. Войска фронта остановили наступление противника в районе Воронежа. В ходе Сталинградской битвы Н. Ф. Ватутин показал образец проведения искусных перегруппировок для создания необходимого превосходства над противником, подготовки и проведения контрнаступления с целью окружения крупной группировки врага. Операция возглавляемого им Юго-Западного фронта характеризовалась стремительностью и маневренностью. Н. Ф. Ватутин целеустремленно направлял усилия армий и всех родов войск на окружение противника в районе Сталинграда. Он грамотно руководил действиями стрелковых, танковых и кавалерийских соединений.

С 22 марта 1943 г. Н. Ф. Ватутин вновь командовал войсками Воронежского фронта, которые выполняли одну из основных задач в разгроме немецких войск на Курской дуге. Осенью того же года и в начале 1944 г. в период битвы за Днепр, при освобождении Киева и в операциях на Правобережной Украине уже состоявшийся полководец генерал армии Н. Ф. Ватутин вплоть до своей трагической гибели в результате акции украинских националистов искусно командовал войсками 1-го Украинского фронта.

Важнейшей чертой полководческого дарования Н. Ф. Ватутина являлась способность предвидеть развитие событий, которая базировалась на глубоком анализе обстановки, складывавшейся в полосе возглавляемого фронта и в целом на стратегическом направлении. В соображениях, представленных в Генеральный штаб 12 апреля 1943 г., он верно спрогнозировал, что противник в полосе Воронежского фронта способен создать мощную ударную группировку для нанесения главного удара в направлении Старый Оскол, а частью сил — на Обоянь и Курск[173]. Это позволило не только подготовиться к его отражению, но и своевременно ориентировать Ставку ВГК на целесообразность перехода к преднамеренной обороне в районе Курского выступа. Яркой чертой полководческого мастерства Н. Ф. Ватутина был творческий подход к выполнению боевых задач. Особенно наглядно это проявилось при создании ударных группировок войск в наступательной операции на белгородско-харьковском направлении.

При подготовке удара с лютежского плацдарма на Киев Н. Ф. Ватутиным была организована и скрытно проведена сложная перегруппировка войск 1-го Украинского фронта с переправой многих соединений дважды через Днепр и один раз — через Десну. Появление крупной танковой группировки на лютежском плацдарме и нанесение с него мощного удара фронта оказалось полной неожиданностью для командования немецкой группы армий «Юг»[174]. Оценивая полководческую деятельность Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский писал: «Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и тыл вражеским группировкам,

искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками»[175].

Типичной для стиля деятельности генерала армии Н. Ф. Ватутина являлась тщательная и всесторонняя подготовка операций. Такого же отношения он повседневно требовал и от своих подчиненных, ибо считал, что только практическая работа в войсках, неустанная забота о личном составе, обучение и обеспечение его всем необходимым является залогом успешных боевых действий. Н. Ф. Ватутин придавал особое значение формированию боевого настроя в войсках, всячески поддерживал разумную инициативу у подчиненных, с большим уважением относился к работе штабных офицеров.

Весьма разностороннюю и объективную характеристику стилю деятельности Николая Федоровича после войны дал бывший начальник штаба Юго-Западного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов генерал армии С. П. Иванов: «Генерал Н. Ф. Ватутин с неизменным вниманием относился к нуждам и запросам штаба, с его стороны штабисты всегда встречали полное понимание и всестороннюю поддержку. Да это и не удивительно. Ведь пройдя все ступени штабной службы, вплоть до заместителя начальника Генерального штаба, он знал все профессиональные тонкости, о событиях судил масштабно, сразу схватывал суть дела. Это был настоящий генштабист, человек отменной работоспособности, сильной воли и исключительной деловой целеустремленности. В нем как нельзя лучше сочетались черты командующего и руководителя крупного штаба. Самым тесным образом Н. Ф. Ватутин поддерживал контакты с войсками, куда он часто выезжал, причем о своих поездках ставил в известность и штаб. Он всегда знал о запросах, нуждах, настроениях не только командного, но и рядового состава, а при необходимости оказывал действенную помощь»[176]. Все это помогало ему искусно руководить войсками и заслуженно быть причисленным к полководцам Великой Отечественной войны.

Среди наиболее известных полководцев этой войны генерал армии Андрей Иванович Ерёменко. В ее начале он возглавил Западный фронт, а в начале августа 1941 г. был назначен командующим войсками вновь созданного Брянского фронта. И. В. Сталин лично поставил ему задачу: прочно прикрыть брянское направление и активными действиями разгромить основные силы немецкой 2-й танковой группы. В ответ А. И. Ерёменко заявил: «Да, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но бить его, конечно, можно, а порою не так уж сложно. Надо лишь уметь это делать»[177]. Но реализация обещания оказалась длительной. А. И. Ерёменко вел себя храбро и мужественно, почти непрерывно находился в боевых порядках войск, получив тяжелое ранение. Однако Брянский фронт в то время не выполнил поставленную задачу.

С 7 августа 1942 г. А. И. Ерёменко возглавил Юго-Восточный фронт, на который возлагалась задача остановить наступление немецких войск перед южным фасом внешнего оборонительного обвода Сталинграда и не допустить их прорыва к Волге южнее города. В целях объединения управления войсками, действовавшими на сталинградском направлении, вскоре по решению Ставки ВГК А. И. Ерёменко были также подчинены Сталинградский фронт, Сталинградский военный округ, Сталинградский корпусной район ПВО страны, а также передана в оперативное подчинение Волжская военная флотилия. Эта группировка выполнила возложенную на нее задачу. Ведя упорную и активную оборону, она сдержала превосходящие силы противника на ближних подступах к городу и в самом городе.

Важным событием в становлении полководческого искусства А. И. Ерёменко было контрнаступление под Сталинградом, в ходе которого он командовал войсками Сталинградского фронта. После прорыва в первый же день наступления обороны противника командующий фронтом ввел в сражение мощную подвижную группу, что позволило уже на четвертый день операции выйти на соединение с подвижными войсками Юго-Западного фронта и замкнуть кольцо окружения крупной группировки вражеских войск. Сталинградский фронт во главе с А. И. Ерёменко сыграл большую роль в отражении попытки противника ударом извне деблокировать окруженные войска. Его своевременные и активные действия способствовали

успеху 2-й гвардейской армии, нанесшей по решению Ставки ВГК мощный удар по деблокирующей группировке врага[178].

В апреле — октябре 1943 г. А. И. Ерёменко возглавлял Калининский фронт, войска которого в сложных условиях лесисто-болотистой местности успешно провели Духовщинско-Демидовскую операцию, разгромив шесть дивизий противника и освободив города Духовщина, Демидов и Рудня. При подготовке и в ходе этой операции командующий войсками фронта умело организовал разведку системы обороны противника, применил эффективные методы артиллерийской и авиационной подготовки, проявил творческий подход в планировании и осуществлении прорыва глубоко эшелонированной обороны противника.

В первой половине 1944 г. А. И. Ерёменко непродолжительно командовал Отдельной Приморской армией, участвовавшей в освобождении Крыма от немецких оккупантов. После этого он возглавил войска 2-го Прибалтийского фронта и принимал участие в Рижской наступательной операции. В марте — апреле 1945 г. А. И. Ерёменко в качестве командующего 4-м Украинским фронтом продемонстрировал искусство гибкого маневрирования войсками в Карпатах. Несмотря на сложную горную местность, он смело перегруппировал основные силы фронта на правое крыло и, используя успех войск 1-го Украинского фронта, добился перелома в ранее неудачном наступлении, а возглавляемые им войска освободили ряд восточных районов Чехословакии.

А. И. Ерёменко подчеркивал, что по профессиональной подготовке и складу характера он больше тяготел к наступлению, чем к обороне. Однако, объективно оценивая его полководческую деятельность в годы Великой Отечественной войны, следует признать, что А. И. Ерёменко более успешно решал оперативно-стратегические задачи в обороне. А. М. Василевский отмечал: «А. И. Ерёменко... показал себя настойчивым и решительным военачальником. Ярче и полнее проявил он себя как полководец, безусловно, в период оборонительных операций»[179]. А. И. Ерёменко довелось руководить войсками на наиболее сложных участках советско-германского фронта, имея обычно сравнительно ограниченные силы и средства. Однако он, как правило, добивался выполнения поставленных задач и тем самым вносил значительный вклад в достижение общей победы над врагом.

Больше всего от других полководцев Великой Отечественной войны А. И. Ерёменко отличала подчас исключительно жесткая требовательность к подчиненным, стремление удерживать их в рамках принятых решений и отданных указаний. При этом нельзя утверждать, что он сдерживал инициативу непосредственных исполнителей. Более того, личным примером Андрей Иванович часто показывал образцы дисциплинированности при реализации замыслов и решений вышестоящих инстанций, а свою управленческую деятельность настойчиво старался направлять в строго очерченное русло намеченных мероприятий. Иначе говоря, несмотря на отмеченные издержки характера и стиля деятельности, А. И. Ерёменко обладал такими замечательными качествами полководца, как твердость и настойчивость в выполнении поставленных боевых задач, личное мужество и непреклонность в достижении конечной цели. Факты многократного пребывания на участках самых ожесточенных боевых действий и полученные тяжелые ранения позволяют судить о А. И. Ерёменко как о полководце с основательной бойцовской закалкой.

Одним из военных руководителей, обладавшим самобытным полководческим почерком, показал себя в период войны генерал армии Иван Ефимович Петров. Он отличался высокой эрудицией в области военной теории и истории. Однако его боевая биография складывалась непросто. Войну И. Е. Петров встретил в должности командира 27-го механизированного корпуса Южного фронта. В августе 1941 г. ему поручили формирование 2-й кавалерийской дивизии, которая внесла заметный вклад в оборону Одессы. В ночь на 20 августа, когда создалось критическое положение, на командира 25-й стрелковой дивизии генерал-майора И. Е. Петрова было возложено руководство южным сектором фронта (25-я, 2-я кавалерийская и один полк 95-й стрелковой дивизии), усилиями которого противнику был нанесен большой урон[180].

С 5 октября 1941 г. И. Е. Петров возглавил Приморскую армию, оборонявшую Одессу. Вопрос об оставлении города был решен Ставкой ВГК до его назначения на эту должность, но командарм внес существенный вклад в разработку и точное выполнение плана по эвакуации основных сил армии. Здесь во всем блеске проявились его военный талант и ясность мышления, умение предвидеть развитие событий. Решение И. Е. Петрова о нанесении удара по вражеским боевым порядкам на севастопольском направлении вместо отвода армии в Керчь стало важнейшей предпосылкой для последующей героической обороны Севастополя. Являясь заместителем командующего Севастопольскими оборонительным районом[181], он сумел грамотно организовать взаимодействие между армией, флотом и авиацией, а также правильно использовать многообразные методы применения всех видов артиллерии. Весьма эффективной оказалась и разработанная им система инженерного обеспечения обороны военно-морской базы с суши.

После завершения обороны Севастополя И. Е. Петров получил назначение командующим 44-й армией Северной группы Закавказского фронта, которая в августе 1942 г. во взаимодействии с Каспийской флотилией не допустила форсирования противником Терека и его прорыва к Грозному и Баку. В октябре 1942 г. он возглавил Черноморскую группу войск Закавказского фронта, которая вскоре нанесла ряд мощных контрударов по войскам 17-й немецкой армии и остановила их наступление. Более того, умелое использование подкреплений помогло командующему устранить угрозу прорыва противника на Туапсе[182].

В дальнейшем Черноморская группа войск активно участвовала в наступлении на южном крыле советско-германского фронта. В сражениях за освобождение Майкопа и Краснодара И. Е. Петров доказал, что является искусным организатором не только стойкой обороны, но и стремительного наступления в сложных условиях. Летом 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта под его командованием участвовали в Новороссийско-Таманской наступательной операции, в результате которой был освобожден порт и город Новороссийск, а к 9 октября разгромлена вся таманская группировка врага — последний вражеский плацдарм на Кавказе. В первой половине ноября возглавляемые И. Е. Петровым войска во взаимодействии с Черноморским флотом успешно провели Керченско-Эльтигенскую десантную операцию и захватили важный плацдарм на Крымском полуострове.

После преобразования Северо-Кавказского фронта в Отдельную Приморскую армию И. Е. Петров принимал участие в разработке плана освобождения Крыма. Однако в начале марта 1944 г. он был переведен на должность командующего 33-й армией, действовавшей на западном направлении, а спустя некоторое время возглавил 2-й Белорусский фронт. В новой должности Иван Ефимович с присущим ему энтузиазмом приступил к реализации директив Ставки по подготовке удара на Могилёв и далее на Минск. Но перед началом операции «Багратион» был перемещен на должность командующего войсками 4-го Украинского фронта, который совместно с другими объединениями участвовал в Восточно-Карпатской операции.

В ходе этой операции командующий войсками фронта показал пример результативного использования в горных условиях артиллерии, бронетанковых войск и авиации. Кроме того, он быстро определял замысел и цели контрманевров противника, что позволяло ему умело их парировать. В течение зимы 1945 г. войска фронта прошли с упорными боями 150–170 км, освободили половину Словакии, выйдя на линию Трстена, Брезно. Это дало возможность 1-му Украинскому фронту очистить от врага Силезский промышленный район, а также улучшить обстановку в полосе действий 2-го Украинского фронта. В начале апреля войска 4-го Украинского фронта вышли на подступы к Моравско-Остравскому промышленному району, а 9 апреля 1945 г., в период подготовки к Берлинской операции, генерал армии И. Е. Петров был назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта. И на штабной работе, как свидетельствовал И. С. Конев, он проявил себя с лучшей стороны[183].

Таким образом, И. Е. Петров, длительное время командуя армиями и армейскими группами войск, а также Северо-Кавказским, 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами

в различных, подчас весьма сложных условиях обстановки продемонстрировал незаурядное полководческое дарование, умение руководить войсками в тесном взаимодействии с Военно-морским флотом как в обороне, так и в наступлении. Высокое искусство И. Е. Петров проявил и в организации наступления войск в горных условиях.

Генерал армии Иван Данилович Черняховский был самым молодым и одним из ярких советских полководцев, стремительно взошедших на вершину военного таланта во время Великой Отечественной войны. Он в совершенстве владел современными для того времени основами управления технически оснащенными танковыми и механизированными войсками, хорошо понимал всю новизну вооруженной борьбы в условиях Второй мировой войны. И. Д. Черняховский отличался пытливым умом и творческим восприятием всего нового в военном искусстве и военном деле в целом. Для его управленческой деятельности были характерны инициативность, близость к подчиненным, глубокое уважение их ратного труда.

В войну И. Д. Черняховский вступил в должности командира 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта. Уже в первые дни войны в ходе встречных и оборонительных боевых действий против превосходящих танковых группировок противника в районе Шяуляя, а затем на Западной Двине, под Сольцами и Новгородом дивизия нанесла противнику ощутимый урон и способствовала срыву его стремительного продвижения. В этих боях И. Д. Черняховский неоднократно демонстрировал сильную командирскую волю, мужество и отвагу, умение твердо управлять соединением в сложной обстановке. С июля 1942 г. он командовал 18-м танковым корпусом, который стойко оборонял Воронеж. Соединения корпуса по его инициативе использовались, как правило, массированно, что позволило создавать относительно благоприятные условия для отхода и занятия обороны на новом рубеже основным силам 60-й армии.

Боевые действия, проведенные И. Д. Черняховским летом 1942 г., выдвинули его в ряд молодых генералов, способных быстро овладеть искусством надежного управления войсками в наступательных операциях[184]. Вскоре он был назначен на должность командующего 60-й армией, которой искусно управлял в оборонительном сражении на левом берегу Дона, в Воронежско-Касторненской операции, Курской битве, при форсировании Десны и Днепра. Он всегда стремился к максимальному сосредоточению сил и средств на решающих направлениях.

Об успехах командующего 60-й армией А. М. Василевский писал: «Я близко и хорошо знал его, ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека. Наше первое знакомство состоялось в январе 1943 г., при подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции. И. Д. Черняховский командовал тогда 60-й армией... в крайне неблагоприятных погодных условиях он... блестяще выполнил поставленную задачу, освободив в первый же день Воронеж. Еще более блистательным результатом оперативного руководства со стороны молодого командарма явились боевые действия его армии при взятии Курска: город был взят в течение суток»[185].

С 26 марта 1943 г. 60-я армия вошла в состав Центрального фронта. О своих впечатлениях от знакомства с И. Д. Черняховским командующий фронтом К. К. Рокоссовский после войны вспоминал: «Я внимательно приглядывался к генералу И. Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский достиг»[186].

В своей практической деятельности И. Д. Черняховский много внимания уделял разведке противника. Это позволяло ему своевременно вскрывать его замыслы и намерения, оригинально решать задачи разгрома. В августе 1943 г. командующий 60-й армией удачно уловил момент, когда неприятель ослабил свои силы на правом фланге армии, и в короткий срок подготовил внезапный удар на этом участке. Такое решение было весьма рискованным,

но оно учитывало слабость противника, было хорошо подготовлено, и поэтому, начав операцию на второстепенном направлении, И. Д. Черняховский превратил его в главное для всего Центрального фронта. Бывший командующий соседней 65-й армией генерал армии П. И. Батов так оценивал данный эпизод: «Успех 60-й армии... был неожиданностью. Черняховский имел меньше сил, чем мы... Он создал в ходе наступления из стрелковых дивизий подвижные группы... и на второй день вывел войска на оперативный простор»[187].

Незаурядное военное дарование, глубокое знание оперативного искусства и полководческие качества И. Д. Черняховского особенно наглядно проявились при планировании и проведении Киевской, Житомирско-Бердичевской, Ровно-Луцкой и Проскуровско-Черновицкой наступательных операций. В этих операциях возглавляемая им 60-я армия продемонстрировала эффективные боевые действия и достигла значительных результатов в разгроме противостоящих группировок противника. После заслушивания И. Д. Черняховского о плане действий армии в Проскуровско-Черновицкой операции командующий 1-м Украинским фронтом Г. К. Жуков докладывал Верховному главнокомандующему: «...по своим знаниям и умению управлять войсками командарм 60-й армии генерал-лейтенант Черняховский вполне заслуживает звания генерал-полковника»[188].

Когда встал вопрос о назначении нового командующего войсками Западного фронта, А. М. Василевский предложил кандидатуру командующего 60-й армией. Его поддержали Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский. В апреле 1944 г. генерал-полковник И. Д. Черняховский встал во главе Западного фронта, а в связи с его разделением на два возглавил 3-й Белорусский фронт. В качестве основных аргументов за назначение И. Д. Черняховского отмечались присущий ему живой и глубокий ум, огромная энергия и работоспособность, умение быстро схватывать и правильно оценивать самую сложную обстановку, проявлять творчество и находить уникальные решения, способные приводить к неожиданным для противника действиям. К этому также следует добавить несгибаемую волю, большие организаторские способности, умение настойчиво проводить в жизнь принятые решения, а главное — добиваться впечатляющих результатов.

Наиболее полно как полководец И. Д. Черняховский проявил себя на посту командующего войсками 3-го Белорусского фронта, участвуя в Белорусской и Восточно-Прусской наступательных операциях. П. Н. Лащенко отмечал: «Для полководческого таланта и стиля руководства войсками генерала Черняховского было характерно сочетание глубоких военно-теоретических знаний и практического опыта с незаурядным оперативным мышлением; умение быстро и правильно оценить обстановку и использовать ее в интересах достижения успеха в операции. Он блестяще владел искусством принятия оригинальных решений, отличающихся большой смелостью, новыми, неизвестными противнику формами и способами боевых действий; его стиль руководства войсками характеризовался высокой деловитостью и четкостью, гибкостью и хладнокровием; ему были присущи высокая требовательность военачальника и качества руководителя-коммуниста»[189].

Так, вопреки первоначальному замыслу Ставки ВГК на Белорусскую операцию, И. Д. Черняховский настоял на нанесении фронтом ударов на двух направлениях — Оршанском и Богушевском. Весьма неординарно им были организованы мероприятия по введению неприятеля в заблуждение в полосе 39-й армии. Кроме того, на случай прорыва окружаемой в районе Витебска группировки противника командующий фронтом предусмотрительно нацелил на действия в полосе этой армии одну стрелковую дивизию из второго эшелона 5-й армии. В ходе операции И. Д. Черняховский добился утверждения своего решения о переносе основных усилий именно на богушевское направление с тем, чтобы быстро развить успех в оперативной глубине и выйти во фланг минской группировке противника. На этом же направлении им вопреки сопротивлению в штабе фронта была введена в сражение 5-я гвардейская танковая армия, благодаря чему удалось достичь оперативного успеха.

Инициативно действовал И. Д. Черняховский и после завершения Белорусской операции, когда войска 3-го Белорусского фронта вышли к границам Восточной Пруссии, пытаясь с ходу ворваться на ее территорию. Ставка ВГК разрешила фронту закрепиться на достигну-

том рубеже. Однако И. Д. Черняховский, стремясь улучшить занимаемое положение, решил провести частную наступательную операцию для ликвидации занимаемого противником выступа восточнее Сувалок. В ходе ее реализации была достигнута не только частная цель, но и подготовлены благоприятные условия для дальнейших масштабных наступательных действий[190].

Традиционно после принятия решений и отдачи необходимых приказов и распоряжений И. Д. Черняховский большую часть времени проводил на передовом наблюдательном пункте, в войсках, на которые возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Личное наблюдение за ходом боевых действий позволяло ему постоянно быть в курсе событий и оперативно реагировать на изменения в обстановке. И. Д. Черняховский относился к категории расчетливых военных руководителей, тем не менее в случае необходимости он способен был пойти на оправданный риск. Его личное мужество и выдержка позволяли сохранять самообладание в самых сложных ситуациях и позитивно влияли на подчиненных командиров и войска. Но это не уберегло талантливого полководца: 18 февраля 1945 г. он был смертельно ранен в районе Мельзака на территории Польши.

Наряду с полководцами особое место в истории Великой Отечественной войны принадлежит Адмиралу Флота Советского Союза Николаю Герасимовичу Кузнецову и его флотоводческой деятельности. Начало войны он встретил состоявшимся наркомом ВМФ. По его инициативе еще в июне 1939 г. была издана директива «Об установлении для флота трех степеней оперативных готовностей», требования которой сыграли позитивную роль для своевременного приведения сил флотов в боевую готовность к моменту германской агрессии[191].

В ходе войны Н. Г. Кузнецов являлся членом ГКО, Ставки ВГК и ее представителем на фронтах и флотах. Его флотоводческий талант всесторонне раскрылся при организации и осуществлении взаимодействия флотов с сухопутными войсками при обороне Таллина, Одессы, Севастополя, Ленинграда, Москвы, Сталинграда и других городов и военно-морских баз, при разработке планов ВГК на проведение Керченско-Феодосийской, Новороссийской, Керченско-Эльтигентской десантных и других операций. По предложению Н. Г. Кузнецова авиация советского ВМФ уже в первые дни войны бомбила Берлин. С февраля 1944 г. он одновременно являлся главнокомандующим советским ВМФ[192].

Адмирал Н. Г. Кузнецов уверенно руководил боевой деятельностью флота, в том числе по обеспечению безопасности перехода арктических конвоев и организации взаимодействия Северного флота с эскортными силами ВМС союзников. Много внимания им уделялось нарушению коммуникаций противника и защите своих морских перевозок, организации действий против побережья, баз и портов противника, обороне своих берегов, проведению минно-заградительных, морских десантных и других операций, взаимодействию флотов с сухопутными войсками на приморских флангах фронтов. Н. Г. Кузнецов неоднократно выезжал на действующие флоты и в штабы фронтов, проявляя при этом высокие организаторские способности[193].

Отличительной чертой военно-морской деятельности Н. Г. Кузнецова в период Великой Отечественной войны было то, что он хорошо понимал ее континентальный характер и, соответственно, место и роль флота в ней. В 1944 г. в одной из статей он отмечал: «Главнейшая задача нашего флота с первого часа войны заключалась в том, чтобы прочно обеспечить стратегические фланги нашей армии от всяких «неожиданностей» и «сюрпризов» с моря, от десантов и ударов вражеского флота, оказывая всемерную поддержку активными операциями наших войск в приморских районах»[194]. Исходя из этого, строилась вся его практическая работа.

В первые месяцы войны, когда вскрылись недостатки предвоенной «Инструкции по разработке оперативного плана флота (флотилии)», в которую входили рекомендации по разработке плана взаимодействия флота с армией при решении задач обороны побережья от ударов со стороны моря, Н. Г. Кузнецовым были приняты безотлагательные меры по переработке документа и приведению его положений в соответствие с реальными условиями применения сил флота. После войны он вспоминал: «Тогда мы впервые на деле почувствовали

подчиненную роль Военно-морского флота общим стратегическим планам вооруженных сил, ощутили необходимость координации действий с сухопутным командованием»[195].

По складу характера Н. Г. Кузнецов был новаторам в военно-морском деле. Под его руководством в годы войны были пересмотрены подходы и ко многим другим проблемам военно-морского искусства. Коренным образом были переработаны основы подготовки и ведения десантных операций, конкретизированы рекомендации по организации управления и взаимодействия привлекаемых к ним сил, обязанности и взаимоотношения должностных лиц. Подверглись усовершенствованию документы, в которых нашли отражение новые взгляды на оперативное построение сил и войск при обороне военно-морских баз. Практически все важные решения Н. Г. Кузнецов стремился принимать только на основе серьезного анализа обстановки, что помогало ему избегать ошибочных решений. Много внимания он уделял организации самого тщательного изучения опыта военных действий на море. По его инициативе в январе 1943 г. в составе Главного морского штаба был создан Отдел по изучению и обобщению опыта войны, которым регулярно издавались специальные бюллетени.

Нарком ВМФ много занимался организацией взаимодействия на стратегическом и оперативном уровнях. Для этого он иногда лично выезжал на флоты. Однако вскоре Николай Герасимович убедился, что такие поездки, как и откомандирования в войска флотских офицеров, не давали должного эффекта. Поэтому с 1942 г. по его решению у главкома войсками Северо-Кавказского направления, а затем и у командующих войсками приморских фронтов появились заместители по морской части и морские отделы со специалистами всех родов сил и средствами связи. Это дало возможность квалифицированно управлять силами флота на оперативном уровне и ставить им реальные задачи при взаимодействии с войсками[196].

Н. Г. Кузнецов стремился организовывать действия флота в интересах сухопутных войск, решавших задачи не только на приморских направлениях. Так, в период Курской битвы, когда основные усилия противника были сосредоточены против войск Центрального и Воронежского фронтов, он директивой флотам указывал: «Попытки противника наступать на орловском и белгородском направлениях потребовали от него сосредоточения большого количества сил, и главным образом авиации, которую он перебросил с других фронтов. Флоты должны учесть обстановку и в пределах поставленных им оперативных задач повысить свою боевую активность, приковав силы противника к побережью, нарушая его коммуникации и этим помогая Красной армии в кратчайший срок парализовать попытки противника к наступлению»[197].

Во время войны с Японией Н. Г. Кузнецов лично координировал боевые действия Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов при проведении Маньчжурской стратегической, Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций, а также при высадке морских десантов в корейские порты. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением грамоты с текстом: «За ваш Героический подвиг, проявленный при выполнении заданий Верховного главнокомандования по руководству боевыми операциями флота, и достигнутые в результате этих операций успехи»[198].

Отличительной чертой стиля деятельности Н. Г. Кузнецова как флотоводца была его активная самостоятельная позиция при решении любых принципиальных вопросов. Причем это его качество в большей степени проявлялось в наиболее опасные для страны и флота моменты. Если обстановка не терпела промедления, он не боялся пойти на риск и самостоятельно принимал решения по важным оперативно-стратегическим вопросам, беря всю полноту ответственности на себя[199].

Итак, в годы Великой Отечественной войны целый ряд военных руководителей оперативно-стратегического масштаба заслужили называться полководцами советской военной школы. К ним отнесены те военачальники, которые наиболее ярко проявили на полях сражений самые лучшие интеллектуальные и организаторские способности, мужество и неиссякаемую волю к победе. Советские полководцы располагали знаниями и опытом,

они были талантливыми военными руководителями, умеющими своевременно и правильно оценивать оперативно-стратегическую обстановку, принимать неожиданные для противника решения, разрабатывать простые, но не шаблонные, а выгодные для себя планы операций, быстро и тщательно готовить войска для реализации принятых решений.

За годы Великой Отечественной войны советскими полководцами и возглавляемыми ими войсками успешно были решены многие важные проблемы военного искусства, что способствовало достижению победы над противником. В их числе: подготовка и проведение стратегических операций группами фронтов и фронтами; ведение стратегической обороны на широком фронте и осуществление срыва наступления противника с последующим переходом в контрнаступление; завоевание стратегического господства в воздухе; быстрое и скрытное проведение стратегических перегруппировок войск; прорыв стратегического фронта вражеской обороны на одном или нескольких направлениях; окружение и уничтожение крупных оперативно-стратегических группировок противника; проведение совместных действий сухопутных войск и сил флота на приморских направлениях; тесная координация их действий и партизанских формирований и прочее.

Решая указанные проблемы, советские полководцы продемонстрировали глубокие военные знания, богатый боевой опыт, высокие организаторские способности, умение своевременно сориентировать подчиненных на дальнейшие действия, стремление эффективно использовать выгодное соотношение сил на решающих участках, гибкое реагирование на изменения в обстановке и другие замечательные качества. Главная же характерная черта советского полководческого искусства в Великой Отечественной войне — отсутствие шаблона в замыслах и действиях. Ярким подтверждением этого являются, в частности, контрнаступательные операции под Москвой, Сталинградом и Курском, проведенные при участии и под руководством Г. К. Жукова и некоторых его боевых соратников, а также многие наступательные операции на окружение (рассечение) и уничтожение крупных группировок противника.

Вместе с тем советские полководцы не были «на одно лицо». В личностных качествах, формах, методах и стиле организаторской деятельности полководцев были и специфические черты. По свидетельству соратников, Маршал Советского Союза А. М. Василевский отличался отличной теоретической подготовкой, мужеством, твердостью, глубоким уважением и доверием к окружающим, теплотой, задушевностью, скромностью. Высокая профессиональная подготовка, широта стратегического мышления, мужество, чувство ответственности за порученное дело, трудолюбие, спокойствие, выдержанность, самокритичность характеризовали генерала армии Н. Ф. Ватутина; твердость, прямота, требовательность, пунктуальность, высокая организованность — Маршала Советского Союза Л. А. Говорова; ясный и твердый ум, военный талант, твердость, уверенность, сильная воля, решительность в действиях, сочетаемая с творчеством, — Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Маршалу Советского Союза И. С. Коневу были присущи твердость, здравый смысл в суждениях, масштабность в подходе к делу; Маршалу Советского Союза К. А. Мерецкову — обширные военные знания, практическая сметка, рассудительность, общительность, простота; Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому — высокая теоретическая подготовка, сильная воля, выдержка, самообладание; генералу армии И. Е. Петрову — незаурядные организаторские способности, хладнокровие; Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому — высокая эрудиция, деловитость, умение найти мудрое решение, требовательность, завидное спокойствие, тактичность, умение прочно опираться на штаб. У Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина отмечались полководческий талант, гибкость мышления, безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, спокойствие, сдержанность; у генерала армии И. Д. Черняховского — разносторонние военные знания, высокая работоспособность, целеустремленность, вдумчивость, твердость, осмотрительность.

Полководцы Великой Отечественной войны не лишены были таких черт характера, как определенная жесткость Г. К. Жукова, вспыльчивость И. С. Конева, крутость в обращении с подчиненными А. И. Ерёменко. Естественно, что эти и им подобные, по своей сути отрицательные черты характеров накладывали определенный отпечаток на стиль работы, фор-

мирование личностей полководцев. Однако они не являлись доминирующими и рельефно компенсировались общим высоким уровнем полководческого искусства.

Нередко советским полководцам ставятся в упрек крупные потери в людях. Но, как известно, войн и побед в них без потерь не было, нет и, видимо, еще долго не будет. В особой «жестокости» чаще других обвинениям подвергается Г. К. Жуков. При этом за оценку его деятельности берутся абсолютные цифры потерь, что представляется неверным. В Московской, Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях Г. К. Жуков возглавлял самые мощные (по численности) фронтовые объединения, действовавшие на главных направлениях, поэтому, естественно, абсолютное число потерь личного состава в этих фронтах было большим, чем в других. Однако при сравнении относительных потерь (в процентах к первоначальной численности) оказывается, что у Г. К. Жукова они были ниже, чем у И. С. Конева, командовавшего в 1941–1942 гг. Калининским, а в 1945 г. — 1-м Украинским фронтами.

Многие из советских полководцев до Великой Отечественной войны не выделялись высокими должностями и званиями. Так, Маршал Советского Союза А. М. Василевский к началу войны был заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, генерал-майором; Маршал Советского Союза Л. А. Говоров — начальником Артиллерийской академии и также генерал-майором. В звании генерал-майора начали войну командиры корпусов, ставшие затем Маршалами Советского Союза, Р. Я. Малиновский и К. К. Рокоссовский, а также генерал армии Е. И. Петров. Предвоенные полковники И. Х. Баграмян (начальник оперативного отдела штаба КОВО) и И. Д. Черняховский (командир танковой дивизии) за годы войны дослужились до звания генерала армии.

По возрасту советские полководцы были моложе 50 лет. Генерал армии И. Д. Черняховский возглавил фронт в 38 лет. В еще более молодом возрасте возглавил Наркомат Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов. Более существенные различия у советских полководцев были в образовании: И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин и Л. А. Говоров окончили Военную академию Генерального штаба; А. И. Ерёменко, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков и Ф. И. Толбухин — Военную академию имени М. В. Фрунзе, И. Д. Черняховский — Военную академию механизации и моторизации[200].

Формально уровень образованности Г. К. Жукова, Е. И. Петрова, К. К. Рокоссовского и С. К. Тимошенко ограничивался курсами усовершенствования начсостава, но это не помешало им достичь высоких должностей и воинских званий. Главным фактором их полководческого роста являлось самообразование. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Будучи командиром 6-го корпуса я усиленно работал над оперативно-стратегическими вопросами, так как считал, что не достиг еще многого в этой области. Ясно отдавал себе отчет в том, что современному командиру корпуса нужно знать очень много, и упорно трудился над освоением военных наук. Читая исторические материалы о прошлых войнах, классические труды по военному искусству и различную мемуарную литературу, я старался делать выводы о характере современной войны, современных операций и сражений. Особенно много мне дала личная разработка оперативно-тактических заданий на проведение дивизионных и корпусных командных игр, командно-штабных учений, учений с войсками и т. п.»[201].

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне в значительной степени была добыта благодаря наличию в его вооруженных силах молодых незаурядных полководческих кадров. Все они обладали военным талантом, творческим мышлением, способностью предвидеть развитие событий, стремлением к самосовершенствованию, высокими организаторскими способностями, волей и решительностью, богатым боевым опытом и способностью взять на себя ответственность за выполнение сложных боевых задач, неудачи и поражения.

Полководцев Великой Отечественной войны отличал заслуженно высокий авторитет у подчиненных. Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко и другие в соответствии с занимаемыми должностями обладали огромной властью. Однако использовали ее разумно и всецело в интересах дела, никогда и ни перед кем не подчеркивали своего должностного превосходства, проявляли неизменный такт в обращении с подчиненными и в то же время принципиальность, беском-

промиссность в служебных делах. Потому их авторитет был настолько высок, что указания, отдаваемые ими даже в форме просьб, исполнялись неукоснительно. Стоит ли удивляться, что многие офицеры и генералы стремились походить на этих талантливых военных деятелей. Отмечая, в частности, стиль деятельности и заслуги Г. К. Жукова, А. М. Василевский писал, что он «не выглядел полководцем, стоящим над солдатской массой. При подготовке операций он держал теснейший контакт не только с командирами объединений и соединений, но и с офицерами частей и подразделений, особенно действовавших на главном направлении. И это давало ему возможность глубоко знать настроения подчиненных, управлять их действиями, направлять усилия воинов к победе»[202].

Советские полководцы внесли выдающийся вклад в победоносное завершение Великой Отечественной и Советско-японской войн. Они, возглавляя продолжительное время фронтовые объединения и выполняя функции представителей Ставки ВГК в действующей армии, грамотно генерировали самые передовые идеи военного искусства, умело руководили войсками и на деле продемонстрировали превосходство над вражескими военачальниками. Вместе с тем советские полководцы действовали не изолированно, а в тесном единстве в общей системе оперативно-стратегического управления Вооруженными силами СССР. В этой связи нельзя не отметить заслуг других военных руководителей в достижение победы. Это прежде всего Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников и генерал армии А. И. Антонов, возглавлявшие в период войны Генеральный штаб Красной армии.

Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников находился во главе Генштаба с июля 1941 по май 1942 г. По его инициативе был проведен ряд организационных мероприятий, существенно улучшивших работу Ставки ВГК и управление войсками действующей армии. Генеральный штаб под его руководством стал центром оперативно-стратегического планирования, подлинным организатором военных действий вооруженных сил. Б. М. Шапошников принимал энергичные меры по совершенствованию деятельности фронтовых, армейских и войсковых штабов. При его непосредственном участии было разработано положение, которым регламентировалась скоординированная работа полевых управлений фронтов и управлений Генштаба, что в значительной степени способствовало более эффективному выполнению задач, определяемых Ставкой ВГК. В 1941–1942 гг. он активно участвовал в планировании, подготовке и проведении операций на дальних и ближних подступах к Москве, под Ленинградом и на юго-западном направлении.

Б. М. Шапошников внес неоценимый вклад в развитие теории отечественного военного искусства, подготовку и воспитание руководящих военных кадров Красной армии. Г. К. Жуков писал: «Борис Михайлович являлся одним из наиболее глубоких военных ученых нашего государства, сочетавшим знание теории военной науки с большим практическим опытом работы по оперативно-стратегическим вопросам». После назначения начальником Генштаба Б. М. Шапошников «быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки»[203]. По свидетельству А. М. Василевского, Б. М. Шапошников, образно называя Генеральный штаб «мозгом армии», вполне резонно и научно обоснованно считал, что «начальник Генерального штаба должен постоянно быть в центре военных событий, во главе его работы, его проблем, чувствовать пульс борьбы с врагом на всех фронтах и оказывать на нее влияние»[204].

Генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов с конца 1942 по февраль 1945 г. последовательно занимал должности начальника Оперативного управления — заместителя, а затем первого заместителя начальника Генерального штаба Красной армии[205]. Являясь выпускником командного и оперативного факультетов Военной академии имени М. В. Фрунзе и Военной академии Генерального штаба, он обладал глубокими теоретическими знаниями и зарекомендовал себя хорошим организатором, волевым и настойчивым военачальником с четким и аналитическим мышлением, способным предвидеть замыслы противника и находить возможности противодействовать им. Своего преемника в должности начальника Генштаба А. М. Василевский характеризовал как «вполне подготовленного, прошедшего хорошую штабную школу и заслужившего за последние полтора года своей работы в долж-

ности первого заместителя начальника Генерального штаба высокий авторитет не только в вооруженных силах, но и в Центральном комитете партии, в ГКО и Ставке»[206].

В период службы в Генеральном штабе А. И. Антонов много сделал для успешной деятельности Ставки Верховного главнокомандования и полевых управлений фронтов. Он новаторски подходил к решению проблем военного искусства, тщательно оценивал стратегическую обстановку при выработке замысла операций, стремясь достигать внезапности удара по противнику. За разработку под его руководством и при непосредственном участии планов Белорусской, Восточно-Прусской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской, Венской, Берлинской и Пражской наступательных операций, явившихся примером творческого подхода к решению задач стратегического планирования и руководства войсками, А. И. Антонов удостоился ордена Победы.

Генерала армии А. И. Антонова отличали прекрасная военная эрудиция, высокая культура, логика суждений и их убедительность, работоспособность, умение организовать людей на выполнение поставленных задач, уравновешенный характер, ровное и тактичное отношение с окружающими. Все это способствовало установлению в коллективе Генштаба взаимопонимания и подлинно деловых отношений. Большим авторитетом А. И. Антонов пользовался среди членов Ставки ВГК и непосредственно у Верховного главнокомандующего. Высоко его военный профессионализм оценивался командованием фронтов. Г. К. Жуков писал: «Алексей Иннокентьевич был в высшей степени грамотный военный человек большой культуры и обаяния. Приятно было слушать в его изложении оперативно-стратегические соображения нашего Генштаба. С предельной четкостью он анализировал состояние немецких войск»[207].

Значителен вклад в победу над Германией и Японией командующих (начальников) видов вооруженных сил, родов войск и тыла Красной армии.

Должность командующего ВВС Красной армии с апреля 1942 г. и до конца войны занимал главный маршал авиации Александр Александрович Новиков. Как представитель Ставки ВГК он координировал боевые действия авиации фронтов в Сталинградской, Курской битвах, в операциях по освобождению Северного Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши, при штурме Кёнигсберга, в Берлинской операции и при разгроме японской Квантунской армии. Под руководством А. А. Новикова была надежно организована блокада окруженной группировки войск противника под Сталинградом, а в воздушных сражениях на Кубани в 1943 г. существенно подорвана воздушная мощь врага.

Артиллерию Красной армии фактически в течение всей войны возглавлял главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, являясь одновременно командующим войсками ПВО страны. Ему принадлежит большая заслуга в разработке теории артиллерийского наступления и внедрении ее в боевую практику, совершенствовании борьбы с танками противника, создании мощных артиллерийских соединений и артиллерийского резерва Верховного главнокомандования. Н. Н. Воронов неоднократно выполнял функции представителя Ставки ВГК, принимал непосредственное участие в подготовке и проведении операций на Ленинградском, Волховском, Юго-Западном, Донском, Воронежском, Брянском, Северо-Западном, Западном, Калининском, 3-м Украинском, 1-м Белорусском и других фронтах.

Начальник автобронетанкового управления, а с декабря 1942 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии маршал бронетанковых войск Яков Николаевич Федоренко также часто выезжал в действующую армию с целью оказания практической помощи в применении подчиненных ему войск в боевых действиях с противником. Он являлся представителем Ставки ВГК в Московской, Сталинградской, Курской битвах и во многих других стратегических операциях Великой Отечественной войны. На одном из участков Брянского фронта 30 июня 1942 г. Я. Н. Федоренко лично руководил боевыми действиями 4, 17 и 24-го танковых корпусов. Несмотря на исключительно сложную обстановку, они во взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией неоднократно контратаковали противника, нанося ему большие потери, и сыграли немалую роль в срыве

замысла немецкого командования с ходу захватить Воронеж[208]. Я. Н. Федоренко внес большой вклад в развитие и совершенствование бронетанковых и механизированных войск, а также способов их применения в борьбе с противником.

Инженерными войсками Красной армии с апреля 1942 г. и до конца войны руководил маршал инженерных войск Михаил Петрович Воробьёв. Он возглавлял строительство оборонительных рубежей под Сталинградом, а при прорыве блокады Ленинграда координировал действия инженерных войск Ленинградского и Волховского фронтов. При подготовке обороны на Курской дуге в 1943 г. принимал участие в организации строительства оборонительных полос и рубежей. В ходе наступления советских войск летом и осенью этого же года занимался инженерным обеспечением форсирования крупных водных преград, в том числе Днепра.

Маршал войск связи Иван Терентьевич Пересыпкин, совмещая в годы войны должности наркома связи СССР и начальника Главного управления связи Красной армии, проделал большую работу по обеспечению устойчивой связи Ставки ВГК и Генерального штаба с войсками действующей армии. Во время подготовки и проведения стратегических операций он часто выезжал на фронты, осуществляя контроль и оказывая их командованию практическую помощь в обеспечении бесперебойной связи с подчиненными объединениями и соединениями.

Вопросами всестороннего снабжения войск действующей армии в годы Великой Отечественной войны занимался генерал армии Андрей Васильевич Хрулёв. Перед войной он являлся главным интендантом Красной армии, а с ее началом возглавил Главное управление тыла РККА, одновременно являясь с февраля 1942 по апрель 1943 г. наркомом путей сообщения СССР. С июня 1943 г. А. В. Хрулёв вступил в должность начальника тыла Красной армии. В ходе войны он быстро провел перестройку органов тыла, внеся большой вклад в развитие тылового обеспечения действующей армии. А. В. Хрулёв умело объединял и направлял усилия тыла, всех видов транспорта на непрерывное материально-техническое обеспечение армии и флота.

Таким образом, советские полководцы и другие военачальники оперативно-стратегического звена управления Вооруженными силами СССР в годы Великой Отечественной войны внесли огромный вклад в достижение Великой Победы. Неоспоримым результатом их деятельности является и дальнейшее развитие отечественной военной науки и военного искусства. Превосходство советского полководческого искусства над искусством западных армий, в первую очередь Германии, объясняется рядом обстоятельств.

Советские полководцы и военачальники являлись представителями одной школы военного искусства, сформировавшейся в предвоенные годы и получившей творческое развитие в ходе войны, впитав в себя передовые традиции отечественной военной науки досоветского периода. Главная отличительная черта формирования советской школы полководцев — востребованность военных талантов из самых различных слоев общества. Кроме того, полководцев Великой Отечественной войны отличали верность Отечеству и воинскому долгу, глубокая убежденность в справедливости своей деятельности по его защите от внешних врагов, неразрывная связь со своим народом и непоколебимая вера в него. Именно благодаря этим основам проявлялись полководческая прозорливость, мудрость и организаторский талант.

У большинства советских полководцев была ярко выражена способность к максимальной концентрации интеллектуальных, физических и организаторских усилий в условиях чрезвычайной опасности и большого напряжения военных действий. Они умело интегрировали знания военной теории и практический опыт, максимально быстро извлекали из этого необходимые практические выводы и рекомендации для деятельности подчиненных войск и сил. В сложных и противоречивых условиях обстановки наиболее полно раскрывались умственные способности и проявлялись волевые качества полководцев Великой Отечественной войны.

Характерным для советских полководцев также были способности к тщательному анализу совокупности особенностей боевой обстановки и принятию на этой основе неожиданных для противника и по возможности простых в реализации оперативно-стратегических решений. Иначе говоря, в большинстве своем они придерживались сформулированного выдающимся

советским психологом Б. М. Тепловым принципа: «Вначале — анализ сложного материала, в итоге — синтез, дающий простые и определенные положения». Б. М. Теплов подчеркивал: «Превращение сложного в простое — этой краткой формулой можно обозначить одну из самых важных сторон в работе ума полководца»[209].

Советских полководцев отличал высокий профессионализм, глубокое и всестороннее понимание ими природы и новых тенденции в вооруженной борьбе в рамках Великой Отечественной и Второй мировой войн. Этому способствовало их непрерывное освоение достижений военной науки и военного искусства. Помимо этого учились они на собственных победах и поражениях, изучали опыт своих соратников и противников.

Одержанные советскими полководцами в Великой Отечественной войне победы явились следствием того, что у них умственные способности органически сочетались с талантом организаторов и вдохновителей подчиненных на разгром противника. Иными словами, они всемерно стремились следовать формуле Наполеона, согласно которой умственные и волевые качества военного руководителя должны быть соизмеримы[210].

Отмечая общие характерные черты таланта советских полководцев, следует еще раз подчеркнуть, что каждый из них в то же время был своеобразной исторической личностью, располагал индивидуальными по характеру творческими и организаторскими потенциями. Это проявлялось в методах и стилях их деятельности при изучении и оценке обстановки, выработке решений и претворении их в жизнь. Различались советские полководцы по образу мышления, темпераменту, культуре поведения, увлечениям, взаимоотношениям с Верховным главнокомандованием и подчиненными и по другим качествам. Но индивидуальность каждого из плеяды прославленных полководцев не только не помешала, а напротив, как показал опыт, способствовала достижению главного исторического результата — разгрома противника и достижения победы СССР в Великой Отечественной и Советско-японской войнах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 205. Л. 1–2.

[2] Там же. Д. 204. Л. 159.

[3] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 587.

[4] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1968. С. 21–22.

[5] Директивы Генерального штаба № 1/0960 от 3 июля, № 1/0955 от 4 июля, № 00285 от 11 июля 1941 г. // Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 25–27, 29, 47–48.

[6] Указания по организации артиллерийской обороны № 00549 от 28 июля 1941 г. // ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 103. Л. 12–17.

[7] Директивы Генерального штаба без номера от 5 августа, № 002442, 002443 от 29 сентября 1941 г. // Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 95–95, 217–220.

[8] См.: Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 58–60.

[9] *Иовлев А. И.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976. С. 175.

[10] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 975. Л. 11.

[11] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 43–44; ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д 85. Л. 1–3.

[12] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1024. Д. 3. Л. 31.

[13] Там же. Ф. 19. Оп. 279. Д. 5. Л. 44.

[14] Там же. Ф. 7. Оп. 250. Д. 2. Л. 186, 263.

[15] Там же. Л. 163.

[16] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 975. Л. 23.

[17] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 58–60; Т. 2. С. 13–16.

[18] Там же. С. 21–22.

[19] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1024. Д. 1. Л. 317.

[20] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 217–218, 332–333.

[21] Там же. С. 83–86.

[22] Приказ НКО СССР № 0450 от 28 ноября 1941г. // ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 1. Л. 2–3.

[23] Приказ НКО СССР № 0243 от 23 июля 1941г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 165–169.

[24] Директива Генерального штаба № 153219 от 2 марта 1942 г. // Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. М., 1968. С. 66–67.

[25] ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 103. Л. 75–81.

[26] Там же. Ф. 48а. Оп. 1. Д. 48. Л. 150.

[27] Там же. Оп. 3409. Д. 27. Л. 98.

[28] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 33–35.

[29] Там же. С. 34.

[30] Там же.

[31] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 428–430; *Васильев Н.* Когда гремела гроза // Красная звезда. 2013. 25–31 января. Еженедельный выпуск № 13 (26232). С. 6.

[32] Там же.

[33] *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников // Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. М., 1983. С. 140.

[34] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 420.

[35] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11601. Д. 6. Л. 33.

[36] Там же. Д. 1. Л. 2.

[37] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 73. Л. 151–156.

[38] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1985. С. 92–93.

[39] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11503. Д. 79. Л. 155.

[40] Директива Генерального штаба № 218038 от 17 сентября 1942 г. // ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11503. Д. 11. Л. 102.

[41] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 11. Л. 104–105.

[42] Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 109. Л. 500.

[43] Там же. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 11. Л. 217–218, 224–229.

[44] Инструкция по противотанковой обороне войск. Стрелковая дивизия, стрелковый полк. М., 1942.

[45] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 18. Л. 5.

[46] Боевой устав пехоты Красной Армии. В 2-х ч. М., 1942. Ч. 1–2.

[47] Цит. по: *Есаулов П. Г.* Об учете опыта Отечественной войны в уставах, наставлениях и инструкциях Красной Армии // Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе. М., 1945. С. 51.

[48] Сталин. Великая битва за Москву. М., 2011. С. 196.

[49] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 337–338.

[50] Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1942. № 1. С. 3.

[51] Там же. № 2. С. 178–184.

[52] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 68.

[53] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11503. Д. 16. Л. 142–151.

[54] Там же. Д. 22. Л. 4.

[55] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 102.

[56] Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1943. № 7. С. 159.

[57] В июне 1945 г. газета «Красная звезда» была награждена орденом Красного Знамени «За большую плодотворную работу по политическому воспитанию и боевому совершенствованию личного состава Красной армии и за активную мобилизацию красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов на полный разгром фашистской Германии» // Красная звезда. 2013. № 215. 22–28 ноября. С. 9.

[58] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 183. Л. 33.

[59] Там же. Д. 84. Л. 378.

[60] Там же. Л. 380.

[61] Там же. Л. 412.

[62] Там же. Л. 419.

[63] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 228–231.

[64] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 1027. Д. 1. Л. 1.

[65] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 134.

[66] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 262.

[67] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 83. Л. 130.

[68] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 233–239.

[69] *Воронин В.* Организация и методы проведения разбора боевых действий // Военная мысль. 1944. № 8–9. С. 41–52.

[70] Информационный бюллетень Управления по использованию опыта войны Генерального штаба. М., 1944. № 19. С. 17–39.

[71] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 1027. Д. 1. Л. 2.

[72] Там же. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 98. Л. 23.

[73] Там же. Д. 185. Л. 34.

[74] Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной армии. С. 25.

[75] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 183. Л. 29–31.

[76] Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–4). М., 2001. С. 158.

[77] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 1028. Д. 7. Л. 58.

[78] Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной армии. С. 19.

[79] ЦАМО. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 139. Л. 7.

[80] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 50–51.

[81] Там же. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12–3). М., 1999. С. 462.

[82] Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной армии. С. 54.

[83] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 334.

[84] Генерал-лейтенант П. П. Вечный был освобожден от должности начальника управления приказом наркома обороны СССР № 083 от 6 марта 1945г. // ЦАМО. Ф. 7. Оп. 591. Д. 1. Л. 106.

[85] Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной армии. С. 72.

[86] *Васильев Н.* Указ. соч. С. 6.

[87] Материалы второго совещания по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной армии. С. 62.

[88] ЦВМА. Ф. 3. Д. 16529. Л. 6–9.

[89] РГА ВМФ. Ф. 1877. Оп. 1с. Д. 150. Л. 26; Ф. Р-961. Оп. 1с. Д. 329. Л. 25–30, 48; Ф. 1549. Оп 1с. Д. 180. Л. 41; Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 161. Л. 188–198.

[90] Там же. Ф. Р-961. Оп. 1с. Д. 282. Л. 46–48.

[91] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 95.

[92] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 48–55, 127–183; Оп. 16. Д. 1. Л. 158–269; Д. 9. Л. 18–20; Д. 7. Л. 216–221; Ф. 13. Оп. 71. Д. 2445. Л. 24–29.

[93] Там же. Ф. 7. Д. 39795. Л. 21–23.

[94] Там же. Ф. 79. Д. 39794. Л. 131–134; Д. 39811. Л. 142–155; Д. 39806. Л. 130–132; Д. 39807. Л. 26–32, 392–398; Д. 39798. Л. 70–73; Ф. 216. Д. 12490. Л. 275–276; Д. 12499. Л. 314; Д. 12501. Л. 94–95; Д. 12616. Л. 126–127; Д. 12620. Л. 260; Д. 12634. Л. 124; и др.

[95] Наставление по боевой деятельности подводных лодок (НПЛ-42). М., 1943; Наставление по боевой деятельности речных флотилий (НРФ-42). М., 1942; Наставление по совместным действиям сухопутных войск с Военно-морским флотом и военными речными флотилиями. М., 1943; Наставление по боевой деятельности катеров-истребителей подводных лодок (НКИПЛ-43). М., 1943; Наставление по боевой деятельности канонерских лодок (морских) (НКЛ-43). М., 1943; Наставление по воздушному бою ВВС ВМФ (НВБ-43). М., 1943; Наставление по боевой деятельности штурмовой авиации ВМФ (НБДША-44). М., Л., 1944; Наставление по противовоздушной обороне маневренных соединений флота (НПВО-44). М., Л., 1945; Наставление по боевой деятельности береговой артиллерии (НБА-44). М, Л., 1945 и др.

[96] *Новиков Н. В.* Военно-исторический сектор Института истории Академии наук СССР // Морской сборник. 1945. № 11–12. С. 133–138.

[97] Военно-морская академия (краткая история). Л., 1991. С. 137–138.
[98] ЦВМА. Ф. 3. Д. 16529. Л. 37–39.
[99] Военно-морская академия (краткая история). С. 129.
[100] ЦВМА. Ф. 14. Оп. 47. Д. 112. Л. 83–84.
[101] Там же. Ф. 13. Оп. 71. Д. 2445. Л. 2.
[102] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 359–360.
[103] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1985. Т. 3. С. 299.
[104] Цит. по: Памятные страницы истории. 1941–1945. М., 2009. С. 26.
[105] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2747. Л. 3.
[106] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 178, 207.
[107] Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 1. М., 1962. С. 302.
[108] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 5. М., 1975. С. 323.
[109] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1972. С. 8–12.
[110] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1995. С. 202.
[111] Там же. С. 204.
[112] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 929.
[113] Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 207.
[114] Там же. С. 208.
[115] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 227.
[116] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 107–108.
[117] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 229.
[118] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 515.
[119] *Клаузевиц К. О* войне. М., Л., 1932. С. 50.
[120] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 759–760.
[121] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Пер. с нем. В 3-х т. Т 3. Кн. 1 / М., 1971. С. 47.
[122] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 163.
[123] Цит. по: Летопись жизни и военной службы Маршала Советского Союза Г. К. Жукова // Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 354.
[124] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 165, 187.
[125] Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 3. М., 1969. С. 353.
[126] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1981. С. 320.
[127] Цит. по: Там же. Кн. 2. С. 166–167.
[128] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 167.
[129] *Головнин М. И.* О полководческом искусстве Г. К. Жукова // Военная мысль. 1986. № 6. С. 70.
[130] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 128–129.
[131] Цит. по: Летопись жизни и военной службы Маршала Советского Союза Г. К. Жукова // Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 372.
[132] Цит. по: Правда. 1994. 19 апреля.
[133] Цит. по: *Белов М.* Маршалы Победы. М., 1995. С. 75.
[134] *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 77.
[135] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 155.
[136] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 44.
[137] Цит. по: *Гареев М. А.* Полководцы Победы и их военное наследие (очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну). М., 2003. С. 196.
[138] ЦАМО. Ф 217. Оп. 1279. Д. 330. Л. 115–121.

[139] *Хорьков А.* Говоров (Маршалы Великой Отечественной) // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 4. С. 75–76.
[140] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 52. Л. 76–79.
[141] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 199.
[142] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 67.
[143] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 162.
[144] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1982. С. 351–352.
[145] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. М., 2013. С. 380.
[146] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 596.
[147] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 94. Л. 120.
[148] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. М., 2013. С. 479.
[149] Цит. по: *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 273.
[150] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983. С. 264, 269.
[151] *Егоров П.* Страницы большой жизни // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 42.
[152] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 192–193.
[153] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 596.
[154] Цит. по: *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 233.
[155] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 411.
[156] Цит по: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 2014. С. 284.
[157] *Лащенко П. Н.* Искусство военачальника. М., 1986. С. 72.
[158] Цит. по: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Сб. М., 1986. С. 264–265.
[159] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 188.
[160] *Батов П.* Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский // Военно-исторический журнал. 1976. № 12. С. 71.
[161] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 7.
[162] *Лащенко П. Н.* Искусство военачальника. С. 86.
[163] Цит. по: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Сб. М., 1986. С. 270.
[164] *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 241.
[165] *Капитонов П. Г.* Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко // Военная мысль. 1985. № 2. С. 79.
[166] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 194.
[167] *Лащенко П. Н.* Искусство военачальника. С. 62.
[168] Цит. по: *Белов М.* Указ. соч. С. 144.
[169] Цит. по: *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 207.
[170] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 593.
[171] Цит. по: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Сб. М., 1970. С. 66.
[172] К 110-летию Николая Федоровича Ватутина // Военно-исторический архив. 2010. № 5 (125). С. 4.
[173] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1147. Д. 2. Л. 4–7.
[174] *Попов Н. Г.* О полководческом искусстве генерала армии Н. Ф. Ватутина // Военная мысль. 1988. № 2. С. 65.
[175] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 396.
[176] Цит. по: Битва на Курской дуге. М., 1975. С. 59.
[177] Цит. по: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 135.
[178] Там же. С. 496.
[179] Цит. по: *Белов М.* Указ. соч. С. 188.
[180] *Лучинский А.* Генерал армии И. Е. Петров // Военно-исторический журнал. 1976. № 9. С. 122–123.
[181] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 24–25.
[182] История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 5. М., 1975. С. 212–222.
[183] *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1970. С. 166–167.
[184] *Лащенко П. Н.* Талантливый полководец // Военная мысль. 1987. № 11. С. 47.
[185] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 496.
[186] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 238.
[187] *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1962. С. 186.

[188] Цит. по: *Шарипов А. А.* Судьба полководца. М., 1988. С. 222–223.
[189] *Лащенко П. Н.* Талантливый полководец // Военная мысль. 1987. № 11. С. 48.
[190] *Лащенко П. Н.* Искусство военачальника. С. 72.
[191] Русский архив: Великая Отечественная война. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 12–14.
[192] Флотоводец. Материалы о жизни и деятельности Николая Герасимовича Кузнецова, наркома Военно-морского флота, Адмирала Флота Советского Союза. М., 2004. С. 8, 15.
[193] *Близниченко С. С.* К 110-летию со дня рождения Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова // Военно-исторический архив. 2010. № 7 (127). С. 19.
[194] *Кузнецов Н. Г.* Военно-морской флот в Отечественной войне // Морской сборник. 1944. № 7. С. 9.
[195] *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 11.
[196] *Куроедов В.* Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов — государственный деятель, новатор, стратег и тактик отечественного ВМФ // Морской сборник. 2004. № 7. С. 7–8.
[197] *Горшков С.* Взаимодействие Военно-морского флота с сухопутными войсками // Военно-исторический журнал. 1978. № 11. С. 20.
[198] Цит. по: *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР в период Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941–1945). М., 2001. С. 125.
[199] *Куроедов В.* Указ. соч. С. 11.
[200] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 681–683.
[201] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 244.
[202] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 590.
[203] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 116.
[204] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 518.
[205] *Ломов Н.* Генерал армии А. И. Антонов // Военно-исторический журнал. 1976. № 9. С. 115–116.
[206] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 514.
[207] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 77.
[208] *Бабаджанян А.* Маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко // Военно-исторический журнал. 1976. № 10. С. 127.
[209] *Теплов Б. М.* Ум полководца. М., 1990. С. 35.
[210] Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве и военном деле. СПб., 1842. С. 5–6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война стала для СССР суровым экзаменом надежности и эффективности единой системы стратегического руководства страной и вооруженными силами. Ее основы, заложенные в межвоенный период с учетом опыта Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, выдержали испытание чудовищной по своим масштабам и жертвам Второй мировой войной. Новыми элементами в данной системе стали чрезвычайные органы стратегического руководства — Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного главнокомандования.

Стратегическое руководство в ходе войны охватывало все стороны жизнедеятельности государства, но прежде всего его военную организацию (вооруженные силы, другие силовые структуры), экономику, политику (внешнюю и внутреннюю), в том числе идеологию, а также науку, культуру, образование, медицину, искусство. Ретроспективный анализ деятельности органов стратегического руководства, государственного и военного управления в годы Великой Отечественной войны позволяет утверждать, что именно в первые недели и месяцы вооруженного противоборства был заложен фундамент нового, особого механизма управления страной, обществом, вооруженными силами и боевыми действиями в целом.

Высшие органы стратегического руководства страной и вооруженной борьбой создавались не путем перевода существующих с мирного на военное положение, а чаще всего созданием новых, чрезвычайных органов, порой без необходимого обоснования их эффективности. Отсутствие достоверной информации об обстановке на фронтах, неустойчивость связи привели к потере управления войсками и силами. В первые часы и даже дни войны ни Ставка Главного командования, ни Генеральный штаб Красной армии, ни лично И. В. Сталин компетентно руководить военными действиями не имели возможности. Только на девятый день войны был создан высший чрезвычайный орган управления страной — Государственный Комитет Обороны, а на 48-е сутки, когда советские войска уже понесли огромные потери и враг находился в 300 км от Москвы, наконец-то завершилось формирование отвечающего требованиям войны высшего чрезвычайного органа управления вооруженными силами — Ставки Верховного главнокомандования.

Можно обоснованно утверждать, что только к концу 1941 г. сложилась довольно стройная, целостная система руководства и управления страной и вооруженными силами, включавшая ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, СНК СССР, Ставку ВГК, НКО, НКВМФ, НКВД, Генеральный штаб, Главный морской штаб, штабы фронтов, флотов, военных округов, армий (флотилий) со своими пунктами управления (система командных пунктов), оснащенными современными техническими средствами, в том числе системой правительственной ВЧ-связи. Многие элементы этой системы продолжали совершенствоваться, адаптируясь к требованиям войны.

Качество управленческой деятельности органов стратегического руководства страной и вооруженной борьбой в ходе войны постоянно повышалось. Поиск оптимальных решений

ГКО и Ставки ВГК настоятельно требовал постоянного интеллектуального аккумулирования всего процесса государственного и военного управления. В первые месяцы войны была отработана система аналитического обеспечения работы высших государственных структур. Выделяются два потока информационных материалов, которые в совокупности дополняли друг друга. За счет первого осуществлялось обеспечение деятельности чрезвычайных органов стратегического руководства Вооруженными силами СССР информационно-аналитическими материалами Генерального штаба, НКО и его главных и центральных управлений, НКВД, НКГБ, создавая фундамент принятия директив Ставки ВГК и постановлений ГКО. За счет второго обеспечивалось руководство страной, а основой принятия решений по осуществлению ее внутренней и внешней политики служили аналитические доклады (донесения, справки и прочее) соответствующих структур ЦК ВКП(б), Верховного Совета СССР, СНК СССР, наркоматов (ВМФ, внутренних дел, государственной безопасности и других), ВЦСПС, Верховного суда и прочих, в том числе и общественных организаций.

Опыт первых месяцев войны показал, что эффективность управления страной и вооруженными силами, ведения вооруженной борьбы и войны в целом зависит от многих факторов, в том числе от полноты, объективности оценки и учета советским руководством изменений военно-политической обстановки, ситуации внутри страны, реальности и своевременности реализации принимаемых управленческих решений, реорганизации (перестройки) механизма государственного и военного управления, адекватно складывающейся ситуации.

Начальный период и первые месяцы Великой Отечественной войны вскрыли целый ряд серьезных недостатков в стратегическом прогнозировании, планировании, подготовке страны к крупномасштабной войне, военно-технической политике и боевой подготовке советских войск. Они проявились в недостаточном внимании к проблеме стратегической обороны, в частности к отражению массированного внезапного нападения, отступлению в сложных условиях обстановки, созданию промежуточных рубежей обороны, обеспечению стыков между фронтами, а во фронтах — между армиями, ведению боевых действий в отрыве от главных сил, в окружении, прорыву из окружения и прочему.

Одновариантность предвоенных взглядов (прогнозов) на начальный период войны и развитие оперативно-стратегической обстановки в ходе вооруженного противоборства, сосредоточение избыточного количества войск и военной техники в первом стратегическом эшелоне, диспропорции в оснащении вооруженных сил различными видами вооружений привели к тяжелейшим потерям войск и техники, нарушению связи и управления войсками и силами флота, а в целом — утрате стратегической инициативы. Все это потребовало решения комплекса срочных мер, не предусмотренных предвоенными планами. Во-первых, проведения массовой эвакуации промышленных предприятий, прежде всего оборонных, учебных заведений, НИИ, банков, архивов, значительных масс рабочих и служащих, поиска мест их нового размещения, строительства заводов-дублеров в глубине территории страны. То есть фактически создания новой промышленно-экономической базы, что, в свою очередь, привело к перенапряжению транспортной системы государства, к тому же подвергавшейся систематическим ударам авиации противника. Во-вторых, формирования новых частей и соединений в условиях срыва плановой мобилизации людских и технических ресурсов государства. Из-за этого их формирование проводилось в спешном порядке, без соответствующей подготовки личного состава и должного оснащения их вооружением.

Особенностью государственного управления в ходе войны стало то, что в отличие от предвоенных лет, когда программные цели и задачи по развитию СССР ставились и одобрялись на съездах и пленумах ЦК ВКП(б), стратегические, военно-политические и народно-хозяйственные цели и задачи руководства и управления страной, вооруженными силами и боевыми действиями в целом стали разрабатываться и утверждаться Политбюро ЦК ВКП(б), а с 1 июля 1941 г. — высшим и чрезвычайным органом власти страны Государственным Комитетом Обороны. Концептуально они определялись и формулировались в постановлениях ГКО, партийно-государственных директивах, публичных речах и выступлениях руководителей

страны, прежде всего И. В. Сталина — председателя Ставки ВГК, ГКО и Верховного главнокомандующего. Эти документы носили общеобязательный программный характер.

В действительности компетенция ГКО была чрезвычайно обширна. Он реорганизовывал государственный аппарат, органы военного управления, решал все военно-стратегические вопросы, в том числе устанавливал численность и организационно-штатную структуру вооруженных сил, контролировал ход подготовки резервов для действующих армии и флота, назначал и, если требовалось, смещал высший руководящий состав. ГКО также определял задачи военной экономики, руководил работой промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжением населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по отраслям производства, осуществлял руководство внешнеполитической деятельностью, разрешал вопросы создания иностранных военных формирований на территории СССР, закупок оружия, военной техники, сырья, материалов и промышленного оборудования. Кроме того, распределял задачи между наркоматами и другими государственными органами управления. В поле зрения ГКО находились даже вопросы протокольного характера: назначение миссий, делегаций и прочее. Но если в их последующей деятельности просматривались дела государственной важности, ГКО принимал по ним свои решения.

Огромный пространственный размах военных действий на советско-германском фронте, динамичность развития военно-политической и оперативно-стратегической обстановки, зависимость этих факторов от экономических возможностей страны настоятельно требовали, чтобы непосредственное стратегическое руководство ведением вооруженной борьбы, да и войны в целом, было сосредоточено в одном центре. Таким центром стала Ставка ВГК. Сюда поступала самая свежая и разнообразная информация от различных источников. Возглавивший Ставку ВГК Верховный главнокомандующий одновременно являлся председателем ГКО, СНК СССР, членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б) и наркомом обороны, аккумулируя в Ставке все ветви власти — политическую, экономическую и чисто военную. Ставка стала центром сосредоточения всех органов стратегического руководства войной, органом, обладавшим возможностью задействовать все ресурсы военной организации государства на выполнение возникавших военно-политических задач стратегических операций, кампаний и войны в целом. Работа Ставки проходила не только в кабинете ее председателя. Большинство ее членов основную работу проводили в войсках, занимаясь подготовкой операций и осуществляя руководство ими. Наравне с командующими фронтами представители Ставки несли персональную ответственность перед Верховным главнокомандующим за успешное выполнение поставленных задач.

Генеральный штаб стал оперативным органом Ставки по стратегическому управлению вооруженными силами. Он разрабатывал и проводил в жизнь определявшиеся Ставкой мероприятия и обеспечивал эффективное военно-стратегическое руководство. Одной из важных задач, решаемых Генеральным штабом, являлась реализация решений Ставки по координации военно-политических усилий стран антигитлеровской коалиции по разгрому нацистской Германии и ее сателлитов, а также подготовка материалов к межправительственным встречам и конференциям. Следует подчеркнуть, что Генеральный штаб не только проводил определенные Ставкой мероприятия, но и постоянно вырабатывал предложения по замыслам военных кампаний и операций групп фронтов, которые представлял на утверждение Верховному главнокомандующему.

С первых дней войны военно-политическое руководство страны ясно осознало, что победа или поражение в вооруженном противоборстве зависят не только от соотношения количества и качества активных средств борьбы, которыми располагали воюющие стороны, но и от превосходства в организации руководства войсками и силами флота, обеспечения их моральной стойкости, поддержки населения и других факторов. Война столкнула разные политические системы, их идеологии и военные машины.

Система государственного, политического и военного управления стала многоуровневой. Стратегические, военно-политические цели операций, кампаний и войны в целом стави-

лись Государственным Комитетом Обороны, Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставкой ВГК перед вооруженными силами, страной и обществом. Оперативно-стратегические цели формулировались Ставкой ВГК, СНК СССР, Госпланом СССР, Генеральным штабом Красной армии. Прерогативой наркоматов, органов власти республик являлись оперативные вопросы. Указы Президиума Верховного Совета СССР формировали нормативно-правовую базу государства в чрезвычайных условиях военного времени. При этом деление властных структур на уровни вовсе не означает, что постановления и распоряжения ГКО, директивы и директивные письма Ставки ВГК, приказы наркома обороны СССР реализовывались лишь на уровне высшего эшелона власти. Они цементировали всю систему власти и управления в стране, касались каждого члена общества, каждого военнослужащего.

За сравнительно короткий период военно-политическое руководство страны сумело преодолеть негативные факторы и смогло создать четкую систему чрезвычайных органов стратегического руководства страной и вооруженной борьбой, определить пути перестройки государства на организацию решительного отпора врагу, отработать эффективный, отвечающий реалиям времени механизм принятия обоснованных управленческих решений.

Перестраивая всю жизнь страны на деятельность в условиях войны, аппарат государственного управления одновременно перестраивался сам, изменял формы и методы работы. Прежде всего усиливалась централизация управления народным хозяйством, что позволяло координировать распределение людских и сырьевых ресурсов в интересах действующих армии и флота, способствовало укреплению единства фронта и тыла, обеспечивало наиболее полное использование потенциальных возможностей социалистического государства в вооруженном противоборстве с агрессором. В то же время союзным и республиканским наркомам предоставлялась большая самостоятельность при решении ряда вопросов. Были расширены права республиканских наркомов в вопросах регулирования труда, перевода рабочих и служащих с одного предприятия на другое и прочее. Все это позволяло наркоматам и местным органам власти оперативно решать текущие вопросы, повышало их ответственность за использование местных ресурсов.

Для перестройки государственного аппарата были характерны: резкое сокращение штатов наркоматов, учреждений и полная ликвидация некоторых звеньев (высвобождавшиеся специалисты направлялись в сферу непосредственно военного производства), а также создание новых центральных органов отраслевого управления — наркоматов, комитетов, управлений.

Органы руководства государством, партией, обществом и войной — от стратегического до тактического (местного) уровня — стали единой системой с жестким централизованным управлением. При этом существовавшие до войны органы управления в вертикали военного руководства: Генеральный штаб Красной армии, фронт, армия, корпус, дивизия, а в ВМФ — Главный морской штаб, флот (флотилия), соединение, в основном были сохранены, хотя в них также происходили организационно-штатные преобразования и они получали новые функциональные обязанности. Сохранилась и наркоматовская система в СНК СССР. Несмотря на наличие самостоятельных наркоматов обороны и ВМФ, Генерального штаба Красной армии и Главного морского штаба, первый стал, по существу, Генеральным штабом Вооруженных сил СССР.

Советское политическое и стратегическое руководство сумело объединить все элементы и направления противоборства в войне — вооруженную борьбу, экономическое, информационное, социально-политическое и другие — в единый процесс ведения войны. Процесс объединения проходил сложно и занял достаточно длительное время. Практически только к осени 1942 г., то есть к началу подготовки контрнаступления под Сталинградом, созданная структура органов руководства и управления заработала как целостная система. Она включала: органы руководства вооруженными силами (от Ставки ВГК, Генерального штаба, фронтов, флотов и флотилий до дивизий, бригад, а иногда и до полков и батальонов); системы связи всех уровней; информационное обеспечение операций, кампаний и войны в целом; дипломатические мероприятия по формированию антигитлеровской коалиции и развалу фашистского блока; политическое и экономическое обеспечение операций, кампаний и войны; комплекс

мероприятий по формированию общественного мнения; регулируемые социальные процессы; пропагандистское воздействие на противника; разведку и контрразведку; академическую науку; религиозную и национальную политику; психологию коллектива и личности и прочее. Во главе этой системы стоял Верховный главнокомандующий, председатель СНК СССР, секретарь ЦК ВКП(б), нарком обороны И. В. Сталин — признанный народом лидер, вождь страны. Именно к нему стекались все нити жизнедеятельности государства.

Реорганизация системы стратегического руководства страной, партией, вооруженными силами имела конкретные цели, идейную направленность, привела всю систему управления войной в полное соответствие требованиям военного времени и, в конечном счете, к достижению победы.

Наиболее характерной особенностью политического и стратегического руководства страной в годы войны стало объединение партийных, государственных и военных функций в одном лице. Это выражалось в официальном совмещении нескольких разнонаправленных видов деятельности (должностей) лицами из числа членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). При этом должностная нагрузка не оставалась статичной, а изменялась в зависимости от военно-политической обстановки на советско-германском фронте, в стране и мире.

Единство руководства обеспечивалось прежде всего тем, что в руках И. В. Сталина в конечном итоге сосредоточились все важнейшие рычаги управления партией, государством и вооруженными силами. Получив практически неограниченные полномочия, И. В. Сталин сумел не только объединить, но и реализовать политический и административный потенциал государственной власти в интересах достижения главной военно-политической цели Советского Союза — разгрома нацистской Германии.

В период военного времени, в условиях социалистического строя, такую концентрацию власти в одних руках следует признать целесообразной, поскольку это придавало ей оперативность, маневренность, согласованность, системность и, в конечном итоге, эффективность. Необходимо отметить, что совмещение значительного числа должностей являлось характерным практически для всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Понятно, что указания членов ГКО, членов Политбюро ЦК ВКП(б) и их аппаратов (рабочих групп) в то время были исключительно авторитетны и принимались к исполнению незамедлительно.

Личность Верховного главнокомандующего, как и других военно-политических руководителей, нельзя рассматривать в статике, как одинаково мыслящих в течение всей войны. Война учила всех — рядовых и командный состав вооруженных сил всех уровней, политических и государственных руководителей, директоров заводов и технический персонал. Что касается И. В. Сталина, то можно констатировать конструктивное изменение его отношения как к Генеральному штабу — рабочему органу Ставки ВГК, оперативному органу военно-стратегического руководства, так и вообще к командному составу вооруженных сил.

Поражение советских войск и сил флота на южном крыле советско-германского флота весной и летом 1942 г. вскрыло ряд серьезных недостатков в стратегическом руководстве вооруженной борьбой и тяжело отразилось на деятельности Ставки ВГК, ГКО и Генерального штаба Красной армии. Оно заставило советское военно-политическое руководство внести серьезные коррективы в систему стратегического управления вооруженной борьбой. События весны и лета 1942 г. стали своеобразной «школой военного образования» не только для органов партийного, военного и в целом государственного руководства и управления (ГКО, Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКО, НК ВМФ, НКВД), но и лично для И. В. Сталина как Верховного главнокомандующего, председателя ГКО.

Следует отметить, что в плане перестройки системы государственного управления и ее деятельности в военное время особое внимание уделялось соблюдению принципа советской законности с одновременным ужесточением государственной дисциплины. Как бы мы в настоящее время ни относились к советской законности в годы войны, значимость этого принципа определялась тем, что он регулировал правовые основы, порядок взаимоотношений воюющего государства и общества, служил основой поддержания государственной

дисциплины и правопорядка. При этом государственная дисциплина означала повиновение порядкам и правилам, установленным государством, его органами и должностными лицами, и стала одним из важных факторов превращения страны в единый военный лагерь.

Политическое руководство СССР прекрасно осознавало, что победа в войне возможна лишь при общественном одобрении действий вооруженных сил. Поэтому созданная в первые часы и дни войны система органов массовой информации заложила основы не только информационно-психологического обеспечения вооруженной борьбы, но и Великой Отечественной войны в целом. Все средства информации: печать, радио, кино, литература, кинохроника, листовки, наглядная агитация и прочее — все работало, воздействовало как на население своей страны, воинов армии и флота, в том числе на партизан и население на оккупированной врагом территории, так и на международную общественность с целью формирования светлых, справедливых идеалов борьбы с фашизмом.

Опыт свидетельствует, что морально-политический фактор распространяется и воздействует снизу вверх, от воинского подразделения и трудового коллектива до высшего военно-политического руководства страны. Взаимное доверие командования и войск, власти и населения, базирующееся прежде всего на высоком авторитете руководства страны и вооруженных сил среди военнослужащих и гражданских лиц, стало одним из решающих факторов достижения победы.

Большинство решений военно-политического руководства в этот период было направлено на воспитание морально-боевых качеств, формирование высокого морального духа воинов армии и флота, всех советских граждан в целом — их духовной стойкости и готовности переносить трудности войны и добиваться победы над врагом. Степень морального духа армии обусловливалась характером социально-экономических отношений, общественного и государственного строя, господствующей в обществе идеологией и политическими целями войны. Чем полнее соответствовали они коренным интересам народных масс, потребностям социального прогресса, тем выше был моральный дух армии. Через все, даже самые жесткие приказы и директивы красной нитью проходит воспитание верности долгу, присяге, боевой активности, дисциплинированности, стойкости, мужества, самопожертвования. В условиях войны идеология стала прежде всего системным элементом механизма мобилизации власти, народа, общества. Идеологический компонент объединял миллионы людей в реализации конкретных практических задач общей победы.

В укреплении морального духа воинов армии и флота огромную роль играли военные советы. На них возлагалась полная ответственность за все стороны боевой жизни и деятельности войск, их политико-моральное состояние и боеспособность. Задача обеспечения политико-морального состояния также поручалась и органам государственной безопасности — особым отделам и органам военной контрразведки, важнейшей функцией которых являлось изучение настроений и политической благонадежности личного состава вооруженных сил и населения страны.

Чрезвычайность обстановки диктовала специфику морально-политической подготовки и воспитания морально-боевых качеств как комплекса тесно связанных и дополняющих друг друга черт личности, необходимых для успешного выполнения военнослужащими своих обязанностей в военное время. Основными из них являются: верность долгу, присяге, боевая активность, дисциплинированность, стойкость, мужество, самоотверженность, храбрость. Формирование этих качеств зависит от социального характера общественного строя государства, господствующей в нем идеологии, социальной сущности и предназначения вооруженных сил. Последовательность действий руководства страны по формированию высокого морального духа диктовалась ходом войны и конкретной оперативно-стратегической обстановкой на советско-германском фронте.

Принцип единства и централизации политического и военно-стратегического руководства войной был присущ не только СССР. Им руководствовались практически все главы воевавших государств. Это обусловливалось прежде всего решительностью политических и военно-стратегических целей мировой войны, значительным увеличением масштабности

военных действий, вовлечением в орбиту войны большинства народов воюющих государств, коалиционным характером вооруженного противоборства, фактическим стиранием граней между фронтом и тылом, усилением маневренного характера войны, развертыванием военных действий во всех сферах — на суше, на море и в воздухе.

Создание чрезвычайных органов руководства страной и вооруженными силами СССР и перестройка существовавших органов стратегического руководства (Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматов) были направлены на разрешение противоречий между реальным ходом вооруженного противоборства и отставанием возможностей управления процессом военных действий. Руководство страны четко представляло, что общество есть исключительно сложная динамическая система, в которой все сферы общественной жизни — экономическая, социально-политическая, духовная и другие, все общественные явления и процессы неразрывно связаны и взаимозависимы. Поэтому, выдвигая программу борьбы с агрессором, оно стремилось воздействовать на все сферы общественной жизни с целью консолидации всех слоев общества и установления их целенаправленного взаимодействия.

Анализ государственных управленческих решений позволяет сделать вывод о том, что если высшему политическому руководству страны в первые недели начавшейся войны в целом удалось запустить механизм военной мобилизации государства и перевода страны на военные рельсы, то удержать и сохранить эффективное управление войсками действующей армии, влиять на ход и результативность военных действий в приграничной полосе не получилось. Силы и средства первого стратегического эшелона войск прикрытия понесли тяжелые потери и оказались разгромленными. При этом управление силами флотов оставалось довольно устойчивым, но флоты в силу своего предназначения в континентальной войне не могли и не решали всего комплекса задач защиты и обороны страны в ходе вооруженного противоборства. Государственный аппарат оказался более подготовленным к управлению страной, ее экономикой, обществом и большой войной в целом, чем собственными вооруженными силами в начальном периоде войны.

Как бы драматично ни развивались события на всем советско-германском фронте, от Баренцева моря на севере до Черного моря на юге, необходимо осознавать, что с первых часов и дней войны советские войска оказывали врагу ожесточенное, упорное сопротивление, героически отстаивая буквально каждую пядь своей земли. Одновременно в центре и на местах шла энергичная перестройка на военный лад всех областей жизнедеятельности страны. Чтобы победить в войне, власть и общество должны были преобразоваться, обновить и сплотить все социальные, экономические, политические, духовные, образовательные, интеллектуальные и религиозные структуры государства. Причем эту практически непосильную задачу необходимо было осуществить в самые короткие сроки, а главное — достичь идеологического единомыслия. В противном случае, роковых последствий было бы не избежать. И эту задачу советское военно-политическое руководство выполнило.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что характерными чертами стратегического руководства страной и вооруженными силами в годы войны стали: чрезвычайность, оперативность, динамизм, адекватность условиям оперативно-стратегической обстановки, складывающейся на советско-германском фронте, и военно-политической обстановки в мире, подчиненность решению военно-политических задач, единство фронта и тыла.

При этом чрезвычайность вовсе не исключала конституционные основы управления, но подразумевала их совмещение. Конституционные органы в центре и на местах продолжали функционировать, а чрезвычайные органы создавались из представителей именно конституционных структур, аппаратом и силами которых осуществлялись решения чрезвычайных органов руководства. Таким образом, выстроенная в первые месяцы войны и адаптированная к изменяющейся военно-политической обстановке система чрезвычайных органов стратегического руководства, государственного и военного управления (ГКО, Ставка ВГК), опирающаяся на существовавшие органы власти и их аппараты (Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиум Верховного Совета СССР, НКО, НКВМФ, НКВД, НКГБ), позволила

высшей военно-политической власти эффективно осуществлять стратегическое руководство страной, вооруженными силами, вооруженной борьбой и войной в целом.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны стало реальным свидетельством их плодотворной работы. Необходимо отметить, что Советско-японская война, как часть Второй мировой, не внесла каких-либо существенных изменений в систему советского стратегического руководства, государственного и военного управления. Деятельность созданного главного командования советских войск на Дальнем Востоке с делегированием ему более широких полномочий проходила под непосредственным руководством и контролем политического руководства, Ставки ВГК и Верховного главнокомандующего. Усилия ГКО сосредоточивались на подготовке удаленного театра военных действий к стратегической перегруппировке войск с запада на восток.

В ходе войны Советский Союз стал центром, формирующим мировые исторические процессы, со своей политикой, экономикой, дипломатией, возможностью быстро проецировать свою силу в любом регионе мира. Краеугольными камнями функционирования советской системы стратегического руководства стали принципы демократического централизма, единоначалия и персональной ответственности должностных лиц за выполнение задач и функций, возлагаемых как на них лично председателем ГКО, секретарем ЦК ВКП(б), председателем СНК СССР, Верховным главнокомандующим, так и на возглавляемые ими органы, войска и силы флота.

Война продемонстрировала всему миру волю советского народа к сопротивлению, его стойкость и героизм, стремление сокрушить сильного врага — нацистскую Германию, ее союзников и сателлитов. Война — тяжелый труд всех граждан страны от рядового бойца до Верховного главнокомандующего на фронте, от рабочего до наркома в тылу. Труд по сохранению жизни своих солдат и уничтожению противника, труд по созданию мира через победу в справедливой, освободительной войне. Необходимость победы, ее неизбежность объединяли подавляющую часть населения страны, становились содержанием и смыслом деятельности не только советского военно-политического руководства, но и всех граждан СССР.

В конечном итоге победа в мае 1945 г. стала возможной благодаря невиданному ранее единению людей, энергий, идей, надежд миллионов. Стремление к победе объединило рабочего, крестьянина, ученого, русского, украинца, белоруса, грузина, казаха, армянина и других представителей наций и народностей СССР. Победа в Великой Отечественной войне по праву считается победой многонационального советского народа, государственной власти и управления, всех ее структур и должностных лиц. В этой системе работали сотни тысяч профессиональных, инициативных, смелых организаторов, использовавших меры как морального, так и материального поощрения, должностного продвижения, а также жесткие мобилизационные и дисциплинарные меры воздействия на коллективы и личности. Одной из важнейших черт деятельности советского военно-политического руководства в годы войны являлась способность выбирать и назначать на ответственные посты молодых талантливых руководителей — в экономике, политике, дипломатии, военном деле.

Великая Отечественная война стала борьбой не только в защиту политической и экономической систем Советского государства, но и тысячелетней культуры России, ее традиций, образа жизни. Для советского общества она стала поистине общенародной. Политическая задача состояла в том, чтобы советская страна осталась независимой, сильной, уважаемой в мире, а также и в том, чтобы избавить мир от фашизма, пытавшегося обречь целые народы, в том числе и нашей страны, на небытие.

Главнейший урок для современности в области стратегического руководства страной и вооруженными силами состоит в том, что система его органов должна быть создана и отработана еще в мирное время как в организационном, так и в оперативно-стратегическом отношении с тем, чтобы в случае начала военных действий, какими бы внезапными они ни были, осуществлять обоснованное, непрерывное и устойчивое руководство страной, вооруженными силами и другими войсками в соответствии с требованиями конкретной войны.

Несмотря на тяжелые потери и разрушения, нанесенные Советскому Союзу войной, страна развивалась, крепла ее экономическая и военная мощь. Причем отечественный путь ее развития при всей его специфике соответствовал вектору мирового развития. За годы войны СССР стал сверхдержавой. Его воздействие на ход мирового развития стало практически всеобъемлющим и неоспоримым. И это величие было достигнуто благодаря целеустремленному стратегическому руководству страной, вооруженными силами и войной в целом. Дееспособность власти, ее ресурс определялись сплоченностью народа, его верой во власть, которые и стали генератором на пути к победе.

Исторический опыт деятельности советской системы стратегического руководства в чрезвычайных условиях не теряет своей актуальности, способствует осмыслению теории государственного управления, учит всестороннему учету всей совокупности объективных и субъективных факторов, конкретно-исторических условий в обеспечении эффективности управления с наименьшими издержками и в интересах всего российского общества.

Приложение

ДОКУМЕНТЫ 1941–1945 гг.

Выступление по радио заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова

22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора Германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Опубликовано: Известия. № 147 (7523). 1941. 24 июня.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей

29 июня 1941 г.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения являются уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города Ригу, Минск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значение этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла,

дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать на сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) Немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

Председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
Заместитель Председателя Совнаркома СССР В. Молотов

Опубликовано: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 500–501.

Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина

3 июля 1941 г.

Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться

и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР,

о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было место нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе, а самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основными качествами советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы эти великолепные качества большевика стали достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице

германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация Правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза.
М., 2002. С. 11–16.

Речь председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного главнокомандующего, наркома обороны СССР И. В. Сталина на параде Красной армии на Красной площади в Москве

7 ноября 1941 г.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение в нашей стране куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды

немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, попавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войне. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 35–37.

Приказ народного комиссара обороны № 55

23 февраля 1942 г.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники,
партизаны и партизанки!

24-ю годовщину Красной Армии народы нашей страны встречают в суровые дни Отечественной войны против фашистской Германии, нагло и подло посягающей на жизнь и свободу нашей Родины. На протяжении громадного фронта от Северного Ледовитого океана до Черного моря бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота ведут ожесточенные бои, чтобы изгнать из нашей страны немецко-фашистских захватчиков и отстоять честь и независимость нашего Отечества.

Не впервые Красной Армии приходится оборонять нашу Родину от нападения врагов. Красная Армия была создана 24 года назад для борьбы с войсками иностранных интервентов-захватчиков, стремившихся расчленить нашу страну и уничтожить ее независимость. Молодые отряды Красной Армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 года был объявлен днем рождения Красной Армии. С тех пор Красная Армия росла и крепла в борьбе с иностранными интервентами-захватчиками Она отстояла нашу Родину в боях с немецкими захватчиками в 1918 году, изгнав их из пределов Украины, Белоруссии. Она отстояла нашу Родину в боях с иностранными войсками Антанты в 1919—1921 годах, изгнав их из пределов нашей страны.

Разгром иностранных интервентов-захватчиков в период гражданской войны обеспечил народам Советского Союза длительный мир и возможность мирного строительства. За эти два десятилетия мирного строительства возникли в нашей стране социалистическая промышленность и колхозное сельское хозяйство, расцвели наука и культура, окрепла дружба народов нашей страны. Но советский народ никогда не забывал о возможности нового нападения врагов на нашу Родину. Поэтому одновременно с подъемом промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры росла и военная мощь Советского Союза. Эту мощь уже испытали на своей спине некоторые любители чужих земель. Ее чувствует сейчас хваленая немецко-фашистская армия.

8 месяцев назад фашистская Германия вероломно напала на нашу страну, грубо и подло нарушив договор о ненападении. Враг рассчитывал, что после первого же удара Красная Армия будет разбита и потеряет способность к сопротивлению. Но враг жестоко просчитался. Он не учел силы Красной Армии, не учел прочности советского тыла, не учел воли народов нашей страны к победе, не учел ненадежности европейского тыла фашистской Германии, не учел, наконец, внутренней слабости фашистской Германии и ее армии.

В первые месяцы войны ввиду неожиданности и внезапности немецко-фашистского нападения Красная Армия оказалась вынужденной отступать, оставить часть советской тер-

ритории. Но, отступая, она изматывала силы врага, наносила ему жестокие удары. Ни бойцы Красной Армии, ни народы нашей страны не сомневались, что этот отход является временным, что враг будет остановлен, а затем и разбит.

В ходе войны Красная Армия наливалась новыми жизненными силами, пополнялась людьми и техникой, получала на помощь новые резервные дивизии. И настало время, когда Красная Армия получила возможность перейти в наступление на главных участках громадного фронта. В короткий срок Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам один за другим удары под Ростовом-на-Дону и Тихвином, в Крыму и под Москвой. В ожесточенных боях под Москвой она разбила немецко-фашистские войска, угрожавшие окружением советской столицы. Красная Армия отбросила врага от Москвы и продолжает жать его на запад. От немецких захватчиков полностью освобождены Московская и Тульская области, десятки городов и сотни сел других областей, временно захваченных врагом.

Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности как резерв немецко-фашистских войск израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии. При этом следует отметить одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой.

Немецкие фашисты считают свою армию непобедимой, уверяя, что в войне один на один она, безусловно, разобьет Красную Армию. Сейчас Красная Армия и немецко-фашистская армия ведут войну один на один. Более того, немецко-фашистская армия имеет прямую поддержку на фронте войсками со стороны Италии, Румынии, Финляндии. Красная Армия не имеет пока подобной поддержки. И что же: хваленая немецкая армия терпит поражение, а Красная Армия имеет серьезные успехи. Под могучими ударами Красной Армии немецкие войска, откатываясь на запад, несут огромные потери в людях и технике. Они цепляются за каждый рубеж, стараясь отодвинуть день своего разгрома. Но напрасны усилия врага. Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит Советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена.

Было бы, однако, непростительной близорукостью успокаиваться на достигнутых успехах и думать, что с немецкими войсками уже покончено. Это было бы пустым бахвальством и зазнайством, не достойным советских людей. Не следует забывать, что впереди имеется еще много трудностей. Враг терпит поражение, но он еще не разбит и тем более не добит. Враг еще силен. Он будет напрягать последние силы, чтобы добиться успеха. И чем больше он будет терпеть поражение, тем больше он будет звереть. Поэтому необходимо, чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту. Необходимо, чтобы все новые и новые войсковые части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом. Необходимо, чтобы наша промышленность, особенно военная промышленность, работала с удвоенной энергией. Необходимо, чтобы с каждым днем фронт получал все больше и больше танков, самолетов, орудий, минометов, пулеметов, винтовок, автоматов, боеприпасов.

В этом один из основных источников силы и могущества Красной Армии.

Но не только в этом состоит сила Красной Армии.

Сила Красной Армии состоит прежде всего в том, что она ведет не захватническую, не империалистическую войну, а войну отечественную, освободительную, справедливую. Задача Красной Армии состоит в том, чтобы освободить от немецких захватчиков нашу

советскую территорию, освободить от гнета немецких захватчиков граждан наших сел и городов, которые были свободны и жили по-человечески до войны, а теперь угнетены и страдают от грабежей, разорения и голода, освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги. Что может быть благороднее и возвышеннее такой задачи? Ни один немецкий солдат не может сказать, что он ведет справедливую войну, ибо он не может не видеть, что его заставляют воевать за ограбление и угнетение других народов. У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны, которая могла бы его вдохновлять и чем он мог бы гордиться. И, наоборот, любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего Отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим, собственно, и объясняется, что Отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей Родины.

В этом сила Красной Армии.

В этом же слабость немецко-фашистской армии.

Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаются.

Сила Красной Армии состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов. Расовая теория немцев и практика расовой ненависти привели к тому, что все свободолюбивые народы стали врагами фашистской Германии. Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза.

В этом сила Красной Армии.

В этом же слабость немецко-фашистской армии.

Иногда в иностранной печати болтают, что советские люди ненавидят немцев именно как немцев, что Красная Армия уничтожает немецких солдат именно как немцев из-за ненависти ко всему немецкому, что поэтому Красная Армия не берет в плен немецких солдат. Это, конечно, такая же глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. Красная Армия свободна от чувства расовой ненависти. Она свободна от такого унизительного чувства, потому что она воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов. Не следует, кроме того, забывать, что в нашей стране проявление расовой ненависти карается законом.

Конечно, Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистских оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину, или когда они, будучи окружены нашими войсками, отказываются бросить оружие и сдаться в плен. Красная Армия уничтожает их не ввиду их немецкого происхождения, а ввиду того, что они хотят поработить нашу Родину. Красная Армия, как и армия любого другого народа, имеет право и обязана уничтожать поработителей своей Родины независимо от их национального происхождения. Недавно в городах Калинин, Клин, Сухиничи, Андреаполь, Торопец были окружены нашими войсками стоявшие там немецкие гарнизоны, которым было предложено сдаться в плен и обещано в этом случае сохранить жизнь. Немецкие гарнизоны отказались сложить оружие и сдаться в плен. Понятно, что их пришлось вышибать силой, причем немало немцев было перебито. Война есть война. Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они

сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! Поздравляю вас с 24-й годовщиной Красной Армии! Желаю вам полной победы над немецко-фашистскими захватчиками!

Да здравствуют Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствуют партизаны и партизанки!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Да здравствует великая партия большевиков, ведущая нас к победе!

Да здравствует непобедимое знамя великого Ленина!

Под знаменем Ленина — вперед, на разгром немецко-фашистских захватчиков!

Народный комиссар обороны И. Сталин

Опубликовано: Правда. 1942. 23 февраля.

Приказ народного комиссара обороны СССР № 227

28 июля 1942 г.

О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит, загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба

всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит, отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 51–54.

Доклад председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы

6 ноября 1942 г.

Товарищи!

Сегодня мы празднуем 25-летие победы Советской революции в нашей стране. Прошло 25 лет с того времени, как установился у нас советский строй. Мы стоим на пороге следующего, 26-го года существования советского строя.

На торжественных заседаниях в годовщину Октябрьской Советской революции обычно принято подводить итоги работы государственных и партийных органов за истекший год. Мне поручено представить вам отчетный доклад об этих именно итогах за истекший год — от ноября прошлого года до ноября текущего года.

Деятельность наших государственных и партийных органов протекала за истекший период в двух направлениях: в направлении мирного строительства и организации крепкого тыла для нашего фронта, с одной стороны, и наступательных операций Красной Армии, с другой стороны.

1. Организаторская работа в тылу

Мирная строительная работа наших руководящих органов выразилась за этот период в перебазировании нашей промышленности — как военной, так и гражданской — в восточные районы нашей страны, в эвакуации и устройстве на новых местах рабочих и оборудования предприятий, в расширении посевных площадей и в увеличении озимого клина на востоке, наконец, в коренном улучшении работы наших предприятий, работающих на фронт, и в укреплении трудовой дисциплины в тылу — как на заводах, так и в колхозах и совхозах. Нужно сказать, что это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба всех наших хозяйственных и административных наркоматов, в том числе нашего железнодорожного транспорта. Однако трудности удалось преодолеть. И теперь наши заводы, колхозы и совхозы, несмотря на все трудности военного времени, работают, бесспорно, удовлетворительно. Наши военные заводы и смежные с ними предприятия честно и аккуратно снабжают Красную Армию орудиями, минометами, самолетами, танками, пулеметами, винтовками, боеприпасами. Наши колхозы и совхозы также честно и аккуратно снабжают население и Красную Армию продовольствием, а нашу промышленность — сырьем. Нужно признать, что наша страна никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла.

В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразилась не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее

расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше.

Но истекший год является, как я уже говорил, не только годом мирного строительства. Он является вместе с тем годом Отечественной войны с немецкими захватчиками, подло и вероломно напавшими на нашу миролюбивую страну.

2. Военные действия на советско-немецком фронте

Что касается военной деятельности наших руководящих органов за истекший год, то она выразилась в обеспечении наступательных и оборонительных операций Красной Армии против немецко-фашистских войск. Военные действия на советско-немецком фронте за истекший год можно разбить на два периода: первый период — это по преимуществу зимний период, когда Красная Армия, отбив атаку немцев на Москву, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, погнала немецкие войска и в течение 4-х месяцев прошла местами более 400 километров, и второй период — это летний период, когда немецко-фашистские войска, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, собрали все свои свободные резервы, прорвали фронт в юго-восточном направлении и, взяв в свои руки инициативу, прошли местами в течение 5 месяцев до 500 километров.

Военные действия в течение первого периода, особенно же успешные действия Красной Армии в районе Ростова, Тулы, Калуги, под Москвой, под Тихвином и Ленинградом, вскрыли два знаменательных факта. Они показали, во-первых, что Красная Армия и ее боевые кадры выросли в серьезную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьезные органические недостатки, которые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск. Нельзя считать случайностью тот факт, что немецкие войска, прошедшие триумфальным маршем всю Европу и сразившие одним ударом французские войска, считавшиеся первоклассными войсками, встретили действительный военный отпор только в нашей стране, и не только отпор, но оказались вынужденными под ударами Красной Армии отступить от занятых позиций более чем на 400 километров, бросая по пути отступления колоссальное количество орудий, машин, боеприпасов. Одними зимними условиями войны никак нельзя объяснить этот факт.

Второй период военных действий на советско-немецком фронте отмечается переломом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев, прорывом нашего фронта на юго-западном направлении, продвижением немецких войск вперед и выходом в районы Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска, Моздока. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники бросили на фронт все свои свободные резервы и, нацелив их на одном направлении — на юго-западном направлении, создали здесь большой перевес сил и добились значительного тактического успеха.

По-видимому, немцы уже не столь сильны, чтобы повести одновременно наступление по всем трем направлениям — на юг, на север, на центр, как это имело место в первые месяцы немецкого наступления летом прошлого года, но они еще достаточно сильны для того, чтобы организовать серьезное наступление на каком-либо одном направлении.

Какую главную цель преследовали немецко-фашистские стратеги, открывая свое летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты решительно опровергают такое предположение. Факты говорят, что продвижение немцев в сторону нефтяных районов СССР является не главной, а вспомогательной целью.

В чем же в таком случае состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг, в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим, собственно, и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда.

Недавно в руки наших людей попал один немецкий офицер германского генштаба. У этого офицера нашли карту с обозначением плана продвижения немецких войск по срокам. Из этого документа видно, что немцы намеревались быть в Борисоглебске 10 июля этого года, в Сталинграде — 25 июля, в Саратове — 10 августа, в Куйбышеве — 15 августа, в Арзамасе — 10 сентября, в Баку — 25 сентября.

Этот документ полностью подтверждает наши данные о том, что главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело своей целью, помимо всего прочего, отвлечение наших резервов подальше от Москвы и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче было провести удар по Москве.

Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году.

В ноябре прошлого года немцы рассчитывали ударом в лоб по Москве взять Москву, заставить Красную Армию капитулировать и тем добиться окончания войны на востоке. Этими иллюзиями кормили они своих солдат. Но эти расчеты немцев, как известно, не оправдались. Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, немцы вознамерились взять Москву в этом году уже обходным движением и тем кончить войну на востоке. Этими иллюзиями кормят они теперь своих одураченных солдат. Как известно, эти расчеты немцев также не оправдались. В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью, и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

Таким образом, тактические успехи летнего наступления немцев оказались незавершенными ввиду явной нереальности их стратегических планов.

3. Вопрос о втором фронте в Европе

Чем объяснить тот факт, что немцам все же удалось в этом году взять в свои руки инициативу военных действий и одержать серьезные тактические успехи на нашем фронте?

Объясняется это тем, что немцам и их союзникам удалось собрать все свои свободные резервы, бросить их на восточный фронт и создать на одном из направлений большой перевес сил. Не может быть сомнения, что немцы без этих мероприятий не смогли бы добиться успеха на нашем фронте.

Но почему им удалось собрать все свои резервы и бросить их на восточный фронт? Потому что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность произвести эту операцию без какого-либо риска для себя.

Стало быть, главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении.

Допустим, что в Европе существовал бы второй фронт, так же как он существовал в первую мировую войну, и второй фронт отвлекал бы на себя, скажем, 60 немецких дивизий и 20 дивизий союзников Германии. Каково было бы положение немецких войск на нашем фронте? Нетрудно догадаться, что их положение было бы плачевным. Более того, это было бы начало конца немецко-фашистских войск, ибо Красная Армия стояла бы в этом случае не там, где она стоит теперь, а где-нибудь около Пскова, Минска, Житомира, Одессы. Это значит, что

уже летом этого года немецко-фашистская армия стояла бы перед своей катастрофой. И если этого не случилось, то потому что немцев спасло отсутствие второго фронта в Европе.

Рассмотрим вопрос о втором фронте в Европе в историческом разрезе.

В первую мировую войну Германии пришлось воевать на два фронта — на западе главным образом против Англии и Франции и на востоке — против русских войск. Стало быть, в первую мировую войну существовал второй фронт против Германии. Из 220 дивизий, имевшихся тогда у Германии, на русском фронте стояло не более 85 немецких дивизий. Если к этому прибавить войска союзников Германии, стоявшие против русского фронта, а именно 37 австро-венгерских дивизий, 2 болгарские и 3 турецкие дивизии, то всего составится 127 дивизий, стоявших против русских войск. Остальные дивизии Германии и ее союзников держали фронт главным образом против англо-французских войск, а часть из них несла гарнизонную службу в оккупированных территориях Европы.

Так обстояло дело в первую мировую войну.

Как обстоит дело теперь, во вторую мировую войну, скажем, в сентябре месяце этого года?

По проверенным данным, не вызывающим каких-либо сомнений, из 256 дивизий, имеющихся теперь у Германии, на нашем фронте стоит не менее 179 немецких дивизий. Если к этому прибавить 22 румынские дивизии, 14 финских дивизий, 10 итальянских дивизий, 13 венгерских дивизий, 1 словацкую дивизию и 1 испанскую дивизию, то всего составится 240 дивизий, дерущихся сейчас на нашем фронте. Остальные дивизии немцев и их союзников несут гарнизонную службу в оккупированных странах (Франция, Бельгия, Норвегия, Голландия, Югославия, Польша, Чехословакия и т. д.), часть же из них ведет войну в Ливии за Египет, против Англии, причем ливийский фронт отвлекает всего 4 немецкие дивизии и 11 итальянских дивизий.

Стало быть, вместо 127 дивизий в первую мировую войну мы имеем теперь против нашего фронта не менее 240 дивизий, а вместо 85 немецких дивизий мы имеем теперь 179 немецких дивизий, дерущихся против Красной Армии.

Вот где главная причина и основа тактических успехов немецко-фашистских войск на нашем фронте летом этого года.

Нашествие немцев на нашу страну часто сравнивают с нашествием Наполеона на Россию. Но это сравнение не выдерживает критики. Из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородина едва 130—140 тысяч войск. Это всё, чем он мог располагать под Москвой. Ну, а мы имеем теперь более трех миллионов войск, стоящих перед фронтом Красной Армии и вооруженных всеми средствами современной войны. Какое же может быть тут сравнение?

Нашествие немцев на нашу страну сравнивают иногда также с нашествием Германии на Россию в период первой мировой войны. Но это сравнение также не выдерживает критики. Во-первых, в первую мировую войну существовал второй фронт в Европе, сильно затруднявший положение немцев, тогда как в этой войне нет второго фронта в Европе. Во-вторых, в эту войну против нашего фронта стоит вдвое больше войск, чем в первую мировую войну. Ясно, что сравнение не подходит.

Теперь вы можете представить, насколько серьезны и необычны те трудности, которые стоят перед Красной Армией, и до чего велик тот героизм, который проявляет Красная Армия в ее освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков.

Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его.

Часто спрашивают: а будет ли все же второй фронт в Европе. Да, будет, рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и прежде всего потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что после того как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободолюбивых стран, в том числе для самих союзников.

4. Боевой союз СССР, Англии и США против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе

Теперь уже можно считать неоспоримым, что в ходе войны, навязанной народам гитлеровской Германией, произошла коренная размежевка сил, произошло образование двух противоположных лагерей — лагеря итало-германской коалиции и лагеря англо-советско-американской коалиции.

Неоспоримо также и то, что эти две противоположные коалиции руководствуются двумя разными, противоположными программами действия.

Программу действия итало-германской коалиции можно охарактеризовать следующими пунктами: расовая ненависть, господство «избранных» наций; покорение других наций и захват их территорий; экономическое порабощение покоренных наций и расхищение их национального достояния; уничтожение демократических свобод; повсеместное установление гитлеровского режима.

Программа действий англо-советско-американской коалиции: уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий; освобождение порабощенных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию; экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия; восстановление демократических свобод; уничтожение гитлеровского режима.

Программа действий итало-германской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны Европы — Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, оккупированные области СССР — пылают ненавистью к итало-германской тирании, вредят немцам и их союзникам, как только могут, и ждут удобного момента для того, чтобы отомстить своим поработителям за те унижения и насилия, которые они переносят.

В связи с этим одна из характерных черт современного момента состоит в том, что прогрессивно растут изоляция итало-германской коалиции и иссякание ее морально-политических резервов в Европе, растет ее ослабление и разложение.

Программа действий англо-советско-американской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны в Европе полны сочувствия к членам этой коалиции и готовы оказать им любую поддержку, на какую только они способны.

В связи с этим другая характерная черта современного момента состоит в том, что морально-политические резервы этой коалиции изо дня в день растут в Европе — и не только в Европе — и что эта коалиция прогрессивно обрастает миллионами сочувствующих людей, готовых биться вместе с ней против тирании Гитлера.

Если рассмотреть вопрос о соотношении сил двух коалиций с точки зрения человеческих и материальных ресурсов, то нельзя не прийти к выводу, что мы имеем здесь бесспорное преимущество на стороне англо-советско-американской коалиции. Но вот вопрос: достаточно ли одного лишь этого преимущества, чтобы одержать победу? Бывают ведь такие случаи, когда ресурсов много, но расходуются они так бестолково, что преимущество оказывается равным нулю. Ясно, что кроме ресурсов необходимы еще способность мобилизовать эти ресурсы и умение правильно расходовать их. Есть ли основание сомневаться в наличии такого умения и такой способности у людей англо-советско-американской коалиции? Есть люди, которые сомневаются в этом. Но на каком основании они сомневаются? В свое время люди этой коалиции проявили умение и способность мобилизовать ресурсы своих стран и правильно расходовать их для целей хозяйственного и культурно-политического строительства. Спрашивается, какое имеется основание сомневаться в том, что люди, проявившие способность и умение в деле мобилизации и распределения ресурсов для хозяйственных и культурно-политических целей, окажутся неспособными проделать ту же работу для осуществления военных целей? Я думаю, что таких оснований нет.

Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу, и она наверняка победила бы, если бы не было у нее одного органического недостатка, способного ослабить и разложить ее. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию, и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно.

Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага, несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действий англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на ее базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточна.

Предположение этих людей неправильно еще и потому, что оно полностью опровергается событиями истекшего года. В самом деле, если бы эти люди были правы, мы наблюдали бы факты прогрессивного отчуждения друг от друга членов англо-советско-американской коалиции. Однако мы не только не наблюдаем этого, а, наоборот, мы имеем факты и события, говорящие о прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции и объединении их в единый боевой союз. События истекшего года дают прямое к тому доказательство. В июле 1941 года, через несколько недель после нападения Германии на СССР, Англия заключила с нами соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». С Соединенными Штатами Америки мы еще не имели тогда никаких соглашений на этот предмет. Через 10 месяцев после этого, 26 мая 1942 года, во время посещения Англии товарищем Молотовым, Англия заключила с нами «Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Договор этот заключен на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией. В июне 1942 года, во время посещения США товарищем Молотовым, Соединенные Штаты Америки подписали с нами «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» — соглашение, делающее серьезный шаг вперед в отношениях между СССР и США. Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании господином Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран. Не может быть сомнения, что все эти факты говорят о прогрессивном сближении СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки и об объединении их в боевой союз против итало-германской коалиции.

Выходит, что логика вещей сильнее всякой иной логики. Вывод один: англо-советско-американская коалиция имеет все шансы, чтобы победить итало-германскую коалицию, и она без сомнения победит.

5. Наши задачи

Война порвала все покровы и обнажила все отношения. Положение стало до того ясно, что нет ничего легче, как определить наши задачи в этой войне.

В своей беседе с турецким генералом Эркилетом, опубликованной в турецкой газете «Джумхуриет», людоед Гитлер говорит: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Кажется, ясно, хотя и глуповато. У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и до́лжно.

Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей.

В той же беседе с тем же генералом людоед Гитлер продолжает: «Мы будем продолжать войну до тех пор, пока в России не останется организованной военной силы». Кажется, ясно, хотя и безграмотно. У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии, ибо любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя. Но уничтожить гитлеровскую армию — можно и до́лжно.

Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей.

Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны — мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не всё. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем не повинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов.

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей.

Таковы наши задачи.

Товарищи! Мы ведем великую освободительную войну. Мы ведем ее не одни, а совместно с нашими союзниками. Она несет нам победу над подлыми врагами человечества, над немецко-фашистскими империалистами. На ее знамени написано:

Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза!

Да здравствует освобождение народов Европы от гитлеровской тирании!

Да здравствует свобода и независимость нашей славной советской Родины!

Проклятие и смерть немецко-фашистским захватчикам, их государству, их армии, их «новому порядку в Европе»!

Нашей Красной Армии — слава!

Нашему Военно-Морскому Флоту — слава!

Нашим партизанам и партизанкам — слава!

Опубликовано: Правда. 1942. 7 ноября.

Доклад председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы

6 ноября 1943 г.

Товарищи!

Сегодня народы Советского Союза празднуют 26-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции.

Третий раз наша страна в обстановке Отечественной войны отмечает годовщину своей народной революции.

В октябре 1941 года наша Родина переживала трудные дни. Враг подошел к столице. Окружил с суши Ленинград. Наши войска были вынуждены отступать. Потребовались огромные усилия армии и напряжение всех сил народа, чтобы задержать врага и нанести ему серьезный удар под Москвой.

К октябрю 1942 года опасность для нашей Родины еще более возросла. Враг стоял тогда в каких-нибудь 120 километрах от Москвы, ворвался в Сталинград, вступил в предгорья Кавказа. Но и в эти тяжелые дни армия и народ не пали духом, а стойко переносили все испытания. Они нашли в себе силу, чтобы задержать врага и нанести ему ответный удар. Верные заветам великого Ленина, не щадя сил и жизни, защищали они завоевания Октябрьской революции. Как известно, эти усилия армии и народа не пропали даром.

Вскоре после Октябрьских дней прошлого года наши войска перешли в наступление и нанесли немцам новый мощный удар сначала под Сталинградом, на Кавказе, в районе среднего течения Дона, а затем в начале 1943 года у Великих Лук, под Ленинградом, в районе Ржева и Вязьмы. После этого Красная Армия уже не выпускала больше инициативы из своих рук. Ее удары в течение всего лета этого года становились все более крепкими, ее воинское мастерство с каждым месяцем возрастало. С тех пор наши войска одерживают крупные победы, а немцы терпят одно поражение за другим. Как ни пытался враг, но ему все еще не удалось добиться ни одного сколько-нибудь серьезного успеха на советско-германском фронте.

1. Год коренного перелома в ходе войны

Истекший год — от 25-й до 26-й годовщины Октября — является переломным годом Отечественной войны.

Этот год был переломным прежде всего потому, что в этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск, причем немецко-фашистские войска под ударами наших войск оказались вынужденными поспешно оставлять захваченную ими территорию, нередко спасаться бегством от окружения и бросать на поле боя большое количество техники, складов вооружения и боеприпасов, раненых солдат и офицеров.

Таким образом, успехи нашей летней кампании во второй половине этого года явились продолжением и завершением успехов нашей зимней кампании в начале этого года.

Теперь, когда Красная Армия, развивая успехи зимней кампании, нанесла немецким войскам могучий удар летом, можно считать окончательно похороненной басню о том, что Красная Армия неспособна будто бы вести успешное наступление в летнее время. Истекший год показал, что Красная Армия так же хорошо может наступать летом, как и зимой.

В результате этих наступательных операций нашим войскам удалось в течение истекшего года пройти с боями от 500 километров в центральной части фронта до 1300 километров на юге, освободив до 1 миллиона квадратных километров территории, т. е. почти до 2/3 советской земли, временно захваченной врагом, при этом вражеские войска оказались отброшенными от Владикавказа до Херсона, от Элисты до Кривого Рога, от Сталинграда до Киева, от Воронежа до Гомеля, от Вязьмы и Ржева до подступов Орши и Витебска.

Не веря в прочность своих прошлых успехов на советско-германском фронте, немцы заранее, на протяжении длительного времени строили мощные оборонительные полосы, особенно вдоль крупных рек. Но в боях этого года немцев не спасли ни реки, ни мощные укрепления. Наши войска разрушили оборону немцев и только за три летних месяца 1943 года мастерски форсировали четыре очень серьезные водные преграды — Северный Донец, Десну, Сож и Днепр. Я уже не говорю о таких преградах, как оборона немцев в районе реки Миус — западнее Ростова и оборона в районе реки Молочная — около Мелитополя. Теперь Красная Армия успешно громит врага по ту сторону Днепра.

Этот год был переломным годом еще потому, что Красной Армии удалось в сравнительно короткий срок перебить и перемолоть наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск, закалив вместе с тем и умножив свои собственные кадры в успешных наступательных боях в течение года. За истекший год немецко-фашистская армия в боях на советско-немецком фронте потеряла более 4 миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми. Кроме того, немцы потеряли за этот год более 14 тысяч самолетов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий. Теперь немецко-фашистская армия уже не та, какой она была в начале войны. Если в начале войны она имела достаточное количество опытных кадров, то теперь она разбавлена новоиспеченными молодыми неопытными офицерами, которые поспешно бросаются немцами на фронт, так как нет у них ни необходимых офицерских резервов, ни времени, чтобы обучить их.

Совершенно другую картину представляет ныне Красная Армия. Ее кадры выросли и закалились в успешных наступательных боях за истекший год. Количество ее боевых кадров растет и будет расти, так как наличие необходимых офицерских резервов дает ей и время, и возможность обучать молодые офицерские кадры и выдвигать их на ответственные посты.

Характерно, что вместо 240 дивизий, стоявших в прошлом году перед нашим фронтом, из коих 179 дивизий было немецких, в этом году перед фронтом Красной Армии стоят 257 дивизий, из коих 207 дивизий являются немецкими. Немцы, видимо, рассчитывают компенсировать сниженное качество своих дивизий увеличением их количества. Однако поражение немцев за истекший год показывает, что ухудшенное качество дивизий невозможно возместить увеличением их количества.

С чисто военной точки зрения поражение немецких войск на нашем фронте к исходу этого года было предрешено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском.

Битва под Сталинградом кончилась окружением 300-тысячной армии немцев, разгромом последней и пленением около 1/3 окруженных войск. Чтобы иметь представление о размерах того невиданного в истории побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда, необходимо знать, что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров. Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться.

Что касается битвы под Курском, то она окончилась разгромом двух основных наступающих групп немецко-фашистских войск и переходом наших войск в контрнаступление,

превратившееся потом в мощное летнее наступление Красной Армии. Битва под Курском началась наступлением немцев на Курск с севера и с юга. Это была последняя попытка немцев осуществить большое летнее наступление и в случае ее успеха наверстать потерянное. Наступление окончилось, как известно, провалом. Красная Армия не только отбила наступление немцев, но сама перешла в наступление и рядом последовательных ударов в течение летнего периода отбросила немецко-фашистские войска за Днепр.

Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой.

Этот год был переломным годом, наконец, потому, что успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, поставив ее перед глубочайшим кризисом.

Немцы рассчитывали осуществить летом этого года успешное наступление на советско-германском фронте, чтобы вернуть себе потерянное и поднять свой пошатнувшийся авторитет в Европе. Но Красная Армия опрокинула расчеты немцев, отбила их наступление, сама перешла в наступление и погнала немцев на запад, растоптав тем самым авторитет немецкого оружия.

Немцы рассчитывали взять курс на затяжную войну, стали строить оборонительные рубежи и «валы», объявив во всеуслышание о неприступности их новых позиций. Но Красная Армия и здесь опрокинула расчеты немцев, прорвала их рубежи и «валы», продолжает успешно наступать и не дает им сроков для затяжки войны.

Немцы рассчитывали выправить положение на фронте при помощи «тотальной» мобилизации. Но события и здесь опрокинули расчеты немцев. Летняя кампания уже съела 2/3 «тотально» мобилизованных, однако незаметно, чтобы это обстоятельство принесло какое-либо улучшение в положении немецко-фашистской армии. Возможно, что придется объявить еще одну «тотальную» мобилизацию, причем нет оснований предположить, что повторение подобной меры не приведет к «тотальному» крушению некоторого государства.

Немцы рассчитывали прочно удержать за собой Украину, чтобы использовать украинские сельскохозяйственные продукты для своей армии и населения, а донецкий уголь — для заводов и железнодорожного транспорта, обслуживающих немецкую армию. Но они и здесь просчитались. В результате успешного наступления Красной Армии немцы потеряли не только донецкий уголь, но и наиболее богатые хлебом области Украины, причем нет оснований предположить, что они не потеряют в ближайшее время и остальную часть Украины.

Понятно, что все эти просчеты не могли не ухудшить и действительно ухудшили коренным образом хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии.

Фашистская Германия переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой.

2. Всенародная помощь фронту

Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве. Советский народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем минимально необходимым и непрестанно совершенствовал ее боевую технику. На всем протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству вооружения. В то же время наша промышленность давала фронту все большее и большее количество боевой техники.

Истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла. Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть, все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом мы достигли крупных успехов. Красная Армия, опираясь на всенародную поддержку, бесперебойно получала боевое снаряжение, обрушивала на врага миллионы бомб, мин и снарядов, вводила в бой тысячи танков и самолетов. Можно с полным основанием сказать, что самоотвержен-

ный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины.

Рабочие Советского Союза, создавшие в годы мирного строительства высокоразвитую мощную социалистическую промышленность, во время Отечественной войны развернули напряженную и кипучую работу на помощь фронту, проявляя настоящий трудовой героизм.

Всем известно, что гитлеровцы располагали в войне против СССР не только сильно развитой промышленностью Германии, но и довольно мощной промышленностью вассальных и оккупированных стран. И все же гитлеровцы не смогли сохранить количественное превосходство в военной технике, которое они имели в начале войны против Советского Союза. Если теперь былое превосходство врага в количестве танков, самолетов, минометов, автоматов ликвидировано, если наша армия не испытывает ныне серьезного недостатка в вооружении, боеприпасах, снаряжении, то в этом прежде всего нужно усмотреть заслугу нашего рабочего класса.

Крестьяне Советского Союза, преобразовавшие в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство, во время Отечественной войны проявили небывалое в истории деревни высокое сознание общенародных интересов. Они самоотверженным трудом на помощь фронту показали, что советское крестьянство считает нынешнюю войну против немцев своим кровным делом, войной за свою жизнь и свободу.

Известно, что в результате нашествия фашистских полчищ наша страна была временно лишена важных сельскохозяйственных районов Украины, Дона и Кубани. И все же наши колхозы и совхозы снабжали без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. Конечно, без колхозного строя, без самоотверженного труда колхозников и колхозниц мы не смогли бы решить эту труднейшую задачу. Если на третьем году войны наша армия не испытывает недостатка в продовольствии, если население снабжается продовольствием, а промышленность — сырьем, то в этом сказались сила и жизненность колхозного строя, патриотизм колхозного крестьянства.

Большую роль в деле помощи фронту сыграл наш транспорт, прежде всего железнодорожный транспорт, а также речной, морской и автомобильный транспорт. Транспорт является, как известно, важнейшим средством связи между тылом и фронтом. Можно производить большое количество вооружения и огнеприпасов, но, если они не доставляются вовремя фронту при помощи транспорта, они могут остаться бесполезным грузом для дела фронта. Нужно сказать, что в деле своевременного подвоза на фронт вооружения, огнеприпасов, продовольствия, обмундирования и т. д. роль транспорта является решающей. И если несмотря на трудности военного времени и недостаток топлива нам все же удалось снабжать фронт всем необходимым, то в этом надо признать прежде всего заслугу наших транспортных рабочих и служащих.

От рабочего класса и крестьянства не отстает в деле помощи фронту и наша интеллигенция. Советская интеллигенция преданно работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъеме промышленности и сельского хозяйства, двигает вперед в условиях войны советскую науку и культуру. Это делает честь нашей интеллигенции.

Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчеты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков.

В этом источник силы Советского Союза.

Руководящей и направляющей силой советского народа как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечест-

венной войны партия предстала перед нами как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами трудящихся.

В этом источник силы нашего государства.

Нынешняя война со всей силой подтвердила известное указание Ленина о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны. Именно таким государством является наше государство.

Советское государство никогда не было столь прочным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отечественной войны. Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время. Созданная 26 лет назад советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в несокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надежный тыл.

В этом источник силы Советского Союза.

Нет сомнения в том, что Советское государство выйдет из войны сильным и еще более окрепшим. Немецкие захватчики разоряют и опустошают наши земли, стараясь подорвать мощь нашего государства. Наступление Красной Армии в еще большем, чем прежде, объеме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии. Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения. Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые сами не верят в свою победу. И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах. Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!

В районах, где временно хозяйничали фашистские погромщики, нам предстоит возродить разрушенные города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, культурные учреждения, создать для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальные условия жизни. Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных от врага районах. Но это только начало. Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничанья немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Это большая, общенародная задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок.

3. Укрепление антигитлеровской коалиции. Развал фашистского блока

Истекший год был переломным не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во всей мировой войне.

Изменения, происшедшие за этот год в военной и внешнеполитической обстановке, сложились в пользу СССР и дружественных ему союзных стран, в ущерб Германии и ее сообщникам по разбою в Европе.

Результаты и последствия побед Красной Армии далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили все дальнейшее течение мировой войны и приобрели крупное международное значение. Победа союзных стран над общим врагом приблизилась, а отношения между союзниками, боевое содружество их армий, вопреки ожиданиям врагов, не только не ослабли, а, наоборот, окрепли и упрочились. Об этом красноречиво говорят также исторические решения Московской конференции представителей Советского Сою-

за, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, опубликованные недавно в печати. Теперь наши объединенные страны полны решимости нанести совместные удары по врагу, которые приведут к окончательной победе над ним.

В этом году удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Вместе с тем союзники подвергали и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага. Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьем, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт. Но это все же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое содружество союзных государств.

Таким образом, события истекшего года показывают, что антигитлеровская коалиция является прочным объединением народов и основана на крепком фундаменте.

Теперь уже для всех очевидно, что гитлеровская клика, развязав нынешнюю войну, завела Германию и ее прихвостней в безысходный тупик. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте и удары наших союзников по итало-немецким войскам потрясли все здание фашистского блока, и оно теперь разваливается на наших глазах.

Италия безвозвратно выпала из гитлеровской коалиции. Муссолини ничего не может изменить, ибо он является, по сути дела, пленником немцев. На очереди другие участники коалиции. Финляндия, Венгрия, Румыния и другие вассалы Гитлера, обескураженные военными поражениями Германии, теперь уже окончательно потеряли веру в благоприятный для них исход войны и озабочены тем, как выбраться из той трясины, куда их затащил Гитлер. Сообщники гитлеровской Германии по грабежу, еще не так давно покорные своему хозяину, ныне, когда пришло время отвечать за разбой, смотрят в кусты, выбирая удобный момент, чтобы незаметно улизнуть из разбойничьей шайки.

Вступая в войну, участники гитлеровского блока рассчитывали на быструю победу. Они уже заранее распределили, кому что достанется: кому пироги и пышки, кому синяки и шишки. Понятно, что синяки и шишки они предназначали своим противникам, себе же — пироги и пышки. Но теперь ясно, что Германии и ее холуям не достанутся пироги и пышки, что им придется теперь делить между собою синяки и шишки. Предвидя эту незавидную перспективу, сообщники Гитлера ломают сейчас голову над тем, как бы выйти из войны, получив при этом поменьше синяков и шишек.

Пример Италии показывает вассалам Гитлера, что чем далее оттягивают они неминуемый разрыв с немцами и позволяют им хозяйничать в своих государствах, тем большие опустошения ожидают их страны, тем больше страданий придется вынести их народам. Пример Италии показывает также, что гитлеровская Германия и не помышляет защищать свои вассальные страны, а намерена превратить их в арену опустошительной войны, лишь бы отсрочить час собственного разгрома.

Дело немецкого фашизма проиграно, а созданный им кровавый «новый порядок» идет к краху. В оккупированных странах Европы нарастает всенародный взрыв возмущения против фашистских поработителей. Безвозвратно потерян былой престиж Германии в союзных с ней и нейтральных странах, подорваны ее экономические и политические связи с нейтральными государствами.

Время, когда гитлеровская клика буйно шумела по поводу завоевания немцами мирового господства, осталось далеко позади. Теперь, как известно, немцам не до мирового господства — не до жиру, быть бы живу.

Таким образом, ход войны показал, что союз фашистских государств не имел и не имеет под собой прочной основы. Гитлеровская коалиция сложилась на базе захватнических, грабительских устремлений ее участников. Пока гитлеровцы имели военные успехи, фашистская

коалиция казалась стойким объединением. Но первые же поражения фашистских войск привели к фактическому распаду разбойничьего блока.

Гитлеровская Германия и ее вассалы стоят накануне своей катастрофы.

Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры.

* * *

Красная Армия и советский народ достигли за истекший год больших успехов в борьбе против немецких захватчиков. Мы добились коренного перелома в войне в пользу нашей страны, и война теперь идет к окончательной развязке. Но советским людям не пристало останавливаться на достигнутом, упиваться своими успехами. Победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и напряжения. Она берется с боя. Победа теперь близка, но чтобы ее завоевать, необходимы новое напряжение сил, самоотверженная работа всего тыла, умелые и решительные действия Красной Армии на фронте. Было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно подпавшими под фашистское ярмо, перед народами Европы, изнывающими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома врага. Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны напрячь все наши силы, чтобы добить врага.

Советский народ и Красная Армия ясно видят трудности предстоящей борьбы. Но теперь уже ясно, что день нашей победы приближается. Война вступила в ту стадию, когда дело идет о полном изгнании оккупантов с советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе». Недалеко время, когда мы завершим очищение от врага Украины и Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей, освободим от немецких захватчиков народы Крыма, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской республики.

Товарищи!

За победу англо-советско-американского боевого союза!

За освобождение народов Европы от фашистского ига!

За полное изгнание немецких извергов с нашей земли!

Да здравствует наша Красная Армия!

Да здравствует наш Военно-Морской Флот!

Да здравствуют наши смелые партизаны и партизанки!

Да здравствует наша великая Родина!

Смерть немецким захватчикам!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 95–106.

Доклад на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы

6 ноября 1944 г.

Товарищи!

Сегодня советские люди празднуют 27-ю годовщину победы Советской революции в нашей стране.

Четвертый раз встречает наша страна годовщину Советской революции в условиях Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Это, конечно, не значит, что четвертый год войны не отличается по своим итогам от предыдущих трех лет войны. Наоборот, между ними существует коренная разница. Если два предыдущих года войны были годами наступления немецких войск и продвижения их в глубь нашей страны, когда Красная Армия была вынуждена вести оборонительные бои, а третий год войны был годом коренного перелома на нашем фронте, когда Красная Армия развернула мощные наступательные бои, разбила немцев в ряде решающих боев, очистила от немецких войск две трети советской земли и заставила их перейти к обороне, причем Красная Армия все еще продолжала вести войну с немецкими войсками один на один, без серьезной поддержки со стороны союзников, то четвертый год войны оказался годом решающих побед советских армий и армий наших союзников над немецкими войсками, когда немцы, вынужденные на этот раз вести войну на два фронта, оказались отброшенными к границе Германии.

В итоге истекший год завершился изгнанием немецких войск из пределов Советского Союза, Франции, Бельгии, средней Италии и перенесением военных действий на территорию Германии.

1. Германия в тисках между двумя фронтами

Решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов советской земли были предрешены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых еще в январе этого года и развернутых затем в течение всего отчетного года.

Первый удар был нанесен нашими войсками в январе этого года под Ленинградом и Новгородом, когда Красная Армия взломала долговременную оборону немцев и отбросила их в Прибалтику. Результатом этого удара оказалось освобождение Ленинградской области.

Второй удар был нанесен в феврале — марте этого года на Буге, когда Красная Армия разгромила немецкие войска и отбросила их за Днестр. В результате этого удара Правобережная Украина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Третий удар был нанесен в апреле — мае этого года в районе Крыма, когда немецкие войска были сброшены в Черное море. В результате этого удара были освобождены от немецкого гнета Крым и Одесса.

Четвертый удар был нанесен в июне этого года в районе Карелии, когда Красная Армия разбила финские войска, освободила Выборг и Петрозаводск и отбросила финнов в глубь Финляндии. Результатом этого удара было освобождение большей части Карело-Финской Советской Республики.

Пятый удар был нанесен немцам в июне — июле этого года, когда Красная Армия наголову разбила немецкие войска под Витебском, Бобруйском, Могилёвом и завершила свой удар окружением 30 немецких дивизий под Минском. В результате этого удара наши войска: а) полностью освободили Белорусскую Советскую Республику; б) вышли на Вислу и освободили значительную часть союзной нам Польши, в) вышли на Неман и освободили большую часть Литовской Советской Республики; г) форсировали Неман и подошли к границам Германии.

Шестой удар был нанесен в июле — августе этого года в районе Западной Украины, когда Красная Армия разбила немецкие войска под Львовом и отбросила их за Сан и Вислу. В результате этого удара: а) была освобождена Западная Украина; б) наши войска форсировали Вислу и образовали за Вислой мощный плацдарм западнее Сандомира.

Седьмой удар был нанесен в августе этого года в районе Кишинёв — Яссы, когда наши войска разбили наголову немецко-румынские войска и завершили свой удар окружением 22 немецких дивизий под Кишинёвом, не считая румынских дивизий. В результате этого удара: а) была освобождена Молдавская Советская Республика; б) была выведена из строя союзница Германии — Румыния, которая объявила войну Германии и Венгрии; в) была выведена из строя союзница Германии — Болгария, которая также объявила войну Германии; г) был открыт путь для наших войск в Венгрию — последнюю союзницу Германии в Европе, д) открылась возможность протянуть руку помощи союзной нам Югославии против немецких захватчиков.

Восьмой удар был нанесен в сентябре — октябре этого года в Прибалтике, когда Красная Армия разбила немецкие войска под Таллином и Ригой и изгнала их из Прибалтики. В результате этого удара: а) была освобождена Эстонская Советская Республика; б) была освобождена большая часть Латвийской Советской Республики; в) была выведена из строя союзница Германии — Финляндия, которая объявила войну Германии; г) более 30 немецких дивизий оказались отрезанными от Пруссии и зажатыми в клещи в районе между Тукумсом и Либавой, где они теперь доколачиваются нашими войсками.

В октябре этого года начался девятый удар наших войск между Тиссой и Дунаем в районе Венгрии, имеющий своей целью вывести Венгрию из войны и повернуть ее против Германии. В результате этого удара, который еще не завершен: а) наши войска оказали прямую помощь союзной нам Югославии в деле изгнания немцев и освобождения Белграда; б) наши войска получили возможность перейти через Карпатский хребет и протянуть руку помощи союзной нам Чехословацкой республике, часть территории которой уже освобождена от немецких захватчиков.

Наконец, в конце октября этого года был осуществлен удар по немецким войскам в северной Финляндии, когда немецкие войска были вышиблены из района Печенга и наши войска, преследуя немцев, вступили в пределы союзной нам Норвегии.

Я не привожу цифровых данных о потерях противника убитыми и пленными в результате этих операций, о количестве захваченных нашими войсками орудий, танков, самолетов, снарядов, пулеметов и т. д. Эти данные вам, должно быть, известны по сводкам Совинформбюро.

Таковы основные операции Красной Армии за истекший год, приведшие к изгнанию немецких войск из пределов нашей страны.

В результате этих операций было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников. Вместо 257 дивизий, стоявших против нашего фронта в прошлом году, из коих 207 дивизий было немецких, мы имеем теперь против нашего фронта после всех «тотальных» и «сверхтотальных» мобилизаций всего 204 немецкие и венгерские дивизии, из коих немецких дивизий насчитывается не более 180.

Нужно признать, что в нынешней войне гитлеровская Германия с ее фашистской армией оказалась более мощным, коварным и опытным противником, нежели Германия и ее армия во всех прошлых войнах. К этому нужно добавить, что немцам удалось использовать в этой

войне производительные силы почти всей Европы и довольно значительные армии своих вассальных государств. И если, несмотря на эти благоприятные для Германии условия ведения войны, она все же оказалась на краю неизбежной гибели, то это нужно объяснить тем, что главный противник Германии — Советский Союз превзошел по силе гитлеровскую Германию.

Новым моментом за истекший год в войне против гитлеровской Германии нужно считать тот факт, что Красная Армия вела свои операции в этом году против немецких войск не в одиночестве, как это имело место в предыдущие годы, а совместно с войсками наших союзников. Тегеранская конференция не прошла даром. Решение Тегеранской конференции о совместном ударе по Германии с запада, востока и юга стало осуществляться с поразительной точностью. Одновременно с летними операциями Красной Армии на советско-германском фронте союзные войска начали вторжение во Францию и организовали мощные наступательные операции, вынудившие гитлеровскую Германию вести войну на два фронта. Войска и флот наших союзников совершили невиданную еще в истории по организованности и размаху массовую десантную операцию на побережье Франции и мастерски преодолели укрепления немцев.

Таким образом, Германия оказалась зажатой в тисках между двумя фронтами.

Как и следовало ожидать, враг не выдержал совместных ударов Красной Армии и союзных войск. Сопротивление врага было сломлено, его войска в короткий срок были вышиблены из пределов средней Италии, Франции, Бельгии, Советского Союза. Враг был отброшен к границам Германии.

Не может быть сомнения, что без организации второго фронта в Европе, приковавшего к себе до 75 дивизий немцев, наши войска не смогли бы в такой короткий срок сломить сопротивление немецких войск и вышибить их из пределов Советского Союза. Но также несомненно и то, что без мощных наступательных операций Красной Армии летом этого года, приковавших к себе до 200 немецких дивизий, войска наших союзников не смогли бы так быстро расправиться с немецкими войсками и вышибить их из пределов средней Италии, Франции, Бельгии.

Задача состоит в том, чтобы держать Германию и впредь в тисках между двумя фронтами.

В этом ключ победы.

2. Великий подвиг советского народа в Отечественной войне

Если Красная Армия смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов советской земли, то она сделала это благодаря тому, что ее беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна, все народы нашей страны. Самоотверженная работа всех советских людей — рабочих, крестьян, интеллигенции, равно как руководящая деятельность наших государственных и партийных органов, проходила в истекшем году под знаменем «все для фронта».

Истекший год ознаменовался новыми успехами промышленности, сельского хозяйства, транспорта, новым подъемом нашего военного хозяйства.

На четвертом году войны наши заводы производят танков, самолетов, орудий, минометов, боеприпасов в несколько раз больше, чем в начале войны. Позади остался наиболее трудный период в восстановлении сельского хозяйства. После возвращения стране плодородных полей Дона и Кубани, после освобождения Украины наше сельское хозяйство быстро оправляется от тяжелых потерь. Советский железнодорожный транспорт выдержал нагрузку, с которой едва ли справился бы транспорт другой страны. Все это говорит за то, что экономическая основа Советского государства оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств.

Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу. Советское государство, несмотря на тяжелое бремя войны, несмотря на временную оккупацию немцами весьма больших и экономически важных районов страны, в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта вооружением и боеприпасами. Теперь Красная Армия имеет танков, орудий, само-

летов не меньше, а больше, чем немецкая армия. Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит вооружение врага. Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом. Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспримерные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа.

Наш рабочий класс отдает все свои силы для дела победы, непрестанно совершенствует технику производства, увеличивает мощность промышленных предприятий, воздвигает новые фабрики и заводы. Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в нынешней войне.

Наша интеллигенция смело идет по пути новаторства в области техники и культуры, успешно развивает современную науку, творчески применяет ее достижения в производстве вооружения для Красной Армии. Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага.

Армия не может воевать и побеждать без современного вооружения. Но она не может также воевать и побеждать без хлеба, без продовольствия. Красная Армия на четвертом году войны благодаря заботам колхозного крестьянства не испытывает недостатка в продовольствии. Колхозники и колхозницы снабжают рабочих и интеллигенцию продовольствием, а промышленность — сырьем, обеспечивают нормальную работу заводов и фабрик, изготовляющих вооружение и снаряжение для фронта. Наше колхозное крестьянство активно и с полным сознанием своего долга перед Родиной содействует Красной Армии в достижении победы над врагом.

Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодежи, вынесшей на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и геройство на фронте труда. Они оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов.

Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами.

Советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания. В нашем народе издавна говорят: «Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел».

Немецкие фашисты избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчете на то, что проповедь звериного национализма создаст морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над порабощенными народами. Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского

государства. Идеология и политика расовой ненависти являются одним из факторов развала гитлеровского разбойничьего блока. Нельзя считать случайностью тот факт, что против немецких империалистов поднялись не только порабощенные народы Франции, Югославии, Польши, Чехословакии, Греции, Бельгии, Дании, Норвегии, Голландии, но и бывшие вассалы Гитлера — итальянцы, румыны, финны, болгары. Гитлеровская клика своей людоедской политикой восстановила против Германии все народы мира, а так называемая «избранная немецкая раса» стала предметом всеобщей ненависти.

В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев.

Теперь, когда Отечественная война идет к победоносному концу, во всем величии встает историческая роль советского народа. Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества.

3. Упрочение и расширение фронта противогерманской коалиции. Вопрос о мире и безопасности

Истекший год был годом торжества общего дела противогерманской коалиции, во имя которого народы Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки объединились в боевой союз. Это был год упрочения единства и согласованности действий трех основных держав против гитлеровской Германии.

Решение Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии и блестящая реализация этого решения представляют один из ярких показателей упрочения фронта противогитлеровской коалиции. Мало найдется в истории планов больших военных операций о совместных действиях против общего врага, которые были бы осуществлены с такой полнотой и точностью, с какой был осуществлен план о совместном ударе против Германии, выработанный на Тегеранской конференции. Не может быть сомнения, что без наличия единства взглядов и согласованности действий трех великих держав Тегеранское решение не могло быть реализовано с такой полнотой и точностью. Несомненно также, с другой стороны, что успешное осуществление Тегеранского решения не могло не послужить делу упрочения фронта Объединенных Наций.

Столь же ярким показателем прочности фронта Объединенных Наций нужно считать решения конференции в Думбартон-Оксе по вопросу об организации безопасности после войны. Говорят о разногласиях между тремя державами по некоторым вопросам безопасности. Разногласия, конечно, есть, и они будут еще также и по ряду других вопросов. Разногласия бывают даже среди людей одной и той же партии. Тем более они должны иметь место среди представителей различных государств и различных партий. Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трех великих держав и, в конечном счете, разрешаются по линии интересов этого единства. Известно, что более серьезные разногласия существовали у нас по вопросу открытия второго фронта. Однако известно также и то, что эти разногласия были разрешены, в конце концов, в духе полного согласия. То же самое можно сказать о разногласиях на конференции в Думбартон-Оксе. Характерным для этой конференции является не то, что там вскрылись некоторые разногласия, а то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия. Вот почему я думаю, что решения конференции в Думбартон-Оксе следует рассматривать как один из ярких показателей прочности фронта противогерманской коалиции.

Еще более ярким показателем упрочения фронта Объединенных Наций нужно считать недавние переговоры с главой правительства Великобритании господином Черчиллем и министром иностранных дел Великобритании господином Иденом в Москве, проведенные в дружественной обстановке и в духе полного единодушия.

На всем протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противопоставить друг другу Объединенные Нации, вызвать среди них подозрительность и недружелюбие, ослабить их военные усилия взаимным недоверием, а если удастся — и борьбой друг с другом. Подобные стремления гитлеровских политиков вполне понятны. Для них нет большей опасности, нежели единство Объединенных Наций в борьбе против гитлеровского империализма, и для них не было бы большего военно-политического успеха, нежели разобщение союзных держав в их борьбе против общего врага. Известно, однако, сколь тщетными оказались потуги фашистских политиков расстроить союз великих держав. Это означает, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы.

Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет войны и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны.

Истекший год был, однако, не только годом упрочения противогерманского фронта союзных держав, но и годом расширения этого фронта. Нельзя считать случайностью тот факт, что вслед за Италией из войны были выведены и другие союзники Германии — Финляндия, Румыния, Болгария. Следует отметить, что эти государства не только вышли из войны, но и порвали с Германией и объявили ей войну, примкнув, таким образом, к фронту Объединенных Наций. Это означает без сомнения расширение фронта Объединенных Наций против гитлеровской Германии. Не может быть сомнения, что последняя союзница Германии в Европе — Венгрия также будет выведена из строя в ближайшее время. Это будет означать полную изоляцию гитлеровской Германии в Европе и неизбежность ее краха.

Объединенные Нации стоят перед победоносным завершением войны против гитлеровской Германии.

Война с Германией будет выиграна Объединенными Нациями — в этом теперь уже не может быть никакого сомнения.

Выиграть войну с Германией — значит, осуществить великое историческое дело. Но выиграть войну еще не значит обеспечить народам прочный мир и надежную безопасность в будущем. Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, — если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени.

После поражения Германии она, конечно, будет разоружена как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Было бы, однако, наивно думать, что она не попытается возродить свою мощь и развернуть новую агрессию. Всем известно, что немецкие заправилы уже теперь готовятся к новой войне. История показывает, что достаточно короткого периода времени в 20–30 лет, чтобы Германия оправилась от поражения и восстановила свою мощь. Какие имеются средства для того, чтобы предотвратить новую агрессию со стороны Германии, а если война все же возникнет — задушить ее в самом начале и не дать ей развернуться в большую войну?

Этот вопрос тем более уместен, что, как показывает история, агрессивные нации как нации нападающие обычно бывают более подготовлены к новой войне, чем миролюбивые нации, которые, будучи не заинтересованы в новой войне, обычно опаздывают с подготовкой к ней. Это факт, что агрессивные нации в нынешней войне еще перед началом войны имели уже готовую *армию вторжения*, тогда как миролюбивые нации не имели даже вполне удовлетворительной *армии прикрытия* мобилизации. Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как «инцидент» в Пёрл-Харборе, потеря Филиппин и других островов в Великом океане, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония как агрессивная нация оказалась более

подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединенные Штаты Америки, придерживавшиеся миролюбивой политики. Нельзя также считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия как агрессивная нация оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз. Было бы наивно объяснять эти факты личными качествами японцев и германцев, их превосходством над англичанами, американцами, русскими, их предусмотрительностью и т. д. Дело здесь не в личных качествах, а в том, что заинтересованные в новой войне агрессивные нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для этого силы, бывают обычно — и должны быть — более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне. Это естественно и понятно. Это, если хотите, историческая закономерность, которую было бы опасно не учитывать.

Следовательно, нельзя отрицать того, что в будущем миролюбивые нации могут вновь оказаться застигнутыми врасплох агрессией, если, конечно, они не выработают уже теперь специальных мер, способных предотвратить агрессию.

Итак, какие имеются средства для того, чтобы предотвратить новую агрессию со стороны Германии, а если война все же возникнет — задушить ее в самом начале и не дать ей развернуться в большую войну?

Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально необходимое количество вооруженных сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости применить без промедления эти вооруженные силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

Это не должно быть повторением печальной памяти Лиги Наций, которая не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии. Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своем распоряжении все необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию.

Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие.

* * *

Товарищи!

Советский народ и Красная Армия успешно осуществляют задачи, вставшие перед ними в ходе Отечественной войны. Красная Армия достаточно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу Отчизну от врага. Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы. Есть основание рассчитывать, что эта задача будет выполнена Красной Армией в недалеком будущем.

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует наш славный Военно-Морской Флот!

Да здравствует могучий советский народ!

Да здравствует наша великая Родина!

Смерть немецко-фашистским захватчикам!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 122–132.

Обращение председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного главнокомандующего И. В. Сталина к народу

9 мая 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного командования союзных войск и Верховного главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем права верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов мира и между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 148–149.

Выступление председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного главнокомандующего И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками фронтов и командармов Красной армии

24 мая 1945 г.

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я как представитель нашего Советского правительства хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа!

Опубликовано: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 151.

Обращение к народу председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного главнокомандующего И. В. Сталина

2 сентября 1945 г.

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году, во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пёрл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте — в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Опубликовано: Правда. 1945. 3 сентября.

Именной указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Географический указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

Политика и стратегия Победы:
стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Стребков, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Э. А. Суровый*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 28.01.15. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ №   .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
ООО «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 28-30, корпус 1, помещение 014П

